

ЮИНА

НИКОЛАЙ
Костомаров

ЮИНА

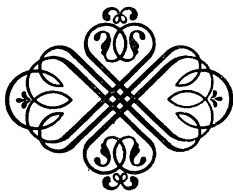
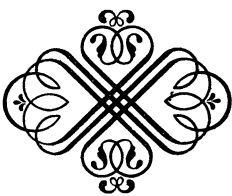
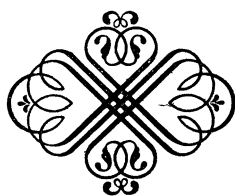
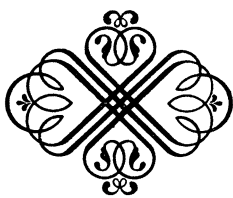
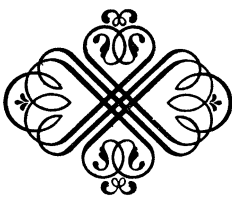
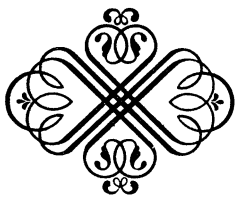
НИКОЛАЙ
Костомаров

ДИР

АКТУАЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ
РОССИИ

Н.И.КОСТОМАРОВ

руина
мазѣпа
мазѣпинцы

Старин

1995

ББК 63.3/0/51

К72

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ, СОСТАВИТЕЛИ СЕРИИ:

С. Е. Угловский, П. С. Ульяшов, В. Н. Фуфурин

Художник В. Бобров

Костомаров Н. И.

К 72

«Руина», «Мазепа», «Мазепинцы» Исторические монографии и исследования. (Серия «Актуальная история России»). М.: «Чарли», 1995. — 800 с.

Иные времена по запутанности и драматизму событий нередко напоминают своего рода детектив, в особенности когда совершаемые историческими персонажами действия подпадают под разряд преступлений, влекущих и соответствующую кару. При этом «расследование» причин преступлений растягивается порой на века, что подтверждают и включенные в эту книгу сочинения Н.И. Костомарова «Руина», «Мазепа», «Мазепинцы», составляющие своеобразную трилогию. «Руина» — «смутное время» в истории Украины, последовавшее вскоре за судьбоносной Переяславской Радой 1654 г. Сегодняшнее «смутное время» прямо перекликается с той эпохой. Вновь Россия и Украина оказались перед дилеммой: быть ли им в прочном братском союзе или вследствие неразумных действий современных мазеп обречь свои народы на разорительные междоусобицы, ненужные страдания и гибель. Знакомство с публикуемыми в томе работами выдающегося русско-украинского историка поможет читателям определить в оценке современных событий, а, возможно, и сделав правильный выбор в трудноразрешимой ситуации...

Книга воспроизводится по Санкт-Петербургскому изданию 1903—1906 гг. В тексте отчасти сохранены орфография и пунктуация автора.

Все права на распространение книги принадлежат фирме «Чарли». Контактный телефон: 233-08-07.

ISBN 5-86859-0-18-X

К $\frac{4306000000-378}{6C5(03)1-95}$ Без объявл.

© Разработка серии, П. Ульяшов
© Худож. оформл. «Чарли», 1995

руина

ВВЕДЕНИЕ

РУИНА

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОНОГРАФИЯ

1663—1687 гг.

«Руиною» называется в истории малороссийского края время смут, потрясавших этот край во второй половине XVII века — преимущественно с разделения гетманщины на два гетманства по двум сторонам днепровского побережья. Этот период можно считать со второй половины 1663 по июль 1687 года, в управление трех утвержденных московскою властью один за другим гетманов: Бруховецкого, Многогрешного и Самойловича — до избрания, вместо последнего, в гетманы Мазепы. Название «Руина» — не выдуманное; оно осталось в народном воспоминании, особенно по отношению к правобережной Украины, которая буквально была обращена в «руину»; лишившись своего народонаселения на некоторое время, тамошний край превратился совершенную пустыню. Настоящая монография служит непосредственным про-

должением наших двух монографий: «Гетманство Выговского» и «Гетманство Юрия Хмельницкого», печатанных некогда в периодических изданиях, а потом вошедших в сборник наших исторических трудов, под названием: «Историческая монография и исследования».

При составлении новой монографии мы руководствовались главным образом документами московских архивов иностранных дел и юстиции; некоторая часть этих документов была напечатана в изданных археографическою комиссиею, под нашею редакциею, «Актах, относящихся к истории Южной и Западной России». Затем мы пользовались и другими историческими печатными источниками, как русскими, так и иностранными, указания на которые приводятся в надлежащих местах.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Гетманство Бруховецкого.

I

Правобережный гетман Тетеря приглашает польского короля к походу против Московского Государства. — Вступление польского войска в Украину. — Совет в Белой Церкви. — Ставище — склад боевых запасов. — Переход через Днепр. — Универсалы Тетери. — Запорожская Сеча. — Косагов. — Серко. — Битвы с татарами, тогдашними союзниками Польши.

Осенью 1663 года, после казни Сомка с товарищами и после ссылки других лиц в Сибирь, Бруховецкий утвердился в своем гетманстве над Украиной левой стороны Днепра. Новому гетману предстояла борьба с соперником, с гетманом на правой стороне, утвержденным в своем достоинстве польским королем. То был Тетеря. Избранный еще в январе 1663 года, он с самого своего избрания приглашал короля Яна Казимира двинуться с войском в Украину и предпринять возвращение под власть Польши левой стороны Днепра, захваченной Москвою. Человек хитрый, честолюбивый столько же, как и корыстолюбивый, Тетеря перед королем и панами прикидывался, будто решил принять гетманское достоинство, единственно исполняя волю своего государя, польского короля, и опасаясь оскорбить его отказом. В письме своем к Яну Казимиру, от 15-го июля, он жаловался, что, ставши гетманом, попал в лабиринт зол и затруднений, уверял в готовности всегда оставить гетманский сан без всяких для себя почестей и преимуществ, но покамест просил вспомогательных сил. 25-го июля он отправил к королю посланцами Гарадзу и Олистратенку и просил, чтобы король осчастливил Украину своим посещением, принявши лично начальство над войском, туда назначенным. «Великое Княжество Литовское (писал он тогда к коронному канцлеру Пражмовскому) часто имеет ту консоляцию, что его королевское величество не отказывает ему в своем посещении, а мы, жители Княжества Русско-

го, и Войско Запорожское признаем* своим особенным несчастьем, что нам *adimitur aspectus* (отъемлетя лицецзрение) его величества». Тетеря указывал, что присутствие короля полезно подействует против московских козней, будет удерживать в повиновении и верности русский народ в Украине, увлекающийся непостоянством именно оттого, что не знает и не видал никогда в лицо королевской особы; оно укрепит и союз с татарами, которые, по замечанию Тетери, уже начали лукавить. Наконец, прибытие короля полезно будет и потому, что тогда он сам лично может поставить над козаками гетмана, а сам Тетеря продолжал изъявлять готовность отказаться от возложенной на него должности.

Король Ян Казимир по таким подущениям стал готовиться к походу. Некоторые паны были против такого похода и в числе их знаменитый государственный человек и полководец польский Юрий Любомирский. Он представлял королю, что нельзя ни доверять козакам, ни возлагать надежду на союз с татарами; притом, если уже идти в поход, то, по мнению Любомирского, надлежало идти с весны, и для этого созвать «посполитое рушенье». Король не только не послушался такого совета, но окончательно не поладил с Любомирским, которого уже и прежде не любил за его обличения злоупотреблений в финансовом управлении. Любомирский, раздосадованный тем, что его советов не слушал король, отказался идти в предполагаемый поход, а король не дозволил участвовать в этом походе и полку, устроенному Любомирским.

В начале сентября прибыл король в Сокольники, и там учинен был смотр войска. Нашли его в количестве сорока тысяч; оно казалось красиво, но уже тогда представлялась опасность, что, при обычной в Польше неисправности в платежах жалованья служащим, многие скоро уйдут из войска.

15-го сентября назначено было выступить. Войско пошло тремя отрядами и тремя путями. Первый отряд под командою коронного гетмана Потоцкого двинулся на Тарнополь, другой — под начальством русского воеводы Чарнецкого на Дубно, третий — Яна Собеского на Бар, где надлежало сойтись ему с союзными татарами, которые с своим ханом Махмет-Гиреем стояли уже на Цецорских полях. Хан писал к королю, что хотя падишах и повелевал ему идти с ордою против немецкого императора, но он, хан, предпочитает всему на свете дружбу с королем и желает заодно с поляками воевать московитян, исконных врагов татарского народа. Сам король шел с частью войска, составлявшего четвертый отряд, бывший под командою лифляндца Бокуна. Из-под Сокольников король двинулся в Белый Камень и там расстался с королевой; проводивши супруга, она вернулась в Варшаву; король с военною силою отправился в Подгайцы¹.

¹ Местечко на реке Коронце, в Галиции.

Простоявши там шесть дней, пока починали переправы на реках, король прибыл в Шароград. Тем временем Собеский сошелся с передовым татарским отрядом, находившимся под начальством Дедыш-аги; Собескому сообщили, что вслед за этим татарским отрядом идет орды сорок тысяч, под начальством двух султанов, а если этого для поляков окажется недостаточно, то явится сам хан со всею крымскою силою, какая у него есть под властью.

8-го октября прибыл король в Белую-Церковь; то была уже середина Украины. Здесь явился королю Тетеря и полковники правобережных козацких полков, находившихся под начальством гетмана Тетери; тут были в числе их: Ханенко, Милешко, Гоголь, Богун, Гуляницкий; все кланялись королю как своему государю и изъявляли готовность жертвовать за него жизнью. Всех насчитывали их тринадцать. Здесь явилась тогда депутация от православного духовенства с архимандритом Гедеоном, бывшим гетманом Юрием Хмельницким. Только что перед тем совершился в Киеве выбор митрополита — событие всегда важное для Украины и особенно важное при тех смутных обстоятельствах, в каких колебался край: нравственное и политическое положение народа много зависело от того, чьим сторонником — Московского Государства или Польши, явится новый владыка. Большинством голосов избран был белорусский епископ Иосиф Тукальский. Королю этот выбор не нравился; не нравился он и коронному канцлеру Пражмовскому. Угодничая им, пытался было Тетеря не допустить такого избрания, но не мог сделать ничего. Говорили, что Гедeon Хмельницкий, теперь являвшийся к королю на челе депутации от духовенства, сам хотел быть избранным в сан митрополита. Королю во всяком случае желалось, чтобы этот человек, а не кто другой стал тогда главным святителем Южной Руси. Королю и вообще полякам думалось, что такого святителя можно будет повернуть куда угодно, а следовательно, употребить орудием для служения известному польскому замыслу — введению унии. Тетере во время выбора хотелось услужить полякам, однако он должен был теперь сознаться в своей бессилии в духовном деле.

В Белой-Церкви на собранном у короля военном совете возникло два противоречивых мнения; одни говорили, что надобно со всеми силами вторгнуться в пределы Московского Государства и отвоевать обратно левобережную Украину; другие находили, что лучше вести войну на берегах Днепра, но не удаляясь далеко в глубь левой стороны. Первое мнение взяло верх, тем более, что его поддерживали и Тетеря, и татарский предводитель Дедыш-ага, твердивший, что воевать в чужой земле всегда лучше, нежели в своей. Решили в местечке Ставище устроить центральный склад боевых принадлежностей. Для его охранения с отрядом оставлен был полковник Себастиан Маховский.

Гетман Тетеря прилагал старание расположить козаков и народ левой стороны в пользу польского короля. 22-го октября он распустил универсал, в котором убеждал жителей склониться на польскую сторону и отступить от Москвы. «Левая сторона Днепра», — писал он, — «отпавши от короля, своего наследственного государя, и отдавшись под высокую руку московского царя, попала в неволю. Уже многих знатных особ казнили, пожитки и имущества других захватили, женщин и детей загнали в неволю. Услышал об этом милосердый король, государь ваш, соболезнует он о разорении людей своих, и, решившись подвергать опасностям свое королевское здравие, идет против неприятелей с тем, чтоб освободить вас, своих подданных, и, соединивши, учинить мир. По долгу христианской любви и по своей гетманской обязанности — остерегаю вас. У короля сила не малая, и наше козацкое войско идет с ним, и орды сильные с самим ханом придут; если вы поклонитесь королю вашему, то забвенны будут прежние вины ваши и вы останетесь в милости у короля».

Мало влияния оказали такие воззвания на жителей левой стороны. Только городки Поток, Переволочна и Кременчуг поддались правобережному гетману, и сам Тетеря поспешил в Кременчуг, но вскоре Пархом Нужный, войскового генеральный есаул Бруховецкого, овладел Потоком, потом приступил к Кременчугу. За Нужным явился под Кременчугом сам гетман Бруховецкий с царским воеводою, находившимся при его особе, Кириллом Хлоповым. Тетеря поспешил убраться обратно за Днепр, но оставил в Кременчуге своих правобережных козаков, засевших во внутреннем городе, составлявшем сердцевину Кременчуга.

13-го ноября король с своим войском переправился через Днепр у Ржищева. Татары переплывали Днепр под Трипольем, своим обычным способом — держась за хвосты своих лошадей. Тетеря снова явился в Кременчуге и тогда отправил посольство в Сечу с увещательною грамотою. Он напоминал запорожцам, что их деды и прадеды, находясь под королевскою, а не под иною властью, рождались и славы добывали на море и на суше, обещал от имени короля милости и сохранение вольностей, уверял запорожцев, что сам не желает гетманской власти и готов перед ними снять с себя уряд, предоставляя запорожским товарищам право избрать, кого захотят сами. Он обещал особую милость от короля кошевому Серку и обнадеживал его, что если он передастся на королевскую сторону, то польское войско выведет его семью из Полтавы, где она тогда находилась, и, таким образом, поляки избавят ее от царского мщения за дружбу с поляками.

В Запорожской Сече находился с царскими ратными силами стряпчий Косагов, прибывший туда в конце сентября. В октябре, вместе с Серком и запорожцами, он отправлялся в поход против

татар и чуть было не взял Перекопа: турки и крымцы успели подойти к ним сзади, русские отступили, но увели с собой много пленных, которых всех, не включая женщин и детей, Серко приказал перебить. Впоследствии Серко в своем донесении извинял такое варварство, будто это сделалось по причине свирепствовавшего тогда в Крыму морового поветрия; но запорожские посланцы, бывшие в Москве, объяснили, что никакого поветрия не было, а сделалось так по войсковому приговору. Запорожское товарищество, находясь под нравственным влиянием Серка, всячески показывало преданность и угодливость московскому государю, и Косагов в своих донесениях, отправляемых в малороссийский приказ, мог только хвалить запорожцев за это, но в другом тоне пришлось ему отписываться, когда в Сечу дошли универсалы Тетери. Правда, большая часть товарищей не хотела слушать воззваний заднепровского гетмана, прислужника ляхов, но общество запорожское было так же разнообразно, как и непостоянно. Сам Серко был человек характера, легко поддававшегося впечатлениям, не отличался всегда твердостью и постоянством в раз принятом направлении; в то время не было ничего, что бы могло возбудить в нем какую-нибудь досаду и нерасположение к Москве, а потому он тогда был искренно предан московской стороне. Но мимо него в Сече нашлось не мало таких, которым было по вкусу, что Тетеря подает им повод к волнениям, и положение находившегося в Сече предводителя царской рати стало ему казаться не безопасным. «Пришло, кажется, последнее мое», — писал Косагов к отцу своему: — «верно, мне уже не быть дома и не видеть тебя, государя моего. Если черкасские города сдадутся королю, то и Запорожье сдастся ему, и тогда мне с Серком тут будет мат!». Бывшие с Косаговым великороссийские ратные люди — копейщики, рейтары, солдаты и донские козаки, по обычаю стали бегать, и это, по донесению Косагова, делалось тогда не от голода: разнесся слух, что ляхи, татары и изменники черкасы хотят приходить в Сечу. Побегу ратных до того умножились, что с Косаговым осталось великороссиян всего двести человек.

Но храбрый и на то время верный Серко успел на время удержать товарищей и направить их на дело, полезное царю. К счастью Косагова, к нему прибыли калмыки, заклятые враги крымцев, всегда готовые помогать той стороне, которая была в войне с последними. 6-го декабря Серко с запорожцами и Косагов с калмыками отправились снова против татар, с целью помешать ханскому походу на помощь к польскому королю. Запорожцы пожгли несколько татарских аулов около Перекопа, освободили более сотни малороссийских и великороссийских полоненников и 16-го декабря нанесли поражение перекопской орде: ее начальник Карачей, его брат, его племянник, его писарь и казначей пали в

этой битве. Извечные враги крымцев калмыки с остервенением кололи всех и не позволяли брать никого живьем в плен. Эта победа была тем блистательнее, что с Серком было всего девяносто сечевиков, а у Косагова, кроме калмыков — великороссийских ратных людей всего тридцать и донских казаков шестьдесят человек; татар же с Карабчей-мурзою участвовало в этой битве до тысячи.

Важнее всего последствием этой победы было то, что хан крымский долго после того не решался выступить с ордою в Украину на помощь королю, а счел нужным оберегать с севера пределы крымских юрт от вторжения запорожцев и калмыков.

У польского короля после перехода через Днепр было намерение овладеть Киевом, но такое намерение было оставлено. Киев был самым крепким городом и тратить над ним время сочли неуместным; поляки надеялись, что когда весь край будет завоеван, то Киев и сам сдастся победителям. На левой стороне Днепра не встречали они против себя московских сил, но, слыша, что Ромодановский где-то далеко стоит, думали, что он полководец великого ума и сообразительности, что он нарочно прикидывается медлительным и мало искусным в военном деле, а у него расчет хитрый и очень верный: «этот москвитин понял, что поляк горяч, словно солома — скоро загорается и скоро сгорает и огня после мало оставляет; поэтому-то Ромодановский стоит с войском на одном месте, разославши по сторонам отряды, чтоб у нас живность отнимать, и мы бы, в чужой земле находясь, голод терпели». Бруховецкий, напротив, из Кременчуга посылал в приказ жалобы на Ромодановского, что он не слушает царских указов и не спешит с войском на оборону малороссийского края: всю осень продержал войско в сборе, как будто наготове к военному походу, а как только слух пошел, что король переходит Днепр и вступает в малороссийский край, то словно умышленно своих ратных по домам распустил. На самом деле Ромодановский не был отличным стратегом, как подозревали о нем враги, но не был и виновен, как доносил на него Бруховецкий, обвинявший его почти в измене. Ромодановский действовал, строго подчиняясь царским указам. Он по царскому указу распустил из Белграда ратных людей по домам на один месяц, а когда услышал о вторжении польского войска и получил новый царский указ, тотчас разослал в разные города гонцов с отписками о высылке ратных людей, отправил к Бруховецкому своего товарища Петра Скуратова с вспомогательным отрядом и обещал гетману идти на соединение с ним, как только ратные, отпущенные по домам, соберутся. Ромодановский слушался своего правительства, которое поступало по давнему московскому обычаю — распускать военные силы, как только не предвидится близкой опасности, и тем подавать повод врагам делать неожиданные вступления в пределы государства.

После прихода Скуратова Бруховецкий доносил в Приказ, что и теперь с Хлоповым и Скуратовым все-таки он не в состоянии выступить против польской силы и просил, чтоб указано было Ромодановскому и Петру Шереметеву идти с своими ратями на выручку Малороссии.

II

Движение польского войска в левобережной Украине. — Взятие Воронкова, Барышполя, Остра, Ромна, Борзны, Солтыковой-Девицы, Сосницы. — Осада Глухова. — Неудачные приступы. — Отступление к Новгород-Северску. — Стычка под Пироговкой. — Колебание малороссиян. — Казнь Богуна.

Польские источники передают, что тотчас после переправы поляков через Днепр у Ржищева к королю приезжал московский гонец с изъявлением от своего правительства готовности начать переговоры о мире. Гонцу дан был ответ, что поляки не прочь толковать о мире, если московский царь пришлет своих уполномоченных для этой цели. Но польские паны, окружавшие короля, рассуждали, что не следует поддаваться уловкам неприятеля, который думает как-нибудь продлить время в своих видах.

Вступивши в левобережную Украину, польское войско мало везло за собою продовольствия, надежда была найти все нужное в изобилии в неприятельской стране. Оказалось, однако, что войско в этой неприятельской земле не так легко могло доставать себе все нужное. За сбором провианта и фуража посылались отряды; козаки нападали на эти отряды, иногда отбивали возы, нагруженные запасом, иногда и самих жолнеров истребляли. От этого польское войско не получало необходимого; сперва пехота стала терпеть голод, а за нею конница; то же и лошади пропадали от бескормицы.

Приходилось полякам на пути разделяться с укрепленными городами, а таких городов впереди насчитывали поляки до трехсот. Из них прежде всего удачно расправились поляки с Воронковым: он был ограблен и сожжен войсковою прислугою, которая у поляков называлась лузьною челядью (*luznaczeladz*). За Воронковым следовал Барышполь, также укрепленный. Сначала барышпольцы храбрились и на требование поляков сдать городок отвечали: «мы вам дороги не загораживаем, можете себе идти мимо наших валов, только нас не зацепляйте, а если зацепите, то знайте, что и мы не без рук, и Москва от нас недалеко: придут к нам на выручку». Польный коронный писарь Сапега взялся добыть местечко; пехота пошла на приступ; бросили в городок несколько бомб и гранат; загорелось местечко, москвитяне не приходили на выручку; тогда духовные первые подали совет сдаться. Известили

барышпольцы Сапегу, что готовы просить у короля пощады и милосердия. Ворота местечка отворились, вышли впереди всех духовные, заправлявшие сдачей городка, за ними жители вели выдавать полякам своего сотника Собу, советовавшего держаться до крайности. Этим барышпольцы купили себе жизнь, но затем должны были доставлять провиант и скот для польского войска.

По невообразимой осенней слякоти двигалось польское войско до Остра. Этот городок лежал в углу, образуемом Десною и впадающими в Десну Остром и Папроком. С одной стороны городок защищали болота, с других сторон были выведены укрепления. Осенний разлив воды в тот год был так велик, что поляки острили, называя город плавающей уткой. Король послал требование сдаться.

«Мы не можем сдаться, еслиб даже и захотели» — отвечали полякам жители: — «город наш охраняют московские ратные люди, у них во власти и ворота, и вал, и все укрепления».

Взять этот городок было трудно, но, к счастью поляков, вдруг стало мерзнуть, и притом так быстро и сильно, что через несколько дней можно было уже ходить по льду. 6-го декабря польская пехота разложила по льду фашинник и стала подходить к городку, а войсковая прислуга пустилась в пригородные села набирать дерева; разбирали для этого даже хаты и стали строить мост. Таким средством успели приблизить к городу пушки, которых невозможно было повезти по льду, еще неокрепшему, начали из них пускать ядра и гранаты, а пехота пошла на приступ. Остерские обыватели усердно помогали козакам и приступ отбили; но польские ядра и гранаты сделали свое дело. В полночь поднялся в городе шум и крик, а утром из города сообщили полякам, что московский гарнизон ушел из города, и тогда поняли поляки, что происходил шум ночью во время ухода москвитин, которых, как они догадались, вовсе и не было слишком много. Король обещал остерцам пощаду, если обяжутся давать провиант на войско.

Здесь военный совет решил дать войску роздых и переждать время наступивших тогда жестоких холодов; жолнеров развели по зимним квартирам, и сам король поместился в предместье, в хатке, наскоро выстроенной нарочно для него. С ним было два полка телохранителей и королевская прислуга. В таком положении поляки проводили праздники Рождества Христова.

Между тем другая часть войска, что была под начальством Чарнецкого, отправлена была в сторону от Остра — приводить городки и местечки к повиновению королю. К Чарнецкому примкнул отряд правобережных козаков под начальством полковников Богуна и Гуляницкого. Отряженный Чарнецким, Тележинский взял Ромен: жители выпустили московских ратных людей задними воротами и сами за ними ушли из городка, оставивши свои дома

пустыми во власть врага. Тележинский велел в окрестностях собирать провиант и фураж. Вслед за Ромном стали сдаваться и другие городки и местечки; сдавались они преимущественно Богуну, потому что имя этого сподвижника Хмельницкого было еще в уважении и в славе у малороссийского народа. В некоторых местечках малороссияне не только сдавались на королевское имя, но и сами присоединялись к отряду Богуна. Только местечко Монастырище упорно сопротивлялось полякам и было разорено жолнерами: тамошние козаки и жители в наказание за свое упорство были отданы татарам в полон. Но когда одни поляки брали русские местечки, русские платили за то другим полякам: козацкие ватаги нападали на жолнеров, расположенных на квартирах около Остра, и беспрестанно тревожили их.

Обогатившись ясыром, татары оставляли поляков и уходили прочь с толпами малороссийских пленников; напрасно король силился подарками удержать их салтанов. «Мы уже и так довольно помогли вам» — отвечали салтаны. В утешение полякам один мурза именем своего хана обещал королю, что скоро снова придет на помощь полякам свежая орда. Утрата союзников побудила короля потребовать к войску козацкого гетмана Тетерю с тем козацким войском, которое оставалось на правом берегу Днепра. В то же время послано было приказание литовскому войску приблизиться к королевскому для совместного действия против неприятеля. После рождественских праздников король решился не терять больше времени и идти прямо в границы Московского Государства.

В первых числах января 1664 года король Ян Казимир выступил из Остра; затем и все его войско оставило зимние помещения. Поляки обогнули Нежин, не отважившись нападать на него, потому что этот город был и укреплен, и снабжен значительным гарнизоном; поляки пришли на Олишевку.

Богун, между тем, взял Борзну, где находился тогда лубенский полковник; город Борзна сдался без сопротивления; сам лубенский полковник изъявлял готовность покориться королю. Гетман Тетеря, получив приказание присоединиться к королевскому войску, проходил через Прилуки и Ичню.

На пути королевскому войску стояло на берегу Десны местечко Солтыкова-Девица. По известию польского летописца, это местечко было притоном всякого рода бродяг, живших грабежом; награбив в разных местах чужое добро, они свозили награбленное в это местечко и торговали, то продавая, то променивая добычу. Так изображают это местечко польские источники. Местечко это было укреплено палисадом и валами; к нему примыкал замок в виде полумесяца; его обтекала с трех сторон река, не замерзавшая в жестокую стужу, потому что в глубине ее на дне струилось

множество родников. Замком и местечком начальствовал какой-то донской козак, по прозвищу Трикач. Жители решились упорно защищаться, но на случай, если уж никак невозможно будет удержаться, приготовили себе меры к спасению. Они затопили в воде паромы в противоположной стороне от той, откуда приходило польское войско, надеясь приподнять эти паромы, когда нужно будет — и ускользнуть на них. Эта предосторожность им же во вред обратилась. Королевский трубач, подъехавши к валу городка, закричал:

«Солтыкова-Деввица должна сдаться его величеству королю, своему законному государю».

Ему отвечали с вала:

«Солтыкова-Деввица принадлежит не королю, а его царскому величеству».

После того в другой раз с тем же предложением послал король трубача.

Козаки на этот раз ответили выстрелами из смиговниц (род старинных стенных пушек).

Тогда поляки острили: «упрямая Деввица! она достойна того, чтобы быть изнасилованною!»

Король приказал идти на приступ.

Зимний день склонялся к вечеру. Раздались пушечные выстрелы; дым поднялся тучею, помрачившею дневной свет; ядра и гранаты полетели в местечко; пехота полезла на валы. Козаки мужественно отбивались, пехота подалась назад; затем козаки сами сделали три вылазки одну за другою. Уже стало смеркаться. Пехота еще раз попыталась начать приступ и катила перед собою заставы из бревен для защиты от выстрелов. Но козаки и теперь отбили наступающих с прежнею храбростью.

Ночь уже покрыла землю. Бой продолжался. Но в то время, когда козаки бились на вылазке, польская войсковая прислуга толпою отправилась на противоположную сторону местечка — искать брода, и случайно открыла затопленные в воде паромы. Поняла прислуга, в чем дело; тотчас принялись копать плотину: вода ринулась через прокоп, паромы поднялись, бросились на них жолнеры, достигли дубового палисада, составлявшего стену замка, и принялись топорами рубить палисадные бревна. Отпора не было: в замке были только женщины и дети, которых оставили там козаки, вышедшие на вылазку. Они надеялись, что их семьи вполне будут безопасны в этом замке, пристроенном к местечку. Но польская войсковая прислуга, открывши убежище козацких семей, дала знать в польское войско; жолнеры массою бросились туда и подвезли тараны для скорейшего разрушения стен. Тут козаки, бывшие на вылазке, бросились назад, но спасения их семьям уже не было: в палисаде сделано было несколько проломов.

«Згода! милосердия!» — кричали козаки.

Поляки обещали им милосердие, если сдадутся, и русские отворили им ворота, покидали оружие.

— Нет вам милосердия! — запели им тогда поляки. Распившие жолнеры, опьяневшие от торжества победы, темною ночью неистово истребили и старых и малых, и мужчин и женщин, сами не видя впотьмах, кого бьют. «Мстим за наших погибших братьев! — кричали они. Упрямая Девица, потанцуй-ка теперь с нами военный танец! Пропала твоя краса, пропали твои наряды! Вместо свадьбы, погребение твое празднуется!»

Невозможно было остановить одуревших от крови жолнеров. Какой-то капитан вздумал было чересчур энергически удерживать ярость жолнеров, и те его искалечили. До десяти тысяч народа обоего пола, всякого возраста, погибло в этой свирепой резне. Начальник Трикоч найден мертвым с простреленным горлом. Украинский летописец иначе описывает покорение поляками этого местечка: он говорит, что поляки вытеснили русских из местечка в замок, потом брали их там приступом несколько дней: русские, дошедши до крайности, увидали, что нет им спасения, — просили пощады; поляки им пощаду обещали, но не сдержали обещания.

После взятия Солтыковой-Девицы войско двинулось к Соснице; на дороге пойманные языки наговорили, что в Соснице находятся московские посланники, что они привезли с собою от своего государя тридцать больших возов, нагруженных деньгами, чтоб раздать эти деньги в жалованье козакам. Поверивши этой басне, поляки подступили к сотенному городу Соснице. По принятому поляками обычаю, прежде всяких военных действий послали они приглашение сдать. В Соснице не было сотника, он находился в Березной; козаки сосницкие сообразили, что при своем малолюдстве не в силах будут отстоять себя, и согласились. Поляки более всего старались добраться до московских людей с денежными возами, о которых им наболтали языки. Жители Сосницы выдали ехавших через их город московских людей. Последние уверяли, что никаких денег у них не было; они, напротив, ехали в Киев — забрать там сложную казну, составившуюся из податей, собираемых с украинских жителей в пользу царя. Московских людей подвергли пытке огнем, но они ничего не сказали под огнем более того, что прежде говорили, а только прибавили, видно, в утешение полякам, что вторжение польских войск в царские владения произвело большой переполох в самой Москве. Поляки заковали московских людей и держали под караулом; козацких же посланцев, из Батурина от Бруховецкого ехавших к царю в Москву и пойманных, казнили смертью как изменников. Так поступлено было с ними потому, что поляки признавали всех малороссиян вообще польскими мятежными подданными, а не иноземными неприятелями.

По взятии Сосницы король с войском двинулся к Новым Млинам. Местечко было не укреплено, а потому вовсе не сопротивлялось; польское войско прошло через него и расположилось станом за его пределами, разбивая шатры и разводя огонь. Канцлер Пражмовский, ехавший с важными бумагами и со множеством дорогих вещей, расположился ночевать в самом местечке. Про это проведал конотопский сотник Нужный, и со своими козаками ворвался в местечко, пользуясь продолжительностью зимней ночи. Канцлер едва успел выскочить и уйти от полона, но козаки захватили много ценных вещей, серебряную посуду королевского буфета, все бумаги канцлера и даже взяли канцлерскую серебряную чернильницу.

Сначала у короля была мысль идти на Батурин, где, как доносили языки, остановился тогда гетман Бруховецкий с главными силами козацкого войска. Для точнейшего дознания отправили туда подъезд. Воротившись назад, подъездчики донесли, что батуринская крепость довольно сильна, взять ее трудно, людей у Бруховецкого много; и козаки не допустили польских подъездчиков до хуторов, окружавших город Батурин. Сообразно такому донесению, король отменил намерение добывать Бруховецкого в Батурине и двинулся с войском далее на север.

Между тем литовский гетман Сапега и польный литовский же гетман Нац шли на соединение с королем. Московское войско под начальством князя Борятинского перегородило им путь под Брянском; там произошло сражение и окончилось без решительной выгоды и для той, и для другой стороны. Однако, в Путивле стоял князь Куракин и к нему шел в соединение князь Яков Куденетович Черкасский; эти московские воеводы намерены были не допустить литовского войска соединиться с коронным. Король услышал об этом и повернул с войском своим к Путивлю. Князь Черкасский уклонился от битвы и ушел лесом, а король не стал добывать Путивля: ему языки донесли, что туда прибыли свежие силы московского войска. Король повернул к Новгород-Северску и оттуда двинулся к Глухову.

Король расположился обозом за несколько верст от Глухова, а к городу отправил передовой отряд на выведку. Осажденные сделали вылазку, отогнали поляков, но последние успели схватить несколько плененников, годных быть языками. Они сказали, что глуховцы ожидают прибытия сильной московской рати для пополнения гарнизона. Полякам надобно было предупредить прибывающих. Король, не выходя сам из обоза, отправил Чарнецкого с пехотою и артиллерию на приступ.

В городе Глухове были козаки глуховской сотни под начальством Дворецкого и жители окрестностей, ушедшие в осаду. Но там был начальник и выше — генеральный судья Животовский. Был

там и гарнизон великорусских ратных людей под начальством Авраама Лопухина. Город был опоясан двойным валом и двумя рвами; глуховские козаки делали необходимые поправки в укреплениях и готовились биться с врагом, хотя бы многочисленным и сильнейшим. Удержать Глухов было не маловажным делом; от судьбы его зависели дальнейшие обороты войны: взятие Глухова открывало полякам путь в пределы Московского Государства, и потому полезно было для русского дела задержать их под Глуховом, пока тем временем от Батурина могли двинуться Бруховецкий и Ромодановский и ударить на королевское войско сбоку. Если бы поляки миновали этот город, как сделали с Батурином, то могли бы нанести царским владениям чувствительное опустошение.

Прежде всего Чарнецкий потребовал добровольной сдачи города. Ему отвечали отказом. Тогда Чарнецкий начал приступ.

С трех сторон ударили на Глухов. Прямо против входа, который назывался «водною брамою», поляки на скорую руку насыпали шанец, утвердили на нем пушки и стали из них метать ядра и гранаты; под прикрытием этих выстрелов пехота бросилась с другой стороны на вал, а с третьей стороны начали такой же приступ охотники и военная прислуга — лузьяная челядь. Но пальба из орудий не причинила глуховцам вреда; польский шанец с поставленными на нем орудиями расположен был на далеком расстоянии от города: выстрелы, пускаемые польскою артиллериею, достигали городских валов уже на отлете. Глуховцы бодро отбили неприятельский приступ на обеих сторонах, несмотря на то, что польские воины шли очень отважно: один другого вызывал на поединок, когда кто опережал кого, поспевая на приступ. Отбивши приступ, козаки сами сделали вылазку и нанесли вред неприятелю выстрелами из ручных самопалов.

Так неудачно для поляков окончился приступ в первый день; Чарнецкий и старые паны говорили тогда королю:

«Нам следует добыть этот городок, иначе будет нам срам. Мы обошли уже несколько таких городков, что и потверже укреплены. Как можем отважиться идти в глубь Московского Государства, когда не в силах овладеть пограничным местечком?»

Король послушался и приказал подвинуть обозы. Решили осадить Глухов, вести подкопы, произвести внезапный взрыв — и в то время двинуть пехоту чрез образовавшиеся от взрыва проломы в город.

Начали вести подземную галерею; она после некоторого протяжения раздвоилась: одна ветвь пошла к «водной бреме», другая к другой «бреме» и сделана была несколько глубже первой. Чтоб осажденные не догадались о подкопах, поляки продолжали делать приступы к городским валам, пока подкопы будут совсем готовы, но земля была мерзлая и неудобно было копать ее. Когда, наконец,

были подкопы готовы, вкатили туда несколько десятков бочек пороку. Одна из проведенных мин взорвана была не под самыми воротами «водной браны», куда ее направляли инженеры, а захватила часть вала: в прорву ринулась пехота, драгуны побросали лошадей и спешились, даже королевская гвардия поспешила к делу с мотыками и топорами, но с своей стороны осажденные устремили всю силу к опасному месту. Схватка завязалась отчаянная. Поляки влезали на вал, с гордостью водружали на нем свои хоругви, как знак победы, но потом падали стремглав с вала, сбиваемые выстрелами козаков; некоторые по кучам земли рассыпанного вала перебрались через ров и принялись рубить стоявшие за рвом палисады, но, сбрасываемые ударами защитников, слетали в ров, как в ад, по выражению польского историка. Счастливицы, успевшие заранее унести ноги, с прискорбием рассказывали товарищам, что через щели палисадов видели другой ров, а за рвом еще вал, и рассуждали, что если бы им удалось овладеть первою наружною линиею укреплений, то пришлось бы еще повозиться с другою, внутреннею. Так неудачно окончилась попытка ворваться в город через прорву, образованную подкопом, не дошедшим до ворот, куда он проводился. Поляки потеряли тогда более тысячи человек, немало и офицеров было убито.

Совершенно без последствий осталась другая ветвь подземной галереи, которая направлялась к другой бране. Работавшие над нею инженеры так дурно запаковали мину, что когда пришлось поджечь ее, то не произошло настоящего взрыва, а бывшие в польском войске козаки, которые должны были броситься к валу, в это время только кричали да стреляли на воздух: впоследствии открылось, что, сговорившись тайно с осажденными земляками, они умышленно действовали так, чтобы помешать полякам.

Битва продолжалась до сумерок. Ночью поляки стали подбирать тела своих убитых для погребения, но глуховские козаки, сделавши вылазку на подбиравших тела, многих из них перестреляли.

Так неудачны были все попытки взять городок и стоили полякам очень дорого. Современники поляки приписывали спасение Глухова храбрости и распорядительности Дворецкого. Между тем зимняя стужа сильно беспокоила польское войско; жолнерам приходилось, при постоянных военных трудах, терпеть от мороза, дурного помещения и недостатка в продовольствии и фураже.

Соображая эти обстоятельства, некоторые паны, окружавшие короля, стали подавать совет покинуть осаду и уходить. Король не поддавался на эти советы и говорил: «как? все московское царство трепещет от нас, а тут какой-нибудь плохой городок будет хвалиться, что мы не могли ему ничего сделать!» Еще сильнее короля вооружался против снятия осады Чарнецкий и говорил: «наших много легло, но ведь и врагов не мало погибло, много их

от ран изнемогает; сделаем еще приступ и попытаемся взорвать вал, они рады не рады, а должны будут сдаться».

По настоянию Чарнецкого, очень уважаемого за свою храбрость и военное искусство, решили снова вести подкопы и приступать к Глухову. Но тут пришло известие, что Бруховецкий с козаками и Ромодановский с ратною великороссийскою силою наступают на польское войско. Это понудило поляков оставить новые попытки к овладению Глуховом.

Приготавливаясь к встрече неприятеля открытым боем, польские военачальники устроили обоз свой к боевому походу и приказали держать день и ночь запряженных лошадей. Произошла битва, описанная подробно в летописи Величка. Мы не решаемся принять за достоверную историческую правду этого описания, потому что источник, передающий подробности этой битвы, нередко является неверным. Других описаний этой битвы ни в русских, ни в польских источниках мы пока не нашли, но что битва эта действительно происходила — указывает царская грамота в 1665 году, по которой пожаловано Бруховецкому боярство: там говорится, что Бруховецкий в совокупности с князем Ромодановским бился против короля. Битва эта была неудачна для поляков, так как они, по ее окончании, с наступлением сумерок отступили к Новгород-Северску. Они боялись, чтоб на них не пришли с разных сторон свежие великорусские войска под начальством разных воевод.

Когда поляки двинулись к Новгород-Северску, Ромодановский догнал их у Пироговки, на переправе через Десну. Лед стал уже хрупок; тогда, как надобно предполагать, был уже конец февраля. Полякам переходить реку было небезопасно под неприятельским натиском. Но поляки хоть и много своего войска потеряли, отбиваясь от Ромодановского, однако переправились через Десну. Мы не знаем подробностей дела, происходившего на переправе, но, по замечанию украинского летописца, стоявшие в Брянске и Путивле царские воеводы не прибыли в пору к Ромодановскому на помощь, а если бы так сделалось, то русские не только побили бы польское войско, но и самого короля живьем могли бы взять в плен. Русским воеводам помешало то, что они тогда вели между собою местнические споры.

Король с войском благополучно добрался до Новгород-Северска; этот город не впустил к себе поляков. Здесь в военном совете польских предводителей решено было так: королю идти с частью войска в Литву и на пути соединиться с литовским войском; другой же части коронного войска под командой Чарнецкого и Собеского идти на правый берег Днепра, в Украину, для усмирения народных волнений, которые, как доходили вести, опять возникли в правобережной Украине, едва только король и гетман Тетеря переправились на левый берег Днепра.

Тогда для поляков открылось, что во время стоянки их войска под Глуховом наказный гетман, начальствовавший несколькими тысячами козаков, прикомандированными к королевскому войску, полковник Богун, передавал тайно глуховцам известия о движениях и намерениях поляков, а предводимые им козаки, по его приказанию, стреляли не на свою братию глуховцев, а на воздух. Дознались поляки, что Богун тайно снесся с Бруховецким и условился с ним: как только поляки станут переправляться через Десну, а московские войска будут им мешать, козаки, находившиеся в польском войске, содействуя москвитянам, ударят с тыла на ляхов и таким образом довершится поражение последних. По оплошности московских военачальников не состоялся план козацкого полковника, еще во времена Богдана прославившего себя военными хитростями над ляхами. Полевой военный суд, состоявшийся под Новгород-Северском, приговорил его к смертной казни, и Богун был расстрелян с несколькими соучастниками своего замысла.

Украинцы, сбитые с толку смутными обстоятельствами своей родины, сами не знали, чего им держаться, и хватались то за то, то за другое, за что схватиться в данную минуту считали возможным; оттого у них происходили беспрестанные измены и приставали они то к той, то к другой из воюющих между собою сторон. Ничего не значило для многих из них сегодня служить царю, завтра присягнуть королю, то перейти из-под власти Бруховецкого под власть Тетери, то опять из-под власти Тетери поступить под власть Бруховецкого.

Когда в королевском войске Богун, предводитель верных королю козаков, соглашался тайно с врагами короля подвергнуть истреблению королевское войско, в Глухове, державшемся царя, во время прихода короля возникла измена царю в видах оказать содействие королю. Из грамоты, данной протопопу Шматковскому, видно, что как только король с войском вступил в Северскую землю, в Глухове у козаков составилась заговор сдать город. Начальствовавшего ратными людьми Авраама Лопухина посадили в тюрьму и мучили; тридцать человек великороссиян засыпали в землю; но протопоп Шматковский успел остановить дальнейшее волнение; он бранился с глуховским полковником Кириллом Гуляницким (вероятно, тогда выбранным мятежниками в звание полковника) и проклинал его за бесчеловечие; он успел освободить и укрыть у себя в доме двух попов да шесть человек детей боярских, и не допустил побить остальных государевых ратных людей. Не знаем подробностей, как была окончательно усмирена затея изменников, но по уходе короля тотчас вошел в Глухов гетман Бруховецкий и, казнивши изменников, назначил там полковником Василия Черкашеницу. Тогда глуховцы отправили к царю сначала войта и сотника, потом протопопа, усмирившего бунт,

просить вспомоществования, так как весь Глуховской уезд был очень разорен. Протопоп выпросил у царя за свое раденье пустошь и дозволение построить церковь во имя Успения Богородицы на том месте, где ратные царские люди были засыпаны землею от изменников. Вслед затем архиепископ Лазарь Баранович просил царя о милостях и о пособии для отстройки Новгород-Северского монастыря, сильно пострадавшего от пушечной пальбы во время прихода к городу поляков.

III

Поворот гетмана Тетери. — Кара над передавшимися полякам малороссиянами. — Восстание в правобережной Украине. — Серко. — Сулимка. — Маховский и Тетеря в Белой-Церкви. — Смерть Сулимки. — Выговский. — Трагическая судьба его.

Когда король подвигался к Глухову, гетман Тетеря с козаками правой стороны Днепра и с поляками, бывшими под командой коронного хорунжего, сообразно королевскому приказу, шел другою дорогою на восток, по левой стороне Днепра. Он доносил от 8-го декабря, что ему сдавались городки с охотными или дейнецкими полками: иные от страха отворяли ворота добровольно, другие после принуждения оружием; Лохвица упорно не сдавалась и взята была приступом. Тетеря дошел до Гадяча: гарнизон в нем был большой и орудий немало. Тетеря не решался брать Гадяча приступом, но повернул по течению реки Псла к королю, под Глухов.

Тетеря опоздал: прибыл к Глухову, когда уже король отходил от этого города.

Вести о волнениях в правобережной Украине побудили Тетерю быстро повернуть назад к Днепру.

Надежда поляков на возвращение всей Малороссии под польскую власть выказывалась тогда суетною: ничего не значило, если какой-нибудь малороссийский городок, увидя под стенами своими польские силы, сдастся и жители его признают польского короля своим законным, исконным государем. В одни ворота они готовы были пустить к себе поляков, в другие — москвитян, как только поляки от них удалятся. «Король, говорит украинский летописец», своим походом на левую сторону Днепра не сделал себе много добра, а немало причинил зла украинцам. Последним приходилась беда с двух сторон: тут поляки да правобережные козаки разоряли их, требуя покорности польскому королю, а там свои малороссийские власти именем царя наказывали их за то, что они покорялись полякам, хотя бы в крайней нужде. Еще не успел Ян Казимир отойти от Глухова, как уже позади него началась расправа над теми, которые временно ему покорились. Из Переяслава вышли в числе четырех тысяч московские ратные люди в Воронков наказывать та-

мошних жителей за покорность королю. Не сделавши там на первых порах ничего, они двинулись к Барышполю, где Собеским поставлено было 150 гайдуков: эти гайдуки погибли в сече, исключая тридцати человек. Барышпольцы сдались; московские люди только ограбили их, потом воротились к Воронкову, взяли его и поступили там суровее за то, что жители сразу не сдались им; они сожгли городок, перебили жителей и воротились в Переяслав, но там застали они волнение: переяславские жители поднялись против московских ратных людей, перебили многих из них, оставшихся в городе, и встречали пушечными и ружейными выстрелами возвращавшихся от Барышполя и Воронкова. Царские ратные люди не сладили тогда с переяславцами и ушли в Киев. Над другими городками, северскими, покорявшимися королю и Тетере, вел жестокую расправу Бруховецкий после ухода королевского войска из-под Глухова; не давалось пощады царским изменникам, истребляли их семьями, жилища их сожигали до тла. Только Кролевец избежал страшной мести тем, что по уходе короля жители, не дожидаясь Бруховецкого, сами напали на оставленных в городке польских жолнеров, одних перебили, других, успевших уйти от бойни, прогнали, разграбили оставленное в этом городке имущество короля и польских сенаторов.

Собеский, возвращаясь с войском на правый берег, издал к жителям левой стороны Днепра универсал такого содержания:

«Теперь уже нечего нам воевать, мы люди свои; можем уладить между собою и устроить все дружелюбно; вот уже начались переговоры о мире с Москвою; есть надежда, что при помощи Божией мир состоится. Пусть же только одни войсковые люди обращаются с оружием, а посполитые должны прекратить свои взаимные раздоры, обратиться к земледелию и с наступлением весны заняться засеиванием полей, уповая на Бога и ожидая утешительных плодов от дел рук своих. Его величество король приказал мне обнародовать его волю: пусть Украина остается в настоящем положении до окончания мирных переговоров, исполняя обязанность давать войску продовольствие и квартиры в местечках. Жители, однако, не будут терпеть от своевольства жолнеров, которым дано строгое приказание обходиться с хозяевами дворов дружелюбно, жить смиренно и оказывать помощь всем, кто будет ее требовать».

Не верили украинцы этому универсалу, а толковали его так, что поляки потерпели неудачу и теперь хотят подобру-поздорову убраться с левой стороны Днепра. Толпы дейников наскакивали на возвращавшееся войско Собеского и Тетери; приходилось королевским военным силам на своем обратном пути каждым шагом овладевать с бою. Близ Сосницы напал на Собеского Скидан, но был разбит, схвачен и посажен на кол; однако это не остановило других. На пути, до самого Днепра, дейнеки преследовали коро-

левское войско и сзади и с боков, особенно когда приходилось проходить сквозь леса и переправляться через воды; в селах и деревнях жители не давали жолнерам хлеба и лошадям корма; потеряв верховых лошадей, польские конники должны были, идущи пешком, тащить на себе свои седла, а между тем, от изнеможения сами чуть двигали ноги. Когда пришлось им переправляться через Днепр, тут присоединился к Собескому Чарнецкий, проводивший короля к Могилеву и ворочавшийся в Украину. Поляки достигли Днепра в самое неудобное время: лед на реке только что тронулся и еще не прошел; одни переправлялись на байдаках и лодках между плывущими по реке льдинами, другие пробирались на салазках в тех местах, где льдины были еще крепки. На другом берегу Днепра их принимали выстрелами правобережные малороссияне, которых поднял Серко́ против польской власти; сам Серко стоял на берегу там, куда готовился переправляться Чарнецкий. Но польский военачальник перехитрил тогда своего неприятеля. Чарнецкий приказал разложить большой огонь близ Днепра и разгласил, что в этом месте будет совершаться переправа; по таким вестям туда бросился Серко́ с козаками; тем временем поляки переправились в другом месте близ Ржищева и переправились благополучно, хотя с большою тревогою, каждую минуту ожидая, что отвлеченный военною хитростью неприятель узнает свою ошибку и быстро бросится на поляков, прежде чем они все перейдут на правую сторону. Сам Чарнецкий переправился через Днепр с своим драгунским полком верхом, вплавь, посреди тающих и быстро несущихся льдин. Козаки узнали свою ошибку тогда уже, когда не нашли никого на том месте, где горели огни, а когда, повернувши оттуда, достигли до Ржищева, переправа у поляков уже окончилась. Серко́ изготовился было вступить в битву с перешедшим на правый берег Чарнецким, но вдруг ему доставлена была весть, что недалеко оттуда татары, возвращаясь с войны восвояси, гонят с собою множество пленных и стад. Серко погнался за татарами, разбил их и освободил из неволи несколько сот малороссиян.

Правобережная Украина оказалась не крепче в повиновении у поляков, чем левобережная. Малейшая надежда на помощь со стороны Москвы пробуждала в тамошнем народе давнюю непримиримую вражду к ляхам. Января 8-го кошевой атаман Серко сдал свое атаманство какому-то Пилипчате и отправился с охотниками из запорожцев и украинцев сперва под Тягинь (Бендеры), сжег там и разорил несколько турецких селений, а оттуда повернул в Украину возбуждать народ против ляхов и склонять на сторону московского царя. К нему явился на содействие посланный от Бруховецкого Семен Высочан, называемый «полковником гетманским», то есть посланным от гетмана, в отличие от других начальников народных

ватаг, выбранных в разных местах и называвшихся также полковниками. Предприятие Серка удавалось. Едва только в народе разнесся призыв славного атамана, как по всем городкам, построенным по берегу Буга и Днестра, в полках Брацлавском, Кальницком, Уманском, в Могилеве, Рашкове и вообще на всем протяжении от Днестра до Днестра, козаки и посольство, не дождавшись еще прихода к себе Серка, составляли ватаги, истребляли поляков и жидов, находившихся у них в городах, и потом произносили присягу держаться под крепкою рукою царского величества, доколе души у них в телесах будут. Брацлавский полковник Остап Гогодь объявил себя царским сторонником. 13-го марта Серко извещал Косагова, что уже все украинские города от Днестра до Днестра склонились под царскую руку.

Едва ли кто-нибудь из сторонников Польши в те дни возбуждал к себе такую ненависть в малороссиянах, как гетман Тетеря. Восставшие, избивая ляхов и жидов, выражали свою злобу к этому «изменнику, ляхскому прислужнику» тем, что воображали себе его особу, когда расправлялись с другими. Так, в Мошнах¹ какой-то малороссиянин, убивая польского пахólка, кричал: вот так скоро будет и с вашим гетманом! Сам Тетеря, поспешивший, по королевскому приказанию, усмирять народное восстание на правом берегу Днестра, расположился станом под Ольховцами².

Вспыхнувшее в правобережной Украине восстание захватило в свой омут и поглотило Выговского. У этого бывшего козацкого гетмана, возведенного потом в сан воеводы киевского, было много врагов: они рады были всеми средствами причинить ему зло. Между такими врагами видное место занимали Тетеря и польский полковник Себастиан Маховский, человек важный в то время, потому что ему поверена была команда над польским отрядом, оставленным на правом берегу Днестра на время удаления Чарнецкого на левый берег. Заправщики восстания пустили в народе слух, что это восстание предпринято с согласия Выговского. Противодействуя такому слуху, Выговский, в звании киевского воеводы, 1-го марта издал универсал по своему воеводству и сообщал в нем, что начались толки, будто огонь междоусобия возгорелся от него, ради его желания достигнуть снова гетманского сана. «Ваши милости» — выражался Выговский в своем универсале, обращаясь к козацкому товариществу — «хорошо знаете, что я сам добровольно отрекся от этого сана, знаете и то, что и прежде, тотчас по смерти славной памяти Богдана Хмельницкого, я отказывался от гетманства, когда мне его предлагали». Теперь Выговский приглашал козаков собраться на выбор нового гетмана, если

¹ Ныне местечко Черкасского уезда, Киевской губ.

² Ныне село Звенигор. уезда, Киевской губ. — П. К. К., IV, 407.

прежний, Тетеря, снимет с себя достоинство гетмана, а Тетеря, как ему, Выговскому, известно, тяготится своим саном.

Давно, еще при Богдане Хмельницком, Тетеря, бывший тогда переяславским полковником, не питал дружбы к Выговскому, занимавшему должность генерального писаря. После между ними возникла домашняя вражда. Тетеря женился на вдове брата Выговского, Данила, дочери Богдана Хмельницкого. Елене, и захватил в свое владение богатое приданое своей жены, которое иначе было бы в распоряжении Выговского как достояние вдовы его брата. Кроме того, сделавшись гетманом и будучи вместе с тем зятем Богдана Хмельницкого, Тетеря захватил себе и другие сокровища Богдана, вероятно, на том основании, что единственный сын Богдана постригся в монахи и отрекся от мира. Выговский, с своей стороны, предъявлял на них какое-то право для себя. Тетеря был гетманом, лицом важным; соперник его, перестав быть гетманом, носил важный сан воеводы, но важный более по имени, чем по действительной силе располагаемых средств. Тем не менее, если бы этим двум лицам пришлось меряться услугами, оказанными Польше, которой они оба служили, преимущество остаться должно было за Выговским, по важности того, что он сделал для нее, будучи гетманом.

Казалось, что в споре между ними польское правительство приняло бы сторону Выговского. Тетеря, ожидая дурного для себя исхода в споре с таким соперником, как Выговский, искал случая очернить его и лишить той чести, какую дали ему прежние его услуги Польше. Такой случай и представился. Серко поднял восстание на правом берегу Днепра. Тетеря, как гетман, обязан был узнавать и доносить королю о причинах возникшего беспорядка. Тетеря написал королю, что тайною виною возникших беспокойств не кто другой, как Выговский, действующий заодно с новоизбранным митрополитом Иосифом Тукальским и с православными духовными. Они хотят поддать снова всю Украину московскому государю; Серко возбуждает народ к бунту по наущению этих лиц. Доказательством тому приводилось письмо какого-то игумена, писанное кому-то в Москву: в этом письме говорилось, что киевский воевода Выговский только ждет случая показать свое доброжелательство московскому государю. Это письмо, не дошедшее до нас ни в подлиннике, ни в копии, было доставлено в руки короля в то время, как Ян Казимир находился под Глуховом. Подозрение было брошено, но, разумеется, по этому одному невозможно было обвинять в измене человека, отдавшего Речи-Посполитой отпавшую от нее Украину. Король ограничился только тем, что написал Выговскому ласковое письмо и убеждал его заодно с Маховским употребить все возможные меры к погашению восстания. Получивши королевское письмо, вероятно, и

написал Выговский свой универсал, приведенный нами выше. Когда после того король из-под Глухова повернул в Литву, а Тетеря отправился в правобережную Украину, пришло к Тетере от короля приказание истреблять поскорее и решительнее главных зачинщиков бунта. Тетеря оперся на это королевское предписание и растолковал его себе в таком смысле, будто оно относится прямо к Выговскому, которого он уже прежде выставлял пред королем главным виновником беспорядков, хотя королевское предписание, по замечанию польского историка, относилось скорее к Сулимке и другим.

Восстание с каждым часом возрастало. Взята была восстанцами Лисянка, взято было местечко Ставище¹, важное потому, что назначено было королем быть складочным местом боевых запасов; Маховский, выступивши с польским отрядом против восстанцев, не сладил с Сулимкою и заперся в Белой-Церкви. Тут явился на выручку ему Тетеря. Сулимка отступил от Белой-Церкви.

Тетеря и Маховский соединились: у Тетери были оставшиеся верными королю козаки, у Маховского — около двух тысяч поляков и белоцерковский козацкий полк. Сюда пристало достаточное число охотников из шляхты. С помощью этих сил Тетеря и Маховский прогнали восстанцев до Рокитной². Сам Сулимка положил голову в бою. Выговский в это время сидел в Хвастове³, оттуда выдал он универсал, которым созывал шляхту киевского воеводства на сеймик в Житомир и теперь ждал съезда. Он показывал вид, что никак не мешается в козацкие бунты, что козацкие дела до него вовсе не касаются; он хочет иметь дело только с одною шляхтою. Но шляхта ему уже не доверяла; настроиваемые его врагами, поляки не слушались Выговского и кричали, что он изменник отечества. Узнавши о том, что происходит под Белою-Церковью, киевский воевода выезжает из Хвастова в Белою-Церковь — повидаться и объяснитьсь с Тетерею, но Тетери там не было: Тетеря в то время погнался за восстанцами к Рокитной. Туда отправился и Выговский.

В Рокитной Выговский получил от Маховского через посланца приглашение прибыть в Корсун на совет о важных делах. Не любил Выговского Маховский уже давно, но не решился бы сам поступить с ним отчаянно и превысить власть свою, если б Тетеря не сообщил Маховскому королевского повеления истреблять зачинщиков восстания и не растолковал по-своему, что Выговский есть главный зачинщик всех смут. Выговский в Корсуне застал у Маховского Тетерю и некоторых господ, составлявших с ними как бы военный совет.

¹ Ныне местечко Таращ. уезда, Киевск. губ., при р. Гнилом-Тикаче.

² Мест. Васильк. уезда, Киевск. губ., при р. Рокитной. L. Jeri., I. 87.

³ Мест. Васильк. уезда, Киевск. губ., при р. Унаве.

«Надлежит помыслить о способах, как бы усмирить бунтующее посольство и истребить заправщиков, поджигающих чернь к мятежу», — так говорили советники, обращаясь к киевскому воеводе и как бы требуя его мнения об этом вопросе.

Выговский, всегда искусный в диалектике, начал было вести речь, как вдруг, перебивая его речь, возвышают против него голос разом и Маховский, и Тетеря, обзывают киевского воеводу изменником отечества и руководителем бунта.

Выговский силится сохранить спокойствие и говорит: «ваши обвинения напрасны. У вас нет никаких доводов, и никто не докажет против меня вины, какую вы на меня взводите».

Ему представили перед глаза показания мятежников, уже казненных смертью.¹

Выговский стал доказывать неосновательность свидетельств тех, которые дали такие показания: они были преступники и уже казнены; мало ли чего и мало ли на кого наговорить может преступник под пыткой. Так представлял Выговский. Его не слушали и говорить ему не давали. Лица, приглашенные Маховским и Тетерею, держали их сторону; собрание, куда прибыл Выговский как бы на совет, обратилось в суд над ним.

Тетеря и Маховский приказали читать военный артикул: в нем нашли они, что за преступление, в каком обвинялся киевский воевода, виновный подвергался смертной казни расстрелянием.

«Вы не судьи», сказал им Выговский: вы не имеете права читать мне приговоры по артикулу. Я воевода и сенатор Речи-

¹ Показания эти, в то время прочитанные, гласили так: носивший звание пехотного полковника в ватаге Сулимки Павло Рябуха показывал, что Сулимка, взявши от Выговского трех заложников, приехал на свидание с ним в Саволиш, вместе с товарищами своими (Василем Турчиненком, Улашиненком, Михайлом Сонтовским, Дмитрием Солоненком, какими-то Грицьком, Василем и другими). Выговский перед ними присягнул на евангелии, а они от себя произнесли перед ним присягу. Тогда воевода киевский дал Сулимке 20 талеров за подкобы и другим товарищам его подарил по шести талеров; сверх того, дал им хоругвь пеструю и универсал, в котором приглашал малороссиян собираться под знамя Сулимки против поляков. Сулимка, приехавши в Торговицу, разослал тридцать козаков со списками этого универсала созывать посольство, возбуждая его против поляков от имени Выговского. Другой преступник, которого показание было прочитано, был Тысенко, брат Кальницкого полковника Вареницы. Он показал, что Сулимка, по возвращении от Выговского, по повелению последнего, отправил список универсала в Терлицу, с мошоровским сотником Иваном Данченком — побуждать народ истреблять старост, панов и шляхту. Третий преступник, Соломка, подтверждал сказанное Рябухою, но заметил, что сам лично не был при свидании Сулимки с Выговским, потому что казаки его не пустили в избу, где находились последние, а сказывали ему три пропа о том, что у Сулимки с Выговским происходила взаимная присяга. Пам. Киевск. Комм., IV, 409-411.

Посполитой: меня судить могут только король и сенат. Их суду я вполне подчиняюсь, а вашего суда не признаю».

Выговский говорил юридически сущую правду, но его не слушали. Вечерело. Самозванные судьи вышли молча. Сторожа схватили Выговского под руки и увели в избу, назначенную быть для него тюрьмой до исполнения приговора. Кругом избы поставлен был караул.

При наступлении ночи вышел к Выговскому офицер Маховского и объявил, что приговоренный к казни будет расстрелян на рассвете.

Выговский заплакал и спросил: «где король? по крайней мере, дайте мне написать к моему государю. Его воля пусть будет!». Последовал отказ.

Когда стала заниматься заря, к Выговскому в избу вошли караульные. Выговский стоял на коленях перед образом и читал акафист Пресвятой Богородице. Ему сказали, что пора идти на смерть.

«По крайней мере», сказал тогда Выговский, «позвольте же мне умереть, как прилично христианину. Пришлите ко мне православного священника исповедать меня и напутствовать причащением святых тайн».

И на это последовал отказ.

Караульные потащили его из избы, и едва Выговский вышел за дверь, как поставленные заранее с ружьями жолнеры послали ему смертоносные пули почти в упор.

«Он погѣб, — говорит польский летописец, — скорее жертвою личной к нему вражды, чем действительного преступления! Беспорочно несправедливое дело: сенатор и воевода без надлежащего суда казнен полковником королевского войска».

«Он окончил жизнь поносно и бесчестно за пролитую некогда по его воле кровь людей и за несоблюдение присяги, данной русскому государю», — говорит о нем русский летописец.

Жена его, рожденная Ететкович, как только услышала о трагической судьбе, постигшей мужа, в ту же минуту упала и умерла¹.

В сущности остается неясным и неизвестным: в какой степени были справедливы поднятые против Выговского обвинения в желании подчиниться снова царю и восстановить украинское посольство против Польши. Сбитые с колеи малороссияне в то время так легко перебегали с одной стороны на другую, что никакая предшествовавшая деятельность козака не давала возможности решить, на что вперед он был способен или неспособен. Поэтому нельзя поручиться, чтоб и Выговский, некогда соблазненный льстивыми уверениями поляков, обещавших Украине федеративную свободу, не увидел впоследствии по опыту всей неосуществимости таких видов

¹ Южно-русские летописи, изданные Белозерским, II.

и не пришел к мысли, что его любимой родине нет другого спасения, как только оставаться в непоколебимой верности и подчинении русскому государю, которому он когда-то присягнул вместе с Богданом Хмельницким.

Весть о казни Выговского разнеслась между восставшим польством и усилила негодование против польской власти. Восстанцы еще пуще злобились на Тетерю и хотели известить его. Тетеря отправился в свой Чигирин, чтоб укрепить его к обороне против угрожавшего с левой стороны Днепра Бруховецкого. Между тем в самом Чигирине противники Тетери искали его гибели и тайно подсылали к Бруховецкому, который во второй половине марта находился со своими козаками в Переяславе; с ним была и великорусская рать стольника Скуратова и козаки слободских полков.

IV

Универсал Бруховецкого к жителям правобережной Украины. — Поход его к Сокирной и к Чигирину. — Чарнецкий приводит татар против восставшего народа Украины. — Беседа Чарнецкого с митрополитом Иосифом и архимандритом Гедеоном. — Чарнецкий отправляет их в Польшу и прогоняет Бруховецкого от Чигирина. — Поругание праха Хмельницкого. — Взятие Чарнецким Стеблова. — Неудача Косагова, посланного для взятия Корсуна. — Чарнецкий у Ставищ. — Самовольное бегство со службы царских ратных людей. — Правобережные города начинают покоряться полякам. — Взятие Чарнецким Ставищ. — Твердость восстанцев в Умани. — Косагов и Серко уезжают в Великороссию. — Сношения Бруховецкого с Крымом.

23-го марта Бруховецкий из Переяслава разослал универсал, обращенный к жителям правобережной Украины. Он извещал, что по следам прогнанного и бежавшего польского войска идет он, гетман, на правую сторону Днепра с тем, чтоб и эту сторону, «яко единое православное российское тело, привести к братственному единению, избавить ее от татар, опустошающих край под предлогом своего волчьего союза с поляками, освободить русский народ в Украине от яра иноверных ляхов, очистить край от людских плевел, возросших между пшеницею, и присоединить правую сторону Украины, вместе с левою стороною, к монархии единоверного государя»¹.

Бруховецкий убеждал жителей правой стороны приставать к тем, которые воюют против безбожного Тетери и разделаться с

¹ Пам. Киев. Ком., IV, 422. — Уже Бруховецкому была в то время известна судьба Выговского, как показывают слова его в универсале: «когда одни из братьев ваших попадают в бусурманскую неволю, другие гибнут лютою смертию от ляхов, как потерпели от них Богун, Выговский, Нюсач с зятем своим и других не мало».

поляками еще прежде, чем успеет придти Ромодановский с великороссиянами и с калмыками, сделав, таким образом, излишнюю стоянку в своем крае этих союзников. Таким образом, разжигая народные порывы в пользу московской стороны, гетман в своем же возбуждательном универсале выливал, так сказать, ушат холодной воды на стремление народа к той же московской стороне, выставляя великороссийских ратных людей такими пособниками, с которыми нежелательно долгое сожительство.

После такого универсала Бруховецкий переправился через Днепр у Сокирной¹ и отправил лубенского полковника Гамалея на Черкасы. Лубенцы сожгли этот город, державшийся польской стороны; то же стали испытывать и другие соседние городки и селения, покорившиеся польской власти более из страха, чем из расположения. Крепче всех держался польской стороны Чигирин, где находился Тетеря. Были там такие, что присылали тайно к Бруховецкому и просили избавить их от Тетери, но были и такие, что посылали к Чарнецкому просить выручить их от гетмана московской стороны.

Бруховецкий, ставши в Сокирной, послал к воеводе Чаадаеву в Киев просить присылки ратных царских людей и пушек. Отправлен был по берегу Днепра из Киева начальник артиллерии, иноземец Страсбух. Но не успел этот Страсбух дойти до Бруховецкого: на пути, под деревнею Копысники, встретил его коронный хорунжий Ян Собеский с польским войском и разбил государевых ратных людей. Страсбух, как пишут поляки; первый убежал с боя, подавши другим постыдный пример. Победители овладели орудиями и другими запасами; тогда поймали они шедших с великороссиянами козацких предводителей — и, между ними, того самого конотопского сотника Нужного, который во время похода короля к Глухову так ловко в Новом-Млине отнял у канцлера Пражмовского драгоценности королевского буфета. Поляки судили козацких предводителей как изменников своего короля, и Нужного приговорили военным судом повесить, но он сам упросил, чтоб его посадили на кол. «Такою смертью мий батько помер», говорил он. Разбивши Страсбуха, Собеский не пошел далее на Бруховецкого, потому что, как думали поляки, к нему беспрестанно прибывали толпами новые силы с левого берега, и размер их был полякам неизвестен.

Бруховецкий, не дождавшись Страсбуха, оставил Сокирну и направился к Чигирину, решившись попытаться расправиться с этим городом, прежде чем явится Чарнецкий. Этот польский полководец, расставивши войско свое в Павлочи² и Корсуне, поручил

¹ Ныне деревня и пристань на Днепре. Черкасского уезда, Киевской губернии.

² Местечко Сквирского уезда, Киевской губернии, при реке Растивице.

начальство свое Собескому и Маховскому, послал несколько хоругвей в Чигирин для защиты от Бруховецкого, а сам с тринадцатью человеками отправился в Крым убеждать хана поскорее прибыть с большою ордою к своим союзникам — полякам; но хана не застал он в Крыму: по повелению своего падишаха, хан в Угорской земле воевал против цесарцев. Поэтому Чарнецкий из Крыма отправился к буджакской орде, где его приняли ласково. Два салтана, Салам-Гирей и Салет-Гирей, вызвались идти на помощь к полякам: по одним известиям, с ними было до 20.000 татар, по другим — только до 5.000.

Когда Чарнецкий, заручившись татарскою помощью против непокорного русского народа, возвращался в Украину, Маховский с восемью хоругвями выступил в Городище¹ встречать Чарнецкого. Городищане, показывая наружно покорность королю, тайно снеслись с Серком; тот явился неожиданно ночью, но должен был отступить, потому что и полякам неожиданно явилась помощь от проходившего случайно мимо Городища польского отряда. Через день после того явился Чарнецкий с татарами.

Много надежд полагали поляки на приведенных татар; чтоб им польстить, Чарнецкий заранее дал им дозволение забирать в полон жителей всех тех городов, которые станут сопротивляться полякам, и татары тотчас же стали расходиться загонами, разорять поселения и загонять жителей в полон. Но в то же время Чарнецкий показывал и миролюбивые способы к усмирению народа: написал универсал ко всему украинскому посполству, обещал именем короля пощаду всем тем, которые покорятся Польше и отстанут от сообщества с мятежниками; в случае упорства — грозил огнем, мечом и татарским пленом. Эта снисходительность, по замечанию польского историка, показана была только для того, чтобы впоследствии оправдать суровое обращение с русскими; Чарнецкий, как и все польские паны, хорошо знал, что между русином и поляком доверие стало невозможно: легче вода с огнем сойдется, чем упорное козацкое сердце склонится к покорности; козак присягает только для того, чтобы тем удобнее обмануть поляка; козак дает поляку руку, обещает дружбу и неожиданно из друга делается врагом. Так рассуждали тогда поляки.

В это время Чарнецкий обратил внимание на духовенство. Гетман Тетеря, незадолго перед тем просивший короля об утверждении в сане митрополита Иосифа Тукальского, выбранного в этот сан, дознавшись, что королю такой выбор не совсем нравится, называл теперь в своих письмах Тукальского главным затейником и хвастал, будто сам прежде провидел пророческим духом лукавство этого человека. По таким наговорам Чарнецкий пригласил в

¹ Местечко Черкасского уеза. Киевской губернии.

Васильков митрополита Иосифа и с ним несколько знатных лиц православного духовенства; в числе приглашенных был и архимандрит Гедеон, бывший Юрий Хмельницкий. Чарнецкий для беседы с ними отправился из Городища в Васильков, обошелся с ними сначала очень ласково, заговорил прежде всего о свободе православной религии, о неприкосновенности церковных и монастырских имуществ, о покровительстве короля православному духовенству, потом объявил, что король с своей стороны желает и требует, чтобы православные духовные на деле показали свое доброжелательство и верность королю и Речи-Посполитой, и чтобы содействовали своим влиянием к усмирению восставшего посольства. Тукальский от лица всего православного духовенства изъявлял благодарность королю за милость его, но заметил, что духовным, по их званию, надлежит заниматься делами, относящимися собственно до церкви, а вмешиваться в мирские дела им непристойно. Из такого ответа Чарнецкий уразумел, что православные духовные, и первый из них митрополит, скрытно благоприятствуют замыслам русского народа и сказал: «в таком случае вы поедете в Варшаву и объясните его величеству, почему считаете непристойным духовенству мешаться в мирские дела». Он назначил почетный караул сопровождать их до Варшавы. Приехавши туда, Тукальский и Хмельницкий были отправлены в Мариенбургскую крепость в заточение.

Покончивши дело с духовными, Чарнецкий двинулся с войском к Чигирину, приказавши идти туда и Тетере. Бруховецкий, уклонившись от битвы с ним по малочисленности сил своих, отошел к Бужину¹, где был Серко. Чарнецкий отправил за ним в погоню часть войска под начальством Незабитовского и Тетери, а сам принялся покорять восставшие русские городки. Тогда вошел он в Суботово², бывшее имение Богдана Хмельницкого, где некогда сам содержался в плену, взятый покойным гетманом Богданом на Желтоводской битве. Вероятно, воспоминание былого унижения усилило в нем злобу к покойному врагу польской нации. Он приказал выкопать из могилы в церкви гроб Богдана Хмельницкого и разметать прах его на поругание псам. Оттуда Чарнецкий двинулся к Смелой, где произошла у него стычка со стольником Косаговым, не имевшая, как видно, никакого важного последствия. Потом Чарнецкий подступил к Стеблову³. Прежде послал он с трубачом предложение добровольно сдаться. Осажденные воспротивились. Чарнецкий приказал начать приступ. На беду осажденным сделался взрыв в церкви, где хранился склад

¹ Ныне село Чигиринск. уезда, Киев. губ., при Днепре.

² Ныне село Чигиринск. уезда, Киев. губ., при р. Тясмине.

³ Мест. Канев. уезда, Киев. губ., при р. Роси.

пороха. Во время происшедшего переполоха поляки стали вырубать ворота. Осажденные сдались. Тогда поляки, а за ними татары бросились в город на грабеж и убийства; буджакские и ногайские татары сами передрались между собою из-за добычи.

Соединившись снова с Маховским и Тетерею, Чарнецкий пошел против Бруховецкого, который от Бужина пошел в Канев и засел в нем. После нескольких неудачных нападений на Канев Чарнецкий отступил к Корсуну и занялся укреплением этого городка, а в сторону послал два отряда для укрощения восставшего посполства: один пошел к Умани, где засел тогда запорожец Сацко Туровец с сечевиками и с отрядом царской рати под начальством майора Свиньина, другой — к Лисянке¹, где собралась ватага восстанцев в 7.000 под начальством какого-то Гладкого.

Бруховецкий тотчас после ухода Чарнецкого от Канева, в конце мая, отправил по следам его Серка и Косагова к Корсуну, а полковников Матвея Шульгу и Филиппна Стрелю — на подмогу к Гладкому в Лисянку. Последние исполнили свое поручение удачно, прогнали приступавших к городку поляков, посланных туда Чарнецким, вошли в Лисянку и усилили собою восставшую ватагу Гладкого. Серко же и Косагов, не доходя до Корсуна 25-ти верст, услышали, что на усиление к Чарнецкому идет свежая орда, свернули в сторону, разбили татар, прогнали их назад в Крым, а потом, не идя к Корсуну, повернули к Умани с целью соединиться с восставшими в пользу царя полками Поднестранским, Кальницким и Уманским, и тогда уже, с ними вместе, идти на Корсун против Чарнецкого.

Между тем из Корсуна, где находился Чарнецкий, явилась к Бруховецкому тайная подсылка: корсунцы извещали, что желают быть в подданстве у московского царя; просили присылки ратной силы, обещали с своей стороны перебить немецкий гарнизон, поставленный у них Чарнецким, и выдать Бруховецкому всех начальных людей; они жаловались, что им невыносимо приходится от Чарнецкого, потому что в уплату приглашенным на помощь татарам он дозволил им уводить людей в неволю. Бруховецкий дал корсунцам тайно ответ, что как только прибудет к нему свежая сила, то он немедленно двинется сам к Корсуну: Бруховецкий ожидал подкреплений с левой стороны Днепра и, сверх того, надеялся, что Косагов и Серко приведут из Умани вооруженную громаду восстанцев.

Чарнецкий сильно озлобился на Ставище. Во время похода короля на левую сторону жители дали присягу в верности, но когда вспыхнуло и разлилось на правой стороне Днепра восстание, ставищане перебили оставленный у них польский гарнизон, не поща-

¹ Село Звенигородск. уезда, Киев. губ.

дили притом и раненых ляхов, находившихся в устроенном там госпитале, разобрали на руках свезенные для войска припасы и разорили близ Ставища имение, пожалованное Чарнецкому в ленное владение. Чарнецкий, сделавши распоряжения об укреплении Корсуна, двинулся усмирять Ставище. Ян Собеский всегда отличался тем, что советовал поступать возможно мягко и кротко с русским народом; и теперь подавал он мысль дозволить мятежникам отправить к королю послов с изъявлением покорности и оставить их свободными от нападений до возвращения посланцев от короля. Чарнецкий смотрел на это дело иначе, и отвечал: «я не умею и не люблю льстить: опыт научил меня, что своеволие козацкое удобнее укрощать суровостью, чем кротостью». Чарнецкий приказал буджакской орде пожечь все деревни и хутора около Ставища, истребить и забрать в полон жителей. «Есть не буду, спать не буду, пока не добуду это гнездо бунта, этот вертеп разбойников», говорил он. Такой же взгляд выразил он в донесении, посланном тогда же к королю: в открытом поле неприятеля не встречаю, он засел по местечкам и городкам и так упорно держится московской протекции, что каждое поселение приходится брать штурмом. Сердца их до такой степени нечувствительны ко всепрощающему милосердию вашего величества, что они хотят лучше погибнуть с домами своими от огня, терпеть голод и всякие лишения, чем возвратиться к верному подданству королю своему. Вся Украина решилась умирать, а не покоряться полякам».

По известию польского историка, начальствовали над восставшим посполством в Ставище некто Дачко, бывший долго в турецкой неволе на галерах, и Булганы — еще при Богдане Хмельницком полковник пехоты; оба они были теперь полковники так называемых «серденецких»¹ полков, возникших в недавнее перед тем время из охотников. В городе заперлось много народа; поляки в своих известиях доводят число всех годных к бою до 16.000. Приступы начались 4-го июля. На первых порах они пошли неудачно для поляков. Дачко, отбивши их, приказал своим людям копать ров, чтоб не допускать поляков до вала; из насыпанной земли этого рва образовался новый вал — и, таким образом, город опоясался двумя земляными оградами. Посполство с валов издевалось над своими врагами. Когда Чарнецкий объезжал свое войско, одетый в бурку из леопардовой кожи, осажденные кричали ему: «ото ряба собака!» После нескольких дней, проведенных в битвах, Чарнецкий убедился, что не поделает ничего силою с осажденными. Он отправил в город шляхтича с убеждениями сдаться и не губить себя напрасно. Ставищане отвечали: «пусть польское войско прежде отойдет от нашего города, тогда мы пошлем по-

¹ Вероятно, от прозвища Серденя, которое носил первый их полковник.

становить уговор с Чарнецким, с тем, чтоб мы были вольны от военного постоя и не было бы у нас польского гарнизона». Такой ответ раздражил гордого пана; он приказал татарам по окрестностям довершать разорение селений и без милосердия убивать женщин, детей и стариков, потому что из этих селений находились в городе жители; между тем привезли полякам свежие боевые снаряды; пальба гранатами и бомбами истребила разом большую часть строений в Ставище. Дачко был убит; на его место выбрали сотника Чопа, который, по выражению польской летописи, был, к досаде поляков, предводитель дельный и отважный. Много потерь понесли тогда поляки. Погибла вся пехота, уцелевшая после зимней кампании; поляки так умалились, что где прежде были тысячи, там оставались сотни. Чарнецкий вообще мало щадил жизнь подчиненных, и в ответ на жалобы о потерях в войске говорил: «что ж, война людей не рождает!» Хотелось Чарнецкому, во что бы то ни стало, взять город приступом, но другие паны, составлявшие около него военный совет¹, находили, что гораздо лучше, ради пощады собственных сил, принудить к сдаче город блокадою, тем более, что пленные показывали, что в городе чувствуется недостаток съестного, а людей, набравших туда с сел, много, и все эти поселяне на зиму себе не сеяли, а от прежнего лета полевых плодов не успели собрать, и потому в осаду с собою запасов не взяли. Итак, по общему приговору военачальников, город Ставище был обложен кругом: ни в город, ни из города ни одно живое существо пройти не могло.

Было бы возможно подать помощь осажденным в Ставище, если бы гетман Бруховецкий соединил раздробленные козацкие силы и если бы в пору пришли к нему великороссийские воеводы с своими полками. Этого не случилось. Весь июнь Бруховецкий ожидал, что Серко и Косагов приведут к нему свежие силы народа, восставшего в прибужском и приднестранском краях. Но вышло не так, как обещали Серко и Косагов. Серко с Косаговым разошелся; сам Серко отправился к Очакову разорять татар, а Косагов из Умани воротился к Бруховецкому в Канев без Серка и почти без новых сил. 30-го июля Бруховецкий отправил его снова в поход: Косагов должен был соединиться с козацкими полками Зиньковским да Млиевским, да еще с двумя пехотными, и идти с ними на Корсун. Из Канева взял с собою Косагов только что прибывших великороссийских ратных людей и слободских козаков до тысячи человек. Не доходя до Корсуна пяти верст, Косагов 1-го августа встретил польский отряд и вступил с ним в бой, продолжавшийся с утра до полдня. Бывшие в этом бою государевы ратные люди и слободские козаки не устояли — по-

¹ Ян Собеский, Иероним Синявский, Станислав Яблоновский и другие.

бежали, побросавши оружие, и на переправе через болото потопили своих лошадей. Косагов привел 3-го августа в Канев остаток своего войска пешим и безоружным. Было у него в этой несчастной битве 35 рейтаров, 120 солдат, 470 козаков, а с малороссийскими полками — около полуторы тысячи. Все постыдно бежало: убито в сражении было только 10 человек козаков и 21 наймит. Многие царские ратные люди, слободские и донские козаки, еще не дождавшись встречи с неприятелем, убежали в дома свои. Косагов в своем донесении царю объясняет это так: из малороссиян в его полку настоящих козаков было немного; все — из наемных овчаров, да из работавших на винокурнях; были между ними даже малые ребята: у козаков заводился тогда обычай поставлять за себя наймитов, вместо того, чтоб самим идти на войну. Когда Косагов возвращался с своего поражения через Мошны, мошенские жители, узнавши о несчастии, постигшем русское войско, собрались наскоро с женами, детьми и имуществами, какие успели захватить, бежали за Днепр и начали водворяться на жительство в разных малороссийских городах. Они боялись поголовного мщения со стороны ляхов над всем малорусским народом — и не ошиблись. Вслед за уходом их явились по следам разбитого Косагова поляки и сожгли Мошны до основания.

По возвращении Косагова в Канев, бывшие там на службе козаки елободских полков: Сумского, Харьковского и Острогожского, тайком распродали полученные запасы и ушли в свои дома. Это, между прочим, произошло от несвоевременной раздачи запасов; козаки получили их еще не доходя до Канева и, стоя несколько времени под Миргородом, истребили, продали и пропили, а пришедши в Канев, очутились в таком положении, что им нечего было есть. Сперва такие побег ратных людей происходили поодиночке, но к концу августа до того вошли в обычай, что и начальные лица стали уходить вместе с подчиненными. Убежали таким образом двое сотников Острогожского полка, а за ними двое сотников Ахтырского и Харьковского с козаками своих сотен. Сентября 2-го пришло известие из Умани, от майора Свинына, что побег ратных государевых людей дошли до того, что в Умани осталось их не более ста человек, да и бывшие с майором Свиныным малороссияне также разбежались. Бруховецкий, недавно ожидавший из Умани подмоги, теперь должен был бы сам посылать людей в Умань, но посылать было некого: свежих сил не приходило, а тут поляки и татары стали беспокоить Канев. Косагов неоднократно писал в Белгород к князю Ромодановскому, и последний, по его письмам, рассылал в разные города отписки о поимке и высылке беглых войсковых людей, но ни один беглый не был выслан в Канев и ни один добровольно на службу не воротился; остальные же, видя безнаказанность за побег, сами собирались улизнуть из Канева. В конце сентября Косагов

доносил в Приказ, что у него осталось рейтар 68, а солдат 160, и у тех запасов было мало. Возникало опасение, что и они разбегутся; действительно, вновь после того убежало 18 человек, а в следующую затем ночь — 24. Таким образом, настроение в войске, как великороссийском, так и малороссийском, было причиною, почему гетман и Косагов не могли все лето до октября подать помощь геройским защитникам Ставища и нанести поражение Чарнецкому.

Между тем как Чарнецкий держал в блокаде Ставище, гетман Тетеря отправился с татарами приводить к покорности восставшее посольство прибужского и приднестровского краев. Он рассылал универсалы, где уговаривал народ отречься от московской протекции и возвратиться под власть законного короля. Кальницкий и винницкий полковник Василь Вареница умолял Бруховецкого скорее присылать помощь и предостерегал, что иначе ляхи своими прелестями многих к себе прилучат. Бруховецкий прислать им ратных людей не мог, а восстанцы действовали вразброд, без руководящей головы, которая бы заправляла всем делом восстания. Поэтому и неудивительно, что восстанцы, так горячо уверявшие в своей твердости, начали сдаваться и покоряться Тетере после того, когда татары стали сожигать поселения и уводить толпами в полон всех, кого поймать могли, жителей обоего пола и всякого возраста. Побужские города: Брацлав¹, Бершад², Лодыжин³, Тростеница⁴ и другие, один за другим, покорились королевской власти и согласились давать станции на польское войско. Полковник Остап Гоголь несколько времени был, так сказать, душою восстания в подольском крае, но поляки взяли его сына, учившегося во Львове, грозили убить его — и отец, для спасения жизни дитища, покорился королю. Крепче всех из западных восставших городов держался Умань; Сацко Туровец и майор Свиньин извещали Бруховецкого, что ляхи и татары беспрестанно угрожают Уманю, но уманцы будут стоять твердо, пока гетман не пришлет им помощи.

Октябрь 20-го нового стиля (8-го — старого) сдалось, наконец, осажденное Ставище. Не стало долее возможности терпеть голод, а усиленная пальба из польских орудий обратила в пепел почти все жилища; приходилось в осеннюю непогоду оставаться без крова под непрерывными неприятельскими выстрелами. В таком положении осажденные решились просить пощады и выслали священников с предложением капитуляции.

¹ Уездный город Подольской губернии, при реке Буге.

² Местечко Ольгопольского уезда, Подольской губернии, при реке Бершад и Дахне.

³ Местечко Гайсинского уезда, Подольской губернии, при реке Буге.

⁴ Село Брацлавского уезда, Подольской губернии.

«Не можете толковать о капитуляции», запальчиво отвечал им Чарнецкий, «я не раз уже вам предлагал милость свою, а вы пренебрегли ей. Теперь вы недостойны помилования; сдавайтесь на имя короля, присягайте хранить верное подданство, отворяйте ворота без всяких кондиций, если хотите, чтоб я оставил жизнь вам; но всех ваших коноводов и подстрекателей к бунту приведите ко мне».

Ставищане связали и привели к польскому военачальнику 13 человек; в числе их были атаманы — Чоп и Подобня. Булганый скрылся заранее. Чарнецкий поручил выданных под караул Тетере, который прибыл тогда в стан Чарнецкого из своей экспедиции на запад. Поляки взяли в Ставище множество боевых запасов и такое количество пороха, что стало бы осажденным на целый год.

Чарнецкий пощадил сдавшихся, но в наказание за долговременное упорство велел заплатить за свою жизнь окуп татарским султанам, расположил в Ставище два полка на все время, пока будет идти война в Украине и отнял у Ставища колокола — в наказание за то, что в них звонили в набат, созывая поспольство к битвам против поляков.

21-го октября старого стиля, после неоднократных просьб уманцев, Бруховецкий и думный дворянин Хитрово, находившийся тогда при гетмане, выслали на выручку Умани Косагова с отрядом, какой могли собрать из неуспевших еще разбежаться великороссиян и малороссиян. Отделавшись от осады Ставища, Чарнецкий с Тетерею не допустили Косагова до Умани. Косагов принужден был запереться в Медвине¹ сидел там в осаде вместе с лубенским полковником Гамалею целых четыре недели, отбиваясь от неприятельских приступов. Тетеря стоял под Лисянкою; там заперлись: полковник прилуцкий Лазарь Горленко и генеральный бунчужный бывший полтавский полковник Григорий Витязенко, с частью полков Прилуцкого, Зиньковского и Полтавского; они просили Бруховецкого о помощи, а гетман отговаривался малолюдством; присланы были ему в подкрепление стольники, но привели с собою едва несколько сот человек, потому что у них на пути государевы ратные люди разбежались. Малороссийские же войска были размещены еще прежде в других местах: Киевский, Черниговский и Овручский полки берегли Киев и его окрестности; от Гомеля по северной границе размещен был на страже полк Стародубский; часть войска послана была вниз по днепровскому берегу к Черкасам и Чигирину, а на правобережной Украине были размещены козацкие гарнизоны (гарнизоны) в городах и местечках, признавших царя, в Жаботине, Медведовке, Старобурье, Смелой — со стороны Чигирина,

¹ Мест. Капеевск. уезда, Киевск. губ. — А. Ю. З. Р., V, 165.

в Ольшаной, Млееве, Тарасовке, Медвине, Лисянке — со стороны Корсуна для бережения от Чарнецкого, и в Обухове — со стороны Белой-Церкви; во всех этих городках залого были преимущественно из козаков левой стороны, подчиненных Бруховецкому; сам же гетман сидел в Каневе с небольшим числом малороссийского войска. В конце октября доносил в Москву киевский воевода, что многие из городов, отложившихся от поляков — опять им покоряются, а другие находятся от них в утеснении.

Уманцы продолжали упорно держаться против поляков. Не проходило дня, чтоб у них не происходило с поляками разговора из ружья, сообщал гетману тамошний полковник. Косагов освободился от осады в Медвине не ранее декабря и воротился в Канев, вместо того, чтоб идти к Умани. В Каневе застал он вторичный царский указ, предписывавший ему ехать в Белгород и отыскивать беглых ратных. Вместо Косагова полк его в Каневе велено было ведать стольнику Федору Протасьеву. И Серко в то же время прибыл в Великороссию. После разлуки с Косаговым он громил татар и засел в Торговице, потом покинул Торговицу и прибыл в свою любимую Сечу, но вскоре после того не поладил с запорожцами и уехал в Харьков, где у него была семья, а из Харькова в Белгород. Причины, по которым Серко уехал тогда из Сечи, связаны были с возникшими секретными сношениями Бруховецкого с крымским ханом. В Крыму многие влиятельные мурзы представляли своему хану: «ляхи, нас, татар, все манят украинскими городами, которые надеются покорить. Эти же украинские города поддаются царю, а не им, а нам никакой корысти нет; лучше было бы нам замирииться с козаками и с Москвою». По таким советам, в октябре хан крымский прислал Бруховецкому письмо с предложениями устроить мир. Гетман отправил это письмо в Москву и получил от царя указ завести сношения с ханом. Бруховецкий, исполняя царский указ, отправил своих посланцев к хану. Запорожцы остановили гетманских посланцев, распечатали гетманские грамоты и прочли, а потом, когда гетман послал другое посольство, то запорожцы не пропустили посланцев вовсе. Серко, в звании кошевого атамана, хотел удерживать запорожское товарищество в повиновении царю и в подчинении гетману; запорожцы не слушали его, шумели, и Серко удалился из Сечи. В Белгороде тамошний воевода князь Репнин объяснил ему, что сношения с Крымом начались по царской воле и приказывал Серку снова ехать в Запорожье, но Серко отвечал, что ему без царского указа ехать в Сечу нельзя; козаки могут его там убить, а надобен такой царский указ, где бы значилось, что сношения Бруховецкого с ханом начались по царской воле.

Жалобы великороссиян на гетмана, а гетмана на великороссийских воевод. — Дело восстания народа против поляков поправляется. — Умань. — Лисянка. — Новое восстание и укрощение Ставища. — Кара над мятежниками. — Бегство жителей с правой стороны Днепра на левую. — Смерть Чарнецкого. — Распространение восстания. — Предводители восстания. — Дрозденко и Хмельницкая. — Успехи русских. — Взятие Корсуна. — Прибытие в Украину калмыков. — Поражение Яблоновского под Белой-Церковью. — Неудачная осада Бруховецким Белой-Церкви и отступление в Мотовиловку. — Бегство Тетери в Польшу. — Опара. — Децик. — Перемена в Киевском воеводстве. — Неисправности в воеводском управлении царскими ратными людьми.

Всю зиму продержался Бруховецкий в Каневе, руководя управлением левой стороною Днепра и движениями народа против поляков на правой стороне. Малые силы его не только не прибавлялись, а еще более отвлекались. Из малороссийского войска Черниговский полк отправлен был на Полесье, где одержал победу над поляками, а Краснянского сотника Ивана Самойловича (будущего гетмана) по царскому указу отрядили даже до Смоленска. Великороссийских свежих сил не приходило в Канев; напротив, из Канева отзывались великороссийские начальные люди. Эти последние, прибывши в Москву, жаловались, что царские ратные люди, будучи на государевой службе в малороссийских городах, изнурены, голодны и безодежны, и царь по этому поводу, грамотою от 12 ноября, сделал Бруховецкому замечание. Гетман отвечал, что он целый год употреблял на содержание царских ратных все доходы, получаемые платою с мельниц. «Меня оболгали пред вашим величеством», — выражался он: — «ратные бегут со службы не от какой-нибудь нужды или скудости, а от того, что заберут вперед царское жалованье и хлебные запасы, продадут и бегут, не желая служить, а пришедши к себе домой, скудостью и нуждою вины свои покрывают». Бруховецкий решительно отказывался доставлять ратным одежду, оттого, что «Украина бедна и разорена неприятельским мечом и долгим стоянием войск, собранных против неприятеля», в этом гетман ссылался на всех воевод, знавших положение края. И от своих воевод московское правительство получало неутешительные вести о состоянии духа своих ратных людей, о скудости денежной казны, о трудности добывать запасы. Несмотря на то, из Москвы присылались гетману воинственные указы «воевать польские города огнем и мечом». На такие указы гетман только и мог отвечать, что рад бы «вседушно чинить по царскому указу, только войска к нему не присылают». Тем не

менее не только просимого гетманом войска гетману не присылали, напротив, требовали от самого гетмана, чтоб он приехал в Москву видеть царские очи. «Мне» — писал гетман — «и подумать нельзя ехать теперь; это значило бы добровольно отдать Украину ляхам в руки». Гетман жаловался как на медленность воевод, которые должны были приводить великороссийские войска в Малороссию, так и на тех воевод, которые пребывали постоянно в малороссийских городах, на черниговского, нежинского и киевского. Московское правительство на просьбы гетмана о медленности присылки ратных сил обещало прислать их по зимнему пути, а насчет воевод, помещенных в малороссийских городах, отвечало, что вперед вмешиваться в дела, до них не касающиеся, им не велено.

Бруховецкий не мог посылать помощи восстанцам, получая из Москвы одни неисполнявшиеся обещания, но дело восстания народа против поляков не прекращалось, а с января 1665 года стало идти успешнее. В северских краях под Кричевом и под Гомлем одержана была победа над поляками стародубским полковником Лыском Остренином. В Умани полковником стал бывший прежде в Брацлаве полковником Иван Сербин. Он застал в Умани междоусобие, усмирил его, отбил нападавших на Умань поляков и потом, выступивши из Умани, взял Бабаны¹, Косеновку², Кисляк³, Торговицу⁴, захваченную поляками после ухода из нее Серка. Много боев имел он тогда с поляками и враждебными козаками, много взял врагов в плен и с торжеством воротился в Умань. Успехи Сербина пробудили дух посполства в соседних городках, только что покорившихся полякам. В числе их были Лисенка, от которой Семен Высочан отбил Чарнецкого, и Ставище, стоившее полякам таких долгих усилий. Чарнецкий не ожидал дерзости от жителей последнего, он расположил было свое войско по городам и селам и отправил послов на сейм с просьбою об уплате жалованья войску, а сам, после неудачи покушения на Лисянку, прибыл в Белую-Церковь; вдруг там услышал он, что ставищане прогнали от себя польский гарнизон. Сперва Чарнецкий отправил туда Маховского с его полком и с козаками Тетери. Ставищане встретили их с оружием. Маховский в бою потерял до двухсот человек и убежал. Тогда Чарнецкий поспешно двинулся сам. Козаки и посполство в Ставище еще не отдохнули от победы над Маховским, как явился перед ними Чарнецкий. Он вошел беспрепятственно в город и потребовал выдачи зачин-

¹ Ныне с. Уманск. уезда, Киев. губ., при р. Бабанке.

² Село Уманск. уезда, при р. Сибанке.

³ Село Уманск. уезда, Киев. губ., при р. Тикачс, ныне Кислик.

⁴ Мест. Уманск. уезда, Киев. губ., при р. Синюхе.

щиков нового восстания. Хотели было ставищане защищаться, но уже было для них поздно. Поляки сразу взяли над ним верх. Чарнецкий приказал всех жителей перебить, а город их со всеми жилищами сжечь до тла, чтоб не оставалось более гнезда мятежа, как говорили поляки. За Ставищами такая же участь постигла Боярку¹: и там жолнеры перерезали все посполство, не пощадивши и малых детей. Товарищ Чарнецкого, воевода русский Яблоновский, взял Кисляк, разбил там какого-то Вдовиченка, но в Кисляке поляки поступили человечнее; по крайней мере они оставили в живых с женами и детьми тех из них, которые, видя сразу невозможность бороться, поддались полякам.

Зверская расправа Чарнецкого над Ставищем и Бояркою, вместо того, чтобы страхом расположить народ к покорности, только более побуждала посполство правобережной Украины отрезаться от возможности терпеть власть поляков над собою. Из Корсуна, Черкас, Белой-Церкви и других городков и сел православные люди «нестерпимаго ради гонения людского многими десятками семей выезжали из своей родины, переправлялись через Днепр и просили себе новоселья, изъявляя желание быть в подданстве у православного государя».

Чарнецкий, после недавних свирепств своих, отправился в Польшу на предстоящий сейм. Ему было уже 66 лет от роду. Его давно уже беспокоила какая-то болезнь, но он все преодолевал себя. Вдруг эта болезнь начала развиваться быстро. День ото дня силы его упали. Приятели советовали ему спешить в Варшаву, чтоб там посоветоваться с учеными врачами. Он на пути заехал в свое имение Иленцы, пробыл там недолго и пустился далее в путь; на дороге встречает его курьер от короля; он вез Чарнецкому диплом на чин польного коронного гетмана, Прочитав королевское письмо, Чарнецкий сказал окружавшим его: «всегда я того ожидал, что король даст мне булаву уже в то время, когда я воевать не буду в состоянии; если Богу угодно будет продлить мою жизнь и дать здоровье, я покажу королю благодарность за его ко мне милость; если же придется умереть — по крайней мере на моем надгробном памятнике напишут, что я был гетман». Приближаясь к городу Дубно, он почувствовал крайний упадок сил и в деревне Соколовке приказал внести себя в крестьянскую хату, какая первая на глаза ему попала. Там он исповедовался у своего духовника иезуита Домбровского, ездившего с ним постоянно, а через ночь утром причастился св. таин и скончался. Поляки возносят этого человека, как своего национального героя, но польские источники, к чести своей, не скрывают и темных сторон его характера. Это был чрезвычайно свирепый, бессердечный и

¹ Мест. Звенигор. уезда, Киев. губ., у р. Гнилого-Тикача.

злой человек. Нельзя забыть его ужасной расправы над жителями Подолии и Украины в 1653 и 1654 годах, когда он своею дикою солдатчиною карал несчастный народ за стремление освободиться от панского ярма: то же повторил он и в последний год своей жизни. Чарнецкий всегда высказывал особенную злобу к русскому народу, ненавидел и презирал русское духовенство и вообще православную религию, с неудержимым изуверством отнимал у церкви колокола и приказывал переливать их на пушки, чтоб теми пушками истреблять непокорных «схизматиков», грабил и отдавал на поругание православные храмы, а все ценное из них вывозил к себе в Иленцы. Во всем был он черствый эгоист; свои подчиненные не любили его, а только боялись: да и сам он заботился более о том, чтоб наводить страх своею строгостью, чем о том, чтобы возбудить в подчиненных любовь к себе. Не только не старался он, чтоб жолнеры были сыты, одеты и получали вовремя свое жалованье; напротив, он старался держать их в недостатке и лишениях и говорил: истощенный и голодный жолнер лучше подчиняется команде, чем тот, у которого всего вдоволь. Таков был, по отзывам современников, человек, впоследствии прославленный польским потомством, уважавшим его военный талант и важные услуги, оказанные им Речи-Посполитой в критические минуты ее истории.

В Украине смерть Чарнецкого оживила дух восстания. Иван Сербин, установившийся в Умани, и овручский полковник Децик ревностно приводили к присяге царю городки за городками; везде восставшие жители избивали ляхов, которые были недавно туда введены, а их начальных людей живьем доставляли в Канев к Бруховецкому. Явились разом предводители ватаг, носившие название полковников. Из них более других показали себя: Кияшка, Дрозденко (иначе Дрозд), Овдиенко, Остап Гоголь; последний, принужденный страхом за жизнь сына притвориться другом ляхов, после смерти Чарнецкого опять стал за царя и за русский народ. К восставшему русскому посольству приставали купы волохов, приходивших из Молдавии: много их набралось в трехтысячной ватаге Дрозденка в Каменке. Для их продовольствия Дрозденко послал в Рашков¹, где проживала в своем владении невестка Богдана Хмельницкого, вдова Тимофея, молдавская княжна Домна-Александра, и потребовал от нее живности для своей ватаги. Владелица указала посланцам свои запасы, но потом тайно послала к полякам просить, чтоб они прислали к ней военную силу и освободили ее из Рашкова. Посланные с письмами Хмельницкой попались Дрозденку, и тот поспешил сам лично в Рашков. Не причиняя никакой обиды жителям Рашкова, Дрозденко велел бить

¹ Местеч. Ольгопольск. у., Под. губ. при р. Днестре.

владелицу, не стесняясь, как видно, тем уважением, на какое эта женщина имела право по родству с Богданом Хмельницким. Дрозденко приказал забрать у нее все имущество для найма волохов и буджакских татар. Ворочаясь из Рашкова в Каменку¹, Дрозденко встретился с теми поляками, которые шли к Хмельницкой по ее приглашению, и разбил их: едва десять человек из их отряда успели уйти. Потом в Кальнике², Рахнах³, Дашеве⁴ жители прогнали недавно поставленных у них жолнеров, которые уже считали себя до того твердыми в крае, что позволяли себе делать посольству обиды и мучения. Не успевшие в пору уйти с товарищами жолнеры запирались в замках, откуда посольство принялось их добывать. Тетеря в своих универсалах напрасно убеждал русских к покорности королю. Более слушали русские Сербина, который рассылал повсюду свои универсалы, располагал жителей берегов Буга и Днестра к сопротивлению полякам и обнадуживал восстанцев скорою помощью от православного царя.

Весною, по просухе, война с поляками в Украине продолжала идти еще удачнее для русских. 20 марта разбиты были польские хоругви под Торговицею; 25 марта под Ольшаною⁵ разбили польского предводителя шайки Друка и самого его казнили смертью за разорения, причиненные русскому посольству; в четверток на Светлой неделе, 30 марта, под Лисянкою разбили и прогнали отряд, посланный преемником Чарнецкого, Яблоновским, с «преlestными» письмами, которыми думали еще поляки склонять посольство. Но две более важные победы произошли 4 апреля в двух местах. Дрозденко под Брацлавом разгромил в прах Тетерю; в этот же день Бруховецкий приобрел Корсун. Последнее дело произошло так. Накануне, 3 апреля, гетман и воевода Протасьев отправили к Корсуну лубенского полковника, Григория Гамалею, с отрядом из великороссиян и малороссиян, всего полторы тысячи⁶. Ночью перед рассветом подошли они к городу тайком, когда там не ждали неприятеля; с внезапным криком полезли они на стену, изрубили караульщиков, ворвались в большой город; к ним пристали корсунцы и начали рубить польский гарнизон и бывших на польской стороне козаков. Погибло таким образом до 700 человек. Живьем было схвачено важное лицо — Тимофей Носач, бывший при Хмельницком генеральным обозным, а теперь нахо-

¹ Местечко Ольгопольск. у., Под. губ., при реке Днестре.

² Село Липов. уезда, Киев. губ., при р. Соби.

³ Ныне не существуют.

⁴ Мест. Липов. у., Киев. губ., при р. Соби.

⁵ Мест. Звенигородск. у., Киев. губ., при р. Ольшаной.

⁶ Великороссиянами начальствовали рейтарского строя ротмистр Жемчужников и солдатского строя капитан Страшиловский.

дившийся в Корсуне наказным гетманом от Тетери, вместе с генеральным судьей Тетери, Криховецким. Гамалея всех жителей корсунских с их семьями повел за собою в Канев. Бывший в то время в Москве стряпчий говорил, будто этих жителей было до десяти тысяч душ, но верность таких чисел сомнительна. Бруховецкий отправил в Москву в качестве языков знатнейших пленников, взятых в Корсуне.

1-го мая одержана была новая победа козаков над ляхами: польский полковник Мурашко бросился на Стародуб, надеясь захватить его врасплох; но, увидевши, что стародубцы готовы к отпору, повернул назад и на обратном пути был разбит в прах черниговским полковником Демком Многогрешным.

Около половины мая думный дворянин Яков Тимофеевич Хитрово привел к Бруховецкому в Канев калмыков. Исконные враги крымцев калмыки, не достигши Канева, разбились на два отряда: один пошел к югу на крымцев, другой достиг до Канева и должен был находиться в распоряжении гетмана, а гетман с своей стороны, сообразно царскому указу, обязан был содержать их на свой счет и, кроме того, угощать табаком, медом, мясом, пивом и вином. Их считали до семи тысяч, но собственно верного числа пришедших не знали, потому что списков им не велось. По совету с царским воеводою Протасьевым, находившимся при гетмане, Бруховецкий отправил их к Белой-Церкви при козацком войске, над которым, вместо себя, назначил наказным гетманом каневского полковника Лизогуба. 21-го мая наткнулись они на польское войско, стоявшее недалеко от Белой-Церкви под командою премника Чарнецкого, Яблоновского. Появление калмыков было для поляков так неожиданно, что произвело между ними переполох: они убежали в Белую-Церковь и зажгли за собою свое таборище. Калмыки погнались за ними, произвели в их рядах большое смятение и обогатились добычею, овладевши лошадьми и одеждами убитых. Этим и окончился первый поход. Бруховецкий, извещая о такой победе, умолял снова прислать скорее великороссийских ратных людей, так как у Протасьева оставалось всего 500 конных и пеших. Несмотря на то, Бруховецкий задумал еще попытать счастья, и в первой половине июня двинулся вместе с Протасьевым под Белую-Церковь, но через несколько дней осады и бесполезных попыток овладеть этим городом, отошел и стал в Мотовиловке¹.

Причиною этому отступлению были важные перемены, совершавшиеся в правобережной Украине. После поражения, нанесенного Тетере Дрозденком, несколько времени носился в Украине слух, что сам Тетеря убит. Это известие было неверно. Тетеря остался жив, но видел, что уже ему не сдобровать, что украинцы

¹ Ныне село Васильк.у., Киев. губ., при р. Стугне.

могут схватить его и выдать Бруховецкому, а потому решился тогда же отказаться от гетманского достоинства и бежать в Польшу. Надеялся Тетеря, что король даст ему маентность, и он будет себе жить в довольстве, удалившись от политических бурь. Еще прежде перед тем он в Чигирине успел захватить часть имущества покойного Хмельницкого, своего тестя, а теперь убежал из Брацлава так поспешно, что покинул там много своего достояния и даже серебро. Чуть только он оставил Брацлав, как туда явился Серко, захватил все, чего не успел увезти Тетеря, и разделил между козаками. Говорили, будто после того Тетеря отрекся от православия и принял латинство, но это известие недостоверно; по крайней мере в 1660 году он писал к игумену Киево-Михайловского монастыря Софроновичу, что желает постричься в Печерском монастыре. Но в монахи он не постригся в Киеве. У него поляки выманили все то, что он успел увезти с собою из Украины. Тетеря долго искал правосудия, не мог найти его в Польше, и уже после отречения от престола Яна Казимира, не получивши защиты себе от нового короля Михаила, уехал в Волошскую землю, был там принят радушно господарем, обласкан константинопольским патриархом и отдался под протекцию турецкого государя. С этих нор он исчезает из истории. Ни места, ни времени его кончины мы не знаем.

После бегства Тетери в Украине открылось поле для честолюбцев, пытавшихся возложить на себя гетманство. Первым, более других смелым был Степан Опара, один из многих предводителей восстанцев, носивший звание Медведовского полковника. Его ватага хотела, чтоб он стал гетманом. Он сошелся с татарами, бывшими в Украине, и 11 июня подошел к Умани. Ивана Сербина уже не было в живых: «он пал в бою, как верный Богу и царю воин», писал о нем Бруховецкий, отправляя к царю его осиротелого сына. Опара уверил уманцев, что два крымских салтана, его союзники, стоят неподалеку от Умани, и так прельстил или напугал уманцев, что те отворили ему город. Тут Опара смелее провозгласил себя гетманом, потому что ватага его усилилась уманцами; выбраны были генеральные старшины Войска Запорожского. Опара желал чем только возможно утвердить на первых порах захваченную власть и охранить ее от народного непостоянства; он послал просить крымского хана утвердить его в гетманском достоинстве и дал обещание за содействие отдавать в плен татарам непокорных ему жителей, — хотел платить за свое гетманство христианскими душами, — выразился о нем его соперник Дрозденко. Сам Опара с бывшими при нем татарами двинулся против Бруховецкого к Белой-Церкви; и это-то было поводом отступления Бруховецкого к Мотовиловке.

Мотовиловка¹, находившаяся в руках поляков, только что пред тем, в первой половине июня, при содействии местных жителей была покорена царской власти овручским полковником Дециком, подчинившим на государево имя все Полесье и засевшим тогда в Хвастове. Бруховецкий, занявши Мотовиловку, в своих донесениях, посылаемых в Приказ, выставлял Децика как ревностного, умного и храброго царского слугу; киевский же воевода Чаадаев описывал Дециковых козаков совершенными разбойниками и жаловался на гетмана, что он не чинит над ними управы. Впрочем, несогласия между киевским воеводою и гетманом тогда же прекратились, потому что Чаадаев в это время отпросился с воеводства, Вместо Чаадаева прибыл в Киев новый воевода князь Никита Львов.

Дело управления и обороны Киева новый воевода нашел в неисправности: скудость в продовольствии ратных, упадок городских укреплений, недостаток денег, беспрестанные побеги служилых. Такие же неисправности чувствовались и в других малороссийских городах; в Нежине, в Переяславе воеводы жаловались на скудость продовольствия и на происходящие оттого побеги служилых.

В южных великорусских областях указано было собрать определенное количество хлебного запаса на содержание ратных царских людей в малороссийских городах, но посланные с этим запасом крестьяне, покинувши запас, разбежались с дороги. При таком настроении невозможно было из малороссийских городов оказать ратными царскими людьми содействие Бруховецкому, оставившемуся в Мотовиловке.

VI

Несогласие в Польше между королем и Юрием Любомирским. — Король вызывает из Украины войско. — Польское войско составляет конфедерацию. — Оставление гарнизонов в украинских городах. — Гетман Опара с татарами. — Дорошенко — его соперник. — Татары выдают Опару Дорошенку. — Дорошенко отсылает Опару к королю. — Дорошенко с татарами. — Дорошенко провозглашает себя гетманом. — Борьба Дорошенка с Дрозденком. — Дрозденко взят Дорошенком. — Децик покидает Полесье и уходит на левую сторону. — Тревога в Малороссии. — Новые переселения народа с правой стороны на левую. — Беспokoйства во время отсутствия гетмана, уехавшего в Москву. — Ссоры малороссиян с великороссиянами.

События, возникшие в Польше, сразу перевернули ход военных дел в Украине. Давнее нерасположение между польским ко-

¹ Ныне село Васильковск. уезда, при реке Стугне, станция на железной Киево-Брестской дороге.

ролем Яном Казимиром и великим коронным маршалом Юрием Любомирским обратилось в открытую вражду после того, как королева Людвика намеревалась провести назначение преемником на престоле Яну Казимиру своего родственника, французского принца Конде; этому сильно воспротивился Любомирский, и без того уже прежде не любивший королевы. Король, побуждаемый и женою, и панами, враждебными Любомирскому, стал преследовать великого коронного маршала до того, что тот ушел за границу и начал действовать против короля оружием. В Польше началось междоусобие; Польша разбилась на две половины: одна была за короля и королеву, другая держалась Любомирского, находя, что он защищает издавна установленную законами свободу Речи Посполитой, которая не допускала возводить на престол иначе, как приговором избирательного сейма. Король потребовал из Украины войско для усмирения восстания Любомирского.

Но этому войску давно уже не плачено было жалованье. Главнокомандующий Яблоновский собрал войсковой круг, так называемое «коло»; на нем было положено отправить в Варшаву послов от войска, чтоб испросить уплату жалованья, задержанного за два года. Посольство это не имело успеха, потому что сейм был сорван, а без сейма нельзя было ни назначать податей, ни производить уплаты. Тогда жолнерство составило «конфедерационный связок», избрало маршалком конфедерации Адама Устржицкого, а помощником ему (субститутом) Юзефа Борского, и двинулось из Украины в Польшу расправляться по-свойски с королевскими и духовными маестностями, собирая себе жалованье в уплату курами, баранами, бабами и прочим, «с великим озлоблением бедных простолюдинов». Конфедерационный связок в Польше был, так сказать, освященный законами и обычаями мятеж: члены такого связка или конфедераты составляли государство в государстве, старались усилиться присоединением к себе наибольшего числа членов и приобрести всеобщее признание своих замыслов. Конфедерационные связки войск имели обыкновенно непосредственную цель принудить власть к уплате жалованья, которое вообще очень часто не доплачивалось или не вовремя платилось.

Уход польского войска из Украины произошел так быстро, что козаки видели в нем постыдное бегство своих врагов. Яблоновский оставил в Украине только пехоту, в замках чигиринском, корсунском и белоцерковском. В чигиринском — комендантом был Жебровский и находился под старшинством генерал-майора Стахорского, бывшего в Белой-Церкви. Чигиринский гарнизон содержался от козаков, тогда еще верных Речи Посполитой. В Корсуне пехота состояла из немцев; число их было в то время только 250 человек, да и те были в неудовлетворительном состоянии, терпя недостаток как в одежде, так и в пище. Белоцерков-

ский гарнизон, под командой Стахорского, состоял из 3.000 конницы и пехоты, а при них было 400 татар.

Кроме польских войсковых людей, помещенных в этих городах гарнизонами, появлялись еще в Украине дружины польских охотников, так называемые «затяги». Наступала самая удобная пора для окончательного освобождения Украины от польского владычества. Польского войска почти не было в Украине, у врагов малороссийского народа — поляков происходят убоицы. Еще, казалось, не было такого благоприятного времени. Но на беду Украине, между козаками началось междоусобие.

Опара, двинувшись против Бруховецкого на Мотовиловку, хвалился овладеть самым Киевом, распуская слух, что за ним идет 30.000 орды с двумя мурзами. Действительно, за ним по следам входила в Украину татарская орда, и Опара вышел к ней навстречу к Богуславу. 18-го августа он, вместе с выбранною им козацкою старшиною, поехал к предводителям орды; то были мурзы: Камамбет-Батырша и Батыр-Ага. Опара был уверен, что едет к своим друзьям, союзникам и покровителям; но как только Опара вошел в татарский стан, татары стали грубо кричать на него, не допустили его до шатров своих мурз, принялись грабить самозваного гетмана и поставленных им козацких старшин. Татары, в знак пренебрежения, сорвали с них верхнее платье и тогда уже повели их к мурзам¹.

«Смотри, что ты тут написал», сказали мурзы Опаре, показывая перехваченное его письмо к Дрозденку: «ты подманиваешь его, чтоб он тебе передавался, и обещаешь вместе с ним воевать против польского короля! — А ты присягал королю своему на верность и нам присягал?»

Тут на него посыпались ругательства. Ему повесили на шею цепь, а на ноги надели железные кандалы. После того татары бросились на козацкий табор и стали угонять лошадей. Козаки Опариной ватаги защищались и стреляли; бой продолжался до ночи. Татары отступили, но утром снова начали приступ к табору.

В это время мурзы велели прекратить нападение, выехали перед табор Опариной ватаги и закричали: «козаки! хотите взять себе гетманом Петра Дорошенка? Мы его вам даем в гетманы. Если его возьмете, не станем вас трогать, а не возьмете, — пошлем поляков звать из Белой-Церкви и Чигирина и станем с ними вас добывать».

Козаки собрались на раду и рассудили, что Опара погиб, защищать более некого — да и не стоит; согласились принять Петра Дорошенка. Он был внук Михаила Дорошенка, бывшего когда-то гетманом; отец получил шляхетское достоинство в 1650

¹ По восточному обычаю, оказывая честь лицам, допускаемым на аудиенцию к владетельным особам, надевали на них кафтан; в противоположность этому, с них срывали верхнее платье — в знак бесчестия.

году. Родился он сам в Чигирине, где у его фамилии был двор. Еще при Богдане Хмельницком и Выговском был он полковником прилуцким, потом черкасским, а в последнее время, при Тетере, состоял в чине генерального асаула. Дорошенко приехал в табор. Все сотники и атаманы Опариною ватаги признали его своим вождем, присягнули польскому королю в верности и послушании, а хану крымскому — в союзе. Дорошенко тогда же присягнул перед всеми, что будет добывать левобережную Украину, хотя бы пришлось всех тамошних козаков татарам отдать.

Новоизбранный гетман с признавшим его войском и татарами двинулся в Ладыжину. Тамошние мешчане сдали ему город и выдали пехотного полковника Царя, приятеля Опары. Дорошенко направился к Брацлаву, где сидел запершись Дрозденко. Дорошенко обещал татарским мурзам подарки и просил выдать ему Опару, чтоб отослать его к польскому королю. Татары выдали ему Опару вместе с Радочинским, носившим у Опары звание войскового судьи. Дорошенко присоединил к ним Царя и всех троих отправил в Белую-Церковь, а белоцерковский комендант, Стахорский, препроводил их в окопах к королю с верным Польше белоцерковским козацким полковником Яськом Кулганом.

Кулган застал Яна Казимира во Мстове, где король остановился, гоняясь за Любомирским. Король приказал отвезти Опару и Радочинского в Мариенбург на заточение, а Царя велел посадить на кол за то, что Царь два раза изменял и убегал. Тут был и Тетеря; он просил короля уволить из заточения в Мариенбурге митрополита Иосифа Тукальского и архимандрита Гедеона Хмельницкого. Король согласился, хотя некоторые паны не находили уместною такую милость, полагая, что Тукальский и Хмельницкий были главными заправщиками мятежа русского народа.

С падением Тетери правобережная Украина шагнула еще далее в омут общественного разложения. До сих пор посольство колебалось между московским царем и польским королем: то были две силы, тянувшие каждая к себе Украину; посольство восставало и вооружалось, — одна половина его за царя, другая — за короля; у одних был пункт, откуда ожидалось пособие, — в Каневе, где был царский гетман Бруховецкий, у других — в Чигирине, Белой-Церкви или вообще там, где находился гетман, поставленный королем; одни ждали содействия от царского войска, другие — от польского. Так было до сих пор. Теперь польские войска ушли сами из Украины; московского же войска не дождалась царские сторонники правобережной Украины и оттого должны были все более и более охладевать в своем расположении к Москве. На правой стороне после бегства Тетери остались козацкие полковники без главы, а рядом с прежними, как мы выше заметили, носили звание полковников и предводители ватаг из посольства, поднявшегося против Польши;

неподдержанные Бруховецким, последние тепёр предоставлены были судьбе своей. Тогда, как мы уже сказали, смелейший из них, Опара, провозгласил себя гетманом и с первого раза ухватился за помощь от татар. Против Опары выступил другой искатель первенства и власти — Дорошенко, также при помощи татар, и от них получил признание своего гетманского сана. Но татары никогда еще не имели права давать Украине гетманов и невозможно, казалось, русскому народу внушить сознание такого права. Предстояло Дорошенку пристать или к Польше, или к Москве, — к одной какой-нибудь из сторон, уже боровшихся между собою за господство над Украиною с каким-нибудь историческим правом на это господство. Не пристававал еще ни к той, ни к другой Дорошенко, а держался пока одних татар; татары были тогда союзники польского короля, и потому естественно было Дорошенку, опираясь на татар, искать утверждения от польского короля. Прежде, однако, чтоб не иметь судьбы Опары, нужно было ему заручиться желанием козаков и посольства признать его, а не кого другого гетманом. Но в этом отношении у него были и вперед должны были являться соперники. Сильнейшим соперником в первую пору гетманства Дорошенка явился Дрозденко. Он не признал власти Опары и сказал посланцу, пытавшемуся склонить его на сторону Опары: «я ни которою мерою не хочу отлучиться от царского величества; аще будете ляхов бить — я с вами, а коли вы с ляхами заодно — я не хочу с тобою!» Опара пал. — Дрозденко стал также и против Дорошенка: выступил из Брацлава, ожидая встречи с Дорошенком, и стал в местечке Кубличена Буге, с четырьмя тысячами восстанцев, в числе которых были волохи и сербы. Дорошенко двинулся на Дрозденка с татарами, стал в урочище Добрая-Долина и послал подъезд отыскивать своего соперника. Все козаки этого подъезда передались Дрозденку. Но к Дорошенку прибывали свежие татарские силы отрядами, один за другим. Страшны были для Украины эти союзники Дорошенка. Пришедши, не оставались они при гетманском войске, а расходились в стороны загонами, как бы для того, чтоб заставляя поселения и города признавать власть Дорошенка; они грабили, жгли и уводили ясыр без всякого милосердия. Так потерпели тогда четыре городка: Лесовичи², Ковшовата³, Звенигородка⁴, и Конская; всех тамошних жителей угнали татары в неволю. Одни загоны уходили в степи с толпою ясыра, другие, на смену им, приходили за ясыром. Дорошенко напрасно старался остановить их и представлял их мурзам, что ведь это земля их союзника — польского короля,

¹ Местечко Гайсинск. уезда, Подольской губернии.

² Ныне село Таращанск. уезда, Киевск. губ., при реке Котлуе.

³ Ныне местечко того же уезда.

⁴ Ныне уездн. гор. Киевск. губ. при реке Гнилом-Тикаче.

обещал им, после того, как расправится с Дрозденком, отпустил их на поживу в царские области, на левый берег Днепра. Не слишком слушались его татары; тем не менее и своевольными шатаниями своих загонов принесли они однако пользу Дорошенку. Они нагнали такой страх на жителей, что многие признавали Дорошенка гетманом ради того только, чтоб не понести страшного разорения от его союзников. Татар наплыло тогда так много, что и при самом Дорошенке оставалась их большая сила. С ними погнался он своего соперника в Брацлаве и там осадил его. Кальницкий полковник, Мельник, прежде верно державший царя, вдруг взбесился, по выражению современника, перебил посланцев с левого берега Днепра и объявил себя за Дорошенка. Другие городки около Буга последовали примеру Кальника. Овручский полковник, Децик, держался в Мотовиловке и сносился с Дрозденком, так что его посланцы благополучно ездили в Брацлав и ворочались. Не так легко было сноситься другим с Брацлавом. Бруховецкий, оставивши Мотовиловку и прибывши в Канев, должен был, по царский воле, отправиться в Москву и оставил в Каневе, вместо себя, наказным гетманом переяславского полковника Ермолаенко, с четырьмя полками: Нежинским, Прилуцким, Зиньковским и Лубенским. Этот временный правитель Украины хотел также вести сношения с Дрозденком, но посланцы Ермолаенка не могли добраться до Брацлава, а посланцы Дрозденка также не могли дойти до Канева, чтоб испрашивать помощи. Пока татарские загоны по сторонам заставляли страхом городки и села признавать гетманом Дорошенка, сам Дорошенко держал Брацлав в блокаде двадцать дней, и голод заставил многих переходить от Дрозденка к Дорошенку. Наконец, видя себя и малолюдным, и малосильным, Дрозденко сдался, но не Дорошенку, а татарскому мурзе¹ и объявил, что у него есть скарб — в Рашкове, где находилась тогда его жена. Туда отправился он сам с воли мурзы, но туда же последовал и Дорошенко, чтоб отнять у побежденного соперника скарб и выплатить им орде. Скарб этот, как кажется, был тот самый, который Дрозденко отнял у Хмельницкой и находился на хранении у какого-то доктора Константого. Ворочаясь от Рашкова, Дорошенко заплатил мурзе 30.000 денег, а от него взял пленного Дрозденка и повез за собою к Чигирину. Дорошенко до времени не делал ничего дурного Дрозденку, но потом приказал его расстрелять.

С этих пор Дорошенко утвердился в Чигирине, в своей родине. Козаки взяли и заняли верхний город. Ляхов, бывших там, не

¹ А. Ю. З. Р., VI, 53. Дрозденко сдался, поверивши «прелестным» увещаниям Константина Могилевского, находившегося в войске Дорошенка полковником: это был происхождением грек, искатель приключений, — шатался по разным странам и пришел в Украину с толпой разных набранных бродяг.

изгоняли, пока Дорошенко признавал себя королевским подданным. Напротив, эти поляки участвовали во многих походах вместе с дорошковыми козаками и продолжали получать от Дорошенка содержание, хотя очень недостаточное, — и это заставляло их один за другим уходить. Так, наконец, они исчезли. Остались только такие, которые поступили впоследствии в число охотного войска, постоянно держимого Дорошенком.

Татары, пришедшие к Дорошенку на помощь, так широко распустили свои загоны, что добежали до самой Мотовиловки, угоняя толпами на пути сельских жителей. Из Мотовиловки стало опасно не только высылать подъяезды, но даже выходить людям в поле на работы.

Децик просил ратных людей на помощь из Киева; наказной гетман Ермолаенко также просил киевского воеводу оказать помощь Децику; но Децику царских ратных людей не присылали — и, наконец, Децик самовольно покинул Мотовиловку и прибыл в Киев. Причину, отчего не присланы были Децику из Киева царские ратные люди впору, епископ Мефодий, бывший в то время в Киеве, объясняет дряхлостью и неспособностью киевского воеводы; а из отписки второго киевского воеводы, Савлукова, видно, что Децику не подана была помощь оттого, что четырехтысячный отряд царских ратных людей, находившихся тогда в Киеве, терпел во всем крайний недостаток и, не получая царского жалованья, был мало способен к службе. Не добившись в Киеве помощи, Децик уехал в Переяслав, а за ним и весь его Полесский полк перешел на левую сторону Днепра и расположился в Остре, Козельце, Бобровице, Гоголеве «на доuku людскую». Ермолаенко был очень недоволен, зачем Децик оставил самовольно все Полесье без обороны; Ермолаенко посылал Децика снова на правую сторону с своим полком. Децик не послушал. Ермолаенко послал козаков Прилуцкого полка с наказным полковником Стычинским занять в Полесье Димер — важный пункт, где была переправа, но прилуцкие козаки также не послушались Ермолаенка.

Децик, вышедши из Мотовиловки, не сжег ее и оставил пустою. Вслед за ним командир белоцерковского польского гарнизона, Стахорский, распорядился накликать туда прежних, верных польскому королю жителей, но киевские воеводы, узнавши об этом, послали рейтаров, которые 13-го ноября ночью ворвались в город, зажгли его и истребили мотовиловских людей, только что туда пришедших.

Жители правобережной Украины со дня на день видели себя все в более и более горьком положении: татары не давали им работать на полях, сожигали их жилища, уводили в полон их семейства. Русские продолжали переселяться на левую сторону Днепра. В сентябре из Лисянки в два приема перешли на левую

сторону в Переяслав толпы с семействами, покинув свое достояние. Перебежчики говорили: «все наши местечки в тревоге, все жители хотели бы на левую сторону перебраться; у нас татары весь хлеб на поле потравили, и народ питается только дикими грушами». Поставленные в Каневе козацкие полковники доносили: «бедные люди от мучителей беспрестанно, как овцы, на левую сторону бегут». — «Посылаем каждый день подьезды, да видим, что и посылать-то уж будет скоро не для чего: в городках счетом люди остались; толпами бегут пешие на левую сторону в наши города и все наги, от неприятелей в конец обнажены». Но и на левой стороне не давали враги малороссиянам покоя. Дорошенко, разделившись с Дрозденком, послал универсал в левобережные полки, советуя признать себя гетманом и подчиниться польскому королю, а потом стали делаться с правого берега на левый и вооруженные набеги, окончившиеся счастливо для левобережных. Начальные люди в Малороссии опасались, чтоб Дорошенко с ордою не кинулся на левую сторону, рассчитывая на отсутствие там гетмана. Ермолаенко, находясь в Каневе, писал в Москву к гетману, что козацкие начальники перестанут его слушаться и самовольно покинут Канев, как только Дорошенко покусится воевать левую сторону. Епископ Мефодий из Киѣва, от 30-го октября, писал в Нежин к Ракушке (которого Бруховецкий назначил быть войсковым дозорщиком), чтоб он звал гетмана в Украину. И к самому гетману в Москву писал епископ: «ныне без бытности вашей милости ничего доброго нет: всяк в свой нос думает».

Как ни беспокоились на левой стороне Днепра, ожидая появления Дорошенка и татарской орды, но не обходилось без ссор малороссиян с царскими ратными людьми. В местечке Котельве и в Куземине¹ расположенные на постое у жителей немцы, служащие в царском войске, чинили тягости хозяевам и даже насиловали их жен. Такие же самоуправства делались в Переяславе и Нежине, и когда малороссияне сопротивлялись насилию, то ратные царские люди стращали их побоями и даже смертью. «Всякому» — говорил по этому поводу современник — «свое здоровье мило, а как станут угрожать здоровью — трудно жить». В городе Киеве мещане беспрестанно не ладили с царскими ратными людьми, и через то вступали в пререкания с воеводами. В челобитной, поданной в августе 1665 года, киевские мещане жаловались, что царские ратные люди захватывают торговые места в городе, рыбные ловли в озерах около города, забирают у промышленников байдаки, челны и рыболовные снасти, заказывают кузнецам, бронникам, кожевникам разные работы и не платят по договору; недовольны были мещане и постоями царских ратных людей в обывательских домах, тем более, что ки-

¹ Местечко Полт. губ., Зеньковск. уезда, при реке Ворскле.

евские жители не занимались хлебопашеством и ели покупной хлеб, а поэтому кормить ратных людей было для них накладно, жаловались и на тягость подводной повинности. Воевода в своей отписке в Приказ объяснял, что эти жалобы несправедливы: царские ратные люди овладевали только такими торговыми местами и угодьями, которые прежде принадлежали беглым и стояли впусте, подводы же с мещан берутся редко, а более всего берутся они с иногородних торговцев. Не только царскими ратными людьми малороссийский народ был недоволен, заводились ссоры на границах с великороссийскими обывателями. Из Конотопа поехали козаки в лес за дровами; вдруг из Путивльскаго уезда напал на них помещик, сын боярский, Денис Константинов с жителями Вязовской слободы, ограбил их, а одного козака, не отдававшего своих лошадей, так ударил мушкетным дулом в грудь, что козак на третий день умер. Убийцу поймали и посадили в тюрьму в Конотопе, но путивльский воевода потребовал прислать его к нему, и преступник остался не наказан.

Но у малороссиян, кроме ссор со служилыми великороссиянами, были и между собою сословные ссоры, по поводу которых они обращались с челобитными к воеводам или в малороссийский Приказ. Так, например, те же киевские мещане жаловались на козаков, что они приезжали в Киев как бы проездом, следуя к Мотовиловке, но проживали в Киеве по месяцу и приводили в страх мещан, требуя себе содержания и делая хозяевам насилия и побои. Кроме того, киевские мещане жаловались, что сам гетман присылал иногда в Киев козаков, которые дозволяли себе там самовольства.

VII

Приезд Бруховгцкаго в Москву. — Почетный прием, оказанный гетману. — Брак его с княжною Долгоруковою. — Бруховецкий ударил челом государю всеми городами малороссийскими. — Бруховецкий пожалован боярином, а старшины и полковники произведены в дворяне. — Жалованные им поместья. — Жалованные грамоты городам. — Отъезд Бруховецкого.

В то время, когда происходили в Украине описанные события, Бруховецкий находился в Москве. Он прибыл в царскую столицу 11-го сентября 1665 года. С ним приехали трое духовных особ, генеральные войсковые старшины: обозный Иван Цесарский, судья Петро Забела; писари: Степан Гречаный и Захар Шийкевич; асаулы: Богдан Щербак, Василь Федяенко и Павел Константинович, бунчужный Юско Шишаковский, хорунжий Николай Яковенко; полковники: нежинский Матвей Гвинтовка, лубенский Григорий Гамалея и киевский Василий Дворецкий; 79 сотников, атаманов, полковых писарей и канцелярских подписков, пять че-

людей посланцев от городов, четыре войта, девять бурмистров, райцев и писарей, 296 человек козаков и певчих (спеваков), 21 человек мещан, 106 челядников и хлопцев, всего 535 человек. Со времени присоединения Малороссии к Московскому Государству в первый раз приезжал в столицу и притом с такою большою ассистенциею малороссийский гетман, и был он в этот раз принят с большим почетом, как важная владетельная особа. У Серпуховских ворот, за Земляным Городом, устроена была ему почетная встреча; представились назначенные ему приставы: ясельничий Иван Афанасьевич Желябужский и дьяк Григорий Богданов. Для вступления гетмана в столицу отправлен был из царской конюшни богато убранный породистый серый мерин, оседланный бархатным золотым седлом с лукою, оправленную позолоченным серебром, с турецким чепраком, золоченым по серебряной земле, с мундштуком, украшенным изумрудами и бирюзой. По обычаю, церемонно спрашивали о здоровье гостей, а гости кланялись в землю в благодарность за честь, оказанную спросами о здоровье от царского имени. Все двинулись в город через Москворецкий мост, на Ильинский крестец, в построенный там большой посольский двор. Другие особые приставы были назначены к старшинам и полковникам. Приставы, как те, что назначены были к гетману, так и те, что были при старшинах и полковниках, назначались будто для почета гостям, но вместе с тем они были и секретными надзирателями за гостями: что с ними гетман и другие станут говорить, про то им велено сказывать в малороссийском Приказе боярину Петру Михайловичу Салтыкову, заведовавшему на то время этим Приказом. Водворивши гетмана и других гостей, приставы должны были всем доставлять содержание по росписи, составленной в Приказе.

13-го сентября назначено было представление пред царскую особу. Тогда для торжества на пути, по которому должны были следовать гости, расставлены были две сотни подьячих разных приказов в цветных праздничных платьях, шесть рот рейтар и три приказа стрельцов.

Прием происходил в столовой палате.

Дьяк малороссийского Приказа, Иван Михайлов, являл государю, что гетман Войска Запорожского, подданный его царского величества, а с ним старшины и разных полков посланцы ему, великому государю, челом ударили,

После этого заявления гетман говорил речь, а потом дьяк оповестил, что государь жалует всех и допускает к своей руке.

Происходило целование царской руки. По окончании его дьяк сказал, что царь приказал спросить их всех о здоровье.

Гетман и все бывшие с ним в знак благодарности низко поклонились. Затем дьяк заявил государю, что гетман бьет челом

великому государю подарками. Эти подарки, в то время объявленные, были: отнятые у неприятеля две пушки, серебряная булава, принадлежавшая наказному гетману Яненку, отнятая под Белою-Церковью, арабский жеребец, оседланный турецким седлом, украшенным драгоценными камнями, турецкий канчар, обсаженный бирюзою, 89 польских пленников и 40 чабанских волов для царской поварни. Царским сыновьям: Алексею Алексеевичу, Федору Алексеевичу и Симеону Алексеевичу, явлены были особые подарки: первому саадак, лубья бархата черного, вышитого золотом и серебром, по местам запоны с яхонтами червчатами (малиновыми) и жеребец турецкий; Феодору — рыдван, обитый вишневым сукном и шесть возников (упряжных лошадей); а Симеону — два серых возника с чубаринами в яблоках.

Объявлением подарков окончилась церемония приема. Гетман и все бывшие с ним прежним порядком возвратились в свое помещение, и вслед затем прибыл туда «степенный ключник» хлебного дворца со столом. Полковники встречали его на нижнем, а гетман на среднем крыльце дома. Приехавший ключник объявил, что привез государева жалованья — яствы и питье. Гетман поклонился до земли. Такая доставка кушанья имела значение приглашения гостей к царскому столу. Постлана была скатерть, поставлены судки, тарелки, ложки серебряные и ножи, как обыкновенно подавалось послам иноземным.

Гетман обедал с нежинским протопопом, генеральными старшинами и полковниками. Прочие обедали в других покоях. Пили из кубков фряжские вина, романею, ренское и меды. Ключник подносил гетману и собеседникам его заздравные чаши; все пили, вставая с своих мест, и произносили при этом весь длинный царский титул; таким же порядком пили здоровье трех сыновей государя. Соблюдая обычай тогдашней вежливости, обедавшие хвалились «государскою милостию» и изъявляли довольство и благодарность. День был постный. Кушанья приготовлены были из осетрины, белуги, белорыбицы, стерлядей, карасей, шуки, пирогов, оладей и левашников с патокою.

17-го сентября был другой такой же принос кушанья и питья с путным ключником Михайлом Лихачевым, по поводу именин царевны Софии; но теперь день был скоромный, и стол изобиловал всякого рода мясными кушаньями: в них играла главную роль курица в различных приготовлениях, затем — лебедь, гусь, утка, баранина, пироги с мясом, сыром, яйцами, курники, оладьи, блины, а в конце обеда, в виде лакомства, поданы были «таз яблочный» и пастила «трубою». Следовало, так как и прежде, питье заздравных чаш, но теперь пили и за бояр, за гетмана и за все верное Войско Запорожское. После стола гетман подарил доставившему стол ключнику саблю в щегольской оправе.

В этот день Бруховецкий поручил своему приставу Желябужскому бить челом боярину Салтыкову, чтоб тот донес его челобитие государю: «пожаловал бы меня, гетмана, великий государь, велел бы меня женить на московской девице, а не жена — не отпускать из Москвы».

Неизвестно, внушена ли была гетману такая мысль от московских людей, или же он сам возымел ее, сообразивши, что это будет приятно верховной власти, что в желании малороссийского гетмана обзавестись свойством в Москве увидят прочное намерение пребывать непоколебимо в подданстве и в послушании государевой воле, и тогда не станут в Москве подозревать, что он способен пойти по следам прежних гетманов, отступавших от подданства царю; а о таком подозрении ему уже сообщались намеки.

Желябужский спросил гетмана: есть ли у тебя на примете невеста? Девка или вдова тебе надобно?

Гетман отвечал: на примете нету у меня невесты, и на вдове жениться у меня мысли нет. Пусть пожалует меня великий государь — укажет мне жениться на девке, а женясь, стану я бить челом великому государю: пусть пожалует меня вечными вотчинами поближе к Новгороду-Северскому, чтоб там жене моей жить, и после моей смерти жене моей и детям по государевой милости было бы прочно.

Желябужский заметил: коли твоя жена будет там жить, так и тебе с нею мешкать придется там же; а как войску доведется быть в собрании, где ему собираться? да и без сбора войска много ли козаков нужно при тебе для гетманства твоего?

Гетман отвечал: войску собираться можно в Гадяче или в ином месте, где будет пристойно по вестям, а я к войску стану приходить; при мне же быть можно повсягды человек с триста, и теперь у меня таких, что мне верны, будет человек со сто. Пожаловал бы меня великий государь, указал прибавить ко мне московских людей, кем бы мне от всего уберечься. Без таких людей мне никоими мерами нельзя быть в эти шаткие времена. Меня, гетмана, изневесть хотели, погубить, да асаул уберег: подметя тот завод (т. е. умысел), весть мне учинил.

Еще 15-го сентября, сообразивши, чего от него особенно в Москве хотели бы, гетман уговорил старшин и полковников, прельстивши их надеждами на большие царские милости, «ударить челом государю всеми малороссийскими городами». Подана была им о том челобитная. В ответ ему поручено было составить статьи и представить боярам. 22-го октября такие статьи были представлены боярам к ответной палате и подписаны с обеих сторон. Гетман, от имени своего и от имени старшин и полковников, изъявил желание, чтоб во всех малороссийских городах все денежные и неденежные поборы с мещан и поселян давались в царскую казну, чтоб таким

образом туда шли доходы с кабаков, которые следовало завести во всех больших и малых городах на горелку, размеры с мельниц, дань медовая и доходы с чужеземных торговцев, чтоб воеводы, с определенным количеством ратных людей, находились в городах: Киеве (ратных 5.000), Чернигове (1.200), Переяславе (1.200, из которых посылать в Канев 500), Нежине (1.200), Полтаве (1.200), Новгородь-Северске, Кременчуге, Кодаке и Остре (по 300), с тем, однако, чтобы воеводы не судили козаков и в имущества их не вмешивались. Отдавая посольство на произвол Москве, старшины старались выгородить свое козацкое сословие, обставя его всевозможными льготами¹. После подписания договора гетман и старшины приглашены были к царскому столу в столовой палате, и после стола произнесена была к гетману от царского имени речь, в которой одобрялось его поведение, восхвалялся он — за воинские доблести против ляхов и изменников, но более всего за то, что «ударил государю челом всеми городами, землями и со всеми хлебными и со всякими доходами». Гетману пожаловали золотную ферезею, украшенную драгоценными камнями и жемчугом, и горлатную шапку; старшинам, полковникам и писарям дали соболей и сукон, Гетман произведен был в бояре, а прочие пожалованы дворянским достоинством. 31-го октября у Ивана Желябужского с гетманом происходил такой разговор.

Гетман сказал: «доложить великому государю, как прикажет мне — самому ли видеться с князем Дмитрием Алексеевичем Долгоруковым и о сватовстве с его дочерью договориться, или через кого обослаться? и если договор учинится и по рукам ударим, какой срок положить свадьбе и от кого из дома иметь, и кто станет выдавать, и на который двор привезть, и на свадьбе у меня кому в каком чине быть? а я бы желал, чтобы в отцовое место был на свадьбе у меня боярин-Петр Михайлович Салтыков. Я о том уже бил челом ему, боярину. И в каком платье укажет государь быть мне — в нашем ли служилом, или в московском чиновном, а ударивши по рукам, до свадьбы к невесте с чем посылаться? Но нашему обыкновению, до свадьбы невесте посылают серьги, платье, чулки и башмаки. Пусть бы государь указал свадьбе совершиться в первой половине ноября».

День свадьбы гетмана неизвестен. Равным образом неизвестно: сам ли гетман указал на семейство окольного князя Дмитрия Алексеевича Долгорукова, или же сам государь нашел подручным женить гетмана на княжне Долгоруковой. После свадьбы гетман бил челом государю даровать ему в потомственное владение со всеми доходными статьями сотню Шептаковскую, находившуюся в Стародубском полку, на тот конец, чтоб ему, гетману, и жене

¹ Собрание госуд. грам. и договоров, IV. 156-162.

его, и детям, если таковых Бог даст, было всегдашнее особое прибежище, кроме Гадяча, так как последний, бывший в то время резиденцией Бруховецкого, был приписан к гетманской булаве и мог всегда составлять достояние того, кто был на гетманском уряде. Кроме Шептаковской волости, выпросил Бруховецкий себе во владение мельницы на Ворскле, двор в Переяславле и двор в Москве на случай приезда в столицу. Лохвина и Ромен с волостями определялись на войсковую армату (артиллерию).

Новопроизведенные дворяне, старшины и полковники получили по их челобитью маетности¹. Другим отсутствующим полковникам: черниговскому Многогрешному, прилуцкому Горленко, полтавскому Витязенку, миргородскому Апостоленку, стародубскому Остринину и генеральному писарю Степану Гречаному, также дано дворянство и пожалованы маетности. Гетман бил челом за войтов и мещан, которые находились тогда в Москве и просил выдать их городам жалованные грамоты на тот конец, чтоб малороссийское посольство, видя к себе милость государя, утвердилось в подданстве. Тогда выданы были жалованные грамоты на маетности и мельницы переяславскому протопопу, каневского Успенского монастыря игумену, гадячским и любечским мещанам, Печерскому монастырю — грамота на владение местечком Смелым с четырьмя деревнями, и городам: Киеву, Переяславу, Нежину, Каневу, Чернигову, Почепу, Гадячу, Стародубу, Козельцу и Остру — грамоты, подтверждавшие их, уже прежде бывшие у них, магдебургские права и привилегии, обещалось мещанам этих городов царское милостивое жалованье и призрение, а доходы хлебные и денежные назначалось собирать и отдавать в казну впредь воеводам и приказным людям.

Угождая всеми способами Москве, Бруховецкий готов был бить челом о всем, что, по его соображениям или, быть может, по прямому внушению от москвичей, московскому правительству пришлось бы по вкусу. Так, он просил, чтобы в Киев прислан был из Москвы русский святитель и малороссийское духовенство не зависело бы от митрополита киевского, утвержденного властью польского короля. Это очень понравилось московскому правительству, потому что таким способом в его волю отдана была бы важнейшая сторона общественного строя в Малороссии. Но с обычною московскою осторожностью на это гетману дан был такой нерешительный ответ: о таком важном предмете будет учинена

¹ Судья Забела — села: Обтов, Ревутинцы, Лучишки, Погореловку, Ковенки; войсковой писарь Шийкевич — Покурницу и Ковчин; полковники: киевский Дворецкий — Серединку, Надиновку и Бурки; нежинский Гвинтовка — село Нехаевку; лубенский Гамалея — Хорувовку и Хицы, а переяславский Ермолаенко, оставленный наказным гетманом — город Домонтов над Днепром.

ссылка с цареградским патриархом, и, смотря по ответу, какой получится от патриарха, учинен будет царский указ.

Малороссияне, посетившие тогда с гетманом Москву, были обласканы и могли возвратиться на родину с приятным впечатлением, но не такая судьба постигла одного из них, писаря Захара Шийкевича. Был пир у князя Юрия Алексеевича Долгорукова, куда приглашены были гетман и малороссийские старшины. Шийкевич, подпивши, начал браниться с переяславским протопопом Бутовичем, назвал его «брехуном» (лжецом) и замахнулся на него ножом. Протопоп отнял у него нож, Шийкевич замахнулся на протопопа вилкою, и тут же, разгорячившись, начал «лаять» позорными словами и судью, и полковников. После такого безобразия войсковой арматный есаул Щербак подал на Шийкевича челобитную в таком смысле: Войску Запорожскому чинятся от него налоги и тягости, бьет и увечит людей невинно и ставится пышнее боярина и гетмана; гетман с своей стороны доносил, что Захар бил Ивана Сербина и двух подписков канцелярских и одному из них голову повредил. Шийкевич, по желанию гетмана, был сослан в Сибирь.

Замечательно, что бывшие около гетмана при первой же возможности покушались тайно вредить ему в высших кругах московского правительства. Киевский полковник Дворецкий по секрету говорил Желябужскому: «гетмана выбрали полковники, и они ими только держится, а простые козаки его не любят. Теперь наши говорят, будто я его наустил жениться в Москве. Боюсь, что про меня так будут говорить козаки. Пусть бы государь указал гетману о всяких делах с нами говорить, а не говоря с нами — не велел бы ему ничего начинать». Между тем, тот же Дворецкий, так исподтишка отзывавшийся о гетмане, заискивал расположения Бруховецкого и просил дозволения женить сына своего на гетманской свояченице. В нравах того века было наговаривать на сильных и в то же время искать у них милости и благосклонности. Так относились старшины и полковники к своему гетману, так и гетман раболепно, но двулично, относился к московской верховной власти, что и доказал впоследствии.

На отпуске своем Бруховецкий еще получил на 400 руб. соболей, протопоп — на 300 руб. лисиц; старшинам и полковникам, всего двадцати человекам, дано по сорока соболей, в 80 руб. каждый сбор, а козаки и прочие, в числе 296-ти, получили по паре соболей в 3 рубля; некоторые же еще по другой паре в 2 рубля. Кроме того, гетман, старшины и полковники на прощанье получили по кубку, по куску шелковых материй и по куску английского сукна. 20-го декабря оставил Москву гетман со всею своею ассистенциею, в сопровождении пристава Леонтьева, которому указано было проводить гостей до Путивля и наблюдать, чтоб

русские люди не делали обид малороссиянам, а малороссияне — русским людям на всем пути своем.

VIII

Высокомерие Бруховецкого. — Доносы его в Москву на некоторых лиц. — Корыстолюбие гетмана. — Народные своевольные купы. — Пререкания гетмана с великорусскими воеводами. — Пререкания с епископом Мефодием по вопросу зависимости малороссийской церкви от Москвы. — Объяснения Мефодия и киевских духовных с боярином Шереметевым. — Мефодий хочет настроить Шереметева против Бруховецкого. — Заступничество Мефодия за киевских мещан пред Шереметевым. — Дьяк Евстрат Фролов. — Козни киевского полковника Дворецкого против гетмана.

Важным и грозным человеком воротился в Украину Иван Мартинович Бруховецкий, обласканный московскою властью с необычным для козака титулом боярина-гетмана. Тотчас в Украине начал он показывать свою силу и влияние, какое приобрел в столице. Писаря Шийкевича спровадил он в Сибирь, еще будучи в Москве; теперь, по возвращении, такая же судьба постигла войскового судью Юрия Незамай. Еще прежде, когда Бруховецкий находился в Каневе, Незамай без приказания гетмана выдал проезжий лист женам пяти каневцев, навлекших на себя гнев гетмана; за это Бруховецкий тогда же поколотил судью и приказал заковать в кандалы, а по возвращении своем из столицы отправил в Москву, откуда Незамай был сослан в Казань. И других лиц, на которых гетман имел подозрение, упрятал он тем же путем. Так, он отправил с Огаревым в Москву каких-то пять колодников, потом оговорил перед верховным правительством лубенского полковника Гамалею, бывшего овручского полковника Децика и какого-то Карпа Давидовича, приказавши в то же время взять их под стражу. Он писал также на Дмитрашку Райчу. Этот человек, родом волох, прибыл в Украину с ватагою волохов и служил у Дрозденка; не покоровшись Дорошенку, после падения Дрозденка, перешел он с волошскою ватагою в 500 человек на левый берег Днепра и получил дозволение жить в Глуховском уезде. Теперь гетман указывал на его неблагонадежность, просил услать его в Смоленск; но малороссийский Приказ велел отправить Дмитрашку Райчу в заднепровские украинские города и сообщил гетману, что он может судить всех по своим войсковым правам, а присылать в Москву может только таких, от которых «чае какого-нибудь дурна», когда они останутся на свободе в малороссийском крае.

Бруховецкий своим челобитьем о введении воевод и великороссийского управления в Малороссии угождал Москве, но это в сущности отнимало у самого гетмана его выгоды, так как гетман должен

был воеводам уступить важную часть управления в Украине. Теперь Бруховецкий хотел по крайней мере воспользоваться временем, пока не приедут воеводы, и выбрать для себя и для своих козацких старшин по возможности больше с мещан и с поспольства поборов в тех статьях, которые должны будут перейти в ведение воевод. Подначальные гетману старшины и полковники принялись, по приказанию гетмана, за такие сборы, сопровождаемые грабежами, насилиями и побоями. Гетман обложил имена духовенства и монастырей под предлогом составления описи доходных статей, отнимал под разными предложениями у многих владельцев угодья и мельницы; жалобы и ропот дошли до киевского воеводы Петра Васильевича Шереметева, только что занявшего в Киеве место князя Львова, и Шереметев сделал запрос гетману: на каком основании производятся сборы со статей, не подлежащих гетманскому ведомству? Гетман заперся, отвечал, что сборы собираются самовольно без его ведома и что он послал по городам универсалы, приказывая, чтобы никто не собирал на него «стаций» (сборов), а собирались бы они в свое время в казну великого государя. Между тем в Киеве приехавшему царскому дьяку Евстрату Фролову говорили епископ Мефодий и киевский полковник Дворецкий, а за ними вслед повторял то же и Шереметев: надобно, чтоб переписчики доходных статей по государеву указу поспешили в Малую Россию; мещане рады будут и без отговорок станут вносить доходы в казну государеву, лишь бы козацким старшинам и козакам до них не было дела. А если переписчики не прибудут до Семена-дня, чтоб переписать людей и угодья, с чего доведется брать доходы в царскую казну, то гетман, полковники и старшины все доходы отберут на себя, а мещан и всех малороссийских жителей оставят на целый год нагими и пограбленными. И в народной громаде стало высказываться уже в это время враждебное настроение к Бруховецкому, на которого во время избрания его в гетманы смотрели как на защитника бедных против богатых, простых против знатных. В разных местах, по городам и селам, собирались своевольные «купы»; такая купа собралась недалеко от местопребывания гетмана, в гадячском повете, под начальством прибывшего туда из слободских полков Ивана Донца, и гетман приказал ее разогнать, за что получил из Москвы похвалу.

Более всего не ладилось у гетмана с великороссийскими воеводами. На Шереметева писал в Приказ Бруховецкий, будто тот приказал вывести козаков из города Димера и вместо них поставил там залог (гарнизон) из царских ратных людей, которые не могли устоять, — пришли из Белой-Церкви поляки, побрали в плен ратных людей и овладели Димером. Шереметев по этому поводу объяснял, что он вовсе не выводил козаков из Димера, не ставил туда залог из своих людей, неизвестно ему, по чьему приказанию вышли козаки из Димера, никого из ратных царских людей не брали в плен

и не убивали поляки. Бруховецкий доносил, что лихие люди прельщают Шереметева лукавыми словами и ссорят с гетманом, а Шереметев возражал, что все это неправда, никто его с гетманом не ссорит, а сам гетман «зело корыстен», облагает поспольство всякими поборами. — Шереметев поверил собирать на государя проезжую пошлину на перевозе у Переяслава гречанину Томаре, и тот собрал этой пошлины 500 руб., а гетман требовал, чтоб Томара привез ему в Гадяч тысячу руб., но у Томары не было столько денег, и он боялся, чтоб ему «не быть без головы». Не в ладах был гетман и с переяславским воеводою Вердеревским: доносил, что Вердеревский был жаден, брал поборы и под предлогом, что в каком-нибудь городе или деревне козак, по приказанию воеводы, не шел в войско, посылал туда ратных царских людей на становище и приказывал собирать с жителей кормы. На Якова Тимофеевича Хитрова, бывшего прежде при гетмане в Каневе, а потом назначенного воеводою в Полтаву, гетман доносил, что он полтавских козаков отягощает подводами, забирая лошадей у тех, которые сами были на службе, и оскорбляет заслуженных лиц, бывших прежде полковниками, да и самого тогдашнего полковника ставит ни во что, говоря: он ваш полковник, а я от государя послан и более всех вас, а вы все подчорты! «У него — писал в Москву гетман со слов полтавцев — лучше обхождение с наложницами майоров, чем с козацкими женами. Ни в сеножатах, ни в огороженных лугах и огородах козаки не вольны. Как к нему кто придет из товарищей, он очи им тростью выбивает, в глаза плюет, а денщики, по его приказу, в шею выталкивают». Недружелюбно относился гетман и к находившемуся при нем в Гадяче воеводе Федору Протасьеву и доносил, что тот с умысла, на зло гетману, допускает ратным людям обижать малороссиян. В Гадяче, Котельве и иных городах не найдется ни одного двора, чтоб не был обокраден, а коли поймают вора и приведут к воеводе на расправу, так он не наказывает преступника и даже не отнимает у него краденого имущества. Двух козаков убили и убийц поймали, но никакого сыска и наказывания им не было. Впрочем, Протасьев в марте месяце был отозван.

Бруховецкий и епископ Мефодий, как мы видели, были прежде большие друзья между собою. Мефодию не мало обязан был Бруховецкий своим возведением в гетманское достоинство. Но по возвращении из Москвы между ними, как говорится, пробежала черная кошка. Оба способны и склонны были заводить козни, доносить, клеветать и рыть друг под другом яму. Гетман в Москве увлекся оказанными ему почестями и ласками и надавал советов и предложений, которые должны были повлечь за собою большие перемены, не всем в Малороссии приятные. Введение воевод, отнявшее суд и расправу от козаков, еще не могло пока произвести ропота, потому что воеводское управление еще не начинало дейст-

воват, а Мефодий, менее чем кто другой, имел право упрекать за такое нововведение Бруховецкого, потому что Мефодий, еще при Выговском, будучи нежинским протопопом Максимом Филимоновичем, указывал Москве на введение воеводского управления, как на лучшее средство успокоить край. Но гетман, будучи в Москве, затронул и управление церкви своим советом прислать святителя из Москвы. По возвращении гетмана Мефодию сообщил об этом Дворецкий, и тут Мефодий увидел, так сказать, узелок, за который мог зацепиться и начать козни против гетмана. Мефодий был наречен блюстителем митрополитского престола до избрания нового митрополита, и по его наущению киевское духовенство обратилось к гетману с просьбою о том, что киевское духовенство желает по своим стародавним правам и обычаям избрать в митрополиты достойного человека. Гетман отвечал: «Радуюсь, что вы помышляете, чтоб митрополия киевская не пустела, не знаю только, такова ли воля будет его царского величества, чтоб мысль ваша в совершенство пришла. Мне в Москве припоминали постановленные Богданом Хмельницким статьи, чтобы в малороссийские города, и именно в Киев, митрополит был прислан от святейшего патриарха московского, и мы со всем товариством, как городовым, так и низовым, которое в Москве тогда было, на том руки приложили; он, свет наш великий государь, отправил посланников своих просить благословения святейших патриархов вселенских, и мы должны ожидать их счастливого возвращения и присылки к нам царского указа».

Получивши такой ответ, Мефодий, вместе с архимандритом печерским и игуменами киевских монастырей, 22-го февраля 1666 года явился к киевскому воеводе Шереметеву за объяснениями.

— Мы просим, — говорил Мефодий, — чтоб великий государь нас пожаловал, велел отпустить к себе выбранных наших челобитчиков бить челом, чтоб великий государь не приказывал у нас отнимать наших прав и вольностей.

— Ваших прав и вольностей, — отвечал Шереметев, — великий государь отнимать не мыслит, да и от кого это ведомо вам учинилось, будто великий государь изволит у вас отнимать права и вольности?

Епископ сказал:

— Боярин и гетман написал нам, что указал государь быть в Киеве митрополиту из Москвы, а не по стародавним правам и вольностям нашим, не по нашему избранию. Мы состоим под благословением святейшего патриарха цареградского, а не кого-нибудь другого, и если быть у нас митрополиту московскому — тем права и вольности наши будут нарушены.

Шереметев стал было им объяснять, но духовные пришли в раздражение и начали говорить, по выражению воеводской отписки, «с большою яростию»:

— Если у нас быть митрополиту московскому, а не по нашему избранию, так пусть уж его величество велит нас всех казнить. Мы на это добровольно не поступимся, и только приедет к нам в Киев из Москвы митрополит, мы запремся в монастырях и не выйдем: разве нас за шею и за ноги выволокут! Видим мы, каковы у них пастыри: вон в Смоленске архиепископ Филарет права и вольности у духовного чина отнял и мещан и шляхту обзывает иноверцами, а они не иноверцы, но православные христиане. И в Киеве, как будет московский митрополит, так он станет всех киевских жителей и всех малороссиян обзывать иноверцами, и оттого станет в вере раскол и мятеж не малый. Нам лучше смерть принять, чем допустить в Киеве московского митрополита.

— Вы боитесь напрасно, — сказал боярин, — такой воли у великого государя нет.

Духовные сказали:

— Нам кажется, у тебя, боярин, есть о том тайный указ от великого государя.

Шереметев отвечал:

— Такого указа мне не бывало, и гетман об этом ко мне ничего не писывал. А вот ты, епископ, говорил, что нельзя вам быть, когда придется московский митрополит: такие слова твои непристойны. Благословлял разве патриарх цареградский вас противиться воле Божией и государеву указу?.. Да ты сам, епископ, поставлен от патриарха московского!

— Мы бьем челом, — сказал епископ, — пусть великий государь нас пожалует, изволит указать выбрать нам самим митрополита, а если великому государю угодно, чтоб митрополит был под благословением московского патриарха, то пусть о том изволит написать к цареградскому вселенскому патриарху, нашу челобитную изволь принять в Киеве о том, чтоб митрополиту киевскому быть по нашему избранию и по нашим стародавним правам и вольностям, а челобитчиков наших отпусти в Москву к великому государю.

— Непристойно мне принять вашу челобитную, потому что это дело духовное, а челобитчиков в Москву отправить можете, — сказал Шереметев.

На другой или на третий день в Софийской церкви печерский архимандрит повторял боярину о неуместности водворения московского митрополита в Киеве. Шереметев сказал ему: «вам за то на гетмана не на что гневаться, хоть он о том великому государю и бил челом, сдумав себе на Москве, но ведь он чаял, что то вам угодно будет, потому что, но милости Божией, за слезным челобитьем всего малороссийского народа, вся Малая Россия присовокупилась к Великой России. Притом же, в этом деле великий государь спишется с цареградским патриархом, и что патриарх государю напишет, о том будет дан царский указ!»

Архимандрит сказал: «был в Цареграде наперед сего патриарх Парфений; не восхотели его пастырем себе духовные и миряне, и был он сведен с престола, а на его место возведен был Дионисий, который никогда не желал славы мира сего. Ныне же прослышали мы, что на патриарший престол возведен опять Парфений, подкупивши визиря и иных мусульманских сильных правителей. Дионисий, без всякого прения, престол оставил. Мы же все Бога молим за Дионисия, а не за Парфения».

Архимандрит дал понять боярину, что трудно будет предать вопрос о киевской митрополии на разрешение цареградского патриарха при том настроении, в каком находилась тогда православная духовная власть в Константинополе.

Мефодий, оставшись с Шереметевым в Софийском соборе наедине, просил у него прощения за резкие слова.

«Это я говорил поневоле», объяснял Мефодий: «я поставлен в Москве, но малороссийских городов духовные лица упрекают и поносят меня за это и теперь и подозревают, что это все я в совете с гетманом учинил, чтоб митрополиту киевскому быть под благословением московского патриарха!»

Таким образом, перед своими духовными товарищами рисовался Мефодий защитником старины и горячился против московского произвола, но между тем оставлял себе лазейку представиться, где и когда нужно будет, сторонником Москвы. Мефодий, очевидно, рассчитывал так: останется в митрополии все по-прежнему — он будет прославлен охранителем старины, а свершится перемена — он выставит себя заранее ее первым сторонником.

Всеми способами и при всяком случае выказывал епископ свою вражду и к гетману.

3-го мая был в Печерском монастыре обед, где находился и приезжавший из Москвы царский дьяк Евстрат Фролов. После обеда гости отправились в архимандритскую келью и стали пить здоровье бояр и окольничих. Евстрат Фролов заметил, что надобно пить здоровье боярина и гетмана Ивана Мартыновича: «он великому государю верен и с духовными пребывает в любви и совете, и Войску Запорожскому и всему малороссийскому народу своим добронравием и равным рассуждением угоден».

На это Мефодий сказал: «он злодей и недоброхот нам всем. Будучи на Москве, он бил челом великому государю, чтоб у нас в Киеве быть московскому митрополиту, знатно из того, что нас перед государем удает как бы неверными. Мы за его здоровье пить не станем».

И другие духовные повторили то же вслед за епископом; некоторые, однако, выпили с мирянами, как видно побаиваясь. Мефодий продолжал:

«Такого гетмана боярина нам не надобно. Он принял на себя одного всю власть, самовольно старшин в колодки сажает и к

Москве отсылает, а здешним людям смерть не так страшна, как московская отсылка. С мест полковников смещает, а новых насылает без войскового приговору. Я чаю, заднепровские города под высокую руку его царского величества обратились бы, да Бруховецкого бояться!»

Печерский архимандрит присовокупил:

— Его гетманского войска козаки наши монастырские маютности между Белою-Церковью и Киевом разоряют и крестьян грабят пуще неприятеля, а гетман, по нашему письму, не сыскивает и не чинит нам обороны.

Полковник Дворецкий, еще прежде в Москве замышлявший подставить ногу Бруховецкому, теперь поддельвался к московскому дьяку Фролову и вел с ним в этот день наедине беседу. Он хвалил перед ним епископа Мефодия и духовенство, а гетмана злословил. «Мефодий епископ, — говорил он, — посылал в Чигирин уговаривать людей, чтоб вины свои принесли и учинились под высокодержавною рукою великого государя. Тамошние жители к тому склонны, да и Дорошенко говорил, что сам тому рад, да боится боярина и гетмана: сделает его без головы, либо в Москву отошлет.

На другой день, 4-го мая, приехал Мефодий к Шереметеву и сказал: «боярин! вели крепить осады в Киеве и в других малороссийских городах. Быть беде великой. Мне о том сказал чернец, которого я посылал в Полтаву».

— Какой беде быть? — возразил Шереметев: — боярин и гетман Иван Мартынович и старшины, и полковники и все козаки великому государю верны, неотчего быть беде!

Епископ сказал:

— В Запорожье и в Полтаве шатость великая, а запорожцы с полтавцами живут советно, словно муж с женою. Боярина и гетмана все не любят: и полковники, и старшины, и козаки, и духовенство, — за то не любят его, что учал делать своенравием: в Переяслав, Полтаву и Миргород выбрал полковников без посполитой рады, по своей воле, а не по стародавним их правам; многих знатных козаков, по наносу, кто на кого что нанесет, без сыску в Москву засылает.

Шереметев отвечал:

— Боярин и гетман все делает по вашим козацким правам; он учинен гетманом и обран всем Войском Запорожским, а только его переменить — вам такого гетмана не выбрать. Разве такого выберут козаки, что всех их жен и детей в Крым задаст! А что боярин и гетман кому за вину наказание чинит, так это добро. А хоть и в Москву кого пошлет, что ж? ведь у нашего великого государя все делается милостивым рассмотрением. За это на гетмана хулы наносить не за что!

Епископ Мефодий сказал на это:

— Да ведь это я говорю не от себя; так полковники и старшины говорят: пусть бы был бы он гетманом у них, только бы нравы свои отставил; а то лучше, говорят они, им смерть принять, чем их в Москву будут засылать.

И гетман тогда в письмах своих к Шереметеву старался очернить епископа. Он указывал на то, что сын Мефодия, прижитый в то время, когда архиерей был священником, женился на дочери какого-то Дубяги, которого сыновья служили при польском короле: «как бы от них всех чего-нибудь худого не учинилось», замечал воеводе гетман. Шереметев отвечал, что за епископом не заметил еще ничего дурного, а если бы что-нибудь заметил, то написал бы великому государю.

Так Шереметев замечательно ловко уклонялся и отвертывался, когда пытались запутать его в местные козни. Личность киевского воеводы высказалась в эти дни еще в следующем случае. Мефодий ходатайствовал у него за киевских мещан, которые просили освободить их от военного постоя и предлагали воеводе «в почесть» сто рублей, указывая при этом, что для ратных людей можно построить избы в верхнем городе (замке) на счет государевой казны. Шереметев не взял, но предоставил мещанам на эти деньги построить избы. Мещане, чрез того же епископа, снова просили принять сто рублей «в почесть» и пожертвовали другие сто на постройку изб. Шереметев и на этот раз не взял себе ничего, но на все двести рублей, предлагаемые мещанами, приказывал строить избы для царских ратных и тем избавить мещанство от постоя в домах. Редкий случай, чтоб московский воевода того времени отказался от посула.

IX

Рада у Дорошенка под Лисянкою. — Запорожцы требуют вывода царских ратных людей из Кодака. —

Ответ Шереметева. — Тревога в левобережной

Украине от Дорошенка. — Недовольство

Бруховецким. — Беседа Бруховецкого с царским дьяком. — Прибытие в Украину воевод. — Внезапный указ о прекращении военных действий. — Переговоры о мире России с Польшей. — Нащокин. —

Покушение Дорошенка. — Переписчики. — Бунт переяславских козаков в Богушевской слободе. —

Убийство полковника Ермолаенка. — Нападение Дорошенка и татар на левую сторону. — Татары под

Прилуками. — Дорошенко уводит татар на

поляков. — Поражение Маховского. — Разрыв Дорошенка с Польшею. — Мысль о подданстве Турции. — Омерзение к Бруховецкому в народе.

На правой стороне Днепра Дорошенко сначала заявлял себя благожелателем польского короля. Вскоре он увидел, что с таким настроением не приобретет народного признания за собою власти,

неправильно захваченной. Чтобы расположить к себе народ, надобно было, по народному желанию, самого себя объявить врагом поляков, и вот, февраля 22-го, он собрал генеральную раду под Лисянкою; на этой раде было присуждено потребовать от ляхов, чтобы они вышли из Украины, а потом — заключить дружественный договор с крымским ханом и просить его покровительства козакам. По приговору этой рады, Дорошенко написал в Белую-Церковь польскому коменданту, чтобы ляхи уходили в Польшу. Такое требование не было исполнено: поляки в Белой-Церкви не чувствовали себя настолько слабыми, чтобы послушаться первого приглашения; напротив, после того они стали гонять на работу белоцерковских мещан и поселян делать земляной город, и даже самих козаков посылали на работу. Дорошенко хотел залучить на свою сторону Запорожскую Сечь, подужал запорожцев помогать выводу царских ратных людей из Кодака. Опасение попыток Дорошенка подчинить своей власти левобережную Украину побудило московское правительство обязывать приезжающих с правой стороны Днепра на левую по торговым делам записываться и проживать в малороссийских городах царской державы не иначе, как на устроенных для того съезжих дворах, которыми заведовали приставленные от воевод дворяне из великороссиян. Стали даже недружелюбно смотреть на существование в Киеве школ. Царский указ того времени гласил, что лучше было бы школ в Киеве не заводить, но Шереметев писал, что нельзя переводить киевских школ в иное место, потому что киевляне почтут себе то в великое оскорбление. Тогда дозволено было в этих школах учиться только подданным царя, из неприятельских же сторон отнюдь никого не принимать.

Печальное положение правобережной Украины подвигало жителей покидать свое отечество. За прошлогодною войною во многих селениях не сеяли и не пахали полей, с наступлением зимы настала дороговизна и великая скудость. Поселяне толпами уходили или в Запорожье, или на левую сторону Днепра и уже не возвращались назад, а выискивали себе иное новоселье. В июне 1666 г. Бруховецкий доносил государю, что с правой стороны Днепра бегут люди с семьями для поселения под высокою державою московского государя, спасаясь от великого голода. «Хотя, — выражался гетман, — властолюбцы не позволяют им переселяться, но не могут удержать, потому что никому не хочется помирать голодною смертью». Переселенцы говорили, что им совершенно невозможно жить на правой стороне Днепра, потому что поляки, хотя их было тогда там и немного, грабят, разоряют и ругаются над ними.

Но и в крае, управляемом Бруховецким, и после возвращения его из Москвы, как до его поездки туда, не было внутреннего довольства. Ненависть к гетману росла по мере утверждения его

власти. В обращении с подчиненными он стал теперь груб, надменен. Приход к нему тяжек, — говорили про него козаки. Лукав он был и лжив; ни в чем нельзя было на него положиться, никак невозможно было к нему примениться: сегодня он к человеку добр и милостив, а завтра придерется, поколотит, закует в кандалы, забьет в колодки, или, что казалось всего страшнее, в Москву зашлет. Козакам не нравилось до омерзения и его боярство, и возведение в дворянское достоинство старшин и полковников. «У нас — твердили они — с предков бояр и дворян не бывало, все мы равны, а он заводит новый образец, и вольности наши от нас отходят». Недовольство против гетмана питалось и поддерживалось поборами, а их тягость увеличивалась от наглости и алчности доверенных от гетмана особ. В некоторых местах недовольные говорили: «убежим в Запорожье; за нами из разных городов и местечек стекутся люди в Запорожье, а оттуда пойдем все на гетмана и скинем его с гетманства». Еще не успели в Малороссию съехаться все воеводы с ратными людьми, а уже неприязнь и к ним стала высказываться голосно. Козаки называли великороссиян злодеями и жидами; полковники, рассердившись, не стеснялись перед великороссийскими начальными людьми и говорили такие угрожающие слова: «вот козаки заведут гиль (мятеж) и вас всех отсюда погонят». Те козацкие старшины, которые получили дворянское достоинство, не только не смели чваниться им, но должны были притворяться перед козацкою громадою, что не дорожат новоприобретенным саном. Переяславский полковник Ермолаенко твердил: «мне дворянство не надобно; я по-старому козак». Замечал он, что пожалованный ему Домонтов приносит мало доходу, но при этом прибавлял: мне взять с них нечего, да мне и не надо: у нас с предков того не повелось, чтоб жаловали нам владенья. Этот человек перед воеводою Переяславским Вердеревским упрекал гетмана за корыстолюбие, жаловался, что из ратуши ему надобно все доставлять, что он прикажет. Но сам полковник не изъят был от жадности. По известию Вердеревского, во всем Переяславском полку ему и его полковым старшинам, шла десятая рыба с рыбных промышленников, а из ратуши, по всяк день, вино, пиво, мед и всякий харч. Вердеревский доносил, что замечает в переяславском полковнике признаки шатости, а Ермолаенко Бруховецкому писал доносы и на переяславцев, и на Вердеревского. Гетман перед царским дьяком Евстратом Фроловым так описывал вообще малороссиян: «Мне Ермолаенко доносит, что в Переяславе вырастает злой умысел на смуту от каких-то своевольных людей, которые до бунтов и до шарпанины охочи, работать и землю пахать и собою жить ленивы, а это все идет из Запорожья. Я крепко тому запобегаю, чтоб огонь далее не разгорелся, но уразумеваю, что такие голоса проявляют козаки оттого,

что видят в малороссийских городах при воеводах малолюдствие. Пусть бы великий государь указал в наших городах ратных людей прибавить. А то ведь люди у нас худоумные и непостоянные, один какой-нибудь плевосеятель возмутит многими тысячами; хотя сами сгинут, а до лиха дойдут и успокоивать их будет трудно затем, что неприятель под боком, да и запорожцы стоят неприятеля! Они желательны, как бы добрых людей разорять и, на-шарпався чужих набытков (награбивши чужого достояния), всякому бы старшинство доступить; а на Запорожье ныне боле заднепрян. Да и с духовенства не всякому надобно доверять; горазды они ссорить и возмущать от латинской своей науки, коли на кого нелюбие положат».

Верно понимал Бруховецкий действительное положение малороссийской общественной жизни своего времени. Теперь перед великороссиянином обличал он тот коварный путь, по которому прошедши, достиг сам верховной власти в малороссийском крае.

Воеводы, назначенные в малороссийские города, приходили с небольшим числом ратных: с миргородским воеводою пришло всего 30 человек. Бруховецкий жаловался на это, не находил удобным также и то, что воеводы, миргородский, лубенский и прилуцкий, приехали без семейств и тем самым как будто показывали, что прибыли на короткое время, налегке. «А было бы хорошо», — замечал Бруховецкий в своей грамоте к царю — «если бы они приехали с семьями и со всем домоводством. Тогда жители здешние, видя на всем воеводстве их целое житье, от того лучше крепились бы и в отчаянье не приходили».

В конце мая Бруховецкий выслал полковников — черниговского Демка Многогрешного и стародубского Леска Остренина к Гомелю против польского полковника Мурашки, который то и дело что беспокоил северные пределы Малороссии. За ними вслед гетман велел отправиться Дмитрашке Райче¹ с своими хоругвями волоского товарищества; туда же направил Бруховецкий пехотные сборные сотни, которые самовольно столпились на пограничьи Украины со стороны Запорожья: гетман опасался, чтоб эти своевольцы, искавшие вообще какого-нибудь удалого подвига, ставшись с запорожцами, не затеяли произвести беспорядков в Малороссии, а потому поспешил дать им занятие по их нраву. Вдруг в июне месяце явился к гетману царский гонец с указом прекратить военные действия против Польши и никаких задоров и зацепок с поляками не чинить.

В Белороссии, в селе Андрусове, происходили съезды уполномоченных со стороны Польши и России с целью заключить

¹ Он, как видно, не был прежде отправлен в заднепровскую Украину по приказанию малороссийского Приказа, вероятно после отмененному.

мир. Еще в 1664 году, после похода короля под Глухов, начались попытки к установлению мира. Летом этого года съезжались послы двух воюющих держав в местечке Дуровиче, ничего не постановили и разошлись. Ограничились тогда только восьмимесячным перемирием и назначили съехаться снова на следующий год в июле. Заключение полного мира сразу оказалось и тогда невозможным: поляки презирали московскую силу, были охмелены славою своих успехов и не хотели мириться иначе, как возвратив себе все, что в несчастных обстоятельствах должны были потерять. Сношения о мире с Москвою начались потом снова не ранее весны 1666 года. Теперь поляки должны были сделаться несколько податливее, так как у них вспыхнуло междоусобие короля с Любомирским. Замечательно, что Любомирский, тот самый, который одержал вместе с Чарнецким чудновскую победу над Шереметевым и русскими войсками, теперь искал союза с московским царем против польского короля и предлагал своего сына в службу царю московскому в тех видах, что московский государь даст ему в Украине два города с обязательством защищать край против татар и поляков. Из такой попытки не вышло ничего, но это обстоятельство показывает, что московская сторона поставлена была гораздо лучше, чем прошлый год. К сожалению, вести дело примирения с Польшею поручено было царскому любимцу Афанасию Лаврентьевичу Ордыну-Нащокину с товарищами Богданом Нащокиным и дьяком Григорьем Богдановым. Ордын-Нащокин принадлежал к тем немногим московским людям, которые несколько окропились брызгами западной образованности. Ордын-Нащокин отличался расположением к полякам и готов был уступить Польше многое, если не все, чего требовали поляки. Он козаков ненавидел и презирал. О достоинстве собственного народа Нащокин имел такое неуважительное мнение, что считал большим благодеянием для России иметь в войске польских пленников на службе, признавая польских воинов достойнее русских. Притом он находился под влиянием благочестия; ему претила война христианских народов между собою; желанною его целью было когда-нибудь устроить союз христианских держав против мусульман. Царь Алексей Михайлович хотя был лично дружен с этим человеком, но во взглядах своих не совсем с ним сходил. Благочестивый православный царь ставил себе идеалом независимое торжествующее положение православной Церкви; он не желал сдаваться на уступки полякам, опасаясь именно того, чтобы храмы православные и монастыри не попали под власть католичества. «Собаке недостойно есть единого куска православного», выражался он, разумея владение поляков западнорусским краем, где оставалось в силе православное богослужение. Царь Алексей Михайлович поручал Нащокину действовать, ради образа Пресвятой Бо-

городицы и каких-то чудес, «содеявшихся от него в видении орла». Он соглашался уступить Польше и Украинѣ правого берега, но пытался оставить за собою Киев пять или шесть верст в окружности от него, чтобы под его царскою властью оставались православные монастыри. С такими предвзятыми желаніями приступили к переговорам с поляками, и тогда-то послан был указ в Гетманщину прекратить всякіе зацепки с поляками. Сообразно этому указу, Бруховецкий послал универсал к отправленным под Гомель полковиикам и приказывал всем разойтись по домам своим; вместе с тем по всей Малороссии давалось приказаніе нигде не задираться с ляхами, а всем торговым людям дозволялся свободный въезд в Малороссию и выезд из нее. Но трудно было исполнить царскую волю и прекратить драки по всей Украине, так как с правой стороны Днепра их прекращать не думали. Чигиринцы и черкасцы, соединясь с татарами и с некоторыми поляками, переправились через Днепр и делали набеги под Миргород, Горошин, Боромлю; на правой же стороне Днепра они беспокоили Канев, признававший еще власть левобережного гетмана; потом и сам Дорошенко, присоединивши к своим козакам чигиринских ляхов, состоявших под командою коменданта Жебровского, и своих постоянных союзников татар, переправился через Днепр, в селе Вороновке, за 15 верст от Кременчуга, и отправил под Кременчуг своих сборных людей; но против них в Кременчуге были козацкіе полки Гадяцкий и Миргородский, а к ним примкнул Косагов с царскими ратными людьми: они прогнали заднепрян и татар. Дорошенко после такой неудачи ушел на судах за Днепр и послал к польскому королю известіе, что вот теперь пришло время чинить промысел над малороссійскими городами левой стороны Днепра, потому что люди там живут в оплошку; он просил прислать войска. Король отвечал, что уже с царем начались переговоры о мире и война приостановлена. Это рассердило Дорошенка. «Мне», — говорил он тогда, — «дано гетманство не от польского короля, а от крымского хана, так пусть же и надежда у меня будет на хана». С тех пор у Дорошенка возникла мысль искать опоры для Украины в мусульманском мире. Не повинувшись более королевской воле, он писал крымскому хану, призывая на помощь орду, чтоб очистить Кременчуг от козаков Бруховецкого. Не без основания Бруховецкий представлял тогда государю, что если распустить все полки в чаяннй примирения с Польшею, и если, таким образом, на левой стороне Днепра не будет войска в сборе, то неприятель может большими силами напасть на малороссійский край.

И те козаки, которые отправлены были к Гомелю, не спешили уходить назад по гетманскому приказу: польскіе уполномоченные, ехавшіе на мирные переговоры, присылали к Нащокину жалобу,

что хотя по договору войска с обеих сторон должны быть разведены, однако под Гомелем стоят царские подданные козаки обозом и устраивают шанцы, а около Слуцка воюют другие козаки, письма послов перехватывают и все больше и больше прибывает к ним военной силы. Снова отправлен был гонец к гетману с подтвердительным указом о прекращении военных действий; снова Бруховецкий 27-го июня послал своим полковникам приказание разойтись; но 5-го июля полномочные послы опять донесли в Москву, что козаки воюют около Кричева и около Слуцка, Глуска, Тупика и Пинска; польские комиссары указывали на это явление, как на нарушение польского договора и крестного целования с московской стороны. Тогда к гетману послан был стряпчий Иван Свиязев; он повез третий царский указ — отправить вместе с московским посланцем гетманских посланцев произвести сыск над ослушниками, а самому издать универсал, воспрещая, под страхом смертной казни, делать зацепки с ляхами. Через несколько времени Бруховецкий ответил, что он посылал универсалы к полковникам, отправленным под Гомель, и те прекратили всякие задоры.

Но от Дорошенка не прекращались неприятельские действия. После неудавшегося покушения овладеть Кременчугом козаки, подчиненные Дорошенке, с ляхами и татарами, несколько раз, в июне и июле, нападали на левую сторону и уводили пленных из сел и деревень. В то же время сам Дорошенко рассылал к жителям левого берега Украины универсалы, уговаривая народ отступить от московского государя, который будто бы хочет отдавать их польскому королю; народ волновался от таких универсалов. И запорожцев продолжал Дорошенко привлекать в союз к себе.

Итак, хотя и готово было состояться мирное соглашение между Россией и Польшею, но Малороссия не освобождалась от необходимости военной обороны: московское правительство сознавало это, притом же если начинались мирные переговоры с поляками, то они не были еще начаты с их союзником, крымским ханом, а потому приказано гетману отправить своих козаков в Запорожье, где был уже Косагов, и воевать против крымских татар. Московское правительство запрещало посылать войско на правую сторону Днепра, но оно позволяло давать отпор, если с правой стороны начнут делаться нападения. В июле Бруховецкий писал в малороссийский Приказ, что заднепряне знать не хотят о том, что полномочные двух держав толкуют о мире, да и сами ляхи, затевая примирение, только обманывают русских. В доказательство справедливости своих слов Бруховецкий послал в Москву перехваченные письма и просил присылать побольше московских ратных сил для занятия ими городков, близких к неприятельской стороне: Кременчуга, Миргорода, Лубен, Переяслава и Канева.

В июне прибыли в Малороссию из Москвы переписчики, которые должны были переписать во всех полках жителей и составить переписные книги, но которым воеводы собирали бы доходы, следуемые в царскую казну. Переписчики эти были все стольники. Они явились сначала в Гадяч к Бруховецкому, а гетман, принявши и угостивши их честно, разослал их по городам, придавши каждому из них подвое своих козацких чиновников в помощь для произведения переписи¹.

¹ В Архиве Министерства Юстиции сообщили нам уцелевший отрывок из переписных книг, составлявшихся в это время. Это — перепись, составленная стольником Александром Тимофеевичем Измайловым, которому в январе 1714 (1666) года, по царскому указу, велено было ехать в малороссийские города, в Переяслав, Воронков, в Барышполе, в Барышевку, в Гелмазин, в Песчаный, в Домонтов, в Кронивну, в Ирклеев, в Боромлю, в Оржицу, в Золотоношу, в Нежин, в Борзну, в Олшевку, в Девицу-Володкову, в Березну, в Сиволож, в Володковичи, в Иван-Городище; а приехав ему в малоросс. города, велено сказать тех городов жителям, войтом, и бурмистр., и райцом, и лавником и всяким жилецким, и промысл. и ремесленным людям и поселянам, что великий государь, по своему государскому осмотрению и по челобитью боярина и гетмана Войска Запорожского и войтов и бурмистров и всяких чинов Малороссийских городов и местех и в местечках, переписать всяких чинов жилецких, промышленных и тяглых людей и в селех и в деревнях крестьян и бобылей по именам, и ведать их своим царского величества боярам и воеводам и приказным людям и от старшин и от всяких чинов и от козаков оберегать, и налог и обид им никому чинить не давать, и поборов на старшину и на всяких чинов начальных людей и на козаков никаких не собирать, а обыкновенную должность хлебные и денежные поборы указал великий государь на них положить для своих великого государя ратных людей, которые ныне и впредь будут в малороссийских городах для обороны, а положить те хлебные и денежные поборы указал великий государь, против их же челобитья малороссийских городов жителей, войтов, бурмистров и райцев и лавников и всяких чинов жилецких людей, против росписки, какову они подали в приказ малороссийский, чтоб малороссийским жителем в мочь было, а не в тягость, а великого государя ратным людям было б чем сытым быть. И они войты и бурмистры и лучшие люди хлебными и денежными поборы сами меж себя обложились по своих пожитков и по промыслом, и по торгом, и по пашням, и по угодыям в правду. И в тех городах, и в местях, и в местечках, и в слободах велено переписать всяких чинов жилецких тяглых людей дворы, и в них людей прожиточных и середних, и молодчих, а в селех и деревнях крестьянские и бобыльские дворы и в них крестьян и бобылей потому ж: первой и средней и меньшей статьи, и к тем городам и к местам, и к местечкам, и к селам, и к деревням угодыя, реки и озера, и рыбные ловли, и бобровые гоны, и звериные стояла, и бортные ухояи, и пасеки, и мельницы, и рудни, и о скольких колесах которая мельница и рудня и иные всякие заводы, кто имяны какими угодыя владеют и сколькими волами или коньми пашню кто пашет и своими-ль или чужими; опричь козаков и козачьих земель угодий. И велено то все написать в книги подлинно, порознь, по угодыям, а переписав все подлинно, и тех городов, и мест, и местечек, и слобод, и сел, и деревень у войтов и бурмистров у лучших людей у окладчиков взять росписи подлинно против своей переписки: кто, чем и с каких торгов и промыслов и с пожитков, и

Один их таких московских стольников возбудил неудовольствие гетмана тем, что доставил ему царскую грамоту, оторвавши от нее печать. Гетман жаловался в Приказ на такой поступок, толкуя его невниманием к своей гетманской особе. Но этот самый стольник, Хлопов, которому досталось производить перепись в Глухове, оказался самым исполнительным из всех и получил особую похвалу от государя, которая передана была Бруховецкому для сообщения Хлопову.

с пашен, и с угодий хлебными и денежными оброки обложен и на которой срок и в котором городе отдавати будут. И учиня все то потому-ж, велено написать в книги по статьям порознь, да те книги за своею рукою и за окладчиковыми руками и росписи привезти к Москве и подать в Приказ Малой России. Да ему ж, Александру, велено переписать, сколько в тех городах порознь перевозов и ярманок, и в которые дни бывают по ярманкам торги и на которых реках перевозки. И по указу великого государя Александр Измайлов в малороссийские указные города в Переяславль, с товарищы, и которые города писаны выше сего, ехал, и жилецким людям, войтом и бурмистром, и райцом, и лавником, и всяким промышленным, и ремесленным людям и поселяном указ великого государя против наказа сказал, и в городех, и в местех, и в местечках, и в слободах всяких чинов жилецких тяглых людей дворы и в них людей прожиточных и средней статьи и молодчих и в селах, и в деревнях крестьянские и бабыльские дворы и в них крестьян и бабылей, и что к тем городам и местам, и к местечкам, и к селам, и к деревням, на которых реках мельницы, и перевозов, и рыбных ловель и всяких угодий, и кто имены теми угодьи владеет переписал; а что по переписке и по их сказкам стольника Александра Измайлова объявилось, и что которых городов и мест и местечек войтов и бурмистров и лучших людей окладчиков, и кто имены жилецкие тяглые люди, в какие оклады и оброки, кто чем обложены, и то писано в книгах ниже его порознь, по статьям.

А на окладе было города Переяславля выборные люди войт Иван Степанов, бурмистр Федор Куклич, райцы и лавники (собственные имена их числом 8).

Переяславские мещане, которые положены в оклад первой статьи, по рублю, средней, по полтине, меньшей статьи, по полуполтине с дымом на год, а которые мещане из тех же статей пашню пашут волами и лошадьми, а те положены против указной статьи с плуга по осьми волов денег по рублю, да хлеба по полумерке на год, ржи и овса пополам, а в мерке по осьми осьмачек, а с лошадей в пашне денег и хлеба, а у которого волов и лошадей в пашне больше или меньше, и с тех волов и лошадей денег и хлеба по расчету.

Переяславских мещан первой статьи шестьдесят шесть человек большею частию торговцы, а также владельцы мельниц, средней статьи восемьдесят четыре; а меньшей — сто двадцать один человек. Всех — 274 человека, а с них денег по окладу с дымов тридцать девять руб. Да из тех же мещан, которые пашут волами и лошадьми двадцать четыре человека, а в пашне у них 61 вол да 2 лошади, а с тех волов и лошадей взять денег 8 р. 4 алт. 1 деньгу, да с тех же волов и лошадей по окладу хлеба тридцать две осьмачки с полуосьмачкою на год ржи и овса пополам. Всего в Переяславле по окладу с дымов и с волов и с лошадей 147 р. 4. алт. 1 д.

Да переяславский войт, да бурмистр в росписи написали, что те оброки в казну великого государя учнут платить в Переяславле на срок ноября на 14 день.

В то время как московское правительство требовало прекращения враждебных действий в Малороссии, а гетман извещал, что малороссиянам нельзя оставаться в совершенном мире, в Малороссии произошло важное внутреннее смятение. Переяславские козаки, высланные на заставу в Богушевскую слободу, лежащую над Днепром против Черкас, взбунтовались, убили своего полковника Данила Ермолаенка, самовольно избрали в полковники другого и порешили идти на Переяслав против государева воеводы

А про рыбные ловли и про бобровые гоны, и про звериные стойла, и про бортные угодья, и про пасеки, и про рудни написали, что таких угодий в Переяславском уезде наперед сего не бывало и ныне нет окромя озер и перевозов, что на Днепре перевоз Трехтемировского монастыря да Ржищевский перевоз, а те озера и перевозы к городу Переяславлю неведомы; а ярмонки де у них в Переяславлe бывают в год на три срока: первый ярмонок — на десятую пятницу, другой на Семенов день, а третий на Богоявление Господне, а ранды де у них со всякими доходы и с мельницами по указу великого государя ведомы все в ратуше.

(При каждом городе считался уезд, состоящий из различного числа поселений).

В Переяславском уезде села: Каленики (крестьян 7, бобыл. 2), Богданово (крестьян 5), Безпальчье (крестьян 4, бобыл. 1), Лецково (крестьян 2), Войненок (крест. 1), Каракули Малые (крестьян 1, бобыл. 2), Каракули Великие (боб. 2), Столпяги (крест. 6), Гречаники (крестьян 1), Старое (крестьян 3, боб. 1), Сошниково (крест. 5, боб. 1), Скопцы (крест. 5, боб. 3), Борисово (крест. 5).

В тринадцати селах Переяславского уезда с 43 пашенных крестьян с их 33 волов и 23 лошадей денежного оброку 9 р. 28 алт. 1 д., а хлеба 38(1/2) осьмачек ржи и овса пополам, а с 15 человек бобылей по 5 алт. с человека — 2 р. 8 алт. 2 деньги. Да в Переяславском уезде село Ерковцы, по жалованной грамоте владеет переяславский протопоп, а селом Девички — игумен киевского пустынского николаевского монастыря.

Город Воронков: мещан первой статьи 37, средней 58, меньшей 17. Оклада с них семьдесят рублей с полтиною, да со 103 волов и с 12 лошадей 15 р. 23 алт. 1 д., а хлеба 63(1/2) осьмачки ржи и овса пополам на год.

(Особых угодий, а также ранд и перевозов нет).

(Ярмонки в Воронкове на два срока в год на Вознесение и на Рожд. Пр. Б-цы).

Денежные и хлебные оброки платят в Переяславлe на сроки ноября 14.

Воронковского уезда села: Санково (боб. 8), Прощезо (боб. 2), окладу с них 1 р. 16 алт. 4 деньги.

Город Барышполь: войт и бурмистры, мещан первой статьи 64, средней 82, меньшей 73. С них оклада денежного 123 р. 8 алт. 2 д., да со 130 волов и с 30 лошадей 23 р. 25 алт., да хлеба с тех волов и лошадей 95 осьмачек ржи и овса пополам. Платят в Переяславлe на срок ноября 14.

Особых угодий нет. 3 ярмонки.

В Барышпольском уезде села: Дудурково и Требухово, которыми владеют старцы киевского печерского больничного Троицкого монастыря.

Город Барышевка: войт и бурмистры, мещан первой статьи 62, средней 69, меньшей 11. С них денежного окладу 99 р. 8 алт. 2 деньги, да со 111 волов и с 52 лошадей 26 р. 29 алт. 1 д., да с тех волов и

и московских ратных людей. О поступке их узнали стоявшие у Канева другие полковники, киевский Дворецкий, каневский Лизогуб и лубенский Богдан Щербак; они дали знать гетману. В пору узнал о мятежном замысле и переяславский воевода; он велел зажечь «место» (посад) и заперся в верхнем переяславском городке или замке. Гетман сообщил в Москву, что этот бунт учинился по наущению польского коменданта в Белой-Церкви и

лошадей хлеба 107(1/2) осьмачек ржи и овса пополам. Платят в Переяславле на срок ноября 14. Да под городом Барышевкою, на реке Трубеже, барышевских мещан (поименованы) семь мельниц.

(Особых угодий нет. Ярманок в Барышевке три: 1 января, 9 мая и 14 сентября).

Барышевского уезда села: Селище (крестьян 10, боб. 2), Лебедин (крест. 1), Остролучье (крест. 15, боб. 1). Всего в трех селах с 32 волов и 3 лошадей, находящихся у 26 человек крестьян, денежного оклада 6 р. 8 алт. 2 д., а хлеба 25 осьмачек да с трех бобылей по 5 алт. на человека.

Город Кобызча: войт, мещан первой статьи 37, средней 36, меньшей 44. С них денежного оклада 69 рублей, а с пашущих землю, с их 176 волов да с 79 лошадей, 41 рубль 26 алт., да с тех же волов и лошадей хлеба 167 осьмачек ржи и овса пополам. Платят в Нежине на срок 1 октября.

(Особых угодий нет. Ярманок две: 23 апреля и 20 июля).

(О селах в Кобызчанском уезде нет известия).

Город Носовка: войт и бурмистр, мещан первой статьи 88, средней 117, меньшей 50. С них денежного оклада 160 р., а с 421 вола и 114 лошадей у пашущих землю 81 р. 4 алт. 1 д., да хлеба 324(1/2) осьмачки. Платят в Нежине 1 октября.

(Особых угодий нет. Ярманок две: 29 июня и 8 сентября).

Носовского уезда села: Ржавцы (крест. 12), Адамовка (крест. 21, боб. 2), с пашни их, с волов и лошадей 8 р., да хлеба 32 осьмачки ржи и овса пополам, Киселева (крест. 5, боб. б), оклада 1 р. 13 алт.

Город Казар: войт, мещан первой статьи 9, средней 15, меньшей 6. Денежного оклада с дымов и с волов и лошадей 29 р. 8 алт. 2 д., а хлеба 21 осьмачка. Есть на реке Остре три мещанских мельницы и две козачьих, которых плотина починивается миром. Платят в Нежине 1 октября.

(Особых угодий нет. Ярманок тоже нет).

Город Волшевка: войт и бурмистр, мещан первой статьи 45, средней 21, меньшей 20, денежного подымовного оклада получается с них 60(1/2) р., да с 72 волов и 37 лошадей у пашущих землю 18 р. 8 алт. 2 д., и хлеба 73 осьмачки в год ржи и овса пополам. Платят в Нежине 1 октября.

Особых угодий нет. Ярманок две: 9 мая и 8 сентября.

Волшевского уезда, село Смоленки (крест. 6, боб. 2). Денежного оклада 1 р. 8 алт. 2 д. и хлеба пять осьмачек.

Город Гелмязин: войт, мещан 27 человек, денежного оклада подымовного и с волов и лошадей 15 р. 12 алт. три деньги.

Гелмязинского уезда, села: Плешканово (крест. 8), Подставки (крест. 12), с их семнадцати волов денежного оклада 2 р. 4 алт. 1 д. и 8(1/2) осьмачек хлеба ржи и овса пополам. Платить в Переяславле 14 ноября.

(Особых угодий нет).

Город Песчаное: войт, мещан пахотных 7, ремесленных: пяти портных, четырех ткачей и пяти шевцов. С десяти волов у пашущих землю

по козням Дорошенка. Для усмирения мятежа им отправлены были полковники: гадячский Семен Остренко, нежинский Гвинтовка, лубенский Щербак, прилуцкий Горленко, миргородский Апостоленко и полтавский Витязенко с их полками; при гетмане в Гадяче остался только стародубский полковник Остренин, воротившийся из-под Гомеля. И по этому поводу тогда же просил Бруховецкий присылки из Москвы великороссийских ратных сил, потому что

1 р. 8 алт. 2 д. и 5 осьмачек хлеба ржи и овса пополам, а с 19 ремесленных подымовного оклада 9(1/2) р.

Песчанского уезда села: 1) Малеваное (крест. 3, боб. 6), Дравовцы (крест. 2, боб. 6). 2) Шабельники (крест. 1, боб. 4). Денежного оклада с 5 волов и 1 лошади 29 алт. 1 д. и 3(1/2) осьмачки хлеба ржи и овса пополам, с бобылей по пяти алтын на человека. (Мельница козачья во владении крестьян).

Город Золотоноша: войт, мещан пахотных 26, ремесленных 12, прочих 19, всех 57, с них подымовного денежного оклада и с волов и лошадей 45 р. 19 алт. 1 д.

Золотоношского уезда Антипина и слободка Слезчина (крест. 10, боб. 2), с 9 лошадей окладу 2 р. 8 алт. 2 д. и 9 осьмачек хлеба, а с бобылей по 5 алт. с каждого (имеется одна пасека. Ярманок в Золотоноше две: в Фомину неделю и 8 сентября). Платят в Переяславле 14 ноября.

Город Кропивна: войт, мещан первой статьи 11, средней 8. С них денежного подымовного оклада 3 р. 29 алт. 1 д., а с волов да с лошади у пашущих землю 20 р. 19 алт. 3 д. и 15(1/2) осьмачек хлеба ржи и овса пополам.

Кропивенского уезда село Деньги (крест. 3); денежного оклада 8 алт. 1 д. и 1 осьмачка хлеба.

(Рыбных ловель, бобровых гон, бортовых угодий, пасеки и руден нет Ярманок нет. Одна мельница на реке Золотоноше, платят с ней полтину).

Город Ирклеев: войт, мещан первой статьи 7, средней 12. С них подымовного денежного оклада 13 р. 8 алт. 2 д., да хлеба 1 осьмачка ржи и овса пополам.

Ирклеевского уезда село Мельниково (крест 3), с их волов и лошади 1 р. и хлеба 4 осьмачки ржи и овса пополам.

(Особых угодий ни в городе, ни в уезде нет).

Город Буромля: войт, мещан 18, с них подымовного оклада и с 7 волов у пашущих землю 9 р. 29 алт. 1 д., да хлеба 3(1/2) осьмачки ржи и овса пополам. Платить им в Переяславле ноября 14.

(Особых угодий нет).

Город Оржицы: мещан 15, с них денежного оклада, да с 16 волов у пашущих землю 9(1/2) р. и хлеба 8 осьмачек ржи и овса пополам. Платить в Переяславле ноября 14.

(Особых угодий нет).

Город Нежин: войт, бурмистр, райцы, лавники, мещан, всех 697 человек, а в пашни у них пашущих землю волов 607 и лошадей 7. С них денежного оклада 300 р. 11 алт. с воловых окладов, а хлеба 310(1/2) осьмачек ржи и овса пополам, но войт и бурмистры хлебным окладом не обложились, потому что прежде хлебного побора с них не бывало, и о том был разговор в малороссийском приказе. И мы, мещане, его великого государя указу не противны, что укажет, а войт и бурмистр, и райцы, и лавники десять человек и восемь пушкарей, что при ратуше, по жалованному грамотам от тех поборов освобождены.

не решался идти сам на бунтовщиков с одними козаками, опасаясь, чтоб козаки, идущие с ним, также не взбунтовались и его самого не убили. По замечанию Бруховецкого переяславцы пустились на такое лихое дело именно потому, что не видали близко от себя царских ратных людей; у мятежников была надежда, что Дорошенко пришлет к ним на помощь своих козаков, а хан крымский — своих татар и, кроме того, к ним начнет приставать поспольство из всех малороссийских городов, — разгорится большой

Особых угодий, т.-е. рыбных ловель, бобровых гонов, звериных стойл, бортовых угодий, пасек, руден и перевозов в Нежине нет, а ярманок в год три: на Троицын день, на всеедной неделе и 1 октября.

Нежинского уезда бывший город Девица-Володка разорен и жители его мещане живут в Нежине и обложились заодно с нежинскими.

Нежинского уезда села: 1) Смоляжи (крест. 38, боб. 7), 2) Евлашевка (крест. 27, боб. 2), 3) Вересоцкое (крест. 22, боб. 10), 4) деревня Куриловка (крест. 42), 5) село Комаровка (крест. 60, боб. 6), 6) с. Ильинцы (крест. 14, боб. 8), 7) с. Безугловка (крест. 11), 8) с. Дремайловка (крест. 23), 3) дер. Бритоновка (крест. 16, боб. 8), 10) с. Берестовское (крест. 50, боб. 14), 11) с. Пашковка (крест. 9, боб. 1), 12) с. Бакоевка (крест. 17, боб. 6), 13) с. Колчево (крест. 18, боб. 4), 14) с. Припутни (крест. 25, боб. 6), 15) с. Черняховка (крест. 19, боб. 8), 16) с. Борковка (крест. 27), 17) с. Прохоры (крест. 53, боб. 6), 18) с. Липовый-Рог (крест. 52), 19) с. Переясловка (кр. 45, боб. 4), 20) с. Дорогинка (крест. 5), 21) с. Кропивна (крест. 8), 22) с. Жуковка (крест. 23), 23) с. Куликовка (крест. 13, боб. 4), 24) с. Дроздовка (крест. 28), 25) с. Оленевка (крест. 28, боб. 10), 26) с. Вертеевка (крест. 142, боб. 6).

Всего в Нежинском уезде двадцать восемь жилых местностей, в них, 825 крест., с их 918 волов и 561 лошади денежного оклада 255 р., а хлеба 1020 осьмачек ржи и овса пополам, а со 114 боб. 17 р. три алтына две деньги.

Состоят: 1) за Нежинским монастырем местечки: Девица-Солтыкова и Волошковичи, да села: Стольная, Степановка и Блистово; 2) за нежинскою ратушею села: Плоское, Синяки, Хорошее-Озеро, Печи, Круты и Кагорлык; 3) за епископом Мефодием села: Ушня, Борковка, Воловицы, Кладовка и Слободка на Вороне реке; — со всеми угодьями и мельницами; 4) за нежинским попом Павлом село Топчиевка; 5) за нежинским войтом Александром Цурковским села: Колесники, Мельники, Кушкино; 6) за нежинским писарем Филиппом села: Мостище, Хибаловка да мельница под городом; 7) за Нежинского полка судьей Завадским село Локнистое; 8) за нежинским сотником Иваном Косинским село Кошелевка-Вертеевская.

Город Всеволож: войт, мещан первой статьи 30, средней 58, меньшей 24, со всех 115 человек денежного подымовного оклада 61 р. 13 алт. две деньги, а со 100 волов и 77 лошадей у пашущих землю 31 р. 25 алт., да хлеба 127 осьмачек ржи и овса пополам. Платить в Нежине на срок 1 октября.

Особых угодий и ранд и мельниц нет.

Всеволожского уезда село Загоровка (крест. 38, боб. 3); с 31 вола да с 23 лошадей пашенных крестьян получится 11 р. 4 алт. 1 д. да хлеба 44(1/2) осьмачки ржи и овса пополам.

Город Березна: войт, мещан первой статьи 49, средней 173, а меньшей или третьей 120, четвертой 128. Со всех 477 человек мещан денеж-

огонь, а у московской стороны силы будут убавляться, тем более, что уже и без того калмыки, недавно приведенные в Малороссию, ушли восвоюси, как только узнали, что Москва хочет мириться с Польшею. Действительно, опасения Бруховецкого, что из переяславского события разгорится большой огонь, стали, по-видимому, оправдываться. В близких к Переяславу городках жители принимали присланных от Дорошенка людей и с ними запирались в замках. В Москве узнали иным путем, что переяславское возмущение началось с подговора запорожцев, возбуждавших малороссию тем, что Москва на них налагает новые подати. Спрошенный по этому поводу Бруховецкий начал было оправдывать запорожцев, но вскоре должен был донести в Москву, что запорожцы действительно раздражены против пожалованных дворянским достоинством полковников и угрожают самому гетману-за его боярский сан, намереваясь прислать отряд в 200 человек, чтобы гетмана каким-нибудь хитрым способом поймать.

ного подымовного оклада 195 р. 23 алт. 2 д., да с 315 волов и 158 лошадей у пашущих землю 78 р. 29 алт. 1 д., а хлеба 315(1/2) осьмачек ржи и овса пополам. Платить в Нежине на срок 1 октября. Особых угодий, и мельниц и перевозов нет ни в городе, ни в уезде. Ярманок в городе две: на Вознесение и на Успение.

Березнинского уезда село Михайлово-Городище (крест. 163, боб. 18); с 215 волов и 226 лошадей пашенных крестьян 23 р. 12 алт. 3 д., да хлеба 333(1/2) осьмачки ржи и овса пополам.

Город Борзна: войт, мещан первой статьи 257, с них денежного оклада подымовного 90 р. 14 алт. 4 д., а с 234 вола и 97 лошадей у пашущих землю 53 р. с полтиною, да хлеба 214 осьмачек ржи и овса пополам. Платить в Нежине на срок 1 октября.

Особых угодий нет ни в городе, ни в уезде. Ярманок три: в среду на четвертой неделе великого поста, в неделю Всех Святых и в день св. Параскевы.

В Борзенском уезде села: 1) Куношевка (крест. 48, боб. 13), 2) Плиски (крест. 10, боб. 5), 3) Красиловка (кр. 12, боб. 1), 4) Загоровка (крест. 19, боб. 4), 5) Николаевка (крест. 26, боб. 6), 6) Стрельники (крест. 79, боб. 5), 7) Шаповаловка (крест. 86, боб. 5), 8) Носалевка (крест. 51, боб. 18). Со всех 331 человека крестьян, с их 350 волов и 191 лошади денежного оклада 91 р. с полтиною, да хлеба 366 осьмачек ржи и овса пополам, А с бобылей 8 р. 17 алт. 2 д.

Город Иван-Городище, войт, мещан 31 чел., подымовного по 20 алтын с дыма, а с 15 волов и 14 лошадей у пашущих землю 5 р. 12 алт. 3 д. да хлеба двадцать полторы осьмачки ржи и овса пополам. Всего денежного оклада подымовного и с волов и с лошадей 23 р. 32 алт. 3 д. Под городом мельница, держит козак, а гребля починивается миром на реке Остре. Платить им в Нежине на срок 1 октября. Особых угодий нет.

Иван-Городищенского уезда села: 1) Хвостовицы (крест. 18, боб. 2), 2) Махновка (крест. 8), 3) Мартиновка (крест. 14), 4) Белмачовка (крест. 7, боб. 4). Всего со 147 волов и 40 лошадей 47 пашенных крестьян 15 руб. 23 алт. 1 д., а с бобылями 16 руб. 25 алт. 1 д., а хлеба десять три осьмачки с полусосьмачкою ржи и овса пополам.

На просьбу гетмана о присылке царских ратных сил ему отвечали, что нельзя в скорости собрать из белгородских и севских полков и послать в Малороссию, из опасения неприятельского вторжения в других краях. Выслан был только в Киев с отрядом князь Барятинский, а в малороссийские города послан был на смену Протасьеву стольник Данило Лихачев, и с ним велено быть ратным людям из Путивля. К счастью, против переяславского бунта принял впору меры Шереметев, выславши в Переяслав своего товарища стольника князя Щербатова с двумя тысячами человек; к нему присоединен был тот грек Константин Могилевский или Мигалевский (?), о котором говорили мы выше. Князь Щербатов занял Переяслав, а Могилевский взял и сжег городок Бубнов¹, истребил мятежников и прибыл к Переяславу. Таким образом было схвачено несколько главнейших мятежников и отправлено в Киев; других поймали козаки Бруховецкого.

В сентябре прислан был к Шереметеву царский указ отправить всех взятых мятежников Переяславского полка в Гадяч, а в Киеве оставить только двух и учинить им смертную казнь в тот самый день, в какой казнят остальных в Гадяче. Всем воеводам в Малороссии указано ловить разбежавшихся мятежников и отсылать к гетману. Посланному по этому делу московскому гонцу Бруховецкий жаловался на Вердеревского: не прислал он к нему схваченных бунтовщиков, напротив, посаженные в тюрьмы, они — неизвестно как — из-под караула убежали. «Я думаю, — говорил при этом гетман, — надобно бы разорить все города, которые взбунтовались и будут взяты государевыми людьми, и чтобы вперед в тех городах жильцов не было». Вероятно, Бруховецкий, говоря это, разумел под городами укрепленные замки в городах (местах). Конечно, говорил он так, поддельваясь к Москве и соображая, что ей будет приятно от него это слышать.

Мятежники переяславские, оставшиеся в целости после взятия в плен князем Щербатовым их главных товарищей, заперлись в Барышевке², но принуждены были оттуда скоро выйти, преследуемые тем же князем Щербатовым. Они ушли в Золотоношу. Князь Щербатов двинулся туда, осадил их в Золотоноше и держал до октября.

В то время, когда мятежники сидели осажденными в Золотоноше, их убежавшие коноводы были у Дорошенка и просили поспешить к ним на выручку. У Дорошенка тогда под рукою не доставало собственных сил, и он послал в Крым к хану,

¹ Местечко Золотоношского уезда, Полтавской губ., при реке Днепре.

² Ныне местечко Переясл. уезда, Полтавской губернии, при реке Трубеже.

сообщая ему, что именно теперь настало удобное время нанести московской стороне поражение, принудить левобережную Украину к отступлению от московского царя и подчинить ее верховной власти Турции. Дорошенко уверял хана, что все козачество не терпит Бруховецкого и отступится от него, как только увидит в своем крае орду. Хан по этому призыву отправил к Дорошенке 30.000 орды со своими братьями салтанами Нуредином, Мамет-Гиреем и Саломет-Гиреем. Татары пришли в Чигирин около первого октября. Вместе с ними появились в Украине турецкие аги и янычары: турецкий султан со слов крымского хана уже начинал считать Украину своим будущим достоянием, так как Дорошенко присягнул перед ханом не служить ни польскому королю, ни московскому государю, а вместе с ордою воевать и москалей, и ляхов. По прибытии союзников, Дорошенко разделил их силы на две половины: одну с Саломет-Гиреем и мурзами отправил за Днепр, другую — с салтанами Нуредином и Мамет-Гиреем — оставил при себе в Чигирине, намереваясь с ними идти после того, как вперед посланные получат успех на левой стороне. Число отправленных на левую сторону, по известиям одних, простиралось до пятнадцати тысяч, по известиям других — только до десяти. С татарами послал Дорошенко и два полка подчиненных ему козаков. Дорошенко знал, что в левобережной Малороссии нет в сборе большого войска, а потому велел своим союзникам разбиться на загоны и врассыпную воевать села и деревни. Татары, перешедши Днепр, пустились в разные стороны: одни бросились к Голтве¹, другие опустошали окрестности Переяслава, третьи напали на Прилуки. Прилуцкий полковник Лазарь Горленко был тогда с своим полком в отсутствии, а царский воевода Кирилло Загряжский имел при себе одного прапорщика, да 50 человек солдатского строя, и с таким малолюдством не мог дать отпора. Татары не посмели взять Прилук, но безнаказанно опустошили поселения Прилуцкого полка и доходили даже до Нежина и Борзны, а прилуцкий воевода, сидя в городе, не мог высылать даже партий для проводывания вестей и не знал, где и что разорили татары и много ли в полон увели ясыру. К счастью, это был кратковременный набег. Набрали татары множество пленников, награбили все, что попадалось, потом погнали ясыр к Днепру и переправились с ним на правый берег.

Сам Дорошенко, не хотевший признавать над Украиной не только московской власти, но еще более польской, повел своих союзников, двух оставшихся с ним салтанов, с их ордами но

¹ Местечко Кобеляцкого уезда, Полтавской губ., на реках Псле и Голтве.

направлению к Польше. Под Брацлавом разбил он польского полковника Стралковского с семнадцатью хоругвями, потом направился на Подоль: там явилось тогда польское войско, под начальством Маховского, с намерением принуждать к повиновению Польше непокорный край. Уже Маховский взял Иван-город¹ велел перебить запершихся в нем русских. Тут на него бросился Дорошенко с татарами. Маховский повернул к Брацлаву. Дорошенко погнался за ним, догнал, разбил в прах, взял в плен и отдал татарам с большею частью предводимого им отряда, состоявшего из тридцати хоругвий. С этого события, как замечает малороссийский летописец, Дорошенко отрезался от Польши и гласно заявлял мысль не повиноваться более польскому королю, но поддаться турецкому государю, с тем, чтоб стать удельным владельцем всей Украины, подобно валахскому господарю, и в этих-то видах вступил в переговоры с ханом. Дорошенко надеялся склонить козаков на свою сторону приманкою политической самостоятельности Украины и рассылал универсалы прельщать этим толпу. В городке Торговице, признававшем власть Дорошенка, он велел делать деньги от ханского имени и раздавал их козакам, чтоб тем удобнее привлекать к своей мысли козацкую громаду. Он снова посылал в Корсунь и в Белую-Церковь к находившимся там польским комендантам приказание очистить эти городки, а жителей малороссийских побуждал выгонять оттуда поляков силою. Белоцерковский комендант должен был отбиваться от жителей, поддавшихся убеждениям Дорошенка, сжег местечко и заперся в замке.

Под предлогом поступать по воле своего гетмана Дорошенка стали составляться своевольные «купы» (шайки). В околице самого Киева они обирали по дорогам торговцев (уже тогда притоном удалых стал делаться Хвастов, впоследствии местопребывание славного Паляя). Те из народа, которые искали спокойного житья, убегали для переселения на левую сторону; в это время опустели городки: Богуслав, Синица и Ольшанка.

Новые порядки, вводимые Бруховецким на левой стороне в угоду Москве, никак не могли приходиться по вкусу малороссиянам, но многое еще не было ими понято на опыте. Мещане с первого раза не раскусили воеводского управления и говорили великороссиянам, что с радостью готовы платить царские подати, лишь бы избавиться от управления козацкого. Когда прибывали в первый раз воеводы, малороссияне дразнили козацких старшин и говорили им: «вот, наконец, Бог избавляет нас: вперед грабить нас и домов наших разорять не будете!» Но гетмана ровно все

¹ Местечко Гайсинского уезда, Подольской губернии, при реке Кубличе.

не терпели уже потому, что самое ненавистное для них козацкое управление исходило не от кого другого, как от того же гетмана; козацкая громада не видела за ним никаких доблестей, внушающих уважение. «Что это за гетман? — говорили о нем козаки — запершись сидит в городе, что в лукошке. Хорошо было бы — шел к войску и всякий промысел чинил над неприятелем, а то за гетманом только и дела, что ведьм сжет»¹. Бруховецкий пред великорусскими посланниками бесстыдно свалил с себя на других упреки в корыстолюбии и утеснении подчиненных; в грамотах, посылаемых в Москву, он беспрестанно доносил на великороссийских воевод, находившихся в Малороссии, писал, что от насильств и обид, чинимых воеводами и московскими ратными людьми, малороссияне покидают дома свои и семьи, убегают в Запорожье, распространяют недовольство своими рассказами, и через то возбуждается повсеместное смятение и шатость. Тем же способом не щадил он и своих козацких начальных людей. На нежинского полковника Гвинтовку доносил он в Приказ, будто Гвинтовка, будучи в Москве, не хотел прилагать руки к статьям, поданным гетманом; — когда гетман стоял еще в Каневе и посылал Гвинтовку под Чигирин, он, не слушаясь гетмана, назад воротился и говорил: «нигде того не ведется, чтоб свой своего воевал! Когда же потом гетман посылал Гвинтовку в Переяслав против мятежников, он показывал доброжелательство к бунтовщикам; за это гетман посадил его под караул в Гадяче, а на его место в Нежине полковником назначил другого — Артема Мартыновича. Полковнику Могилевскому, греку, после укрощения переяславских мятежников гетман дозволил расположиться с своею ватагою близ Сосницы и Мена, потом чернил его, доносил, что козаки этой ватаги прибирают к себе наймитов из посполства, и те самовольно именуют себя козаками. Доносил гетман и на духовных лиц: «то дело богомерзкое и богомстительное, что пастыри наши бесчинно и не по правилам святых отец живут, а как от патриарха московского на митрополию в Киев прислан будет митрополит, то все пакости на Украине перестанут». Более всего старался Бруховецкий своими доносами вредить епископу Мефодию, который в 1667 году был приглашен в Москву по возникавшему делу о суде над патриархом Никоном. В феврале этого 1667 года гетман сообщал; что всячески увещевает запорожцев быть верными царю и жить в братолюбии с великороссийскими ратными людьми, но мешает этому «двоедушная духовная особа, преосвященный Ме-

¹ Нам неизвестно значение последнего обвинения. Вероятно, было тогда несколько процессов о волшебстве, кончавшихся казнями, столь повсеместными в тот век. Есть темное известие о том, что Бруховецкий приказал сечь полковницу Гострую, но подробностей об этом событии мы не знаем.

фодий, поджигая запорожцев на всякое зло и действуя на них чрез генерального судью Петра Забелу». Так, гетман, донося на Мефодия, старался очернить перед московским правительством и другое значительное лицо в Малороссии. «Было бы всего лучше, — писал Бруховецкий о Мефодии, — если бы он, поехавши в Москву, там бы и остался или в каком-нибудь ином месте государь жить ему указал, а то вот теперь, как он заехал, иной свет здесь без него становится». Бруховецкий своими доносами набрасывал подозрения и на такие лица, которые не могли иметь прямого значения в управлении Малороссии: так он представлял опасным, что покойного Богдана Хмельницкого, отступившего от царя Гуляницкого жена и дочь приехали в Киев и остановились в Печерском монастыре. Бруховецкий раздражал против себя и посполство, посягая на его материальные выгоды: он доносил на воевод, что они дозволяют посполитым людям в селах курить вино, тогда как одним козакам дозволялось иметь винокурни. Таких мелочных доносов со стороны гетмана было писано множество, и понятно, что он ими наживал себе недоброжелателей и возбуждал против себя неудовольствие в большой массе жителей.

Х

Перемирие России с Польшею. — Посольство
стольника Лодыженского к крымскому хану. —
Убийство Лодыженского запорожцами. — Розыск и
переписка по этому делу. — Недоразумения козаков с
воеводою в Полтаве. — Розыск, произведенный в
Полтаве Кикиным.

Наконец состоялось давно затеянное дело примирения России с Польшею. После июньской приостановки военных действий уполномоченные обеих держав продолжали делать между собою съезды и долго не могли согласиться, разъезжались, сносились с своими правительствами, съезжались опять, и так тянулось дело до нового 1667 года. На стороне Польши стало опять более надежд и поводов для упорства, чем на стороне Москвы. Государство московское находилось не в блестящем положении: финансы были истощены и запущены, монеты было мало, и новой не делали, жалованье служилым раздавалось сибирскими мехами, вместо денег; меха нужно было продавать иногда ниже цены, по какой ценились они при отдаче служилым, и в самых мехах был недостаток; войско было плохо обучено, содержать его было трудно, предводители то и дело жаловались, что их подчиненные самовольно бегут со службы; крепости были в упадке; народ страдал от поборов и корыстолюбия властей; воеводы и дьяки, посылаемые управлять городами и областями, заботились только о собственной наживе; механизм управления расшатался; сам верховный владыка государства угрыз в ме-

лочной набожности, мало знакомился с текущими действительными нуждами народа, успокаивая совесть свою тем, что соблюдал церковный устав, тешился церковным богослужением и раздавал милостыню нищим из казны, собранной с обнищавшего народа. Человек добрый, искренно желавший добра всем, он поддавался влиянию тех, которые были к нему близки, пользовались его доверием и добротой и нередко обманывали его. Делопроизводство было в руках лукавых дьяков, гонявшихся за своими мелочными выгодами; везде господствовали лицемерие и тупоумие. Не было у Московского Государства ни союзников, ни доброжелателей. У Польши, напротив, была тогда союзницею татарская сила, страшная своим опустошительным способом ведения войны. Уже не могло быть более речи об удержании того положения, какое приняла была Россия в половине XVII века, при Богдане Хмельницком, когда между Польшею и Россиею ставился вопрос: кому из них первенствовать между собою? Теперь не думали более не только об удержании всего великого княжества Литовского, но даже и о сохранении за собою всей Украины, добровольно отдавшейся под власть Москвы. Трудно было Москве домогаться этого, так как Москва сама своею бестолковою политикою произвела в Украине смуту, которая разложила общество на две партии — желавших и нежелавших пребывать в государственной связи с Москвою. Нежелавшие создали себе идеал самобытного независимого существования; однако, за недостатком в народе умственных и нравственных способов к достижению такого идеала, метались малороссияне то в ту, то в другую сторону, цепляясь за надежду то на поляков, то на татар и турок. Московское правительство, чувствуя ослабление сил своего государства, уперлось только на том, чтоб удержать хотя небольшую часть из того, что ему добровольно отдалось. Таким образом, Москва не прочь была оставить за Польшею всю правую сторону Днепра, а для себя ограничиться приобретением левой, которой значительная часть принадлежала уже ей давно, и только после Смутного времени при отце царствовавшего государя была утрачена. Благочестивому царю Алексею Михайловичу хотелось удержать на правой стороне хотя Киев с окрестностями на пять или на шесть верст, даже хотя бы временно, лет на пять, в надежде, что обстоятельства изменятся в течение этого времени. Польские уполномоченные не соглашались и на это; и царь решался уже, наконец, пожертвовать Киевом. Но тут Дорошенко, объявивши себя открытым врагом Польши и заключивши договор с ханом, навел татар, которые стали опустошать польские области и, таким образом, из недавних союзников Польши вдруг стали ее врагами. Этим обстоятельством воспользовался русский уполномоченный Ордын-Нащокин и выговорил у польских комиссаров уступку Киева, впрочем, только на два года. Поляки надеялись, что в течение этого срока они успеют переделать в Ук-

раине все на свой лад, и непостоянная орда снова станет действовать в их видах. Таким образом, 13-го января 1667 года было заключено перемирие на 13 лет, до июня 1680 года. Все-таки Москва должна была приплатиться подарком польским комиссарам; им дали по десяти тысяч злотых, а главному из них — референдарю Брестовскому — вдвое. Как видно, польские государственные люди уже в то время склонны были принимать подарки от чужих держав за ведение дел, хотя бы и против выгод своего собственного отечества¹.

По заключении договора с поляками, в силу того же договора, в марте из Москвы отпущен был в Крым гонцом стольник Ефим

1 Выписываем из договора места, относящиеся до Малороссийского края:

Пункт 3. А которые города и земли от Коруны польской и великого княжества Литовского завоеваны суть, и остаются во владении и в державе его царского величества, се есть Смоленск со всею северскою землею, с городами и с уездами, которые от того краю, от Витебского и от Полотского, и от Лифлянд, от Лютинского уездов до Смоленска, то-есть Дорогобуж, Белая, Невль, Себеж, Красное, також и Велиж, хотя издавна до воеводства витебского лежащий с своими местами и с уездами, а с другого края, где есть северские города, около Чернигова все города и земли, какими ни есть прозвищами и урочищами названные, оставатись имеют все в стороне его царского величества; а в стороне его королевского величества от Днепра, что под Киевом, и через весь тот край до Путивльского рубежа никакого города, и ни места, и ни волости во владении, в нынешние перемирные лета, от нынешнего времени и дня, належати не будет, не переходя однакож рубежей воеводств полотского, витебского и мстиславского, також и поветов оршанского, мозырского, речичского и браславского, також и лифляндского рубежа, так как в себе те рубежи, и в давном своем очертании до войны имели, и со всеми уездами, деревнями и волостями с обеих сторон Днепра и Двины рек, и с иными будущими, до тех же воеводств и поветов, которые в державе его королевской милости и Речи-Посполитой остаются лежащими, опричь Велижа, которой для покою святого от воеводства витебского отлучен, и в сторону его царского величества сим договором до перемирных лет оставлен есть, и вниз Днепра, что именуются Запороги, и тамошние козаки, в каких они там оборонах, островах и поселениях своих живут, имеют быть в послушании, под обороною и под высокою рукою обоих великих государей наших, на общую их службу от наступающих, от чего Боже сохрани, бусурманских сил; однакож тем всем, всякого чину жителем, которые в стороне его царского величества, в местах через сии договоры до подлинного времени уступленных, останут, вольное имеют быть во всех тех местах употребление веры святой католической, без всякого в отправовании богомолия своего в домах своих затруднения, а взаим тем всем всякого чина русским людем, которые в сторону его королевского величества в местах через сии договоры уступлены остаются, вольное имеет быть употребление веры греческой, без всякого в отправовании службы Божией затруднения, и в тех же всех, через сии договоры, остающихся в стороне его царского величества местах и землях, как от Коруны польской на Украине, також и от великого княжества Литовского, никаких новых городов на новых местах во время того перемирья строить, и ни из тех же мест уступленных из городов и мест, и волостей, никакого чину людей до государства московского, с поселении своих выводити его царское величество не велит.

Лодыженский, вместе с крымским гонцом Мугамет-Агою, который от хана приезжал к царю с предложением начать переговоры о мире. Лодыженский, с товарищем своим подьячим Скворцовым, ехал на Полтаву, взял от тамошнего воеводы Волконского провожатых рейтаров и следовал к переправе на Днепре у Переволочны. Перехавши Днепр, крымский гонец поехал вперед, а Лодыженский, едучи за ним позади, 4-го апреля увидел за собою полтораста козаков запорожских, зимовавших в малороссийских городах и на весну возвращавшихся в Сечу. Они ехали вслед за Лодыженским, а

4. И то укрепляем, что никакая над козаки украинскими по ту сторону Днепра, от Переяславля будущими, месть чинена быти не имат, за то, что некоторые в сторону его королевского величества и Речи-Посполитой поддавались, а тех козаков по другой стороне реки Днепра от Киева будущих, его царское величество от присяги, себе на подданство учиненной, освобождает, и в оборону свою приняты, и до мест и городов, там будущих, вступатися во все время сего перемирья не будет и не велит; а против того, и его королевское величество тех козаков по другой стороне реки Днепра, от Переяславля будущих, в оборону свою принимати и до мест и городов там будущих, вступатися в те перемирные лета не будет и не велит.

7. А самой город Киев с теми ж монастырями Печерскими и с иными при Киеве оставленными околицами, також и с служками с старыми, с которыми наперед сего Киев в сторону царского величества принят и с живностию в то время там же будучею, в сторону его королевского величества и Речи-Посполитой имеет быть отдан и очищен до первой о вечном покое комиссии, в тех перемирных летах припадающей, се есть в два года, от нынешнего договора считаючи, даст Господь Бог, в пришлом 1663 году в месяце апреле в 15 день, по новому календарю припадающем; однакож, до того очищения Киева и отдания оногo в сторону его королевского величества и Речи-Посполитой, имеет быти от великих государей наших меж собою через посланников с любительными грамотами обсылка, чтоб с одной стороны о отдачи, а с другой стороны о принятии не без ведома было, которые обсылки, хотя бы и не были, однакож город Киев в сторону его королевского величества и Речи-Посполитой на срок, против описания нынешнего, возвращен и уступлен быти повинен, которой тот Киев, через те два года покаместа в держании его царского величества будет, имеет имети крепкую с войска его царского величества оборону, как против бусурман, також и против своевольных козаков, где и живности и запасов воинских до обороны по надобью его царское величество давати велит, а за то никакой при уступлении того Киева награды от его королевского величества и от Речи-Посполитой его царское величество потребовати не будет.

9. А что с стороны розной красоты и вещей костельных и церковных, Господу Богу на хвалу посвященных, яко-ж всякая утварь святости, и мощи, имянно части дерева креста Господня, в Люблине взятые и разных образов и украс костельных и церковных, то все, что ни есть, в государстве его царского величества обретатися будет могло, не далее одного году за обсылкою великих наших государей возвращено будет; а о колоколах из панства его королевского величества и Речи-Посполитой, до государства его царского величества московского вывезенных, на первой комиссии через великих с обеих сторон полномочных послов до удовольствия договор учинен быти имеет.

6-го апреля обминули его и поехали вперед. На урочище Первой-Пришибе, у речки Базавлука, напали они на крымского гонца, опередившего с своими татарами русского гонца. Запорожцы убили крымского гонца с тринадцатью товарищами, побрали их лошадей и все их имущество, а семь татар ускользнули от бойни и прибежали только с двумя лошадьми к московскому гонцу под защиту. Лодыженский продолжал с ними свой путь и прибыл в Сечу 8-го апреля. Московский гонец заявил запорожскому кошевому Ждану-Рогу о несчастии, постигшем ехавшего обратно из Москвы крымского гонца, требовал сыскать и казнить убийц. Кошевой сказал:

— У нас в Сечи этих воров нет, и такое лихое дело стало без ведома кошевого начальства.

Вслед затем явилось в Сечь 30 человек из той полтораствотенной партии козаков, которые ехали двое суток с Лодыженским, догнавши его на дороге. Это был козак Иван Соха с товарищами: они не приставали к разбою.

Лодыженский требовал, чтоб его отпустили продолжать свое поручение. Но апреля 10-го запорожцы собрались на раду и порешили на ней отобрать у гонца и письма и деньги; с ним были: государева казна в «легких поминках» крымскому хану и царское

18. И то постановили есмь, чтобы обои великие государи послали до хана крымского и в своих грамотах сей утвержденный покой ему объявили, чтоб для соседства хан крымский с своими ордами был с нашим великим государем в общей дружбе и в любительных ссылках, а от войны достаточно перестал, понеже великие государи наши уж меж собою в братской любви пребывают; а буде хан крымской тем возгордит и в соседстве общим приятелем быти не похочет и войны своей достаточно не престанет, тогда как в Украине, как и в Киеве и в Запорогах и в иных Украинных городех по обеим сторонам реки Днепра обои войска, так Коруны польские и великого княжества Литовского, как и государства его царского величества московского с Украинными тамошними людьми против орды и хановых сил всегда готовы быти имеют и отпор давати, как общему неприятелю, будут; также и в Запорогах и на Дону спомочной и оборонной промысл над бусурманы не престанет. А есть ли бы хан крымской по тому обещанию хотел третьим быти с великими государи нашими в приятстве: тогда о способах успокоения в заходящих разностях обои великие государи наши меж собою сошлются, и чтоб до общего приятства дойти могли, радение учинят.

19. Также для совершенного объявления великие государи наши пошлют послов своих к цесарю турецкому, объявляючи, как пограничному соседу, о сем покое учиненном, чтоб цесарь турецкой, прежнее приятство подтвердив, хану крымскому приказал в соседстве спокойно пребывати, и жестоко заказал, чтоб до войны никакого случая не давал. И когда-б заданием причины от орды до войны с ханом и с татары обои великим государем нашим пришло, от чего бы и салтан турецкой вступаючись за орду к войне против тех обоих великих государей наших, или против единого из них возстали имел: тогда общими силами и войски отпор бусурманом во всякой потребе, с обеих сторон свои силы соединяючи, обои великие государи наши давати будут.

жалованье, посланное к пленному боярину Василию Борисовичу Шереметеву; была с ним также царская грамота к хану и письма к находившемуся при хане царскому посланнику Якушкину. Запорожцы все пересмотрели, но писем, отнятых у гонца, не читали. Гонцу было сказано, что его тотчас не отпустят, потому что о том нет в Сече ни царского указа, ни гетманской грамоты.

Итак, волею-неволею Лодыженскому пришлось оставаться в Сече, и он сам не знал, как долго ему там быть.

12-го апреля задержанный гонец отправил известие к Бруховецкому, но кошевой, с своей стороны, послал гетману письмо, в котором оправдывал себя и уверял, что крымского гонца убили воры без ведома кошевого начальства.

Лодыженский, оставаясь в Сече, был свидетелем, как в Сечь приезжали посланцы от Дорошенка. Кошевой по этому поводу собирал раду; на ней обсуждались предложения Дорошенка и составлялся ответ, но великороссияне, задержанные в плену, не могли подлинно узнать, о чем у запорожцев идет дело. Только запорожцы намеками говорили рейтарам: государевы люди московские в малороссийских городах на залогах стоят; мы их всех выведем, чтоб в наших малороссийских городах не было на заставах ни одного царского ратного человека.

В Москве, получивши неожиданную весть о Лодыженском, тотчас отправили к гетману в посольство стольника Василия Кикина. Он повез царский указ: послать в Запорожье верных и досужих людей и приказать кошевому Ждану-Рогу и всему запорожскому товариству сделать розыск о совершившемся убийстве ханского гонца, — узнать, не было ли ворах подсылки от Дорошенка, преступников казнить смертью, а Лодыженского и оставшихся в живых татар, товарищей убитого ханского гонца, возвратив им их имущество, отпустить в Крым с провожатыми до первого татарского города Шекерменя.

Мая 18-го приехал Кикин к Бруховецкому в Гадяч. Прочитавши царский указ, гетман отправил в Сечь гадячского полкового есаула Ивана Донца сообщить кошевому царскую волю.

— Все это дело проклятого Дорошенка, — говорил Кикину Бруховецкий, — он подсылает в Запорожье своих посланцев; хочется ему притянуть войско к своему делу! Опасаюсь, как бы он лукавством своим не прельстил кошевого! И к нам присылаются «прелестные» письма и от Дорошенка, и от крымского хана Адиль-Гирея: приглашают старшину и все посольство к соединению с собою.

В Сече, между тем, еще до приезда туда гетманского посланца Донца, 12-го мая скинули с кошевого атаманства Ждана-Рога, избрали нового атамана и тогда заговорили на раде, как поступить с задержанным царским гонцом.

— Надобно сыскать тех, что крымского гонца убили, — сказал низложенный с атаманства Ждан-Рог.

— А как их сыскивать? — отвечали козаки. — Сам ты про них ведаешь! Ведь мурзина рухлядь у тебя-то в курени!

У низложенного с атаманства Ждана-Рога произвели обыск и нашли лук, саадачное лубье (колчан) и шапку «мисюрку» (железную).

— Вот оно — мурзино! — говорили козаки. Ждан-Рог объяснял: «это мне принесли козаки в подарок, а где они достали, про то мне не сказали!»

Козаки не учинили над Жданом-Рогом никакой расправы и, как видно, не разыскивали, от каких козаков приносились подарки Ждану-Рогу.

15-го мая запорожцы на раде решили отпустить царского гонца с провожавшими его рейтарами, а разом с ним отпустить в Крым и татар, товарищей убитого ханского гонца. Их всех посадили в лодки, а за ними отрядили также в лодках, как бы провожаячи их, сорок человек запорожцев; отправился с ними и сам новый кошевой Остап Васютенко. Плыть Днепром доводилось им только пять верст, а потом надобно было ехать сухопутьем; для этого выслали вперед к Каменному перевозу (отстоявшему семь верст от Сечи) лошадей с прапорщиком рейтарского строя Пенкиным, с тридцатью рейтарами и с семьей козаками.

Как только Лодыженский успел отплыть по Днепру версты две, кошевой Остап Васютенко (другое прозвище его было Черемис) с товарищами последовал за ним в лодках. Догнавши его, запорожцы приказали Лодыженскому со всеми пльвшими с ним причалить и выходить на берег. Великороссияне, видя, что их немного, повиновались. Козаки сняли с них платье и даже рубахи и приказали им нагишом стать в круг, а сами стали около них с пищалями. «Бегите в воду в Днепр!» — крикнули на них козаки. Великороссиянам некуда было деваться; они стали прыгать в воду. Тогда козаки стреляли по ним из пищалей. Пуля попала в Лодыженского; он первый пошел ко дну; прочие усилили свое плавание, но козаки вступили в лодки, пустились за ними и стали их бить: убили переводчика, бывшего при царском гонце, убили рейтарского поручика Алексея Снетина, убили пять солдат, четырех посольских татар и двух боярских людей Лодыженского. Прочие: подьячий, прапорщик, трое солдат, несколько людей боярских, белгородский станичник Переверзев и один посольский татарин успели доплыть до берега; подьячему дали веслом такой удар по голове, что он, достигши до берега, упал за смертью на землю, а очнувшись, с трудом поплелся за своими товарищами. Все пошли нагишом в Сечу. Другие, которые из Сечи отправились с рейтарским прапорщиком Пенкиным к Каменному перевозу и

вели лошадей для гонца и его свиты, были настигнуты козаками; их ограбили, отняли у них лошадей, и они пешком пришли в Сечь. Только двое бывших с ними посольских татар успели верхом ускакать по степи к крымским городкам.

Из Сечи отпустили подъячего и всех спасшихся от смерти великороссиян в Полтаву. Но пока они пробыли в Сечи, то услышали от козаков такие слова: «нам быть в соединении с Дорошенком. Полтавский полковник с нами в приятстве. Мы на том порешили, чтобы всех царских ратных и начальных людей вывести вон из малороссийских городов, и чтоб у нас в малороссийском крае никаких поборов с отцов и с родичей наших не было».

«Многие непристойные слова запорожские козаки тогда приносили», прибавил передававший воеводе в Полтаве эти сведения подъячий Скворцов.

23-го мая известил своего боярина и гетмана кошевой Остап Васютенко, что в Сечи убили до смерти царского гонца, стольника Ефима Лодыженского, и пограбили все, что с ним было, но кто это сделал, по какому поводу и когда, о том в письме кошевого к гетману не было ничего сказано. Бруховецкий, получивши неожиданное известие, хотел было писать универсалы во все полки, чтобы шли против мятежников, но, как объяснял Кикину, раздумал, опасаясь измены между козаками. Это все — говорил он Кикину — устроил прежний кошевой Ждан-Рог для своей бездельной корысти и для грабежа.

Посланный гетманом Иван Донец приехал в Сечу на Троицын день 26-го мая. Запорожцы собрали раду. Прочитали письмо гетмана, в котором требовалось сыска преступников. Тут поднялась разногласица и перебранка между козаками «старинными», т. е. бывшими в Сече лет по пяти, по десяти и более, и козаками-новичками, пришедшими туда недавно, большею частью из правобережной Украины. Старинные козаки говорили новичкам: «все зло от вас из-за Днепра пришло!» Новички обратились к Донцу, показывали ему бумаги, отнятые у Лодыженского.

— «Видишь», — толковали новички, — государь московский помирился с польским королем, а все для того, чтоб наше Запорожье снести. Вот за это-то и стольника, и татар потопили!»

Кошевой «тайным обычаем» сказал Донцу: «уйди к себе в курень, а то как бы тебя здесь не убили!»

Донец ушел из рады. Через несколько времени пришел к нему кошевой со старшинами, сказал, что рада окончилась, но не сообщил Донцу, чтоб какой-нибудь приговор состоялся на раде о сыске преступников, чего домогался гетман. «Не знаем» — говорил кошевой — «что с этими своевольниками делать! Много их нашло тут на Запорожье. Ни меня, ни старшин не слушают. Во всем полагаюсь на государево изволение».

Кто-то из старшин говорил: «пуший бунтовщик-Страх. Он утопил Ефима. Его было поймали и приковали к пушке, а он напоил караульщика и чуть не убил его, да сломал с цепи замок и ушел неведомо куда».

Тут сообщили запорожцы, объявившие себя выходцами из турецкого городка Ислам-Керменя, что при них к туркам пришел запорожец, утопивший Лодыженского и татар, и турки велели его повесить.

— Этот козак — сказали старшины — не кто иной, как Страх, родом из Кальниболота.

Продержав гетманского посланца два дня в Сече, кошевой отпустил его с письмом к гетману.

Бруховецкий отправил самого Ивана Донца в Москву вместе с двумя письмами (от 21-го и 20-го мая), присланными от кошевого к гетману:

«Убийство гонца — писал кошевой — совершено своевольными людьми без ведома кошевого начальства; но в статьях, взятых у убитого, увидали мы, что нас, как детей яблоком, тешит царь бумажными листами, чтоб мы его царскому величеству верно служили, а сам великий государь, взяв братское желательство с королем польским, тотчас с тем же и к хану отзывается, и обещает нас умалить. Уже и началось то, что царь-государь обещал: для какой-то причины бедных людей, от войны разоренных, зело утесняют. Стольник Лодыженский смерть принял за то, что в городах наших люди великие обиды от них (великороссиян) терпят. Изволь же, ваша вельможность, в любви с нами жить, а его царскому величеству учинить известие, чтобы указано было ратным людям перестать чинить в городах наших вымыслы, а будет не перестанут, храни Боже, чтоб не загорелся большой огонь». Давалось обещание покарать убийц, когда найдутся, «только бы царь-государь за преступление этих убийц не держал гнева на всех запорожцев». Если же будет иначе, кошевой приводил гетману такую угрозу: «когда человек хочет ниву пахать, то прежде терние из земли вымечет; подобно тому предки наши, не щадя здоровья своего, но претерпевая все, что приходилось претерпеть, выдерживали из отчизны терние, чтоб нам она уродила свободу; и нам свобода дороже всего на свете; да и рыбам, и птицам, и зверям, и всякому созданию мила она. Как нам не скорбеть, когда за наши заслуги хотят нас в неволе держать?»

Бруховецкий, отправляя в Москву Донца, в своей грамоте к царю указывал, что «смуту разносят убежавшие в Запорожье мужики, не хотячи отдавать уставных даней в царскую казну, а тут еще возбуждают смятение и те, что убежали в Запорожье от великих насильств и обид, причиняемых воеводами». Гетман указывал на необходимость усмирять мятежи великорусским войском,

на своих же козаков разных полков гетман не надеялся: между ними, но его словам, таких не мало было, что сами сделаться могут зачинщиками.

В Москве Донец сообщал между прочим, что в Запорожье гневаются на гетмана главным образом за то, что он бил государю челом о воеводах, ратных людях и переписчиках.

Июня 26-го дана была Донцу ответная царская грамота к гетману. «Узнали мы» — говорилось в ней — «что в малороссийских городах лихие люди «оставляют злые советы о денежных и хлебных сборах на продовольствие ратных людей и в тягость себе то ставят, что на их же оборону наши царские люди в городах живут. Переписчики посланы не на раздражение, а на успокоение украинского народа, притом посланы они по единомышленному челобитию вашему же, гетмана, полковников, сотников, козаков и черни, в чем мы, великий государь, вам и всему посольству поверили и ныне надеемся без всякого оскорбления народа в Украине содержать и прокормить наших ратных людей, присланных к вам к обороне и защите». Бруховецкому внушалось держать совет с Шереметевым о средствах, как сдерживать легкомысленных людей и без отягощения народного прокормить царских ратных в малороссийских городах.

Несчастное приключение с Лодыженским совпало с другим делом, полтавским. 9-го июня Кикин, находясь в Гадяче, получил царский указ ехать в Полтаву для сыска. Между полтавским воеводою Волконским и полтавским полковником Витязенком, а разом и между служилыми великороссиянами с одной стороны и местными козаками и посольством с другой, возникли недоразумения и споры. Полтавцы жаловались, что воеводы и ратные люди берут с них неправильные поборы, творят над ними насильства, отнимают козацкие мельницы; а воевода, с своей стороны, жаловался, что полковник живет с ним не в совете, не допускает собирать следуемых в царскую казну пошлин с приезжих людей и ставит свои караулы на ярмарках и слободах. Кикин в Полтаве учинил дознание: оказались беспорядки в управлении и делопроизводстве. Воевода брал в казну денежный и медовый оброки не только с посполитых, но и с козаков, оттого, что во время произведенной переписи записаны были в посольство такие, что были на самом деле козаками. В Украине был таков обычай: люди назывались разными прозвищами; у иного было три и четыре таких прозвищ, по отцу, по тестю, по жене; случилось, что переписчики, по сходству прозвищ, ошибкою записали козаков в посполитые, и те же самые козаки под другими прозвищами попали в козацкие списки, а во время производства переписи были на службе в Кременчуге, иные в Запорожье и лично не могли подавать о себе сведений. Переписчик, живя в

Полтаве, по уезду не ездил, а посылал вместо себя подьячих, и последние, торопясь, записывали козаков мужиками заочно, не в состоянии будучи расспросить их самих, кем они себя признают; мужики же нарочно перед подьячими называли этих козаков мужиками для своего облегчения, чтоб эти козаки заодно с ними отбывали повинности. И теперь эти козаки били челом о возврате взятого с них неправильно оброка. Полковник и козаки жаловались, что воевода берет взятки с торговых людей на ярмарке и тем отгоняет купцов, а воевода жаловался, что полковник и полковые старшины грозили бить до смерти сборщиков государевых ярмарочных пошлин. Когда Кикин по этому делу начал наводить справки и расспрашивать разных лиц, то многие из малороссиян наедине представляли ему в дурном свете кто полковника, а кто воеводу, но тут же говорили, что не станут повторять этого гласно, дабы не навлечь гнева тех, кого обличали.

В июле, по возвращении Кикина из Полтавы в Гадяч, гетман отпустил его к государю с челобитьем отдать запорожцам их вину в виду того, чтоб они к Дорошенку и хану крымскому не пристали.

XI

Дорошенько наводит татар на Польшу. — Неудачные польские посольства в Турцию и Крым. — Коронный гетман Собеский в Подгайцах. — Битва с Дорошенком и татарами. — Польское войско в осаде. — Серко подвигает запорожцев на Крым. — Разорения в Крыму. — Тревога между татарами. — Подгаецкий договор. — Неискренность Дорошенка. — Надежды на Турцию. — Письма к Дорошенку Иннокентия Гизеля. — Брат Дорошенка Григорий. — Сношения Шереметева с Дорошенком. — Дубенский у Дорошенка. — Письмо Дорошенка Шереметеву. — Уверения Дорошенка в расположении к Москве. — Митрополит Тукальский. — Стряпчий Тяпкин. — Переговоры Тяпкина с братом Дорошенка. — Письмо Дорошенка к Тяпкину. — Расположение к Дорошенку народа на левой стороне. — Тревожное состояние левобережной Украины.

Давши надежду на поступление в подданство Турции, Дорошенко просил хана, как турецкого данника, двинуть свою орду на Польшу. Поражение Маховского было уже первым явлением возобновленной вражды татар с Польшею за козацкое дело. Польский король, предупреждая дальнейшие намерения хана и Турции, пытался уладить с ними дружелюбным способом и отклонить от доброжелательства к Дорошенку. В Турцию отправлен был послом знаменитый некогда канцлер Радзиевский. Сообщая туркам о заключении Андрусовского договора, этот посол присовокуплял, что у короля есть тайное желание искоренить все козачество: собственно для того-то и мир у него заключен с Москвою, чтоб разом

истребить всех козаков — и тех, что перешли под власть царя, и тех, что остались у короля под властью. Радзиевский, сообразно своей инструкции, доказывал турецкому правительству, что братство козаков с татарами представляет опасность и для самой Порты, так как козаки и теперь, как бывало уже прежде, будут вместе с татарами делать разорения в турецких областях без ведома короля. Он просил турецкое правительство запретить константинопольскому патриарху сноситься с козаками под предлогом религиозных дел: может патриарх писать только к лицам духовным в Польше. Немного дней спустя, Радзиевский умер скоропостижно в Константинополе. Оставшийся на кончине Радзиевского секретарь посольства, Высоцкий, довершил переговоры и заключил между Портою и Польшею так называемый «вечный мир» в котором, однако, сильнее были обязательства со стороны Польши, чем со стороны Турции. Польша обязывалась не принимать людей, ушедших из вассальных государств, подвластных Порте, а, заковавши, доставлять их до Счастливых врат и запретить козакам запорожским беспокоить турецкие области. С своей стороны, султан обещал запретить хану крымскому и татарам, состоящим под главенством падишаха, причинять вред польским областям, и если татары уже набрали там ясыр, то обязаны отпустить всех польских полоненников по требованию короля, кроме принявших чужую веру. Дозволялось обывателям Польши для торговли ездить по турецким владениям, не платя мыт нигде, кроме Константинополя и Адрианополя, но непременно по давним дорогам, а не прокладывать новых. — Но этот мир не имел ни прочности, ни важного значения на продолжительные времена. В Крым отправили из Польши послом Самуила Кобылецкого, но тот не имел никакого успеха; его отправили из Польши с пустыми руками, а татарам хотелось от поляков денег, и хан роптал, что король уже несколько лет не платит Крыму жалованья, которое татары называли данью. Дорошенко, напротив, завлекал татарское корыстолюбие надеждою на поживу польскою добычею. Поэтому-то домогательства Дорошенка в Крыму взяли верх над польскими. На мир Польши с Турциею и на запрещение султана в Крыму немного обращали внимания. Осенью 1667 года выслан был из Крыма в Украину салтан Калга Шерин-Гирей; с ним были: салтан Нуреддин, шесть салтанов из рода Гиреев и много мурз. По свидетельству польского историка, с ним тогда вышло орды до восьмидесяти тысяч, а у Дорошенка козаков было до двадцати четырех тысяч. Но числа эти явно преувеличены, как и вообще польские источники редко не преувеличивают числа неприятелей своего отечества. Как бы то ни было, соединенные силы орды двинулись на Польшу по призыву Дорошенка. Татары, по своему обычаю, тотчас же распустили загоны для грабежа и захвата пленников.

Ян Собеский, теперь возведенный в звание коронного гетмана, услышавши, что орда идет на Подолье, двинулся с войском в Подгайцы, местечко, принадлежавшее Потоцким, укрепленное валами и рвами. Здесь он отпустил несколько отрядов по сторонам в Покутье, на Львовский тракт и на Полесье, а сам с остальным войском решился встретить неприятеля в Подгайцах. Паны, считавшие себя опытными в военном деле, укоряли его за раздробление сил. Но гетман объяснял, что он поступил так для того, чтоб татары, видя в разных местах польские войска, подумали о чрезвычайном количестве военных сил у поляков; притом гетман рассчитывал, что татары не утерпят и рассыпятся в загоны, а потому нужно будет отражать их в разных местах. Главная сила татар и Дорошенко с козаками приближались к Подгайцам. Собеский вышел с войском показать неприятелям, что напали они не на трусов. Битва длилась до солнечного заката. Поляки бились храбро, и татары потеряли много своих воинов. После солнечного заката татары собрали трупы своих убитых, свезли в деревню и, наклавши их в хатах, зажгли хаты: для них, как для мусульман, было ужасно оставлять своих мертвых на поле без погребения.

После этой первой стычки татары не стали вступать в битвы с польским войском, а придумали всею громадою своих военных сил осадить поляков и победить их голодом. Прошло, таким образом, несколько дней без боя; только удалцы с обеих сторон показывали свою личную отвагу и храбрость на герцах. Поляки рассказывали, что они тогда выдумывали разные выходки, чтоб напугать татар, которых считали глуповатыми; так, например, чтоб неприятель думал об избытке у них огнестрельного оружия, они кидали ночью на неприятеля бочки, обмазанные смолою, воображая, что татары примут их за бомбы, или, снявши в деревнях с хат трубы, укрепляли на колесах, ставили на валах своих окопов и стреляли из ружей, вложивши ружья в эти трубы: татарам показывалось, что на них палят из пушек и осыпают их картечью. Попавшиеся в плен польские слуги говорили татарам, что к польскому войску, стоящему в Подгайцах, на соединение идет от Львова польный гетман князь Вишневецкий с двадцатью тысячами незаморенного войска, а затем ждут еще и короля, который с большою силою уже переправился через Вислу.

Такие уловки не слишком много принесли полькам, но делу в их пользу дало новый оборот событие, начатое и совершившееся никак не по их замыслу.

Замысел Дорошенка отдать Малороссию в протекцию Турции с тем, чтобы с помощью турок и татар отделаться от ненавистного Андрусовского договора, не мог разделяться с сочувствием всеми козаками ни в Украине, ни в Запорожье. Козаки слишком долго и слишком кроваво боролись с мусульманами, не говоря уже о

том, что вообще продолжительная дружба христиан с поклонниками Магомета была делом невозможным в тот век где бы то ни было. Славный запорожский богатырь Серко, непримиримейший враг Крыма, сообразивши, что по выходе орды с ханом в Польшу Крым на время опустеет, поспешил в Сечу и начал собирать братчиков. Недавно еще Серко поссорился с запорожцами; но легко было с запорожцами поссориться, легко было и помириться. Превжная размолвка была уже забыта. По голосу славного Серка тотчас набралось запорожцев несколько тысяч. Серко говорил им так: «Вот теперь, братцы, настало время расправиться с татарами, помститься над нашими недругами и вывести из бусурманской неволи наших крещеных братьев. Бусурманы ушли к Дорошенко воевать против ляхов, двory их остались почти пустыми; в Крыму не ждут нас. Много у них всякого добра, награбленного у нашего же народа; все перейдет в наши руки; много возьмем добычи, и поровну разделимся, и славы-лыцарства добудем великого! Я ляхов недруг; ляхи — паны, они утесняли вольность нашу, угнетали народ наш православный; но и татары нам тоже не друзья, а еще горшие враги. Ляхи нашу худобу поедают, а татары кровь нашу пьют. Посмотрите, орда опустошила домовки наши, детьми и женами нашими наполнили татары свои улусы, а сколько они людей нашего козацкого народа в неволю запродали на галеры и сколько их перебили! С бусурманами нам достойно воевать; сам Бог велит напасть на противников и отместить за унижение имени Иисуса Христа, за сожженные церкви, за поругание святыни. Идемте, братцы, я вам перед вести буду!»

Запорожье поголовно потянулось к Перекопу с своим кошевым, которым был, после низложенного Васютенка, Иван Рог. Городок Перекоп взяли козаки, сожгли потом и, открывши себе вход в середину полуострова, разделились на две половины: с одною был кошевой Рог, с другою — Серко. По известиям пленных татар, в обеих половинах было более двух тысяч, а поляки говорили, будто Серко поднял тогда на войну до двадцати тысяч козачества. Кошевой Рог с сечевиками взял местечко Арбаутук; запорожцы без милосердия истребили в нем всех жителей, рассыпались по селам и то же делали везде; имущества забирались, двory пылали, всех рубили, не было спуска ни женщинам, ни детям. Серко с другою половиною бросился к Кафе и напал на улус Ширинбея; то был могучий владетель в Крыму, вассал хана; козаки все сожгли, всех истребили, стада и табуны уводили и взяли в плен живьем Ширинбея семилетнего сына с его мамкою.

По всему Крыму поднялся страшный переполох; татары покидали свои жилища и спешили в горы. Сам хан, находившийся тогда в своей столице в Бахчисарае, убежал на берег моря, сел на судно и укрылся на азиатском берегу с своим двором, женами

и наложницами, а весь свой юрт оставил на произвол судьбы. Козаки, однако, не достигли тогда до Бахчисарая; они боялись, чтоб Калга, находившийся при Дорошенке, услышавши, что делается в Крыму, не воротился, не ударил бы на козаков и не загородил бы им обратного пути через Перекопский перешеек. Отягченные добычею, козаки повернули назад и благополучно возвратились в свою Сечу. Самыми важными трофеями их похода было множество освобожденных христианских невольников, а такими подвигами козаки всегда особенно славились и считали их главным своим призванием в войнах с неверными.

Набег Серка и Рога на Крым принес полякам большую пользу, хотя никто не мог сказать, чтоб запорожцы свершили его с намерением помогать полякам.

Когда весть о посещении Крыма Серком дошла до Калги и мурз, бывших с Дорошенком, большое негодование поднялось тогда против козачества. Мурзы стали подозревать искренность самого Дорошенка: не в соумышлении ли с ним и его старшиною ходили в Крым запорожцы; но Калга перед мурзами стал защищать своего союзника: «брат за преступление брата не должен отвечать», говорил он. Дорошенко, тем не менее, не мог уже слишком полагаться в данное время на прочность побратимства с татарами, раздраженными за козацкий набег. Много татар тогда же ушло в Крым; Дорошенко с часу на час опасался, чтоб орда не взволновалась и не принудила своих салтанов помириться с ляхами, даже и ценою выдачи ляхам козацкого гетмана. Дорошенко, предупреждая беду, сам первый послал коронному гетману предложение помириться и обещал склонить к примирению Калгу с салтанами и мурзами. Собеский согласился, соображая, что не безопасно раздражать до крайности обоих врагов. Дорошенко легко убедил Калгу мириться с Собеским после того, как татары, узнавши, что делается в их отечестве, разбежались из стана. Собеский отправил к татарам узнать расположение их вождей ротмистра Рошица, у которого был брат, принявший магометанскую веру. Рошиц привез известие, что татары между собою так говорили тогда: «видно, Бог нас покарал за то, что мы пошли воевать на своих прежних побратимов-поляков; за то Бог и наслал на наш край козаков».

Прежде поляки вступили в переговоры с татарами. Калга от имени хана присягнул считать друзьями союзников польского короля, врагами его неприятелей. Гетман Собеский обещал приложить старание, чтоб выплачено было следуемое хану жалованье, и извинялся, что исправный платеж его был в последнее время задержан по причине смут, господствовавших в Польше. Салтан именем ханским обязывался не пускать в пределы Речи-Посполитой татарских загонов из всяких орд, подвластных хану, и освободить всех

польских пленников, находившихся в Крыму, между ними и Маховского; коронный гетман именем короля обещал так же поступить и с татарскими пленниками. Наконец, Калга обязался на возвратном пути с ордою не распускать по сторонам загонов.

По окончании договора с татарами составлен был договор с Дорошенком, состоявший из взаимных обещаний. Он гласил так: Дорошенко обещал покориться власти польского короля и просить его принять все Войско Запорожское в милость Речи-Посполитой, а Собеский обещал выпросить у короля всеобщую амнистию козакам, но с условием, чтоб они вперед не искали протекции у иных монархов, а повиновались бы единому законному своему королю, и воротили захваченные имения как королевские, так и панские. По просьбе Дорошенка коронный гетман обещал приказать белоцерковскому коменданту Стахурскому не делать обид русским людям, возвратить захваченные церковные вещи и вывести часть своего отряда из Белой-Церкви для облегчения местных жителей. Наконец, Собеский обещал именем короля и Речи-Посполитой не нарушать привилегий русского духовенства. Окончательное установление по всем вопросам, касавшимся недоразумений между козаками и Польшею, могло быть делом сейма, и для этой цели Дорошенко пошлет своих послов на сейм в Варшаву.

Со стороны Дорошенка не было тут ни малейшей искренности. Он тогда примирялся с коронным гетманом только потому, что видел раздражение своих союзников татар, взволнованных внезапным известием о набеге Серка и Рога. Не думал Дорошенко входить в продолжительную дружбу с поляками, а тем менее подчинять польскому королю Украину. Народ украинский был слишком озлоблен против поляков и расположен был скорее подчиниться бусурманской державе, чем католической Польше. У Дорошенка, как и у многих тогдашних малороссиян, была одна задушевная мысль — сделать Украину самобытной державой. Но после Андрусовского договора с такою задушевною мыслью невозможно уже было опираться ни на Москву, враждуя с Польшею, ни на Польшу, отступая от Москвы; обе заявили себя враждебно национальным стремлениям козаков; приходилось противодействовать разом двум державам — и московской, и польской, а между тем внутри Украины отнюдь не было ни согласия, ни ясности стремления. Искателям самобытности представлялось тогда единственным средством ухватиться за что-нибудь третье, за такое сильное, чтобы оно хотя временно могло равно действовать и против Московского Государства, и против Польши за Украину: таким третьим для Дорошенка тогда являлась Турция. Это была единственная могучая соседняя держава, не имевшая повода дружить ни с Польшею, ни с Москвою — и притом держава с большими военными силами; она, казалось, одна могла пособить Ук-

раине. Не ужасала Дорошенка отдача христианской Украины в подданство мусульманскому государю. Пример молдавских и валахских господарей, данников Турции, ласкал его надеждами, что Украине сжиться с Турцией было возможнее, чем с Московским Государством и с Польшею. Надеялись, что Турция оставит Украину под ее собственным местным управлением, не нарушая ни веры, ни обычаев, и довольствуясь только некоторого рода вассальной зависимостью. Разумеется, такой план имел только кажущуюся верность в будущем. Не все козаки, как мы уже замечали, разделяли с Дорошенком его склонность к Турции, и народ малороссийский вообще ни за что не согласился бы очутиться под властью турецкого падишаха, по давнему преданию считая такую власть тяжелым бусурманским ярмом.

Народ в правобережной Украине, как и в левобережной, в большинстве своем расположен был к соединению с Москвою. И Дорошенко, следуя за влечениями своего народа, не прочь был сойтись с Москвою и подчиниться «восточному царю». Его лично в данное время располагало и то, что брат его Григорий, взятый в плен в Москву, по ходатайству вселенских патриархов был обласкан царем Алексеем Михайловичем и хвалился этим в своих письмах к брату гетману. В сентябре (15-го числа) киевопечерский архимандрит Иннокентий Гизель, человек глубоко уважаемый в Малороссии за свое благочестие и ученость, услышавши, что Дорошенко имеет намерение отдаваться в протекцию Турции, пытался отклонить его и указывал на то, что «бусурмане, по закону своему, должны искоренять христиан, и оттого-то под их обороною христианские народы греческие, словенские и многие выгублены, и самый народ русский во все концы земли в неволю запроважен и без милости мучим». От имени православной церкви и всего духовенства архимандрит обращался к гетману с таким молением: «извольте, ваша милость, склониться лучше по-прежнему под державу и оборону его царского пресветлого величества, и ваша милость себе вся желаемая у его величества подлинно получишь; умилитесь над христианами, не отдавайте их и самого себя в работу бусурманам». Брат гетмана Григорий был отпущен, и Петр Дорошенко, благодаря царя за эту милость, просил отпустить еще и жену Григория и других пленников, находившихся в Московском Государстве. В декабре Шереметев отправил к Дорошенку посланцем Василия Дубенского известить гетмана об освобождении пленных малороссиян и вместе с тем поручил своему посланцу побеседовать с гетманом и узнать его настроение.

У Дубенского с гетманом велся такой разговор. Дубенский, от имени пославшего его, увещевал гетмана, чтоб он отстал «от погибельной агарянской прелести» и, как христианин, служил бы обоим христианским государям — московскому и польскому.

— Я, — отвечал Дорошенко, — желаю быть с православными христианами вкупе, и, будучи под высокою государевою рукою, голову покладать против неприятеля, только отстать от татар нам нельзя. Вот это почему: сталося у нас постановление с польским коронным гетманом Собеским — будет с королевским величеством на сейме договор. Надобно подождать, чтоб постановится на сейме. Коронный гетман обещал, что мне отдана будет Белая-Церковь, но до сих пор она мне не отдана, и если после сейма ляхи мне Белой-Церкви не отдадут, так я доступать ее буду сам с татарами.

Дубенский сказал: Боярину Петру Васильевичу известно стало, что татары собираются приходить войною на малороссийские города его царского величества; великий государь желает, чтоб ты, гетман, помня Бога и святую христианскую веру, не посылал татар христианских церквей разорять и крови проливать, и сам бы отлучился от совета с ними. За это ты примешь милость от Всемогущего Бога и освободишь душу свою от вечные погибели.

— Слышу, — сказал Дорошенко, — боярину Шереметеву известно, что хотят приходить татары войною в малороссийские государевы города, а мне такой ведомости нет, и без моего ведома татары в государевы города не пойдут войною. У них и у меня есть неприятели и поближе. Неприятели эти ляхи. Служили мы, козаки, польскому королю многие годы, а выслужили то, что ляхи церкви Божии обратили в унию. Дает король мне, гетману, и старшинам на всякие вольности привилегии, потом пришлет своих поляков и немцев, а те отнимают у нас всякие вольности и православных христиан мучат, бьют; с нас, гетмана и старшин, осмачки хлебные и всякие поборы собирают; во многих городах церкви Божии обругали и пожгли, а иные обратили в костелы. Православному христианину этого терпеть невозможно. Мы, гетман, и все козаки будем стоять за православную христианскую веру, а войною татар в государевы города не пошлю; если говорю неправду, то пусть в то время разольется моя гетманская кровь. Только не в мире с татарами нам никак быть нельзя. Мы с ними живем близко. Станут татары разорять нас — и в царские города учнут войною ходить; коли ж мы будем с татарами жить в мире, так и государевы малороссийские города с нами будут в целости. И теперь я татар удерживаю. Желаю, чтоб вера православная ширилась по всему свету, а мне хочется быть под рукою его царского величества. Я не хочу ни боярства, ни чего другого, кроме государевой милости, да чтоб вольности наши и права козацкие были вольны.

Стали обедать. Подали заздравную чашу в честь государя. Дорошенко поднял ее и сказал: «дай мне, Господи, за великого государя кровь свою пролить и голову положить».

В это мгновение раздался залп из ружей и пальба из пушек.

Тут же Дорошенко прибавил: «у великого государя с королевским величеством учинился мир и по договору хотят Киев отдать полякам, но этого не будет: мы за Киев головы свои положим, а ляхам Киева не отдадим!»

Дубенский, по приказу своего боярина, вел беседу с митрополитом Тукальским и с архимандритом Хмельницким, уговаривал их, чтоб они, с своей стороны, склоняли Дорошенка иметь расположение к московскому государю и отступить от союза с бусурманами. Оба обещали. Оба недавно, в 1667 году, были освобождены из заточения в Мариенбурге и поспешили на родину с враждебными чувствами к полякам¹. У них обоих был тот же заветный идеал, как и у Дорошенка — самобытность Украины. И они, как гетман, склонялись к мысли о турецкой протекции, видели в этом средство выбиться из-под польской власти, а к Московскому Государству относились с осторожностью и недоверчивостью.

«Ты, — писал к Шереметеву Дорошенко через Дубенского, — советуешь мне отступить от дружбы с агарянами. Не сам собою, а по воле его королевского величества, нашего милостивого государя, это дело началось. Король с ханом побратался и присягнул держать совершенную дружбу с татарами: так и нам, слугам королевским, невозможно разорять этого братства. Несть раб более господина своего». Дорошенко сослался на Гадячский договор с поляками, а в этом договоре указано было сохранять братство, заключенное с крымским ханом. Таким образом, гетман в сношениях с московскими чиновными людьми то грозил громить вместе с татарами польского короля, то союз свой с татарами оправдывал волею того же короля.

Митрополит Иосиф писал боярину Шереметеву сдержаннее: он не дозволил себе ни малейшего намека, что будет советовать гетману подчиниться царю, не написал ни слова о разлучении с татарами, а говорил только о великом радении гетмана в службах обоим государям — и московскому царю, и польскому королю.

Несколькими днями позже Дубенского приехал в Чигирин новый посланец Шереметева, Чекаловский, собственно для проведения вестей. Этому посланцу наговорил Дорошенко еще более приятных для Москвы слов. «Я почти надеюсь, — говорил он, — что, при Божией помощи, за моим старанием не токмо что сей бок Украины, где мы теперь живем, будет отдан под высокую руку его царского величества, но Перемышль, Ярославль, Галич,

¹ Современники уверяют, что после их освобождения поляки, по про-
искам Тетери, снова хотели их посадить в заточение, и это побудило их
почти бегством убраться в Украину: прежде убежал Хмельницкий, за ним
ухел и Тукальский, и принял управление митрополиею (Л. Сам.. 50).

Львов, Володимир, все эти головные города княжества русского и весь край в пределах княжества русского будут присоединены к давней столице к богоспасаемому Киеву, и отданы под высокую и крепкую руку его царского величества. Только я бы советовал его царскому величеству с ханом крымским оставаться в братерстве, хоть он и поганин: тогда бы не только Украина вся спокойно прожила, но из царских сопостатов никто и помыслить ничего противного его царскому величеству не посмел бы». И митрополит Тукальский, с которым виделся Чекаловский, говорил ему в таком смысле, как и гетман. Видно было, что Дорошенко с Тукальским всегда советовались о том, в каком тоне им говорить с прибывшими в Чигирин московскими посланцами.

Вслед затем приехал в Переяслав из Москвы стряпчий Василий Тяпкин. Ему поручено было склонять Дорошенка отступить от союза с бусурманами и подчиниться воле московского государя. Тяпкин отправил в Чигирин царскую грамоту, которая была написана так, что козаки могли понять ее в смысле приглашения поступить в подданство московскому государю. Дорошенко собрал раду из полковников и знатных козаков и велел писарю прочитать письмо. «Мы рады, — сказал гетман, — быть под высокодержавною рукою великого государя, только бы нам гнева от польского короля не было, а больше того боимся крымского хана: как он узнает, что царские послы к нам ездят для умирительных дел, так пришлет орду и велит пустошить и сжигать наши города и места».

«Ни за что, ни за что нельзя нам отлучиться от бусурмана», — кричали бывшие на раде.

Дорошенко отправил для переговоров с Тяпкиным в Переяслав своего брата Григория и писаря Лукаша Бускевича; тогда гетман написал к Тяпкину письмо, замечательное по упрекам, которые делались в нем от всего козачества московскому правительству за его поведение с самого присоединения Малороссии.

«Припомню тебе кое-что (выражался в этом письме Дорошенко) насчет того, к чему ты хочешь склонить меня и сущих со мною. Уже прежде другие так поступали, но не принесли никакой пользы ни себе, ни своим подручным. Кто показал больше усердного служения, как гетман Богдан Хмельницкий: он разумом своим и подручными себе силами и Белую Русь и всю Литву со стольным городом Вильною под власть великого государя отдал, и во Львов, и в Люблин царских ратных людей ввел; он и до самого отхода своего от жизни сей верно работал царскому величеству. Кто с тем же гетманом посоветовал города и села, паче же стольный святой Киев со всеми мощами святых поддать не в турецкое государство, а в христианское его царского величества, кто как не бывший при Хмельницком писарь Иван Выговский?

А какая была им благодать за то? Первому такая, что в комиссии под Вильною посланным от него комиссарам московские послы не дали с собою мест, но в поругание их привели при цесарском после и при польских комиссарах, и тем до смерти Хмельницкого обидели! Второго — утвердили в Переяславле гетманом, а потом тайными писаниями подвинули против него других названных гетманов — Пушкаря, Беспалаго, Барабаша, Силку, и возбуждали междоусобную брань в православном войске! А в недавнем прошлом договор с поляками постановили прямо на погибель нашу, на части нас разодрали, и уговорились, что оба монарха будут нас смирять, значит искоренять! Хвáлитесь, что война перестала, а какая польза из того для церкви православной? В Витебске ни одного храма православные иметь не вольны; в Полоцке одна была церковь и та сожжена, а другой строить не велят. То же и в других городах, отлученных от державы его царского величества! Вы привыкли считать нас за безумный скот, сами без нас усоветовали какие города оставить себе, какие уступить, тогда как эти города достались вам не вашей силою, а Божию помощью и нашим кровным мужеством. Мы хоть и овцы, только Христовы овцы, кровью его искупленные, а не бессловесные. Часто слышится от ваших московских людей такое суждение: волен-де король какую хочет веру иметь в своем государстве, волен благочестивые церкви переделывать в униатские и в костелы. Да не будет так! не даст еще Господь Бог нас в рабство! Его королевское величество знает, что предки наши, как равные с равными и вольные с вольными с поляками во едино тело сложились, под единым государем, волею себе выбранным и присягою утвержденным. А того ига, что честность твоя советуешь нам, ни отцы наши, ни мы не обыкли носить. Честность твоя советуешь нам отступить в подданство царского величества от державы королевской: не являйся разорителем закона комиссаров обоих народов. Писано 2 генваря 1663 г.»

В таком же смысле были и объяснения Григория Дорошенка с Тяпкиным. Григорий Дорошенко упрекал московское правительство, зачем не допустило козацким депутатам находиться при совещаниях, происходивших между польскими и московскими послами о перемирии, — зачем дозволило выбирать в начальственные уряды неприродных козаков; говорил, что союз с татарами козакам нужен, чтоб их оборонять от ляхов, изъявлял страх, что если московский государь пойдет в Киев под предлогом Богу молиться, то станет своими войсками помогать ляхам против козаков; наконец, после всего посланцы Дорошенка сказали:

«Мы, все заднепровской стороны козаки, хотим быть по первому подданству и по присяге под высокодержавною рукою его царского величества, только чтоб у нас в городах и местечках

воевод и залог (гарнизоны) и всяких чинов начальников московских не было; оставили бы за нами не нарушенными вольности и права козацкие: гетману над всею Малою Россиею обеих сторон Днепра быть бы одному Петру Дорошенку, поборов и всяких податей с мещан и со всяких тяглых людей никаких не иметь. Гетману же Бруховецкому можно прожить о себе: он пожалован превысокою совершенною честью и многими маестностями, поэтому ему уступить свое гетманство Дорошенку можно».

Произнося такое желание, Григорий Дорошенко и Бускевич просили не писать этих слов в официальных пунктах, чтобы о том преждевременно не разошлось в народе.

Тяпкин в Переяславе присмотрелся к состоянию умов в народе и привез в Москву неутешительные сведения. На левой стороне Днепра все более и более начинал народ любить Дорошенка. То было время самой высшей популярности Петра Дорошенка. Надеялись от него желанных перемен. Вообще потолкавшись между малороссиянами, Тяпкин понял, что народ не благожелательствовал безусловно московской власти. Больше всех городов малороссийских узнал Тяпкин Переяслав, и о переяславцах изрек такой приговор: «в Переяславе нет ни одного доброго человека ни из каких чинов, все бунтовщики и лазутчики великие, ни в одном слове верить никому нельзя». По его мнению, обратив на истинный путь малороссиян в то время возможно было только присылкою многочисленного великороссийского войска. «Если бы, — замечал Тяпкин, — в Переяславе было ратных тысячи три, а мало что две, так малороссияне стали бы тогда страшны (т. е. осторожны) и верны, а то царских ратных людей очень мало, да и те босы и голодны и бегут врознь, а переяславский воевода Алексеем Чириков, — человек больной и беспечный. Буде ратных людей в Переяслав не прибавят, а прежних не накормят и не оденут, то некому будет содержать такого многолюдного города, а между тем во всей Малой России поднимается великий мятеж».

Положение Переяслава, как близкого к заднепровской Украине города, давало ему именно в те дни большое значение: переяславские жители, козаки и мещане, вели частые сношения с правобережными, а с правого берега приходили в Переяслав гости, старавшиеся внушить жителям неудовольствие к своему положению и надежды на Дорошенка. Недавно еще в Переяславе был бунт, и многие, спасшись в то время от казни, теперь снова составляли горючий материал для народного волнения. Небольшое число царских ратных, не превышавшее трехсот, не могло скоро забыть угрожавшей им беды от мятежников и со дня на день ожидало новой тревоги; царские ратные сидели в замке, запершись от многих тысяч козаков и черни, наполнявших Переяслав. Что говорил Тяпкин о малороссиянах, поживши в Переяславе,

почти то же, вероятно, сказал бы он и после посещения другого города. Сильно тревожил повсюду малороссиян слух, будто Москва отдает ляхам Киев, а этот город имел для всех священное значение не только церковное, но и национальное, так что в то время говорили: куда Киев, туда и весь малороссийский край! В Переяславе Тяпкина беспрестанно осаждали вопросами: «отдадут ли Киев ляхам?» Тяпкин знал хорошо, что по Андрусовскому договору Киев оставлен под властью московского государя только на короткое время, а по прошествии этого времени Россия обязывалась возвратить его снова полякам; но Тяпкин тем не менее уверял малороссиян, что Киев «вечными часами» будет принадлежать великому государю. Мало чем менее отдачи Киеву ляхам тревожил малороссиян в эти дни другой слух: будто у царя с королем состоялся уговор отбирать у козаков принадлежавшие костелам вещи, захваченные во время предшествовавших войн в качестве военной добычи. Если б так случилось на самом деле, то пришлось бы отыскивать эти вещи в третьих и четвертых руках; пошла бы ужасная путаница. Во всех отношениях примирение в Андрусове было противно малороссиянам; они чувствовали и видели, что их заветные надежды разбиваются в прах; Украина делается добычею двух государств, которые по своим соображениям раздирают ее, делят между собою пополам, не спрашивая, желает или не желает того украинский народ: ему, этому народу, не только не дают повода лелеять мысль о державной самобытности своего отечества, но даже не позволяют считать себя отличным народом. Против такого отношения соседних государств к Малороссии словом и делом вопил Дорошенко, и через то любили его тогда малороссияне, и сохранил бы он такое обаяние до конца, если б его связи с мусульманами не привели к печальным последствиям, вооружившим против него народ. Но тогда еще его сношения с Турцией и татарами не оказывались явно губительными, и успех его казался несомненен в покушении овладеть левою стороною Днепра.

Бруховецкий, напротив, со дня на день ощущал фальшивое положение, в котором очутился, думая прислужиться Москве и утвердить свою власть над малороссийским краем при московском покровительстве. Малороссияне стали испытывать чуждое им великороссийское управление. Мещане и посполитые должны были вносить подымововные деньги с домов, подати с волов и лошадей, медовый доход с пчеловодства, с мельниц, оранды с виноторговли; эти поборы собирали новые люди и новыми способами; вся тягость этих способов, давно беспокоившая народ великороссийский, теперь падала и на малороссиян. Обдирательства, взятки, грубое обращение, чем отличались великороссийские приказные люди, — все это появлялось в Малороссии, конечно, с крайнею наглостью,

как в покоренной стране, а положение края было не таково, чтобы сборы эти могли производиться удобно, правильно и безобидно. Не было в Малороссии ни безопасности, ни спокойствия; беспрестанные татарские набеги опустошали страну; села и деревни лишались внезапно цвѣта своих жителей, уводимых в плен: хозяева не успевали отстраиваться и поправляться, как подвергались опять прежним набегам и разорениям: земледелец трудился и не знал, кому достанутся плоды трудов его: при совершенном урожае, его поля вытаптывались татарскими конями, сожигался его двор, и он шатался, не зная, где преклонить голову, и если не успевал убежать куда-нибудь, то умирал с голоду; край благодатнейший, который в прежние времена удивлял своим изобилием, приходил в обнищание и запустение. Когда совершилась перепись — везде требовали льгот, и, по соображениям, некоторые места тогда же были изъяты от налогов. Так, в Нежине не брали податей с волов и лошадей, ограничиваясь подымовным налогом. Со всех сторон подавались челобитные о таких изъятиях, и вообще оказывалось, что царской казне мало приходилось пользы с малороссийского края.

Но не одни воеводы и сборщики составляли тягость для польства: и козацкое начальство давало себя ему знать. У гетмана были тогда полки, не имевшие определенного места; то были, например, «купы», собравшиеся на правом берегу Днепра и перешедшие на левый; между ними были не только малороссияне, но и чужеземцы-волохи, сербы, поляки, приходившие на службу в гетманщину. Их располагали «на леже», т. е. назначали такие места, где поселяне обязаны были давать им помещение, конский корм, шубы, рукавицы. В Батурином уезде расположены были тогда козаки Дмитрашки Райча (которого потом Бруховецкий сделал переяславским полковником) с сотником Симашкою. Около Полтавы стояло «на леже» до пяти тысяч козаков, дожидавшихся весны, чтоб идти в поход. Около Мена и Сосницы стоял полк Могилевского; около Остра и Нежина козаки Полесского полка, приведенные Дециком. Такие козацки «купы» переводились из одного угла в другой и везде позволяли себе разного рода произвол и насилия над польством; в те времена всякий поступок казался позволителен, если не было вблизи силы, которая внушала страх наказания. Народный ропот возрастал; все ненавидели, проклинали Бруховецкого со всем тем, что от него исходило. Мещане и крестьяне тяготились воеводским управлением, от которого прежде они, недовольные управлением козацким, ждали себе облегчения; козаки не могли примириться с боярским саном гетмана и дворянским достоинством старшин и видели в этом замысел уничтожить козацкое равенство. Недовольно было и малороссийское духовенство ожиданием московских перемен, склонялось к

митрополиту Иосифу Тукальскому, приятелю Дорошенки, и не терпело Мефодия, московского подлипалу. Большую силу между духовными имел тогда Иннокентий Гизель: игумены и братия всех малороссийских монастырей уважали его и готовы были поступать, как он скажет, а он был издавна в дружбе с Тукальским. Тяпкин, указывая на него, как на сильного человека между духовными, советовал московскому правительству «обвеселять» пещерского архимандрита царскою милостивою грамотою.

XII

Бруховецкий ищет средств самосохранения от народной ненависти. — Его сношения с Дорошенком и Тукальским. — Рада у Бруховецкого в Гадяче. — Мысль о подданстве Турции. — Рада в Чигирине у Дорошенка. — Посланцы Бруховецкого на этой раде. — Епископ Мефодий недоволен Москвою. — Иннокентий Гизель у Мефодия. — Примирение Мефодия с Бруховецким. — Разрешение посполитым вступать в козаки. — Народные восстания в городах. — Дело под Остром. — Бруховецкий изгоняет из Гадяча воеводу и царских ратных людей. — Коварство Бруховецкого с ними. — Расправа с великороссиянами в разных городах. — Царские грамоты. — Возмутительные воззвания Бруховецкого. — Посольство в Турцию. — Дорошенко вступает на левую сторону Днепра. — Ромодановский в Котельве. — Дорошенко и Бруховецкий в Опашне. — Убийство Бруховецкого. — Погребение его тела в Гадяче.

Бруховецкий был один из тех мелких эгоистов, которые, увлекаясь представляющимися выгодами, хватаются за все, что кажется им ближе и потому легче, мало думают о далеких последствиях, а потом, когда увидят, что обманулись, так же легко и круто поворачивают в противную сторону. Бруховецкий сознал, что введение московских порядков возбуждает к нему ненависть, и он думал, что народ перестанет его ненавидеть, лишь только он, своими поступками, покажет, что не угождает московскому правительству в ущерб своей нации. Москвы он никогда не любил; он только подличал и пресмыкался перед нею, надеясь, что она всегда может охранить его. Но его надежды не совсем оправдавались. Москва не слишком скоро и не слишком сочувственно готова была угождать ему в такой мере, как он угождал ей; враги могли его извести, прежде чем Москва решилась бы спасти его. Для Москвы в сущности было все равно: того ли, другого ли захотят козаки себе гетманом, лишь бы этот гетман был верен и покорен московскому правительству. Дозволяя на вольной раде избирать гетмана, Москва всякого утвердила бы, кого на раде выберут, и всякого оставила бы и отдала на казнь, когда бы не

взлюбила его вольная рада. Что дозволено было излюбленному выбором Бруховецкому сделать с Самко́м и Васютою Золотаренком, то дозволили бы сделать и с самим Бруховецким в угоду другому излюбленному новым выбором. Это знал и понимал Бруховецкий. Дорошенко был опасен для Бруховецкого. Воевать с ним было трудно, потому что левобережные козаки могли передаться Дорошенку. Бруховецкий решил войти в союз и дружбу с Дорошенком: гетман-боярин завел тайные сношения с правобережным гетманом! Когда они возникли — не знаем, но в то время как Дорошенко вел переговоры с Дубенским и Тяпкиным, велись у него сношения и с Бруховецким через посредство иеромонаха, по прозвищу Якубенко. Дорошенко письменно и словесно через своего посланца передавал Бруховецкому, что охотно уступит ему гетманское достоинство, лишь бы Украина обеих сторон Днепра была в соединении под одною властью и козачество не было бы разорвано. Писал к Бруховецкому и митрополит Иосиф Тукальский, что Дорошенко отнюдь не стоит за гетманский сан и готов уступить его Бруховецкому, ради целостности и независимости отечества. Таких присылок от митрополита к левобережному гетману было несколько: Иосиф писал, что у московского царя с польским королем составлен договор — всю Украину мечом и огнем разорить. Бруховецкий поверил этому вымыслу и стал повторять его другим.

У Бруховецкого в Гадяче происходила рада января 1-го числа. Съехались к гетману для поздравления с новым годом полковники: нежинский — Артем Мартынович, черниговский — Иван Самойлович, переяславский — Дмитрашко Райча, прилуцкий — Лазарь Горленко, полтавский — Костя Кублицкий, миргородский — Григорий Апостоленко, и киевский — Василий Дворецкий; были здесь и войсковые судьи Петр Забела и Павел Животовский и войсковою писарь Федько Михаленко. «Меня Москва подвела» — говорил гетман, — «подговорили приехать в столицу, а там взяли и держали в неволе и заставили нас согласиться на то, чего мы и не хотели». Полковники и старшины вторили гетману: они хотя и не любили его, но все были недовольны вмешательством воевод в управление краем. На этой раде порешили: предложить воеводам царским, чтоб они с своими ратными людьми убирались из края подобру-поздорову, а если не пойдут добровольно, то прогонять их и бить. Бруховецкий уверял, что его посланцам в Приказе говорили: царю Малая Россия не надобна и он отдаст ее полякам вместе с Киевом. «Вот», — говорил Бруховецкий, — «и Василий Тяпкин, что сюда недавно приезжал, сказывал тоже, что у царя с королем положено отдать Польше Киев и с ним Малую Россию, только не теперь это сделают, а сгодя немного, чтоб народ не потревожить. Говорят, царь собирается в Киев приехать, будто

Богу молиться, но это слух только такой пускают, а царь совсем не за тем к нам едет, чтоб молиться. Еще прежде царя придет сюда Нащокин с московским войском. У москалей с ляхами в договоре постановлено с обеих сторон смирять нас, непослушных: затем-то царь сюда с войском идет, чтоб жителей Малой России выгубить и козачество искоренить! Сам Нащокин проговорился моим посланцам, сказал: «его царскому величеству ваша Малороссия не надобна; мы и Киев ляхам уступим!»

Кто-то из старшин сказал: «ты бы, гетман, послал к царскому величеству спросить, чем таким проступились и провиновались мы перед ним, и за что нас хотят искоренять?»

«Что к ним посылать!» сказал Бруховецкий: «они правды не скажут, а нам уже и так видно, что у них на уме недоброе, когда договорились с ляхами на том, чтоб с обеих сторон слушников усмирять».

Полковники не совсем доверяли и опасались, не испытывает ли гетман их расположение к Москве? Бруховецкий заметил это недоверие, снял с шеи крест, поцеловал его и уверял всех, что говорит искренно.

Из полковников один переяславский Дмитрашка Райча был вполне подготовлен к новому предприятию и сделался сторонником Дорошенка: к этому он приведен был своею женою, вдовою Васюты Золотаренка, которой брат-чернец жил при Дорошенке. Прочие полковники и старшины увлеклись страхом, так как о дурных замыслах московского правительства давно уже ходили слухи в народе. Решили не признавать власти ни царя московского, ни короля польского, а обратиться к государю турецкому и отдаться под высокую его руку, как подстрекал их всех Дорошенко.

После этой рады Бруховецкий отправил лубенского полковника Гамалею, генерального обозного Безпалого и канцеляриста Кашперовича в Турцию предлагать султану в подданство малороссиян с тем, чтоб султан обязался защищать новых подданных от притязаний России и Польши. Бруховецкий выговаривал себе право быть вассальным князем Украины под главенством Турции, наподобие Семиградского князя, и сидеть на княжеском престоле в Киеве. В то же время Степан Гречаный, бывший войсковою писарь, отправился за тем же делом в Крым к хану.

В январе 1668 года в Чигирине у Дорошенка происходила рада: были там козацкие старшины, полковники и полковые начальные лица правой стороны Днепра; были там духовные сановники и в числе их митрополит Иосиф и архимандрит Геден Хмельницкий, был там ханский посланник, были посланцы из Сечи, приехавшие принести присягу от всего товариства на покорность Дорошенку; наконец, были там посланцы с левого берега

Днепра — один от епископа Мефодия какой-то чернец, другой — от Бруховецкого какой-то знатный козак. Свидетелем этой рады был шляхтич Сеножатский, освободившийся из турецкой неволи и возвращавшийся на родину через Чигирин, но он не умел называть по имени того, кто был тогда посланцем от Бруховецкого. Бруховецкий уже не первый раз отправлял к Дорошенку своего тайного посланца. В этот раз, в присутствии многих других, Дорошенко не говорил уже его посланцу, что готов уступить Бруховецкому гетманское достоинство; напротив, толковал о том, чтобы вся Украина была в полном единении, хотя бы даже находилась разом под двумя гетманами, но о личности Бруховецкого отзывался он тогда вовсе неуважительно. «Бруховецкий», — говорил Дорошенко, — «человек худой и непородистый, зачем принял на себя такое бремя и отдал козаков Москве со всеми податями? того от века у нас не бывало!»

— Его неволею взяли к Москве со всюю старшиною и там заставили их подписать все, чего хотели, — отвечал посланец в оправдание своего гетмана и левобережных старшин.

И на этой раде, как на той, что происходила у Бруховецкого, положили отрезаться от Московского Государства и от Польши и поддаться Турции, в надежде вассальной самобытности под ее властью. Хмельницкий при этом говорил, что откопает отцовские скарбы и употребит их на плату татарам, лишь бы избавить Украину от московского царя и от польского короля.

Епископ Мефодий был в Москве, куда звали его участвовать, вместе с другими духовными сановниками, в суде над патриархом Никоном, и недавно воротился очень недовольным из царской столицы. Мало давали ему соболей, мало «корму» присылали; не оказывали ему такой почести, как прежде: это делалось оттого, что в Москве считали его человеком совсем уже окрепшим в подданстве, а не таким, которого нужно ласкать и баловать, чтоб к себе прикрепить. Вернувшись в Украину, он остановился жить в своем Нежине, — жил открыто, делал пиры, приглашал на них и малороссиян, и великороссиян, и, не стесняясь, так резко порицал великороссийских бояр и архиереев, что однажды нежинский воевода, Ржевский, ушел от обеда, не пожелавши слушать неприятных для него отзывов об его земляках. «Все у них дурно, — говорил епископ, — и вельможные паны их, и архиереи, и всяких чинов люди — такие грубые, противные: никогда больше не поеду в эту столицу!»

Бруховецкий давно уже находился в неприязни с епископом, — теперь, задумавши отступить от Москвы, он расчел полезным примириться и снова подружиться с Мефодием, тем более, как услышал, что епископ не с прежним дружелюбием относится к Москве. Посредником в деле такого примирения избрал гетман

печерского архимандрита Иннокентия Гизеля, хотя и с последним давно уже был не совсем в ладах. Он послал приглашать к себе в Гадяч архимандрита. «Я хоть и не хотел, а боячись козаков, рад не рад, должен был ехать — и поехал», говорил впоследствии Иннокентий.

— За что, — спрашивал его Бруховецкий, — печерская братья меня не любит и Бога за меня не молит?

— Мы, — отвечал Гизель, — зла на тебя не имеем, а только неласку твою видим: козаки маестности монастырские опустошают, подданных наших бьют, коней и волов, и всякий скот, и хлеб крадут, иноков благочестивых бесчестят. Мы к тебе о том писали, а ты писанье наше слезное презрел.

— Это, — сказал гетман, — все оттого, что полковники вас обижали и на вас поговаривали, а я им верил; теперь же верить больше не стану. А ты, отец архимандрит, помири меня с епископом Мефодием; пусть бы он оставил против меня всякую злобу. Мы бы стали промеж собою любовно жить, в совете, и тогда во всем крае малороссийском люди пребывали бы в покое.

Иннокентий Гизель из Гадяча отправился в Нежин, к гостеприимному епископу, передал ему о своем свидании с Бруховецким и, с своей стороны, убеждал Мефодия примириться с гетманом.

Раздраженный против Москвы, Мефодий был как нельзя более рад, услышавши такое предложение. Он отправился в Гадяч. Примирение с гетманом состоялось наилучшим образом. В утверждение взаимной дружбы гетмана с епископом, сын Мефодия женился на племяннице Бруховецкого. Бруховецкий сообщил епископу свои опасения на счет похода в Украину Нащокина с царскою ратью. Мефодий дал новому свату такой совет: «надобно тебе, гетман, выходить на границу и не впускать в Украину московских бояр с войском, а не то — Москва тебя схватит и отдаст в подарок ляхам, как Барабаша когда-то отдали Выговскому».

Полковники, бывшие на раде у Бруховецкого в день нового года, по возвращении в свои полки, принялись возбуждать своих подчиненных против московской власти и готовить их к изгнанию воевод и ратных царских людей. Сперва они таились от великороссиян, так как и на раде условлено было хранить замысел в тайне от великороссиян до поры до времени. Один только прилуцкий полковник, Лазарь Горленко, не исполнил взаимного уговора и сообщил нежинскому воеводе, Ржевскому, о том, что происходило на раде. Прочие разослали универсалы, которыми дозволялось не платить в царскую казну податей, не исполнять воеводских приказаний и посполитым, по своему желанию, записываться в козаки: последнее дозволение было чрезвычайно по вкусу малороссийскому посполитству; с эпохи Богдана Хмельницкого у каждого посполитого малороссиянина вольный козак был

идеалом, и стремление сделаться козаком везде прорывалось при всяком удобном случае.

Киевский воевода, главный между царскими воеводами, посаженными в малороссийских городах, начал получать от воевод тревожные донесения одно за другим. 5-го января написал ему из Остра воевода Рагозин, что в козелецком повете крестьяне, «лучшие» (т. е. зажиточнейшие) люди, не хотят взносить в казну следуемого с них хлеба и записываются в козаки. Вслед затем прислал известие прилуцкий воевода Загряжский, что по гетманскому указу, объявленному прилуцким полковником, в пригородках: Красном¹, Ичне², Карабутове³, Сребном⁴, мещане и крестьяне объявили себя козаками, решительно отреклись от всяких взносов в царскую казну и хотели побить посланных для сбора государевых людей. Между тем, у Загряжского было всего 33 солдат и 23 драгуна, при многолюдстве козаков в Прилуках. Затем получены в Киеве известия от переяславского воеводы, Алексея Чирикова, и миргородского — Приклонского, сообщавшие, что в полках Переяславском и Миргородском повсюду посполитые заявляют, что не будут взносить никаких поборов и самовольно поступают в козаки. Запорожцы пришли в пригородки и села Миргородского полка, в которых были устроены оранды (продажа вина на откупе), били орандарей (откупщиков), разграбили погрэба, — а миргородский войт и бурмистр говорили ратным людям: «будьте с нами заодно, не то вашему воеводе и вам жить у нас только до масляницы». Миргородский воевода Приклонский писал, что у него ратных людей всего 35 человек, и уже одна мещанка предупреждала, что малороссияне хотят их всех побить. Из Нежина 27-го и 29-го января воевода Ржевский доносил Шереметеву, что нежинский полковник Артем Мартынович объявил козакам, что, по приказу гетмана, можно всех из посполства принимать в козаки, а когда воевода сделал замечание полковнику, тот сказал: «в Малороссии люди вольные, можно мужикам записываться в козаки, потому что нынче нам люди надобны».

Вслед затем вести о таких же отказах взноса в царскую казну поборов и о самовольном поступлении посполитых в козаки получил Шереметев от воевод: сосницкого — Лихачева, батуринского — Клокачева и глуховского — Кологринова. Новгород-Север-

¹ Село Прилуцкого уезда, Полтавской губ., при реке Супое.

² Местечко Борзненского уезда, Черниговской губернии, при реке Иченке.

³ Село Константиновского уезда, Черниговской губернии, при реке Ромне.

⁴ Сребное — местечко Прилуцкого уезда, Полтавской губернии, при реке Лисогоре.

ский воевода Квашнин, от 30-го января, а потом от 4-го февраля, извещал, что в город вошли по гетманскому приказу, какие-то козаки, жители тотчас пристали к ним и, вместе с ними, угрожают побить царских ратных людей. 8-го февраля из Глухова воевода Кологривов извещал Шереметева, что в город Глухов пришло 1.500 конных и пеших запорожцев, а жители тотчас стали с ними советоваться, как выгонять воеводу с царскими ратными людьми; у воеводы ратных было 341 человек — и с ними он устоять не надеялся. Стародубский воевода Игнат Волконский, от 5-го февраля, сообщил Шереметеву, что стародубский полковник изменил государю, поставил из козаков стражу около города, где сидел воевода, и приказал не пропускать к нему на помощь ратных людей, хватать и приводить к себе гонцов, едущих к воеводе или посылаемых от него. Волконский извещал, что с ним всего 250 человек и пороха мало: защищаться трудно.

Малороссияне стали враждовать тогда не только с царскими ратными людьми, но и со всеми людьми великороссийского происхождения. Ехали крестьянские великорусские подводы с запасами в Киев; в Батурине, у городских ворот, напали на них малороссияне, отняли возы и лошадей, а четырех крестьян убили до-смерти; прочие убежали, но подвергались в других местах насилиям: в Королевце и в селах около этого городка их раздевали донага, стояли у них над шеями с топором, обыскивали их, не везут ли они писем, — говорили им: «коли писем у тебя нет — жив будешь, а коли письма найдем — голову тебе отсечем!» Малороссийские мужики, по наущению запорожцев, подосланных Бруховецким, беззастенчиво кричали: «вот пришла пора всем нам быть вольными козаками, и во всех малороссийских городах надобно вырубить воевод и царских ратных людей!» Черниговский воевода Андрей Толстой послал с царскою казною капитана; на него напали малороссияне, отняли царской казны 2.700 рублей, а солдат, бывших при казне, изрубили; вслед затем, в половине февраля, черниговский полковник Самойлович с полками Черниговским и Полтавским осадил воеводу в малом городе (зámке) и беспокоил его непрерывною пальбою из пушек и ручного ружья. Толстой послал в Москву отписку, которую посланец засунул в свой посох, чтоб уйти от обысков.

К городу Остру явился бывший киевский полковник Дворецкий и новый киевский полковник Иванов с козаками Киевского полка; начали они чинить жестокие приступы к городу (зámку), а остерские жители тотчас перешли на их сторону. Воевода Рагозин отбивался с третьего часа дня (с 8-ми утра) до ночи. Государевы ратные люди овладели половиною Остра и сожгли ее; Дворецкий со своими козаками и с острянами удержался в другой половине, устроил раскаты, шанцы и подкопы и стал сильно тес-

нить великороссиян. Но прибывшим от Шереметева стрельцам удалось взять и раскопать несколько козачьих шанцев, сжечь все раскаты (башни), устроенные малороссиянами, зажечь еще часть города, остававшуюся в целости, и доставить сидевшему в замке Рагозину порох и другие снаряды. Весенняя распутица помешала присылке новой подмоги из Киева. Четвертая часть города Остра находилась еще в руках Дворецкого.

Такие события совершались в левобережной Украине в течение первых трех месяцев 1668 года. В городе Гадяче гетман Бруховецкий старался несколько времени не подать великороссиянам, находившимся близ него, повода к подозрениям, но стал рассылать в разные стороны универсалы, извещая народ, что московский царь заключил с ляхами уговор погубить козаков и дал польскому королю десять миллионов золотых для найма иноземного войска на истребление козаков: в видах самозащиты гетман побуждал изгонять и избивать врагов своих, великороссийских ратных людей. По этим возбуждениям гетмана в Гадяч стала стягиваться военная козацкая сила. Тогда воевода Евсевий Огарев обратился к гетману и спрашивал: что этому за причина?

Гетман отвечал:

— Мне стало ведомо, что вышла из Крыма татарская орда и стоит под Черным-Лесом; для этого я и войско собираю. Я уже написал о том великому государю и в Белгород к князю Барятинскому писал.

Скоро набралось в Гадяче до восьми тысяч козаков. Царским ратным людям с каждым часом становилось все тревожнее. Город Гадяч был совсем почти не укреплен.

8-го февраля, в воскресный день, воевода Евсевий Огарев с великороссийскими полковниками рейтарского строя Яганом (Иоганном) Гульцем и солдатского строя Дириком Граффом отправился к Бруховецкому челом ударить, — в праздник, как обыкновенно делают. Прежде Иван Мартынович для почета сам встречал царских начальных людей, а теперь не вышел; вместо гетмана вышел к ним карлик гетманский, по имени Лучка, и сказал: гетман ушел к обедне в церковь, вой — там, под горою. Воевода Огарев смекнул, что тут есть неладное и приказал своему денщику узнать: точно ли гетман в церкви? Денщик пошел в церковь и, вернувшись, доложил, что гетмана там нет. Тогда Огарев пошел в церковь к обедне сам, а его полковники, неправославные немцы, разошлись по квартирам.

Немного времени спустя к полковнику Ягану пришли сказать, что гетман хочет видеть его и говорить с ним наедине.

Яган Гульц отправился к гетману. Бруховецкий сказал ему: приехали ко мне запорожцы, кошевой и полковник Соха, а с ними и товарищей много, и говорили они мне: не любо нам то,

что у нас, в малороссийских городах, сидят воеводы царского величества и чинят людям многие налоги и обиды. Я сам о том знаю и уже писал его царскому пресветлому величеству, но до сих пор указа не было. Весь народ недоволен, мятется. Вы, полковники, соберите свои полки и уходите из города. Этак лучше будет!

Яган Гульц отвечал: «изволь об этом сказать воеводе и другим моим товарищам».

— Не хочу я посылать за воеводою, — сказал Бруховецкий и стал воеводу бранить. — Я, — продолжал он, — говорю это вам только оттого, что мне вас жаль! Буде вы из города не пойдете, вас всех козаки побьют.

— Нам нельзя противиться, — сказал Яган, — пойдем, как прикажешь, лишь бы твои козаки нас не побивали.

Бруховецкий встал, осенил себя крестным знамением и сказал:

— Вот тебе крест святой, наши козаки никаких задоров не учинят, лишь бы ваши ратные люди вышли смирно из города.

Полковник отправился к воеводе и рассказал ему обо всем. Огарев пригласил другого товарища, полковника солдатского строя Дирика Граффа, да полуполковника рейтарского строя Готфрида Эренстра и пошел с ними к Бруховецкому.

Гетман сначала поломался и не велел их пускать к себе, но они поставили на своем и таки добились доступа к гетману.

Он им сказал:

— Воевода и вы, полковники, я вам приказываю выступить из города, — слышите? а коли не пойдете, так знайте, вас козаки всех побьют.

Гетман не стал более с ними разводить речей. Воевода и полковники с полуполковником собрали других царских начальных людей и стали совет держать, как им поступать.

— Нам ничего не остается, как уходить, — сказал Евсевий Огарев, — нас мало, всех, и конных, и пеших, человек двести¹, а у них набралось тысяч восемь народа; крепости в Гадяче никакой нет, отсидеться и удержаться нам нельзя никак; и сами пропадем, и царскому делу корысти никакой не будет!

Решили уходить. Но только что воевода, собравши всех ратных, стал направлять их за город, козаки начали заступать им путь и затворять перед ними городки и ворота. Бруховецкий не только уже не таился более со своею изменою, но явно глумился и поругался над государевыми слугами. Потребовавши, чтоб ратные ушли добровольно, он вслед затем приказал козакам не про-

¹ По отписке Огарева в январе, за месяц до рокового события, у него было служилых всяких чинов 649 человек.

пускать их. Началась свалка. Государевы ратные люди не нападали, а только защищались и отбивались. На челе козаков, загроживавших путь ратным людям, был Иван Бугай. Он нанес удар по голове Огареву. Раненый воевода с своими людьми успел выскочить за город; зато других без пощады изрубливали козаки: погибло таким образом 70 стрельцов и 50 солдат. Из тех, что успели уйти вперед, тридцать не были настигнуты козаками, но поморозили себе руки, ноги, головы и померзли на дороге; других козаки увели обратно в город. В числе последних был и воевода Огарев. По его просьбе, отвели его к гадячскому протопопу, а тот позвал «цилюрика», человека, имеющего претензию лечить раненых. Схватили жену Огарева, опростоволосили; поругались над нею, водили по городу и отрезали ей один сосец на груди. Один из немцев, служивших тогда же в царском войске, рассказывал, что в этот страшный день добродушный хозяин, у которого он жил, зная об участи, ожидавшей царских ратных людей, укрыл своего постояльца и держал в погребе три дня, пока не улеглась народная злоба, потом выпроводил его в город Каменное¹, отстоявший от Гадяча за три мили. Двух полковников Гульца и Граффа и полуполковника Эренстра отдали под стражу атаману Ивану Берлятнику, и тот их разослал по городам.

Выгнавши коварным способом из Гадяча воеводу и царских ратных людей, Бруховецкий хотел таким же способом выпроводить их и из других малороссийских городов. Гетман разослал к воеводам увещательные письма, чтоб они добровольно сдавали города и уходили: гетман обещал, что задерживать насильно их не станут. Прежде всех сдался прилуцкий воевода Загрязский, — за ним вслед сосницкий — Лихачев, батурицкий — Клокачев, глуховский — Кологривов. Всех их отвезли к Бруховецкому в Гадяч; они сидели там несколько времени в окопах, а потом отправлены в лубенский Мгарский монастырь. Стародубского воеводу Волконского козаки убили. Воеводы миргородский и полтавский сначала думали было держаться, но скоро увидели невозможность устоять против восставшего народа и сдались. Их впоследствии отвезли в Чигирин к Дорошенку. Черниговскому воеводе Андрею Толстому предлагал черниговский полковник Самойлович последовать примеру других воевод: «гетман уже отступил от Москвы и вошел в союз с Дорошенком, так великороссийским воеводам и ратным царским людям нечего делать в Малороссии», писал Самойлович. Толстой не послушался его, приказал выжечь в Чернигове большой город, или «мисто», заперся в малом городе, или замке и решился защищаться до последней крайности. И Бруховецкий писал к нему, советуя по-

¹ Харьковск. губ. Лебед. уезда, при р. Псле.

кинуть замок с пушками и всяким оружием и уходить в свою сторону, в противном случае грозил сам лично двинуться к Чернигову. Толстой ни на что не склонялся и удерживался до конца: в период возмущения в одном Чернигове воевода не был изгнан, как то сделалось в других городах.

В Москве чрез отписки Шереметева знали о беспорядках в Малороссии еще прежде, чем гетман расправился в Гадяче с Огаревым и его ратными людьми.

В Москве думали сначала, что причиною волнения — страх, чтобы, в силу мирного договора с Польшею, не отдали Киева Польше и не воротили ей чего-нибудь еще другого в Малороссии. Незнание, на чем подлинно состоялся договор Москвы с Польшею, давало народному воображению возможность создавать себе страшные призраки, и, соображая это, московское правительство хотело отправить особого посланца, чтоб он прочитал договорные статьи на большом съезде. Но скоро затем в Москве стало ведомо, что народ волнуется по поводу воевод и сбора налогов в царскую казну. Теперь составлена была к гетману грамота, в которой правительство предоставляло полковникам, бурмистрам и войтам собирать с народа все, что следовать будет на содержание ратных людей, а воеводам сборщиков от себя уже не рассылать. В грамоте делалось замечание, что если бы от всего малороссийского народа было подано челобитье об освобождении от воеводских властей, то оно было бы милостиво принято. 18-го февраля, когда в Москве узнали о том, что за десять дней перед тем произошло в Гадяче, последовала царская грамота к епископу Мефодию, и в этой грамоте уже писалось, что Бруховецкий не только отступил от подданства царю, но и от христианской веры и пролил кровь тех ратных людей, которые его оберегали, что эта кровь «ему, как второму Иуде, рассадит утробу». В Москве писали тогда к Мефодию, еще не зная, что Мефодий с Бруховецким одного поля ягода: этому Мефодию поверялось всякими способами отклонять народ от козней «шатостных людей, замышлявших запровадить народ малороссийский в бусурманскую неволю».

В то самое время прибыл в Москву польский посол рассуждать о союзе двух христианских держав, Польши и России, против неверных. Этот посол был Бениовский, столь известный своим коварством в прежних сношениях Польши с Малороссией при Выговском. Доверчивость к прочности такого союза Польши с Россией была тогда в Москве так велика, что в царской грамоте Мефодию говорилось как бы о несомненном деле, что, в силу заступления московского царя, с польской стороны уже не будет более насилия в вере украинцам, лишь бы они отстали от «бусурманской прелести».

Бруховецкий, разорвавши с Москвою, рассылал не только по малороссийским городам гетманского управления, но и в слободские полки воззвания, возбуждавшие вражду к москалям. «Польские и московские послы, — говорил в своих воззваниях гетман, — заключили между двумя державами мир на том, чтобы с обеих сторон, как с московской, так и с польской, разорить нашу милую Украину и опустошить ее в конец, истребивши в ней всех жителей, и старых, и малых. Узнавши о таком замысле, мы все-таки не захотели выгонять от себя москалей саблею, но думали без кровопролития проводить их в целости до московского рубежа; однако, они, москали, сей час выявили скрытую в себе злобу к нашему народу, не пошли по указанной им дороге, а бросились с оружием на христиан; народ, защищая себя, стал бить их — и так постигла их та участь, какой они желали нам: мало их живых от нас ушло». Всех увещевал Бруховецкий выгонять от себя москалей, где только они есть, и, вместе с тем, укорял жителей некоторых городов и сел за то, что они завели у себя междоусобия: кто на кого прежде злобствовал, тот увидал теперь удобное время вылить свою злобу; гетман уговаривал всех забыть всякую недружбу к своей братии и обратиться против зломыслящих москалей.

Гетман не ограничился даже одним народом малороссийского происхождения, а затевал привлечь к своим замыслам и донских козаков, вероятно, уже слыша о возникавших на Дону волнениях, из которых вскоре сложился разинский бунт. Донцы хотя в большинстве были по происхождению великоруссы, но их связывало с Малороссией то, что они были козаки и потому не терпели над собою тяготения царских властей. На этом-то основании обратился и к ним Бруховецкий, расточая самую бесстыдную ложь. Так, в своем воззвании к донцам он извещал, будто москали заслали своего верховного пастыря патриарха Никона в заточение за то, что удерживал их от латинской ереси, что москали сами приняли унию и позволили в церквах своих служить ксендзам, что Москва стала уже писать не русским, а латинским письмом.

Между тем Бруховецкий работал для своих замыслов и в другой стороне. 2 апреля Гамалея прибыл в Адрианополь и представился султану с своими товарищами. Турецкие власти приняли новых подданных радушно и милостиво. Послам Бруховецкого сказали: «по своему неизреченному милосердию, султан принимает всех прибегающих к его императорскому порогу и охраняет под крылами своей обороны от всяких оскорблений. Все прежде добровольно поступавшие в подданство оттоманской державе не видели от нее никакой несправедливости. Наша великолепная держава как изначала была могущественнейшею в свете и непобедимою, такую остается поныне и, при помощи высочайшего Бога,

пребудет такою до страшного судного дня». Каймакан великого визира тотчас же известил польского канцлера, что народ козацкий поступил под защиту цесарского могущества, но цесарь принял его не иначе, как воспретивши козакам делать нападения на Польшу, с которою недавно Турция заключила вечный мир. Так как левобережная Украина поступала в подданство Турции из-под московской, а не из-под польской власти, то ее принятие не должно было ни в каком случае казаться полякам нарушением мирного договора.

В мае султан снарядил в Украину двух чаушов: один назначался собственно к Дорошенку, другой к левобережному гетману. Посылаемый к Бруховецкому имел от султана полномочие заключить с гетманом договор, по которому гетман со всем Войском Запорожским и со всею левобережною Україною отдавался турецкому падишаху в подданство.

Вскоре затем хан крымский присылал к Бруховецкому своего агу с уверением, что явится на помощь гетману татарская орда.

Но Бруховецкий не мог уже никакою ложью потушить в народе разгоревшуюся к себе ненависть. Малороссияне, недовольные введением воевод и сборами с народа, производимыми через лиц великорусского происхождения, не могли забыть, что эту новизну ввел в их отечестве не кто другой, как Бруховецкий. Притом сам гетман был зверски жесток. Летописцы в пример его жестокости указывают, между прочим, что незадолго до своей измены приказал он всенародно сжечь живьем полковницу Гострую, по выражению летописца, «за малую вину». Ненавидели Бруховецкого старшины и полковники, хотя и были соучастниками его отступления от Москвы. Они (неизвестно — кто именно и через кого) послали тайно к Дорошенку, просили его прибыть на левую сторону Днепра и принять гетманскую власть вместо Бруховецкого. Дорошенко прежде письменно уверял Шереметева, что хотя у него много войска козацкого и татарского, но он никуда не двинет его без причины и отнюдь не затеет кровопролития на левой стороне Днепра. Но то писалось с целью отвести глаза и обмануть бдительность киевского воеводы. Получивши тайное приглашение от старшин левобережных, он отправил отряд козаков к Демьяну Многогрешному, который недавно из черниговского полковника сделался генеральным есаулом и, конечно, был одним из тех, а может быть — и главным из тех, что приглашали Дорошенка. Вслед затем сам Дорошенко с войском перешел Днепр и направлялся на Гадяч.

Прошел великий пост, настала Пасха, в тот год очень ранняя: день Благовещения приходился на святой неделе. Этот год был тем необыкновенен, что спустя месяц после Пасхи-еще не росла трава, не растаял снег и стояли зимние холода. Это замедлило

вступление в Украину великороссийского войска, которое, под начальством Ромодановского, шло усмирять смуту, поднятую Бруховецким. Не ранее как в мае прибыл Ромодановский к Котельве, пограничному городку Гадячского полка, но нашел там уже порядочную козацкую «залогу». Бруховецкий заранее распорядился укрепить городки, пограничные к великороссийскому краю.

В мае же явились к Бруховецкому татары под начальством мурзы Челибея. Гетман подарил Челибею 7.000 червонных, рыдван с лошадьми и двух русских девок; нотом разделил прибывшую орду — одну часть ея взял с собою в поход, другую оставил в Гадяче.

Но вот, вслед затем, явились полсанцы от Дорошенка и от митрополита Тукальского. Прежде эти господа подушдали Бруховецко́го отступить от Москвы и лелеяли обещаниями, что Дорошенко готов уступить Бруховецкому гетманство одному, лишь бы обе части Украины были соединены; теперь и гетман, и митрополит приглашали Бруховецкого снять с себя гетманское достоинство, уступить одному Дорошенку, а Дорошенко, по своей милости, обещал Бруховецкому оставить в пожизненное владение Гадяч с пригородками.

Трудно было более поругаться над честолюбцем, как отправить к нему такое неожиданное предложение. Бруховецкий пришел в бешенство и излил свою ярость на Дорошенковых козаков, приказавши их заковать в кандалы, а сам двинулся с войском как бы для того, чтобы защищать Малороссию от Ромодановского и требовал, чтоб к нему поспешали козацкие полки, им он уже прежде приказал идти к себе на соединение. Бруховецкий не знал, что уже почти все полки передались Дорошенку.

Дорошенко двигался на восток по левобережной Украине и остановился под Голтвюю; там простоял он несколько дней и, наконец, 29-го мая принял присланных к нему воевод и начальных царских ратных людей, взятых в малороссийских городах и посаженных до его прихода в лубенском Мгарском монастыре. Сперва Дорошенко потребовал, чтоб они присягнули ему в верности. Царские слуги отказали наотрез. Тогда Дорошенко приказал отправить их в Чигирин под караулом. Узнавши, что Бруховецкий идет против Ромодановского, Дорошенко двинулся наперерез пути Бруховецкого и достиг Опошни в то время, как Бруховецкий остановился у Зенькова. Тут Дорошенко прислал к Бруховецкому десять сотников и через них требовал, чтоб Бруховецкий отдал добровольно Дорошенку свою булаву, бунчук, знамя и всю «гармату» (артиллерию). Взбешенный Бруховецкий приказал взять этих сотников под караул и отослать в Гадяч, а сам двинулся к Опошне (30 с небольшим верст от Зенькова). Дошел он до Опошни. Тут заволновалось всё козачество и закричало: «мы за гет-

манство Бруховецкого биться не станем». Приступили к Бруховецкому старшины и стали укорять его: «мы тебя в гетманы выбрали, ждали от тебя всего доброго, а ты ничего хорошего не учинил, только одно кровопролитие от тебя случилось. Сдавай гетманство!»

Чернь бросилась грабить возы его, точно так, как бросалась когда-то под Нежином и на возы Сомка и Золотаренка, когда провозглашала гетманом Ивана Мартыновича. Бруховецкий убежал в свой шатер, думая улизнуть от неминуемой гибели, но перед ним явился посланец от Дорошенка. По одному известию, то был брацлавский сотник Дрозденко, по другому — чигиринский сотник по имени Савва.

Бруховецкий сел на кресло в своем гетманском шатре. Посланец Дорошенка сказал: «иди, зовет тебя к себе гетман!» и схватил рукою за кресло, на котором сидел Бруховецкий.

Подле Бруховецкого стоял запорожский полковник Чугай: он был давний приятель Ивана Мартыновича и теперь прибыл к нему служить с несколькимистами человек сечевого товариства. Не утерпел он такого обращения с своим старым другом гетманом: он ударил посланца Дорошенкова мушкетным дулом в бок и повалил на землю. Но на гетманский намет ринулась толпа; раздались крики и ругательства; двое сотников схватили Бруховецкого за руки и потащили к Дорошенку.

Правобережный гетман стоял на кургане, носившем название Сербинской могилы: там были схоронены сербы, служившие Выговскому и погибшие тогда в битве против Пушкаренка.

Увидя Бруховецкого, Дорошенко сказал ему: «зачем ты отвечал мне грубо и не хотел добровольно отдать своей булавы, когда тебя не хочет иметь гетманом козацкое товариство?»

Бруховецкий не отвечал ему ни слова. Тогда Дорошенко приказал увести его и приковать к пушке: то был обычный прием наказания у козаков.

Но Дорошенко, отдавши такой приказ, произвел движение рукой, которое поняла по-своему свирепая толпа: бросились на Бруховецкого, изорвали и истерзали на нем платье до того, что он остался нагишом, били его ружейными дулами, рогатинами, дубинами и забили до смерти, «как бешеную собаку». Запорожцы, пришедшие с атаманом Чугаем, выбивались из сил, чтоб сколько-нибудь остановить народную злобу и направить ее на Дорошенка. Ничто не могло спасти Бруховецкого, он лежал уже мертвым, весь синий от побоев. «Я не виновен в его смерти, говорил Дорошенко, я никому не велел убивать его!»

После того, как волнение стало несколько утихать, брат Дорошенка, Андрей, приказал поднять тело убитого гетмана, положить на воз, подостлавши сена; так Андрей Дорошенко повез его

в Зеньков; там положили тело в гроб и отвезли в Гадяч. Тело бывшего боярина и гетмана было до того изуродовано, что близкие люди и сама жена гетмана едва могли узнать, чей труп привезли тогда в Гадяч. Его похоронили по христианскому обряду с подобающими его сану почестями в церкви Богоявления, в Гадяче, им же самим построенной.

Бруховецкий был достойнейшим явлением своей эпохи, так удачно прозванной «руиною», разумея здесь руину не только материального, но и нравственного быта в крае: Жадный, свирепый, коварный, лживый, не имевший в жизни никакого идеала, кроме грубого личного эгоизма, он не отличался ни проныцательностью, ни умением управлять обстоятельствами, которыми пользовался только хватаясь за них, когда они представлялись в данное время ему подходящими. Вознесенный на верх величия междоусобиями, он наткнулся на московскую политику, растерялся и кончил свое поприще постыднейшим образом. Тогдашняя московская политика, по отношению к Малороссии, приняла за правило содействовать тому, что, казалось, вело к теснейшему соединению малороссийского народа с великороссийским, и потому стала ласкать малороссию, заявлявших перед Москвою такое стремление. В Малороссии нашлись лица, уразумевшие, как можно угодить Москве и через то самим возвыситься. Филимонович был первый, который поднялся таким путем. За ним последовал Бруховецкий. Сам ли он задумал предать малороссийский край великорусскому управлению, или мысль эта дана была ему в Москве — не знаем, но мы видели, что и он сам, и старшины, с ним бывшие, награждены были почестями и выгодами за то, что допустили введение великорусского порядка в управлении Малороссиею с нарушением старины. Оказалось, однако, что тогда такие нововведения были скороспелы и неприложимы к жизни. И через эти нововведения, и через свое тиранство Бруховецкий озлобил до того малороссийский народ, что мог держаться на гетманстве разве только при всегдашней помощи от великорусской военной силы. Но на Москву представлялось мало надежды, когда московская политика произвела роковой поворот в судьбе малороссийского народа, предавая половину малороссийского края, по Андрусовскому договору, ненавистному для малороссию польскому господству, и возникло в народе опасение, что и другую половину малороссийского края отдадут туда же. Потерял Бруховецкий голову, ударился в противное — в измену тому, что облагодетельствовало и возвысило его! И он погиб ужасным, но достойным своей безнравственности способом. В народной памяти он не оставил по себе ничего, кроме ненависти и презрения, а потом — вечного забвения.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Гетманство Многогрешного

I

Народное волнение после убийства Бруховецкого. — Дорошенко ведет войско разорять маестности Бруховецкого. — Дорошенко уезжает в Чигирин. — Демьян Многогрешный. — Запорожцы избирают в гетманы Суховеенка, покровительствуемого ханом. — Василий Многогрешный. — Гвинтовка. — Архиепископ Лазарь Баранович. — Демьяна Многогрешного избирают наказным гетманом Северским. — Просьбы к царю. — Ответ царя — Дорошенко посылает к Шереметеву письмо Мефодия к Бруховецкому. — Содержание Мефодия в Киеве и отправление его в Москву.

После убийства Бруховецкого Дорошенко спрашивал громадную толпу козаков и народа на Опошненском поле: «кому теперь покоримся — москалям, полякам или турку?» Неясны и бессвязны были дикие крики толпы, но из них Дорошенко мог понять, что народ склонен был в то время предпочесть турецкое господство. Малороссияне не испытали сладости турецкого правления, а были уже озлоблены против воевод и государевых ратных людей, потому и не заявили желаний быть под рукою царя православного, как эго выразилось при Богдане Хмельницком, когда этот гетман сделал народу такой же вопрос. Украинский летописец говорит, что в день убийства Бруховецкого таборы двух гетманов, недавно стоявшие друг против друга, теперь соединились; козаки на мировую перепились, зашумели и поднялись роптать на Дорошенка. Раздавались даже угрозы убить его. Дорошенко приказал выкатить им ещё несколько десятков бочек горелки, чтоб расположить их этим к себе и, вместе с тем, чтоб их перепоить до полного бесчувствия. Сам гетман выехал на край своего обоза и оставался там до того времени, пока не улеглось волнение. На другой день он приказал сниматься в

путь и направлялся к Котельве с целью удалить оттуда Ромодановского.

Но удалять было уже некого. Ромодановский сам отступил. Дорошенко двинулся к Гадячу и приказал по сторонам разорять маегности Бруховецкого. В Гадяче забрал он пленных великороссиян, жену Бруховецкого и овладел всем движимым имуществом убитого гетмана. Говорят, Дорошенко все-таки намеревался идти на Ромодановского, отступавшего от Котельвы к Путивлю, как вдруг к нему приходит весть, что оставшаяся в Чигирине жена его неверна ему, сошедшись с каким-то молодцом («через плот скóчила в молодшим»). Дорошенко счел необходимым отправиться наскоро в Чигирин, а вместо себя, до своего возвращения, назначил наказным гетманом над войском на левой стороне Днепра Демьяна Игнатовича Многогрешного, бывшего черниговского полковника, недавно возведенного в звание генерального есаула. В самом Гадяче, который стал при Бруховецком как бы столицей левобережной Малороссии, гетман Дорошенко поместил брата своего Андрея, также со значением как бы гетманского заместника. Гетман поручил оставленным силам докончить изгнание воевод и царских ратных людей, которые удерживались еще в трех городах: Переяславе, Нежине и Чернигове.

Дорошенку прежде казалось, что на левой стороне народ любит его. То же казалось и многим другим. Но вышло, что казалось более того, чем сколько на самом деле было. Пока был в живых Бруховецкий, возбуждаемое им к себе омерзение располагало народ пристать к кому-то другому. Но когда ненавистного Бруховецкого не стало, ни для старшин, ни для простых козаков, ни тем менее для поспольства, этот кто-то, годный заменить Бруховецкого, не был уже непременно один только Дорошенко. Запорожцы первые против него высказались. Был в Сече писарь Суховеенко, человек хитрый и умевший увлекать за собою товарищей. Около него сложился кружок, не хотевший повиноваться Дорошенку. Началась мысль мстить за Бруховецкого. Убитый гетман был всегда расположен к запорожцам, зато и в то время, когда уже украинцы всех званий ненавидели Бруховецкого, только в Сече оставались у него друзья и сторонники. Еще со времен избрания Богдана Хмельницкого, бежавшего в Сечу от преследования Потоцкого, Запорожье при всяком случае выказывало притязание избирать гетманов для всей Украины, и не долюбивало тех гетманов, которые избирались без участия сечевиков. Суховеенко доказывал товарищам, что как на Украине гетмана уже нет, то «наставить нового должна славная Сеча». Товарищи приняли такой совет и избрали самого Суховеенка. Он обещал запорожцам идти по следам славной памяти Ивана Мартыновича и продолжать начатое последним дело освобождения Украины от московской власти при пособии турок и татар. Братчики его

же самого отправили к хану и просили крымского государя утвердить своим признанием выбор Суховеенка на гетманство над козаками. Лестно было такое предложение хану; оно давало ему как бы право покровителя над Запорожьем и Украиною: хан принял Суховеенка ласково, признал его гетманом, отправил вместе с ним двух салтанов с ордою и написал Дорошенку приказание, чтоб тот шел с войском на левый берег Днепра для соединения с Суховеенком. Но Дорошенко не расположен был ни уступить Суховеенку гетманской власти, ни повиноваться хану. Однако, честолюбивого гетмана Дорошенка известие о Суховеенке пробрало до души. Он отправил в левобережную Украину своего брата Григория, а сам, в первых числах сентября, стоял станом у Сокирной с полками: Уманским, Черкасским, Тарговицким, Белоцерковским, Паволоцким, Корсунским, Чигиринским, Кальницким и с наемным охотным, называвшимся Серденецким, иначе Сердюцким (как должно думать, по имени первого полковника этого полка Сердени). Он сносился с киевским воеводою Шереметевым через отправленного последним старца Киево-Кирилловского монастыря Иезекииля, обличал перед ним коварство епископа Мефодия и расточал уверения, что все правобережное козачество желает поступить под державную руку великого государя. В это время, будучи с монахом Иезекиилем наедине в шатре своем, Дорошенко вынул из ножен саблю и говорил: «не зарекаюсь эту саблю перевернуть весь Крым вверх ногами, как дед мой с четырьмя тысячами весь Крым в ничто обернул, а Калга еще у меня в руках!» Произнося эти слова, Дорошенко скрежетал зубами и продолжал: «я пойду за Днепр войною, только не против царских ратных людей, а против своего нового недруга Суховеенка, поставленного ханом в гетманы. У него печать от крымского хана не такая, какая всегда была в Запорожском Войске — человек с мушкетом: у него на печати — лук да стрелы. Вот я и пойду на сокрушение этого лука и этих стрел, не все запорожцы за Суховеенком, а только одна половина их, другая — за мною! Писали ко мне те запорожцы, что не хотят Суховеенка в гетманы: просят, чтобы я шел к Днепру, где соберется чернецкая рада, а они Суховеенковы стрелы и лук его изломают!» Отцу Иезекиилю передавали козаки, будто Дорошенко так разозлился на крымского хана за ласку к Суховеенку, что приходившего к нему посланца от салтана Калги бил по щекам и говорил: «скажи своему салтану или шайтану — ему то же будет, что тебе». К Дорошенку приходили тогда очень не милые для него вести: говорили, будто Суховеенко, по своем избрании, посылал к турецкому падишаху просить подтверждения в своем достоинстве; говорили даже, что Суховеенко сам принял ислам. Но эти слухи ничем пока не подтверждались.

Левобережная Украина, тотчас после удаления Дорошенка, опять начала склоняться к примирению с Москвою. Ромоданов-

ский, как только узнал, что с Дорошенком биться ему более не приходится, двинулся к Нежину. Враждебные московской власти козаки в то время добывали нежинский замо́к, где, запершись, сидел воевода Ржевский, и убежали, когда увидали за собою силы Ромодановского, а за козаками вслед разбежались и нежинские жители, и оставили «место» пустым. Ратные люди сожгли «место». Ромодановский двинулся к Чернигову, преследуя Многогрешного, оставленного от Дорошенка наказным гетманом. Наказный гетман с часу на час ждал к себе обещанной Дорошенком помощи, посылал к нему гонца за гонцом и, наконец, как он сам после го́ворил, получил, уже дошедши до Чернигова, от Дорошенка ответ: «обороняйтесь сами».

Ромодановский с войском пришел к Чернигову; государевы ратные люди уже зажгли крайнюю часть Чернигова, так называемое «нове место», и беспокоили гранатами средину, носившую название «старе место». Тут Демьян Многогрешный послал Ромодановскому сказать, что не будет биться и сдает Чернигов. Ромодановский отнесся к предложению дружелюбно, выпустил Многогрешного с его козаками, а сам вошел в Чернигов и соединился с Толстым, освобожденным таким образом от долгой осады.

Демьян Многогрешный ушел в Седнево; там свиделся он со стародубским полковником Рославцем или Рославченком. Между ними был брошен первый зародыш примирения с Москвою. Оно развилось вслед затем таким путем. В Гадяче между малороссиянами, которых Бруховецкий держал в заточении, был родной брат Демьяна Многогрешного, Василий; его держали в тюрьме в Гадяче за то, что он вогнал в гроб побоями жену свою, а за неделю до своей смерти Бруховецкий отправил его в местечко Веприк. Начальствовавший в Гадяче после Бруховецкого Андрей Дорошенко призвал Василия Многогрешного к себе и велел ехать к гетману Дорошенку, который тогда, тотчас после убийства Бруховецкого, шел в поход под Котельву. Но Василий Многогрешный сообразил, что заднепровский гетман ополчается против Москвы, а с Москвою не сладит, и тогда нехорошо станется с теми, о которых откроется, что они враждовали с Москвою. Вместо того, чтоб ехать к гетману Дорошенку, Василий поехал в Никольский монастырь, находившийся между Коропом и Сосницей, и на пути своем в Коропе съехался с Матвеем Гвинтовкою, который, по приказанию Бруховецкого, сидел в тюрьме в Нежине, а после убийства Бруховецкого освободился и уезжал в Короп. Оба, Василий Многогрешный и Матвей Гвинтовка, посоветовались между собою и нашли, что всего лучше и безопаснее вернуться на прежний путь и помириться с Москвою. Они отправились к Демьяну в Седнево и узнали, что Демьян так же думал, как и они. Поехали в Новгород-Северский вместе с Демьяном; туда съехали и не-

которые другие старшины левобережной Украины. В том же городе жил архиепископ Лазарь Баранович, человек очень уважаемый не только в Малороссии, но и во всей России.

Демьян Игнатович собрал раду и говорил на ней: «Дорошенко нас всех покинул, не присылает обещанной помощи и едва ли следует нам на него полагать какие-нибудь надежды. Остается обратиться к милосердию царского величества, а иначе москали разорят весь малороссийский край и оборонять нас никто не станет. Прежде же надобно выбрать между нами старшего, наказного гетмана, чтоб он от всех завел сношения с Москвою».

По известию украинского летописца, это совещание происходило в запертом дворе, который охраняла наемная компания охотников, служивших у Демьяна, одна из таких, которые в это время начали держать козацкие полковники на свой счет мимо козаков тех полков, которых полковниками они считались. Это обстоятельство, по известию летописца, способствовало тому, что бывшие на раде старшины угождали самому Демьяну. Они стали просить его принять на себя звание старшого. Демко отговаривался и отказывался, по замечанию того же летописца, точно так, как старая девка отказывается от хорошего жениха. Демьян согласился, как будто уступая воле других, хотя никто, как он же сам, направил тогда всех по своему желанию.

Новый нареченный гетман начал носить звание гетмана Северского; первым шагом его было обратиться к архиепископу Лазарю Барановичу и просить взять на себя посредничество между виновною, но кающеюся Малороссиею и московскою властью.

26-го сентября из Седнева Демьян Игнатович писал к архиепископу Лазарю, что если государь изволит простить все, что за подущением Бруховецкого случилось, и прикажет вывести своих ратных людей из Переяслава, Нежина и Чернигова, то козаки со всею Малороссиею левой стороны Днепра готовы поклониться царю-государю и служить по его указу. По этому письму Демьяна Лазарь Баранович послал к государю Алексею Михайловичу грамоту, сочиненную с чрезвычайно цветистою риторикою, какою отличались все писания этого духовного мудреца своего века. Смысл его послания к царю был таков: он просил пощады и прощения козачеству и замечал, что «род сей (козаки) хотя строптив, но с усердием работает, не щадя живота своего, если кому служить захочет». Это такой «род», который более всего дорожит свободою и «по нужде не воинствует». Представляют тому пример ляхи: пока им работали козаки, то ляхи под Хотинем и в других местах совершали славные дела, а когда ляхов оставило Войско Запорожское, тогда ляхи в нищету пришли.

На это прошение последовала тотчас милостивая царская грамота. Изъявлялось согласие государя принять в прежнюю милость

кающихся. Демьян Многогрешный, получивши через Лазаря Барановича в таком смысле ответ, писал архиепископу снова, что козацкое войско благодарит за милость, но все-таки объявляет, что хочет быть в подданстве у московского государя не иначе, как на основании статей, составленных при Богдане Хмельницком, и с тем, чтоб государь велел вывести своих ратных людей из малороссийских городов. При этих условиях Демьян давал обещание сманить в подданство царю не только левую сторону Днепра, но и правую. Затем отправлены были в Москву посланцами брат Демьяна, Василий, и Матвей Гвинтовка. Выбрали, как видно, нарочно таких, которые терпели гонение от Бруховецкого.

После объяснений, которые имели эти лица в Москве, была прислана от государя грамота к Лазарю Барановичу, от 9-го ноября. Царь, видя обращение наказного гетмана Демьяна Многогрешного и стародубского полковника Петра Рославченка, жаловал козаков и все посольство левой стороны Днепра и отпускал им вины, содеянные по наваждению клятвопреступника и изменника Бруховецкого, если только они принесут «царской богохранимой державе покорение истинное, а не превратное».

Между тем Дорошенко, отправивши за Днепр своего брата Григория, остановился идти туда сам, когда до него дошло известие, что Демьян, которого он оставил своим наказным гетманом, переходит с козаками на царскую сторону. Приходилось Дорошенку таким образом бороться разом и против Суховеенка, подставленного запорожцами и нашедшего себе опору в Крыму, и против Демьяна и всех его сторонников, покорявшихся московскому государю. Приходилось Дорошенку вывертываться между Москвою, Польшею и Крымом. Дорошенко стал льстить московской стороне, уверять, что желает поступить под царскую руку. Он писал боярину Шереметеву, что, видя дружбу и союз между московским государем и польским королем, хочет он жить с великороссиянами в любви и братской дружбе наипаче прежнего, уверял, что он уже отлучился от татар и их побивает, и что если он ходил за Днепр, то поступал так по просьбе полковников для избавления их от изменника Бруховецкого, а под Котельву ходил он потому, что боярин Ромодановский стал теснить этот город: он, Дорошенко, только освободил Котельву, но не преследовал царской рати; если же народ на левой стороне Днепра, свергнувши изменника Бруховецкого, признал его гетманом, так это надобно приписать воле Божией. Дорошенко, в заключение, просил боярина не посылать ратных людей на малороссийские города и оставаться с ним, гетманом, в дружбе и согласии. Шереметев отписывал Дорошенку двусмысленно: отчасти притворялся, будто верит ему, отчасти же доказывал ему неосновательность его уловок. Посланный Дорошенком брат его, Григорий, избрал себе ме-

стопребыванием Козелец. Шереметев отправил к нему ротмистра Рославлева убеждать Григория принести присягу царю на верность, так как сам Григорий первый о таком желании написал боярину. На убеждения Рославлева Григорий сказал: «с какой неволи мне присягать? Я вольный человек, летаю как орел сизый».

— Да ты же писал к боярину, — заметил Рославлев.

— Писал, — отвечал Григорий, чтоб он с нами задоров не начинал. За что у нас не ладится? За наши козацкие вольности, за то, что нас в подданство привести трудно! Мы за свои вольности все до последнего человека помрем, а вот, коли великий государь изволит своих воевод и ратных людей из малороссийских городов вывесть, тогда — иное дело. Мы в послушании великому государю быть рады, и Войско Запорожское Московскому Государству — каменная стена.

Но переписываясь с Дорошенками, Шереметев сносился также и с поляками, враждебно относившимися к гетману Дорошенку, пригласил польской службы полковника Пиво-Запольского и послал его вместе с отрядом царских ратных людей на городки, признававшие Дорошенка; посылал Шереметев письма и к белоцерковскому коменданту, которые попадали в руки козакам Дорошенка, и по этим письмам Дорошенко упрекал боярина, что он ищет пагубы Дорошенку и его козакам. Таким образом, с обеих сторон Дорошенко и Шереметев делали друг другу пакости при сохранении видимого дружелюбия в своей переписке. Митрополит Иосиф Тукальский играл тогда роль посредника, уверял Шереметева, что Дорошенко поступил как истинный раб обоих монархов, «освобождая христиан от пагубы, а царских ратных от великих орд соблюдая», и давал московскому боярину советы отдать Киев не ляхам, гонителям православной веры, а Войску Запорожскому. На это боярин отвечал: «мы не отдадим Киева никому и не выступим из него, пока душа наша в теле».

Дорошенко препроводил Шереметеву перехваченное письмо Мефодия к Бруховецкому, обличавшее недоброжелательство епископа к Москве и стачку с изменником гетманом. Любопытное это письмо, послужившее главнейшею уликою против Мефодия, гласило так:

«Для Бога не плошайся, милость твоя. Вижу, идет дело не о ремешке, а о целой коже нашей. Чаять, тот честный Нащокин к тому привел и приводит, чтоб вас, купно же и нас с вами вместе, взяв за шею, выдать ляхам. Почему ведать: не на том ли и присягал себе? Якож и много знаков таких, что о нас торгуются, — лучше-б нас не манили, нежели так с нами лестно поступать. И впрямь в великом остерегательстве живи, да и запорожцы всячески удовляй, а буде сколько запорожцев вышло, ими укрепляйся, а сверх того, и те городы, порубежные, людьми своими досмотри (т. е. людей своих

там расположи), чтоб больши Москва (великороссияне) их не засели. И сей мой таков совет занеже утопающий за бритву емлется». Далее Мефодий в письме своем советует Бруховецкому послать Дворецкого под предлогом какого-нибудь войскового дела посланцем к царскому величеству, чтоб он там проведал о замыслах Нащокина и московских бояр. «И то не добрый знак, — продолжает Мефодий, — что Шереметев самых бездельных ляхов любовно приемлет и их потчивает, бедных людей мучит, а ляхов удовольствовует, из пушек стреляет, а козаков, хоть бы какие честные люди, залядских собак не почитает и, сверх того, еще похваляется на козаков неслушно, как мне Дворецкий рассказывал, да и с Дорошенком ссылается, а ты ни о чем не ведаешь. Также разумею, что о сем с тобою не ссылаются, а слышу, Тяпкин с Дорошенком имеют съезжаться негде: Бог весть, что все не нам ли на зло». Далее Мефодий советует Бруховецкому беречься Нащокина и не отваживаться ехать к нему, хотя бы тот и приглашал к себе гетмана. Поручая посланцу своему пану Романовскому словесно изъяснить гетману подробнее важное дело, Мефодий в конце своего письма говорит: «я свою мысль тебе объявляю, что мне моя отчина мила. Храни Боже, чтоб ляхам, взявши нас за шею, имели отдавать, также и к Москве водити. Лучше смерть, нежели зол живот. И ты буди остерегателен, чтобы, храни Боже, не похотели и тебя, как покойного Барабаша, в казенную телегу замкнув, вместо подарка, ляхам отослати».

Препроводивши это письмо, Дорошенко писал Шереметеву: «Мефодий был главным заводчиком всякого зла. Он подустил и умершего Бруховецкого на измену, хоть он теперь клянется Богом, будто не знал, не ведал; но так говорит он, не надеясь на себя довода и свидетельства, а вот собственное рукописание обличает его; пусть же правда неправедному посрамляет очеса».

Мефодий был тогда в Киеве, а попал туда следующим путем.

Как мы видели, он проживал в Нежине. Когда началось волнение и пришла весть в Нежин, что в Прилуках воевода сдался восставшим козакам, Мефодий намеревался ускользнуть в Киев, чтобы перед московским правительством показаться непричастным поднятому волнению, которого исхода он еще не мог знать. Его туда не пустили. Тогда Мефодий собрался уехать в свою маетность Ушню; козаки проводили его туда по его же воле, хотя он тогда прикидывался, будто невольню едет и уступает силе. Когда Мефодий выезжал из Нежина, в то время нежинский воевода Ржевский стоял на городской стене, и епископ с ним простился знаками. Не успел Мефодий отъехать от Нежина нескольких верст, как до него стали долетать звуки начавшейся свалки между малороссиянами и великорусскими ратными людьми. Не долго довелось сидеть епископу в своей маетности. Демьян Многогрешный взял его оттуда вместе с детьми и привез в Чернигов; там

епископ сидел четыре недели за караулом: в это время сын его был послан к митрополиту Тукальскому и к Дорошенку с отцовским письмом¹. Едва сын епископа прибыл в Чигирин, как его там посадили в тюрьму и содержали под строгим караулом: в Чигирине епископа так же не любили, как и в городах левобережной Украины.

Из Чернигова Многогрешный отправил епископа в Седнево, и там пробыл епископ до того времени, как Дорошенко предпринял свой поход на левый берег Днепра. Остановившись под Пирятином, Дорошенко вместе с Тукальским отправили за епископом игумена чигиринского и полковника Петрановского. Эти лица привезли епископа в стан Дорошенка². Епископа, по повелению Дорошенка, отвезли в Чигирин и поместили под караулом в монастыре, а детей его чернецы и челядники отвезли к митрополиту Тукальскому в город. На другой день после его невольного водворения Тукальский прислал потребовать от него архиерейскую мантию. «Велел тебе сказать митрополит», сообщил ему присланный чернец, «ты быть епископом недостойн, первое за то, что принял рукоположение от московского патриарха, второе за то, что московскому царю служишь и не хочешь добра гетману Дорошенку и митрополиту Иосифу, а те, что хотят нам добра, пишут к нам и благословения от митрополита просят давно уже; так поступают и архиепископ Лазарь Баранович, и Печерского монастыря архимандрит, и все игумены киевских монастырей. Ты же так не поступаешь и за то сана своего недостойн!» Так рассказывает о своих похождениях сам Мефодий; но его показаний нельзя принимать с совершенным доверием, в особенности там, где он выставляет себя сторонником московского государя, преследуемым за верность этому государю; после неудачи замысла Бруховецкого, епископу оставалось притворяться доброжелателем Москвы.

Из Чигиринского монастыря отослали Мефодия в Уманский монастырь и положили содержать его там под стражею. Но черный поп Митрофан и архидиакон Лаврентий, принадлежавшие к штату епископа, взяли у епископова сына 20 червонных, прибавили своих 40 р., и на эти деньги купили лошадей и экипаж. Выпытавши, каким окольным путем безопаснее пробраться до Киева, и заранее уговорившись с епископом, они подъехали ночью к монастырю, где

¹ Если дать веру показанию самого епископа, то в этом письме было увещание не помогать Бруховецкому против царских ратных людей.

² Если верить собственным заявлениям Мефодия, Дорошенко начал убеждать его отстать от московского царя и соединиться во-едино с Войском Запорожским. «Как же нам быть без хана?» — сказал, будто бы, Мефодий. — «У нас», — сказал ему Дорошенко, — «есть паны: хан крымский и султан турецкий, а под властью царя московского и короля польского не хотим быть».

содержался Мефодий: тот напоил допьяна чернецов, которые его стерегли; ночью, как эти стражи уснули, тихонько вышел Мефодий из монастырской огады и сел в приготовленный для него экипаж. Он благополучно добрался до Киева и явился к Шереметеву, как бедный пленник, убежавший из неволи, которую потерпел за верность царскому величеству. Чтобы оправдать свою верность, первым его делом было оговорить киевских духовных: архимандрита печерского Иннокентия Гизеля, игуменов монастырей: Николаевского — Алексея Тура, Михайловского — Феодосия Сафоновича, Кирилловского — Мелетия Дзика, Братского — Варлаама Ясинского, Выдубицкого — Феодосия Углицкого, Межигорского — Иоанна Станиславского и, кроме них, киевского войта со многими мещанами; на всех на них доносил Мефодий, будто бы у них велись сношения с Дорошенком и с митрополитом Тукальским. Все оговоренные отвергли взведенные против них обвинения; духовные лица объяснили, что у них были сношения с Дорошенком единственно по поводу монастырских маетностей, находившихся на правой стороне Днепра, и притом велись с разрешения воеводы; все они заявили тогда, что, напротив, беспорядки и смятения в Малороссии возникли с той поры, как Мефодий воротился из Москвы и отдал дочь свою за гетманского племянника. Мефодий из обвинителя и доносителя поставлен был в положение человека, которому пришлось защищать самого себя от обвинений. Шереметев сделал допрос Мефодию. Епископ всеми увертками доказывал свою непричастность к измене, а самое свое сближение с Бруховецким объяснял тем, что он в этом случае исполнял волю государя, повелевшего ему помириться с гетманом. На Мефодия показывал еще голова московских стрельцов Лопатин, что, будучи в Нежине, он, Лопатин, вместе с нежинским воеводою, слышал от Мефодия недобрые речи. Шереметев нашел, что ему, воеводе, как человеку мирскому, неприлично устраивать лицу, носящему духовный сан, очную ставку с Лопатиным. В это время пришла к Шереметеву отписка Дорошенка вместе с письмом Мефодия к Бруховецкому. Шереметев раздражился против Мефодия тем более, когда в письме епископа были оскорбительные отзывы о самом Шереметеве. Киевский воевода приставил к епископу караул. Вскоре после того сотники и стрельцы, стоявшие на карауле, доносили, что Мефодий рассказывает, будто, по наущению Дорошенка, польский король не велит пропускать по Днепру хлебных запасов для царских ратных людей в Киев. Спросил о том воевода Мефодия; тот показал, что, напротив, стоявший тогда у него на карауле ротмистр Сонцев говорил ему об этом еще в Чернигове. Тогда боярин Шереметев сообразил, что если разоидется между людьми слух о таких речах Мефодия, то произойдет «великое сумнительство», и ратные люди не станут надеяться прибытия себе продовольствия. Шереметев ре-

шился отправить Мефодия в Москву и доносил в Малороссийский приказ, что в сказках своих киевских монастырей игумены, а также киевские войт и бурмистры объявили, что бунты в Украине начались с тех пор, как Мефодий сошелся с Бруховецким, и потому он, Шереметев, опасается, чтобы епископ в Киеве каких-нибудь бунтов не завел, и отправляет его к великому государю.

Мефодия в Москву повез стрелецкий голова Иван Мещеринов водою по Днепру. Когда он со своим узником прибыл в Старый Быхов, быховский комендант польской службы сказал ему: «я службу одинаково, как своему государю королевскому величеству, так и твоему — царскому величеству, и должен остеречь тебя — не езди на Могилев: в Могилеве мужики своевольные, епископа у тебя отобьют. За день до приезда его двое чернецов из Киева пробежали на двух лошадях в Могилев, чтобы взбунтовать народ и побудить отбить епископа». Мещеринов повез своего узника через Чаусы, и сам Мефодий сказал ему так: «Бог до вас добр, что вы на Могилев не поехали, увидели бы сами, что бы с вами в Могилеве учинилось».

Привезли Мефодия в Москву. Подвергли его допросу. Он ничего не сказал на себя. Его отправили на заточение в Новоспасский монастырь. Тем и покончилась историческая роль этого человека.

II

Беседа гетмана Дорошенка с посланцем Шереметева Подымовым. — Ответ Шереметева. — Феофил Бобрович в Гадяче. — Переговоры его с Андреем Дорошенком. — Универсал Бобровича. — Отъезд его в Москву. — Три претендента на гетманство. — Нападение Сухоеенка на Дорошенка. — Серко поражает Сухоеенка. — Усиление Дорошенка. — Всеобщее нежелание малороссиян иметь у себя воевод и царских ратных людей. — Протопоп Симеон Адамович. — Козни его пред московским правительством. — Доносы.

17-го ноября 1668 года прибыл к Дорошенку от Шереметева подполковник Гаврило Подымов для разговоров. Он должен был предложить Дорошенку, чтоб тот составил и прислал статьи, на каких желал быть гетманом под рукою царя в левобережной Украине.

«Я», сказал Подымову Дорошенко, «сердечно желаю со всеми городами обеих сторон Днепра быть под высокодержавною рукою его царского величества, но только так, чтоб во всех городах и левой и правой стороны воевод и царских ратных людей не было, чтобы в городах везде управляли полковники и старшины козацкие, и Белой-Церкви быть под моею гетманскою властью. Если же в городах будут воеводы, то нам быть в подданстве у великого государя никаким образом невозможно. Под королевскою же ру-

кою быть мы никак и ни за что не хотим: лучше нам быть под бусурманами. Пусть будут воеводы и царские ратные люди только в одном Киеве, оттого, что Киев нам самим удержать невозможно; а Киев бы великий государь по нашему челобитию изволил непременно принять под свою высокую руку, а не отдавал бы его королю и всем сенаторам, чтоб не было церквам поругания, а христианам великой наложи; понеже всего малороссийского края и духовные и мирские люди в одно говорят: за Киев стоять будем и умирать, а полякам Киева не отдадим. Да в Польше теперь и короля нет!»

Подымов заметил, что поступлению гетмана под царскую руку мешают его дружба с татарами. На это гетман сказал: «была у нас прежде с ними приязнь и присяга, но с их стороны увидели мы неисправление: они брали в полон жителей малороссийского края; за это и мы станем их побивать».

Гетман послал к Шереметеву с писарем войскового судьи Олишевским временные условия союза: воеводы и ратные царские люди могут оставаться, но только до времени, живя в мире и любви с козаками и помогать им против бусурман и своевольников; в числе последних Дорошенко указал на Дмитрашку Райча, который с своим Переяславским полком передался на сторону Суховеенка.

«Удивительно мне, — говорил Шереметев Олишевскому, — чего это хочет гетман Петр Дорофеевич? Какое из того добро выйдет, когда воевод и ратных людей в городах его царского величества не будет? В нынешнее шаткое время, при воровстве переяславского полковника Дмитрашки Райча, который сошелся с татарами, если бы не было в Переяславе воеводы и ратных людей, давно бы достался Переяслав татарам, и вам бы всем из Переяслава от татар было великое утеснение: бусурмане по своему желанию всех вас до ссущего младенца загнали бы в Крым! Воеводы и ратные люди посланы от великого государя для обороны края, они бусурманов не раз побивали».

Олишевский сказал: «гетман Петр Дорошенко для того просит вывести воевод и ратных людей, что в прошлых годах королевское величество велел из Корсуни, Умани, Чигирина ратных людей вывести и тем жителей малороссийского края увеселил».

— Да, — заметил иронически Шереметев, — видели мы это подлинно; в прошлом году, как только чигиринский комендант из города вышел в Польшу, так гетман собрал татар и пошел с ними на Польшу, и многие города и села и деревни разорил. Опасно, чтоб и у нас, на левой стороне Днепра, того же не случилось, если воевод и ратных людей выведем.

Вслед затем Шереметев послал того же Подымова к Демьяну Многогрешному уверить его от имени киевского воеводы, что ника-

ких нарушений козацких вольностей от царского величества не было, как вымышляли изменник Бруховецкий с архиереем Мефодием и Васьюкою Дворецким, что если были воеводы и ратные люди в малороссийских городах для обороны малороссийских жителей от бусурман, так это делалось по челобитию его ж, вора и клятвопреступника Ивашки Бруховецкого, а коли из того что противное стало, то все-таки стало то через него и по его челобитию. Последовала Демьяну Многогрешному и царская грамота от 1-го декабря: государь убеждал наказного северского гетмана «не верить богосварным прелестям Суховеенка и его союзника Калги-салтана, но побивать где возможно богопротивных агарян и не слушать пустодушных слов плутов, когда они, ревнуя изменникам, учнут добрых людей возмущать воровскими вымыслами.

Почти одновременно, как вел Дорошенко сношения с Шереметевым, были у него другим путем посредствующие сношения с московским правительством через русского шляхтича Феофила Бобровича. Этот шляхтич по царскому указу вел их в Гадяче чрез посредство гетманского брата Андрея. Главное требование гетмана Дорошенка, сообщенное через брата его Андрея, было такое же, как и в сношениях гетмана с Шереметевым: чтоб в малороссийских городах не было воевод и царских ратных людей, но на этот раз не исключался и Киев, тогда как в сношениях с Шереметевым Дорошенко допускал в этом городе воевод. Андрей Дорошенко от имени своего брата говорил Бобровичу: «по нашему извечному обычаю, где живут козаки, там не должно быть воевод; в большом городе — полковник, в меньшем — сотник или атаман, а над всенародьем — войт. Если царь это примет, то гетман тотчас пойдет в поход на соединение к Ромодановскому по царскому указу. Мы не так, как прежние гетманы: не хотим от государя вымогать денежной и соболойной казны; служить хотим вечно и быть готовыми против всякого государева недруга, за одни только за свои вольности, а из царской казны не хотим брать ни копейки. С поспольства же сами будем отбирать подати и посылать государю. Под властью Польши быть ни за что не хотим и просим, чтоб Киева не отдавали полякам».

И все козаки в Гадяче особенно горячились за Киев: «Киев — кричали они — наша мать! Своими головами ляжем, а Киева королю не отдадим! Будет великий государь велит из Киева своих ратных вывезть, так мы и сами его отстоим, а Киевом ляхам не владеть».

— Мы этим перемирия меж государями не нарушим, если от ляхов станем выбиваться, — говорил Андрей Дорошенко. — Пусть великих монархов послы съезжаются и договариваются о вечном покое, а гетман будет просить, чтоб великий государь не уступал Киева в сторону королевскую; если ж упором ляхи придут к Киеву

и в Украину, станем обороняться саблею. В те поры ляхи станут скорее с царским величеством мириться и сердце их Бог так смягчит, что они и сами от нас отступятся.

После таких переговоров Феофил Бобрович разослал 23 ноября в малороссийские города универсал духовного и мирских чинов людям, убеждая народ оставаться в верности царю, не поддаваться на прелесть врага Суховеенка, а держаться Дорошенка. Вслед затем он уехал в Москву хлопотать о подкреплении вольностей Войску Запорожскому.

Итак, после уничтожения Бруховецкого на левой стороне Днепра явилось разом три искателя гетманского достоинства: Дорошенко, Многогрешный и Суховеенко. Первые два домогались получить гетманскую власть от руки царя. Если бы Дорошенку, бывшему уже гетманом на правой стороне Днепра, удалось получить гетманство на левой, то этим сама собою фактически парализовалась бы сила Андрусовского договора. Обе стороны Украины, разделенные этим договором, соединились бы снова воедино. Дорошенко был бы разом подданным двух государей: польского короля по гетманству на правой стороне и московского царя по гетманству на левой. Явление было бы странное, а между тем оно было близко к осуществлению; но если бы оно осуществилось, то, конечно, не могло бы иметь никакой прочности. Едва ли бы согласились на это поляки, а если бы и согласились в виду каких-нибудь тайных надежд, то все-таки такое явление стало бы источником новых беспокойств и войн. У малороссиян накопилось чересчур много ненависти к полякам, и народное восстание, еще не угасшее вполне, разгорелось бы снова на правой стороне, а левобережные козаки, подчиненные одному гетману с правобережными, стали бы содействовать своим соотечественникам; не мог бы оставаться в этой народной борьбе безучастным и Дорошенко, как правитель края на обеих сторонах Днепра; втянулось бы в эту борьбу и Московское Государство, хотя бы и против собственного желания. Дорошенку да и вообще малороссиянам, не освободившимся совершенно от польских притязаний, очень хотелось завлечь московское государство в войну с Польшею. Уже и теперь Дорошенко, через посредство своего брата Андрея, заявлял московской стороне, чтоб не ставили козакам в вину, если начнут воевать с ляхами. В Москве все понимали, но возобновлять войны с Польшею не хотели и, лаская Дорошенка, мало на него полагались и рассчитывали. Его уверениям в готовности служить верою и правдою православному царю нельзя было доверять уже и потому, что его поступки не удовлетворяли прямым требованиям московского государя. Дорошенко не отпустил на свободу схваченных народом и отданных ему царских воевод, а потащил их на правую сторону Днепра. На неоднократные просьбы

московского правительства отпустить их отделялся он обещаниями, на самом же деле держал пленных воевод в городах правобережной Украины под караулом, а двух, Скуратова и Клокачева, в окопах. Сверх того, архиепископ Лазарь Баранович сообщал в Москву, что к Дорошенку приезжал недавно опять турецкий посланец — узнавать в Украине, вся ли старшина желает поступить под власть турок. Все отвечали, что желают. Такие слухи были поводом, что, несмотря на переговоры Бобровича о гетманстве Дорошенка на левой стороне Днепра, в Москве склонялись более к мысли учинить там гетманом Демьяна Игнатовича, тем более, что избрание этого человека в гетманы левой стороны Днепра не вело за собою прямых поводов к нарушению перемирия с Польшею, чего так хотело избегнуть московское правительство. Демьян показал свою преданность Москве, отпустивши всех царских людей, содержавшихся под караулом в Борзне, Соснице и Погаре, тогда как Дорошенко, не увольняя пленных воевод, величался перед царскими гонцами, что он довольно угодил царю и тем, что не отдал этих пленников татарам. За Демьяна Игнатовича горою стоял Лазарь Баранович, умевший пленить царя Алексея Михайловича своими красноречивыми писаниями и приобрести в Москве уважение. И Шереметев с своей стороны ласкал Демьяна Игнатовича, называл своим приятелем и хорошо отзывался о нем в своих отписках в Малороссийский приказ. Сам Дорошенко, хотя и соперник Демьяну по искательству гетманства, наружно относился к нему без враждебности, писал к нему, уговаривал быть верным московскому царю, громить неверных и, не подавая вида, что желает быть на левой стороне сам гетманом вместо него, уверял только, что он правую стороною Днепра готов отдаться в подданство царю, лишь бы не было в украинских городах воевод и царских ратных людей. Два претендента на гетманское достоинство заискивали у одного и того же государства; третий, Суховеенко, был противником и польской, и московской власти, не твердил ни о какой протекции, хотел независимой вполне Украины и опирался на союз с Крымом. Он стоял на восточной стороне Малороссии, в урочище Липовой Долине, вместе с Калгою-салтаном, у которого, если только верить ему самому, была огромная сила. На стороне Суховеенка были полки: Полтавский, Миргородский, Лубенский и Переяславский. Враг и Демьяна Игнатовича, и Петра Дорошенка, Суховеенко всю осень пытался привлечь к себе северную часть левобережной Малороссии, остававшуюся в покорности Демьяну; ему это не удавалось: и в конце декабря обратился он на Дорошенка. Переправившись через Днепр, Суховеенко бросился на Чигирин, но Дорошенко уже заранее проведал его намерение, ожидал его прихода и расположил близ Чигирина войско свое так, что суховеенково полчище очу-

тилось окруженным и спереди, и с боков, и сзади. Большинство татар ушло от него прочь. Ушло также не мало козаков, и в распоряжении Суховеенка осталось не более десятой доли той силы, с какою он вступил в правобережную Украину.

Первая попытка овладеть Чигирином не удалась. Суховеенко и Калга отступили за Тясьмин. Там нанес им окончательное поражение Серко с запорожцами, соединившись с братом гетмана Дорошенка, Григорием, прибывшим недавно из Козельца. Козаки суховеенковы покинули своего предводителя и перешли к Серку. Суховеенко ушел с поля, по одним известиям, сам-пят, по другим — сам-пятнадцатый. Татары, недовольные им за неудачу, взяли его как пленника и увезли в Крым вместе с Гречаным, бывшим писарем Бруховецкого. Козаки, покорившиеся Дорошенку, привезли последнему суховеенкову скрыню с бумагами, знамя и бубен.

Неудача Суховеенка под Чигирином произвела на время счастливый поворот в судьбе Дорошенка. Из всех городов правобережной Украины съехались в Чигирин полковники, сотники и все старшины, кланялись Дорошенку и признавали его своим верховным главою. И на левой стороне, в разных городах, жители заявляли охоту признать своим гетманом Петра Дорошенка. «Он достойный человек», говорили о нем, «старинный козак, доброго рода и поля знает; а Демьян что такое? Демьян — мужичий сын! Дорошенко пусть будет один гетманом над обоими берегами Днепра, как и славной памяти Богдан Хмельницкий был один гетман над всею Україною». К празднику Рождества Христова из разных мест Переяславского полка прислали Дорошенку в подарок живность, лисьи и куньи меха.

1-го января 1669 года Дорошенко послал на левый берег универсал к народу, извещавший о том, что враг его, Суховеенко, поражен, и что все Войско Запорожское постановило оставаться в согласии с Москвою, с тем однако, чтоб выведены были из малороссийских городов воеводы и ратные люди. Он, однако, уговаривал народ малороссийский жить в дружбе с великороссиянами, пропускать без задержания всех московских людей, посещающих малороссийский край, и не жалеть для них хлеба-соли.

Желание избавиться от постоянного пребывания в Малороссии великороссийских воевод и ратных людей стало до того всеобщим, что Демьян Игнатович, снаряжая посольство в Москву с просьбою об устройении избирательной рады, счел нужным, главным образом, заговорить о воеводах и ратных людях. Но в Малороссии ход общественной жизни сложился так: если пред московским правительством малороссияне просили о какой-нибудь мере, называя ее полезною для народа, московское же правительство находило эту самую меру не вполне подходящею к своим видам, то из малороссиян находились тотчас и такие личности, которые начинали по отноше-

нию к предполагаемой мере подделываться к видам Москвы и выказывать свою особенную верность и преданность государю. Что таким путем можно было возвыситься, показал всем нежинский протопоп Максим Филимонович, скоро потом преобразившийся в преосвященного Мефодия. Правда, он не умел удержаться на той высоте, до какой добрался, зато пример его все-таки был соблазнителен. По его следам, с надеждами лучшего успеха и с верою в собственное благоразумие, вознамерился теперь идти протопоп Симеон Адамович. Он находился в посольстве, отправленном с Василием Многогрешным и Матвеем Гвинтовкою. По возвращении домой, начал он посылать в Москву и челобитные царю, и письма влиятельным при царе лицам: боярину Богдану Матвеевичу Хитрово, думным дьякам Герасиму Дохтурову и Лукьяну Голосову. В своих писаниях он чернил наказного гетмана Демьяна Игнатовича и архиепископа Лазаря Барановича. Демьян, по словам протопопа, держал его под караулом недель шесть за то, что протопоп хотел отправить в Москву отписку от нежинского воеводы Ржевского; под страхом смертной казни запретил Демьян протопопу писать в Москву и к воеводам, не допускал приноса писем к протопопу и нигде не отпускал, чтоб не дать ему возможности открывать Демьяновы злоупотребления. Эти злоупотребления, — по доносу протопопа, — были таковы: «гетман берет с народа безмерные дачи¹ так озлобил против себя и козаков, и мужиков, что те хотят убежать в цесарскую землю. Я его уговаривал, а он не хочет меня слушать и на помазанника Божия и на царство православное возлагает такие хульные слова, что священству моему и писать стыдно. Об архиепископе Лазаре Симеон выражался: «архиепископ вот как дружелюбен к царю: — говорил, надобно-де, чтоб у нас в Малороссии и нога московская не постояла, и буде государь не выведет своих ратных людей из городов, тогда хоть гетман и сам пропадет, да и царство московское погубит!» Зная, что посольство, которое отправится в Москву, будет просить о выводе воевод и ратных людей, протопоп умолял государя не выводить их из Нежина, Переяслава, Чернигова и Остра. Вопреки жалобам козаков на своевольтва воевод и государевых ратных людей, протопоп уверял, что, напротив, народ кричит и плачет, «не хотячи быть под козацкою работою, как Израиль под египетскою», а только и молит Бога о том, чтоб ему по-прежнему находиться под державою и властью московского государя. «Не то, что выводить, — прибавить бы еще нужно воевод в Глухов и в Гадяч; тогда неколи бы уже *бресковать* (привередничать) коза-

¹ От винного котла с мужиков по рублю, с козаков и священников по полтине, с сохи, с лошади, с вола, с мельниц, с торговцев, приезжающих на ярмарки, — все берет и уже не мало тысячей собрал, все меняет их на червонные золотые.

кам, а то их горстка, а затевают небылицу, будто они победу и одоление одержали; и таких статей добиваются, каких и прежде, когда все войско вкуче было не рознясь, не бывало. Возвещаю великому государю, что козаки умные, которые помнят свое крестное целование, а с ними и мещане и вся чернь говорят вслух: «буде государь изволит вывезть своих воевод и ратных людей из малороссийских городов, так они здесь *селитися* (жить домом) не хотят, а хотят бежать врознь, — одни в украинные города царского величества, другие за Днепр, в королевские города». В своей челобитной царю протопоп выставял тайными недоброжелателями московской власти лиц, которые должны были прибыть в посольстве от Войска Запорожского — Забелу и Гвинтовку с товарищами; протопоп убеждал задержать их и сообщил между прочим, что у наказного гетмана и у архиепископа с их единомышленниками есть желание тотчас изменить царю и сойтись с татарами, если великий государь не исполнит всех желаний, какие передадутся в Москве их посланцами. В одном месяце с доносом протопопа Симеона, в Малороссийском приказе получен был донос Межигорского монастыря иеромонаха Анатолия на все киевское духовенство, особенно же на лиц, начальствовавших в монастырях.

Московское правительство таким доносам не придавало столько веры, чтобы с ними сообразоваться в своих действиях и намерениях, однако принимало их как небесполезное предостережение для своей осторожности. Оно не преследовало доносчиков, но и не выдавало их головою, тем более, что протопоп писал боярину Матвееву: «не вели моего письма объявляти; скоро доведаются, тотчас меня смерти предадут!» Московское правительство прятало эти доносы, как говорится, под сукно, до поры до времени, когда события покажут сами степень их правдивости.

III

Козацкое посольство в Москву о выборе гетмана. — Челобитная малороссиян. — Толки о назначении избирательной рады. — Бобрович привозит в Украину царские милостивые грамоты. — Двусмысленное поведение Андрея Дорошенка. — Бобрович под караулом. — Он убегает в Каменное. — Переписка его с Андреем Дорошенком. — Письмо Бобровича в Москву о двоедушии Дорошенка. — Бобрович опасается ехать в Чигирин. — Сношения гетмана Дорошенка с Ромодановским по вопросу об отпущении воевод. — Поручение Бобровича кончается.

Отправленные в Москву посланцы были: от Лазаря Барановича — игумен Маклаковского монастыря Иеремей с одним черным попом и диаконом, а от наказного гетмана северского Демьяна Многогрешного — генеральный обозный Петр Забела, генеральный аса-

ул Матвей Гвинтовка и генеральный судья Иван Домонтович. При них было шесть сотников, два атамана, два войта от мещан и посполства, один бурмистр, один полковой судья и один войсковой подписок да 46 рядовых козаков.

19-го января 1669 года происходило их первое представление в Малороссийском приказе. Боярин оружейничий, Богдан Матвеевич Хитрово, проговорил им нравоучительную речь, в которой припомнил всю историю Гетманщины со времен Хмельницкого, и доказывал, что несправедливо было все выдуманное Бруховецким для произведения смуты.

Посланцы подали челобитную со статьями. Главным желанием их было то, чтобы в малороссийских городах отнюдь, не было великороссийских воевод и ратных людей. Малороссияне признавали, что по первоначальному договору Богдана Хмельницкого с Москвою о присоединении Малой России постановлено быть воеводам в Переяславе, Нежине и Чернигове, но эти воеводы и царские ратные люди, вместо ожидаемой обороны, приносили краю пагубу и разорение. Не свыкаясь с малороссийскими правами и обычаями, ратные люди докучали жителям частыми кражами, пожарами, убийствами и различными мучительствами, совершаемыми над бедным народом; а когда от малороссиян поступали на ратных людей челобитные воеводам, то воеводы, вместо того, чтоб учинить святую правду, только волочили иски и не решали их. От этих-то причин поднялась последняя смута и сталась измена Бруховецкого. Вот поэтому-то малороссияне умоляли свести воевод и ратных людей из малороссийских городов и не присылать их вновь: оброк, какой следовать будет в царскую казну с малороссийского края, станут собирать гетманы через доверенных своих лиц и доставлять по назначению в царскую казну; такой сбор, однако, по замечанию той же челобитной, может быть успешен и неотяготителен для народа только после некоторого льготного времени, в которое малороссийский край мог бы оправиться и придти в надлежащее благосостояние. Тогда и все Войско Запорожское, пользуясь своими вольностями, не станет поддаваться измене, а будет пребывать в верности его царскому величеству постоянно и непоколебимо.

Статья эта для Москвы показалась щекотливою. Московское правительство смотрело на воеводское управление в Малороссии, как на самый важнейший орган, удерживавший присоединенный край в повиновении центральной власти. Опыт последних лет должен был показать, что слишком большое расширение этого правительственного учреждения в Малороссии еще преждевременно, но московское правительство хотело, по крайней мере, сохранить то, что уже существовало до Бруховецкого и что могло, по-видимому, безопасно существовать на будущее — время. На проси-

тельную статью, которая пришлось не по вкусу Москве, последовал ответ уклончивый и неясный. Государь указал быть воеводам в тех городах, в которых, по его государскому рассмотрению, будет пристойно, а не во всех городах, где были воеводы во время, протекшее после Переяславского договора до последней войны; впрочем, об этом отложено окончательно говорить на раде, которую предполагалось открыть текущею зимою. Посланцы в своей челобитной просили возвратить малороссийские пушки, купленные прежде или приобретенные на войне от ляхов, и в последнее смутное время взятые великороссийскими войсками, просили также возвратить колокола и церковные вещи, захваченные тогда же в Малороссии и, наконец, просили отпустить на свободу малороссию, уведенных в неволю во время похода Ромодановского, предпринятого для укрощения измены Бруховецкого. На это последовало согласие, с тем, чтобы малороссыяне представили росписи с указаниями, что именно, и где, и когда что захвачено; о пленниках же заметили, что, по прошению гетмана Демьяна, было уже отпущено 569 человек, а остальные, какие найдутся, будут отпущены. Старшинам, видно, понравилось пожалование их в дворянское достоинство при Бруховецком, и они теперь просили предоставить гетману право представлять вперед к такому пожалованию своих подчиненных и давать пожалованным универсалы на владение деревнями и мельницами. Правительство и на это согласилось и обещало гетманские пожалования укреплять царскими жалованными грамотами. Подтверждено было уже не раз и прежде заявленное желание, чтобы все, состоявшие в козацком сословии, были освобождены от подводной и постоянной повинностей, и чтобы эти повинности лежали исключительно на мужиках. Но просьба малороссыян о том, чтобы гетману и старшинам было дозволено сноситься с иноземными державами, была отвергнута на том основании, что и прежде такого права не предоставлялось гетману; давалось, однако, обещание допускать гетманских посланцев на съездах комиссаров, если такие съезды будут устроены с Польшею и с ханом крымским по делам, касающимся Украины. Челобитчики зацепили и вопрос о Киеве; они высказали, что не желали бы отдачи Киева полякам: им известно, что у поляков на сейме постановлено обратить все церкви православные в римские костелы и развезти из Киева в разные места Польши мощи киевских чудотворцев. Во свидетельство, что такой умысел действительно существует, они представили письма, присланные из Польши печерскому архимандриту. По этому вопросу в Москве отвечали им, что представленные ими письма не могут быть признаны достоверными, и основываться на них нельзя, так как неизвестно, от кого они присланы и кем писаны. Челобитчики, прибывшие в столицу, от лица всего народа доносили на Феофила

Бобровича, что он тайный изменник и в доказательство представили «прелестное» письмо, будто бы им писанное и распущенное в народе, где охудался Андрусовский договор и малороссияне призывались к противодействию коварной политике соседних государей, растерзавших их отечество. Просили челобитчики также не принимать в Приказе писем от нежинского протопопа Симеона Адамовича, так как от него затеваются междоусобия. О Феофиле Бобровиче дан был им ответ, что великий государь уже приказал воротить его к Москве, но прелестное письмо, обличавшее Бобровича в измене, как видно, не внушило к себе веры, по крайней мере неизвестно, чтобы Бобровичу было сделано какое-нибудь стеснение или производился над ним розыск. О нежинском протопопе челобитчикам отвечали, что протопоп прежде на ссору ничего не писывал и впредь писать не учнет, а приезжал он в Москву к великому государю с челобитьем за него же, гетмана, и за все Войско Запорожское. Такой ответ давался в то время, когда письмо протопопа Симеона с доносами находилось уже в Приказе. Приехавшие с козацкими посланцами депутаты от нежинских и киевских мещан привезли статьи, в которых, между прочим, просили избавить мещанство от суда воевод и от козацких стоянок, сопровождавшихся насилиями. На это отвечали, что все статьи, касающиеся мещанства, будет указано рассмотреть на предстоящей раде.

23-го января посланцы были приглашены снова в Приказ. «Где, по-вашему, пристойнее быть раде?» — спросил их боярин Хитрово.

— Мы промеж себя о том помыслим и скажем завтра, — отвечали посланцы. — Мы назначим места два или три; лучше быть раде в «тихом боку» (т. е. в безопасном нешумном месте), а мнится нам, быть бы ей около Десны, — только чтоб черновой рады не было, а чтоб на раде были только полковники и старшины; черновой раде нельзя быть потому, что места разоренные, и как съедется много народа, так нечем будет кормить лошадей. Мы уже обрали себе гетманом Демьяна Игнатовича и бьем челом великому государю: пусть бы его пожаловал, велел дать ему булаву и знамя!

На другой день, 24-го января, их призвали снова и объявили, что великий государь назначает своими царскими послами на раду боярина князя Григория Григорьевича Ромодановского, стольника Артамона Сергеевича Матвеева и дьяка Григория Карповича Богданова, раде быть в Батурине, на раду допускать старшину козацкую и мещанскую, а черновой раде не быть.

25-го января было новое свидание. После дополнительных и объяснительных бесед о подробностях того, на что в общих чертах уже последовало решение, спрошены были посланцы: «какие у

вас есть письменные улики против епископа Мефодия и против протопопа Симеона?»

Посланцы отвечали: «улик с нами никаких не прислано, но добудутся улики на раде. Мы подлинно ведаем, что вся дума у гетмана Бруховецкого была с Мефодием, да с протопопом, да с Ромодановским. Бруховецкий в то время посылал в Москву бунчужного Ивана Поповича да арматного писаря Никифора; потом — разглашал, будто они ему сказывали, что «листов» его царю не доносит боярин Нащокин, и будто бояре говорили, что Малороссия царю не надобна».

На это им сказали: «можно бы вам самим разуместь: то дело несбыточное, чтоб ваших листов не докладывали его царскому величеству! Такие непристойные речи говорил вам Ивашка Бруховецкий и этим вмещал между вами смуту».

В заключение посланцы просили об освобождении взятых в плен малороссиян, томившихся в неволе во дворах бояр и дворян, о возвращении имуществ малороссийских торговцев, задержанных по городам во время бывших смут. На все получили они в ответ добрые обещания.

Феофил Бобрович, в то время как посланцы доносили на него в измене, находился в Гадяче. Он туда приехал 10 января и привез царские милостивые грамоты к гадячанам, к полтавскому полковнику и к войтам с поспольством в Ромен, Зеньков, Лубны, Комышню¹, Сорочинцы², Драгайлов³, Опошню, Рашевку⁴ и Веприк⁵. Всех малороссиян, задержанных по поводу смуты в Белгороде, Сумах и в иных городах, велено было отпустить. 11-го января в Гадяче на раде прочитаны были привезенные Бобровичем царские грамоты; рассуждали на всякие лады и потребовали от Бобровича, чтоб он ехал в Чигирин к гетману Дорошенку. Бобрович отвечал, что ему нельзя будет ехать, если не дадут аманатов; некоторые малороссияне перед тем тайно шепнули ему: «если поедешь к Петру Дорошенку, то попадешь в вечную неволю, а то — станется и то, что быть тебе и без головы! Не доверяй Дорошенку. Он сносится с турским султаном и по весне будет кровопролитие!» Сам брат гетмана Дорошенка стал показывать какую-то двусмысленность в обращении с Бобровичем. Пригласил он его на обед, и на этом обеде, против обычая, не было задравной чаши в честь великого государя, а 17-го января Бобрович был у обедни и за-

¹ Местечко Миргор. уезда, Полтавской губ.

² Местечко Миргор. уезда, Полт. губ. при р. Псле.

³ Под таким названием нет населенной местности. Может быть, Надрагайлов — зашт. гор. Лебед. уезда Харьк. губ., при р. Суле.

⁴ Местечко Гадячск. уезда, Полт. губ. при р. Псле.

⁵ Местечко того же уезда, при той же реке.

метил, что на ектениях не поминалось имени государя, но поминали гетмана Петра, как главу малороссийского края. Бобровичу объяснили, что так повелел митрополит Иосиф. Этот митрополит, сообщали Бобровичу, приказывал считать отлученными от церкви всех попов, посвященных епископом Мефодием, и требовал, чтоб они приезжали к нему для вторичного посвящения, если хотят пребывать в священническом сане. Смекнул Бобрович, — начинается-де что-то неладное и, не добившись аманатов, счел за лучшее под каким-нибудь предлогом ускользнуть из Гадяча. Бобрович просился на время в Каменное и в Лебедин; его не только не пустили, а еще приставили к нему караульных. Караулили его не очень строго. 23-го января вышел он как будто к одному гадячскому мещанину в гости и махнул в Каменное. Оттуда написал он Андрею Дорошенку, что сделал это внезапно потому, что его не пустили в Каменное и Лебедин, куда он просился для государевых дел. Бобрович просил Андрея Дорошенка сберечь оставленную в Гадяче свою рухлядь и обещал возвратиться в Гадяч, как только получит от гетмана Дорошенка подлинное приглашение. Андрей Дорошенко отвечал, что удивляется, зачем Бобрович уехал из Гадяча тайком, когда против него не было ни у кого дурного умысла, когда все желают, чтоб старанием гетмана Петра Дорошенка начатое дело пришло в совершенство; он бы, Феофан, теперь, ничего не опасаясь, ехал в Гадяч. В то же время, остерегаясь, чтобы царский гонец не написал чего-нибудь своему правительству, Андрей письменно пожаловался князю Ромодановскому, что Бобрович убежал без всякой причины из Гадяча, где ему, кроме почестей, ничего дурного не оказывали.

Бобрович сидел в Каменном до февраля 3-го, когда пришло к нему туда письмо от гетмана Дорошенка, который любезно просил его приехать в Чигирин. Бобрович отправил гетманское письмо в Приказ и докладывал, что ему нельзя ехать в Чигирин; узнал он, что к Дорошенку приехали посланцы цесарский, литовский и от белгородских татар: «Без государевой грамоты», писал Бобрович, «назовут меня шишом и словесно наедине объясняться с Дорошенком нельзя будет. Кажется, лучше крепить одну левую сторону, а о правобережной оставить попечение; народ все прелестный, лукавый: как надокучивал им Суховеенко, так они к нам кидались, и Андрей Дорошенко писал в города и призывал всех на верность царским именем, а теперь, как уже побили Суховеенка, так не то заговорил Андрей Дорошенко, все только на гетмана указывает и говорит: где гетман будет, там и мы с ним будем! Покамест Суховеенко с татарами воевал против Дорошенка, — всем пленным царским ратным людям дал Дорошенко льготу, отбравши от них присягу, что не убегут, а как Суховеенка разбили, так Дорошенко приказал их посадить снова в

темницу и забить в колодки». Сами пленные воеводы сообщили об этом Бобровичу письмом.

Вслед затем гетман Дорошенко, узнавши, что города левой стороны били челом царю, приказал своему брату Андрею ехать из Гадяча к нему в Чигирин, распродавши всю свою рухлядь, и взяты с собою царского посланца Феофила Бобровича. Бобрович не поехал по зову Андрея, отговаривался неимением царского указа, а в случае если бы Андрей Дорошенко попытался насильно потащить его, решался бежать в Москву, хотя бы и мог подвергнуться гневу государя за самовольство. Но этого не случилось. Бобрович не поехал к Дорошенку, не бежал в Москву, а был туда отозван по царскому указу. Тем и окончилось неудачное его поручение устроить сделку московского правительства с правобережным гетманом.

У Дорошенка в то время завелись иным путем сношения с Москвою, через князя Ромодановского, стоявшего тогда с царским войском в Судже. Ромодановский отправил к Дорошенку гонцом ротмистра Карпа Бабкина ходатайствовать об освобождении пленных воевод и царских ратных людей, и в том числе сына Скуратова, товарища князя Ромодановского. Дорошенко отвечал: «известен благородию твоему наш нрав. В нашей земле не так, как у великого государя его царского величества в Великой России, где все милостивым повелением государя чинится; у нас без совета полковников и товариства ничего учинить не можно. Даю ведать благородию твоему: пленные ваши у нас не в какой-нибудь неволе, а по воле живут, при нашей любви и милости. Скоро даст Бог неприятеля-бусурмана из нашей земли выгоним, тогда за прибытием всех полковников и за общим советом и Григория Петровича Скуратова, и воевод, и ратных людей отпустим и ни единого из них не задержим».

Дорошенко отпустил, однако, тогда же полковника Гульца с челядником и прапорщика Тараса Смирнова. Гетман сказал Бабкину: «как великий государь укажет отпустить всех взятых жителей малороссийских городов, тогда и мы вам отпустим воевод и всяких чинов полоненников». Из малороссиян, которых отпуска домогался гетман Дорошенко, были между прочим полковники: прилуцкий Чернавский, ирклевский Попкевич, судья Незамай, писарь Шийкевич и знаменитый Тимофей Цыцура, живший в то время в ссылке в Томске. Указаны были еще многие имена. Русских пленников у Дорошенка было семьдесят, из них 34 в Брацлаве, другие в Чигирине. О содержании пленников в Чигирине Бабкин сообщал так: «государевых людей гетман велел кормить и поставить по дворам, и шубы и сапоги им подавал, и к себе их обедать призывает почаству». Но такое любезное обращение было только тогда, когда еще Дорошенко побаивался Суховеенка, а как перестал его бояться совершенно, то и с пленными великороссиянами стал обращаться иначе.

IV

Приготовления к раде. — Домогательства Дорошенка. — Съезд в Глухове. — Толки о праве козацких послов присутствовать при переговорах России с Польшею. — Избрание в гетманы Демьяна Игнатовича Многогрешного. — Статьи, прочитанные на раде от царского посланника. — Толки о воеводах и ратных людях и об удержании Киева. — Доводы со стороны Ромодановского против желания не иметь в Малороссии воевод. — Присяга нового гетмана. — Отписки. — Уведомление Дорошенка о совершившемся выборе. — Отъезд Ромодановского из Глухова.

С 12-го февраля 1669 года в Москве начались приготовления к предстоящей раде для избрания нового гетмана левобережной Украины. По царскому указу, от лица верховной московской власти назначен был на эту раду князь Григорий Григорьевич Ромодановский, а в товарищах ему стольник Артамон Сергеевич Матвеев и дьяк Богданов; с ними, для оберегания, отправлялись конные и пешие государевы ратные люди, стольники, стряпчие, дворяне и жильцы. Съезд всех определенных к посольству был в Севске, куда Матвеев прибыл с своими из Москвы, и там дождался Ромодановского из Суджи, где тот стоял с войском.

Весть о намерении Москвы избрать на раде нового гетмана для левобережной Украины подействовала неприятно на Дорошенка. Он видел в этом неудачу своих планов сделаться гетманом обеих сторон Украины. «Удивительно мне, — писал он Ромодановскому, — что твоя милость, знаючи добре мене обеим сторонам гетманом, листами ссылаешься с Демьяном Многогрешным, наказным нашим гетманом. Надлежало бы твоей милости, по сердечной своей христианской любви, желать, чтоб и высокая честь его царского величества, и слава Войска Запорожского ненарушна была, а не того, чтоб от веков во едином союзе пребывающая Украина, которая через тыя лета облиялася кровью, снова в разность приходила. Прошу обо всем, что тебе поверено от его царского величества, ведомо чинить ко мне, а не к наказному гетману северскому. А из того поступка, что мимо нашего ведома чинится, что возрастет? Сам твоя милость, как мудрый, домыслитися можешь».

Но на это письмо не последовало ответа; по крайней мере, в современных делах его нет.

В подобном смысле писал тогда Дорошенко и к Шереметеву. Он извещал, что, собравши раду, хотел отправить к царю челобитье, как вдруг узнал, что с бывшим полковником черниговским, его, Дорошенка, наказным гетманом, заводятся «потайные тракты». Демьян в глазах Дорошенка походил на тех «закутных (заугольных) гетманишек», которые после смерти Богдана Хмельницкого,

ради своих частных видов, провозглашали себя гетманами и производили междоусобия. Дорошенко просил Шереметева, чтобы все сношения о важных делах производились с ним, настоящим гетманом, а не с его наказными, и чтобы войсковые клейноты (знаки гетманского достоинства) никому не отдавались до возвращения послов, которые от него с рады будут посланы к государю. На это письмо Шереметев отвечал, что с Демьяном никаких тайных договоров нет, а били челом люди малороссийских городов левой стороны Днепра, чтобы государь позволил им по прежним правам отправляться раде. «Ты», выражался Шереметев в своем ответе, «удивляешься делам Демьяна Многогрешного, а мы так удивляемся, что ты к нам пишешь и желание подданства объявляешь, а с турецким царем списываешься, посылаешь к нему своих послов и от турецкого царя у тебя частые послы бывают, а нам о том не пишешь». Писал Дорошенко и к самому Многогрешному, представлял ему, что отечество терпит от розни, целые края обратились в пустыню, много малороссиян сослано в Сибирь и другие края Московского царства. «Правда», писал он, «достойное хвалы дело жить в согласии с Москвою и быть в подданстве у православного монарха, но только не на таких условиях, как покойный Бруховецкий». Дорошенко приглашал Многогрешного отправить послов своих на раду, которая должна собраться на первой неделе великого поста в Корсуне. Многогрешный отправил это дорошенко письмо 15-го февраля в Малороссийский Приказ и писал, что Дорошенку не следует ни в чем доверять, потому что он сносится с турками и составляет с ними какие-то договорные статьи. Расточая уверения в своей готовности проливать кровь за царские выгоды, Демьян доносил, что по его старанию полковники: киевский Солонина и переяславский Дмитрашко Райча учиняются в подданстве великому государю.

Посланцы, бывшие в Москве в январе, не привезли окончательного решения: в каком именно городе будет рада. Демьян Игнатович писал князю Ромодановскому, что лучше быть раде в Новгороде-Северском, дабы на ней мог присутствовать архиепископ Лазарь Баранович, который по своим летам и по здоровью не такая особа, чтоб можно волочить его далеко. Но князь Ромодановский отвечал, что по указу великого государя раде быть в Глухове, потому что в этот город удобнее приехать из иных городов малороссийских; князь приглашал Многогрешного ехать в Глухов и звать туда полковников и иных начальных людей из козаков и мещан; он сообщал, что о том же написано уже и архиепископу.

Повинуясь царскому указу, Демьян прибыл в Глухов 27-го февраля. «Жестокий путь устрашает меня немощного», — писал Лазарь Баранович, — «но Божие дело царственное и мирское нудит-мя; во имя Господне пойду». 1-го марта приехали в Глухов

и царские послы. Не доезжая до города в трех или четырех верстах, встретил их Демьян Многогрешный со всею старшиною и с козаками. Главный посланник, князь Ромодановский, посадил Многогрешного с собою в карету; при въезде в город встречал их на городских воротах глуховской соборной церкви протопоп с духовенством и горожанами. Вышедши из экипажей, посольство прикладывалось к Спасову чудотворному образу, с которым приехало оно из Севска; велели нести этот образ в глуховской собор, отслужили там молебен, потом князь Ромодановский приказал этот образ поставить у себя на дворе.

На другой день, 2-го марта, Демьян с асаулом Гвинтовкою вдвоем приехали к Ромодановскому. Боярин приказал читать вслух статьи, на которых должен будет постановиться договор на раде. После чтения этих статей боярин говорил: «в вашей челобитной вы написали, будто на польском сейме постановлено обратить православные церкви в костелы; но в перемирной третьей статье Андрусовского договора утверждено, чтоб русским всякого чина людям вольно было во всех городах и мѣстах, достающихся в сторону его королевского величества, отправление греческой веры: Буде в Короне и Княжестве делается утеснение церквам, то великий государь прикажет своим полномочным послам, на съезде с польскими послами, говорить, чтобы церкви утеснения не было; что на съезде учинится, о том гетман и старшины узнают от своих посланцев, которых сами пошлют на этот съезд. Составьте и подайте посланцам вашим по этому делу статьи и нам их объявите, чтобы великому государю были они ведомы. Посланцы ваши будут приходить к польским послам и говорить с ними о своих войсковых делах с царского повеления, — но с послами сидеть не будут оттого, что и прежде того не бывало, и польские послы на том стоят, чтобы с ними вместе не сидели посланцы Войска Запорожского, чтоб не было споров и промедлений».

— Нам подлинно ведомо, — сказал гетман, — что сенаторы писали к Дорошенку и звали его посланцев на «элекцию» (выбор короля), а коли зовут на элекцию, так и места им дадут и сидеть позволят.

Боярин отвечал: «царские полномочные послы с польскими послами поговорят, но теперь невозможно писать, чтоб вашим посланцам сидеть с послами, оттого, что польские послы этого не хотят».

«Вы просили, говорил боярин, чтоб вам в Москве отвели дом, где бы ставились приезжие от вас. Выберите человека знатного, доброго, разумного и рассудительного, которому доверите жить на том дворе, и к нему будете вы писать о всяких делах, какие надобны будут малороссийским жителям, — и выборный ваш человек будет ходатаем по этим делам и будет бить челом об указе. Вашему выборному жить в Москве с переменю погодно».

3-го марта приехал в Глухов архиепископ Лазарь Баранович. Боярин велел собраться к нему уже всем, и от имени великого государя спросил архиепископа о спасении, а прочих мирских особ о здоровье. Потом объявлено было царское прощение малороссийскому народу за вины. За это прощение все били челом.

Потом боярин произнес: «указал великий государь, его царское величество, по вашим правам и вольностям избрать себе в гетманы, кого излюбите».

Обозный, судьи, полковники и вся старшина и чернь провозгласили гетманом Демьяна Игнатовича Многогрешного. Споров никаких не было. В пользу Демьяна все было подготовлено, и видно было, что выбор на раде будет только формальностью. Затем наступило чтение статей договора, по которому Украине надлежало быть в вечном подданстве у великого государя. Когда прочли: «в Переяславле, Нежине и в иных городах воеводам и царским ратным людям быть», — поднялся шум.

Старшины стали говорить: «в наших челобитных его царскому величеству писано, чтоб воеводы были только в Киеве, а в Нежине, Переяславле и в иных городах им не быть, потому что от воеводе и царских ратных людей многая наперед сего обида была».

Боярин сказал: «великому государю челобитная ваша ведома. Но великий государь указал быть воеводам и ратным людям в Переяславле, Нежине и в иных некоторых городах для крепкого утверждения и на оборону тебе, гетману, и всем малороссийским жителям от неприятельских приходов, да для проезда в Киев и к тебе, гетману, сухим и водяным путем всяких проезжих людей, а не для того, чтоб воеводы и ратные люди чиңили жителям налоги. Ты, гетман, и вы, старшины, сами видите, как малороссийские жители шатки; всяким смутным воровским словам и на всякие прелести сдаются скоро и к ворам пристают, а невинных людей, что к их воровству не мыслят пристать, разоряют. Петрушка Дорошенко, именующий себя гетманом на той стороне Днепра, поддается турецкому султану: вон, Василий Полянский был у него в Чигирине, сам видал, как турецкий посол к нему приезжал, и Дорошенко называет себя турецким подданным! Он и на сю сторону Днепра людей своих подсылает и воровски прельщает малороссийских жителей, а иных страхом и войною понуждает под свое послушание. Уже многие города на сей стороне держат его сторону. В Переяславле и Нежине и в иных городах все разорено, жители разошлись, кто куда захотел, и города стали безлюдны; если в этих городах опустелых не будет воевод и ратных людей, то жителям, которые теперь в бегах, нельзя будет по возвращении без обороны домов своих строить, а Дорошенко, узнав, что воевод и ратных людей в тех городах нет, пришлет своих заднепровских козаков и наполнит своими людьми эти города; тогда эти города будут уже и поневоле у Доро-

шенка в послушании, и он учинит их в подданстве у турка вместе с собою. Тогда тебе, гетману, и всей старшине от турка и его послушников, от хана и от Дорошенка, будет большое утеснение. И вот еще что мы тебе, гетману, и всем вам старшине объявляем: послан от царского величества к турецкому султану стольник Афанасий Нестеров, тот говорил туркам, чтоб турецкий султан жителей малороссийских городов и запорожских черкас в подданство к себе не принимал, а турки дали посольству царского величества такой ответ: в которых городах царских воевод нет, и те города учнут отдаваться турку, — и он, турок, принимать их велит. Тебе, гетману, и вам, старшине, надобно бы то рассудить и остеречь: первые и главные города малороссийские надлежит утвердить и укрепить в своих руках, а не отпускать их в чужие руки, чтоб самим потом в утеснении не пребывать и отпущенные под чужую власть города кровью не доставать. Когда главные города будут в крепком одержании, тогда и малые города, хотя в них и воевод не будет, учнут при тех больших городах держаться и никому не сдадутся».

Изложенные царскими доверенными доводы показались до такой степени сильны, что малороссияне не нашли ничего возражать; однако, все-таки не заявили сразу совершенного согласия принять означенную статью, а сказали, что о ней подумают и поговорят между собою.

Перешли к другой статье, не менее щекотливой. Гетман припомнил челобитную о том, чтоб Киев не отдавали полякам в видах охранения православной веры. Боярин именем царским объявил: «вам самим известно, на какой срок договаривались отдать Киев, но по некоторым причинам, возникшим с польской стороны, на тот срок отдачи Киева не будет до съезда полномочных великих послов, а каков на съезде договор о Киеве станет, о том вы узнаете от ваших посланцев. А что вы говорите о церквах Божиих и о благочестивой христианской вере, которая в гонении от униатов, так об этих делах надлежит говорить жителям той стороны Днепра, а не вам. Ведомо самим вам, что козаки и всяких чинов жители той стороны Днепра отлучились сами от царского величества еще прежде Андрусовского договора, а не царское величество от себя их отдал; по их-то отлучению и Андрусовский договор учинен».

Гетман сказал: «нам подлинно ведомо, что тамошние козаки поддались польскому королю собою, а от царского величества им отдачи не было. Если положено будет на съезде Киев отдать полякам, в том пусть будет воля великого государя, лишь бы только поляки не гнали православной христианской веры и не отдавали церквей Божиих в унию. Возможно царскому величеству митрополю учинить в Переяславе, если Киев отдан будет».

«Пристойнее учинить митрополию в Чернигове, — сказал Лазарь Баранович: — Чернигов старше Переяслава и княжение древ-

нее». По окончании чтения статей гетман сказал: «позвольте нам эти статьи взять к себе. Мы прочтем их у себя на дворе и поговорим промеж себя, которые статьи покажутся нам противными, о тех статьях мы учнем бить челом великому государю и челобитную нашу подадим вам на письме».

Царские послы согласились и дали им статьи.

4-го марта явился к князю Ромодановскому обозный Забела, в сопровождении генеральных асулов и полковников, и сказал:

«Прислал нас гетман передать тебе, боярин, что он статьи, которые у тебя взял, читал со всеми старшинами. В этих статьях написано, чтоб царского величества воеводам и ратным людям быть в Переяславе и иных городах, а мы у великого государя наперед сего милости просили и ныне просим, чтоб великий государь нас пожаловал, — указал не быть воеводам и ратным людям в городах сей стороны Днепра. Об этом приносим мы тебе челобитную; да еще о другом, о чем милости просим у великого государя, мы здесь написали».

Боярин приказал взять у них написанную челобитную и сказал: «чтоб воевод и ратных людей из ваших городов вывезть, — то дело несбытное, а об других статьях, что вы здесь написали, будет вам указ учинен». В челобитной, кроме просьбы о выводе воевод, было писано о сохранении козацких имуществ, чтобы вдовы козацкие наследовали имущества убитых на войне мужьев и пользовались всеми льготами козацкого звания до своей смерти, либо до выхода в новое замужество за не-козака; чтобы царские гонцы не брали самовольно подвод, а получали их от городской старшины; чтобы число козацкого войска в реестре простиралось до сорока тысяч, а в случае неприятельского вторжения давалась бы скорая помощь ратными людьми; чтоб возвращены были взятые воеводами в смутное время малороссийские пушки; чтобы жителям посполитым, в уважение к понесенным разорениям, дана была льгота на пять лет, а недостающее, по причине этой льготы, количество денег на жалованье реестровым козакам дополнялось бы из царской казны.

При этом старшины объявили, что на предстоящий съезд полномочных послов они выбрали посланцами: нежинского полкового судью Федора Завадского, Лаврентия Артеменка, Леонтия Полуботка и Ярему Яременка.

5-го марта явились к боярину гетман и архиепископ Лазарь Баранович. Боярин им сказал: просили обозный с полковниками, чтоб воевод и ратных людей вывести из Переяслава и других городов, хотя бы через полгода или через год, как, даст Бог, сей стороны малороссийские жители успокоятся и учнут служить царскому величеству верно. Это дело несхожее, чтоб воевод и ратных людей выводить.

Гетман по-прежнему распространился о том, как «воеводы и ратные люди малороссийским жилацким людям всяких чинов делали обиды, козаков лаяли, мужиками их называли, производили кражи, поджоги, с целью расхищения имуществ во время пожара, и потому-то козацкие власти просят вывести воевод и ратных людей из малороссийских городов. Пусть великий государь, его царское пресветлое величество, будет надежен, мы учнем служить ему верно, безо всякой шатости, и изменять ему никогда не будем».

Боярин отвечал: «по се время великому государю от козаков и от мещан на воевод и ратных людей ни в каких налогах челобитья не было и впредь великий государь указал воеводам не вступаться в ваши права и суды, не только в козацкие, но и в мещанские; судиться вам меж себя самим, по вашим стародавним правам и вольностям. А что вы говорите, будто служилые люди зажигали и в пожарное время животы уносили, так о том великому государю не бывало ни от кого челобитья ни прежде сего, ни в последнее время; если-ж бы челобитье такое было, против челобитья был бы сыск, а по сыску, смотря по вине, тем вора за их воровство и казнь учинена была бы. Знатно, то дело ныне затеяли вы, чтоб воеводам в городах не быть! Вы об этом и не мыслите, чтоб ратных людей из городов вывести! Какую крепость вы учинить можете в том, что в малороссийских городах никто не изменит, не сдадут городов неприятелю и служить великому государю будут верно?»

Гетман и старшины не нашлись ничего отвечать на этот вопрос.

Боярин продолжал: «наперед сего гетман Богдан Хмельницкий поддался великому государю и служил ему верно до смерти. А после него что? У вас были гетманы: Ивашка Выговский, Юраска Хмельницкий, Ивашка Бруховецкий; все они договорные статьи составляли, руками своими их подписывали и пред святым евангелием душами своими крепили. Однако, ничего того не памятуя, потом изменяли! Давно ли Ивашка Бруховецкий государевых воевод и ратных людей в городах велел побить без всякой причины? Видя с вашей стороны такие измены, не стало чему верить! Ты, гетман, и вы, старшины, говорите, что имаетесь содержать все города своими людьми. Несбытное это дело: не только нам, но и вам хорошо видимо, что делается на сей стороне Днепра во многих малороссийских городах! Козаки и мещане слушают не тебя, Демьяна, а Дорошенка, и великому государю чинятся противны. Если бы в тех городах, о которых вы говорите, царских ратных людей не было, так и там жители делали бы то же, что ныне делают полтавцы, миргородцы и иные. Гетман и все старшины! Не говорите вы нам больше о выводе из городов воевод и ратных людей. Сами-ж вы написали в своем челобитье, что вручили своим посланцам: во всем полагаемся-де на волю и на милости царского пресветлого величества. Как ему, великому государю, всесильный

Бог на сердце положит, так бы сохранить нас изволил при вольностях наших. Не так ли написали вы?»

Архиепископ признал, что так именно было написано в челобитной, а затем прибавил: «когда нам чинятся налоги, то как же нам о том не говорить и не бить челом великому государю? Теперь написать бы в статьях: ты, боярин, о выводе воевод и ратных людей договора с нами не чинишь, и обе стороны стоят упорно, но вперед нам повольно будет бить челом великому государю о выводе воевод и ратных людей».

Ромодановский не поддался на эту уловку и решительно произнес: «чтобы о выводе воевод и ратных людей повольно было вам бить челом великому государю, — того не точию написать, но и говорить больше о том с вами не буду и слушать от вас тех слов не хочу. Говорю вам прямо».

Гетман и старшины откланялись, но Демьян Игнатович на прощанье сказал: «нынешний вечер, сошедшись со старшинами и выборными козаками, мы о том еще гораздо подумаем. А с нынешних разговоров и сам я узнал, что в городах без воевод и ратных людей быть невозможно».

На другой день, рано утром, 6-го марта, в субботу на второй неделе великого поста, съехавшись все вместе, с боярином учинили договор, составленный в двадцатисеми пунктах или статьях. Большое значение для своего времени имела двадцать вторая статья. Со времен Богдана Хмельницкого у малороссийского правительства было унаследованное от польской шляхты стремление ограничить число козаков и образовать из них привилегированное сословие, отличное от остального посполства. Такое стремление находило правильным и московское правительство. Но у малороссийского народа всегда оставался иной идеал, — чтоб в крае все были равные козаки, и из народной громады всегда выступали своевольцы, называвшие себя самозванно козаками; нередко собирались они купами (шайками) и бесчинствовали; то были большею частью наймиты, не владевшие ни грунтами (усадебями), ни нивами, и добывавшие себе хлеб работою у зажиточных, особенно на селитренных заводах и винокурнях. Старшины козацкие постоянно жаловались, что от них чинились беды и обиды прямым козакам. Теперь учреждали особый отдел козацкого войска, под названием компании; предположено на первый раз набрать их тысячу человек и назначить над ними особого компанейского полковника. Их обязанность будет преследовать и усмирять шайки самозванных козаков. Это учреждение скоро получило большое развитие, и все полковники стали заводить у себя в полках компании. Как увидим ниже, через несколько лет сами старшины нашли необходимым отменить это учреждение, но вместо него явились охотные или наемные козаки, большею частью из иноземцев.

Откинувши просьбу о выводе воевод, приказано было статьи написать в тетради. Во всем положились на волю великого государя, подписали статьи и подали боярину. Ромодановский заметил, что о тех статьях, которые подали ему после, будет дан милостивый указ, когда эти статьи представятся его царскому величеству. Вместе со статьями, касавшимися Войска Запорожского, т. е. козаков, на этой раде постановлены были статьи, относившиеся к мещанству и посполству, по челобитью от нежинских и киевских мещан. Город Нежин, ссылаясь на разорения, понесенные в последнее междоусобие выпросил льготы себе на 15, а своей волости на 5 лет, и подтверждения прежних прав на доходы с торговых мер, с торговли дегтем, с винной и пивной торговли. Мещане били челом за себя и за посполитых в волости (т. е. крестьян), чтоб козаки не вмешивались в их управление и не были бы сборщиками. Тогда в малороссийских селах и деревнях временно размещались приходившие с правой стороны искать новоселья, и число их все более и более возрастало. Поставленные «на-хлеб, на-соль мирскую», они дозволяли себе всякие своевольства. «Голики (как называются они в челобитной) от прямого своего посилья сыты быть не хотят, а насилюют мещан и крестьян». Киевское мещанство просило себе, главным образом, свободы от поставки подвод, от своевольства царских ратных людей — и, кроме того, выпросило пятилетнюю льготу для города Киева от податей, следуемых в царскую казну.

Тогда боярин приказал перед соборною церковью устроить просторное место, поставить на аналое чудотворный Спасов образ и положить на столе булаву и знамя. Когда все было готово, явились Демьян, старшины и выборные козаки и мещане. Архиепископ прочитал молитву. Боярин проговорил короткую речь, выразивши в ней, что, по челобитью, представленному обозным Петром Забелою, великий государь указал боярину быть на раде для избрания нового гетмана по их правам и вольностям. Проговоривши эти слова, боярин отступил.

Демьян Многогрешный был избран уже прежде, а теперь совершался только обряд вступления его в должность настоящего гетмана. Обозный Петр Забела поднес новому гетману булаву.

«Я не желаю гетманского уряда, — говорил обрядовым порядком Многогрешный, — но так как вы, по указу его царского пресветлого величества и по своим правам и вольностям, излюбя, всем Войском меня избираете в гетманы, то невозможно мне упорствовать и не принять царского жалованья — булавы и знамени! Только я вам наперед объявляю: великому государю, его царскому пресветлому величеству, сей стороны Днепра Войско Запорожское поддается в вечное подданство, а как нам быть в том подданстве, тому всему у нас постановлены статьи и руками нашими подписаны. Я обещаюсь великому государю и его государским наслед-

никам служить верно, без всякой шатости и измены, и того учинить не хочу, что прежние гетманы учиняли, как великому государю изменяли. И вы бы, при мне будучие, ему, великому государю, служили бы верно, никаким смутным словам и прелестьям не верили и вечное подданство, вместе со мною, содержали бы крепко и постоянно, по договорным статьям».

Обозный Петр Забела, от лица всех прочих, произнес: «все мы хотим с тобою, гетманом, быть в вечном подданстве великому государю и служить ему будем верно. Готовы учинить в том веру пред святым евангелием. А ты, Демьян, от нас булаву и знамя прими и гетманом нашим будь».

Демьян Игнатович принял булаву и знамя, а боярин вручил новому гетману грамоту на гетманское достоинство. Все поздравляли нового гетмана. Боярин сказал: гетман Демьян Игнатович! будь здрав на гетманском уряде со всею старшиною и со всем Войском Запорожским сей стороны Днепра! Служи великому государю верно, и, шед в соборную церковь перед чудотворным Спасовым образом и перед святым евангелием, по святой непопорочной заповеди Христа Бога нашего, учини веру» — Демьян Игнатович благодарил боярина за милость и сказал: «никогда того не учиню, что Ивашка Бруховецкий учинил, когда великому государю изменил: я буду служить великому государю, его царскому величеству, до конца живота верно».

Всем вслух прочли новопостановленные статьи, скрепленные подписями. Тогда боярин спросил всех: «каковы статьи постановлены и руками вашими закреплены, — слышали ли статьи те?»

Все отвечали утвердительно. Затем все отправились в церковь и там произнесена была присяга. Приводил всех к ней архиепископ Лазарь Баранович по чиновной книге и по записи, написанной под статьями.

На другой день, в воскресенье, архиепископ освящал знаки гетманского достоинства — булаву, знамя и саблю — и произнес новоизбранному гетману пастырское поучение.

8-го марта боярин отправил в Москву известие об окончании рады, не утаивши козацких домогательств о выводе воевод и своего отказа на эти домогательства. И Демьян Игнатович отправил в тот же день письмо к великому государю, расточал обещания верной службы, не смел уже просить о выводе воевод и ратных людей, а умолял указать, чтобы царские войска помогали Украине, буде неприятель станет на нее наступать. Боярин послал отписки в Чернигов, Нежин и Переяслав к воеводам, поручая каждому привести к присяге козаков и мещан своего края.

Марта 9-го боярин послал отписку и к Дорошенку, извещая о совершившемся избрании, и просил Дорошенка вернуть на правую сторону своевольников, перешедших на левую; при этом замечал,

что если через их упорство случится что-нибудь дурное, то пролитая кровь взыщется Богом «на том, кто сей крови будет причинен». Написал в этот день к Дорошенку и Лазарь Баранович о том, как было бы хорошо, если бы вся Россия была под властью православного монарха, а под турком быть прямая беда: «пророчество у них, турков, есть, что имеют пропасть от русского народа; исполни Боже то вскоре! На сие дело да воздвигнет Бог силу Войска Запорожского». Написал к Дорошенку и его бывший наказной, теперь поставленный с ним в равном достоинстве. Смысл письма его был таков, что было бы хорошо, если б малороссийский народ весь находился под единым монархом, но видно — не такова воля Божия! «Изволь, — писал он, — жить с нами по-приятельски; нам — под великим государем, а вам под королем польским живучи, надобно любовь иметь». Он просил Дорошенка вывести из левобережной Украины свои военные силы и грозил, в противном случае, взяв Бога на помощь, с своим и с царским войском вывести прочь неприятных гостей. Тогда же новоизбранный гетман известил о своем избрании и непокорного ему лубенского полковника, убеждал его отречься от Дорошенка, поступить под regiment Демьяна и принести присягу на подданство царю; в противном случае: «пусть не удивляется, если ему произойдет что-нибудь неприятное».

8-го марта боярин одарил, по обычаю, гетмана, старшин и полковников соболями, а его отдали лошадами. Наконец он выехал из Глухова, провожаемый гетманом и старшинами за три версты от города.

У

Отношения московского правительства к Дорошенку после глуховской рады. — Архимандрит Гизель ходатайствует за Тукальского. — Рада на реке Расае. — Отзывы о Турции в письмах с правой стороны. — Сообщения в Москву статьи условий подданства Дорошенка Турции. — Многогрешный пытается склонить Суховеенка на царскую сторону. — Суховеенко снова угрожает Дорошенку. — Переговоры с Дорошенком об отпуске воевод. — Дорошенко посылает на левую сторону Гамалею и Манжоса. — Козловский сменяет в Киеве Шереметева.

Как ни противно должно было показаться Дорошенку избрание Многогрешного, но московское правительство продолжало показывать правобережному гетману дружелюбные отношения. В грамоте, посланной к нему от 26-го февраля, царь похвалял его за то, что он не отдал татарам взятых воевод и просил Дорошенка отпустить их. В марте киево-печерский архимандрит Гизель, посылая царю Алексею Михайловичу в дар книгу свою о покаянии, под названием «Мир человека с Богом», пытался расположить царя в пользу мит-

рополита, Иосифа Тукальского, друга Дорошенкова, на которого в Москве смотрели подозрительно. «Повели, государь, этого доброго мужа посадить на митрополии в Киеве и надобное прокормление сану его показать. Надеемся, что у козаков тогда шатости не будет, и не станут они склоняться к соединению с турками, если митрополит, по своему сану, будет сидеть в Киеве, да он и вашему царскому величеству не окажется бесполезен; он муж зело ученый, рассудительный, искусившийся во всяких гонениях и иноверных наветах». Иннокентий Гизель в то же самое время силился помирить с митрополитом Иосифом Тукальским архиепископа Лазаря Барановича, которого письменно упрекал за то, что Лазарь возбуждал неблаговоление к митрополиту и царя Алексея Михайловича, и московских государственных людей, а в своей епархии запрещал молиться за митрополита, тогда как митрополит всегда в богослужении поминал архиепископа Лазаря, хотя и не признавал за ним титула местоблюстителя. Митрополит, по уверению Гизеля, искренно желал присоединения правобережной Украины к царской державе и располагал к этой мысли своими советами тамошних генеральных старшин. Сам Тукальский апреля 10-го писал к царю Алексею Михайловичу, просил, чтоб ему дозволили водвориться в своей митрополии и расточал желание, чтоб весь православный русский народ, находящийся теперь во власти Речи Посполитой, присоединился к московской державе, с сохранением своих стародавних прав и обычаев.

При всех таких посланиях и отзывах, дружелюбных к московскому престолу, стремления Дорошенка и Тукальского противоречили видам тогдашней московской политики. Дорошенко и Тукальский изъявляли желание повиноваться царю, — но не терпели Андрусовского договора, пресекавшего политическую и правительственную связь двух половин Украины; Москва же обязалась признавать Днепр чертою предела между Россиею и Польшею и слышать не хотела ни о каких народных требованиях единства Украины, противоречивших смыслу Андрусовского договора. Задуманным желанием правобережного гетмана и митрополита было, чтоб козачество и с ним вся Украина, признавая над собою власть царя, ненарушимо пользовались своими национальными правами и обычаями, а у Москвы на счет этого было иное желание — желание строгого подчинения, которое бы со временем повело к уничтожению всякого различия между Малороссией и Великороссией. Москва рассчитывала, что если в Украине ненарушимо будут сохраняться все ее национальные особенности, то Украина не всегда может быть крепко привязана к Москве; напротив, такой или иной шаг московского правительства, вынуждаемый обстоятельствами, может произвести раздражение и вызвать появление измены в Малороссийском крае. Попыты политического непостоянства, повторя-

ьясь один за другим, упрочили в Москве недоверие к Украине, и люди, заявлявшие себя в Украине горячими сторонниками национальных прав, не могли возбудить к себе расположения в Москве. О митрополите Тукальском составили там понятие, как о стороннике Дорошенка, как о человеке, ценящем выше всего местные интересы своей родины, а потому в Москве не могли принять его просьбы о своем переезде в Киев; поводом к отказу митрополиту на его просьбу выдумали такое основание: между московским и польским государями договорено быть съезду полномочных послов, и на этом съезде будут рассуждать о Киеве; когда этот съезд состоится и что на нем будет постановлено, о том митрополит будет извещен.

И Дорошенко Москве и Москва Дорошенку выражали взаимное дружелюбие, но искренности между ними не было нисколько. Не доверял Москве Дорошенко после того, как Москва, подбивши Бруховецкого просить о введении в Малороссии воевод, и после того, как уже последовала народная расправа с этими воеводами, все-таки не хотела слышать о том, чтоб их вывести из края и предоставить козакам самим собою управляться. Не доверяла и Дорошенку Москва, когда к ней приносились вести о двусмысленных и зловещих сношениях Дорошенка с турецким султаном. У Дорошенка 12-го марта происходила близ Корсуна, на речке Расава, рада, о которой приходили в Москву неясные и даже противоречивые слухи; из них, однако, выводили такое заключение, что в правобережной Украине существует намерение сойтись дружелюбно с Турцией. Эта рада тянулась до десяти дней. На этой раде было до пятисот человек козаков правого берега Днепра и человек двадцать из левобережных полков. Подсланные туда Шереметевым киевские козаки видели и узнали между последними лубенского полковника Гамалею да одиннадцать человек запорожцев. Вместе с Дорошенком присутствовал на раде турецкий посол, которого в Чигирине гетман приветствовал трехдневным угощением и почетною стрельбою. Прочитана была народу грамота, привезенная этим турецким послом: в ней от турецкого государя предлагалось, чтоб малороссийская земля поступила в подданство Турции на таком праве, как земля волоская. Предложения эти козакам понравились. Рада приговорила оставаться в приязни с Турциею, но присяги, однако, не учинили¹.

Послан был в Москву, в конце апреля, генеральный судья Иван Самойлович для утверждения челобитной, составленной на основа-

¹ Об этой раде приносили известия также полоненники, бывшие в Чигирине и ушедшие оттуда, но их показания едва ли совсем достоверны. Они говорят, между прочим, что на этой раде был Юраско Хмельницкий, его предлагали будто бы турки тогда в гетманы, и он отказался от такой чести. Эти полоненники показывали, будто народ уже тогда присягнул султану, а Дорошенко обещал, в городах кресты на церкви сломать, если его утвердят наследственным гетманом.

нии глуховских статей. Он привез известие, что Дорошенко, отрекшись от подданства христианскому государю, польскому королю, отдался турецкому султану и на раде в Корсуне получил от султана в подарок ферязь, которая была на него там же надета, в знамение новых отношений его к Турции. Для уверения в истине этого привезен был в Москву и козак, бывший свидетелем того, что происходило у Дорошенка на раде. Дорошенко писарь, Бускевич, писал к Демьяну о цели своей поездки в Турцию: он сознавался, что они, правобережные, действительно поддаются турецкому царю, но объяснял, что это не значит, чтоб они «слепым поспешением шеи свои в турское иго отдали», — они сделали это в крайности, спасаясь от непрерывных татарских набегов. «Татары, говорил он, под лицемерным покровом дружбы опустошают край наш, тысячами людей наших забирают в полон, а христианские монархи немилостивы к козакам, строят против нас крепости, не дают нам, людям к войне способным, распространяться на поле и на море, и сами себе тем не пользу делают, как думают, а вред. Турецкий же царь крепостями страны своей не держит, а едва не всем светом владеет: войскам своим он платит хорошо и кормит их: турки лучше других знают, как надобно землями и людьми владеть».

Тогда были доставлены в Приказ и приобщены к делам Приказа статьи условий, заключенных между Дорошенко и Турцией. В этих статьях в начале сказано, что Дорошенко входит в союз с Турцией, по примеру славной памяти гетмана Богдана Хмельницкого. Козаки изъявляют готовность противостоять всякому неприятелю султанского величества, если окажется потребность, и взаимно просят султана, чтобы он повелевал своим войскам — крымским, черкеским, ногайским, бучацким и иным приходить на помощь козакам, и на то время состоять под властью гетмана, наравне с козацкими войсками. Султан в ознаменование союза пришлет гетману военное знамя, называемое по-турецки «туй» и «булаву». В том же договоре козаки объявляли, что они «не желают быть ни рабами, ни данниками, но хотят оставаться свободными от всяких податей, а присланные знаки их гетману будут знамением союза Украины с Оттоманскою Портою и готовности гетмана воевать против недругов султанских и татарских. Турецкие и татарские войска, входя в Украину, не должны строить там мечетей, разорять и грабить русских церквей или обращать их в мечети, не должны также грабить частные имущества, опустошать городов и брать в полон жителей, а кто станет так поступать, тот может быть убит. Это правило простирается также на волохов и молдаван, приходящих в Украину. Священники украинские должны зависеть от цареградского патриарха, а управляться митрополитом, утвержденным в своем достоинстве с согласия гетмана. Никто не может лишить гетмана его достоинства во всю его жизнь, а если какие-нибудь козаки начнут

устраивать сборища против него, то мы все будем стоять за него единодушно на противников. Русский народ разделился в различных странах, но все русские держат единую веру с греками не только в наших украинских странах, но и в иных пределах — в одну сторону от Киева на 12 миль к Перемышлю и Самбору, в другую — к реке Висле, в третью — к Минску, в четвертую — до Севска и Путивля; все — козаки: надеемся, что все с нами в согласии будут, и гетман потщится при помощи Божией с великим прилежанием сотворить так, чтоб их освободить от тех, которые держат их в рабстве, и все они не должны творить коварства и злобы против султана и татарского хана, а если те, что подчиняются полякам или Москве, понуждаемые своими государями, начнут делать зло людям, состоящим под турецкою властью, или сопротивляться ордам татарского хана, то мы обещаемся не иметь с ними никакой взаимности, но силою станем им противодействовать. Козаки не должны нападать на турецких подданных, живущих близ реки, именуемой Деркус, также и на тех, что живут близ реки Буга и поселены близ Сочавы. Так как наш народ не знает иного языка, кроме природного, то гетман просит, чтобы послы от Турции умели бы объясняться по-русски. Во время войны приходящие в Русь военные силы татарские не могут по своему желанию располагаться в селах и городах и брать что им вздумается, а должны жить в местах, им для того отведенных, и довольствоваться пищею и оброками, от гетмана дозволенными; точно так же и козаки, призванные на помощь султану, должны довольствоваться тем, что им соизволится. Если козак будет судиться с турком, то всякий из них отвечает перед своим старшиною, и подвергается казни по мере своего преступления. Турский султан и татарский хан без сношения с гетманом и с Войском Запорожским не должны заключать договоров с пограничными и близкими государями, особенно с польским королем и с московским царем; если же турецкий султан или татарский хан постаноят договор с козацкими неприятелями, или с кем бы то ни было, клонящийся ко вреду Войску Запорожскому, то гетман ни во что будет считать такой договор. Если Войско Запорожское с турецкою помощью овладеет каким-либо городом или местечком, то взятое жилое место останется под гетманскою областью, но не будет укреплено за Турциею и не должен в нем находиться турецкий гарнизон». Договор этот не ограничивался только тем, что непосредственно касалось Украины: козаки требовали кое-чего и для православной церкви в пределах Турецкой империи, именно, чтобы «сан цареградского патриарха приобретался по выбору собора из архиереев и клириков и каждый патриарх оставался ненарушимо в своем сане до кончины; всякий же из духовных лиц, дерзающий достигнуть патриаршества золотом или дарами, должен быть подвергнут казни». В обеспечение силы настоящего договора, в за-

ключении было сказано, что «если бы султан или хан не захотели принять настоящего договора в его подлинном смысле, либо умыслили сделать козаков своими подданными или данниками, либо стали изгонять по своему хотению гетмана и поставлять вместо него иного, или же разорять монастыри и церкви, строить мечети, перемещать митрополитов, выбирать с русского народа ядомые вещи, и также ячмень, овес, дрова и тому подобное и вообще позволять себе поступки, противные настоящим статьям, то гетман и Войско Запорожское станут промышленать о себе иным способом, не воюя, однако, против султанского величества и не поднимая рук против Турции неприятельским обычаем, разве будут к тому понуждены татарскими и турецкими военными действиями».

Трудно решить теперь, в какой степени подлинно это дошедшее до нас условие и имело ли силу в свое время: во всяком случае видно, что оно составлено было малороссиянами и для нас имеет то значение, чего в то время желали и искали для своего отечества люди, недовольные тогдашнею политическою судьбою Украины и метавшиеся в разные стороны, где только по их соображениям представлялась для них возможность осуществления заветных желаний политической самостоятельности.

В Москве, получивши эти данные от Демьяна Игнатовича, показали вообще довольство тогдашним малороссийским правлением левой стороны Днепра и отпустили на родину задержанных при Бруховецком малороссиян, исключая засланных далеко в Сибирь, но и последних обещали привезти оттуда и отпустить на родину. Не так легко исполнялось решение царя по челобитной о возвращении взятых орудий и церковной утвари: долго после того происходила переписка и подавались жалобы от гетмана то на того, то на другого воеводу за неотдачу присужденного к возвращению.

Союз Дорошенка с Турциею не избавил правобережного гетмана от соперника, которого продолжали поддерживать запорожцы, а им помогали крымские татары. Напрасно турецкие послы после корсунской рады посылали к хану увещания жить в союзе с Дорошенком. Хан не слушал их советов и не очень боялся гнева турецкого султана, особенно пока подданство Украины Турции еще окончательно не состоялось. Дорошенко, после корсунской рады, отправил от себя в Запорожье посланцев, но кошевой приказал их перевешать на вербах. Суховеев, потерпевши поражение от Серка, потерял было и свое гетманство, и свою силу, но 25 апреля 1669 года запорожцы на раде, бывшей над рекою Чертомлыком, избрали его снова гетманом. Из левобережных полков Гетманщины его еще держались полки Полтавский, Миргородский и Лубенский, а вместе с Суховеевком в Сече находился тогда и подружился с ним прилуцкий полковник Лазарь Горленко. В Прилуках произошла смута: — какой-то Ивашка Кошовый прогнал с полковничества

Горленка и сам стал полковником, но скоро потерял эту должность; его заменил Маценко, а Горленко, оставаясь у Суховеенка, через письмо уговаривал нового полковника признать гетманом Суховеенка; такие же увещания в полки Прилуцкий и Переяславский посылал и хан Адиль-Гирей. Полковник переяславский Дмитрашка Райча, недавно покоровшийся царю, опять стал мирволить Суховеенку и сноситься с ним. Таким образом, Демьян Игнатович увидел, что власть его умалется, и он попадает в перепальный огонь — и с Суховеенком и с Дорошенком приходится ему меряться, ратной царской силы он никак не мог выпросить и потому он прибегнул к дружелюбным сношениям с Суховеенком. Демьян письменно убеждал Суховеенка со всем запорожским товариществом отстать от союза с татарами и покориться православному монарху.

К счастью Демьяна, Суховеенко мало был расположен последовать таким советам, но он хотел все-таки прежде расправиться с Дорошенком: к нему, как к недавнему своему победителю, питал он более злобы. Сначала, после своего вторичного избрания, Суховеенко писал к Дорошенку, чтоб тот прибыл в Сечь, привез с собою гетманские знаки, отнятые у Бруховецкого, и подчинился воле Войска, которому надлежало ставить гетманов вольными голосами, а в случае сопротивления — грозил на Дорошенка идти войною с татарами.

Таким образом, Дорошенко опять ожидал против себя новых попыток со стороны Суховеенка, а в это время московское правительство опять прислало к нему просьбу — отпустить пленных воевод. Дорошенко отвечал, что давно сделал бы это, но не смеет без воли рады; жены, братья и дети тех малороссиян, которые засланы в отдаленные страны Московского Государства, беспрестанно осаждают его просьбами не отпускать великороссийских полоненников прежде чем не будут отпущены малороссияне. Из содержавшихся в Чигирине пленников он отпустил однако Приклонского, Огарева и Скуратова, отпустил тогда же женщин из семей взятых воевод и дочку Бруховецкого, но жены Ивана Мартыновича уже не было тогда в живых. В день Светлого Воскресения Дорошенко приказал расковать и других пленников, позволил им ходить по воле; но некоторые почему-то остались в тюрьме, и в том числе сестра Бруховецкого. В мае прислана к нему новая царская грамота с прежнею просьбою, но и на этот раз не исполнил Дорошенко воли Москвы, напротив, подсылал еще агентов на левую сторону Днепра волновать народные страсти. Два охотничьих козацких отряда переправились тогда за Днепр, один под команду бывшего Лубенского полковника Григория Гамалеи, другой — Манжоса, носившего название дорошенкова асаула. Они пытались взять Лубны и убеждали лубенцев принять к себе, по-прежнему, полковником Гамалею. Лубенцы отказались, отвечавши: «Дорошенко присягал на верность турскому султану, надевал присланный от султана каф-

тан и целовал султанскую грамоту, и Гамалея делал то же с ним вместе. Не хотим его!» Избранный лубенцами в полковники Филипп Плиса прислал к Многогрешному объявить, что он с своим полком отдается в верность великому государю, но то была, как увидим, только уловка. Полтавский полковник Кублицкий также склонился было к покорности царю, но через несколько дней сменил его Филон Горкуша и отозвался к Демьяну враждебно и резко. Миргородский полковник Гладченко остался в упорстве, подчиняясь Дорошенку. Но миргородцы и полтавцы, стоя враждебно к Многогрешному, держались Суховеенка, а не Дорошенка.

В управлении Киева произошла перемена. Шереметева отозвали, а место его заступил князь Григорий Козловский. Новый воевода представлял в Приказ, что в Киеве ратных сил немного, между тем наступает срок, когда по Андрусовскому договору приходилось отдавать Киев полякам, и есть опасение, что со стороны Польши произойдет попытка захватить его. Тучи все более и более сгущались над Малороссиєю. Тревожились тогда и царские воеводы, находившиеся в малороссийских городах, а царские ратные люди то и дело, что бежали со службы. Воеводы боялись, что не с кем будет защищаться, если нападут враги. Все это были обстоятельства, не содействовавшие ни успокоению Малороссии, ни усилению власти гетмана Демьяна Игнатовича.

VI

Дорошенко отпускает пленных царских воевод. — Суховеенко с запорожцами и крымскими татарами идет на Дорошенка. — Рада под Уманью. — Суховеенко отставлен от гетманства. — Уманский полковник Ханенко провозглашен гетманом. — Ханенко с крымцами осаждает Дорошенка. — Турецкое посольство. — Вручение знаков гетманского достоинства Дорошенку. — Султанская грамота. — Договор между Дорошенком и Ханенком. — Ханенко вторично осаждает Дорошенка в Стеблове. — Серко выручает Дорошенка. — Отступление Ханенка и Суховеенка в Сечь. — Татары отправляют Юраска Хмельницкого в Константинополь. — Дорошенко подчиняет себе Умань. — Дела Дорошенковой партии на левой стороне. — Успехи Многогрешного. — Ссора с сумским полковником. — Тревога гетмана Многогрешного по поводу одного письма. — Царь успокаивает гетмана. — Ведомость о городах, не признающих царской власти в левобережной Украине. — Пасха 1670 года. — Советы полковников с гетманом. — Упадок народного благосостояния и культуры в Малороссии.

Уже много раз, как мы видели, посылало московское правительство гонцов к Дорошенку добиваться от него отпуска содержавшихся в неволе воевод. В июле 1669 года с тою же целью

приехал к нему гонцом стрелецкий голова Шилов. Гетман сказал ему: «государь отпустил из неволи моего брата Григория, и я после того отпустил уже до ста человек великороссийских полоненников, других же до сих пор не отпустил, — но это сделалось не по моему хотению, а по слезному челобитию жен и детей тех малороссиян, которые оставались в неволе в Московском государстве; теперь же, по желанию великого государя, отпущу их всех». Дорошенко тотчас велел расковать трех человек и отдал Шилову, а затем, отпуская Шилова, отправил вместе с ним в Киев Федора Коробку, который привез туда 27 человек пленных служилых великороссиян и 9 боярских людей. Это сделалось в то время, как татары, помогавшие Суховеенку, подходили к Чигирину.

Таким образом в другой раз Дорошенко старался показать угодливость московскому государю именно в ту пору, когда ему самому угрожали соперники. Отпустивши воевод, Дорошенко выходил против татар на бой, но должен был воротиться, не сладивши с татарскими силами. Дорошенко отступил на реку Расава. Там на него наступил и сам Суховеенко с запорожцами. В это время Суховеенко считал себя сильнее своего соперника: за него было все Запорожье; на левой стороне Днепра держались его полки: Полтавский, Миргородский и Лубенский, недавно поклонившийся царю, но снова перешедший к Суховеенку. Более всего ободряла Суховеенка уверенность, что значительная часть правобережного козачества отступит от Дорошенка и перейдет к нему, потому что дружба Дорошенка с турками возбуждала уже ропот между подчиненными. «Без соизволения всего Войска, добываючись себе панства, вывравляючи себе у турок вечное гетманство, он отдает Украину в подданство царю бусурманскому. Как не заболит от того сердце у всякого, кто родился в вере христианской!» Так роптали тогда правобережные малороссияне. В то самое время, как Суховеенко шел на Дорошенка, последний дожидал из Турции от султана великого посла, который должен был привезти ему от падишаха знаки власти над Украиною: булаву, бунчук (по-турецки: алимтуа) и знамя, или санжак; но посольство турецкое не могло скоро и удобно пройти к Дорошенку и остановилось в Цекуновке за Днестром. Полки Чигиринский, Черкасский, Белоцерковский и Каневский были с Дорошенком; другие правобережные полки, именно: Уманский, Кальницкий, Павлоцкий и Корсунский, передались к Суховеенку и козаки этих полков требовали, чтобы снова устроить избрание гетмана вольными голосами, вместо Дорошенка, которого требовали признать отступником. Масса козачества потянула Суховеенка к Умань, там положили составить раду. На этой раде козаки принудили самого Суховеенка снять с себя гетманство, так как и на него оно возложено было так же неправильно, как на Дорошенка. Суховеенко

положил свою булаву, быть может, надеясь опять принять ее по избранию. Был на этой раде и жалкий Юраско Хмельницкий, уже снявший с себя монашеский чин. Неизвестно, искал ли он теперь возможности возвратить себе давно уже потерянное гетманство, или, как говорит одно известие, только домогался воротить себе отцовские маестности и skarбы. Но булава досталась, по избранию рады, не ему и не Суховеенку, а уманскому полковнику Михайлу Ханенку. Избранный вместо Суховеенка, Ханенко присягнул Войску «за вольности стояти и оплакannую отчизну, сколько Бог помочи подаст, обороняти».

Вслед затем новоизбранный гетман Ханенко 13 июля писал к гетману Многогрешному и к переяславскому полковнику Дмитрашке Райчу, прося оказать ему содействие против Дорошенка.

Но у Дорошенка оставалось еще столько козацких сил, что он не думал подчиняться Уманской раде. И на левой стороне Днепра у него дела шли еще не совсем дурно. Дорошенко из своего стана на реке Расаве двинулся к Каневу, но на переправе через Рось, у села Кононти был застигнут ордою и оставался в осаде недель пять, пока турецкие послы, шедшие к нему и задержавшиеся у Днестра, не послали приказания крымским салтанам от имени турецкого падишаха, чтоб они не тревожили Дорошенка. По этому приказанию салтаны, помогавшие противной стороне, отвели татар, и освобожденный Дорошенко двинулся к Умани, призывая к повиновению себе козаков. Когда он дошел до Умани, прибыл туда и турецкий посол Канаджи-паша; он вручил Дорошенку знаки власти, присланные от султана: булаву, знамя, бунчук и саблю, оправленную дорогими камнями. Султанская грамота, присланная ему, гласила так: «Нам Бог повелел творить милость всем толкущим в дом отцов, дедов и прадедов наших. Вы били нам челом, что Войско Запорожское на той и на сей стороне Днепра, по совету всех старшин и черни, уполномочило тебя, старшего своего гетмана Дорошенка, чтоб ты заявил нам, что обе стороны Днепра желают быть у нас в подданстве и служить мне готовы, как служат мне господари, волохи и мультане, православные христиане, а я бы всех в милости держал и оборонял. Посылаю вам бунчук и знамя не на знак подданства, а токмо на знак приятства и на страх нашим неприятелям. Приняв я вас и всех людей для того, чтоб земля ваша пребывала в тишине и никто ее не опустошал. Петр Дорошенко должен присягу свою сдержать, слова своего не нарушить и мне по правде служить, а я его со всем Войском, старшиною и чернью, со всеми городам ли и землями истинно, как своих, заступать буду. Не хочу от вас никаких податей и работ и даяний; дарую вас всякими вольностями, при которых будете оставаться без нарушений, только с тем, чтобы, когда мне войско потребно будет, вы с гетманом

своим шли, куда будет указано. Хана крымского и татар буджакских и ногайских, и пашей, и господарей, и всех слуг моих не бойтесь! Хан крымский с своим войском — мой слуга, и Петр Дорошенко с Запорожским Войском тоже мой слуга: пусть оба меж собою крепкое братство имеют! Пусть Дорошенко брата своего в Крым пошлет, а хан крымский ему даст знатных аманатов. Хан крымский до Войска Запорожского никакого спорного дела иметь не может. Войско Запорожское должно прислать к нам резидента. Если ненарушимо уговор свой додержите, всем вам и земле вашей буду обороною, всех вас под крыле свои приемлю. Что я говорил, слова своего не нарушу».

По приказанию турецкого посла, орды, бывшие яри Суховеенке и Ханенке, ушли в Крым, а уманцы, отклоняя желание Дорошенка войти с войском в город Умань, устроили между Ханенком и Дорошенком такой договор: Ханенко обязывался прибыть в Чигирин на раду, которая должна была собраться с тем, чтобы разрешить спор между двумя претендентами.

Дорошенко отошел от Умани. Но Ханенко не думал подчиняться приговору, предложенному уманцами, и являться в Чигирин на суд с Дорошенком. Он ушел на Запорожье, а оттуда махнул в Крым добывать себе снова помощи против Дорошенка.

Легко склонил он татарских салтанов и мурз, которые не очень боялись султанского запрещения.

И скоро опять с татарами явился он в Украину; с ним был и Юраско Хмельницкий. Но Дорошенко, кроме козаков, имел у себя татар Белгородской орды, присланных силистрийским пашою. Враги встретились под Стебловым. Произошел бой. Дорошенко не выдержал и заперся в Стеблове, тогда вдруг является на выручку ему непримиримый и неутомимый враг крымцев Серко; он пришел со свежеею Белгородскою ордою, прогнал осаждающих из-под Стеблова и освободил Дорошенка. После того Дорошенко и Серко преследовали врагов своих до Умани; Ханенко и Суховеенко успели уйти в Сечу, а Юраска Хмельницкого поймали белгородские татары и отправили, как военнопленного, в Константинополь; там падишах приказал посадить его в *едикуль* (семибашенный замо́к).

Взявши Умань под свою власть, Дорошенко расставил на становища своих союзников, белгородских татар, а сам обратился к Каневу, дал своему войску отдых на две недели и объявил, что намерен двинуться с своими козаками и белгородскими татарами на левый берег Днепра.

Дорошенко, однако, не явился лично сам на левой стороне, а послал снерва до тысячи человек белгородских татар и 500 козаков, приказавши им идти к Ромну на помощь Гамалее и Манжосу, потом вслед за ними — новые силы под предводительством

Дорошенкова наказного гетмана Корицкого; с Корицким были: брат Дорошенка Андрей, поднестранинский полковник Гоголь и Богун, как кажется, сын знаменитого Богуна, казненного под Глуховом. Они успели одержать верх над высланными против них Демьяном отрядами. Многогрешный, опасаясь нашествия большой силы от Дорошенка, просил царя, чтобы указал боярину Ромодановскому помогать ему; но просимого войска Демьян не дождался и, жалуясь на медленность и неповоротливость великороссийских воевод, по необходимости должен был отважиться идти против неприятеля собственными малороссийскими силами. Он собрал все городские полки, бывшие у него в повиновении: Нежинский, Прилуцкий, Черниговский, Стародубский и Переяславский, да сборный пехотный полк наемного войска под начальством Мурашки. С этими силами пришел он в местечко Чернухи¹; там встретили Демьяна Игнатовича с хлебом и солью. Затем сдались ему местечки Курянка² и Городище³. Гетман пошел к Лохвице: в пяти верстах от нее встретились шедшие к Ромну дорошенковы предводители Корицкий, Гоголь и Гамалея с козаками полков: Миргородского, Полтавского и Лубенского, и с тремя тысячами белгородских татар. Они вступили в бой; одолел Демьян Игнатович, благополучно достиг до Ромна, и роменцы добровольно сдались ему. Гетман хотел идти брать другие непокорные царю городки, но войско его терпело недостаток: край был сильно опустошен; козаки заволновались, и Демьян Игнатович принужден был распустить их. Товарищ Ромодановского пришел тогда, когда уже козацкое войско было распущено; тем не менее, узнавши о прибытии царских сил, Корицкий и Гоголь с своими отрядами вернулись за Днепр.

До полного торжества Демьяну Игнатовичу было еще далеко. В этом походе ему удалось взять несколько городков; но в Лубенском и Переяславском полках большая часть городков и местечек упорно держалась Дорошенка, и в том числе сотенные городки Пирятин и Золотоноша не внимали увещаниям Демьяна и Дмитрашки Райча. У Многогрешного были и неоткрытые недоброжелатели. Сумский полковник Герасим Кондратьев был один из таких. Демьян Игнатович жаловался, что этот полковник хочет быть сам гетманом и роет под Демьяном яму, переписываясь с враждебными полковниками. Не слишком надежной крепостью считали малороссыяне для Демьяна Игнатовича и временное благорасположение Москвы; Дорошенко, услышавши, что Демьян надеется на московские силы, говорил: ну, плоха надежда, москов-

¹ Мест. Лохвицкого уезда, при р. Многе.

² Деревня Лохвицк. уезда, при р. Удае.

³ Мест. Лохвицк. уезда, при рр. Многе и Удае.

ские люди обманчивы; сегодня Ромен возьмут, завтра Миргород, а там Полтаву, а потом Демьяна им не нужно будет и они его с гетманства сгонят.

Дорошенко хоть и воевал с Многогрешным, но в то же время вел с ним и переписку; Дорошенковы сношения с Турцией и присяга на подданство турецкому султану были уже повсеместно известны, а Дорошенко все-таки старался от малороссиян укрыть их, до поры до времени, и в письме к Многогрешному делал ему упреки за то, что он верит дурным слухам, которые распускают о Дорошенке враги. «Не обрящется, — писал он, — того никогда, чтоб я любезную отчизну Украину турецкому царю в подданство имел продавать, и в мысли моей того никогда не бывало». Сеперник Дорошенка Ханенко всеми способами подделывался в дружбе к Демьяну, лишь бы его побудить вместе с собою воевать против Дорошенка. Но Демьян Игнатович в своих отписках, посылаемых в Приказ, сообщая об этом, присовокуплял от себя такое мнение, что лучше оборонять свой собственный край, чем вмешиваться в дела, происходящие в землях Речи Посполитой. В Москве это понравилось, потому что сходилось с основными взглядами тогдашней московской политики, и царь в своем письме к Многогрешному (20 ноября) указывал не подавать помощи Ханенку, а только охранять спокойствие левой стороны Днепра.

В декабре 1669 года гетмана Многогрешного встревожило следующее обстоятельство. Из комиссии полномочных послов, собравшихся по поводу установления границы между Россией и Польшею по силе Андрусовского договора, ехал через Малороссию прапорщик Фаддей с каким-то поляком; везли они письмо к Дорошенку и на пути заезжали к архиепископу Лазарю и к гетману Демьяну; они сказали им, что в Киеве будет комиссия и козаки должны будут подать челобития королевскому величеству о своих делах. Гетман Многогрешный, человек горячего права, принял слова эти с гневом: «для чего, говорил он, едете вы через державу его царского величества и везете письмо к Дорошенку, а мне письма от полномочных послов с вами нет: Дорошенко в письме к нему наименован гетманом обеих сторон Днепра, меня же гетманом не именуют, а хотят, чтоб мы ехали с челобитьем к королю». Демьян Игнатович до того вспылал, что даже хватался за саблю и кричал: «никогда этого не будет! Не зарекаемся класть свои сабли на польские шеи, как и прежде бывало! Один раз с Войском Запорожским я присягу учинил царскому величеству, и за него, великого государя, мы все умирать готовы, а к польскому королю ездить нам незачем!»

Посланцы были отпущены и, едуци по городам, оставляли списки призывания малороссиян к участию в комиссии. Полномочные послы — польский Ян Гнинский и царский Ордын-Нащокин с

товарищами — приглашали духовных и мирских людей Украины послать к ним для совета депутатов, выбравши благоразумных особ, чтобы Украина никуда к чужим не склонялась. К гетману Дорошенку посылалась особая отписка в таком смысле: «хотя ходят слухи, будто гетман Дорошенко, усомнившись в милости и любви христианских государей, склоняется к иноверной обороне, однако этому слуху мы не верим и думаем, что не найдется такого нечестивого христианина, чтоб мог душу свою, искупленную кровью Христовою, добровольно продавать неприятелям креста святого. Великий государь, его королевское величество и Речь Посполитая Короны польской и Великого Княжества Литовского всем козакам, по обеим сторонам Днепра живущим, вины их прощает с тем, чтоб козаки, за обвещением обоих великих государей, короля польского и царя московского, или которого-нибудь из них, принявши благодарно сию милость и благодаяние, отлучались от неприятелей святого креста, не держали с ними никакого совета и более с ними не смели соединяться, а прислали бы к его королевскому величеству своих послов с изъявлением послушания». Это писание, действительно выраженное неясно и сбивчиво, привело в большое смущение гетмана Демьяна. Увидевшись с архиепископом Лазарем, он говорил: «я учинен гетманом в царской отчине, а ныне без моего ведома идут через царскую отчину грамоты, да еще указуют путь всем козакам к королевскому величеству! Да нам-то какой путь может быть к королю, наравне с козаками той стороны? Мы ведь добровольно избрали себе государя царя православного; если и согрешихом на небо и пред ним, так он же, свет-государь, простил нас. Что же, разве нас государь отдает ляхам? Да ведь с ними у нас многолетняя брань была: выгнали мы из Украины от себя ляхов, доброхотно отдали Украину православному монарху и хотим жить при вольностях наших и умирать за достоинство его царского пресветлого величества. Ты, святитель, обещал нам, что царь будет нас защищать от неприятелей, а нас как защищают? Татарские орды отчину царскую разорять начали, я целое лето не допросился у великого государя помощи; теперь же царь нас отдает королю!

Архиепископ Лазарь, сообщая в Москву (30-го ноября) об этой беседе с Многогрешным, указывал, что действительно ехавшие люди, оставляя списки приглашения людей духовного и мирского чина, подали тем повод народу бояться, что царь отдаст левобережную Украину Польше». Дело для Демьяна Игнатовича объяснилось не ранее, как царскою грамотою, писанною 27-го декабря. В ней было сказано, что если в листах польских, назначенных к Дорошенку, не упоминалось о гетмане Демьяне Игнатовиче, то это потому, что гетман Демьян Игнатович, со всем Войском Запорожским, великому государю служит верно и ни-

какого «случения» с бусурманами не имеет, отводить его не от кого; что было писано о депутатах с челобитною к королю, то относилось к правой стороне Днепра. Посланцу Лазаря Барановича игумену Ширкевичу в присутствии царя было прочитано, что за милосердием Божиим Украину левой стороны Днепра никто из-под царской высокой руки исхитить не может и в том бы он, гетман, был надежен.

Царь потребовал от гетмана Демьяна Игнатовича составить ведомость об убытках, причиненных от Дорошенка левобережной Украине, и известить, какие города держатся еще его власти в полках Лубенском, Миргородском и Полтавском. Демьян Игнатович отвечал, что выше сил человеческих будет изложить в точности все сожженное и перечислить людей, захваченных в бусурманскую неволю во время Дорошенкова нашествия: выйдет убытка на несколько десятков миллионов. Города же 1670 года, состоявшие во власти Дорошенка, были: 1) Лубенского полка — Лубны, Пирятин, Сенча, Лохвица, Яблонов, Лукомля, Ярошин, а из того же полка отдались государю города: Городище, Курянка, Чернуха, Глинск, Ромен и Смелая; 2) в Полтавском полку во власти его состояли: Полтава, Зеньков, Лютянка, Коваленка, Бурки, Барановка, Шишак, Яреска, Богачка, Белоцерковка, Балаклея, Опошня, Решетилровка, Санжаровы Старый и Новый, Кишенка, Переволочна, Кобыляки; 3) в Миргородском — Гадяч, Рашевка, Комышная, Сорочинцы, Уцтивица, Миргород и Хорол; сверх того — города, лежащие на левой стороне Днепра, но приписанные к правобережным полкам, к Чигиринскому: Остапья, Голтва, Манжалейка, Омельник, Поток, Кереберда, Кременчуг, Чигирин-Дуброва, Веремеевка; к Черкасскому — Ирклев, Крапивна, Золотоноша, Домонтов, Песчаная, и к Каневскому — Богушева-Слободка и Бубнов.

По этим известиям видно, что гетманская власть Многогрешного далеко не простиралась на всю левобережную Украину, да и там, где ее признавали, она не была до того тверда, чтоб удерживать народ в спокойствии. В январе 1670 года подьячий Михайло Савин, едучи из Новгород-Северского к Батурину, видел, как толпы людей из разных городов бежали в страхе, покинувши свои дома и имущества; одни стремились скрываться в укрепленных городах «в осаду», другие собирались переселяться в великорусские города. «Мы пропали, — кричали они, — царь нас хочет выдать польскому королю! Если так станется, — говорили смелейшие, — мы станем с поляками биться, не щадя голов своих. — Нет, — кричали другие, — чем подальше от беды, тем лучше, хоть бы на край света забежать». Везде только о том и толковали, что не сегодня-завтра возьмут ляхи Киев и рассыпятся по всему краю. «Все православные, — писал Лазарь Баранович

в Москву, — плачут горько и мнутся от этого слуха. Сжался, государь, над кровью своею, над своим искони вечным отечеством! Ведь правоверные великие князья киевские, начиная с равноапостольного Владимира — твои предки, кровь твоего пресветлого величества! Не отпуская же собственности своей, вещего града Кива, в иноверные руки на вечное поношение и жалость всего православного христианского народа».

В области управления гетмана Демьяна господствовала неурядица. Когда в Светлое Воскресение 1670 года, по обычаю, полковники съехались в Батурин, двое из полковников не явились к гетману, а явившихся упрекал Демьян, что замечает в них мало к себе расположения. Он им говорил тогда такую речь: «Вести ко мне доходят, что во всех городах меня козаки мало любят; а если вправду так, что не любят меня, так пусть бьют челом великому государю об избрании нового гетмана. Я уступлю войсковые клейноты тому, кого выберете; пока же я буду гетман, то буду укрощать своевольников сколько мочи моей станет; на том я великому государю присягал: не таков я, как изменник Бруховецкий, что как Иуда Христа предал; так он великому государю изменил. Я же обещался за государя помереть, и вперед пусть слава такова будет на род мой!»

Дмитрашка Райча, ударив по столу, с жаром произнес: «Полно уж нам таких гетманов *обирать*, чтоб из-за них кровь христианская лилась. Будем себе единого государя иметь неотступно, а своевольников станем укрощать».

Все положили на общем совете не склоняться ни на какие неприятельские прельщения, упорно стоять против каждого неприятеля и во всем быть послушным гетману.

Все это, однако, не оказывалось вполне искренним. 19-го апреля, на другой день после рады, на которой был дан гетману обет в послушании, один гетманский челядник сказал великороссийскому подьячему, бывшему тогда гонцом: «только переяславский полковник, да стародубский Петр Рославченко с гетманом заодно служат государю, а прочие — так и сяк».

Полтавского и Миргородского полков козаки, увлекаемые в одну сторону универсалами Дорошенка, в другую — универсалами Многогрешного, все еще сами не знали, к кому им пристать. Они находились в беспрестанном сношении с козаками других полков и повсюду распространяли дух непостоянства; не менее их оказывали на народ влияние запорожцы, которые шатались повсюду и учили всех никому не повиноваться.

Край малороссийский все больше и больше приходил в упадок от нескончаемых междоусобий и татарских нашествий; селения пустели, жители во множестве переселялись в слободские полки и вообще в царские земли»; обнищало хозяйство остававшихся

на родине отцов и дедов. Недавно было еще то время, когда поляки называли Украину плодородным Египтом, когда даже и после тяжелых и кровавых войн Богдана Хмельницкого, проезжавший по Украине араб Павел, архидиакон патриарха Макария, следовал от подольских границ до Киева посреди потонувших в садах и пасаках хуторов и хлебных гумен, а приехавши в лавру, был угощаем вином, добываемым из собственных виноградников; теперь царь Алексей Михайлович пытался добыть из Малороссии строителей виноградников и овощных садов и посылал затем в Печерскую лавру, так как в ее волостях этого рода хозяйство давно уже приобрело славу. Иннокентий Гизель отвечал ему: «таковых строителей не только во всей святой лавре ныне не стало, но и на иных местах в наших странах нет, за различными злыми мятежами здешними и многими обидами и сполохами, для чего и наши винограды запустевают». Упало тогда и духовное просвещение, так озарившее русскую церковь из Киева. Киево-Братский монастырь с его коллегией, по свидетельству того же Иннокентия, пришел в крайний упадок: церкви его были сожжены, братия бродила, нуждаясь в пище и в одежде; учителя и проповедники слова Божия, пребывая «алчными и хладными», не могли вести своего доброго дела. Иннокентий просил для них царской милости, и царь Алексей Михайлович обещал подавать им пособие. Из всех вотчин Братского монастыря оставалась одна деревня на Днепре, дар Петра Могилы, но и та была разорена. И другие киевские монастыри: Межигорский и Выдубицкий находились в нужде и просили пособий от благочестивого царя.

VII

Многие городки левобережной Украины сдаются Многогрешному. — Вопрос о резиденции гетмана в левобережной Украине. — Полтавский полковник присягает царю. — Подозрение Демьяна на Ханенка. — Романовский выправляет у константинопольского патриарха неблагословенную грамоту против Демьяна. — Царь успокаивает Демьяна и ходатайствует за него пред патриархом. — Посольство Дорошенка в Польшу. — Проект примирения с поляками. — Острожская комиссия. — Ханенко принимает польские условия и признается гетманом от Речи Посполитой.

Беспокойства, угрожавшие власти Дорошенка на правом берегу Днепра, снова побудили его отложить намерение подчинить себе левобережную Украину. Он вызвал с левой стороны Днепра и своих козаков, и присланную ему от силестрийского паши белгородскую орду. Но едва только вышли с левой стороны дорошенковы козаки и татары, городки, прежде державшиеся Дорошенка, стали сдаваться Многогрешному и присягать на подданство мос-

ковскому государю. Так поступили гадячане, рашевцы, лохвичане, лубенцы, сорочанчане, бурченцы, лютенчане, сенчане, лукомляне, оржичане, боромцы, пирятинцы. Их посланцы перед святым евангелием произнесли присягу и целовали крест на верное и неотступное подданство законному государю в батуринской церкви св. Николая, и об этом известил гетман царя через генерального асаула Гвинтовку, в начале 1670 года.

Весною того же года городки левобережной Украины продолжали один за другим сдаваться Демьяну, и в половине апреля он извещал царя, что уже почти вся левобережная страна склонилась в подданство великому государю; он просил указать, где ему иметь гетманскую резиденцию, в Гадяче ли, где она была при Бруховецком, или в Батурине, где находился тогда Демьян сам. Гетман также просил прислать московских стрельцов, которые бы находились при нем безотлучно для оберегания гетманской особы, потому что иначе, при непостоянстве и шатости малороссийского народа, он не может быть безопасен. 2-го мая на эту челобитную последовал царский указ, что гетман может жить, где пожелает, но лучше было бы, если бы он остался в Батурине. С тех пор Батурин стал постоянною резиденциею гетмана, что и продолжалось вплоть до измены Мазепы. На просьбу Демьяна послали ему приказ московских стрельцов под начальством Колупанова, с тем, что Многогрешный обязан был давать им содержание. С той поры вошло в обычай посылать гетману великороссийских стрельцов для составления около него отряда телохранителей: это было подручно московской политике, потому что стрелецкие начальники вместе с тем могли и надсматривать над поведением гетмана. В конце мая и полтавский полковник Федор Жученко, недавно избранный, принес от имени полка своего присягу царю на верность в батуринской церкви св. Николая.

Несмотря на успехи, гетман должен был постоянно опасаться и явных, и тайных врагов. Беспokoил Многогрешного Ханенко тем, что, живучи в Сече, именовался гетманом Войска Запорожского и посылал своего посланца, запорожца Степана Обиду, в Москву с уверением, что ему удалось вынудить у крымского хана, как у союзника запорожцев, обещание быть готовым на войну против царских недругов. В Москве приняли это посольство милостиво. Ханенковы известия имели вид правды, потому что царский гонец Порсуков, посланный в Турцию, сообщал, что крымский царь Адиль-Гирей объявил турецкому султану: готов он с своей стороны заключить с московским государем мир и освободить Шереметева и других московских пленников, содержащихся в Крыму, пусть только московский царь обяжется платить хану ежегодную дань. Многогрешный опасался, чтоб Ханенко таким образом не оказал Москве важных услуг,

через то не подделался бы в милость и потом не свергнул бы Демьяна с гетманства.

Но чувствительнее его поразила интрига, подведенная против него в Константинополе. После избрания Многогрешного в гетманы, Роман Ракушка, бывший при Бруховецком войсковым дозорщиком в Нежине, ушел на правый берег Днепра, подделался к митрополиту Иосифу и был поставлен от него в священнический сан. Отправился он после того в Царьград с рекомендациею митрополита, явился к цареградскому патриарху Мефодию в сане брацлавского протопопа, под именем Романовского, жаловался на гетмана Демьяна; что тот ограбил его — завладел его домом в местечке Погаре. Какими-то путями Романовский вкрался в доверие патриарха Мефодия до того, что выхлопотал от его имени неблагословенную грамоту на Многогрешного. Он прислал один список ее прямо гетману нарочно, чтоб раздражить его; вместе с тем послал он в Украину разным лицам еще несколько списков той же грамоты, все для того, чтоб возбудить о гетмане дурную молву в народе. Гетман через протопопа Адамовича, ездившего в Москву в июле месяце, просил у государя ходатайства пред патриархом о снятии с него неблагословения. Вместе с тем Демьян Игнатович просил государя не верить, если бы Дорошенко, Сухоვენко, Ханенко или сумский полковник Кондратьев, его враги, стали писать, что он, гетман, царю не верен. Гетман умолял охранять его царскими ратными людьми, когда бы в Малороссии дошло дело до открытой вражды к нему и, в крайнем случае, просил даровать ему убежище в великороссийском крае, а не выдавать его головою врагам. От царя последовал такой ответ: «вы людским ссорам не верьте, а если бы кто гетмана Демьяна Игнатовича похотел оболговати, то я тому верить не буду, и всякие листы о том, откуда бы они были присланы, укажу скорыми гонцы к нему, гетману, отсылать, потому что я знаю, что гетман мне верен, и архиепископ Лазарь, благочестивый и ученый человек, мне также верен». По поводу неблагословенной грамоты патриаршей послана была к патриарху Мефодию грамота от царя Алексея Михайловича. В ней объяснялось, что Романовский обвинял Многогрешного неправильно: Демьян Игнатович не грабил его и дома у него в Погаре не отнимал, а потерял Романовский свое достояние в то смутное время, когда малороссийские жители, с подущения изменника Бруховецкого, произвели междоусобие, избивали и изгоняли великороссийских воевод и ратных людей. Царь Алексей Михайлович просил патриарха снять с гетмана Демьяна неосмотрительно наложенную клятву и вперед по изветам подобного рода ни на кого из его подданных не налагать клятвы.

Между тем в Польше прекратилось междуцарствие. Избирательный сейм, на который и Дорошенко посылал послов с тре-

бованиями, возвел преемником отрекшемуся от престола Яну-Казимиру Михаила Вишневецкого, сына знаменитого Иеремии. Ханенко искал сближения с Польшею, надеясь получить там опору против Дорошенка. Польша находилась тогда в примирении с Москвою, и между обеими державами, казалось, все более и более укреплялись дружеские отношения. Таким образом, Ханенко, опираясь разом на покровительство Польши и Москвы, мог тогда иметь большие надежды и сделаться опасным Дорошенку. Сообразив это, Дорошенко рассчитал, что ему до поры до времени не удастся рассорить Москву с Польшею, а потому не следует еще разрывать окончательно связи с Польшею. Не прекращал он сношений и с Турциею и отправил к турецкому государю послами Белогруда и Портянку и чрез них повторял уверения в желании склониться под высокую руку турецкого монарха; но разом отправил он и в Польшу послами Петрановского и Тарасенка с проектом примирения Войска Запорожского с Польшею. Коронный гетман Собеский известил Дорошенка, что по этому вопросу назначенная комиссия будет отправляться в Остроге; пусть гетман Дорошенко снарядит туда своих депутатов. Дорошенко назначил на эту комиссию генерального писаря Вуховича и бывшего генерального судью Гапоновича. Первым делом этих посланцев, по научению Дорошенка, было потребовать у гетмана Собеского от поляков для козаков «заставы», т. е. заложников безопасности козацких послов.

«Вы, — отвечал Собеский, — сноситесь и с царем московским, и с турецким султаном, и с крымским ханом, и от них заставы не требуете, отчего же своему наследственному монарху не верить?»

Но Дорошенко требовал заложников потому, что ему выгодно было тянуть время. Он требовал, чтоб этими заложниками были гнезненский архиепископ и иные самые знатные особы; поляки не соглашались, а Дорошенко без заложников не отпускал своих послов на комиссию. Наконец, порешили начать переговоры письменно, и Дорошенко послал проект договора, какой мог по его видам состояться на комиссии. Проект этот был им подписан 10-го мая 1670 года. Это собственно наказ назначенным от гетмана козацким комиссарам Вуховичу и Гапоновичу. Из него видно, что Дорошенко, некогда сподвижник и соумышленник Выговского, и теперь держался основ, создавших в оное время неудачный Гадячский договор; только опыт прошедших после того лет положил на них свой отпечаток. Свобода православной веры обозначена здесь еще определительнее и шире, чем прежде. Православная вера должна была пользоваться правом свободного управления своих обрядов совершенно в одинаковой степени с римско-католическою на всем пространстве, куда только простирается

русский язык, как в Короне Польской, так и в Великом Княжестве Литовском; уния совершенно уничтожается: все церкви и монастыри, бывшие во владении унитов, должны быть возвращены православию со всеми записанными за ними маестностями; никто, ни из духовных, ни из мирских владельцев, не смеет строить ни в своих дедичных маестностях, ни в королевщинах уніатских церквей; митрополит киевский, непременно избранный духовным и мирским чином и утвержденный гетманом, занимает место в сенате после римско-католического архиепископа львовского, а с ним заседают также пять православных епископов. В киевском воеводстве все сановники и должностные лица непременно должны быть православного исповедания, а в брацлавском и черниговском воеводствах на перемену с католиками, так что по кончине лица, принадлежащего к одной из двух вер, на оставшееся после него вакантное место определяется лицо, исповедующее другую веру. Во всех местах Короны и Великого Княжества ни шляхте, ни мешчанам православная вера не может быть препятствием к получению должностей. Киевская академия должна иметь такие же права, какие имеет краковская, и в Киеве не дозволяется заводить иезуитских училищ; другую такую же академию надлежит основать в Могилеве или в другом месте, смотря по удобству с правами, равными киевской; затем свободно дозволять заводить повсюду школы и типографии. Объявить полную амнистию по поводу бывших междоусобий и уничтожить силу всех документов, составленных во вред кому бы то ни было за участие в восстании против Польши вместе с козаками. В воеводствах киевском, брацлавском и черниговском дозволять жить козакам, как в королевских и в духовных, так в дедичных шляхетных маестностях, пользуясь правом собственности на поля, дома, хуторы, мельницы и прочие угодья, а также правом винокурения, пиво- и медоварения, без всякого препятствия со стороны старост и панов. Войско Запорожское требует обозначения границ Украины от прочих земель Речи Посполитой в трех вышеуказанных воеводствах, где будут распределены полки: Киевский, Паволоцкий, Брацлавский, Уманский, Кальницкий, Подольский и Тарговицкий, так же как и стародавние козацкие полки Чигиринский, Черкасский, Каневский и Белоцерковский. В поветах, где жить будут козаки, не только коронные войска не могут править с жителей никаких сборов, но и владельцы наследственных имений не будут иметь права въезжать в свое имение и присылать своих доверенных слуг, но будут получать раз в год через своих высельных подати, надлежащие им от поспольства по общему договору и постановлению, ибо иначе паны стали бы делать насилия козакам, и не устоял бы мир. Все козацкие имущества должны быть свободны от поборов податей, какие вперед будут налагаться на ук-

раинское поспольство, а сами козаки ни от кого не могут зависеть, кроме своего гетмана и лиц, от него назначенных. От мыт и перевозов по дорогам и переправам козаки должны быть свободны. Коронные войска, являясь в Украину по требованию гетмана для помощи против неприятеля, должны находиться под начальством гетмана запорожского и без его ведома не смеют пребывать в Украине. По воле и по назначению гетмана будет набираться еще войско охочее — конное и пешее, и содержаться с королевских и дедичных маетностей. На гетманскую булаву дается чигиринское старство и Терехтемиров с тамошним монастырем, а на гармоту — старства лисянское, корсунское и богуславское; генеральным же и полковым старшинам следует определить равный доход со староств, но не с тех, которые отданы уже на гетманскую булаву и на гармоту. Гетман, кроме того, беспрепятственно может брать, что ему нужно будет, на войсковые расходы в имения королевских и дедичных шляхетских. Король может требовать Войско Запорожское на службу в польскую сторону, и в таком случае сам присылает к гетману свой указ, а никак не польские коронные гетманы, и в таком случае гетман, отправляя козаков, посылает вместо себя наказного гетмана им же назначенного. В заключение наказа подтверждалось, чтобы, сообразно тому, как уже просили козаки при избрании короля Михаила, уния непременно была уничтожена и вперед в законах нигде не оставалось бы ни малейшего намека на русскую унию, чтобы везде, где говорилось о русском народе, само собою разумелись бы дизуниты.

Козацкие требования от Польши равнялись требованию духовного самоубийства. Угождая козакам, Польша должна была отречься от своей исторической миссии, которую сознавали за собою поляки, как самое высокое призвание, миссии — дать торжество западному католицизму над восточным православием, считаемым по учению западной церкви ересью, которую уничтожать есть богоугодное дело. Сам Дорошенко был убежден, что такие требования не будут приняты, что с поляками не может быть ладу, и ему остается надеяться исключительно на Турцию. Продолжая сношения с этой последней державой, он еще целое лето 1670 года водил поляков и хитрил с ними, подобно тому, как они хитрили с ним. Дорошенко посылал два раза в Острог толковать о формальностях и потом просил себе копии с инструкции, данной польским комиссарам. Ему прислали инструкцию. Из нее увидел Дорошенко, что поляки обещали ему амнистию, но вместе с тем делали ему вопросы: зачем он искал протекции московской и турецкой. Такими вопросами естественно уничтожался всякий смысл амнистии. В самых же главных условиях Дорошенко видел полное нежелание примириться. Комиссарам не давалось права толковать об уничтожении унии, — напротив, в инструкции ска-

зано было, что король «без консенсу столицы апостольской трактовать о том не может». Давалось только обещание устроить беседу духовных по вопросу, касающемуся веры. Комиссары польские должны были объявить козацким, что церкви, какие были у уни-тов, останутся за ними по-прежнему, и в крайнем случае комиссарам предоставлялось брать во внимание Гадячский договор, но постоянно иметь в виду, что католическое духовенство многое в нем не одобряло. Насчет Гадячского договора делалось такое замечание, что козакам было дозволено многое в виду шведской войны с тем, чтобы козаки были верны Речи Посполитой; но козаки тотчас после того отдались Москве, а потом под Чудновым сами отреклись от Гадячского договора, находя, что этот договор был полезен только приватным лицам, а не целому войску. Равным образом решительно отвергалось домогательство козаков о проведении границы Украины в трех воеводствах и о предоставлении козакам жительствова-ть в маестностях королевских, духовных и шляхетских. Понятно, что поляки не могли дозволить этого, потому что требование козаков прямо влекло за собою прекращение панской власти над народом, а Польша, как аристократическая республика, уже много веков держалась господством привилегированного класса над массою рабочего народа.

По получении такой инструкции Дорошенко посылал в Острог еще раз просить аманатов в обеспечение козацких послов, но ему отвечали, что этого вовсе не нужно, что того и прежде не делалось; достаточно присяги польских комиссаров в безопасности козацких послов. Потом Дорошенко посылал снова требовать привилегий, захваченных Тетерею, уплаты взятых Тетерею, по смерти митрополита Балабана, тысячи червонных, возвращения имущества и денег вдове Данила Выговского и вознаграждения за разорения, учиненные в монастырских волостях. Тогда комиссары задержали дорошенкова посланца и обратились к Ханенку, соображая, что этот человек, ищущий гетманства, скорее согласится на условия, какие дадут ему поляки, чем упорный Дорошенко, тем более, что Ханенко, именуясь кошевым гетманом, посылал уже кошевого атамана Пелеха с изъявлением покорности королю и писал к самому Дорошенку, уговаривая его быть в повиновении у польского короля. Все это давало повод надеяться, что с Ханенком можно удобнее и скорее сойтись. По первому же приглашению обрадованный Ханенко отправил из Сечи в Острог войскового судью Семена Богаченка с товарищами: Ярошенком, Малюком, Пултавцем, Завишею, Белым и Олексеенком, с отрядом из сорока человек конных: Услышавши о посольстве Ханенка, Дорошенко, с своей стороны, поспешно отправил в Острог трех посланцев: Шунявского, Корицкого и Лешковского, просить перемирия и уверения в том, что с польской стороны не будет сделано на него нападения.

Это было в октябре месяце. Сохранилась инструкция, данная этим посланцам в том же смысле, как и та, которая дана была прежним посланцам, но с добавлениями, вызванными последовавшими событиями. Таким образом, требование, чтобы в воеводствах, отрезанных для Украины от Польши, паны не въезжали в свои владения, — объяснялось и оправдывалось тем, что уже около двадцати лет жители приучились не повиноваться панам; они, при малейшем стеснении, поднимут бунты, и самое козацкое начальство ничего с ними сделать не может.

Комиссары польские заключили тогда договор с посланцами Ханенка, признали его от лица Речи Посполитой в звании гетмана Войска Запорожского. В этом договоре было много красноречивых фраз, но в существе он не давал надежд на прочное соединение малороссийского края с Польшею и на примирение малороссийского народа с поляками. Толковалось о великодушии короля, о прощении козакам всех их прошлых вин, о забвении всего происходившего между малороссиянами и поляками, а со стороны козаков давалось гораздо более обязательств, чем сколько предоставлялось русскому народу прав. Достаточно того, что уния оставалась во всей силе, обособление Украины не допускалось, владельцам шляхетских дедичных и духовных имений беспрепятственно дозволялось управлять ими без всяких ограничений, гетману запрещалось иметь сношение с посторонними державами без ведома короля и коронных гетманов, самые походы с Войском Запорожским против неприятеля должны были предприниматься по требованию коронных гетманов, а не исключительно по воле короля, как домогался Дорошенко. Главным заправщиком с польской стороны был тот же Станислав Бенеvский, некогда состряпавший Гадячский договор.

22-го декабря этот договор утвержден был сеймовою конституциею. С посланцами Дорошенка Петрановским и Тарасенком не вели формальных переговоров. Их призвали на сейм и дали им письменные ответы в таком смысле: уничтожение унии не может зависеть от светских властей, и потому король обещает просить папу созвать синод, на котором заседать будут архиепископы и епископы, а король, с своей стороны, насколько то зависит от него может, будет споспешествовать устранению всего, что может производить раздор в духовенстве. Обособление Украины в пределах трех воеводств признается невозможным, как и предоставление мест дизунитским духовным сановникам в польском сенате: тогда восстановилось бы «русское княжество», проектированное при Выговском; а от него уже козаки сами отrekliсь чудновскою сделкою. Эта ссылка на чудновскую сделку была уловка. Во-первых, чудновская сделка совершилась тогда, когда козаки находились в положении, какое не могло быть признано

свободным; во-вторых, козаки были недовольны в Гадячском договоре только предоставлением некоторым лицам шляхетского звания (чем нарушалось равенство козачества), а вовсе не другими статьями, соединявшимися с существом «русского княжества». Поляки, однако, теперь повернули этот вопрос так, как будто козаки вообще не хотели автономии для Руси. Таким образом, желая не допустить ничего такого, что козакам было желательно, поляки делали придирку, будто козаки сами от всего этого отказались.

В заключение, пригласили в сенат Петрановского и Тарасенка. Коронный подканцлер сказал им: «вы приехали без полномочия к окончательному постановлению договора, но в вашей инструкции видны такие требования, каких сейм ни в каком случае не может принять. Вот вам ответ на вашу инструкцию».

Посланцы Ханенка, избегая задержания на своем пути от Дорошенка, возвратились через область, состоявшую под управлением Многогрешного, и Демьян Игнатович извещал о том царя, а посланцев задерживал до получения царского указа об их отпуске. В январе 1671 года через область Многогрешного провозили Ханенку из Польши знаки гетманского достоинства — знамя, булаву и бунчук, но исполнявший это поручение польского правительства Жальский был возвращен из Малороссии назад в Польшу, не добравшись до Сечи. В том же январе у Дорошенка в Корсуні происходила рада: все старшины и полковники составили и послали в Запорожскую Сечу от имени всего Войска Запорожского протест против договора Острожской комиссии, принятого посланцами из Сечи, Богаченком с товарищами. Войско находило этот договор неудовлетворительным. «Нам (было сказано в послании корсунской рады в Сечу) дают такие вольности, какие у нас были до войны с поляками. Но каждый из нас знает, что это были за вольности. Ляхи были над нами старшинами и по своему произволу сгоняли со света лучших из наших товарищей под самыми ничтожными предлогами, ни в чем нам не давали воли, наипаче же огорчали нас тем, что стесняли свободу нашей древней греко-русской веры, умножали в украинских городах свои костелы и всеми способами отягощали в Украине наш народ ярмом рабства. Если бы нам было хорошо до войны, то не следовало бы тогда и воевать, а теперь, после того, как уже более двадцати лет проливалась кровь и столько голов легло, как не стыдно будет нам оставаться с такими вольностями, которые прежде грызли нам шею и побудили нас к войне? Нет. Мы с прежними гетманами и с нынешним нашим гетманом Дорошенком хотели и хотим более широких вольностей, чем те, какие у нас были до войны, а потому не принимаем того, что вы постановили на Острожской комиссии, дозволивши панам и старостам въезжать в свои маетности по всей Украине и владеть подданными по старому обычаю».

VIII

Донос на Многогрешного и его болезнь. — Снятие клятвы. — Посольство Иеронима Комара в Москву. — Ответ московского правительства Польше. — Желание Дорошенка сблизиться с Россиею и подвинуть ее против Польши. — Разговор Дорошенка с архиепископом Манассиею. — Свидание Манассии с Тукальским. — Письмо Дорошенка к царю. — Донесения Многогрешного о несостоятельности Андрусовского договора. — Дорошенко под Белою-Церковью. — Война Дорошенка с Ханенком, Серком и поляками. — Многогрешный допускает своих козаков помогать Дорошенку. — Козаки Дорошенковы переходят к Ханенку. — Колебание хана. — Приостановка военных действий зимою. — Прибытие татар. — Зимовка их в Украине. — Тревога на левой стороне Днепра. — Польский полковник Пиво. — Польский посланник Гнинский в Москве. — Толки его с боярами.

Еще не утверждена была польским сеймом острожская комиссия, как Ханенко извещал польские власти, что соперник его, Дорошенко, согласился втайне с Многогрешным, и оба замышляют отдать Украину обеих сторон Днепра Турции в качестве вассального владения. Поляки тотчас известили об этом московское правительство. В Москве этому доносу не дали полной веры и не показали к Многогрешному подозрения. Многогрешный сделался болен. Он внезапно упал на крыльце своего дома и целый час оставался без языка; его постиг удар, но не смертельный; он оправился, проболевши некоторое время. Во время своей болезни он бил челом царю и хлопотал через содействие боярина Матвеева о том, дабы на случай его кончины даровали наследственное имение в Черниговском или Стародубском полку его матери, жене, сыну Петру Демьяновичу и прочим детям, «где бы они могли вести мирное житие». Скоро после своей челобитной через гонца Змеева получил он царскую грамоту на просимые маестности и грамоту цареградского патриарха, снимавшего с него неблагословение. Разрешение патриарха оживило Многогрешного, который думал, что внезапная болезнь, постигшая его, была последствием церковной клятвы, да и вообще у подчиненных распространились тогда такие толки, и в умах происходило смущение, которое и было утишено патриаршим разрешением.

Признание поляками Ханенка в звании гетмана возбудило тревогу в царской Малороссии, особенно в Киеве. Теперь (толковали там) при помощи Войска Запорожского поляки отважатся с своим королем придти в Киев и будут оставаться здесь, пока не успеют все украинские города приворотить к себе мечем или *наговором*, тогда все церкви православные обратят в костелы или в унию; с королем приедет унитский митрополит и станут нас всех обра-

щать в римскую веру для вечного и прочного подданства всей Украины польскому королю и Речи-Посполитой. О таких толках в народе доносил царю Иннокентий Гизель, сообщивший также, что в Киеве говорит народ, будто в Печерском монастыре поместят бискупов и королевских дворян, а в печерском городке поставят 6.000 войска.

Польский король Михаил, после утверждения на сейме комиссии, заключенной с Ханенком, отправил в Москву Иеронима Комара, уговаривать московское правительство содействовать военным способом к укрощению Дорошенка. Но из Украины приходили в Москву неверные вести, будто польский коронный гетман Собеский, недовольный королем Михаилом, начинает дружить с Дорошенком. По таким разноречивым известиям, московское правительство находило несвоевременным вступать в союз с Польшею и оказывать ей помощь против Дорошенка, задевая в то же время и Турцию; соображали при этом, что если в самом деле Собеский соединится с Дорошенком, то узнавши, что царь против них готовит войско на помощь Польше, Дорошенко с Собеским ранее пошлют сами военную силу в малороссийские царские города, и в левобережной Украине начнутся внутренние беспокойства. В Москве отвечали польским послам, что надлежит собраться полномочным послам на съезд и обсудить меры, полезные в будущем для обеих держав. Послам, назначенным на такой съезд из Москвы, давался наказ объявить полякам, что царь не может посылать своих войск, потому что поляки не подали помощи великому государю московскому, когда во время измены Бруховецкого разоряли татары царские города. Велено было поставить на вид полякам, что, в противность Андрусовскому договору, в польских владениях учили быть великие гонения на православную веру, принуждения к унии, всякого рода притеснения, и по этой-то причине Дорошенко отступил от Речи Посполитой и отдался турку, а того бы не было, если б от поляков не случилось гонения православной вере. О Киеве приказано было объявить, что Киев удержан и не возвращен полякам оттого, что Дорошенко отдался турецкому султану со всеми малороссийскими городами, и, таким образом, Киев мог бы достаться туркам, а тем бы отворился путь бусурманам не только в Украину, но и во всю российскую державу; теперь же для того, чтоб Киев не достался туркам, этот город снабжен ратными людьми и хлебными запасами с большими издержками для Московского Государства. Прибавлялось, что Киев не отдан еще и потому, что после Андрусовского договора из королевской канцелярии выходили грамоты за королевским подписом и печатью, а также от старост и подстарост порубежных городов писались письма и отписки, где именовался неправильно царский титул «с великим бесчестием и укоризною для его цар-

ского величества». Сверх того, в королевских владениях печатались латинские книги «с таким великим бесчестьем и укоризною царскому величеству, что и простому человеку слышать не годится, не только Божию помазаннику и монарху христианскому». Поляки претендовали, что гетман Демьян Игнатович не пропустил королевского посла Жальского, везшего Ханенку клейноты; полякам велено было объяснить, что Жальского приказал отправить назад царь, потому что посылка в Запорожскую Сечь сделана была вопреки Андрусовскому договору: по этому договору запорожцы должны оставаться под обороною обеих государей, а следовательно, король должен был ссылаться с Запорожьем не иначе, как после предварительного сношения о том с Москвою.

Отправлены были на новый съезд, 31-го марта, Ордын-Нащокин, Иван Ив. Чаадаев и думные дьяки Башмаков и Самойлов.

Не удалось Дорошенку устроить мирные отношения козацкой Украины с Польшею. Утвердилась в нем пуще прежнего готовность искать для Украины опоры в турецкой державе. Но все-таки в его глазах это был предел крайней необходимости. Знал он настроение православного народа, да и сам был человеком православной веры. И теперь, как прежде, он готов был предпочесть всякой другой власти над Украиною власть единоговерного московского государя, только с такими условиями, какие он считал выгодными и почетными для своего народа, да вдобавок желал он побудить царя на решительную брань за всю южную Русь, как за свое исконное достояние. Проезжал через Молдавию и Украину греческий архиепископ Манассия из Македонии. Дорошенко принял его с подобающими почестями, угощал его и весь архиерейский причет, а оставшись с ним наедине, стал перед образом Спасителя и Богородицы и говорил:

«Перед Богом свидетельствуюсь, как твоя святыня будешь в Москве, донеси его царскому величеству: мы рады бы служить великому государю и стать его рабами, но великий государь не принимает нас, а велит нам быть под властью поляков! Наша церковь Божия и наш православный народ терпят от поляков утеснения и гонения и для того принуждены были мы на время отдаваться агрянскому монарху. Если поляки станут нам докучать, так мы против них учнем стоять головами своими с женами и детьми, соединимся с турками и татарами заодно, но польской тяготы никакими мерами терпеть нам невозможно! Милости от польского короля и заступления никакого не имеем! Мы все того только желаем: пусть бы для единой святой восточной церкви милость свою государскую к нам царь явил, под свою высокую руку принял, нас всех в своей царской милости содержал, как и прочую братию нашу, и оборонял бы от неприятеля нашего. А если великий государь не изволит принять нас под свою государскую руку, то пусть бы нас с поляками

помирить изволил, чтоб нам поляки никаких тягостей не чинили, а держали бы нас по договору Подгáецкому. В прошлых годах хоть я и ходил с татарами за Днепр, однакож я козаков и татар до бою с царскими ратными людьми не допустил и взятых в плен царских воевод и ратных людей в Москву отпустил, а полковников и гетмана Демьяна против царского величества не подговаривал и не подговариваю».

Дорошенко, между прочим, просил передать царю его челобитие, чтоб царь не верил людям, распускающим про Дорошенка клеветы, приказал бы Демьяну быть с ним в дружбе, не мешать ему, Дорошенку, пользоваться купленными мельницами на Днепре под Чигирином и позволять приезжать в Киев богомольцам с правой стороны Днепра. «Пусть государь, — присовокупил Дорошенко, — изволит только прислать мне указ; я Стеньку Разина к его царскому величеству в подданство и послушание наговорю и приворочу!»

Гетман дал ему письмо, адресованное к царю. Архиепископ Манассия из Чигирина поехал в Канев и там увиделся с митрополитом Тукальским. Этот архиерей показался ему совершенно одинаковых мыслей с гетманом. Сначала митрополит хотел было на время удержать архиепископа и говорил: «пошлем вместе гонца к государю; когда государь изволит нас принять под свою государскую высокую руку, тогда и я поеду с тобою в Москву». Однако, митрополит вскоре передумал и отпустил архиепископа одного с его причетом, поручивши ему передать на словах то же, что Дорошенко. «Писать не смею, — говорил он, — прежние мои письма, что я посылал в Москву, объявились у поляков».

В письме, которое Манассия привез в Москву от Дорошенка, гетман уверял, что он, «как соборной православной церкви уд и благожелатель всему православному христианству, хочет иметь православного царя за главу себе», просил не поставить ему в грех того, что он принял от турецкого султана санджаки (знаки власти). «Я сделал это, — выражался Дорошенко, — щадя целость всей Украины, защищая от разорения церкви божии и отводя от людей пагубу. Иногда делаю такое, чего и сам не хочу: еслиб мы не приняли знаков турецких, то пришлось бы нам творить брань с сильными бусурманами, живущими близко нас, а на это мы немощны». «Да будет известно вам, православный милостивый царь, что сей российский народ, над которым я старшинствую, не хочет носить ига, которое возлагает на него Речь-Посполитая: не допускают поляки Войску Запорожскому и народу российскому иметь тех вольностей, о которых через послов своих я просил. И вот по такой причине наш народ прилепляется к братству с соседствующими бусурманами в надежде своего спасения! Я не был врагом пресветлого величества и во вся дни живота не изменю к

вашему величеству желательства, и если ты, великий царь, православный христианский монарх, меня своим царским словом обнадějiшь, где бы я мог главу свою преклонить, то я готов буду не токмо здоровье свое излить, но и душу положить за православную христианскую веру и за целость православного христианского народа».

Вслед затем и Демьян Игнатович в письме к царю указывал на то, что Андрусовский договор заключал в себе условия нескончаемых несогласий. Этот договор не только раздражал Дорошенка, оставивши его с козаками в подданстве Польше, но, поделив на две половины Украину, которая прежде была едина, сделался теперь источником всякого рода споров о владениях. У многих из тех, которые достались теперь под державу русскую, были прежде еще владения на правом берегу, отнесенному по договору к Польше, и наоборот. Дорошенко гетман — на левой стороне, начавши от Кременчуга чуть не по самый Киев, владел землями и отбирал на себя доходы. Королевские старосты овладели на той же стороне селами и угодьями, принадлежавшими издавна городу Любечу, расположенному на левом берегу Днепра и доставшемся по разделу России. Река Сож, впадающая в Днепр, сделана границею по Андрусовскому договору, но старосты Речи Посполитой присваивают себе места по сую сторону Сожи. Об этом обо всем представлял царю Многогрешный. Поляки с своей стороны жаловались, что сотник Седневский с воинскими людьми переходил на другой берег Сожи и закладывал новый рубеж. Демьян на вопросы, сделанные ему из Москвы по этому поводу, оправдывал сотника и указывал, что, напротив, польские подданные делают русским подданным беспрестанные оскорбления и нарушают Андрусовский договор: грабят у себя киевских и черниговских купцов, ездящих к ним по торговым делам, смущают малороссиян рассказами, будто царь скоро всю Украину левой стороны Днепра Польше отдаст, а слушающие такие рассказы, приехавши домой, пересказывают о том у себя и оттого происходит всенародное смятение. Главное же нарушение договора со стороны ляхов, по указанию Демьяна, состояло в том, что они продолжают преследовать у себя православную веру: в последнее время в Полонном и в Витебске обратили православные церкви в унию, хотели то же сделать в Могилеве, но посольство не допустило.

На такие представления гетмана Многогрешного последовал уклончивый ответ, именно было сказано, что обо всех обидах и недоумениях будет писано в Польшу надлежащим путем, а настоящим владельцам спорных угодий следует удерживать за собою свои владения по-прежнему, пока не устроится размежевание рубежей, о чем в свое время гетману дан будет указ.

Объявивши себя решительно врагом Польши, Дорошенко призывал крымского хана, как данника Турции, с тем, чтобы взять

Белую-Церковь, где сидел гарнизон Речи Посполитой, состоявший преимущественно из немцев, которых всегда было множество в польском войске, набравшемся наймом. Брат дорошенков Григорий с Брацлавским полком стоял тогда на западной границе в местечке Стене. Дорошенко не дождался хана. Запорожцы в числе шести тысяч с Ханенком и Серком перегородили путь хану, шедшему на помощь Дорошенку. После непродолжительной битвы Адиль-Гирей помирился с запорожцами и с Ханенком. Он уже прежде был не расположен к Дорошенку и шел к нему на помощь только по приказанию падишаха, а потому легко склонился на предложения Ханенка. Дорошенко, узнавши о случившемся, отправил в Константинополь жалобу на хана, и в июне получил известие, что будет назначен в Крым новый хан, Селим-Гирей. Ожидая этого нового хана, в июле, с своим козацким войском и с небольшим числом бывших при гетмане татар, Дорошенко приступил к Белой-Церкви и пытался побудить польский гарнизон к добровольной сдаче; он простоял под Белою-Церковью несколько недель, писал убеждения белоцерковскому коменданту, обещая всем полякам целость, писал к белоцерковским жителям, стараясь выманить их к себе в стан. Между тем коронный гетман Собеский с польским войском вошел на Подоль, понуждал тамошние городки к покорности Речи Посполитой, а к Дорошенку писал, что является с королевским поручением составить мирный договор между Войском Запорожским и Речью Посполитою. Дорошенко не поддавался польским уловкам, стоял на своих прежних требованиях, заявленных в прошлом году; наконец, 20 августа, услышавши, что брат его Григорий осажден поляками в Брацлаве, отступил от Белой-Церкви.

Отлучивши крымского хана от союза с Дорошенком, Ханенко, вместе с Серком, давним «дорошенковым хлебоядцем», пошел на помощь полякам. Дорошенко выступил против них, но, не доходя десяти верст до реки Буга, услышал о большом наводнении, которое не допустит переправить его войско, и отступил к Чигирину, откуда 27 сентября писал к Многогрешному, что надеется поправить свое дело, когда придут татары. Но враги воспользовались приостановкою военных действий со стороны гетмана Дорошенка. В октябре коронный гетман Собеский, при содействии Ханенка и Серка, принудил покориться Речи Посполитой подольские городки Брацлав, Стену¹, Могилев, Ямполь, Тымановку², Яругу³, Бар⁴, Межибож⁵, Винницу и другие. Некоторые уступали только после отчаянного

¹ Село Ямпольск. уезда, Под. губ., при р. Русаве.

² Мест. Ямп. уезда, Под. губ.

³ Местечко Ямп. уезда, Под. губ., при впад. реки Буши в Мурахву.

⁴ Мест. Могил. уезда, Под. губ., при р. Рове.

⁵ Мест. Литичевск. уезда, Под. губ., при впад. р. Бужка в Буг.

сопротивления, другие были податливей; всех упорнее показал себя Кальник, благодаря обширности своего замка и двум посадам (мистам), обведенным валами и палисадами и представлявшим безопасное убежище для осажденных. Сдававшиеся города признавали над собою власть гетмана Ханенка, признанного Польшею в гетманском звании. Ханенку пособил много его союз с Серком, которого имя, как славного богатыря, везде уважали малороссияне; с другой стороны побратимство Дорошенка с бусурманами отвращало от него народные сердца: трудно было уверить малороссиян, как того добивался Дорошенко, чтоб те бусурманы, которых они от прадедов и дедов привыкли считать своими прирожденными врагами и разорителями, вдруг превращались в их сторонников и защитников, и страх очутиться под властью бусурман уже многих погнало за Днепр искать нового отечества. Самые приверженцы Дорошенка колебались, и если под его влиянием мирились с мыслью быть под турецким господством, ради сохранения самобытности Украины, то легко и отвращались от такой мысли по другим противным наущениям. Осенью 1671 года у Дорошенка оставалось верным ему охочее войско — серденята, да выборные козаки из разных полков. Татар с ним было мало. Нового крымского хана Селим-Гирея он не мог дожидаться. Прибыл к нему Нураддин-салтан, но только с шестью тысячами, и стал у Городища, недалеко от Корсуна; с ним одним Дорошенко не решался возобновить борьбы, не дождавшись белгородской орды, которую обещал ему прислать падишах, и которая явилась не ранее 13-го ноября, в количестве двадцати тысяч; с нею прибыли и турки, по одним известиям, в числе десяти, по другим — только двух тысяч.

Между тем король Михаил приказал в начале зимы приостановить военные действия, и коронный гетман ушел из-под Кальника, которого не добыл, во Львов, оставивши на Подоли своего товарища, польного гетмана Вишневецкого. Сам польный гетман стоял в Баре. В городках Рашкове, Чечельнике, Могилеве, Брацлаве, Стене, Карсановке, Тымановке расставлены были польские хоругви. Козаки Ханенка занимали Бершад и Лодыжин. В Илинцах¹ Серко и Ханенко собрали посольство с Подоли и козаков на раду; прислали туда своих делегатов и польские гетманы — уверить малороссиян под присягою, что вперед будут их содержать своеобразно старинным правам. Конечно, в этом не было ничего искреннего и прочного и никакие старинные права не могли удовлетворять народа, искавшего новой жизни, а не старых прав. Сам Собеский понимал это и писал: «мы стараемся их увещаниями удержать в повиновении и они обещают, а как явится здесь турецкий паша или крымские орды, так уж не наша воля здесь будет.

¹ Мест. Линов. уезда, Киев. губ., при р. Соби.

По прибытии белгородских татар Дорошенко одну часть их разместил в Украине, а другую взял с собою и двинулся к Подоли. Лодыжинцы тайно прислали известить его, что сдадутся, как только он явится, и по их подущению Дорошенко 24-го ноября напал на Лодыжин, но Ханенко заперся в замке. Городки и селения стали приставать к Дорошеику. Отстали от поляков Ямполь, Тульчин, Черниховцы, Винница, Камяница и другие; польские жолнеры, составлявшие в них залюги, ушли в более крепкие — Рашков, Могилев, Шаргород, и запрятались в них, уклоняясь от вступления в бой с неприятелем: они знали, что ни козаки, ни татары не решаются охотно тратить продолжительное время на добывание укрепленных местностей. На первый день Рождества Дорошенко сделал нападение на городок Тростянец; посад (или «мисто») был взят, жители частью захвачены в ясыр татарами, но замка, где засели поляки, Дорошенко не взял и отступил от него 30-го декабря. Белгородские татары, бывшие на войне с Дорошенком, не только составляли его главную силу, но расходились по сторонам загонами, хватали жителей и угоняли в свои степи. Дорошенко не только этому не препятствовал, но сам осуждал на ясыр татарам тех из местных жителей, которые окажут сопротивление или же изменят Дорошенку и перейдут к Ханенку. Набравши ясыру, белгородские татары спешили уходить домой, и сам Дорошенко после нового года уехал в Чигирин. Есть польское известие, что паволоцкий полковник замышлял овладеть булавою Войска Запорожского, и это побудило Дорошенка преждевременно прервать войну.

Тем белгородским татарам, которых, выступая на Подоль, Дорошенко разместил в Украине, дано было от гетмана строгое приказание — не предпринимать набегов на левый берег Днепра; но одно появление их на правой стороне, и притом недалеко от Киева, произвело чрезвычайную тревогу в посольстве. Правобережные прочане, которых от прихода татар стало более, разнесли переполох между обывателями левобережной Малороссии. Посещавшие в ту зиму московские гонцы писали: «в городах и местечках всполохи бьют, из вестовых пушек стреляют беспрестанно, чтоб люди с своими пожитками убегали в осаду в города; твердят, что не сегодня-завтра появятся татары и станут забирать в полон жителей». Страх этот оказался напрасен. Все белгородские татары, расставленные по Украине, пошли за своими товарищами домой. Осталось их только полтораста с мурзой, да Нураддин-салтан с своей ордою, расположившийся в Корсуне.

По соседству с Киевом поляки наводили страх не хуже татар. 30-го декабря польский полковник Пиво-Запольский взял Васильков и расположил там своих полчан; малороссийские жители хотели было не пускать к себе поляков и многие за то лишились

жизни. В январе 1672 года Пиво-Запольский занял Макаров, Брусилов и Межигорский монастырь и очутился под Киевом. Служилые царские люди, ездившие из города за дровами в лес, за Лыбедью наткнулись на поляков, и те отняли у них лошадей, оружие, снимали с них платье и самих покололи оружием. Киевский воевода кн. Козловский доносил, что в Киеве мало царских ратных людей, — всего 2.489 человек, — и опасно, чтобы поляки, проведавши про это, не попытались внезапно захватить Киев в свои руки. Побывшие на правой стороне Днепра малороссияне, возвратясь домой, рассказывали, что поляки говорили им: «мы вот когда-нибудь нежданно-негаданно перейдем Днепр и наделаем разорений, а вы не будете в силах ничего: — пока-то вы от вашего царя указ получите!». Еще в октябре 1671 года один киевский мещанин рассказывал, что видел двенадцать торговых малороссиян, ехавших из Волощины и порубленных поляками, а в селах, принадлежавших Печерскому монастырю, жолнеры полковника Пиво-Запольского нагло забирали у жителей скот, хлеб, даже выбирали их пожитки из скрын; гетман Многогрешный, донося об этом в Приказ, прибавлял, что коли поляки начинают с малороссиянами задор, то и малороссияне станут им отплачивать тем же, потому что народ малороссийский этого терпеть не обык. Тогда Демьян Игнатович разрешил всем свободно переходить на правую сторону Днепра и под знаменами гетмана Дорошенка воевать ляхов.

И в Москве стало было не ладиться с поляками. Когда приехал в царскую столицу польский посол Гнинский вести с боярами переговоры о мире, на основании Андрусовского договора, московские бояре домогались допустить к совещаниям посланцев козацких, приехавших от гетмана Демьяна Многогрешного. Поляки ни за что не хотели этого. Когда польские послы стали просить содействия со стороны царя к усмирению Дорошенка, бояре, не оправдывая Дорошенка, и Гнинскому, как Комару, заметили, что обращение его к оттоманской державе вызвано гонениями со стороны поляков на православную веру. Бояре сообщали, что Дорошенко не раз по этому поводу просил московского великого государя принять его под свою высокую руку; великий государь отказывал, не желая ссориться с королевским величеством; теперь же, когда Дорошенко, отдавшись Турции, перестал быть польским подданным, царь мог бы так поступить, но не хочет без королевского согласия. На это поляки заметили: принявши Дорошенка под свою высокую руку, царь через то никакого права на Украину не получит. Угодно было польскому королю поставить гетманом в Украине Дорошенка, может король и переменить его, и вместо Дорошенка дать гетманское достоинство иному лицу, а Украина все-таки останется, как была, достоянием Речи Посполитой. И в

этом вопросе, как в вопросе о превращении Андрусовского перемирия в вечный мир, не договорились тогда ни до чего важного польские и русские дипломаты. Между тем бояре и на этот раз повторяли перед польскими послами жалобы на пропуски в написании царского титула и на разные укоризны против московского царя и его державы, допускаемые в книгах, выходявших в Польше. Поляки могли быть уверены, что бояре держат у себя кое-что про запас на будущее время, чтобы, пользуясь случаем, завести старую песню, которая, как хорошо поляки помнили, во времена Богдана Хмельницкого довела до войны между Москвою и Польшею. К разрыву, однако, на этот раз не дошло; обе стороны уверяли друг друга во взаимном союзе и доброжелательстве и отложили толки об окончательном мире на будущее время.

IX

Свидание Многогрешного с подьячим Михайлом Савиным. — Резкие отзывы гетмана. — Прием Танеева. — Вопрос о Гомеле. — Первый разговор Танеева с Нееловым. — Многогрешный опасается соперничества киевского полковника Солонины. — Разговор Многогрешного с нежинским протопопом. — Известия о буйном поведении гетмана. — Царская грамота гетману Многогрешному. — Вторичный приезд Танеева. — Недоверие гетмана к Москве. — Смелая и резкая речь гетмана Многогрешного, произнесенная Танееву. — Второй разговор Танеева с Нееловым. — Ночное совещание у обозного Петра Забелы. — Последнее свидание Танеева с гетманом. — Отъезд Танеева.

Над гетманом Демьяном Игнатовичем Многогрешным собиралась грозная туча, а он не замечал ее и не чувствовал ни в чем ее приближения. Дни его гетманства были сочтены, а он того не предвидел.

В описываемый нами век в Малороссии всякое начальствующее лицо, и старейшее, и меньшее, было выбранное, поступление его в должность зависело от воли подчиненных. Сообразно древним народным правам и обычаям, начальствующая особа должна была держать совет с подчиненными. Но на деле выходило, что как только такая особа получала власть, достававшуюся по выбору подчиненных, так уже начинала считать себя в праве действовать самовластно и, при случае, позволяла себе самые деспотические выходки. Главною причиною этого было то, что получившее по выбору должность лицо должно было опасаться более гнева высшего своего начальника, также выбранного, чем нерасположения к себе своих подчиненных. Выбранный в своей сотне, сотник делался самовластным господином над сотнею, но зато старался угождать своему полковнику, подчинялся его произволу и рабо-

лепствовал перед ним; законное поступление полковника в свою должность не могло совершиться без воли гетмана, но зависело также от желания полчан иметь его своим полковником; однако, более или менее прочно укрепившись в должности, полковник был в своем полку такой самовластный господин, как средневековый феодальный барон, хотя, в свою очередь, всегда мог ожидать над собою деспотических выходок от гетмана. Еще шире это проявлялось в поведении гетмана, как главы целого края. Гетман юридически не был неограниченным государем: с одной стороны, он не смел начинать ничего важного без совета со старшинами, а в особенно важных случаях — без генеральной рады, куда съезжались все козаки; с другой, он должен был относиться за окончательным разрешением к государю через посредство малороссийского Приказа. Но это не мешало гетману, при случае, делать такие выходки, на какие мог иметь право только ни от кого независимый деспот. Грубость нравов того времени располагала к этому. Демьян Игнатович был человек нрава вспыльчивого и при том нередко бывал пьян, а потому несдержан ни на язык, ни на руки; возвышение избаловало его скоро, царь был к нему милостив, и он стал показывать себя в поступках и речах человеком вольным и сильным. Все вокруг кланялось ему; но зато кругом него все было пропитано коварством, и много охотников было погубить его. Между тем положение края было самое смутное и шаткое; малороссияне сами не знали, что с ними будет, в ту или другую сторону выгоднее будет им обратиться. В таком положении понятно, что главе такого края могли беспрестанно угрожать неожиданные перевороты, и как бы он ни держал себя, всегда бы нашлись им недовольные. И гетман Демьян Игнатович возбуждал против себя много недовольных, да вдобавок своею несдержанностью сам давал этим недовольным повод при случае копать под ним яму. Надобно, однако, заметить, что гетман Демьян Игнатович, при своей вспыльчивости и нередко грубости, не показал тех черт хитрости и коварства, которыми отличились многие малороссийские исторические деятели той эпохи. Напротив, сколько можно проследить его деятельность, он, казалось, был человек прямой и добродушный.

18-го декабря 1671 года приехал в Батурин царский подьячий Михайло Савин. Он был послан собственно для того, чтобы сделать дознание о гробе патриарха Афанасия, скончавшегося на возвратном пути из Москвы в Турцию в Лубнах: об этом святителе начались тогда носиться слухи, обыкновенно предшествующие открытию мощей святого. Как бы мимоходом, Савину поручили привезти гетману царскую грамоту. В этой грамоте указывалось Демьяну, чтоб он отнюдь не велел чинить ни с кем, особенно с поляками, задоров, и объявлялось, что до окончательного разгра-

ничения рубежей всякими спорными землями должны владеть те, которые в данное время уже ими владеют.

Демьян Игнатович при гонце московском стал делать такие замечания на царскую грамоту:

«Из-за реки Сожи с королевской стороны на нашу сторону переезжают люди и начинают селиться, а великий государь их ссылать не велит. Этак если пустить поляков селиться за Сож, так они начнут вступаться в наши города и селы и будут говорить, что эти города и селы были их маестностями».

Савин заметил, что против этого существует Андрусовский договор, где обозначены границы. Демьян сказал:

«В Андрусовском договоре того подлинно не означено, по какое место Малороссия и чем мне владеть! Коли великий государь изволит земли наши понемногу королю отдавать, так лучше бы велел нас всех разом отдать: король рад будет! Только у нас на сей стороне войска тысяч сто наберется: будем борониться, а земли своей никакими мерами не уступим. От нас задору никакого ни с кем нет и не будет; это великому государю известно; — за правду мы головы свои положим!»

Савин стал ему делать успокоительные представления, но гетман разгорячился, часто перебивал его речь и стал говорить еще резче:

«Ожидал я от царского величества к себе и к малороссийскому роду милости паче прежнего, а он нас отдает в лядскую неволю! Поляки грабят наших малороссийских купцов и в тюрьмах держат, около Киева монастырские села разоряют, а великий государь за то им ничего не учинил! Нас совсем не обороняют! Коли б мы сами себя не обороняли, давно бы нас всех поляки в неволю побрали. Видно, нечего нам надеяться на московских людей!»

Проговоривши это сердитым тоном, гетман отпустил Савина на подворье, а сам с своею челядью поехал «на поле» (на охоту).

— Гетман наш сердит, — говорили подьячему гетманские челядинцы. — Как придет сумнительство, так все «на поле» ездит и про всякие дела думает!

Все это передано было подьячим по принадлежности в малороссийский Приказ, когда, окончив возложенное на него поручение, он вернулся в Москву. Савин привез туда вести о переполохе, возникшем по поводу прибытия к Дорошенку татар, рассказы о зацепках со стороны польского жолнерства. В Москве уразумели, что в Украине готовятся новые беспокойства.

27-го января 1672 года отправили из Москвы нового гонца и уже в Батурин, прямо к гетману. То был стрелецкий полуголова Александр Танеев с подьячим Дементьем Ивановым. Они прибыли в Батурин 6 февраля.

На другой день представился царский посланник гетману и от имени великого государя спросил гетмана, всех полковников и все Войско Запорожское о здоровье, что по тогдашнему этикету было знаком монаршей милости. В заключение объявил Танеев, что великий государь жалует и милостиво похваляет гетмана Демьяна Игнатовича за его верную службу. Гетман, выслушавши такое приветствие, поклонился до земли; посланец подал ему грамоту, гетман поцеловал на ней печать и опять поклонился до земли; потом с своей стороны спросил о здоровье великого государя и в третий раз поклонился до земли. Эти официальные церемонии показывали самое дружелюбное настроение и никак не позволяли предполагать, что вскоре поднимется буря.

Гетман приказал читать грамоту. Там подтверждалось, чтоб на рубежах с Польшею и Литвою малороссияне владели всякими урочищами, какие были у них во владении при Андрусовском договоре, пока не съедутся на границу межевые и расправные суды и не приведут окончательно в точность рубежей. Писано было, что чинится договор с польскими послами, что посланцу Многогрешного, Константину Солонине, в Москве оказывают милость, и — есть надежда на скорое установление вечного мира с Польшею. Вместе с тем замечалось гетману, что непристойны были произнесенные им подъячему Савину слова на счет того, будто государь отдает их земли ляхам. Гетман после окончания чтения сказал:

«Что я говорил Михайлу Савину об отдаче земель наших ляхам, так это я сказал оттого, что польская правда и постоянство мне ведомы: на чем они пункты постаноят, того никак не держатся; и теперь самовольством заезжают за Днепр и за Сожу и малороссийским жителям чинят разорения и убытки. Истинно желаю, чтоб у великого государя с королем польским состоялось мирное постановление, только пусть бы великий государь, милосердую о нас, стародавних своих подданных, освободил нас, всех людей греческого закона, от иноверцев, и дедичную свою отчину, преславный город Киев, где почивают чудотворные мощи, никогда не отдавал бы в королевскую сторону. Мы же на всяком месте готовы против неприятеля стоять и головы складывать за великого государя и его наследников!»

Гетман сообщил словесно царскому посланцу о тогдашних обстоятельствах.

«Дорошенка, — говорил он, — подбивают поляки соединиться с королем, — посылают ему подарки, обещают все, чего он захочет! Это все того ради, что когда бы Дорошенко с ними соединился, так они тотчас пошли бы на сю сторону войною. Только Дорошенко никогда не сойдется с ляхами и не отстанет от турецкого царя, — на нас же войною не нападет. Он беспрестанно ко мне присылает и клянется, что с нами ссориться не станет:

ни сам не перейдет войною на сю сторону, ни других воевать против нас не пустит. Из орды, что при нем, кое-какие вздумали было переходить через Днепр и малороссийским жителям чинить худое, так он, сделавши сыск, велел нагишом их бить плетьюми, вода по таборам, и потом дал крепкий заказ, чтоб никто ни из козаков, ни из татар не смел к нам за Днепр переезжать и чинить обиды».

Гетман давал совет государю присоединить к себе Гомель, — иначе будет малороссиянам утеснение. «Если, — говорил он, — не состоится мир между Россиею и Польшею, так ляхи в Гомель насадят своих людей, и тогда проезда не будет до Киева, до Остра, до Нежина и до Чернигова. Из Гомеля вышли жители и живут теперь в слободах; пусть бы великий государь указал взять Гомель и воротить в него этих жителей, так они будут ляхов к нам не пропускать. Теперь в Гомеле остается всего душ со сто и те беспрестанно просят, чтоб их царь велел, вместе с Гомелем, принять под свою державу».

Поживши несколько дней в Батурине, Танеев разговорился с начальником стрельцов, находившихся постоянно при гетманской особе, Григорием Нееловым, и тот сообщил такие сведения о Демьяне Игнатовиче:

«Ужасно он мятется, услышавши, будто царь хочет его переменить и назначить гетманом Солонину. Намедни приехал к нему нежинский протопоп; гетман стал ему говорить насчет Солонины, а протопоп сказал: «не верь таким слухам; царь тебя жалует и не переменит!» Не понравилось это гетману и сказал он протопопу: «ты заодно с москалями торгуешь мною». Слово за слово, дошло у них до того, что гетман разбил протопопа и похвастался саблей голову у него отсечь в светлице. Протопоп мне сказал об этом втайне в церкви, а при гетмане подходить к себе не велел, чтоб какого дурна от тех слов не учинилось. Гетман когда не пьян, тогда у него все рассматрительно, а как напьется, так — беда: приступа к нему нет! Все старшины взгляда его боятся, говорить о делах с ним не смеют; непомерно жесток! Как услышал, будто государь гетманом хочет наставить Солонину, так пил непомерно и сердит был многое время: меня к себе не призывал и не говорил со мною; а со старшиною, — как только что не по нем, тотчас за саблю! Дмитрашку Райчу порубил саблею у себя в светлице, и тот от ран болен теперь; судью Ивана Домонтовича пьяный бил по щекам и пинками и саблею хотел изрубить, только я отнял у него саблю и рубить не дал; он меня за то бранил и называл москалем. Константина Солонины брата, Якова, наказного киевского полковника, приказал привезти к себе в Батурин и посадить скованного за караулом; жену Константина Солонины приказал привезти в Батурин. Доложили ему, что козелецкие ко-

заки говорили, будто царь хочет Солонину гетманом поставить, Демьян велел тех козаков сыскать и посадить в тюрьму. А в Нежине полковник Гвинтовка — большой его приятель; когда во-евода Ржевский звал его к обеду, полковник не пошел и сказал: «как с вами можно хлеб-соль вести, коли вы поступаете непостоянно? вон, изволит государь, вместо Демьяна, Солонину гетманом поставить и нас, старшину, переменить!» А как приехал из Москвы Игнат Кальницкий и рассказал, какая Солонине в Москве милость, так Демьян велел Якова из-под караула освободить. Рославченка, стародубского полковника, посадил гетман в тюрьму в Батурине, никто не знает за что, а вместо него полковником в Стародубе поставил Шумейку. Никто не смеет спросить у него об этом. С Дорошенком ссылается беспрестанно тайно, на банкетах за его здоровье пьет и меня заставляет пить. «Хорошо бы, говорит, кабы Дорошенка изволил великий государь принять под свою высокую руку: Дорошенко оставался бы гетманом на той стороне, а я — на сей, и пребывали бы мы в смирении и тишине». Писал к нему Дорошенко, будто от польского посла перед рождественским праздником слышал, что царь помирился с королем и Киев уступил. Тогда Демьян говорил: если подлинно так, так мы покинем жен своих и детей и все пойдем головами своими против поляков, не отдадим Киева и Печерского монастыря; у короля в подданстве нам не быть никогда!» Беспреданно пьян, и коли так будет вести себя, то я опасуюсь всякого дурна; ключи городские живут у меня, только, как кто приедет в город, гетман велит к нему посылать их».

Когда в Москву пришли эти слухи, 28-го февраля 1672 года, из Малороссийского Приказа послана была гетману Демьяну Игнатовичу царская грамота, где говорилось: «ты, гетман Демьян Игнатович, от каких-то крамольников в великом сумнении пребываешь, будто, по нашему указу, велено киевскому полковнику Солонине быть гетманом, но указа нашего о том не бывало — и мы, без челобитья Войска Запорожского и без войсковой рады, даже и по смерти твоей не учиним никого иного гетманом, не только при животе твоём! Вы, гетман, и все Войско имеете опасение от головы стрелецкого Неелова, что он доносил нам, будто ты, гетман, учинился не по-прежнему: все это вмещает какой-то плевосеятель и вам говорит, будто мы хотим польскому королю уступить Киев. Этого нет вовсе». В грамоте сообщалось, что Солонина удержан в Москве по поводу совещания бояр с польскими послами.

С этою грамотою отправлен был к гетману снова Танеев, но уже с другим подьячим — Семеном Щоголевым. Между тем гетман 29-го февраля снарядил новое посольство к государю в Москву: поехали нежинский протопоп и генеральный есаул Грибович с товарищами. Демьян Игнатович писал в Приказ снова о недо-

разумениях, возникших с поляками по поводу рубежа; Андрусовский договор устанавливал какой-то старый рубеж, а поляки в старом рубеже считали Стародуб, Чернигов и другие местности по ту сторону Десны. Это посольство разминулось с московским, которое ехало от царя к гетману.

Танеев приехал в Батурин 7-го марта и в тот же день представился гетману, вручив ему царскую грамоту. Гетман Демьян был в этот день в возбужденном состоянии и, кажется, пьян. Приказавши прочитать грамоту и заметивши, что царь не велит ему иметь никакого опасения, Демьян говорил:

«Как нам всем не иметь опасения, когда его царское величество тайно отдает в сторону короля польского свою вечную отчину — преславный град Киев с малороссийскими городами и со всем Войском Запорожским в вечную и нестерпимую неволю! Были в Москве договоры польских послов с царскими боярами; по глуховским договорным статьям должны были с послами сидеть и наши посланцы от Войска Запорожского; а наши посланцы, киевский полковник Солонина с товарищами, не допущены в посольскую избу для прислушивания и для вольного голоса; держат наших посланцев в Москве как невольников, отговариваются тем, будто польские послы и комиссары их не допустили, называя их своими холопами. Нет. Не польские послы и комиссары, а царские бояре и думные люди то учинили, — все для того, чтоб Войску Запорожскому была неведома отдача Киева и малороссийских городов! Этим вы Войску Запорожскому вечное бесчестие нанесли и у поляков посмея учинили. Как польские послы и комиссары приедут в свою землю, король пошлет по Украине свои грамоты и в тех грамотах напишут: видите, что вам Москва учинила! От этого настанет великое смятение в народе. Да и в хроники свои поляки впредь для верности запишут, что Москва в посольство козаков не допустила. Коли кому на лбу учинят рану, так после ту рану хоть и залечат, а знак от нее до смерти будет оставаться! Так и у нас, в Войске Запорожском, это бесчестье вечно забвено не будет! Его царское величество преславный наш город Киев и малороссийские города не саблюю взял: поддались мы под его высокодержавную руку добровольно для единой православной христианской веры и для обороны от неприятельских иноверных сил. А когда великому государю город Киев и малороссийские города и все Войско Запорожское не надобны, — пусть велит государь своих воевод и ратных людей из Киева и из малороссийских городов вывести; тогда мы с Войском Запорожским сыщем себе иного государя. Бруховецкий, видя московские неправды, много терпел, да не стало терпения, и хотя смерть принял, а на своем поставил! И я, гетман, видя неправды ваши, уже велел Чернигов большой город от малого города отгородить:

что из того выйдет, — про то Бог ведает! Видно время пришло нам искать себе другого государя, только уж никак не польского короля. Польский король был бы рад, если бы мы под его руку захотели идти: и теперь уже он призывает нас, поступается нам своей королевской вотчины к малороссийскому краю по Слуцк и по Березу-реку со всеми городами и землями и вольностями, только с тем, чтоб мы его королевских и сенаторских и шляхетских маестностей не трогали. Однако, мы, козаки, полякам не верим ни в чем, да и весь наш народ малороссийский не захочет идти под власть польскую: хоть до сущего младенца все помрут, а под Польшею отнюдь не будут. Знаем мы и про то, что польские послы в Москвѣ выговаривали для усмирения козаков Дорошенка либо 30.000 человек московского войска, либо денег на такое число войска, а бояре и думные люди приговорили дать им на 30.000 войска денег. И прежде, по Андрусовскому договору, переслали уже из Москвы в Польшу сколько-то десятков тысяч рублей. Куда как умно и мудро чинят поляки: продают то, чего сами в руках не имеют и чего никогда иметь не будут. Мы, козаки, не проданные и не купленные! Коли поляки, наполнившись московскими деньгами, пойдут на Дорошенка, чтоб его усмирить и потом принять под свою власть Киев со всеми малороссийскими городами, так мы, козаки, соединимся с турецким войском и с татарами и пойдем против польских сил; хоть все помрем, а Киева и малороссийских городов Польше не дадим! Не станем дожидаться, пока поляки соберутся с силами: тотчас после Светлого Воскресения сами пойдем в польское государство великим собранием! Города один за другим будут нам сдаваться, потому что во всех городах православных людей много. Устоит разве один Каменец-Подольский, да и то не на долгое время! Ни одного поляка не останется у нас, — только православной веры люди, и те будут под державою турецкого султана. Те времена приходят, что, конечно, тому быть! Ну, а как над Польским государством что-нибудь учинится, тогда и кому-то иному достанется».

Такая смелая речь, сказанная в глаза московскому посланнику, по тогдашним понятиям была уже поводом к подозрению в измене. Демьян в эти минуты высказал весь свой характер. Он говорил то же, что некогда Богдан Хмельницкий Киселю, но правду надобно сказать, что при своем положении показал в своей речи еще более смелости, прямоты и геройства, чем Богдан Хмельницкий.

После этой решительной речи Танеев вел с гетманом разговор о других предметах и между прочим насчет договоров, какие велись в Москве польскими послами, сказал, что великий государь сообщит ему через Солонину список с тех статей, какие будут постановлены у бояр с польскими послами.

Демьян сказал: никаким спискам вашим мы не верим; чего наши очи не видали и уши не слышали — ничему тому не верим! Много к нам писаного из Москвы присылают, только бумагою да ласковыми словами нас утешают, а подлинного ничего не объявят. С польскими послами толкуют, а границ не проведут, и поляки мало-помалу малороссийский край заезжают (захватывают). Больше всего полковник Пиво нам пакостит: около Киева все запустошил, людей побивает, а царский воевода Козловский не дает ему никакого отпора и не обороняет бедных людей.

Зашла речь о Гомеле. Демьян сказал:

— Мне гомельских жителей нельзя не принять; Войско Запорожское никого от себя не отгоняет; если и иные города станут к нему склоняться, как не откажет. Время пришло мне свой разум держать!

— Что ты, гетман, писал о Дорошенке и о запорожцах, так о том обо всем будет тебе царский указ прислан вскоре с головою стрелецким, Михайлом Колупаевым.

— Знаю я, — сказал подозрительно гетман, — зачем Колупаев придет! Пусть нездоров уедет!

Танеев стал уверять, что Колупаев прибудет не с какою-нибудь секретною целью, но Демьян перебил его и сказал:

— Все вы набрались от поляков их лукавых нравов; и ты, Александр, коли еще раз приедешь ко мне с неправдою, то будешь в Крыму.

Свиделся Танеев с Нееловым и этот ему сказал: «гетман совсем не тот стал, что прежде был; уже, конечно, соединился с Дорошенком; и со мною, и с моими сотниками, и со стрельцами обходится не по-прежнему; по се время стояло на карауле у ворот и у форток малого города стрельцов человек по сту и больше, а теперь велит ставить только человек тридцать. Старшины: обозный, судьи и Дмитрашко Райча великому государю служат верно и мне обо всем дают ведомости, только опасаются видаться со мною в день, потому что гетман приказал своим челядникам надсматривать за ними, чтоб они ни со мною, ни с тобою и ни с кем из наших московских людей не сходились; поэтому, если какие ведомости услышат, так сказывают мне в ночное время. Я привел их к вере; целовали они предо мною Спасов образ, что быть им под высокодержавною рукою великого государя неотступно. Они сами тебе обо всем подлинно скажут».

По предложению Неелова, Танеев и сопровождавший его подьячий Щоголев, вместе с самим Нееловым, в ночь с 7 на 8 марта пошли к обозному Петру Забеле, переодетые в стрелецкие зипуны с банделерами и бердышами. Они застали там, кроме обозного Забелы, генеральных судей Домонтовича и Самойловича да Дмитрашку Райчу. Последний, бывший несколько лет переяславским

полковником, был в конце 1671 года отставлен гетманом по следующей причине. Дмитрашко Райча собрал своих полчан на раду в Барышевку и стал склонять их на сторону Ханенка. Переяславские козаки не последовали за внушениями своего полковника и дали о его поступке знать гетману Демьяну Игнатовичу. Гетман сам с отрядом пошел приводить к покорности Дмитрашку Райчу. Из всего Переяславского полка одна барышевская сотня держалась своего полковника, но когда приближался Многогрешный, прогнала Дмитрашку Райчу просить у гетмана прощения. Дмитрашко Райча в местечке Басани валялся в ногах у гетмана. Многогрешный приказал заковать его и отправить в Батурина его компанию, состоявшую из двухсот человек, разобрать по полкам, а вместо Дмитрашки Райчи поручил управление Переяславского полка генеральному бунчужному Стриевскому. С тех пор Дмитрашко Райча пребывал в Батурине; гетман простил его и обращался с ним как со всеми старшинами вообще, но Дмитрашко Райча стал его заклятым врагом. Малороссийские старшины сквозь слезы говорили великороссиянам так:

«Беда великая, печаль неутолимая, слезы неутоленные! По научению дьявольскому, гетман наш, забыв страх Божий, великому государю изменил и соединился с Дорошенком под державу турецкого султана. Наш гетман посылал к Дорошенку чернеца, и Дорошенко перед тем чернецом присягнул, а чернец присягнул перед Дорошенком за нашего гетмана. Потом Дорошенко прислал своих посланцев к нашему гетману в Батурина со Спасовым образом; на том образе присягнул наш гетман перед посланцами дорошенковыми, а посланцы присягнули за своего гетмана перед нашим гетманом. Демьян дал в помощь Дорошенку на заплату войску 24.000 ефимков. 15-го марта Демьян хочет ехать с женой и детьми в Лубны, а пускает слух, будто хочет ехать в Киев Богу молиться; на самом же деле, коли будет в Киеве, так только для того, чтобы видеться с Дорошенком в Печерском монастыре. Как он из Батурина уедет, так уж назад не воротится. Брат его, Василий, по гетманскому приказу отгородил в Чернигове большой город от малого, где находятся царские ратные люди, а животы гетманские вывозят из Чернигова в Седнево».

Обозный Забела прибавил: «как из Батурина поедет, так и нам старшинам велит ехать с собою, а потом прикажет нас побить или в воду посадить, или по тюрьмам разошлет за то, что мы в измене с ним быть не захотим! И то опасно: как уедет он из Батурина и велит мужикам после себя на воротах стать, а стрельцы пускать их не захотят; с того начнется раздор и кровопролитие великое и зачатие к войне. Стрельцов в Батурине малолюдно, и те худы; надеяться на батуринских стрельцов нечего! А тебя, Григорий Неелов, выманя за город, как бы не связал и в Крым не

отослал! Давно бы над Нееловым и над стрельцами он что-нибудь дурное учинил, кабы мы не берегли. Да и вас, Александр и Семен, навряд ли отпустит; а буде отпустит, поезжайте на Путивль, а то — в Королевце и Глухове станут у вас обыскивать писем: опасно, чтоб вас не задержали».

Тут кто-то из старшин говорил: «Степана Гречаного, что был с Солониною в Москве, призвал Демьян к себе в комнату, и привел к вере — быть ему заодно с гетманом, и велел ему писать про московские дела такое, чего в Москве и не бывало, все затем, чтобы отвратить Украину от высокодержавной царской руки. Потом созвал нас, старшину, и говорил нам: пишет мне царское величество многожды, чтобы всю старшину послать к Москве, а из Москвы хочет вас царь разослать в Сибирь. Мы ему в том не поверили, знаем добре, что такого указа к нему не бывало — сам своим умыслом затевает! А вот и теперь, как приедет в Лубны, либо в Сосницу, соберет к себе всю старшину и духовного чина людей, прочитает им Степана Гречаного извет, настрашает всех Сибирью, будет говорить: видите, какова Москва обманчива! чего нам от ней доброго ждатель».

Дмитрашко Райча сказал: «меня гетман призвал к себе одного ночью, завел в комнату и велел Спасов образ целовать на том, чтобы мне быть с ним заодно и царских ратных людей, что в Батурине и в иных городах, побивать. Только я такой присяги не ставлю в присягу, потому что я присягал неволею, убоясь смерти, а не но правде. Я по своему прежнему обещанию готов умирать за великого государя, хотя бы гетман велел меня по членам разнять. А вы, Александр и Семен, наши слова спишите и подайте думному дворянину Артамону Сергеевичу Матвееву, чтоб он над нами и над всем малороссийским краем свою милость показал, мудрым ходатайством своим доложил государю, чтоб царское величество не дал своей отчины злохитрому волку в разоренье и прислал бы в Путивль выборных конных людей человек 400 или 500, а к обозному и к нам ко всем обнадежительную грамоту. Как те ратные люди в Путивль придут, пусть бы к нам царская грамота была донесена тайно, с кем пригоже, и к Неелову указ, чтоб нас не выдавал. Тогда мы, старшины, и Григорий Неелов дадим знать тем ратным людям в Путивль, чтоб сюда поспешали, а из Путивля в Батурин можно конно поспеть в одну ночь. Тем временем мы волка свяжем и отдадим Григорию Неелову, да с теми прибылыми ратными людьми отправим его в Путивль, потом, написав его вины, сами повезем его к великому государю в Москву. А пока все не учинится, пусть бы великий государь указал посланцев гетманских и советников — нежинского протопопа Симеона, асаула Грибовича, Миклашевского и батуринского сотника Еремея задержать в Москве, потому что

коли эти советники будут отпущены из Москвы до твоего, Александр, приезда, то еще у него, гетмана, всякое зло ускорится, а вся беда чинится и от тех помянутых выше советников, да еще промышленник во всем — нежинский полковник Гвинтовка; большая надежда у Демьяна на этого Гвинтовку! Протопоп Симеон Адамович большой ссорщик: гетман посылает его проведывать всяких ведомостей, — и он, приехавши к нему, гетману, чтобы гетмана удобрить к себе, станет сказывать ему такое, чего и не бывало!»

«Глуховские статьи становил я, — сказал обозный Забела, — а в тех статьях написано; духовного чина особ в посольство не посылать и именно протопопа Симеона Адамовича. А гетман посылал еще максаковского игумена Ширкевича в Варшаву и в Вильну, неведомо для чего!»

«Мы того опасаемся, — сказал еще кто-то, если гетман уедет из Батурина, произойдет много бед и кровопролития! Только у нас и надежды, что на митрополита Призренского, который живет в Батурине; он гетмана задержит, будто для лекарства, гетман здесь останется, покамест ратные люди сюда поспешат. Нас, старшин, не послушает гетман: он мало что и говорит с нами! Безмерно стал жесток с нами, не дает слова промолвить, бранит, бьет, саблей рубит. Во всех полках рассадил зятьев своих, братьев да друзей и собеседников!»

Обозный Петр Забела объяснялся потом с Таневым один на один и выражался уже так, как не решался выразиться при товарищах. Он хвалил самого себя, выставлял себя испытанным другом Москвы и подавал такие советы, которые, как он полагал, должны были придти по вкусу Москве. «Как Богдан Хмельницкий, — говорил он, — учинился под высокодержавною государевою рукою, и по се время, — как начал я служить великому государю верно, так и совершаю; за мою правду меня Господь Бог хранит, что еще жив! Вся беда от гетманов, а не от старшин. Только им изменникам Господь Бог не терпит за царскую хлеб-соль: все один за другим пропадают; жаль только, что невинных людей с собою губят! Если этого злохищника Господь Бог предаст и в руки наши изыман будет, пусть бы великий государь пожаловал нас: велел быть у нас гетманом боярину из великороссийских людей; тогда у нас постоянно будет, а пока гетман будет у нас из малороссийских людей, никогда добра не будет».

При последнем свидании неосторожный и откровенный гетман сделал перед Таневым выходки, подтверждавшие в глазах московского человека донос старшин. Многогрешный отозвался о Дорошенке совсем не так, как отзывался, бывало, в прежнее время, когда считал Дорошенка своим постоянным врагом. Теперь он заявлял, что татары не смеют пройти на левую сторону Днепра,

потому что Дорошенко их не пустит». «Хочет, — говорил Танееву гетман, — Дорошенко посылать к государю своих посланцев и с ними те санджаки, каковы ему присланы от турецкого султана; те посланцы будут у великого государя милости просить, чтоб его царское величество изволил Дорошенка принять под свою высокодержавную руку в вечное подданство и прислал бы ему, вместо турецких санджаков, свои царские знаки».

— А если турецкий султан войско пошлет за то на Дорошенка? — заметил Танеев.

— Дорошенко, — сказал Демьян, — будет бить челом великому государю, чтоб указал его оборонять своею царскою ратью.

Гетмана Демьяна очень коробило то, что, как он слышал, московское правительство давало полякам денег на наем войска, и он не побоялся при Танееве произнести такие слова: «коли бы польские послы и комиссары, набравшись в Москве от вас денег, ворочались в Польшу через Киев и через наши малороссийские города — было бы хорошо! Тогда бы и нам что-нибудь из тех сумм досталось!»

Это прямо уже казалось угрозой ограбить польских послов.

Марта 10-го уехал Танеев из Батурина с своим товарищем.

Когда Танеев был в Батурине, в Москве находились посланцами от гетмана Многогрешного: нежинский протопоп Симеон, генеральный асаул Грибович и войсковой товарищ Михаил Миклашевский (впоследствии стародубский полковник). Нежинский протопоп был давно уже тайным врагом Многогрешного, но подбивался к нему в дружбу; часто не ладил он с Демьяном по причине раздражительного характера последнего, но всегда потом примирялся с ним, и враги Демьяновы считали протопопа соумышленником гетмана. Будучи в Москве, протопоп не смел слишком резко поднимать голоса во вред гетману, после того как прежде письма его против гетмана и Лазаря Барановича не имели последствий, вредных для того и другого. Только слегка набрасывал протопоп на гетмана тень в беседах с боярином Матвеевым, заведывавшим малороссийским Приказом. «Я, — говорил протопоп, — сколько могу, верно служу и радею великому государю, только гетмана не могу никакими притчами исцелить от нашедшей на него скорби. Кто-то наговорил ему, будто великий государь Солонину гетманом поставить хочет, и Демьян скорбит о том зело; и о том скорбит, что Пиво с ляхами около Киева монастырские вотчины опустошил, а паче всего о Киеве сетует, чтоб государь Киева и других малороссийских городов ляхам не отдал, все спрашивает меня: покуль у нас граница будет с ляхами? А мне почему знать? Я ему клянусь душою и священством своим, что государь не мыслит Киева отдавать, а он, на меня оскорбившись, говорил: вот я как услышу, что Москва учнет что-нибудь дурное, — велю

тебя лютою смертью уморить! А я на то ему: за истину и за великого государя, говорю, готов помереть, а только, что тебе рассказывают и тебя страшат, — так это все ложь! Ничего с ним не поделаешь! Попечитесь вы, пошлите к нему умного человека с царскою грамотою, обнадеживал бы он, что великий государь Киева ляхам не отдаст и Солонину на гетманство не поставит. Потешьте его, ради Бога!»

Более резко не смел протопоп отзываться в Москве о своем гетмане, пока Демьян еще находился в царской милости.

1-го марта 1672 года отпустили из Москвы протопопа с товарищами, а с ними отправились царскими гонцами к гетману стрелецкий голова Михайло Колупаев и подьячий малороссийского Приказа Максим Алékсеев. Не доезжая двадцати верст до Севска, услышали они странную и неожиданную весть. Прибежал в Севск из Путивля стрелецкий сотник Ушаков от путивльского воеводы Волконского с известием, что генеральный писарь Карп Мокриевич, стародубский полковник Петр Рославец и переяславский полковник Дмитрашко Райча привезли в Путивль гетмана Демьяна Игнатовича скованным.

15-го марта возвращавшееся из Москвы малороссийское посольство приехало в Севск. Тамошний воевода Вердеревский задержал протопопа под предлогом, что в Севске все подводы разобраны и надобно посылать в села и деревни для сбора свежих подвод. Это сделал Вердеревский по наущению сопровождавшего малороссиян стрелецкого головы. По поводу странного приключения с гетманом Грибович и Миклашевский сказали своим великороссийским провозатым: «от гетмана мы никакого дурна не чаем, колиб он что дурное замышлял, то нас бы с протопопом к великому государю в Москву не посылал. Да и потом, как мы были в Москве, гетман прислал глуховского сотника с лошадьми в дар великому государю».

Но протопоп отнесся иначе. Когда Грибович и Миклашевский ушли к себе на подворье, где их поместили, Симеон, оставшись с Колупаевым и подьячим, говорил им так: «Давно уже я замечал за гетманом, что он стал не прежний; слова говорит не добрые и меня, протопопа, ганил многожды худыми словами и голову московских стрельцов, Григория Неелова, бесчестил. Обозный и судьи и Дмитрашко не раз сказывали ему, Григорию, что у гетмана не доброе на уме и чтоб он остерегался. Судьи и Дмитрашко служат великому государю верно. Они, в Батурине сидя, втайне написали письмо к Ржевскому в Нежин о гетманских неправдах, а Ржевский отправил то письмо в Москву. А как меня посылал гетман с челобитьем в Москву, то говорил мне: «коли проведаетшь подлинно, что государь хочет отдать Киев и Малую Россию ляхам, я тотчас пошлю в Гомель засесть многих людей! Я ему на то

сказал: без царского указа в Гомель посылать людей не годится. Ты пред святым евангелием обещал никаких дел не делать без царских указов, — на кого ты надеешься? «Надеюсь, — говорил Демьян, — на того же, на кого надеется Дорошенко; Бруховецкий сгинул за правду и я сгину так же, как он. В Переяславле московских породных людей мало, а Чернигов я людьми своими осажу»... На Запорожье послал 6.000 талеров, чтоб запорожцы были ему послушны. Теперь, слышу, везут его скованного в Москву, так мне уже в Нежине жить незачем; буду бить челом великому государю, чтоб дозволил мне жить в Москве и пожаловал бы меня так, чтобы мне сыту быть».

— Живи-ка лучше в Нежине по-прежнему и служи правдою государю, как прежде служил, — сказал ему Колупаев.

— Мне, — сказал протопоп, — и в измену Бруховецкого было много мучения и товаров своих остал (достояния своего лишился). Мы с Дмитрашкою Райчею Спасов образ на том целовали, что буде гетман Демьян великому государю изменит; так нам уезжать совсем в Путивль. Как я был в Москве, то некогда было мне поговорить об этом с думным дворянином Артамоном Сергеевичем Матвеевым, потому что он беспрестанно за царскими делами сидит в Приказе.

Х

Старшины арестуют гетмана в Батурине и везут в Москву. — Приключение с Гвинтовкою. — Озный Забела временно управляет Малороссией с старшинами. — Допросы гетману. — Овинение. — Казнь. — Ссылка в Сибирь.

В ночь с 12-го на 13-е марта пришли к Григорию Неелову старшины, обозный Забела, судьи Домонтович и Самойлович, генеральный писарь Карп Мокриевич и полковники: переяславский Дмитрашка Райча, наказной нежинский Уманец и стародубский Рославец.

Они сказали: «гетман собрался завтра ехать в Киев как бы на поклонение печерским чудотворцам. Но это один отвод. На самом деле он хочет изменять царскому величеству и, по примеру Дорошенка, поддаться турецкому султану. Мы хотим предупредить такое страшное дело; если промедлим хоть немного и выпустим Демьяна из Батурина, то неминуемо дойдет до кровопролития. Надобно взять его под караул теперь же ночью, до рассвета».

Неелов не стал противоречить, потому что уже был вооружен против гетмана. Взяли стрельцов и отправились в замок, или так называемый малый город. Демьян ничего не ожидал. Демьян спал. Старшины свободно вошли в его опочивальню, быстро схватили его, не допустивши ни кричать и звать на помощь, ни объясняться, связали, вынесли из дома, положили в подвезенные за-

ранее сани, закрыли шкурою и немедленно вывезли из Батурина под конвоем стрельцов. Все это сделано было так внезапно и так тихо, что в Батурине до утра никто не мог узнать, что случилось, и наемное (затяжное) войско, состоявшее при гетманской особе, не могло получить приказа спешить на оборону гетмана.

— Слава Богу, — говорили после того старшины, — что не было здесь асаула Грибовича; он был гетману верен, надсматривал над нами, ходил даже по дворам каждую ночь и обо всем, что замечал, переносил Демьяну.

Поутру генеральный писарь Карп Мокриевич и стародубский полковник Рославец уже ехали со скованным гетманом через Путивль и Севск в Москву. Им придали пятнадцать человек козаков и челядников. Дмитрашко Райча отвернул от них и поехал в Курск дать знать о поступке старшин с своим гетманом боярину Ромодановскому.

Оставшиеся в Батурине старшины отправили по всем полкам универсал, извещавший об измене гетмана, запрещали признавать его начальником и предписывали прислать в Батурин сродников и советников Многогрешного скованными, чтоб удержать их под караулом до царского указа. Тогда же арестовали четырех посланцев Дорошенка, прибывших накануне в Батурин.

Мокриевич с арестованным гетманом прибыл в Севск 17-го марта и, повидавшись с провожавшими Демьяново посольство из Москвы, просил по поручению остальных старшин, чтобы протопоп ехал назад в Москву разом с ними, асаула же Грибовича, считаемого другом Многогрешного, оставил в Севске, поручивши тамошнему воеводе. Затем Миклашевского и подписка Андреенка Мокриевич отправил в Батурин с письмом к остающимся там старшинам. В этом письме он убеждал своих товарищей ловить и сажать под караул всех, которые своими речами начнут показывать себя соумышленниками преступного гетмана. На другой день, 18-го марта, царские гонцы поступили так, как хотел Мокриевич. Миклашевский и Андреенко уехали в Батурин, а прочие двинулись к Москве со скованным гетманом.

Протопоп, до сих пор не решавшийся объявить себя противником гетмана, теперь круто повернул и стал заодно с гонителями Демьяна. 19-го марта, выехавши в путь, отправил он вперед себя к Матвееву письмо и в этом письме выражался, что «Демьян в чести сый не разуме, приложился сыном несмысленным», что Демьян «забыл Бога и присягу свою, что есть явные улики гетманской измены как на письме, так и на словах».

Один из друзей Многогрешного, нежинский полковник Гвинтовка находился тогда в Коропе; там узнал он о событии с Многогрешным, наскоро убежал в Путивль, явился к тамошнему воеводе князю Волконскому и показывал вид, будто он не в добрых

отношениях с гетманом, будто гетман, задумавши изменить, знал твердость и верность к царскому престолу его, Гвинтовки, и послал козаков убить его. Гвинтовка перед Волконским притворялся, будто первый раз слышит, когда ему сказали о взятии гетмана под стражу. Таким образом давний друг и товарищ Демьяна, чуть только услышал о противной судьбе гетмана, задумал не только уклониться от него, а еще воспользоваться его бедою и стать в число его губителей. Не удалась Гвинтовке эта хитрость. Мокриевич, бывший уже в Путивле, заранее объявил Волконскому, что Гвинтовка один из соучастников измены Многогрешного, и просил задержать его при случае. Напрасно Гвинтовка выгораживал себя пред воеводою. Волконский объявил: «не мое дело разбирать, кто из вас прав, кто виноват; в Москве будет вам царский указ». Он отправил Гвинтовку с приставом и провожатыми в Севск.

В Москве получили известие о случившемся с гетманом 21-го марта, ранее чем могли туда привезти самого гетмана. Немедленно послана была в Малороссию царская грамота: старшины получали похвалу за то, что не склонились на изменнические подушения Демьяна и взяли его под караул. Управление Малороссиею до дальнейших распоряжений поручалось обозному Забеле и с ним двум судьям; они должны были часто ссылаться с малороссийским Приказом и с местными воеводами. Велено было разослать по полкам от имени царя увещание, чтоб жители Малороссии пребывали в законной верности своему государю, а посланцев Дорошенка, прибывших тогда в Батурин к Многогрешному, приказано препроводить в Москву. Эту царскую грамоту повез в Малороссию стольник Самарин с подьячим Шестаковым.

Разом с отправкою грамоты в Малороссию послан был из Москвы стрелецкий сотник Горюшкин. Ему приказали ехать по большой киевской дороге через Калугу на Севск и где встретит он гетмана, взять его от козацких старшин и везти в Москву с великим бережением. Севскому воеводе Вердеревскому приказано отправить туда же задержанного асаула Грибовича.

Стольник Самарин прибыл в Батурин 1-го апреля и в тот же день вручил обозному царскую грамоту. Именем государя приехавший московский гонец уверял старшин, что служба их у государя забвенна не будет, и в окрестных землях будет им слава за то, что они не склонились ни на какие смутные прелести Демьяна и его советников. Управляющие малороссийским краем старшины немедленно отправили челобитную царю об указе, чтобы в Украине приступили к избранию иного гетмана. Вместе с тем посылались еще новоотысканные улики измены Многогрешного.

Батуринский сотник Карпович перед генеральною старшиною объявил, что приезжал от Дорошенка из Чигирина в Батурин к Многогрешному Семен Тихий и привозил Спасов образ; какую

присягу они взаимно приносили — неизвестно; но потом гетман отпустил Тихого вместе с ним, Карповичем, за Днепр. «Пришли мы, — показывал Карпович, — в Канев, где живет Тукальский. Мы к митрополиту пошли. Семен Тихий положил перед ним на столе образ, а митрополит поцеловал этот образ и спрашивал: ну, что там доброго учинили? Зачем послан был, все то совершилось, — отвечал Семен Тихий. Митрополит, подошедши к сотнику, взял его за пуговицу и сказал: «давно бы так, пане сотнику, надобно было бы поступить вашему гетману; сами добре ведаете: при ком хан, тот и пан, а у турецкого султана так много силы, что и Москве и ляхам дастся в знаки! Не только что на нас не посмеют наступать, но и своих городов не оборонят. От сего времени наши гетманы в неразрывном приятстве пребывают и все устроится как нельзя лучше».

Перехвачены были письма Василия Многогрешного, черниговского полковника, к наказному черниговскому же полковнику, Леонтию Полуботку, и в этих письмах усматривали намерение не допустить хлебных запасов в черниговский малый город (зámok), где помещались царские ратные люди.

От 3-го апреля управлявшие Малороссиею старшины извещали, что уже сродники Многогрешного посажены под караул, и, вместо них, на начальнические места выбраны иные лица. Вместо Василия Многогрешного и Шумейки, братьев бывшего гетмана, поставленных им в Чернигове и в Стародубе, назначили в Чернигов прежнего полковника Борковского, а в Стародуб наказным, до возвращения Рославца, Григория Дашенка. В Нежинском и Прилуцком полках получили снова свои уряды прежние полковники Филипп Уманец и Лазарь Горленко; Переяславский полк возвратили Дмитрашке Райче, Гадячский — Федору Михаленку, в Лубенском, вместо зятя Демьянова, Андрея Нестеренка, сделался полковником какой-то Михайло Степанов, а в Миргородском — Иван Дубяга. Из сродников и свойственников Многогрешного никто не казался столько опасным, как его закадычный друг Матвей Гвинтовка. Этот человек, как показывали на него старшины, много раз уже заявлял свое нерасположение к власти, не держал беседы с стрелецким головою Нееловым и с верными государю старшинами, а *волкохищно ходил*; оставивши нежинское полковничество и жену свою, приехал к Демку на первой неделе великого поста, пошептался с ним наедине и уехал в Короп. Тотчас по арестовании гетмана старшины, не звавшие еще, что Гвинтовка из Коропа уехал в Путивль, послали к нежинскому воеводе челобитную задержать Гвинтовку, но воевода Ржевский, за отсутствием Гвинтовки в Нежине, приказал взять под караул жену его и сына Феськá, а двор его запечатать тремя печатями, потом призвал к себе наказного нежинского полковника Гуменского, войта, бур-

миистра, знатнейших козаков и мещан и привел их всех к присяге на верность государю, а Гуменскому приказал разослать в Нежинский полк универсал, чтобы сотники, атаманы, войты и лучшие жители из мест и сел ехали в Нежин к воеводе принести крестное целование. Все это совершилось и скоро, и благополучно. Видно, однако, что по случаю неожиданного арестования гетмана боялись какого-нибудь смятения в народе. Нежинский воевода, извещая малороссийский Приказ о своих распоряжениях, приказал стрельцу, с которым отправил свою отписку в Москву, проезжать через малороссийский край пустою степью, минуя города, села и деревни. В то же время воевода всех ратных царских людей для их безопасности согнал в замок и расставил по стенам караульных. Хотя на другой день приведенные к присяге нежинцы уверяли, что царские ратные от них не могут ожидать ничего худого, но Ржевский все-таки не доверял и не велел никуда выходить из замка великороссиянам. С своей стороны и архиепископ Лазарь Баранович извещал царя, что уже разослал по всей Малороссии свой пастырский универсал, укрепляя «своих овечек», чтоб оставались верны принесенному раз крестному целованию и не слушали никаких прелестей.

Когда скованного гетмана привезли в Москву, генеральный писарь Мокриевич подал в малороссийский Приказ извет на Многогрешного, написанный в 38 пунктах. Гетман обвинялся в противозаконных сношениях с Дорошенком с целью изменить царю и поддаться, по примеру Дорошенка, турецкому султану. В этих-то видах Многогрешный, как показывал извет, старался заместить полковничьи места своими свойственниками и приятелями, и всякими способами распространить вражду к московской власти. Указывались произнесенные им в разные времена изречения, свидетельствующие о его нерасположении к Москве. Он перед старшиною говорил так: «наберу тысяч шесть выборных людей конных и пойду на великороссийские города, а весною придет мне на помощь крымский хан. Дам людям московским такой отпор, как Александр Македонский; тот был Александр, а я Демьян — не меньше того Александра наделаю дел, как опустошу Московское государство!.. Я, — говорил гетман, — не царский подданный, не хочу у царя быть в подданстве, хоть он мне весь Батуриным богатством наполни!» Всегда Демьян славил турецкого султана и рассказывал: «В одно время приехали к султану послы московский и польский. Султан велел сказать польскому, чтоб король польский звался не королем, а короликом, понеже, дескать, он мой подданный, а что царь московский — так я того считаю как бы за одного из черных татар моих». В сей великий пост говорил он старшине: «видите, господа, каково царское желательство к нам, поступился ляхам всю Украину отдать и проведут границу от

Киева Десною и Сеймом до Путивля. Сказывал мне капитан Мазапета, слышал-де он от царского сигклита: «тебе, гетману, уготовано в царских слободах 500 дворов подданных, только ты выдай нам старшин и начальных людей украинских». Старшины, слыша от него такие речи, сказали: не может этого быть; государь обещался нас в милосердии своем хранить! А Демьян на это сказал: «се у вас бороды выросли, а ума не вынесли! Я совершенно их намерение уразумел». Обозному Забеле наедине Демьян говорил: «надобно нам пещись об ином государе, а от Москвы не надеяться нам добра! Не хотел Демьян отпускать Танеева с подьячим и говорил старшинам: «не ведаете вы хитрости московской, а я ее давно постерег и вас оберегаю. Царь вас всех велит к себе призвать, да в Сибирь зашлет!» Самовольно, не советуясь со старшинами, Демьян без причины отставил полковников черниговского, нежинского, миргородского, лубенского, переяславского, стародубского, гадячского и прилуцкого, а на их места поставил других, своих сродников и советников. Дмитрашке Райче обещал четыре полка: Переяславский, Лубенский, Миргородский и Полтавский, лишь бы он только шел вместе с ним против царя войною. Андрею Мурашке говорил: «вот увидишь, что я с Москвою учиню, увидишь мою саблю в крови московской. Я их за столицу загоню; только вы будьте мне неотступны». С Дорошенком задумал родниться и высватал дочь Дорошенка за своего племянника Мишку, и посылал к Дорошенку Исаию Андреенка словесно объявить о приятстве и дружбе, а Дорошенко отправил к Демьяну войскового товарища Семена Тихого установить союз, чтоб иметь общих приятелей и неприятелей.

14-го апреля 1672 года в Приказе Малыя России бояре и думные люди делали Демьяну допрос. Они спрашивали:

— Демьян Игнатов! Будучи в малороссийских городах гетманом, учал ты ссылку иметь с гетманом тое стороны Петром Дорошенком и приискивать способов, как бы изменить великому государю и поддаться турецкому султану. Говори: с кем о такой измене думал? Кто был тебе советником? Зачем переменял полковников? По какому царскому указу велел за рекою Сожею во мстиславском воеводстве заезжать королевские земли и заводить с королевским величеством ссору? Зачем собирався ехать в Киев?

Демьян отрицал всякое против себя обвинение в измене.

— Я, — говорил он, — служил государю верно, полковников переменял по совету старшин, в Киев хотел ехать по письму печерского архимандрита, который извещал меня, что печерским жителям ляхи чинят насилия и разорения: я посылал уже к киевскому воеводе князю Козловскому, чтоб он оборонял от поляков печерских людей, а писарь Карп Мокриевич меня привел на то, чтоб для обороны идти мне самому с обозом. С Дорошенком я

ссылался о том, чтоб Дорошенко на сю сторону козаков и татар не пускал войною, а служили бы мы вместе великому государю на оборону от неприятелей. К Соже я посылал по совету всех старшин, а особенно писаря Карпа Мокриевича, полковника Ворошилу с полком его, велел ему: по Соже учинить рубеж для того, чтобы когда станут польские послы говорить с боярами о рубеже, так малороссийским жителям был бы уже тот рубеж рекою Сожью по Днепр. Я поступал так не сам собою, а по совету всех начальных людей, которые знают, что места эти были в нашем владении до Андрусовского договора, я о том писал к его царскому величеству.

Ему возразили: Коли бы, как ты говоришь, малороссийские жители владели местами по реку Сожь, то для чего было тебе те места заезжать, минуя три года после Андрусовского договора? Притом рубеж ты велел захватить по Сожь для того, говоришь, чтоб рубеж был по эту реку; а ведь город Гомель стоит за Сожью! Зачем же в этот город велел ты людей ввести и город засесть?

Демьян сказал: В том воля великого государя. Хотя город Гомель за Сожью, только во время польской войны от того города малороссийским жителям было великое утеснение; для того-то я этот город велел занять малороссийским жителям — так, что если бы от поляков вперед сталась какая война, то малороссийским жителям было бы тем городом бережение великое, потому что тот город стоит за Сожью.

Его спросили: Приезжал к тебе подьячий Михайло Савин, ты говорил ему: как царь изволит нас отдавать королю понемногу, так лучше бы уже всех разом отдал; король будет рад, а царское величество нас не защищает, и если б мы сами себя не боронили, так нас бы поляки в неволю побрали, а на московских людей надеяться нечего».

— Таких речей не говорил! — отвечал Демьян.

Дали очную ставку с Савиным. Демьян утверждал, что не помнит этого, а если что говорил, то, быть может, в пьяном состоянии («пьяным обычаем»).

Его продолжали допрашивать: «говорил ты полуголове Танееву и подьячему Щоголеву, что государь обещал полякам отдать Киев и малороссийские города в вечную неволю и посрамление, а церкви Божии на запустение и разорение и поэтому королевские послы не допустили сидеть твоих посланцев в посольской избе, называя их своими холопами».

— Таких речей я не говорил, — отвечал Демьян, — а вот как пришла царская грамота о Киеве с Василием Бурковским, то я сказал писарю Карпу: изволил государь нас о Киеве грамотою своею обрадовать! Писарь же молвил: «не само ты тому верь; держи свой разум. Не так бы вышло, как прежде было, когда

прислали царскую грамоту при Бруховецком, Войско Запорожское обнадежили, а потом князь Данило Степанович Великогагин вступил с войском, Золотаренка, Сомка и Силича побили. Вот что я слышал от писаря и был в сумнении и от царских войск в опасении; в том виноват, а изменять не думал!

— Зачем же, — сказали ему, — ты на писаря старшинам и войску не объявил и к царскому величеству не написал? Тебе что о том опасение иметь, что князь Великогагин с войском приходил? Он на раду прислан был, а у вас никогда рада совершения не воспринимала без царских ратных людей. У вас при выборе гетмана учинился бы на раде бой, кабы царского величества войск там не было.

— Я человек простой, — сказал Демьян, — не писал великому государю спроста; чаял, что писарь говорит правду, остерегаючи меня; в том пред великим государем виноват.

Из старшин более всех старался вредить Многогрешному генеральный писарь Карп Мокриевич. Он показывал: «перед нами всеми, пред генеральною войсковою старшиною, говорил Демко такие речи: соберу конного войска тысяч шесть и пойду войною на великороссийские города, а весною ко мне хан крымский с ордою прибудет на помощь. Задам тогда я москалям: поймаю за волосы их лучшего человека Артамона и уж тогда буду знать, что с ним сделать!» то написано было в сказке, поданной Мокриевичем. Прочитали эту сказку Демьяну Игнатовичу. Он сказал: в мысли у меня никогда не бывало собирать войско да идти войною на великороссийские города и Артамона за волосы поймать! Не говорил я ничего такого. И про хана, чтоб его ждать себе в помощь не говорил. Вольно писарю Карпу теперь это показывать: он со старшинами в соумышлении хочет меня погубить и для того такое про меня выдумывает!

Явился у расспроса нежинский протопоп и сказал: «как он, Демко, будучи гетманом, посылал меня к царскому величеству, я пред отъездом своим укреплял его, чтоб держался милости царской; я напоминал ему, что случилось с Бруховецким, а он мне сказал: поедь-ко ты в Москву, так на Москве будешь в тюрьме».

Демьян сознался, что было так, и винулся.

Думные люди продолжали спрашивать подсудимого: «говорил ты стрелецкому полуголове, будто посланцев твоих не допускают царские бояре для слушания дел, чтоб отдача Киева и малороссийских городов Войску Запорожскому неведома была».

— Не говорил, — отвечал Демьян.

Его продолжали допрашивать: «говорил ты — великий государь город Киев не саблю взял, поддались вы ему добровольно и коли теперь не нужен ему Киев, пусть выведет воевод и ратных людей, а вы найдете себе иного государя, и про Бруховецкого

говорил, что он много терпел от московской неправды, да и не утерпел?»

— Отнюдь ничего такого не говорил, — отвечал Демьян.

— Зачем, — спрашивали его, — Чернигов большой город от малого отгородить велел?

Демьян отвечал: «Писарь мне сказал, что слух пошел, будто войска царские хотят города малороссийские засесть. Я для осторожности велел отгородить».

Его продолжали допрашивать: «тому же Танееву и подьячему ты сказывал, будто польским послам по договору дали 30.000 денег для найма войска на Дорошенка; вы же непродажные и некупленные пойдете на Польшу войною, а как над польским государством что учинится, так и иному кому-то достанется. Еще тому же Танееву ты сказал, что никаким спискам, присланным из Москвы, ты не поверишь, что вас только ласковыми словами утешают, а правды не объявляют. Да еще о Колупаеве ты сказал: что коли приедет, так пускай нездоров уедет, а Танееву грозил, что коли еще приедет, так будет в Крыму; да еще говорил, что коли польские послы, набравши в Москве денег, пойдут через вашу землю, то козаки казну у них разделят. Говорил ли ты все это? Скажи теперь правду и вину свою великому государю принеси чистым сердцем».

Демьян все отрицал.

Его спрашивали: «Зачем ты велел Неелову ставить на воротах стрельцов только человек по тридцати, когда прежде их ставилось по сту и больше? Зачем обозному Забеле и другим старшинам запрещал сходиться с Нееловым и челядников своих подсылал надсматривать за ними, чтоб не сходились с московскими людьми? Делал ты так? скажи правду».

Демьян объяснял так: Один раз, шедши в церковь, я спросил — есть ли караульщики? Мне отвечали: два человека пятидесятников, а с ними стрельцов человек со сто. Я спросил: нет ли в кормах скудости? Отвечали — нет, а только много слишком ставится караульщиков, и то им досадно и скорбно. Я, поговоривши с Нееловым, велел стрельцов на караулах убавить; старшинам же не заказывал сходиться с московскими людьми и челядников не посылал надсматривать за ними.

Ему сказали: «на тебя сообща все старшины показывают, что ты изменил великому государю, посылал к Дорошенку чернецов, и те именем твоим присягу учинили, а Дорошенко присылал в Батурин своих посланцев с образом, и ты перед ними присягал и Дорошенку дал на заплату войску 24.000 ефимков. Говорят на тебя, что ты во всех полках учинил начальными людьми своих свойственников и единомышленников и во все полки писал универсалы, чтоб все шли в осаду».

Демьян отвечал: Чернецов я к Дорошенку не посылал и Дорошенко ко мне Спасова образа не присылывал, а присылал ко мне он Семена Тихого возвратить жителей, взятых на сей стороне татарами; двадцатичетырех тысяч ефимков Дорошенку я не давал; с початку гетманства моего такого большого числа ефимков у меня не было, даже и двух тысяч левков в сборе не было. А полковников я переменял с согласия старшин.

Допрашивали его далее: «сказывают, созывал ты старшин, и говорил им, будто царь писал к тебе, чтоб ты старшин прислал в Москву, а оттуда сошлют их в Сибирь; ты для того и животы свои вывозил в монастырь, хотел сам из Батурина ехать в Лубны и слух пустил, будто едешь Богу молиться в Киев; ты же Степану Гречаному приказывал писать, будто делалось на Москве такое, чего там вовсе и не бывало, чтобы потом прочитая козакам и говорить — вот как Москва обманчива! так ли было?»

Демьян отвечал: «Никаких таких речей я не говорил, не подговаривал Гречаного писать ложное и животов не вывозил, — да и нечего было: у меня всего было только полторы тысячи золотых червонных да 60 злотых. Хотел точно ехать в Киев на богомолье, а не в Лубны и не для свидания с Дорошенком».

— А правда ли, — спрашивали его, — что ты Дмитрашку Райчу призывал к себе ночью и толковал с ним, как царских людей побивать.

— Не было этого, — отвечал Демьян, — а с Дмитрашкою мы дарились по свойству: я ему подарил лук, а он мне лубье (колчан).

— Зачем, — спрашивали его, — посылал ты игумена Ширкевича в Вильну за каким-то лекарем?

Демьян объяснил: «игумена я не посылал, а он сам ездил по своему делу, не в Вильну, а в Могилев; по этому случаю просил я для меня достать лекаря, и он мне лекаря привез».

Поставили на очную ставку с Демьяном Танеева и Щоголева. Они уличали его, уверяли, что все, записанное ими в их статейный список, слышали они от гетмана.

Демьян все отрекался.

Спрашивали подсудимого о похвалках перед старшинами: как он пойдет на великороссийские города войною; как прибудет к нему на помощь хан с ордою; что лучше-де жить под властью турецкого султана, чем московского царя; что Москва, вместе с поляками, хочет истребить малороссийских жителей, что он даст Москве отпор как Александр Македонский; как он хотел Дорошенкову дочь сговорить за своего племянника и для этого приезжал к нему от Дорошенка Куницкий.

Демьян отвечал: Ничего такого не говорил я. Затеяли на меня все это старшины: не любят они меня и хотят отлучить от царской

милости. Куницкий точно приезжал ко мне: Дорошенко через него передавал мне, что хочет быть под рукою царского величества, только опасается, чтоб царь не выдал его польскому королю, а я уверял Куницкого, что великий государь Дорошенка польскому королю не выдаст.

«Демко, — сказали думные люди, — принеси свою вину перед великим государем чисто, — скажи правду: как ты с Дорошенком ссылался об измене? Скажи: кто ведал про твой совет с ним? Объяви: на чем у тебя с Дорошенком постановлено было иного государя искать, и если хотели вы быть у турецкого султана в подданстве, то на каких статьях? Про все скажи правду и вину свою великому государю принеси истинно. А буде правды не скажешь и вины своей великому государю не принесешь, то его царское величество укажет тебя в твоём воровстве пытаться».

Многогрешный продолжал твердить прежнее:

«Никогда не думал я изменять великому государю и искать иного государя. С Дорошенком ссылался я о дружбе, чтоб он на нашу сторону войною не ходил и людей не посылал, и он то обещал мне. А чтоб Дорошенко меня подводил в подданство турецкому султану, — того никогда не бывало. Говорю правду: готов не только идти на пытку, а хоть и смерть принять».

«А вот, — сказали ему, — генеральный обозный и все старшины показывают на тебя, что ты беспрестанно вел ссылки с Дорошенком, — хотел изменить царю и отдаться турецкому султану, и многие речи неистовые против царского величества и похвалки на Московское Государство говорил. Да ты и сам в таких речах не заперся, что, может быть, и говорил спьяна. Дорошенко присылал к тебе письмо и инструкцию с своим войсковым товарищем Исайтею Андреенком, и письмо его писано закрытыми словами.

Ему прочитали письмо Дорошенка и инструкцию.

Демьян заметил:

«В этом писании дело идет только о том, чтоб нам в дружбе жить с Дорошенком и ему через Днепр ни самому с войском не переходить и войска не посылать для войны в область его царского величества. Если ж я по глупости, спьяна сказал что-нибудь нехорошее, — в том надо мною волен великий государь».

«Если бы, — сказали ему думные люди, у тебя с Дорошенком ссылка была только о том, чтоб ему, Дорошенку, не ходить войною в наши города, так отчего же тебе не пересылать было всех Дорошенковых писем к великому государю?»

Демьян сказал: «Человек я простой и неученый; положено было это дело на войскового писаря; он должен был все получаемые письма посылать к великому государю, а он их не посылал оттого, что старшины умыслили отлучить меня от царской милости и

взвести на меня измену. У нашей старшины всегда так ведется: как захотят учинить над гетманом какое-нибудь зло, тотчас подведут его. Я человек простой. Может быть и Дорошенко меня обольстил, что хотел со мной быть в дружбе, обещал на сю сторону Днепра войною не ходить и к царскому величеству радеть; я ему поверил, а измены никакой не мыслил. В той моей пересылке с Дорошенком воля его царского величества».

Поставили еще обвинителя — батуринского атамана Ярему Андренка. Он у пытки объявил: «Посылал меня Демко к Дорошенку и при Дмитрашке Райче молвил мне: «скажи Дорошенку, что двое за один кожух торгуются». Я спросил его: что это слово значит? Демко отвечал: «скажи Дорошенку так, как я тебе велел, — он знает, что это слово значит». Тогда Демко дал мне письмо к Дорошенку. Я к Дорошенку приехал, письмо отдал и казал то, что велел сказать Демко. Дорошенко сказал: «знаю я, что это слово значит — двое за один кожух торгуются». Как Дорошенко меня отпустил, то вместе со мною прислал к Демку своего посланца — Луговского. Луговский, едучи со мною, говорил, что везет письмо от Дорошенка к Демку, а приехавши сказал Демку, что Дорошенко ему письма не дал, а приказал что-то передать словами.

Судившие Демьяна спрашивали: «За каким делом посылал ты Ярему к Дорошенку, и что значит слова: двое за один кожух торгуются?»

Демьян сказал:

«Я посылал Ярему не один раз к Дорошенку, а трижды, может быть, и четырежды, и все об одном писал, чтоб он жил со мною в согласии — на сю сторону Днепра войною не ходил, зацепок и задов чинить не велел. А того, что двое за один кожух торгуются, — я не помню».

Поставили на очную ставку Ярему с Демком. Ярема уличал Демка. Демко твердил, что ничего не помнит.

Повели Демка к пытке, раздели, продели руки в страшный московский «хомут», привязали ремнями руки и ноги к противоположным между собою столбам, так что всё тело пытаемого болталось в воздухе. Дали 10 ударов кнутом. Демко, человек нервный и раздражительный, как всегда бывает с подобными натурами, не мог выдержать мучений с твердостью и сознался, то действительно говорил: тяжело ему в подданстве быть у Москвы! В таком смысле он точно выражался в разговоре с Танеевым — и трудно было ему теперь заператься. Но он стоял непоколебимо на том, что, сносясь с Дорошенком, не думал изменять законному государю и поддаваться турецкому султану. Под пытку допрашивали его, что значат слова: «двое за один кожух торгуются?» Демьян сказал: «Это значит, что поляки хотят овладеть Киевом, а царь не отдает его».

Недовольство подданством Москве, в котором сознался подсудимый, признано было явным признаком измены. Не вынимая из хомута, его спрашивали:

Объяви: кто ведал твои мысли и кто был с тобою в совете?»

«Никто, отвечал Демко́, не был со мною в совете. Мыслил я один».

Ему дали несколько ударов, думая вымучить у него иное сознание, и спрашивали:

«Был ли с тобою в совете Матвей Гвинтовка? Старшины показывают, что это был твой задушевный друг и советник?»

«Гвинтовка в измене не был, — за ним ничего не знаю», — сказал Демьян.

Сняли Демьяна с пытки. Принялись за Гвинтовку. его спрашивали:

«Как Демко́ забыл Господа Бога и великого государя к себе милость и жалованье, учал мыслить об измене, ты о той измене ведал. Для чего, к великому государю о том не написал и старшинам не объявлял?»

Гвинтовка сказал:

«Никакой за Демком измены я не ведал и в совете с ним о такой измене не был».

Повели Гвинтовку к пытке, раздели, руки заложили в хомут, стали бить кнутом, «крепко и с большим пристрастием расспрашивали про Демкову измену».

Гвинтовка на пытке говорил одно:

«За Демком измены не ведаю, сам изменять великому государю не мыслил и служил его царскому величеству верно».

Сняли Гвинтовку. Принялись допрашивать сына Гвинтовки.

«Я ни за своим отцом, ни за Демком измены не знаю; да и ведать я не мог, в каких советах был мой отец с гетманом, потому что я у отца жил мало, — учился в школе при монастыре».

Молодого Гвинтовку не пытали. Но подвергли вторичной пытке бедного Демьяна Игнатовича. Его спрашивали под кнутом:

«Принеси свою вину великому государю безовсякие лжи, признайся во всем: как ты хотел изменить великому государю и поддаться турецкому султану, и как о том с Дорошенком ссылку держал?»

Демьян под ударами кнута говорил одно:

«Не думал я изменять великому государю, не думал поддаваться турку. Волен Бог и государь».

Был обвиняем, как участник в недозволительных выводах гетмана и в изменнических замыслах брат Демьяна, Василий Многогрешный. В малороссийский Приказ досталось письмо, писанное к нему от митрополита Иосифа Тукальского. Митрополит благодарил Василия Многогрешного за присланного коня и хвалил

Василия за то, что желает, чтоб митрополит жил в соборе киевских митрополитов.

Прежде спрошенный об этом письме Демьян отозвался, что он о письме не ведает; но ему известно, что Василий, брат его, посылал митрополиту и архиепископу Лазарю Барановичу в подарок по лошади, после того, как, по челобитью духовных властей, патриарх александрийский Паисий, проезжавший через Малороссию в Москву и обратно, разрешил его от эпитимии, наложенной за убийство жены, и Василию дозволено было в другой раз жениться.

6-го мая подвергнут был допросу Василий Многогрешный, вместе с генеральным асаулом Грибовичем.

Судившие сказали Василию Многогрешному:

«По доносу старшин, ты обвиняешься в том, что знал об измене, затеваемой братом твоим, бывшим гетманом».

Василий Многогрешный отвечал:

«Об измене брата моего ничего не знаю, и он мне о том не говорил и не писал. Что он с Дорошенком ссылался — это я знаю, но о чем ссылался — про то не знаю. Я спрашивал брата: зачем он ссылается с Дорошенком, а брат сказал, что то делается по указу великого государя. Я, слыша такие речи от брата, писал к митрополиту Тукальскому, чтоб он отводил Дорошенка от польской стороны к великому государю».

Ему показали семь писем, писанных к черниговскому наказному полковнику Леонтию Полуботку. В одном из них приказывал он держать в тюрьме бесчинствовавших в Чернигове великороссиян до гетманского указа, а потом, извещая, что гетман велел выпустить их из тюрьмы, поручал одного из них, подьячего, перед выпуском из тюрьмы пытать¹, под тем предлогом, будто он хотел уйти. Это, как оказывалось из письма, делалось над подьячим из мести за то, что последний грозил козакам носить их кафтаны.

Василий Многогрешный сознался в этом.

В других письмах Василий не велел пропускать хлебных запасов, которые черниговский воевода приказал возить для отсылки польскому полковнику Пиво. Спрашивали его по этому поводу. Василий Многогрешный объяснил: «я не приказал возить польским людям хлебных запасов, потому что гетман, брат мой, запрещал покупать в левобережной Украине приезжим с польской стороны и увозить за Днепр хлеб, по причине возникшей дороговизны, а когда гетман разрешил — и я велел пропускать. Делал я это не с худым умыслом, не для измены».

¹ «Подьячего, выняв из тюрьмы и дав вину нагнети животов, киями не бей, чтобы не было синятины, но так поддержи в руках, чтоб не забыв до века».

«А если ты, — спросили судившие, — об измене брата твоего, Демка, не ведал и сам не хотел изменить, зачем же, оставивши свое полковничество, убежал из Чернигова и надел на себя чернеческое платье?»

Василий Многогрешный сказал:

«Черниговский воевода приказал на городовое строение лес навозить и государевы люди стали от нас опаску иметь. Слух пошел, что начальные московские люди в замке пульки льют, а шляхтич Половецкий, перешедший с правой стороны Днепра на нашу сторону, говорил мне, будто государевы ратные люди для того пульки льют, что хотят с нами биться. Я этого шляхтича послал к брату, а брат прислал его обратно ко мне, и вместе с ним прислал «выростка» Ивана. Через него брат приказал мне не попускать чинить задор с воеводою и государевыми людьми, пока не воротится из Москвы протопоп Симеон с государевым указом. Тот Иван выросток мне тайно сказал: приехал из Москвы в Батурин чернец и говорил, будто приказано Демка схватить и в Москву отослать и будто брат-гетман сказал: «пусть будет воля Божия, а я ничего не опасуюсь». На другой день воевода прислал ко мне полуполковника звать к себе. Полуполковник звал меня так сурово, что я начал догадываться, — видно, как сказывал чернец, и впрямь брату что-то нездорово. Оседлал я лошадь и поехал было в город к воеводе: вижу — из города прямо против меня идут пешие москали с ружьями и бердышами. Я, как увидел государевых ратных людей, испугался, убежал в Елецкий монастырь и стал советоваться с архимандритом Голятовским: что мне делать? — бежать ли куда подальше, или к воеводе ехать? Архимандрит сказал: как себе хочешь. Я из монастыря поехал за Десну и приехал в Никольский монастырь; там у одного старца — имени его не знаю — взял чернеческую ряску, а свое платье и лошадь оставил в монастыре. Я хоронился по разным местам, — наконец пришел в Максаковский монастырь к игумену Ширкевичу; игумен дал мне старца и челядника и велел проводить меня в лодке рекою Десною до Киева. Так я добрался до Братского монастыря, пришел к отцу ректору и стал просить, чтоб он меня прихоронил. Ректор обещал прихоронить, а вместо того пошел и объявил киевскому воеводе; киевский воевода взял и меня, и старца, и служку, что провожали меня из Максаковского монастыря, да и отправил всех в Москву».

Его спрашивали: куда хотел ты бежать из Братского монастыря? на которые города и места? К Дорошенку и Тукальскому? Что думал у них делать?

Василий отвечал: -

— Я не хотел никуда бежать; ухоронившись в чернеческом платье, хотел жить в Братском монастыре. У Дорошенка и Тукальского мне делать было нечего, и я к ним не хотел бежать.

— Зачем, — спрашивали его, — ты по письму брата своего приказал отгородить большой город Чернигов от малого города, где жили воевода и государевы ратные люди? Какое дурно хотел ты учинить над воеводою и государевыми ратными людьми?

Василий Многогрешный отвечал:

— Не отгораживал я большого города Чернигова от малого, не думал чинить никакого дурна воеводе и государевым ратным людям, письма от брата о том мне не было и об измене брата моего я не знал и не знаю. А в чем по своим письмам я великому государю виноват, пусть в том будет его царская воля, только изменять я не хотел и не мыслил.

Подвергнутый допросу старец Максаковского монастыря, который сопровождал Василия Многогрешного в Киево-братский монастырь, показал, что Василий просил ректора отправить его к митрополиту Тукальскому, надеясь, что Тукальский будет к нему добр и вспомнит, как Василий, будучи в полковниках, присылал ему в подарок лошадь и червонцы. Ректор обещал сделать все по желанию Василия после Светлого праздника, но в великую субботу доложил о нем воеводе.

— Как же, — сказали судившие, — ты, Василий, в своих речах утаил про Тукальского и, значит, про свой побег правды не сказал?

Василий Многогрешный, не допуская себя до пытки, сознался. — «Виноват, — сказал он, — хотел бежать к Тукальскому от великого страха и просить, чтоб митрополит меня у себя ухоронил и в сторону царского величества не отдал. А чтоб, собравшись с кем-нибудь войну вести, такого вымысла у меня не было. Если б я и хотел так поступать, то не мог бы: Дорошенков писарь Воехович мне великий недруг. Да и до войны ли мне было, — лишь бы от великих бед голову свою ухоронить! Я хотел, все покинув, постричься. Вся вину свою пред государем я сказал и больше того говорить мне нечего. Во всем пусть будет воля великого государя.

Спрошенный асаул Павел Грибович не показал ничего обличающего Демьяна Многогрешного в измене, и заявлял, что ничего не знал и не ведал о непристойных речах гетмана.

Допрошенные дорошенковы посланцы, задержанные в Батурине, объявили, что они — дорошенковы дворовые люди и приезжали к Многогрешному просить дозволения продать лошадей, а на вырученные деньги закупить материалов для церковного строения. Их показания не представили ничего к обвинению Многогрешного и его соучастников.

Государь, сохраняя права малороссийского народа, сперва указал отправить бывшего гетмана с другими прикосновенными к его делу лицами в Малороссию и отдать местному войсковому

суду. Но 20-го мая прибыл в Москву посланец от временного малороссийского правительства, сын генерального обозного Степан Забела с батуриным сотником Григорием Карпенком, который прежде ездил от Многогрешного к Дорошенку и теперь отправляем был нарочно для того, чтоб уличить Многогрешного. С ними старшины присылали челобитную от 13-го мая: объясняли, что как только разнеслась весть о намерении государя прислать Демка в Малороссию на войсковой суд, то сделалось смятение, и они теперь просят не посылать Демка в Украину, а совершить над ним достойную казнь в Москве.

Гетман Демьян Многогрешный и брат его осуждены были на смертную казнь. 28-го мая в Москве, на Болоте, за кузницами, назначено было исполнение приговора. Многочисленное было стечение народа, обыкновенно склонного глазеть на подобные зрелища. Вывели осужденных братьев, прочитали им роковой приговор. В этом приговоре, обращенном к лицу «изменника и клятвопреступника Демка Игнатова», говорилось, что Демьян Игнатов забыл Господа-Бога и прежнее государево к себе жалованье и умыслил отдаться турецкому султану, чтоб невинных христиан отдать в вечную и нестерпимую бусурманскую неволю, ссылаясь об этом с гетманом той стороны Днепра Дорошенком и на том учинил с ним присягу. Ему ставили в осуждение еще и то, что он хотел поссорить великого государя с братом его, польским королем, овладел неправильно некоторыми местами в поветах Мозырском и Речицком и ложно сообщал царю, будто это сделалось по приговору старшин. Сверх того, говорил он в Батурине московским присланным людям — подьячему Михаилу Савину, стрелецкому полуголове Александру Танееву и подьячему Щоголеву непристойные речи о царском величестве, будто царь хочет Киев и всех малороссийских жителей отдавать польскому королю, грозил после Пасхи идти войною на Московское государство в соединении с турками и татарами, воровски уверял старшин, будто царь хочет сослать их в Сибирь, приводил переяславского полковника Дмитрашку Райчу к присяге, чтобы царских ратных людей в малороссийских городах побивать, объявлял старшинам, что не хочет быть у царя в подданстве и приказал не пропускать в Киев и другие малороссийские города гонцов с вестовыми письмами. Старшины, не допуская до конечной измены, поймали его и доставили в Москву, а он под пытку «во всех своих изменных словах винулся». По желанию старшин, полковников, всего Войска Запорожского сей стороны Днепра со всем народом малороссийским, великий государь указал ему учинить смертную казнь.

Василий Многогрешный, в прочитанном приговоре, осуждался за участие в измене брата; уликами в таком участии признавалось то, что он отгородил черниговский замок от города, приказывал

держат в тюрьме великороссийских ратных людей, не велел пропускать запасов, закупленных черниговским воеводою, ссылался с Тукальским и, узнавши о взятии под караул своего брата гетмана, переделался в чернеческое платье и ушел в Киево-братский монастырь, намереваясь оттуда бежать за Днепр к митрополиту Тукальскому.

Головы осужденных Демьяна и Василия уже положили на плахи, вдруг прибежал царский гонец, стрелецкий сотник Федор Меркулов. Он всенародно объявил, что «великий государь, по упрошению детей своих, царевичей Феодора и Иоанна Алексеевичей, пожаловал изменников и клятвопреступников Дёмку и Ваську, не велел казнить смертью, а указал их сослать в Сибирь с их семьями».

Сняли с плахи осужденных и отвезли в Малороссийский Приказ. — Кроме Демьяна и Василия Многогрешных определены были для отправки в Сибирь: бывший войсковой асаул Павел Грибович и бывший нежинский полковник Матвей Гвинтовка с сыновьями своими Евфимом и Федором; хотя эти лица ни в чем не были осуждены, но ссылались в Сибирь потому только, что были друзьями Демьяна Многогрешного, и малороссийские старшины не хотели их держать в отечестве.

На другой день объявлено было, что великий государь велел дать на милостыню Демку 15 рублей, а Ваське 10 рублей, прочим по пяти рублей и возратить им бывшую с ними рухлядь. Эта рухлядь у самого гетмана состояла из выбойчатой постели, подложенной кумачом, двух подушек, шелкового пояса, голубого кафтана, лисьего меха, жестяной кружки, деревянной посуды: стакана, чашки, блюда и солонки, склянки и муравленого горшочка, да рубахи с портками. Все имущество Многогрешного, которое вообще было невелико, приказано было обратить на церковное строение, так как бывший гетман обещал построить в Братском монастыре церковь и устроить там школу, да сверх того начал строить церкви в Нежине и в Батурине. О присылке семейств, осужденных для препровождения их в Сибирь, послан был указ в Малороссию. К Демьяну присланы были: жена его Анастасия, сыновья Петр и Иван, дочь, называемая по одним Елена, по другим Марина, племянник Михайло и две работницы. Их всех отправили в Тобольск, где приказали держать скованными за крепким караулом, а потом разослать по разным городам, поверставши в козачью службу. Павел Грибович ушел с дороги, и это отягчило участь остальных.

Дорошенко, узнавши о несчастье, постигшем Многогрешного, писал киевскому воеводе, что гетман Демьян Игнатович сносился с ним и находился с ним в дружбе, *«не для якои зрады, як удают сами превратныи головы, але для славы его царского»*

величества»; злые люди оклеветали пана Демьяна Игнатовича, доброжелательного его царскому величеству человека, и, внезапно низложивши его с гетманского уряда, неизвестно куда дели. Если в этом деле не будет рассмотрения царского величества, то я уверен, что Бог на каждом взыщет за его невинность. Но такое заступничество Дорошенка могло расположить московские власти к тому, чтобы смотреть на Демьяна, как на изменника: в числе главнейших улик в измене поставлено было его дружелюбное сношение с Дорошенком.

Каждый, прочитавши все производство суда над Многогрешным, не может не придти к тому убеждению, что этот человек потерпел совершенно безвинно, единственно только по несдержанности своего характера, за произнесение в пьяном виде резких, хотя, надобно правду сказать, и правдивых слов. Он своею вспыльчивостью и раздражительностью вооружил против себя старшин, и они решились поступить с ним с беспримерною наглостью, надеясь, что выходки гетмана в присутствии царских гонцов достаточно вооружат против него московские власти. Они не ошиблись. Успех увенчал самое вопиющее дело. Подчиненные, без всякого следствия, суда и верховного указа, хватают утвержденного царскою властью главу края, везут в столицу, передают суду и получают за то высочайшую похвалу и одобрение. Нельзя не поражаться странным бесправием, господствовавшим тогда в московском правительстве, не говоря уже о том, что, по допросу, гетман и его сообщники не оказались виновными ни в каких противозаконных делах; если бы даже они были виновны, то все-таки самовольное взятие их под караул было преступление, достойное наказания. Что малороссийский народ не сочувствовал такому незаконному поступку, показывает отписка князя Ромодановского, от 12-го июня 1672 года, о народном волнении, когда генеральные старшины боялись, что их побьют.

О судьбе несчастного Многогрешного мы знаем, что он был сослан в Селенгинск, поверстан в дети боярские и жил долго. В 1688 году вместе с сыном Петром Демьяновичем он содействовал полномочному русскому послу Головину в усмирении табунутов и в разбитии мунгалов. Дочь Многогрешного была в замужестве за сибирским дворянином Иваном Бейтаном, была жива еще в 1726 году, а внучка была за священником селенгинской Спасской церкви Игнатием Боршевским.

Гетманство Многогрешного не осталось без влияния на историю Малороссии того времени. Принявши правление в такое время, когда левобережная Украина распадалась, он с большим усилием добился до того, что соединил ее снова. Он потом начал пытаться дружелюбным отношением с Дорошенком охранять ее от грозивших ей ударов с правой стороны Днепра, и тут-то не-

избежно встретились его попытки с пагубными следствиями Андрусовского договора. По своему открытому нраву, Многогрешный высказывал Москве прямо то, что чувствовал и думал: прямота и смелость его Москве пришлись не по вкусу; тотчас воспользовались этим домашние враги и погубили его.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Гетманство Самойловича

I

Предварительное совещание в Батурине старшин козацкого сословия об избирательной раде. — Челобитная их, посланная в Приказ с Лисенком. — Серко схвачен в Полтавщине. — Распоряжения в Москве о предстоящей раде. — Смятение в Малороссии 26-го мая. — Ромодановский идет в Малороссию. — Полки о месте отправления рады. — Избирательная рада в Козачей Дуброве. — Известие о рождении Петра Алексеевича. — Избрание в гетманы Ивана Самойловича. — Отправка Серка в Москву. — Выбор некоторых новых старшин.

В апреле 1672 года, по возвращении из Москвы Карпа Мокриевича, собрались в Батурине значные люди козацкого сословия — генеральные старшины, полковники, полковые старшины, атаманы и войсковые товарищи. Они порешили просить государя, чтоб избирательная рада была устроена без участия простых козаков и посольства для того, как сказано было в челобитной, чтоб «от великого совокупления посольства не повстало какое-нибудь смятение». С этой батуринской предварительной рады отправился в Москву от всего Войска Запорожского бывший черниговский полковник Иван Лисенко со статьями, имевшими значение условий, на которых желали избрать нового гетмана. Не мало было в этих статьях такого, что должно было показаться угодным Москве. Старшины просили, чтоб без царской воли гетман, не советуясь со старшинами, не писал к иностранным владетелям и не вел с ними изустных сношений через пересылки. До сих пор московское правительство всегда отказывало местной малороссийской власти в праве сношения с посторонними державами, чего напрасно добивались малороссияне; теперь они сами об этом просили и уж, конечно, без всякой необходимости, а единственно из угодливости московским видам. Старшины в своей

челобитной изъявляли желание, чтобы будущий гетман не иначе мог наказывать козаков и посполитых, как по приговору войскового суда: это становилось правилом для того, чтобы не повторялось то, что дозволял себе делать самовольно отрешенный гетман. Наконец, старшины просили: если бы даже и на той избирательной раде, где заранее примутся меры к предупреждению смут удалением козацкой черни и посольства, возник бы какой-нибудь беспорядок, то царские ратные люди, которые придут с царскими боярами, обороняли бы старшин.

Вместе с челобитною Лисенко привез в Москву известие о Серке. Служа, как видели мы, в последнее время польскому королю и признавая гетманом поставленного от Речи-Посполитой Ханенка, Серко между Днепром и Бугом на реке Куяльнике разбил отряд белгородских татар, оставленных Дорошенком на зимовке в Украине, взял в плен мурзу и вез в Курск для доставления Ромодановскому. В местечке Новом-Санжарове Полтавского полка задержал его полтавский полковник Федор Жученко, мурзу отправил в Полтаву в тюрьму, а Серка окованного сам повез в Батурын. Жученко показал, что сам слышал, как Серко при многих товарищах в Новом-Санжарове говорил, что пришел на левый берег Днепра с намерением склонить на сторону польского короля и подчинить Ханенку города полков Полтавского и Гадяцкого, надеясь, что у него там найдутся благожелатели. Как показывают многие черты последующей жизни Серка, он, услышавши, что в левобережной Украине не стало гетмана, спешил туда с надеждою быть выбранным в гетманы.

В первых числах мая начались в Москве распоряжения о предстоявшей в Малороссии избирательной раде. По челобитью малороссийских старшин, поручено присутствовать при выборе нового гетмана боярину князю Ромодановскому и думному дворянину Ивану Ивановичу Ржевскому с дьяком, восемью дворянами, переводчиком и четырьмя подьячими; указано было изготовить для рады царский шатер и повозки под царскую казну для подарков новоизбранному гетману и старшинам. 13-го мая Ромодановский получил отпуск с надлежащим наказом: Ромодановский должен был прежде всего объявить царскую похвалу старшинам за то, что не пристали к изменническим замыслам Демка, а затем сообщить, что прежние статьи, постановленные в Глухове при выборе Многогрешного, могут быть признаны и теперь состоятельными. К архиепископу Лазарю Барановичу послана была царская грамота, в которой указывалось ему участвовать на предстоящей избирательной раде. 25-го мая Ромодановский двинулся в путь.

Между тем к Батурыну 26-го мая приступила многолюдная толпа малороссиян, как говорили, числом до 400. Они послали из своей среды в город к обозному и судьям такое слово:

— Прежнего гетмана нашего вы неведомо куда дели, а ныне у нас нет гетмана. Мы пришли к Батурину и стоим в поле для гетманского обирания, выходите к нам на раду.

Обозный отвечал:

— Мы в поле к вам на раду выходить не смеем без царского указа. Вот приедет из Москвы царский боярин, тогда соберется рада и выберут нового гетмана.

Посланные в город малороссияне ходили к Григорию Неелову, как к начальнику московской ратной силы в Батурине и говорили ему:

— Выходи к нам и веди с собою генеральных старшин; пусть и восковые клейноты несут.

Неелов дал им такой же уклончивый ответ, как и обозный, но, заметивши, что в Батурине стали появляться новые лица, приказал запереть батурицкий замок и не пускать туда никого из прохожих. Сами старшины послали к Ромодановскому просить, чтоб он поспешил с царскою ратью, иначе народ побьет их, рассердившись за то, что они не поехали в поле на раду. Ромодановский писал тогда в Москву, что между самими старшинами, как приходили к нему известия, «стало бессовестно». В Москве тогда получен был откуда-то слух, что в Малороссии есть желание выбрать в гетманы Серка, что более всего хочет этого чернь, но от такой мысли не прочь и некоторые старшины. Но выбор Серка в гетманы вовсе не был желателен московскому правительству; Серка настолько не верили, чтоб допустить его сделаться главою всех козаков, подвластных московскому государю. В Москве знали и понимали Серка: истинный запорожец, он не отличался постоянством и легко мог идти за всяким увлечением, как это и доказывал прежней жизнью; когда-то, наравне со всем малороссийским народом, был он заклятым врагом поляков и верно служил православному царю, когда у последнего шла война с Польшею, потом приставал к Дорошенку, отставал от него, держался Сухоуевенка и Ханенка, потом вслед за Ханенком пристал к полякам, и теперь, рассчитывая на свою богатырскую славу в народе, начал думать о гетманстве под царскою рукою.

Со стороны Москвы было бы непростительным неблагоприятным мирволить честолюбивым желаниям такого ненадежного человека, и 9-го июня послан был старшинам, управлявшим временно Малороссиею, указ препроводить в Москву Серка за караулом.

Прибывши 9-го июня в Путивль, Ромодановский известил старшин о своем вступлении в Малороссию через харьковского полковника Захарьяшевича. Старшины 12-го июня выступили из Батурина в Конотоп и оттуда послали к боярину киевского полковника Солонину представить, что раде отправляться в Конотопе

затруднительно — потому что около города козацкое войско вытравило всю степь, и царские ратные люди, не находя конского корма кругом верст на десять, выпасут засеянные на нивах хлеба, отчего конотопским жителям станется великое разорение. Поэтому лучше учинить раду где-нибудь между Конотопом и Путивлем.

На это Ромодановский дал такой ответ:

— Нам дан царский указ быть раде в Конотопе. Мы пойдем к Конотопу.

Отпустивши Солонину, Ромодановский переправился через Сейм и остановился на пути между Конотопом и Путивлем близ местечка Козачей-Дубровы, в 15 верстах от Конотопа на берегу речки Красени в конце старого окопа. Здесь явился к нему прилуцкий полковник Лазарь Горленко и сказал:

— Вся генеральная старшина и полковники желают, чтоб раде быть в Козачей-Дуброве; они сюда придут к тебе, боярину, «в сход».

Ромодановский отвечал:

— Мне по царскому указу велено раду чинить и нового гетмана выбрать в Конотопе, но не в Козачей-Дуброве.

Видно, боярин хотел буквально держаться царского указа и, отпустивши Горленка, уже снова двинулся в дальнейший путь, как вдруг, когда он отошел три версты от Козачей-Дубровы, встретили его все генеральные старшины и стали бить челом боярину, чтоб он отправил раду здесь же, не ходя до Конотопа.

Боярин им сказал:

— Хотя царский указ велит учинить раду в Конотопе, пусть будет по-вашему: учиним раду в Козачей-Дуброве.

Прежде выставленная причина, почему не желают отправления рады в Конотопе, была только предлогом, но, кажется, старшины думали избежать многолюдства, которое в Конотопе было неизбежно, как бы только народ из окрестностей услышал о раде. Старшинам хотелось совершить выбор нового гетмана как возможно незаметнее для народной громады. Они воспользовались тем, что могли встретить боярина не на малороссийской земле и там отправить выбор нового гетмана. Вероятно, и Ромодановский склонился на такое соображение, чтоб избежать волнений, подобных тем, какие остались в памяти от нежинской черной рады, на которой избран был Бруховецкий. Старшинам так хотелось поторопиться с выбором, что они упросили боярина открыть раду, не дожидаясь приезда архиепископа Лазаря Барановича. Ромодановский согласился и на это их челобитье, потому что сперва пришлось бы толковать о статьях, а потом уже, на другой день, совершался бы выбор, и к тому времени успел бы приехать архиепископ. Ясно, что старшины сильно боялись народного стечения и потому из кожи лезли, чтоб совершить свое дело поскорее.

Ромодановский приказал поставить государев шатер, пригласил туда старшин и полковников; полы шатра были отвернуты; за шатром стояли строем козаки, приехавшие со старшинами в числе от трех до четырех тысяч: они могли видеть, что происходит в шатре, и с дозволения боярина и старшин принимать участие в выборе, насколько нужно.

Прежде всего боярин от царского имени спросил старшин и все войско о здоровье. Старшины ударили челом за такую государскую милость и с своей стороны спрашивали о здоровье великого государя. Ромодановский произнес им речь по наказу и окончил ее словами:

«Великий государь жалует вас по прежним глуховским статьям; ваши права и вольности никогда нарушены не будут», и вы бы все прежние статьи подтвердили и новые, какие вам к прежним будут надобны, становили».

По приказанию боярина прочтены были вслух прежние глуховские и новосоставленные добавочные статьи. Тогда обозный Забела сказал:

— Мы довольны статьями глуховскими, и все нам надобны, кроме 22-й статьи, где написано, чтоб учинить полковника и при нем тысяча человек компании, чтоб унимать своевольцев, буде где проявятся и начнут измену и шатость. Но от таких компаний чинятся жителям малороссийских городов, сел и деревень разорения и обиды; и мы просим: пожаловал бы нас великий государь, указал компаниям вперед не быть ни у гетмана, ни у полковников.

Действительно, при Многогрешном, пользуясь разрешением завести компанейский полк, малороссийские полковники позавадили у себя в полках особые компании, и таким образом Малороссии угрожало в будущем образование иного войска, кроме козацкого, хотя зависевшего от лиц, облеченных властью над козачеством, но состоявшего большею частью из охотников и в том числе иноземцев. В видах высшего правительства едва ли могло быть желательным подобное явление в присоединенном к государству крае.

— Будет по вашему челобитью, — произнес Ромодановский, и с своей стороны указал на требуемые изменения в Глуховском договоре. Он говорил: в 17-й статье Глуховского договора указано, чтоб на съездах царских послов с послами польского короля быть вашим посланцам для прислушивания ваших украинских дел. Но когда в Москве съезжались польские королевские послы с боярами царского величества, а от вас послан был Константин Солонина, то польские королевские послы объявили, что от их государя нет им полномочья допускать вашего посланца на съезд. Вперед бы вам своих посланцев на посольские съезды не посылать, чтоб не

было вам убытков и затруднений посольскому делу. Великий государь пожалует вас, велит уведомлять письмами, когда на посольских съездах о ваших делах вспомин будет или договор со-стоится.

— Во всем полагаемся на волю великого государя, — ответили старшины.

Тут неожиданно прискакал из Москвы гонец и подал боярину царскую грамоту. Прочитавши ее, Ромодановский во всеуслышание сказал:

«Великому государю, его царскому величеству учинилась радость; в нынешнем 180 году, мая в 30 день, за молитв св. отец, даровал Бог государю нашему сына, а нам великого государя царевича и великого князя Петра Алексеевича, всея Великие и Малыя и Белыя России. Именины его, государевы, июня в 29 день».

Старшины произнесли поздравление. Ромодановский обратился снова к своему делу и спросил:

— Какие иные статьи становить желаете — объявите.

Обозный от лица всех ответил:

Никаких иных новых статей у нас не будет.

— Так приходите, — сказал Ромодановский, — завтра, июня 17-го, к государеву шатру для выбора гетмана. Вам был послан указ, чтоб вы отправили в Москву Серка и с ним пленного мурзу Дигмамет, но вы их до сих пор не отправили.

— Ожидали твоего к нам боярского приезда, — сказал обозный.

— Сегодня, сказал Ромодановский, — отправлю их с приста-вом.

Серко был заранее привезен сюда и теперь выдан Ромодановскому, который отправил его тотчас в столицу.

17-го июня, в третьем часу дня (по нынешнему времясчислению в десятом часу утра) приехал в боярский обоз архиепископ Лазарь Баранович, с архимандритом Новгород-Северского монастыря Михаилом Лежайским. Боярин с товарищами встречал архиерея с почетом. За архиереем вслед прибыл и Григорий Неелов с Приказом своих стрельцов.

Старшины и полковники явились к шатру. Впереди их несли клейноты (знаки гетманского достоинства): булаву, знамя, бунчук и литавры. За старшинами и полковниками следовали строем казаки, которым надлежало быть на раде.

После обычных приветствий Ромодановский дал приказание перед государевым шатром устроить майдан (просторное место). Поставили аналой с образом Спасителя и близ него стол; на столе положена была гетманская булава, а близ стола стояли знамя и бунчук,

Вышли из шатра боярин и архиепископ. Архиепископ прочитал молитву. Боярин поклонился на все четыре стороны и сказал:

«Великий государь послал меня, своего боярина, указал мне быть на раде для обирания гетмана, а гетманское обирание положено на ваше войсковое право и на вашу волю, кого всем войском излюбите: вы, обозный, и все старшины, и все Войско Запорожское сей стороны Днепра, обирайте себе гетмана».

Сказавши эти слова, боярин отошел прочь.

Выбор был непродолжителен, потому что заранее был подготовлен, и самому боярину, как говорят, было давно известно, чем он окончится. Избиратели провозгласили гетманом генерального судью Ивана Самойловича. Дмитрашко Райча и Константин Солонина подхватили его под руки и поставили на столе. Обозный Забела поднес ему булаву, а другие полковники покрыли его знаменем и осенили бунчуком.

Самойлович произнес:

— Я гетманского уряда не желаю; но вы по царскому указу и по нашим войсковым правам и вольностям меня избрали, и мне уже невозможно упорствовать и не принять государева жалованья — булавы и знамени. Только я вам вот что объявлю: быть нам в подданстве великого государя со всем Войском Запорожским. Буду я служить его царскому пресветлому величеству и его наследникам верно, без всякой шатости и измены, и никогда не захочу учинить того, что прежние гетманы учинили. И вы, со мною будучи, служите верно безо всякого сомнения, никаким ссорным словам и прелестям не верьте, а содержите все по договорным статьям крепко и постоянно.

— Все мы готовы служить великому государю в вечном подданстве: на том прими от нас знамя, булаву и бунчук и учинись над нами гетманом, — сказал за себя и за других обозный.

После выбора нового гетмана выбрано было радою несколько новых старшин. На место Самойловича в должность первого генерального войскового судьи поступил второй судья Домонтович, а на место последнего Павел Животовский; вместо сосланных с Многогрешным генеральных асаулов Гвинтовки и Грибовича избраны Иван Лисенко и Лесько Черняк. Тогда отставлен был от генерального писарства Карпо Мокриевич, а вместо него избран новый писарь Савва Прокопович; генеральным хорунжим избран Григорий Карпович, генеральным бунчужным — Леонтий Полуботок, и гадяцким полковником — Семен Остренко. Возвращено стародубское полковничество Рославцу. Эти выборы последовали на избирательной раде тотчас после избрания Самойловича.

Мы не знаем подробностей тогдашней закулисной деятельности, и потому не можем вполне решить, что побудило избрать в

гетманы именно Самойловича, какими путями подготавливался его выбор, в какой степени сам он домогался получить этот сан и насколько помогло ему согласие Ромодановского. Существует официальное известие, подтверждаемое и летописным сказанием, что выбор этот произошел согласно: «вольными и тихими гласы». Конечно, выбору помогло много то, что он совершился только советом старшин, полковников и подобранных на раду козаков, совершился внезапно, на великороссийской, а не на малороссийской земле, совершился, так сказать, на дороге, куда не могли нахлынуть толпы простых козаков; помогло спокойному выбору также и то, что московское правительство, приказавши прислать в Москву Серка, удалило опасного для Самойловича соперника. Сильнейший и влиятельнейший между генеральными старшинами был тогда обозный Пётр Забела; по этому человеку в глазах московского правительства зазорно было добиваться булавы для себя после того, как он, в своем желании угодить Москве, заявлял мысль, что хорошо было бы дать гетманское управление в Малороссии великороссийскому боярину. Новый гетман, однако, скоро нашел, что обозный Петр Забела, сваливший Многогрешного, был не безопасен и для его преемника: как только Самойлович укрепился в гетманском достоинстве, Забела сошел со сцены. Не знаем, как случилась отставка от писарского уряда Карпа Мокриевича. Несколько позднее, но близкое по времени известие сообщает, что Самойлович удалил его от себя и настоял на избирательной раде, чтоб был избран другой писарь, а Мокриевич с тех пор остался во всеобщем презрении. Лазарь Баранович называл его Иудею предателем, и когда после литургии раздавал антидор, то произносил, видя подходящего Мокриевича: «Иуде Христос хлеб дал, и по хлебе вниде сатана». Он принужден был, как увидим, последовать в изгнание.

Новый гетман был сын священника и потому во все продолжение своего гетманства носил кличку гетмана-поповича. Вместе с родителем он перешел с правой стороны Днепра на левую; его родитель получил приход в местечке Красном Колядине¹. Иван Самойлович в молодости получил превосходное по тому времени образование и выказывал большие природные способности, ясный практический ум и сметливость. Он стал служить в козацком войске. При Бруховецком сильным человеком был генеральный писарь Гречаный: Самойлович приобрел его расположение, и при его покровительстве избран был сотником в городе Веприке Гадяцкого полка, потом при содействии того же Гречаного в звании войскового товарища стал черниговским наказным полковником. Самойлович был одним из деятельных участников переворота, за-

¹ Местечко Конотопского уезда, Черниговской губернии.

теянного Бруховецким против московской власти и, как мы уже видели, показал большую вражду к великороссиянам, когда в черниговском замке сидел в осаде воевода Толстой. Но Бруховецкий пал, Дорошенко внезапно удалился на правую сторону; тогда Самойлович, видя, что дело восстания не клеится, пристал к Многогрешному, присягнул на верность московскому государю и, наравне со всеми малороссиянами, получил от государя отеческое прощение. На глуховской раде он был избран генеральным судьей, вероятно, благодаря своей образованности. Мы уже видели, что он, вместе с Забелю и Мокриевичем, устраивал гибель Демка Многогрешного, но нет данных заключить, что уже в то время у него в голове был план получить гетманство.

По совершении выбора Самойловича, в царском шатре архиепископ Лазарь Баранович с архимандритом Лежайским и нежинским протопопом Симеоном Адамовичем отслужили молебствие, а потом, по чиновной книге, пред крестом и евангелием, привели к присяге на верность государю гетмана и новоизбранных старшин. Ромодановский произнес им нравоучительную речь, велел гетману и всем старшинам приложить руки к статьям, на которых избран был гетман, и спрашивал: какие староства желают они иметь на гетманскую булаву и на войсковую армату. Гетман и старшины пожелали иметь на булаву Гадяч, а на армату (артиллерию) — Короп¹ и Воронеж². Боярин приказал вписать имена этих городов в оставленные заранее пустые места в жалованной грамоте и вручил грамоту гетману.

После того Ромодановский пригласил архиепископа с духовенством и гетмана со всеми старшинами к себе в обоз на пир. На другой день, 13-го июня гетман со старшинами пригласил боярина и товарищей его к себе на обед. Ромодановский вручил привезенные от царя подарки: гетману два сорока соболей — один во сто рублей, другой в пятьдесят и, сверх того, две пары соболей высшего достоинства по двадцати рублей за пару; генеральным старшинам по одному сороку соболей в шестьдесят рублей и, сверх того, по белому атласу и по кармазинной камке; полковникам³ по сороку соболей в шестьдесят рублей, а некоторым еще по паре соболей в десять рублей и по атласу; полковым асаулам

¹ Ныне заштатный город Черниговской губ., Кролевецкого у., при реке Коропце.

² Местечко Черниговской губ., Глуховского у., на р. Осети.

³ Тогда полковниками были: переяславским — Дмитрашко Райча, стародубским — Петр Рославец, нежинским — Филипп Уманец, киевским — Константин Солонина, черниговским — Василий Борковский, прилуцким — Лазарь Горленко, лубенским — Иван Сербин, миргородским — Иван Дубяга, полтавским — Демьян Кгуджел, гадяцким — Семен Остренко.

и писарям, канцеляристам и духовным лицам розданы были ответственные награды соболями.

На следующий день, июня 10-го, гетман со старшинами уехал в Конотоп и оттуда в Батурин.

II

Султан Мугамет IV и польский король Михаил. — Коронный гетман Собеский. — Грамота султана польскому королю и приготовления турок к походу. — Ответ польского короля. — Письмо визиря к польскому подканцлеру. — Вступление турецких сил в польские пределы. — Победа Дорошенка над Ханенком и поляками. — Переправа турок через Днестр. — Краковский епископ Тржембицкий. — Соединение хана и Дорошенка с турецким войском. — Дорошенко у турецкого султана. — Капитуляция Каменца. — Обращение христианских храмов в мечети. — Хан и Дорошенко под Львовом. — Поляки просят мира. — Бучачский договор. — Отшествие турок. — Татарские разорения. — Последнее свидание Дорошенка с турецким султаном и с визирем.

Вступление Самойловича в гетманскую должность совершилось тогда, когда на левую сторону Днепра с правой стороны приносились зловещие вести. Давно уже, как мы видели, Дорошенко отдался под покровительство Турции, и уже не один год турки собирались напасть на Польшу, но отвлекались другими предприятиями. Тогдашний падишах Мугамет IV со славою окончил завоевание острова Кандии от венециан и потом собирался обратить оружие на Польшу. Состояние Польши было таково, что врагам можно было ожидать успеха. Уже много было признаков приближения неизбежной войны со стороны турок, но поляки не хотели обращать на них внимания; толковали себе в утешение, будто турецкий султан совсем не воинствен, проводит время в праздности и забавах в своем гареме, либо развлекается охотой в своих лесах и полях; надеялись, что польский посол Высоцкий, отправленный в Адрианополь для улажения недоразумений, скоро привезет выгодный для Польши договор с Турциею. На польском престоле, после отречения Яна Казимира, сидел король Михаил, государь до крайности жалкий, хотя и добродушный: шляхта не слушала его; между магнатами были постоянно враждебные ему особы, и первый из них — примас королевства Пражмовский. Во всей Речи Посполитой не было ни порядка, ни уважения к закону и властям, ни взаимного согласия между согражданами. Со вступления на престол Михаила сеймы не оканчивались, а были срываемы; то же делалось и с предварительными сеймиками, собиравшимися по воеводствам; невозможно было ничего предпринимать законно. Между немногими сановниками, стояв-

шими по уму выше прочей массы польских граждан, был тогда коронный гетман и маршал Собеский; он знал и понимал положение дел и не раз указывал сейму на необходимость скорее принять меры к защите края, увеличить численность войска, привести в лучшее состояние артиллерию и войти в оборонительный союз с христианскими государствами. Он советовал даже попытаться уступками склонить на сторону Польши Дорошенка и отвлечь его от Турции. Все его советы и представления не могли быть приняты: сейм, собравшийся в январе 1672 года, по примеру прежних сеймов, был сорван.

Последняя война Дорошенка с Ханенком и поляками на Подолии вызвала за собою объявление Турциею войны Польше. Дорошенко молил падишаха через своего резидента заступиться за Украину и указывал, что в настоящее время удобно победить поляков и овладеть польскими городами. По этому поводу в феврале или в марте 1672 года падишах отправил королю Михаилу письмо, в котором говорилось: «Мы хотели провести зиму в Анатолии, но принуждены были повернуть победоносные наши силы к Адрианополю, услышавши, что вы войском вашим беспокоите владения гетмана Дорошенка, который со всем народом козацким поступил в число невольников высокого порога нашего. Желаем настоящей грамотой нашей предостеречь вас: удержитесь от оскорблений и насилий означенному гетману, оставьте в покое и безопасности землю и жительство козаков и удалите войска ваши в пределы вашего государства. Иначе — всякий неприязненный шаг со стороны вашей и ваших войск будет нами признан за нарушение мирного договора, и с наступлением будущей весны мы двинемся против вас во всем величии и могуществе нашего халифата с непобедимым воинством, которое многочисленнее звезд и мужественнее львов. Выбирайте, что хотите: либо мир, либо к бою будьте готовы».

По отсылке этой грамоты, не ожидая на нее ответа, дан был указ всем анатолийским и румелийским войскам собраться в Адрианополе к 23 апреля, а крымскому хану Селим-Гирею послано 5.000 червонцев на сапоги, как велось всегда, когда хан призывался со всеми ордами на войну в помощь турецким войскам.

Привезши султанскую грамоту польскому королю, Чауш-Ахмет воротился из Польши 4-го дня мусульманского месяца мухаррем (по нашему времячислению 4 мая) и привез ответ польского короля. В нем припоминалось, что Речь Посполитая долгое время старалась удерживать козаков от набегов на турецкие черноморские побережья, и это послужило причиною многих несчастий для Речи Посполитой, потому что казаки, при невозможности производить грабежи в мусульманских краях, ради добычи подняли мятеж против Польши и, соединяясь то с татарами, то с

Москвою, разоряли польские области. Королевский ответ гласил так: «Ваше блаженство называете Украину своею собственностью, но Украина от веков была наследием наших предшественников, и сам Дорошенко не кто иной, как наш подданный. Прилично ли и сообразно ли с духом мирного договора землю, принадлежащую нам по воле Всевышнего и по праву наследства, отнимать из-под нашей власти и отдавать наиподлейшему из рабов порога нашего? Уступать ее негодяю, разбойнику, отверженному, достойному презрения, который, забывши стыд и приличие, прежде привязался к стороне московского царя, но скоро был отогнан, когда узнали его непостоянство, лживость и предательское сердце? Царь московский подданству этого изменника предпочел нашу королевскую дружбу. Теперь, для уничтожения возникших между нами и вами недоразумений, мы не замедлим отправить нашего посла к стемени вашего блаженства, а Дорошенка с козаками оставим в настоящем положении, пока дружественными способами не уладим возникшие между нами неудовольствия. Утешаем себя надеждою, что и со стороны вашего блаженства не будет без причины нарушен существующий между нами мир, потому что Бог, высочайший судья государей, сурово карает попирающих права справедливости».

По восточным дипломатическим законам приличия не следовало вторично об одном и том же предмете посылать грамоты от лица падишаха. Поэтому в ответ на королевскую грамоту визирь послал письмо коронному подканцлеру Ольшевскому, где изъявлял удивление, что в грамоте польского короля Украина названа наследственной польской областью. «Один Бог», — выражался он, — «может быть наречен владыкою земель; оный предвечный правитель мира установил такой закон, что края, терзаемые междуособиями и бесправием, предаются под покровительство могущественных властителей. Таким путем и народ козацкий, по воле Провидения, достался под господство дома Османов. Этот народ издавна был свободен и самостоятелен; полагаясь на силу заключенных с вами договоров и условий, он добровольно отдался под ваше главенство и долгое время оставался вам верным, пока наконец не стало ему сил терпеть долее от вас утеснений, беззаконий и отягощений; тогда, видя, что условия, заключенные с вами, вами же нарушены, он, ради охранения своей страны и своего имени, поднял против вас оружие. Выбившись из-под вашей власти, козаки искали союза с крымскими ханами, всегда преданными высокому дому Османов, и при их посредстве стали искать покровительства высокого порога. Врата блаженства всезнатнейшего великого падишаха, моего господина, всегда отверсты для всех ищущих прибежища под тенью его могучей обороны, и потому покорные просьбы козаков благосклонно были услышаны,

и начальный вожь этого народа удостоен знаменем высшего сана. Как же вы можете называть своими подданными народ, который уже с давнего времени сверг с себя вашу власть и долго оставался с вами в открытой войне? Разве могущественнейший падишах, мой милостивый властитель — ему же Бог да пособит и да укрепит его — не властен употреблять все усилия, средства и способы для освобождения утесненного козацкого народа, умоляющего о великодушном покровительстве? Впрочем, мой могущественнейший повелитель всегда воззрит с праведным удовольствием, если прежде, чем его победоносные войска появятся близ ваших рубежей, вы пожелаете чрез посредство послов обдумать способы к погашению вспыхивающей войны; если же спор между нами должен решиться оружием, то исход войны будет зависеть от воли Того, кто сотворил из ничего и землю, и небеса, кто уже более тысячи лет возносит могущество ислама и благоволит окружать знамя пророка нетемнеющим блеском победы. Знайте, что великий, непобедимейший падишах, мой всемилостивейший повелитель, неотменно выступает из Адрианополя 8-го текущего месяца сефера (26-го мая) и на челе войск многочисленнейших паче звезд небесных прямо направится к вашим рубежам: присылайте возможно скорее ответ на письмо наше и знайте, что каждый день приближения нашего к вашим рубежам будет ставить препятствие к нашему примирению».

Дорошенко был немедленно извещен о решимости султана, и в начале июня появился в Чигирине первый турецкий отряд, а потом стали прибывать и татары. И те, и другие стали в Украине вести себя нагло, насиловать женщин, забирать детей, и возбудили всеобщий ропот против Дорошенка, о котором говорили, что он, как овца заблудшая, сам не знал, что ему делать с такими союзниками. На левом берегу распространился страх, чтоб мусульманские союзники Дорошенка не прорвались на другой берег Днепра, но Дорошенко сообщал туда, что он воюет против поляков и своего недруга Ханенка, и ни за что не пустит татар и турок в царскую область.

Турецкое войско, выступившее с падишахом, 25-го мая перешло Дунай у Исакчи по мосту, устроенному Осман-пашею на 58 судах, и шло по неудобным и плохим дорогам продолжительное время до Днестра, составлявшего тогда польский рубеж. Оно достигло этой реки 20-го числа магометанского месяца ребиул-эвелла, что приходилось уже в июле 1672 года. Здесь турки получили известие, что Дорошенко с крымским ханом одержали победу над поляками и Ханенком близ Лодыжина.

Вот как было это дело. Собеский поручил команду на Подолии Лужицкому, человеку горячего нрава, вовсе не приобретшему расположения подчиненных; современники говорят, что жолнерам так

хотелось идти под его команду, как волу под обух. У него было до шести тысяч жолнеров. Он соединился в Лодыжине с Ханенком, у которого было до четырех тысяч козаков. Поляки расположились в Лодыжине, козаки, кроме того, отрядами по окрестностям. 11-го июля услышали поляки, что под Бершадом брат гетмана Дорошенка, Грицько, стеснил козацкого полковника Перебийноса, который шел на соединение к Ханенку. Лужицкий и Ханенко пошли на выручку. Они освободили Перебийноса и вместе с ним пошли к Лодыжину, и тут-то на возвратном пути поляки потерпели поражение под Четвертыновкою на Батогском поле, знаменитом поражением Калиновского при Богдане Хмельницком. Это событие у современников излагается различно. По одному известию, Лужицкий, прогнавши татар, увлекся погонею за ними и, не слушая умного совета Ханенка, перешел реку Буг, там был внезапно окружен сильным татарским полчищем и сам едва ушел с немногими, а остальные были побиты или потоплены в Буге. По другому известию, Ханенко с козаками ушел вперед, а поляки шли позади, и тут татары, напавши на них, отрезали от козаков и поразили. Весть о такой победе была принята с восторгом в обозе падишаха, так как у мусульман господствовало верование, что успех или неуспех первой стычки с неприятелем служит предзнаменованием счастливого или несчастного исхода войны. Схваченные под Батогом польские пленники были присланы в турецкий обоз и тотчас были обезглавлены. Вслед затем пришло в обоз падишаха другое утешительное известие: что польский гарнизон города Жванца, услышавши о приближении турок, убежал, и тотчас был послан турецкий отряд вперед занять опустевший замок.

Переправа турецкого войска через Днестр совершилась в месте, отстоящем за пять или за шесть часов от Каменца. Поляки не подумали принять заранее мер к защите этой важной крепости. Краковский епископ Тржембицкий пожертвовал для обороны Каменца 6000 пехоты на собственный счет; но эта доблесть показала более на словах, чем на деле: другой епископ, местный каменецкий, говорит, что краковский епископ прислал туда только 500 человек; кроме них, был еще полк в 400 человек и 200 человек каменецкой пехоты, — вот все, что составляло тогда в Каменце залогу (военный гарнизон), не считая мещан и набежавших из окрестностей в осаду хлопов, которых набралось в Каменце до десяти тысяч.

Между тем, 4-го августа примкнули к турецкому полчищу хан с своими ордами и Дорошенко с своими козаками. Сперва с большим почетом крымский хан Селим-Гирей удостоился поцеловать полу одежды верховного главы правоверных и получить от него в дар бриллиантовое перо на чалму, а на другой день, 5-го августа, в шатер падишаха был введен Дорошенко через

Чауш-Баши-Агу (начальник всех чаушей). Дорошенко поклонился до земли высокому покровителю козаков, произнес пред ним уверение в своей благодарности и беспредельном повиновении воле падишаха. Турецкий государь приказал дать ему в подарок богатый халат, булаву и коня с нарядною сбруею.

На другой день после приема Дорошенка послано было в Каменец предложение сдаться добровольно; за это обещали выпустить всех на волю; в случае упорства грозили всех истребить без милосердия. Осажденные ожидали еще выручки и отвергли турецкое предложение.

7-го августа турки повели осаду. Средину турецкого войска, расположенного вокруг Каменца, занял великий визирь с янычарами столичной гвардии и с румелийскими войсками; вправо от него расположился другой визирь, доверенный султана, Мустафа-паша, с анатолийскими войсками и с полком Загараджи-Баши (начальника султанской гончей псарни); влево от великого визиря стал помощник его (каим-мекам) Кара-Мустафа-паша с силами Сиваса и Карамана, с ротами Самсонджу-Баши (начальника борзой псарни). Воинам роздали заступы копать землю и устраивать вокруг Каменца шанцы, — «земляной город» — выражаясь тогдашним языком.

8-го августа турки открыли сильную пальбу по городу. Осажденные выбросили на стенах белый флаг, выслали просить приостановки пальбы, обещали ночью учинить между собою совет, а затем на следующее утро приступить к переговорам о сдаче.

— Я не поддамся на пустые обещания, — сказал визирь, — не начну переговоров, прежде чем нам не пришлют заложников и от нас взамен не возьмут таковых же.

Белый флаг был выкинут по совету каменецкого епископа с целью заставить неприятеля на некоторое время приостановить пальбу: через то осажденные могли бы собраться с духом и принять кое-какие меры к обороне. Турки смекнули, в чем дело, и не поддались на хитрость.

После того пошли дни за днями; пальба с обеих сторон шла без остановки. Турецкие орудия были побольше и получше польских, пушкари искуснее; турецкие ядра врезывались в глубину земляного вала аршина на два. У поляков пушки были невысокого достоинства; притом немногочисленные польские воины от беспрестанных работ скоро пришли в изнеможение: не было им времени ни поесть, ни заснуть. При скудости оборонительных сил ужас овладевал поляками, когда они со стен смотрели на громаду неприятельского полчища, кишевшего по полю вплоть до самого Жванца. Каждый день турки посылали в город до 400 выстрелов и пускали до ста пятидесяти гранат; одна из них упала на лютеранский молитвенный дом и произвела пожар. При непрерывной

пальбе шла у турок другая работа — велись подкопы, и на них-то возлагали турки главную надежду.

12-го августа прибыли в турецкий стан польские послы Биневский и Гуляницкий с жалобой от польского короля, что султан неожиданно и тайно вступил во владения Речи Посполитой. Падишах отвечал польскому королю, что пришел не тайно, а объявивши наперед войну, и теперь пригласил польского короля выходить в поле. Отпустивши польское посольство, турецкий султан в тот же день приказал крымскому хану и Дорошенку идти ко Львову против королевского войска, а сам остался кончать с Каменцом.

16-го августа турки овладели наружными батареями, на которые осажденные крепко надеялись. Вслед затем турки начали приступ к Каменцу; с обеих сторон пало много людей, туркам в этот день удалось водрузить на стене Каменца знамя ислама, но то был, по их собственному замечанию, далеко не конец делу.

16-го августа турки вкатили в подкоп бочки с порохом и зажгли. С ужасающим треском полетели вверх бревна и камни, входившие в кладку стены; одна башня совсем развалилась. Сквозь образовавшиеся проломы увидели мусульмане еще другую внутреннюю городскую стену; приходилось им вести подкопы еще далее, и под эту стену.

Однако и осажденные, не дождавшись ожидаемой выручки, сообразили, что им долее обороняться нельзя, особенно когда неприятельские шанцы подошли к городу так близко, что можно было пустить с них камень через стену в город. 17-го августа комендант приказал выбросить белое знамя. Визирь сначала не доверял и подозревал прежние хитрости, но из Каменца вышли уполномоченные с просьбою начать переговоры о сдаче и привели с собою заложников. Визирь доложил падишаху и получил высочайшее разрешение взять Каменец на капитуляцию.

Переговоры тянулись не долго: поляки потеряли присутствие духа и соглашались на все, чего бы ни потребовал победитель. Договор состоялся и был написан в тот же день на следующих условиях:

- 1) Все польское войско, находящееся в Каменце, выйдет оттуда с оружием, забравши с собою свои семьи и свои имущества беспрепятственно со стороны турок, а крепость поляки сдадут победителям.
- 2) Вместе с войсковыми людьми имеют право выйти из Каменца жители города и все пришедшие в осаду с своими семьями и имуществом; турки не только не станут им в том мешать, но еще дадут им провожатых до тех мест, куда они перейти пожелают.
- 3) Те из жителей города Каменца и волостей, принадлежащих к округу этого города, которые пожелают оставаться на своих местах, не будут со своими семьями и имуществами под-

вергаться от турок никаким оскорблениям. То же предоставляется шляхте и духовенству, с тем еще вдобавок, что лица их сословия, оставшись на прежних местах своего жительства, будут освобождены от военного постоя. 4) Всем христианам исповеданий римско-католического, греческого, армянского и других предоставляется нестеснительно свобода веры; им оставится несколько церквей для отправления «их пустых и суеверных обрядов», а их священники и церковники не станут испытывать никаких притеснений. Уполномоченные выпросили себе копию с этого договора в латинском переводе.

В этот день, когда уполномоченные заключали договор, уже на закате солнца, в Каменце произошел взрыв по вине майора артиллерии Генинга: вспыхнуло 120 бочек пороха, и погибло, по одному известию, 500, по другому до восьмисот человек. Одни толковали, что он сделал это из отчаяния, другие — что это произвели жолнеры в пьяном виде, а один малороссийский летописец говорит, будто немец прежде был подкуплен турками, а потом побоялся, чтоб измена его не открылась, и решился кончить жизнь таким отчаянным способом.

10-го августа каменецкий комендант вручил великому визирю ключи города Каменца, и за то, в знак благосклонности, победители надели на него халат. Польские паны, бывшие в Каменце: каменецкий епископ, каменецкий староста (он же и генерал подольский) Ревуцкий и подкоморий Лянскоронский также ходили на поклон к великому визирю, одевшись в присланные от него заранее халаты. По их просьбе визирь приказал нарядить 300, другие же говорят 400 возов для вывоза из Каменца тех жителей с их имуществами, которые пожелают переселиться. Три тысячи турок выпроводили их из города, а визирь назначил им 600 провожатых до Ягельниц; за любезность визиря, назначившего провожатых, поляки послали ему в дар 2000 червонных.

Так поляки, по замечанию турка, оставили Каменец со срамом, а турки праздновали свою победу с большим торжеством. На другой день, 20 августа, к шатру падишаха сошлись с поздравлениями все турецкие военачальники, и всех победитель обдарил златоглавыми халатами и собольими шубами. В знак всеобщей радости стреляли из пушек и ружей; горели потешные огни; издан был указ в продолжение трех дней праздновать по всей империи завоевание Каменца. Падишах отправил в новоприсвоенный город янычар-агу очистить шесть костелов и обратить их в мечети. Первая из этих мечетей, преобразованная из бывшей фары, посвящалась имени падишаха, вторая — имени его матери, третья — имени возлюбленной из его жен, султанши Хазеки, а остальные три — именам знатнейших сановников: великого визиря, его товарища (каим-мекема) и визиря, любимца падиша-

хова. Из усыпальниц, устроенных под костелами, при обращении их в мечети вытаскивали гробы умерших и вывозили за город, а иконы, почитаемые мусульманами за признак идолопоклонства, выбросили из храмов и мостили ими улицы в тех местах, где было грязно. По такой мостовой Мугамет IV въехал в Каменец. Турки, в своем воинственном фанатизме, в глазах христиан ругались над иконами, кололи их, рубили, жгли, топтали ногами, делая это нарочно для того, чтобы дразнить побежденных, которые, при виде таких возмутительных выходов, должны были молчать, чувствуя свое бессилие. Смотрел на все это Дорошенко, и не заболело его сердце при виде такого бесчестия образов Божиих: все сносил он ради своего несчастного временного гетманства; так замечает о нем малороссийский летописец. В новоустроенной главной мечети отправлено было мусульманское пятничное богослужение в присутствии падишаха и его сановников, и в первый раз раздался в Каменце, вместо колокольного звона, любезный мусульманскому уху голос «муэдзинского изана». Колокола были спущены: падишах приказал разбить их и перелить на орудия, а некоторые подарил Дорошенку. Тогда поймали восьмилетнего мальчика по имени Петра Ястржембского, привели в главную мечеть и в присутствии султана обрезали¹. Великодушие, объявленное жителям, не помешало сделать для некоторых из них исключение: падишах приказал отобрать 800 ребят в янычары, а дам и девиц шляхетского звания забирали в гаремы, назначая, смотря по их красоте, одних к самому падишаху, других — верховному визирю, а иных — пашам. Султан назначил в Каменце губернатором Али-пашу с гарнизоном, по одним — в числе двадцати тысяч, по другим — в пятнадцать тысяч.

Падишах оповестил по войску, что пойдет далее в глубину неприятельской страны. Но турки не слишком спешили, будучи слишком уверены в своем превосходстве над неприятелем; они презирали поляков, называя их низкими трусами: и в самом деле, из подольских городков, не защищаясь, бежали польские «залогии». Ягельница, куда отведены были из Каменца жители, была сдана туркам самим владельцем Лянскоронским, и турки, овладевши этим городом, распоряжались жителями, как своими невольниками, и гоняли их работать мост на реке. Было не мало таких, говорит современник, которые предпочитали остаться под властью турок, чем идти в Польшу, чтоб не слышать там упреков и ругательств от соотечественников за то, что так постыдно сдали Каменец.

¹ Впоследствии этот мальчик, обжившись в Турции и даже разбогатевши, уже сам имел детей, но вспомнил о своем происхождении и убежал в отечество, где обратился снова к христианской вере.

Несколько времени падишах оставался в стане близ Жванца, куда перешло войско из-под Каменца. Там тешился он охотою. 17 сентября турки снялись и 19 стали под Бучачем, городком, принадлежавшим вдове Терезе Потоцкой; жолнеры, бывшие в этом городке, сначала храбрились, а когда увидали, что неприятельское войско велико, то сдались. Гуссейн-паша взял Язловицы; другие паши овладели прочими городками. Большая часть этих городков и местечек сдавалась без отпора; современник-очевидец насчитывает их около Каменца более тридцати; турки никого не рубили и обращали в неволю только тех, кто был взят с оружием, но и тех впоследствии отпустили на свободу. Только городок в Червонной Руси, называемый Буджаны, над рекою Серетом, представил исключение. Там засел Фома Лужицкий, брат того, который с Ханенком потерпел от татар поражение на Батоге; к нему в Буджаны набежало из окрестностей много народа, способного носить оружие. Турки добыли приступом Буджаны и убили Лужицкого, поставивши ему в вину его упорство, как оскорбление султанского величества. С ним побили других лиц, которые были познатнее, а прочих всех отдали татарам в неволю.

Выше было сказано, что хан и Дорошенко отправлены были ко Львову. На пути своем, в Орынине, хан встретил послов от коронного гетмана Собеского, стоявшего с войском близ Красностава, у сельца Крупе: Собеский приглашал хана принять на себя посредничество и примирить польского короля с турецким падишахом. Послами были Венявский и Злотницкий, люди давно знакомые крымскому повелителю. Не трудно было указать хану, что дальнейшее унижение Польши и успех Турции не вполне будут выгодны для крымских властителей, которые хотя и были подручниками падишаха, но всегда ревниво дрожали за свою самобытность. Хан принял дружелюбно обоих польских послов и, по сношении с верховным визирем, отвечал Собескому, что готов принять на себя посредничество, если наперед будет знать, что поляки уступят Турции Подолию и обяжутся платить падишаху годичную дань. Иначе — он не только не брал на себя посредничества, но угрожал опустошением польских областей. Такой ответ привез коронному гетману Злотницкий, а Венявский остался при хане.

Хан с ордами и Дорошенко с козаками следовали ко Львову; с ними был отряд турецких сил под начальством Каплан-паши. На пути им сдавались городки, а татарские загоны расходились по сторонам, сожигали поселения и забирали жителей в полон. Неприятельское полчище достигло до Львова 20 сентября. Перед их приходом Собеский распорядился вывезти из города Львова все общественные и частные имущества, удалить женщин, детей и стариков и дозволил оставаться в городе только людям, способ-

ным владеть оружием, а комендантом во Львове оставил Илью Лонского с четырьмя хоругвями пехоты и с двумя отделами конницы¹.

Неприятельские силы сразу окружили Львов со всех сторон: с востока расположились турки, с юга войска молдавские и седмиградские, с запада татары, с севера Дорошенковы козаки. 25 сентября львовяне послали Капланупаше почетный гостинец², но паша не принял его и потребовал присылки к нему городских ключей.

— Этого мы не смеем сделать без воли короля, — отвечали посланцы, — ведь мы королевские подданные! Ожидаем королевских послов и надеемся, что они заключат с вами мир.

Каплан-паша прогнал городских послов. Началась канонада. Вместе с тем турки стали вести подкопы. 28 сентября удалось туркам взять замо́к, господствовавший над городом. Но в ночь с 28 на 29 прибыли желанные послы польского короля, каштелян волынский Францишек Любовицкий и коронный подскарбий Шумовский. Первое их старание состояло в том, чтобы при посредстве хана прекратить канонаду. На другой день, 30 сентября, начались переговоры. На первых порах салтаны или аги подняли такой шум, что ни к чему не могли придти и отложили сходку на другое утро у хана. Турки умышленно старались унижить польских послов, не давали им стульев, приказывали слушать и говорить стоя, снявши шапки.

На другой сходке, 1 октября, поляки заговорили было о Дорошенке и об Украине, но турки и хан прервали их и объявили, что об этом нечего уже тратить слов, когда Украина давно уже отдалась под власть падишаха. Польские послы упорно состязались о платеже ежегодной дани, добиваясь, чтоб эту дань называли не харáчем (как звалась дань, платимая турецкому султану порабощенными христианами), а «упоминками». Это решено было предоставить воле падишаха. Мусульмане требовали было уступки не только Подолии, но Львова и с ним вместе всего воеводства русского, но потом на просьбы послов согласились, чтоб

¹ Львовский комендант впоследствии жаловался, что у него было так мало силы, что невозможно было давать отпор тридцати тысячам турок, пятнадцати тысячам татар и нескольким тысячам козаков (Ojczyste Sp., II, 176). По другим известиям, орды было до шестидесяти тысяч, турок до пятнадцати тысяч, а козаков до восьми тысяч (Ojcz. Sp., II, 179). Но это разноречие может объясниться тем, что татарские орды не бывали все вместе, а воевали порознь; таким образом, в одном случае говорилось о всей орде, пришедшей с ханом, — в другом же о той, которая в данное время стояла против польского войска. Притом же цифра численности неприятельских сил поляками могла быть соображена только глазомерно и потому только приблизительнольна к истине.

2 4 хлеба, 10 голов сахару и боченок пивного меда.

город Львов заплатил за себя окуп в размере двадцати тысяч червонцев. Тогда комиссары послали в город звать выборных делегатов. Выслали из Львова четырех членов магистрата и при них одного каноника. Эти делегаты, по собственному их выражению, как нищие, выпрашивали милости, представляя, что город не имеет средств. «Возьмите Львов, — говорили делегаты, — разберите по кирпичику все костелы и каменные строения, и тогда не соберете большей стоимости; магнаты и богатейшие граждане ушли, из костелов все серебро вывезли». Турки ничего не уступили. Когда во Львове сделан был сбор денег по разверстке, то едва набралось 5.000 червонных, и потому в обеспечение уплаты остальной суммы Львов дал заложниками нескольких знатных лиц из своих граждан, которые 5 октября выданы были послами Речи Посполитой туркам и отправлены в Каменец.

Во все стороны от Львова свирепствовали татарские загоны; десятками тысяч жителей, и больших, и малых, и старых, и молодых, гоняли татары в неволю, сожигали их жилье, истребляли хлебные запасы. Комиссары умоляли Каплан-пашу приказать пощадить край. Но Каплан-паша отвечал: «на то война, благодарите еще Бога за то, что наши войска и крымцы не пошли за Вислу! Зачем Речь Посполитая не поверила, когда вас остерегали?»

Возвращаясь с последней сходки, послы увидали Дорошенка и его товарищей, сидевших на конях. Враги взаимно поклонились друг другу. Здесь был Петрановский, знакомый панам по своему посольству от Дорошенка. «Каково поживаете, господа?» сказали полякам козаки с явною насмешкою. — Эх, господа, господа! — отвечал Любовицкий, — будьте мудры и смотрите заранее, какой конец для вас из этого будет».

В тот же день, 5 октября, послы Речи Посполитой со статьями договора отправились в стан падишаха под Бучачем. Ничего не могли выторговать поляки у тех, кому было поручено принять от них договорные статьи. 7 октября (20 числа мусульманского месяца Джумазыль-Ахыла) верховный визирь, упавши ниц перед высоким стременем падишаха, представил договор на высочайшее утверждение.

Польша обязывалась давать турецкому государю ежегодный дар в количестве двадцати двух тысяч червонных золотых на срок 26 октября, а падишах давал от себя обязательство запретить своим подданным и подручникам делать наезды и разорения в польских владениях, и если бы случилось что-нибудь такое, а турецкий император не учинил бы удовлетворения по жалобе польского короля, то польский король в тот год будет свободен от взноса определенного годичного дара. Польша уступала Турции Подолию в ее давних границах, а если бы случились какие-нибудь недоразумения о рубежах, то следовало в таком случае с обеих сторон

выслать порубежных судей, которые будут опираться на свидетельство сторожилов, и власти мусульманские обязаны будут подчиняться приговору этих судей. Польским военным людям из подольских городов и крепостей предоставляется выходить с семьями и домашними пожитками, а также унести с собою и собственное оружие, но не вывозить крепостных орудий. Остающаяся в Подолии шляхта (бейзаде), находясь с своими маетностями под турецкою властью, будет пользоваться прежними льготами. Поселяне, шляхетские подданные, обложатся «харачем» наравне с прочими мусульманскими подданными Турецкой империи (в размере от 20 до 50% с годового дохода), или десятиною (данью, которою облагались принявшие ислам, в размере 10%), а владельцы обязаны были через султанских комиссаров представлять в казну весь доход с своих имений разом с собираемыми с поселян государственными податями, из чего владельцам будет оставлена определенная часть. Зато на шляхту не будет налагаться никаких личных поборов. За исключением мечетей, которые будут находиться в городах и замках, мусульманские власти не имеют права вступаться в остальные земли и усадьбы шляхты, остающейся в турецком владении, и все подольские жители с их семьями и потомками, подобно другим обитателям порубежных областей турецкого государства, не будут подвергаться никаким стеснениям в отправлении своих глупых религиозных обрядов. Подольской шляхте дозволялось выезжать по своим делам в польские края сроком на два месяца, но из поселян никто ни под каким предлогом не должен был ездить в *Лехистан*¹. Вся Украина уступалась козакам в ее давних рубежах, а если бы возникли по поводу рубежей недоразумения, то они должны были решаться тем же способом, какой указан выше по отношению к Подолии. Польские войска обязаны были выдти из Белой-Церкви и из всех крепостей и замков украинских, оставивши на месте орудия и боевые запасы. Всем козакам, находившимся при Ханенке, поляки не должны препятствовать уходить в свои дома в Украину; самому же Ханенку не позволять ездить в ту сторону. Поляки не должны мстить польским татарам, так называемым *лишкам* за то, что во время войны поступали под турецкое знамя; поляки должны были дозволить им, по их желанию, переселяться в «дом Ислама». Хан крымский обязан не только сдерживать своих татар от набегов в королевские области, но и помогать польскому королю против его неприятелей, а король польский обязывался не давать помощи неприятелям султана и не позволять другим в польских владениях набирать военных охотников для войны с Турциею. Таков был Бучацкий договор, считаемый в польской истории са-

¹ Так турки называли Польшу.

мым унижительным для Речи Посполитой; но это был единственный акт, по которому Польша принуждена была отказаться легально от власти над правобережную Малороссию, так долго добивавшеюся независимости от Польши.

По заключении мира турки отодвинулись к Жванцу. Падишах назначил оставить в новоприобретенной Подолии залогов в различных количествах по городам¹. Ко Львову отправлено было приказание прекратить войну. Но татары, разошедшись загонами, продолжали еще около месяца своевольствовать. Польские войска ходили отрядами для преследования татар, но ничего не сделали им, отличаясь сами только хвастовством и трусостью. Один Собеский удачно расправлялся с татарскими загонами. Козацкий гетман Ханенко также довольно удачно действовал тогда с своими козаками против татарских загонов. После своего поражения под Четвертыновкою он стоял у Дубна и там отбил нападение турецкого подъезда, потом, 5 октября, разбил татарский загон под Краснородом и отбил до двух тысяч полоненников. Вслед затем он нанес татарам поражение у Томашева, где никого из татар не оставили в живых козаки. Не одни козаки и польские жолнеры Собеского били тогда татар: и поселяне Червоной Руси составляли добровольные отряды, разгоняли татарские загоны и освобождали христианских пленников².

Хан с Дорошенком, по приказанию падишаха, отступивши от Львова, прибыли в главный турецкий обоз под Жванцем и там представились снова верховному повелителю. Козацкий гетман благодарил падишаха за великодушное благодеяние, оказанное козакам. Падишах поздравлял его с совершенным освобождением от ляхов и приказал возложить на него халат, вышитый золотом. Верховный визирь в своем шатре вел с Дорошенком такую беседу:

— Отчего, — спросил он гетмана, — ваше славное Войско Запорожское так умалилось и обессилело против прежних времен?

¹ В Каменце по одним — 20.000 человек, по другим — 15.000, а по иным 10.000. в Межиборже, Баре, Ядловце-по 1.000 человек, а в других, менее значительных городках — по 300 человек (А. Ю., и З. Р., XI, 143, 155). Разноречиво показывали об этом разные выходцы, занимавшие в тот век роль газет нашего времени.

² Польские историки выставляют тогдашние победы своих соотечественников, в особенности Собеского, чем-то необыкновенно геройским и указывают на многочисленность татарских сил в сравнении с польскими. Но беспристрастно вникнувши в дело, эти победы не окажутся так изумительными, какими их окрашивают поляки: татарские загоны не держались никакого порядка и были отягчены громадным числом уводимых в неволю полоненников, а потому не трудно было сколько-нибудь устроенному войску разгонять их и освобождать из их рук ясыр.

— Разделилось, — отвечал Дорошенко, — большая часть его осталась на левой стороне у царя, и на правой стороне город Киев у него же во власти.

— А ты бы, — сказал визирь, — спросил себе у царя заднепровскую Украину и Киев.

— Царь не отдает, — сказал Дорошенко.

— А каким подобием достались эти края царю? — спрашивал визирь.

Дорошенко отвечал:

— Сперва сами поддались, потом отложились от царя; но царь посылал большое войско, тогда они и поневоле подчинились царю, и живут у него в подданстве.

— Так потерпите же и молитесь Богу, — сказал визирь, — вот как польского короля одолеем и под данью крепко учиним, тогда и Киев, и заднепровская Украина будут наши.

Дорошенко оставил при султанском дворе в качестве своих резидентов Петрановского и писаря Воеховича с четырьмя чело-веками товарищей.

Падишах двинулся обратно с войском за Днестр в свои владения, а Дорошенко с ханом в Украину. Дорошенко без труда отобрал под свою власть городки, подчинившиеся Ханенку между Днестром и Бугом: польские жолнеры, бывшие там в замках, ушли без сопротивления.

Недалеко от Умани хан с своими ордами отправился в Крым, а Дорошенко остановился в Кристиновке. Этот город перед турецким приходом держался Ханенка, который прежде был уманским полковником и, по всему видно, родом он был из Умани; по крайней мере, семья его там оставалась. Ныне полковником от своей руки поставил Ханенку там Белогруда. Услышавши, что Дорошенко в Кристиновке, уманцы собрались на раду и рассудили, что теперь Дорошенко страшен и надобно ему кланяться. Духовные и миряне повезли ему в гостинец, как выражается летописец, «скоромного и постного провеянта» и разных напитков. Дорошенко ласково принял предлагаемые гостинцы, но похулил уманцев за то, что поддались Ханенку и ляхам. «Ляхи, — говорил он, — наши первейшие враги; отрежьтесь от них, будьте под турецкою протекциею, не верьте тем, которые вас пугают нарушением православной веры и старых порядков». В заключение он пригласил депутатов на обед, дружелюбно простился с ними и отправился в Чигирин, а через полторы недели потребовал из Умани к себе некоторых знатных козаков и приказал их — кого повесить, а кого расстрелять, а Ханенкову жену прислать в Чигирин. Но в Умани были запорожцы, преданные Ханенку — по одним известиям, их было полторы тысячи, по другим — пятьсот. Они ушли в Белую Церковь и увлекли за собою многих уманцев, опасавшихся расправы от Дорошенка. Тог-

да Дорошенко послал к Белоцерковскому коменданту Лобелю требование выступить с польскими жолнерами сообразно условию, постановленному в мирном договоре с турками. Но Лобель отвечал, что не выйдет, пока не получит приказа от своего короля. Вслед затем Лобель стал дразнить Дорошенка: он послал своих жолнеров и велел им сжечь козацкие городки Семеновку и Хвастов. Таким образом Дорошенко еще до истечения полугодия со времени Бучацкого договора имел уже полное право упрекать поляков в вероломстве и несоблюдении мирного договора.

III

Политика московского правительства. — Опасения разрыва с Турциею. — Царские грамоты христианским европейским державам. — Проект сойтись с Дорошенком. — Освобождение Серка. — Рада у Дорошенка весною 1673 года. — Народное недовольство турецким господством. — Каневский полковник Лизогуб. — Его сношения с московским правительством. — Сношения Дорошенка с Польшею. — Рада на Расове и в Чигирине. — Неудачное посольство Шумлянского. — Последняя борьба Дорошенка с Ханенком. — Ханенко под Киевом. — Убийство Пиво-Запольского. — Ханенко уходит в Запорожье. — Хотинская победа Собеского над турками. — Увертка Дорошенка.

Московское государство держалось почти безучастно во все время войны турок с поляками. Когда падишах шел на Каменец, король Михаил посылал в Москву просить содействия на основании Андрусовского договора, но ему ответили, что Андрусовские статьи повреждены уже самими поляками, что, однако, царь, по христианскому долгу, уже указал подвластным калмыкам, татарам и донским казакам сделать нападение на крымские улусы в видах отвлечения крымцев, воевавших вместе с турками против поляков; что не запрещается, кроме того, охотникам из подданных московского государя участвовать вместе с поляками в войне против неверных. Тем и ограничилось московское благорасположение к Польше в трудное для последней время. Каменец был взят. Польша утратила Подоль и Украину; — тогда опасный ветер стал веять и на Россию. Ромодановский и Самойлович получали и сообщали в Москву зловещие слухи о том, что турки собираются вторгаться в царские владения, а киевский воевода князь Козловский извещал, что в левобережной Украине стали ходить «прелестные» листы Дорошенка. Сам Дорошенко, напротив, к великороссийским властям показывал предупредительность и письменно просил великороссийского воеводу в Киеве пребывать к ним в любви советно. В Москве мало верили дружелюбию Дорошенка и в видах опасности, в конце декабря, послали в малороссийские города ратную силу под главным началь-

ством князя Трубецкого, назначенного в Киев воеводою; сам царь объявил намерение идти в поход своею особою, и для этого приказано было строить государев двор в Путивле. Ожидание столкновения с могущественною Оттоманскою державою побудило московское правительство искать содействия европейских государей, и с этою целью разсланы были с царскими грамотами гонцы к цесарю, папе, курфирстам саксонскому и бранденбургскому, к венецианской республике, во Францию, Испанию, Англию, Голландию, Швецию и Данию. Это было первое обращение Московского государства к европейским державам о войне с турками; до тех пор с Запада присылались подобные предложения к Московскому государству и были напрасны.

Но, ожидая от Дорошенка, турецкого подручника, неприязненных поступков, в Москве считали возможным более, чем прежде, сойтись с Дорошенком. Не раз уже он заявлял желание поступить под высокодержавную руку православного монарха, с тем, однако, чтобы сохранилось единство Украины, разорванной Андрусовским договором. Московское правительство, признавая Дорошенка польским подданным, находило затруднительным принять его, чтобы не нарушить мирного договора с Польшею. Теперь такое затруднение устранялось. Дорошенко перестал быть польским подданным после того, как сама Польша договором с Турциею отреклась от Украины, подчиненной Дорошенку, и прием правобережного гетмана в подданство царю не должен был, казалось, повлечь за собою разрыва с Польшею. Скорее ожидалось из-за этого столкновение с Турциею, но в Москве в то время надеялись, что теперь, по царскому приглашению, ополчатся против врагов креста святого христианские державы, много раз прежде того побуждавшие к войне Московское государство. Составился проект отклонить Дорошенка от союза с Турциею и склонить к подданству московскому царю. Этот проект, сообщенный прибывшему в Москву от Самойловича протопопу Адамовичу вместе с сыновьями гетмана, поручался для исполнения боярину Ромодановскому и гетману Самойловичу. Предполагалось обращаться с Дорошенком так, чтоб его и ласкать, и припугивать. Сперва гетман и боярин должны были отправить к Дорошенку двух умных людей с увещательною грамотою от царского имени, а сами затем на страх Дорошенку они со своими военными силами должны были подвинуться к берегам Днепра. Если Дорошенко примет грамоту, то пусть приедет к боярину и гетману и в их присутствии присягнет в верности царю; если же станет упрямиться, то грозить ему военным походом против него. Тогда уже предполагали, что могли правобережные полковники с своими полками, помимо воли своего гетмана, отступить от Турции и поступить в подданство к царю, — поэтому заранее указывалось принять их. В то же время освободили из Сибири и отпустили в Запорожье Серка по ходатай-

ству польского короля и кошевого запорожского, несмотря на просьбу гетмана задержать его. Серко́, уезжая на свободу, выслушал от московского патриарха назидательное увещание быть верным постановленному от Бога монарху, но внутри затаил надолго, если не навсегда, нерасположение к Москве.

Как только Дорошенко услышал, что в царской державе затевается что-то на его счет, то созвал в Чигирине на раду полковников и старшин и спрашивал, что им делать. Все, зная преданность своего гетмана Турции, единогласно положили: «нам от турка отступить нельзя. Царь, по мирному договору с Польшею, нас не примет; искони веков Украина наша не была в разделе, а под королевскою рукою ни за что быть не хотим. Коли в нынешнее время нам от турка отложиться, то нас турок до останка разорит!». Таким образом, прежде чем от московского царя пришлось им услышать голос, призывающий их к отступлению от турок, правобережные козаки решили держаться крепко турецкой власти, но они говорили только из угодливости Дорошенку: то не был всеобщий голос народа. Народ в Украине, напротив, роптал на своего гетмана за подданство Турции. Из Подолии, — страны, населенной малороссиянами, но уступленной Польшею Турции, приносились ужасающие вести о жестокостях бусурман над христианскими жителями: церкви Божии обращались в мечети или кладовые, запрещался церковный благовест, малых ребят брали от родителей, не позволяли жениться, крестить младенцев, хоронить умерших, не заплатив наперед положенных за то пошлин. Наказывали по одному подозрению, ввели круговую поруку, невинный отвечал за виновного: ушел самовольно какой-то мещанин, вместо него посадили в тюрьму другого и заставили заплатить порядочную сумму. Запретили христианам свободную торговлю горелкою и пивом. «Заковывают христиан в кандалы, так что уже в Подолии и железо вздорожало от потребности в кандалах». Такие толки кружились тогда в народной громаде и отвращали народ от Дорошенка; между самими старшинами, которые, угождая Дорошенку, на раде подавали голос в пользу Турции, нашлись сразу такие, что были готовы служить видам московского государя. Ближе всех к Дорошенку был тогда каневский полковник Яков Лизогуб. Гетман отдал за его сына свою дочь. Лизогуб повел подкуп под своего свата. Он начал с того, что послал к переяславскому полковнику Дмитрашке Райче одного грека, переяславского жителя, сообщить по секрету, что каневский полковник со всем полком желает быть в подданстве у великого государя. Дмитрашка Райча отправил присланного грека к Самойловичу.

— Как у вас дело делалось, расскажи? — спрашивал Самойлович грека.

Грек сказал:

— Лизогуб призвал меня к себе и говорил: приходят на нас лихие времена, разволокут турки всех нас врознь. Я бы хотел с городом Каневом и со всем моим полком отступить от Дорошенка, да не смею у великого государя милости просить.

Самойлович послал об этом известие в Москву, а из Москвы, 16-го января 1673 года, отправили в Батурин подьячаго Семена Щоголева с указом гетману, если подлинно окажется, что Лизогуб хочет быть в подданстве у царя, то поручить ему уговаривать и других полковников отступить от Дорошенка. Разом с тем следовало узнать от Лизогуба, не хочет ли сам Дорошенко отступить от султана. Самойлович должен был послать за этим к Лизогубу верного и знающего человека со словесным наказом, но никак ничего не доверять бумаге.

Самойлович тотчас послал к Дмитрашке Райче того же грека, который к нему приезжал, но в разговорах со Щоголевым гетман не показал расположения вести с Дорошенком мирные переговоры. Самойлович боялся, чтоб Дорошенко впоследствии как-нибудь не вошел в милость у царя и не выпросил для себя гетманства над обеими сторонами в Украине. Самойлович говорил московскому послу, что предпочитает идти войною на Дорошенка. 30-го января он отправил Щоголева самого к Дмитрашке Райче.

Щоголев виделся с Дмитрашкою Райчем в Киеве, и 14-го февраля Дмитрашко Райча сказал ему:

«Лизогуб со мною издавна в совете живет, а теперь учинился сватом Дорошенку поневоле. Лизогуб присылал ко мне, чтоб я отдал свою падчерицу за его сына. Я бы и помыслил так сделать, хотячи Лизогуба на сю сторону перевести; но потом, через своего зятя Ивана Гладченка, Лизогуб передал мне вот что: ездил он, Лизогуб, к Дорошеику спрашивать о женитьбе сына своего, а Дорошенко и говорил ему: напрасно с Дмитрашкою родниться хочешь, они люди богатые и спесивые, что тебе с ними в свойство входить? Знать, Дорошенка не посмеешь просить, оттого, что он гетман, а Дорошенко не побрезгует Яковом Лизогубом, его сыном, а у Дорошенка есть дочь! — После таких слов Яков Лизогуб убоился Дорошенка и тотчас же, не отговариваясь, женил своего сына на дочери своего гетмана, а теперь Яков Лизогуб говорит: такое со мною учинилось, чего моя душа никогда не желала».

Щоголев обдарил Дмитрашку Райчу соболями, а Дмитрашко Райча уехал в Барышевку, условившись позвать туда Щоголева после того, как снесется с Лизогубом.

Щоголева позвали в Барышевку 28-го февраля, и тогда он держал беседу с греком, воротившимся из Канева, куда посылал его Дмитрашка Райча. Грек говорил:

— Лизогуб сказал мне: со всем полком готов царю служить, только без присылки сюда царского войска нам отлучиться от До-

рошенка невозможно. Он всеми силами своими оступит меня и мучению паче других человек предаст за то, что я с ним в свойстве. Рад бы я со всем своим домом и пожитками перебраться в сторону царскую, да славу свою утеряю. Здесь я начальный знатный человек и все люди нашей стороны меня слушают, и лучше будет мне, живучи на правой стороне, показать службу свою великому государю. Уже и теперь люди нашей стороны, видя от турок утеснения, проклинают Дорошенка. Да и сам Дорошенко жалеет, что поддался турецкому султану, только не знает, что ему делать. Не дай Бог, коли польский король станет совсем под данью у турецкого султана; тогда он должен будет делать все, что прикажет султан, и поляки пойдут войною на царскую державу. — Подали питье; Лизогуб первую чашу выпил за царя, вторую за гетмана Самойловича и потом произнес: «пусть бы великий государь присылал многочисленную рать в Украину, пока турецкие войска не пришли. Ни один город, кроме Чигирина, не станет держаться с Дорошенком. Все сдадутся, и сам Дорошенко, как увидит близко себя царскую рать, не то станет думать, что теперь. У нас на правой стороне все с охотою отдадутся под высокодержавную царскую руку, только пусть великий государь нас пожалует: наших полковников и прочих начальных людей не велит грабить, разорять и в Сибирь ссылать. У нас этого очень боятся. Да еще и того многие опасаются: как сдадутся под высокую царскую руку, а великий государь изволит их королевскому величеству отдать, как уже было при Бруховецком. Какие были города побраны, а потом опять отданы Польше! Тогда уж покоя у нас не будет, потому что под королевскую руку нам ни за что не быть!» Прощаясь со мною, Лизогуб сказал: «пусть бы царский подьячий приехал ко мне повидаться в Канев!»

Щоголев не дозволил себе без ведома гетмана входить в дальнейшие объяснения и ехать на свидание к самому Лизогубу, потому что не знал степени искренности Лизогуба, и воротился в Батурин. На прощанье с ним Дмитрашко Райча, всегда склонный к козням, старался выставить себя особенно преданным царю и способным оказать услуги, а своих земляков-малороссиян чернил всевозможнейшим образом всех огулом, не касаясь лиц, и только одного Лизогуба хвалил.

По возвращении в Батурин подьячий услышал от Самойловича такой отзыв о Лизогубе:

— Верил я Лизогубу, пока он не был в сватовстве с Дорошенком, а теперь не верю; думаю, все, что Лизогуб говорил греку Павлу, научил его так говорить сам Дорошенко. Вот как пойдем с князем Ромодановским на ту сторону с войском, так и не в честь станут нам сдаваться, зная, что иначе турки придут и разволокут всех. Вот Хмельницкий с бусурманами водился, да и залетел в Царь-град, да и Дорошенко из-под Каменца от бусур-

мана насилию утек. Не отбыть ему и вперед. К Лизогубу посылать не нужно. Лизогуб наши слова станет передавать Дорошенку, а Дорошенко передаст об этом султану и тем станет его против нас возбуждать.

Эти слова показывали, какое взаимное недоверие господствовало в малороссийском обществе: один другого хотел подвести, один другого остерегался. Самойлович, наученный опытами прежних лет, осматривался на все стороны, чтоб его не провели и не вооружили против него в Москве правительство.

Щоголев уехал 13-го марта.

По договору с турками поляки обязались дать Дорошенку Белоую-Церковь, но белоцерковский комендант Лобель не сдавал ее, а Ханенко продолжал именоваться гетманом всей правой стороны, и недовольство в Украине подчинением Турции подавало ему надежды. Умань отложила от Дорошенка. По рассказу летописи Величка, в понедельник на Пасху был обед, устроенный Братством в Воскресенской церкви; там были многие значные жители и начальные люди компанейцев и серденят, посланных Дорошенком в Умань. Во всем городе много тогда пили ради праздника Господня. Когда полковники компанейский Силич и серденятский Жеребило возвращались верхом с пира, пьяницы на улице стали задирать их бранными словами, а когда те стали от них отмахиваться канчуками, бросились на них с дрючками (кольями). Жеребило ускакал из города с конными компанейцами, а Силич с пешими серденятами, запершись в каком-то доме, отстреливался от уманцев, пока, наконец, уманцы взяли его со всеми серденятами и всех перебили. Кгородзенко, поставленный от Дорошенка полковником, убежал к своему гетману, а уманцы выбрали полковником Яворского, прежнего войскового товарища, и послали к Ханенку объявить, что хотят быть под его regimentом. Тогда Ханенко начал открытую вражду с Дорошенком. Назначенный им в звании белоцерковского полковника Игнат Макуха начал беспокоить подъездами украинские городки, признававшие Дорошенка, а белоцерковский комендант просил помощи у киевского воеводы. Дорошенко обратился за помощью в Крым через войскового товарища Ивана Мазепу, но рассудил, что до прихода к нему на помощь союзников ссориться с Польшею не следует: он послал королю Михаилу письмо, где заявлялась мысль о соединении Украины с Польшею на основании Гадяцкого договора, с непременною однако условием немедленного выхода поляков из украинских городов. Посланец Дорошенка был на дороге схвачен турками, и вскоре в Чигирин явился турецкий чауш с запросом, что значит посылка к польскому королю. Дорошенко отговорился, что это была хитрость: узнал он, что поляки намерены напасть на Украину, хотел обмануть их и задержать, пока не придется к

нему помощь из Турции. Отпуская этого чауша, Дорошенко послал к султану в подарок польских пленников, содержащихся у него в чигиринском замке. Дорошенко туркам говорил тогда правду; он сносился с поляками, не думая на самом деле с ними дружить. Король послал к нему львовского православного епископа Шумлянського, человека искренно преданного полякам и склонного к унии, которую принял впоследствии. В ожидании приезда этого владыки Дорошенко назначил генеральную раду на реке Расава для рассуждения о том, что делать с поляками, но сам туда не поехал, зная наперед, что в большом народном собрании встретит против себя раздражение, а послал туда вместо себя наказным Лизогуба, который на раде выслушал от козаков большое негодование к турецкому господству, непреклонную вражду к полякам и склонность к московскому царю. Когда же приехал Шумлянський, Дорошенко в Чигирине собрал опять раду уже при себе, но вместо того, чтобы готовить козаков к соединению с Польшею, вспоминал всякие оскорбления, нанесенные малороссиянам ляхами, и превозносил турецкого государя. Шумлянський понял, что Дорошенко лукавит, и уехал из Чигирина ни с чем, а Дорошенко отправил к турецкому султану полученные от польского короля письма, из которых султан мог узнать, что у христианских государей возникла мысль составить между собою союз, чтобы идти войною на мусульман.

Прежде чем к Дорошенку пришла ожидаемая из Крыма помощь, он услышал, что Ханенко, стоявший на Вольни у Корца, двинулся на него в Украину с своими козаками и поляками, чтобы предупредить прибытие к Дорошенку орды. По известию одного украинского летописца, Ханенко дошел до Стеблова и был там поражен наголову, стиснутый с одной стороны Дорошенком, а с другой — крымским салтаном, успевшим дойти на помощь к Дорошенку. Много бежало из его войска, которое, как показывают современники, у него простиралось до десяти тысяч; с оставшимися Ханенко ушел к Киеву и расположился станом под Печерским монастырем. Современные известия об этом событии не упоминают, но сообщают, что Ханенко бился с отрядом Дорошенкова войска, бывшего под начальством наказного Якова Лизогуба на реке Лыбеди, близ Киева. Как эта битва кончилась — неизвестно, но Ханенко после того приблизился к Киеву и послал киевскому воеводе, князю Трубецкому, объявить, что он с своими козаками, теснимый Дорошенком, не в состоянии сладить с своим врагом, не желает более служить польскому королю, недоволен будучи коронным гетманом Яном Собеским, и просит принять его в подданство царю. Воевода прогонял его от Киева к Димеру, но Ханенко не пошел туда, а перешел на остров, образуемый Днепром и Чарторыею, и обратился к Самойловичу с просьбою пропустить

его в Запорожье. Самойлович послал в Приказ просить на это разрешение и не получал ответа в течение нескольких недель, а Ханенковы козаки по одиночке уходили искать селитьбы в царских областях. Ханенко, не дождавшись разрешения, с умаленною в значительной степени своею ватагою, двинулся на Полесье в город Димер, с намерением отомстить своему личному врагу, польской службы полковнику Пиво-Запольскому.

Пиво-Запольский был типичною личностью поляка своего времени. Посланный в полесский край по соседству с Киевом, он набрал себе своевольный отряд, постоянно возбуждавший жалобы малороссиян на бесчинства и насилия. Летом 1678 г. он напал на Киев и наделал там разорения. Несколько времени в Киеве боялись, что этот польский полковник снова сделает нападение на Киев с целью отобрать его во власть польского короля. Но вдруг Пиво-Запольский изъявил готовность перейти на службу к московскому государю; ему отказали, не желая входить в недоразумения с польским королем. Тогда Пиво-Запольский предложил себя на службу Дорошенку и уже в Павлочи, перед Дорошенковым генеральным асаулом Шуликом, произнес присягу украинскому гетману, турецкому подручнику. Такие измены у поляков в тот век оправдывались шляхетскою вольностью. Вот с этим-то господином был Ханенко во вражде. В предшествовавшем году Ханенко отбил на дороге пленницу, черкешенку изумительной красоты, которую Дорошенко посылал в дар падишаху. Ханенко отдал ее на сбережение в Белую-Церковь к коменданту Лобелю до своего востребования. Проведавши о ней, Пиво-Запольский сочинил фальшивое письмо от имени Ханенка и так искусно подписался под его руку, что Лобель выдал девушку подателю письма. Пиво-Занольский жил с нею четверть года, потом, как говорят, на ней женился. Ханенко, пока служил Польше, таил в себе желание мести, но после поражения Дорошенком, недовольный притом поляками за то, что его мало наградили, решился отступить от Польши и на прощанье расправиться с своим врагом. Не открывая никому своего намерения, он прибыл в Димер, расположился перед замком, пригласил Пиво-Запольского к себе на пирушку, убил его в своем шатре, потом выступил из Димера в Брагин и оттуда послал новую просьбу к Самойловичу о дозволении пройти в Запорожье. Самойлович тогда уже получил решение московского правительства. Царская грамота от 23-го октября дозволяла Самойловичу пропустить Ханенка на Запорожье, а его разбежавшихся козаков, шатавшихся на левой стороне, водворить на жительство в левобережной Украине, но приказать начальным людям по полкам смотреть за ними, чтоб от них не было ничего дурного. Вслед за уходом Ханенка на Запорожье множество жителей из Уманского полка, признавшие Ханенка,

не хотели подчиняться Дорошенку и турецкой власти, покинули, по выражению украинского летописца свои красные жилища и уголья, перешли на левый берег Днепра и поселились в разных местах Полтавского полка близко к днепровскому побережью. Стремление переселяться в царские владения охватило и тех малороссиян, которые жили в крае, непосредственно принадлежавшем Польше. Поляки стали не допускать народ до таких переходов, и весной 1673 года, под Любаром, остановили большую партию «прочан» (так назывались в то время переселенцы). Дорошенко роптал; что ляхи «не пропускают наших», но, заступаясь за прочан, желал, чтобы они селились в его пустевших владениях, а перевозиться через Днепр претил им не менее поляков.

Осенью, между тем, у поляков возобновлялся разрыв с Турцией. Вопреки Бучацкому договору, поляки не платили определенной дани, не выводили своих «залог» из подольских городков и даже стали выгонять турецкие и татарские залогии, помещенные в Подолье. Падишах грозил наказать поляков военной силой за вероломство; но поляки, с своей стороны, понадеялись на измену Турции господарей, молдавского Гики и валахского Петриченка. Коронный гетман Собеский с наступлением осени двинулся к Хотину. Услышавши об этом движении, турецкий сердарь (главнокомандующий) отправил Гуссейна-пашу с небольшим отрядом и к усилению его приказал идти другому турецкому генералу, Каплан-паше, с двадцатью тысячами войска. Но, прежде чем Каплан-паша успел придти, поляки атаковали Гуссейна-пашу. Силы врагов оказались неравномерными: у поляков было 30.000 человек да еще 4.000 валахов, у турок — только 10.000. Гуссейн и бывшие с ним паши покинули свои становища, добежали до моста, построенного через Днестр, и ушли в Каменец. За ними, по тому жепонаправлению к мосту, бросилась большая часть турецкого войска, но от многлюдства мост обломился, много турок потонуло, умевшие хорошо плавать спаслись, а поляки с берега по ним стреляли; остальные турецкие воины, не бежавшие через Днестр, были натиснуты на глубокую и узкую пропасть между двумя скалами и там погибли с своими лошадьми. В тот же вечер сдался полякам Хотин.

Поляки, как часто с ними случалось, не воспользовались своею победою. Приближалась зима. Жолнеры стали роптать и требовать, чтоб их отпустили на зимние квартиры. Кроме того, в самый день победы умер во Львове король Михаил. Начиналось междукоролье; паны рвались к участию в выборе нового короля. И султан, с своей стороны, не хотел продолжать военных действий в зимнее время.

После хотинской победы торжествующий Собеский отправил к Дорошенку находившегося у него в плену козацкого сотника Савву Туптала (родителя св. Димитрия Ростовского) — уговаривать гет-

мана отступить от бусурман и вместе с христианами идти против неверных на освобождение христианских народов из неволи. Дорошенко и митрополит Тукальский оба выставляли себя перед Тупталом ревнителями и поборниками христианства; но вслед затем явились к Дорошенку посланцы от турецкого султана с приказанием быть готовым на весну к содействию султану. Не мог предвидеть Дорошенко, чья сторона возьмет теперь верх в возобновившейся борьбе Турции с Польшею, особенно когда поляки старались заручиться содействием христианских держав. И счел Дорошенко на то время за лучшее мирволить и тем, и другим. Он отправил на содействии Гуссейну-паше два полка: Брацлавский и Могилевский, с наказным полковником Шумским, а Собескому написал, что посланные к туркам козаки не будут вредить польским войскам. Таким образом, Дорошенко, исполняя для вида обязанность турецкого вассала, в виду одержанной уже поляками над турками победы, приготавливал себе иную дорогу — на случай, если и далее счастье изменит Турции,

IV

Зажигатели. — Посольство монаха Серапиона к Дорошенку. — Условия, предложенные Дорошенком, и ответ на них московского правительства. — Отзывы Самойловича. — Поход русских войск на правый берег Днепра. — Сдача городов. — Рассказ Лизогуба о раде у Дорошенка. — Возвращение Самойловича и Ромодановского на левую сторону Днепра. — Рада в Переяславе. — Избрание Самойловича гетманом обеих сторон Днепра. — Мазепа.

Намерение склонить Дорошенка к подданству московскому государю приостановилось по представлениям Самойловича, находившего, что, вместо мирных попыток, лучше прибегнуть прямо к военной силе. Самойлович старался возбудить недоверие московского правительства к искренности Лизогуба, а о Дорошенке писал, что он подсылает тайных зажигателей в левобережную Украину¹. По этому донесению московское правительство для осторожности приказало воеводам в Малороссии учредить строгий надзор за всеми приезжавшими с правого берега Днепра, но не покидало мысли мирно сойтись с Дорошенком. Сам Дорошенко, видя в народе правобережной Украины сильное тяготение к Москве и соображая, что,

¹ В июне 1673 года в Конотопе поймали зажигателя, объявившего под пыткой, что его наняли за три рубля с полтиною зажечь город, и что Дорошенко разослал по левобережной Украине «палиев», в виде слепых нищих с поводьями и назначил над ними главного атамана, Федора Ольшанского, который ходит в красном кафтане и в желтых сапогах (А. Ю. и З. Р., XI, 266). Это известие едва ли можно признавать вполне достоверным: оно исходит от врага Дорошенкова — Самойловича, который заимствовал его из народной молвы.

быть может, рано или поздно ему придется отдаться ей в руки, опять делал дружелюбные шаги, писал киевскому воеводе, князю Трубецкому, что считает для себя высшим счастьем милость православного монарха, и обещал не пускать в царские области своих союзников татар. В Киеве ревностно поддерживал мысль о мирном соглашении с Дорошенком печерский митрополит Иннокентий Гизель, и, по его совету, киевский воевода отправил 10-го августа в Чигирин умного иеромонаха Печерского монастыря Серапиона Палчовского.

Серапион пробыл в Чигирине до 4-го сентября. Дорошенко дал ему статьи, на которых соглашался отдаться под московскую протекцию. Он требовал, чтоб Киев был отдан в козацкое управление, чтоб гетман над обеими половинами Украины был один, чтобы Украина состояла в пределах прежних польских воеводств: киевского, черниговского и брацлавского, чтобы Запорожье было в повиновении у гетмана и чтоб московский царь обязался защищать Украину от турок, если турецкий султан захочет мстить козакам.

Серапион заметил ему, что Самойлович уже избран на раде козаками гетманом и утвержден царем. Дорошенко сказал:

— Пусть Самойлович не хвалится, чтоб он был такой козак, как я — от прадедов козак! Разве он видал запорожские речки и море? Где он бывал? К чему присмотрелся? С какими государями о войне и о мире добрым обычаем переговаривал? Сумеет ли он что нужно для царского величества начать? Пусть укажет: коли все знает и может доброе дело вести, я ему уступлю и низко поклонюсь за то, что снимет с меня тягость гетманского чина. Но знает то Бог и люди: не давний он козак. Разве переходил он все войсковые чины, от малого до большого? Я так многажды был полковником и все старшинские чины прошел! Пусть царское величество сам рассудит, что это будет, когда под царскою рукою будет состоять разом нас два гетмана. Я его не люблю, а он меня не любит, — и станет у нас делаться в Украине то же, что делается в Польше, где два гетмана и вечно между собою ссорятся. Ты говоришь: Самойлович избран вольными голосами; знаем мы, какое это вольное избрание: иной бы не хотел подать за него голос, да принужден был подавать, — оттого, что за него держал руку боярин!

— Он царским величеством утвержден, — повторил монах. — Как теперь его отставить или понизить?

— Я не желаю его понижения, — сказал Дорошенко. — Пан Самойлович может иным способом быть награжден от царского величества. Я желаю за веру христианскую и за целость державы его царского величества в поганских землях умирать, а он пусть себе спокойно жительствоет без хлопот. Всегда я желал — и те-

перь желаю — добра его царскому величеству и земле московской, только одной стороной Украины нельзя нам от турок и татар оборониться; затем-то мы и принуждены были поддаться турецкому государю: если я это сделал, то сделал для веры христианской. Сам о себе я всего менее помышлял; сыновей ведь у меня нет! Мне идет дело о людях: не хочу, чтоб кто-нибудь по моей воле погиб!

Был потом Серапион у Тукальского. Митрополит восхвалял благочестие Дорошенка и превозносил его за то, что давно уже хочет отдать Украину царской власти. В бытность Серапиона у Тукальского пришел туда и Дорошенко.

— Дай Бог, — сказал Дорошенко, — чтоб я, недостойный, того дождался, когда бы его царское пресветлое величество покорила своей власти стольный град греческий, идеже есть святая святых! Пусть только великий государь изволит отвратить свой гнев от христиан и обратить его на неверных. Николи не бывало такого удобного времени турка воевать, как теперь. Лишь бы царь только начал, а то многие помощники у него обрящутся. Начать бы надлежало ранее и не медлить, покамест турки поляков под свою власть не подбили; а то коли подобьют, то и поляки на царскую державу недобром станут!

Еще не простился Серапион с Дорошенком, как явились к гетману посланцы от крымского хана просить козацкой помощи против непокорных ногайских мурз, а вслед за ними приехали ногайцы просить Дорошенка не оказывать против них содействия крымскому хану. Дорошенко, рассказавши об этом Серапиону, воскликнул: «дай Бог, чтоб эти бусурманы сами себя разрывали, и чтобы ненависть, которая до сих пор была между христианскими народами, обратилась на неверных».

Серапион не получил от Дорошенка ничего писанного и только сам записал слышанные им речи¹.

¹ В какой степени искренно было то, что Дорошенко говорил о себе, — о том может быть сомнение; но он, бесспорно, говорил правду на счет турок. Из одинаковых показаний разных лиц, посещавших тогда турецкие области, ясно оказывается, что Московское государство было нравственно сильнее, чем само это сознавало. Не только народ в правобережной Украине предпочитал соединение с Московским государством всякой иной для себя судьбе, но и у христиан Балканского полуострова возрастала надежда, что России суждено избавить их от мусульманской неволи. Приходили вести, что греки, валахи, болгары, сербы, все христианские народы, как только услыхали, что великого государя ратные люди вместе с поляками хотят идти на турок, обрадовались и молят Бога, чтобы это скорее случилось: хотят они соединиться с государевыми людьми и вместе с ними подняться на турок войною, потому что все они «у турецкого султана в тяжелой неволе и беспрестанно чинится им от турок великая налога» (А. Ю. и З. Р., XI, 277-299).

Когда в Москве узнали о беседе с Серапионом, послали к Дорошенку царскую грамоту, в которой похваляли его за то, что желает отречься от агарян и поступить под высокодержавную царскую руку; но на предложенные условия дали отрицательный ответ. Московское правительство уверяло, что не будет отдачи Киева и Украины полякам, которые уже сами отреклись от Украины договором с Турцией, но на единое гетманство в Украине, которого добивался Дорошенко, не соглашалось; предоставляли Дорошенку быть только гетманом на правой стороне Днепра, а левая останется под управлением Самойловича. Отец Серапион Палчовский снова поехал к Дорошенку с таким ответом. Дорошенко, прочитавши ответ, сказал: «Не знаю, что теперь и молвить, — все здесь противно. Я с моим желательством о подданстве отозвался и теперь не отменяюсь, обещаю, пока Бог здоровье даст, служить, сколько сил моих станет, великому государю».

Самойлович был еще более недоволен этими сношениями с Дорошенком, чем прежними. Когда царский гонец передал ему для прочтения ответ, посылаемый к Дорошенку, Самойлович сказал:

«И прежде я писал к царскому величеству, и теперь то же скажу: и Дорошенко, и Тукальский только баламутят. Умышляют они, как бы выманить у великого государя выступления ратных царских людей из Киева, чтоб Киев потом туркам отдать! Дорошенко разом и к великому государю, и к польскому королю посылает — и обоих обманывает, а дружит с одним турком. Кабы он искренно хотел поддаться, так не выдумывал бы то того, то другого, а просто просил бы только принять его под высокодержавную руку — и ничего больше».

Гетману не нравилось, что царь соглашался оставить Дорошенка гетманом даже и на одной правой стороне. «Если Дорошенко останется там гетманом, — говорил он, — то станет и под меня подыскиваться».

По настоянию гетмана Самойловича, после неудавшихся толков отца Серапиона с Дорошенком в конце ноября состоялся царский указ князю Ромодановскому и гетману Самойловичу идти с войсками за Днепр на Дорошенка. Если Дорошенко сам заранее пришлет с желанием поддаться царю, предводители должны были пригласить его в свой стан и без напрасных проволочек принять от него присягу на подданство, давши обещание защищать его от турок. Дозволялось предводителям, если сам Дорошенко станет упрячиться, принять в подданство правобережные полки и мимо Дорошенка, и допустить их избрать себе иного гетмана, хотя бы и самого Самойловича.

Поход соединенных войск — великорусского, под начальством Ромодановского, и малороссийского, с гетманом Самойловичем во

главе — открылся в конце января 1674 года. Дошли до Днепра против Крылова. Сожгли Воронóвку, Боровицу, Бужин. От Бужина отправили подъезд к Чигирину, боярин — своего товарища Скуратова, гетман — Дмитрашку Райчу. Дорошенко выслал против них 2.000, на половину конных, на половину пеших. Дорошенковцы не выдержали боя и ушли. Скуратов и Дмитрашка Райча сожгли переднюю часть чигиринского посада и воротились к Бужину.

Русское войско двинулось вверх по Днепру, по льду — и 2-го февраля дошло до Черкасс; там находился Дорошенков обозный Гулак с черкасским полковником Григоровичем. Когда к ним прислано было в Черкассы приглашение сдаться — они отказались. Начался бой, продолжавшийся два дня. Взяты были два города, из которых второй заключался в середине первого; затем оставался третий город — в середине второго. Как только приступили к этому третьему, осажденные замахали шапками и закричали, что сдаются. Выехали обозный Гулак, полковник Григорович, протопоп Семен Лукьянович и значный товарищ Левко Потапенко с некоторыми другими: они принесли присягу на вечное подданство великому государю. В Черкассах, кроме Черкасского полка, находились тогда временно две сотни, принадлежавшие Корсунскому полку, — и те присягнули вместе с черкасцами. Жители Черкасс во время взятия города потерпели немного, потому что сидели запершись в домах. Предводители велели Гулаку и Григоровичу с черкасскими козаками идти за собою чинить промысел над другими городками, а в Черкассах оставили: Самойлович — прилуцкого полковника Лазаря Горленка, а Ромодановский — острогожского полковника Герасима Карабута с их полчанами.

Февраля 8-го прибыли войска к Мошням. Этот городок, вероятно тогда немногочисленный, после перехода оттуда многих жителей на левый берег, сдался и присягнул царю без сопротивления. Отсюда предводители отправили отряд приглашать к сдаче Канев, а сами, вслед затем, потянулись с обозом по льду к тому же городку. В Каневе сидел генеральный асаул Лизогуб, назначенный от Дорошенка наказным гетманом: к нему для усиления послал Дорошенко 300 серденят с полковником Щуренком. Лизогуб, обещавший заранее действовать в пользу царского дела, теперь сдержал свое обещание, склонил к тому же каневского полковника Ивана Гурского и Щуренка, вместе с ними выехал в стан боярина и бил челом о принятии Канева со всем Каневским полком в подданство. Предводители послали привести к присяге всех, разделявших чувствования Лизогуба. Все в Каневе — и козаки, и посполитые — присягнули беспрекословно; с каневскими козаками были там и присягнули две сотни Уман-

ского полка и одна Корсунского. После присяги предводители послали начальников этих сотен с убедительными письмами к полковникам уманскому и корсунскому последовать примеру каневцев, не допуская над собою принудительных мер. Каневские козаки должны были следовать за гетманом Самойловичем в дальнейший поход.

11-го февраля Лизогуб пригласил предводителей на обед. Был там генеральный обозный Гулак. Он сообщил, что у Дорошенка недавно была рада в Чигирине. Дорошенко убеждал, что козакам и посполитым следует уповать только на милость турецкого государя, могущественнейшего между земными владыками, потом сделал раде вопрос: кого нам держаться — турок или поляков, а о московском царе не спрашивал. «В пользу поляков не могло раздаться ни одного голоса, — заметил Гулак, — а на московскую сторону все бы склонились, только самим навязываться с этим именем было бы не безопасно: не раз случалось, что Дорошенко нарочно выпытает, чтобы держать у себя на худой примете того, кто сунется с противными ему мыслями, а потом, при случае, придерется к нему как будто за что-нибудь другое; поэтому все на раде завопили, что лучше держаться протекции турецкого султана, и Дорошенко объявил, что таков войскового приговор».

Редкий, однако, в душе мирился тогда с подданством бусурманскому властителю, и это наглядно могли видеть Ромодановский и Самойлович: к их табору толпами валили жители правобережной Украины с женами и детьми, умоляли принять их и переправить на левый берег Днепра; намеревались они найти себе новоселье в царских областях, покинувши навек землю своих прародителей, поступавшую под власть турок. 12-го февраля Самойлович отрядил целый Лубенский полк под командою полковника Сербина в разные украинские правобережные городки приводить их в подданство царю. Сами предводители не пошли уже от Канева далее по причине ожидаемой распутицы, перешли назад через Днепр вместе с толпою правобережных прочан и расположили свои обозы на левом берегу против Канева, а потом, при недостатке корму и запасов, 15-го февраля отступили к Переяславу.

В Москве были недовольны, когда получили известие, что отправленный к Чигирину подъезд воротился рановременно и не держал Дорошенка в осаде. В своем оправдании боярин и гетман писали, что подъезды ходили к Чигирину не без пользы, сожгли посады, истребили живность и приготовили большую тесноту Чигирину, а долее нельзя было там оставаться: город Чигирин укреплен, у Дорошенка тысяч шесть козаков и не сегодня — завтра могли придти к нему татарские силы.

Примеру Канева и Черкасс последовали многие другие городки правобережной Украины. Тотчас же по прибытии предводителей в Переяслав, явились к ним козацкие старшины и выборные из посполства городков: Стаек и Триполья — с челобитьем принять их в подданство царю. Гетман отправил полковника Солонину отобрать присягу от всех тамошних жителей, а вслед затем, по просьбе Лизогуба, послал на залог в Канев переяславского полковника Дмитрашку Райча и нежинского Филиппа Уманца; боярин придал им слободских полковников ахтырского и сумского.

17-го февраля приехал в Переяслав Ханенко с предложением положить свою булаву: с ним было до двух тысяч козаков и три польских хоругви. Ромодановский и Самойлович отправили их в Ржищев в качестве сторожевой залогии от неприятеля вместе с приданными к ним царской службы козаками и ратными людьми. Между тем, близкие к Киеву городки: Мотовиловка, Хвастов, Черногогородка, Бышевка сдались без сопротивления киевскому воеводе, высланному к ним отряды.

Город Корсун не сдался на предложение посланного туда Кияшки, но Корсунского полка местечки Стеблов, Каменный Брод и иные склонились к подданству, а белоцерковский полковник Степан Бутенко с городками и местечками своего Белоцерковского полка поддался под высокодержавную руку великого государя, лично прибыл в Богуслав и принес присягу перед Самойловичем и генеральным войсковым асаулом Лысенком. Дошло до предводителей известие, что в Корсуне собираются силы гетмана Дорошенка: брат его Андрей и полковники — корсунский, торговищенский, уманский, паволоцкий, брацлавский, калницкий и могилевский, да пешие серденяцкие полки, а другой брат Дорошенка, Григорий — находится в Лисянке. По такому известию Самойлович 20-го февраля отрядил несколько десятков тысяч козаков к Корсуну; с ними были Лизогуб и Ханенко с своею пестрою толпою, состоявшею на половину из запорожцев, на половину из поляков; боярин Ромодановский придал к ним отряд царских ратных людей, а черниговский полковник Борковский пошел к Лисянке против Грицька Дорошенка. Грицько Дорошенко с серденятами сперва удачно отбил Борковского и пошел к Корсуну на соединение с своим братом Андреем и семью полковниками. Но под городом Медвиным напали на Грицька Дорошенка и на бывших при нем татар козаки, посланные Самойловичем к Корсуну, разбили и гнали на протяжении 15-ти верст; Грицько с одною частью татар заперся в Лисянке, другие его татары ушли в Тарасовку. И в Лисянке, и в Тарасовке жители поднялись на татар, многих перебили, 90 взяли живьем в плен, связали самого Грицька Дорошенка и

провозгласили себя подданными великого государя. Вслед затем произошло волнение в Корсуне. Бывшие там в сборе полковники и начальные люди зашумели против Дорошенка; упрямые сторонники гетмана Петра: брат его Андрей, шурина гетмана Яненченко и паволоцкий полковник Гамалея, видя, что противники берут верх, убежали в Чигирин, а остальные полковники и все полковые старшины как их полков, так и покинутого Гамалею Паволоцкого полка принесли присягу на верность великому государю перед генеральным асаулом Самойловича, Лысенком, и послали к гетману Дорошенку приглашение положить свой бунчук и булаву. 4-го марта привезли в Переяслав к предводителям пленных татар и Грицька Дорошенка, а 5-го марта прибыли полковники: брацлавский Павел Лисица и подольский Остап Гоголь, с известием о переходе на царскую сторону полковников в Корсуне. Предводители приказали всем присягнувшим полковникам, не ожидая порчи зимнего пути, съезжаться в Переяслав на раду, для избрания себе нового гетмана по своим правам и вольностям; разом отправил Самойлович универсалы во все правобережные полки, чтоб все начальные люди, нимало не мешкая, спешили на раду для той же цели. Убежавшие из Корсуна в Чигирин сторонники Дорошенка показывали не слишком бодрый дух. Проезжая через Медведовку, Андрей Дорошенко говорил вслух перед всеми: «буду советовать брату, чтоб не губил мира, не надеялся больше ни на какие турецкие и татарские посланки и сдавался бы царю». Жители тех мест, через которые они следовали, не изъявляли готовности стоять за дело Дорошенка.

15-го марта съехались в Переяслав правобережные старшины, полковники, полковые старшины, войсковые товарищи и многие значные козаки. Назначена избирательная рада 17-го марта. Она происходила в большом городе на майдане, в присутствии Ромодановского.

Прежде всего явился, по приглашению боярина и Самойловича, носивший гетманское звание Ханенко. Перед ним несли булаву и бунчук — знаки его достоинства, пожалованные польским королем. Поклонившись на все стороны, он сказал:

— Ведомо всем вам, что я не своею волею, а по королевскому повелению сделался гетманом и ходил во всем по королевскому указу; если я кому-либо из старшин, либо какому простому козаку учинил чем-нибудь досаду, в том вы меня простите!

С этими словами он положил на стол булаву.

— Мы все, и старшины, и войско, во всем тебя прощаем, — возгласили козаки.

Ханенко отошел, а козак, который нес бунчук его, продолжал стоять, держа этот знак гетманства для передачи тому, кого рада изберет.

Князь Ромодановский объявил: «Великий государь, его царское величество, которому все присягнули на верное и вечное подданство, изволил указать выбрать вам по вашим правам и вольностям нового гетмана вместо Ханенка и Дорошенка».

Сказавши это, князь Ромодановский отошел. Не пришлось долго козакам совещаться о выборе. Собрание провозгласило сразу имя Самойловича, и обозный Гулак от лица всех произнес:

— Желаем все, чтоб великий государь пожаловал нас, старшин и посольство, велел бы у нас учинить гетмана Ивана Самойловича на обеих сторонах Днепра единым гетманом над всем Войском Запорожским, и быть бы нам в подданстве у великого государя по нашим старинным правам не на иных статьях, а на таких, какими он, великий государь, пожаловал со стороны гетмана и старшин, и все посольство.

Все стали кланяться Самойловичу. По козацким обычаям надобно было ему отказываться от предлагаемой почести, и он произнес:

— Изберите себе особого гетмана из своей стороны — такого, который бы вашу сторону лучше меня знал.

— Мы, — говорили правобережные уж и так за многими гетманами пришли в конечное разорение. Не нужны нам многие гетманы. Пусть великий государь пожалует нас, велит быть у нас одному гетману на левой стороне и на правой — Ивану Самойловичу.

— Великий государь, — сказал боярин, — жалует вас: дозволяет вам избрать по вашему хотению, и будете вы на прежних правах и вольностях ваших в вечном подданстве великому государю.

Старшины и полковники опять принялись упрашивать Самойловича. Тот все не соглашался. Наконец, против его воли, схватили его под руки так сильно, что изодрали на нем платье, крикнули: «ты нам люб, ты нам люб!», поставили на скамье, прикрыли тем бунчуком, который держал Ханенков козак, и вкладывали ему в руки булаву, положенную Ханенком на столе. Раздавались обещания быть ему послушными, раздавалась просьба, чтоб он оставил на своих местах всех старшин, какие были при Дорошенке. Потом читались статьи, составленные в Московском Приказе и привезенные гонцом Колобовым. Их смысл был таков: правобережная Украина отдавалась царю навеки в подданство. Государь будет охранять ее от турок и татар и извещать о всяких сношениях с иностранными державами, насколько они касаться будут малороссийского края. В случае войн между Турциею и Польшею, украинцы не будут помогать ни одной, ни другой стороне.

Если бы гетман затеял какую смуту, каждый обязан известить о том царя; но гетмана может судить только один великий государь. После кончины гетмана новый избирается вольными голосами. Беглецов великороссийских всякого звания не следовало принимать и скрывать в Украине, но малороссийских п̄олоненников, взятых прежде и поселенных в Великороссии, если они, не сделавши воровства, уйдут на свою родину, дозволялось не выдавать. Малороссиянам — не ввозить в великороссийский край табуку и вина. Без совета старшин гетман и на правой стороне, как на левой, не мог никого казнить и ни у кого отнимать вотчин. Затем следовали челобитья о таких статьях, которые уже прежде были приняты московским правительством для левой стороны и теперь без всякого спора и без представления в Москву утвердились для правой боярином Ромодановским. Главнейшие были: сохранение козацких имуществ за вдовами и детьми, свобода козаков от подводной и постоянной повинности, вписывание в козацкий реестр в числе 20.000 для правой стороны Днепра из козацких, а при надобности — мещанских и поселянских детей, сборы с маетностей в пользу содержания козацкого войска, исключая маетностей архиерейских и монастырских, право козацких чиновников, владеющих именьями, судить своих крестьян.

После всего этого присягали по записи генеральные чины, обозный Гулак, асаул Лизогуб, судья Петренко, полковники, сотники и всякие чиновные люди Войска Запорожского правого берега Днепра. Все прикладывали руки к просительным статьям.

Кто-то из полковников сказал:

— Мы просим, чтоб гетман жил в Чигирине или в Каневе, а буде невозможно — хоть в Переяславе, поближе к нашей правой стороне Днепра.

— Рад я жить там, где мне великий государь укажет, — сказал Самойлович.

Старшины, полковники и простые козаки левой стороны, бывшие на этой раде, стояли поодаль и не принимали ни малейшего участия во всем, что перед их глазами происходило.

По окончании рады явился от Дорошенка генеральный писарь Мазепа. Дорошенко писал своему сопернику дружелюбным тоном, что готов поступить во всем по указу царского пресветлого величества, лишь бы ни в чем не были нарушены стародавние права и вольности.

Боярин и гетман стали расспрашивать Мазепу, Мазепа сказал:

— Когда меня гетман Дорошенко отпускал, то присягнул, что хочет сам идти в Переяслав бить челом, чтоб великий государь изволил принять его в подданство и вины его простил; тебя же, боярин, приказал гетман Дорошенко просить, чтоб ты прислал

ему знатных и верных людей, с кем можно было бы ему сюда приехать.

— Я пошлю, — сказал боярин, — только тебя надобно привести к присяге на том, что посланным от меня не будет порухи и задержания.

Мазепа присягнул. Боярин отправил с ним дворянина Василия Гринева, а гетман — стародубского полкового судью Андрея Авраменка.

Тотчас после рады правобережные старшины послали от себя в Москву полковников каневского и уманского с челобитною, в которой выражались так: «не подай нас, верных подданных и слуг твоих, отступникам и давним врагам нашим, ляхам, в поруганье! Изволь, ваше царское пресветлое величество, писать к польскому королю, чтоб ляхи вышли из города Белой-Церкви». Московский царь приказал разослать всем правобережным полковникам грамоты за отворчатой печатью. «Вы, — сказано было от царского имени, — приняты под нашу высокодержавную руку из-под турецкого, а не из-под польского подданства, а потому и ныне, и вперед никогда Короне польской уступлены не будете».

Успокоительные уверения московского царя не вязались однако с вестями, полученными Самойловичем из Побужья. Польский предводитель Мондржиевский вступил с войском, назначенным для подчинения Украины Речи Посполитой. Узнавши, что власть Дорошенка шатается, поляки покушались скорее захватить снова его владения. Жолнеры бесчинствовали над людьми в полках Брацлавском и Кальницком, забирали у жителей последние пожитки и самих людей жгли огнем, а между тем край уже был до того истощен, что люди питались мякиною («плеву едят»). Мондржиевский занял Винницу, и брацлавский полковник Лисица писал гетману: «если нас добром не обнадежишь, то народ разбредется; скоро в Забужьи и Поднестрии не останется людей: тут каждый час татар с поля ожидаем, а сверху ляхи наступают!» — Польский же предводитель писал Самойловичу, что вступил в общих видах действий против турок и татар, и просил доставлять содержание польскому войску. На донесение об этом, посланное Самойловичем в Москву, последовал царский указ требовать от Мондржиевского вывода польских войск из тех полков, которые уже добровольно поступили в подданство великому государю, а ко всем вообще жителям правой стороны гетман должен был разослать универсал, чтоб они не принимали никаких писаний от польских людей и в города к себе не впускали поляков.

Тем не менее из правобережных полковников поднестровский полковник Гоголь, недавно присягнувший с другими царю, пере-

шел на польскую сторону и по городам полка своего стал вводить поляков. Но как непрочен был такой переход малороссиян на польскую сторону, показывает пример Шарограда: едва Гоголь взел туда на королевское имя залогом, как явился Самойлович охочий полковник Мурашка, и все шароградское посольство снова присягнуло царю.

V

Увертки Дорошенка. — Неприязненные действия с Дорошенком. — Посольство Терпигорева. — Дорошенко посылает к хану Мазепу. — Мазепа попадает в плен. — Мазепа в Москве. — Его показания. — Нашествие турок. — Взятие Лодыжина и Умани. — Неудачный поход боярина и гетмана к Чигирину. — Паника в Украине. — Сильное переселение народа.

Дорошенко не поехал по своему обещанию в Переяслав, а начал выдумывать разные предлоги к проволочке: в письме своем к Самойловичу он клялся исполнить данное слово, но прежде своего приезда в Переяслав просил прислать доверенных лиц для отобрания у него присяги в Чигирине. Гетман и боярин отправили к нему: первый — черниговского полкового асаула Калиника Ничипоренка, а второй — стрелецкого голову Романа Ефимьева. Эти посланцы, приехавши в Черкассы, потребовали из Чигирина присылки на свое место аманатов, прождали шесть дней, не дождалась ни аманатов, ни письма от Дорошенка и воротились назад ни с чем, а привезли только полученные в Черкассах вести, что Дорошенко послал за помощью к турецкому султану и крымскому хану.

После того целый апрель не откликался уже Дорошенко к боярину и гетману, а между тем к нему пришло 4.000 татар, и он, отобрав часть этой орды, поручил брату своему Андрею подчинять отпавшие от него города. Местечки Балаклея и Орловка сдались без боя, поверивши обещаниям помилования, но гетман Дорошенко всех жителей этих местечек приказал отдать в неволю татарам. Говорили даже, что после занятия этих местечек тамошним старшинам буравили глаза. По таким известиям боярин и гетман выслали на правую сторону подъезд — боярин: рейтарского строя полковника Беклемишева, а гетман — в качестве наказного, Дмитрашку Райчу, с полками Переяславским, Полтавским, Миргородским, Гадяцким и Лубенским, приказавши им еще сойтись с правобережными полками — Черкасским, Каневским, Уманским и Торговицким, да с охочими полками и стоять, выжидая дальнейшего поворота обстоятельств. Но царь Алексей Михайлович и теперь все еще не терял надежды разделаться с Дорошенком мирным путем, и по царскому

указу боярин и гетман послали еще раз в Чигирин царскую убедительную грамоту с головою московских стрельцов Терпигоревым.

По известию, сообщенному впоследствии Мазепою, Дорошенко, получивши через Терпигорева царскую грамоту, созвал чигиринцев и приказал прочитать ее перед всеми вслух.

Чигиринцы в один голос закричали: «все мы хотим быть у царя в подданстве».

Дорошенко сказал им: «И я был бы рад, коли б нам прислали подлинную царскую грамоту, а то у них вот как ведется: пришлют в полки к боярину, а также к гетману Самойловичу неписанную бумагу, и на такой бумаге те сами напишут какую угодно им грамоту, потом, смотря по времени, к нам ее пошлют. Только прельщают нас!».

Позвавши к себе Терпигорева, Дорошенко говорил ему так:

«Я подданный его величества турецкого султана. Две сабли висят у меня постоянно над шеєю: султанская и крымского хана! Наперед сего я точно хотел быть в подданстве у великого государя, а наши старшины и полковники того не пожелали, но приговорили быть в подданстве у турецкого султана».

— Ныне, — сказал Терпигорев, — твои старшины и полковники уже сами без тебя учинились в подданстве царскому величеству и присягу на верность принесли.

— Это, — сказал Дорошенко, — учинили они для соболей. Не вечно они останутся в подданстве! Скоро изменят: увидите сами. А в царской грамоте, что ты привез, мне грозят, что князь Ромодановский и гетман Самойлович учнут над Чигирином воинский промысел чинить. Я готов им отпор давать, лишь бы орды дожждаться. И теперь уже два крымских салтана стоят с шестью тысячами татар за 20 верст отсюда. Пусть боярин и гетман идут на меня.

Терпигорев просил отпустить его для передачи ответа. Дорошенко сказал, что отпустит через непродолжительное время, но потом приказал Терпигорева заковать и посадить в тюрьму.

Ромодановский и Самойлович, пославши Терпигорева сообразно царской воле, дожидались ответа и, выславши за Днепр подъезд, удерживались переводить все войско на правую сторону. Между тем посланный в подъезд Дмитрашка Райча, между городками Балаклеєю и Смелою, 9 июня разбил и взял в плен Андрея Дорошенка. Вслед затем приносились из-за Днепра боярину и гетману вести, что к Дорошенку собираются турецкие и татарские вспомогательные силы, и вдобавок Дорошенко стал надеяться на союз с поляками, которые злобились на Россию за намерение вырвать из польских рук правобережную южную Русь: избранный в мае новый польский король Ян Собеский

(прежний коронный гетман) приказал в июне своему полковнику Преоровскому писать к Андрею Дорошенку, что брат его гетман Петр может надеяться на помощь со стороны Польши против московского царя, несправедливо присваивающего себе Украину. По донесениям предводителей последовал наконец царский указ немедленно «чинить над Дорошенком воинский промысел». 5 июля перешел Самойлович в Черкассы. За ним стали переправляться великороссийские полки.

В Чигирине сделалась тревога. Туда набежало множество народа из местечек и сел в осаду. От многолюдства наступил голод; люди заволновались, кричали, чтобы Дорошенко сдал город и присягал царю. Таких крикунов было много, и Дорошенко не смел прибегать к крутым мерам, уверял окружавших его, что скоро придет сильное мусульманское войско, а сам постоянно скрывался в замке и не отваживался выходить в большой город, где мог встретить открытый против себя мятеж. «Если, — говорил он ближним, — «царские войска станут меня доставать, я сяду на пороховую бочку и взорву себя, а живой в руки не дамся москалям». У Дорошенка во власти, кроме Чигирина, оставалось всего только два городка: Жаботын и Медведовка, а главная сила, на которую он надеялся, были его союзники: турки и татары. Но татары стояли еще за два дня пути от Чигирина на берегу реки Ингула, а турецкое войско еще было по ту сторону Днестра. Падишах шел тогда не выручать Дорошенка, а против поляков — наказывать их за несоблюдение Бучацкого договора, и польские коронные гетманы, ссылаясь на Андрусовский договор, домогались военной помощи с московской стороны. Но падишах на пути получил весть, что москали берут у Дорошенка города и замки и уже угрожают самому Чигирину. По такой вести, падишах нашелся вынужденным изменить свой план, отложить на будущее время расправу с Польшею, спешить выручать своего подручника и вступить во враждебные отношения к Московскому государству. Он поручил крымскому хану спасти скорее гетмана Дорошенка и дал затем обещание немедленно двинуться со всеми турецкими силами.

Надеясь единственно на помощь от турок и татар, Дорошенко отправил своего генерального писаря Мазепу с письмами к разным правительственным лицам Турции и Крыма. Посланцу Дорошенка придано было 9 татар, которые стерегли и вели 15 христианских невольников, жителей левой стороны Днепра: Дорошенко посылал их своим союзникам в подарок. Когда Мазепа с татарами и невольниками приближался к Ингулу, ему перегородили путь запорожцы, шедшие из Сечи до реки Буга с своим кошевым атаманом Серком. Запорожские товарищи Алексей Борода и два брата Темниченки остановили Мазепу, побили

татар, бывших с ним, освободили христианских невольников, а самого Мазепу доставили своему атаману с перехваченными письмами. Запорожцы пришли в сильное негодование, как увидели, что Дорошенко посланец вел христианских невольников в дар бусурманам, и хотели убить Мазепу, но его отстоял Серко. «Не убивайте, братцы, этого человека», — говорил он: — «быть может, он на что-нибудь отчизне и пригодится!» И запорожцы ограничились тем, что только заковали Мазепу, а Серко известил о том гетмана Самойловича. Гетман потребовал присылки к нему схваченного Дорошенкова гонца, но Серко опасался, что Самойлович отправит Мазепу в Москву и тем будет нарушено старинное право не выдавать никого из Сечи. Серко отказал Самойловичу в выдаче Мазепы. Тогда Ромодановский, узнавши об упорстве кошевого, по совету гетмана, послал в Харьков взять под караул проживавшую там жену Серка и зятя его Ортеменка, требуя, чтобы они побудили Серка выдать гетману пойманного Дорошенкова посланца. Ортеменко, имевший на тестя большое влияние, упрощил кошевого исполнить приказание гетмана.

Серко прислал Мазепу к гетману, а гетман, побеседовавши с ним, передал его боярину. У гетмана пробыл Мазепа два дня. Июля 15 его отправили в Москву. Самойлович на отпуске написал к Мазепе: «повторяю тебе то, о чем говорил с тобою при свидании и в чем дал тебе слово. Ты останешься в целости при всех своих пожитках со всем своим домом. Посылаю с тобою Павла Михаленка, полкового писаря нежинского, он тебя и в Москву, и назад из Москвы будет провожать. Только ты в Малороссийском приказе откровенно расскажи все, что нам здесь говорил о Дорошенковых замыслах и о хане, и о Серке, и об ином обо всем, никакого дела, хоть и малого, не утай! Желаю тебе счастливого пути и скорого к нам возврата».

Мазепа был человек очень ловкий и сообразительный, притом один из таких, которые обладают врожденною способностью сразу всякому нравиться и располагать к себе людские сердца. Избежавши крайней опасности в поле от запорожцев, он успел понравиться Самойловичу и Ромодановскому; сразу понравился он, кому нужно было, и в Москве. Мазепа сообразил, что служить Дорошенку нет более расчета, потому что дорошенково дело было уже почти совсем проиграно; Мазепа уразумел, что кто из близких к Дорошенку впору и к стати от него отречется и окажет услугу его противникам, тот много выиграет в жизни. В таком именно положении сознал себя тогда Мазепа. Он в Малороссийском Приказе все рассказал о своих отношениях к Дорошенку, об известных ему замыслах правобережного гетмана и о разных обстоятельствах событий последнего времени.

«Почему — спросили Мазепу — Дорошенко не послал аманатов в Черкассы, когда боярин и гетман отправили к нему посланцев принять от него присягу?»

Мазепа объяснил: Приехал 23 человека от Серка и стали говорить Дорошенку, чтоб он не ездил к боярину и гетману в Переяслав, не отдавал бы своей булавы и бунчука, а по-прежнему оставался бы гетманом на правой стороне и приехал в Сечь для подтверждения своего гетманства. А тут пришли вести, что из Крыма идет к Дорошенку в помощь орда. Дорошенко не поехал в Запорожскую Сечь, опасаясь государевых людей на дороге, но с посланным стрелецким головою не стал уже ссылаться. Я просился у него в Корсун к жене своей, а Дорошенко не пустил меня и сказал: тебя, верно, Ромодановский соблазняет соболями, хочешь мне изменить! Он приказал мне присягнуть, а потом послал меня к турецкому визирю с письмом и приказал на словах сказать ему, чтобы присланное было поскорее турецкое или татарское войско. С тем отправил меня Дорошенко; а на степи меня перенял Серка. Провожатых татар запорожцы нобили, а я от них не бежал и не бился и был у них на степи недель пять.

Взятые у Мазепы дорошенковы письма были писаны к турецкому главному визирю, к крымскому хану, к ханскому визирю и к некоторым мурзам, ханским любимцам. Дорошенко извещал своих союзников, что враги «барабаши» (такую кличку давали правобережные левобережным козакам) подступают под Жаботын, а Ромодановский и гетман «барабашский» уже «переправляются через Днепр под Каневом. Хотя москали не страшны и прежние гетманы при помощи одних татар с ними справлялись, но у меня теперь людей мало».

Ласково приняли в Москве Мазепу и отпустили, дозволивши перейти с семьею и с пожитками на левый берег Днепра, о чем просил за него гетман Самойлович. Отсюда начался поворот в судьбе этого замечательного человека.

Неудача посольства Мазепы к туркам не помешала туркам подать помощь Дорошкову делу. Вместо Мазепы, Дорошенку пособил тогда Гоголь, который, передавшись, как выше было сказано, после переяславской рады Польше, изменил полякам, опять перешел на сторону Дорошенка и впору известил турецкого султана об опасности, грозившей чигиринскому гетману. Спеша спасти турецкого подручника, в начале июня турецкое войско перешло через Днестр у Сороки; турки взяли городок Костницу и истребили там всех жителей, потом подошли под Куничное; туда стеклось множество людей из других городков, и в течение одиннадцати дней осажденные упорно отбивались, наконец турки жестоким приступом взяли Куничное и все живое

в нем истребили, а город сожгли. Гоголь между тем разбил верного царю поднестриевского полковника Зеленского. 20-го июля брацлавский полковник Лисица доносил Самойловичу, что турки ворвались в Тульчин, осадили его в тамошнем замке, и просил о вырубке. По этому письму Самойлович приказал Дмитрашке Райче идти туда из-под Смелой, но Дмитрашко Райча, дошедши до города Буки, отправил своего наказного Войцу-Сербина с двумя тысячами к Лодыжину, а сам воротился в Корсун, и оттуда в Канев, потому что взятые в плен турецкие языки всполошили козаков, наговоривши им под пыткой, будто турки помирились с поляками и идут на Киев. Войца-Сербин соединился с Андреем Мурашкою, которого Самойлович отправил также в Лодыжин с охотничьим полком. Едва они успели вступить в этот городок, как под Лодыжин подошла турецко-татарская сила. Лодыжинские предместья были сожжены. Козаки заперлись в замке. Но лодыжинское посольство пришло в страх: выбросили белое знамя. Великий визирь при самом начале этой войны объявил повеление «обрекать всех неверных победоносному мечу», и турки, не обращая внимания на белое знамя, продолжали палить в Лодыжин. Мещане выслали к ним еще депутатов: те кланялись туркам и уверяли, что все жители Лодыжина остаются верными подданные падишаха, что враждебные действия оказывают не они, а 2.000 барабашевцев, которые пришли к ним незванными и засели в замке. Великий визирь дал им такой ответ; «коли бы вы были на самом деле верные подданные Высокого Порога, то вы бы должны были или выдать пришедших к вам, или отлучиться от них. Победителям невозможно делать между вами различия». Пальба усилилась, и мещане в третий раз выслали депутацию: на челе ее был лодыжинский протопоп. Жители предавались на волю победителя и просили только выпустить их живыми с семьями и пожитками. Неумолимый визирь сказал: «что-нибудь одно из двух выбирайте — или неволю, или смерть, иной судьбы не будет вам; если еще раз с этим придете, прикажу картечами вас встретить». На другой день мещане выслали сказать, что сдаются совершенно на волю победителя. Вышло 800 козаков, положили оружие. Турки тотчас забили их в колодки и отправили невольниками на свои галеры. Такой же участи подверглись все лодыжинские мещане с своими семьями. Мурашка ни за что не хотел сдаться, держался несколько дней с своими козаками, пока от беспрестанных битв, от зноя и безводья все не изнемогли и не легли один на другом. Так гласит одно известие. По другому известию, Мурашка сдался сам с двенадцатью человеками, в числе которых были сотник и протопоп. Но когда визирь стал допрашивать, сколько при Ромодановском и Самойловиче войска, Мурашка

отвечал: так много, что могут победить и султана, и хана. Это не понравилось визирю. Он крикнул на Мурашку, а Мурашка смело стал укорять визиря: «вы — говорил он — воровски пришли на нас: так между государями не водится: обступили неожиданно в Лодыжине нас и побили. Если бы царю было заранее ведомо о ваших затеях, так вашего султана встретили бы не то что за Днестром, но еще и за Дунаем». Разгневанный визирь приказал увести его и отрубить голову, но, одумавшись, воротил его снова, а Мурашка стал ругать визиря и султана и всех турок жестокою бранью и проклинать мугамеданскую веру. Визирь приказал казнить его¹.

Главный визирь из-под Лодыжина отрядил товарища своего, или каим-мекама, султанского любимца Мустафа-пашу, под Умань — с приказанием сжечь город и жителей увести в неволю, а если окажут сопротивление, то перебить всех без разбора.

Вместе с турками подъехали к Умани дорошенковы старшины и стали уманцам делать предложение сдаться, обещая милость. Уманский полковник Яворский соблазнился таким обещанием и отправился в турецкий стан на поклон; его объявили невольником и заковали. Умань осталась без начальника. Турки требовали безусловной покорности. По этому требованию явились в турецкий стан полковые чины, знатнейшие козаки и мещане. Турки всех объявили невольниками, а город, вместо пощады, стали истреблять. Но в Умани набралось людей не мало, и были они хорошо

¹ Это показание Анастаса Черкеса, грека, занимавшегося в Лисянке торговлей, после взятия в плен Грицька Дорошенка прибывшего в Переяслав и назначенного ротмистром в охотном войске. Самойлович отправил его с отрядом на Подолу, где, соединившись с Мурашкою и Войцою-Сербиним, он засел в Лодыжине. Анастас показывал, что после появления турецких сил Войца-Сербин тайно ушел, а потом Мурашка сдался туркам, и оставшиеся выбрали старшим Анастаса. Шесть суток турки палили в город, на седьмые сделали два приступа. Анастас отбил их. Но мещане сдались и были все обращены в неволю, а малых ребят бусурманы покололи копьями и ножами. Анастас, избежав жестокой кары, которая постигла бы его как начального человека, переоделся мужиком, был продан, выкуплен волошским господарем Дукою и отправлен через Венгрию в Польшу, представился там королю, был им обласкан, одарен и отпущен в Украину, а Самойлович послал его в Москву. Его показание исполнено хвастовства и несообразностей. В Лодыжине, кроме 20.000 мещан с их женами и детьми, было воинских людей всего полторы тысячи, всего одна пушка, и та испорчена, а вал зело худ, у турок же до 40.000 воинов и 80 пушек, но Анастас так храбро отбивался, что побил 13.000 неприятелей; султан казнил янычарского начальника, досадуя, зачем не взял города, и назначил 500 червонцев за голову Анастаса! О Мурашке — такое противоречие: сначала говорится, что Мурашка сдался и письменно убеждал Анастаса последовать его примеру, а потом сообщается, что визирь казнил Мурашку за смелые и дерзкие выходки. Поэтому показание это маловажно.

вооружены, а город укреплен. Они стали защищаться. Тогда турки повели под замо́к шанцы от Грекового леса, насыпали валы и бойницы вровень с городскими, палили из пушек и в то же время начали подводить подкопы. Взорвана была значительная часть замковой стены на левой стороне от дороги к Мени. Уманцы закладывали прорывы возами, навозом, землею... но турки подземным ходом проникли в город. Уманцы отчаянно отбивались от них с заборов, с домовых кровель; кровь потоками полилась по улицам, турки без разбора умерщвляли всех. Остаток уманцев столпился около городских ворот, называемых Рашевскою брамою, и там защищались они до тех пор, пока турки всех их не побили; некоторые заползли в погреб: турки натащили туда соломы, зажгли и всех подушили дымом. Так погибла Умань вся дотла с церквами и народом христианским, на седьмой день по прибытии к ней турок. По сторонам от Умани турецкие отряды истребляли соседние городки и забирали в неволю жителей, которых вообще в этом крае оставалось тогда уже мало, после бегства на левую сторону. Так разорены были до основания: Тростянец, Бершад, Манковка, Полонное Малое и другие городки.

Когда на западной стороне Украины так расправлялись турки за Дорошенка, сам Дорошенко засел в верхнем городке или замке Чигиринском. У него, по показанию сидевшего в неволе Терпигорева, было до четырех тысяч войска, состоявшего из чемерисов (польских татар), турецких янычар, крымских татар и так называемых жолдаков (наемное войско), не считая мещан и согнанных в осаду поселян, всего тысяч до пятнадцати. 23-го июля боярин и гетман подступили к Чигирину и в этот день прислали к ним изъявление покорности городки: Медведовка, Суботово и Жаботын; предводители послали привести их к присяге. Осадное войско расположилось по сю сторону Тясьмина: боярин стал под бором подле озерца, а по левую сторону от того озерца, на перестрел от города, стал гетман. На другую сторону от Чигирина послан был генеральный бунчужный и слободские полки Сумский и Острогжский.

Возвели одиннадцать шанцев, поставили на них пушки и начали палить. Но из Чигирина можно было отвечать тем же: в обоих городках — нижнем и верхнем — было до ста пушек и достаточно боевых запасов; только искусством мало могли похвалиться защитники, и выстрелы царских войск были действительнее; разбили дом Тукальского, митрополит убежал в верхний город и от страха заболел, а поселяне, бывшие в осаде, перебежали в русский стан и говорили, что чигиринцы готовы сдаться, и сам Дорошенко обещает поддаться, если через неделю не придет к нему ожидаемый хан с ордою. Боярин и гетман, услышавши об этом, хотели завязать сношения с Дорошенком и воспользовались

тем, что у них в стане находился пленный брат гетмана Дорошенка Григорий; они приказали ему написать письма к матери и к брату, увещевая сдаться и положиться на царскую милость. С этими письмами послали стрельца. Гетман Дорошенко отвечал, что если боярин желает с ним толковать о мире, то пусть пришлет не простого стрельца, а какого-нибудь знатного человека. Дорошенко хотел этим показать, что помнит о своем достоинстве; но стрелец, ходивший в Чигирин с письмами, рассказывал, что Дорошенко, видя свой последний час, хочет насильно себя разве-селить и всем показать, будто ничего не боится: беспрестанно напивается пьян, ходит по шинкам, а перед ним играют волюнки и скрипки.

28-го июля предводители дали приказание переходить войску на другую сторону Тясмина и готовиться к приступу, но приведенные языки показали, что турецкий султан уже перешел через Днестр и отправил хана с ордою на выручку Чигирина. Казалось бы, такой слух должен был побудить предводителей скорее кончить расправу с Дорошенком, прежде чем придет к нему помощь. Но предводители простояли до 9-го августа, не предпринявши ничего решительного, а в этот день получили известие, что турецкий визирь с войском стоит уже под Лодыжином; хан же идет к Чигирину. Предводители решили, что не безопасно дожидаться хана, 10-го августа приказали зажечь свой табор и снялись, а 12-го дошли до Черкасс. Крымский хан через день по отступлении русского войска был встречен Дорошенком за десять верст от Чигирина и на первых порах, в виде приветственного дара, получил от гетмана человек до двухсот невольников из левобережных козаков, а для всех своих татар — дозволение брать сколько угодно людей в неволю из окрестностей Чигирина за то, что жители с приходом русских войск отпали от Дорошенка. Вслед затем хан погнался за отступившими от Чигирина русскими войсками¹, догнал под Черкассами 13-го августа, но после незначительной передовой стычки повернул обратно к Чигирину. Об успехах турецких войск в западной части Украины русские предводители, правда, еще не знали, хотя у гетмана в руках были жалобные письма, писанные из Лодыжина и Умани в последние роковые дни для этих городков; но боярин и гетман не сочли возможным посылать туда помощь, тем более, что силы их уменялись: не только у боярина, но и у самого гетмана из полков самовольно

¹ Вести о причинах такого быстрого ухода, приносимые выходцами, были различны: одни говорили, что татары думают перебраться на левую сторону Днепра, другие — что татары пойдут подчинять власти Дорошенка отпавшие от него правобережные городки. По иному известию (Рат. Жет., 233), татары услышали, что Серко с запорожцами беспокоит окрестности Перекопа и ногайцев.

разбегались подчиненные, так что козацких сил при гетмане оставалось не более пятнадцати тысяч. Гетман и боярин рассудили за благо убраться на левую сторону, и, отходя, приказали сжечь Черкассы: укрепления этого города находились в дурном состоянии, все подгнило, обвалилось, не было ни тайников, ни колодцев, ров обмелел и поправлять было нечем: много черкасцев жило на Запорожье. Оставшиеся в Черкассах жители без ропота, по приказанию боярина и гетмана, последовали на левый берег за войсками, зная, что иначе их бы забрали татары.

Хан, отступивши от Черкасс, отправился к Умани, а Дорошенко, пробыв несколько дней в своей столице для распоряжений об ее обороне, последовал за ханом. Тогда многие из посольства, находившегося в осаде в Чигирине, убежали на левый берег Днепра. 26-го августа освобожденный задержанный Дорошенко Терпигорев: разломал окно своей тюрьмы и выполз оттуда в окопах, вместе с сидевшими там узниками. За ним была погоня, но он счастливо избежал ее, переправился через Днепр и добрался до Кременчуга, откуда его проводили в полк к Ромодановскому. Дорошенко, как говорили, приказал повесить тех, которые не догнали Терпигорева.

Русские войска, так решительно собиравшиеся переходить на правый берег, стремительно в одну ночь перебравшись на левый. За ними валили толпы правобережных прочан. Пример одних увлекал других. В половине августа из Лисянки полковник Мигалевский писал, что долго удерживал посольство «от волокиты», обнадеживая помощью от Самойловича, но когда разнеслась в народе весть, что боярин и гетман возвратились на левый берег, то уже невозможно было ничем удерживать народа. Опустел Крылов. Из больших и малых городков, из сел и деревень шли обозы с возами, нагруженными прочанами, их семьями и пожитками. Следуя их примеру и жители Лисянки все ушли за Днепр. Город, прежде многолюдный и крепкий, дававший отпор Чарнецкому, Тетере, Суховеенку, теперь совершенно опустел, — говорит украинский летописец; беспрепятственно вошли в него татары, тогда как прежде боялись и смотреть на этот город. Движение народа к переселению, уже много лет сряду возраставшее после посещения Украины турками, теперь дошло до высшей степени. Паника овладела жителями Украины. Где только услышат, что близко появились бусурманы, тотчас обыватели поднимаются с семьями и с пожитками, какие успеют наскоро захватить. Часто они сами не знали, где им искать приюта; и шли, как выражались тогда, «на мандривку» или на волокиту. Большая часть их направлялась на левую сторону; на перевозах против Черкасс и Канева каждый день с утра до вечера толпилось множество возов с прочанами, ожидая очереди для переправы; едва успевали их перевозить; пе-

решедши за Днепр, они тянулись на восток к слободским полкам, искать привольных мест для нового поселения. Но некоторые с западной части Украины бежали на Волынь и в Червоную Русь, в польские владения. Множество прочан, не добравшись до новоселья, погибали от скудости пищи, безводия и крайнего утомления сил в неприветной пустыне, в которую обращалась тогда правобережная Украина, недавно еще называемая поляками их благодатным Египтом. Покидая навеки родину своих предков, нередко прочане сожигали свои дворы. Так, Дорошенко, следуя из Чигирина за ханом, услышал, что жители Богуслава собираются сжечь свои жилища и бежать в волокиту; он издал универсал, в котором писал: «узнавайте добродетель нашу из того, что мы вас по чужим углам шататься не посылаем, а радеем о вашем добре и за вас не жалеем собственного здоровья. Не сомневайтесь же ни в чем и задерживайте тех, которые идут в волокиту; советуйте им возвращаться к своим жилищам, к своему достоянию. Те же, которые нас не послушают и не захотят воротиться назад от Днепра в свои прежние жилища, не уйдут от беды и там, куда укрыться думают, потому что мы, не покончивши с заднепрянами, не помышляем оставить своего дела, хотя бы война и на несколько лет потянулась».

Городки и села, которые соблазнились такими универсалами и сдались Дорошенку, были жестоко наказаны за свое доверие: Дорошенко отдавал татарам всех тамошних жителей в неволю. Были такие случаи, когда посольство само от крайнего голода отдавалось татарам; так, из окрестностей Корсуна 3.000 поселян, не видя для себя удобным пробраться на левый берег Днепра, хотели бежать в Орду, но Андрей Дорошенко заворотил их.

Дорошенко мимо разоренной и залитой кровью Умани направился к султанскому стану, находившемуся где-то недалеко от Лодыжина. Когда гетман въезжал в турецкий обоз, ему загрозила путь густая толпа украинских невольников, кланявшихся в землю и моливших о заступлении перед султаном. 5-го сентября гетман представился падишаху, получил бархатный колпак, отороченный собольим мехом, золотую булаву, коня с богатым убором и халат — обычный дар султанского благоволения подручникам. Дорошенко выпросил у падишаха свободу некоторым невольникам: то были, разумеется, немногие из громады наловленных людей всякого рода, преимущественно молодых парубков и девиц.

Отпущенный падишахом, Дорошенко с ханом пошел в Синицу. Города один за другим присылали к гетману изъявлять покорность. Пристал тогда к Дорошенке и брацлавский полковник Лисица, который верно служил царю, но, не получивши от Самойловича в пору помощи, теперь поневоле поклонился Дорошенку. От Бук хан отправил часть орды с многочисленным ясыром,

который, однако, успели отбить и освободить на дороге малороссияне. Сам хан шел вместе с Дорошенком ко Днепру; на пути Дорошеко приказал захватить и заковать в кандалы начальных людей городков: Насташки, Рокитны, Вахновки и Богуслава за то, что они возбуждали народ к отпадению от Дорошенка, а Степан Бутенко, белоцерковский полковник, убежал с женою в Белую-Церковь, но белоцерковский комендант польской службы приказал изрубить его под тем предлогом, что он прежде изменял Ханенку и переходил к Дорошенку. Дорошенко с ханом подступили к Днепру у Ржищева и уже собирали паромы, чтобы перебраться на левый берег, как вдруг хан быстро повернул в Крым, услышавши, что царские рати, калмыки и донские казаки беспокоят крымские улусы. Дорошенко стал в Корсуне; ему оставлено было татар, как говорят, тысяч до десяти. Тут услышал Дорошенко, что тысяч более десяти прочан едут из Побужья и Поднестрья обозом, направляясь за Днестр. Дорошенко с татарами перегородил им путь под Смелою; прочане стали было сопротивляться. Дорошенко приказал их всех рубить, не разбирая ни пола, ни возраста, а тех, которые не сопротивлялись и сразу покорились, отдал татарам в неволю.

Положение Дорошенка стало теперь поистине трагическим. Приход на помощь к нему турок и татар не только не поддержал его дела, но окончательно подорвал. Не в силах были его бусурманские союзники насильно заставить народ любить гетмана. Напротив, южноруссы сильнее рвались покидать землю предков, лишь бы не быть в подчинении у Дорошенка, и уже из его родных, которых было много в Украине, и из самых рьяных его сторонников стали уходить на левую сторону. Сбранное им козацкое войско в Корсуне подняло против него шум: «он нас голодом поморил», — кричали козаки, — «весь край опустошил, посполство в прах разорил, христиан в неволю отдал. Даже наиболее верные Дорошенку серденята стали оставлять гетмана: серденецкий полковник Федор Мовчан с пятьюстами серденят своих прибыл в Канев и присягнул царю. Его примеру последовало еще 200 серденят, и напрасно Дорошенко писал к отшедшим от него, убеждая воротиться. Вдобавок турецкий султан приказал Дорошенку послать в Турцию 500 мальчиков и девочек до пятнадцатилетнего возраста, и это возмутило против Дорошенка самых близких людей, даже тестя его Яненка, так что Дорошенко вышел из Чигирина и скрывался три дня в лесу с своими верными серденятами, пока не улеглось волнение в городе.

Память об этой кровавой эпохе народного бедствия, когда сами туземные власти отдавали в бусурманскую неволю малороссиян сотнями и тысячами, отразилась в народной поэзии в форме аллегорических песен; так, например, сокол отлетает в чужую сто-

рону, и оставляет наблюдать за своими детьми и за своим достоинством орла. Когда сокол прилетает назад, орел сообщает ему, что дети его, соколята, пришедши в возраст, разлетелись по разным деревьям; по дороге ехали паны, изрубили деревья, на которых сидели соколята, и самих соколят отправили в подарок неверному царю. Сокол, услыша такую вестъ, восклицает: «О, чтоб не довелось более пановать этим панам, за то, что они задали моих деток в чужой край!»

VII

Посещение польским королем Украины. — Переполох в народе. — Поход Ромодановского и Самойловича. — Полемика Самойловича с Дорошенком. — Смерть митрополита Тукальского. — Кочубей. — Его известия о Дорошенке. — Дорошенко и Серко. — Дорошенко дает запорожцам клейноты. — Неудовольствия Москвы и Самойловича против Серка. — Привоз в Москву турецких санджаков и турецких грамот. — Новые увертки Дорошенка. — Принудительные меры. — Последний поход против Дорошенка. — Дорошенко сдается царю.

После ухода турок за Днестр польский король Ян Собеский с войском вступил в Украину и достиг до Пáволичи и до Белой-Церкви. Оставленные турками городки Рашков, Немиров, Бар, Межибож, Кальник покорились полякам, и король поставил там гарнизоны, но то было на короткое время, и вслед затем жители этих городков и окрестных сел бежали искать новоселья в царских областях за Днепром. Поляки, где только могли, старались препятствовать такому переселению народа. Бунчужный Полуботок писал гетману Самойловичу из Канева: «ляхи, словно рыболовы с удками, стерегут наших людей, а те беспрестанно идут на левый берег Днепра». В следующую затем зиму на левом берегу Днепра появилось такое множество прочан, что Самойлович не знал, что с ними делать: «их набралось, — писал он в Приказ, — семей тысяч двадцать; все без приюта, лошади у них от бескормицы пропали и самим людям есть нечего». Польский король издал к русским обывателям Украины универсал, в котором называл себя их законным государем, пытался употребить дружелюбные меры с Дорошенком, посылал к нему знакомого ему архиерея Шумлянського и, ничего не сделавши, ушел в конце января в Польшу, оставивши на время своих гетманов с войском. Это посещение короля наделало переполох в народе, пошли противоречивые толки; одни говорили, будто ляхи сходятся с Дорошенком и с бурсурманами и хотят воевать царскую державу, другие — будто польский король сложился с московским царем назло козачеству, разом войдут в Украину русские и польские военные силы и

станут принуждать малороссиян к покорности полякам. Самойлович, сам нерасположенный к полякам, по царскому указу своими универсалами старался успокоить народную тревогу, но после ухода короля писал к польским гетманам, чтоб они не вступались в города и села, поступившие в царскую державу из-под турецкой власти, потому что тамошние жители не хотят быть под властью поляков и ни за что не отдадутся им.

Поляки, при всяком случае показывавшие намерение захватить себе Украину, не предпринимали никаких неприязненных действий против Москвы; напротив, сами нуждались в помощи московского правительства тогда, когда весной 1675 г. татары произвели опустошительный набег на польские области. Московское правительство не отрекалось оказать Польше помощь, но приступало к этому делу вяло и неохотно, как будто насмехаясь над поляками, по их выражению; еще неохотнее относился к ним Самойлович, и на совещаниях с царскими гонцами и с боярином Ромодановским твердил все одно и то же, что полякам ни в чем не следует доверять. Сообразно таким внушениям гетмана, московское правительство тем и ограничилось, что приказало войскам двигаться медленно к Днепру, а за Днепр не переходить, и таким образом водить поляков, пока не услышат, что татары вышли из Польши, а тогда написать польским гетманам, что уже воевать теперь не с кем. Напрасно несколько раз в своих письмах польские гетманы извещали, что хан взял тот город, осадил другой, что надобно спешить; от них отделялись, писали, что русские войска пристанут к королевским только тогда, когда коронные войска соединятся с литовскими. Самойлович и Ромодановский, собравшись с своими обозами раннею весной у Артополота¹, не ранее как в сентябре достигли Яготина² и там встретили польских посланцев с известием, что хан уже ушел из польских пределов к Каменцу. Предводители, сообразно царскому указу, отвечали, что если так, то уже нет повода соединяться с польскими войсками. В продолжение этого лета Самойлович и Дорошенко вели между собою, так сказать, письменную полемику универсалами и письмами, стараясь каждый обвинить другого, а себя выгородить. «Ты меня хулишь за союз с бусурманами», — писал Дорошенко, — «но ведь и давние князья российские против своих недругов призывали бусурманские силы, и Богдану Хмельницкому пришлось дружить с татарами, когда ляхи-христиане стали нам главными неприятелями... И я, предков своих пестуя славу, прежде всего милости и обороны искал у польского короля, но польский король милости мне не дал, а к царю после андрусовской

¹ Бывшая река в Роменском уезде, Полтавской губ.

² Местечко Пирятинского уезда, Полтавской губ.

комиссии, нас разлучившей, невозможно уже было нам обращаться; и так мы, всего Войска Запорожского советом, склонились к турецкому султану под оборону». — Куда нам равняться с князьями российскими! — писал на это Самойлович, — равные с равными должны быть сравниваемы, а российские князья были независимые владетели. Впрочем, про этих князей хроники свидетельствуют, что немного они от помощи бусурманской восприяли себе; напротив, их державы оттого на долгое время развалились и ни во что обратились. И гетманы союзами с неверными никакого добра народу и войску не учинили, а только досталь отчизну свою и благочестие на правой стороне искоренили и завели многое множество братии своей в вечную неволю бусурманскую. Вот и теперь, кто виноват, что народ на сю сторону валит: не от великой прохлады сюда идут, оставя свое имущество, а от турецкой неволи с душами убéгают.

Отправивши письма к польским гетманам из Яготина, Ромодановский и Самойлович послали на правый берег отряды под начальством — первый Вульфа, а второй — генерального асаула Лысенка. Серденята¹, оставшиеся в Корсуне, бежали в Чигирин, а после их ухода жители из Корсуна, Мошны, Млеева, Богуслава, Насташки и окрестных селений пошли на левый берег. Самойлович давал приказание переяславскому полковнику Войце-Сербину и полковнику охотному Новицкому не расселять их вблизи Днепра, но отправлять на новоселье в дальнейшие места. Не так легко удалось беглецам из Торговицы, в числе трех тысяч собравшимся на левую сторону по поводу слуха, что Дорошенко резидент Астаматий ведет турок. Дорошенко послал против беглецов татар, а те захватили их в полон. В начале сентября каневский полковник доносил Самойловичу, что атаманы ольховский и звенигородский привезли в Канев 1.000 возов с переселенцами, и полковник всех их переправил через Днепр. Тогда к Ромодановскому и Самойловичу приехали корсунские козаки — пасынок Богдана Хмельницкого Степанко с товарищами: они объявили, что Дорошенко посылал их с судьей Чернявским находиться при хане во время ханского похода в Польшу, а когда хан с Ибрагим-пашою, сопровождавшим его, повернул в Волощину, козаки, отпущенные ими к Дорошенку, не пошли в Чигирин, а отправились на левую сторону и присягнули царю. Польские войска проникли тогда в Корсун, нашли его совершенно безлюдным и сожгли. Тогда окончательно опустело и все Побужье. Жители, оставшиеся еще там, выгнали от себя поставленные польские залого и пустились в волокиту.

¹ Серденята есть перевод турецкого слова *серденгести*, что значит *беспощадные*. Так назывался у турок отдел их войска. (Маншт., стр. 158).

Все это приближало Дорошенка к неизбежному падению. 10-го августа лишился он своего многолетнего друга и советника, митрополита Тукальского, который скончался, ослепши незадолго до смерти. Не было у Дорошенка ни малейших средств остановить бегущего в царские области народа; не присылали к нему для удержания прочан ни турецких, ни татарских сил, и ему представлялась возможность скоро остаться одиноким в пустыне. В числе пришедших с правой стороны к Самойловичу был Василий Леонтьевич Кочубей, которому суждено было приобрести громкую трагическую известность впоследствии. Начавши службу еще при Бруховецком в гетманской канцелярии, тогда он был подписком или канцеляристом у Дорошенка, приобрел у него большую доверенность, и чигиринский гетман посылал его в Турцию. На возвратном пути челядник украл у Кочубея важные бумаги и убежал. Кочубей после того не смел явиться к Дорошенку, переправился к Самойловичу и сообщил такие вести о Дорошенке. «Грызет сам себя Дорошенко, — говорил он: — надеялся на турок и татар, но те и другие мало подают им надежды. Крымцы гnevаются на него за то, что мало почитал и ценил их, а считал за таких союзников, которые, по приказанию турецкого султана, должны делать ему услуги. Да и у самих турок такое слово носится: взять бы этого Дорошенка, со всеми будущими при нем козаками, да и задать на каторги, чтоб они больше нас, турок, не смущали и не чинили смуты промеж монархами. Вот как про Дорошенка говорят его союзники, а свои украинские люди, какие еще остаются в его владении, все гнушаются им от большого до малого. В самом Чигирине при нем нет ни полковника, ни обозного, ни другого кого из старшин, чтоб ему был дружелюбен, кроме разве родни его, да писаря, да судьи».

Увидел Дорошенко, что приходит пора ухватиться за последнее средство спасенья, которое он приберегал к концу: не манить более московского государя, а отдаться ему прямо, искренно. Но ему хотелось все-таки сдаться так, чтобы выговорить себе и безопасность, и спокойное житье на старость, а если можно, то сохранить и гетманский титул. Довериться безусловно Самойловичу, которого он оскорблял, казалось ему слишком рискованным делом; во всяком случае, ему пришлось бы проститься со своим гетманством. Дорошенко решился еще раз сделать опыт — устроиться так, чтобы, присягнувши московскому государю, остаться в гетманском достоинстве. И прибегнул Дорошенко к такому извороту: получил он свое гетманское достоинство от войска — войску он и сдать его должен, а это войско может его и снова избрать гетманом. Но козацкого войска на правом берегу у него уже не стало; правобережные полковники от него отступились, козаки или ушли на левую сторону, или, оставаясь еще на правой, не

хотели ему повиноваться; поспольство беспрестанно бежало, воссоздать и пополнить войско было уже не из кого. Дорошенко решился показать, что считает настоящим Войском Запорожским Сечь, и задумал перед сечевиками сдать свое гетманство, положить клейноты и принести перед ними присягу на верность царю. Недаром старейший гетман Богдан Хмельницкий в первый раз получил свое гетманское достоинство в Сече; с тех пор в Сече сохранялась высокомерная уверенность, что сечевое товариство есть лучший цвет козачества, что оно-то и должно управлять судьбою всей Украины. Когда Дорошенково письмо с таким предложением пришло в Сечу, там находились донские казаки с своим атаманом Фролом Минаевым, прибывшим туда, чтобы воевать вместе с запорожцами против крымцев. Кошевой атаман, знаменитый Иван Серко, постоянно был той мысли, что гетман должен быть избран в Сече; потому-то он и поддерживал Ханенку против Дорошенка, но когда Ханенко сошел со сцены, Серко возобновил прежнюю дружбу с Дорошенком, и давал ему совет не отдавать клейнотов ни московскому боярину, ни левобережному гетману. Теперь, получивши Дорошенково письмо, Серко созвал на раду все сечевое товариство. То была «черневая рада»: в ней участвовали все запорожцы, не по чинам. И донцы, хотя гости, но все же по званию казаки, приглашены были к участию в раде. Письмо Дорошенка было прочитано, и вся рада приняла его предложение с восторгом.

10-го октября Серко и Фрол Минаев с толпою запорожцев, донцов и калмыков прибыли к Чигирину. Дорошенко встретил их в предшестве духовенства с хоругвями и образами, и созвал на раду всех остававшихся у него в Чигирине козаков и посполитых. В этом собрании Дорошенко положил свои войсковые клейноты — булаву, бунчук и знамя, и пред св. Евангелием произнес присягу на вечное подданство царю Алексею Михайловичу. Взамен запорожцы произнесли присягу в том, что «Дорошенко будет принят царским пресветлым величеством в отеческую милость и останется в целости при ненарушимом здоровье, чести и пожитках, со всем войском, при нем находящимся, сохранивши свои войсковые клейноты, не подвергаясь отмщению за свои прежние вины, и от всех неприятелей: татар, турок и ляхов — будет царскими войсками защищаем и обороняем, а все запустелые места на правой стороне наполнятся снова людьми и будут веки тешиться вольностями и разживаться, как левая заднепровская сторона».

Серко взял от Дорошенка войсковые клейноты и увез в Сечу, а 15 октября известил Малороссийский приказ о происшедшем важном событии и от имени всего запорожского коша бил челом, чтоб Дорошенко был принят милостиво, сообразно данной им присяге верно служить царскому пресветлому величеству.

Архиепископ Лазарь Баранович послал Дорошенку похвальную грамоту, но гетману Самойловичу было до крайности неприятно это происшествие, и он писал в Малороссийский Приказ в таком смысле: «Поступок Дорошенка не более, как лукавство. Не приходит ему помощи ни от турок, ни от татар, а тут ляхи в гостях, да и мы недалеко, свой же край под его владением совсем опустел. Вот он, в соумышлении с Серком, и пустился на обман, чтобы время как-нибудь протянуть и перезимовать, съестные припасы с нашей стороны получать и бежавших людей снова перевзвать к себе, а весною по-прежнему смуту завести». В Москве приняли проделку Серка также неблагосклонно и написали ему, что он взялся не за свое дело, а за такое, которое по царской воле уже положено было на боярина Ромодановского и на гетмана Самойловича. Серко в это время шагнул еще далее в своем самоуправстве, и 20 декабря разослал универсалы в полки Черниговский, Стародубский, Нежинский и Прилуцкий о подданстве Дорошенка. За это новое присвоение прав гетмана, который один только мог посылать к полковникам универсалы, Серко немедленно получил опять из Малороссийского Приказа выговор с таким предостережением: «коли ты начнешь писать мимо гетмана к полковникам или к каким-нибудь другим урядам, которые тебе ведать не указано, то знай, что таких твоих писаний не велено им слушать».

В январе 1676 года приехали в Москву Дорошенковы посланцы: тесть его Яненко и Семен Тихий. Они привезли бунчук и санджаки, которые турецкий султан назад тому четыре года прислал Дорошенку, когда тот стоял под Уманью. Санджаки эти были: два тафтяных знамени, одно красное, другое желтое с красною каймою. Такие знамена, как знак поверяемой от падишаха власти над краем, давались всегда крымскому хану и всякому турецкому подручнику. Посылая эти санджаки в Москву, Дорошенко писал, что оставил у себя еще один клейно́т — булаву, подаренную ему турецким султаном под Каменцом, оставил ее для того, чтоб можно было ему прилично явиться в Москву, когда великий государь дозволит ему видеть свои царские очи. «Я давно уже, — писал Дорошенко, — хотел совершить доброе дело, но не мог за препною от властолюбцев, потому что, когда на съездах предъявлялись грамоты царские, польские и турецкие и спрашивалось: при котором государе нам оставаться, все приговаривали держаться турецкого султана. Если б я противился, они бы иного гетмана себе выбрали, а все-таки держались бы поганых. Да не меньше того и заднепровской Украины власти нашему доброму делу старались помешать из зависти, чтоб мы не получили от вашего царского пресветлого величества такой же благодати, какою они пользовались». Приглашенные к боярину Матвееву, по-

сланцы объявили, что «Дорошенко не стоит на том, чтоб ему оставаться гетманом, а только просит, чтоб ему с его сродниками и со всем посольством, при нем будущим, дозволили жить на правой стороне и не переводили никого насильно на левую сторону; это они все боятся, потому что у них слух носится, будто прикажут на правой стороне все города и дворы пожечь и жителей перевести».

— Зачем, — спросил Матвеев, — Дорошенко сам не едет к Ромодановскому и Самойловичу, или в Москву к великому государю?

— Остерегается, — отвечал Яненко, — чтоб с ним не поступили так, как поступил Бруховецкий с Сомком: боится, чтоб не схватили его на дороге.

— А зачем, — спросил Матвеев, — Дорошенко принял санджаки от поганого турецкого султана?

— Он не хотел их принимать, да войско приказало, — был ответ.

Прием привезенных от Дорошенка знаков гетманского достоинства происходил 12-го января с торжественною церемониею. Козаки везли с малороссийского двора в царский дворец бунчук, булавы, санджаки и султанские грамоты¹. Знамена везли волоча по земле тафту. Их принесли перед столовую палату, откуда смотрел государь, потом тем же путем унесли на малороссийский двор и там угощали посланцев².

При отпуске Яненка дана была ответная грамота Дорошенку в таком смысле. Государь похвалял его за желание отступить от турецкого султана и отдаться в подданство царю, обещал позволить ему со всеми сродниками жить, где пожелает, но гетманство свое он должен был сложить с себя; гетманом надлежало быть на обеих сторонах одному Самойловичу. Народ в правобережной Украине мог жить на своих местах, не страшась ни насильственного переселения, ни отдачи полякам во владение. Однако присяга, данная Дорошенком перед запорожцами в Чигирине, не при-

¹ Привезено было две булавы: первая «с напоями золотыми и с камнями; черневые места и гнезда, куда вставлялись камни — золотые; тринадцать камней, шесть изумрудов, семь лалов; меж черневых мест земля и рукоять серебряные, чеканные. Другая булава с золотым яблоком и с золотой рукоятью турецкой работы, яблоко сквозное, в яблоке камень яхонт, граненый, расшибень, рукоять через полосу черневая, а в конце рукояти бирюза; на яблоке и на рукояти три пояса, в них одиннадцать изумрудных искорок». Грамот или привилегий турецкого султана прислано четыре. Они были на пергаменте, нисаны через строку и через две золотом, с огромным султанским титулом. Эти грамоты были тогда же переведены в Малороссийском Приказе (А. И. Д., кн. 37, л. 378).

² Кроме Яненка Тихого в Москву прибыли тогда писарь, асаул, хорунжий, 2 сотника и 38 рядовых козаков.

знавалась действительно, и Дорошенко, сообразно прежнему царскому указу, непременно должен был ехать на левую сторону и присягнуть перед св. Евангелием в присутствии гетмана Самойловича и князя Ромодановского. Вместе с посланцами Дорошенка были в Москве посланцы от Серка; отправляясь в обратный путь, они повезли с собою царскую грамоту кошевому с выговором за самовольное принятие на себя того, что поручено было от царя не ему, а другим.

30 января того же 1676 года скончался царь Алексей Михайлович. От имени преемника его, царя Феодора Алексеевича, из Малороссийского Приказа в марте был послан к Дорошенку стольник Деримедонтов (или Деримонтов) с тем, чтоб от него принять присягу царю на месте, не обяывая Дорошенка ехать к Самойловичу и Ромодановскому для этой цели. Посланец заехал прежде к Самойловичу. Гетман, увидавши, что грамота к Дорошенку написана ласковым тоном и притом с *вичем* (что означало уважительное обращение), ужаснулся, понявши, что новое правительство хочет изменить прежний способ обращения с Дорошенком. Самойлович взял на свой страх смелость задержать Деримедонтова и написал в Приказ представление, что с Дорошенком не следует обращаться так уважительно и вовсе не посылать в Чигирин для отобрания у него там присяги, а привести Дорошенка на сю сторону, хотя бы и военною силою. По таким представлениям гетмана указано было снова поступать сообразно указам покойного государя и приглашать Дорошенка на левую сторону для произнесения присяги перед князем Ромодановским и гетманом Самойловичем.

Тогда гетман и боярин Ромодановский опять начали посылать к Дорошенку гонцов одного за другим, повторяя приглашение ехать на левую сторону, присягнуть и сдать свое гетманство Самойловичу. Дорошенко под разными предлогами увертывался: то говорил, что ожидает возврата посланцев своих из Москвы, то — что нельзя ему оставить Чигирин из опасения неприятельского нашествия, то, наконец, что не может сдать булавы без войсковой рады и т. п. Посланцы, посылаемые к нему, замечали, что он как бы издевался. При одном, например, он, упомянувши об отправке санджаков в Москву, сказал: не велика потеря для султанского величества какое-нибудь портище тафты!» Другой, приезжавший к Дорошенку от князя Ромодановского, приглашенный к обеду, был свидетелем такой сцены. За столом сидели оставшиеся при Дорошенке старшины, какой-то приехавший от Самойловича игумен и запорожцы, прибывшие из Сечи. Когда гости подпили, запорожцы стали убеждать Дорошенка не отдавать булавы гетману-поповичу.

Дорошенко налил вина и возгласил:

— На том пью перед вами, что мне гетману Самойловичу булавы не отдавать! Войско мне булаву дало — войску я и отдам ее назад! Кому захотят, тому пусть и передадут!

— Мы булавы никогда не отдадим, — сказал обозный Бережецкий, — а станет у нас силою ее попович отнимать, так будем за нее биться.

— Пане гетмане! поезжай с войсковыми клейнотами и с булавою к нам на кош! — сказали запорожцы.

Дорошенко обратился к игумену, который до сих пор не вмешивался в разговор, и промолвил:

— Скажите гетману Самойловичу, что Петро Дорошенко своих клейнотов и булавы ему никогда не отдаст!

Игумен продолжал молчать. К концу обеда Дорошенко разгорячился и, обратясь к запорожцам, сказал:

— Панове товарищи, не выдавайте меня, как донцы Стеньку Разина выдали; пусть донцы своих выдают, а вы не выдавайте!

— Не выдадим, ни за что не выдадим! — восклицали запорожцы.

Желая, однако, показаться перед Ромодановским верным доброжелателем московского государя, Дорошенко послал к боярину письмо, полученное из Турции от Ибрагима-паши. В этом письме изъяснялось удивление, что Дорошенко давно ничего не пишет, и в Турции не знают, что происходит в Украине. «Носятся у нас слухи, — писал турок, — будто ты, согласившись с плутом Серком, склонился на обман, спятил с ума и отступил от нашего храброго, могущественнейшего государя. Если точно так ты поступил, то верить тебе уже впредь нельзя, и храбрый, непобедимый, могущественнейший, грозный государь наш пошлет на тебя свои войска. Тогда покаешься, да уж не вовремя; если же хочешь быть с нами по-прежнему, пиши ко мне в Бабу».

Самойлович весною послал было к Чигирину сильный козацкий отряд под начальством черниговского полковника Борковского, но должен был отозвать его, получивши царский указ не принимать против Дорошенка слишком суровых мер. Самойлович, зная, что Дорошенка к непокорности побуждает Серко, запретил из Малороссии возить в Запорожье хлебные запасы: это средство у гетманов всегда было уздою, сдерживавшею запорожское своеволие, потому что братчики, занимаясь только войною, не вели у себя сельского хозяйства; сверх того, гетман запретил принимать в городах запорожцев на зимовье, так как у них было в обычае всегда шататься по городам и селам Полтавского полка. С Дорошенкою волею-неволею пришлось гетману и князю Ромодановскому, сообразно царским указам, обращаться по-прежнему, то-есть посылать бесполезные приглашения, а Дорошенко в конце июня сказал наотрез: «не поеду и не сдам гетманства без войсковой

рады: это бесчестно“. В июле Самойлович представил в Малороссийский Приказ, что посылать к Дорошенку далее унижительно, что он издевается над всеми, что он посылал уже к Ибрагим-паше своего челядника с письмом, заложенным в сапог, что лучше всего отправить за Днепр войско и силою принудить его сдать свое гетманство. По таким представлениям гетмана, несколько раз повторенным, решилось наконец московское правительство указать Ромодановскому и Самойловичу двинуться к Днепру с своими войсками. Предводители прежде выслали передовой подъезд, Ромодановский — Коса́гова с пятнадцатью тысячами царских ратных людей, а Самойлович — генерального бунчужного Леонтия Полуботка с полками: Гадяцким, Миргородским, Лубенским и своею конною надворною компаниею. Приказано им перейти Днепр и подступить к Чигирину. За передовым отрядом двинулись боярин и гетман с остальным войском. 15-го августа они приблизились к Днепру выше Крылова, против местечка Вороновки. Крыловские и вороновские жители не допустили их пять верст до Днепра и прислали депутацию с изъявлением подданства царю.

17-го августа гетман отправил в Сечь к Серку требование примкнуть с запорожским товариством к гетманскому войску, чтобы принудить Дорошенка снять с себя гетманство и предаться на волю царя. Серко отвечал: «не приклоняемся к твоему замыслу. Хотя у Дорошенка немного военной силы, но он будет стоять за свои войсковые клейноты. Советуем вашей милости оставить свое намерение и пребывать себе спокойно на своем месте. Пошлите бить челом великому государю, чтоб не указал начинать междоусобной войны. Приберегите вашу воинственность против неприятеля креста святого. Если ж вы нас не послушаете — мы не станем терпеть. Ваше наступление будет не на Дорошенка, а на наше здоровье, и мы будем стараться, чтобы клейноты войсковые из стольного города Чигирина никуда не переносились, разве в Сечу на корень, где скарбница для клейнотов войсковых устроена. В десятый раз просим: не начинайте богомерзкого междоусобия». О такой новой выходке Серка Самойлович известил Приказ. Серку изготовлена была внушительная грамота, но не дошла до него, потому что желанное дело и без того совершилось.

Боярин Ромодановский и гетман Самойлович стали переправлять свое войско через Днепр частями, и тем, которые успели переправиться, приказано было идти к городам, еще державшимся Дорошенка: к Черкассам, Жаботину, Суботову и Медведовке. Жители этих городков предупредили приход подъездов и прислали депутацию с изъявлением готовности присягнуть царю на вечное подданство. Коса́гов и Полуботок остановились за несколько верст от Чигирина и отправили к Дорошенку увещательную грамоту от царского имени, а на другое утро придвинулись ближе к городу.

Завязался бой, но не долговременный. Дорошенко созвал всех чигиринцев на раду, прочел царскую грамоту, и все беспрекословно решили отдаться на милость царского величества. Бой прекратился по данному от Дорошенка приказанию.

На следующее затем утро Дорошенко выехал за три версты от Чигирина к реке Янчарке. Ему предшествовало духовенство с хоругвями и образами; его провожали старшины и чигиринское посольство. Там, в присутствии Косагова, Полуботка и прибывших с ними левобережных полковников, Дорошенко произнес пред св. Евангелием присягу на верное и вечное подданство царю и уехал обратно в Чигирин, а потом выслал к Косагову и Полуботку своего двоюродного брата Кондрата Тарасенка и своего генерального писаря Вуеховича; он просил отправить их к боярину Ромодановскому для извещения, что Дорошенко за ними вслед прибудет для сложения с себя гетманства. Посланцы повезли статьи, на которых желал быть принятым в подданство Дорошенко: великий государь обнадежил бы его, что он, Дорошенко, остается при неизменной монаршей милости, при целости своей особы и своего имущества, со всеми старшинами и со всем посольством города Чигирина, с церквями и селами, принадлежащими к этому городу, особенно же с сохранением для всех войсковых прав и вольностей, надлежащей чести и пребывания на старых местах своего жительства ныне и впредь на грядущие времена. Косагов и Полуботок немедленно отправили дорошенковых посланных, а сами оставались с своим подъездом под Чигирином до их возвращения. Согласуясь с милостивыми царскими грамотами, боярин и гетман «именем царским при всех тех желаниях их сохранить цело и ненарушимо обещали и обовязательством совести своей подтвердили». Получивши в таком смысле удовлетворительный ответ, Дорошенко, в сопровождении своих козаков, которых у него оставалось тогда только до двух тысяч, выехал из Чигирина и отправился за Днепр. С ним вместе поехали Косагов и Полуботок с частью бывших при них военных сил; прочие оставались в поле под Чигирином. Правобережный гетман привез с собою гетманские клейноты: бунчук, булаву, знамена, грамоты, а за ним везли 12 пушек. Все вручил он в распоряжение Ромодановского, а Ромодановский передал все Самойловичу, как гетману обеих сторон Днепра. По его словесному челобитью, боярин и гетман словесно обнадежили его в принятии тех статей, которые прежде подали его посланцы. Тогда Дорошенко объявил себя слагающим гетманское достоинство и присягнул на верность и вечное подданство, а за ним присягали все сопровождавшие его с правой стороны, которые были из жителей чигиринских, жаботинских, суботовских, медведовских, черкасских, крыловских и вороновских. После того боярин пригласил

к обеду Дорошенка и Самойловича, и в этот же день посланы были в Москву с радостным известием от боярина стольник Иван Иванович Ржевский, а от гетмана — канцелярист Радич.

Самойлович знал и был уверен, что покорность Дорошенка недобровольная, что перед самым приходом русского подъезда к Чигирину Дорошенко посылал в Крым к хану и в Каменец к турецкому паше просить помощи, не получил ее ниоткуда, и потому сдался. Но Самойлович уже не номинал этого Дорошенку и, как увидим, решился крепко стоять на соблюдении обещания, данного царским именем.

На другой день после сложения с себя гетманства Дорошенко уехал обратно в Чигирин. Боярин и гетман рассудили, что за ним вслед надобно послать военную силу и занять ей город. Боярин назначил стольника Михайла Ромодановского с ратными царскими людьми, а Самойлович — черниговского полковника Борковского с его полком. За ними сам гетман лично поехал в Чигирин.

Дорошенко, в качестве прежнего хозяина, выехал на встречу гетману за три версты от города. Царских ратных¹ поместили в верхнем, а козаков² — в нижнем городе. Положение последних было лучше, потому что они поместились в домах чигиринских обывателей, а в верхнем городе не было никакого жилья, кроме четырех издакрытых сараев, где у Дорошенка хранились запасы; притом там колодезь был чрезвычайно глубок, хотя вода в нем хороша. Дорошенко передал Самойловичу городовые ключи и 16 пушек, находившихся в верхнем городе. В знак своего видимого удовольствия, Дорошенко приказал палить из пушек. Гетман и стольник Ромодановский переночевали в Чигирине, а на другое утро уехали обратно, приказавши всем Дорошенковым серденыям следовать за собою.

Оставаться долее с войском близ Днепра военачальники признали и ненужным, и неудобным: на левой стороне за фуражом надобно было посылать верст за пятьдесят, а на правой была совершенная пустыня, и только Чигирин с окрестными городками представлял жилые местности, но жители тамошние находились в крайней нищете и не могли доставлять содержания войску. Поэтому боярин и гетман, сделавши свое дело, воротились. Самойлович, прибывши в Батурин, распустил козаков на отдых, а потом поехал в Киев благодарить Бога и печерских чудотворцев за совершенный им благополучно подвиг. «Ничему иному, токмо Божиему милостивому призрению и царского пресветлого величества особому счастью причитаю, что такое дело совершилось без кровопролития», писал он в своем донесении, отправленном в Малороссийский Приказ.

¹ 1.600 человек солдат полка Шепелева.

² 1.000 человек.

Взятые у Дорошенка клейноты доставлены были в столицу от Ромодановского ротмистром Братцовым, а от Самойловича охочим полковником Новицким. Эти посланцы достигли Москвы 12-го октября и остановились в селе Коломенском. По царскому повелению указано было десяти стрельцам взять оттуда клейноты и нести в город, держа в наклонном положении, в сопровождении лиц, которые привезли их из Малороссии. Шествие следовало Козьмодемьянской улицею и Болотом, через Бальчик, на Живой мост в Китай-город, до посольского Приказа. 17-го октября государь указал «тайным обычаем» присоединить сюда и санджаки, доставленные при покойном царе. Ротмистр Братцов со стрельцами и полковник Новицкий с козаками повезли клейноты в Кремль. Ротмистр ехал по правой стороне, полковник — по левой; близ ротмистра несли клейноты, присланные Ромодановским, а близ полковника — присланные Самойловичем. Знамена следовало нести, положив дровки на левые руки, распутивши по земле тафту, булавы держать вниз головами, привилегии нести особо от влагалищ. Перед клейнотами стрельцы очищали дорогу, а по сторонам шесть человек разгоняли толпу батожем.

На показ народу выставлены были клейноты на крыльце посольского двора, и в это время ротмистр и полковник сидели в Приказе. Спустя час они двинулись во дворец. Полковник нес в руках развернутую гетманскую грамоту. Шли во дворец Благовещенскою папертью, а клейноты несли среднюю лестницею; потом все вошли в столовую палату. В столовой палате сидел в царском наряде царь Федор Алексеевич, по правую руку от него стоял боярин князь Федор Алексеевич Куракин, по левую — Иродион Матвеевич Стрешнев, а против государева места стоял боярин Иван Михайлович Милославский, за ним — стольники и дворяне. Думный дьяк Иларион Иванов стоял против среднего окна.

Ротмистр и полковник приблизились к государю, у входных дверей палаты остановились те, что принесли клейноты. Думный дьяк явил государю посланцев, а посланцы ударили челом. Новицкий проговорил короткую речь о присылке клейнотов, подал грамоту и велел положить клейноты у подножья царского седалища.

По царскому приказанию, думный дьяк принял грамоту, спросил о здоровье боярина и гетмана, объявил царскую похвалу боярину и гетману, а посланцам сказал, что, по царской милости, вместо стола, будет послан им корм вдвое. Затем они были отпущены. Бунчук¹, две булавы и знамена лежали на полу столовой

¹ Бунчук, из конских волос (попеременно черных с белыми), обшит был волосняным плетеным снурком; яблоко на нем медное, позолоченное; лежал он в чемодане, которого одна половина была кожаная, а другая — суконная, малинового цвета.

палаты, нижними концами к царскому месту, а верхними — к входным дверям палаты. Когда посланцы вышли, боярин князь Никита Одоевский, а за ним все члены царской думы кланялись государю и поздравляли его с дорошенковым подданством. Царь велел стрельцам отнести клейноты в посольский Приказ и выставить по-прежнему на перилах крыльца для показа народу. Пролегали эти вещи таким образом с час, потом думный дьяк приказал отнести эти вещи в оружейную палату, а привилегии оставить для хранения в делах Малороссийского Приказа.

Так кончилось гетманство Дорошенка и с ним вместе политическая жизнь этого замечательного человека. Несомненно, он был искренно предан и постоянно верен идее независимости и самобытности своей родины, но вместе с тем упорно и ревниво желал, чтобы этот идеал для нее был добыт им, а не кем-нибудь другим. Хотя во многих его поступках и заметно было лукавство, но оно возбуждалось внешними, налегавшими на него обстоятельствами. Верный продолжатель того, что намечено было Богданом Хмельницким, неудачно приводилось в исполнение Выговским и, наконец, попорчено другими по их неспособности, Дорошенко видел невозможность сойтись с поляками и искренно желал отдаться Москве, как отдался ей и Богдан Хмельницкий; но Москва не хотела принимать Дорошенка; во-первых, потому, что заключила с Польшею договор, ненавистный для малороссиян и гибельный для идеи самобытности Малороссии; во-вторых потому, что Дорошенко соглашался отдавать Украину в подданство с условиями такой широкой местной свободы, которая противоречила видам московской государственной политики. Только невозможность сойтись с Москвою бросила его в подданство Турции. По тогдашним близоруким государственным понятиям, ему представлялась в розовом свете зависимость от Турции; он верил в обещания и льготы, основанные на бумажных привилегиях, точно так же, как доверял им и Богдан Хмельницкий. Дорошенко даже, можно сказать, поступал прямодушнее Богдана Хмельницкого: он отдался Турции после того, как уже испытал решительную невозможность сойтись с Москвою. Дорошенко оказался виновным более перед малороссийским народом, чем перед Москвою. Желая достигнуть самобытности, чего бы она ни стоила, Дорошенко не останавливался ни пред какими мерами, присутствовал в Каменце при поругании мусульманами христианской святыни, отдавал в турецкую и татарскую неволю толпы крещенного народа — все это с надеждою достигнуть самобытности и упрочить ее за Украину, и был жестоко наказан; вместо признательности от народа, — раздражил против себя народ; малороссияне не пошли за ним, покинули его, и он должен был, лишенный всякого сочувствия подчиненных, отдаться на милость того монарха, которому прежде не захотел отдаваться безусловно.

VIII

Дело стародубского полковника Петра Рославца и пежинского протопопа Симеона Адамовича.

Не раз уже в Малороссии ловкие искатели счастья затевали посылать в Москву доносы на своих начальствующих лиц, с целью войти в милость у московского правительства. Доносчики сообщали, что малороссиянам ничем нельзя было так угодить Москве, как самим предупреждать ее всегдашнее тайное желание — скрепить возможно теснее связь Малороссии с остальной московскою державою и умалить отдельную самобытность присоединившегося края. На этом пути выехал протопоп Филимонович, преобразившийся в блюстителя митрополичьего престола под именем епископа Мефодия; по тому же пути шел Бруховецкий — и из бывшего слуги Хмельницкого сделался гетманом. Оба не удержались на своей высоте и, не поладивши с Москвой, изменили ей; но их примеры еще не должны были останавливать других вслед за ними, а могли только давать им полезную науку. Дело с Многогрешным было еще в свежей памяти, а оно обошлось очень счастливо для доносчиков. Сам Рославец был участником падения; мстивши Демьяну за то, что тот, отрешивши Рославца от полковничьего уряда, назначил вместо него своего брата Савву. Не было ничего естественнее явиться намерению посредством тайного доноса столкнуть Самойловича с гетманства, как уже удалось, вместе с этим Самойловичем, столкнуть Демку Многогрешного. Намерение это явилось у стародубского полковника Петра Рославца и протопопа Семена Адамовича, человека уже известного нам своею двуличностью.

Рославец, управлявший самым обширнейшим из малороссийских полков, был очень богат и пользовался между полковниками первенствующим значением. Самойлович обращался с ним дружелюбно, но всегда с осторожностью, — и вот этот-то Рославец стал искать пути нанести вред гетману.

Возникла у Рославца мысль отделить Стародубский полк от гетманского управления и отчислить к разряду слободских полков. Ему казалось, что это должно было придти по вкусу московскому правительству, так как оно само прежде принимало малороссийских поселенцев, отводило им привольные земли, утешало обещаниями хранить малороссийские права и обычаи, но не отдавало переселенцев под управление гетмана. Мысль эта возникла у Рославца от беседы с сумским полковником Герасимом Кондратьевым, который со своим полком, населенным чистокровными малороссиянами, не подчинялся гетману. В июле 1676 года Рославец начал распространять эту мысль между своими полчанами; некоторые пристали к его умыслу в ожидании царской милости.

Но полковые старшины и значные стародубские козаки сообразили, что пока гетман Самойлович пользуется в Москве доверием и благосклонностью, едва ли там сделают угодное одному из подчиненных полковников и едва ли поверят обвинениям, которые этот полковник необходимо должен будет взводить на гетмана, чтобы оправдать свое желание выдти из-под его зависимости. Они дали знать гетману о затее своего полковника и просили дозволить им выбрать, вместо Рославца, иного полковника. Самойлович дозволил. Тогда Рославец увидел, что после этого ему приходится или бросить затеянное дело вовсе и принести гетману повинную, или отважиться на решительную борьбу с гетманом и ехать самому в Москву. Рославец решился на последнее¹.

С Рославцем поехали в Москву полковой асаул, полковой писарь, по прозвищу Подгурский, четыре сотника, три городских атамана, восемнадцать сотенных чинов, сорок семь рядовых козаков, трубачи, литаврщики и тридцать два челядника. Самойлович объяснял, что чиновные люди, с ним поехавшие, были не те, которые занимали должности в то время, когда он сообщал полчанам о своей затее, а новью, которых Рославец, пред самую свою поездку в столицу, возвел в чины. Лошадей под ними было 177².

Рославец был принят в Москве с подобающею честью: ему отвели помещение в посольском дворе. 11-го августа подал он донос на гетмана в таком смысле: «гетман, в противность постановлениям избирательной рады, набирает компании и, призвавши из-за Днепра 500 козаков, приказал расположить их на становище в Стародубском полку; — гетман без совета со старшинами облагает народ новоустановленными податями³, берут даже с ко-

¹ Самойлович в письме своем, посланном в Приказ, говорит: «Ставши цале мне и всему Войску Запорожскому городовому противником, людей значных полку своего до того приводил, же бы регименту моему не повиновалися. Людская однак справила то ростропность и ку своему добру посполитому зычливость, же его превратные рады не слушаючи, до мене одозвалися з своим неодменным послушенством через значных своих присланных особ и давши о его нестанку ведати, просили мене о позволене на обране иншого себе полковника. Зачим я хотячи, жебы они непорушно при першом могли зоставати порядку, позволилим им ведлуг давнего звичаю войскового з меж себе обрати кого злюблять полковником. Он за тым, видячи, же в надее своей омылился, дався з тим на потом чути же мел удатися забравши все знаки войсковые до вашего царского пресветлого величества к Москве» (А. И. Д., подлинники, июля 27, 1676 г., № 334).

² Самойлович, перед отправлением в столицу Рославца, написал ему: «поезжай здоров, а мы будем ожидать, какой указ будет на ваше челобитье, чего вы там хотите добиваться, — мы же, по совету генеральной старшины, сами кого-нибудь пошлем».

³ Берут от хлеба, соли, от винных котлов по рублю, а от пивных полсорока алтын, от мельничных колес по 3 рубля, и с боровов и с приезжих торговых людей, которые чрез то не хотят ездить в Стародуб.

зачьих мельниц и с козачьих винокурен, чего не следовало по войсковому праву; кроме того, берут на двор гетманский всякие запасы¹; гетману воспрещено, без совета старшин, отставлять чиновных людей, а он меня от полковничества отставил и дал полковничество атаману Тимохе». Рославец бил челом также на архиепископа Лазаря Барановича: за то, что в Стародубе убили священника Якова Халчинского, архиепископ запретил стародубскому протопопу и всем священникам совершать богослужение и требы, и оттого многие умерли без напутствия и погребены без отпевания, младенцы остаются без крещения, родильницы — без молитвы. Для избежания таких стеснений Рославец желал, чтобы Стародубский полк с городами Стародубом, Почепом, Погаром и Мглином был изъят от гетманского регимента и перешел в заведение боярина Ромодановского наравне со слободскими полками, а в церковном отношении подчинялся бы непосредственно московскому патриарху. При этом указывалось, что Стародубский полк был издавна отчина московская, потом уступлен Польше и возвращен разом с Малороссией, а потому и присоединен к ней. Самойловича во многих полках не любят и не желают иметь его гетманом, — прибавлял в своей челобитной Рославец.

Ошибся сразу в своем расчете Рославец. В Малороссийском Приказе ему заметили: для чего он, видя злоупотребления, не отнесся прежде к совету старшин, а без гетманского ведома приехал в Москву?

«Я, — сказал Рославец, — к ним на раду не поехал, потому что у них рада без убийства не бывает. Что ж, я не к ляхам и не к туркам поехал, а к своему законному государю. Я верный царский холоп, служил покойному царю 20 лет и теперь желаю служить великому государю царю Федору Алексеевичу. Меня со всем полком моим ненавидят но зависти, оттого что в городах моего полка я с товарищами строил мельницы; и за то еще ненавидят меня, что я велел в городах моего полка остерегаться от чернецов и всяких лазутчиков литовских и украинских, чтоб не приводили народ к измене и шатости. Я служу государю верою и правдою, а другие старшины и полковники в своих маетностях позаписывали себе в крестьяне старинных козаков». На все эти представления Рославцу дан был такой ответ:

«Великий государь указал и бояре приговорили: сделать тебе, Рославцу, выговор за то, что противно войсковому праву и должному послушанию ты приехал в столицу. Хоть бы тебе и какие трудности были, ты все-таки должен был прежде переговорить с

¹ Яловицами, баранами, боровами, конопляным маслом, сыром, коровьим маслом, гусями, курами и деньгами, а козакам, расставленным на становища, люди дают всякое одяние.

старшинами и совет свой гетману подать. Ты сделал такое, чего никогда не бывало; и тебе, Петру, надобно было других от своего унимать, а не подавать им собою пример сопротивления гетману. За такое непослушание стоило бы тебя отправить тотчас же к гетману, но так как прибыло от гетмана посольство, то указано задержать тебя в Москве, а к гетману отправить знатную особу для объяснений».

Прибыл гетманским посланцем киевский полковник Солонина с товарищами. Призванный в Приказ, он дал объяснение по поводу обвинений, взводимых Рославцем на гетмана. По вопросу о компаниях сказано было, что «гетман принимал из-за Днепра Мовчана с сердятыми и других козаков от Дорошенка по царскому указу. Неправда, будто гетман в Стародубском полку допускает грабление людей. У гетмана ежедневные великие расходы: и государевых послов принимает, и всяких войсковых людей довольствует, а тут еще, спасаясь от неприятелей креста святого, с правой стороны Днепра, из Побужья, из Поднестрья, из Волини, приходят на сю сторону не только простые люди, но и шляхта, и духовенство на житье. Все просят хлебного жалованья и всякого вспоможения, а у гетмана приходу немного, гетман же никому не отказывает. Прежде аренды были, теперь нет. Грабежа нигде никому не было, только осенью с мельников берется поколесчина, со свинопасов — покабанщина, от винокуров — показанщина, а от посполитых пахотных людей — отмер хлебный, и этого всего собирается так немного, что на год не станет, притом показанщина берется только в Стародубском да в Черниговском полках, а в других полках вина вовсе не курят. С козаков же нигде ничего не берется. Неправда и то, будто Самойловича козаки не хотят иметь гетманом».

Такие данные представлены были Солониною в защиту гетмана. Вместе с тем Солонина подал от гетмана извет на нежинского протопопа Симеона Адамовича и приложил показание войскового товарища Быстроновского, который, явившись к гетману в присутствии старшин, доносил, что протопоп по секрету с ним говорил, что он постарается ссадить гетмана с уряда и что многие знатные особы с ним в согласии. Гетман через Солонину просил отобрать у Рославца полковничьи клейноты (пернач, знамя, литавры, две пушечки, три медные трубы и суремки) и шесть лошадей для передачи всего этого новому стародубскому полковнику Тимофею Алексеевичу.

По этому представлению велено было всех приехавших с Рославцем отпустить, а Рославца посадить под стражу до царского указа.

15-го августа отвели Рославца на греческий двор. С ним велено сидеть безотходно стрелецким начальным людям, сотнику и пятидесятнику, с двумя караульными стрельцами; у дверей палаты и у ворот поставлено было 27 стрельцов на карауле: им

накрепко было запрещено пускать кого бы то ни было к арестованному полковнику.

20-го августа были на карауле у Рославца стрелецкий сотник, пятидесятник и рядовые стрельцы — всего 36 человек. В этот день, во время смены дневных часов на ночные, к дневальному голове Данилу Барашеву прибежал с караула стрелец с вестью: колодник Петрушка ушел; ходил за ним пятидесятник Никита и упустил его.

Дело происходило так. Бывший при Рославце стрелецкий сотник Василий Шилов приказал «собрать стол», чтоб ужинать вместе с своим колодником. Рославец попросил позволения выйти, сотник приказал идти за ним пятидесятнику. Чуть переступили они за двери, как раздался крик пятидесятника: колодник ушел! Бросились в погоню, но не догнали. Бегство колодника повлекло за собою арест тех, которые обязаны были его стеречь. Шилов послал стрельца Митрошку к своей матери известить ее, что он посажен под караул. Брат Шилова Тимофей пошел за стрельцом Митрошкою навестить брата, и когда они проходили мимо рядов мясных за Смоленскими воротами, вдруг Митрошка узнал Рославца, шедшего из Белого-Города в Земляной-Город, нагнал его, схватил, привел к Смоленским воротам и сдал караульным стрельцам. Рославца привели в Малороссийский Приказ. Там он показал:

«Как вышел я на двор, взошел на церковь, а с ней спустился на улицу и пошел. Хотел я пробраться к карачевцу Григорию Юрасову, но двора его не нашел и хотел идти в Новодевичий монастырь, чтоб там перебыть, пока не уедет из Москвы гетманский посланец Солонина, который домогался, чтоб ему отдали меня отвезти к гетману. Как бы только Солонина уехал, я опять пришел бы в Приказ. Не нашедши Юрасова двора, я ночевал подле церкви, не знаю какой, а утром пошел за Смоленские ворота; там встретил меня стрелец и привел сюда. Из Москвы я бежать не думал, советников к побегу не было у меня и подкупа никому не давал. Взял я с собой на харч пять рублей, и те цель».

По розыску оказалось, что Григорий Юрасов умер, а сын его Афанасий объявил, что не знает Рославца.

Указано держать Рославца за караулом.

Вслед затем произошел случай, который не мог послужить в пользу Рославца. Жена его Анна, урожденная Васютинская, жившая в Брянске, послала на подводе стародубского мещанина Яська Ничипоренка, приехавшего к ней от Рославцева благоприятеля, Ивана Киселевского, священника села Гордова, в двадцати верстах от Стародуба, с поддельною челобитною, будто бы составленною от жителей Стародубского полка, ходатайствующих у царя за своего любимого полковника, на самом же деле сложенною самим Киселевским, без всякого участия тех, от имени которых посылалась. Рославцева приложила и от себя письмо к мужу и

отдала мещанину, ехавшему с челобитною. Мещанин «кравец» Ясько Ничипоренко, достигнувши Москвы, отправился прямо на посольский двор, спрашивать полковника Рославца. Его схватили и привели к Солонине, а Солонина, отобравши у него все бумаги, представил их как доказательство плутней Рославца, которого благоприятели составляют в его пользу фальшивые челобитные от всего посольства Стародубского полка.

Рославца держали в оковах, а по делу о нем послали к Самойловичу стольника Семена Алмазова. 19-го августа Алмазов подал Самойловичу царскую грамоту самого милостивого содержания: Самойлович должен был объяснить Алмазову обстоятельства и причины Рославцевой затей.

Алмазов спросил Самойловича: «с твоего ли гетманского ведома архиепископ Лазарь Баранович положил на него клятву, как он жалуется?»

— Без моего ведома, — отвечал гетман, — но мне было известно, что Рославец приказал бить перед церковью дубинами священника и притом в тот самый день, когда священник служил литургию. Я писал Рославцу, чтобы он просил у архиепископа прощения, архиепископа же письменно просил, чтобы он положил милость на Рославца и разрешил от клятвы. Рославец мое благорасположение ни во что поставил и злословил меня. Дивно мне, что Рославец задумал мне учинить зло, когда я был всегда с ним хорош и обещал не сменять его с полковничьего уряда.

Алмазов сказал: Рославец учинил так своею дуростью. Буде возможно, ты бы, гетман, простил его, а он тебе учинит послушание. Только я это от себя говорю и советую, а великий государь в наказе не велел мне так тебе говорить».

На самом деле у Алмазова в наказе велено было так говорить; но как будто от себя. Гетман на это отвечал:

— Хотя бы Рославец учинил мне и большую досаду, я бы ему отпустил, а такого дела нельзя отпустить, потому что Рославец говорил, что у него в том деле много советников, и будто меня на сей стороне Днепра не любят и гетманом иметь не хотят. Пусть старшины разберут это дело по нашим войсковым правам и допросят его, какие у него были советники и кто не любит меня и гетманом иметь не хочет? Не только у нас есть плуты и своевольники, много их и в других странах, и у вас в великороссийских городах есть они; только у вас все под страхом пребывают, а у нас в малороссийских городах вольность. Кабы не было мне государской милости, то у нас бы на всякий год было по десяти гетманов.

Прощаясь с Алмазовым, Самойлович вручил ему грамоту в Приказ, в которой просил прислать Рославца на войсковой суд всех старшин, и вместе с нею дал Алмазову для передачи Рославцу письмо такого содержания:

«Рославец! Что это пришло тебе? Без всякой данной от нас причины, сверх ожидания моего и всех украинских людей, учинился ты нам противником, направился туда, куда не должен был ехать, и дерзнул без стыда и страха Божия оговаривать нас пред царским престолом в том, чего нам и не грезилось! Не думаю, чтоб сам собою ты затеял такое шалопутное дело. Кто-то подал тебе в том совет. По чьим возбуждениям ты схватился за такое малоумие? Исповедай все по святой правде перед синклитом царского величества, и тебе самому будет легче. Прежде желательный тебе Иван Самойлович, гетман Войска Запорожского».

Рославец, получивши это письмо, подал в Приказ челобитную, в которой приносил раскаяние и сознавался, что прогневил гетмана и архиепископа Лазаря, но уверял, что поступал так без злого умысла и без хитрости, единственно от страха не поехал к ним, а убежал в Москву. Он умолял государя написать к гетману и к архиепископу о прощении ему вины против того и другого. По этой челобитной послана была прямо к гетману царская грамота, в которой говорилось уже от имени царя то, что прежде Алмазов советовал как бы лично от себя: чтоб гетман простил преступление Рославца в уважение к его слезному раскаянию. Но эта грамота посылалась уже разом при отправке самого Рославца, которого велено было везти к гетману в оковах за крепким караулом из московских стрельцов. Гетман, давши ему прощение, должен был написать к архиепископу, чтоб и тот поступил так же милостиво с виновным¹.

10-го сентября вывезли из Москвы скованного Рославца. Разом поехал и Алмазов для передачи преступника гетману. Алмазов не

¹ При отправлении Рославца взяты были у него вещи, находившиеся при нем в Москве: шкатулка польская с четырьмя мешками, наполненными деньгами: орлянками, польскими ортами, чехами и левками; другая шкатулка с чехами и рублями; третья с письмами. Сундучок с платьем: ферезея алая, суконная на рысах, пять кафтанов, два бархатных вишневого и червчатого цвета; два покрытые атласом и байберековой тафтой с золотою нашивкою и один суконный червчатый кафтан на куницах. Чемодан с восемью кафтанами суконными, цвета коричневого и черного, тафтяной белой, атласный зеленый и камчатный лазоревый кафтаны на белках, один изуфреневый (?) кирпичного цвета, и два кафтана обьяринных на соболях, один цвета вишневого, другой зеленого; четыре польские книги; лубяная коробочка с порохом, два седла немецкие, окованные серебром по краям, три узды, оправленные серебром, два саадака, две сабли оправленные, две простые, девять пицалей и в том числе четыре винтовки, три крашенинных палатки. Сверх того, бил челом Рославец, что Солонина, приехавши в Москву, отнял у него насильно образ Воскресенья Христова, золотую панагию в 140 червонцев, два суконных кармазинных кафтана, один коричневого, другой голубого цвета. Солонина воспользовался пребыванием своим в Москве, чтобы выпросить подтверждение гетманских универсалов на пожалованные ему маестности в Остерском повете — села: Евминки, Боденки, Кряжева, Воропаева, а в Козелецком — село Вовчаки.

застал гетмана в Батуристне, но от гетманского наказного услыхал радостную вестъ, что Дорошенко, наконец, добил великому государю челом и сдал Чигирин. Алмазов поехал в Переслав, прибыл туда 2-го октября, застал там гетмана и подал царскую грамоту, где говорилось о помиловании Рославца.

Гетман прочитавши грамоту, сказал:

«Без указа великого государя я Петра Рославца не только смерти казнить не буду, но и никакого наказания не учиню ему. Только теперъ новое открылось у нас. Был у Рославца тайный совет с протопопом Адамовичем и нежинский протопоп списывался с Дорошенко, советуясь как бы меня погубить, а гетманом на обеих сторонах быть Петру Дорошенку. Теперъ как Дорошенко с себя гетманство снял, его генеральный писарь Воехович мне все открыл и сказку на письме подал: присылал Адамович боровицкого козака Дубровского и передавал через него, что на левой стороне желают гетманом иметь Дорошенка, а меня не хотят, и знатные особы с ним, протопопом, в соумышлении: полковники: стародубский Рославец, переяславский Дмитрашко Райча, прилуцкий Горленко и бывший генеральный писарь Карпо Мокриевич. Обещали они с Самойловичем поступить так, как Дорошенко прикажет: либо убить, либо учинить ему то, что Многогрешному. На том целовал протопоп крест и отдал крест этот козаку для передачи Дорошенку. Дорошенко, добивши челом великому государю, мне сам все это рассказал и крест этот мне передал».

На другой день, 3-го октября, Алмазову было передано письменное показание Воеховича, и Алмазов говорил Рославцу: «повинись, скажи правду! гетман вину твою тебе отпустит».

— Ничего я не знаю, — говорил Рославец, — с протопопом совета не держал, с Дорошенко не ссыался.

Привезли Рославца караулившие его в дороге стрельцы перед гетмана. И Алмазов пришел к гетману. С гетманом находились все генеральные старшины, кланялись Алмазову, благодарили царя за милость, оказанную присылкою Рославца, а гетман после того, обратившись к Рославцу, сказал:

«Не так ты, Петре, учинил, как обещал на первой и на второй раде великому государю служить, а мне всякого добра хотеть и ни на какие советы не поддаваться. Я надеялся, что такого другого приятеля, как ты, мне и не было, а ты за мою добродетель хотел меня сгубить; но видишь Бог мздовоздаятель не помог тебе!»

— Я, — говорил Рославец, — в совете с нежинским протопопом не был и дел никаких не знаю. В том только перед тобою виноват, что поехал в Москву без твоего отпуска и ведома, а сделал я это оттого, что боялся черневой рады, чтоб на ней меня не убили.

Рославец повалился на землю, лежал распростершись, рыдал и просил помилования.

Самойлович поручил генеральному бунчужному Полуботку держать Рославца под караулом, отыскать протопопа и доставить к суду. Суд над ними назначен был к 6 января 1677 года.

Рославца отправили в Батурин, а в конце октября доставлен был туда же взятый в Оболони протопоп Адамович.

Суд производился после Богоявления 1677 года в Батурине. Заседали генеральный обозный Забела, генеральные судьи Домонтович и Животовский при участии полковников, полковых судей и войтов городов Киева, Нежина и Чернигова. Гетман в качестве истца уполномочил вместо себя генерального бунчужного Полуботка и генерального писаря Прокоповича. О Рославце недолго приходилось толковать: его вина была явна, его присудили к смертной казни. Но с Адамовичем пришлось потягаться, так как он ни в чем не сознавался. Его уличали свидетельствами других. Важнее всех свидетельств было показание Дорошенкова писаря Воеховича и отзыв самого Дорошенка. Представлены были к суду, как вещественные улики: крест, который протопоп посылал к Дорошенку, ответное письмо Дорошенка в одобрительном смысле, серебряная зубочистка, которую потом протопоп отправлял к Дмитрашке Райче с запискою, что он от своих «наступников» бежит в Москву и поручает Дмитрашке Райче продолжать, вместо себя, вести сношения с Дорошенком. Кроме этих улик, представленных братом Дорошенка Андреем, на Адамовича показывал войсковой товарищ Грембецкий, что протопоп поручал ему передать своему свояку Карпу Мокриевичу о намерении скинуть с гетманства Самойловича и поставить Дорошенка. О том же показал на Адамовича полковой нежинский писарь Михаловский. На этом основании духовные особы, бывшие на суде¹, приговорили протопопа Адамовича лишить священного сана и передать мирскому суду.

12-го января, в день, когда должна была совершиться казнь Рославца, Самойлович объявил царскую грамоту о даровании преступнику жизни. Суд изменил свой приговор и постановил Петра Рославца отдать за крепкий караул на вечное бесчестье с тем, чтоб он никогда не был назначен ни в самый наименьший чин, был бы отлучен от жены и сродников и во все время жития своего ни в каком съезде между честными особами в Малороссийском крае не имел участия. Протопопа, уволив от смертной казни, духовные особы и генеральные старшины положили постричь.

¹ Духовник Лазаря Барановича, Феодосий Гугуревич, черниговского елецкого монастыря архимандрит Иоанний Голятовский, киевского Кирилловского монастыря игумен Дзик и протоиереи: черниговский, менский, лохвицкий и лубенский.

«Я давно того и хотел, — сказал протопоп, — по сие время все откладывал, и видно Бог меня за то и покарал».

Дмитрашке Райче и Лазарю Горленку, которых участие не было доказано, велели присягнуть в их невинности, а Карпа Мокриевича, хотя и подвергли такой же присяге, но как за ним уже водились какие-то козни против гетмана, то его осудили на изгнание из Малороссийского края, назначив ему четыре недели сроку на выезд из Чернигова, где он жил: впрочем его изгнали без конфискации имущества.

Протопоп Адамович выпросил себе срок до сырной недели, чтоб учинить расправу с женою и устроить свои домашние дела. По миновании срока гетман отправил Полуботка представить Адамовича для пострижения пред архиепископа. С Лазарем Барановичем протопоп имел прежде вражду за то, что архиепископ упросил гетмана отобрать от протопопа владеемые последним имения, село Воловицу и деревню Степановку, и присоединить к архиепископским маестностям на основании их прежней принадлежности к достоянию архиепископской кафедры. В Чернигове в начальном монастыре (Елецком) собрались духовные сановники, положили монашеское одеяние и позвали осужденного. Адамович объявил, что не хочет постригаться, потому что женат. Тогда ему объявили, что его извергают из сословия духовного чина и отдают войсковому суду.

Адамович подвергнут был допросу и опять во всем заперся. Полуботок посадил его в «тесное узилище», в котором протопопу стало чересчур тесно, и он объявил, что хочет всенародно открыть все тайны своего преступления.

Тогда в Чернигове, в дом генерального бунчужного приглашены были местные духовные особы¹, черниговские полковые старшины² и от горожан войт, бурмистр и знатные мещанские особы.

Адамович сознался, что вел сношения с Дорошенком, посылал к нему крестик, а Дмитрашке Райче зубочистку, показывал на Дмитрашку, что он грозил застрелить гетмана, на Лазаря Горленка, на полкового нежинского писаря Михаленка и на Быстроновского, что они были ему помощниками в замысле против гетмана, а на Карпа Мокриевича показал, что он ему дважды говорил, что пойдет бунтовать запорожцев против гетмана. И Рославца в том же оговаривал протопоп, прибавляя, что когда Рославца взяли, то Рославчиха просила Адамовича, чтоб на ее мужа не показывал.

¹ Степан Шуба — воскресенский, Максим Гашевский — благовещенский протопопы и священники с ними.

² Обозный Константин Угревецкий, городской атаман Ян Харитонович, несколько сотников и знатных товарищей.

И Рославца и Адамовича содержали в тюрьме. По воле государя Самойлович обязан был избавить их от смертной казни, но это, видно, было не по сердцу ему; по крайней мере говорили в Малороссии с ропотом, что гетман своих врагов держит в жестокой тесноте, да и сам Самойлович сознавался в своем письме, что они «в вязеню на пол юж живыми зостають». По войсковым правам следовало у таких осужденных конфисковать имущество, и теперь допрашивали у них, где оно находится. Рославец объявил за собою 13.720 злотых и 20 фунтов серебра в разной утвари, находившихся у его брата Ивана, жившего в Почепе, и, сверх того, показал, что много денег, вещей серебряных, медных и оловянных и всякой домашней рухляди отдал он на сохранение своим знакомым в Трубчевске и Брянске. Гетман, по совету старшин, посылал отыскивать это имущество и писал о том же к воеводам брянскому и трубчевскому. Посланные в Почеп не застали Рославцева брата Ивана, убежавшего в Смоленск, но застали другого брата Андрея, от которого взяли показанные деньги и дорогие вещи. Из них Самойлович роздал охочему полку Мовчана, над которым был уже тогда полковником. Илья Новицкий, по 20 злотых на рядового козака, что составило 10.000 злотых, а 1.000 злотых на полковых старшин. Однако после того еще не малое время доискивался Самойлович остального имущества своих врагов.

По царскому указу, Рославец и Адамович были препровождены в Москву и тотчас же сосланы в Сибирь. Спустя несколько лет, Адамович из Сибири посылал царю челобитную, в которой уверял в своей невинности и твердил, что наговорил на себя под страхом мучений. Неизвестно, какое последствие имела эта челобитная¹. Дмитрашка Райча и Лазарь Горленко были удалены от полковничьих урядов: прилуцким полковником поставлен Мовчан, а по нем Чернявский, переяславским Войца Сербин. Дмитрашка ушел за Днепр, передался полякам, но жена его, вдова казненного Золотаренка, не последовала за ним, и он сам вскоре воротился и был прощен Самойловичем, оставаясь в звании значного войскового товарища. Горленко спустя несколько времени опять получил прилуцкое полковничество и стал верным сторонником Самойловича, тогда как Дмитрашка Райча затаил к гетману злобу и впоследствии, как увидим, имел случай опять стать его открытым и уже не бессильным врагом. Горленко остался гетману верен до положения живота своего².

¹ Список челобитной сообщен мне П. И. Мельниковым.

² Лазаревский. Очерки Малор. фамилии, Русск. Арх., 1875, стр. 243, 403. (У Лазаревского событие с Рославцем и все последовавшее с Дмитрашком отнесено ошибочно к более раннему времени).

IX

Переход Дорошенка на левую сторону. — Царь требует его в Москву. — Представления Самойловича против отправки Дорошенка в столицу. — Пребывание Дорошенка в Москве. — Его последняя судьба.

Самойлович указал Дорошенку перейти на житье на левую сторону, оставляя за ним право владения имуществом, находившимся в Чигирине, где оставались его родные. Дорошенко не противился и не роптал, переехал на левую сторону с женою и с братом Андреем 1-го ноября 1676 года и прежде всего прибыл в Батурин. Самойлович встретил его чрезвычайно радушно и по поводу приезда его три дня пировал. Прежние враги, казалось, стали друзьями. Дорошенко просил дозволить ему жить как возможно поближе к гетману, и Самойлович назначил ему жить в Соснице. Там приготавливали Дорошенку двор, куда привезли из Чигирина 30 двуконных возов с его пожитками, а при дворе назначено было 15 душ челяди. Гетман дал Дорошенковой матери на прокормление доходы с чигиринских мельниц. Кроме матери, остались на прежних местах жительства тесть Дорошенка Яненко и двоюродный брат Кондрат Тарасенко с некоторыми бывшими старшинами; но бывший Дорошенков писарь Вуехович поселился в имении жены своей, в селе Жукине, Киевского полка, которое утвердил за ним и его женою гетман своим универсалом.

Недолго пришлось Дорошенку спокойно прожить на новоселье. В первых числах декабря того же года, приехал к Самойловичу стольник князь Иван Федорович Волконский с подьячим Часовниковым. Они привезли гетману указ прислать Дорошенка в Москву к царскому величеству.

Самойлович сказал: по царскому указу обещано Дорошенку место жительства в Украине, и мы с боярином Ромодановским назначили ему жить в Соснице. За ним ничего подозрительного не замечено.

Волконский возразил: Боярину было указано назначить Дорошенку место жительства до государева указа, а вот ныне и указ государев пришел к тебе такой, чтоб быть Дорошенку на Москве.

Гетман сказал: Да ведь Дорошенко недавно только переехал на сю сторону и двор ему начали строить в Соснице; еще и всех его пожитков из Чигирина не привезли. Дорошенко отдался, поверивши нашему обещанию, что ему дозволят жить, где пожелает, и прежние вины его не будут вспомнаны.

Волконский отвечал: Великий государь обещания своего не нарушает; вины Дорошенковы не будут вспоминаться и великий государь приказывает послать его в Москву при прежней обнадежительной грамоте; зовут его для того только, чтоб он видел

государевы пресветлые очи и подтвердил бы свою присягу на верность и вечное подданство.

«Если по Божией и царской милости и по изволению всего Войска Запорожского на меня положено оберегать целость и спокойствие края, — сказал гетман, — то я должен доложить царскому пресветлому величеству, что скорый и нечаянный отъезд Дорошенка нарушит между здешним народом спокойствие, которого мы добивались много лет. Мы с генеральными старшинами и полковниками на свою совесть взяли Дорошенка по царскому указу и руками своими подписались, чтоб ему жить здесь в тихомирном и безопасном пребывании со всеми пожитками. Если теперь, после такого нашего обещания, отправить Дорошенка в Москву, то по всей Украине между козаками и посольством расславится, что мы не держим нашего слова, а запорожцам с их кошевым Серком это будет особенно кстати, так как они и прежде удерживали Дорошенка от переезда на левую сторону, страшая Сибирью. За Днепром остаются еще Дорошенковы старшины: уже они наметили себе место жительства на левой стороне, были у меня, я им позволил переселяться и дал им проезжие листы; как теперь они узнают, что Дорошенка повезли в Москву, то не поедут на сю сторону. Есть у Дорошенка друзья на обеих сторонах Днепра: как бы они смуты не устроили!»

Князь Волконский не нашелся ничем опровергнуть доводов гетмана, но промолвил:

— Гетман! учини по воле великого государя. Пошли Дорошенка со мною без всякого сумнительства. Положись на волю Всемогущего Бога и на царскую милость. Ни старшинам, что на правой стороне остались, ни свойственникам, ни друзьям Дорошенка сомневаться нечего, а ты, гетман, о Дорошенковой посылке объяви по своему рассмотрению, как пристойно, чтоб они опасения в том не имели; Дорошенка-де не в Сибирь высылают, а великий государь по своей прежней обнадежительной грамоте указал прислать его для того, чтоб он видел государевы пресветлые очи, да и того ради, чтоб расспросить его о городах на правой стороне, как пристойнее их укрепить на случай, Боже сохрани, прихода турецкого султана и крымского хана, чтобы Дорошенко дал совет, с которой стороны великого государя ратным людям отпор неприятелю давать.

Самойлович отвечал: Хоть я так и объявлю о посылке Дорошенковой, только никто мне не поверит, а все думать будут что его заслали в Сибирь. А, чтоб его спрашивать о приходе турецкого султана, так ведь его брат Григорий в Москве; тот столько же знает, сколько и сам Петро Дорошенко.

Волконский сказал: Этот брат взят в плен и привезен в Москву давно; не знает он о последних замыслах турецких и татарских.

Самойлович представлял: Все письма, какие были у Дорошенка от турецкого султана и визиря и крымского хана, он уже мне передал и о турецких замыслах все мне объявил; я о том писал уже великому государю и вперед буду спрашивать Дорошенка и писать к великому государю о всем, что от него узнаю. Посылать же Дорошенка в Москву никак нельзя, для зазора малороссийских жителей не только правой, но и нашей левой стороны.

Князь Волконский продолжал: Гетман, учини волю великого государя, пошли Дорошенка без всякого сумнительства. Великий государь берет его в Москву, жалуючи тебя же. Ведь Дорошенко твой давний неприятель: он всяческие меры приискивал на твою пагубу, на смуту и на разорение всего малороссийского народа. Тебе самому дела эти лучше ведомы. Опасно, чтоб он, будучи на сей стороне Днепра, по-прежнему своему злоковарству не вымышлял бы каких-нибудь дел противных для тебя и не побуждал бы на зло нежелающих покоя.

«Хоть он, — сказал гетман, — и был мне давний неприятель, только мы сами призывали его в подданство, и я, гетман, со всеми старшинами, обещали и присягнули хранить его в целости и прежних вин его уже не вспоминать, а он от себя дал присягу верно служить и быть в вечном подданстве великого государя. Опасаться его нечего. И прежде, когда он не был еще в подданстве у царя, я все знал, что у Дорошенка делалось, а теперь наипаче все мне будет известно».

Князь Волконский возразил: Дорошенко и прежде учинил присягу царю перед кошевым Серком и прислал с тестем своим в Москву турецкие санджаки, а после того опять списывался с турецким султаном и крымским ханом. Его непостоянство видимо, и вперед его надобно опасаться. Поэтому, гетман, учини по воле великого государя, пошли Дорошенка со мною без сумнительства.

«Челом бью на милости монаршей, — сказал гетман, — что, жалеючи меня, велит мне остерегаться Дорошенка. Я уже приказал жителям Сосницы смотреть за ним, и если он хотя малое что затеет, мне о том тотчас дадут знать. Только вот что я еще скажу: Дорошенко оттого приехал ко мне и к боярину царскому в обоз для учинения присяги, что доверился нашему обнадеживанию, иначе бы он к нам и не приехал. После того, к нему пришло на помощь тысячи две татар, и если б то случилось прежде его присяги, то нелегко было бы нам его доставать в Чигирине. Теперь же ему невозможно ничего дурного нам учинить: в Чигирин посланы ратные люди, а сам он, Дорошенко, на сей стороне. Чуть только что услышу, сейчас указ учиню над ним!»

«Господь Бог, — говорил князь Волконский, — сотворил человека словесным и разумным: надобно быть осторожным в та-

ких делах, от которых уже было зло. Тебе, гетман, очень хорошо известно, что Дорошенко принял подданство и свое гетманство тебе сдал не от истинного своего желательства, а по самой великой неволе. Письмо, которое писали к нему запорожцы прежде вашего прихода, ясно показывает, что он хотел сопротивляться. Гетман, имей и ныне опасение от Дорошенка, а если ты его теперь со мною отправишь и станешь о нем писать к великому государю, великий государь укажет учинить с ним все по твоему гетманскому прошению».

«Дайте мне время подумать, — сказал Самойлович, — посоветуюсь со старшинами, которые ныне в Батурине».

Стольник сказал: «Жалуючи тебя за твою верность и за рательную службу, великий государь указал мне с тобою об этом деле говорить наедине втайне».

Гетман произнес: «Не посоветовавшись со старшинами, невозможно мне этого учинить. У нас права; я, гетман, не самовластен. Помыслию со старшинами и за тобой пришло».

6-го декабря прислал за царским послом гетман и на этот раз беседовал с ним в присутствии старшин. «Вот, — сказал он, — я мыслил со старшинами о тех делах, о которых я с тобою, князь, говорил: никак нельзя послать теперь Дорошенка за вышесказанными причинами! Притом, теперь Дорошенко нужен для суда над Рославцем и Адамовичем, а после суда я стану его наговаривать: пусть сам добровольно пожелает ехать в Москву и видеть царские очи. Ты же, князь, поезжай в Москву, а я в грамоте своей к великому государю напишу, за какими причинами невозможно посылать Дорошенка».

«Без указа великого государя, не привозя Дорошенка, мне ехать нельзя, — сказал князь Волконский, — не смею этого сделать, а стану писать к великому государю, то заранее ведаю подлинно, будет тебе царский указ таков, чтоб Дорошенка послать со мною. Через это делается одно мешкание. Лучше бы ты, гетман, послал Дорошенка со мною без всякого сумнительства, надеясь на милость великого государя».

«Обожди царского указа, князь Иван Федорович, — сказал Самойлович. — Я пошлю в Москву своего посланца с грамотою и в ней объясню, почему невозможно посылать Дорошенка. Чаю себе за то царской милостивой грамоты, потому что и прежде указано было мне послать к Дорошенку в Чигирин стольника Деримонтова, а я написал к великому государю, что этого стольника послать невозможно, и за то мне выговора не было, а прислана была от великого государя милостивая грамота».

В заключение всего, князь Волконский остался в Батурине, а Самойлович отправил в Москву канцеляриста Ивана Дорошкевича с грамотою, в которой излагались причины, по которым не следо-

вало отсылать Дорошенка в Москву. Кроме доводов, изложенных словесно в беседе с князем Волконским, гетман указывал еще и на обстоятельства, случившиеся недавно в Польше. С Турциею возобновилась у поляков война, но скоро окончилась новым миром — Журавницким, который был повторением Бучацкого мира с некоторыми изменениями: часть Украины — Полесье и Белоцерковщина возвращалась под державу Речи Посполитой, и король Ян Собеский положил назначить там жительство козакам, признававшим над собою польскую власть. Гетманом над этими козаками король назначил Гоголя, бывшего поднестранского полковника, несколько раз изменявшего и Польше, и Москве, и Дорошенку. Гоголь должен был, собравши своих козаков, которых у него было тогда четыре полка, расположить в Полесье на жительство, разделить по сотням и пополнять убылые места новыми козаками из малороссийских жителей Волины и других краев. Города: Димер, Черноград, Коростышев, Чернобыль, по королевскому универсалу, отдавались в ведомство нового козацкого гетмана. Гоголь сносился письменно с печерским архимандритом Иннокентием Гизелем. уверял его, что, как истинный сын православной церкви, он более всего желателен престолу православного монарха: по таким сношениям Самойлович надеялся перезвать Гоголя под царскую державу с его козаками и этим путем опять соединить все козачество под единою властью царя и под единым управлением утвержденного царем гетмана. Это казалось тем удобнее, что часть козаков, подчиненных Гоголю, уже тотчас после падения Дорошенка признала над собою власть Самойловича. И в этих видах, чтоб не подать Гоголю и его козакам опасений, Самойлович находил вредным отправить Дорошенка в Москву и нарушить данное ему царским именем обещание оставить его жить в Украине.

Московское правительство на время приняло соображения Самойловича, и 24-го декабря Волконский объявил гетману, что ему указано ехать в Москву, а Дорошенка не указано везти с собою.

— Великий государь, — сказал Волконский, — не для иных причин хотел было взять в Москву Дорошенка, как только жалеючи тебя, чтоб Дорошенко к прежним своим делам не обратился.

— Бью челом великому государю за такую милость, — сказал Самойлович — только Дорошенка никак не следует отправлять в Москву: у него здесь и теперь найдется более ста друзей, а те могут наговорить ко злу не одну тысячу. Дорошенко же, согласно своей присяге, ничего дурного здесь не сделал и обещается вперед ни к какому злу не приставать.

Действительно, Дорошенко, живя в Соснице, держал себя самым надежным образом. Он писал к гетману, что ничего так не желает, как жить в дружбе с Самойловичем, сколько возможно к нему поближе и быть ему во всем полезным. Зная положение Тур-

ции, Дорошенко первый сделал гетману предостережение, что султан держит Юраска Хмельниченка не для чего иного, как для того, чтобы его провозгласить козацким гетманом под турецкою верховною властью и теперь сделает это, когда Дорошенко от него отпал; уже назначена сумма 15.000 червонцев на подкуп, чтобы склонить запорожцев на сторону Хмельниченка: у Хмельниченка же в Чигирине, Жаботине и Медведовке найдутся и приятели, и родные. Дорошенко указывал также, что не следует в Чигирине держать жены бывшего Дорошенкова полковника Шульги, после перехода Дорошенкова приставшего на польскую сторону: «женщина эта сама дьявол во плоти», выразился о ней Дорошенко. Затем Дорошенко обещал еще сообщать гетману, если что-нибудь услышит новое или припомнит прежнее.

Вскоре опасность, о которой предостерегал Самойловича Дорошенко, оправдалась. В Константинополе, узнавши наверное, что «негодный и неблагодарный Дорошенко» — как выражается турецкий источник; — забывши все благодеяния падишаха, изменил ему и отдался московскому государю, положили отправить войско для удержания Украины под турецкою властью. Надобно было назначить нового гетмана для козаков от руки турецкого падишаха. Тогда пришел черед сидевшему в темнице Хмельниченку. Его вывели из Едикула, привели к великому визирю, возложили ему на голову бархатный колпак, а на плечи соболью шубу и провозгласили гетманом и «князем малороссийской Украины». Турецкая политика выдумала этот новый титул, какого еще никому не давали, и самому Дорошенку; турки этим хотели подействовать на украинское население, так как сыну Хмельницкого давалось как бы наследственное право. Хмельницкий отговаривался, представляя, что он уже постригся в монахи, но великий визирь приказал константинопольскому патриарху разрешить его от монашеского обета. Находясь во власти турок, и Хмельницкий, и патриарх должны были исполнять их волю. Визирь приказал сердарю (главнокомандующему турецкими силами) вручить Юраске знаки гетманского достоинства, бунчук, булаву, знамя и берэт или султанскую грамоту, а при наступлении лета с войском вести нового князя на владение. Об этом Самойлович получил известие сперва от немировского старосты Кунницкого, вместе со списком универсала Хмельницкого, а потом от киевского торгового человека, бывшего в Яссах и там узнавшего, что сам турецкий султан и крымский хан хотят вести Хмельницкого под Чигирин и под Киев.

Самойлович, получивши эти известия, тотчас сообщил их в Москву, и они произвели там большую тревогу. Туча, поднимающаяся со стороны Турции, на первых же порах внушила московскому правительству мысль, что теперь уже никак нельзя оставлять в Украине Дорошенка, недавно еще наводившего в этот

край турок. Притом же из Чигирина царский воевода Кровков писал, что чигиринцы из-за Дорошенка произносят дерзкие слова против царской власти. К Самойловичу прибыл царским посланцем знакомый ему стольник Семен Алмазов и привез новое требование послать с ним Дорошенка в Москву.

Самойлович сказал Алмазову: Народ наш мнителен: как узнают, что Дорошенко послан в Москву, учнут распускать плевосеятельные слова, а как дойдут они до Серка, тот еще и своего прибавит. Какова будет воля великого государя: чтоб Дорошенко оставался на житье в Москве, или чтоб он только великому государю ударил челом и потом ехал назад?

— Того не ведаю, — сказал Алмазов, — но если ты, гетман, напишешь об отпуске его из Москвы, великий государь укажет его отпустить.

— Пусть бы, — сказал гетман, — коли на то воля великого государя, оставили его жить и в Москве, но только так, чтоб мои посланцы и Серковы могли всегда его видеть и знать, что он живет не в неволе, а при милости его величества. Хорошо было бы, если б великий государь при этом отпустил на свободу Дорошенкова брата Грицька; обрадовались бы сродники и мать его, а она уже не раз меня просила ходатайствовать о его отпуске,

6-го марта отпустил Самойлович Алмазова в Сосницу за Дорошенком, а от себя послал с ним генерального судью Домонтовича. «Ты, Семен, — сказал гетман Алмазову, — не очень торопи его и побудь в Соснице хоть бы и неделю, пока Дорошенко соберется». Дорошенку гетман писал, чтоб он ехал в Москву смело, ничего не опасаясь: его зовут не для чего иного, как только для того, что хотят расспросить о способах турецких и татарских.

— Хотя бы кому на смерть приказывали идти, и того бы заранее уведомили, — сказал Дорошенко, когда ему объявили о предстоящей поездке. — Суди Бог гетману, что заранее мне ведомости не учинил!

Не долго собирался Дорошенко. 3-го марта вечером он выехал с Алмазовым и Домонтовичем. Их провожали от города до города от тридцати до сорока козак¹.

¹ В виду оберегания Чигирина, гетман послал туда нового полковника Григория Карповича-Коровченко, велел согнать жителей из соседних городков, чтоб навозили лесу на починку чигиринского замка и приказывал вместе с воеводою унимать легкомысленных людей от непристойных слов. Самойлович, в донесении своем в Приказ, изъявлял опасение, чтоб чигиринские жители, услышавши о новом нашествии турок, не стали убегать на левую сторону, там они произведут переполох и жители полков: Переяславского, Миргородского и Полтавского станут оставлять свои жилища и бежать, кто в слободские полки, кто к полякам, а кто и к туркам.

За Дорошенком вслед прибыл в Москву гетманский посланец, генеральный писарь Савва Прокопович. 20-го марта оба прибывшие от гетмана — и Домонтович, и Прокопович были допущены к царской руке. С ними был представлен пред царскую особу и Дорошенко. Сначала гетманским посланцам объявлена была похвала гетману и милостивое слово, потом думный дяк обратился с речью к Дорошенку. Пересчитаны были подробно все его вины: как неоднократно он обещал приехать в обоз, но не исполнил обещания и потом призывал бусурман, нока наконец опомнился и исполнил свое обещание. Объявлялось ему, что великий государь все вины его и преступления прощает и никогда уже вины те ему воспомнаны не будут, а за учинение присяги царю и за отлучение от агарянского ига, великий государь его милостиво похваляет. Затем объявлялось, что великий государь указал ему быть на Москве при своей государственной милости для способов военных против неприятельского наступления турецкого султана и крымского хана в Украину». Брат его Григорий, который уже прежде был раскован и ходил по воле, был отпущен в Малороссию.

Спрошенный в Приказе, Дорошенко сообщил маршрут, которым по его предположению пойдет в Украину турецкое войско, открыл, что у турок есть замысел покорить Запорожье и построить там крепость. Чтоб Юраско не мог найти пристанища в Чигирине, Дорошенко советовал свезти из Жаботина и Медведовки всех жителей, а тестя своего Яненка, который приходился Хмельницкому дядею и братом жены Григория Дорошенка, переселить на левую сторону. 28-го марта написал Дорошенко к кошевому Серку письмо, в котором убеждал его на старости лет полагать душу свою и здоровье за православную веру и за его царское пресветлое величество. «Я, приехавши в Москву, — писал он, — иначе моего достоинства удостоился премного царского милосердия и великой чести: меня сподобили видеть царское лицо и быть у руки его царского пресветлого величества, а брата моего тотчас домой отпустили».

Давая правительству полезные советы, Дорошенко бил челом о своих делах: просил дать указ чигиринскому воеводе и козацкому полковнику, находившемуся в Чигирине, чтоб матери его, братьям и сродникам не было обид и не отнимали бы у них угодий и имуществ. По советам и по челобитью Дорошенка посланы были соответствующие указы гетману и чигиринскому воеводе.

Находя нужным оставить Дорошенка навсегда в Великороссии и не пускать его более в Украину, апреля 20-го в Приказе велели ему подать челобитную о доставлении к нему жены его. Ведаю, — писал Дорошенко к гетману, — что я здесь не потребен и приезд

жены моей не нужен, но что повелевают, то и творю по нужде. Если милость твоя, благодетель мой, напишешь письмо о моем отпуске, то может быть и приезд жены моей в забвение положат, и меня отпустят».

24-го апреля выехал из Москвы подьячий Юдин с поручением привезти в Москву Дорошенкову жену. 4-го мая прибыл он в Батурин.

Гетман, после обычных приветствий, говорил ему: Я исполню указ великого государя и жену Петра Дорошенка из Сосницы к мужу ее отпущу и подводы дам. Только должен я сказать, что по царскому указу, когда мы принимали Дорошенка, то обнадежили ему, чтоб жить ему с женою, братьями и родичами, где они захотят в Украине на сей стороне Днепра. Он из Москвы ко мне писал, чтоб я бил челом великому государю об отпуске его назад в Сосницу, а об отпуске жены своей к нему в Москву он мне не писал.

«Петр Дорошенко, — сказал Юдин, — бил о том челом не по принуждению; его челобитная за его рукою в Приказе».

Гонец показал гетману список с челобитной. Самойлович сказал: «Я еще до царского указа, как послышал про Юрасков приход, велел перевести из Чигирина мать Дорошенка, тестя его Яненка, жену Григория Дорошенка и бывших старшин. Тесть со старшинами живет в Новых-Млинах, мать — в Соснице, иные же — при мне, в Батурине. Что Дорошенко советует вывести людей из городков и сел около Чигирина, так уже люди оттуда и сами почти все вышли на сю сторону. А что он просит, чтоб обид его имуществам не было, так ведь у него пасеки и сеножати за Черным лесом: никто не возбраняет туда его людям ездить, только им самим нельзя туда ездить оттого, что там стоят татары».

6-го мая Юдин у Самойловича увидел Дорошенкову мать, старицу Митродору, братьев Григория и Андрея и Петрову жену. Дорошенко из Москвы прислал к гетману еще письмо с козаком Левченком. Он писал, что, по царскому указу, велено жену его к нему прислать, — он же сам желает, чтоб гетман его самого взял в малороссийские города, помня свое обещание.

— Видишь, — сказал гетман Юдину. — Дорошенко не пишет, что он бил великому государю об отпуске жены своей. Я Дорошенковы листы пошлю с тобою к великому государю, а Дорошенковой жены насильно посылать невозможно. Буде я ее насильно отошлю, то его мать и братья, оставаясь в малороссийских городах, да и жена, едучи дорогою, станут жаловаться малороссийским людям, и будут в народе ходить толки, что я Петрову жену послал насильно в Москву за тем, чтоб его вместе с нею заслали в Сибирь, и легкомысленные люди, малороссийские жители, что переехали с той сто-

роны на сю сторону, послышавши такие слова, станут сомневаться и мыслить, что я и других многих также в Москву зашлю, а их оттуда в Сибирь упрячут.

— Вели, — сказал Юдин, — мне поговорить с Петровой матерью и с братьями об отпуске Петровой жены.

Гетман дозволил, и Юдин, повидавшись с матерью и братьями Дорошенка, пришел к гетману с Андреем Дорошенком и сказал:

— Мать говорит: мы царскому указу не противны, когда поволит гетман Самойлович.

— Точно так ли? — спросил гетман Андрея Дорошенка в присутствии старшин: войскового писаря, судьи и бунчужного.

— Дай нам, пане гетмане, сроку на две недели, чтоб я собрал, какие есть, потребности моего брата и к нему послал, а для иных потреб надобно послать в Чигирин, — сказал тогда Андрей Дорошенко.

— Дожидаться тебе, — сказал гетман Юдину, — пока они соберут жену Дорошенкову, а я тогда отпущу ее с тобою без мотчания.

Дорошенковы родные уехали в Сосницу. Юдин съездил в Киев по делам и воротился в Батурин 17-го мая. Приехали Григорий и Андрей Дорошенки, но без жены Петровой. Войсковой бунчужный Леонтий Полуботок прибыл к Юдину с Андреем Дорошенком и сказал: «Андрей бьет челом, чтоб не посылать жены Дорошенковой, а по какой причине, он сам пусть тебе скажет».

Андрей Дорошенко говорил: «Писал ко мне брат Петро с козаком Левченком, чтоб я прислал к нему жену его, буде она от своих дурных дел отстала и живет по обещанию, данному тогда, когда он ее взял к себе из черного платья, а буде за нею есть какие-нибудь дурные поступки, то я бы описал ему о том; я гетману уже говорил и тебе также объявляю вот что: брат мой Петро, за ее злые дела, положил на нее черное платье, а потом, видя дочь свою в младых летах в сиротстве, умилосердился над нею и принял ее опять к себе; она тогда обещала по смерть живота своего ничего хмельного не пить, потому что в хмелю от ней чинится всякое злое дело, но по отъезде Петра к великому государю начала она опять пить и вести себя безобразно: без ведома моего таскается и чинит злые дела. Ныне, приехавши в Сосницу, я велел ей собираться ехать к мужу своему, а она при отце своем Яненке с криком отвечала: коли меня в Москву насильно пошлешь, то брату твоему Петру недолго придется жить! Слыша такие слова, я бил челом, чтоб ее к брату Петру до времени не отсылать».

Юдин отправился к гетману и в присутствии Андрея Дорошенка стал просить отослать Петрову жену в Москву по царскому указу. Самойлович опирался на заявление Андрея Дорошенка. Юдин сказал:

— Это Андрей выдумал для того, чтобы жену братову не отпускать. Как к нему от брата челядник приезжал и пробыл здесь три дня, я был у тебя, гетмана, при Андрее. Отчего же он ничего такого в те поры не сказывал?

Самойлович решительно сказал: «Невозможно отправлять Петровой жены против ее воли насильно. Я напишу о том в своей грамоте великому государю».

— Коли брат Петр, — сказал Андрей Дорошенко, — ведая о злодейских поступках жены своей, напишет мне, чтоб к нему ее прислать, тогда я ее отпущу. Я должен здоровье брата своего беречь, а не ее, злодейку, жалеть.

Самойлович отпустил Юдина в Москву и сообщил, что задержал Дорошенкову жену по заявлению Андрея о ее поведении и об угрозах. «Если, — присовокуплял он, — мимо всего этого прикажет Петр, чтоб она к нему ехала, я тогда не стану возбранять ей ехать».

Дорошенко после этого благодарил Самойловича, что он «за высокоблагочестным мудрым рассуждением» удержал его «малуюмную господиню», и, снова «падая к ногам господским», умолял исходатайствовать ему отпуск в Украину. В делах Малороссийского Приказа значится, что июля 27 того же года прибыла в Москву Дорошенкова жена Евфросинья. Неизвестны обстоятельства ее выезда из Украины. Дорошенко был в начале помещен, как выше сказано, на новом греческом дворе, но с приездом жены переведен во двор Григория Никитина; однако, жаловался, что в этом новом помещении его беспокоит дым и течь. Тогда Дорошенку купили двор за 700 рублей и назначали построить новый дом о девяти покоях. 7-го августа он спрашивал в своей челобитной, отпустят ли его в Украину, или же навсегда прикажут оставаться в Москве, и если он должен пребывать в Москве, то просил, чтоб ему пожаловали деревню. Ему назначили с семейством и со всею прислугою, в числе 24-х человек, поденный корм, что составляло в год 936 рублей 16 алтын, и обещали деревню. В 1679 году в апреле ему предложили быть воеводою в Вятке с жалованьем по 1000 рублей в год. Он пробыл там до 1682 года и воротился снова в Москву. Царь подарил ему из дворцовых волостей 1000 дворов в селе Ярополче (Волоколамского уезда Моск. губ.) со всеми принадлежащими к ним угодьями. В Украину его не отпустили, впрочем он и сам перестал проситься после того, как Чигирин, его родина, был разорен до основания, и с ним пропало все право Дорошенка на прежние доходные статьи. Он примирился с мыслью сделаться навсегда жителем Московской земли и доживал век то в Москве, то в своем имении Ярополче: там он и окончил жизнь в 1698 г. ноября 9-го, на 71 году от рождения.

X

Первая чигиринская война. — Вступление Юраска Хмельницкого в Украину. — Его наказной гетман Астаматий. — Универсалы. — Тревога при появлении Хмельницкого. — Приготовления к обороне Чигирина. — Известия, приносимые Самойловичу о Хмельницком. — Ссора Самойловича с Серком. — Приступ Юраска Хмельницкого и турок к Чигирину. — Прибытие соединенного великороссийского и малороссийского войска. — Бегство турок. — Отступление русских войск.

Весною перешел Дунай новоназначенный султаном гетман с титулом князя. С первого раза видно было, что этот князь выставлен был только как значок; турки рассчитывали на обаяние, которое, по их соображениям, должно было произвести на малороссию имя сына Богданова. Все ведение военных дел возлагалось на Ибрагим-пашу, прозванного *шайтаном* (т. е. чертом). Турецкого войска назначалось в Украину, как говорили, до сотни тысяч, а у князя Хмельницкого было в начале только полтораста козаков. Юраска назначил своим наказным гетманом Евстафия Гиновского¹, который был известен в свое время под именем Астаматия. Этот наказной от имени своего князя начал рассылать универсалы по Подолии, требуя, чтобы польские залого немедленно выходили из подольских городков, так как весь край уступлен Польшею турецкому падишаху. Один из таких универсалов был послан немировскому старосте Стефану Куницкому, сообщившему список с него гетману Самойловичу. Жители сел Подолии извещались о скором вступлении «бесчисленных» турецких сил и обнадеживались, что если признают своим князем Хмельницкого, то могут себе спокойно предаваться мирным занятиям, не страшась оскорблений от турок и татар. 7-го апреля Юраска отправил посланцев в Сечу с письмом к Серку, изъявлял желание всех благ от Бога, «ему же возможно нищего и смиренного вознести и посадить со князи, а сильного низложить», намекнул о подвигах своего родителя, вспоминал о собственном прошлом, о том, как много бед он претерпел, пока Бог не «подвинул сердце непобедимого цесаря турецкого, тремя частями света обладающего, даровать ему свободу, утвердить гетманом и князем малороссийской Украины». Письмо его оканчивалось убеждением склониться к нему и прислать посольство. Грамота Юраскова была запечатана новоизобретенною печатью: на ней в кругу было изображение всадника на коне, с булавою в распростертой руке; выше конской головы, украшенной пучком перьев — яблоко со крестом, а подле всадника находилось изображение стоящего на земле человека с мушкетом. На печати была надпись: печать кня-

¹ Таким именем подписался он в своем универсале.

жества Малороссийского. Юрасковы посланцы требовали, чтоб Серко лично выступил на встречу вступавшему в свое наследие князю.

Не с доверием встретили запорожцы это обращение к ним Юраски. Раздался крик: «турки думают с нами так поступить, как с уманцами, хотя выманить часть наших в поле, а остальных в Сече забрать и наш кош разорить!» Но у запорожцев почти всегда делалось так: пошумят, покричат, а потом склонятся к уступкам. И теперь так случилось. Запорожцы соблазнились надеждою доставить чрез ходатайство Хмельницкого свободу своим товарищам, захваченным татарами в Лодыжине во время взятия того города, и отправили к Хмельницкому трех своих товарищей. Серко, однако, уведомил о том Самойловича, объяснивши, что запорожцы для избавления своих братьев заключили перемирие с Крымом, и эти поступки не должны побуждать к подозрениям в верности их царю. За это Самойлович послал Серку выговор, заметивши, что освобождение пленных могло быть отложено и до другого времени.

Появление Хмельницкого произвело тревогу и лихорадочную деятельность в Москве. Посланы были в малороссийские полки и в Сечу царские грамоты о том, чтоб не слушать прельстительных универсалов Юраски. В Чигирин отправлен был генерал-майор Афанасий Трауэрнихт, стрелецкие головы Титов и Мещеринов с их приказами и полковник инженер Фан-Фрастен. В посланных туда трех стрелецких приказах было до 24.000 человек. Ромодановскому, стоявшему в Курске, указано быть в постоянных пересылках с Самойловичем и идти к нему на соединение по его требованию. В подмогу им назначено другое войско, которому следовало стоять в Путивле под главным начальством боярина Василия Васильевича Голицына. Гетман отправил в Чигирин четыре с половиною тысячи выборных козаков из пяти полков¹ и охочих козаков, назначивши над всеми наказным чигиринского полковника Карповича-Коровченко. Тогда же гетман выпросил у верховного правительства разрешение бить в Путивле особую монету под названием *чехи*, собственно на жалованье малороссийскому войску, и, кроме того, выпросил 10.000 червонцев на раздачу охочему войску заимообразно, обязываясь произвести уплату изготовленными чехами².

Запорожские посланцы, явившись к Хмельницкому, были позваны к Ибрагиму-паше, который сказал им: «признайте Юрия Хмельницкого наследственным князем Украины, и тогда ни запорожцам, ни украинскому народу не окажется никакого неприятельского поступка от турок и татар». Хмельницкий послал Серку новое

¹ Нежинского, Стародубского, Киевского, Черниговского и Прилуцкого.

² Каждый червонец ценился тогда в 1 рубль, 16 алтын, 4 деньги. А.И.Д., связка 48, № 13.

увещательное письмо, обещал сохранение прав и вольностей, уверял, что исходатайствует свободу запорожским пленникам, но не мог этого исполнить потому, что Ибрагим-паша его не слушался.

Пошли недели за неделями. Серко не шел к Хмельницкому, но ссорился с гетманом Самойловичем, не ехал к нему для совета, отписываясь, что боится, чтоб гетман не заслал его в Сибирь, а Самойлович в своих донесениях в Приказ выставлял Серка изменником. В Москве продолжали относиться дружелюбно и доверчиво к гетману, но не раздражали Серка, так как знали, что Самойлович и Серко личные недруги, а потому естественно склонны были один на другого наговаривать. После известий, доставленных Куницким, гетман не имел никаких верных сведений о движении неприятеля до половины июня. Наконец, в это время ватажники, отправленные для вестей, напали на турецкий обоз с припасами и взяли турецких языков. Тогда Самойлович узнал, что Хмельницкий уже переправился через Днестр и рассчитывает в 16 дней достигнуть до Чигирина, а между тем послал отпущенных из турецкого полна малороссиян с универсалами в Немиров, Кальник и другие города склонять к себе малороссийский народ ласковыми убеждениями, грозя приступить к оружию, когда ему добровольно не покорятся.

В самом Чигирине дела шли таким образом: прибывший в конце июня генерал-майор Трауэрнихт прилежно занялся приведением в порядок укреплений чигиринского верхнего города, а нижний город вместе с *местом* (т. е. с посадом) оставлен был защите козачков¹. Царские ратные люди возводили дубовые стены, недавно сгоревшие от пожара. Козаки в нижнем городе рубили стены, тарасы, насыпали камнем, углубляли рвы. Так прошел июль. 23-го июля явился в Чигирине дезертир и объявил, что он был козак, взят в плен турками, поступил к ним в службу, а потом убил своего товарища и бежал. Он сообщил, что турки уже недалеко, надеются взять Чигирин дня в три, либо четыре, а потом пойдут на Киев. Известили об этом гетмана, бывшего в то время с войском в Ромнах. 3-го августа в виду Чигирина стали появляться неприятели, а утром 4-го числа все огромное турецкое войско раскинулось по восточной и южной стороне от Чигирина². На 216 саженьях расстояния от рва, окружавшего верхний город, был старый вал. Неприятели сразу за-

¹ Гетман прислал в подкрепление еще один охочий пехотный полк, роту гетманской драгунии и три сотни полков Гадяцкого и Лубенского.

² По известию одного пленного, у Ибрагим-паши под командою было 14 пашей, при них 40.000 кавалерии, 20.000 янычар и прочей пехоты, да 12.000 молдаван и волохов; по другому — пашей было только 8; по третьему, которое современник Гордон считает вернейшим, с Ибрагим-пашою было 15.000 янычар, 30.000 прочих турок и волохов и 20.000 татар при 28 пушках (Gord., II, 448).

няли его, стали насыпать шанцы, делать траншеи и апроши, уставлять орудия. Людей у них было много, и потому работа шла очень спешно. В тот же день к вечеру они открыли пальбу.

Все усилия неприятеля обращались сначала на верхний город¹. Нижнего, примыкавшего к месту или посаду, они почти не трогали. Хмельницкий послал к сидевшим там козакам универсал, убеждал признать себя князем, обещал от падишаха всякие милости и, сверх того, сулил каждому козаку жалованье за два года и по два новых жупана.

Несколько дней после того турки не делали никакого нападения на нижний город и не палили в него, ожидая, какое действие произведет универсал Хмельницкого. Находившиеся в верхнем городе московские воеводы стали подозревать, не сговариваются ли козаки с Хмельницким и не думают ли отступить от царя, и когда турки свои змеобразные траншеи подвели к верхнему городу на сто шагов, Траурнихт, испытывая верность козаков, приказал им идти на вылазку; козаки не перечили и вышли в ночь с 5-го на 6-е августа в числе тысячи человек; к ним присоединили 300 царских ратных людей, хотя не без труда, потому что Траурнихт был человек смирный и добрый и притом немец: его подчиненные не боялись, недолюбливали и мало слушали. На этот раз русские побили много турок в неприятельских траншеях. С той поры турки, уразумевши, что убеждения Хмельницкого не действуют, стали палить и в нижний город, как и в верхний, а великороссияне перестали бояться измены от козаков, пускали их в верхний город и поверили им охранение вала от реки. 10-го августа прибыли к туркам крымские татары в числе двух тысяч со своим ханом и расположились в той стороне от Чигирина, которая лежала по направлению к Черкассам.

В этот же самый день, 10-го августа, гетман на Артополоте соединился с Ромодановским, и оба войска разом двинулись по направлению к Днепру; на пути предводители получали беспрестанно новые известия о состоянии осажденных, которые умоляли спешить им на помощь скорее, иначе турки разобьют и сожгут город. 17-го августа гетман отрядил туда еще пехотный серденятский полк, а боярин 1.000 драгунов.

Не довольствуясь беспрестанною пушечною пальбою по верхнему и нижнему городу, турки под Чигирином стали вести разом три подкопа. Первый взрыв был неудачен: русские заранее узнали

¹ По известию Гордона (Gord., II, 447), замо́к или верхний город занимал 88 сажень, шириною к полю 65, к стороне нижнего города только 17, окружностью с бастиянами, выступами и валом до реки — 375 сажень; нижний город с *местом*, с каменною стеною и палисадами — 982 сажени окружностью. От замо́ка до старых окопов, занятых турками, было 213 сажень.

о замысле своих неприятелей от одного перебежчика и, не умея копать контр-мины, сделали, однако, в своем валу пещеры для перехода в воздух пороха во время взрыва. Благодаря этим пещерам; взрыв не удался. 23-го августа взорвало еще один турецкий подкоп, но осажденные снова узнали о нем заранее через молдаванина, и козаки отбили турок, бросившихся в прорыв. На другой день после взрыва, 24-го августа, осажденные со стен заметили, что значительная часть неприятельского полчища куда-то отдалается. Это значило, что с левой стороны Днепра уже подходили войска русские: осажденные только что узнали об этом от прибывших к ним отрядов, которые, пройдя благополучно сквозь орду в виду турецкого войска, вошли в город с музыкою и с распущенными знаменами¹.

Препятствовать переходу русских войск через реку Днепр сначала отправился хан с ордою, а за ним вслед Ибрагим-паша с большею половиною своих сил. Оставленным под Чигирином приказано было не подавать осажденным и вида, что нападение на них уменьшается, и в самом деле турки в эти дни, как заметили осажденные, стали сильнее палить по городу из своих ломовых пушек.

Целый день 25-го августа турки и татары, расположась по правому берегу Днепра, не допускали русских переходить через реку и палили из пушек и ручного оружия. Но козаки по приказанию своего гетмана поплыли в лодках по Днепру, перешли на правый берег и зашли туркам в тыл, так что туркам пришлось отстреливаться с двух противоположных сторон. Наступила между тем ночь, и русское войско, пользуясь темнотою, благополучно переправилось. Утром в воскресенье, 26-го августа, турки не без изумления увидели, что все их неприятели уже на правом берегу. «Жалостно стало им зело, — говорит современное донесение, что не оборонили переправу, а там еще и чигиринская крепость стояла им костью в горле».

Турки отступили к Крылову, а потом, пробираясь по за Тясьмином, достигли Чигирина к ночи и уже не думали более добывать города. Они продолжали еще канонаду по городу только для того, чтоб осажденные не узнали, что будет происходить в турецком стане. Между тем, в это время турки вывозили свой обоз и артиллерию, а на следующий день в 3 часа утра зажгли свой стан и быстро ушли. Когда развиднелось, осажденные бросились за городские стены, но в турецких траншеях нашли одного только турка, забытого своими, и тот оказался так глуп, что не мог дать русским никаких сведений о своих соотечественниках.

Прибывши к Чигирину 20-го августа, гетман и Ромодановский увидели удивившее их зрелище: земля около Чигирина была из-

¹ Тогда говорили, что татары умышленно их пропустили из зависти и из недоброжелательства к туркам (Арх. Юст., кн 125, л. 101).

рыта глубокими змееобразно идущими рвами, окаймленными земляными насыпями, на которых для повышения клались еще бревна; за такими-то насыпями укрывался «поганый народ»... Было покинуто десять раскатов, на которых уставлялись ломовые орудия, палившие в город. Деревянные стены города во всех направлениях были сильно повреждены, хоромы в «месте» были разбиты. Более всего обращали внимание русские на турецкие подкопы, с удивлением замечая, что для турков и камень «не был препоною».

Предводители не погнались тотчас за ушедшими неприятелями: отправлен был только для проводывания о них трехтысячный отряд и привел пленного, по одному известию, болгарина, по другому — серба. Этот пленник сообщил: турки так скоро бежали, что на переправах кидали лошадей и наметы; татары от Буга повертели домой, а турки направились в свои владения к Днепру. Гетман по таким вестям отправил большой отряд козаков, которые, нагнавши за Ингулом партию татар, рассеяли их, а сами возвратились с добычею. Князь Ромодановский приказал засыпать землю турецкие траншеи и сравнять бугры, насыпанные неприятелем для своих орудий.

Сделавши надлежащее распоряжение к охранению Чигирина до дальнейших мер правительства, Ромодановский и гетман Самойлович отправили свои донесения в Москву, а сами с войсками своими 9-го сентября пошли обратно на левую сторону Днепра, где встретили другое войско, шедшее на подмогу под главным начальством боярина князя Василия Васильевича Голицына. Но врагов уже под Чигирином не было. Предводители воротились каждый к своим местам, Ромодановский — в Курск, гетман — в Батурин, князь Голицын — в Путивль.

XI

Вторая чигиринская война. — Мысль разорить Чигирин. — Самойлович своими представлениями удерживает правительство. — Самойлович и Серко. — Посольство Поросукова в Турцию. — Вести о новом нашествии. — Приготовления к защите Чигирина. — Религиозное значение войны. — Воевода Ржевский и генерал Гордон в Чигирине. — Прибытие турецкого полчища. — Переправа русских войск через Днепр. — Первое сражение. — Победа русских. — Смерть Ржевского. — Бездействие Ромодановского. — Сожжение Чигирина. — Отступление войск. — Последняя битва у Днепра.

В первых числах октября 1677 года прибыл к гетману царский посол за важным делом: узнать мнение гетмана и малороссийских старшин — что делать с Чигирином? По взгляду, образовавшемуся тогда у московских государственных людей, следовало, в чаянии

скорого повторительного нашествия неприятеля, разорить этот укрепленный пункт, потому что, после недавнего разрушения, поправки и отстройки потребуют слишком больших издержек; главное же, в Москве не были уверены, останется ли навсегда в подданстве царю заднепровская Украина. Поляки беспрестанно заявляли притязания на этот край, как на древнее владение своей Речи Посполитой. Московское правительство не раз отвечало на такие притязания польским послам, да не раз твердило и малороссиянам, что не отдаст Польше этого края, доставшегося московской власти не от поляков, а от Дорошенка, данника Турции. Но поляки не давали с своей стороны одобрения московским заявлениям; и в Москве понимали, что могут повернуться обстоятельства, когда поляки заговорят об этом решительнее, и Москве придется быть уступчивее по отношению к Польше. Такое-то опасение возбуждало мысль не стоять крепко за Чигирин, чтоб напрасно не потратиться на сохранение за собою того, что может некогда стать чужим достоянием. Таких соображений, однако, не высказывали московские власти малороссиянам, хотя последние сами о них догадывались и беспрестанно высказывали боязнь, чтоб их не возвратили снова под польскую власть. Приехавший теперь к гетману царским послом стольник Василий Тяпкин, один из замечательно умных московских людей того времени, стал говорить Самойловичу о трудностях обороны Чигирина от турок и спрашивал, не разорить ли этот город.

Гетман на речи Тяпкина еказал:

«Если Чигирин будет содержаться крепко под царскою рукою, то и обе стороны Днепра будут пребывать в верности великому государю; если же Чигирин разорить, то уж лучше прежде сказать украинскому народу, что он царю не надобен, а потому-то Чигирин разоряется, либо неприятелю отдается! У нас в народе говорят: за кем Чигирин, за тем и Киев, а за тем и все мы в подданстве. Засядет в Чигирине Юраска — все те, что с правой стороны к нам сюда перешли, пойдут к нему опять на правую сторону, и нам трудно будет их удержать. Если же, Боже сохрани, овладеют Чигирином турки и посадят там своих людей, тогда царь турецкий велит брать запасы с сей стороны Днепра! и все наши малороссийские города станут поневоле отдавать ему послушание: тогда и в великороссийские города проста будет туркам дорога! Вот и теперь уже козаки только того и ждут, чья сторона верх возьмет в Чигирине. Хорошо, что вот нам теперь удалось; от этого тотчас два полковника из-под Гоголева гетманства к нам отозвались; есть надежда, что и Гоголь с остальными в подданство царю перейдет; а как Юраска шел еще к Чигирину, то Гоголь уже подумывал: не придется ли ему пристать к Юраске, если Юраска одолеет нас?»

Тяпкин из Батурина съездил в Чигирин, взял составленную там опись укреплениям и, воротившись к гетману, опять вел с ним бе-

седу о Чигирине, но уже в присутствии старшин. Все в один голос твердили, что Чигирин следует поправить и охранять, иначе Украине придет беда от турок. Самойлович, поглядывая на образ Богородицы, со слезами произнес: «о! не дай Бог попасть нам в бусурманские руки». После отъезда Тяпкина гетман посылал в Москву войскового канцеляриста, Василия Кочубея, толковать о том же и отстаивать Чигирин, а вместе с тем поручил ему представлять московскому правительству, что малороссиянам никак нельзя вести против бусурман войны заодно с поляками, которых льстивому благорасположению отнюдь не следует доверять. В этих вопросах Самойлович одержал верх на время: Чигирин не приказывали ни разорять, ни покидать, напротив, придумывали меры и способы к защите против ожидаемого нового неприятельского вторжения.

Самойлович, в беседах с Тяпкиным и другими, посещавшими его царскими послами и гонцами, чернил своего недруга Серка, уверял, что он тайно сноится с врагами и только притворно представляет себя верным царю. Московское правительство, сохраняя прежний такт, ласкало гетмана, награждало посылкою объерей и соболей, но отправило к самому Серку царскую милостивую грамоту с подарками, как ни противно было это гетману. Серко принял царского посланца Перхурова с почестями, приносил благодарность царю, но просил для себя знамени и бунчука, знаков верховного начальства над сечевыми козаками. Ясно видно было его намерение находиться в независимом положении от нелюбимого гетмана, а может быть, возобновлялась надежда со временем заменить Самойловича в гетманском достоинстве, которое ускользнуло от Серка во время конотопской рады. Московское правительство, оставаясь благосклонным и к Самойловичу, и к Серку, не сделало угодения ни тому, ни другому в их взаимной недружбе.

Каждый час в Москве ожидали услышать о новой попытке турок вторгнуться в Украину, но решились попробовать мирным соглашением с турецким правительством отстранить от себя грозу: в Турцию отправлен был гонец Поросуков известить о вступлении на престол царя Федора Алексеевича, предложить возобновление дружественных отношений между государствами и представить, что нет достаточных поводов к их нарушению. Гетману поручили с своей стороны проводывать о замыслах турок. Исполняя царский указ, Самойлович, под видом купцов, посылал лазутчиков в турецкие владения, вел сношения с немировским старостою Куницким и тайную корреспонденцию с молдавским господарем, сообщавшим ему, что делается у турок. Так, в продолжение зимы получил он разными путями сведения, что турецкий султан разгневался за неудачу под Чигирином и вместо него назначил воинственного Каплан-пашу, а на будущее лето собирается сам идти под Чигирин с несметным войском — 17 пашей пойдут с ним и «белые арабы». С

раннею весною стали посылать ватаги или поезда в степь для добытия языков. Ватажники, отправляясь за Днепр, бродили по опустелой стране, терпя всякие лишения, питаясь по целым неделям валявшимися желудями, и считали особым благополучием, когда удавалось застрелить какого-нибудь зверя себе в пищу; однако, успели наловить татарских языков из загонов, отправлявшихся из Крыма с такою же целью, с какою выезжали в степь малороссийские ватажники. От них узнали, что хан Селим сменен, вместо него назначен Мурад-Гирей, когда-то прославивший себя поражением московского войска под Чудновом, и этот новый хан, по приказанию турецкого султана, собирается летом с ордою на Чигирин.

Сообщая обо всем этом в Приказ, гетман просил выслать скорее в Малороссию царские ратные силы, а для увеличения средств содержания охочего козацкого войска в Малороссии представил постановление старшин о заведении оранд (отдачи на откуп) «на винную, дегтяную и тютюнную (табачную) продажу» сроком на год.

Правительство утвердило постановление старшин об орандах, назначило в Чигирин новым воеводою окольного Ивана Ивановича Ржевского, давно уже знакомого малороссиянам, а инженером при нем — шотландца Петра Гордона, оставившего любопытные записки о своем долговременном пребывании в России, — и под их начальством — пять стрелецких приказов с головами и севский драгунский полк; гетман должен был доставлять в Чигирин через малороссийских жителей хлебные запасы царским ратным на довольствие.

Царский гонец Поросук, проведенный в Турцию козаками, нашел там не совсем благосклонный прием. Его не допустили к самому падишаху и наотрез объявили, что если московский царь не отступится от Чигирина и Украины, то война неизбежна. Гонец был свидетелем поспешного сбора военных сил Турции и не без труда сообщил об этом в Москву. По получении этих известий 12 апреля, царь, по совету с духовенством и боярами, указал князю Ромодановскому идти с войском в Малороссию, но прежде военных действий против турецкого войска вступить с визирем в переговоры, попытаться убедить его, что Малороссия исстари — достояние России и Дорошенко неправильно отдавал ее Турции, а потому к войне нет причин; в случае же неудачи переговоров Ромодановскому велено было попытаться защищать Чигирин, но если он увидит, что нельзя его защищать, то должен разорить его до основания, а с турками постановить такой договор, чтоб на тех местах городов никаких не строить, и всех оставшихся там жителей перевести на левую сторону Днепра. Но Ромодановскому предписывалось делать это так, чтоб не произошло оттого ропота и смятения в малороссийском народе.

Ожидание турецкого вторжения возбуждало не панику, а тревогу, смешанную с каким-то таинственным чувством страха и

решимости. Самойлович дал приказание готовиться к отражению врага не только козакам, но и посполству; все мещане и поселяне должны были поставить каждый из семьи своей по воину, — богатые из трех членов семьи одного, а убогие — с пяти одного. К этому обязывались и ремесленники, и художники, и скрипари, и дудари, по выражению летописи. Архиепископ Лазарь Баранович, своєю архиерейскою грамотою, наложил по всей Малороссии трехдневный пост каждую седмицу, по понедельникам, средам и пятницам: все должны были в эти дни воздерживаться от всякой пищи и питья и пребывать в благоговейной молитве. Гетман своим универсалом предписывал всем начальствующим надзирать за соблюдением архиепископского распоряжения¹. И в других русских краях всего Московского государства разсланы были от архиереев печатные молитвословия о победе над супостатами: их определили читать по всем монастырям и приходским церквам в уреченный день в неделю, и в этот день все должны были поститься с утра до вечера, и в ночь, и на следующее утро до конца литургии; во все это время монастыри должны быть заперты, чтоб никто не выходил ни из монахов, ни из служек. Так следовало поступать до окончания войны.

Самойлович выступил в поход в первых числах июня и сошелся с Ромодановским на Артополоте. Там предводители устраивали друг другу пиры. На пир, данный боярином, приглашены были козацкие чины, которым отдавалось большое предпочтение перед великорусскими, и последние за то озлобились. Отсюда двинулись они к Лубнам, куда прибыли 12-го июня. Вперед отправлен был отряд в 12.000 человек, под начальством Косагова — приискать удобное место для переправы огромному соединенному войску. За ним гетман и боярин к концу июня приблизились к Днепру, а 1-го июля пришло к ним известие, что турецкие силы приближаются к Бугу. Тогда предводители сообразили, что переход в том месте, куда они отправили Косагова, неудобен, потому что им придется идти к Чигирину три мили через леса и болота, и если неприятели там нападут на них, то им некуда будет повернуться со своим тесно замкнутым вагенбургом. Они решили повернуть вверх по течению реки Сулы, перешли через нее 3-го

¹ Ригельмана, Лет. Пов. о Мал. Рос., 160. — Акты Зап. Рос., V, 141 — 144. Святогорского Афонского монастыря игумен Исакий, извещая гетмана, что турки собираются на Киев, писал: «у вас духовные ведут себя бесчинно, молебны поют пьяные, ни страха Божия, ни поста у них нет, как скоты бессмысленные живут; прикажи в монастырях и в приходах наложить пост три дни в седмицу: в понедельник, среду и пяток, в понедельник пусть всенощное служат арх. Михаилу, в среду Покрову, в пятницу молебен, а в субботу акафист и в войске чтоб у вас женщин не было, тогда увидишь милость Божию». (Арх. Ин. Д., связка 51, № 10).

июля, а потом дошли до Бужинского перевоза на Днестре. В этих местах было приготовлено много байдаков; началась переправа, на которую оказалось потребно не менее четырех суток по причине большого количества войска. Тут пришел Ромодановскому указ подождать прибытия князя Каспулата Муцаловича Черкасского с калмыками и татарами. Таким образом, к большой досаде сидевших тогда в осаде в Чигирине, войско, шедшее к ним на выручку, оставалось продолжительное время на берегу Днестра, до 28-го июля, пока не явился долго ожидаемый князь Каспулат Муцалович.

Теперь посмотрим, что делалось в то время в Чигирине.

Назначенные туда начальниками воевода Иван Иванович Ржевский и генерал-инженер Патрик Гордон прибыли в конце апреля и с тех пор, до появления под городом неприятелей, Гордон деятельно занимался устройением всякого рода укреплений, бастионов, рavelинов, валов, стен, шанцев, фашинов и проч., употребляя на работы ратных людей. Он учредил эстафетное сношение с Москвою. 12-го мая прибыли в Чигирин назначенные к «залогу» от гетмана гадяцкие козаки с своим полковником Федором Криницким: их должно было быть 6.000, но пока пришло налицо только 4.500. 17-го июня присланы гетманом еще козаки полков Нежинского и Лубенского собственно для ведения земляных работ. Нижний замок, или город был предоставлен исключительно козакам гетманского регимента, а главное начальство над всеми ими было поручено в звании наказного гетмана Павлу Животовскому. Две сотни слободских полков, Сумского и Ахтырского, находились с великороссиянами в верхнем городе¹. Всего войска в верхнем городе было 5.520 человек, в нижнем 6.163.

8-го июля появился перед Чигирином передовой турецкий отряд, и на первой схватке с ним козаков был убит серденецкий полковник Рубан. За передовым турецким отрядом появились молдаване и валахи с своими господарями, а за ними стали показываться неприятельские ряды все гуще и гуще. На следующий день, 9-го июля, вся окрестность под Чигирином покрылась неприятельскими

¹ По известию Гордона (т. 11,478), пороху было до двух тысяч пудов в запасе, кроме розданного по полкам — всякого рода пушечных ядер 3.600 штук, но бомб только 500, да и годных к делу мортир оказалось только 4. В замке или верхнем городе было 4 сорока-фунтовых орудия и, сверх того, еще два добытые когда-то от поляков Богданом Хмельницким в Баре. Кроме них было 6 восьми и десяти-фунтовых пушек и 8 меньших, 14 полевых, 14 картечных, 8 кулеврин двух и трех-фунтовых и 11 железных разного калибра. Ручных гранат было 1.200 штук. В нижнем городе у козаков было всего 15 железных пушек, немного пороху и боевых запасов, хотя Гордон заранее предупреждал об этом гетмана. Ржевский берег боевые запасы и даже Гордону не позволял делать опыты пальбы из пушек до пришествия неприятеля.

полчищами¹. На холмах завиднелись нарядные шатры турецких военачальников; за их передними рядами красовался шатер верховного визиря с пятью высокими верхами, а от него в почтительном расстоянии шатры других знатных пашей. В длину весь турецкий стан простирался верст на десять. Турецкая пехота вооружена была мечами и щитами; конница, составлявшая показистую часть турецкого войска, отличалась породистыми лошадьми, щегольским дружием и личную ловкостью всадников.

На первых порах визирь отправил письма к козакам в нижний город² и к осажденным в верхнем городе великороссиянам. Верховный визирь писал последним, чтоб они сдали Чигирин, принадлежность падишаха, и за то обещал им свободное возвращение восвояси. Великороссийские начальные люди оставили без ответа визирское письмо, а малороссийские полученное ими письмо послали в верхний город.

С этого времени в продолжение месяца шла непрерывная война: турки копали траншеи одна за другою, все ближе и ближе подходя ко рву, окаймлявшему валы и стены, а между тем усердно палили

¹ Человека два-три сербов убежали к своим русским единоверцам и сообщили о числе и расположении турецкого войска. По их показаниям, с верховным визирем пришло тогда 15.000 янычар и такое же число воинов, называемых «семени», 15.000 копачей, 3.000 спагов султанской гвардии, до десяти тысяч других гвардий, до двух тысяч состоящих при орудиях и боевых запасах и до десяти тысяч молдаван и валахов с их господарями. Крымский хан вел с собою 50.000 орды. В войске были четыре большие осадные пушки, которых везли 32 пары буйволов, 27 батарейных орудий разного калибра, 130 полевых орудий, 6 мортир для бомб в 120 пуд и 9 мортир для бомб от 30 до 40 пуд, 8.000 возов, 5.000 верблюдов под боевыми запасами, 8.000 пастухов и 10.000 провиантских повозок. Копачи, пастухи и погонщики были из турецких христиан (Gord., II, 485).

² Письмо к козакам сохранилось в делах Малороссийского приказа в современном русском переводе в таком виде: «Чигиринским сидельцам, барабашевским козакам, украинским начальным и прочим военным людям. Наперед сего благосчастному, могучему, великому государю нашему мусульманскому величеству козацкий гетман на Украине учинился в подданстве и в холопстве, а после того, в небытность государя нашего, пришли в Чигирин московские ратные силы. Ныне Божию милостию благосчастный великий государь наш мусульманское величество, меня холопа своего, послал с многими несчетными силами взять Чигирин под его высокую руку, и я ныне с несчетными ратными людьми на вас пришел. Буде без боя город сдадите, то вам никакого убытка не будет: которые козаки из вас похотят идти за Днепр и им идти за Днепр вольно, а которые козаки и начальные люди похотят быть в городе и они будут в прежних чинах своих безо всякого убытка жить в покое. Буде в отдаче учините упрямство и дадите бой — и то в воле Божией, как кому Бог помочи даст. А если его величеству помощь Бога будет, все вы будете поработены, посечены и в полон пойманы, и тогда покаяние будет вам не в пользу. Визирь Асан-Мустафа паша».

по городу из орудий, уставленных на земляных насыпях. Русским пушкарям, отвечавшим пальбою неприятелям, по замечанию очевидца, недоставало снаровки и опытности, но зато русские удачно тушили водою и мокрыми рогожами и кожами пожары, начинавшиеся от брошенных в замок и город огненных снарядов. У осажденных силы понемногу прибывали: в верхний город вошел Ахтырский слободской полк 1.200 человек, а в нижний — полк серденят. Войска Ромодановского и Самойловича, переправившись через Днепр 12-го июля подле Бужина при селе Шабельниках, встретили отряд турецкого войска, высланный визирем. От третьего часа дня (8-го часа утра) до вечера шел бой: русские отбили напор неприятеля. В следующие затем семь дней повторялись битвы с турками, подходившими из-под Чигирина, но, как доносил Самойлович, «враги не получили утешения»; они даже не воспрепятствовали русским вести сношения с осажденными в Чигирине соотечественниками. Ромодановский, исполняя царский указ, все дожидался князя Черкасского с калмыками и не шел вперед, как ни убедительно из Чигирина звали войско поспешить на выручку города. 26-го числа гетман Самойлович получил «прелестный лист» Хмельницкого, оставленный без ответа и отправленный в Малороссийский приказ¹.

¹ Письмо, обращенное к гетману Самойловичу и ко всей старшине, в современном русском переводе гласит так: «Ведомо вам, каковым способом Украина за отцов наших стала под обороною прежде наияснейшей Порты Оттоманской, нежели царского московского величества. Знати, что Божиим смотрением было столько причины на веру нашу и народ наш русский, что, будучи под поляками в великом утеснении, искали обороны наияснейшего хана Ислам-Гирея, а потом благополучно царствовавшим наследным монархам подданство предки наши крепко подтверждали, о чем довольно буди, потому что еще не вышло из памяти милостей ваших; потом крепко то подтвердил пан Дорошенко самому наияснейшему султанову величеству, яко самим милостям вашим лучше то ведомо. Потребно было мне для общей нужды и последним здоровьем упавшую нашу Украину заложить. Яз и ныне тем закончаем и радеем по изволению наияснейшего визиря, яко и наияснейшего ханского величества, которые особами своими пресветлыми здесь пребывают, о целости вас всех яко дедичь, а не наемник есмь с той земли. Извольте милости ваши умилитися сами над собою и над бстаточною пагубою нашею, а не поддаватися в большее разорение, и отступитья от российского, а к нам привратитесь, сохраняя целость свою аки голуби: увидите милости ваши купно и Войско Запорожское милость вельможных монархов и нашу притом; но вбвремя извольте радеть милости ваши о себе, а не потом, когда уже наступят большие силы. Не расширяя письма своего совету и высокому рассуждению милостей ваших то предаая, желаю вскоре нам видетися с собою в любви и поцеловаться, и без кровопролития под одним монархом наияснейшим и непобедимейшим султанским величеством турским оставаться. Про то сказавши, ответу от милостей ваших желаем и нас самих и славу христианскую милостям вашим вручаем. Дан в Бердьчовке вашим милостям всем благожелательный Георгий Гедеон Венжик Хмельницкий, князь Украины».

Через день, 23-го июля, прибыл, наконец, долго ожидаемый князь Каспулат Муцалович, но привел калмыков вовсе не в таком числе, как ожидали: их было всего каких-нибудь четыре тысячи. Ромодановский и Самойлович на другой же день выслали их и, кроме того, первый — рейтаров и копейщиков, а гетман — охочих козаков, всего тысяч до двадцати. Вслед за ними и все войско двинулось с Бужинского поля к Чигирину.

Чигиринцы с каждым днем приходили в стесненное положение, и 27-го июля трудно уже было доставлять Ромодановскому беспрестанные просьбы о скорейшем поспешении на выручку. Неприятельская канонада усиливалась; зной был так велик, что козаки не в силах были работать для утушения пожаров; к неприятелю прибыли новые силы и съестные запасы с Каплан-пашою; турки стали вести подкопы. 29-го июля был первый взрыв, 30-го второй и третий с таким оглушающим треском, что в нижнем городе подумали, что в верхнем не осталось уже никого в живых; в середине одного бльверка открылся прорыв от 12 до 15 сажен; турки бросились в прорыв, — однако Гордон заранее распорядился устроить в валу дыры и пещеры для сообщения вспыхивающего пороха с воздухом. Русские удачно отбили врагов, пытавшихся вторгнуться через прорыв, и кое-как засыпали его, потерявши 68 убитыми и 97 ранеными. 1-го августа, в виду осажденных, часть войск с Капланом-пашою двинулась против Ромодановского и Самойловича; оставшиеся продолжали метать в город и замо́к ядра и бомбы еще сильнее, чем в прежние дни¹.

Между Днепром и Чигирином были горы, в которые упиралась равнина, простиравшаяся от Днепровского побережья. На этих горах расположились турецкие войска под начальством Каплан-паши, чтобы не давать вперед хода русским войскам. С турками были крымские орды, молдавские и валахские силы. Турки взвели батареи, устали пушки и стали защищать вход на гору. Попытки русских овладеть высотами 1-го и 2-го августа были неудачны, 3-го августа, в субботу, Ромодановский выслал значительный отряд²; козаки влево пошли отдельным опол-

¹ С первого дня осады бросали ежедневно по несколько сот ядер и бомб, а 2-го августа число первых дошло до 1008, последних же до 387. Вслед затем ночью татары, стоявшие на другой стороне реки Тясьмина, тайно известили козаков, что боярин и гетман от них уже недалеко и с часу на час надобно им ждать желанной выручки (Gord., II, 495 — 508).

² Генерал-лейтенанта Аггея Алексеевича Шепелева и генерал-майора Кровкова с выборною инфантериею от 5 до 6 тысяч, составлявшею правое крыло, в резерве у него было 10.000 конницы и пехоты под командою генерала Змеева. Центр образовали 9 стрелецких полков, при них дети боярские; в резерве у него 15.000. Левое крыло и резерв к нему образовали белгородский и севский полки (Gord., II, 549).

чением¹ а потом за ними последовали боярин и гетман с остальными войсками и обозами², оставив на левой стороне Днепра охотные полки с приказанием ловить и вешать беглецов из войска, если окажутся на левом берегу.

Турки и татары, допустивши высланных русских до горы, выступили и против них из зарослей и стали пускать на них гранаты. Выборная пехота Шепелева и Кровкова взошла на высоты, но конные турки и татары сбили и прогнали ее. Русских было убито до тысячи и столько же раненых: в числе последних был и генерал Шепелев. 500 русских было отрезано и окружено неприятелями; защищаясь упорно, они все погибли бы, если бы на выручку уцелевшим из них не отвлекли турок стрелецкие полки, сражавшиеся на левом крыле; а вслед затем оросился на высоты резерв правого крыла; отрезанные соединились снова со своими, и турки, видя, что затем надвигается еще новая конная сила русских, стали подаваться, и когда вслед затем еще русская конница примкнула к своим, стоявшим уже на высотах — тут одержана была полная победа над турками. По известиям очевидцев³, они бежали в беспорядке за

¹ Гетман — под начальством наказного Василия Борковского отправил полки: Черниговский (полковника Василия Борковского), Лубенский (полковника Максима Ильяшенко), Миргородский (полковника Павла Апостоленка), Прилуцкий (полковника Федора Мовчана), Нежинский (полковника наказного Василия Игуменского), пехотные полки Герасима да ИвANIA, конные Ильяша Новицкого да Якова Павловского со всем их товариством, с которыми полковники были из Переяславского, Стародубского, Полтавского полков, мужественные товарищи и козаки, а те три полка были сами на заставе позади обоза (Арх. Юст., кн. 125.. л. 1112. Донесение гетмана от 17-го августа). Акты Зап. Росс., V, 148. (Письмо гетмана полковнику Новицкому).

² «И те ваши великого государя войска послав прежде себя, сами вслед за ними шли с обозами и со всем войском в обозе будучим» (Ibidem).

³ «А как войска ваши храбро и смело на неприятеля пошли и мы с обозами и со всем войском к горам приблизились и тех неприятелей турок спагов полки и крымские силы и иных земель собрания побили, от окопов, шанцев, выводов и нарядов их и от шатров отбили и самих множество на голову побив и живьем побрав, и знамена, прогнали страхом так, что того сполоха наполнясь, уходя на мостах своих через реку Тясму поделанных, друг друга давили и мосты поломали и, на ту сторону Тясмы переправляясь, многие потонули и после того своего вредительного переходу и мост пожгли» (Арх. Юст., кн. 125. Донесение Самойловича). «И как боярин и гетман на гору восходили и в то время были бои великие с утра до полудня, и Каплан-пашу с войском сбили, и шатры, и обоз, и пушки русские взяли; ничего с собою турки не унесли и побито их в то время письменного люду тысяч с восемь, а Каплан-паша с войском убежал через Тясму на мосты и ратные люди царские гоняли их и били до самого мосту, а перебежав мосты, турки зажгли их за собою и поставили караулы, чтобы царские ратные люди через мост не делали над ними промысла и если бы царские люди их тут осилили, они бы все побежали, оставя промысел над Чигирином (Арх. Ин. Д., связка 52, № 10. Показание пленного турка).

Тясмин к Чигирину и истребили за собою огнем мосты, сделанные заранее молдаванами и валахами между Чигирином и Суботовым. Татары бежали к Медведовке; за ними гнались и истребляли их закоренелые враги калмыки. По известию Гордона, в этом бою, продолжавшемся три часа, турки потеряли 5.000 человек, а русские 1.500 убитыми и до тысячи ранеными. Пленные турки показывали число своих убитых до восьми тысяч¹. Русские овладели 28 пушками и богатыми турецкими шатрами.

В этот самый день (5-го августа, в субботу), когда русские войска одерживали над врагами победу, в 2 часа пополудни турки зажгли подкоп и взорвали значительную часть вала, потом бросились в прорыв. В продолжение двух часов шла отчаянная резня. В это время воевода Ржевский вышел на вал верхнего замка и был убит осколком бомбы или гранаты, поразившим его в подбородок. Начальство над всеми силами в Чигирине осталось за Гордоном. Услыхавши о победе, одержанной русскими войсками, он посылал к Ромодановскому просьбу прибыть скорее и тем завершить свое победное торжество, потому что тогда неприятели уйдут от Чигирина.

Но Ромодановский, переночевавши на поле победы, двинулся с войском далее и, остановившись за две с половиною версты от Чигирина, послал на подкрепление Гордону только один драгунский полк. 5-го августа Гордон снова посылал приглашать Ромодановского и указывал для стана место на острове, пониже Чигирина, откуда можно будет обстреливать неприятельский стан. Но боярин прислал Гордону еще только около трех тысяч ратных, предоставляя Гордону сделать вылазку. Если бы Ромодановский послушался Гордона, то, вероятно турки убежали бы от Чигирина: и без того, как показывали их пленные, после поражения на горе они думали разбежаться, но визирь удержал их, убедивши попытаться еще повести подкопы и давши обещание сняться, если подкопы в течение недели не поведут к решительному покорению города. Исполняя приказание Ромодановского, Гордон 6-го августа предпринял вылазку, но она не удалась.

И после того боярин не переходил со всем войском за реку ближе к неприятельскому стану, как домогался Гордон, но ограничился только тем, что отрядил Косагова и Вульфа занять два островка на Тясмине, а к Гордону отправил еще 1.800 человек сумских козаков и рыльских служилых людей для новых вылазок: с тою же целью Самойлович от себя посылал в нижний город прибавочные сотни козаков разных полков, заменяя ими посланные туда прежде. Вылазки не удавались ни из верхнего города, ни из нижнего, потому

¹ Надобно заметить, что восточные люди всегда имеют склонность преувеличивать; когда же находятся в плену, то делают это так, чтобы сказать приятное победителям.

что янычары очень ловко устроились в своих шанцах: одни сидели во рву под прикрытием земляных краев рва и оттуда стреляли, а выше их сидели по горе другие; верхние берегли нижних, а нижние верхних, и выбить их оттуда было трудно.

У Косагова, посланного на островок, ратные люди при неприятельском наступлении разбежались, а Вульфа после того отозвал сам Ромодановский. Так вяло действовал Ромодановский для выручки Чигирина. Между тем поляк Кирпицкий, бывший у турок в плену и перешедший к русским, сообщил, что у турок ощущается недостаток продовольствия, и они при первой неудаче станут уходить. Дело в том, что еще 12-го июля Серко, постоянно выставляемый гетманом союзником врагов, напал с запорожцами на турецкий караван, плывший из Кизыкермена по Днепру с запасами для войска, отнял запасы, и это оказалось так надолго чувствительным для турок, что привезенные потом Каплан-пашою запасы не могли уже заменить им этой утраты. Гордон по этому известию еще умолял Ромодановского принять более решительный-образ действия, но боярин снова ограничился посылкою в город отряда для вылазки, который вскоре потом сам и отозвал.

11-го августа, в воскресенье, в час пополудни взорвало мину под валом нижнего города; образовался прорыв; бывшие там близко козаки в числе 500 погибли, другие бежали; ужасный гром оглушил всех: пустились в бегство и те, которые находились подалее; иных застал взрыв пьяными, других спящими. Нестройною толпою кинулись козаки из города через московский мост, думая уйти в войсковой обоз. Но за мостом уже стояли турки, пробравшиеся туда через болото; они подломили мост; козаки в тесноте давили друг друга; много козаков потонуло, и в том числе гадацкий полковник Криницкий; турки зажгли башню с воротами, стоящую на московском мосту; успевших перейти за мост козаков гнали и истребляли неприятели. Между тем, от взрыва по всему нижнему городу сделался пожар; вступившие в прорыв враги распространяли его, зажигая строения. Три полка серденецких: Герасимов, Иванеев и Ребриковского убежали через плотину в верхний город. Турки зажгли внешние стены верхнего города, называемые новым городом; оставались пока в целости внутренние — старый город. Никакие попытки Гордона спасти погибавший Чигирин не могли удасться, подчиненные не слушали команды¹. Вечером один стрелецкий голова по

¹ «11-го в неделю вечером подкопы взорвало к реке Тясме близко хором и землю раскидало по сторонам и от того взрыву хоромы загорелись и учинился пожар, и осадные сидельцы, видя пожар, из города побежали в обоз через московский мост, и турки, увидя то, прибежали от болота к московской башне и зажгли, чтоб осадным сидельцам из города выпуска не дать; и мост обломился, и с того мосту утонул гадацкий полковник Федор Криницкий и иные потонули многие, да на Пляцовой было козаков человек 500 и те

секрету сказал Гордону, что Ромодановский прислал своего адъютанта с повелением вывести гарнизон из верхнего города, но адъютант не хотел войти в город, а только у ворот передал словесный приказ боярина. Гордон на это промолвил: «мне дано повеление лучше погибнуть, чем оставить свой пост; и другим я того не позволю, не получивши письменного приказа». Он продолжал делать распоряжения о погашении пожара, и чтоб не подать солдатам подозрения, что он покинет свой пост, приказал готовить ужинать и поставить на стол свой серебряный сервиз.

Часов в 10 вечера (в третьем часу ночи) явился барабанщик полковника Карандеева, стоявшего у ворот с боярским адъютантом, который все-таки не смел войти в замок, и передал письменный приказ Ромодановского такого содержания: Гордон должен выступить с ратными царскими людьми, взять с собою те пушки, которые были полегче, а другие закопать, разорить укрепления, истребить боевые запасы и порох. Гордон показал приказ начальным офицерам, при нем остававшимся, велел оставить фитили в амбразурах и зажечь ворота, устроенные для вылазок, а сам собственноручно зажег запасный и аммуниционный магазины. В это время все солдаты, не ожидая команды, с ужасным криком побросали оружие и пустились бежать из пылающего замка; много их было застигнуто и изрублено турками, много их потонуло в реке, через которую пытались пройти вплавь. Сам Гордон вышел через мост, держа в одной руке пистолет, а в другой саблю, счастливо прошел посреди неприятелей, носивших на копьях отрубленные головы русских, и в чрезвычайном утомлении добрался до стана. Первым его словом боярину Ромодановскому был упрек за то, что военачальник не только не подал ему вовремя помощи, но даже не уведомил заранее о том, что он должен будет оставить чигиринский замок, и тем самым не дал возможности гарнизону выйти в надлежащем порядке. Ромодановский с неудовольствием слушал упреки и мало отвечал на них. Гордон, уходя от Ромодановского в отведенное для себя помещение, зашел к полковнику Бурнету, в это время раздался в Чигирине ужасный оглушительный треск: взорвало пороховой магазин и, как после узнали, от этого взрыва погибло там более 4.000 турок, ус-

все от подкопов пропали, и турки, вбежав в город, зажигали хоромы и в то время три серденецкие полка Герасимов, Иванеев и Ребриковского в московскую башню из города не побежали, а приложились к верхнему городу и башню, которая на плотине, захватили и неприятелю ее не дали. А верхний город, что сделал было вновь воевода Ржевский, неприятели зажгли в то же время, как в большом нижнем городе учинился пожар от подкопов. И ратные царские люди и сердюки при верхнем городе за каменную церковью до самого вечера неприятеля из города выбивали дважды и башню с плотиною боронили и им не давали». (Арх. Юст., кн. 125, л. 1091. См также Лет. Сам., стр. 144; Ригельмана, стр. 162; Величка, II, 462).

певших вступить в чигиринский замо́к тотчас вслед затем, как русские его покинули.

По известиям современников, в войске Ромодановского господствовал большой беспорядок, как и вообще во всем тогдашнем военном русском строе. У нас в походе, — говорил впоследствии в Москве гетманский посланец Мазепа, — с Ромодановским людей было много, а на боях было их мало; только солдатские полки да стрелецкие приказы, да и стрельцов было немного; прочее все пряталось в обозе на телегах, от рейтар, городских дворян и детей боярских только один крик! Гетман много раз посылал к ним, а они не шли, и гетман принужден был послать в бой все свои козацкие полки, а сам остался со своим двором и драгунами, которые всегда находились неотлучно при нем». Из царского войска беспрестанно толпами бегали ратные люди, так что когда войско дошло до Чигирина, то его осталась едва половина против того числа, какое было при начале похода. Поэтому-то Ромодановскому не осталось более ничего как уходить.

И вот, боярин и гетман, оба с своими войсками, двинулись от Чигирина к Днепру в обратный путь, на другое утро после разрушения Чигирина, 12-го августа. Они вели свои войска четверугольниками, окаймивши их несколькими рядами возов, как бы шанцами. Все конные спешили; только сам Ромодановский да гетман ехали сидя верхом на лошадях. Турки и татары с разных сторон делали на них нападения, но безуспешно. На ночлеге нападения на них не было. С рассветом 13-го августа войска двинулись далее, и при переходе через болотистые места беспокоили их неприятели, но так же, как и вчера, безуспешно. К полудню русские достигли прежнего своего становища у Бужина и стали в своих прежних ретраншаментях; они начали посылать возы к самому Днепру в видах начать переправу, но тут турки, по оплошности русских, овладели брошенными окопами и начали палить. Это заставило русских отложить переправу и давать неприятелям отпор до тех пор, пока не принудят отступить. В тот же день калмыки, не желая помогать русским, ушли на другую сторону Днепра, а потом направились в свой край, но по пути «наделали не мало бед малороссийским людям». На другой день после того гетману доставлено было письмо от крымского хана. Называя Самойловича Иваном-Поповичем, гетманом заднепровским, Мурад уверял в расположении к козакам и убеждал гетмана отступить от Москвы, но при этом давал слово не побуждать его через то в подданство турецкому падишаху.

Такое же письмо от хана прислано было ко всем старшинам собирательно. Эти письма не имели никакого успеха и на них не отвечали. Но зато многие козаки не расположены были долее драться и самовольно уходили за Днепр. Это заставило гетмана учредить сторожу, чтобы не пропускали беглецов, а несколько человек, пы-

тавшихся переплыть Днепр, поймали и отстегали плетьюми. Неприятеля, после неудачных попыток склонить на свою сторону козаков, продолжали напирать на русские обозы и палили из пушек, доходило дело до того, что сражались не только оружием, но вступали и в рукопашку; под самим визирем убито две лошади; очень хотелось неприятелям разгромить русские обозы или припереть их к Днепру, но русские, особенно козаки, держались стойко, сделали две ночных вылазки, убили и взяли в плен многих турок, хотя и турки принесли в свой обоз 90 русских голов. Так прошло время до 10-го августа. Наконец визирь, видя, что не удастся овладеть русскими таборами, а своих воинов пропадает не мало, в ночь с 19-го на 20-е августа со всем своим полчищем отступил к Чигирину, а князь Ромодановский и гетман Самойлович со своими войсками переправились через Днепр уже без всякого препятствия от неприятеля.

Неудачный поход Ромодановского в свое время подал повод к толкам. Говорили, что турки подкупили его, что русский боярин продал им Чигирин и нарочно вел дело так, что они могли им овладеть. В малороссийском и великороссийском войсках ходили такие толки: в неволе у бусурман был сын князя Ромодановского Андрей, взятый в плен Суховеенком в 1668 году; визирь турецкий заранее послал к Ромодановскому тайно сказать: если московский полководец допустит визиря взять Чигирин, то визирь отпустит сына его Андрея на волю; если же не допустит, то к боярину пришлют голову его сына, набитую сеном. Ромодановский, ради спасения жизни своего сына, вел дела так, чтобы все случилось по желанию визиря. В турецких областях говорили, что туркам пришлось бы пропасть под Чигирином, если б их неприятель Ромодановский действовал иначе; гетман же должен был потакать боярину, как царскому наместнику, против собственной воли; когда ж бы делалось так, как гетману хотелось, то ни один человек не ушел бы целым из турецкого войска. О таких толках извещал Самойловича Куницкий. Самойлович, передавая о том в Приказ прибавлял от себя, что это басни ложные. Гетман был расположен к Ромодановскому и когда узнал, что московское правительство намеревается заменить его другим лицом в команде над царским войском в Малороссии, то в письмах своих, посылаемых в Приказ, изъявлял сожаление и прибавлял, что желает, дабы всякий другой, кто будет на месте Ромодановского, пребывал с гетманом в таком совете и дружбе как Ромодановский.

В какой степени был виновен Ромодановский — решить трудно при недостатке материалов, которые пролили бы свет на тайные события того времени; но несомненно, что Ромодановский имел возможность и перед правительством, и перед потомством совершенно отклонить от себя упреки в потере Чигирина: еще прежде, чем он с войском достиг до этого города, у него был уже царский указ —

покинуть оборону Чигирина и предать его истреблению, если окажется слишком трудным его удерживать. Таким образом, Ромодановский поступил сообразно царскому указу; должно думать, что, сообразно тому же указу, он заводил или по крайней мере пытался заводить с визирем сношения о мире. В делах мы не нашли о том донесения; во всяком случае это вероятно, потому что в царском указе ему повелевалось разорить Чигирин и попытаться завести с турками сношения о мире; если половина указа была им исполнена, то нельзя предполагать, чтобы другая оставалась без исполнения, тем более, что условия, которые велено было предложить тогда туркам об оставлении впусе правобережной Украины, действительно состоялись по договору, заключенному двумя годами позже, а потому есть основание думать, что они тогда были сообщены туркам. В Москве, однако, после чигиринской катастрофы, как кажется, не признавали Ромодановского способным вести далее дело обороны Малороссийского края, и он уже более не показывался в Малороссию. Малороссыяне сильно соболезновали о разорении Чигирина и приписывали это бедствие «незычливости и нерадивости принцепала». Серко написал Самойловичу чрезвычайно резкое и едкое письмо, обвинял его в потачке Ромодановскому, уже наверное считаемому им изменником. Что малороссыяне могли заблуждаться на счет Ромодановского — это было естественно, когда повеление истребить Чигирин и завести сношения с турками дано было ему секретно, с оговором, чтобы не произошло ропота в народе и, следовательно, осталось неведомым для малороссыян.

По переходе через Днепр, Самойлович, находя, что козацкое войско от тяжелого похода в опустелую страну «изнужало и изнищало», распустил по домам полки Полтавский, Прилуцкий, Лубенский, Миргородский и Гадяцкий, а Киевский, Переяславский, Черниговский, Нежинский и Стародубский двинул к Переяславу, потому что услышал о новых затеях неприятеля.

ХП

Покушение Юраски Хмельницкого. — Его универсалы. — Поход на левый берег Днепра. — Переселение жителей на правую сторону. — Изгнание Хмельницкого с левой стороны. — Покушение татар и турок на Сечу. — Последние подвиги Серка под Крымом. — Поход Семена Самойловича. — Истребление городков. — Сгон остальных жителей на левую сторону. — Правление Хмельницкого в Немирове. — Неудачные попытки склонить его к покорности царю. — Толки о водворении переселенцев. — Кончина Серка. — Сношения с Крымом и с Турциею. — Бахчисарайский мир.

Воротившись от Днепра к Чигирину, визирь приказал истребить остатки города и замка, а потом всему турецкому войску

двигаться в путь. Оно остановилось в Капустиной долине. Турки терпели от болезней и от скудости продовольствия. Дороговизна в турецком обозе была так велика, что за мех пшеничной муки платили по 10 ефимков, а ячменной по пяти, турки один перед другим бросались брать у татар добычу, когда те возвращались с загона, но и добычи привозили татары немного: негде было набрать ее в пустыне. Стоя на Капустиной долине, Хмельницкий, по совету с визирём, разослал гонцов с универсалами в Корсун, Канев, Черкассы, извещал, что назначает Ивана Яненченка-Хмельницкого для приведения городов под свою власть и оборону. «Не такая это будет оборона», писал он, «какова была московская: князь Ромодановский и Самойлович, не сдержавши сил наияснейшего султана турецкого и крымского хана, сожгли до основания Чигирин, погубили много душ христианских, а сами со стыдом ушли. Просите же скорее, пока есть время, милости у верховного визиря и отзовитесь к нам с дружбою и послушанием. Буде нас не послушаете, постигнет вас конечная погибель». Подобное послание отправлено было и от визиря, требовавшего покорности Хмельницкому и подданства турецкому султану, под страхом разорения, плена и гибели.

Корсунцы поддались. Города западные: Кальник, Немиров и другие, где поставлены были польские заложники, также покорились и приглашали Хмельницкого избавить их от поляков. Но каневцы отвечали, что не могут быть послушны, опасаясь московских людей. Пославши такой отказ Юраске, каневцы стали переводить семьи свои на левый берег Днепра, а Самойлович, остановившийся после перехода из-за Днепра в Переяславе, послал в Канев, для обороны оставшихся там людей, несколько сотен пехотного полка Кожуховского, надеясь, что Юраска придет с небольшим числом татар, и в то же время советовал всем остальным убираться скорее за Днепр. Визирь отправил на почти безлюдный Канев несколько десятков тысяч турок с 15 пушками; и Яненченко был там с ними вместо Хмельницкого. Посланная Самойловичем козацкая пехота не удержала напора вломившегося в город неприятеля и вся погибла в битве. Немногочисленные жители, оставшиеся в Каневе, вбежали в каменную церковь, но турки, разложивши около церкви огонь, всех их подушили дымом. Испуганные судьбою Канева, городки: Черкассы, Мошна и Жаботын покорились Хмельницкому.

По возвращении посланного в Канев турецкого отряда визирь с Капустиной долины двинулся со всем войском в турецкие владения, и на прощанье с Хмельницким сказал ему: «если не удастся тебе подчинить своей власти Украину, не посылай просить помощи от турецкого султана, а обратись к Каменецкому паше». Тотчас после ухода союзников Хмельницкий отправил к

польскому королю какого-то Губаря-Бершадского требовать вывода польских залог из украинских городов и хотел не только той полосы, которая была уже уступлена Польшею Турции, но также Белой-Церкви, Паволочи, Черногородки, — одним словом; всего, что при отце Юраски, Богдане Хмельницком, успела захватить козацкая сабля. Король, сообразно Журавницкому договору, недавно утвержденному послом Речи Посполитой при турецком дворе, Гнинским, приказал выступать польским жолнерам из Кальника, Немирова, Межибожья и других подольских городков, входивших в черту уступленных Турции земель, но в остальном отказал Юраске; напротив, войска Речи Посполитой из покинутых подольских городков должны были уйти в Белую-Церковь, Паволочь, Димер, Коростышев для усиления тамошних залог. Немиров подарен был от падишаха Юраске в вечное владение и был избран последним своею резиденциею.

Юраска с татарами и турками, своими защитниками, вступил туда не ранее как за несколько дней до рождественского заговенья, Яненченка-Хмельницкого оставил в Корсуни, Коваленка в Кальнике: эти города подарены были последним от падишаха во владение. У Хмельницкого, по отходе визиря, осталось 700 человек татар, да от господарей 800 «семэн»¹; из этого числа по 200 человек тех и других отправил Юраска в Корсун, а остальных оставил при себе в Немирове.

Юраска расположился в опустелом посаде, называемом Выкитка, поместивши близко своего жилья по десяти человек янычар в одной хоромине, а других турок и татар поместил в другом посаде города Немирова, называемом Шполевыцы. Своих малороссиян было мало у Хмельницкого в отцовской земле. Сам он им не доверял, и с первого раза стали они испытывать тягость управления новопоставленного малороссийского князя. По распоряжению Юраски, подчиненные ему малороссияне обязаны были его татарам и «семэнам» поставлять достаточное количество мяса, масла, сыра и иного съестного и, кроме того, по три осьмачки овса на каждого коня. Нуждаясь в средствах для проведения своих замыслов, Юраска стал вымогать денег от богатых обывателей, сажал их в тюрьму и по турецкому обычаю приказывал бить палками по подошвам, пока не получал от них несколько сот червонцев. Не щадил он и тех, которые пристали к нему при первом его появлении; визирь, будучи с ним под Чигирином, давал ему совет не приближать к себе козаков, возведенных в старшины, а надеяться исключительно на оборону

¹ У татар назывались этим именем вооруженные огнестрельным оружием.

от турок. Сообразно такому совету, Юраска убил Астаматия, бывшего у него недавно наказным гетманом, и кальницкого полковника Вареницу, поставивши на место последнего Коваленка. Другие, даже и такие, что были сродни Хмельницкому, ежедневно, как вол обуха, по выражению современника, дожидались той же судьбы. Затевая поход на левую сторону Днепра, Юраска послал немировского сотника Берендея к крымскому хану просить присылки орды. Юраска в особенности злился на запорожцев: «Кабы мне, — говорил он, — хоть бы их 1.000 человек из коша удалось выманить, тотчас бы заслал их к турецкому султану на каторги». Но он надеялся на расположение к себе малороссиян левой стороны и говорил: «мне достаточно каких-нибудь двух-трех тысяч; я, зашедши от Днепра, в Киеве на Подоле посреди города стану». Действительно, многолетние перевороты в крае до того сбили с толку малороссийские головы, что даже Юраска мог на некоторое время быть опасным, особенно когда ему покровительствовала грозная турецкая сила. По известию Куницкого, из Черкасс и из левобережной Малороссии присылались к Юраске приглашения¹.

По этим приглашениям Хмельницкий из Немирова 27-го декабря послал универсал к левобережным малороссиянам и приглашал всех, и старейших и меньших, покориться ему для избежания разорений. Вслед затем Яненченко с двумя крымскими мурзами, присланными ханом, перешел Днепр у Стаек и, минуя городки Переяславского полка, направился на Остер и Козелец. Награбивши добычи и набравши пленников, татары ворочались, но на дороге в селе Глубоком переяславский полковник Лисенко разгромил их загон и отбил ясыр. Яненченко ушел в Корсун. Это было предварительное нашествие на левобережный край. Отец Яненченка, Павел Яненко, шурин Дорошенков, проживавший в Соснице, не только не пристал к Юраске, но посылал сыну своему выговор за его поступки; неизвестно, впрочем, делал ли он это по собственному побуждению или по воле гетмана, разославшего по всей управляемой им стране увещание не «верить обманчивым прельщениям расстриги, который попрал христианский закон, предания церкви и угождает бусурманам, хотя те сами его ставят ни во что и презирают».

По донесениям Самойловича московское правительство, в ожидании вступления Хмельницкого с своими союзниками, отправило

¹ Уже осенью 1678 года были охотники уходить на жительство с левой стороны на правую. Самойлович приказывал охотному полковнику Новицкому, поставленному на сторожу над Днепром: «Прочан на той бок над заказ тиснучихся зо всего обирайте, а хоча бы и самых не живити допустите; бо и тые туды намерившися, ничего доброго нам не, мыслять» (Акты Зап Росс., V, 153).

в Переяслав отряд ратных людей под начальством стольника Неплюева, в качестве резервов указало быть с другими ратными князю Козловскому в Путивле и князю Урусову в Киеве, а Косагову в Сумах со слободскими полковниками сумским и ахтырским. Гетман придал Неплюеву по несколько сот человек выборных козаков полков Нежинского, Лубенского, Прилукского и Киевского, и велел им занять поднепровские городки: Ирклевей, Крапивну, Золотоношу, сносаясь с переяславским полковником, которому поручалось главное ведение защиты края, образовавшего его полк. Попытались между тем мирным путем подействовать на Хмельницкого.

По приказанию гетмана, знаменитый в свое время ученый проповедник черниговский архимандрит Иоанний Галатовский, бывший когда-то учителем Юраски, 4-го декабря 1678 года послал Хмельницкому письмо, советовал снять с себя мирское платье и облечься снова в иноческое, доказывал, что перед Богом великий грех отречься от данного раз монашеского обета, а в пример приводил бывшего французского маршала Геброна, снявшего с себя монашеский сан: когда он умер, то бесы ликовали, душу его в ад несли. Хмельницкий получил это письмо в Корсуни, будучи уже на походе в левобережную Украину, и отвечал на него длинным письмом, наполненным школьною болтовнею, где ни к селу, ни к городу приводились имена Перикла, Улисса, Брута и других античных героев, но о себе, о своих видах, намерениях и побуждениях Юраска почти не говорил и только вскользь привел указание на 19-й стих 48 главы Бытия, а в заключение выразился так: «никогда не пиши ко мне, превысокость твоя, чтобы не раздражить шершней».

Не удалась попытка обратить на истинный путь заблудшего Хмельницкого: Юраска с татарами перешел на левый берег Днепра¹. Первое местечко, которым он овладел, была Веремеевка: там козаков не было вовсе, а мужики не в силах были обороняться и потому сдались. За Веремеевкою последовали Чигрин-Дуброва, Горошин, Городище, Жовнин. Хмельницкий писал в своем универсале: «не отговаривайтесь и не медлите, приказываю вам идти на житье за Днепр с семьями и пожитками; там будет вам назначено место по нашему отеческому радению; а не пойдете, так увидите над собою такое, чего я вам не желаю». Сдавшихся в числе трех тысяч Хмельницкий приказал водворить в Жаботыне. Другие, назначаемые к переселению, отпрашива-

¹ Число пришедших с ним молва считала тысячами (Арх. Юст., кн. 50; л. 751), но один современник малороссиянин по этому поводу выразился так: «у нас в Украине народ как послышит, что пришли татары, тотчас потревожится и сам не зная куда бежит. С вором Юраскою пришло каких-нибудь сот пять или семь, а нашим кажется тысяч семь» (Ibidem, л. 479).

лись, указывая на зимнее время, и давали обещание непременно перейти весной. Многие из таких оказались уроженцами правобережной Украины; недавно в разные годы по доброй воле перешли они на левую сторону от ненависти к польскому панству, а потом от страха быть под бусурманским владычеством, но, проживши на левой стороне, многое там им не полюбилилось и они стали порываться на прежние пепелища, примиряясь с мыслью, что очутятся в турецкой державе. Турецкой власти близко над собой они не испытали, а польских панов уже не боялись, зная, что король уступил весь край Турции¹. Переяславский полковник еще 5-го ноября, до появления Хмельницкого, писал к гетману, что расположил в разных побережных городах сторожевые козацкие отряды для удержания легкомысленного народа.

27-го января из-под Жовнина Юраска послал универсалы в городки Миргородского полка, требуя, чтобы к нему присылали выборных людей с поклоном, и грозя скорым пришествием турецких войск, после чего уже не будет пощады. Между тем Яненченко подходил к Лубнам, где заперлись лубенский полковник Ильяшенко и охотный Новицкий: они с козаками присягнули стоять крепко, но, по выражению гетмана, нашлись малоумные, которые стали склоняться к Хмельницкому. К счастью, против Хмельницкого шли миргородский и полтавский полковники с своими полками, а за ними Косагов из Сум; сам гетман выступил уже из Батурина и был в Конотопе. Полтавский полковник Левенец напал на Хмельницкого под Жовниным и заставил отступить к Лукомле; простояв там три дня и не успевши склонить жителей к сдаче, Юраска ушел за Днепр с 300 татар, а за ним последовал Яненченко, которого под Лукомлею чуть было не застрелили и которого спас только панцырь. Перешедши за Днепр, Хмельницкий отправился наскоро в свой Немиров, а Яненченко в свой Корсун; крымские же салтаны, прибывшие помогать Юраске, разошлись: Калга с исхудалыми лошадьми пошел в Крым, а Нурредин с 7.000 орды снова перешел на левую сторону, ударил на городки Миргородского полка, наловил ясыру, но на возвратном пути под Мензелевкою

¹ В гетманском письме в Приказ говорится: «тот стороны Украины жители, хотя на сей стороне беспрестанно за сторожею у меня обретались, однакоже беспрестанно различных способов употребляя, многие вывозились опять за Днепр на житье, не опасаясь, что заднепровская сторона через полные договоры поступит также в турскую державу, а к господам полякам никто из них не прибегает: знатно, же тягчайши суть чрез то над бусурмана, когда насильственно, что всему свету явно есть, и ныне неволят православных к своей уни, бусурманы же в неволи будучим христианам разумливии того не чинят, чтоб их имели чему не достоит приневоливати» (А. И. Д., св. 51, № 6).

напал на него Косагов с царскою ратью и с козаками, приданными гетманом из полков Гадяцкого, Миргородского и Компанейского. Они отняли ясыр, овладели татарским знаменем и чуть было не схватили самого салтана Нурредина: раненый из лука, он с остатком своей орды поворотил не по дороге, а прямо, по полям, пролагая себе новый путь в снегах, и так добрался он, преследуемый погонею 30 верст, до Днепра, перешел на другой берег, но за ним перешли русские, гнали его еще 35 верст до реки Малого-Ингульца, и так как за большими снегами далее гнаться было трудно, то воротились назад к Кереберду.

К эпохе зимнего вторжения Хмельницкого в левобережную Украину следует отнести нападение турок и татар на Сечь, за которым вскоре последовало последнее в жизни Серка победоносное вторжение в Крым с запорожцами¹. Крымский хан подал совет визирю сделать нападение на Сечу, выбравши ночь на Рождество Христово, когда, по его соображению, сечевики должны были ради праздника Господня быть пьяными². Визирь прислал 15.000 турок. Хан дал им лошадей и с своею ордою сам проводил их до Сечи благополучно и незаметно. Запорожцы, не ожидая беды, не расставили, как следовало, караулов. Орда обступила кругом Сечь, а янычары прошли в город, наполнили узкие улицы Сечи и всех бы могли забрать, но, на счастье запорожцев, один, занимавшийся сапожным ремеслом, проснувшись рано, отворил окно, заметил неожиданно явившихся чужих людей и всполошил козаков своего куреня. Началась пальба из окон, тревога сообщилась другим куреням, и вся Сеча принялась за оружие. Туркам неудобно было поворачиваться в тесных улицах, и когда козаки из своих окон поражали их выстрелами почти в упор, турки не могли направить своих ружей на окна и палили вверх на воздух. К рассвету неприятели были совер-

¹ Об этих событиях ни малейшего намека не нашли мы в современных архивных документах, хотя сохранились, по-видимому, все сполна сношения Сечи с Москвою; нет о них известия и в летописи Самовидца, верхнейшем летописном источнике. Они подробно описаны у Величка, но отнесены к 1674 — 1675 годам. Величко вообще такой мутный источник, что мы везде дозволяем себе пользоваться им с большою осторожностью и, если бы нигде, кроме летописи Величка, не находили известия об этом событии, то готовы были бы самое событие считать сомнительным. Но об этом событии есть известие, короче, чем у Величка, в летописном повествовании Ригельмана (стр. 166): там событие это отнесено ко времени покушения Хмельницкого на левобережную Украину.

² «Тогда завше войско звыкло гуляти и подпивати».

шенно побеждены; едва малая часть их успела ускользнуть из Сечи, и хан, видя, что янычарам не удалось, поворотил в степь с своею ордою. Утром запорожцы выволакивали трупы убитых и стаскивали в проруби под лед. Тогда Серко отправил хану замечательное письмо, укорял его в том, что он поступает не по-рыцарски, нападает тайком и выбирает такое время, когда войско гуляет; припоминал подвиги козаков над мусульманами и давал обещание с наступлением весны отдать крымцам надлежащий визит¹. И действительно, с наступлением весны Серко с запорожцами ворвался в Крым через Сиваш, козаки наделали опустошений и навели большой страх на всех обитателей полуострова и на самого хана. Возвращаясь обратно, козаки вели с собою отнятых у татар пленников: в числе их были так называемые «тумы» — дети христианских матерей или отцов, рожденные в Крыму во время неволи их родителей. Многие были совершенные татары, мусульманской веры, и не знали ни слова по-русски. В степи на стоянке, где козаки-стали пасти лошадей и варить себе кашу, Серко объявил тумам, что если они захотят, то могут воротиться в Крым. Порядочная толпа таких тум воспользовалась этим дозволением, объяснивши, что у них в Крыму есть жилища, а в Русской земле нет ничего. Серко отпустил их, а сам взшел на курган и провожал их глазами, пока они скрылись из глаз. Тогда он сбежал с кургана, крикнул на своих козаков и погнался вслед за ушедшими. Он догнал их и всех приказал побить, а потом, похоронивши их тела, перед всеми товарищами произнес, обращаясь к побитым, такие слова: «простите, братья, нам смерть свою, спите себе здесь до страшного суда Божия; лучше вам преждевременно умереть, чем жить бурсурманами и размножаться на наши христианские молодецкие головы и на свою вечную погибель, оставаясь без крещения». Воротившись в Сечу, он, по козацкому обычаю, подуванил добычу, состоявшую из множества скота и овец, и распустил на волю освобожденных христианских пленников мужского и женского пола, которых повели с собою запорожцы до полуторы тысячи. Это был, кажется, последний подвиг знаменитого запорожского героя.

После изгнания Хмельницкого из левобережной Украины Самойлович, по воле московского правительства и с совета старшин, решил истребить городки в Украине на правом побережье Днепра, и выселить оттуда на левую сторону весь остаток на-

¹ Это письмо надолго осгалось в памяти малороссиян и переписывалось летописцами в разных вариантах (Симоновский, Кратк. Опис. о Коз. Малор. напр., стр. 5 — 8. Ригельмана. Летоп. Пов. о Мал. Росс., часть II, стр. 167 — 170. Величко, II, 378 — 382).

родонаселения. Эта мысль давно уже заявлялась московским правительством, еще до второй чигиринской войны, но теперь ее исполнение казалось еще необходимым: оставшееся в малом числе население от бессилия покорялось Хмельницкому, а на правую сторону Днепра стали стремиться перешедшие оттуда ранее, увлекали за собою других, даже коренных левобережных уроженцев, и таким образом правобережная Украина могла снова заселиться, но уже оставаясь под турецким владычеством. Такая будущность Украины не согласовалась с выгодами московской державы. Оставляя правобережный край населенным, значило давать Хмельницкому возможность иметь подданных, из которых он мог набирать себе военную силу и посылать ее беспокоить левую сторону Днепра.

Гетман отправил сына своего Семена в качестве наказного гетмана с выборными сотнями полков Переяславского и Киевского и с компанейцами. Воевода переяславский Неплюев присоединил к ним царских ратных людей. 24 февраля они подступили ко Ржищеву, где находился присланный от Яненченка наказной корсунский полковник Трушенко и двое татарских мурз. Татары тотчас по приближении Семена Самойловича с козаками быстро ушли из Ржищева; козаки Самойловича за ними погнались, не мало их изрубили, а шестерых взяли в плен: те показали, что в городе Ржищеве осталось татар еще человек тридцать с мурзами; на маслянице Трушенко напоил их допьяна, и похмелье помешало им убежать из города; с самим Трушенко было до восьмидесяти козаков корсунских, деренковских и драбовских. Семен Самойлович послал Трушенку в замок письменное убеждение сдаться. Трушенко заупрямился. Тогда Семен Самойлович, с совета бывших при нем полковников и полковых старшин, вступил в неукрепленный посад (место), приказал построить туры, поставить на них орудия и палить в замок. Деревянные укрепления замка подались, козацкие пушки разбили три башни, но вал был высок, а ров глубокий, вломиться в замок было трудно, и Семен Самойлович предпринял вести осаду, хотя бы она продлилась многие дни. Повысили туры, так что ядра могли доставать в середину замка. У осажденных не доставало воды, ее заменяли снегом, но скоро снег потаял от огня; осажденные пили, вместо воды, свекольный рассол, но этого стало бы не надолго и не на многих. Осажденные выслали сказать, что сдаются. Тогда, 25 февраля, козаки вошли в замок, забрали в плен татар и козаков, стоявших за Хмельницкого, сожгли до основания и замок, и посад, а всех обывателей перевели в Переяслав и в Воронков, пленных же отправили в Березань и Барышевку. Участь Трушенка предоставили решить гетману.

Воротившись в Переяслав, Семен Самойлович присоединил к своему трехтысячному отряду еще 3.000 Нежинского полка и 3.000 полков Прилуцкого, Лубенского и конного охотного с их полковниками. 2-го марта отправился он снова в поход на Канев.

Канев покорился добровольно. Семен с козаками двинулся к Корсуну не по дороге, а прямо полем («манивцем»), думая захватить врагов врасплох. Яненченко только что отпраздновал заговенье и не успел еще отрезвиться; в корсунском замке, недурно укрепленном, было у него несколько десятков татар и столько же козаков из Жаботьжа, да стрелков из «Лисянских лесов»¹. Яненченко, услышавши о взятии Ржищева, хвастливо говорил, что Корсуна не постигнет такая же судьба, но как только 3-го марта явился под городом передовой отряд козацкого войска, татары тотчас из города пустились скорым бегом по направлению к опустевшей Лисянке. Яненченко, оставшись с незначительным числом своих, пожег около замка строения и стал стрелять на подступавших к замку козаков; но когда смерклось, подошли все козаки со всем своим табором; из Корсуна явились в козацкий табор двое товарищей Яненченка; они сказали, что Яненченко вознамерился ночью убежать, как только увидал, что козаков против него пришло много. По такому сообщению отправили козацкую сторожку загородить путь Яненченку; но Яненченко с несколькими товарищами в полночь вышел из Корсуна потайным ходом, пробрался между валами и убежал в поле. Поставленная караулить его сторожка не могла догнать беглецов, потому что у них лошади были быстры. Оставшиеся корсунцы на рассвете принесли повинную; татар, остававшихся еще в замке, побили, а знатнейших из них выдали. Семен Самойлович приказал всем корсунцам немедленно перебраться с семьями и с домашнею рухлядью за Днепр, найденные в Корсуне четыре железные пушки отдал Киевскому полку, а весь город Корсун с посадом приказал сжечь до основания.

4-го марта, поутру, Семен Самойлович двинулся к Деренковцу, Драбовцу и Староборью и вниз по берегу реки Роси. На дороге заранее являлись к нему жители с хлебом-солью, приносили повинную и привели связанных татар. Семен Самойлович всем жителям этих городков велел перевозиться с семьями и пожитками на жительство за Днепр, а самые городки приказал сжечь. Между тем, гадяцкий полковник с козаками и Косагов с царскими ратными людьми переправились через Днепр ниже и подступили к Жаботыну; поймавши какого-то жаботынца, они послали его в город увещевать жителей покориться царю, не допуская до нового кровопролития. Вместо требуемой покорности,

¹ Вероятно, это были малороссияне, занимавшиеся там охотою.

жаботынцы стали палить из пушек по передовым козакам, подступившим к городу, двух ранили, одного убили; но когда подступили остальные козаки, дух жаботынцев тотчас изменился: в наступившую затем ночь они учинили у себя раду и перед рассветом выслали священника с несколькими особами просить помилованья. «Будьте надежны на милость монарха и вельможного пана гетмана, — сказал полковник, — идите с семьями своими и пожитками за Днепр: там вам отведут жилье, да только подальше, чтобы опять не вздумали утекать на правую сторону». На протяжении от Жаботына до Чигирина уже начинались строиться селения для тех трех тысяч, которых Юраска выслал с левой стороны на правую. Все теперь было там разорено, и хаты, и мельницы, и всякое заводившееся строение, и самые церкви — все было предано огню. Всех людей погнали за Днепр с семьями и пожитками. От Жаботына Косагов и гадяцкий полковник двинулись к Черкассам, куда также с другой стороны шел Семен Самойлович. О сожжении Черкасс и о выселении тамошних обывателей в современных актах нет особого донесения, вероятно потому, что там было уже все пусто.

Это важное событие в истории Малороссийского края, по преданиям, осталось в народной памяти под названием «сгона»: остаток народонаселения правобережной Украины был теперь окончательно выведен оттуда по распоряжению власти (согнан), а Самойлович мог положительно верно донести московскому правительству, что вся правобережная Украина обезлюдела, и Хмельницкий, оставаясь в своем Немирове, не мог, как бывало прежде, вредить пограничным городам и селениям царской державы¹. Янненченко, потерявши Корсун, поместился в Хмельнике всего с 50 козаками, а Коваленко сидел в Кальнике с семидесятью.

За совершенный гетманским сыном поход царский посланец, стольник Карандеев, привез гетману Самойловичу царскую похвальную грамоту и дары, состоявшие в шелковых материях, расшитых золотом и серебром, собольих и горностаевых мехах и вооружениях.

Хмельницкий и прежде держался единственно турецким страхом, а добровольно малороссияне к нему не шли. Теперь же, владея незначительным населением в Подолии, он окончательно вооружил против себя всех своею алчностью и жестокостью. Во дворе у него выкопана была яма сажень 20 глубиною,

¹ «Все жители ржищевские, каневские, корсунские, староборские, мошениские, грабовские, белозерские, таганковские, драбовские, черкаские на сю сторону согнаны и от неприятеля отстранены, а города и села, и местечки, и деревни их, где они прежде жили на той стороне, все без остатку выжжены». (Арх. Юст. кн. 50, л. 667. Донесение Самойловича).

и в такой яме перебивали почти все зажиточные подданные, особенно бывшие орандари, державшие откупы при польском владении и успевшие зашибить себе деньгу; с кого захочет сорвать, того прикажет схватить, бросить в яму и держать, пока тот для своего избавления не отдаст всего, что у него есть; других приказывал бить палками, и немировскому сотнику Берендею, верно служившему Юраске, дано было 300 ударов по подошвам, отчего тот чуть не умер. Неутомимый товарищ Юраски и родственник Яненченко отступил от своего «князя», ушел к полякам и в сентябре 1670 года находился уже при воеводе русском во Львове. Скоро, однако, он опять повернул на прежний путь и написал к Каменецкому паше, что город Львов охраняет небольшое число войска и взять его нетрудно, если турки подойдут к нему тихо и неожиданно. Письмо это было перехвачено, и гетман Яблоновский приказал расстрелять Яненченка. При Юраске оставалось только 80 малороссиян козаков; кроме них было у него татар 800, волохов 200 и 28 сербов. Татары и турки, надеясь на потачку со стороны Хмельницкого, бесчинствовали, хватали и били жителей; одним словом, — говорил один современник немировец, — у нас такая неволя, что и в турецкой земле горше быть не может. Гетману Самойловичу сообщали, что немировцы только того и желают, чтоб козаки и московские войска пришли освободить их; гетману давались советы послать туда войско. Но не так легко было предпринять поход через опустошенную вконец правобережную Украину, где козацкое войско не могло себе найти никакого продовольствия, а возить за войском запасы в больших размерах в Малороссии еще не обжили. Один живший в Молдавии афонский архимандрит через письмо советовал Самойловичу исходатайствовать у московского царя обещание милости Хмельницкому, если он поддается великому государю. «Подайте ему хлеб, — писал архимандрит, — и уверьте его царским именем, что ему обиды не будет. Он, бедный, всякий день и час жалеет о христианстве. Я сам с ним беседовал. Отче, — говорил он мне, — я беду терплю, а с турком в войске иду! Что мне делать, невольнику? Что велят, то и приходится делать! Хочется Хмельницкому к вам, только боится Сибири. Выпроси у государя обещание милости и увидишь, какая срамота постигнет турок и как они сердце потеряют». Самойлович сообщил такой совет в Москву, и на это последовала царская грамота, где было сказано, что Самойлович в этом деле может поступать по своему усмотрению, и если Юраска подлинно пожелает быть в государственной милости и в послушании у гетмана, а от бусурманского соединения и от прежних своих злых дел отстанет, то великий государь повелит отпустить вины его; пусть он едет к гетману без опасения!

Было ли потом дальнейшее сношение с Хмельницким — не знаем. Быть может, вскоре постигшая его кончина, которой точного времени современники не указывают, помешала этому.

Крымские власти помышляли уже о мире с Москвою: и крымский хан, и Калга-салтан дважды писали об этом царю. В июле 1679 года царь отвечал, что готов мириться, если турки и татары не станут более беспокоить царской державы. Но к Самойловичу приходили вести из турецких владений, что падишах и визирь хотят с большим войском идти войной на Киев, и в виду таких слухов в Киеве целое лето великороссийские ратные люди и малороссийские козаки производили работы по возведению и исправлению укреплений, а стольник Перхуров с 15.000 войска стоял близ устья Самары, ожидая появления неприятеля.

Но среди таких воинственных предосторожностей между Москвою и мусульманскими державами велись сношения о мире. Были посланы думные дворяне: Даудов в Турцию, а Сухотин в Крым. Вдруг являются в Москву польские послы Бржостовский и Гнинский и предлагают заключить союз христианских государств против магометан. Тогда послан был дьяк Емельян Украинцев спросить об этом мнения малороссийского гетмана.

Самойлович с совета старшин представил, что неудобно вступать в союз против турок и отправлять русские войска в турецкие владения. Он от имени всего малороссийского народа просил о скорейшем заключении мира с Турциею и Крымом, однако не иначе, как на выгодных условиях, с тем, чтобы границею от Турции был Днестр или по крайней мере Буг, но в последнем случае так, чтобы пространство от Днепра до Буга оставалось незаселенным для избежания взаимных ссор. Кроме своего мнения, он указывал также на мнения Серка и запорожцев¹. На случай, если бы мусульмане упрямылись, гетман советовал быть готовыми к войне и обороне Киева.

Советы, данные гетманом, были приняты в Москве, и польские послы, приезжавшие толковать о союзе против турок, уехали в ноябре без успеха.

Всю следующую зиму, а затем весну и лето 1680 г. Малороссия была в тревоге ожидания турок и татар. Печерские монахи заранее просили у великого государя права скрыться в брянских

¹ «Атаман Иван Серко говорил, же «зо всех мер потреба абы его царского величества полномочные особы по Бог реку землю межи великим государем нашим и межи турчином розграничили; бо тот увесь степь от Богу реки к Днепрови лежачий его царского величества державе велде есть потрібный, потому что з того, степу многие у Днепр плывут речки, якие здавна войску запорожскому належали, без которых як ныне, так и впредь войску запорожское жити не может...». (Арх. Иностр. Дел, подлинн. № 358).

и трубчевских монастырях в случае нашествия турок на Киев. Самойлович наблюдал за работами над укреплениями против Межигорского монастыря. Серкó сообщал, что мугамедане злятся на Сечу, и умолял прислать заранее туда военную помощь. По-сылая в Приказ письма Серкá, гетман, однако, доносил на своего давнего соперника и недоброжелателя, что он принимает от короля польского тайных посланцев, старающихся склонить запорожцев к поступкам, угодным Польше, но не полезным для московской державы, и держит при короле от себя какого-то крещеного татарина, своего племянника.

Однако неприязненное отношение между гетманом и кошевым прекратила смерть Серкá, постигшая его в пасеке близ Сечи, 1-го августа 1680 года. Извещая об этом событии гетмана¹, новый кошевой атаман Иван Стягаило писал, что товарищи запорожские взяли на Азовском море турецкий корабль, и пленные турки объявили, что дожидаться турецкого султана с войском в этом году нечего, потому что ему угрожает война с французским королем, и, быть может, только незначительные орды сделают набег на Украину.

Действительно, тревога оказалась напрасною: татары, точно, нападали на берега реки Мерли в слободской Украине, а весной загоны их появлялись около Киева. Но тем тогда и ограничились. Носились слухи, что приходившие загоны были передовые силы турок; страх бусурманского нашествия до того охватил было весь малороссийский народ, что гетман не нашел запрячь посполитых людей для доставки хлебных запасов в Киев на продовольствие царских ратных людей. Войско было в сборе даже еще и в начале 1681 года, однако силы неприятельские не появлялись.

Тогда, в виду скоро могущего последовать примирения с мусульманами и уступки опустелой правобережной Украины, отправлены были гетманом в Москву посланцы: знатный войсковой товарищ Мазепа и гадяцкий полковник Михайло Васильевич, племянник гетмана, толковать о важном деле.

¹ Ознаймуем, же з воле Божои славної памяти на пана Серкá Ивана атамана кошевого нашего в семь году августа 1-го пришедши час смертний взял от нас его с земного мешканя, которого мы з жалем нашим отстрадавши обычаем христианским з набожным обрядом церковным поховалисьмо тело его при коше на поли августа 2-го» (Арх. И. Д., подлинник № 379). Могила Серкá сохранилась до сих пор близ села Покровского, в деревне Капиловке, в огороде, принадлежащем двору одной вдовы. Это — невысокий холм, на вершине его стоит каменный крест с надписью, гласящею, что 2-го августа 1680 года там погребен кошевой атаман Иоанн Дмитриевич Серкó, скончавшийся 1-го августа. Мы видели эту могилу, посещая место бывшей Запорожской Сечи. Кроме могилы Серка, близ той же деревни Капиловки сохранились две или три других могилы простых запорожских товарищей, также с каменными крестами.

Гетман представлял, что не знает, как ему поступить со множеством переселенцев с правой стороны Днепра, которых оставалось еще тогда в гетманских владениях более 20.000 семей, кроме тех, которые, перешедши на левый берег Днепра, успели уже уйти на новоселье в слободские полки. «Обнадежены они, — доносил гетман, — милостивыми государевыми грамотами, что им на сей стороне Днепра учинено будет всякое довольство, но до сих пор довольства никакого не учинено; просятся они на ту сторону Днепра на свои прежние поселения, но их на ту сторону не пускают». Нескольким раз уже гетман говорил об этом боярину Василию Васильевичу Голицыну и стольнику Михаилу Головнину, но указа о том от великого государя не последовало. Теперь Мазепе и гадяцкому полковнику поручено было сообщить чрез боярина Василия Семеновича Волконского словесную просьбу о том, чтобы скитающихся «межи дворы в малороссийских местах» правобережных прочан поселить на белгородской черте в слободских полках, потому что в Малороссии негде селить их. Гетман умышленно не дал на письме никакой инструкции о более точном распределении мест для новопоселенцев, желая во всяком случае удержать их после поселения на новых местах под своим управлением. Когда боярин Василий Семенович Волконский спросил посланцев, где желают гетман и старшины поселить их, посланцы объявили, что указания никакого не имеют, а думают — что у гетмана мысль поселить их в слободских полках, с тем, чтобы все слободские полки находились под его гетманским управлением¹. На это последовал такой ответ: по белгородской черте уже построено много городов и сел и деревень, и в них поселилось не мало жителей; все эти слободские жители исправляют по белгородской черте городские работы и посылают людей стоять в укреплениях для осторожности из опасения прихода воинских людей, а судом и расправою ведаются у бояр и воевод Белгородского разряда, а потому в тех местах невозможно поселять вновь перешедших из заднепровских городов.

Здесь желания малороссиян столкнулись с противоположною им политикою московскою. По мере опустения правобережной Украины возрастало население слободской Украины, пространства, занимаемого четырьмя слободскими полками: Харьковским, Ахтырским, Сумским, Острогожским. Возрастание это шло чрезмерно быстро: с каждым годом возникали слободы за слободами, но все-таки пустых мест было так много, что достало бы для гораздо

¹ Жителям селиться по белгородской черте в новопостроенных городах и слободах в Сумском и в Ахтырском и в иных полках, потому что в тех местах поселились и живут малороссийских же городов жители, их отцы и братья, и дядья и племянники, и чтоб тем жителям поселясь в тех полках были под его ж гетманским региментом» (Арх. Юст., столбец № 5967 — 156).

большого количества населения. Переселившиеся жители были и козаки, и посполитые¹. И те, и другие, переходя на новоселье, зависели не от гетмана, а от Белгородского разряда. Естественно было у малороссиян желание, чтоб их земляки находились все под единым-управлением. Так точно, как прежде думали о соединении правобережной Украины с левобережною, так теперь, после опустения правого берега, место правобережной Украины заняла слободская. Желание гетмана и старшин подчинить этот край гетманскому регименту казалось тем законнее, что в слободской Украине селились не только правобережные прочане, но к ним примешивались и левобережные, искавшие себе на новоселье лучших льгот. Гетманщина теряла таким образом и своих жителей, и доходы, собираемые с посполства. Притом между слободами, прилежавшими к Гетманщине, и жителями гетманского регимента происходили недоразумения и споры за земли, которые разрешать было трудно, так как рубежи Гетманщины, за которыми начинались пустые поля, были тогда не точны, неопределенны и не общеизвестны. Так, поблизости к Конотопу явились слободы: Бочечки, Козацка Дуброва, Грузкое, и в эти слободы бегали на поселение из Гетманщины. В Гадяцком полку шел многолетний спор между опошенскими жителями и новопоселенными в слободе Рублевке над рекою Мерлом. Слобожане овладели землями и лесами между Мерлом и Ворсклою, а опошненцы показывали притязание на прежнюю принадлежность этих земель Опошне. Опошенские козаки, убегая от частой службы, переселялись на слободы, и особенно после второй чигиринской войны Опошня потеряла их много. То же делалось и в Полтавском полку: полтавский полковник Черняк доносил, что на Коломаке завелась слобода, населенная пришлыми с правой стороны Днепра людьми, которые захватили пасеки, лесные заводы и сеножати знатных товарищей Полтавского полка. Полтавцев беспокоили слухи, что скоро заведено будет еще более слобод к устью Коломака, к вершине Орели, на Орчике и на Берестовой, а также и на Самаре. С другой стороны, и новопоселенные слобожане терпели от старожитных козаков и жаловались, что товарищи полтавские и миргородские завели себе в пустых местах хутора и пасеки, ловят рыбу и зверя, и ради своих корыстей не допускают пришедшим из-над Буга и Забужья заводить слободы на Орели. Таким образом, для пресечения всех этих жалоб гетман добивался власти над слободскою Україною, а вместе с тем и права переводить

¹ В Харьковском полку было тогда козаков: в городе Харькове — 10 сотен, в городе Золочеве — три, в городах Валках, Змееве и Ольшаной — по две, в городках Мерефе, Соколове, Салтове, Печенежской слободе и Волчьих Водах по одной (А. И. Д., св. 56, № 16).

назад на прежние места жительства самовольно ушедших в слободы. Московские власти, не желая ни в каком случае отдавать из Белгородского разряда слободских полков гетману, отвечали его посланцам:

— Пусть гетман укажет поселить правобережных где-нибудь на порожних землях, кроме слободских полков, и тогда эти новые козаки пусть останутся под его regimentом.

Гетманские посланцы на это заметили, что за многочисленностью невозможно поселить их в крае, принадлежащем к гетманскому regimentу, и снова просили отдать слободской край под гетманский regiment, указывая, что если бы недоставало земли для их поселения, то можно будет прибавить диких полей, прилегающих к реке Донцу-Северскому.

— Если, — сказал им боярин Волконский, — поселить их по Северскому Донцу, то им придется быть в службе со слободскими козаками в Белгородском разряде, а если их оставить под гетманским regimentом, то у них со слободскими жителями будут происходить ссоры за земли и уголья. Сами же вы говорите, что с правой стороны Днепра перешедших теперь будет у вас тысяч двадцать и больше: для такого большого числа нужно много места! Сами знаете, что Лебедин и иные слободские городки в близости с малороссийскими городами находятся в непрерывных ссорах, и если тех новых правобережных поселить по соседству с слободскими, то у них будут ссоры.

— На сю сторону, — сказали посланцы, — с той стороны Днепра перешло одиннадцать полков, но теперь их осталась у нас одна треть, а две доли пошли прежде в слободские полки и там живут. Пусть бы великий государь указал полки слободские, населенные малороссиянами — Сумский, Харьковский, Ахтырский и Рыбинский — отдать под гетманский regiment, потому что все эти полки, как и гетман и все войско запорожское, такие же малороссияне и одного государя подданные, и тогда бы гетман ведал, где этих правобережных жителей расселить, и над всеми начальствовал бы гетман, как ныне бояре начальствуют.

На это боярин, не представляя причин, почему московское правительство не соглашается исполнить желание малороссиян, так настойчиво заявляемое, в виде отговорки сказал, что уже указано послать межевщиков для проведения рубежей между слободским краем и малороссийским, состоящим под гетманским regimentом.

По этому поводу Мазепа сказал: «Нам сомнительно, что указано отмежевать и отграничить слобожан от нас. Межевать их не для чего: и слободская Украина, и малороссийские города — под державою одного великого государя, и все жители — и в том, и в другом крае — его верные подданные».

На это посланцы получили окончательный ответ в таком виде: «Великий государь укажет послать добрых дворян рассмотреть и описать порожние земли, годные к поселению, и сообразить, сколько на них можно поселить людей, наделивши их пашнями и санными покосами, а по описи таких земель, гетману будет сообщен царский указ о поселении оных заднепрян.

Между тем дело примирения с Крымом и Турциею шло к концу. В Крым (в сентябре 1680 года) отправлен был стольник Василий Тяпкин с дьяком Никитою Золотовым. Проезжая через Малороссию, они были у гетмана 8 дней. Самойлович отправил с Тяпкиным в Крым от себя войскового товарища Раковича, «значного человека, бусурманских языков и латинского языка сведущего».

Посольство прибыло в Крым в последних числах октября 1680 года. С первого раза мурзы, которым от хана поручено было вступить в переговоры, заявили, что мир иначе не может состояться, как только тогда, когда границею между владениями российскими и турецкими будет Днепр. Русское посольство отвергло такое домогательство. Привезли пленного боярина Василия Борисовича Шереметева и задержанного царского гонца Сухотина; требовали, чтоб они, с своей стороны, убеждали соотечественников согласиться на днепровскую границу. Пленники не хотели поступать по желанию мурз; пленников засадили в земляную тюрьму. Тяпкин и Зотов все-таки не поддавались, упорно стояли на том, чтоб границею была река Буг. Прошло два месяца. Царских послов пугали, что татары начнут делать разорения в украинских землях Московского государства. Соображаясь с своим тайным наказом, где им дозволялось делать уступки в крайнем случае, послы объявили, что согласны изменить свои требования, если им позволят переговариваться с самим ханом. Хан дозволил — и, после объяснений с ним, послы представили ему проект шертной (перемирной) грамоты в татарском переводе, а хан сказал, что отправит ее к турецкому падишаху. Прошло еще два месяца. 1-го марта 1681 года ханский ближний человек Сулешов объявил, что пришло утверждение от падишаха и послы должны быть на отпуске.

Послы просили мурз показать им шертную грамоту в том виде, в каком она утверждена падишахом, но мурзы с гневом и досадою сказали им:

— Вы разве приехали сюда учить государей наших и московские обычаи к нам вводить? Берите то, что вам дают. Всякий государь волен в своем государстве делать, что хочет. Не учите нас и не указывайте нам, а то хан свою шертную грамоту и турецкого султана грамоту пошлет к вашему царю с своими послами, а вас велит заковать в кандалы и зашлет в вечную неволю.

Послы ссылались на ханское обещание, что им хотели дать грамоту против образцового письма, которое они подали хану. Им отвечали:

— Как, надобно было писать, так хан и велел написать. Вы же будьте готовы к отпуску, когда вас позовут.

Их позвали к хану на отпуск 24-го марта. Хан был тогда в поле в шатре, близ Бахчисарая. Там присягнул он на коране хранить шертную грамоту в течение перемирных двадцати лет. В том же присягнули салтаны Қалга и Нуреддин. Отпуская Тяпкина и Зотова, Мурад-Гирей сказал:

— Пусть брат наш, великий государь, пошлет к турецкому падишаху своих послов с любительными поминками вскоре и не мешкая. Смотрите, чтоб от державы великого государя, с Дона и Запорожья, воинских задоров не было ни морем, ни сухим путем. Поезжайте через Малороссийский край: пусть там народ ведаёт о нашем мирном постановлении и никаких зацепок против нас не позволяет себе делать.

Примирение с Крымом в главном основании было посердцу гетману и старшинам, но тяжело отозвалась им утрата правобережной Украины. Когда Тяпкин на возвратном пути, проезжая через Малороссию, прибыл в Батурин, его дважды приглашали к обеду, торжествовали заключение мира пушечными выстрелами, но гетман перед Тяпкиным и старшинами со вздохом сказал:

— Отошла-таки заднепровская сторона; прежде я писался гетманом обеих сторон Днепра, а теперь уже так писаться мне нельзя! Пусть бы хоть великий государь умилосердился над народом, который жил на правой стороне, а ныне скитается без пристанища; будет он смотреть на свои прежние пожитки, пашни и угодья, оставленные за Днепром, и приходиться в негодование. А я в Малой России не имею угодных мест и земель, чтоб им дать на поселение. Да и левой стороны посполитый народ станет нарекать на меня, потому что ся сторона тою стороною живится: возят лес на городовое и на дворовое строение и на дрова, промышляют там звероловством и рыболовством. Указал бы великий государь поселиться тем людям в слободских местах около Сум, Ахтырки, Харькова, Богодухова, Ольшанки, Змеева, Торца и в иных тамошних местах. А как те люди там поселятся, тогда указал бы великий государь отдать весь тот край — полки: Сумский, Ахтырский, Харьковский и Рыбинский — под мой гетманский regiment: этим можно бы народ малороссийский возвеселить и на ту сторону Днепра не отпустить в вечное порабощение под иго мусульманское, в пожиток поганству. Я же, гетман, паче прежнего со всяким усердием радетельство мое казать буду. А если великий государь не укажет им так поселиться, то опасно,

чтоб те люди, не истерпя своей нужи, не отошли бы в заднепровскую сторону, не поселились бы там под бусурманскою властью и потом не чинили бы смут и ссор.

Об этом снова заявлял Самойлович с своим особым посольством и в Приказ, но получил ответ, что надобно дожидаться царского указа. Московское правительство никогда не согласилось бы сделать того, что было угодно для малороссиян, но что казалось опасным в видах московской политики.

Получивши известие о перемирии, гетман сообщил в Сечу, что в течение перемирных двадцати лет запорожцы могут ловить рыбу от верху до низу в Днепре, но должны соблюдать мир с татарами и предавать наказаниям своевольников, которые задумают идти за татарскою добычею. 15-го апреля последовал универсал ко всему малороссийскому народу с объявлением о постановленном мире, по которому правая сторона, кроме Киева с его окрестностями, должна оставаться в турецком владении вполне незаселенною, и ни с той стороны на сю сторону, ни с сей на ту не позволялось переходить на жительство. Гетман приказывал воинским людям не ходить с ватагами и не чинить убытков крымскому и турецкому государствам под страхом смертной кары за непослушание, и всякий, кто замыслит с места своего жительства на левой стороне переходить на правую сторону и иным подавать собою пример к непостоянному житию, тот подвергнется без милосердия отобранию всего своего имущества и всегдашнему сидению в тюрьме.

3-го ноября 1681 года в Переволочне происходило трогательное и радостное для русских событие — последствия мира с Крымом и Турциею. Татары привезли боярина Василия Борисовича Шереметева, взятого в неволю под Чудновым в 1660 году и с тех пор сидевшего в тяжком заключении в Мангупе. На одном днепровском берегу стояла орда с Каплан-мурзою, на противоположном — пешие и конные царские ратные люди. С русской стороны положили в лодку окупные деньги и отправили к другому берегу, а с противоположной стороны повезли татары в лодке боярина. Его принимал князь Петр Иванович Хованский и козацкие старшины с гадяцким полковником. Когда приблизилась лодка к берегу, князь Хованский отделился от других и поехал в шатер государев, нарочно устроенный для приема освобожденного боярина. Приставшего к берегу Шереметева встретили залпом из пушек и мелкого оружия, потом подвели ему коня и проводили с немалым числом конных к государеву шатру. Когда боярин подъехал к шатру, забили барабаны и литавры, заиграли трубы, сделаны были ему две почетных встречи и все «здравствовали» его с освобождением от неволи, продолжавшейся 21 год. Боярин кланялся всем до земли, потом сели все за

накрытый стол и тешились дружескою беседою. «И мы, — говорит гадяцкий полковник, — не могли отговориться, чтоб не учинить тому освобождению здравствования». На другой день последовало освобождение сына князя Ромодановского Андрея, а потом и множества других русских невольников по росписи.

С заключением мира совершенно исчезает из истории Юраска Хмельницкий. Конец его не записан ни в каких известных нам современных ему документах, и в бахчисарайском договоре уже нет о нем помина. В летописи Величка рассказывается, что, проживши несколько лет в Немирове, этот поставленный от турок князь малороссийской Украины отличался страшными тиранствами над подданными, перемучил многих совершенно невинных и однажды приказал схватить и привести к себе богатого иудея Оруна. Иудей, остерегаясь беды, убежал, вместо него взята была и приведена к Хмельницкому его жена. Юраска, обвиняя и мужа и жену за то, что без его дозволения отправили свадьбу своего сына, приказал живьем облупить еврейку. Орун, узнавши о таком варварском поступке над своею женою, приехал в Каменец, подал паше жалобу на Хмельницкого и выставил на вид ряд свирепостей, совершенных им над многими другими. Каменецкий паша донес о том в Константинополь. От верховного двора получено было повеление произвести о его поступках розыск и судить его. Юраска, призванный в Каменец, не мог оправдать себя против улик, представленных Оруном и другими лицами. Трое пашей вывезли Юраску из Каменца к Дунаю, у конца моста дунайского произнесли ему смертный приговор, а янычары, по данному приказанию, накинули ему на шею снурок и удавили. В этом рассказе есть правдоподобное, потому что он сходится с известными нам из современных документов сведениями о том, что Юраска Хмельницкий, властвуя в Немирове, был чрезмерно жаден и свиреп. Но, вероятно, расправа над Хмельницким произошла не на Дунае, а в Константинополе, потому что посланный в Турцию от польского короля Гольчевский, в октябре 1681 года, встретил Юраску на дороге в Константинополь; его вели 50 турок, а с ним было несколько козаков; он казался очень хворым, и говорили, что обещал он принять ислам. В народе сложилась о Юраске такая легенда. Когда турки проводили Юраску к Чигирину, то, подступивши к Суботову, визирь приказал ему выстрелить из пушки в верх церкви, построенной Богданом Хмельницким, и тем доказать, что он искренно побасурманился. Юраска сделал угодное мусульманам и услышал над собою такой Божий приговор: проклят ты, и земля тебя не примет, и будешь ты скитаться по земле ни живым, ни мертвым многие века! — С тех пор ходит он по Украине ни жив ни мертв, и чумаки где-то видели его.

ХІІІ

Попытки со стороны Турции к заселению правобережной Украины. — Дука и Драгинич. — Письма и универсалы их. — Жалобы Самойловича. — Объяснения с московским Приказом через Мазепу. — Назначение мест для поселения прочан. — Польские интриги. — Враги Самойловича. — Кончина царя Федора. — Утверждение мирного договора с Турциею в Константинополе. — Критика этого договора, составленная Самойловичем.

Тогда как с русской стороны свято исполнялся мирный договор, постановленный в Бахчисарае, и Самойлович всеми мерами старался не допускать заселения правобережной Украины, с турецкой стороны не с такою честностью относились к этому вопросу. Турецкий султан отдал Украину, как свое завоеванное достояние, во владение молдавскому господарю Иоанну Дуке. В противность статьям мирного договора, Дука приказал заводить там слободы, нарек новым козацким гетманом Яна Драгинича, а последний тотчас назначил полковников козацких в Корсун и другие города, которые предполагалось возобновить. Эти лица носили тогда название осадчих или осадников, оттого что их главное дело было осаживать новых поселенцев на опустелых местах. По левобережной Украине стали ходить в народе универсалы молдавского господаря, завлекавшие народ на слободы обещаниями льгот: расчет был явный — приманивать малороссиян из-под царской державы. Самойлович в марте 1682 года через посланца своего Мазепу извещал Приказ, что универсалы эти производят волнение на левой стороне Днепра: не только оставшиеся без поселения правобережные прочане, но и коренные левобережные малороссияне и даже жители слободских полков стали порываться на правую сторону Днепра, прельщаясь льготами, которые в воображении представлялись в преувеличенном виде¹.

Мазепу, привезшего в Приказ зазывные листы Дуки и Драгинича, спросили:

¹ Из письма Драгинича к Леонтию Полуботку, полковнику переяславскому: «Имеем вручением от ясновольможного господина воеводы и господаря земель молдавских и земель украинских. А то из явственного изволения самого цезаря Порты Оттоманской, роздал есьм полки на сей стороне Днепра кроме киевского украинские достойным людям, которые полковники от нас поставлены, дабы вольно призывали своих полков людей на те же пепелища, отколь вышли и где родилися; равным подобием и Губаренко полковник корсунский вручением имеет от господаря тамошних мест полку корсунского, которые есть в Украине в даче наияснейшей Порты, людей откуда ни буди призывати старожитных корсунских, уготовляя тем вольное возвращение на их подлинные жилища».

Универсал молдавского господаря Губаренку на зазыв людей в слободы:

— Не приманивают ли народа к переселению обещанием вольного производства винного питания?

— Это приманка соблазнительная, — отвечал Мазепа, — потому что в крае гетманского регимента винная продажа отдана на откуп, устроены оранды, и никому не вольно держать питания, а прежде того не бывало. Людям, которые от того питались, это не без досады.

— Нельзя ли отменить оранд? — спросили Мазену.

— Невозможно, — отвечал Мазепа. — Нечем будет содержать охотное войско.

— Но война прекратилась, и охотное войско можно распустить, — заметили в Приказе.

Мазепа сказал: Если охочих козаков распустить, то они все пойдут на ту сторону к Драгиничу, и от тех людей станется ссоры и задоры. Люди они бездомовные и привыкли жить в своевольстве: таким людям молдавский воевода будет рад.

— А нельзя ли обмыслить иных доходов на содержание охотного войска? — спросили в Приказе.

— Иных доходов взять негде, — отвечал Мазепа. — Если арендные сборы оставить, то придется положить на посполитый народ побор, а это будет малороссийским людям еще противнее. Нынешний арендный откупной доход только тем людям противен, которые прежде держали шинки, да и тем, правду сказать, досадовать нечего. Кто захочет, тот и теперь может тем промыслом промыслять, пусть только явится к откупщику; а побор, положенный на весь посполитый народ, всем равно будет тягостен.

Опасение, чтоб народ, перешедший с правого берега на левый и скитавшийся без приюта, не уходил по призыву Дуки и Драгинича за Днепр, побуждало скорее назначить место для поселения правобережных прочан. В марте 1682 года приехал в Батурин Косагов и привез Самойловичу чертеж новопоказываемого края и план

«Ведомо чиним сим нашим универсалом, кому токмо ведати о том надлежит. Жителям корсунским и всем того полку как войсковому товариству, так и посполитым людям доброго от Бога восприяти здравия желаю и спокойного жития. Скоро по отобрании владательства украинской земли тотчас тшательно почал есмь прилагати радение, дабы опустошенная Украина вновь цвела в поселении людей. Корсунь место и весь полк к Корсуни належачий дал есмь в поселение уроженому и мужественному и в делах военных искусному господину Ивану Губареве осаду и полковничество корсунское, чтоб людей со всех сторон как давних жителей, так и новоприходящих сбирал, которым-то людям дает свободу на 15 лет, что ни меньшей од нас обиды не увидят, и паче позволяем вино сидети, мед ставити, пива варити и всякие вольности себе употребляти, якие и прежде сего бывали, и от татар ни малья препоны иметь не будут и купцем торги свои различные отправлять милость нашу объявляем, что для лучшей веры руку свою подписую и печать из канцелярии нашей приказали приготовить. Из Немирова, ноября 20-го 1681 года. Дука воевода.»

строения вала, который должен будет охранять этот край от татарских нападений. Мысль о возведении такого вала была уже давно, но откладывалась по военным обстоятельствам, отвлекшим внимание в иную сторону. Край, назначаемый для поселения прочан, занимал южную часть нынешней губернии Полтавской, частицу Харьковской и северные полосы уездов Екатеринославской губернии: Новомосковского, Верходнепровского, и Павлоградского. Косагов привез гетману соображения о возведении вала трудом малороссийского народа¹, а Самойлович представлял причины, по которым затруднительно было гонять на такие работы людей из полков гетманского регимента, притом замечал, что если бы означенные по чертежу крепости и засеки и были устроены, то жители полков Полтавского и других не были бы совершенно защищены от татарских набегов. В заключение Самойлович обещал на следующий год сам лично или через доверенное лицо сделать осмотр края, назначенного для поселения. Вал, тогда предпринятый, был продолжением уже прежде сделанного вала, шедшего от Велуек к Царевоборисову, а оттуда до Валок и до реки Коломака. Новая черта долженствовала быть ведена по одной линии вдоль реки Коломака до устья ее в Ворсклу, а по другой линии от Водолажского ровка по Берестовой и по Орели до городка Нехворощи.

Между тем Дука и его подначальные «осадчие» продолжали сманивать малороссиян, и те с левой стороны тайком пробирались на правую, несмотря на поставленные сторожи. Самойлович в июле 1682 года писал об этом к Дуке, но господарь отвечал, что он отнюдь не покушается сманивать подчиненных гетману царских подданных, а только возвращает на прежние места жительства правобережных людей, которые стали законными подданными Турции тем самым, что их родина уступлена была по мирному договору Тур-

¹ «Чертеж краю украинного од вершины речок в Донец котючих, а з вершин речок в Днепр идучих до самого берега Днепрового протягуюча-гося виделем и местца в устю речок Берестовенки и Верестовой и пониже устья речки Орчика также и в низу речки Коломака на осаду людей назначенные врозумелем. На том чертеже показал мне енерал и воевода Григорий Иванович Косагов, же взявши од Водолажского ровка через Муравские шляхи до устья речки Верестовенки, а оттоль по речке Верестовой до речки Орели, а по речке Орели до городка Нехворощи потребно быти помененому валу, а вал тот чтобы был учинен и иншие крепости яких указывает потреба абы были зделаны працею малороссийских людей. А так что я усте о том деле енералу и воеводе Косагову говорилем, тое и листовне вашему царскому величеству найпокорне ознаймую, же регименту моего люди именно полтавского и инших полков украинских жители такому крепостей оных строению не могут выдолати, а других полков переяславского, киевского, черниговского, стародубского, нежинского, прилуцкого и лубенского обыватели оттого на вовый вал назначенного местца в далекой одлеглости находятяся и гнати их на работу зглола трудно». (А. И. Д., подлинники, № 411. Письмо Самойловича в Приказ).

ции. Кроме зазывных универсалов, приманивавших к переселению обещаниями льгот, употреблялись и другие меры: назначенный в Чигирин полковником Уманец тайно подсылал на левый берег Днепра поджигателей с тою целью, чтобы заставить потерпевших от пожаров жителей искать новоселья и бежать на правый берег.

Самойловичу приходилось бороться с тайными врагами внутри управляемого им края. В Конотопе какой-то великороссиянин Афонька болтал в народе, что козаки соберут в Путивле раду и позовут гетмана на расправу, а если не поедет, то возьмут и силою. По гетманской жалобе велено было Афоньку, если окажется виновным, казнить смертию. В киевском Кирилловском монастыре схвачены были чернецы, прибывшие из польских владений, агенты принявшего унию епископа Шумлянского. У них найдена инструкция и письма оскорбительного содержания как для московского правительства, так и для гетмана. Чернецы эти приходили с целью распространять между малороссиянами неудовольствие к Москве и склонять их к Польше, уверяя, что Речь Посполитая стала совсем иная, что теперь там уже не будет гонения на православие, народ не станет терпеть от панов и все будут жить в вольности. Привезенные ими писания были отысканы одно в узелке, положенном в ведро с дегтем, а другие вдолблены в край телеги. Чернецы имели поручение обещать именем короля деньги и почести знатым козацким лицам, если покажут склонность к королю. Самойлович препроводил этих монахов в Москву на расправу, а из Москвы их заслали в Троицко-Сергиев монастырь. Вслед за этими чернецами прибыл из Польши такой же эмиссар Искрицкий. В качестве союзника русского царя, крымский хан был уведомлен письмом от Самойловича о том, что поляки побуждают Россию к вражде против Турции и Крыма, но русский государь предпочитает возобновленную «старинную предковскую и приятельскую приязнь» с ханом всяким лживым и хвастливым подущением ляхов, которые хвалятся, «что против их лядское валечное шабли никто не постоит».

И свои малороссийские враги делали смуты и козни против Самойловича: некто поп Денис подучал жителей Опошни и Котельвы бежать на правую сторону Днепра в слободы; его за то сослали в монастырь, объявивши, что избавляют от смертной казни только по случаю кончины царя Феодора.

Торговые люди, ездившие в Малороссию по своим делам, произвели тревогу в народе своими рассказами о стрелецких восстаниях, происшедших в Москве после кончины царя Феодора Алексеевича. Слыша об этом, малороссияне начали толковать, что не дурно было бы и в Малороссии подняться народу, перебить и обобрать значных старшин и орандарей, возбудивших против себя народную ненависть. Самойлович узнал о таких толках впору, написал к народу успокоительный универсал и сообщил об этом боярину Васи-

лию Васильевичу Голицыну¹; по его донесению дан был из Москвы указ боярину хованскому, начальствовавшему белгородским краем — подтвердить торговым людям, чтоб они под опасением смертной казни не смели рассеивать в народе пустых речей.

Гетман получил из Москвы сообщение о том, что дьяк Прокофий Возницын прислал утверждение турецким султаном бахчисарайского договора, которого и копия прислана была на просмотр и замечание Самойловичу. Гетман отправил в Приказ интересное донесение, заключающее критику этого договора, составленную от лица гетмана и всех старшин. Он указал, что в грамоте турецкого султана сделаны изменения против бахчисарайского договора: не сказано о дозволении запорожцам ловить рыбу и зверей в низовьях Днепра; выражено, чтобы не строить вновь городов и не поправлять старых на обоих берегах Днепра, тогда как в бахчисарайском договоре это касалось только правого берега, где уже не было городов, а не левого. Турецкий султан оставлял за собою право заводить селитьбы между Днепром и Бугом, тогда как царские послы имели повеление настаивать, чтоб этот край оставался незаселенным и татарам не вольно было там кочевать. Но более всего находил гетман вредным, что в султанской подтвердительной грамоте было сказано, чтоб с русской стороны не чинить никакого задержания посполитым людям, которые с левой стороны Днепра пожелают перейти для жительства на правую сторону в турецкие владения². Самойлович

¹ «Досадны нам зело нерассудных людей великороссийских слова бездельные, что меж народом нашим неразмьшленно вносят раскол, толкуя везде черни тот случай, который в царствующем граде Москве по допущению Божию великим людям учинился, и поведение инако изворачивая подкидают допущения той же черни, чтоб и здесь над нами, над старшиною, от чего Боже сохрани, учинили вредительство, а деется то от путивльцев и от иных горожан людей торговых».

² «Найтяжчая нам прикрость, же отчего в Крыму будучие послы ваши монаршие устереглися в договорах своих, теперь салтан турский в свою утверженую грамоту уписал: же бы людям посполитым якие з сей стороны Днепра на той бок в турскую сторону на житье ийти похочут, задержания не чинено; якая статья хитростю бусурманскою доложена на шкodu и ошукане стороны ваше пресветлых царей христианских. Когда-ж если мы отселя людей через гряницу в сторону турскую не пушчатимем, теда почитатимут они тое нарушенем мирных договоров, а если бы смо людей туды пустили (чего учинити не годится), теда сей край оскудел бы значне в жителях и згола было бы тут малолюдство, альбовем многие, не поглядаючи на православную христианскую веру, якая в православной вашей государственой державе ку хвалѣ Божией и ку спасеню людей благочестивых мает свое расширене и не уважаючи суровое влады турское, под которю поданные христианские не могут жити без утиснения, для жизное тое земле з сего боку на той бок Днепра пойти захочут. Прето годилось было вашему великих государей послови, дьяку Возницыну, против сее турские хитрым вымыслом о незадержаню людей приписанное статье крепко постояти, щоб она в утверженую султанскую грамоту не была вписана. (Арх. Ин. Дел, подлинн., л. 417. Донес. июня 20-го 1682).

опасался, что многие из царских подданных соблазняются приманками льгот и плодородием правобережного края и станут уходить туда, предпочитая власть турецкую власти московской.

XVI

Попытки поляков склонить Москву к союзу против Турции. — Противодействие Самойловича. — Козацкие гетманы на правой стороне, поставленные поляками: Куницкий, Могиленко. — Палии. — Беседа Самойловича с думным дьяком Украинцевым о союзе с Польшею. — Семейные потери Самойловича. — Избрание киевского митрополита. — Его подчинение московскому патриарху. — Посольство Неплюева к гетману о мире с Польшею. — Мир России с Польшею и союз против неверных. — Письма Самойловича к польскому королю и к белоцерковскому коменданту.

В правобережном крае с 1683 года стались важные перемены. Возобновившаяся между Польшею и Турциею война пошла удачнее для поляков, чем в прежние годы. Они овладели несколькими подольскими городками и в том числе Немировом. Польский король от своей руки поставил Стефана Куницкого гетманом над козаками, признающими над собою власть Речи Посполитой. Между тем польские посольства в Москве продолжали склонять московское правительство к союзу против Турции, а Самойлович и малороссийские старшины старались всеми силами отговорить московское правительство от такого союза, возбуждали недоверие к полякам и опасение нарушить недавно постановленный мир с турками. Тогда, видя, что не легко вовлечь Москву в войну, поляки для усиления своих военных сил стали завлекать на свою сторону левобережных козаков и приглашать их к переходу на правую сторону под regiment Куницкого, назначенного быть главным осадчим с польской стороны на всю Украину. У последнего были зазывщики, под разными видами тайно ездившие на левую сторону Днепра и там подушавшие людей к переходу; много нашлось недовольных правлением Самойловича, особенно по поводу установления оранд — винной, дегтярной и тютюнной, особенно винной, и это располагало слушаться польских подговоров; да не только в землях гетманского regimenta, и в слободских полках быстро возникло волнение и люди оттуда стали уходить к Куницкому, прельщаясь тем, что для переселенцев обещались льготы¹. Гетман приказал расставить по днепровскому берегу караулы,

¹ Упоминается «о здрайце Крембашевском и об инших на тогобочном Днепра побережью з оманами своими прослывающихся и о здрадецком поступку запамяталого Белевича, который и присягою двукратно их царским пресветлым величествам был обовязанный» и проч.

главные центры которых находились в городках Песчаном и Золотоноше. Приказывалось ловить беглецов; угрожали смертью тем, которые станут сопротивляться. Но беглецы ускользали от беды, пробирались дикими степями, и в опустелой правобережной Украине стали возникать там и сям поселения. Так появились дворы и хаты в Мошне, Рокитне, Богуславе и в других местах: в отстроенном наскоро Богуславе засела жена Куницкого, женщина деятельная и смелая; она принимала беглых мужиков и спроваживала их в Немиров к своему мужу. Даже и между начальными людьми гетманского регимента нашлись лица, сочувствовавшие и содействовавшие народному волнению. Оказался таким переяславский полковник Войца-Сербин, а к нему пристали и другие соумышленники; но гетман заранее узнал о их замыслах, арестовал их в Киеве и отправил, в оковах, в Севск. Тогда Самойлович намеревался отправить за Днепр отряд и схватить Куницкую в Богуславе; Куницкая успела в пору узнать об опасности и ушла в Немиров.

Соблазнившиеся польскими призывами малороссияне скоро стали недовольны начальством Куницкого и, пришедши к нему в Немиров, замышляли тотчас же бежать от него назад. Нескольких таких, не допустивши до обратного побега, Куницкий приказал повесить, а те, которые избежали такой участи, сами не знали, что им делать: боялись они идти к Куницкому с повинною головою, страшно было им ворочаться и на левый берег, где они опасались кары от Самойловича; народ это был своевольный, — стали они в лесах составлять шайки и разбивать проезжих греческих торговцев, следовавших из турецких владений в Польшу и Московское государство, — доставалось тогда и новым беглецам, шедшим по следам прежних на службу к Куницкому.

В декабре 1683 года Куницкий, с подчиненными ему козаками, пошел в поход против татар в Буджак (Бессарабию), но в день праздника Рождества Христова в селении Троянове был разбит наголову ханским сыном, едва сам спасся от плена, а потом был убит козаками. Вместо него козаки выбрали Андрея Могиленка, уроженца из левобережной Украины. Тогда Самойлович поручил назначенному им управлять Переяславским полком Леонтию Полуботку перезывать назад беглецов, накопившихся около правобережного гетмана. Полуботок послал на правую сторону ловкого козака Федора Яковенка и брата его Дмитра: они должны были убедить козаков к возвращению домой, и если будет возможно — склонить к тому же и самого Могиленка, обещая всем царское прощение и милость. Посланные, прибывши в Немиров, прикинулись сначала соумышленниками Войцы-Сербина, сошлись с козаками и приблизились к самому Могиленку, с которым были прежде знакомы; они пробыли в Немирове пять недель,

самого Могиленка не могли склонить, но успели подействовать на его подчиненных, которые были тогда недовольны малостью королевского жалованья. Яковенки подговорили полковников Палия, Дробязгу и Крышталя, а с ними было до четырех тысяч убежавших с левого берега. Недовольные поднялись против Могиленка, кричали на него, ругались над ним, даже таскали за шею и, наконец, ушли от него. С Могиленком осталось только 200 человек. Одна часть отступивших от Могиленка ушла с Палием в Сечу, другая, где были и донские козаки, к Терехтемирову. Полуботок, позволив им перейти на левый берег, часть из них распустил по домам, а других в числе 400 конные и 200 пеших расставил на становищах, и гетман повелел вместить их в охотный полк.

Палий приобрел тогда между козаками такую славу, что когда с своею ватагою прибыл в Сечу, то запорожцы хотели было его поставить кошевым, и не поставили только по причине его молодых лет; зато уважали его и слушали. В июне 1684 года, в бытность Палия в Сече, король польский прислал туда пана Порадовского и пана Монтковского склонять запорожцев к содействию полякам в войне против турок и татар. Эти послы привезли запорожцам от короля в дар 1000 червонных. То была уже не первая засылка от короля к сечевикам: еще прежде король присылал в Сечу бывшего когда-то полковником у Ханенка Игната Макуху с войсковыми клейнотами от королевского имени, и многие запорожцы поддались тогда польским увещаниям, однако после того испытали их несостоятельность, когда пошли на королевскую службу. Теперь, в другой раз, не так легко соблазнились запорожцы, особенно находясь под влиянием Палия, который, как истый козак старого пошиба, ненавидел всех ляхов вообще. Когда Порадовский стал читать на сечевой раде королевскую грамоту, в которой обещались козакам всякие вольности и изъявлялась надежда, что следующую зиму король будет проводить за Дунаем, а на весну пошлет войско с пушками под Очаков, запорожцы подняли грамоту на смех и говорили: «вот как, ничего еще не поймали, а уже всем управляете! Не видя от нас согласия, да уж и наказы нам даете! Они не отвечали на королевскую грамоту, а Палий, человек в обращении грубый, пришел в такой гнев, что даже, как говорят, ударил в лицо Порадовского и кричал: «вот тебе за то, что приехал к нам с лядским обманом, а не с правдою». Не все, однако, запорожцы единодушно отвергли польское приглашение: были и такие, что показывали склонность служить ляхам против неверных, да и сам тогдашний кошевой, Грыцько Еремеенко Сагайдачный, мирволил польской стороне — и во время приезда в Сечу Порадовского, опасаясь Палия, удалился в Каменный-Затон и, там сидя, прислал для польского посольства в Сечу рыбу и запасы, а потом, следуя наущению

польского короля, отправил к донским козакам зазыв — оказывать полякам содействие против турок. Кошевой, однако, тайлся с этим от гетмана, прислал к нему королевскую грамоту, уверял, что запорожцы не поддадутся польским наговорам, и спрашивал, как поступать прикажет гетман. Белоцерковский комендант отправил от себя к полковникам Войска Запорожского окружное письмо, приглашал их во имя старинной славы козацкой служить своему наследственному государю, королю польскому, и содействовать ему в текущей войне против неверных. Поляки хвалились, что по их призывам идут к ним «куны» беглецов, оглашали повсюду, что вся Украина, недовольная московскою властью, опять скоро станет польским достоянием. Однако, пришедшие по призыву белоцерковского коменданта козаки так же скоро ушли от него, как и те, которые пришли было к Могиленку и убежали от последнего. Поляки преследовали бежавших от них козаков¹, а Самойлович, противодействуя польским оглашениям, выдал универсал, в котором убеждал малороссиян не доверять исконным своим врагам ляхам, а в Москву писал, что у польского короля есть коварный замысел, помирившись с турками и татарами, идти войною в Московское государство, чтобы отвоевать все уступленное по Андрусовскому договору.

В конце октября 1684 года приехал в Батурин думный дьяк Украинцев толковать с гетманом о союзе с поляками и другими западными христианскими государствами против мусульман. Несмотря на неоднократное представление Самойловича, московское правительство все-таки колебалось насчет польских приглашений и послало своего лучшего тогдашнего дипломата к гетману с разными доводами в пользу предлагаемого поляками союза. Думный дьяк представлял гетману, что теперь-то наступило благоприятное время соединиться всем христианам против врагов Креста Христова, что поляки заручились союзом с западными христианскими державами и есть большая надежда на победу над бусурманами. Гетман, как и прежде, твердил одно — что полякам, по их обычному вероломству, не следует ни в чем верить. «Они, — говорил он, — присягнут и предадут, а папа и ксендзы их разрешат от присяги: по их вере это можно. И теперь, что они толкуют о своем союзе, так все только хвастают; на самом деле у них один только союзник — цесарь, которого они скоро предадут, заключивши с бусурманами отдельный мир. Курфюрст Бранденбургский и другие князья немецкой империи могут оказать разве незначительное содействие военными силами, которых у них немного; папа же, испанский король и Вени-

¹ «О утечце козаков вельми межи себе заколотились ляхи и ораз ординат нибы королевский был таковой, абы гдеколько у местах або селах що охотника того засталось, кони одбираны были и оружие и самих их якобы волоцюг до чернил (?) и к селитренным могилам на голону погнано» (А. И. Д., подлинники, № 457).

цейская речь посполитая хоть и дадут на войну денег, да немного. Польский король и теперь уже слаб, и если Московское государство пристанет к союзу с ним, то польский король может покинуть дело, не доведя до конца, и помириться с турками, и тогда придется нашим великим государям одним вести войну! А уж куда как сладка с турками война: после чигиринских битв мало не целый год во сне тревожили лучше, помирившись уже с бусурманами, хранить с ними добрый мир: султан турецкий уже знает, что поляки и цесарь приманивают нас к союзу с ними, а мы не поддаемся; зато султан ценит правду нашу и не пойдет на нас войною! С польским же королем турки никогда не сложатся против нас; туркам ведь хорошо ведомо польское непостоянство и вероломство».

Когда дьяк хотел тронуть чувство гетмана идеею священной войны за христианскую веру, гетман сказал:

«Пресвятое и великое намерение за церковь Божию воевать. Только исполнить это теперь трудно: правда, что церковь греческая у турок находится в большом утеснении, что же делать: то сотворилось по воле Божией! Но ведь и у короля польского православная вера в гонении и разорении. Поговори с епископом луцким, что к нам приехал. Пусть он расскажет тебе, что там у поляков деется!»

Епископ луцкий Гедеон, князь Четвертинский, прибыл еще в 1683 году в левобережную Малороссию и поселился в Крупецком монастыре близ Батурина. Украинцев поехал к нему и услышал от него такую речь:

— Я переехал в державу великих государей, спасаясь от великого гонения. Неволили меня принять римскую веру. Отъезжая в поход на войну, король и королева призвали меня к себе и сказали: «коли воротимся с войны и застанем тебя, что ты не учинишься в римской вере или не примешь унии, то зашлют тебя в Мальборк на вечное заточение». Я убоялся и убежал: желаю пребывать в царской державе и живот свой скончать в благочестии. Ныне без меня, конечно, всех приневолят к римской вере и совершенно иссякнет благочестие в Короне и в княжестве Литовском, потому что король на том стал, чтоб веру благочестивую в Короне и в Литве искоренить.

После этого свидания с епископом думный дьяк опять вел беседу с гетманом о том же предмете. Самойлович говорил:

«Под игом турецким есть много народов нашей православной веры: волохи, мультане, сербьяне, болгаре, словене, греки — у них есть славные монастыри и многие церкви; теперь они от папина начальства укрываются и, будучи под турецким султаном, свою веру сохраняют, папистов берегутся, и одним только именем великих русских государей утешаются, чаючи от них когда-нибудь для себя отрады. Если ж бы королю польскому и

цесарю в войне посчастливилось и войска их вступили бы вдоль турецкой области и расширились, то оных христиан стали бы в житии и в вере насильствовать и обращать в унию тамошние святыни: либо войною, либо договорами, а уж довели бы до того, чтоб возвысить свой римский костел, а наше православие понизить. Сталась бы через то православным народам неутолимая жалость. Поэтому, уж если с ними вступать в союз, то разве с тем только договором, чтобы, в случае счастья в войне, оные народы были оставлены в своей православной вере по восточному исповеданию. Великим государям союз с поляками только затем и может быть нужен, чтоб сохранить и множить святую веру и расширить пределы нашего государства по Днестр и по Случ. Только вот в том и дело, что хоть и заставить их присягнуть прежде союза с ними, то на их присягу положиться нельзя, потому что, как я говорил уже, у них папа и ксендзы всякую присягу разрешают».

В начале 1685 года гетман отправил в Москву посланцем Кочубея с инструкциею, в которой обширно описывались коварные поступки поляков и излагались желания малороссиян: отыскивать у поляков русских исконных владений¹, заступиться за православную веру, которая терпит в польских областях гонения и поругания, и оставить во владении Войска Запорожского села по сю сторону реки Сожи, издавна принадлежавшие Войску Запорожскому и в недавнее время «заеханные» сыном гетмана, стародубским полковником Семеном Самойловичем.

Эту полосу земли просили удержать собственно для того, чтоб там поселить оставшихся еще без приюта правобережных прочан².

Чтобы более расположить Москву к своим взглядам, Самойлович послал в Приказ письмо яского архимандрита Исаии, сообщавшего о разговоре с великим сераскиром Сулейманом-пашою; из этого письма можно было заключить, что турки ценят мир с Мос-

¹ «Поневаж вся тогбочная Днепра сторона — Подоле, Вольнь, Подляше, Подгорье и вся Червоная Русь, которых славные и старинные места Галич, Львов, Перемышль, Ярослав; Люблин, Луцк, Владимир, Острог, Заславле, Корец и иншие находятяся, всегда до монархов российских от початку бытия здешних народов належали и тылько сто лет з невеликим злишком тому времени як Польское Королевство ними овладело, теды при таких польское стороны незычливостях, же оны всегда на упадок Российской монархии чыгают, безгрешно было бы преславного царства российского стороне свое искони вечное, хотя по троху одисковати при Божой помочи, углядаючи способного времени». (А. И. Д., подлинники, № 458).

² «Многие тогбочные як войсковые так посполитые люди старинные малороссийские обыватели, прихилившихся сюда до нас, не могут мети довольного прожития за теснотою земли». (А. И. Д., подлинники, № 458).

ковским государством, и Россия может надеяться для себя выгод от дружбы с Турцией более, чем от союза с поляками.

Так, малороссияне, находясь под влиянием давней вражды своей к полякам, отбивались и руками и ногами от дружбы и союза с ними и хотели вовлечь Московское государство снова в войну с Польшею. И духовные лица, и светские, и старшины, и простые козаки, и посольство — все сходились на этой старой неприязни; для всех было прискорбно, что дело свободы малороссийского народа остановилось на полдороге; все видели, что виною этому поляки, и у всех было заветное желание выручить весь православный русский народ от власти католических панов.

1685 год был тяжел для гетмана Самойловича. Он перенес разом две семейные потери. Его дочь Прасковья недавно была выдана за боярина Федора Петровича Шереметева, и гетман упрямил боярина Василия Васильевича Голицына назначить его зятя в Киев воеводою, хотя малороссияне были недовольны тем, что гетман рассаживает на начальнические места своих родных и свойственников. Молодая боярыня Прасковья Ивановна разрешилась от бремени, и хотя уже оправлялась от родильной болезни, но, получивши известие о том, что муж ее внезапно заболел, так была потрясена, что лишилась чувств и, после двухдневных страданий, умерла 20-го марта. Она была погребена в Михайловском монастыре в Киеве, в присутствии Мазепы, прибывшего от гетмана узнать о здоровье боярыни. Ее смерть подала повод к подозрениям, что молодая боярыня была испорчена. Она оставила новорожденного сына, и гетман потребовал возвращения данного дочери приданого, для чего в июле 1685 года посланы были в Киев Неплюев и генеральный асаул Мазепа: они отобрали не только все, данное покойной в приданое, но и подарки, врученные ей и мужу во время свадьбы старшинами, полковниками и их женами, присутствовавшими на свадебном пиру, на том основании, что каждый, даривший новобрачных, имел в виду угодить тем гетману¹. Оригинальная черта тогдашних нравов! Затем постигло Самойловича другое горе: 10-го мая, в Троицын понедельник, скончался старший сын его Семен, стародубский полковник. Когда горестная весть об этом пришла к Самойловичу, у него был тогда окольный Леонтий Романович Неплюев; он утешал отца и вместе с ним ездил в Макошинский монастырь учинить

¹ Все теди тое щоколвек паны полковники даровали так боярину, як и самой небощце боярине, мається без жадных споров в дом ясневельможного пана гетмана ворочати от боярина его милости для того, же каждой себе на ласку гетманскую зароблял, а не о якую иншую побочную стараючись ласку. (А. И. Д. Мал. Дела. св. 67).

покойному последнее целование¹. Этот Неплюев привез тогда гетману грамоту на пожалованные ему деревни в Кромском уезде. Всемогущий тогда любимец царевны Софии, Василий Васильевич Голицын, получивши известие о смерти гетманского сына, писал гетману утешительное сочувственное письмо, называя Самойловича приятелем и любезнейшим братом.

Уже несколько месяцев шла переписка московского правительства с гетманом об избрании в Киеве митрополита с таким условием, чтоб митрополия киевская зависела не от константинопольского, а от московского патриарха. Еще осенью 1684 года гетман получил внушение устроить это дело. Кандидатом на митрополию был тогда архимандрит киево-печерский Гизель, и в феврале 1685 года по просьбе, посланной к константинопольскому патриарху, патриарх Парфений прислал грамоту, которою предоставлял «архиепископу московскому, созвавши трех архиереев, посвятить соборне в митрополиты Иннокентия Гизеля». Но Гизель умер и Самойлович стал рекомендовать в сан митрополита луцкого епископа Гедеона Четвертинского. Заручившись грамотой константинопольского патриарха, гетман, по воле московского правительства, намеревался воспользоваться ей для избрания, вместо Иннокентия Гизеля, другого лица в сан киевского митрополита, и поручил Лазарю Барановичу, как блюстителю митрополичьего престола, разослать универсалы к особам духовного чина, призывающие ко дню святых апостолов Петра и Павла съехаться в Киев на вольную элекцию, которая должна будет совершаться в храме св. Софии, а от светского чина гетман назначал туда генерального асаула Мазепу и четырех полковников: черниговского — Борковского, нежинского — Жураховского, переяславского — Полуботка и киевского — Карповича. Разговаривая об этом с Неплюевым, гетман, однако, просил московское правительство

¹ «По первой моей тяжкой печали якая з преставления дщери моей боярыни Прасковии еще не утишилася, постигла мене з судеб Божих другая тяжкая печаль, же любимый сын мой первородный Семен Иванович, полковник стародубский, надежда старости моей, скончал живот свой. О якой скорби, власие того дня як околничаго малем приймавати, опередила до мене смутная и жалостливая ведомость и еще з ним околничим не видевшися, рыдалем горько и обливаем себе слезами моими целе того дня, а околничий, увидевшися зо мною, объявил мне превеликую мне их царского величества милость. Тогда тая монаршая благодать двинула мене з плачу глубокого и въздыхания моего и надеждою обрадования ослабила мя. А притом и он околничий, будучи здравого разума и рассужения, увещательными словесы своими в той тож горькой печали помог мне много. Он же потрудился зо мною не мало 6 миль от Батурина за реку Десну до монастыря Макошинского, где тому покойному сынови чинил последнее целование, которого тело по его за живота желанию на погребение рекою Десною проводилисмо до Киево-Печерского монастыря». (А. И. Д., подл., № 464. Письмо Самойловича к Голицыну).

списаться с константинопольским патриархом и получить от него грамоту на уступку своей духовной власти, чтоб иначе не пало патриаршее неблагословение как на него, так и на всех участников избрания. Лазарь Баранович разослал свое пастырское послание ко всему духовенству, как киевской митрополии, так и черниговской архиепископии. Разом отправил и гетман свой универсал ко всему малороссийскому народу. Состоялась элекция в назначенный срок, но неполная: Лазарь Баранович не поехал сам лично на собор, куда приглашал других, не было там и духовных особ его епархии. Большинство участников собора состояло из мирян, и митрополитом был избран Гедеон, к тайной досаде Лазаря Барановича, видевшего к себе невнимание в том, что не на него возложили сан первосвященника, тогда как он уже много лет был блюстителем митрополии. Но духовенство малороссийское, избравшее Гедеона, сильно протестовало тогда против подчинения киевской митрополии московскому патриаршеству, опасаясь прекращения прежней свободы в духовных делах и введения чуждых Малороссии церковных обычаев московских. 3-го октября новоизбранный митрополит отправился в Москву для посвящения, в сопровождении многих духовных особ: архимандритов¹, игуменов и протопопов епархий киевской и черниговской, а гетман в том же месяце отправил в Москву Кочубея просить, чтобы новоизбранный киевский митрополит считался первым в ряду русских иерархов и сохранил право носить крест на верху митры, причем замечалось, что если бы, в виду уравнивания русских иерархов, был снят крест с митры киевского митрополита, то это возбудило бы от католиков посмеяние над унижением достоинства киевского митрополита. Гедеон был посвящен в Москве, отправлял литургию в разных церквях в Кремле, в селе Измайлове, в Новодевичьем монастыре, получил от царей золотую панагию, серебряный рукомошник с лоханью, значительное количество соболей, материй, вин, разных съестных запасов и 500 рублей деньгами, а всем при нем бывшим духовным были розданы соответствующие дары. Посланный в Константинополь подьячий Алексеев, вместе с гетманским посланцем Лисицею, для испрошения отпуска киевской митрополии от константинопольского патриаршества в подчинение патриаршеству московскому, повез константинопольскому патриарху в дар червонцы и соболей, однако, встретил большое сопротивление, особенно от ученого иерусалимского патриарха Досифея, доказывавшего, что в настоящем случае дело киевское

¹ В числе архимандритов был только что посвященный выдубицкий Феодосий Углицкий, впоследствии черниговский владыка, почитаемый святым, хотя Лазарь Баранович в письмах своих (193, 196) обвиняет его в неслишком святых поступках.

зависит не от одного константинопольского патриарха, но от согласия всех вселенских и ни за что не соглашался на требуемое изменение иерархического порядка, освященного веками. Тогда, по совету одного грека Тафляри, московский посланник обратился к великому визирю, и тот, дорожа сохранением мира с Россией и желая угодить русскому престолу, приказал патриархам и константинопольскому, и прочим вселенским исполнить волю московского правительства. Так совершилось это важное дело, сообразное более с государственными целями московской политики, чем с национальными сочувствиями малороссиян.

К следующему, новому 1686 году возбудился опять вопрос, заключать ли мир с Польшею и союз с нею против неверных. Как ни старались малороссияне не допустить Москву до примирения с поляками, но виды московской политики не сходились с заветными желаниями малороссиян, тем более, что если бы возобновилась война с Польшею и велась даже с полным успехом для русских, то и тогда выиграли бы от нее более малороссияне, чем Московское государство: освобожденная совершенно от польского владычества, южная Русь, хотя и признала бы над собою власть единоговерного московского государя, но всеми силами старалась бы удержать свою национальную самобытность, а по присоединении к ней прочих русских земель, оставшихся у Польши, настолько была бы велика, что Москва нашла бы неудобным противиться ее стремлениям. Но Москва всегда хотела быть централизованною державою, а не федеративною, не такою державою, в которой бы связывалось только единством верховной власти несколько национальностей; такова была, так сказать, исконная традиция Московского государства, и с самого присоединения Малороссии московские государственные люди домогались теснейшего слития присоединенного края, покровительствуя тем малороссиянам, которые, из угодливости властям, отзывались с такими видами. Москва со времени андрусовского перемирия колебалась, когда являлся вопрос об окончательном мире с Польшею. Противодействия со стороны малороссиян долго мешали успеху в Москве польских предложений, которые стали чаще после неудач, испытанных Польшею в борьбе с Турциею. Теперь могучий любимец царевны Софии Голицын совершенно склонился к мысли о вечном мире с Польшею и о героическом союзе христианства против мусульманства. В январе 1686 года прибыл в Батурин знакомый уже гетману Леонтий Неплюев известить, что польский король опять прислал в Москву новых послов: Гримультовского, воеводу познанского, и князя Марциана Огинского, канцлера литовского, с предложением заключить вечный мир и союз против неверных, с уступкою от Польши царской стороне завоеванных и оставшихся по Андрусовскому договору за Россию

городов. Гетман повторял и теперь то же, что говорил прежде: доказывал, что полякам по их коварству не следует ни в чем верить, что союз христианских государей против неверных, которым поляки подманивают Москву, не будет прочен до тех пор, пока французский король не пристанет к этому союзу, что, отказавши полякам, опасаться союза Польши с Турциею и с Крымом против Москвы вовсе не следует, и что, наконец, благоразумнее всего будет, не вступая в союз и не раздражая мусульман, выждать несколько лет и присмотреться, чем кончится война западных государей с турками. «Наши монархи, — говорил гетман, — еще малолетни; лучше бы им свои юные лета проводить тихо и безмолвно без войны, и таким образом достигнуть совершенного возраста, а тем временем пополнилась бы царская казна, умаленная прежними войнами». В январе того же года гетман отправил в Москву своего сына Григория и Мазепу с предостережениями в прежнем духе и с некоторыми замечаниями на случай, если правительство московское верит полякам и непременно желает с ними постановить мир и союз против неверных: чтоб Запорожье отдано было под единую власть русского государя, а не состояло, как прежде, под двумя державами разом; чтоб с польской стороны дано было обязательство оставить в свободе и полноправности греческое вероисповедание и всех его последователей в польских владениях. Только эти замечания и были приняты во внимание.

Усилия Самойловича остались напрасными. В Москве был заключен с польскими послами вечный мир с Польшею на основании андрусовского перемирия и вместе взаимный союз против турок и татар. По отношению к Малороссии новый договор передавал во власть России на вечные времена левобережную Украину с городами Нежином, Переяславом, Батурином, Полтавою и со всеми другими там находящимися, со всеми землями и урочищами, под какими бы то ни было прозвищами, а король, от имени своего и всей Речи Посполитой, на вечные времена отказывался от прав на владение всем этим краем. На правой стороне Днепра в царскую державу отходил город Киев с полосой земли в таких пределах: «берег Днепра вверх Киева почав от устья Ирпени вниз от Киева Днепром с городами Трипольем и Стайками, а за Стайками вниз Днепром с миллю, а оттуда от Днепра почав прямым путем через поля по пяти миль в ширину, а от того места прямо по полю до реки Стугны, а около Киева все земли меж реками Ирпенем и Стугною и по течению Стугны по Васильков, и тому местечку Василькову быть в державе царской, а от Василькова вверх от Стугны в поля на полмиллю выше и оттуда по полю прямо к берегу Ирпени». Все пространство в этой черте между Стугною и Ирпенем должно

быть отведено в державу царскую и отмежевано через назначенных с обеих сторон комиссаров. Запорожцы, живущие в Сече, Кодаке, по днепровским островам и в поселениях, находящихся вверх от Сечи, по «Днепру до устья Тясьмина», отдавались исключительно в царскую державу на вечные времена, а рубеж от устья Тясьмина должен быть проведен вверх поля прямою чертою, не занимая Чигирина к лесу, называемому Черным. Россия обязалась заплатить Польше 146.000 рублей. С обеих сторон положили не принимать своевольников, и король обязывался не оказывать содействия тем малороссиянам, которые бы возымели намерение оторваться от царской державы и отдаться Польше. С своей стороны король обещал содержать своих подданных православного исповедания в совершенной свободе. Оба государства заключали взаимный союз против турок и татар. Россия обязалась послать войско в Крым, и в случае, если бусурманы двинутся ко Львову в королевскую державу, посылать Польше военные силы на помощь, а король обязывался отвращать своим войском турецкого султана от царских земель, если он двинет свои войска на Киев. Король обещал стараться склонить к союзу против неверных французского короля Людовика XIV. Одной стороне без другой не следовало заключать отдельного мира, тем более, что союз против Турции и Крыма предпринимался с конечною целью освободить христианские народы, «стениящие в тяжкой неволе под бусурманским игом».

Но самый щекотливый для Малороссии вопрос оставил нерешенным этот мир, несмотря на то, что носил наименование «вечного». Во время переговоров, когда зашла речь о разоренных городах и селах в полосе вниз по Днепру от местечка Стаек по реку Тясьмин¹, о той правобережной Украине, которая составляла центр владения Дорошенка, — бояре настаивали, чтоб край этот отдать в царское владение, но королевские послы уперлись и уже хотели было уезжать из Москвы, однако, одумались и снова, вступивши в переговоры с боярами, предложили заключить вечный мир, предоставивши разрешение вопроса королю, а до тех пор положили спорным землям оставаться впусе, городков и местечек не строить и старых не починять; если же бы и впоследствии по этой статье не последовало соглашения, то отложить ее решение на дальнейшее время с тем, чтоб она до своего разрешения ни в каком случае не была поводом к нарушению вечного мира между Россиею и Польшею.

Понятно, что малороссияне не могли быть довольны таким исходом многолетней кровавой борьбы, возникшей за свободу их

¹ О Ржищеве, Трехтемирове, Каневе, Мошнах, Сокольне, Черкассах, Боровице, Бужине, Воронкове, Крылове, Чигирине.

родины. Весть об окончательном соглашении с польскими послами и о составлении мирного договора привез к Самойловичу все тот же Леонтий Романович Неплюев. С грустью выслушал гетман царскую грамоту и не утерпел, чтоб не высказать того, что у него было на душе. «Вот увидите, — сказал он, — не всяк из ваших московских чинов будет вас благодарить за то, что поддались польским хитростям и по наущению ляхов хотите мир разорвать с Турциею и Крымом и начать с бусурманами войну!» — Смелее выражался гетман по отъезде Неплюева в кругу своих старшин: «Купила Москва себе лиха за свои гроши, данные ляхам. Ось увидите, что они в том миру, с ляхами учиненном, себе зищут и что против хана учинят. Жалели малой дачи татарам давать, будут большую казну им давать, сколько татары похотят!»

Так говорил гетман, не сообразивши, что слушавшие речи его записывали их втайне, чтоб потом употребить их ко вреду ему. Он не дал повеления молебствовать в церквах по случаю мира. Между тем в письмах своих, посылаемых в Приказ, гетман должен был, скрепя сердце, изъявлять удовольствие о прекращении долголетней брани и о союзе, заключенном между христианскими государями против «зловредного чудовища»¹, в надежде исторгнуть из неволи христиан. Как больно отозвалось в сердцах малороссиян оставление нерешенным вопроса об их древней родине, показывает письмо Самойловича к польскому королю от 31 мая; в этом письме гетман от имени Войска Запорожского изъявляет готовность в предпринимаемой войне действовать там, куда обратит его воля правительства, но при том сообщает, что Войско Запорожское очень скорбит о потере древнего своего достояния, правобережной Украины, и просит возвратить малороссиянам этот опустелый край². Отправляя к

¹ «На того через веки не мало шкодячого смока» (А. И. Д., подлинник № 487).

² «Власная наша Войска Запорожского земля на том боку реки Днепра по речкам Собу и Каменках и по реце Бугу будучая, не оставучи цале при нас захована, в якоись нашой вонтиливости и отлучении завешена. А не только то многим окрестным народам, але и самому вашему королевскому величеству и всей Речи-Досполитой есть ведомо, иж Войско Запорожское з давних веков аж до сего времени всегда ее заживало. За их царских величеств позволенем покорне до вашего королевского величества просим унижене милостивого респекта, абы тая земля пустая, яко наша власная, при нас была вечным постановленем утвержена. Нехай бы при такой вас пресветлейших и наияснейших монархов о вечном мире радости и наш народ премилосердым их царских величеств призрением и милостию вашего королевского величества тоеи земли будет утешен и жебы теперь коли неприятелей за границую шукати належит, Войско Запорожское домашних своих по отцах, дедах и прадедах власностей не отпавши весельмы сердцами и охотными одвагами в промыслах военных предлежащих ставати могло» (А. И. Д., подлинник, № 487).

королю Гречаного с этим письмом, гетман при старшинах говорил: «Не так оно станется, как Москва в мирных договорах своих с ляхами постановила. Учиним мы так, как надобно нам!» В том же духе, в каком писал было к королю, в августе писал Самойлович коменданту белоцерковскому, выставляя на вид, что край правобережный достался России не от поляков, а от турок, в последнее время был окончательно отвоеван от Юраски Хмельницкого Семеном Самойловичем, покойным гетманским сыном, и присоединен к остальному малороссийскому краю. «Вы, — писал он к коменданту, — призываете Войско Запорожское к войне с неверными, но какая бы охота была нам биться с бусурманами, когда мы видим над собою такое бесправие, когда у нас отобрали нашу исконную собственность, правую сторону Днепра?» Гетман предостерегал коменданта, чтоб он не посылал от себя никого в спорную правобережную Украину, потому что гетман приказал уже людям своего регимента наблюдать, чтоб никто посторонний не покушался обращать этого края в свое владение.

Эти домогательства не только оставлены без внимания, но польский король сообщил московскому правительству о выходке Самойловича; из Москвы, чрез окольного Неплюева, послан был Самойловичу выговор за его «противенство». Испуганный этим, гетман тотчас послал просить прощения, и в октябре 1686 года получил его через письмо Голицына, который уверял гетмана, что милость государей к нему уменьшена не будет.

Так поляки, по миру с Московским государством, получили в неполное владение правобережную Украину, разоренную и опустошенную, получили ее со странным условием, обязательным для обеих сторон: не заводить там поселения. Желание малороссийского народа снова заселить ее проявилось тотчас же, как мы это видели; но первые попытки были безуспешны, и страна много лет оставалась впусе, и еще долее виднелись в ней следы эпохи руины, пережитой этим краем. Нам остались от близких современников любопытные черты о положении края, спустя четверть столетия после изображенной нами эпохи руины. Малороссийский летописец Величко в начале XVIII века проходил через этот край, находясь в козацком отряде, отправленном на содействие полякам во время шведской войны. Вот как он передает впечатление, оставленное на него картиною, какую представляла тогда правобережная Украина.

«Видел я, — пишет он, — многие города и замки безлюдные, опустелые, валы высокие как горы, насыпанные трудами рук человеческих; видел развалины стен приплюснутые к земле, покрытые плесенью, обросшие бурьяном, где гнездились гады и черви, видел покинутые впусе привольные украино-малороссийские по-

ля, раскидистые долины, прекрасные рощи и дубравы, обширные сады, реки, пруды, озера, заросшие мхом, тростником и сорною травой; видел на разных местах и множество костей человеческих, которым было покровом одно небо, видел и спрашивал в уме своем: кто были эти? Вот она — эта Украина, которую поляки нарекли раем света польского, эта Украина, которая перед войнами Хмельницкого была второю обетованною землею, прекрасная, всякими благами изобиловавшая наша отчизна, Украина малороссийская, обращенная Богом в пустыню, лишенная безвестно своих прежних обитателей, предков наших».

Другой современник, великорусский священник Лукьянов, проходивши через Украину в то время, когда уже северную часть ее начал заселять полковник Палий, рассказывает, что когда он выступил из Паволочи, последнего жилого места, недавно возникшего Палиева владения, то в течение пяти дней пути до Немирова пришлось ему идти совершенно пустынею: где прежде были красивые города и большие села, там теперь нельзя было встретить ни человеческого жилья, ни человеческого лица; только дикие козы, волки, лоси, медведи скитались по краю, в котором порою виднелись остатки бывшего человеческого довольства, одичалые сады с яблонями, сливами, грушами, волоскими орехами. Земля эта показалась такова путешественнику, что он назвал ее золотою, но татары не давали там никому поселиться. Город Немиров стоял один посреди пустыни; он принадлежал полякам, и недавно перед тем был разорен татарами; жителей в нем было мало, и те — преимущественно евреи. Там жить было и неудобно, и дорого. По ту сторону реки Буга опять шла пустыня, но уже не ровная, а холмистая, на четыре дня пути вплоть до города Сороки на молдавской границе.

В описанный нами период «Руины» естественно не могло в малороссийском крае процветать умственное и культурное движение. О правобережной Украине, превращенной наконец в совершенную пустыню, нечего и говорить; но в левобережной, находившейся более в спокойном состоянии, сохранились еще остатки прежнего довольства и давали новые ростки. В Киеве, основанная Петром Могилою при Братском монастыре, коллегия стала было центром умственной жизни для всей Украины, но в период «Руины» находилась в таком плачевном состоянии, что до 1673 года в ней почти не было непрерывного учения, а с этого года начало оно отправляться, но только в низших классах, и не ранее 1677 восстановилось в высших. Главною причиною было крайнее обнищание Братского монастыря, которого имения были почти все на правой стороне Днепра и подвергались разорению. Хотя цари жаловали монастырю с коллегиею новые

села, польские короли подтверждали привилегии своих предшественников на монастырские маетности, а митрополит Иосиф Тукальский уступил Братскому монастырю и коллегии местечко Стайки, полученное им от Дорошенка на собственное свое содержание, но такие дары оставались преимущественно только на бумаге, за невозможностью получать из пожалованных маетностей доходы. Преподаватели коллегии, принадлежа к числу братии монастыря и не получая никакого определенного содержания, довольствовались только одеждою и пищею, и то в нищенском виде; студенты и ученики питались подаением. Несмотря на гнетущую житейскую нищету, из наставников были лица, с любовью занимавшиеся педагогическими обязанностями и составлявшие даже учебники в тяжелые времена смут и разорений. Здесь не место распространяться о способах тогдашнего преподавания, но заметим, что при многих сторонах его, для нас теперь уже неуместных, в нем было то хорошо, что, не ограничиваясь теоретическим изложением предмета, заставляли воспитанников ворочать собственным умом: в этих видах в низших классах задавались «экзерциции и оккупации», состоявшие в грамматических разборах, переводах и сочинениях на указанные темы, а в высших производились диспуты, когда разделяли воспитанников на две половины, и каждая с своей точки зрения должна была отстаивать какое-нибудь спорное научное положение. При всем упадке киевской коллегии — центра тогдашней классной образованности, мы в период «Руины» встречаем не мало малороссиян, преимущественно духовных, оставивших по себе литературные труды, более или менее замечательные для своего времени. То были или воспитанники прежних времен киевской коллегии, или такие, которые, при невозможности получать образование на своей родине, получали его за границей. Таковы были: митрополит Тукальский, не только политический деятель и патриот, но и проповедник; печерский архимандрит Иннокентий Гизель, автор «Мира души с Богом» и «Сунопсиса Русской Истории» — сочинения, в свое время служившего руководством к преподаванию; игумен киевского Никольского монастыря Радивиловский, автор многих проповедей. Еще замечательнее их был в свое время архиепископ черниговский Лазарь Баранович, который, кроме множества писем, написанных им по разным поводам в качестве участника общественных событий своего времени, оставил много сочинений в прозе и стихах на русском, а еще более на польском языке: они, однако, отличаются более риторическою вычурностью, чем светлостью таланта и богатством мысли. Другой, которого надобно поставить рядом с Лазарем, хотя с признаками большего дарования, был Иоанний Галятовский, некогда воспитанник и преподаватель киев-

ской коллегии а потом архимандрит Елецкого монастыря в Чернигове. Кроме праздничных поучений, собранных в особой книге «Ключ Разумения», и кроме отдельных описаний разных чудес, этот писатель имеет для нас значение потому, что не был чужд вопросам, возбуждавших умы в его век: он вступал в полемику за православие против папизма¹, против реформатских ересей, против иудейства и даже против мугаметанства² по случаю возникшего союза России с Польшею против Турции. Многие сочинения этого писателя являлись не на русском, а на польском языке — доказательство, что в тот период польский язык продолжал еще быть культурным языком в Малороссии, так что самые борцы за православие употребляли этот язык, и при поверхностном взгляде тогдашние образованные малороссияне могли бы нам показаться поляками, отличными от прочих только по вероисповеданию. Нельзя сказать, чтоб это усвоение польской культуры не отражалось и на чистоте их православия, по крайней мере с точки зрения тогдашних не малороссийских православных богословов. Так, живший в тот же период игумен киевского Михайловского монастыря Софонович написал книгу «Выклад или учение о церковных тайнах»; хотя книга его считалась в Малороссии вполне православною и была уже три раза издаваема в печати (1666, 1668 и 1674 годов), но в Москве патриарх Иоаким нашел в ней неправославные, а римско-католические воззрения. Павел Негребецкий, воспитанник львовский, живший в Москве, находил вредным, что в Малороссии, как и в Белоруссии, учились более латинскому языку и мало занимались греческим. По его указаниям, только малая часть из воспитанников таким образом не впала в унию, «да и в тех, которые не падают, — говорит он, — познаваются в них останки иезуитские, понеже иезуиты не учат их высокими науками, покамест перед Богом не обещаются держати латинской религии». Здесь зацеплена была действительно слабая сторона реформы Петра Могилы, который увлекся мыслью давать отпор римской вере приблизительно ее же оружием и поэтому устроил свою коллегию на образец римско-католических, а через то незаметно стали туда входить некоторые западные богословские воззрения

¹ «Беседа Белоцерковская — описание диспута, который автор вел с иезуитом Пекарским в 1663 году; «Старая восточная вера новозападной церкви» — сочинение, написанное против Циховича, составившего сочинение в римско-католическом духе против православия; «Ответы римлянам на книгу фундамент Веры» — сочинение, написанное против иезуита Скарги; «Души людей умерших» — направленное против западного учения о чистилище.

² «Лебедь» и «Алкоран Магометов от Когелета Христова разрушенный и ни во что обращенный».

и благочестивые приемы, свойственные более западной, чем восточной церкви.

С упадком правобережной Украины умственная деятельность нашла себе как бы исключительный приют в черниговской епархии. Кроме указанных выше писателей, там, в период «Руины», славились и другие проповедники: новгород-северский «казнодей» (проповедник) Тимофей Богданович, Варлаам Михневич и более всех знаменитый Димитрий Туптало — впоследствии ростовский митрополит, причисленный к лику святых. Он в очень молодых годах постригся в киевском Кирилловском монастыре, не имевши возможности окончить как следует своего образования, но этот недостаток восполнил своим громадным природным талантом: посвященный в 1675 году в иеромонахи в Густыньском монастыре, он в течение двух лет привлекал своим талантом проповедника в этот монастырь массы благочестивых посетителей. Уехавши на время в Литву, он потом скоро явился в батуриномском Крупецком монастыре игуменом, а через непродолжительное время отказался от этого сана и проживал в том же монастыре в качестве проповедника до 1684 года, когда архимандрит Варлаам Ясинский вызвал его в Киево-Печерскую лавру для составления жития святых.

Кроме указанных писателей из духовного звания, были в тот период в Украине и светские исторические писатели: мы разумеем автора летописи Самовидца — несомненно современника всей второй половины XVII века, Грабянку, Величку и других, но подробная оценка их сочинений, относящихся не исключительно к одному периоду «Руины», а ко всей истории Малороссии, должна быть предметом особого исследования.

Ремесла, промыслы и торговля главным образом имели своих деятелей в городах, пользовавшихся Магдебургским правом, где существовали устроенные на немецкий средневековой образец цехи, но во всех других городах были, хотя и не в большом числе, люди, отдельно посвящавшие себя этим занятиям. В этот период в большом ходу в Малороссии было плотничное и землекопное дело, так как защита от беспрестанных татарских нападений требовала постройки городков, которых укрепления состояли из рвов и валов с деревянными стенами на последних. Почти каждое значительное село было обведено такими укреплениями и называлось городом. Кроме того, после каждого татарского разорения приходилось отстраивать разоренные и сожженные дворы. От этого в Малороссии было тогда много плотников, называвшихся «будниками, горододелами, теслями», и землекопов, называвшихся «грабарями» и «могильниками»¹. Искусством строить каменные здания

¹ Могилою называется по-малороссийски всякая земляная насыпь.

малороссияне не отличались, и потому при постройке каменных церквей в Чернигове и Киеве приглашали великороссян. Зато между малороссянами было тогда в ходу кузнечное ремесло. Независимо от больших городов, где в числе цехов был «ковальский» (кузнечный) цех, везде было не мало «ковалей» и оружейников, потому что козакам часто нужно было чинить свое оружие. Главнейшее занятие посполства состояло в земледелии, и в урожайные годы хлеба было большое обилие: поселяне сбывали его главным образом на Запорожье, так как сечевики вовсе не занимались хлебопашеством, а из Запорожья в Гетманщину доставлялась рыба и соль. Отправляли также хлебное зерно и в Польшу.

Внутри Гетманщины избыток хлебного зерна шел на винокуренье, которое, однако, было распространено преимущественно в северных полках, где было больше лесов. Винокурение было подчинено, как мы уже говорили, аренда́м наравне с дегтем и табаком. Деготь вырабатывался в Стародубском полку разом со смолою и поташом. Малороссяне находили выгодным возить вино и табак в Московское государство, но то была контрабанда, сурово преследуемая московским правительством. Пенькою занимались исключительно в Стародубском полку и сбывали великоросским купцам, которые продавали ее в Ригу. Скотоводство распространено было в полках Переяславском, Миргородском и Полтавском; рогатый скот и воловыи кожи в значительной степени сбывались отчасти в Польшу, но более всего в Великороссию, где уже был известен лучший сорт рогатого скота под названием черкасского. Лошадей водилось везде множество, так как конь для козака был необходимостью, но о сбыте лошадей за пределами Гетманщины мы не знаем. Самым любимым и гораздо более, чем теперь, распространенным промыслом было пчеловодство, так как во всей Гетманщине едва ли можно было встретить одного зажиточного хозяина, у которого бы не было пасеки, а после опустошения правобережной Украины обитатели поднепровского побережья левой стороны стали самовольно заводить в лесах на правой стороне огромные пасеки. Земледельцы находили для себя выгодным заниматься производством селитры; особенно заводили много селитренных майданов на юге по Орели. Сбывали селитру в Москву, где она шла в казну на выделку пороха. Для взаимного обмена произведений между купцами в Малороссии служили многочисленные ярмарки, пригоняемые ко времени разных праздников; туда приезжали купцы из Великороссии и Польши с произведениями своих стран. При частых татарских набегах, при внутренних нестроениях, при плохих дорогах, торговля никак не могла процветать и собственно предметы культурного житейского комфорта были редки, дороги и доступны только высшим и богатым лицам. Тем не менее народ малороссийский, казалось, про-

живал в левобережной Гетманщине в довольстве, по крайней мере сравнительно с несчастною правою стороною, лишившеюся, наконец, всех своих жителей, которых остатки нищенски уходили искать нового отечества с жалкими обломками своего хозяйства, и часто, не дойдя еще до цели, погибали от голода и холода с своими семьями. Спасшиеся из них и водворившиеся в слободской Украине начинали новую жизнь в приволье и довольстве, но судьба их уже не зависела от гетманского регимента.

Миром, прекратившим войну, возникшую главным образом за Малороссию между Польшею и Московским государством, собственно и заканчивается эпоха «Руины», которую предприняли мы изобразить, пользуясь бывшими в наших руках современными источниками. Затем предлагаем, в виде эпилога, описание низложения гетмана Самойловича. Это событие стоит в связи со всем предшествовавшим, потому что катастрофа, постигшая малороссийского гетмана, главным образом была следствием заявленного им недовольства миром, оставившим народный малороссийский вопрос того времени неразрешенным так, как хотел разрешить его весь народ малороссийский.

ЭПИЛОГ

Приготовления к войне с Крымом. — Царские грамоты. — Поход в Крым. — Степной пожар. — Возвращение войск. — Донос на Самойловича. — Неудовольствие малороссиян к гетману. — Арестование гетмана. — Отрешение от гетманского уряда. — Григорий Самойлович. — Ссылка гетмана Самойловича и казнь его сына.

В течение 1686 года происходили приготовления к военным действиям. В мае были посланы царские грамоты к гетману и в Сечь к кошевому атаману: исчислялись неправды крымцев, указывалось запорожцам, собравшись всем своим низовым войском, чинить промысел на перелазах, через которые обыкли переходить татары во время своих набегов на русские пределы. В ноябре того же года последовал царский указ с боярским приговором, обращенный ко всем служилым людям Московского государства — строиться к службе в поход против крымцев, долженствовавший начаться в следующем году. Причины, побуждавшие Московское государство разрывать мир, приводились в таком виде:

И прежде крымские татары многожды делали нападения на царские области и уводили бесчисленное множество православного народа в неволю, продавали его как скот и в разные земли, ругались над именем Христа-Спасителя, а своего проклятого лжепророка Магомета величали; при царе Феодоре Алексеевиче постановлено было с крымским ханом перемирие на 20 лет; несмотря на то, до окончания перемирного срока возобновились набегги. Вскоре после перемирия приходили татары под Торг, под Изюм, под Солёный городок, и на торжских солёных озерах захватили многих рабочих людей и угнали в полон. В 1682 г. азовские, крымские и ногайские татары приходили под городок Валуйки, и взяли в плен тамошнего воеводу Мезенцова со многими людьми. В 1684 году бусурмане на реке Миусе побили ватаги зинковцев, полтавцев и кобылякцев и на реках Орели и Самаре нападали на людей, которые, будучи обнадежены миром, ходили на рыбные ловли и пасли свой скот в полях:

татары угоняли их скот, а самих людей забирали в полон. В 1685 году азовские люди приходили под Балаклею и в Степановку, взяли 50 человек в неволю, забрали имущество и скот и выжгли село; вслед затем на торжских соленых озерах и на сенных покосах взяли в полон многих людей и захватили скот. После того набегали они на Харьковский полк и там побили и увели в неволю множество людей. Кроме всего этого, в разные годы бусурманы захватывали в полон запорожцев, которые, надеясь на мирный договор, отправлялись на звериные и рыбные промыслы в низовья Днепра. По всем таким поводам посылаемы были к хану крымскому требования, чтоб он приказал казнить своевольников, отпустить русских пленников и воротить награбленное, но справедливые требования не исполнялись, а царских посланников, ездивших в Крым, бесчестили: одного из них, Никиту Тараканова, хан и Калга-салтан приказали бить обухами и выставить пред народом в утеху бусурманам, а православным христианам в укоризну и посмеяние. Посылались жалобы на крымского хана к турецкому султану, и турецкий султан приказывал хану освободить русских пленников и возвратить похищенное, но хан не сделал ничего. По изложенным поводам, великие государи, вступивши в союз с польским королем, решили чинить промысел над крымцами.

Не ранее как в начале декабря отправлен был Косагов с ратною силою в Запорожскую Сечу с тем, чтобы укрепиться в Каменном-Затоне. Между тем поляки несколько ранее, осенью, сделали нападение на Молдавию, но оно окончилось для них неудачно; татары зажгли степь, и польские войска должны были попятиться назад.

Самойлович продолжал ненавидеть смертельно поляков, и перед своими старшинами не скрывал нерасположения к успехам христианских держав, воевавших тогда против турок, и показывал довольство неудачами христиан. Когда гетману приносили газеты (куранты), где сообщалось, что цесарские войска овладели городом Будюю, а венециане сделали высадку в Морею и побрали там турецкие города, — гетман не хотел заглядывать в газеты, но разразился веселым смехом, когда ему сказали, что поляки ушли со срамом из Молдавии, а татары, ворвавшись на Вольту, наделали там опустошений. Беседуя с генеральным бунчужным Полуботком, гетман говорил: «Ах, как бы я был рад, когда бы ляхи в Волоской земле, утесненные татарами, помирились! Чай бы Москва и нас тогда узнала и не почитала бы нас легко за то, что мы хотим соблюсти приобещенную и надежную дружбу с Крымским государством». Полуботок, хотя и преданный Самойловичу, проговаривался о его отзывах перед теми, которым они пригодились ко вреду гетмана.

Но гетман, верный по долгу московскому престолу, во исполнение царской воли рассылал полковникам универсалы о распоряжениях к предстоявшей войне и писал в Москву, что если уже

решено воевать, то необходимо выслать сколько возможно большее войско и выступать в поход раннею весною. Впоследствии враги его толковали эти советы так, как будто гетман давал их с коварною целью, чтоб затеваемое военное предприятие не удалось. Но такое побуждение приписывалось ему неверно, по злобе: и прежде много раз, когда у него из Москвы спрашивали советов, он всегда твердил, что против Крыма надобно сразу двинуть огромное войско, чтоб иметь возможность одним походом кончить войну, а выступать в поход следует не иначе, как раннею весною, чтоб иметь для себя впереди все летнее время в распоряжении.

Несколько времени, однако, у Самойловича оставалась надежда — авось либо в Москве одумаются, отстанут от союза с ляхами и не начнут войны против Турции и Крыма. Москва готовилась к войне очень медленно, как будто чего-то выжидая. Константинопольский патриарх Дионисий писал в Москву убеждения не разрывать мира с бусурманами и представлял, что это принесет вреда более христианам, чем бусурманам, потому что турки станут тогда изливать свое мщение над подвластными им христианскими народами. Крымский хан писал в Москву, что воевать не из-за чего, просил жить в мире с Крымом, не помогать польскому королю, а для улажения недоразумений учинить съезд. Стольник Алмазов привез гетману ханское письмо и спрашивал, где учинить такой съезд. Самойлович тогда находил удобным устроить съезд в Каменном-Затоне, куда послан Косагов, и при этом заметил, что будет кстати двинуть войско, чтоб задать страху крымцам. Это нам показывает искренность Самойловича: война ему была неприятна, но когда уже решено было высшею властью двинуть войско, гетман хотел по крайней мере извлечь из этого пользу, чтоб укрепить мир с Крымом на более выгодных для России условиях. В кругу своих старшин он безбоязненно говорил: «Не послужала таки мене дурная Москва, замирились з ляхами! приходит, однако, время: станут скоро меня просить, чтоб я стал посредником к примирению между Москвою и Крымским государством. Только я буду знать, как их примирить. Будут они меня памятовать; будут ведать москали, как нас почитать!».

Надежды гетмана не сбылись. Съезд с крымцами не устроился и гетмана о посредничестве не просили, а весною 1687 года получил он грамоту, указывавшую ему следовать со всем войском в поход.

В конце апреля все козачество поднялось на ноги по новому универсалу своего гетмана. Когда сам гетман выезжал из своего батуринаского замка, под ним на мосту споткнулась лошадь. «Худой прогностик» — заметили тогда некоторые.

Гетман следовал к Гадячу. Там встретили его несколько полков в сборе, ожидавших его прибытия. Оттуда с ними он двинулся к Полтаве и там встретили его другие полки, также в сборе.

В Полтаве старый священник Иоанн Величковский поднес гетману в дар икону патрона его Иоанна Кущника и при ней вирши своего сочинения. С гетманом были тогда все генеральные старшины, все полковники и значные войсковые товарищи. В конце мая между реками Орелью и Самарою в полях присоединилось войско малороссийское к войску великороссийскому. Малороссиян было до 50.000, великороссиян около ста тысяч. По известию участвовавшего в походе Гордона, обоз великороссийского войска состоял из 20.000 повозок и простирался в ширину на 557, а в длину на 1.000 сажен. Правую сторону прикрывал генерал Аггей Шепелев; левую — генерал Гордон; в центре находилось пять стрелецких полков. Главнокомандующим был тогдашний временщик, любимец царевны Софии кн. Вас. Вас. Голицын. По соединении с малороссийским войском двинулись они далее в степь. Нестерпим был зной; во все это лето с весны не было ни разу дождя, по ночам не падали росы, травы посохли, духота и пыль томили ратных людей, у многих разболелись глаза, и более всех терпел гетман, уже прежде страдавший глазною болезнью; он ворчал, говоря окружавшим: «нерассудная эта война московская совсем лишила меня здоровья! Чертовскую тягость взяла на себя Москва! Вславились по всему свету, что повоюют крымское царство, а они себя-то не умеют поборонить. Сидеть бы им у себя дома при нашем промысле, да своих рубежей сторожить».

Добрались до реки Конские-Воды, перешли эту реку 13-го июня верст за 15 ниже острова Хортицы и 45 верст выше Запорожской Сечи; расположились на стоянке в Великом Луге. Тут невыносимый смрад стал беспокоить воинов: на южной стороне показалась черная туча, а за нею появилось вдалеке и пламя. Посланные на проводки принесли известие, что впереди степь горит. Очевидно стало, что неприятели, вместо всякого другого оружия, изожгли на степи траву, высохшую от зноя, чтобы таким способом не пустить русских идти далее. В предшествовавшем году этим способом татары прогнали поляков из Молдавии; тот же способ избрали они, чтоб не допустить русских до крымских пределов.

Стали военачальники размышлять, что им теперь делать. Неприятель, видимо, уклонялся от боя. Но перед тем отправлен был в Крым из Москвы царский гонец, и военачальники решились попытаться двигаться далее в надежде встретить этого гонца на возвратном пути его из Крыма, либо татар, с которыми придется вступить в бой. Двинулись по выжженной степи. Ратные чуть могли тащиться. Пепельная пыль, взбиваемая ветром и движением войска, разьедала им глаза. Заболевали и люди, и лошади. Но не встречали они ни гонца своего, ни татар; встречали только диких свиней, которые, спасаясь от степного пожара, метались из стороны в сторону.

Войска достигли, наконец, небольшой степной речки Анчакрака. 17-го июня выпал дождь и все сперва обрадовались, думая,

что теперь зной уменьшится, пыль прибьется и травы станут расти. Но, подходя к речке, увидали новое затруднение: от проливного дождя прибавилось воды, и не без труда устроили через небольшую речку плотины из фашин.

Перешедши речку Анчакрак, двинулись снова по выжженной степи, задыхаясь от копоти. Прошли еще 6 верст и дошли до другой степной речки Карачакрака. Остановились.

На другой день военачальники собрались на совет.

«Невозможно следовать далее! — раздавались голоса в совете. — Лошади все падут. И теперь они уже не в силах везти не только пушки, но и повозки с запасами. Чем их кормить в выжженной степи?»

«Травы было бы довольно на днепровских плавнях, да вода еще не спала», — заметили некоторые.

«Нет, и там травы было бы недостаточно для такого множества лошадей», — возразили другие.

«От дыма и копоти ничего не видно, — говорили третьи: — когда явятся татары, невозможно будет распознать — где свои, где чужие!»

«У всех монархов, — произнес гетман, — разумные региментари обыкновенно не столько гоняются за тем, чтоб выиграть битву, сколько стараются соблюсти целостность своего войска. И мы теперь, если зададимся намерением покорить Крым и поведем войска далее по выжженной степи... как бы нам не испытать беды не столько от неприятельского оружия, сколько от конской бескормицы и от людского голода!»

Не мало времени длился спор, наконец, порешили большинством голосов — уходить назад. Военачальники в свое утешение говорили: не затем ворочаемся, чтоб уходить совсем в города. Мы сыщем себе привольные кормовые места и там остановимся, напишем к царям и подождем указа».

— Но если неприятели проведуют, могут напасть на нас там, где мы остановимся, — сделано было такое замечание.

На это было подано и принято мнение: послать сильные отряды к Сече, где находился Григорий Иванович Косагов, соединиться с ним и чинить промысел над Кизикерменем, чтоб не допустить хана ни самому идти в поход, ни орды своей посылать против польского короля. «Этим, — говорили в военном совете, — мы окажем услугу и польскому королю, союзнику наших великих государей».

Боярин князь Голицын назначил Леонтия Романовича Неплюева с 20.000 ратных людей, а гетман дал наказное гетманство своему сыну Григорию, черниговскому полковнику, и поручил под его начальство четыре полка: Черниговский, Прилуцкий, Переяславский и Миргородский, да четыре полка охотных, из которых было два конных, а два пеших, так что все козацкое войско, посланное туда,

состояло также из двадцати тысяч. Сверх того, гетман словесно приказал кошевому Сагайдачному, бывшему тогда в гетманском войске, примкнуть к посланному отряду со своими запорожцами.

Отправивши отряды на юг, остальные войска были двинуты к северу в обратный путь, и 20 июня, дошедши до Конских-Вод, остановились. Там увидели, что место привольное, травы достаточно, вода хорошая. Гетман с козаками стал на одной стороне реки, боярин с великорусским войском на другой.

Так простояли войска две недели. Посланы были гонцы от боярина и гетмана с донесениями в Москву. Боярин в своем донесении представлял дело так, как будто крымский хан от трусости не решился вступить в битву с русскими, а приказал татарам зажечь степь; боярин доносил, будто русские войска доходили до тех мест откуда оставалось только 90 верст до Перекопа. Все выжидали появления неприятеля не малое время, а неприятель не являлся, и предводители, находя невозможным долее стоять в выжженной пустыне, отодвинулись к Конским-Водам.

Во время двухнедельной стоянки у Конских-Вод начались злобные толки между великороссиянами.

«Это не татары зажгли степь, а сами козаки, — говорили некоторые: — гетман дал им тайный приказ».

— Зачем же это козакам могло понадобиться? — спрашивали другие.

«Затем, — отвечали им, — что козаки и татары между собою в дружбе и согласии. Козаки не хотят, чтоб царское войско завоевало Крым».

Те, которые чувствовали срам отступления совершенного, не выдавши в глаза неприятеля, ухватились за такие толки, как за первое средство свалить с себя вину на других. Более всех казалось это полезным самому главнокомандующему, и приближенные к нему особы стали оговаривать Самойловича и объясняли предлагаемую измену гетмана так: «Ведь козаки без помощи московских войск, но с помощью татар отбились против поляков и освободились из польской неволи. У московского царя выпросили они протекцию уже после и ни за что не хотели зваться царскими холопами, а звали себя царскими подданными. Теперь, когда московские цари окончательно помирились с Польшею, и поляки уже уступили Москве свое дедичное право над ними, козаки опасаются: не стала бы Москва держать их так же, как держит своих прочих подвластных, и не укоротила бы их прав и вольностей, добытых кровью, а за свои права и вольности козаки крепко стоят. Есть между козаками такие, что попрозорливее прочих, и гетман их именно из таких: те смекнули, что выйдет, когда Москва Крым завоеует! И крымские татары, как и козаки, почитают себя людьми вольными; царь их, крымский хан, управляет своими подвластными, насколько те ему позволяют;

и татары, и козаки служат на войне без жалованья; оба народа одинаково дорожат своими привилегиями. Вот они между собой и поразумели, что им надобно друг за друга стоять, потому что конечное покорение одного народа отзовется вредно на другом. Козаки разочли, что государи поопасаются нарушать их права и вольности, если оба народа, козаки и татары, живучи между собою в дружбе и союзе, будут готовы подняться одни за других».

Вспору были такие толки и объяснения после того, как в Москве раз уже поколебалось доверие к гетману, и мысль о том, что гетман способен противодействовать Москве, не казалась уже невозможною, как прежде. Кроме того, у всемогущего любимца царевны Софьи были давние счеты с гетманом Самойловичем. Самойлович, как мы видели, подружился с князем Григорием Григорьевичем Ромодановским, а Голицын был нерасположен к последнему. В продолжение нескольких лет Голицын скрывал свое неудовольствие, и в письмах к гетману именовал его своим искренним приятелем, но в душе его ненавидел. Когда Голицын поднялся до крайней высоты, а гетман навлек на себя подозрение своими советами не мириться с Польшею, Голицын поручил Л. Р. Неплюеву сойтись с лицами, близкими к гетману и через них выведать задушевные мысли и намерения гетмана. По известию Гордона, Неплюев нашел для этого подходящими двух малороссиян, которым гетман поручал важнейшие дела: одного Гордон называет генерал-адъютантом, другого секретарем. Таких титулов в Малороссии не существовало; ясно, что Гордон окрестил ими каких-то лиц, носивших иные местные чиновные названия. Думают, и не без основания, что под генерал-адъютантом он разумел генерального асаула Мазепу, а под секретарем — Кочубея, бывшего войсковым канцеляристом, а потом сделавшегося генеральным писарем. Действительно, Самойлович в последнее время этим лицам, более чем иным, поверял важнейшие дела. От них-то Неплюев узнал многое такое, что набрасывало тень на преданность гетмана московским властям. Надобно прибавить, что боярин Голицын и мимо всякого посредника имел возможность близко узнать Мазепу, который в последнее время чуть не каждый год, а иногда не однажды в год, ездил в Москву, и при своем вкрадчивом характере, любезности в обхождении, образованности и уме успел уже понравиться Голицыну.

Подозрение, возникшее в кругу великороссийских военачальников, как подлитие масла в огонь, пришлось кстати той неприязни, которая существовала против гетмана между малороссиянами. Много было у него врагов в среде управляемых им — и очень мало друзей. «Сначала, — говорит малороссийский летописец, — этот человек был ко всем ласков и покорлив, но когда укрепился в своей власти и разбогател, то стал горд и заносчив». Такая перемена в характере гетмана стала ощутительною после взятия Дорошенка.

То было время самого милостивого внимания к нему московского правительства. Событие с Рославцем и Адамовичем показывало, как трудно было столкнуть Самойловича с высоты величия. Беспре-
станные похвалы и часто присылаемые из Москвы подарки избаловали его. Самойлович стал держать себя не только с народом, но и с знатными людьми, как самодержавный деспот. С ним — нельзя было говорить иначе, как стоя; даже старшины и полковники не садились в его присутствии; никто не дерзал ему ни в чем перечить, никто не смел подавать ему совет в наложении поборов, в назначении расходов, тем менее требовать от него каких-нибудь отчетов; всем воинским скарбом распорядился он по своему произволу, куда хотел и кому хотел давал деньги, кого хотел, жаловал именьями и отнимал все, у кого хотел отнять. К нему во двор никто не смел войти с палкою в руке и с покрытой головой. Даже к духовному сану не оказывал он уважения, забывая, что сам по происхождению был попович. Когда случалось ему быть в церкви, он не ходил с прочими богомольцами получать антидор из рук священника, а священник должен был сам подносить его гетману, что соблазняло тогдашнее малороссийское общество; а если, куда-нибудь едучи, например, хоть бы на охоту, встречал гетман священника, то считал это для себя дурным предзнаменованием и гневался на священника. По выражению поданной на него старшинами челобитной, старшины от его похвальных слов и гнева бывали «как мертвы» и каждый час могли ожидать себе всего дурного. Малороссиян соблазняло даже и то, что этот разбогатевший и расчванившийся гетман-попович ездил не иначе, как в карете, и сыновья его полковники усвоили такой же панский обычай, противный для малороссиян, так как он напоминал им польских панов. Алчность гетмана и сыновей его, казалось, не имела пределов: за получение урядов брались посулы, а получившие эти уряды старались вознаградить себя всякими утеснениями над подчиненными; без взятки не было приступа к гетману, а кто ничего не даст, тот ничего и не добьется. Он окружал себя людьми мелкими, которых сам поднял, и эти люди, раболепствуя перед ним, именем его дозволяли себе всевозможные насилия и несправедливости. Во всей Гетманщине в управление Самойловича не было ни суда, ни расправы без взяток, и много козацких мельниц было захвачено у владельцев и приписано к гетманским; ничья собственность не была обеспечена: что у кого ему полюбитя, то себе и берет, а коли не он сам, так дети его возьмут. Такими описывали гетмана и сыновей его старшины в своем доносе.

Приписываемая ему алчность подтверждается большим движимым имуществом, оставшимся после его низложения и состоявшим в большом избытке наличной монеты (4.916 червонцев, 47.432 талера, 2.286 левков, 3.814 серебряных копеек и 3.000 чехов), столовой серебряной посуды, золотых и серебряных украшений с драго-

ценными камнями, дорогого оружия, огромнейшего гардероба с мехами и богатыми мужскими и женскими одеждами, породистых лошадей, экипажей, сбруи, упряжи и проч. и проч.

Масса народа (посполство) раздражена была против гетмана заведением оранд (аренд) или откупов на вино, деготь и табак (винная, дегтярная и тютюнная оранда), и налога за помол с мельниц. Поборы эти с разрешения высшего московского правительства устанавливались на содержание охотного войска, которое, кроме обычного козацкого, набиралось из приходящих наемных охотников, состояло не только из малороссиян, но из чужеземцев (особенно поляков, сербов и волохов) и образовало полки конные (охочеконные или компанейцы) и пешие (сердюки). Охотники, записанные по полкам своим, расставлялись на лежи, т. е. на квартиры, в разных малороссийских полках, смотря по воле гетмана, помещались в жилищах посполитых обывателей, получали от хозяев содержание и, кроме того, годовичное жалованье из казначейства (войскового скарба), куда доставлялось оно с арендного сбора. По этой системе устроены были горелчаные, дегтярные и тютюнные шинки. За торговлю этими предметами вносилась в войсковой скарб заранее определенная сумма и годовичным сроком для такого взноса обыкновенно назначался праздник Пасхи. Никто ни из козаков, ни из посполитых не мог торговать этими предметами, не получивши дозволения, а те, которые приобретали это право, не могли продавать за пределами шинка в размере менее ста кварт горелки. Дегтю, вне шинка, нельзя было продавать не только квартами и ведрами, но даже и бочками, как и тютюну — локтем, фунтом и камнем, без ведома особ, заведующих орандами. Кто бы дерзнул поступать в ущерб постановленной оранды, того позволялось, за ведомостию полковника того полка, где совершалось преступление, «обирать за всего». Варить мед, пиво и брагу дозволялось всем свободно, но в универсале, в котором говорится о такой свободе, назначается с посполитых по «пол-золотому» (пол-злота) от варения пива. Обывателям в полках предоставлялось внести определенную сумму и устроить у себя по своему рассмотрению арендное управление. Такой взнос назывался «ратою». Не все местечки и села, лежащие в полках, подчинялись орандной «рате», наложенной на полк; для некоторых делались исключения, и это естественно производило путаницу и недоразумения. По заключении мира России с Польшею все думали, что теперь дадутся народу льготы и оранд не будет. Но вышло не так. Предполагавшаяся война против бусурман требовала поборов, и «раты» не только не были уничтожены, но размер их увеличился, как это можно видеть из того, что с Лубенского полка в 1685 году размер раты простирался до 7.010 злотых, а в 1686 году до 17.000 злотых. Оранды были до крайности всем противны, народ приписывал их алчности и произволу гетмана-поповича, хотя на

самом деле они устанавливались с разрешения московского правительства. Впрочем, народ возмущался не столько самими орандами, сколько злоупотреблениями, сопровождавшими взимание этого рода поборов, как об этом свидетельствует и современный летописец.

Все это, однако, были условия, содействовавшие отрешению Самойловича; но главною причиною его падения было охлаждение к нему московской власти за нерасположение его к миру с Польшею и к союзу против Турции и Крыма. Старшины, не любившие гетмана за его высокомерие, алчность и самоуправство, смекнули, что настало время, когда их доносу поверят.

Войска снялись с берегов Конских-Вод и 4 июля достигли реки Самары. Прѣжде переправилось козацкое войско, а великороссийское оставалось еще на другом берегу. В это время каким-то случаем сгорели мосты, построенные через реку еще заранее старанием Неплюева. Козацкие старшины нашли удобным из этого случая сделать новый пункт обвинения на Самойловича в своем доносе: как будто гетман умышленно приказал это сделать, чтоб оставить великороссиян отрезанными. Потрачено было не мало времени и трудов на построение вновь этих мостов.

Двигаясь далее, войска 7 июля остановились у речки Кильчени. Здесь генеральные старшины, обозный Борковский, судья Воехович и писарь Прокопович, полковники Солонина, Лизогуб, Гамалея, Дмитрашко Райча и Степан Забела, да Кочубей подали донос боярину князю В. В. Голицыну. Подозревают, что главным заправщиком здесь был Мазепа, и подозрение это основательно, потому что впоследствии старшины спрашивали частным образом у Голицына, кого бы он желал видеть гетманом, и Голицын указал им на Мазепу. Через два года после описываемых событий Мазепа представил роспись деньгам и вещам, данным от него Голицыну в виде взятки, всего на 17.390 рублей, из которых 11.000 было дано наличною монетою, а прочее серебряными и золотыми вещами и дорогими тканями. Это, как показывал тогда Мазепа, дано было более поневоле, чем добровольно, с подущения и беспрестанных угроз Леонтия Романовича Неплюева, которому особо дано было 2.000 червонцев и на две тысячи разных драгоценностей: все это поступило из конфискованного тогда домашнего имущества Самойловича. Из этого известия видно, что при отрешении Самойловича действовали взятки, данные или обещанные Мазепою сильному временщику. В доносе, поданном боярину, старшины в подробностях сообщали, как Самойлович заявлял неудовольствие к союзу России с Польшею и к войне против турок и татар, что в сущности московскому правительству было уже давно достаточно известно, так как и сам гетман в своих чувствованиях не скрывался перед московскими посланниками. Затем доносчики указывали, что гетман во время настоящего похода противодействовал успеху русских войск: ему ставилось в

вину, что он давал советы выступить в поход с большими силами и непременно раннею весною, что он не предпринимал никаких мер к погашению степного пожара и вероятно сам произвел его, что он, наконец, тайно велел сжечь мосты, построенные на Самаре во время обратного перехода русских войск через эту реку. Была очевидна несостоятельность этих обвинений: у гетмана не было столько ни сил, ни средств, чтоб угасить степной пожар, охвативший разом пространство на многие сотни верст во все направления, а сожжение мостов не могло быть полезным ни для какой цели, и, наконец, если б гетман посылал производить пожары, то надлежало бы разом указать и на исполнителей такого приказания. Вместе с тем старшины обвиняли гетмана в высокомерном обхождении со старшинами, полковниками и знатными духовными и светскими людьми, в алчности, самоуправстве, нерасположении к московскому правительству и к великороссийским людям, — в скрытном намерении образовать из Малой России отдельное владение: последнее очень странно доказывалось тем, что Самойлович не захотел ни за кого ни из малороссиян, ни из великороссиян отдавать своей меньшей дочери в замужество, а пригласил для нее из-за рубежа князя Юрия Четвертинского. Разом доносчики обвиняли и сыновей гетмана в таких же пороках, какими отличался их родитель. Донос этот, в форме челобитной, был составлен наскоро и чрезвычайно неосмотрительно. В нем, между прочим, сообщалось, что однажды гетман был на обеде у генерального обозного Борковского, куда приглашены были московских войск полковники. Козацкий полковник Гамалея, заспоривши с великороссийским полковником Борисовым, сказал: «что ты меня, полковник, порекаешь! не саблю нас взяли!» Гетман, слышавши это, рассмеялся, не сделал Гамалею никакого замечания, и — должно думать — в уме своем похвалил его за эти речи. Таким образом, в доносе на гетмана обвинялся Гамалея, как его единомышленник, между тем имя того же Гамалея стоит в числе подписавших этот донос.

Боярину Голицыну, давно уже недоброжелательствовавшему к гетману, был на руку такой донос, и он отправил его с гонцом в Москву, а гетману не подал ни малейшего вида.

Войска, следуя обычным путем, 11-го июля достигли до реки Орели и там остановились на несколько дней. 12-го числа приехал толмач из Крыма с письмом к Голицыну от салтана Нуреддина, который изъявлял удивление, что мир нарушен без всяких причин, и русские войска предприняли поход на Крым. Вслед затем из Москвы прибыл думный дьяк Шакловитый, тогдашний приближенный царевны Софии. Он привез боярину Голицыну похвалы за его подвиги, а гетману вопрос: зачем он приказал жечь траву на степи? Гетман отвечал, что никому не давал такого приказа. Тогда уже мог уразуметь гетман, что ему устраивают западню; однако, скрывая

внутреннюю душевную тревогу, он по поводу прибытия думного дьяка устроил пир и пригласил знатнейших военачальников. Во время провозглашения царского здоровья палили из пушек, а по окончании пира все участвовавшие в нем дарили гетмана по тогдашнему обычаю. Между тем донос был уже послан, пропасть под гетманом вырыта.

15-го июля двинулись войска далее; 21-го июля достигли реки Коломака, перешли ее и расположились на возвышенном берегу этой реки двумя лагерями: в одном на правой стороне были бояре: Алексей Семенович Шейн и князь Владимир Дмитриевич Долгоруков, в другом, на левой стороне — гетман и князь Константин Осипович Щербатов; расстояние от одного лагеря до другого было около трех верст. На другой день гетман угощал у себя польского резидента, прибывшего к войску, и не знал, что беда уже висела у него над шеєю...

В этот самый день прискакал из Москвы гонец с ответным указом на отписку боярина о доносе, поданном старшинами на гетмана. Князю Голицыну указывалось арестовать гетмана, сообразно желаниям старшин отрешить его от гетманского уряда и послать в великороссийские города, назначив ему пребывание по своему усмотрению, а затем устроить выбор нового гетмана.

Боярин Голицын, получивши такой указ, позвал к себе великороссийских полковников, находившихся в лагере гетмана, и сказал им:

«Окружите ставку гетмана вашими полками, так чтоб ни к нему никто не мог придти, ни от него выйти, и скажите старшинам, чтоб они гетмана доставили сюда ко мне. Сделайте только это без шума, а то козаки, народ пьяный и буйный, как бы не произвели тревоги, потому что они своего гетмана не терпят».

Это предпринято было для того, чтоб кто-нибудь не вышел от гетмана и не переслал преждевременно вести его сыну Григорию, находившемуся со значительною частью козацкого войска близ Сечи.

Великороссийские полковники сообщили по секрету обо всем старшинам, и с приближением ночи окружили ставку гетмана сторожею из великороссийских стрельцов. Один из малороссийских летописцев сообщает, что этих стрельцов сам гетман перед тем выпросил для обережения своей особы, так как он не доверял уже своим козакам. Враги Самойловича, старшины и полковники, всю ночь не спали и, находясь в сообщении с великороссийскими, дожидались рассвета.

Самойлович догадался, что значит неожиданное появление великороссийской стражи, провел ночь тревожно, а на рассвете отправился к заутрене в походную церковь, устроенную в особой палатке, неподалеку от гетманского шатра. Когда читалось

шестипсалмие, в церковь вошли старшины и стояли до окончания богослужения, считая грехом прерывать его. Когда заутреня кончилась, к гетману подошел Войца-Сербин, бывший переяславский полковник, за подущение народа в пользу поляков отставленный Самойловичем и сосланный в великороссийские города, отпущенный оттуда после мира с Польшею и, однако, не забывший давней ссоры с гетманом. Он взял гетмана Самойловича за руку и грубо сказал: «пане гетмане! потребуе тебе вийско!» Гетман повиновался и молча вышел из церкви. Тогда на него посыпались упреки и ругательства, а киевский полковник замахнулся на него бухом, но товарищи удержали его, ограничиваясь только тем, что по малороссийскому обычаю обзывали «скурвым сыном» своего гетмана, перед которым еще накануне не смели стоять в шапке. Самойлович сказал, что он желает видеть великороссийских полковников и говорить с ними; полковники эти не замедлили явиться и без зова; они вели на встречу гетману его сына Якова, стародубского полковника. Находясь при своем полку, Яков Самойлович проведаль, что угрожает его родителю, и пошел к нему на заре, но пройти к гетману было уже невозможно; Якова схватили, привели к отцу, когда тот вышел из церкви, и повели вместе с отцом. К ставке боярина путь был не близок для пешего хождения; гетмана посадили в простую тележку, а сына его верхом на кляче без седла. В таком виде обоих привезли в великороссийский стан и приставили к ним караул.

Боярин Голицын приказал собраться всем боярам, генералам и полковникам у приказного шатра и позвать старшин, обвинителей гетмана.

Перед собранием начальных великороссийских лиц, сидевших на своих местах по чинам, козацкие старшины в короткой речи изложили суть того, что у них было написано в челобитной, и в заключение просили учинить над гетманом правосудие.

Все начальные люди привстали с своих мест и князь Голицын сказал козацким старшинам:

«Не затеяно ли все это вами из досады и ненависти к гетману по каким-нибудь частным оскорблениям, которые могли бы вознаградиться иным путем?»

На этот вопрос последовал такой ответ:

— Хотя много досад и оскорблений делалось от него многим из нас и всему народу малороссийскому, но мы бы не посмели поднять на него рук, если б он не был изменник; теперь же, по долгу присяги, нам умолчать невозможно. Он так ожесточил против себя всех, что нам стоило не малого труда удержать народную злобу, а то его растерзали бы козаки.

Голицын приказал привести гетмана.

Вошел Самойлович. Голова у него была повязана мокрым платком: он постоянно прикладывал себе мокрый платок на голову,

спасаясь от беспокоивших его головных и глазных болей. Он опирался на трость с серебряным набалдашником.

Князь Голицын в коротких словах сообщил ему, в чем его обвиняли. Гетман все отрицал и заявил готовность оправдать себя перед судом. Но старшины подняли против него крик и брань; Дмитрашка Райча хотел ударить его саблею; боярин остановил его и сказал:

— Он приведен сюда для того, чтоб судить его, а не для того, чтоб его убивать без суда незаконно!

Боярин велел стрельцам увести Самойловича и караулить.

Затем боярин объявил: так как Самойлович войску негоден, то он отрешается от гетманского уряда и весь войсковой порядок до избрания нового гетмана поручается генеральному обозному Борковскому.

Старшины передали боярину бунчук и булаву и просили вручить тому, кто будет вновь избран гетманом. Для открытия избирательной рады необходимо царское знамя, и боярин послал за ним думного дьяка Емельяна Украинцева. Тогда боярин приказал писать к духовным лицам и к отсутствовавшим значным козакам, чтоб они прибыли на избирательную раду. Двое гонцов были посланы в тот же день — один в Москву с известием об арестовании гетмана, другой — к Неплюеву с приказанием арестовать Григория Самойловича и всех благоприятелей гетмана, из которых первым на виду казался Леонтий Полуботок, генеральный бунчужный, управлявший тогда Переяславским полком. Старшины от себя послали туда же полтавского асаула Черняка.

Между тем разнеслась по войску весть об отрешении Самойловича и произвела волнение, но не из сочувствия к гетману, а из ненависти к нему и к его управлению. Прежде всего забурлили козаки Гадяцкого полка, убили своего полкового обозного Кияшку и с ним несколько человек товарищей. Боярин Голицын, услышавши о таких беспорядках, послал великорусских ратных людей для усмирения мятежных гадячан. Но своеволие быстро распространилось в других полках; козаки стали уходить компаниями, с тем, чтобы волновать посполство и подущать мужиков бить орендарей и жечь владельческие усадьбы. Это побудило Голицына ускорить выбор нового гетмана, чтоб скорее восстановить в крае власть и порядок. Он назначил избирательную раду на 25 июля.

Посланный от козаков Черняк опередил Неплюева и первый увиделся с Григорием Самойловичем, сообщил ему об отрешении от гетманства отца его и потребовал, чтобы Григорий передал булаву наказного гетманства миргородскому полковнику Апостолу. «А тож мой отец винен!» — произнес со вздохом Григорий Самойлович, отдал булаву Апостолу, но удержал еще свой полковничий пернач, так как его не отрешали от полковничества, и вслед за Апостолом

пошел к Кодаку. Неплюев шел за ним вслед. По известию Величка, Григорий тогда написал и отправил к князю Голицыну письмо, в котором просил пощады и правосудия для родителя и поручал покровительству князя своих семейных и родных. Дошли до Кодака.

В Кодаке стояли с своими полками высланные в отряд козацкие полковники. Козаки Прилуцкого полка, услышавши, что нелюбимого Самойловича уже нет в гетманстве, пришли в ярость против своих полковых старшин, схватили своего полковника, старого Лазаря Горленка, и живого сожгли в горячей печи; других побили. И в иных полках, стоявших там, происходило волнение, но убийств было меньше: переяславского полковника Полуботка и наказного нежинского Ярему только арестовали. У Григория Самойловича нашлись тогда охранители против народной ярости — пешие охотные козаки, сердюки: они окопали ставку полковника окопом и готовились защищать его оружием. Но Неплюев успокоил их, и сам Григорий Самойлович, видя, что сопротивление во всяком случае бесполезно, сдался, явился к Неплюеву и положил перед ним свой полковничий пернач. «Здравствуй, Гриша!» сказал ему Неплюев со злобною улыбкою, и тотчас приказал его заковать в кандалы, а все имущество, бывшее с ним, взял, по выражению малороссийского летописца, «до своей ласки и протекции». Неплюев доставил Григория Самойловича Голицыну, который поручил генералу Гордону везти его в Севск под строжайшим караулом. Гордон 23 августа сдал его тамошнему дьяку.

Князь Голицын счел совершенно бесполезным чинить розыск по поводу обвинений гетмана, считая достаточным для отрешения его от гетманского уряда только то обстоятельство, что войско не желало иметь его гетманом, и предоставлял Богу рассудить, если донос против него был только злословием. При этом он указывал на пример турецкого султана, который сменял крымских ханов, не разыскивая, по одному только челобитью татар. Продержавши несколько времени Самойловича под караулом при своем обозе, он отправил его в Орел, потом рекою Окою повезли гетмана с сыном Яковом в Нижний-Новгород, и в сентябре того же года состоялся царский указ послать их в Кукарку, и, там дождавшись зимнего пути, отправить в Тобольск, а сына его Якова с женою в Енисейск. Так — заметил летописец, — Бог карает тех, кто по гордости считает ни за что других: вместо маетностей и сокровищ — великое убожество, вместо дорогих карет — московская тележка с подводчиком, вместо парадных слуг — караул из стрельцов, вместо музыкальных инструментов — ежедневный плач и сожаление о своей глупой гордости, вместо роскоши — бедственная неволя. Все огромное домашнее имущество Самойловича было описано и отобрано: половина его пошла в царскую казну, а другая в казну войсковую малороссийскую. Жена низложенного гетмана была отослана в

Седнево на житье: ей в виде милостыни дали из бывшего собственного состояния часть платья, выбравши для нее такое, какое было попроще, все белье и 200 рублей денег. Там осуждена была она жить с дочерьми в крайней бедности.

Сыну гетмана, Григорию, суждена была иная доля. Современник говорит, что он, подобно отцу, был высокомерен и заносчив, надменно обращался с козаками и посполством, звался не полковником, а паном; двор его был постоянно охраняем сердюками, состоявшими у него на годовом жалованье и бывшими единственными людьми, ему преданными. Все прочее ненавидело его; он был неприступен и даже священники по несколько дней должны были домогаться доступа к этому поповскому внуку. В доносе, поданном на его родителя, о Григории Самойловиче рассказывается следующее: черниговский войт хотел поставить на городской ратуше изображение орла в знамение того, что город Чернигов — древнейшая собственность царского рода; полковник не дозволил этого и говорил: «не будете, мужики, жить на свете, когда хотите выламываться из подданства па́ну-отцу моему и отдаться Москве». Вероятно, полковник в выходке войта увидел повторение проделок Рославца, новую попытку угодить Москве намерением отдать часть Малороссии в непосредственную власть царских воевод, изъявши из-под гетманского регимента. После взятия под стражу Григория Самойловича последнее событие, бывшее с ним в Кодаке, растолковано было намерением сопротивляться царской воле; Григория подвергли в Севске допросу и пытке; он уверял, что укреплял свою ставку, охраняя себя от ярости козаков, а не от царского воеводы, но таких уверений не приняли и осудили Григория на смертную казнь. Такую суровость над Григорием Самойловичем объясняют тем, что Неплюев боялся, как бы гетманский сын, оставшись живым, не уличил его, что он присвоил себе его имущество в Кодаке. Казнь была совершена за городом Севском мучительным способом: Григорию Самойловичу отрубили голову не сразу, но в три приема, нарочно затем, чтоб увеличить страдания.

О дальнейшей судьбе сосланного гетмана и сына его сохранились такие известия. В 1690 году Ивана Самойловича уже не стало. В это время сына его Якова перевели из Енисейска в Тобольск к отцу, но он не успел застать родителя в живых, а сам окончил жизнь 9-го июля 1695 года. Вдова его, Анна Владимировна, дочь генерала Швейковского, подала челобитную о дозволении ей, ради средств к пропитанию, воротиться к братьям, смоленской шляхте Швейковским, и в сентябре того же года состоялся царский указ о препровождении ее в Москву в сибирский Приказ, откуда велено будет сдать ее в Приказ Малой России.

Мазепа

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Происхождение Мазепы. — Его юность. — Пребывание при польском королевском дворе. — Приключение с Фальбовскими. — Переход Мазепы к козакам. — События в его жизни до избрания в гетманы. — Избрание. — Укрощение своевольств. — Поступок с имуществом Самойловича. — Постройка Новобогородска. — Недовольство запорожцев. — Преследование сторонников Самойловича. — Нерасположение гетмана к митрополиту Гедвону Четвертинскому, его племяннику и некоторым старшинам. — Первый донос на гетмана.

По известию, доставленному в Археографическую комиссию¹ графом Брюэль-Плятером, Иван Степанович Мазепа-Колединский, шляхетного происхождения герба Бонч, родился в 1629 году. Сообщение это имеет вес: граф Брюэль-Плятер — сам владелец архива князей Вишневецких и кроме того всегда находился в сношениях с другими польскими владельцами старинных архивов; но это сообщение, не подтвержденное никакими современными свидетельствами, противоречит шведским известиям тех современников, которые близко видели и знали Мазепу в 1708 году; они говорят, что тогда было ему 64 года от рождения, тогда как ему должно было быть 79 лет, если б он родился в 1629 году. Очень может быть, что оба известия не вполне точны, как это читатель заметит из некоторых черт его жизни.

По общему мнению современников, Мазепа был уроженцем из малороссийского края и увидел впервые Божий свет в селе Мазепинцах, лежащем недалеко от Белой Церкви, на реке Каменке. Это имение пожаловано было в 1572 году королем Сигизмундом-Августом предку Ивана Степановича, шляхтичу Николаю Мазепе-Колединскому, с обязательством отправлять за него службу по староству Белоцерковскому. Сам Иван Степанович, будучи уже гетманом, сообщал в Малороссийский приказ, что у родителей

¹ Петербургская Археографическая комиссия учреждена в 1834 г. для публикации документов по истории России.

его было двое детей — сын и дочь, и отец отправил сына, т. е. его, Ивана Степановича, на воспитание ко двору Яна-Казимира, где он был «покоевым». Король послал его в числе трех молодых шляхтичей куда-то за границу для образования на три года: король Ян-Казимир имел обыкновение каждый год высылать с этою целью трех молодых людей шляхетского звания на королевский счет. По возвращении из чужих краев в 1659 году мы встречаем Мазепу в качестве королевского придворного с важным поручением к гетману козацкому Ивану Выговскому, а в следующих годах — к гетманам Юрию Хмельницкому и (в 1663 году) к Павлу Тетере. Видно, что хотя он был еще в молодых летах, но уже пользовался доверием короля, как человек умный и сметливый. Несомненно; в то время он был верен польской власти. Вскоре с ним случились события, побудившие его удалиться от двора королевского и потом вовсе из Польши.

Рассказывают, что этот молодой человек, по своему времени отлично воспитанный, приобрел при королевском дворе светский лоск и притом, одаренный красивой наружностью, имел способность нравиться женщинам; он завел тайную связь с одной госпожой, но муж последней, подметив это, приказал схватить Мазепу, привязать к лошадиному хвосту и пустить в поле; эта лошадь, еще не обученная и приведенная к господину из Украины, очутившись на воле, понеслась с привязанным к ее хвосту человеком в украинские степи. Козаки нашли его полумертвым от боли и голода, привели в чувство, и он, оправившись, остался между козаками. Другой историк, Стебельский, рассказывает тот же анекдот, прибавляя, что господин, с женой которого был в связи Мазепа, раздел его донага, облил дегтем, обсыпал пухом, посадил на дикую лошадь, привязав его к ней веревками, и пустил на произвол судьбы. Подобное излагается и в истории Отвиновского. Это рассказано подробнее и правдоподобнее в записках Паска, служившего разом с Мазепою при дворе Яна-Казимира и сообщающего несколько сведений о молодости Мазепы. По его известиям, в 1661 году Мазепа, находясь при королевском дворе, оговорил перед королем своего товарища Паска, будто последний, по поручению коронного войска, находившегося тогда во вражде с королем, ездил к войску литовскому подущать его против своего государя. Паска арестовали, разобрали дело, оправдали, и король подарил ему 500 червонцев, а Мазепа был временно удален от двора, но скоро опять был допущен. В следующем 1662 году Пасек, на забывая причиненного ему оскорбления и будучи навеселе, ударил Мазепу, Мазепа схватился за оружие. Бывшие при этом свидетелями придворные не приняла сторону Мазепы, потому что не любили и не уважали его: он был «козак» и в их глазах «не слишком-то благородный» (*nie bardzo nobilitowany*). Драка во

дворце, да еще в преддверии покоев, где находился тогда король, считалась большим преступлением, но король, услышавши об этом, сказал: «Клевета показывается больнее раны. Хорошо еще, что не столкнулись между собою где-нибудь на дороге». Он призвал к себе Паска и Мазепу, приказал им перед своими глазами обняться и простить друг другу взаимные оскорбления.

На следующий 1663 год Мазепа вышел из Польши, по выражению Паска, со срамом. Пасек описывает в таком виде приключение с чужой женой и ревнивым мужем. На Волыни была у Мазепы деревушка, по соседству с ним жил в своем имении какой-то пан, по фамилии Фальбовский. Проживая временно в своей деревне, Мазепа втерся в дом к Фальбовскому, понравился жене его и стал бывать там часто в такое время, когда хозяйина не было дома. Домашние слуги донесли пану, что Мазепа и пани Фальбовская пересылаются между собой записками, а при свидании наедине беседуют. Пан Фальбовский, не сказавши ничего жене, попрощался с нею, как будто отправляясь куда-то далеко, и выехал со двора. Отъехавши немного, он остановился на той дороге, по которой, как ему донесли, Мазепа ездил к жене его. Вдруг бежит обычный посланец с запиской от жены к Мазепе — это был тот самый слуга, который открыл пану о связи его жены с Мазепой. Пан Фальбовский взял у слуги женину записку и прочитал в ней любезное приглашение Мазепе с извещением, что муж уехал в далекий путь. Фальбовский возвратил записку посланцу и сказал: «Поезжай и проси ответа. Скажи, что пани приказала скорее!» Слуга поехал далее с запиской, а пан остался ждать на месте, так как до Мазепина двора оттуда не было и двух миль. Исполнивши свое поручение, посланец ворочался назад с ответною запискою Мазепы, в которой было обещание приехать тотчас. Немного прошло времени, как едет и сам Мазепа. Встретились, повидались как добрые знакомые. «Куда едете, ваша милость?» — спрашивал пан Фальбовский. Мазепа назвал какое-то иное место. «Ко мне прошу заехать!» — сказал пан Фальбовский. Мазепа отговаривался тем, что ему надобно спешить в названное им место, и при этом заметил: «Да ведь и вы, пане, я вижу, также куда-то едете». Тут пан Фальбовский хватает Мазепу за шиворот, показывает его записку к своей жене и говорит: «А это что?» Мазепа стал ни жив ни мертв. Он уверял, что едет к нему в дом в его отсутствие в первый раз. «Хлоп! — сказал Фальбовский слуге, который недавно возил к Мазепе записку. — Сколько раз этот господин бывал в моем доме без меня?» Служитель отвечал: «Столько раз, сколько у меня волос на голове». Фальбовский сказал Мазепе: «Выбирай теперь себе род смерти!» Мазепа просил не убивать его и во всем признался. Фальбовский приказал ему раздеться донага, посадил на собственном коне без седла, оборотивши лицом к хвосту, а затылком к голове лошади, приказал связать ему руки назад, а

ноги подвязать веревками под брюхо лошади, потом велел коня, пылкого по натуре, напугать криком и ударами плети да вдобавок произвести у него над самыми ушами несколько выстрелов. Испуганный конь понесся во всю прыть домой по узкой тропинке, которая шла зарослями посреди шиповника, диких груш и терновых кустов. Даже и тот, кто бы держал поводья в руках, должен был, едучи по этой тропинке, беспрестанно нагибаться и уклоняться от колючих растений, иначе могла задеть его по голове ветка или разодрать платье, а каково то было, говорит описатель, голому, посаженному задом к конской голове, сидеть на коне, когда тот от испуга и боли летел что есть духу!.. Мазепу, когда он выехал из дома, провожало двое или трое слугителей, но пан Фальбовский не пустил их с господином, чтоб они не могли спасти его. Конь донес Мазепу до ворот его двора еле живого. Мазепа кричит, зовет сторожа; сторож, слышавши голос хозяина, отворил было ворота, но как увидел на коне пугало, тотчас затворился и спрятался. Мазепа зовет дворню: дворня выглядывает из-за дверей и только крестится. Мазепа уверяет людей, что он их господин, но они ему не верят, и с большим трудом мог он объясниться с ними, пока его впустили во двор, прозябшего и исколотого до крови.

Пасек, личный недоброжелатель Мазепы, говорит, что именно после этого происшествия он покинул навсегда Польшу от стыда. Но летопись Величка, сообщающая между прочим, что Мазепа поступил ко двору Яна-Казимира уже после того, как обучался в Киеве риторике, а потом где-то философии и при своих природных способностях получил всестороннее образование («яко был беглец во всяких речах»), говорит, что Мазепа оставил придворную службу тогда, когда король Ян-Казимир предпринял поход с войском на левую сторону Украины под Глухов и на пути остановился в Белой Церкви, следовательно, в конце 1663 года. Здесь Мазепа отклонился от войска короля и остался при своем старом отце, жившем в своем имении, в селе Мазепинцах. Когда Павло Тетеря, считавшийся с польской стороны козацким гетманом, убежал в Польшу, а козацким предводителем стал Петро Дорошенко, Иван Степанович Мазепа пристал к последнему и тотчас обратил на себя его внимание своими способностями и ловкостью («для своей росторопности и цекавости»). Сперва он сделан был ротмистром гетманской надворной компании, потом получил чин писаря. Будучи у Дорошенка, Мазепа вступил в брак с богатою вдовой Фридрикевич, у которой от первого брака был сын по имени Крыштоф. Брак этот совершился в Корсуне. Нам неизвестно, какое имя носила его жена по родителям, но она была родственница прилуцкому полковнику Горленку.

Дальнейшие события жизни этого человека — его первое прибытие в Переяслав к гетману Самойловичу в качестве посла от

Дорошенка, его посылка в Турцию с невольниками, когда он был схвачен на дороге запорожцами, его отправление в Москву, где он, действуя во вред Дорошенку, сумел поддаться в доверие московским боярам, его многолетнее пребывание при гетмане Самойловиче сперва в звании войскового товарища, потом в чине генерального асаула, наконец, его интриги, употребленные им перед всемогущим временщиком князем Василием Васильевичем Голицыным для погубления гетмана Самойловича, — все это изложено в нашем сочинении «Руина», напечатанном в Вестнике Европы в 1879-1880 годах, сочинении, которого непосредственным продолжением должна признаваться настоящая монография.

По низложении Самойловича (20 июля 1687 года) назначен был день 25 июля днем избрания нового гетмана. Накануне, 24 числа июля, перед вечером несколько великорусских полков и стрельцы по приказу князя Голицына двинулись на широкую ровную возвышенность, господствующую над рекою Коломаком близ козацкого стана. Они разбили царский шатер во ста сажнях от стана, поставили около шатра стулья и скамьи, а перед самим шатром — небольшой столик, покрытый ковром.

На другой день, 25 июля, около 10 часов утра вышел туда главнокомандующий князь Василий Васильевич Голицын с боярами, а за ними следовали великорусские ратные силы разрядов Рязанского и Новгородского. Разом с ними понесли «клейноты» (знаки гетманского достоинства): бунчук, булаву и царское знамя. Толпы козачков — конных в 800 человек и пеших в 1200 — приблизились к шатру. Из них вызвано было несколько знатнейших чиновных особ, и они, вслед за боярами, отправились в походную церковь, куда понесли и гетманские «клейноты». В этой церкви совершено было архимандритом, протопопом и священниками непродолжительное молебствие с освящением «клейнотов». После того все вышли из церкви. Клейноты положены были на столе перед шатром, поставили там образ Всемилоственного Спаса, положили крест и Евангелие. Боярин князь Василий Васильевич Голицын стал на скамью и возвестил козакам, что по их челобитью цари и великие государи прислали свой милостивый указ, чтоб Ивану Самойловичу гетманом у них не быть, а на его место избрать другого, кого они, старшины, и все войско излюбят и вольными голосами изберут. Затем была прочтена дьяком царская грамота в таком же смысле.

Козаки крикнули: «Рады за великих государей умирать и кровь свою проливать и в подданстве у них желаем быть вечно».

«Козаки! — сказал Голицын, — по вашему извечному обычаю, изберите себе гетмана вольными голосами, объявите, кого желаете избрать гетманом».

Несколько минут было тихо. Наконец, стоявшие ближе прознесли имя Ивана Мазепы. Они, конечно, знали, что могущест-

венный временщик расположен к нему и желает доставить ему гетманское достоинство. Имя это стало быстро произноситься и по задней толпе. Немногие голоса произнесли было имя обозного, Василия Борковского, но его тотчас заглушили крики: «Мазепа, Мазепа, нехай, буде гетман!» Мазепа, с его изумительным умением влезать всем в душу, успел уже расположить к себе многих, независимо от того, что большая часть готова была признать его гетманом, зная, что того хочет Голицын.

Несколько раз князь Голицын повторял свой вопрос и несколько раз в ответ ему прогремело имя Ивана Мазепы. Затем думный дяк взошел на скамью и прочел прежде статьи, на которых отдавался Московскому государству гетман Богдан Хмельницкий в Переяславе: эти статьи составляли основной закон, по которому край малороссийский сделался частью русской державы; потом прочитаны были новые статьи: то были царские решения на пункты в челобитной, поданной перед тем козаками. Объявлялось, что новоизбранный гетман со всеми старшинами должен будет подписать эти статьи и сообразно с ними принести присягу на верность. Обозный Борковский, как знатнейшее по чину лицо после гетмана, отвечал от имени целого козачества согласиём. Затем старшины подписали предложенные статьи, а новоизбранный гетман перед крестом и Евангелием произнес присягу в знак своего вступления в высокую должность.

После этого совершался обряд, отправлявшийся при избрании каждого гетмана. Государев ближний боярин вручал Мазепе гетманские «клейноты» с приличными изречениями. По окончании обряда все великоруссы двинулись в свой стан, а новоизбранный гетман провожал Голицына и прочих бояр до половины дороги. В один из следующих затем дней новый гетман угощал боярина, всех великорусских начальных лиц и своих старшин. Много было тогда выпито с произнесением заздравных пожеланий, дано было пять залпов из орудий, а по окончании пира одарили 15 знатных особ. 29 июля выступил гетман с козаками и двумя пешими великорусскими полками, сверх того с ним отправился конный полк смоленской шляхты, который для усмирения возникшего в Малороссии своевольства должен был находиться при гетмане до тех пор, пока гетман найдет возможным отпустить его.

Всех новых статей, составлявших прибавление к статьям гетмана Хмельницкого, было 22. Большая часть их повторяет то, что уже постановлялось при избрании прежних гетманов по челобитным от козаков, всегда добивавшихся сохранения своих вольностей — льгот от всяких податей и повинностей, возлагаемых исключительно на мещан и посольство¹, неподсудности воеводам,

¹ Крестьянство.

права владеть именьями по жалованным грамотам, права вольного избрания гетмана. Гетман не должен был сменять старшин без царского указа, хотя виновных дозволялось ему казнить смертью по своим правам, донося о том государю. Число войск оставлялось на волю рады, но жалованье реестровым¹ — по 30 злотых рядовому козаку — полагалось только в комплекте тридцати тысяч. Подтверждалось также содержание полка в 1000 человек для укрощения своевольных, которые, оставя свои работы, назывались козаками и производили в крае шатость и измену, а для охранения гетманской особы в Батурине полагалось быть стрелецкому полку, с тем чтобы гетман выдавал на содержание его хлебный запас. Козаки в своей челобитной домогались и теперь, как бывало при прежних избраниях, дозволения принимать иноземных послов; но правительство отказало, и при этом было присовокуплено: так как с Польшею заключен уже вечный мир², то гетман и старшины должны смотреть, чтобы жители малороссийского края довольствовались городами, отшедшими в царскую сторону, и отнюдь не вступались бы в те города, которые оставлены по вечному мирному договору под властью польского короля; если же бы с польской стороны оказалась какая-нибудь противность, то гетман и старшины обязаны писать о том к великим государям, но сами не должны нарушать мира с поляками. С крымским ханом русская держава находилась еще в открытой войне и потому малороссийскому правительству вменялось в обязанности по надобности посылать военные силы против татар. Для удержания татарских набегов положено было построить укрепленные города на Днепре против Кодака, на реках: Самаре, Орели и на устьях Берестовой и Орчика, а населять их малороссийскими жителями. Вместе с тем до окончания войны с Крымом запрещалось запорожцам и всем малороссийским жителям вести торговые сношения с татарами. Старшины в своей челобитной просили, чтоб имущество отрешенного Самойловича отдано было в войсковую казну, но правительство решило отдать туда только половину, а другую обратить в казну великого государя.

Гетман с берегов Коломака отправился к Гадячу, и там появлялись к нему владельцы маестностей³ и арендаторы с жалобами на буйную чернь, которая многих торговцев и вообще зажиточных людей ограбила, а иных даже и умертвила. Открывалось, что к таким своевольствам подучали поспольство те козаки, которые еще до избрания нового гетмана тотчас по отрешении Самойловича

¹ Т.е. казакам, записанным в официальном реестре.

² «Вечный мир» между Россией и Польшей подписан в Москве в 1686 г.

³ Именей.

ушли из обоза, стоявшего на берегу Коломака. По гетманскому указу полковники и сотники в своих ведомствах принялись ловить своевольных, сажать их в тюрьмы и производить над ними розыски. Тогда в разных полках эти розыски сопровождались большими жестокостями. Тем, которые признаны были главными зачинщиками и возмутителями, ломали руки и ноги, других казнили менее мучительной смертью — отрубали головы или вешали, у иных в наказание отнимали имущество, а некоторых, увлеченных в преступление по неразумению, били палками, выражаясь, что из них выбивали глупость. Наконец, гетман разослал повсюду универсал, которым предоставлял каждому, кто потерпел от кого-либо оскорбление, искать на противнике судом, а не прибегать к самоуправству.

Гетман из Гадяча вместе с генеральными старшинами прибыл в свой Батурин и оттуда отослал данный ему отряд смоленской шляхты, удержавши при себе только тех стрельцов, которые по царской воле назначались оберегать его особу.

Тогда произведен был осмотр и раздел имущества низложенного Самойловича. Из Москвы приехал царский чиновник, который должен был забрать из этого имущества половину, следуемую в казну. Немало было этого имущества; оно, кроме денег, состояло в металлической посуде, мужских и женских одеждах, украшениях, мехах, оружии, сбруе. Раздел длился несколько недель. По свидетельству современника, иное еще и до раздела, а иное и после раздела из этого имущества было самовольно похищено роднею гетмана и его слугами, некоторые присвоили себе кое-что и с дозволения самого гетмана. Тогда оказались такие особы, которые при прежнем гетмане находились почти в нищете, а при новом гетмане вдруг явились владельцами состояния в несколько тысяч злотых. Величко говорит, что сам он лично знал таких и вспоминает о двух: об одном запорожце, бывшем у гетмана покоевым, а о другом — цирюльнике. Такие счастливицы обогатились от крупниц, падавших к ним из сокровищницы Самойловича, которая в воображении современников принимала баснословные размеры. Недаром несчастного гетмана обвиняли в алчности и грабительстве: обильны были его палаты и кладовые всякого рода драгоценными вещами, как показывает сохранившаяся опись, много было у него экипажей, лошадей, скота и стад. Половина, как говорят, не пошла ни в царскую казну, ни в войсковой скарб. Мазепа не установил особого войскового «скарбника» для наблюдения вообще за войсковою казною, а старшины тоже не обратили тогда на этот важный вопрос внимания, предоставляя новому гетману заведовать войсковою казною по своему произволу, как бывало и при Самойловиче, даром что последнему было поставлено это в вину. У нового гетмана были свои слуги, которым он доверял

приходы и расходы, и только в определенные сроки давал отчет собранию старшин и полковников, но те в таких случаях обыкновенно только одобряли поступки гетмана. От этого выходило, что, собственно, с гетманскими доходами обращались очень экономно, а войсковая казна тратилась не только на содержание охотного войска и на жалованье козакам, но и на частные прихоти гетмана и его двора, а также и на всякие подарки. Чтобы расположить к себе старшин, гетман после своего водворения в Батурине учреждал чуть не каждый день пиры для старшин и полковников и обдабривал гостей своих на счет Самойловичевой сокровищницы. Самому князю Василию Васильевичу Голицыну в благодарность за оказанное покровительство при своем избрании Мазепа заплатил 10 000 руб. из того же источника.

Вторая половина 1687 года проводилась в веселых пирах и празднествах в Батурине, а с ранней весны 1688 года принялись за построение городков сообразно статье договора, утвержденного на избирательной раде. Важнейший из этих городков на берегу Самары начат был в марте, а окончен к августу того же года. Постройкою заведовал сам гетман с Леонтием Романовичем Неплюевым и Григорием Ивановичем Косаговым. Московское правительство думало производить эту постройку, сгоняя на работу малороссийское посольство, но гетман нашел неудобным отрывать народ от летних работ и предпочел исполнить это дело козаками по выбору из шести полков. Работою занято было до двадцати тысяч рук. Городок этот был расположен на русской стороне реки Самары, выше Вольного Брода и ниже другого брода, называемого Песчаным. Гетман доносил, что эта крепость будет «в окрестных государствах явна и славна, великим государям к чести, а неприятелям страх и разорение». Гетман, по царскому указу, приглашал универсадами охотников, как из малороссиян, так из великороссиян, поселиться у новопостроенного укрепления, места для поселения отводились за крепостным валом. В середине городка построена была деревянная церковь во имя Живоносного Источника Пресвятой Богородицы, отчего и городок назван был Новобогородским¹. Воеводою оставлен был Косагов с тысячею ратных людей, но вскоре заменил его Волконский, а Косагову велено быть снова в знакомом ему Запорожье.

Постройка городка на Самаре произвела волнение между запорожцами. Мазепа это предвидел и потому, собираясь строить городок, старался не допускать об этом вести до Запорожья, но об этом сообщил туда бывший в Москве посланцем из Сечи Ли-

¹ Ныне Новомосковск. Закладка церкви происходила 23 апреля (в пятницу на святой неделе, когда празднуется Живоносный Источник), а освящение церкви и крепости — 1 августа.

похой. Там сделалось волнение уже весной, и кошевой Григорий Сагайдачный писал гетману, что все Войско низовое бьет челом великим государям, чтобы не строить городков в державе Войска низового, где у запорожцев есть достояние — свои рощи и пасеки. Гетман отвечал, что городок строится ввиду предполагаемых военных действий против татар, как временное складочное место боевых и хлебных запасов, а вовсе не с тем, чтобы постоянно занять край и наносить убытки запорожцам в их рыбных и пчелиных промыслах. Для успокоения кошевого гетман послал ему в дар 1000 червонных. Запорожское недовольство, как всегда бывало, ограничивалось только временными криками. Всегда искали запорожцы повода волноваться, но скоро и успокаивались.

Важнее было то, что каждое волнение в Запорожье легко и быстро отражалось в гетманщине. Городовые козаки не имели таких причин быть недовольными постройкой городков на Самаре, как запорожцы, зато в Украине было немало таких, которых могли возбуждать запорожцы, постоянно шатавшиеся по гетманщине. То были, как и в прежние времена, тяглые рабочие люди, так называемые мужики, самовольно «вбившиеся» в козацкое звание. На этот раз такие люди находились в последнем крымском походе и, ставши случайно козаками, не хотели отречься от козацкого звания и возвращаться в мужицкое, а этого от них требовало малороссийское правительство на том основании, что они, будучи зажиточнейшими, выбыли из мужицтва, в мужицтве же остались убогие, на которых исключительно падают все тягости, какие прежде несли вместе с ними и вышедшие из тягла самовольно в козаки. Кроме того, в полках Лубенском и Миргородском запорожцы возбуждали народ к ропоту за утеснение от полковых властей, и гетман доносил, что можно опасаться бунта. По таким донесениям, московское правительство указывало гетману действовать, если нужно будет, и оружием для усмирения запорожцев и укрощения шатости в Украине, при содействии великороссийских войск, а для охранения гетманской особы в Батурии послало еще 300 ратных людей к прежним семи стам. Но гетман сообразил, что известие о беспокойствах в Малороссии может в Москве зародить мнение о неумении его самого держать в повиновении управляемый край, и потому спешил известить, что он уже исправил те оскорбления, которые делал народу бывший гетман, водворил в стране спокойствие и сам совершенно безопасен, особенно под охранением двух стрелецких полков и охотных козаков. Кошевой уже не противился царской воле, но в Сече все еще раздавались мятежные голоса, толковавшие, что лучше запорожцам мимо царской воли помириться с Крымскою ордой и вести свободно торговлю с Крымом. Однако, толкуя о таком примирении с крымцами, сечевики не прочь были и воевать против крымцев

и досадовали, зачем Косагов не ведет их на войну, как обещал. «Нас просто обманывают, — кричали запорожцы. — Говорят, будто крепость построена для военного времени, а на войну не идут, и выходит, что ее построили только нам в досаду».

Низложивши Самойловича, Мазепа опасался оставшихся в Малороссии близких его сторонников. Ближе всех по родству с отрешенным гетманом был племянник Самойловича, Михайло Василевич Галицкий, бывший гадяцкий полковник. Отставленный от полковнического уряда¹, он проживал в слободе Михайловке в Слободской Украине. Не оставлял его там в покое новый гетман, поднимал против него обвинения за прежние поступки по управлению полком и, кроме того, за произнесение каких-то «плевосетельных» слов. Другой сторонник и приятель бывшего гетмана Самойловича был Леонтий Полуботок; и его возненавидел гетман и доносил в Москву, что Полуботок тайно сносится с крымским ханом. Нерасположен был гетман и к митрополиту Гедeonу, бывшему в дружелюбных отношениях к Самойловичу, а еще более к его племяннику, князю Юрию Четвертинскому, жениху дочери Самойловича. Гетман боялся, чтобы вызванный в Москву на житье князь Юрий не вредил ему, и писал к своему покровителю князю Вас. Вас. Голицыну, будто до него дошли слухи, что Юрий Четвертинский, живя в столице, говорит о гетмане непристойные речи; хвалится, что бывшего гетмана опять поставит на гетманский уряд, а тот уже отомстит своим недругам — и в малороссийский край князь Юрий «озывается» к своей бывшей невесте; пристав, поставленный в Москве наблюдать над ним, ему ни в чем не воспрещает потому, что «всегда с ним в подпитии». О самом митрополите Гедeоне Мазепа писал, что это человек злобный и мстительный и гетман от него опасается тайных и явных врагов. Будучи недоброжелателем Гедeона, гетман дружил с архиепископом Лазарем Барановичем, бывшим прежде в ссоре с Гедeоном, и, при содействии гетмана, Лазарь выхлопотал возвращение себе трех протопопий, отобранных Гедeоном и присоединенных к киевской митрополии, причем просил изъять его архиепископию от духовной зависимости киевскому митрополиту и подчинить непосредственно московскому патриарху. В письме своем к царям Лазарь жаловался на бывшего гетмана и радовался, что с избранием нового наступили лучшие времена.

Гетман в своих донесениях чернил не только таких лиц, которые были друзьями и приверженцами бывшего гетмана, но набрасывал тень и на других, даже на таких, которые прежде заодно с ним содействовали гибели Самойловича и которым наружно все еще он оказывал покровительство и благорасположение. Так, Генерально-

¹ Должности.

му асаулу Войце Сербину он дал универсал на маестности в селе Подлипном, в Нежинском полку, а полковнику переяславскому Дмитрашке Райче — на село Березань, в полку Переяславском, и сам ходатайствовал в Малороссийском приказе о выдаче им жалованных грамот по своим универсалам. Но тот же гетман тайно писал в Москву о Войце Сербине, что он ему, гетману, нежелателен, а о Дмитрашке Райче припоминал давние дурные дела его еще при Многогрешном и Бруховецком, представляя, что его ненавидят полчане за то, что, будучи волоским¹ уроженцем, ставит сотниками своих земляков, и все полчане просят, чтоб он не был у них полковником и не жил бы в их городе. По донесению гетмана, Дмитрашку Райчу потребовали в то время в Великороссию. Когда гетман отправился на постройку Новобогородска, Дмитрашка, находясь в Севске, жаловался князю Голицыну, что гетман делает стеснения жене его, оставшейся в Малороссии, а гетман по этому поводу писал тому же князю Голицыну, что на Дмитрашку Райчу есть подозрение в изменнических замыслах и следует его препроводить к войсковому суду. «Вы десять лет меня знаете, — писал Мазепа, — способен ли я кому-нибудь завидовать и чинить козни на чужое здоровье! Я Дмитрашке Райче не враг, пусть бы он только не сеял плевел, а вот здесь, по его письмам, твердят, что его скоро приведут с каким-то боярином для принятия некоторого чина». Счел нужным Мазепа набросить некоторую тень и на киевского полковника Солонину, хотя недавно перед тем решил в его пользу спор с киевским воеводой и киевпечерскими старцами. Но вслед за тем он указывал на письмо Солонины к гетману, в котором тот просил защитить его от «Москвы». Солонина разумел здесь киевского воеводу, своего личного недоброжелателя. Но Мазепа придал словам его более общий смысл. «Странно, — заметил гетман, — как этот мужик дерзает так писать».

Так Мазепа делал тайный вред своим соумышленникам по делу низложения Самойловича, — он их опасался. Эти люди недавно испробовали, как возможно при посредстве низкопоклонничества пред сильными московского мира свергать своих гетманов; могли они подумывать, нельзя ли и с Мазепой то же сделать, что сделали с Самойловичем. И Мазепа старался заранее скovyрнуть тех, от которых мог ожидать вредных против себя интриг, но не зная наверное: удастся ли ему, не хотел допускать на себя упреков в несправедливости. Поэтому он поступал двулично: одним и тем же явно покровительствовал, а тайно чернил доносами, на тот конец, чтоб обеспечить за собою доверие в Москве, когда эти люди вздумают вредить ему.

¹ Валахи (волохи) — народность, вошедшая в середине XIX в. в состав Румынского княжества.

В Киеве между тем появился первый письменный донос на самого гетмана, открывший собою целый ряд доносов все в одном и том же смысле. Доносчиком был какой-то поп-расстрига из Путивля. В его доносе было сказано, что гетман сносится тайно с поляками, дружит с ними и тайно покупает себе в Польше маетности. Киевский воевода отправил доносчика с товарищем в Москву, а из Москвы их препроводили в Батурино к гетману. «Мню, — писал Мазепа к Голицыну, — что сии оболгатели, по уговору особ на мене враждующих, с баснями послани суть». Сообщая, что он приказал посадить их обоих под караул, гетман уверял князя Голицына в своей простоте, незлобии и неизменной верности престолу.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Приготовления к новому походу на Крым. — Известия от турецких христиан. — Архимандрит Исая. — Шакловитый у Мазепы. — Мнения о гетмане в Малороссии. — Поход в степь. — Встреча с татарами. — Возвращение. — Восхваления и награды Голицыну. — Приезд Мазепы со старшинами в столицу. — Переворот в правлении. — Гетман у Троицы. — Прибавочные статьи. — Царские милости.

В конце лета 1688 года в Москве решено было возобновить на следующую весну войну с бусурманами. Пришли от римского императора и от Венецианской республики к московскому правительству побудительные призывы действовать сообща против турок. Извещали, что настает время самое удобное победить и искоренить бусурман и освободить от их ига православных христиан, — туркам приходится худо, со всех сторон потери и поражения, на севере в Сербии потеряли они Белград, а на юге — Селунь (Солунь) и остров Кандия завоеваны венецианцами. Такой счастливой для христиан поры уже тысяча лет как не бывало. В Москву стали приходиться обращения прямо из восточно-православного мира, поработанного мусульманами. От бывшего константинопольского патриарха Дионисия, лишенного своего сана за дружбу с Россией, прибыл архимандрит Исая. Он привез грамоту от имени всех вселенских патриархов, в которой излагалось то же, что и в грамотах римского императора и Венецианской республики: наступило удобное время с надеждою на успех ополчиться на неверных, — они пришли в крайнее бессилие и сами говорят, что к ним приближается конечная гибель. Но зато они с неистовством озлобились на православных христиан в Румелии¹, Морее², Болгарии и Сербии, причинили им много мук и поруганий, до трех тысяч истребили, а несчетное множество свез-

¹ С XVI по XIX в. название территорий бывшей Византии, захваченной османами.

² Средневековое название полуострова Пелопоннес.

ли в Азию и в Египет на поселение; они, с повеления своего султана и своего великого муфтия, намереваются разорить до основания все церкви и монастыри в тех краях, откуда выселили христиан, а оставшихся на прежних местах жительства перебить и таким образом искоренить все христианство. «В нашей стране нет ни города, ни местечка, где бы не творились поругания и разорения церквям Божиим, посрамлены архиереи и иереи: крест оплеван, хулился и укоряется имя Христово; неверные все только говорят: если б ваш Иисус был Бог, не оставил бы он своих поклонников в наших руках в неволе». Тот же архимандрит Исаяя привез грамоту от волоского (молдавского) господаря Щербана: тот советовал отправить разом два войска — одно на Буджак сухопутьем, другое водою на Дунай, а для удержания крымцев сосредоточить третье войско на Запорожье; затем просил принять всех православных христиан под царскую руку, уверял, что и он сам, и сосед его, владетель мультанский (валахский), с подвластными странами желают поступить в подданство московскому престолу ради единой веры и не замедлят выступить с семидесятитысячным войском на помощь царским силам. С тем же архимандритом прислал грамоту и нареченный сербский патриарх Арсений о том же, но делал предостерегательные внушения насчет союза с западным христианством.

«Западные державы, — писал он, — отняли у турок в Венгрии и в Морее местности, заселенные православным народом, но тотчас стали там вводить унию и обращать православные храмы в костелы. Если повезет им счастье далее и они завоюют Царьград, то православные христиане придут в окончательную погибель и вера православная искоренится. Православные христиане с радостью отдадутся под власть великих государей российских, но не под власть папешников¹».

Списки с привезенных Исаяею грамот посланы были на обсуждение гетману Мазепе, и тот в своей грамоте, посланной в Москву, согласно с сербским патриархом, представлял также, что западные союзники только того и желают, чтоб искоренить восточное православие, заменив его латинством в Царьграде и подвластных ему областях. «В том страхе правоверные христиане, яко духовные, тако и мирские, обретаючися, не имеют иного прибежища, токмо великих государей», — выражался Мазепа, вероятно, с целью сказать угодное верховной власти. Гетман, по царскому повелению, сообщил волоскому господарю, что, сообразно договору, заключенному царями с польским королем, войска обоих государств весною выступят на войну с решительною целью освободить всех христиан от мусульманского ига.

¹ Т. е. католиков.

19 сентября в Москве был объявлен царский указ всем служилым людям готовиться весною будущего года в поход против крымцев, а 28 сентября Мазепа сообщал, что малороссияне, услышав о предстоящей войне, приняли это известие с большой радостью и «ни в ком не объявится лености». Гетман советовал выступать весною как можно ранее, а чтобы неприятели не сожгли в степи сухой прошлогодней травы и не произвели степного пожара, затруднительного для русских войск, необходимо самим выжечь степь осенью: тогда новая трава скоро и беспрепятственно начнет расти следующей весною, и так русские войска будут идти по самой первой весенней зелени, и для войска это будет здоровее, так как еще не начнутся тягостные летние жары и не успеет явиться моровое поветрие, которое обыкновенно запорожцы через свои походы заносят из Крыма. Тогда бусурманы будут лишены в достатке конского корма; а если у татар лошади не будут сыты, то татары отпора не дадут. Такой совет подал тогда гетман, и, быть может, если б он был принят и исполнен, то и предположенный поход совершился бы удачно.

В октябре отправился к гетману в Батурин любимец царевны Софии и князя Голицына, Шакловитый, с милостивым словом к гетману, а вместе с тем и с тайным поручением проведать о верности самого гетмана и о степени расположения и доверия к нему подчиненных малороссиян. Шакловитый сообщил в Москву, что хотя в поступках гетмана не замечается наклонности к измене, но малороссияне его не любят, не доверяют ему, твердят, что он весь душою поляк и ведет тайные переписки с польскими панами. От таких известий в Москве не поколебалось доверие к гетману, напротив, оно должно было в то время укрепляться, потому что искренность его предостережений насчет западных держав подтверждалась известиями русского посла в Вене Возницына, доносившего секретно, что цесарское величество положительно хочет заключить мир с Турцией особо, без участия России; то же сообщалось и о другом союзнике — польском короле, хотя последний положительно заявлял, что ни за что не станет мириться с Турцией без согласия с Россиею.

Поход открылся в марте 1689 года. Великороссийских войск, выступивших в поле, было 112 000 под главным начальством князя Василия Васильевича Голицына. Генерал Гордон советовал в походе держаться берега Днепра и через каждые четыре перехода ставить крепости, а в каждой из крепостей оставлять по несколько сот человек. Такой способ предлагался в том соображении, чтобы русское войско могло иметь пункты опоры для своего продовольствия и для помещения раненых, а неприятелю могло это возбудить страх, так как ему показалось бы, что у русских очень великие силы. Другие начальные лица говорили, что лучше идти

прямо степью к Крыму. Главнокомандующий пристал к последнему мнению, принявши, впрочем, кое-что из мнения Гордонова: положили оставить у Самары часть войск под команду князя Ивана Федоровича Волынского, а со всем остальным идти в поход по левому берегу Днепра быстрым шагом, чтобы не допустить татар произвести степной пожар. Гетмана тогда на совете не было; его совет, данный еще прошлого года, о сожжении сухой травы в предшествовавшую осеннюю пору, остался, как видно, без исполнения. Гетман с целым своим regimentом¹ присоединился к главному войску около 20 апреля.

Следуя далее по предназначенному направлению, 11 мая соединенное войско достигло реки Каирки: оставалось еще четыре дня пути до Перекопа. Князь Голицын отрядил часть сил своих к Аслан-Керменю у Днепра и двинулся с целым корпусом далее на Перекоп. 14 мая войско достигло Зеленой Долины. Она была шириною в десять верст, изобиловала водою и травою. Русские расположились станом. Здесь пойманный татарин показал, что хан крымский за день перед тем стал у реки Каланчака, а его орда расположилась впереди, на Черной Долине. Русские по этой вести двинулись далее. На пространстве, отделяющем Черную Долину от Зеленой, появился отряд орды; она шла от Кизикерменской дороги и наступала с правой стороны на русское войско. Произошла битва, длившаяся от трех до четырех часов. С обеих сторон немало было убитых и раненых, но русские принудили татар отступить.

16 мая русские достигли Черной Долины. Тут справа появился сам хан со всеми своими силами. Полился сильный дождь. До полудня перевес был на стороне татар. Они с чрезвычайной быстротой напали на арьергард, загнали русскую конницу и пехоту в обоз, но пушечные выстрелы заставили их отступить. Тогда татары обратились на левое крыло русского войска, нанесли поражение двум слободским полкам, перебив у них много лошадей и людей, хотя и сами потерпели от ружейной и пушечной пальбы. После того уже татары не осмеливались вступать в бой и только издали показывали намерение нападать, а с наступлением ночи совсем скрылись из вида. На другой день, 17 мая, русские подвинулись далее, но главнокомандующий приказал ввести конницу в обоз, находя, что она не в силах будет удержать напор неприятеля, когда он явится. Вскоре татары снова появились, не увидавши конницы впереди обоза, а на пехоту нападать не осмелились и ушли к Каланчаку. Русские последовали за ними и к вечеру достигли Каланчака. Там нашли они достаточно травы и воды, но леса для дров не было. 20 мая русские дошли до Перекопа.

¹ Войсковым соединением.

Последние два дня перехода от Черной Долины до Перекопа оказались чересчур тягостными для русского войска. Князь Голицын в своем донесении говорит, что от самой Каирки войска шли восемь дней безводною степью: вопреки известию Гордона князь говорит, что в обеих долинах — Зеленой и Черной — воды вовсе не было, а в Каланчаке вода была дурного свойства. Гибли от безводья и лошади, и люди. Начиная чувствоваться скудость и хлебных запасов. Когда наконец русские добрались до Перекопа, то думали было сперва возводить шанцы и стали досматривать, откуда можно доставать воду и корм для лошадей. Оказалось, что все поля были потравлены и выбиты, воды недоставало ни в реках, ни в колодцах; с правой стороны Перекопа было Черное море, с левой — Гнилое, но в обоих вода соленая и для питья невозможная. Около Перекопа все посады и деревни были выжжены татарами. Соображая, что долго стоять под Перекопом будет для войск слишком затруднительно, князь Голицын попытался войти в сношения с ханом: в этом случае он доверял пленному татарину, который показал, что хан желает примириться. Но хан через присланного к князю Голицыну своего кеман-мурзу Сулешова изъявил готовность мириться не иначе как на условиях Бахчисарайского мира¹. Это побудило князя Голицына прервать и сношения с татарами и военные действия против них. 21 мая русские стали отступать назад. Впоследствии современники распускали слухи, будто князь Голицын в предшествовавшую тому ночь взял с хана взятку в две бочки золотых.

Гетман Мазепа, как и прочие военачальники, не участвовал в намерении главнокомандующего мириться с неприятелями, а когда князь Голицын послал к нему Венедикта Змиева спросить: не будет ли от такого примирения между козаками смуты, Мазепа, с своей обычной уклончивостью, не стал противоречить сильному временщику, но хотел всеми возможными способами отстранить себя от участия в таком деле, от которого мог ожидать со временем неприятных последствий, он отвечал, что козаки скучают, но измены от них он не ожидает.

На обратном пути целых восемь дней беспокоили отступавших русских татары, однако не причинили им большого вреда. Русские более терпели от безводья, пока им на облегчение не полился проливной дождь. 12 июня достигло войско до Самары. 24 июня Мазепа расстался с главнокомандующим и с берегов Коломака повернул с войском своего регимента в гетманщину. 27 июня сам

¹ Заключен между Россией, Турцией и Крымским ханством в Бахчисарае 13 января 1681 г. на 20 лет. Было признано воссоединение Левобережной Украины и Киева с Россией, а также подданство России запорожских казаков.

Голицын распустил все свое войско и с начальными людьми отправился в столицу. Сердечно преданная Голицыну, царица София спешила перед братьями-царями и перед вельможами выставить подвиги своего любимца в самом светлом виде. Сам князь Голицын в своих донесениях постоянно представлял ход дел в войске так, как будто русские одерживают над неприятелем блистательные победы одна за другою. 27 июля, в субботу, объявлена была похвала и царские милости боярам-предводителям во внутренних дворцовых покоях, а второстепенным начальным людям — на дворцовой лестнице. Бояре получили в дар кубки, кафтаны, вотчины, денежную придачу к окладам жалованья; прочим, второстепенным, давали ковши, материи на одежду, жаловали увеличением денежного оклада и обращением части числящихся за ними поместий в вотчины; иностранцам, бывшим в походе, пожалованы были серебряные кубки, соболи, материи на одежду и месячные жалованья не в зачет, в виде подарка. Имена убитых выставлены были в соборной церкви, дабы отцы, сыновья, братья и ближние родственными имели всегда перед глазами свидетельство о верности и подвигах своих кровных. Всем участвовавшим в походе розданы были на память золотые медали разной величины, смотря по достоинству чина каждого.

Слабоумного царя Иоанна сестре нетрудно было уверить, что ее любимец вел дело блистательно; но не могла София заставить так же думать и талантливого Петра, уже и без того озлобленного против сестры. Правда, 26 июля усиленные просьбы склонили его не препятствовать объявлению милостей и наград; но когда на другой день полководцы и начальные люди поехали в Преображенское благодарить за царские милости, Петр не принял никого, и тогда все поняли, что уже близка гроза и наступит перемена в правлении. Гроза разразилась в августе того же года. Начальник стрелецкого приказа Шакловитый, сторонник Софии, настраивал своих стрельцов против Петра, но двое из этих стрельцов, Мельнов и Ладогин, прибавши с собою других товарищей, убежали в Преображенское и сообщили Петру, что на него и на его мать, царицу Наталью Кирилловну, замышляется убийство. Ночью с 7 на 8 августа Петр вскочил с постели, едва успел обуться, в одном белье побежал в конюшню, сел на верховую лошадь и ускакал в лес; туда принесли ему платье, и он, верхом на той же лошади, тотчас уехал в Троицкий монастырь. На другой день к нему прибыли мать, жена и несколько ближних бояр, между которыми пользовался тогда особым доверием Петра князь Борис Голицын.

Когда в столице и ее окрестностях происходили такие смуты, в Москву приехал гетман Мазепа с старшинами, полковниками и с большою свитой. С ним приехали тогда генеральные стар-

шины: обозный Борковский, судья Савва Прокопович, писарь Василий Кочубей, асаул Андрей Гамалея и бунчужный Евфим Лизогуб; при каждом из этих старшин состояло по пяти козаков. Прибыли полковники: черниговский — Лизогуб, полтавский — Федор Жученко, нежинский — Степан Забела, миргородский — Данило Апостол и лубенский — Леонтий Свечка. С каждым из них был полковой писарь, а при некоторых еще и полковой судья. При особе полковника состояло по пяти козаков, а при полковом писаре и при полковом судье — по два козака. Сверх того с гетманом приехали тогда в Москву девять значных войсковых товарищей старших, семнадцать значных войсковых товарищей молодых и восемь канцеляристов. При каждом из этих лиц было по козаку. Затем собственный штат гетмана состоял из восьми дворян гетманских, близких к особе гетмана; при каждом из них также было по козаку. Дворовых гетманских людей было 70 человек, 50 драгунов, 12 музыкантов, — всего при гетмане и при всех знатных особах было 304 человека. Разом с гетманом прибыли в Москву и пять духовных сановников.

Встречать их выслан был стремянного полка полковник стольник Иван Циклер с 500 конными рейтарами и с двумя ротами подъячих Малороссийского приказа. Дьяк Василий Бобынин приехал с царскою каретою для почетного гостя и от имени царей и царевны спросил гетмана о здоровье. Гетман счел уместным похвалить царскую карету и сказать: «Благодарю Бога, что сподобил меня чести сесть в царскую карету!» Гетмана ввели в Калужские ворота, потом, через плавучий мост, провезли в Москворецкие ворота, а далее, следуя Ильинским крестцом, привезли на большой Посольский двор, где назначено было ему помещение со всеми прибывшими с ним малороссиянами. Гетман не знал еще, что происходит «наверху», не мог предвидеть скорого падения власти Софии и временщика, считал Голицына неизменно могучим, а потому в разговорах с приставами (которые должны были о его речах доносить князю Голицыну) расхваливал подвиги князя Василия Васильевича в крымском походе. «Никогда еще, — говорил Мазепа, — не бывало бусурманам такого страха, как от князя Василия Васильевича, ближнего боярина! Жаль, что за безводными и бескормными местами не успели разорить Перекопа!.. Но ведь в древних хрониках писано: персидский царь Дарий приходил войной на Крым и войска у него было множество, а все-таки не мог он взять Перекопа за безводием и бескормицею и принужден был уйти, и зарок дал, что не пойдет более в тот край!»

На другой день после приезда в Москву гетмана с малороссиянами повезли во дворец для торжественного представления. Думный дьяк проговорил пышную речь, восхвалил славные подвиги князя Василия Васильевича Голицына, нанесшего бусурма-

нам такое поражение, «какого они себе не чаяли и такому подобного не слыхано». И гетману отдавалась похвала как участнику победоносного дела. Тогда гетману даны были от имени государей дары: серебряный рукомошник с лоханью, золотой пояс с турецкими драгоценными камнями, золотая узда с наперстью. Гетман и все малороссияне были у руки одного из государей, Иоанна Алексеевича. Петра здесь не было. Потом гетман посетил патриарха Иоакима.

С месяц после того сидели малороссияне со своим гетманом в большом Посольском дворе, а тем временем в столице совершались великие дела. Пошла решительная, последняя борьба между братом и сестрой. Петр из Троицкого монастыря потребовал к себе служилых. София всеми средствами старалась удерживать стрельцов от перехода к Петру, а между тем пыталась посылать к брату сначала бояр, а потом патриарха, с целью как-нибудь уладить возникший спор. Все было напрасно, — и бояре, и патриарх остались при Петре у Троицы. Петр дал приказание всем стрелецким и солдатским начальным людям, под опасением смертной казни заслушание, прибыть к Троице, взявши с собою по десяти человек простых рядовых из каждого полка, а вместе с ними должны были явиться к государю московской гостинной сотни и всех московских черных сотен с десятью тяглецами из каждой сотни и слободы. Все повиновались. Тогда Петр потребовал выдачи Шакловитого и его сообщников стрельцов, обвиняемых в злоумышлении на жизнь Петра и его матери. София принуждена была уступить, потому что все стрельцы уже перешли на сторону Петра. Шакловитого выдали и казнили. Князь Василий Васильевич Голицын не принимал участия в московских смутах этих дней и запрятался в свою подмосковную вотчину Медведково; но после выдачи Шакловитого 7 сентября отправился к Петру вместе со своим товарищем и другом Леонтием Неплюевым, окольничим Венедиктом Змиевым, Григорием Ивановым Косаговым и думным дьяком Емельяном Игнатьевым Украинцевым. Князь Голицын приготовился доказывать Петру свою невинность, но его не допустили ни до каких объяснений, а прямо объявили приговор, которым лишали его всех вотчин и назначили ему жить в ссылке в Каргополе: виною ему поставлено было то, что он провозгласил самовольно царевну Софию верховною правительницею, тратил бесплодно государственную казну и совершил два напрасных похода в Крым, ничего не сделавши. Неплюева за обиды, нанесенные севским жителям во время своего управления, за грабительства и разорение Комарницкой волости, лишив всех имений, сослали в Пустозерск. Змиева удалили в его деревни, а Косагова и Украинцева оправдали. Только влиянию любимца Петрова, князя Бориса Алексеевича Голицына, обязан был падший временщик

тем, что не подвергся смертной казни. Впрочем, на другой год Каргополь был найден слишком удобным для такого преступника: его перевели в Яренск, а еще через год сослали в Пустозерск, потом в Пинегу, где он и умер в крайней бедности, в преклонных летах, в 1713 году.

Казалось бы, с падением временщика должна была постигнуть неблагоприятная участь и гетмана Мазепу, который был возведен в гетманский сан главным образом по влиянию князя Василия Васильевича и с той поры держался его милостями. Действительно, Мазепа уже тогда ожидал себе беды, а бывшие с ним малороссияне советовались между собою, кого теперь придется им избирать в гетманы вместо Мазепы: об отрешении последнего, казалось, не могло быть никакого сомнения. Волею-неволею по царскому приказу отправился Мазепа со своею ассистенциею¹ к торжествующему царю Петру. 9 сентября, когда он, едуци к Троице, доехал до села Воздвиженского, ему было прислано царское приказание остановиться и ждать, пока позовут его. Страшно, конечно, ему было ожидать этого зова. Но пришлось ему томиться ожиданием недолго. На другой же день, 10 сентября, его позвали. На Троицком посаде малороссияне встретили великолепный шатер, поставленный для приема их гетмана. В тот же день, после полудня, гетман был допущен к царю. Он вошел, одетый в богатый кафтан, окруженный старшинами; за ним козаки несли блестящие дары; то были: золотой крест, осыпанный драгоценными камнями, сабля в дорогой оправе, стоившая 2000 рублей, и 10 аршин золотного аксамиту² для царской матери — царицы Натальи Кирилловны, а для царицы Евдокии — золотные ожерелья с алмазами. Молодой царь, статный и красивый, сидел одетый в бархатный кафтан, окруженный боярами, одетыми в байберековые³ кафтаны. Думный дьяк Украинцев объявил гетману и всем старшинам похвалу за военные походы с Голицыным. Таким образом давалось знать, что немилость царя к Голицыну за его крымский поход не падает на участников этого похода — Мазепу и все войско запорожское, так как козаки в этом походе исполняли только свой долг и не могли принимать ответственности за ошибки главного предводителя. Думный дьяк, проговоривши свою речь, сказал гетману, что он может теперь говорить к великому государю, если имеет нужду. Мазепа прежде всего заметил о трудности своего сана, тем более что он, как старик, не может похвалиться здоровьем, но он давал обещание служить царю верно, до пролития последней капли крови, бил челом, чтобы великий государь дер-

¹ Т. е. с сопровождавшими его лицами.

² Виды дорогих тканей.

³ Виды дорогих материй.

жал его всегда в своей милости со всеми старшинами и со всем народом малороссийским. Речь Мазепы, вполне до нас не дошедшая, понравилась Петру. Сверх ожидания многих, он принял очень милостиво и ласково гетмана и всех старшин. Ласковый прием придавал гетману смелости, и он тут же подал государю челобитную, чернившую Василия Васильевича Голицына и товарища последнего Леонтия Неплюева. Он доносил царю, что Леонтий Неплюев угрозами вынудил у него дать князю Голицыну отчасти из пожитков отрешенного гетмана Самойловича, а отчасти из собственного своего «именьишка», которое по милости монаршей нажил на гетманском уряде, 11 000 рублей червонцами и ефимками, более трех пудов серебряной посуды, на 5000 рублей драгоценных вещей и три турецких коня с убором. Любопытна записка Мазепы, сохранившаяся в делах Государственного архива вместе с письмами царевны Софии, показывающая, что Мазепа после своего избрания в гетманы заплатил князю Голицыну взятку за содействие. В нравственных правилах Ивана Степановича смолоду укоренилась черта, что он, замечая упадок той силы, на которую прежде опирался, не затруднялся никакими ощущениями и побуждениями, чтобы не содействовать вреду падающей прежде благодетельной для него силы. Измена своим благодетелям не раз уже выказывалась в его жизни. Так он изменил Польше, перешедши к заклятому ее врагу Дорошенку; так он покинул Дорошенка, как только увидел, что власть его колеблется; так, и еще беззастенчивее, поступил он с Самойловичем, пригревшем его и поднявшим его на высоту старшинского звания. Так же поступал он теперь со своим величайшим благодетелем, перед которым еще недавно льстил и унижался. И ему на этот раз удалось более, чем все прежние разы. Он заслужил к себе милость царя Петра. Вероятно, теперь ему помогла та природная вкрадчивость, та способность всем нравиться с первого раза, способность, которая живет с человеком и с ним умирает, оставляя мало следов для потомков, задающихся изучением исторического лица. По единогласному свидетельству лично знавших этого человека, ему была присуща в высшей степени такая способность. Петру не представлялось ничего против этого человека. Если он слушался Голицына, то потому, что в руках Голицына была верховная власть. Избран был Мазепа в гетманы по желанию всего войска запорожского вольными голосами; от старшин на него не было челобитных; ничто не возбуждало к нему царского неудовольствия, а заявлением о Голицыне и Неплюеве Мазепа отклонил от себя подозрение крепкой солидарности с Голицыным и его друзьями.

14 сентября думный дьяк предложил гетману и старшинам, не найдут ли они нужным представить соображения к изменению чего-нибудь в статьях договора, составленного на коломацкой раде.

Замечено было, что вопрос об арендах на этой раде остался нерешенным, но и теперь оставляли его решить голосом всего народа, которые будут отбираться по вопросам, разосланным в полки. Гетман находил необходимым произвести новую перепись всем козакам, чтоб отделить настоящих козаков от своевольных мужиков, беспрестанно втирающихся в козаки, а затем надобно будет строго наблюдать, чтобы мужики отнюдь самовольно не вписывались в козачество. Старшины старались не допускать в козаки посполитых, чтобы держать последних у себя в подданстве с их землей. Со старшинами заодно того же домогались все войсковые товарищи, владевшие маетностями. Мазепа, как поляк по воспитанию, мирволил этому «панскому» направлению; но ему хотелось, чтобы «паны», то есть владельцы маетностей, зависели от него, и потому обратил внимание правительства на то, что некоторые малороссияне ездил в Москву и там выхлопывали себе маетности в Малороссии. Отсюда происходили, как выражался гетман, «трудности и неналежная докука». Тот, кто недавно получил грамоту в Москве, домогается отвода ему земли во владение, сообразно жалованной грамоте, а тут явится кто-нибудь другой и докучает гетману, указывая, что у него есть более давнее право на владение, сообразно гетманскому универсалу. На это представление гетману отвечали, что вперед не будут выдавать жалованных грамот на маетности без предварительных гетманских универсалов. В этот приезд гетмана в Москву выдано было множество жалованных грамот на маетности, и тогда, можно сказать, более чем в прежние времена положен был фундамент частного землевладения в Малороссии и зачало будущего малороссийского дворянства. Кроме общей жалованной грамоты всему малороссийскому народу на бывшие у каждого лица поземельные владения, самому гетману Мазепе даны грамоты на села Остроч и Ядловку в Баришевском повете Переяславского полка, которые гетман тогда же пожертвовал на содержание богадельни при Киево-Печерском монастыре, на село Кочуровку в Глузовском повете, где у гетмана был двор и водяная мельница на реке Есмани, и на село Самбур в Красненском повете. Всеми этими маетностями владел Мазепа и прежде, в звании генерального асаула, а теперь они отдавались ему в потомственное владение. Еще прежде своего приезда в Москву исходатайствовал гетман утверждение своих универсалов: за генеральным писарем Кочубеем села Диканьки и Ярославца, за генеральным судьей Вуеховичем двух сел в Полтавском повете, за Михайлом Гамалеєю на села в Любецком повете, за генеральным бунчужным Евфимом Лизогубом сел: Погребки, Кишки и Крапивное с мельницами на реке Сейме, за басанским сотником Янковичем, нежинским полковником Степаном Забелою и охотничьими полковниками: Герасимом Василевичем, Яворским, Ко-

жуховским и Новицким — на пожалованные им всем маетности. В приезд Мазепы в Москву, по гетманскому ходатайству, даны грамоты на маетности и многим другим лицам.

Гетман покровительствовал тогда и литературным трудам в своем крае. По его рекомендации, еще до приезда его в Москву привозили в столицу старцы Киево-Николаевского монастыря книгу Радивиловского «Венец Христов», а старцы печерские — книгу «Венец от цветов духовного винограда печерского» для поднесения их государям. Разом с гетманом приезжал в столицу глуховский житель Афанасий Заруцкий с книгою «На похвалу великих государей». Он подавал Голицыну челобитную, где изъявлял желание потрудиться и впредь «в начертании книжном к прославлению престола их царских величеств и его князя Голицына, чтоб испытно чином весь летописец о родстве их царских величеств написан был, дабы и в настоящее время мудрым людям было что прочитать». Он заявлял, что до сих пор он писал кратко, но теперь хотел бы написать подробнее, и просил снабдить его летописями, потому что в малороссийском крае таковых нельзя было найти.

19 сентября малороссияне были отпущены из Москвы. На отпуске гетману и старшинам надарили соболей, разных пряностей и лакомств, вина, уксусу и проч.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Волнения в Малороссии в отсутствие гетмана. — Смута из Запорожья. — Писарь Сажка. — Сношения запорожцев с Польшею. — Атаман Лазука. — Подозрения на Польшу. — Недруги Мазепы в малороссийском крае. — Леонтий Полуботок. — Михайло Василевич Галицкий. — Пасквиль на гетмана. — Подсылка Шумлянско-го. — Доморацкий. — Чернец Соломон. — Выдача их и казнь. — Чалиенко и другие враги гетмана. — Новый пасквиль. — Мать и сестра Мазепы. — Доверие и милость к гетману московского правительства.

Поездка гетмана в Москву не обошлась без некоторых смут в Малороссии. Гетман, отъезжая в столицу, поручил вместо себя управление краем в звании наказного гетмана генеральному судье Вуеховичу, а для защиты рубежей гетманщины от татарских вторжений расставил вдоль Днепра охотных козаков и засеимские сотни Нежинского полка, давши над теми и другими наказное начальство стародубскому полковнику Миклашевскому. Боялись татар, но тревога наступила от своих, а не от чужих. Гетман получил от Вуеховича известие, что в Ромнах, в Чернухах, в Басани — в Переяславском полку, в Кобыляках и Будищах — в Полтавском полку и во всех побережных городках пошли слухи, что гетмана задержат в Москве со старшинами, отпустятся назад только бывшие с ними незнатные люди; толковали даже, что «некий иной чин имеет быти». Такие слухи распространяли запорожцы, злобствовавшие на гетмана за то, что он запретил малороссиянам ездить на Запорожье для торговли и лишил Запорожскую Сечь возможности получать хлеб и другие предметы продовольствия из Малороссии. Запорожцы ошибались: такие стеснительные меры последовали по воле московского правительства, и гетман, будучи в Москве, ходатайствовал об их отмене. Вуехович писал, что трудно ему удерживать спокойствие, люди его не слушают, властей не уважают и уходят в разные стороны: те на низ в степи, а те к Бугу и иным речкам на правой стороне Днепра. Из полков Гадяцкого, Миргородского и Лубенского под-

нимается поспольство большими громадами на правый берег Днепра искать новоселья; иные же, доносил Вуехович, думают и нечто новое у себя зачать. Правобережная Украина, по-видимому, начинала для малороссиян левого берега делаться такой же обетованной землей, какой лет пятнадцать тому назад казались для Правобережной Украины Левобережная и Слободской край. «Что можем мы сделать, — писал Вуехович, — с какими-нибудь несколькими тысячами дворян (т. е. гетманской надворной команды) против большого числа непослушных! Не так страшны нам неверные татары, как свои нехристи, которые страха Божия не имеют и начальства не слушают. Множество их порывается на ту сторону Днепра искать себе житья, а запорожцы разглашают, что татар бояться нечего, что татары нам не враги и хан приказал отпустить на свободу всех, которых татары недавно захватили на другом берегу Днепра, когда те ходили за ягодами и за дровами». Вуехович умолял гетмана поспешить на Украину и издать универсал к народу; о том же доносили гетману генеральный хоружий Ломиковский и стародубский полковник Миклашевский: последний писал, что, находясь на страже в Днепровской пристани, он принужден был пропускать несколько возов за Днепр, потому что весь народ роптал, почему не дозволяют ходить на низ за звериными и рыбными промыслами.

Шатание с места на место, искание льготного жития на новосельях было тогда в нравах малороссийского народа не только в гетманщине, но и в тех краях, где селились выходцы слобожане Путивльского уезда слободы Терновой жители малороссияне, поверстанные службой к севскому воеводе, самовольно убежали со службы, забрали свои семьи и ушли в село Хоруговку, принадлежавшее Михайлу Гамалее. Владелец объявил у себя новопоселенцам льготы на 15 лет и таким образом переманил к себе из Терновой слободы 40 дворов, а потом посылал делать наезды на Терновую слободу, грабить и бить людей, чтоб от такой «тесноты» переходили к нему терновцы на житье.

По возвращении домой гетман узнал, что вся смута в народе исходит от запорожцев. Был на Запорожье писарь, по имени или по прозвищу Сажка. Он сообщал в Украину секретно гетману, что творится в Сече и как запорожцы, подушаемые татарами, толкуют о том, что надобно вместе с ляхами и татарами воевать москалей. Сажка известил гетмана, что кошевой Гусак, хотя и против своего желанья, но по воле товарищества, послал в Варшаву к польскому коронному гетману Прокопа Лазуку с товарищами Забиякою и Кисляковским: они повезли «суплику»¹ от войска низового запорожского с жалобою, что Москва нарушает их

¹ Смирненную просьбу (устаревший польский термин).

вольности и хочет всех их сделать рабами своего московского царя и его бояр. «Пусть, — обращались они в своей суплике ко всей Речи Посполитой, — пусть святой дух осветит сердца вельможностей ваших и даст вам здравый совет, а наше желание таково, чтобы оба народа, польский и малороссийский, соединились».

Обо всем этом гетман узнал через писаря Сажку и потом через посланного нарочно в Варшаву ловкого киевского торговца Ельца и сообщил в Москву; но там узнали о сношениях запорожцев с Польшею и другим путем. Какой-то шляхтич Подольский сообщил московскому резиденту Волкову о прибытии запорожцев, замечая, что король польский хоть и не примет запорожцев в подданство, но будет рад размолвке запорожцев с царем и с городовыми козаками, потому что король польский, как и все вообще поляки, недоволен уступкою Москве областей, принадлежавших прежде Речи Посполитой. В следующем 1690 году Сажка известил гетмана, что Прокоп Лазука воротился от короля и привез королевский подарок 200 червонцев для раздачи товариству. Тогда гетман отправил в Сечь ловкого козака Василя Горбачевского, приказывая сойтись с Прокопом Лазукою и вывести от него, что ему говорили в Польше. Лазука открылся Горбачевскому и говорил: «Меня очень почетно приняли в Польше. Коронный гетман увещевал нас служить королю, а король, отсылая через меня 200 червонцев, обещал еще прислать поболее через посредство каких-то киевских знатных особ, но пусть гетман не доверяет ляхам. Из того, что я слышал от коронного гетмана и других знатных панов, вижу, что они зла желают нашей Украине». Такое предостережение Лазуки скоро стало подтверждаться вестями, приходившими из Крыма, что хан намеревается всеми силами орды своей помогать полякам подчинить себе Украину, а летом 1690 года Мазепа сообщил в приказ, что турецкие послы подали цесарскому величеству статьи о мире и в этих статьях упоминается только о цесарской державе, да о польской Речи Посполитой, да о Венецейской¹, а о царской державе нет и помина. Польский король то и дело что пересылается с крымским ханом, который берется устроить примирение между Турцией и Польшею. «Я имею, — писал Мазепа, — верную ведомость, что от цесарского величества и от польского короля великим государям царям никакого добра надеяться не следует, а, напротив, можно опасаться военных вредительств».

Так расплывались в ничто пышные ожидания успехов, которых, казалось, можно было ждать от союза христианских держав в борьбе с мусульманами. Союзники, вместо того чтобы действо-

¹ Венецианской.

вать, поддерживая друг друга, ковали ковы один против другого и каждый поодиночке искал возможности помириться с враждующей стороной с выгодой для себя и в ущерб союзникам. Бдительный гетман, отлично понимавший, что такое польское правительство, следил за ходом дел и впору указывал московскому правительству неискренность союза Польши с Россией и тем самым, оказывая ему услуги, располагал к себе его доверие.

Между тем у гетмана были внутри края между старшинами враги, не терпевшие его в равной степени, как не терпел их и он. Главными из них продолжали быть Леонтий Полуботок и Михайло Василевич Галицкий. О Полуботке доносил гетман, что он наговаривал киевскому воеводе князю Ромодановскому на гетмана, будто он, Мазепа, человек польской породы, посылает в Польшу к сестре своей старицу Липницкую для покупки маетностей и что войско запорожское этого гетмана не терпит и всем малороссиянам он неприятен. Ромодановский подтвердил, что это сообщено было Полуботком. Мазепа воспользовался челобитной, поданной на Полуботка некоторыми переяславцами, и испросил в приказе одобрение смены его с полковничьего уряда, назначив вместо него управлять Переяславским полком Ивана Лысенка.

С другим недоброжелателем гетмана, Михайлом Василевичем Галицким, Мазепа связал дело о появившемся в Киеве подметном письме.

9 марта 1690 года в Киеве стрелец Евстратка в Пятницких воротах Печерского местечка поднял письмо и принес его своему капитану, а последний доставил это письмо царскому киевскому воеводе. Письмо это заключало в себе предостережение от «злопрелестного гетмана Мазепы». Оно выдавалось написанным жителем правой стороны Днепра, уступленной Польше. Припоминалось, как этот Мазепа когда-то людей православных русских — подольских и волинских — хватал и продавал бусурманам, обдирав в церквах с икон серебряные оклады и отдавал туркам, как после того своего пана гетмана задал в вечное бесславие и бесчестие и завладел его достоянием, с которого потом покупал сестре своей маетности в польских владениях, а на остаток, что горше всего, стакался с Голицыным, хотевшим жениться на царевне Софии и изгнать с престола и со света царя Петра, с тем и приехал в Москву, чтоб, устранивши Петра, устроить на свой счет свадьбу Голицына с Софиею. Они вместе затевали «искоренить, погубить и в ничто обратить престол от века сияющий и страшный всем гонителям на благочестие. Иные из соумышленников уже приняли суд, а его, который есть источник и начало пагубы, вы сохраняете на таком уряде, на котором если первого своего замысла и не учинит, то уже подлинно управляемый им край злую хитростию своей отдаст в нашу сторону, где все церкви

Божии и людей вера благочестивая скончаются под игом польским, и вашей власти упадок, и нам кончину, и благочестию православному конец учинит прелестник Мазепа. Доколе же вы этого злодея, губителя будете держать? Ваше царское благочестие промышляете, как бы заграничных врагов победить, а этого домашнего врага бережете на пагубу своему царству! У нас в Короне Польской издавна так и ведется, что умышлявших зло королю казнят смертью и роды их, сеймовыми конституциями обеспеченные, пребывают вечно под банницею¹ и только для того держатся, дабы другие, видя постигшую их от Бога и Речи Посполитой пагубу, каялись и не покушались мыслить зла королю своему; сей же на ваше царское здоровье умышлял и ему как будто все прощено, и он ищет способа, как бы своего достичь! Вот и Шумлянский наш униат, а на самом деле римлянин (папист), изъявляет желание поддаться под власть патриарха московского, а все это для того, дабы через свою волчью покорность, вступивши под власть святительскую, мог вместе с злодеем гетманом учинить пагубу вашему престолу. Мы сердечно скорбим о таких изменнических видах против вашего престола и не желаем, чтобы цел оставался враг, чрез которого пала бы стена благочестия нашего, когда вы сами государи для того и мир с польским королем постановили, чтобы сияло благочестие». На обортке этого подметного письма было написано, что воевода должен передать его самим государям, а не иному кому для вручения, потому что изменник, будучи в Москве, раздавал ближним боярам многие сокровища за то, чтоб те при всяком удобном случае держали его сторону.

Письмо это было переслано в Москву, а из Москвы отправлено в Батурин с дьяком Борисом Михайловым, которому приказано было уверить гетмана в неизменной к нему царской милости. В Москве подозрение падало на некоего старца Одорского, приехавшего в Киев к митрополиту Гедеону посвящаться в сан епископа мстиславского. Киевские воеводы задержали его и взяли у него какие-то листы польского и латинского письма, которые почему-то показались подозрительными и теперь отправлялись к гетману.

Борис Михайлов прибыл в Батурин 8 апреля. Прием ему был очень почетный. За пять верст от города встречал его генеральный хоружий Ломиковский. По прибытии в Батурин царский посланец остановился на постоялом дворе, и гетман прислал за ним свою карету. На гетманском дворе встречали его генеральные старшины и пятьдесят знатных батуринских обывателей, а сам гетман стоял на крыльце своего гетманского дома и поклонился ему до земли.

¹ В изгнании (польск.).

«У нас, — сказал Мазепа, — так издавна ведется: как приедет к нам лицо от царского пресветлого величества, то генеральные старшины сходятся и радуются, и на радости у гетмана бенкетуют, и тебя, Борис, нам невозможно так же не почтить».

Посланник извинился недомоганием и уехал в той же гетманской карете в свое помещение. Отложили свидание до будущего времени. В назначенный для того день Борис Михайлова привезли снова. Мазепа встретил его на крыльце и ввел в свои покои. Свидание с царским посланником происходило наедине.

Соображаясь с данным наказом, Борис Михайлов, вручивши Мазепе подметное письмо, говорил гетману: «Кто бы мог быть таким недругом, что подкинул письмо? Не Одорский ли? Не взять ли бы его тотчас из Киева и привезти в Батурин на допрос?»

Дьяк сообщил гетману и другие подозрения: на некоего поляка Искрицкого, недавно приезжавшего в Малороссию и желавшего видаться с гетманом, и на одного священника, который приезжал в Киев просить благословения у митрополита на постройку церкви в Корсуни. «Этому попу, — сказал дьяк, — не следует позволять строить церкви в Корсуни, а дать бы ему священническое место где-нибудь на левой стороне, для того чтоб отвадить ездить к нам с правой стороны и подговаривать жителей к переселению с левой стороны на правую».

Проглядевши поданное подметное письмо, гетман поднял глаза к образам и произнес: «О, Пресвятая Богородица! Ты зриши мою убогую и грешную душу. Ты веси, как денно и ночью непрестанное имею попечение, как бы их царским величествам до конца живота услужить и за их государское здравие кровь пролить. Мои злодеи не спят и о здравии моем нудятся: ищут, чем бы могли меня поткнуть и погубить. На тебя, Богородица, моя надежда, что верная и истинная служба великим государям и мое радение до сего не допустят».

Затем гетман рассыпался в клятвах и уверениях в том, что никогда не имел помышления делать какой-либо вред великим государям. «Письмо это, — говорил он, — написано не в Польше и не поляком. Это показывают слова, каких в польской речи совсем нет. Думаю, это письмо написано здешними людьми, и притом не одним; в двух местах оно переправлено другим почерком. Это сочинил какой-то малороссийский уроженец левой стороны Днепра, притом часто бывавший в Москве. Подозреваю Михайла Василевича Галицкого: природа у него такая, что влечет к тому, чтобы другим делать зло и в людях посеять смуту. Когда я был в Москве, он всякими способами старался привлечь царя на гнев против меня. Тогда он для себя самого добивался гетманства. И прежде, когда еще я был генеральным асаулом, он составил подметное письмо, в котором написал, будто я гетманского сына Се-

мена и дочь его, что была за боярином Шереметевым, отравил и на самого гетмана болезнь глазную наслал; только бывший гетман не поставил этого ни во что. Будучи гадяцким полковником, он самовольно сносился с крымскими мурзами и бывшего гетмана подбивал, чтобы тот надеялся на дружбу крымцев, а на того же гетмана писал подметные письма. Когда Михаила от полковничества отставили, он жил в Москве, а теперь услышал я, что его отпустили из Москвы в свои маетности в Лебединском уезде. Думаю, напрасно ему дозволяют жить в малороссийском крае; будет из того вред: он уйдет либо на Дон, либо в Крым, либо в Запорожье — и там затеет такое дело, что после и слышать будет страшно. Пусть бы великие государи приказали поскорее взять его из Лебединского уезда и привезти в Москву. Есть у меня подозрение, что в написании подметного письма вместе с Михайлом участниками были: Дмитрашко Райча и Полуботок. В подметном письме есть выражение: «для милосердия Божия». Такое выражение в обычае у Дмитрашки Райчи в письмах. Оба — и Дмитрашка Райча, и Полуботок — с Михайлом большие друзья, а Полуботок ему еще и сродни».

Тут гетман постарался набросить вскользь подозрение на Юрия Четвертинского. Мазепа сам, в бытность свою в Москве, исходатайствовал этому человеку возвращение в малороссийский край. Воротившись, князь Юрий Четвертинский женился на прежней своей невесте, дочери несчастного Самойловича, жил в своей маетности в хуторе Дунаевце и принял к себе тещу, жену сосланного гетмана. Мазепе это было не по сердцу. Он навел речь на князя Юрия и говорил:

«Вот еще этот князь Юрий Четвертинский, пьяница, рассеивает в народе худые слухи на мой счет. Он говорил батуриному попу Василию: «Где прежде была вода, там опять вода будет. Бывшему гетману уже есть царская милость; увидишь, что с его злодеями станется!» Да тут же меня помянул: не тайно, а явно знатым особам говорит про меня худое, не зазрясь ни на кого¹. Живет он, Юрий, под моим урядом, а мне унять его невозможно. Он пожалован стольничеством. Взять бы его с женой к Москве, да и тещу его вывезти бы из малороссийских городов и к мужу отослать, потому что от них умножается мне зло. Взять их отсюда есть пристойная причина: он — стольник и, находясь в таком чине, в дальних от Москвы малороссийских городах ему волочиться не довлеет, а гетманской жене от мужа врознь жить неприлично».

На другой день было новое свидание гетмана с дьяком. Борис, согласно с данным ему наказом, все-таки хотел подозрение в со-

¹ Не стыдась никого.

ставлении подметного письма свернуть на кого-нибудь из жителей польских владений и говорил об Искрицком. Надобно знать, что еще прошлый год была к гетману подсылка от львовского епископа Шумлянского, принявшего унию. Приезжая к Мазепе, польский шляхтич Доморацкий привез от Шумлянского письмо такого содержания, что всяк, прочитавши его, мог подумать, что между униатским архиереем и малороссийским гетманом ведутся какие-то секретные сношения в пользу Польши и в ущерб царской власти. В этом письме говорилось о прежней посылке к гетману пана Искрицкого. Гетман тогда же сообщил об этом в Москву, подверг Доморацкого пытке и вместе с пыточными речами отправил его самого в Москву. Теперь Борис Михайлов говорил: «Вызвать бы тебе, гетман, этого Искрицкого. С ним бы ты мог разговориться и выведать, кто к тебе его посылал».

«У Искрицкого, — говорил гетман, — здесь есть тесть, Павел Герцик. Искрицкий хотел сюда ехать, да воротился назад, может быть, услышавши, что Доморацкий задержан. Я призову тестя его, Герцика, и скажу, чтоб он зятя звал к себе. Когда удастся мне Искрицкого заманить и он обличится в связи с Доморацким, я прикажу его вывезти за город Киев и повесить на дороге в польские города. Только напрасно искать составителя подметного письма в польской стороне, — и я, и все старшины подлинно знаем, что письмо это написано Михайлом Василевичем».

В это время пришло известие из Киева о кончине митрополита Гедео́на. Царский посланник знал, что гетман не любил покойника, но Мазепа перед Борисом Михайловым, говоря о смерти Гедео́на, прослезился и начал расточать похвалы двум скончавшимся тогда иерархам: митрополиту Гедео́ну и московскому патриарху Иоакиму.

Уже прощаясь с гетманом, царский посланник дьяк Борис Михайлов попросил назад подметное письмо, которое привозилось гетману для показа. Дьяк объяснял, что это письмо нужно для сыска воров в государевом приказе. Мазепа увидал недоверие к себе, изменился в лице, выслал прочь бывших там и, оставшись с Борисом Михайловым наедине, говорил: «Очень меня печалит то, что во мне сомневаются! Иначе для чего бы это письмо брать назад от меня? Зачем хотят хранить такие клеветы и сплетни про меня? Из этого я догадываюсь, что письму этому верят и о моей голове станут мыслить!»

Борис Михайлов уверял гетмана в неизменной к нему милости обоих государей и объяснял, что подметное письмо требуется обратно вовсе не ради какой-то осторожности от гетмана, а для сыска воров.

Гетман позвал генерального писаря Кочубея и сказал: «Се же мене щепя в сердце влезла! Борис просит лист назад». «Что с

ним будете делать? Разве в наказе у тебя написано, что взять его назад?» — спросил посланца Кочубей.

«В наказе того писать не доводится, — сказал Борис Михайлов, — а мне приказано словесно привезти назад письмо».

Кочубей по приказу гетмана принес царскую грамоту, где было сказано, чтобы верить Борису во всем, что у него в наказе написано. Прочтена была грамота. Гетман произнес: «Видишь, верить тому, что в наказе написано, а того, чтобы письмо назад отдавать, — не написано, и потому нам отдать письма нельзя. Такие письма подираются и сжигаются, а я, гетман, до их государского указа то письмо сохранию в целости для подлинного свидетельства и сыска и учну до самой крайней ведомости доискиваться, а тебе того письма не отдам».

В разговоре с Борисом Михайловым Мазепа сознавался, что его многие не любят и считают поляком, способным изменить царской державе. «Зазрят мне, — говорил он, — что я когда-то в молодости был покоевым у прежнего польского короля Яна-Казимира и что у меня в Польше есть сестреница (сестра). Оттого чают у меня доброжелательство к польской стороне. Точно, меня в молодых годах отец отправил ко двору Яна-Казимира, только этого не следует мне ставить в подозрение. Лучше же было, что я научался обращению с людьми вблизи королевской особы, а не где-нибудь в корчмах, предаваясь всяким безобразиям. Хоть и был я при польском короле, однако после, по моей прямой совести, перешел на сю сторону Днепра и тут получил себе милости и всякое добро, и дослужился до гетманского чина и с ним до всякого довольства и почета у их царских величеств, а не у польского короля. Теперь вот, по милости их царских величеств, я мало чем меньше польского короля. Чего же мне еще желать? Прежние гетманы помышляли иначе и зато себе восприяли, а я то имею непрестанно в своей памяти. А что моя сестра остается в Польше, так это потому, что она обжилась там и возвращаться ей сюда незачем. Ведь и кроме меня, гетмана, у многих из наших старшин есть сродники в Польше: у обозного Борковского, например, там родной брат... На них, однако, позора за то нет. И меня подозревать не следует, будто я доброжелательствую более польской стороне».

«Я, — заметил Борис Михайлов, — о тебе таких речей не слышал, да и говорить никто не посмеет. Объяви, гетман, именно, кто о тебе такие речи говорил».

«Я ведь говорил, — отвечал гетман, — об этом, только очищая себя от подозрений, а не на довод против кого бы то ни было, и объявлять о таких людях незачем. Вот только что нехорошо: нынешние малороссийские люди ездят в Москву и живут по столице в разных местах, а особого двора малороссийского не

имеют, по своей воле везде бродят из улицы в улицу, иные покумились и посватались с вашими людьми всяких чинов и от них-то идут всякие поговоры и непристойные слова, и если на Москве впредь учинится какое воровство или подметное письмо явится, о том никакими способами розыскать будет невозможно. Пусть бы великие государи изволили указать особый двор для малороссиян, как уже было при царе Алексее Михайловиче».

11 апреля гетман отправил Бориса Михайлова с большим почетом, сам провожал его до кареты, а генеральные старшины, хоружие и асаул¹ проводили его за пять верст от Батурина.

Попытка гетмана заманить Искрицкого, как говорил гетман дяку, не удалась. Посланный челядник добрался до имени Искрицкого и подал ему письмо будто бы от Доморацкого. Но Искрицкий смекнул хитрость и сказал: «А где Доморацкий? Знаем мы вас, крашенные лисицы! Не будь мирного договора, знал бы я куда деть тебя, листоношу!» И прогнан был челядник и вернулся ни с чем.

Между тем в Польше появилось от Мазепы такое же загадочное лицо, каким являлись из Польши в Малороссию к Мазепе Доморацкий и Искрицкий. Это был человек среднего роста, тощий, бледнолицый, с клинообразною бородкой, с длинными усами, в чернеческой² одежде. С виду казалось ему лет около сорока. Он называл себя иноком Соломоном. Он приезжал в Польшу два раза. Первый раз в конце 1689 года; тогда он привез и подал польскому королю в Жолкве письмо гетмана Мазепы, будто бы писанное во время возвращения из похода к Перекопу и порученное этому чернецу, бывшему в крымском походе с образом Всемилостивого Спаса. В этом письме гетман жаловался на утеснения, терпимые малороссиянами от Москвы, желал воссоединить снова Украину с Речью Посполитою, обещал расположить к этому козаков, просил королевской протекции и заявлял, что с ним в замысле татары. Король не вполне поверил подлинности этого письма, задержал чернеца, отправил в Креховский монастырь недалеко от Жолквы, а немного времени спустя приказал отпустить его и выдать ему проезжий лист на обратный путь в Украину как человеку, будто бы бродившему за собиранием милостыни. Весной 1690 года Соломон явился снова в Польшу и направлялся прямо в Варшаву. Не доезжая польской столицы, нанял он какого-то студента и вместе с ним составил «воровские» письма к королю

¹ Высшая военная и гражданская администрация, совет при гетмане — генеральный обозный, генеральный судья, генеральный писарь, генеральный есаул (асаул), генеральный хорунжий (хоружий), генеральный подскарбий и генеральный бунчужный — считались выборными.

² Монашеской.

и к коронному гетману будто от имени Мазепы с таким же, как и в прежнем письме, желательством приязни и подданства Польской Короне от войска запорожского и от всего малороссийского народа. Студент, которого подговорил на это Соломон, прежде служил «хлопцем» у какого-то итальянца, а потом учил детей у хозяина того дома, куда пристал Соломон. После составления фальшивого письма чернец остался пьянствовать в Солке, а студент уехал вперед в Варшаву, явился к королю и донес об обмане. Скоро вслед за студентом прибыл в Варшаву чернец Соломон и подал королю письмо, будто бы от малороссийского гетмана, уже переписанное набело. Но король был уже предупрежден, приказал тотчас позвать студента и дать ему очную ставку с Соломоном. Студент обличал плутовство черневыми отпусками письма, написанными его рукою. Присмотревшись в лицо чернецу, король узнал в нем того самого, который уже приезжал к нему с подобным письмом и представлялся в Жолкве в прошлом году. Соломон сначала заперся и вывертывался; но когда ему пригрозили пыткой, то сознался, что оба раза подавал королю от гетмана Мазепы фальшивые письма и делал это самовольно, желая как-нибудь поселить раздор и смятение. После того, когда Соломона содержали под караулом, он, думая как-нибудь вывернуться, вымыслил еще два письма от Мазепы — одно к королю, другое к Шумлянскому, в которых излагалось удивление, почему посланный чернец Соломон не возвращается. Король на этот раз еще менее мог поддаться обману после того, как этот чернец был уже уличен студентом в составлении фальшивого письма. Припугнутый угрозами пытки, Соломон указал на фальшивые печати, выдаваемые за Мазепины, зарытые им в саду. Король приказал содержать чернца Соломона под крепким караулом в двойных кандалах и уведомить о том московское правительство и гетмана Мазепу. Король сообщил Мазепе, что из показаний, данных Соломоном, оказывалось, что он был родом из Брод, служил у Дорошенка, потом ушел в Москву и поступил там в духовное звание. В то время как сам князь Василий Васильевич Голицын находился во вторичном крымском походе, сын князя, управлявший Москвой, посылал Соломона к бывшему гетману Самойловичу, и тот будто участвовал в замысле составить фальшивые письма от имени Мазепы к польскому королю.

Когда Мазепе доставлены были копии с показаний Соломона, он изъявил недоверие в их подлинности и советовал московскому правительству вытребовать Соломона в Москву чрез особого гонца в Польшу. О том же Мазепа писал к коронному гетману польскому, домогаясь отсылки Соломона в Москву. Гетман настаивал на обвинениях Михайла Василевича Галицкого и притягивал к делу некоего Афанасия Озерянского, служившего по разным поручениям у

Михайла Василевича и жившего у последнего в Москве. Арестованный в Ахтырке или Лебедине, Озерянский был доставлен в Батурин и там выдавал за неоспоримую истину, что чернец Соломон выслан был в Польшу Михайлом Василевичем. По настоянию гетмана еще 24 апреля велено было препроводить Михайла Василевича в Москву с женой и детьми, но, по осмотру врача, Михайло Василевич оказался страждущим меланхолией и был оставлен в слободе Михайловке до зимнего пути. Мазепа не давал ему покоя: по гетманскому прошению последовал 10 октября указ Шереметеву непременно взять Михайла Василевича и доставить в Москву. Не помогло Михайлу Василевичу обращение к новоизбранному после Гедеона киевскому митрополиту Варлааму Ясинскому с просьбой примирить его с гетманом, который заподозревает его без всяких оснований в слагании фальшивых писем. Гетман, с обычным ему видом мягкосердечия, уверял митрополита, что он рад все сделать для Михайла Василевича, но не смеет без царского указа, а между тем продолжал посылать в приказ просьбы о непременном арестовании Михайла Василевича. 30 ноября Шереметев арестовал Михайла Василевича и его повезли в Москву вместе с детьми, оставивши, однако, в имении больную жену владельца. Так как все предшествовавшее лето шли толки о Михайле Василевиче и можно было предвидеть, что как бы он ни отписывался, а все-таки его повезут в Москву, то Леонтий Полуботок, благодетель и родственник Михайла Василевича, опасаясь, чтобы по настоянию Мазепы не арестовали и его, решился предупредить беду отважным шагом: в июле 1690 года он сам побежал в Москву, думая добиться личного представления царю Петру и подать ему на письме обличение против гетмана. Царь Петр не допустил его к своей особе, а приказным путем Полуботку трудно было выиграть свое дело, потому что обвинения против гетмана он не основывал ни на каких неоспоримых доказательствах. 23 июля его отправили за караулом в Малороссию, поручили гетману держать его в своей маетности, и гетману «учинилась от того великая, стыдная печаль».

В Москве не имели никакого повода принимать на веру доносы врагов гетмана, тем более когда Мазепа сильно себя выгораживал заранее тем, что домогался, чтобы Соломона препроводили не к нему, а в Москву. Но в Москве в обращении с малороссиянами давно уже усвоили способ держаться, как говорится, себе на уме, поэтому не удивительно, что Михайло Василевич, привезенный в столицу в конце 1690 года, тотчас же в начале 1691 года отпущен был в свою маетность Михайловку, а за поведением гетмана думный дьяк Украинцев секретно поручил наблюдать генеральному писарю Кочубею.

Соломон сидел в кандалах в Польше, а Доморацкий в Москве. Московские бояре обратились к жившему постоянно в царской

столице польскому резиденту Довмонту и требовали выдачи Соломона. В сентябре 1691 года польский гонец Ян Окраса передал в подлиннике составные письма и поддельные печати, взятые у Соломона, а затем по королевскому приказанию выдан был и Соломон, взамен которого бояре выдали Доморацкого, сообщая, что король должен приказать казнить его смертью, а вместе с тем произвести розыск над Шумлянским и учинить ему наказание. Об этом униатском епископе Шумлянском в Москву приходили жалобы от киевского митрополита Варлаама в том, что Шумлянский при живом митрополите именуется себя киевским митрополитом и самовольно присваивает себе в польских владениях маестности, принадлежащие киевской митрополии.

Выданного поляками Соломона отправили для казни из Москвы в Батурин с царским гонцом Языковым. Мазепа относительно Соломона показал себя сдержанно: он объявил, что без совета со всеми полковниками не станет его казнить: так издавна ведется по войсковым обычаям. Мазепа уверял, что вообще не желает никого казнить смертью и сам будет за своего злодея и клеветника просить милосердия у великих государей.

Удерживая на время Языкова, Мазепа послал созвать старшин и полковников для суда над преступником. Этот преступник, как оказалось, назывался в мире Семен Троцкий; по лишении монашеского сана он предан был мирскому войсковому суду под именем расстриги Сеньки. Царский гонец привез Мазепе самую приятную новость: Михайло Василевич, по указанию на него самого Сеньки, привезен в Москву, жестоко пытан и осужден на ссылку в Сибирь.

Съехавшиеся старшины и полковники подвергли розыску Сеньку Троцкого.

«Помни страшный суд Божий и смертный час свой, — говорили ему, — скажи правду. Кроме Мишки Васильева кто еще был с тобою в соумышлении?»

«Я уже все сказал на Москве, — отвечал подсудимый, — никаких не было соучастников. Если бы кто в сем деле был со мной, я бы еще в Москве все сказал — не стерпел бы таких жестоких пыток с огня».

Его приговорили к смертной казни. Тогда царский гонец сказал: «Итак, мне остается казнить его тотчас».

«Казнить его тотчас нельзя, — возразил гетман, — мы о нем к великим государям писали. Подождем царского указа. Еще надобно дать преступнику время покаяться, да и людей собрать побольше, чтобы все видели казнь его. Недурно было бы повезти его по всем городам, чтобы народ везде его увидел. Мишку же Василевича надобно заслать на вечное житие в самые дальние сибирские города... Скорбно мне то, что злые люди из малорос-

сийских жителей клеветают на меня, будто я служу великим государям неправдою, будто думаю изменить и передаться польскому королю в подданство. Сокрушаюсь, когда я слышу об этом. На прежних гетманов таких наветов не было, как на меня».

До получения царского указа Сеньку Троицкого держали в тюрьме. Царской милости не последовало. Сеньку казнили смертью 7 октября 1692 года.

Гетман был доволен, что ему удалось уничтожить одного из злейших врагов своих, Михайла Василевича, но ему хотелось также утопить Леонтия Полуботка и сына последнего, Павла. Гетман говорил Языкову:

«Говорил нам миргородский полковник Данило Апостол: как мы с старшинами ехали к Троице по указу государя Петра, Павел Полуботок догнал на дороге ехавшего в карете Апостола и сказал, что был у Михайла Василевича и тот едва ли не исполнит давнишнего намерения своего снять с плеч голову гетману. Дело выходит так: если знал Павел Полуботок про такой замысел, то и отец его, Леонтий, наверное знал. Явно показывается злоба их обоих ко мне: они знали об умысле на жизнь своего властителя и не предостерегли его».

Войсковой суд решил обоих Полуботков лишить маестностей и держать под стражей.

Дело чернеца Соломона осталось неразъясненным и загадочным. Устрялов, в своей «Истории Петра Великого», склоняется к такому мнению, что Мазепа в самом деле тайно посылал в Польшу этого чернеца. Но на это нет никаких оснований. Невозможно, чтобы Мазепа, доверивши Соломону такое страшное для себя дело, сам потом добивался, чтобы Соломона выдали в Москву и допрашивали его там, а не в Батурине. Не следует допускать тайной измены в 1690 году на том только основании, что этот человек оказался изменником через 18 лет. Обстоятельства позже были совсем иные, чем ранние. Мазепа действительно был истый поляк по своему польскому воспитанию и шляхетскому происхождению, но раз, отступивши от Польши к козачеству, он сделался гетманом, получил в козачестве такую высокую степень, которая ставила его, как он сам о себе выражался, мало меньше польского короля; обласканный московским правительством, не имея притом повода опасаться прекращения к себе доверия, Мазепа ничем не мог быть побуждаем к измене: польская сторона не была могущественна, а московская слишком слаба. Мазепа не был еще тайным врагом русского царя и русской державы, потому что это не представляло ему никаких выгод. Был ли кем-нибудь подослан Соломон или же по собственному побуждению составил подлог, это остается неизвестным, тем более что у нас в руках не было допросов, сделанных ему в Москве, и очной ставки с Михайлом

Василевичем. Во всяком случае, нет причины не допускать вероятности того, что выставлено причиною появления этого чернеца именно интриги Михайла Василевича, который так же ненавидел Мазепу, как и Мазепа его, преследуя упорнее, чем кого бы то ни было из своих недоброжелателей. По настоянию Мазепы, в Сибирский приказ дан был царский указ — «сосланного в Сибирь Мишку Василева беречь строже, как человека вельми коварного и неусыпного изобретателя козней». Все имущество осужденного было отписано на гетмана. Но сын сосланного, Данило, упросил возвратить ему движимое отцовское имущество, хотя слободу Михайловку отдали племяннику гетмана Обидовскому. Мазепа был недоволен и этой милостью к сыну своего лютого врага. Тем не менее последний нашел себе в Москве настолько покровительства, что мог упросить, чтоб его родителя не отправляли в Красноярск, дабы не дать ему там умереть с голода, а оставили на житье в Тобольске.

Кроме таких крупных врагов, как Михайло Василевич и Полуботки, гетману досаждали другие, не столько важные лица. Так, в начале 1690 года глуховский сотник доносил севскому воеводе, что в город Глухов приезжал из Севска ротмистр Соболев с тремя рейтарами и в ратуше, в собрании товарищества, произносил непристойные речи о гетмане и о великих государях, говоря так: «Худо великие государи делают, что служилым людям волокиту чинят; соберемся и убьем гетмана, а другого поставим!» Произведено было следствие. Соболев запирался в худых речах о государях, а в речах о гетмане сознался, говоря, что произнес это в пьяном виде, и за это козак бил его по щекам. Соболева указано было севскому воеводе казнить смертью, «чтоб иным непостоянным людям неповадно было таких лукавых и возмутительных слов изрыгать». Двое из ходивших по городским и сельским ярмаркам торгашей: один — москвич Кадашевской слободы, другой — калужанин, говорили: «Гетману не долго быть на уряде; скоро пришлют из Москвы бывшего гетмана на его место, затем, что малороссийский народ не только не хочет иметь Мазепу у себя гетманом, но желал бы, чтоб имя его здесь не вспоминалось». Индуктор, собиравший на границе торговые пошлины, услышал это и донес. Обвиняемые на допросе, учиненном над ними в Севске, заперлись и их посадили только в тюрьму. Явился еще врагом гетмана некто Михайло Чалиенко. Родом он был из Черкас, немалое время находился в татарской неволе, после освобождения явился в Киев и подал донос на гетмана в таком же смысле, как подавались и прежние доносы: гетман по природе поляк и желает отступить от державы великих государей под польскую власть; в этих видах он приобретает себе заранее маетностей в польских владениях и просил зятя своего Войнаровского, земского старосту владимирского, селить людей в селе Мазепичах (Мазепин-

цах), где родился Мазепа. Доносчика было приказано наказать кнутом и сослать в Архангельск; но Чалиенко убежал оттуда, скитался и в 1693 году был, вместе со своим братом Лукою, схвачен в малороссийском городе Воронеже тамошним сотником и отправлен в Батулин. Царским указом от 2 июня велено было казнить его смертью. Мазепа, неумолимый к таким врагам, которых опасался, зная, что за ними есть в Москве протекция, склонен был показывать великодушие к врагам неважным и малосильным. Он ходатайствовал о милосердии Чаленку. «Сам я человек грешный, — писал он, — и верю, что Господь наипаче прощает грехи тем, которые прощают другим причиненные им досады». Московское правительство отозвалось, что опасно оставлять в живых таких, которые могут убежать в польскую сторону или пристать к врагам в случае неприятельского вторжения. В Москве какой-то малороссиянин Порваницкий распространял о гетмане худые слухи, и хотя, когда его схватили, он под пытку показал, что болтал в пьяном виде, однако его отправили в Батулин для совершения над ним казни.

Недавно еще московское правительство возмущено было пасквилем в подметном письме, поднятном великорусским ратным человеком. Вскоре, в 1691 году, явился в Киеве другой пасквиль на гетмана. Его принесла в киевский Фроловский девичий монастырь неизвестная монахиня из польских владений. В этом новом пасквиле говорилось почти то же, что и в прежнем: что Мазепа некогда продавал бусурманам христиан в рабство, что, достигши гетманского сана, злоумышлял, вместе с князем Голицыным, на жизнь царя Петра, что у него есть тайная мысль отдать Малороссию Польше, с целью истребления православных церковей и православной веры, и что, подготавливаясь к этому исподволь, он покупает для сестры своей маетности в польских владениях. Митрополит при трех игуменах допрашивал игуменью Фроловского монастыря и сестер и, не доискавшись, кто такая была неизвестная монахиня, доставившая в монастырь письмо, отправил их в Батулин. Гетман также ничего от них не допросился и поручил матери своей, игуменье киевского Печерского девичьего монастыря Магдалине, произвести каким-нибудь путем дознание — кто такая была эта неизвестная монахиня. Мать Мазепы отправила доверенную монахиню Липницкую в Полонский девичий монастырь, находившийся в польском владении. Липницкая проведала, что то была уставщица того же монастыря и что еще прежде она сообщила своей игуменье, будто нашла это письмо на дороге в верхнем городе Киеве против двора воеводского и отнесла во Фроловский монастырь без намерения вредить гетману. Уставщица, снова спрошенная в присутствии Липницкой, во всем заперлась. Этот пасквиль не мог повредить гетману, как и прежний, но Мазепа немало тревожился такими выходками против себя и так изъяснялся в своих отписках в при-

каз, обращенных к лицу государей: «Истинно радетьельная служба моя не точию в нерадетельство, но и в злое клятвопреступничество превращается. Тяжко уязвлен есмь непрестанными болезнями, сокрушилось и иссохлось сердце мое. Идеже бы мне без таковых напрасств и козней свободным разумишком мыслити и простирати начинания о належащих в предбудущие времена службах и радениях, которые бы к угождению вам и к охранению вольностей православного российского народа належажи, тут утесняет мя всегда скорбь, печаль, плачь и воздыхание, отчего неточию плоть моя немоществует, но и малый разумишко мой пришел в притупление и дух мой едва держится во мне».

Московское правительство не только угождало гетману, показывая недоверие ко всем обвинениям, так обильно сыпавшимся против него, но оказывало милости родным его и всем, за кого он ходатайствовал. Сестра гетмана, о которой шла речь в подметном письме, была прежде замужем за Обидовским: от этого ее брака был сын, служивший при Мазепе в козачестве, сделанный впоследствии нежинским полковником и по ходатайству дядюшки-гетмана пожалованный вотчинами. Эта сестра гетмана, после смерти первого мужа, вышла вторично замуж за некоего Витуславского, от которого имела дочь Марианну, потом в третий раз вышла за поляка Войнаровского, от которого имела сына уже подростка, по имени Андрея, любимца гетмана. Между нею и ее третьим мужем произошел разлад, и она приехала в Киев к своей матери, игуменьи Магдалине. Игуменья тотчас представила ее царскому киевскому воеводе князю Ромодановскому и тогда писала к своему сыну-гетману: «Теперь-то пристойно врагов наших обличить, зачем лают они, будто мать твоя высылает сестре твоей в Польшу казну, а сестра твоя покупает там для тебя маетности. Спросить бы сестру твою, да и челядь, хотя бы под страхом огненной пытки, какие там такие новокупленные маетности?»

Гетман, не считая возможным ехать в Киев для продолжительного свидания с сестрой, просил московское правительство дозволить последней приехать к нему в Батурин. На это последовало разрешение указом 18 декабря 1691 года. Сестра оставалась у гетмана в Батурине до октября 1692 года, и Мазепа испросил у московского правительства разрешение сестре своей на беспрепятственный приезд в царские владения для свидания с матерью-игуменьей, с братом-гетманом и сыном Обидовским. «У меня, — замечал Мазепа, — в целом свете нет другого родства, кроме сестры, и мы друг к другу сердечною разжигаемся любовью; притом она исповедания восточного и желает почаще поклоняться киевской святыне». Впоследствии, зимою 1694 года, эта сестра Мазепы жаловалась брату, что муж ее Войнаровский, будучи сам римско-католического исповедания, стал побуждать ее

изменить православия и не допускал к ней православных духовных с требами, поэтому она не хочет жить с мужем и просит дозволения навсегда переселиться в Киев к матери своей, игуменьи Магдалине, и принять иноческий ангельский образ. Мазепа не решился сам разрешить ей этого, а испросил разрешения у царя через племянника своего Обидовского; сестра его приехала в Киев с двумя падчерицами, дочерьми Войнаровского от первого брака. Спустя недолго после того Мазепа сообщал, что Войнаровский из польских краев требовал возвращения к себе жены своей, но она скончалась в киевском монастыре.

По ходатайству гетмана избранный новый митрополит киевский, Варлаам Ясинский, получил право именоваться экзархом московского патриархата и подтверждение прежних грамот Софийскому митрополитскому собору на маестности. Место архимандрита печерского после Ясинского заступил бывший генеральный судья Вуехович. Бессемейный и безродный, он, чувствуя уже подходящую старость, счел за лучшее искать пристанища в стенах святой обители и, пользуясь своим званием генерального старшины, без всякого полагаемого монастырскими уставами искуса, оставив свой судейский стол, прямо стал высокопреподобным отцом, а гетман, по его пострижении, исходатайствовал оставление за ним его прежних маестностей. При этом гетман не обошелся без того, чтоб и себя выставить. «Не хочу, — писал он, — поступать так, как, бывало, поступал прежний гетман в таких случаях, что себе все забирал».

По ходатайству гетмана получили жалованные грамоты на монастырские владения: игумен Киево-Николаевского монастыря Иоасаф Кроковский, Межигорского монастыря игумен Иродион Журавский, которому подтверждены были ставропигиальные грамоты¹ греческих патриархов, Братского монастыря ректор Гавриил и больничного монастыря при Печерской лавре игумен Иезекииль; им посланы были богослужебные одежды, утварь и обычная царская милостыня, а киевского девичьего Михайловского монастыря игуменьи Агафия получила жалованную грамоту на деревню с землями, садами и прудами. Выпрашивая от московского правительства милости монастырям, гетман перед тем воздвигал на собственный счет храмы в этих же монастырях. В 1690 году построена была его иждивением соборная церковь в Николаевском монастыре, а в 1693 году воздвигнута Богоявленская каменная церковь в Братском монастыре и сооружен старый каменный академический корпус.

¹ Документы, подтверждающие непосредственную подчиненность монастырей патриарху.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Охлаждение между польским и московским дворами. — Опасение мира Польши с Крымом. — Народные бедствия в Украине. — Бегство народа в Сечу. — Смуты в Сече. — Петрик. — Его явление в Сече. — Его письма к жене и Кочубею. — Мятежные затеи. — Бегство Петрика в Кизикермень и в Крым. — Возмутительные воззвания к запорожцам. — Договор татар с запорожцами у Каменного Затона. — Возмутительный универсал Петрика к малороссийскому народу. — Неудачи. — Бегство татар и Петрика. — Стан Петрика у Перекопа. — Новые неудачные попытки. — Приступ к Полтаве. — Бегство из-под Полтавы. — Колебание в Запорожской Сече. — Меры относительно владельцев и арендарей. — Военные походы козацких отрядов в дикие поля.

Дружба и союз России с Польшею, состряпанные искусственно, сшитые на живую нитку, видимо, распались. Это показывали и загадочные подсылки к малороссийскому гетману, и принятие в Варшаве по секрету запорожских посланцев, и более всего сношения короля польского с ханом, открытые русским резидентом и подтверждаемые Мазепою, узнавшим о них через своих соглядатаев. В Запорожской Сече постоянно боролись две партии: одна, всегда недовольная московским правительством, — хотела примирения и союза с Крымом, находя в таком союзе возможность получать выгоды от добывания соли и рыбы в крымских владениях; другая — склонялась к повиновению царям московским главным образом ради того, чтобы получать ежегодно царское жалованье. Осенью 1690 года последняя партия взяла верх. 17 сентября царский стольник Чубаров с двумя посланцами от гетмана привез в Сечу царское жалованье и царскую милостивую грамоту, в которой убеждали запорожцев не мириться с татарами, царскими врагами и, напротив, быть готовыми к войне против них. С особым торжеством принимал желанных гостей кошевой атаман Гусак, одетый по-праздничному, в кармазинный кафтан, подбитый соболями, со знаком своего атаманства — оправленной золотом и камнями «камышиною» в руке,

в сопровождении всей сечевого атамани и товариства, также «цветно и стройно» разодетого. Гремели пушечные и ружейные выстрелы, били в литавры. Во всеуслышание прочитана была царская грамота, розданы были всем товарищам по росписи присланные царские подарки — меха, сукна и ткани. Тогда запорожские товарищи произносили такие слова: «Пора нам, наконец, Бога бояться, пора перестать гневить христианских государей и тешить бусурман». Мазепа, извещая об этом приказ, придавал этим словам значение обращения запорожцев на правый путь, советовал посылать скорее к запорожцам великороссийские ратные силы и заняться укреплением южных городов Русской державы.

Но скоро гетману пришлось не хвалить запорожцев, а делать им выговоры. Запорожцам хотелось скорее воевать против татар, чтобы с войны получать добычу и таким образом — в мире ли чрез посредство безопасных промыслов, или в войне через добычу, — а все-таки не оставаться без выгод на счет своих бусурманских соседей. Они послали спросить гетмана: когда же прикажут выступить им в поход. Гетман отвечал, что делать такие вопросы непристойно, а надобно с терпением ждать царского указа; иначе, если такие намерения несвоевременно разглашать, неприятель узнает и станет принимать свои меры. Во все лето 1691 года хотя и происходило несколько отдельных стычек с татарскими загонами¹, но они были неважны и неудачны, а зимой приходили угрожающие вести, что крымский хан выслал на Подол с ордою какого-то козака Стецика, именовавшего себя гетманом козацким с бусурманской стороны, и, сверх того, другая орда еще в большем размере готовится идти в малороссийские города. Тогда в Сече опять пробудились и зашевелились буйные инстинкты, враждебные московскому правительству и склонные к тому, чтобы пристать к татарам. Кошевой Гусак с трудом усмирил в Сече междоусобие и казнил зачинщиков, но зато навлек на себя ропот. Тут в это время в Сечь накопился удалый сброд из Украины, распространявший неудовольствие и против великоросских властей, и против гетманского управления. Было в Украине разом несколько причин, возбуждавших волнение в посполстве. Выше было указано, какое множество жалованных грамот на маетности исходатайствовал гетман в Москве разным старшинам, генеральным и полковым и войсковым товарищам. Во все эти маетности были посланы гетманские универсалы, возлагавшие на посполитых жителей этих маетностей обязанность повиноваться своим новым владельцам. Но в Малороссии между козачеством и посполством не установилась еще строгая разделительная сословная черта. Козаки пополнялись из посполства по распоряжению гетманского правительства, а во время войн, когда нужно

¹ Отрядами.

было поболее военной силы, посполитые самовольно шли на войну, потом уже оставались козаками и признавались в этом звании. Так было, как мы знаем, в последние два крымских похода. Со времен Богдана Хмельницкого козацкие правители старались не допускать такого оказачения всего народа и строго хотели отделять законно приобретенных козацкое звание от посполитых, или, как выражались тогда в Малороссии, козаков от мужиков. Московское правительство, по представлениям гетманов, также признавало справедливым соблюдать это отличие; чтобы не допускать составления самовольных козацких ватаг из посполства, учреждены были компанейцы¹. Но когда распространилось и умножилось так называемое охотное войско, содержимое на счет войскового скарба особо от городских козаков, то посполству открывался новый путь вступать в козачество. Охотные набирались отовсюду и посполитые могли записываться в число их. Но то были случаи, когда поступление в козаки посполитых было не противно правительству. Такие случаи представлялись нечасто, а весь народ вообще не знал и не хотел знать разделения козаков от мужиков. Мужикам хотелось быть одинаково вольными козаками. Таков был народный взгляд, который, однако, должен был склоняться перед другим правительственным взглядом. Понятно, что посполству, жившему в маестностях, жалованных знатным лицам, не по сердцу было повиноваться новым господам. Те, которые были поотважнее, убегали из этих маестностей в Сечу.

Но к этому присоединились разом народные бедствия, усилившие волнения в народе. В 1690 году свирепствовала моровая болезнь, зацепившая Запорожье и южную часть Полтавского полка и во всех остальных полках наводившая на народ оторопь ожидания. В тот же год летом на малороссийский край было нашествие саранчи. Она появилась с юга 9 августа и прошла всю Украину до Стародуба, опустошила весь хлеб на полях и произвела ужасную дороговизну; осмачка (полчетверти²) ржи и овса продавалась по три золотых, что считалось в то время очень высокою ценой. Множество дохлой саранчи производило смрад; скот поедал ее с травою, заболел, и даже говядина пропахивала саранчою. Некоторым в страхе казалось, что у саранчи на одном крыле можно было разобрать начертанное слово «гнев», а на другом крыле слово «Божий». Затем по многим местам Украины начались пожары. Неудивительно, что воображение народа, уже болезненное, стало приписывать эти пожары поджигателям, подсылаемым ляхами, заклятыми врагами малороссийского народа. Рассказывали, что хватаемые были лазутчиками, которые сознались, что отправлены польским прави-

¹ Казаки наемных конных войсковых частей — компанейских полков.

² В конце XVII в. казенная четверть (две осьмины) равна восьми пудам. Здесь — осмачка (осмина), т. е. четыре пуда зерна.

тельством производить поджоги в малороссийских городах. Трудно определить, в какой степени была тут какая-нибудь доля правды: при пытках, которые в том веке неизбежно употреблялись, люди легко могли наговаривать на себя все, что им прикажут, а народ склонен был сочинять рассказы, объяснявшие постигшие их бедствия. От всех таких-то причин накоплялось в Сече много украинского народа, недовольного положением дел на своей родине. Эти беглецы говорили, будто у москалей есть намерение выселять людей из Гетманщины на слободы, а с правого берега Днепра перегонять расселявшихся там жителей на левый берег, как уже делалось при Самойловиче; они кричали, что в Гетманщине завелось панство, что цари, по просьбе гетмана и старшин, отдают народ панам в неволю, жаловались на аренды, которые стесняли свободные промыслы народа и давали возможность немногим обогащаться в ущерб бедного люда.

В таком беспокойном состоянии умов застал Запорожье 1692 год, и тут наступила новая, и более бурная смута, наделавшая в течение нескольких лет немало кутерьмы и на Запорожье, и во всей Гетманщине. После праздника Крещения привезли из Москвы в Батурин царские дары гетману, генеральным старшинам и козацким полковникам. Некоторые из полковников находились лично в Батурине и там получили царское жалованье, приходившееся на их долю, а тем, которые были тогда в своих полках, гетман отправлял царские дары с нарочными посланцами. В числе отсутствовавших был полтавский полковник Федор Жученко. К нему на вседневной неделе послан был с этою целью войсковой канцелярист Петр Иванович, по-малороссийски Петро Иваненко, носивший кличку Петрик; в старой песне ему дается прозвище Петричевский. Сделавши свое дело и получивши от полковника Жученко благодарственное письмо к гетману, Петрик, вместо того чтобы возвращаться в Батурин, объявил, что поедет в Новый Санжаров для посещения там своих родных. Это было уже при наступлении великого поста. Выехавши из Полтавы, Петрик переправился через Ворсклу в степь, покинул свои санки под стогом сена, а сам со служителями сел верхом на лошадей; они поскакали в Сечь Запорожскую. Скоро после того пришло к гетману известие через переволочинского «дозорцу» Рутковского, что Петрик, приютившись в Запорожье, настраивает на мятежнические затеи козаков и самого кошевого. Петрик уверял запорожцев, что если пригласить татар и с ними войти в Украину, то весь тамошний народ поднимется, гетман улепетнет в Москву, а бедные люди все пристанут к запорожцам и передуют панов своих, которым цари надавали вольностей. Передавая гетману такие речи, приносимые возмутителем в Сече, сообщали, что когда кошевой трезв, то говорит ему: «Полно тебе, Петр, врать», но чуть подопьет,

так и сам несет много непристойного, а степенные и благонамеренные люди принуждены только молчать.

День ото дня в Сече поднималось значение Петрика. Живя там, он написал письма к Кочубею и к своей жене. Первого извещал он, что убежал в Сечу от бесстыдной ярости жены своей, которая не только злословила его, но и посягала на его жизнь; он нашел приют себе в Сече Запорожской, которая издавна была всем обидимым исконное прибежище и заступление. «Лучше мне, — выражался он в письме своем, — есть соломаху здесь с добрыми молодцами, чем жить беспрестанно в страхе внезапного прекращения живота моего». В письме к жене он выражался так: «Ганно! ты как хотела, так и учинила! Не описываю твоих непристойных и злоторных поступков. Сама ты ведаешь, что делала. Если тебе лучше будет без меня, то забудешь меня. Живи, богатей, прохладжайся, а я себе хоть соломаху естиму, да не буду опасаться за свое здоровье. Пришли мне зеленый кафтан, котел, треног и путо ременное, а хлопство мое (прислуга), что там осталось, пусть будет в целости. Марта 2. Твой желательный муж».

Гетман, узнавши, что Петрик волнует запорожцев, писал кошевому, что этот человек, бывши войсковым канцеляристом, украл из канцелярии важные бумаги и скрылся в Сече. Гетман просил выдать его как вора и плута. На раде, созванной по этому поводу, разделились голоса: нашлись такие товарищи, что хотели поступить в угоду гетману, но другие, и сам кошевой, заступились за Петрика. Кошевой атаман Гусак говорил: «Если мы Петра Ивановича выдадим, то к нам в Сечу никто ходить не станет, а у нас спокон века так ведется, что всем приход вольный». Защитники Петрика взяли верх, и он не только остался в Сече, но еще избран был кошевым писарем. Тогда успел он многих соблазнить уверениями, что, пришедши в Украину, все они станут ходить в кармазинах, что сам гетман требует его выдачи только оттого, что боится москалей, которые находятся около него и наблюдают за ним, а на самом деле гетман склонен к нему, Петрику. Еще более вероятным показалось сечевикам, что Кочубей, как уверял Петрик, ему покровительствует.

Но Запорожье издавна отличалось непостоянством: легко и неожиданно могла взять верх противная партия, которая уже на раде соглашалась выдать Петрика. Притом Петрик в своих видах не мог опираться на содействие одних запорожцев, приходилось искать еще какой-нибудь иноземной помощи. Петрик недолго оставался в Сече и в том же 1692 году после Юрьева дня ушел вместе с запорожцем Василием Бузским в Кизикермень¹, ни у кого не спрашиваясь, хотя кошевой атаман и знал, куда он уходит. За Петриком последовало сечевиков человек шестьдесят, которых он

¹ Ныне Берислав, заштатный город Херсонской губ.

успел уже настроить. Кроме их, в Сече было довольно так называемой «сиромы» (оборвышей), готовой пристать к Петрику, как только он появится с каким-нибудь признаком успеха, потому что эту «сирому» очень соблазняла возможность пограбить арендарей и богатых панов «кармазинников».

В Кизикермене Петрик разглашал, будто послан Кочубеем, генеральным писарем, который, будучи враг Мазепе, хочет свергнуть его с гетманства и сам стать гетманом. Через три дня после побега Петрика из Сечи явился туда козак с письмом Петрика к кошевому атаману и ко всей запорожской братии: Петрик благодарил за хлеб за соль, извещал, что идет немедленно поднимать орду на Московское государство и скоро прибудет со вспомогательными татарскими силами за тем, чтобы начать дело освобождения Украины.

Петрик перешел в Крым. Сперва Петрик заметил у татарских мурз мало охоты подавать помощь запорожцам. Только несколько мурз показали к его делу сочувствие. Зато при их содействии Петрик добился ласкового приема у хана и объявил, будто Сечь Запорожская поручила ему вступить с крымским юртом в мирный союз против Московского государства. Петрик уверял хана, будто все украинские города только и ожидают прихода хана с его ордынскими силами, чтобы восстать против ненавистных москалей. Тут пришли в Крым к Петрику четыре козака, и Петрик уверял хана, что эти козаки прибыли от всех жителей малороссийских просить крымской помощи против москалей.

В то время, когда Петрик явился в Крым, хан был озлоблен против Москвы. Недавно перед тем ездил по поручению гетмана в Крым гетманский гонец, черниговец Пантелеймон Радич, проведать, есть ли со стороны татарской желание начать мирные переговоры с Россией. Хан Саадет-Гирей по этому поводу послал гонца в Москву проведать: какого рода были бы с царской стороны желательные условия примирения. Московское правительство вслед за тем отправило в Крым подьячего Василия Айтемирова с проектом условий мирного договора. Но эти условия не по вкусу приходились крымцам. Русские хотели, чтобы при размене пленных соблюдено было совершенное равенство, и русские пленные из Крыма, как и крымские из России, были бы отпущены без всякого окупа. Татары отвечали: «Ваших московских и козацких людей в полону у нас тысяч сто, а наших у вас каких-нибудь тысячи две, много три... Как же можно освобождать нам ваших без окупа? Издавна велось, что при размене пленных присылали из Москвы разменную казну за ваш полон. Наш хан и весь крымский юрт готовы с вами мириться, но готовы и биться: за казну все станем, как один человек. Татарин за добычу воюет оттого, что у него всего пожитку что два коня, а третья своя душа». Попытки к устройству примирения повели только к большему озлоблению, и даже московский гонец, при-

возивший проект мирных условий, подвергался оскорблениям. Тут, как нельзя кстати, к хану обратился Петрик с предложением воевать вместе с татарами против москалей.

18 мая Петрик писал в Сечу, что заключил с ханом договор, которым, как он надеялся, запорожцы будут довольны. По этому договору со стороны хана дозволялось запорожцам невозбранно отправлять свои рыбные и соляные промыслы по обоим берегам днепровского низовья и по рекам, впадающим в Днепр, как это бывало при Богдане Хмельницком. Кто захочет идти на такие промыслы, тот должен испросить позволения у кошевого атамана и тогда смело может отправляться, не опасаясь никаких беспокойств от татар ни на суше, ни на воде. «А кто, — прибавил Петрик, — захочет идти с нами для отобрания милой отчизны нашей от московской власти, тот пусть готовится к походу и пусть знает, что хан с черкесами и с частью орды сам двинется из Перекопа на немцев, а нам в помощь оставляет ясновельможного салтана Калгу со всеми ордами крымскими, черкесскими и ногайскими, которым дано уже повеление собираться в поход».

В Сече между тем произошла перемена. Гусака сменили; вместо него кошевым атаманом избран был некто Федько. При этом новом кошевом Петрик написал к запорожцам новое послание от 27 мая, извещал, что уже все орды двинулись в путь с Калгою, и приглашал кошевого с товариством встречать союзников у Каменного Затона¹, с тем чтоб утвердить по своему усмотрению постановленный им с татарами договор. 22 июня Петрик прислал третье послание к запорожцам, и притом очень пространное: в нем излагал он цель своего предприятия и надежды на его осуществление. Он вспоминал, что когда прибыл из Батурина в Сечь, то говорил уже добрым молодцам, в каком печальном состоянии находится малороссийский край, приводимый к упадку соседними монархами. «Неудивительно, — рассуждал теперь Петрик в письме своем, — что так поступает польский король: мы были когда-то его подданными, с Божиею помощью при Богдане Хмельницком отбились от подданства его власти и так много вреда ему наделали, что он до сих пор не оправится. Неудивительно, если крымский хан с нами враждует: мы из давних времен причиняли вред Крымскому государству и теперь всегда чиним. Но дивны поступки московских царей: не мечом они нас приобрели, а предки наши добровольно им поддались ради христианской веры. Переселивши с правой стороны Днепра на левую наших жителей, москали обсадились нашими людьми от всяких неприятелей, так что откуда бы неприятели ни пришли, — будут прежде жечь наши городы и села, наших жителей забирать в полон, а Москва будет находиться от них в безопасности за нами, как за

¹ Бывшая крепость на берегу Днепра, близ Сечи.

стеною. Этим не довольствуется Москва, а старается всех нас обратить в своих невольников и холопов. Сперва они гетманов наших Многогрешного и Поповича¹, которые за нас стояли, забрали в неволю, а потом и всех нас хотели поворотить в вечную неволю. Нынешнему гетману допустили они раздавать городского войска старшинам маетности, а старшины, поделившись между собой нашей братиею, позаписывали ее себе и своим детям навеки в неволю, и только что в плуг не запрягают! Москва дозволяет нашим старшинам чинить подобное для того, чтоб наши люди оплошали и замужичали, а москали тем временем завладели бы Днепром, Самарою и настроили бы там своих городков! Я также вам сообщал, что король польский, недовольный московским царем за то, что не воевал Крыма, хотел сам, помирившись с ордою, идти на Москву и отобрать в свое подданство нашу Украину. А каково было бы тогда нашей Украине? Не были ли наши братья и на кольях, и в водных прорубях? Не принуждали ли козацких жен опаривать кипятком детей своих, не обливали ли ляхи наших водою на морозе, не насыпали ли им в голенища горящих угольев, не отбирали ли жолнеры² у наших людей их достояние. Все это вы помните, и ляхи этого не забыли и разве не стали бы они того же чинить над нами снова!.. Во время моего нахождения в Сече я много советовал начальным товарищам взяться за дело и не допустить нашей милой отчизны Украины до крайнего упадка. Но из ваших милостей никто не захотел постоять за своих людей; поэтому я, как уже раз покинувши отца, мать, жену, родных и немалое имущество, прибыл к вам, добрым молодцам, в Запорожье, так и теперь, призвавши на помощь Бога и Пречистую Его Матерь, христиан заступницу, принялся за дело, которое касается целости и обороны отчизны и общей свободы: я в Кизикермене договорился о мире с беим кизикерменским Камень-мурзою, а в Перекопе хан утвердил мирные статьи, чему свидетелями были и ваши посланцы Левко Сысой с товарищами. Посылаю вам эти статьи. Прочтите их в раде: надеюсь, не найдете ничего зловредного отчизне!.. Но, может быть, кто-нибудь скажет: как нам воевать своих отцов, матерей, братьев и друзей; или, быть может, скажете: где мы сами денемся, когда опустошим свой край, кто нам даст тогда хлеба? Не дай Бог воевать свою отчизну; не хороша та птица, что собственное гнездо марает, не добрый тот пан, что собственную вотчину разоряет! Но когда захотите помогать нам и прибудете в Каменный Затон, тогда учиним совет, куда нам с ордою обращаться, так чтобы не причинять никакой беды нашим городам и селам. Не затем начали мы наше дело, чтобы воевать своих людей, а затем, чтоб освободить их и себя от хищни-

¹ Так называли Самойловича.

² Солдаты (польск.).

чества москалей и панов наших. Сами вы, умные головы, рассудите и сообразите, лучше ли быть в неволе или на воле — чужим слугою или самому себе господином, — у москаля либо у ляха мужиком, или вольным козаком? Когда славной памяти Богдан Хмельницкий с войском Запорожским при помощи орды выбился из лядского подданства, разве дурно было тогда Украине? Разве не было тогда у козаков золота, серебра и сукон дорогих, и табунов лошадей, и черед рогатого скота?.. Всего было вдоволь. А как мы стали московского царя холопами, так опустела вконец чигиринская сторона, а у перегнанных на левую сторону Днепра наших братий не только что не стало достояния, да и лаптей негде было взять! Большая часть наших братий осталась в неволе в московских городах, а других татары каждый год в полон вместо дани забирают, о чем сами вы знаете, как делалось прошлою зимою в полку Переяславском, а ранее перед тем в полку Харьковском под Змиевым и на других местах. Пусть вам, господа, будет еще и то известно, что сам гетман, с совета всех полковников, присылал ко мне секретно человека своего известить, что как только мы с ордами приблизимся к Самаре, то все они от Москвы отстанут, сойдутся с нами и станут вместе воевать Москву. Человек этот при мне, и когда, Бог даст, придем в Каменный Затон, я вам покажу его! Будьте доверчивы и ничего не опасайтесь».

Письмо это было писано в Акмечете (нынешнем Симферополе). На пути из Крыма к Каменному Затону, из урочища Черной Долины, 12 июля Петрик послал еще четвертое письмо к запорожцам, убеждая всех пристать к татарам ради освобождения малороссийского народа от московского ярма, а через несколько дней после того Петрик и Калга-салтан со своими ордынцами были уже в Каменном Затоне. 23 июля гетман через своего «дозорцу» в Переволочне получил известие, что кошевой атаман с куренными атаманами приняли от Калги-салтана дары и условились: запорожцам вместе с татарами идти на малороссийские города, производить смятение в посполстве, подстрекать мужиков к избиению арендарей и панов. Подробности этого события мы узнаем в показании пойманного впоследствии в полон сообщника Петрикова, Кондрата. Было дело так. Прибыли к Сече Батырча-мурза и Калга-салтан; с ними был Петрик и послал в Сечь письмо, приглашая кошевого атамана и все товарищество встречать его с хлебом-солью. Ему на это сперва прислали такой ответ: «Пусть встречает тебя тот, кто посылал тебя». Тогда Петрик послал сказать сечевикам: «Если меня с хлебом-солью не встретите, то я прикажу переловить всех ваших ватажных людей, которые теперь промышляют на Молочных Водах и на Берде¹, и велю отдать их в неволю татарам!» После такой угрозы со-

¹ Обе реки — в Таврической губернии, впадают в Азовское море.

бралась рада и приговорила: ради спасения ватажных людей выйти к Петрику в Каменный Затон с поклоном, но во всяком случае допроситься от него, кто его послал. Кошевым атаманом был тогда опять Гусак. Федька недавно отставили. Этот кошевой вышел с 38 куренными атаманами и с двумя тысячами войсковых товарищей. Поднесли Калге-салтану хлеб-соль. Калга был доволен и сказал запорожцам: «Петрик явился к нам в Крым от вас всех; хотя с ним не было ваших писем, но он уверял нас на словах, что вы его обнадежили». Тогда куренные атаманы обратились к Петрику и сказали: «Ты писал, как прибудешь к нам с татарами, тогда узнаем, кто посылал тебя, — говори же, кто посылал тебя?» «Какое дело вам до того, кто меня послал? — отвечал Петрик. — Сами увидите, что будет, когда только приступим к Полтавскому полку. Этот полк весь мне сдастся, да и Миргородский потом весь перейдет к нам. Гетмана и старшин, и панов, и арендарей — всех побьют, и настанут у нас такие вольности, какие были при Богдане Хмельницком! Если мы теперь не выбьемся из-под московского ярма, так уже не выбьемся из-под него никогда». «Я учиню раду в Сече, — отвечал кошевой атаман, — и коли рада приговорит идти, тогда и я пойду!» Дали взаимное обещание: малороссияне не будут чинить «препятия» татарам, когда те пойдут назад, а татаре не станут трогать запорожских ватажников, сновавших за промыслами на Молочных Водах и на Берде. Калга подарил кошевому доброго коня, а двум куренным атаманам по «чуге» (одежда).

Гусак, видимо, сочувствовал мечтаньям Петрика, но не решался открыто стать за него пред всем товариством. Оттого на раде, собравшейся на другой день после свидания с Петриком, не последовало ничего решительного. Рада, находясь под нравственным влиянием Гусака, постановила, что всему низовому сечевому войску идти в поход на Украину не следует, но кто из товарищей захочет идти с Петриком, тому не возбранять. Тут пришла от гетмана увещательная грамота к запорожцам, чтоб они не приставали к злым замыслам. Кошевой атаман поступил и здесь согласно своему двучличному характеру. Он отвечал Мазепе, что у запорожцев вовсе нет такого безумного намерения, чтобы вместе с бусурманами идти на войну против православных христиан. Но в том же письме кошевой делал замечание, что во время гетманства Мазепы совершаются дела не лучше таких, какие делались при ляхах, против которых поднялся Богдан Хмельницкий. «Стали держать подданных такие паны, которым никак не следует дозволять их держать, а они заставляют бедных людей дрова возить, конюшни чистить, печи топить. Пусть бы только генеральные старшины держали подданных, это было бы еще не так обидно, а то держат такие, которых отцы не держали подданных никогда. Могли бы эти люди, как и отцы их, питаться своим трудовым хлебом». Повторяя точно такие жалобы,

какие заявлял в своих писаниях Петрик, кошевой Гусак уже тем самым, при всех своих уверениях в непричастности к мятежным замыслам Петрика, показывал, что относится к его делу не без сочувствия.

Когда рада порешила, что охотники могут идти к Петрику, тотчас набралось таких охотников до пятисот. Василь Бузский, приятель Петрика, избран был ими полковником и просил дать ему войсковые клейноты, т. е. знаки наказного начальнического достоинства, но кошевой атаман и старшины не дали их ему, чтобы не казалось, будто они отправлены от всего запорожского низового войска. Кошевой хотел, чтоб их отпустили только на том основании, что в Сече с давних пор никого силою не удерживают, но это не значило бы, что все товариство признает их затею добрым делом. Охотники самовольно пошли в Каменный Затон и там тотчас собрались в раду и провозгласили Петрика гетманом, а Калга-салтан вручил ему войсковые клейноты: булаву, бунчук и хоругвь. Таким образом Петрик копировал из себя Богдана Хмельницкого, которого первый раз провозгласили гетманом запорожцы, а также напоминал собою Суховеенка и Дорошенка, которые первые знаки гетманского достоинства получили от татар. Петрик, считая себя уже гетманом, нарек трех полковников (Василия Бузского, Кондрата и Сысоя) и шесть сотников, потом послал к ватажникам на Молочные Воды и на Берду созывать их вместе с собою на войну против москалей для достижения вольностей; при этом он грозил их отдать татарам в неволю, если они его не послушают. Сам Петрик с Калгою-салтаном отступил от Сечи и на речке Татарке собрал раду, чтоб обсудить, куда им сначала идти. Порешили прежде подчинить самарские городки, а между тем послать в Полтавский полк к цариченским и китайгородским жителям воззвания, приглашающие сдаться и показать пример другим. 29 июля с Самары Петрик распустил такой универсал ко всему народу малороссийскому:

«Всему товариству и посполитым обывателям доброго от Бога здоровья и благополучия. Зная, что Войско Запорожское пребывает в угнетении, ведая о ваших несносных страданиях и желая избавить вас от тиранства Москвы и немилостивых ваших панов, я обратился к Крымскому государству; для чего ездил в Крым и возвратился оттуда с ордою. У Каменного Затона близ Сечи все Войско Запорожское с кошевым атаманом и куренными атаманами на войсковой раде утвердило обоюдно присягою мир, постановленный с Крымским государством, а на другой раде по Божией воле избрало меня гетманом и повелело мне с ордами и с Войском Запорожским идти на оборону вашу против Москвы. Ныне двинувшись из Каменного Затона и совокупившись как с тем войском, которое было на Молочных Водах, так и со всеми ордами, находившимися при Калге-салтане, мы пришли к Самаре, о чем вас всех извещаем насто-

ящим нашим листом. Доверьтесь мне и, устроив между собою надлежащий порядок, высылайте к его милости салтану и к нам, Войску Запорожскому, свою старшину и сами с нами готовьтесь в этот военный путь против неприятеля своего, москаля, дабы с Божией помощью скинуть невольническое ярмо с вольных ваших козацких хребтов. Ведайте, что эта война против москаля началась не ради чего иного, как для ваших вольностей и общего народного блага. Сами знаете, что с вами делают москали и ваши хищные паны и что вам вытворяется от арендарей: объездили вам тираны шеи, поотбирали себе пожитки ваши. Станьте же дружно за вольности свои. Если теперь поможет Господь Бог отбиться из-под ярма московского, тогда устроите у себя такой порядок, какой сами захотите, и станете пользоваться такою вольностью, какую пользовались прежде ваши при Богдане Хмельницком. Войско Запорожское утвердило мир с Крымским государством на таких условиях, чтоб тогобочная¹ чигиринская сторона Днепра была нам возвращена в тех пределах, в каких Хмельницкий с ордами завоевал ее от ляхов, а другая сегобочная² сторона при нас оставалась бы со всеми полками и городами. Вольно будет всякому отправлять рыбные, соляные и звериные промыслы по Днепру, Бугу и другим речкам без всякой платы. Выбившись из настоящего подданства, каждый, коли захочет, может идти в свою отчизну, где прежде проживал, и не будет по этому поводу никому тревоги и опасности. Государство Крымское дало нам присягу всегда оборонять нас от Москвы, от ляхов и от всех неприятелей. Если вы теперь не приметесь за свои вольности, то знайте, что потеряете их навсегда и останетесь вечно московскими невольниками, и никто уже после за вас не заступится».

Петрик, очевидно, разыгрывал из себя Богдана Хмельницкого; но времена, когда Богдан Хмельницкий мог совершать свои великие дела, прошли невозвратно. Везде и во всем подражание бывает хуже оригинала, и события, искусственно повторяемые не вовремя, представляют собою что-то комическое. Петрик в малороссийской истории явился таким типом, каким был ДонКихот в истории человеческого поэтического творчества.

Мазепе известны были шаг за шагом поступки Петрика; гетман послал в Москву просить, чтоб указано было воеводам Борису Петровичу Шереметеву и князю Борятинскому соединиться с полками гетманского регимента. В конце июля Мазепа выслал вперед четыре городовых полка — Прилуцкий, Миргородский, Лубенский, Нежинский и с ними охотный конный полк Пашковского, а сам с пятью охотными полками стал под Гадячем и ожидал прибытия к себе, с одной стороны, великорусских воевод, а с другой — выбор-

¹ Имеется в виду Левобережная Украина.

² Имеется в виду Правобережная Украина.

ных отрядов из полков: Киевского, Черниговского и Стародубского. Стоя под Гадячем, гетман распустил 28 июля универсал ко всему малороссийскому народу, служивший как бы опровержением возмутительных воззваний Петрика. В нем гетман вспоминал о прежних усобицах, о бедствиях и разорениях, постигших от них край, убеждал пребывать в верности царям и в послушании гетману, угрожал вдобавок карою тем, которые прельстились бы и поддались обманщику, «загибельному сыну Петрику».

Гетман скорее дождался своих полков, чем великороссийских вспомогательных ратных сил. Шереметев не доходил еще до места, где ему надлежало сойтись с козаками, а князь Боротинский, как носились слухи, был где-то далеко за Путивлем. Гетман не стал более их ждать и двинулся к Полтаве.

Высланные вперед полковники прислали к гетману известие, что жители Цариченки, Китай-городка¹ и других орельских городков поддаются мятежу, поверивши «прелестным» письмам возмутителя. Этого было мало. До гетмана доходил слух, что огонь мятежа распространяется вдоль правого берега Ворсклы: жители кишенские и сокольские начинают «малодушествовать», готовы сдаться татарам и признать власть Петрика. Везде по пути, по которому шел гетман, слышались от «легкомысленных людей дерзкие речи». В обозе самого гетмана стрельцы доносили, что какой-то пьяный козак, помахивая саблей, кричал: «Станем рубить москалей!». Можно было опасаться, что мятежник действительно угадал народное желание. Гетман еще раз послал гонца к Шереметеву с просьбою спешить на выручку малороссийского края и в то же время отправил к четырем высланным вперед полковникам приказание идти против неприятеля на вспоможение жителям городков: Маячки² и Нехворощи³, которые еще не поддались мятежнику, но могли поддаться, если к ним впору не явится выручка. Нелегким казалось для этих полковников такое поручение, так как они не знали наверное татарской силы и опасались встретить ее в размере, превосходящем их собственные силы. Гетман ободрял их скорым подкреплением после прибытия Шереметева.

Августа 5-го полковники со своими полками, которые были расположены вдоль берега Ворсклы, двинулись к реке Орели и приблизились к Маячке. Под этим городком стоял уже Петрик с ордою.

Вот как Петрик туда добрался. Разославши с берегов Самары свои возмутительные универсалы, он прежде всего хотел подчинить себе Новобогородск. Но его «прелестные» письма, туда посланные, не имели никакого успеха, потому что в этом недавно еще основан-

¹ Оба — местечки Кобылякского уезда при р. Орели.

² Местечко Кобылякского уезда при р. Орели.

³ Местечко Константиноградского уезда при р. Орели.

ном городе большинство жителей состояло из великороссиян. Запорожцы с Петриком попытались было ночью ворваться в посад, но, пораженные пальбою из замка, ушли, а один из новопожалованных Петриком полковников, Кондрат, попался в плен. Утром после того Петрик с запорожцами и Калга-салтан с татарами направили путь к Украине. На дороге прибыли к Петрику посланцы из городков Цариченки и Китай-городка с хлебом-солью, изъявляли от имени всех жителей покорность и охоту содействовать освобождению Украины от московской власти. Все, казалось Петрику, шло удачно. Он оставил обоз неподалеку от Китай-городка и вместе с Калгою-салтаном двинулся налегке к Маячке. Туда было уже послано заранее «прелестное» письмо, как и в другие городки, но из Маячки никто не приходил к Петрику с хлебом-солью. Приближаясь к Маячке, у реки, носившей то же имя, встретили они ватагу украинцев, которые ходили на промыслы к Молочным Водам и к Берде, а теперь возвращались домой. Петрик стал уговаривать их пристать к нему и вместе с ними идти на москалей, чтоб освободить весь народ малороссийский от московского ярма. Многие ватажники сразу догадались, что перед ними какая-то шайка бездельников: хотя они себя и называли запорожцами, но это казалось сомнительным, так как с ними не было ни кошевого, ни запорожских старшин. Некоторые из ватажников, однако, наружно согласились пристать к Петрику, и таких набралось около полторы тысячи; другие же наотрез отказались и ушли на остров, где грозили обороняться, если их станут принуждать. Тогда приставшие к мятежнику просили дозволения взять и привезти свои оставленные возы, а когда получили позволения, то убежали тотчас к товарищам на остров. Некоторые оставались еще при Петрике, но, дождавшись ночи, также все от него убежали.

Таким образом, не успел Петрик увеличить своей силы ватажниками и, оставаясь с одними татарами да с кружком запорожцев, подступил к городку Маячке. Он послал туда еще одно «прелестное» письмо. На это письмо жители ответили положительным отказом: к городку приближались высланные гетманом полковники.

Как только татары увидели вдали гетманские полки, на них сразу нашел переполох. До них доходили вести, что в порубежных местах расставлены московские силы, а сзади все белгородские рати готовы против них к походу. Татары поспешно отступили к своему табору, оставленному под Китай-городком. Тут прибежал к Петрику какой-то козак и говорил, что отправлен от полтавского полковника Павла Герцика, стоявшего у городка Кобыляк. Он убеждал Петрика спешить к Полтаве, уверяя, что и полтавский полковник и весь Полтавский полк пристанут к Петрику, потому что все ненавидят москалей.

Сказанное козакам о Полтавском полке была ложь. Напротив, когда возмутительный универсал Петрика дошел в Полтаву, там был уже гетман и приказал послать к мятежнику написанный в гетманской канцелярии ответ от имени всего Полтавского полка в самом презрительном тоне. «Как смеешь ты гетманом именоваться? — было сказано в этом ответе. — Все мы, и старшие и меньшие, удивляемся твоему безумству: кто тебя, щенка такого, поставил начальником и опекуном над нами? С чего ты это убиваешься и заботишься о нашем житии? Мы знаем, что твой батько был нищий и жил у нас в Полтаве в богадельне, а ты, будучи в школе, валялся между нищими на улице и под окнами нашими выкормился объедками. Ты не только не был в рыцарских упражнениях, но и в домовых науках, а потом хоть и втерся в войсковую канцелярию, но там, обокравши товарищей и изменивши своему пану, убежал на Запорожье! Мы тому не верим, будто к тебе прибыл Калга-салтан; не надеемся, чтоб такая важная особа последовала за тобою, лгуном и щенком! Верно, цыган какой-нибудь собрал тысячную толпу оборвышей из татар и назвался салтаном!»

Письмо это показывает взгляд, образовавшийся тогда у малороссийских старшин по отношению к тем, которых они могли унижать за их простое происхождение. Письмо это, вероятно, принес Петрику тот козак, который выдавал себя посланным от Герцика, а может быть, Петрик сам выдумал и сообщил Калге о такой присылке от Герцика; действительно же полученного письма, конечно, не показал салтану и убеждал последнего идти далее к Полтаве. Но Калга-салтан был в таком расположении, что, вместо похода далее в Украину, собрался со своею ордою отступить в Крым. К нему пришла весть, что в Крыму готовится переворот: мурзы недовольны ханом, хотят избрать другого, большинство вновь желает некогда бывшего в Крыму ханом Селим-Гирея и уже послали в Константинополь просить падишаха о его назначении.

Когда Петрик с Калгою ходили к Маячке, оставленные в таборе близ Китай-городка татары, по своему обычаю, стали расходиться небольшими загонами и ловить пленников с тем, чтобы гнать их в Крым. Петрик, по возвращении из-под Маячки, не без труда упросил Калгу отпустить на волю малороссиян, забранных татарами. Было бы чудесно, если бы после всех льстивых обещаний татарской дружбы, на которые был так щедр Петрик в своих универсалах, татары на первых же порах показали малороссиянам свою дружбу таким способом.

Первый поход Петрика до крайности уронил его в глазах народа: без того, может быть, нашлось бы более готовых увлечься его горячими возбуждениями. Да и татары неохотно шли с ним и теперь не слушали его убеждений. И пришлось ему ворочаться вспять за своими союзниками, а когда на возвратном пути достиг он до

речки Татарки, то несколько сот запорожцев, приставших к нему в Каменном Затоне, ушли от него в Сечь: осталось их с ним человек восемьдесят самых забубенных. С ними Петрик следовал за Калгою-салтаном до Перекопа. Калга уехал в Крым, а Петрик, со своею купою удальцов, простоял под Перекопом в ханских окопах около трех месяцев. Из Перекопа выдавалось его козакам подеённо пшено и по несколько баранов для прокормления. Здесь посещали его малороссийские торговцы из Полтавского полка; он их принимал ласково, играя из себя роль гетмана, угощал горелкою и уверял, что скоро прибудет в Украину с татарскими вспомогательными силами. «Не добро вам с Москвою, — говорил он. — Я к чему намерился, то нонче исполню. Выгоню Москву, всех вас освобожу из московской неволи; станут люди из московских слобод переходить опять на чигиринскую сторону на прежнее жильё». Все ездившие в Крым за солью чумаки отдавали ему поклон, как батьку козацкому, потому что только по его ходатайству хан позволял им ездить в свои владения для соляных промыслов, тогда как вообще малороссиянам, поданным царя московского, это не дозволялось, по поводу неприязненных отношений Крымского юрта к Московской державе.

В последних числах сентября или в первых октября козаков, состоявших около Петрика, развели из ханского окопа под Перекопом по разным татарским селениям, а сам Петрик с шестнадцатью товарищами поехал в Бахчисарай ожидать и встречать нового хана. Этот хан приехал из Турции в декабре после Николина дня. Петрик явился к нему с поклоном и представил фальшивые письма, писанные будто бы от гетмана и Кочубея к прежнему хану: в этих письмах заключалась просьба оказать козакам помощь, чтоб освободить Украину от московской власти и перевести поселенных в слободских полках малороссиян на прежние места их жительства, в Чигиринщину. Хан Селим-Гирей и прежде был неумолимый враг Москвы, а теперь принял ласково Петрика уже только единственно потому, что этот человек явился врагом Москвы. Не знаем, в какой степени не сомневались в Крыму в подлинности привезенных им писем гетмана и Кочубея, но достаточно было, что они приглашали крымцев к походу, — и хан дал тотчас приказание татарам кормить лошадей и быть готовыми к походу.

После быстрого отступления Калги-салтана и Петрика полковники, высланные гетманом, бросились было в погоню за уходившими, но не догнали, потому что, ввиду погони, отступление стало совершенным бегством.

Гетман Мазепа распустил свое войско; с врагом ему не удалось биться, однако оно пробыло в трудах и лишениях военного похода целых 12 недель, а Полтавского полка козаки — осьмнадцать. Успех над мятежом был приобретен чрезвычайно скоро и легко, но гетман удостоился от московского правительства похвал и подарков

как бы за очень важный подвиг. Таким это дело и должно было показаться издали, если судить о нем по тем замыслам, с какими пускался возмутитель на свое предприятие. Стольник Тараканов привез гетману и старшинам милостивое слово великих государей и подарки. Он представился гетману в стане, устроенном в Бадакве¹ на Артополоте. Там гетманский табор был устроен наподобие города, с воротами, от которых шли улицы, составленные из шатров, до гетманского шатра. Гетманская пехота уставлена была по всему пути, по которому шел царский посол. Пехота играла на трубах, била в литавры. Царский посол поднес гетману с царскою похвальною грамотою подарок — кафтан «откровенным видом, с распростертыми полами», а старшинам присланы были соболи и материи, называемые «байбереки».

В конце 1692 года произошла суровая расправа с теми, которые во время прихода Петрика присылали к нему с хлебом-солью и признали его гетманом. Такая участь постигла двух сотников: цариченского и китайгородского. Войсковою суд присудил их к смертной казни, которая должна была исполниться на месте их преступления. Но китайгородские жители испросили помилование своему сотнику, представляя, что зачинщиком измены был не он, а священники, подававшие совет сдать город. На этом основании присудили китайгородскому сотнику и его сообщникам учинить такую казнь: положить им головы на плахи, потом, снявши с плах, объявить, что по прошению царицы Натальи Кирилловны смертная казнь заменяется для них наказанием кнутом и ссылкой в дальние сибирские города. Этот приговор был исполнен 2 ноября. Цариченскому сотнику отрубили голову в Полтаве 2 декабря.

Петрик, убежавший от рубежей Гетманщины, прислал в Сечь письмо в таком смысле: «Не сомневайтесь. Делу сему конца еще нет. Чтó мы начали, то и совершим». Но в Сече уже очень мало нашлось у него сторонников. Гусак теперь уже не мирволил Петрику, стал обращаться грубо с его сторонниками и грозил им наказаниями. Но тут поднялась смута. Гусака обвинили в том, что он брал дары от татар, приходивших с Петриком. Его принудили положить свою «комышину». С ним разом сменили всех других сечевых старшин и выбрали новых. Кошевым атаманом выбран был Василь Кузьменко. Это не обошлось без междоусобий: поднимались курени на курени, сечевую церковь забросали поленьями, купецких людей пограбили.

Для удержания Запорожья в спокойствии гетман находил, что следует в Каменном Затоне построить крепость и там держать постоянно гарнизон с орудиями. Нельзя было не обратить внимания, что Запорожье было опасно для Гетманщины главным образом от-

¹ Ныне село Лохвицкого уезда при р. Суле.

того, что там скоплялись недовольные порядком в Украине и друг друга подстрекали на отважные мятежнические затеи. Надобно было исправить причины народного недовольства. По вопросу о маетностях старшин и войсковых товарищей полагалось возможным успокоить народные жалобы на утеснения тем, что гетман издал универсал, в котором давал наставление владельцам не отягощать своих подданных в землях, лесах, сенокосах и во всяких угодьях под опасением отобрания маетностей. Но и это делалось только на случай возможности отягощения. Угрожая в своем универсале владельцам маетностей карою за отягощение подданных, гетман сообщал в приказ, что от особ, владеющих маетностями, как от генеральных старшин и полковников «люди в подданстве будучие отягощения и бремени неудобноносимого не терпели». Относительно аренд, возбуждавших также всеобщее недовольство народа, гетман до поры до времени ограничился универсалом, дозволявшим на крестины и на свадьбы курить вино для своего домашнего обихода и покупать дешевою ценою вино бочками: собственно, это и прежде дозволялось, но с таким ограничением, чтобы покупаемая бочка заключала не менее пятидесяти кварт. Теперь же дозволялось покупать гораздо меньше — в десять кварт, и притом без явки арендарям и их шафарям¹, объявляя единственно местным полковым старшинам. Самых арендарей обязали продавать враздробь кварту не дороже двух копеек. Это издавалось только как временно облегчительные меры, — предполагалось скоро уничтожить аренды вовсе.

Неугомонный Петрик в Крыму старался расположить нового хана и представил какое-то письмо, полученное будто бы от полтавского полковника. В этом письме уверяли, что как только он явится с татарами, то весь Полтавский полк ему сдастся. Крымские мурзы убеждали хана Селим-Гирея верить Петрику и сообщали, что им подлинно известно, как малороссияне не терпят москалей и готовы принять татар как избавителей. Бывшие в Крыму невольники-греки, напротив, уговаривали Петрика не пускаться снова в это дело и не отдавать на расхищение мусульманам своих единоверцев. Петрик на это им отвечал: «Я стою за посполитый народ, за самых бедных и простых людей. Богдан Хмельницкий избавил народ малороссийский из неволи лядской, а я хочу избавить его от новой неволи москалей и своих панов».

11 января 1693 года хан Селим-Гирей отправил в поход зятя своего Нуреддина-салтана и сына Ширин-бея с ордами, а с ними выступил и Петрик с кучкою своих воровских козаков. Прежде всего хан Селим-Гирей приказывал им идти к Сече и попытаться подвигнуть сечевиков идти в малороссийские города. Если малороссийские города не станут сдаваться, то хан не приказывал их

¹ Здесь — агентам.

разорять. Сам хан обещал весною идти с ордами на великороссийские города и слободы. 16 января Нуреддин-салтан и Петрик отправили в Сечь воззвание, убеждавшее пристать к ним. Петрик извещал запорожцев, что он прошлое лето не мог довести своего предприятия до конца оттого, что татары его покинули, а теперь новый хан Селим-Гирей в совете со всем своим государством постановил помогать малороссиянам, чтоб вырвать их из-под московского подданства. «Не прельщайтесь, братья, — выражался он, — что московские цари шлют вам червонные золотые: все это Москва делает оттого, что видит волка в лесу, а как Москва помирится с Крымом, то часть нашей Украины орде отдаст, а другую заберет себе в вечную неволю. У нас правдиво говорится: за кого крымский хан, тот и будет пан!.. Не привязывайтесь к этой Москве, как рыба-судак к неводу, что ее еще не затягивают неводом, а она уже к нити прилегает и тащит ее рыболов туда, куда уже прежде других рыб затащил. Так и вы добровольно привязались к Москве, а она с вами то же учинит, что уже прежде учинила с теми, которых раньше вас под свою власть взяла».

На это воззвание запорожцы послали Петрику ответ, составленный сечевым писарем Созонтом Грибовским. Запорожцы выражались, что, усматривая близость конца миру, они считают приличным вести себя так, как учит церковь — царей почитать и панов слушаться. «Предавшись отчаянию и забыв создавшего и искупившего тебя своею кровью Бога, — писали они, — ты отдался бездонному аду с душою и с телом. Желаем тебе там беседовать на вечные времена! От крымского хана ты получил клейноты; иди же себе с ними куда хочешь, только от нас убирайся подальше. Без нашего ведома ты ушел в Крым, без нас теперь и поход свой совершай, а нам больше не докучай!»

Нуреддину отвечали запорожцы, что, согласно с договором, заключенным прошлый год с бывшим Калгою-салтаном в Каменном Затоне, они желают безопасно от татар промышлять звериными, соляными и рыбными добычами, но отрекаются от военного похода на Московское государство. Нуреддин после этого послал им еще одно письмо в таких выражениях: «Нам не надобно такого мира, какого хотите вы, и от нынешнего часа вам от нас не будет покоя! Если же опомнитесь, то пусть ваш кошевой атаман сам приезжает к нам для разговора, либо вместо себя знатных особ присылает». На это запорожцы уже не послали письменного ответа, а словесно передали: «Мы ко псу Петрику больше писать не станем и выходить к вам из Сечи не будем».

Запорожская Сечь показала татарам, что Петрику на нее нечего полагаться, но Петрик уверял Нуреддина и мурз, что в Гетманщине встретят их не так, как в Запорожье. «Все города малороссийские, — говорил Петрик, — признают меня гетманом и тогда оста-

нется разослать татар загонами в великороссийские украинные города и в малороссийские слободские полки, чтобы вывозить оттуда малороссиян на правую сторону Днепра». Петрика особенно занимала мысль вновь населить Правобережную Украину, и такая мысль нравилась бусурманам, потому что малороссияне, перешедши на правую сторону Днепра, очутились бы под турецким господством. Петрик писал письма в Чигирин и в Корсун, добиваясь, чтобы тамошние жители заранее признали его гетманом. Несмотря на грубый отказ всего запорожского коша, в Сече нашлось-таки несколько забулдыг, которые тогда пристали к Петрику.

Татары с Петриком двинулись в Украину к Переволочне¹. Они намеревались напасть на этот городок ночью, но какой-то хлопец, пойманный татарами, ушел из их рук, просидел некоторое время закопавшись в снегу, потом вылез, прибежал в Переволочну и дал впору знать о подходящем неприятеле. 15 января в полночь явился Петрик с татарами. Он уверял Нуреддина, что переволоченский сотник явится к нему с хлебом-солью. Вышло не так. «Наши, — говорит современное донесение, — весело поиграли с татарами; не без того, что и наших двух-трех они изрубил, зато мы их отбили знатно, и чернь косами татар рубала». Татары нахватили под Переволочною у жителей скота и овец, но салтан рассердился за это, велел перебить у грабителей лошадей и самих чуть не побил. Нужно было показать малороссиянам, что татары идут к ним как союзники и избавители, а не как наездники.

Тогда Петрик стал уверять Нуреддина, что если Переволочна не сдастся, то другой пограничный городок Кишенка непременно сдастся. Петрик встретил кишенцев, ездивших в степь за сеном, и навязал им «прелестное» письмо, обращенное ко всему товариству и к посполитым людям города Кишенки. «Прошлого лета, — писал он, — приходили мы с ордою за тем, чтоб освободить вас всех от московского ярма, но не могли тогда окончить нашего дела. Теперь, слыша, что москали и ваши паны чинят вам великие тягости, вышли мы опять вам помогать и хотим, чтоб вы в такой вольности жили на обоих берегах Днепра, как ваши предки живали при Богдане Хмельницком. Высылайте к нам своих духовных и старшин городовых; учиним согласие и пусть товариство ваше, кто захочет, идет с нами на войну тотчас, а вам никакого убытка не будет и волос не спадет у вас с головы. Если же вы послушаетесь чьего-нибудь непристойного совета, то знайте, что это вам даром не пройдет».

Подошедши к Кишенке², татары расположились в «подворках» (предместьи); Кишенка не высылала на поклон духовных и стар-

¹ Ныне местечко Кобылякского уезда при р. Днестре близ устья Ворсклы.

² Большое местечко Кобылякского уезда при р. Ворскле.

шин. Напрасно прежде хвастал Петрик перед Нуреддином, будто у него в Кишенке есть приятели: они не отзывались. Петрик еще раз послал в Кишенку письмо, приглашал охотников идти с ним воевать Москву, уверяя, будто Переволочна сдалась ему. «Ступайте себе далее в Полтавщину, — отвечали кишенцы, — а мы тем временем подумаем да посоветуемся».

Тогда Петрик утешал своих союзников, что когда они подойдут к Полтаве, то дело изменится, потому что полтавский полковник с ним в соумышлении. Они зажгли подворки, где стояли, и с наступлением ночи пошли к Полтаве.

Татары расположились в окрестностях Полтавы вплоть до Старого Санжарова¹. Часть их разошлась с загонами, разорила два села и наловила в полон множество жителей, говорят, тысяч до двух. Петрик послал в Полтаву с «прелестным» письмом какого-то монаха Гервасия. «Полтавцы! — писал он, — крымские войска пришли освободить вас от московского ярма, а порубежные городки ваши не соизволили на то, чтоб им и вам добро было. За это крымские войска пошли на ваших войной. Но его милость салтан вам дает знать: если хотите жить с крымцами в братерстве, присылайте к нему для соглашения своих старшин, и салтан прикажет воротить весь ясыр², сколько его взято, и скотину». При этом Петрик послал в Полтаву несколько малороссийских невольников, освобожденных из Крыма.

Но тут до Нуреддина и до Петрика дошла весть, что великороссийская и гетманские ратные силы приближаются. Гетман, следивший за движениями крымцев и Петрика, еще в декабре 1692 года дал знать в Москву. Последовал царский указ: Шереметеву с двадцатью тысячами конницы и столько же пехоты идти к рубежам украинским, а товарищу его, князю Брятинскому, стоять поблизости позади — «на страх непостоянным людям». В самарских городах поставлено было до двух тысяч козаков из слободских полков с отрядом из великороссийских ратных сил. Полтавский полковник вовсе не шел на соединение с Петриком, напротив, собрал против него три сотни своего полка. Страх встретиться с многочисленными противными военными силами и явное нежелание малороссийских жителей поддаваться Петрику побудили татар к немедленному отступлению. Они угнали с собою множество ясыра, но когда дошли до реки Бальчика, Петрик упросил Нуреддина отпустить пленников на волю, дабы малороссияне и теперь могли поверить, что татары им друзья. По одному известию, число татар в этом походе простиралось до тридцати тысяч, а с Петриком малороссиян было до четырехсот человек; по другому — татар было только до десяти тысяч, а приставших к Петрику малороссиян всего 80 человек.

¹ Местечко Полтавского уезда в 23 верстах от Полтавы.

² Пленных.

Как бы то ни было, второе покушение Петрика потерпело такую же неудачу, как и первое. Народ ни на волос не обольстился его воззваниями, не показал желанья пожертвовать жизнью и достоянием ради освобождения от московской власти, не усматривал в Петрике нового Хмельницкого, и Мазепа, казалось, имел право уверять московское правительство, что все взводимое Петриком и подобными ему зложелателями об утеснениях народу есть ложь, — в Малороссии все, старшие и меньшие, живут счастливо, в изобилии и довольстве, никто никого не насилует, никто ни от кого не терпит.

Гетман хотя и на этот раз вовсе не участвовал в отогнании татар с Петриком, однако доносил в Москву, что он поступал не так, как прежние гетманы, которые только высылали против неприятелей своих полковников, а сами уклонялись от личного участия в битвах; он же, напротив, как только услышал, что идет Петрик в Украину с татарами, тотчас выступил к Лубнам, расставил вдоль Днепра несколько городовых и охотных полков, чтобы не допустить татар, пользуясь морозами, перебраться через Днепр по льду: оттого-то неприятель, как увидел, что в этой стороне все готовы к отпору против него, обратился на Полтавский полк, но услыша, что и там готовы отражать его, скоро бежал оттуда «сломя голову, к своим поганским жилищам».

Немаловажною причиной неудачи Петрика было то, что запорожцы не пристали к нему всем своим кошем. После бегства Петрика гетман посылал в Сечу войскового товарища Трошинского с похвалою запорожцам и с иконостасом в сечевую церковь. Но этот гетманский посол наслушался тогда в Сече «речей невежливых и ко вредительству належачих». Сердились запорожцы на гетмана, услышавши, что он советовал строить крепость у Каменного Затона, толковали, что им выгоднее быть в мире с бусурманами, потому что с соляной и рыбной добычи «они были и сыты, и пьяны, а царского жалованья им дается мало»; некоторые же прямо отзывались: «Пусть нам хан даст плату и лошадей, так мы будем на услугах Крымскому государству». Сам кошевой Кузьменко писал к гетману грамоту, в которой уверял, что если запорожцы и заключат мир с бусурманами, то такой мир не повредит гетманскому регименту. Но в той же грамоте кошевой своей рукой приписал: «Если что здесь противного вашей милости написано, то простите мне, дураку. Я пишу по войсковому приказу, и коли б яким способом дознались, что я вам иное написал, то убили бы мене в раде».

Вслед за тем весною 1693 года хан прислал в Сечь турка обновить примирение, постановленное запорожцами у Каменного Затона. Беспокойные головы взяли верх; ханский посол был встречен с почетом; всех куреней атаманы произнесли присягу хранить мир с ханом и его государством и послали в Крым своих послов для утверждения мирного договора. Петрик между тем в Крыму

не переставал возбуждать хана ложными вымыслами и уверять, что малороссийское посольство только того и ждет, чтобы пришел хан с ордою: вся чернь поднимется на старшин и на гетмана и по всем полкам начнется расправа с панами и арендарями. Обо всем этом тотчас узнал гетман и, сообщив в Москву, разослал универсалы, чтобы все полки были снова в готовности отражать внезапное вторжение крымцев.

Два неудачных покушения Петрика показывали, что малороссияне не поддаются возбуждениям против московской власти, гетмана, панов и арендарей, но тем не менее все-таки на виду стояла необходимость устранять по возможности причины, которыми возбуждали в народе неудовольствие. Дело об арендах прошлого года осталось неоконченным. В Светлое Воскресенье 1693 года гетман созвал в Батурине из всех полков козацких старшин, значных войсковых товарищей и некоторых мещан на совет об арендах. Немало оказалось таких, что стояли за аренды. «Никому оне не вредят, — говорили такие господа, — разве только шинкарям, а в городах значительные от аренд оказываются пожитки и не только удовлетворяются текущая потребности, но еще по тысяче и по две тысяче золотых кладется на сбережение». Но раздавалось более голосов, доказывавших, что аренды надобно «отставить совершенно», потому что они стали народу ненавистны и через них подается беспокойным людям повод к пререканиям; чумаки ходят за солью и рыбою в Сечь и своими рассказами о тягостях народу от аренд волнуют запорожцев, а те всегда рады придаться к чему-нибудь, лишь бы мутить. Подавали совет вместо аренд собирать на всякие войсковые расходы налог с тех людей, которые держат шинки или курят вино в своих винницах и продают по ярмаркам. Положили, в виде опыта, установить на год такой порядок, а по окончании срока полковые старшины и все уряды должны представить ведомости, из которых можно будет сообразить, достаточно ли будет собираться в скарб войсковой от такого способа винной продажи.

В Сече между тем шло большое колебание. В июне сменили Кузьменка, кошевым стал Гусак и писал к гетману, что надобно объявить запорожцам большой поход под Кизикермень, и запорожцы, в надежде получить себе в море проход Днепром, не будут в мире с бусурманами. Но в июле запорожцы начали кричать, что следует быть в мире и в союзе с крымцами; Гусак противился; буняны взяли верх, низложили Гусака и «накрыли шапками» Семена Рубана, куренного атамана Полтавского куреня, а к гетману послали ругательное письмо, в котором говорили, что он не отец, а вотчим Украине. Гетман в ответе своем обличал запорожцев, что сами они достойны называться пасынками, а не детьми Украины, за то, что поступают так, как им взбредет в голову, а не так, как велит мо-

нарший указ. Запорожцы, при гетманском после, подняли против гетмана крик, ругань; доставалось тогда и высшему правительству.

В это время гетман писал в Москву, что было бы полезно поднять запорожцев на бусурман и подвинуть, вообще, козаков на войну с Турцией. «В малороссийском посполитом народе много таких, что смятения желают; нищим и убогим хочется на счет богатых добывать себе состояние; однокровные с запорожцами по природе, они всегда смотрят на запорожские поступки как на образец для себя, больше чем на стройные порядки в городах, и какое бы зло от запорожцев ни вщалося¹, они готовы, по своему безумию, к ним пристать. Есть такие, что и землями владеют, и в дворах своих живут, но не умеют оправлять своих домов и приторно им жить хозяевами, и они, как только слышат, что в чужой земле нуждаются в людях для службы, так и готовы идти. От прежних гетманов и от меня полковникам и порубежным сторожникам бывали приказы не выпускать их, да никакими способами усмотреть за ними невозможно, и если бы, избави Бог, началась война против Российской державы, то неприятели нашими людьми, к ним бегающими, воевали бы Украину. Если же от нас начнутся твориться военные промыслы, тогда бы все охотники к войне пошли туда и не бегали бы за рубеж на чужие зазывы, не поднимали бы и домашних смут». На такие представления гетмана московское правительство отвечало, что для военных действий надобно ждать удобного времени, о чем будет в свое время указ, а до тех пор гетман должен действовать по своему усмотрению, применяясь к прежним указам, и всеми силами стараться, чтобы запорожцы не вступали в союз с бусурманами и оставались послушными царям.

Во все время от половины лета 1693 до 1695 года военные действия ограничились частными посылками отрядов и стычками их с татарскими загонами. Июня 27-го 1693 года за Смелую правобережные полковники Палей и Абазын разбили орду, а октября 27-го того же года, соединясь с Палеем и Абазыным, полковники — перяславский Минович и конноохотный Пашковский — одержали над татарами победу при реке Кодыме. В начале 1694 года Петрик из Крыма стал опять присылать в Сечь воззвания, обещая явиться с ордами для отобрания от московской власти милой отчизны Украины. Между сечевиками опять поднялось смятение, опять запели старую песню об утеснениях, чинимых народу панам и арендарями. Это смятение разносили приезжавшие в Сечу малороссийские ватажане, ездившие ватагами под предлогом разных промыслов. «Это такие люди, — писали из Сечи гетману, — что живучи в Украине не смеют языка распускать, а как только заберутся в Сечь, откуда у них плодятся речи и рассказы, возбуждающие к бунтам!

¹ Здесь — ни возникло, ни началось.

Иной мелет спьяна, а иной хоть не пьет, дьявольский сын, да без пьянства горечью дышит, собака, и не токмо что на гетмана и на панов, но и на самых монархов с желчью слова говорит!» Сам кошевой атаман Рубан колебался. Но в июле его отрешили и избрали кошевым атаманом другого, по прозвищу Шарпила. Тогда запорожцы стали решительно врагами татар, и ватага их в 400 человек ворвалась в крымские поселения, взяла в плен до двухсот татар и освободила около сотни русских полоняников обоего пола. Потом, под начальством того же Шарпилы, запорожцы на урочище Чингар разгромили татарский городок и тем побудили салтана Нуреддина, шедшего с ордою на Слободскую Украину, вернуться назад. В сентябре 1694 года гетман отправил за Днепр в «дикие поля» отряд из нескольких полков городовых и охотных под наказным гетманством черниговского полковника Лизогуба. Соединившись с Палеем, они ходили к устью Днестра, овладели татарскою крепостью Паланкою и воротились с добычей и двумястами пленных. За это от царя прислан был гетману золотной кафтан и порядочное количество материй и соболиных мехов, а Лизогубу и бывшим с ним в походе полковникам прислано также соразмерное вознаграждение. Участвовавший в этих походах запорожский кошевой Шарпила бился с татарами, но вернулся без добычи; за это он был низложен и вместо него дали «комышину» другому, по прозвищу Приме. При этом новом кошевом стала опять брать верх партия, расположенная ко вражде с Россией и к миру с татарами. Запорожцы кричали, что выгоднее им, живя в согласии с татарами, ходить на промыслы за зверьми, рыбою и за солью, чем, угождая Москве, быть в неприязни с Крымом и за то получать в награду сукна, которых присылают так мало, что приходится на человека по аршину, либо деньги, которых по разделу достанется на товарища каких-нибудь злотых¹ по два. Запорожцев располагала к миру и возможность размена пленных, причем они могли надеяться воротить попавших в неволю своих товарищей. Но Мазепа в январе 1695 года уговорил их уверениями, что царь скоро предпримет большой поход под Азов, а они, запорожцы, будут чинить промысел над неприятелем и получать много добычи. Вслед за тем прислана в Сечь такого же содержания царская грамота, а в апреле прибыл туда с царским жалованьем стольник, и запорожцы на своей раде дали обещание чинить над бусурманами воинский промысел по царскому указу.

¹ Польская денежная единица.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Первая осада Азова Петром. — Действия Шереметева и Мазепы на Днепре. — Покорение турецких приднепровских городков. — Гарнизон в Таванске. — Вести о намерении бусурман вторгнуться в Украину. — Приготовление к отпору. — Нашествие татар зимою 1695-1696 годов. — Разорение городков и селений. — Отступление татар. — Смерть Петрика. — Приготовление ко второму азовскому походу. — Отправка козаков к Азову. — Запорожский атаман Чалый. — Стоянка Шереметева и гетмана на Коломаке. — Взятие Азова. — Подвиги козаков под Азовом. — Царские милости. — Свидание Мазепы с царем в Острогожске. — Гибель запорожского атамана Чалого. — Бунт Киевского полка против своего полковника.

1695 год был знаменит в деятельности козаков. В этот год совершался первый азовский поход царя Петра, поход неудачный по причине измены инженера Янсена, перешедшего к туркам: русские потеряли попусту время с весны до глубокой осени и потратили немало войска и денежной казны. Но эти потери отчасти вознаградились успехами другого войска, которое в числе ста тысяч было отправлено на войну в иную сторону, под предводительством боярина Бориса Петровича Шереметева и гетмана Мазепы. Оно отправилось к низовьям Днепра с целью отвлечь неприятеля и воспрепятствовать крымским ордам помогать туркам в то время, когда последних теснили русские военные силы в Азове. Военачальники, сообразно предоставленным им от царя полномочиям, принялись осаждать турецкие укрепленные городки, построенные на Днепре. Первый из этих городков был Кизикермень (где ныне Берислав). В нем находился порядочный турецкий гарнизон и довольно большое число орудий, а вблизи него расположились, для вспомоществования гарнизону в случае нужды, татары под начальством салтанов Нуреддина и Ширин-бея. Русские явились в один из последних дней июля, в среду, и стали обозами на месте безопасном от неприятельских выстрелов. В чет-

верг на заре гетман приказал своим охотным и городовым полкам двинуться к стенам пешими. Против козаков вышли янычары, но тотчас были прогнаны в Кизикермень, а за янычарами козаки вскочили в сады и огороды кизикерменских обывателей. После этой первой попытки гетман подал совет насыпать шанцы и таким способом подходить ближе и ближе к городу. Утвердивши плетеные корзины с насыпанною землей, уставили пушки, разместили пеших козаков с огнестрельным оружием. Ночью все работы были окончены и весь Кизикермень был обложен козацкими шанцами. Утром в пятницу с козацких шанцев началась пальба по Кизикерменю из пушек и ручного оружия и продолжалась в течение четырех суток, с пятницы до вторника. Кизикерменцы отвечали хотя не лениво, но без успеха. Чуть только янычары отворят окна в ственных амбразурах, как из козацких пушек летят туда ядра и не допускают противников выпускать свои снаряды. Большой страх осажденным задавали в то же время пускаемые гранаты. Много помогло тогда русскому делу плавное войско, состоявшее из двух козацких городских полков, Киевского и Черниговского, и присоединившихся к ним на пути запорожцев. Перетягивая свои челны с большою трудностью по мелкому и высохшему протоку, оно не допускало татар Нуреддина и Ширин-бея подавать помощь теснимым в крепости. Но кизикерменские стены были сложены из чрезвычайно твердого камня, и гетман нашел, что нельзя обойтись без рытия подкопов. Начали вести подкоп под кизикерменские стены. Взрыв произвел повреждение в стенах, в которых; вдобавок, вспыхнул сберегавшийся там порох. Перед солнечным заходом осажденные дали знать, что сдаются. Вышел сам кизикерменский бей и писарь его «чемерис» (польский татарин) Шибан-Липка. Договорились о сдаче. Бывшие там турки были довольны, но татары не доверяли честности козаков и, не успевши захватить с собою всего своего достояния, ушли в нижний город, сохранившийся лучше верхнего, которого стены сильно пострадали от взрыва. Гетман запретил до рассвета козакам ходить в город, но козаки его не послушались и, несмотря на то, что были очень утомлены, бросились в опустелый верхний город с тем, чтобы захватить себе все, что там найдут, и не допустить сделать того же другим своим товарищам. За козаками вслед бросились туда и некоторые ратные люди. В городе произошел пожар и, благодаря сухому времени, распространился с такою быстротой, что многие не только утратили все, что успели там захватить, но и сами едва улепетнули от огня. Запершиися в нижнем городе татары, по требованию козаков, стали выходить, и козаки многих из них ограбили, вопреки своему обещанию; другие же татары и турки с женами и детьми сами бросались со стен кизикерменских в запорожские лодки и были перевезены в качестве пленных на

остров Таванск¹, уже тогда занятый козаками; на этом острове была другая турецкая крепость, называемая по-турецки Мустрит-Кермень, по-русски Таванск. Как только там увидели, что Кизикермень не устоял, тотчас сдались. Крепость эта была малолюдна и тесна; в ней помещалось не более 150 человек неприятельских сил. Было вблизи еще две крепости — Ислам-Кермень и Мубарек-Кермень. Эти маленькие крепостцы без боя сдались русским, покинутые бежавшими из них бусурманами.

Удерживать Кизикермень военачальники признали невозможным. Нужно было починить стены и орудия, а для этого были необходимы мастеровые: их не доставало. Решились сбить кизикерменские стены до основания и поставить гарнизон единственно в небольшом укреплении, находившемся на Таванском острове. Шереметев и гетман назначили там быть гарнизону из великороссиян и малороссийских охотных козаков под начальством Ясликовского. Сами военачальники собрались в Украину.

Как только они отступили, как запорожцы вошли самовольно в Таванск, забрали бывших там пленных и орудия, подуванили² между собою добычу, стали теснить поставленных там в гарнизоне великороссиян и малороссиян, не давая им ни в чем воли, принудили, наконец, их выйти из города и копать себе другой вал, а Таванск объявили собственностью Запорожской Сечи. Но самим запорожцам, вступившим в Таванск в числе шестисот, стало тесно в укреплении, имевшем всего 140 сажен в окружности, да и обороняться в нем от неприятеля было трудно, потому что вал был насыпан из песку и притом стоял на низком месте. Запорожцы везли оттуда лучшие пушки в Сечу, оставили на прежнем месте лохие, а потом, вытолкавши малороссиян и великороссиян, и сами стали расходиться на промысловую добычу.

Гетман, достигши рубежей гетманского регимента, распустил бывшее с ним городское козачество, так как приближалось время уборки хлеба, а охотные козацкие полки отправил на сторожу к вершине Самары стеречь крымцев, если бы те захотели идти на выручку Азову; сам же 30 августа прибыл в свой Батурин со стрелецким полком Анненкова, постоянно состоявшим при гетманской особе. Вскоре гетман от воротившегося из-под Азова своего посланца узнал, что царь с войском уже отступил в свое государство и нечего было опасаться выручки со стороны крымцев осажденным в Азове туркам; оставалось беречь недавно покоренные городки. Поэтому гетман вызвал с вершины Самары охотных козаков и послал 500 гадячан и лубенцев на придачу к охотным козакам, оставленным в Таванске, и запорожцам предоставлял во владение и бере-

¹ На Днепре близ нынешнего гор. Берислава.

² Разделили.

жение другие городки — Ислам-Кермень и Мубарек-Кермень. Но оказалось, что первый был сожжен турками, а в последнем сами запорожцы сокрушили все башни и стены. Присланные в Таванск козаки вместе с оставленными там прежде охотными козаками по причине крайней тесноты работали за таванскими стенами другой вал со рвом; к декабрю месяцу эти укрепления были готовы, но, за неимением леса, нельзя было строить в Таванске деревянных хат, и козаки помещались в плетеных куренях, лежа на голой земле и терпя «от зимних досад», хотя уже тогда в середине Таванска были постройки и поставлена была деревянная церковь.

Сделавши распоряжения о содержании Таванска, гетман отправил часть пленных, взятых при покорении турецких приднепровских городков, в Сумы для рассылки их в Великороссию на работы. Другие оставались в Украине и в апреле следующего года были отправлены, в числе 360 человек, на работы в Воронеж.

В ноябре 1695 года гетман и старшины получили от царя обычные награждения за летний поход. Но тогда же стали приходить угрожающие вести о новых замыслах врагов: их сообщали гетману выходцы из турецких владений и письма, получаемые из Молдавии. Мазепа издал универсал о том, чтобы жители свозили в города хлеб, сено и всякие свои пожитки, и приказал полковникам гадяцкому, миргородскому и полтавскому быть наготове к отпору неприятельского вторжения, а полковникам лубенскому и охотного полка Новицкому стеречь днепровские переправы. В январе 1696 года приходили к гетману одно за другим известия о вторжении татарской орды в пределы Гетманщины. Татары брали Яссыр по берегам Орели, сожгли Китай-городок с шестью церквями, дворами и гумнами, но не взяли замка, куда спрятались успевшие уйти от плена. 16 января сожгли татары Кишенку с тремя церквами и с дворами, также не взяв замка, 18 января подступили к Келеберде, а оттуда пошли к Голтве навстречу собранным против них козацким полкам. Но выставленные там полковники отступили, найдя, что у них остается мало силы за самовольным уходом многих козаков. Татары пошли вдоль берега реки Голтвы, пожгли хутора около Решетиловки, повернули к реке Пслу, сожгли села и хутора около городков Остапа, Белоцерковки и Богачки, направились к Гадячу. Везде по пути они расходились в стороны чамбулами, или загонами, и ловили яссыр.

Гетман выступил из Батурина, двинулся в Прилуки, сам еще не решаясь, куда ему прежде идти: он опасался, что на полки Киевский, Переяславский и Нежинский нападет из-за Днепра белгородская орда¹, и потому не тревожил козачества этих полков с мест

¹ Ногайцы, кочевавшие в XVI-XVIII вв. в степях Буджака (ныне юг Одесской обл.), другое название Буджакскан, Добруджская орда.

своих. Вскоре он получил известие, что действительно белгородская орда в числе 30 000 человек, как показывали языки, переправилась через реку Буг и идет — только не на упомянутые выше полки, а на Кременчуг, для соединения с ордою крымской. С белгородскою ордою шел Петрик. С ним белгородские татары осадили порубежные городки гетманского регимента Поток и Омельник¹. Петрик послал жителям этих городков универсал, вероятно, посланный тогда и в иные места. Вот что говорилось в этом универсале:

«Вам, старшинам, козакам и всем посполитым людям желаю доброго здоровья. Калга-салтан с ордами крымскими, белгородскими, черкесскими, ногайскими, калмыцкими, пришедши в вашу сторону, требует, чтоб вы с ним учинили примирие и потом жили бы себе спокойно по своему давнему обычаю, а если того не учините, то станет он вас разорять огнем и мечем за то, что вы дерзнули вместе с московскими военными силами воевать на кизикерменские города. Однако, жалея вас и всего вашего края, приказал он мне написать к вам: что хотите, то и выбирайте себе: смерть или жизнь, разорение страны или спокойное пребывание в целости! Выходите для переговоров со мною, — волоса не спадет с вашей головы; если же так не поступите, то сим не ведаете, что вас ожидает! В чем будет ваша воля, давайте мне знать сегодня же. Ваш желательный приятель Петр».

Вся сила, которою мог угрожать Петрик, состояла исключительно из татар; малороссиян при нем было теперь только 15 человек. Гетману Мазепе достался в руки Петриков универсал, и против этого универсала Мазепа разослал свой универсал, в котором предлагал тысячу рублей награждения за истребление Петрика. Сам гетман из Прилук двинулся к Лохвице, но тут пришлось ему трудно: вдруг стало таять, приходилось менять сани на телеги, в которых, по причине дурного пути, беспрестанно ломались колеса. Не обошлось тогда, по собственному выражению гетмана, «без большой доуки обывателям». Шереметев из Ахтырки звал гетмана с его войском к нему на соединение, но татарские силы близ Гадяча загоразивали ему путь; была опасность, что татары пойдут на Батурин, и гетман уже послал батуринскому сотнику приказание снять на подворке около замка деревянные постройки и сгонять жителей в замок. К счастью, вслед за тем пришла к гетману весть, что две орды, соединившиеся было вместе, крымская и белгородская, снова разбились на две половины: крымская направилась к Полтаве, белгородская разоряла Поднепровье. Гетман отрядил к Полтаве прилуцкого полковника Димитрия Горленка и приказал пристать к нему полковникам: гадяцкому, миргородскому и полтавскому с их полчанами, а лубенского полковника Свечку и охотного полка Но-

¹ Ныне местечки на р. После Кременчугского уезда.

вицкого отрядил против белгородской орды, приказавши им действовать взаимно, при надобности, с полковниками киевским, перяславским и с Палеем. «Чаю, — писал он, — белгородские татары не захотят ворочаться восвояси и станут ловить яссыр; тут-то и можно будет побить их». Сам гетман с остальным своим войском попытался идти к востоку на соединение с Шереметевым, дошел до местечка Рашевки на берегу реки Псла и здесь услышал, что 1 февраля татары все ушли без оглядки: белгородские — за Днепр, крымские — в свои дикие степи. Схваченные в плен татары показали, что они бежали оттого, что вдруг стало таять; страшно им стало весенней распутицы; на Днепре и на Псле под ними лед проламывался и много их потонуло.

Охотный полковник Пашковский гонялся за ними в лесу за Ворсклою, взял немало пленных, и те говорили, что Калга-салтан пытался удерживать своих крымцев, чтобы разорять Слободскую Украину, но чернь татарская самовольно бежала, Калга приказывал непослушным резать носы и уши, — ничто не помогало, и Калга сам, вслед за своевольными, поворотил в дикие степи. Гетман, узнавши, что врагов более нет в области его регимента приказал распустить городовых козаков в свои полки, а охотных в их становища.

Тогда постиг конец и Петрика. Пытался он обольстить малороссиян на все лады: распускал слух, будто гетман с ним тайно в соумышлении, сочинял даже, будто сам он побочный сын Мазепы. Никакие хитрости и вымыслы не умножили числа его соумышленников, нигде не расположили малороссиян признавать его за гетмана и освободителя от Москвы. Нашелся, напротив, охотник воспользоваться тысячью рублей, обещанною гетманом за голову возмутителя. То был некто Яким Вечирка, или Вечирченко: служил он прежде в полку у Палея, на правой стороне Днепра, потом перешел на левую сторону и находился в одном из отрядов, гонявшихся за бежавшими татарами. Под Кишенкою напал он на Петрика и проколол его копьем. Но награды от гетмана ему не пришлось получить: вслед затем татары схватили Вечирку и умертвили мучительным образом, как показывали раны на трупе его, найденном кишенцами вместе с трупом Петрика. Кишенцы повесили последний на крюке, а Вечирку похоронили с честью.

Итак, гетман Мазепа на другой раз, не вступая сам в битвы с татарами, освободил Гетманщину от их вторжения, и это дело, действительно немаловажное по своим последствиям, казалось в Москве еще более прежнего важным подвигом. Государь прислал Мазепе похвальную грамоту, а Мазепа, пользуясь этим, через присланного к нему царского посла, дьяка Винууса, выпросил у царя себе местечко Ямполь, недалеко от Севска, с тем чтобы в случае его смерти его вдове и племяннице был бы приют с их пожитками.

Прогнанием татар из Украины не окончились военные действия против бусурман; напротив, они только что начинались в более важном размере. У царя Петра созрело твердое намерение завоевать у турок Азов и создать русское мореплавание на Азовском и Черном морях. Малороссийский гетман прилагал соответственное старание к ведению этого предприятия, чрезвычайно важного и смелого по своему времени. Мазепа подавал совет послать для охранения Таванска великороссийских ратных людей, а запорожцев отправить в чайках¹ на море для разрыва неприятельских сил, которые, конечно, будут отправлены турками в судах на выручку Азова. Для этого, по его соображениям, необходимо было прислать 1000 рублей на сооружение запорожской флотилии из чаек и две тысячи четей² хлебных запасов на 2000 человек запорожцев, которые отправятся в море на три месяца; следовало, кроме того, устроить флотилию для плавного похода войск по Днепру. Суда для этого гетман находил удобным делать в Брянске и оттуда Десною спустить в Днепр. Правительство отправило гетману требуемую сумму на постройку запорожских чаек, а относительно плавного похода заметило, что если суда в Брянске не успеют, то гетман тогда должен сам найти еще иные способы приготовления судов к плавному походу вместе с Шереметевым. Вслед за тем царский посол Бухвостов привез гетману указ отправить 15000 конницы и 5000 пехоты казацкого войска под Азов, давши им на пять месяцев запасов. Гетман отвечал, что хотя он готов и сам лично вести козацкий отряд под Азов, но должен доложить, что в малороссийском крае едва ли наберется такое число козаков с лошадьми, какое требуется; большая часть козачества, за недостатком лошадей, может вступить в бой пешими, и разве только у начальных лиц и у значных товарищей будут свои боевые кони. Он может набрать всего, и конных и пеших, тысяч пятнадцать для отправления под Азов. Он считает возможным взять запасов только на три месяца: их придется везти гужом, а водяного пути нет. На это представление 2 апреля 1696 года дан был ответ, что дозволяется взять козакам, снаряжаемым под Азов, запасов на три месяца, но с тем, что на остальные два месяца запасы будут доставлены водою по Северному Донцу, который становится судоходным начиная от Белгорода. Кроме того, указано было купить в Слободской Украине 500 волов и 1500 баранов и, по распоряжению Шереметева, отправить на Дон.

24 апреля отправил гетман требуемый царем под Азов козацкий отряд в числе 15 000 человек под наказным гетманством Якова Лизогуба, черниговского полковника, бывшего когда-то на-

¹ Легких речных судах.

² Четвертей.

казным гетманом Дорошенка на правой стороне Днепра. С ним пошли два городовых полка — Гадяцкий и Лубенский, два полка охотных — один конный, другой пеший, и один компанейский. Путь их лежал на Ахтырку и Валуйки. За ними вслед велел гетман везти запасы на телегах на три месяца и сверх того каждому козаку приказано взять с собою денег для покупки себе продовольствия еще на один месяц. Гетман в своем донесении в приказ заметил, что доставить запасы на два месяца до Северного Донца для дальнейшей сплавки по воде очень затруднительно: люди посполитые обнищали от неприятельских разорений, от кормления охотных войск, от запорожских проездов и не могут снарядить достаточного числа подвод; многие ушли уже в слободские полки для переселения. До сих пор посполитые возили подводы с запасами только охотным козакам, компанейцам и сердюкам, а городовые козаки всегда возили себе запасы сами на своих лошадях; теперь же из городских многие так обеднели, что, отправившись в поход, не оставили при своих семьях никакой челяди, которая бы могла везти их запас; некоторые едва могли взять с собой для прокормления что-нибудь на дорогу и сами выступали в поход на единственном коне, на котором дома работали.

25 апреля последовал царский указ Шереметеву, по совету с гетманом, идти плавным походом под Очаков или в другое место с 2500 ратных в больших стругах, изготовленных в Брянске и спущенных через Десну в Днепр; сверх того гетман должен был распорядиться о постройке судов в городах гетманского регимента и приказал гнать их Днепром до Переволочны или до устья Орели.

В Запорожской Сече, еще не дождавшись от гетмана денег, присланных царем на постройку запорожских судов, в апреле снарядился и отправился в море на чайках атаман Чалый с 500 сечевиков. Тогда кошевой Гусак домогался, чтобы гетман выдал ему присланные царем для постройки чаек деньги, извещая, что, кроме ушедших уже в море с Чалым, собираются еще охотники туда же, но отправить их из Сечи не на чем. Гетман отвечал, что не даст ни денег, ни запасов, пока не убедится в действительной охоте запорожцев идти на царскую службу.

Но запорожцы скоро доказали, что в данное время на них можно положиться. Атаман Чалый, пустившись в Черное море со своею ватагою, напал на девять турецких судов, шедших в Очаков с запасом: многих турок потопили, а несколько десятков их взяли в полон и привезли в Сечь. Узнавши об этом, гетман сообразил, что в самом деле запорожцы могут быть очень полезны, отвлекая подвоз водою продовольствия неприятелю; он послал в Сечь деньги на постройку и починку судов и приказал везти в Запорожье на 200 подводах хлебные запасы, но приказывал за-

порожцам отнюдь не медлить и выступить на Лиман, а к ним в пособие назначил киевского полковника Мокиевского с его полком.

Мокиевский из Сечи выступил разом с ватагой запорожцев в числе 1740 человек, под начальством атамана Якова Мороза, в челнах или чайках на Лиман 30 июня.

Отправивши Мокиевского в Сечь, гетман сам собрался идти в поход на соединение с Шереметевым. Для безопасности на случай вторжения белгородской орды гетман расположил разъезды по днепровскому побережью из сотен полков Переяславского, Лубенского и части Черниговского, приказывая этим козакам по мере надобности плавать в челнах и по Днепру для высмотря неприятелей. Защита Батурина вверена была великороссийским стрельцам, состоявшим при гетмане.

Июня 10 гетман прибыл в Гадяч с немногочисленным войском. Там из разных вестей узнал он, что сам хан стоит на реке Колончаке¹; его орды расставлены по берегу Сиваша, охраняя Крым от вторжения русских; Нуреддин-салтан с 10 000 татар пошел к Азову, а турецкие каторги² плыли по морю тремя флотилиями к Азову и к Очакову. Гетмана беспокоило то, что в Таванске находилось войска всего 1036 человек.

6 июля гетман соединился с Шереметевым на реке Коломаке; отсюда оба с своими войсками перешли к речке Берестовой и расположились там обозами. Здесь, оберегая рубежи русских поселений, простояли они до последних чисел августа, когда их вынудили сойти отсюда малороссийские козаки, которые стали роптать и самовольно разбежаться домой, оправдывая своеволие тем, что подходило осеннее время и надобно было каждому у себя делать хозяйственные приготовления к зиме.

В течение того времени, когда гетман с Шереметевым стояли у Берестовой, совершилось достопамятное событие в русской истории: 17 июля взят был Азов — первое завоевание Петра Великого. Этот город, вместе с своею каменной стеной, был еще обведен земляным валом, а снаружи за ним прорыт был ров. За этим рвом в поле русские стали насыпать вал, стараясь сделать его выше неприятельского вала, оберегавшего город. Царь с новопостроенными своими судами стал на устье Дона, чтобы не пропускать турецких сил, плывших на каторгах на выручку Азова. Малороссийское войско и донские козаки поставлены были за Азовом по направлению к морю и к полю, откуда ожидались к туркам вспомогательные силы. Кубанские татары попытались было взять на своих лошадях турок, успевших с своих каторг ступить на берег, козаки им помешали. Это была первая услуга козаков царскому делу. Потом турки,

¹ Речка в Таврической губернии.

² От греческого *kátergon* — галера.

находившиеся в Азове, ночью, через посредство орды, расположенной в поле, хотели сообщать о себе сведения туркам, прибывавшим на судах. И до этого казаки не допустили. Тогда бусурманы, видя, что казаки сильно им мешают, решились разом с двух сторон ударить на них: турки — из Азова, а татары — с поля. Дело было 17 июля. Казаки, отбивши напор татар, не дожидаясь царского «ординаса», бросились на вал азовской твердыни. Было полдневное время. Казаки лезли на вал с ружьями и копьями, стреляли и кололи врагов, вступали с ними в рукопашный бой, наконец напали на одну башню, или раскат, и зацепили судовыми канатами за сваи, на которых укреплены были цепи, державшие орудия. Турки были сбиты с вала; казаки бросились за ними вслед и погнали их до каменных стен города, расположенных внутри земляного вала. Турки, за недостатком свинца, стреляли в них чем попало, даже монетами, и бросали в них зажженные мешки, внутри наполненные порохом. Не подоспели к казакам свежие силы, чтобы начать приступ «каменного города». Казаки вернулись на вал, но уже не сходили с вала назад. Турки стали копать внутри около вала ров, чтобы не допускать казаков снова отважиться на «каменный город». Наступила ночь. Казаки, успевшие в предшествовавший день подкопать и расшатать утвержденные на раскате сваи, сорвали четыре пушки, а на другой день с рассветом готовились опять броситься в бой с вершины вала на врагов, засевших во рву и сновавших как летучие мыши вокруг белых стен «каменного города». Но к ним был прислан царский приказ не трогаться с места, пока не последует сигнала ко всеобщему приступу. Казаки роптали, сердились. «Как нам не идти на приступ, — кричали они, — мы здесь стоим без дела две недели, от голода многие из нас тают, принуждены милостыни просить!»

18 июля замышлялся всеобщий приступ, но не состоялся. Осажденные замахали шапками, склонили знамена, затем в русский стан приехал сам азовский бей Гассан-Араслан, предложил принять город со всеми боевыми принадлежностями и просил только выпустить осажденных с их семействами и пожитками. Царь согласился, но потребовал выдачи изменника Янсена, виновника неудачи прошлогоднего азовского похода. Турки уступили этому требованию только после долгих усилий отклонить такое условие, потому что Янсен изъявил желание принять мусульманскую веру. «Отсеките лучше мне голову сами, а не выдавайте Москве», — кричал бедный изменник, но турки связали его и выдали на поругание и на бесчеловечные мучения: зато, в отместку за выданного ренегата, турки замучили тогда же двадцать христианских пленников. На другой день турки в числе 3000 были отпущены на свои суда, а город Азов, сильно пострадавший во время осады, был занят русскими. По известиям малороссийских летописцев, подтверждаемых современными актами, государь

признавал честь победы за козаками и приказал угостить старшин столом, за которым изобильно лились хорошие вина и меды, а простых козаков угощали горелкою, медом и пивом, и кормили хлебом, ветчиною, мясом и рыбою. По окончании стола царь приказал всех обдарить: старшины получили по 15 червонцев, рядовые козаки — по 1 рублю. В числе козаков при взятии Азова было 600 запорожцев, и они получили по одному рублю и по сукну на человека. Довольный успехом, царь тотчас отправил похвальную грамоту гетману Мазепе за удачную присылку козаков и за хороший выбор начальников, особенно за назначение наказным гетманом черниговского полковника Лизогуба, которого царь в своей грамоте назвал «мужем добродетельным и в воинских делах искусным». При отпуске, июля 30, Лизогуб был щедро одарен, а козаки его отряда получили такое изобилие продовольствия на дорогу, что могли еще продавать часть того, что им было дано.

Царь потребовал Мазепу лично к себе. Гетман пустился наскоро в дорогу, намереваясь пересечь царю возвратный путь из Азова в столицу. Мазепа встретил царя Петра и представился ему в слободском полковом городе Острогожске, иначе Рыбном. Там он поднес царю богатую турецкую саблю, оправленную золотом и дорогими камнями, и щит на золотой цепи, украшенный алмазами, яхонтами и рубинами. Царь принял гетмана чрезвычайно милостиво и любезно, сам был у него в гостях и обедал, провел с ним в беседе целый день и отпустил с уверениями в своей неизменной милости. При отпуске Мазепа получил в дар 12 кусков бархата, объяри¹, атласу, 5 косяков камки², соболей парами на 525 рублей и соболинный мех в 300 рублей. Это было второе свидание гетмана Мазепы с царем Петром, и в этот раз Мазепа, оставивший на царя и в прежнее свидание приятное впечатление, еще более расположил к себе государя. С этих пор мы видим, что Мазепа до самого злосчастного конца своего гетманства почти каждый год ездил в Москву, обыкновенно при начале года и чаще всего случалось ему бывать там тогда, когда и Петр, проводивший всю жизнь в метаниях по своей широкой державе и по соседним краям, навещался в свою родную столицу. Так утверждались между царем и гетманом такие отношения, что Мазепа стал пользоваться не только уважением, но любовью и полным доверием к себе царя Петра.

Возвращаясь из Острогожска домой через Белгород, Мазепа виделся там снова с Шереметевым и узнал, что хана более опасаться нечего: он ушел с Колончака.

В этот достопамятный год не везде козаки были так счастливы, как Лизогуб с своим отрядом под Азовом. Когда Мазепа разом с

¹ Волнистой накатной ткани.

² Шелковой китайской ткани.

боярином Шереметевым стоял табором на речке Берестовой, послан был в степь отряд полтавских полчан и охотных козаков под начальством санжаровского сотника Максима Плечника для устроения караулов на Муравском шляху, шедшем к Азову от вершины реки Конки через реку Коратым. Плечник одержал победу над татарским загоном, но, увлекшись за ним в погоню, наткнулся на другой загон, гораздо многочисленнейший. Схватка произошла на голой степи; не к чему было прислониться, и Плечник был взят в плен с 140 козаками. Один только из них, развязавшись у татар, убежал, пролежал сутки в болоте и потом, пустившись снова в путь, благополучно добрался до украинских берегов Днепра. Еще большее несчастье постигло запорожского богатыря атамана Чалого. После своего раннего подвига над десятью турецкими судами Чалый воротился в Сечь, а в июне пустился снова в Черное море вместе с Яковом Морозом, избранным в то время кошевым атаманом. Выплывши на море, Чалый с своею ватагою в 340 человек отлучился от Мороза и направился к крымскому городу Козлову (ныне Евпатория, по-татарски Хазлев). Не доходя 5 верст до этого города, ватага высадилась на берег. Запорожцы разорили два татарских села, взяли в полон 62 человека, сели в свои челны и поплыли назад. Не доходя Очакова, встретили их турки, плывшие на каторгах, в фуorkатах¹ и мелких судах. Козаки пристали к «острову козацкому», окопались там и два дня отбивались удачно; ночью благополучно сели в свои челны, пришли к Стрелице и к «сагайдачным кучугурам», там вышли на берег и пошли пешком в ольховый лес, как вдруг напал на них хан с ордою и вдобавок вышли против них из Очакова турки. По известию одного из вернувшихся впоследствии козаков, Данила Татарчука, они защищались целый день 27 августа, а к вечеру того же числа, видя свое малолюдство и страдая от недостатчи пресной воды, сдались. Перед сдачею Чалый сказал своим товарищам: «Ну, теперь мне живу не быть, — я убил двух турок!» Действительно, бусурманы его убили, а прочих пленников привели перед хана, и тот велел их засадить в Очакове, обещая выпустить в обмен за своих пленных.

Не совсем удачно действовал и отправленный гетманом киевский полковник Мокиевский. Отправивши часть своего отряда с Морозом в Черное море, сам с другою частью пошел он к Козьему Рогу, но его полчане, оставленные в Таванске, отрешили его от уряда и самовольно выбрали полковником своего полкового хоружего Сергея Солонину. Мокиевский, узнавши об этом, не шел уже в Таванск, а удалился в Запорожскую Сечь, откуда дал знать гетману. Гетман отправил генерального хоружего Евфима Лизо-

¹ Фрегатах — трехмачтовых парусниках.

губа восстановить прежнего полковника, произвести следствие и зачинщиков бунта доставить к нему, вместе с новоизбранным самовольно Сергеем Солониною, которого подозревал в участии в мятеже. Бунтовщики были подвергнуты наказаниям. Мазепа отнюдь не допускал козакам в своих полках без ведома гетмана отрешать и выбирать полковников, как хотели часто козаки по примеру Запорожской Сечи. В городских полках гетман старался давать полковничьи места, чрезвычайно в то время выгодные, лицам, которым сам благоприятствовал и в верности к себе мог быть уверен, или же своим родственникам: так, киевский полковник Мокиевский приходился Мазепе близким родным по его матери, которая была из рода Мокиевских.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Исправление крепостей в низовьях Днепра. — Приготовление к новым военным действиям. — Донос стародубца Сусла. — Неудачный поход боярина князя Долгорукого и гетмана в низовья Днепра. — Оборона Таванска. — Попытка склонить козаков к измене. — Отступление мусульман от Таванска. — Бесплезный поход гетмана и князя Долгорукого в 1698 году. — Неурожай в Малороссии. — Побег на правую сторону Днепра. — Переселение в Великороссию. — Гетманские имения в Рыльском уезде. — «Подсуседки». — Свидание гетмана с царем в Воронеже. — Съезд 1699 года в Гадяче. — Меры обороны края. — Мысль вести великую войну против турок. — Конгресс в Карловице. — Перемирие с турками на два года. — Мир Турции с императором и с польским королем. — Дьяк Украинцев в Константинополе. — Перемирие с Турцией на 30 лет.

После покорения Азова военная деятельность козаков гетманского регимента сосредоточилась на Днепре. Еще когда гетман и Шереметев стояли на реке Берестовой, Неплюев осмотрел Таванск, нашел его, даже с приданным земляным валом, очень тесным, распределил ратным людям работы по расширению вала, осмотрел кроме того Кизикермень и Шингирей и доносил, что удобнее всего исправить и укрепить Шингирей. И гетман Мазепа разделял этот проект и приказал вместе с ратными царскими людьми работать своим козакам, посланным в Таванск, над которыми начальником, вместо недавно умершего полковника Ясликовского, назначил сердюцкого полковника Чечела.

Надобно было ожидать новых неприятельских действий. Запорожцы, ободрившись недавними успехами, изъявляли желание снова пуститься в море и просили дать им досок, канатов и снастей на постройку сорока морских судов. Гетман сообщал царю, что сам он желает от себя построить для малороссиян 50 судов, и просил дать ему на то материал. Царю Петру нравилось такое предложение: указано было купить все нужное в приказе Большой казны и доставить в Малороссию, а из Запорожья прислать в

Москву мастеров стругового дела. Гетман послал какого-то Василия Богуша с семью товарищами, с кормщиками и с передовщиками, но тут же заметил, что, кроме Запорожья, во всем малороссийском крае нет таких мастеров. Видно, что гетман старался угодить царю и сам вызывался с тем, что царю в то время нравилось, но в то же время он с осторожностью заранее отклонял от себя исполнение таких невозможных требований, каких мог ожидать от царя, зная его пылкую и предприимчивую натуру. По сказке присланных в Москву запорожских мастеров указано было для строения судов готовить лесные материалы в Брянске, а для отыскания годного к судостроению леса посланы были туда те же самые запорожские мастера. Гетману указывалось прислать туда для рубки леса рабочих и плотников. Дело это пошло не так скоро, как бы могло. Возникли недоразумения от воевод брянского и трубчевского, которые, по жалобам на них от гетмана, оправдывали себя тем, что не допускают рубить только бортных деревьев, с которых крестьяне платят в казну медовый оброк.

Между тем еще с декабря 1696 года к гетману стали приходиться зловещие вести о новой грозе бусурманского вторжения, и 1 января 1697 года гетман созвал старшин и полковников на съезд. Обсуждались меры защиты края, и «по многих разговорах» решили, что жители сами себя должны оборонять, а всего войска раннею весною собирать не следует, пока не узнают наверное о готовности неприятелей к вторжению, потому что движения и подходы войска отзываются тягостями и разорениями на жителях. Гетман приказал всем полковникам готовить в своих полках суда, годные для морского и речного плавания, и хотя полковники отговаривались, что у них в полках нет дерева, пригодного для судостроения, но гетман подтвердил им, что они должны приложить все свое старание, чтобы угодить «царской богоподобной воле».

Раннею весною получены вести, что крымский хан собирается громить Таванск, и в апреле гетман, по царскому указу, уговорился с князем Яковом Федоровичем Долгоруким идти в плавной поход вниз по Днепру от Новобогородска и выступать тотчас, как только пригонятся к устью Самары суда, изготовляемые в Брянске и сплавляемые Десною в Днепр. 11 мая известил гетман приказ, что уже у его полковников сделано 70 стругов морских и 600 лодок, а 23 числа того же месяца доносил, что мастер Василий Богуш спровадил в Десну, а оттуда в Днепр к назначенной цели изготовленные в Брянске суда, из которых 50 назначалось для городовых козаков и 40 для запорожцев. Затем думный дворянин Неплюев, назначенный быть в «сходных товарищах» Якову Федоровичу Долгорукому, доставил из Брянска еще 121 струг, и 25 мая последовал царский указ о плавном походе. Его целью было овладение Очаковым и защита Таванска и новоотстроенного Шингирея.

Тем временем татары стали врывать в слободские полки, и хотя в первой половине мая чугуевский воевода и харьковский козацкий полковник разбили их загон, но вслед за тем явилась другая многочисленная орда тысяч в двадцать и, разделившись на чамбулы¹, наделала опустошений в слободах около Валок.

Гетман собирался в поход, а между тем его стали опять беспокоить прежнего рода внутренние враги. Стародубец Сусла подал киевскому губернатору донос на гетмана Мазепу в таком же духе, в каком подавались на него и прежде доносы. Мазепа — не русский человек, а поляк, расположен больше к Польше, чем к России, сносится с панами и с королем о том, как бы Украину подвернуть снова под власть Польши; держит у себя в приближении охотных козаков, компанейцев и сердюков², где все наголо одни поляки служат; городские козаки не терпят ни его, ни своих полковников и сотников, которые, за покровительством гетмана, разобрали себе козацкие земли и самих козаков обращают себе в подданство; во время последнего похода гетман не мог собрать вокруг себя всех полков, потому что у козаков было намерение побить гетмана и старшин, а против киевского полковника Мокиевского взбунтовались его полчане оттого, что их полковник, родом поляк, делает над ними насилия. Донос этот послан был в Москву, а государь приказал препроводить его к гетману. Мазепа чрез посланного нарочно по этому поводу канцеляриста Чуйкевича объяснял, что в доносе все ложь, у гетмана нет родни «лядской» веры, из начальных людей все веры православной и между охотными козаками нет ни одного поляка. И то ложь, будто обращают козаков в подданство; не было в том ни одной жалобы, а если бы такие возникли, то на то есть войсковой суд. Иные козаки, обнищавши, сами желают поступить в мужики, но этого им не дозволяется, как равно из мужиков не вписывают в козаки, согласно царскому указу. Гетман в последнюю войну не мог стоять долго со всеми полками не потому, что опасался бунта, а потому, что войско было раскинуто по разным местам, опасаясь неприятеля с разных сторон. Киевский полковник совсем не лях, а чистый русин: дед его при Хмельницком положил голову под Чортковым, а отец — на Дрижипольской битве под Ахматовом, и бунт против киевского полковника произошел оттого, что козаки недовольны были, зачем их ведут на море. Главные зачинщики этого бунта убежали, а прочих наказали и отпустили. Так оправдывал себя Мазепа против нового доносчика.

Желая подделаться к правительству, Сусла, будучи уже в Москве, в добавление к своему извету на гетмана указывал, что в Малороссии с торговых людей берут слишком мало пошлины, а

¹ Отряды (*татар.*).

² Казаков наемных пехотных полков, гетманскую гвардию.

можно было бы собирать побольше. Гетман по этому поводу объяснил; что с торговых людей собираются пошлины так, как делалось при Богдане Хмельницком и других гетманах, и сбор не увеличивается ради того, чтобы не отогнать торговцев.

Суслу арестовали в Москве. И прежде, как мы видели, не доверяли таким доносам; теперь же, когда царь Петр был особенно доволен гетманом, его положение в виду всяких доносов становилось еще крепче. К гетману послали похвальную грамоту и подарки, состоявшие в соболях, ценою на 1000 рублей, в кусках материи — атласа, бархата, байберека, и в разных столовых припасах (ренское вино, лимоны, рыбы и проч.). Разом посланы подарки старшинам и полковникам, состоявшие в объях, атласах, камках и соболях. Гетман, изъявляя благодарность за внимание, сделал такое замечание царскому послу: «Иду на царскую службу не с веселым, а с унылым лицом, оттого что про меня выдумывают худые речи, будто я лях: у меня и дед и отец родились в Украине и служили великим государям, и я царскому пресветлому величеству служу верою и правдою!» Жалкого Суслу препроводили к гетману, который подверг его истязаниям, потом, продержав некоторое время в тюрьме, отправил на место его жительства в Киев.

Не ранее как в половине июня 1697 года гетман, расставивши сотни разных полков вдоль по днепровскому побережью, начиная от Киева вплоть до Переволочны, сам отправился к Ворскле и, перешедши ее, соединился на Коломаке с князем Як. Фед. Долгоруким. Июля 6-го гетман прибыл в Кодак¹ и там узнал, что турки плывут по морю к устью Днепра: эту весть принесли в Запорожье бывшие у турок невольники, которые, плывя на каторгах из Козлова в Царьград, изрубили турок, овладели каторгой, пристали к берегу и пешком явились в Сечу. Переправа войск через пороги продолжалась несколько дней. Немало судов разбилось, немало погибло людей с запасами и оружием. Гетман 13 июля прибыл к урочищу Кичкасу, где кончались пороги, и там дожидался плывших сзади него судов до 19 числа этого месяца. Тогда прибежал к гетману гонец из Таванска с известием, что бусурманы, занявши Ислам-Кермень, начали палить из него по Шингирею. Гетман отправил вперед себя на судах черниговского полковника Якова Лизогуба с 3200 сборных козаков, а князь Я. Ф. Долгорукий — Неплюева с отрядом царской рати. Сами военачальники последовали за ними, и у Каменного Затона встретил их кошевой Яковенко. Боярин дал ему семь стругов и по талеру, а гетман по золотому, на 4000 запорожцев, и оба приказали собрать сечевиков и плыть в низовья на войну. За ними вслед поплыли и военачальники, оставивши у ост-

¹ Ныне село Екатеринославского уезда на р. Днепре близ Кодацкого порога.

рова Томаковки весь тяжелый обоз и орудия и приказавши войску взять с собою только самые необходимые запасы.

Гетман, сидя на одном судне с боярином князем Долгоруким, плыл вниз, а за ними следовала тем же путем великорусская и малорусская ратная сила. 26 июля они пристали к берегу у опустелого городка Кизикерменя: там уже их дожидался поплывший вперед кошевой Яковенко с запорожцами. Он известил военачальников, что татар уже нет: опасаясь, что русские идут против них в многолюдстве, они ушли из Ислам-Керме́ня.

Русские занялись поправкою судов, которые, будучи сработаны наскоро, из сырого дерева, стали течь, а между тем военачальники сообразили, что гораздо лучше поместить гарнизон в Таванске, вместо Шингирея, потому что Шингирей стоял на две версты выше Таванска и не мог служить защитою последнему. Поручили по плану инженеров строить укрепления в Таванске, стены Шингирея решили взорвать и сохранить Кизикермень, который был расположен на берегу прямо против Таванска и мог быть бесполезен для русских во время неприятельского нашествия; туда положили высылать из Таванска людей попеременно.

Когда занялись возведением укреплений на Таванском острове, неприятелей нигде не было видно, а 29 июля они вдруг начали появляться с крымской стороны по направлению к реке Конской Воде, сначала небольшими кучками; на другой день они становились все гуще и, наконец, 31 июля явился сам хан крымский с ордой и турецкие паши с янычарами и пушками. Они прежде всего напали на Шингирей, из которого еще не были выведены великороссияне. Военачальники отправили к ним подмогу: великороссияне вошли в Шингирей, а малороссияне окопались шанцами на берегу Конской Воды и отстреливались от неприятеля. Так прошло до 2 августа. В этот день утром крымская орда ударила на Таванскую крепость, а с кизикерменской стороны появилась внезапно другая орда — белгородская. С этой поры с двух сторон, с крымской (левой Днепра) и с противоположной — кизикерменской, происходили беспрестанные нападения на Таванскую крепость. Русские отбивались, но продолжали в то же время постройку укреплений на Таванском острове. Тогда между козаками поднялся ропот. «При прежних гетманах, — кричали они, — мы знали одно воинское дело, а теперь, при ежегодных походах, нас заставляют рвы копать, шанцы насыпать, возить и таскать известь и глину. Дело это не козацкое!» Но гетман, исполняя царский указ, определил для крепостной строительной работы быть всегда полуторе тысяч козаков и часто посылал сменять одних другими, так что все войско разом и отбивалось от неприятеля и работало над постройкою крепости. Заменить козаков мужиками, как им хотелось, нельзя было в ненаселенном крае. До 7 августа были насыпаны шанцы и выкопаны рвы. 10 ав-

густа русские узнали, что пришли новые турецкие суда с моря и вступили в Днепр, а с двух берегов увеличиваются татарские силы, и русские, казалось, могли быть скоро обняты со всех сторон неприятелями; бусурманы затевали перегородить им путь вверх по Днепру. 12 августа татары попытались склонить запорожцев к измене и подослали татарина убеждать их оставить москалей, которые думают взять всех козаков в неволю; но запорожцы не поддались на обольщение и отвечали, что они с гетманом будут стоять за крест святой и за православного монарха. Верность запорожцев не спасла дела. В войске было мало хлебных запасов, потому что во время прохода судов через пороги невозможно было взять много на подводах сухим путем. Мало было и пороху, который взят был только на время плавного похода; наконец, и пушки были покинуты на Томаковке¹ близ Сечи. Надеялись найти в Таванске хлебные и боевые запасы, но их там оказалось немного. Невозможно, казалось, оставаться долго с голодным войском при опасности быть окруженными неприятелем, а перебежчики сообщали, что бусурманы, зная положение русских, нарочно хотят затянуть войну до осени, чтобы русских до конца заморить голодом; у них же самих запасов было довольно, и в случае нужды им легка была поставка из Крыма морем. Гетман с боярином, посоветовавшись, рассудили, что лучше будет уйти заранее для избежания опасности быть отрезанными от отечества и доведенными до голодной смерти. Они оставили в Таванске гарнизон из 5000 человек: одна часть его состояла из великорусских ратных людей, другая — из малороссийских козаков. В Кизикермене боярин поместил 500 ратных людей, а гетман — черниговцев.

20 августа двинулись боярин и гетман с своими силами вверх по Днепру в обратный путь. Кошевой провожал их, плывя за ними позади с своими запорожцами и оберегая, чтобы неприятельские суда не погнались за ними. Много труда приняли русские в своем обратном плавании по причине противного ветра и оскудения хлебных запасов: приходилось им питаться овощами и плодами, какие могли встретить на берегу, дикими грушами, яблоками и терном. Только через шесть дней достигли они Томаковки. Гетман послал в Таванск на подмогу осажденным 760 лубенцев, а боярин — 300 ратных царских людей. 3 сентября добралось войско до берегов Орели, где считалась тогда граница Гетманщины. Войско малороссийское было сильно изнурено и истомлено 16-недельным трудным походом, и многие стали уходить. «Уже такое у городовых козаков моего regimentу худое обыкновение, — писал гетман, — как только regimentарь ворочается из похода, так они, несмотря на запрещение от старшин и не дождавшись указа о роспуске, самовольно бе-

¹ Остров на Днепре выше Никополя Екатеринославского уезда.

гут в свои дома». Дошедши до Ворсклы, гетман отправил в Таванск 1500 полтавцев и 300 лубенцев под командою полтавского полкового судьи Буцкого и приказал, дошедши до Сечи, побросать лошадей, сесть в оставленные там суда и плыть до Таванска. 24 сентября съехался гетман с боярином Я. Ф. Долгоруким в Опошне¹ на Ворскле. Там состоялся военный совет и решено послать на выручку осажденных в Таванске войско тысяч в двадцать и даже более. С великороссийской стороны снаряжены были туда князь Лука Федорович Долгорукий и генерал Патрик Гордон, а гетман назначил туда наказным полтавского полковника Искру со всем Полтавским полком, из которого значительная часть была уже прежде отправлена; к полтавцам присоединено несколько сотен полков Нежинского, Гадяцкого и Лубенского да пехотный полк сердюков. Гетман по прежним образцам приказывал им сесть на суда в Сече и плыть по Днепру до Таванска, а тем, которые не могли поместиться в судах, идти берегом. Отправивши Искру, гетман 8 октября прибыл в Багурин.

По отходе гетмана и князя Долгорукого от Таванска бусурманские силы увеличились прибытием сераскира-паши² с десятью тысячами. Но и к осажденным прибыли на помощь ночью 4 сентября посланные боярином и гетманом люди; проводил их запорожский кошевой атаман, уже не Яковенко, которого сменили, а другой. Русские, частью плывя на челнах по протоку Космахе и частью идя пешим строем по берегу и отстреливаясь от турок и татар, добрались сначала до Кизикерменя, вошли туда, а на другой день в обеденную пору вступили в Таванск при восклицаниях и выстрелах в знак радости осажденного войска. С тех пор в продолжение двух недель «денно и ночью» неприятели беспокоили осажденных пальбою с берега и из 36 фуркатов, которые рекою Конскою вошли в Днепр и стали выше Таванска. Осажденные в Таванске сделали себе внутри города другой вал для защиты от пушечных выстрелов; за двумя валами сидевших нельзя было видеть неприятеля; многие турецкие гранаты и ядра переносило через город, а попадавшие в середину города падали в нарочно выкопанные ямы и там разрывались. Бусурманы сделали подкопы под четыремя раскатами, или башнями, но прежде взрыва послали к кошевому, стоявшему на одном из раскатов с запорожцами, приглашение сдаться. Запорожцы убили посыльного. Тогда неприятели произвели взрыв, но повредили самим себе более, чем осажденным, потому что козаки успели перекопать подкоп.

После такой неудачи бусурманы обратились на Кизикермень. Какой-то перебежчик уверил их, будто там нет вовсе ратной силы.

¹ Местечко Зеньковского уезда при р. Ташани у впадения в р. Ворсклу.

² Военачальника (*татар.*).

Но там, как мы сказали, оставлено было 500 ратных царских людей да еще несколько черниговцев, а назначенный тогда в Таванске воеводою Бухвостов успел заранее прислать к ним 1000 человек Нежинского полка, которых прислал гетман по возвращении в Малороссию.

14 сентября бусурманы взорвали устроенный под Кизикермень подкоп и повредили переднюю стену; одни бросились на прорыв, другие стали приставлять к стене лестницы. Тех, которые бросались в прорыв, засыпало землею, а тех, которые стали всходить по лестницам, кизикерменцы побивали камнями. После такой неудачи татары ушли к судам, а пойманный в плен турок показал с пытки, что султан дал им указ покинуть осаду, если не будут удаваться приступы, и они решились попытаться еще один раз: если же в этот раз не удастся, тогда уйдут. Пленник объявил, что на всех неприятельских судах будет войска 33 000, а невольников тысяч шесть.

После неудачи под Кизикерменем бусурманы сосредоточили свою деятельность над Таванском, устроили вновь подкопы с раскатами и еще раз прежде взрыва попытались склонить к измене козаков, зная, что они москалей недолюбливают. В этот раз они уже для такой цели не посылали своих людей, чтобы запорожцы их не побиили, а бросили в город, прикрепивши к стрелам, два письма — одно от татар, другое — от турок.

Письмо от татар гласило так:

«Черкасам, атаманам, сотникам и всей козацкой черни многое поздравление. Мы с вами старые друзья. За что же вы против нас бьетесь? Зачем за Москву умираете? Ведь Москва с вами не очень добрые дела творит. Наш государь вас к себе приглашает. Не бойтесь ничего дурного. На той стороне, где стоят каторги, там увидите ханское желтое знамя. Пусть кто-нибудь из ваших приходит к этому знамени. Мы ханскому величеству донесем и все останется, даст Бог, по вашему желанию. Если же это слово не пригодно вам, — как себе знаете, а ваши грехи на ваших шеях. Я здесь такой человек, что меня послушают».

Другое письмо гласило так:

«От войска турецкого и от хана крымского слово старшинам и всему козацкому войску, находящемуся в городе. Наш падишах — старейший над всеми землями. Город, который вы заняли, — его город. Сдайте его нам добровольно, если хотите себе здоровья, а не сдадите, так мы его возьмем с помощью Бога и Мугамета, пророка его, и тогда вас мечом истребят наши рыцари. Одиножды и дважды вам говорим: сдайте город. Сегодня же отпишите нам ответ».

На эти письма дан был один ответ тем же способом: пущенною из города стрелою:

«Не верим вашим лживым пророкам, надеемся на Всемогущего Бога и на Пречистую Его Матерь, твердо уповаем, что вы не возьмете нашего города, пока не заржавели наши сабли и не ослабели руки, а хлебных и боевых запасов у нас много. Не устрашайте нас угрозами и не прельщайте обманами. Делайте что хотите, а мы не подумаем отдавать этого города в вашу область, но всякий час ожидаем к себе войск и готовы мужественно стоять, пока сил наших станет, за веру православную, за честь и за имя нашего государя. Надеемся при помощи Божией нанести вам великое поражение и будет вам вечный срам».

На другой день, 25 сентября, в седьмом часу утра, бусурманы зажгли приготовленные ими подкопы под раскаты. Одни с неистовством бросились в пролом, другие полезли по лестницам на городовую стену. Приступ продолжался пять часов, а с турецких каторг и фуркатов посыпался в крепость сильный огонь. Ничто не помогло бусурманам. Они были отбиты; осажденные стали исправлять разрушенные места.

После того еще несколько дней бусурманы продолжали повышать свои шанцы, приближаясь теснее к городу, и устроили новый подкоп под раскат, уже прежде поврежденный. Осажденные с своей стороны повышали свой внутренний вал. 1 октября бусурманы зажгли свой подкоп, но он не произвел никакого вреда осажденным.

Готовились бусурманы снова идти на приступ; между тем расставленная на берегу Днепра татарская сторожа принесла известие, что к Таванску на выручку идут свежие русские силы. Это известие произвело такой переполох, что ночью с 9 на 10 октября бусурманы собрались отступать. Суда, поставленные выше Таванска, примкнули к тем, которые стояли ниже, а затем турки и бывшие с ними татары перебрались с кизикерменской стороны на крымскую и разошлись: турки на своих судах — к устью лимана, а татары степью — в Крым.

Из русских сил, шедших на выручку Таванска, скорее других дошел полтавский полковник с своим отрядом и не увидел уже там неприятелей. Вернувшись обратно, он доложил гетману, что хотя Таванск остался невзятым, но приведен в крайнее разрушение. Проломы в стенах, происшедшие от взрывов, так широки, что в них можно въезжать на лошадях; пушки у турок были такой величины, что козаки подобных и не видывали, а бомбы, пущенные в город, весили от трех до пяти пудов каждая. Всех убитых и раненых в Таванске и Кизикермене было 205 человек, а бусурманы, по тому же докладу полтавского полковника, потеряли около семи тысяч.

Поход под Таванск гетмана и князя Долгорукого никак не может быть признан славным подвигом. Правительство, однако, не поставило гетману на вид неудачи этого похода, особенно когда она была исправлена последующею высылкою войск, заставивших бусурман

отступить, чем достигалась главная цель похода. Гетман, старшины и полковники получили в награду подарки, состоявшие, по обыкновению, в материях и соболях; запорожцам, бывшим на войне, прислано 1500 рублей деньгами и 1100 портиц¹ сукон, а кошевому атаману, писарю и асаулу дано еще особо ефимками.

Новые слухи о том, что бусурманы готовятся на следующий год опять нападать на русские владения, побудили к мысли о новом плавном походе. В январе 1698 года был об этом у гетмана съезд, после чего все полковники, каждый в своем полку, принялись за постройку челнов. Это не обходилось без затруднения и ропота, потому что тогда накладывали с козаков сбор по ефимку и по полтине; судов строить не умели, недоставало ни мастеров, ни работников, ни гребцов. Однако по распоряжению гетмана городовые козаки в течение четырех месяцев построили 430 челнов, за что царь похвалил гетмана. В конце мая гетман приказал городовым козакам подниматься в поход, четыре полка отправил вперед в Таванск, а шесть оставил при себе и двинулся на Коломак для соединения с князем Долгоруким. У князя положено быть 83 280 человек войска пешего и конного.

В июле оба войска отправились сначала безводною степью, направляясь к Перекопу, но потом, опасаясь безводья и бескормицы в вытравленных и выжженных степях, повернули к Таванску, сделали распоряжение о скорейшем исправлении Таванска и Кизикермена и послали десятитысячный отряд великороссиян и малороссиян к Очакову плавным путем; но так как русские суда были малы, а люди мало искусны, притом пушек с ними было немного, и те небольшого размера, то они не решались проплывать между двумя турецкими крепостями, Очаковым и Кинбурном, с которых поражали бы их огнестрельным оружием. Простоявши двое суток в пустыне, где не было ни хат, ни шалашей, они отступили. Тогда предводители нашли, что взять Очаков, как намеревались, трудно. «Нам, — говорили они в свое собственное извинение, — не образец запорожцы, которые в малолюдстве ночью воровски проплывают или сухопутьем пробираются к морю. У нас большие обозы. Как только мы туда дойдем, в Царьграде узнают и пришлют против нас на каторгах войско. И теперь стоять нам под Кизикерменем и Таванском невозможно: люди от недостатка продовольствия разбегаются; запасов на пять месяцев на подводах привезти сюда трудно, а те, что отправлены были на судах, пропали на порогах, и здесь ни за деньги купить, ни саблею достать ничего нельзя. Поэтому лучше нам воротиться». По таким соображениям оба войска отступили назад.

Если первый поход князя Долгорукого с гетманом нельзя было назвать блестящим, то этот второй по своему окончанию можно

¹ Отрезов на одежду.

было назвать постыдным, под стать походу князя Вас. Вас. Голицына с Самойловичем. Но гетман, сколько нам известно, не испытал от царя никакого знака неудовольствия, хотя и не получил награждения.

Завоевание турецких городков не приносило малороссийскому краю ни малейшей пользы, а только прибавляло народу большие тягости. Нужно было починять разоренные городки, содержать там гарнизоны, а для них доставлять хлебные и боевые запасы. Такая доставка ложилась бременем на народ. Терпел нужду преимущественно Полтавский полк, расположенный на перепутьи Москвы и Украины с низовьев Днепра. Весною 1698 года полковник полтавский доносил, что после праздника Рождества Христова пять раз была посылка с запасами к Таванску, и городки Полтавского полка давали каждый по несколько десятков подвод на весь тот неблизкий путь. Гетман, передавая в Приказ этот доклад полтавского полковника, с своей стороны замечал: «Вот уже одиннадцать лет варится война с Крымом, и все военные силы идут через Полтавский полк. Люди терпят убытки через топтание и вытравление трав и хлебов, через опустошение рощ в их старинных займищах. Гонцы беспрестанно ездят не только по царским грамотам, но и по воеводским памятям, требуют от жителей себе корма и питья, а иные осмеливаются бить и бесчестить городовых старшин. Хотя и есть царский указ начальным людям без царских грамот и без гетманских проезжих листов никому ничего не брать, но многие на то не смотрят и знать этого не хотят». В подобных выражениях отзывался гетман и после похода с князем Долгоруким: «Вот уже в продолжение 12 лет, с начала своего гетманства, я совершил 11 летних и 10 зимних походов, и нетрудно всякому рассудить, какие трудности, убытки, разорения от этих беспрестанных походов терпит Войско Запорожское и вся Малая Россия».

К довершению тягостей в 1698 году постиг Малороссию хлебный недород. Край был так несчастлив, что это явление беспрестанно повторялось в последние лета почти каждый год, то в большей, то в меньшей степени. Отсюда — скудость и дороговизна. В январе 1699 года гетман в своем донесении в приказ резкими чертами изображает это народное бедствие, увеличивавшееся от военных обстоятельств.

Такое печальное положение усиливало у малороссов охоту к шатанию и исканию новых мест жительства. Переселившиеся с правого берега Днепра на левый опять порывались в отечество своих предков. Так, прилуцкий полковник Горленко доносил гетману, что в его полку козаки и поселяне (мужики) распродают свои грунты и поля и спешат переселяться за Днепр. В Черниговщине толпа организовалась самовольно в полк под начальством какого-то бродяги, поляка Кулаковского, и ушла за Днепр в Полесье, собираясь

на службу к польскому королю; но Палей не пустил их и заворотил под гетманский regiment. Переяславский полковник Мирович доносил, что в городках, местечках и селах, прилежащих к Днепру, натолпились люди, пришедшие из разных полков гетманского regimenta: у всех у них на уме — каким-нибудь способом перебраться на противную сторону Днепра и там поселиться.

Поляки старались тогда заселить и упрочить за собою украинские пустыни и, проведавши о настроении народа левой стороны Днепра, наслали «осадчих», которых должность состояла в том, чтобы зазывать людей в новоосновываемые слободы, определять им именем своих панов льготы на известное число лет от всяких повинностей или подманывать обещаниями всегдашних выгод на новоселье. Таким способом завелись немалые слободы в Корсуне, Богуславе, Дравовце и Мошнах. Из этих слобод осадчие отправляли посыльных на левую сторону Днепра завлекать жителей рассказами о привольном житье-бытье за Днепром. Так, от некоей княгини Анны Вишневецкой (имевшей впоследствии важное значение в жизни Мазепы) и от ее сына был отправлен в Переяславский полк какой-то Могильницкий с двумя товарищами — одним мазуром, другим русином — подущать малороссиян к переселению в слободу Мошны: двое попались стороже, поставленной на берегу Днепра, а Могильницкий едва ушел. Мирович указывал на другого такого же подговорщика, Феофана Воронича, именовавшего себя корсунским игуменом. Некоторые из зажиточных левобережных жителей, не переходя совсем на жительство в правобережные слободы, заводили на правой стороне в пустых лесах и полях пасеки и хутора, сами оставались на прежнем своем жительстве, а в заведенных правобережных поселках держали своих подручных. Земли, на которых основались эти поселки, никому перед тем не принадлежали, и хозяева, живя сами на левой стороне Днепра, считали их своею собственностью по праву займанщины и притом тянувшею к гетманскому regimentу. Там между выселенными людьми и польскими осадчими возникали ссоры. Такие случаи не отбивали, однако, в народе охоты к бегству и к поселениям на правой стороне Днепра под разными видами: не удерживали их ни угрозы, ни кары за побеги, а сторожи, располагаемые по днепровскому побережью, не в силах были останавливать переходящих — чересчур длинно это побережье и не было возможности заставить его караулами на всем его протяжении; зимою по льду, а летом на челнах легко было пробираться на правый берег. Гетман жаловался царю, что нет мер удержать народного стремления к переселениям на слободы; он просил царя войти в сношения с польским королем и привести дело так, чтобы гетман мог послать своих вооруженных людей разорить эти слободы и убежавших туда для поселения перевести на прежние места, на том основании, что по мирному договору России с Поль-

шею отнюдь не следовало возобновлять запустелых городов в Правобережной Украине.

На неоднократные донесения о том гетмана царь Петр в марте 1699 года относился к польскому королю с просьбою — не позволять ни коронному гетману, ни кому-нибудь другому из польских панов заселять оставленную впусте Украину. Тогда же царь поручал гетману удвоить строгость надзора, чтобы жители не бегали в слободы на правую сторону Днепра. Но побеги не прекращались, и спустя почти год после того царский указ всем пограничным воеводам предписывал ловить малороссийских беглецов и отправлять к гетману, который должен чинить им жестокое наказание и потом водворять на прежних местах их жительство.

Прежде, недавно еще, обетованною странюю для переселенцев была Слободская Украина. В настоящее время она не привлекала беглецов в прежней степени. Теперь малороссияне, там поселившись, узнали на опыте великороссийские приемы воеводского управления; они часто им приходились не по вкусу и некоторых даже заставляли убежать с новоселья. Кроме того, Слободская Украина в последние годы стала часто подвергаться разорениям от татар. Так и в 1698 году, когда гетман и князь Долгорукий ходили походом на низовье, сильная орда с двумя салтанами ворвалась в Слободскую Украину, разделилась загонами, разорила многие слободы по Донцу, городок Салтов, и едва успели спасти от них полковой город Харьков.

Тем не менее переселения на восток из Гетманщины не прекращались, и в это время многие водворялись не только в Слободской Украине, где все сплошное народонаселение тогда состояло из малороссиян, но и в чисто великорусском крае на землях великорусских владельцев Рыльского и Путивльского уездов, где малороссийским новопоселенцам приходилось жить вперемешку с великороссиянами. На переселение отваживались малороссияне в надежде избавиться от тягостей, которые несли в своем прежнем крае, не думая, что на новоселье придется им испытывать своего рода тягости и бедствия. Так, бежавшие на правую сторону Днепра соблазнялись приманками польских панов, обещавших им всякие блага и льготы, забывали о том, что некогда творилось от поляков с их отцами и дедами и что могло и должно было случиться с ними самими. Так и поселившиеся в великорусском порубежном крае у тамошних помещиков скоро извели совсем иную судьбу, чем та, какую им обещали. Мазепа сам накупил себе имений в Рыльском уезде, и малороссияне, приставшие прежде к тамошним великорусским помещикам, стали переселяться на земли малороссийского гетмана. Но помещики этого края — Полянские, Тургеневы, Стрмоуховы, Дуровы, Ширковы — были такие потатчики своему нраву, что фамильные имена их до сих пор остались в местных преданиях

с памятью об их бесчинствах. Они, собравши своих великороссийских крестьян, стали преследовать ушедших от них малороссиян, разоряли деревни, заводимые последними на гетманских землях, нападали на них по дорогам, ловили их где могли, били, увечили и до смерти убивали, не щадя ни женщин, ни детей, и таким способом погибло тогда до сотни душ. Когда по жалобам на такие неистовства производился розыск, то великорусские люди, не только прикосновенные к делу, но и посторонние, били и бесчестили малороссиян, присылаемых гетманом к розыску; местные подьячие держали сторону помещиков, а люди и крестьяне, которых помещики посылали и водили на разбой, по наущению своих помещиков не говорили на допросах правды. Таким образом, имя гетмана Мазепы, в то время царского любимца, не было столько сильно, чтоб охранить малороссиян, его земляков, перед великорусским правосудием.

Некоторые посполитые, не переселяясь ни в польские, ни в великорусские владения, находили уловку избавиться от тягостей, падавших исключительно на посполство: они продавали — часто фиктивно — свои дворцы и грунты козакам, а сами оставались с теми же дворами и грунтами, числясь козацкими «подсуседками», а тем самым уже подчинялись козацкому управлению и не несли повинностей, лежавших на посполитых. «Подсуседки», из которых скорее, чем из посполства, записывали в козаки, считались не имевшими собственных грунтов и полей, освобождались вообще от повинностей наравне с козаками, при которых записывались. Но гетман, узнавши об увеличении числа таких «подсуседков», в 1701 году своим универсалом поворачивал их снова в разряд посполитых, так как в тех городах и селах, где происходили такие самовольные переходы, посполитые, умаленные в своем числе выбывшими из их разряда «подсуседками», не в силах уже были содержать охотных козаков.

Таким образом, в Гетманщине ощущалось народное недовольство настоящим положением и не могло себе найти исхода. Происходила перетасовка сословий и мест жительства. Многие козаки, тяготясь службою, добровольно пытались поступить в посполство, а посполство, по старинному обычаю, рвалось в козачество и, как мы видели, хотя бы в «подсуседки» козацкие, причем была возможность поступить в козаки. Другие посполитые со своими грунтами и полевыми участками попадали в зависимость панов, получавших от царя жалованные грамоты на маетности; отважнейшие из таких, не желая исполнять повинностей по отношению к владельцам, рвались вон из Гетманщины, — из них-то многие тогда искали себе новоселья в польских и великорусских владениях. Козаки городовые, считая себя людьми вольными, не всегда повиновались начальству, часто убегали со службы с похода или не ходили в поход, не слушая гетманских универсалов. От этого

гетман все более и более не считал их вполне надежной военной силой и предпочитал охотных козаков, набираемых как из малороссийского посполства, так и из иноземцев. Число их беспрестанно увеличивалось всяким сбродом. Они разделялись на полки, но не имели отведенных им земель и дворов и располагались «на лежах», т. е. на квартирах во дворах посполитых, по распоряжениям гетмана. Они составляли для народа истинную тягость и возбуждали к себе нерасположение не только в посполитых, но и в козаках городских и даже в запорожцах.

Зимой 1698-1699 годов Мазепа был позван для свидания с царем в Воронеж и по возвращении, по царскому указу, отправил туда 3000 козаков беречь строившиеся корабли. После того гетман собрал на съезд всех полковников в Гадяч. Там долго рассуждали о новых средствах войны против бусурман и порешили, что каждому полку лучше оставаться в своей области наблюдать за неприятельскими оборотами и сообразно с тем устраивать свои воинские движения.

Весною 1699 года в Малороссии сделался переполох от новых вестей, принесенных татарскими перебежчиками — тумами (т. е. рожденными от татарина и русской пленницы), что бусурманы заключают мир с немцами и хотят обратить все силы на царские области. Это была первая весть, принесенная об этом в Украину и тотчас сообщенная гетманом в Москву. Вскоре затем господарь молдавский, с которым малороссийский гетман вел постоянно тайные сношения, сообщал о том же и представлял гетману, что молдаване и валахи боятся немцев больше, чем турок, потому что немцы думают им навязать папизм и хотят подчинить цезарю немецкому. Господарь повторял то, что сообщалось уже прежде из христианского Востока: что и он сам, и все молдаване, и валахи поголовно желают свергнуть с себя бусурманскую неволю и поддаться православному русскому государю. Он указывал способы вести успешнее войну против турок. Важнейший пункт ведения этой войны был, по его мнению, на устье Днестра и больше всего надлежало ожидать успеха от козаков, которые могут вторгнуться в Буджак (нынешняя Бессарабия) и действовать разом с восставшими молдаванами и валахами. Мазепа, по-видимому, сочувствовал таким заявлениям и посылал доверенных лиц составить описание путей и становищ от устьев Днестра, Буга и Дуная до устьев Дуная.

Но царь Петр уже иначе смотрел на эти дела: в его голову уже вступил проект войны со Швецией, и он нуждался в мире с другими соседями своей державы. Притом ему было известно, что его союзники — император и польский король — готовы заключить с Турцией мир и заключат его «сепаратно» от России, если Россия не пристанет к миру вместе с ними. Собирался конгресс в Карловице

с целью переговоров о мире с турками. Царь послал туда своего посла, дьяка Возницына. На этом конгрессе цесарские уполномоченные от имени своего императора постановили сепаратный мир с Турцией и таким образом оставили союзников самих расправляться с турками. Турецкие уполномоченные в переговорах с Возницыным, представителем России, потребовали возвращения всего завоеванного русскими в последнюю войну. Поэтому оказалось невозможным России совершенно помириться с Турцией подобно немецкому императору. Дьяк Возницын ограничился только заключением перемирия на два года, а в продолжение этого срока положено было вести переговоры для постановления мира или перемирия на более продолжительный срок.

Вслед за тем турки заключили сепаратный мир с Польшею. Турки возвратили Польше Каменец совершенно опустелый и обещали свободу римско-католического исповедания в областях, принадлежавших Оттоманской Порте. Поляки, с своей стороны, возвратили Турции отнятые ими во время прошлой войны молдавские города.

Царь Петр остался без союзников. Тогда он отправил возобновлять переговоры о мире своего уполномоченного дьяка Емельяна Украинцева в Константинополь в сопровождении целого своего новопостроенного флота для внушения туркам уважения к силе Русской державы. Переговоры длились с ноября 1699 года по июль 1700. Много раз собирались на конференции и расходились, не договорившись до окончания. Подробности их не относятся к нашему предмету. Скажем только мимоходом, что главным спорным пунктом, на котором никак не могли сойтись обе стороны, были приднепровские городки: турки домогались их возвращения; русская сторона пыталась их удержать в обладании Русской державы. Наконец 3 июля 1700 года было постановлено и подписано с обеих сторон перемирие на 30 лет. Турция уступала России Азов со всеми тянувшими к нему городками. Россия приняла на себя обязательство разорить в течение тридцати дней после окончательного подтверждения мирного договора приднепровские городки, отнятые у турок, а вперед по всему днепровскому берегу, начиная от Сечи до устья Днепра, не быть никакому поселению, кроме небольшого укрепления для переправы проезжих людей через Днепр. Пространство от Перекопа до ближайшего к нему из азовских городков, Миусского городка, положено оставить впусе. По принятому на себя Россией обязательству разорить городки в низовьях Днепра, завоеванные в прошлую войну, поручение это возложено было на генерала Кольцо-Мосальского и исполнено им в 1701 году. 8 октября этого года гетман получил ведомость и сообщил ее в Москву, что Таванск и Кизикермень разбиты, и все боевые принадлежности оттуда вывезены.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Преследование стрельцов. — Донос Забелы и Солонины на гетмана. — Суд над доносчиками. — Благосклонность царя к гетману. — Пожалование гетмана кавалером ордена Андрея Первозванного. — Торговля селитрою. — Корчемство. — Разорение турецких крепостей в низовьях Днепра. — Постройка крепости близ Сечи. — Своевольство запорожцев. — Греческий караван. — Неудачные попытки запорожцев склонить хана. — Волнения в Малороссии. — Оскорбления малороссиянам от великороссиян. — Попытки примирения с запорожцами. — Бесчинства и разбои.

В 1698 году совещалась в Москвѣ страшная царская расправа над стрельцами. Случайно спасавшиеся от погрома убежали в украинные области и в Гетманщину. Царь послал указ гетману приказать ловить их по всем полкам. Но стрельцов, находившихся при гетмане в Батурине, не тронули, а только велели им именоваться солдатами. Их начальник, полковник Анненков, приобрел большое благорасположение гетмана, и когда в 1699 году Анненков был переведен воеводою в Путивль, Мазепа испросил у царя дозволение оставить Анненкова при себе в Батурине и по-прежнему командовать полком, назначенным из великороссиян для охранения гетманской особы.

Пользуясь наступившим мирным временем, гетман продолжал заниматься сооружением храмов на собственный счет. Так, около этого времени построены были каменная ограда Печерской лавры на протяжении 520 сажень (в два сажня высоты и четыре толщины) с четырьмя башнями, боковые приделы с северной и южной сторон великой лаврской церкви с надстроенными над ними пятью куполами и церковь над экономскими воротами лавры, где с наружной стороны был выставлен лепной работы герб Мазепы. Около того же времени, вероятно, начата по желанию гетмана и на его счет надстройка боковых приделов на нижних папертях Киево-Софийского собора с шестью куполами над ними, что дало этому зданию тот вид, в каком находится оно и теперь. Возне-

сенская соборная церковь в Переяславе, созданная также гетманом, относится, вероятно, к тому же времени. Так видимое всеми благочестие и усердие к православным храмам уничтожило силу врагов Мазепы, выставлявших его в своих доносах поляком, тайно сочувствовавшим польским заветным видам и только притворно казавшимся русским православным. Недоверие к его искренности не испарялось в Украине, и в 1699 году гетмана потревожило повторение прежних историй с доносами. Был в Гетманщине некто Данило Васильевич Забела, носивший звание бунчукового товарища. Это звание недавно было учреждено гетманом Мазепою, который по своему усмотрению давал его детям, принадлежавшим к чиновным фамилиям. Забела был человек нрава беспокойного, склонного к каверзам, что в те времена было многим свойственно. Он за что-то невзлюбил гетмана и сошелся с Андреем Солониною, который находился на службе при гетманском дворе и не угодил своему пану гетману. Они вместе уехали в Москву, начали искать там покровительства боярина Бориса Петровича Шереметева и подали ему донос на гетмана. Но Мазепа узнал об этом ранее, чем еще донос дошел до царя, и сам написал царю, что «эти два человека на гетманскую честь небывшие слова износят и плевелы сеют». Гетман в Москву извещал, что один из доносчиков, Забела, по челобитию своего дяди, был уже привлечен к войсковому суду, а другой доносчик, Солонина, служивший у гетмана во дворе, украл у него деньги. Государь, оказывая доверие к гетману, приказал, не разбирая доноса, обоих доносчиков и с ними еще какого-то попа Леонтия послать в Батурин, но сказать им наперед, чтобы они ехали без опасения, потому что государь писал к гетману, чтоб им не было никакого зла.

Царский гонец привез колодников в Батурин скованными «в черкасских телегах». Когда подъехали к гетманскому двору, стащили колодников с телег и повели пешком в гетманский двор в сопровождении караульных. Гетман был тогда у обедни; колодники в цепях дожидали, стоя у дверей его светлицы. Вышедши из церкви, гетман принял из рук гонца царскую грамоту и поклонился до земли.

Колодников предали войсковому суду.

Из дошедшего до нас дела мы узнаем, что некто Яким Самойленко, дядя Данилы Забелы, показывал, что этот Данила, живя у себя в доме в селе Реутинцах, еще в прошлый предрождественский пост, когда гетман ездил к царю в Воронеж, говорил: «Гетман от царя не воротится, — он с поляками дружит и царю хочет изменить». Кроме того, Данило произносил о матери гетмана «лживые, поклепные и бесчестные слова», называя ее «чаровницею». Потом позванные в суд двое челядников Данилы Забелы, которых он, будучи в Москве, посылал к себе домой в Малорос-

сию, показали, что Данило говорил, будто гетман сам «тайно послал к бусурманам вора Петрика и был желателем прихода бусурманского в Украину». В подтверждение таких показаний один малороссиянин, бывший недавно в Москве, Онисим Воронченко, объявлял, что он собственными ушами слышал, как Забела «на почтенную родительницу гетмана, честную игуменью, прикладывал наносы».

Забела запирался. Но когда его стали страшать пыткой, то он сказал: «Я убежал в Москву от страха, — на меня сотник кролевский подал гетману челобитную; а если я что говорил в Москве, то говорил будучи пьян: мне казалось, что по таким словам меня удержат в Москве и не пошлют в Батурын».

Судьи, выслушавшие такие речи от подсудимого, произнесли: «Невозможно, чтоб Данилка такие великие страшные поклепы и потворы на честь ясновельможнаго гетмана вымыслил сам собою; надобно под пытку допросить его, кто ему в сем деле был советником и наставником».

Забела, не допуская себя до пытки, сказал:

«Вот как дело было. Через село Реутинцы ехали люди боярина Шереметева. Я им рассказал о своих нуждах и о своем страхе. Они посоветовали мне ехать в Москву к их боярину и уверили меня, что боярин будет мне заступником. Я послушался их и поехал. Когда я рассказал боярину о своих делах, боярин сперва сказал, что напишет обо мне ходатайственный лист к гетману. Я отвечал, что боюсь ехать к гетману. Тогда мне боярин сказал: правда, и мне гетман добра не желает. Поживи, коли так, в Москве, пока великий государь не воротится из-под Азова, и никуда не ходи, ни в приказ, ни к боярам, а как царь воротится в Москву, тогда подашь на гетмана челобитную в мои руки, а я сам представлю ее великому государю и буду ходатайствовать об оказании тебе милости. По какому боярскому обнадеживанию я и остался в Москве. Винюсь в том, что злоречил, наводил изменническую потвору на гетмана и на мать его, говорил, будучи пьяным без разума и памяти. Впрочем, не было у меня наставника и советника ни здесь в малороссийских городах, ни в Москве».

Дело показалось важнее. Данило притягивал к нему первейшего царского боярина. Данила подвергли пытке, взяли на встряску, продержали полчаса в всячем положении. Он говорил то же, что и перед пыткой, и только «поносил» себя самого за то, что понадеялся на слова, сказанные ему боярскими людьми, поехал в Москву и через то пришел «вот в какую муку!».

Его спустили на землю, допрашивали, кто был ему наставником и советником, и, ничего не допросившись, подняли опять на дыбу; он, «вопя, криком великим», твердил все одно и то же: «Я лаял по своему безумному обычаю, будучи пьян и без памяти,

ни от кого к тому не было у меня подущения и ни от кого о том ни единого слова не слышал».

Судьи прекратили пытки и допросы и положили такой приговор:

«Данилка Забела, от своей злости и безумия, наводя на высокоую честь гетманскую и на всечестную его мать тяжкие поклепные потворы, хотел тут же и войсковые, и народные мало-российские порядки развратить, а того ради такой безумный лживец и зломысленный наветник за ту свою вину подлежит смертной казни, имущество же его взять в войсковой скарб, ибо и прежние гетманы так поступали с подобными».

Не знаем, был ли пытан товарищ Данила Андрей Солонина, но его подвергли допросу, из которого видно, что он был родом из Волины, по смерти отца с матерью переехал в Козелец, служил двенадцать лет у киевского полковника Солонины, потом три года у генерального судьи Вуеховича и, наконец, у гетмана. Ему от-казали от службы на том основании, что у гетмана и без него много челяди, и он уехал в польские владения; там увидел его боярин Шереметев, пригласил в Москву, и жил он у него на боярском иждивении, а когда боярин уехал в свои вотчины, то пристал к Забеле. Денег гетманских он не крал.

И этого Андрея Солонину суд приговорил как соумышленника к одинакой каре с Данилом Забелю.

Гетман, представляя в приказ приговор войскового суда, при-ложил к нему собственное милостивое смягчение наказания

Ничто не подрывало царской благосклонности к гетману. В 1700 году в январе гетман отправился в Москву по царскому приглашению с 48 особами. В этот раз ему оказали прием, пре-восходивший ласковостью прежде бывшие приемы. Гетману зая-вили признание за ним заслуг, оказанных в течение тринадцати лет сряду, и важности его успешных действий в войне против турецкого султана и крымского хана, в особенности же его под-вигов над Днепром, когда были покорены пять турецких городков и взято множество пленных. За это за все государь возложил на гетмана только что установленный орден св. Андрея Первозван-ного. Мазепа был вторым, получившим этот орден, после Голо-вина. Сверх того, на отпуске пожаловали ему венгерский золотой кафтан с алмазными запонками, подбитый соболями. Бывший в Москве разом с гетманом генеральный писарь Кочубей получил почетное звание стольника. Тогда же, по ходатайству гетмана, оказано было внимание хвостовскому полковнику Палею, главно-му в то время воскресителю козачества в Правобережной Украине: к нему отправили в подарок денег, сукон, камок, соболей, а на полчан его 1000 ефимков. Но подьячему, который повез царские подарки, приказано было передать их Палею секретно, чтобы не

дать повода полякам подозревать какого-нибудь против них подушения, потому что поляки очень неблагоклонно относились к восстановлению ненавистного для их памяти козачества во владениях, на которые простирали свои виды. Гетман испросил у царя отдать под его гетманский регимент город Новобогородск со всеми жителями, исключая служилых царских людей, которых положено было вывести в другие города. Гетман обещал правительству принять для укрощения запорожских своевольств и побегов украинских беглецов в запорожские степи меры, более деятельные, чем были те, какие употреблялись прежде воеводами, управлявшими Новобогородском.

Но тогда же последовали распоряжения верховного правительства, которые вообще не совсем нравились малороссиянам. В последнее время в Малороссии распространилось селитренное производство. По царскому указу предписывалось продавать селитру не иначе, как в казну. Цена на селитру была указана по два рубля с полтиною за пуд. Но после заключения мира с Турцией царский указ вдруг сбавил цену селитры на полтора рубля за пуд на том основании, что селитренные майданы теперь не будут разоряемы неприятелями, производство селитры будет требовать менее расходов и хлеб стал дешевле, хотя гетман, в видах охранить выгоды местных производителей, докладывал, что если по замирении с турками и татарами не нужно беречь майданов от неприятелей, то необходимо держать караулы для охранения их от разбойников, и расходы на производство вовсе не уменьшились. Не могло быть малороссиянам приятным строгое запрещение возить на продажу в Великороссию горячее вино и табак, который сделан был в то время предметом казенной монополии и отдан на откуп англичанам. Гетман публиковал, что корчемные продавцы вина и табаку, кроме наказания, которое постигнет их на месте преступления, не уйдут от вторичного наказания войсковым судом, когда возвратятся домой. Однако торговля вином и табаком была до того выгодна, что, несмотря на такие угрозы, «огурливые¹ и легкомысленные люди все-таки дерзали возить табак на продажу в великороссийские города», как выражался гетман в своем донесении.

По возвращении гетмана в Украину от царя вскоре началась у него хлопотливая возня с запорожским своевольством, которое час от часу все более разгоралось. Когда в начале 1701 года прибыл в Сечу генерал Кольцо-Мосальский с тем, чтобы разорить турецкие городки, запорожцы заартачились. Гетман приказал им содействовать доставлению орудий и боевых припасов из Таванска и устроить у себя в Сече склад для их хранения. Запорожцы с

¹ Праздные.

бесчестием встретили гетманских посланных, посылали гетману ворчливые ответы и хотя не отказывались, по приказанию царского генерала, беречь царскую казну, но не хотели допустить в Сечу ни единого из царских ратных людей, показывая к ним недоверие и нерасположение. Всего более пришлось запорожцам не по нраву то, что генералу князю Кольцо-Мосальскому дан был указ строить новые городки близ Сечи вместо прежних разоренных городков в низовьях Днепра. Место для постройки ближайшего городка было избрано у Микитина Рога (где ныне Никополь). Гетману указано было содействовать этой постройке, и он послал 6000 козаков своего регимента на работы в прибавку к 3500 ратным, бывшим у князя Кольцо-Мосальского.

Запорожцы около того же времени наделали новых хлопот своими своевольствами. Толпа сечевиков напала на греческий караван. Турецкие подданные греки, торговцы, прибыли из своей страны в Очаков с товарами, оттуда поплыли вверх по Бугу, а потом, приставши к берегу, наняли у малороссиян, занимавшихся рыболовством, подводы и двинулись степью на Чигирин. За ними следила ватага запорожцев с атаманом Щербиною и асаулом Тонконогом. Они пригласили из ватажников, ловивших рыбу на реке Буге, несколько «легкомысленных» молодцов и напали на греческих торговцев, когда те, на пути своем к Чигирину, достигали до реки Ингула. Запорожцы ограбили весь караван, отвезли награбленные товары в Сечь, разрезали тюки и кипы (называемые гарары) и поделили товары, в числе которых находились драгоценные камни и жемчуг ценою в несколько тысяч талеров. Из Сечи получались вести, что запорожцы, поделивши по куреням награбленные товары, похвалялись поступать так же и с другими торговыми караванами, когда те будут проходить. Силистрийский сераскир-паша прислал к гетману жалобу и требовал вознаграждения за разграбление греков, турецких подданных. Около того же времени другая ватага запорожцев напала на селитренные майданы, заведенные из Гетманщины старшинами на берегах Самары, и разоряли их, забирая волов, казаны и всякую рухлядь. Запорожцы претендовали, что берега Самары, покрытые лесом (так называемая Товща Самарская), составляют давнее достояние Запорожской Сечи и заводчики не иначе могут держать там селитренные майданы, как платя в войсковой сечевой скарб по 100 злотых от котла.

Гетман сообщил обо всем этом в Москву, а на то время туда приехали запорожские посланцы — бывший кошевой Крыса с товарищами. В Москве их задержали и стали допрашивать о греческих караванах и о селитренных майданах. Они отозвались незнанием дела. Московское правительство разослало запорожских посланцев по великороссийским городам и написало в Сечь, что

если не будут возвращены награбленные товары и виновные не подвергнутся жестокому войсковому наказанию, то задержанные товарищи будут казнены смертью. Запорожцы от такой угрозы пришли в неистовство, отрешили своего кошевого Петра Сорочинского и выбрали Костю Гордеенка, человека крайне задорного, ярого ненавистника московской власти. Этот новый кошевой писал гетману такого рода объяснение: греки, следовавшие в караване, сами были виноваты; вопреки прежним обычаям ехать в Сечу, они хотели миновать ее и поехали дикою степью. Сечевики, ездившие на промыслы, узнавши о том, хотели только загородить каравану неправильный путь, но греки стали в них стрелять; тогда сечевики позвали других товарищей, бывших на рыбных промыслах; и «большим собранием» заворотили караван к Сече. Атамания и все сечевое товариство поделили между собою из греческих товаров только красные кумачи, а дорогие вещи: камни, жемчуг и деньги возвратили торговцам и сами проводили их до великороссийских городов. В этих оправданиях была чистая ложь; ни гетман, ни московское правительство не могли поверить этому, да и сам сообщавший такое оправдание, конечно, знал, что ему не поверят. Не теряя времени, запорожцы, подушаемые притом приезжавшими в Сечу татарами, послали в Крым посольство к хану просить возобновления прежнего союза, старинного «братерства» и помощи против москалей, а тем временем самые отважные составили ватагу в числе шестисот — настоящую разбойничью шайку: в вершинах реки Вовчей не было от них ни прохода, ни проезда людям Полтавского полка, ездившим на пасеки и на рыбные ловли.

Более всего раздражала запорожцев в то время постройка городка недалеко от Сечи. Отважнейшие грозили выйти с оружием на строителей. Гетман посылал в Сечу требовать, чтобы запорожцы не мешали царским ратным ломать камня у Каменного Затона для постройки крепости, а кошевой атаман от имени всего товариства написал такой ответ, обращенный к лицу царя: «Объявляем вашему царскому величеству все мы единогласно, что совершенно не хотим одного города близ нас на Днепре иметь и камня на строение брать не дозволим. Еще и города не выстроили, а мы уже терпим убытки и неправды в вольностях наших, чего наперед сего ни от кого не видали по данным нам монархами грамотам, теперь же дознались напустнаго утеснения товариству нашему, ходящему для своих добыч и промыслов. Мы на бой против бурсурман по вашему царскому указу идти всегда готовы, а города строить не позволяем».

Однако попытка запорожцев сойтись с татарами во вред России не удалась. Запорожские послы, отправленные в Крым, встретили хана недалеко от Карасубазара и предлагали прежнее «бра-

терство», как было при Хмельницком. Хан призвал какого-то старого татарина, помнившего времена Ислам-Гирея, делал ему расспросы и потом стал держать совет с своими мурзами. Некоторые заявляли охоту открыто подать помощь запорожцам, другие же опасались, что запорожцы, надеясь на одних охотников пристать к их замыслу, которых в Украине найдется немного, опять подведут татар, как уже было недавно с Петриком и еще ранее с Суховеенком. Хан решил спросить об этом своего верховного повелителя, турецкого падишаха, а до получения ответа мурзы убеждали запорожцев не сноситься с Москвою.

Но в самом запорожском товаристве возникло раздвоение. Самые зазорные ненавистники Москвы кричали: «Лучше навеки поддадимся турку, а не останемся в московской неволе». Другие представляли такое хитрое соображение: «Если орда с нами теперь не пойдет воевать Москвы, а на нас опал царский станется за сношение с татарами, то мы отпишемся, что ничего о том не знали, скажем, что нам приказал так чинить с ордою гетман. Вот его, гетмана, возьмут в Москву, а нам будет милость монаршая». Гетман заранее обо всем этом узнал и отправил к хану за объяснениями посла своего Завидовского. Хан принял гетманского посла ласково и объявил, что ни за что не станет нарушать мира с московским царем. Гетманский посланец от имени гетмана жаловался на грабежи, учиненные татарами над русскими торговцами в Кубанской и Ногайской орде. Хан приказал тотчас учинить розыск и воротить награбленные товары; сверх того он дал строгий приказ не поступать вперед таким образом. Тогда же хан хотел окончить размен плененников так, чтобы уже ни русских в Крыму, ни татар в России в плену не оставалось. Это не так скоро могло окончиться, так как русских плененников отпускали не иначе, как в обмен за татарских или за выкуп деньгами. Некоторые русские в это время получили свободу, и в числе их был князь Юрий Четвертинский, взятый в плен во время нашествия Петрика с белгородскою ордою. Силистрийский Юсуф-паша продолжал требовать вознаграждения за ограбленный караван, и гетман не без труда упросил присланного от паши «агу» взять вознаграждение жалованьем, которое по обычаю каждый год присылалось от царя запорожцам сукнами, камками, атласами и соболями. Такие вещи приняты были по оценке в десять тысяч левков; гетман прибавил еще 640 рублей деньгами и, сверх того, отдал греческим купцам, потерпевшим разорение от запорожцев, 400 рублей, собранных с переволоченского перевоза на Днепре, составлявшего собственность Запорожской Сечи.

Казалось, у запорожцев отнималась надежда на помощь мусульманского мира против московской власти, но приезжавшие в Сечь татары разжигали их и твердили, что если Москва не по-

кинет строить городов при Днестре, то бусурманы пойдут войною на московские города и пригласят запорожцев. Даже силистрийский паша заявлял гетману, что туркам вообще немило построение городов, что оно означает приготовление к войне. Такие заявления распалили у запорожцев задор ко вражде с Москвою. «Но не так страшны запорожцы и татары, — писал Мазепа в приказ, — страшнее нам малороссийский посполитый народ: весь он своевольным духом дышит: никто не хочет быть под той властью, под которою пребывает, а полтавский полковник пишет мне, что все его полчане при случае начнут запорожцам помогать в их злом намерении». Осенью 1702 года запорожцы напали на царскую казну, которую вез капитан Суходольский, убили капитана и двух солдат, ограбили казну, а бывшего при капитане священника, исколов копьями, замертво покинули в терновнике; они, кроме того, уводили у великороссийских ратных людей почтовых лошадей и задержали царскую грамоту, в которой уговаривали их не препятствовать постройке крепости.

Такие бесчинства сами по себе хотя еще не возбуждали политических опасностей, но волнения в Запорожье откликнулись в Украине и слухи о сборе запорожцев на войну против москалей, разносясь по Гетманщине, находили в народе сочувствие. В Сечу стремились всякие бездомные бродяги. Гетман приказывал компаниям стеречь переходы, не пускать беглецов через Днепр, а полковникам заблаговременно предупреждать в своих полках побег и сажать в тюрьмы своевольных. В одном из тогдашних донесений гетман огулом весь малороссийский народ обвинял в легкомысленности и склонности к шатанию.

В Малороссии отношения народа к великороссийским ратным людям становились все хуже и хуже. Уже и при прежних гетманах видно было, что малороссияне недолюбливают великороссиян, и хотя после возмущения при Бруховецком народ по внешности оставался верным и покорным, но доволен своим положением он не был и никогда, казалось, не представлялось ему таких резких поводов роптать на гнет, ложившийся на него от московской власти, как в описываемое время. С начатием шведской войны во всех владениях царя Петра почувствовалась невыносимая тяжесть народу от служб и поборов. Не миновала и Малороссию та же участь, хотя в меньшей степени, чем прочие царские области. Царь начал требовать высылки козаков в северные страны государства, где главным образом происходил театр военных действий: а этого прежде не бывало, и козаки знали только свою Украину да прилегавшие к ней южные степи. Народ был недоволен и внутри своего края грубостью обращения с ним царских ратных людей и всякого рода должностных лиц, ездивших по делам службы. «И козаки и поселяне, — писал в приказ

гетман, — все злобятся на меня, все кричат в одно: пропадать нам до конца и сгубят нас москали! У всех одна мысль уходить за Днепр, и может произойти внезапное зло». Немало сохранилось известий того времени о столкновениях, происходивших в разных местах между малороссийскими жителями и великороссийскими царскими служилыми. Для примера приведем некоторые случаи, показывающие, как нагло и презрительно обходились царские служилые с туземцами.

В 1702 году полуполковник Левашов, идучи с отрядом мимо городка Кишенки, послал туда приказание, чтоб его встречали с хлебом-солью и с дарами, и он за то не станет трогать их города. Кишенцы послушались, вышли к нему с возами, наполненными хлебом, гусьми, курами, напитками и еще поднесли ему «в почесть» 15 талеров деньгами. Левашов все это принял, но, противно своему обещанию, вошел в город и расположил там свой отряд: его ратные люди объедали жителей, обожгли у них подворки, овины, разорили огороды. Так прошло несколько дней. Выходя из Кишенки, Левашов кишенцам «дал руку» (т. е. обещал), что уже теперь не будет им разорения. Однако, дошедши до Переволочны, он послал назад в Кишенку взять у тамошних жителей плугов и волов и не прислал их назад, а бедные кишенцы принуждены были сами ехать за Днепр и выкупать за чистые талеры своих волов. При этом, когда один кишенец напомнил полуполковнику, что великий государь так делать не велит, Левашов чуть не проколол его копьем и кричал: «Полно вам, б... дети, хохлы свои вверх поднимать! Уж вы у нас в мешке!» Другой начальник, Скотин, шел через порубежные днепровские города, и бывшие в его отряде ратные люди в городах и за городами людей били, с ножами на них бросались, иных, как татары, в неволю брали (в вязеню держали), а когда козацкие начальные люди пошли к нему с поклоном, то он велел ударить в барабаны, чтоб их не слышать, и затем приказал прогнать их бердышами. В Кереберде во время ярмарки в день св. Онуфрия московские служилые люди, плывя по Днепру, пристали к берегу и стали с своих суден торговать вином, а так как продажа вина там была на откупе, то жители, по настоянию арендарей, ходили просить «москалей», чтоб они перестали торговать и понесли к ним хлеб-соль, но «москалей» бросились на них с дубинами и копьями, а некоторых, схватив, увели к себе на суда, как пленных, и потом пустили, обобрав, чуть не голыми, да еще обрезали им волосы в знак бесчестия. В том же 1702 году гетман писал в приказ, жалуясь огулом на ратных людей, которые, проходя через города и села Полтавского полка, бесчинствовали, забирали в качестве подвод лошадей и не ворочали иначе, как взявши с хозяев взятку, а становясь во дворах, совершали над малороссиянами всякие неправды, поругания,

грабежи и даже убийства. «Что между нашими людьми и приезжими москалями драк бывает, того и описать невозможно!» — выражается в донесении гетману один козацкий чиновник.

Не только в Гетманщине, но и за ее пределами, как уже мы видели, прорывались такие же грубые выходы великороссиян над малороссиянами. В Путивльском и Рыльском уездах великороссийские помещики заманивали на свои земли малороссиян, искавчих селитьбы, а потом домогались, чтобы те поступали в число их крепостных, и «побивали их жестоким мучительством». По жалобам, которые беспрестанно присылались от гетмана в приказ, царь в 1701 году дал подтвердительный указ воеводам «с великим подкреплением, буде вперед малороссийским людям от кого-нибудь станется обида от воеводского или полковничьего недосмотра и за то начальным людям быть в казни и в вотчинах отписаны будут». Но и после такого строгого царского указа в январе следующего 1702 года в Комарницкой волости (Орловской губ.) крестьяне били и бесчестили посланца самого гетмана, отправленного к царю, и ехавших с ним малороссиян: по жалобе на то царь приказал произвести розыск, и тех, которые признаны будут виновными, сослать в Сибирь с женами и детьми.

Такие-то явления располагали опасаться народного волнения в Украине, если запорожцы задумают повторить Петриково дело. Были признаки, заставлявшие гетмана и старшин полагать, что теперь посольство отзовется к подобному событию иначе, как было несколько лет тому назад. В конце 1702 года гетман созвал полковников и сделал им такой вопрос: следует ли совокуплять полки с тем, чтобы не допускать запорожцев до вторжения. Все полковники дали такой ответ: «Если совокуплять полки, то на оставленных козаками местах скорее могут вспыхнуть бунты между посполством, потому что там не будет начальства. Лучше расставить на приличных местах два или три полка, а остальные полковники пусть остаются с своими полковыми старшинами в своих полках и пусть наблюдают, какое влияние на посполство будут производить вести о запорожских злоумышлениях, сам же гетман с компанейцами и с охотными козаками будет стоять в Гадяче и смотреть на неприятельские обороты, чтобы чинить военный промысел по мере надобности». Гетман побудил и киевского митрополита с своей стороны послать к запорожцам пастырское увещание не вступать в связи с неверными и не поднимать оружия на единоверных братьев, жительствоющих в Гетманщине и в слободских полках. Сам гетман отправил запорожцам послание, уверял, что никто не думает нарушать их вольностей, указывал на печальные последствия междоусобий в Правобережной Украине, где столько городов, сел обращено в пепел и где столько жителей погибло от меча или взято в неволю, убеждал запорожцев

жить в союзе и дружбе, покоряться властям и обещал ходатайствовать за них перед царем. На такое послание кошевой Горденко снова отвечал гетману резко и грубою выходкой.

Нужно было во что бы то ни стало умиротворить Украину, тем более что события на правой стороне Днепра, где русский народ вступил в открытую борьбу против польского панства, волновали левобережных малороссиян и возбуждали их к побегам за Днепр с намерением биться там против извечных врагов всего малороссийского народа. Одобрять такую борьбу не было тогда в видах русского государя, который с тогдашним польским королем и с Речью Посполитою вступил в союз против шведов. Нельзя было притом не иметь в виду и того обстоятельства, что соперник и враг царя Петра, шведский король, с каждым днем приобретал успех в Польше, отторгал от польского короля на свою сторону польских панов, манил их обещаниями усмирить правобережных украинцев, бунтовавших против панства, перенести войну на левую сторону Днепра и привести весь малороссийский народ в прежнюю покорность польской Речи Посполитой. При таких угрожающих слухах неблагоразумно было оставлять запорожцев в раздражении против московской власти. Гетман получал сведения о польских делах уже не от вестовщиков, которые выбирались из людей всякого звания, а прямо от польского коронного гетмана через нарочно присланного посланца. Тогда московское правительство решило отправить в Сечу стольника Протасьева с выговором запорожцам за их бесчинства, но вместе с тем объявить им прощение от царя по ходатайству за них гетмана и киевского митрополита. Задержанных по поводу разбойнического нападения на греческий караван указано было освободить и отпустить.

Царский посланник Протасьев прибыл в Батурин в апреле 1703 года, а 1 мая прибыли туда же отпущенные из Москвы запорожцы, атаман Герасим Крыса с товарищами. Этот Крыса, отбывший несколько лет в заточении за бесчинства с запорожской братиею, стал тогда в большом уважении у запорожцев, и гетмана извещали, что Крысу думают избрать кошевым атаманом.

Вместе с Протасьевым отправил гетман в Сечу своего генерального асаула Скоропадского. Они прибыли в Сечу 5 мая. Протасьев раздал привезенное обычное царское жалованье. Запорожцы поблагодарили и назначили раду 7 мая на праздник Вознесения. Тогда на раде запорожцы объявили, что не хотят присягать государю, пока не будут снесены городки, построенные на Самаре и на Днепре. Как ни убеждал их царский посол «отложить новоизмышленные противные слова» и произнести присягу, как ни уверял, что городки построены для охранения малороссийского края и от них Запорожской Сече никакой трудности не будет, запорожцы твердили все одно и то же: «Когда городки

снесут, тогда мы и присягу принесем». 8 мая послы уехали, не окончивши дела, а по отъезде их в Сече кричали, что надобно идти на Украину и убить гетмана.

Но запорожская удаль, так сказать, разменялась на мелочь и не в силах будучи затевать важное дело — идти в Украину и поднимать народ против властей — ограничилась частными разбоями, вспышками неповиновения и дерзкими похвалками против правительства. Так, разбойническая ватага сечевиков, под начальством Карнауха, бесчинствовала над проезжими торговыми людьми и чуть не убила гетманского посланца, грека Згуру, ехавшего в Молдавию, а перешедши на левую сторону Днепра, разбила валку чумаков, ехавших из Лубенского полка на Берды за солью. Куренные атаманы Корсун и Андрюшка Москаль напали на отряд царских служилых и перекололи их. Гордеенко показывал вид, будто не одобряет таких разбойнических нападений, а между тем в числе разбойников был его племянник. Тем временем в Сечу приезжали какие-то татары, наговорили запорожцам, что если Москва не разорит крепости у Каменного Затона, то силистрийский паша придет сам разорять ее, и по этому поводу Гордеенко убеждал запорожцев держаться турок и татар против москалей. «Вся беда, — писал гетман в приказ, — от этого пса Гордеенка. Он подстрекал запорожцев, чтобы не присягали. Пока этого проклятого пса не уничтожат, до тех пор нельзя от запорожцев надеяться покорности». Но через несколько времени Гордеенка отставили сами запорожцы и избрали кошевым Герасима Крысу. Тогда запорожцы стали ловить своих разбойников, и в августе истреблена была ватага Андрюшки Москаля, Ропухи и трех их товарищей. К сожалению, исправление запорожцев было недолговременно. Скоро сменили Крысу и избрали Гордеенка снова. Он уверял гетмана, что будет верен царю, однако удальцы опять делали разбои; но так как эти разбои совершались над малороссиянами, ездившими по торговым делам, то это отвращало многих от запорожцев, и в народе терялось к ним доверие.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Возобновление козачества в Правобережной Украине. — Палей. — Самусь. — Искра. — Абазын. — Прежняя судьба Палея. — Жизнь Палея в Хвастове. — Его подвиги против татар. — Столкновение с поляками. — Сеймовой декрет об уничтожении козачества. — Неудачные попытки поляков выгнать Палея. — Восстание русского народа против польских панов. — Взятие козаками Белой Церкви. — Свирепости с обеих сторон. — Укрощение восстания. — Требование сдать полякам Белую Церковь. — Упорство Палея. — Самусь и Искра переходят на левую сторону Днепра. — Обвинение Палея в сношении с царскими врагами. — План Мазепы заманить и схватить Палея.

После «Руины»¹ в правобережном крае во власти поляков осталось населенным одно Полесье — северная часть нынешней Киевской губернии с частью Волынской. Все пространство прежней Украины на юг и на юго-запад (в нынешних губерниях Киевской и Подольской) оставалось пустынею; там держались с польскими гарнизонами только два городка, Немиров и Белая Церковь, которая поляками, вопреки договору, не была сдана Дорошенку. Занятый великою идеею войны с мусульманским миром, польский король Ян Собеский не побоялся мысли восстановить павшее козачество и в 1684 году универсалом наметил для жительства козаков земли в Украине около Корсуна, Чигирина, Лысенки и Умани, именно там, где прежде были полки: Чигиринский, Черкасский, Корсунский, Каневский, Белоцерковский и Уманский. В следующем 1685 году состоялось сеймовое постановление о принятии в отеческое покровительство всех козаков, которые пожелали бы поселиться в Украине, признав над собою власть гетмана, поставленного от Речи Посполитой, с правом пользоваться всеми вольностями и

¹ Под этим термином Костомаров подразумевал период с 1663 по 1687 г.г., когда Украина была разделена на два гетманства по сторонам Днепровского побережья, так как Правобережье было превращено буквально в руину. Такой она осталась в народной памяти этих лет.

привилегиями, дарованными прежними польскими королями козацкому званию. Но Украина хотя и считалась пустынею, скрывала уже в своих степях и лесах самовольно гнездившихся удальцов, которые, ища воли, проживали в кустах и камышах, вкушая незатейливой пищи из пойманной рыбы или застреленной дичины, шатались по безбрежной и бездорожной пустыне, нападали на татарские загоны, ходившие через степи ловить ясыр в волынских селах и городах, доставали себе от них оружие и добычу, освобождали от неволи своих братьев-христиан. То был первый контингент возобновлявшегося козачества. Но королевский универсал и сеймовая конституция пробудили охоту к козачеству в посполитом русском народе Полесья, Волыни и Червоной Руси, находившемся в порабощении у шляхетства: таким образом, начала воскресать прежняя, уже притухшая, борьба козачества со шляхетством. Уже в 1684 году, еще до сеймовой конституции, узаконявшей козачество в Речи Посполитой, Мирон, наказной гетмана Могиленка, рассылал повсюду своих посланцев уверять народ, что королевским универсалом дозволяется «хлопам» отречься от повиновения панам своим и идти в козаки. Польский региментарь (военачальник) указывал шляхетству ловить таких возмутителей, отсылать к суду и сажать на кол. Но это не прекратило последующих попыток. В разных местах проскакивали бунты хлопов — мещан и крестьян, раздавались похвалки молодцов топить всех ляхов, а иногда совершались побои и истязания над особами шляхетского звания. Противодействовать таким явлениям для поляков было тем труднее, что некоторые природные шляхтичи наравне с козаками получали от короля «приповедные листы» для набора охотников в козаки и на таком основании подговаривали владельческих хлопов записываться в набираемые козацкие полки мимо воли своих владельцев. Те, которым выдавались «приповедные листы», носили название полковников. Из таких козацких полковников приобрели сразу известность четыре: Искра, Самусь, Абазын и более всех Семен Палей. Первый поселился в Корсуне¹, второй в Богуславе², третий на Подолии, в Брацлаве³, четвертый в бывшем Белоцерковском полку, в местечке Хвастове⁴, которое принадлежало прежде католическому епископу и королем Яном Собеским уступлено было Палею в видах необходимости козацкой силы на время ведения войны с бусурманами. Эти полковники и другие, которые менее были известны, стали привлекать в украинские пустыни жителей, и не только из южнорусского края, подчиненного Польше, но из Молдавии и более всего из Левобереж-

¹ Ныне местечко Каневского уезда при р. Роси.

² Ныне местечко Каневского уезда при р. Роси.

³ Ныне уездный город Подольской губернии при р. Буге.

⁴ Ныне местечко Васильковского уезда при р. Унаве.

ной Украины. Украина Правобережная, откуда еще так недавно уходили громадами жители, спасаясь от татарской, турецкой и лядской неволи, опять становилась обетованною страню вольности. Современник уже в 1692 году называет тамошние козацкие полки многолюдными. Во всех этих полках зародилось и утверждалось одинакое стремление — освободить южнорусский народ от польской власти, обратить панских хлопов в вольных козаков и присоединить Правобережную Украину по-прежнему к Московской державе. Самый деятельный и более верный народному духу из полковников был Семен Филиппович Палей, и потому приобрел народную любовь. О происхождении его известно, что он был родом из Борзны от предков козацкого звания. Фамильное прозвище его было Гурко́. Был у него брат Федор, владевший наследственной землею близ гор. Борзны. В Батуринах у него с братом был общий дом. Получивши хорошее по тому времени образование (вероятно, в Киевской коллегии)¹, он был записан в «компут»² Нежинского полка, потом ушел в Запорожье и там-то прозван был Палеем (т. е. сожигателем) за свои военные подвиги. В нашем сочинении «Руина» мы уже упоминали об этой личности. Во время пребывания в Сече он приобрел большое к себе уважение. Из Сечи Палей-Гурко поступил на службу польского короля Яна III именно в то время, когда король легально восстанавливал козачество в Правобережной Украине. Палей был уже прежде женат и имел дочь, которая еще в 1677 году вышла за Танского, впоследствии, лет через двадцать, сделавшегося полковником белоцерковским, а потом киевским. Установившись в Хвастове с королевского дозволения, Палей по кончине жены своей в другой раз женился на какой-то вдове, о которой мы знаем, что она была сестра козака Саввы и мать сына от первого брака, Симашка. Оба — шурин и пасынок Палея — во все продолжение деятельности последнего были его верными и неизменными товарищами. Как только Палей кликнул клич на слободы, так и повалил к нему с разных сторон южнорусский народ. «Я нашел здесь край опустелый, — писал он в 1694 году Мазепе, — и работал около Хвастова, как около своего хозяйства, обширные поля засеялись хлебами, умножились жители, да не так из польских панских подданных, как с берегов Днепра, из Войска Запорожского и из Волошского края; и церкви Божии на славу имени Божия я построил и украсил». Священник Иоанн Лукьянов, ездивший из Великороссии в Святую землю на богомолье через малороссийский край, оставил любопытные черты о Хвастове в то время, когда там правил Палей. От Белогородки,

¹ Первое высшее учебное заведение на Украине, созданное при Киево-Печерской лавре. С 1701 г. — Киево-Могилянская академия.

² Список, реестр.

принадлежавшей киевскому Софийскому собору, дорога до Хвастова шла пустым лесом. На ней не было селений. Городок Хвастов стоял на горе; вокруг всего жилья в нем был насыпан земляной вал, а по верху его шел деревянный острог. Путешественнику город Хвастов показался крепок не строением, а людьми («сидельцами крепок»). В его земляном вале путешественник заметил несколько ворот; в каждом воротах выкопаны были ямы, высланные соломой. «Там, — говорит очевидец, — лежала палеевщина (т. е. Палеевы козаки), человек по двадцати и по тридцати в каждом воротах; они голы, что бубны, без рубах, наги и страшны зело, а за ними в ворота нельзя ни с чем проехать из сел: дрова ли, солому, сено... с чем бы ни ехали, — они все рвут, что собаки». Простоявши с полдня в Хвастове, путешественники ехали далее, ночевали в Палеевом селе Мироновке, а на утро приехали в город Павлочь¹, также входивший в тогдашнее владение Палея и бывший порубежным его городом. Путешественники прибыли туда в заговенье перед масленицей: в этот день отправлялось там множество свадеб. Тут встретили они толпу Палеевых козаков, которые, как только увидели проезжих москалей, бросились смотреть на них. «Обступили нас, как есть около меда. Все голытьба беспорточная, на ином и клока рубахи нет, страшны зело, черны что арапы и лихи что собаки: из рук рвут. Они на нас стоя дивятся, а мы им втрое, что таких уродов мы от роду не видали». Путешественник изображает палеевцев нищими; между тем по всем современным известиям оказывается, что в Палеевом владении было изобилие; да и сам тот же путешественник в своем описании выражается: «Харч в Хвастове всякая дешева, кажется, дешевле киевского».

Оставивши Павлочь, набравши там на дорогу для себя всякого съестного, а для лошадей — овса и сена, путники пустились на пять дней в «печальное и уныливое путное шествие» по пустыне, где не встретили ни городка, ни села вплоть до полуразоренного Немирова. Там снова запаслись они припасами, которые там уже были дороже, чем в Хвастове, и опять пустились другою пустынею до Сороки, где уже начинались турецкие владения. На возвратном пути из Святых мест тот же Иоанн Лукьянов с бывшими при нем богомольцами ехал через Немиров по украинской пустыне до Палеева владения в купеческом караване, возвращавшемся из Турции в Московское государство. Турки провожали путешественников и говорили, что они проводили бы их до Киева, но боятся Палея: он их не выпустит, а побьет. «Разве Палей своевольный у государя своего?» — спросили русские турок. Турки отвечали: «У нас про него ходит страшно грозная слава, и мы никого так не боимся, как

¹ Ныне местечко Сквирского уезда при р. Раставице.

его!» Добрались до Паволочи. Находившийся там наказной Палеев полковник, услышавши о приближении каравана, приказал ударить в бубны и литавры. По такому сигналу подчиненные ему козаки-палеевцы оседлали коней и выехали в поле с знаменами. «Было их, — говорит священник, — человек триста, и выскакивали они из кустов словно зайцы, кучками человек в 20 и 30, стали гарцевать на конях, бросать копья, пускать стрелы из луков, стрелять из пистолетов, а турки, провожавшие караван, как увидели палеевщину, так и стали ни живы, ни мертвы». Полковник подъехал к купцам и всех их приветствовал, а купцы угощали козаков водкою. Караван остановился табором за городом, в поле, и полковник прислал туда овса, всякого съестного и меду. Турки далее Паволочи не стали провожать путешественников; охрану их приняли теперь на себя палеевские козаки. Когда путешественники прибыли в Хвастов, Палея там не было; он уезжал в Киев, а вместо него управляла тогда всем полком его жена. Она выслала навстречу за пять верст путникам пятьсот конных козаков, а когда караван стал табором в поле, прислала туда говядины, калачей и вина. Путешественники пробыли в Хвастове целый день. Палеева жена звала купцов к себе на обед и говорила: «Зачем вы до нас турок не довели? Пусть бы они узнали, каков мой господин Палей, и я знала бы, как их угостить! Жаль, что без почести гостей отпустили! Я бы им дала назад провожатых человек пятьсот через лядскую землю». Из Хвастова два дня до Киева провожали путешественников палеевцы.

Это драгоценное описание современника и очевидца представляет живо быт козаков в Правобережной Украине. Поразителен, между прочим, этот семейный порядок общественной жизни, при котором в отсутствие полковника всем его полком управляет оставшаяся дома жена, словно домашним хозяйством.

В первые годы заселения Украины козаками они верны были цели, с которою Ян Собеский предпринял восстановление козачества в крае, подвластном Речи Посполитой: козаки беспрестанно предпринимали военные походы против бусурман, и особенно славился ими Палей. Он, говорит малорусский летописец, не только не допускал татар опустошать польских и русских пределов, но сам ходил и посылал своих козаков в Буджакскую орду¹ разорять татарские села: не один раз доставалось от них Очакову. Не раз крымские и белгородские салтаны, при содействии турецких янычаров, наступали на Палея с своими ордами и даже подходили под самый Хвастов, но Палей всегда счастливо побеждал их и отгонял; он взял в полон одного салтана. Постоянный борец против мусульман, Палей, однако, не чуждался и дружественных сношений с ними, когда они

¹ Буджак — район между устьями рек Дунай и Днестр, место кочевья белгородской орды. Ныне — юг Одесской области.

сами к нему дружелюбно обращались; так, однажды приезжал к нему из Буджацкой орды ага с подарками — седлом, луком и стрелами. Были между татарами у него даже родные: его сестра была когда-то взята в полон и стала женою татарина, а её сын Чора-мурза, будучи мусульманином, приезжал в Хвастов гостить к дяде.

Заселялась Украина, умножалось войско козацкое, и Палей расставлял своих козаков на жительство по Полесью в маестностях не только королевских, но и духовных лиц и наследственных шляхетских. Так как козаки считались королевским войском и не получали определенного жалованья, то собирали с жителей в свою пользу «борошно»: под этим словом разумелась тогда не одна хлебная мука, как теперь понимают это слово, но также деньги, возы с лошадьми и всякие хозяйственные орудия, — одним словом, все, в чем козаки могли нуждаться для своего содержания. Палей становился словно удельный владетель в своем полку, а расстановка в чужих маестностях козаков вела к тому, чтобы со временем сколько возможно больше расширить территорию этого полка и распространить козачество, передать ему над краем господство, принадлежавшее польскому шляхетству. Другие козацкие полковники, как Искра, Самусь, Абазын, также старались об умножении народонаселения пришельцами и о расширении козачества. Абазын именовался полковником подольским, и при его стараниях населялась опустевшая Брацлавщина, возникали села за селами около Немирова, Винницы, Илинец, Брацлава. Заселялась и Поднестровщина. Стекались на новоселье пришельцы из Молдавии и Левобережной Украины, а равно из Волыни и Червоной Руси¹. Все новосельцы делались вольными козаками и устраивались по козацкому порядку в сотни. Подобным же способом наполнялись полки Искры и Самуся, по выражению поляков — «гультайством» (бродягами), и все заодно держались палеевщины.

До 1688 года у новозаселявших Правобережную Украину не было открытых столкновений с поляками, хотя они, как малороссияне, по преданиям отцов и дедов, не любили их. Но в 1688 году Палей обратился через гетмана Мазепу с просьбою к царю принять под свою высокую руку всю Белоцерковщину и Хвастовщину и причислить к regimentу войска запорожского. Это значило, что правобережное козачество начинает гласно заявлять то, что у него было в мысли. Московское правительство не могло решиться на такое дело, которое повлекло бы за собою разрыв с Польшею после недавно установленного мира. Палей получил ответ, что невозможно исполнить того, чего он просит; но если он сам своею особою и другие вместе с ним пожелают поступить под царскую руку, то пусть идут

¹ Историческое название Галиции, ныне — западные области Украины.

в Запорожье, а из Запорожья вольно будет им перейти в малороссийские города. Само собою разумеется, что такое дозволение не соглашалось с желаниями Палея: оно касалось только отдельных лиц, а Палей думал передать все правобережное козачество с его краем под единую власть царя и под управление единого козацкого гетмана. Палей замышлял поссорить Россию с Польшею; это показывает письмо его к царскому воеводе в Киеве, где сообщается, будто у польского короля заключен с бусурманами тайный договор во вред Русской державе.

Неизвестно, открытые ли поляками покушения Палея оторгнуть от Речи Посполитой Правобережную Украину, или козацкие нападения на шляхетские усадьбы были причиною, только Палей был где-то схвачен поляками и посажен в тюрьму в Немирове. Но он потом скоро освободился. Между тем во время его сидения в тюрьме Хвастов — гнездо палеевцев — был захвачен поляками, и так как он издавна уже считался маетностью католического епископа, то нахлынули туда ксендзы и хотели обращать православные церкви в униатские, — как вдруг воротился освободившийся из неволи Палей, выгнал их и, как говорят, некоторым упрямым приказал отрубить головы. 22 декабря 1688 года палеевские сотники Андрущенко и Тышко с 500 козаков напали на маетность пана Федоровича — Иванков: козаки повыгоняли из домов и поколотили панских слуг, набрали немало серебра, меди, платья, оружия и всякой домашней рухляди, пять дней хозяйствовали в панской усадьбе; напоследок, насмехаясь над польскими обычаями, в первый день праздника Рождества Христова выволокли на мост дохлую свинью и говорили: «Нехай ляхи зьедять, буде им на все святки».

Вскоре в 1689 году Палей писал Мазепе, что польский король прощает его проступки и убеждает оставаться в послушании ему и Речи Посполитой, обещая свои милости, но он, Палей, с своими козаками ни за что не хочет быть под властью польских панов; все козаки того только и желают, чтобы находиться под властью великого государя. Палей просил дать совет, как ему поступить, когда на Хвастов нахлынут польские хоругви: бежать ли ему в Киев под защиту царской власти или обороняться, ожидая от царя помощи? Гетман Мазепа с своей стороны советовал московскому правительству принять Палея и указывал на запустелый городок Триполье, вошедший по мирному договору в черту царских владений на правой стороне Днепра: там, казалось, возможно было поселить Палея с его полчанами не без выгоды для государства в видах обороны Киева. Но из Москвы получен был ответ в прежнем смысле: никак нельзя принимать Палея с его полком, а можно принять его самого, если придёт прежде на Запорожье, а потом перейдет в малороссийские города.

После того Палей, несмотря на два царских отказа принять его, усердно помогал русским в войне с бусурманами. В 1690 году Палей, как хороший знаток местностей в низовьях, руководил посланным от Мазепы козацким отрядом и с ним вместе счастливо совершил военный поход под Кизикермень.

В 1692 году отношения Палея к полякам стали неприязненнее. Это показывает своеобразное письмо к Палею пана Дружкевича, поставленного от Речи Посполитой в звании комиссара наблюдать над козаками: «Из ада родом сын немилостивый! Ты отрекаешься от подданства королю, ты смеешь называться полковником от руки царского величества, ты твердишь, будто граница тебе указана по Случ, ты грозишь разорить польские владения по Вислу и за Вислою. Смеху достойны твои угрозы! Помнишь ли, как ты когда-то пришел ко мне в первый раз в короткой сермяжке, заплатанной полотном, а ныне ты выше рта нос дерешь! Король тебя так накормил хлебом, что он у тебя изо рта вон лезет! Учинившись господином в Хвастове, в королевской земле, ты зазнался. Полесье разграбил да еще обещаешь наездом идти на наши города! Смотри, будем бить как неприятеля!» После таких угроз Палей опять обратился к Мазепе с просьбою ходатайствовать за него перед царем, и гетман снова предстательствовал за него, изображая его человеком искренно преданным царю. Чтобы успокоить опасения московской власти стать в неловкое отношение к полякам, гетман писал в приказ: «Из поступков польской стороны видно, что она не боится нарушать мирного договора, когда принимает к себе из-под высокодержавной царской руки запорожцев: прошлого года 700 их пошло в Немиров с атаманом Гладким, а потом еще 400 человек принято в королевскую службу». Но московское правительство твердило все то же, что уже прежде отвечало по поводу Палея. В декабре того же года Палей писал гетману, что поляки грозят разгонять из становищ в Полесье людей Палеева полка, а татарские мурзы обещают ему 40 000 орды на помощь, если он признает над собою верховную власть крымского хана; но он, Палей, предпочитает быть под властью православного государя. Снова гетман ходатайствовал за Палея. «Если, — выражался он в своем донесении в приказ, — теперь Палею помощи не подать, то как бы он в крайнем положении не обратился к бусурманам, и оттого будет больше беды, чем от какого-нибудь Стецика Ягорлыцкого, назначенного гетманом с татарской руки на правой стороне Днепра, или от проклятого Петрика. Палей между военными людьми имеет большую честь и за ним пойдут многие. Хотя царское величество и указывает ему способ перейти под государеву руку, но он тем не удовольствуется: он хочет удержать при себе всех людей, которые теперь у него под властью, а в Хвастовщине у него поселилось тысячи три хат и город Хвастов он хочет удержать за собою, потому что он его устроил и укрепил». Мазепа

советовал снестись с польским правительством и попытаться устроить дело так, чтобы можно было принять Палея. Но московское правительство оставалось с своим прежним решением и строго указывало гетману не вмешиваться в междоусобия, возникшие у Палея с поляками.

В следующем, 1693 году, Палей вместе с высланным гетманом козаками одержал над татарами победу на реке Кодыме и за это получил от царя награду. Но вслед за тем у него с поляками возникло очень крупное недоразумение. Козаки делали нападения на шляхетские волости и переманивали панских подданных в козаки. В отмщение за то коронный гетман¹ написал Палею грозное письмо, упрекая его в разных безобразиях, а вслед за тем премьерник Дружкевича, региментарь поляк Вильга, наблюдавший над козаками, предпринял поход на Хвастовщину с польскими хоругвями и с козаками, верными Речи Посполитой, под начальством своих полковников Искрицкого и Яремы Гладкого. Они напали разом на несколько мест Палеева владения в один день 29 декабря. Но палеевцы отстояли себя, и тогда отличился храбростью и распорядительностью шурин Палеев, Савва. Вильга думал было, что жители, поселившиеся в Хвастовщине, в страхе перед поляками отступят от Палея и сами отдадут его полякам в руки. Но Вильга ошибся в своем ожидании и оставил намерение добывать в руки Палея или выгонять его из Хвастова, а Палей в марте 1694 года сам приехал к гетману Мазепе и старался убедить его, как полезно будет для царской державы принять его в подданство с Хвастовщиною. Гетман угощал Палея, дарил из собственных средств и из войскового скарба, но, ссылаясь на нежелание царя принимать его в подданство и тем нарушать мир с Польшею, советовал Палею не раздражать польского короля. «Ну так я, — сказал Палей Мазепе, — присягну в верности королю, отпущу пленных жолнеров польских, какие у меня есть, не отрекаюсь и пехоту посылать королю, когда велит. Но из Хвастова ни за что не выйду, как того ляхи хотят, а як станут сильно наступати, то хоч бы завчасу до якого запустелого города мав я прихилитися». И действительно, воротившись от гетмана без надежды получить пособие из Левобережной Украины, Палей послал к королю какого-то Напугу с жалобою на то, что поляки хотели его выгнать из Хвастовщины, и вместе с тем же Напугою отправил королю пленных татар как трофеи своей недавней победы над неверными. Король в письме своем похвалил Палея за подвиги против бусурман и известил, что пошлет к коронному гетману приказ наградить козаков, участвовавших в последнем походе, и даровать полку Палея безопасное пребывание. Таким образом, между Палеем и польским ко-

¹ Командующий польской армией.

ролем восстановилось, по-видимому, согласие. Сам коронный гетман обращался к Палею ласково.

Пока продолжалась война с турками, польская власть нуждалась в козаках как в военном сословии и потому должна была смотреть сквозь пальцы на их явное стремление освободить народ от панской власти. Но с прекращением этой войны полякам нечего было мирволить козачеству, и они стали явно признавать его положительно вредным для своего шляхетского строя общества. Уже в течение нескольких лет совершались в Украине одно за другим события, не оставлявшие сомнения, что с восстановлением козачества неизбежно возобновление страшной борьбы южно-русского народа с поляками. Вот, например, в имении пана Стецкого рабочий, поданный Прокоп, подманивши 200 человек палеевых козаков, навел их на усадьбу своего пана; козаки распорядились по-своему панским добром, поколотили верного панского урядника, а Прокоп кричал такие знаменательные слова: «За Вислу ляхив прогнати, щоб их тут и нога не постала!» Замечательно, что тогда козакам в их борьбе с шляхетством содействовали более всего сами же поляки. Лица шляхетского звания пользовались козаками в своих постоянных ссорах и наездах между собою и оттого часто в жалобах на своеволие козаков указываются имена людей шляхетского происхождения, руководивших козацкими своевольствами. При таких наездах козаки угоняли панский скот, грабили домашнее хозяйство у помещиков, наделяли побоями лиц шляхетского звания с целью вымучить у них деньги, истребляли владельческие документы на право владения маетностями. Иногда козаки делали очень резкие выходы против поляков, показывавшие сильную вражду и желание разорваться с ляхами. На козацкого полковника Кутиского-Барабаша последовала коллективная жалоба от всего шляхетства киевского воеводства в том, что он расставлял своих козаков во владельческих маетностях и отягощал их сбором «борошна». Коронный гетман отправил к нему посланцев из владельцев с выговором, а Кутиский-Барабаш посадил их в тюрьму, морил голодом и с гневом выразился так: «Я ани короля, ани гетмана не боюсь; у меня король — царь турецкий, а гетман — господарь волоский, — бо треба тое ведати: где Барабаш, там ничего не маш». Подобную же выходку встречаем мы в 1697 году во время бывшего в Польше бескорольвия по кончине короля Яна III: сотник Палеева полка Цвель с своими козаками напал на каптурового¹ судью Сурина, ездившего для исполнения своей судебной обязанности в село Калиновку. Козаки, встретивши его на дороге, закричали: «Бийте ляхов, бийте!

¹ В Польше на время бескорольвия упразднились прежние суды и учреждались временные, имевшие силу до избрания нового короля и называемые каптуровыми.

Нехай не ездють на суды; тут наш козацкий суд!» С такими словами козаки поколотили и самого господина, сидевшего в коляске, и его прислугу, забрали у него деньги, оружие, вещи, съестные запасы, а все судебные документы повыбрасывали и истребили.

При короле Августе II, тотчас после примирения с Турцией в 1699 году в Польше собран был «примирительный» сейм, названный так потому, что был созван с целью утвердить мирный договор с Турцией. На этом сейме было постановлено распустить войско и уничтожить козачество, так как восстановление его при покойном короле Яне III было предпринято только с временною целью ввиду войны с турками. Палей владел Хвастовом с королевского дозволения, но теперь Речь Посполитая в его услугах уже не нуждалась и опасно было, — говорит поляк-современник, — держать в соседстве этого хлопа, который не только никогда не слушал гетманских ордонансов, но захватил имения разных панов вблизи Хвастова и обратил их в помещение своим козакам, так что разве только самые великие паны могли брать какие-нибудь доходы с своих маетностей. В подтверждение этому известию можно указать на многие в 1699 году жалобы владельцев на то, что по причине занимаемых козаками становищ и неповиновения собственных подданных, подстрекаемых козаками, владельцы не получали с своих маетностей никаких доходов.

В исполнение сеймового постановления коронный гетман издал универсал, обращенный к полковникам: Самусю (носившему у поляков звание наказного гетмана), Палею, Искре, Абазыну, Барабашу и, вообще, ко всем козакам. Он извещал их всех, что сейм Речи Посполитой постановил распустить козацкое войско, отныне всякая козацкая служба прекращается, и козаки теряют уже право занимать становища в чьих бы то ни было маетностях: королевских, духовных или шляхетских, — все там находящиеся должны выбраться оттуда, иначе будут признаны своевольными и непослушными ватагами и он, коронный гетман, прикажет истреблять их как неприятелей; для этой цели снаряжает он несколько хоругвей и пеших полков. По известию современного историка, католический епископ прислал к Палею двух ксендзов в качестве своих комиссаров требовать возвращения маетности. Палей этих ксендзов посадил в тюрьму, потом выгнал прочь и отвечал: «Я не выйду из Хвастова; я основал его в свободной козацкой Украине; Речи Посполитой до этого дела нет, я же настоящий козак и гетман козацкого народа». Тогда коронный гетман, как рассказывает тот же современный историк, замыслил усмирить грубого хлопа, не раздувая большого огня, и дал поручение схватить Палея генералу Брандту, стоявшему с вверенным ему отрядом войска в Белой Церкви. Брандт устроил так порученное ему дело: он отобрал несколько десятков человек и приказал им притаиться в лесу недалеко от Палеевых пасек, а в

Хвастов к Палеев послал иудея, который прежде часто вел торговые сношения с Палеем. Иудей на этот раз должен был прикинуться, будто приехал покупать мед, и этим способом вытащить Палея к пасекам. Но Палей был тогда пьян и сам не поехал, а послал с иудеем своего пасынка Симашка. Симашко был уже на четверть мили от города, как один пасечник дает знать Палею, что близ пасеки в лесу явились какие-то люди и стоят, закрывши себя и лошадей своих древесными ветвями. Палей послал вдогонку известить о том пасынка. Симашко тотчас убил в поле иудея, с которым ехал, вернулся в Хвастов, собрал отряд конных козаков, пошел с ними на засаду и уничтожил ее.

После того уже в следующем году, как это видно из современных актов, коронный гетман Яблоновский послал под Хвастов regimentаря Цинского с четырьмя тысячами польского войска. Но Палей заранее проведал о намерениях поляков, созвал со всей своей Хвастовщины обывателей с женами и детьми в город и приказал около старого города построить «загороду», куда велел свезти сена и хлеба и сложить в скирды, намереваясь обороняться хотя бы и долгое время. Когда польское кварцянское войско¹ приблизилось, подполковник Гольц выступил из него вперед с 200 гренадерами, ночью подошел к загороде и пустил гранаты в скирды сена и хлеба. Сделался пожар, во время которого сгорело несколько козаков. По известию польского современника, Палей отделался от коронного гетмана тем, что прислал ему несколько бочонков с деньгами; тогда поляки отошли и расположились на зимовых квартирах в местечках и селах около Хвастова, а потом скоро совсем удалились оттуда. Малороссийские летописцы представляют это дело иначе: они говорят, что Палей, ожидая нашествия польской военной силы на Хвастов, заранее расположил своих полчан в засаде за лесом, а сам с прочими полчанами заперся в городе. Стоявшие в засаде ударили на поляков в то время, когда Палей напирал на них из города, и таким образом они были прогнаны от Хвастова. Польский историк говорит, что коронный гетман, как в то время подозревали, был очень нерасположен к затеям короля Августа начинать войну со Швециею в союзе с московским государем; напротив, хотел, чтоб, окончивши продолжительную войну с турками, Речь Посполитая начала бы новую войну с Московским государством. Но в какой степени справедливо судили о коронном гетмане Яблоновском его соотечественники, об этом узнается разве в долине Иосафатовой, замечает польский историк. Из дел того времени видно, что польские жолнеры, возвращаясь из-под Хвастова, терпели от русских жителей разные поругания и оскорбления. Сам Палей, говорит

¹ Регулярная наемная армия, содержащаяся за счет четвертой части доходов с королевских имений, так называемой кватрты.

польский историк, избавившись от польских военных сил, не только не думал отдавать полякам Хвастова, но продолжал захватывать под свое владение маетности разных панов и разорять шляхетское достояние. Так, в мае 1700 года племянник Палея Чеснок с козаками разорил маетность пани Ласковой, а того же года в октябре палеевские козаки, в соумышлении с неким паном Самуилом Шумлянским, напали вооруженные на маетности пана Олизара, поколотили подстарост и урядников, забрали хлеб, стоявший в стогах, скот, лошадей, хозяйственную рухлядь, питье в полубочках и деньги, поступавшие в экономию от арендаторов. В следующую за тем зиму пан Микульский поссорился с своею соседкою панею Головинскою, взял от Палея «приповедный лист» для набора своевольных козаков и с этими козаками напал на имение Головинской, выгнал владелицу, сжег ее усадьбу и разогнал ее людей.

Дружелюбные отношения Палея к гетману Мазепе стали охлаждаться. Уже с 1694 года между ними пробежала, как говорится, какая-то черная кошка. Мазепа в своих донесениях в приказ замечал, что Палей становится уже не тот, каким был до сих пор, что он уже начинает сходиться с поляками, а от него, гетмана, о том таится; его собственные полчане говорят о нем, что он на две стороны свою службу показывает — и полякам, и православному царю, притом беспрестанно пьет. Но наружно Мазепа продолжал оказывать дружелюбное внимание к правобережному полковнику, и Палей приезжал к гетману в гости на свадьбу его племянника Обидовского. Возраставшая слава Палея, усиливая любовь к нему народа не только на правой, но и на левой стороне, возбуждала в гетмане тайную досаду и зависть; все малороссияне видели в Палее истинного козака-богатыря, а на счет Мазепы никак не могло уничтожиться предубеждение, что как он ни прикидывается русским, а все-таки на самом деле он «лях» и пропитан насквозь лядским духом. В таких отношениях находился глава правобережного козачества с малороссийским гетманом, когда шляхетство показывало более и более свирепого раздражения против Палея и всего козачества.

В 1701 году на сеймике Волынского воеводства обязали отправленных на генеральный сейм послов добиваться, чтобы гетман коронный привел в исполнение сеймовый декрет 1699 года об уничтожении козачества, выгнал бы Палея и предал бы «инфамии»¹ всю его старшину. В подобном враждебном козачеству духе отозвалось шляхетство Киевского воеводства в ноябре того же года, выразивши в инструкции, данной своим послам на сейм, домогательство выгнать Палея и уничтожить козачество.

Таким образом, шляхетство южно-русского края выступило против козачества с решительным намерением снести его с лица

¹ Лишению чести.

той земли, которую Польша считала своим достоянием. В силу таких настоятельных требований шляхетского сословия король Август II предписал Палею вывести все козачество из воеводств Киевского и Брацлавского и распустить конную и пешую козацкую милицию. Летом 1702 года поляки стали приводить в исполнение постановление своего сейма и смысл королевского декрета: владельцы коронных имений и «дедичные» пань в сопровождении вооруженной силы кварцяного войска панских отрядов стали наезжать на украинские городки, домогались изгнания козаков и водворения шляхетского господства в крае.

Тогда началось против шляхетства противодействие со стороны южно-русского народа, грозившее возобновлением страшной для панов эпохи Богдана Хмельницкого.

Первые признаки такого противодействия показались в Богуславе. Самусь, носивший данное ему королем Яном III звание наказного козацкого гетмана, прежде жил в Виннице; по заключении мира с турками поляки удалили его оттуда и приказали жить в Богуславе с званием только полковника, но вместе с тем поручили ему быть осадчим, т. е. накликать поселенцев в богуславское староство. Теперь вдруг назначен был в Богуслав подстароста и прибыл в этот город отбирать его под свою власть. Самусю с козаками приказывали уходить прочь. Но в ту пору в Богуславе у Самуся был другой козацкий полковник Харько Искра и Палеев пасынок Симашко. Новый подстароста тотчас же по своем прибытии стал обращаться с жителями «досадительно». За это его убили, а вслед за ним стали избивать иудеев. По примеру Богуслава то же стало происходить и в других украинских местностях. Прогнали и частью перебили шляхтичей и иудеев в Корсуне и в Лисянке, а затем по новозаводимым слободам начали изгонять польских осадчих, созывавших на жительство поселенцев во имя своих панов. Пасынок Палея Симашко заохочивал народ к восстанию, хотя Палей сообщил гетману, что Симашко очутился в восстании случайно. Палей уверял, что он сам не рад тому, что происходит, и просил дать совет, как ему поступать. «Не вмешивайся в это дело, а сиди спокойно, как сидел», — отвечал ему гетман. С своей стороны, Самусь обращался три раза к гетману, заявляя, что общее желание всех козаков правой стороны Днепра — поступить под высокую руку царского величества и состоять под единым региментом гетмана, признаваемого царем. «Уже изо всех наших городов, — сообщал Самусь, — выгнали лядских старост, панов и жидов, а многих жидов крестили; держится у ляхов еще одна Белая Церковь, но все жители оттуда выбежали, а остались в замке служилые поляки; к ним пристали те, что ушли туда из Корсуна и Лисянки, да наберется еще человек пятьдесят шляхты: ожидают они себе из Польши военной помощи, но мы слышим, что король со шляхтою не в любви. Я

поневоле должен был обороняться от ляхов: они ведь мне смерть задать собрались. Не дадут ляхи мне при старости укрук¹ хлеба съесть. Они хотят наших детей в котлах варить». Самусь объявлял, что непременно хочет воевать с ляхами и добывать Белую Церковь. Он умолял прислать ему в помощь какой-нибудь полк и заранее заявлял, что если начнут ляхи его стеснять, то ему ничего не останется более, как уходить на левый берег Днепра. Мазепа отвечал: «Помочи тебе не подам и без царского указа тебя не прийму. Без моего ведома ты начал и кончай, как знаешь, по своей воле». В донесении своем в Приказ Мазепа приводил соображения, что Самусь делает это, должно быть, с чужого подущения; сам он человек простой и необразованный и едва ли без чужого совета додумался бы до этого. «Бунт распространяется быстро, — писал гетман, — уже от низовьев Днестра и Буга по берегам этим рек не осталось ни единого старосты, побили много мещан — поляков и жидов, другие сами бегут в глубину Польши и кричат, что наступает новая хмельнищина. Впрочем, случившаяся на правой стороне Днепра смута принадлежностям нашим зело есть непротивна. Пусть господа поляки снова отведают из поступка Самусева, что народ малороссийский не может ужиться у них в подданстве; пусть поэтому перестанут домогаться Киева и всей Украины».

По царскому указу в августе 1702 года гетман приглашал Палея участвовать с своими полчанами в войне против шведов. Палей отвечал, что рад бы служить царю, да не смеет выходить, потому что на него собираются польские военные силы в Коростышове, и как только он выйдет, так они и Хвастов разорят и людей православных перебьют. «Всему свету известно, — выражался Палей, — что ляхи уже не одного сына восточной церкви удалили с сего света и много христиан мечом истребили в нашей достойной слез Украине». Палей умолял гетмана о помощи (о ратунку). Но гетман не смел вмешиваться, хотя и писал в приказ, что, по его мнению, было бы можно подать Самусю помощь, только тайно. Гетман сам должен был находиться в осторожности. Волнение правобережных козаков против польских панов могло отозваться соответственно и на левой стороне Днепра, где еще недавно запорожцы с Петриком возбуждали поспольство против своих панов. Теперь, как только на правой стороне Днепра пошла расправа с поляками и иудеями, так и на левой, в Переяславском полку, стали порываться бить иудеев. Бить ляхов и жидов продолжало еще для всего малороссийского народа казаться делом привлекательным; побег с левой стороны Днепра на правую увеличивались особенно, когда в народе господствовало нерасположение к московской власти. Мазепа писал в приказ: «Все поселяне

¹ Кусок (от польск. ukruszyc — отломить).

на меня зlobятся; здесь, говорят, нас изгубят москали, и у каждого мысль уходит за Днепр».

Шляхта воеводств Киевского, Подольского и Волынского оповестила посполитое рушенье¹ всей своей братии на усмирение козацкого и хлопского восстания, поднятого в Богуславе и Корсуне с подущения Палея. Коронного гетмана, главным образом, просили выгнать Палея из Хвастова. Посполитое рушенье местного шляхетства признавалось на ту пору единственной мерою спасения, потому что польское кварцянское войско отвлекалось внутрь государства для отражения вторгшихся шведов. Между тем Самусь двинулся на Белую Церковь, написал гетману Мазепе, что хотя замок там хорошо укреплен, но по причине малолюдства не устоит против него. 7 сентября из табора под Белою Церковью Самусь разослал ко всем козацким старшинам универсал, в котором извещал, что присягнул за весь народ украинский быть до смерти верным царскому пресветлому величеству и пребывать в покорности гетману Мазепе, что в настоящее время он с козацким войском находится под городом Белою Церковью против неприятелей поляков и все с ним единодушно будут добиваться, чтобы ляхи с этих пор ушли навсегда из Украины и уже более по ней не расширялись. «Прошу вас, господа, — выражался Самусь, — приложите все старание ваше, соберите изо всех городов поднестранских охотное товариство в сотни и тысячи и поспешите стать с нами заодно. Как скоро Бог нам поможет взять белоцерковский замок, мы не станем тратить времени и тотчас двинемся на противников наших польских панов». Этот универсал послан был к поднестровским козацким старшинам Валозону, Палладию и Рынгошу.

Недаром Самусь тогда обратился в поднестранский край. Начавши от Богуслава и Корсуна, восстание, поднятое Самусем, пошло на запад к Бугу и Днестру. «Хлопы, жадные крови шляхетской, как выражались поляки, поднялись...» Города за городами, села за селами выбивались из-под господства владельцев, и скоро восстание доходило уже до Каменца. Подоляне прислали к Палею просить быть «патроном» народного восстания против ляхов. Палей вначале хотя и дружил тайно с Самусем, но не выказывался с открытою враждою ко всем полякам; он, по-видимому, следовал совету Мазепы — не мешаться в поднявшееся восстание. Но само шляхетство озлобило его, указывая в своих заявлениях на Палея как на первейшего врага и добиваясь, как мы уже говорили, от коронного гетмана паче всего изгнания этого человека из Хвастова. Поэтому Палей принял предложение поднестряня и отправил к одному из подольских предводителей, Палладию, своего неутомимого пасынка Симашка и какого-то Лукьяна с своими полчанами. В то же время

¹ Ополчение.

Палей отправил 1500 своих полчан в другую сторону, к Белой Церкви, в подмогу Самусю, а потом и сам туда поехал.

Две недели простоял Самусь под Белою Церковью. Козаки насыпали шанцы. Тут приехал к Самусю от нового коронного гетмана, Иеронима Любомирского, некто Косовский и объявил, что если Самусь положит оружие и покорится королевской воле, то получит прощение от короля и Речи Посполитой за все то, что происходило в Богуславе, Корсуне и других местах, где были побиты поляки и иудеи. Самусь отвечал: «Мы тогда будем желательны королю и Речи Посполитой, когда у нас во всей Украине от Днепра до Днестра и вверх до реки Случи не будет ноги лядской».

Но тут Самусь услышал, что против него на помощь польскому гарнизону в Белой Церкви идет региментарь Рущиц с двумя тысячами польской военной силы. Самусь отошел от Белой Церкви вместе с полковником Искрою и оба двинулись к Котельне, где, как они осведомились, стояли ляхи. К Рущицу присоединился пан Яков Потоцкий с надворными хоругвями¹ и с ополчением шляхты киевского воеводства. У Самуся было тысяч около двух своих козаков и полторы тысячи палеевцев под начальством Омельченка. Поляки были многочисленнее козаков, но у них происходили нестроения и взаимные ссоры: Рущиц и Потоцкий не ладили между собою за первенство. Поляки из Котельни ушли в Бердичев. Козаки 16 октября подошли к этому городу. В это время Потоцкий, желая перетянуть на свою сторону воинов Рущица, своего соперника, поил их вином, и когда, таким образом, шляхетские головы были разогреты, вдруг козаки ворвались в Бердичев и начали рубить всех, кто попадался им под руку; многие в ужасе пустились бежать, но попадали в воду; сам Потоцкий едва спасся бегством. Козаки, усиленные хлопами, приставшими к ним из соседних сел, разграбили табор Потоцкого. Рущиц с частью своего войска ушел в замок, но через четверть часа козаки взяли этот замок, и Рущиц ушел в одной рубахе к воынской шляхте, стоявшей неподалеку в ополчении. Весь его отряд был изрублен: Городки: Пятка, Слободище и другие, вслѣд за Бердичевым, пристали к козакам.

Разделавшись таким образом с польским отрядом, шедшим на помощь белоцерковскому гарнизону, Самусь с Искрою воротились к Белой Церкви. Там во время отсутствия Самуся продолжал стоять Палей, но отходил на некоторое время в Хвастов, оставляя начальство одному из своих свойственников по жене, Михайле Омельченку. Говорили, что у Палея на голове появлялась какая-то болезнь, но сам Палей шутил над собой и говорил: «Колы не напьюсь, то и нездужаю». Носился слух, что он тогда досадовал

¹ Королевской или магнатской конницей.

на Самуся за то, что Самусь не отдал ему булавы своей после того, как громада подольская просила его, Палей, быть патроном, т. е. руководителем восстания.

Козаки продолжали стоять под Белою Церковью семь недель, и, наконец, этот город был взят ими в исходе ноября. Козаки овладели 28 пушками и большим запасом пороха, гранат и свинца. Палей, как рассказывают, в знак торжества въехал туда шестернею в карете, показывая тем, что он есть пан полковник белоцерковский. Все три козацких предводителя прислали Мазепе коллективное письмо, просили принять Белую Церковь под власть царскую, назначить туда осадчего и уже не возвращать ее ляхам.

После расправы с Белою Церковью Самусь двинулся на Немиров, где поляки озлобили против себя русских безжалостными казнями пойманных мятежных хлопов. В Немирове, кроме тамошнего поспольства, находился польский гарнизон и немного шляхты из воеводств Брацлавского и Волынского. Козаки в числе 10 000 подступили к городу, и немировское поспольство тотчас передалось своим единоверцам, а потому город был взят без затруднения. Всех поляков и жидов истребили, кроме тех из последних, которые изъявили готовность принять христианскую веру. По известию современника Залуского, местные хлопы замучили коменданта, обрубивая ему руки и обрезывая губы, а у ксендза — иезуита Цаполовского содрали с бороды кожу у живого. Затем козаки овладели Баром, откуда малочисленный польский гарнизон убежал в Меджибож.

Во все то время, когда Самусь и Палей добывали Белую Церковь, в прибужской и поднестранской стране происходили события, напоминавшие времена Богдана Хмельницкого. В Брацлавском воеводстве еще в июле некто Хведорина и Тригуб, беглый хлоп, собрали шайку мятежных хлопов, «гультайства», напали на Илинцы — имение Лещинского, — изранили и искалечили тамошнего панского губернатора (управителя); восставшие рассеялись по окрестностям шайками, которые беспрестанно увеличивались пристававшими хлопами и производили всякие бесчинства в имениях Жолкевского и Юрия Любомирского. В Подольском крае (собственно в воеводстве Подольском) появились «левенцы», по объяснению тамошнего шляхетства — разбойники, посягавшие на личности и имущества шляхетских обывателей. Надобно иметь в виду, что воеводство Подольское еще недавно вместе с Каменцем возвращено было Польше от Турции, польские паны стали там заводить поселения и приманивали новопоселенцев льготами от работ и даней на известный срок; новопоселенцы, приходя туда, не водворялись прочно на одних местах, а шатались от одного владельца к другому и отличались буйным духом. Рядом с панскими слободами заводил козацкие слободы из разных выходцев козацкий полковник Абазын,

и эти слободы поддерживали во всем крае козацкий дух. Нетвердо прикрепленное к власти панов население разом заволновалось, и в сентябре шляхетство жаловалось, что взбунтовавшееся хлопство не дает спуска ни шляхте, ни губернаторам. Хлопы с женами и детьми бежали отовсюду к поднестранскому полковнику Абазыну, заклятому врагу поляков и иудеев. К нему в содействие явился Палеев пасынок Симашко: в двадцати волостях перебили они арендаторов иудеев, изгнали шляхтичей, ограбили и разорили их усадьбы и объявили край козацким. Шляхетство спасало жизнь свою бегством в глубину Польши, забирая с собой все, что успевало схватить на скорую руку, и стараясь взять с собою письменные документы на владение маестностями, чтобы впоследствии сохранить на них законное право. Иудеи с женами, с детьми и с купеческими товарами спешили также в глубину Польши; их на дороге грабили не только козаки, но даже и шляхтичи. В иных местах не осталось ни единого иудея, ни католика. Сделался такой переполох, что люди не знали, кого им бояться — козаков или поляков, тем более что некоторые владельцы шляхтичи, пользуясь смутным временем, нападали на свою же братию владельцев, с которыми прежде были в ссоре, и производили пожары и грабежи. Хлопские шайки составлялись и возрастали не по дням, а по часам, и все эти шайки величали себя козаками Палея и Самуся. Так, например, одна шайка, напавши на панское имение, схватила жену губернатора, домогалась от нее выдачи жида и кричала: «Дай нам, така-сяка, горелки, бо мы будем з тобою чуда робити; пизнаешь козаков Самусевых! Куда подила жида? Говори, а то мы з тобою вместе и твою хату перевернем». У иудеев выпивали горелку, истребляли утварь и имущество, самих убивали и трупы бросали на съедение псам. Молодцы гонялись по дорогам за бегущими шляхтичами, и как поймают какого, тотчас бьют дубьем, топчат ногами, ведут к реке, угрожая утопить, или оберут и обнажат, привяжут к дереву и покинут на произвол судьбы. Все начальники таких шаек именовались полковниками. Зимой 1702—1703 годов явился на Подолии некто Хведор Шпак, именовавший себя полковником войска запорожского. Он писал каменецкому коменданту, что идет на панов по приказанию короля, ради того, что дедичные господа владельцы утесняют своих подданных вопреки королевской воле. Есть известие, что под именем полковника Шпака своевольствовал осадчий Билоцкий с людьми, которые к нему понаходили, и немалую толпу католиков и евреев продавал он татарам. Другие известные полковники, взбунтовавшие Могилев, Калюс, Ушицу, Лоевцы, Козлов, Лятаву, Ластовцы, Ярышов, Жван, были: Скорыч, Мидопака, Аксентий Сотник, Дабижа, Дерикалика; их шайки составлены были в значительной степени из молдаван. Расправляясь с врагами русской веры и русского народа, они не довольствовались простыми убийствами, а сопровождали их вар-

варскими истязаниями, отсекали руки и ноги, насильовали шляхетных жен и девиц, ругались над костелами и синагогами. Но они, чувствуя свое относительное малосилие, не смели зацеплять укрепленных городов и нападали только на такие жилые местности, которые стояли открытыми. Только на город Староконстантинов напали они и вконец его разорили. Мещане униаты и католики были им враждебны, как шляхтичи и жидаы, но православные мещане в некоторых городах сами шли в мятежные шайки и вместе с хлопами трепали поляков и иудеев.

Долго шляхте и евреям в Подолии не было никаких средств спасения, кроме бегства. Кварцянское войско было занято войною против шведов, и не ранее как 4 декабря польный гетман¹ Сенявский издал универсал, извещая, что идет на укрощение козацкого мятежа.

Хотя восстание было вполне хлопским, т. е. мужичьим, но впоследствии многие лица шляхетского звания привлечены были к суду за участие в нем. Мы упомянули о том, как иные под всеобщее смятение делали обычные наезды друг на друга. Оставалось еще, впрочем, очень немного православных шляхтичей, не успевших, подобно прочей своей братии, изменить отеческой вере. Таким из последних могижан своего времени был тогда Данило Братковский. Получивши отличное воспитание, он занимался литературою и напечатал по-польски сочинение под названием «Мир пересмотренный по частям» («Swiat poczesci przejrzanu»), где в сатирическом тоне изобразил пороки шляхетского общества. Этот господин подобрал около себя кружок шляхтичей, сохранивших, подобно ему, православную веру, и на сеймиках воеводств Киевского и Волынского вместе с ними составил для послов, отправляемых на сейм в Варшаву, инструкцию, в которой требовались гарантии свободы православного вероисповедания. Римско-католическая партия, составлявшая на сеймиках и на сейме большинство, сильно озлобилась за это, и православная вера вместо требуемого облегчения подверглась еще ббльшим стеснениям и унижениям. Так, после возвращения Польше Подолии в Каменце не дозволялось селиться православным; весь подольский край в церковном отношении был изъят от ведомства киевского митрополита и подчинен исключительно львовскому униатскому владыке, как будто там уже не было вовсе и не должно быть православия. Братковский в 1701 году пристал к Палею и распускал сочинения в защиту прав православной религии. Вслед за тем Братковский отправился в Батури к Мазепе, с которым был близок уже давно. Он возвращался оттуда во Львов, где имел тогда место своего жительства, и направился не прямым путем через Киев, а через Полесье, для осторожности от поляков,

¹ Заместитель коронного гетмана.

которые за ним наблюдали Переодетый, он хотел обойти обоз во-лынского посполитого рушения, вышедшего на войну против мятежных хлопов, и был схвачен. Он был предан суду в Луцке и обвинен в том, что, «враждуя к унии, ездил в Украинну, на возвратном пути возмущал народ и козаков, всегда шатких в верности Речи Посполитой, и тем придал огня мятежу, возникшему под предлогом сочувствия к своей религии, будто бы угнетаемой поляками, чего никогда не бывало». Такой приговор был произнесен над ним. Его подвергли огненной пытке; он ничего нового не показывал и ни от чего уже сказанного не отпирался. Его казнили мучительною смертью 25 ноября 1702 года.

Гетман Мазепа не только не смел оказывать сочувствия русским, восставшим на правом берегу Днепра, но в ноябре 1702 года получил от царского резидента в Варшаве, князя Григория Долгорукого, письмо такого содержания: «Шведский король хитрыми вымыслами, по совету приставших к нему польских изменников, велел распространять слухи, будто его царское величество указал вашей вельможности послать 20 000 войска на помощь Самусю, назвавшемуся царским гетманом, и будто мятежи, поднявшиеся в Украине, возникли с позволения нашего государя. Речь Посполитая приходит в немалое подозрение. Необходимо всем на деле доказать, что этот мятеж начался без воли царской и не приносит никакой пользы его царскому величеству; необходимо стараться угасить этот огонь, препятствующий Речи Посполитой обратить оружие против шведов». Гетману указывалось вести непрестанные сношения с польскими коронными гетманами и не допускать своих козаков присоединяться к мятежникам.

Вслед за тем в декабре и в феврале 1703 года гетман в письмах к коронному гетману старался уверить в неосновательности слухов, распускаемых правобережными бунтовщиками, будто они действуют с царского согласия.

Польский король Август писал универсал к Палею, укорял его за смуту и убеждал козаков разъехаться по домам. В 1703 году успехи короля шведского в Польше были чрезвычайны. Обе столицы попадали под власть его, а польские паны думали, как бы помирить враждующих королей, своего и шведского, и подвинуть их к союзу против России. Они-то и старались утвердить мнение, будто мятежи в Украине возбуждаются с русской стороны. Даже и в массе южно-русского народа носились такие соблазнительные вести, будто со стороны гетмана Мазепы дано обещание помощи Самусю. Польский коронный гетман просил малороссийского гетмана оказать помощь к укрощению бунта в Украине. Но гетман Мазепа ограничился только тем, что посылал увещательные письма к Самусю и Палею, а по рубежу приказал расставить караулы для преграждения охотникам пути к правобережным мятежникам и угрожал

смертною казнью за самовольные побегии. Мазепа должен был в то же время делать уступки своим старшинам и, вообще, козакам, которые, как истые малороссияне, все-таки смотрели с недружелюбием к полякам на то, что делалось в их государстве. Вероятно, по этой причине гетман тогда писал канцлеру Головину, что лучше было бы теперь принять от Палея Белую Церковь в царское владение. Государь, вместо соизволения на такую мысль, опять предписывал гетману учреждать построже караулы, чтобы не пропускать малороссийского народа за Днепр для участия в мятеже против поляков, а к Самусю и Палею писать, чтоб они возвратили Белую Церковь польскому королю как законному властителю. С этою же целью царь отправил к Палею генерала Паткуля уговаривать козацкого полковника исполнить волю союзных государей, а король Август написал Палею снова увещание о том же и выставил ему неуместность сделанного заявления, что он отдаст Белую Церковь только тогда, когда русский царь прикажет. Палей не сопротивлялся воле двух государей, но и не спешил ее исполнить. Польские паны, понуждая Мазепу оказывать им содействие в укрощении восставшего народа, подозревали искренность и царя, и гетмана. Царский резидент при польском дворе письменно сообщил Мазепе, что поляки распускают слухи, будто Мазепа содействует Палею, что поляки готовы повиноваться пришедшему к ним неприятелю, а союзников и друзей подозревают во вражде к себе.

Но поляки все-таки укротили восстание южно-русского народа. Небольших усилий стоило польному гетману Сенявскому уничтожить шайки хлопов и отнять Немиров у Самуся. Последний убежал в Богуслав. Сенявский осадил Ладыжин. Туда ушли козаки, вытесненные из Немирова; там же заперся с 2000 человек полковник Абазын. После упорной битвы Немиров был взят. Абазын был посажен на кол; все бывшие с ним, и старые и малые, — истреблены. По одним известиям, погибших было до двух тысяч, а другие простирают их число до десяти тысяч. Другой предводитель мятежных русских хлопов, Шпак, был в феврале разбит воеводою киевским Потоцким и генералом Брандтом. По предложению пана Потоцкого, носившего титул воеводы киевского, всем хлопам, заподозренным в восстании, отрезывали левое ухо и, по свидетельству современника, может быть, преувеличенному, таким способом заклеяно было до 70 000 человек. Сначала был повальный суд победителей, и пойманных казнили тотчас, на месте поимки. Тогда хлопы, поделавши обширные засеки, забирались туда и сидели там, защищаясь с своими женами, детьми, с домашним скотом и всякою рухлядью. Жолнеры добывали их оружием и тотчас истребляли, без разбора пола и возраста. Но потом стали предавать виновных установленным судам, и тогда приходилось подвергать смертному приговору целые селения, так как по суду оказывалось, что жители все огулом при-

нимали участие в мятеже. Иногда, однако, спасали их от смерти сами владельцы, жалея своих подданных, от которых все-таки надеялись впоследствии иметь рабочую силу.

Так прошла вся последовавшая зима 1703-1704 годов. В королевском универсале августа 2-го главными укротителями этого восстания называются: два князя — Януш и Михал Вишневецкие, два Юрия Любомирских — коронный обозный¹ и подкоморий² и двое Потоцких — Иосиф, воевода киевский, и Яков, староста хмельницкий.

Мазепа, сообщая в приказ о том, что отобрание Белой Церкви от козаков для отдачи ее полякам представляет затруднение, писал: «Не могу брать на душу греха, чтобы приветными уверениями склонять Палея, Самуся и Искру к послушанию, а потом отдать их полякам в неволю. Не могу заверять их, что они останутся целы и невредимы как в своем здоровье, так и в пожитках. Поляки не только над козаками, но и над всем русским народом, находящимся у них под властью, поступают по-тирански. Это показали недавние дела их в Поднепровщине и в Побужьи, где они, отмщая за бывший мятеж народный, многих казнили, иных вешали, других бросали на гвозди или сажали на кол».

В продолжение всего 1703 года Сенявский напрасно посылал Мазепе убеждение за убеждением расправиться оружием с Палеем и другими мятежниками и принудить отдать полякам Белую Церковь. Польские паны вообще были уверены, что Мазепа более чем кто-нибудь может это сделать. Мазепа знал, что если бы он начал исполнять польское желание, то раздражил бы весь левобережный народ против себя, а потому ограничивался только тем, что посылал неоднократно к Палее требование отдать Белую Церковь полякам; расставленные же по днепровскому побережью караулы не пускали народ бегать за Днепр «на своеволие». Палей нимало не спешил отдавать Белой Церкви, — напротив, укреплял ее и умножал свою военную силу всяким «гультайством». Мазепа доносил на Палея, что когда он получал от царя жалованье, то разглашал об этом, и оттого пошли слухи, будто царь потакает бунтам. «Палей, — выражался Мазепа, — человек ума небольшого и беспросыпно пьян; как получит жалованье, тотчас напьется, наденет соболью шапку и щеголяет в ней, да хвастает, чтобы все видели: вот-де, какая ему монаршая милость». Немного времени спустя Мазепа писал Головину, что Палей внушает опасность: как бы он не поладил с поляками, передавшимися на сторону шведского короля.

¹ Высший административный и военный чин, отвечавший за снабжение войск и за артиллерию.

² Судья по межевым делам в польском судебном аппарате.

Наступил 1704 год. В первый день этого года явился в Переяслав к тамошнему полковнику Мировичу Самусь и изъявил желание сдать Мазепе, как гетману всего войска запорожского, знаки гетманского достоинства, некогда данные ему, Самусю, от польского короля. Вслед за ним туда же приехал корсунский полковник Искра с такою же покорностью и говорил: «Мы с поляками не можем ужиться! Не знаем, где нам и деться, если не будем приняты от православного монарха и от гетмана обеих сторон Днепра». С царского разрешения гетман 24 января принял от Самуся гетманские клейноты в Нежине. Тогда к Палею опять была послана царская грамота об отдаче белоцерковской «фортеции» польскому королю — союзнику царя; при этом Палею грозили, что если так не станется, то Белую Церковь возьмут и займут великороссийские и малороссийские войска, хотя бы и силою, и потом она будет отдана полякам. Мазепа сообщал в приказ, что Палеев полковой обозный Цыганчук, приезжавший к гетману со свадебным платком по случаю брака Палеева пасынка с дочерью киевского мещанина, говорил, что Палей сносится с Любомирскими и получает от них подарки, а в то время Любомирских подозревали в нерасположении к королю Августу и в склонности к шведской стороне. «Не лучше ли будет, — писал Мазепа Головину, — если я зазову Палея куда-нибудь хитростью и задержу, пока состоится указ царский о взятии Белой Церкви и об отдаче ее ляхам? Иначе, если Палей самовольно сойдется с ляхами, то добра от этого не будет. Через людей нашей породы они на сей бок огонь вскинут».

После того как не стало на правой стороне Самуся и Искры, Палей остался там единственным борцом за козачество, приобретал еще более веса и славы в народе и казался гетману немил и опасен еще более, чем прежде. Мазепу давно уже обвиняли в наклонности отдать Украину Польше; и теперь еще (в конце 1703 года) прислан был в Батурин из Москвы человек, явившийся с доносом на гетмана, будто он сносится со сторонниками шведского короля в Польше; но царь не верил никаким доносителям и прямо отсылал их к гетману. Теперь Мазепа, в свою очередь, употреблял перед правительством такое орудие и обвинял в подобной наклонности к польской стороне тех, кого в данное время невзлюбивал. И вот относительно Палея он указывал, что этот человек своим влиянием может склонить малороссийский народ на польскую сторону. «Поляки, — писал Мазепа, — хотят выбрать себе в короли сына Собеского и начать войну с Россиею. Наш народ глуп и непостоянен; он как раз прельстится: он не знает польского поведения, не рассудит о своем упадке и о вечной утрате отчизны, особенно когда будут производить смуту запорожцы. Пусть великий государь не слишком дает веру малороссийскому народу, пусть изволит, не отлагая, прислать в Украину доброе войско из солдат храбрых и обученных, чтоб дер-

жать народ малороссийский в послушании и верном подданстве. Нужно, однако, с нашим народом обращаться человеколюбиво и ласково, потому что если такой свободолюбивый, но простой народ озлобить, то уже потом трудно будет суровостью приводить его к верности. Я, гетман и кавалер, хочу служить верно до конца живота моего его царскому пресветлому величеству, как обещал перед святым Евангелием, и непрестанно пекусь о содержании Украины без поколебания, но имею о том сердечную печаль, что поляки, как есть неистовые, неправдивые и злостные люди, меня, гетмана, во весь свет поносят, а паче всего пред царским престолом злословят и нарекают на меня неудобноносимые дела». В то же время гетман взводил подозрение в измене на стародубского полковника Миклашевского, в том, будто он вел тайные сношения с литовским паном Коцелом и последний сообщал Миклашевскому, что если у поляков состоится мир со шведами, то поляки приблизятся к границам Московской державы и заставят царя уступить Польше Украину; тогда украинская вольность будет такова же, какова польская и литовская: сколько сенаторов из Короны и Литвы, столько же будет и из Украины, и все козаки вольностью и шляхетским достоинством одарены будут. Миклашевский, преданный войсковому суду, отрицал, чтобы слышал подобные внушения, но за самовольные сношения с Коцелом без ведома гетмана был отставлен от полковничьего уряда, однако вскоре обратно получил его, примирившись с гетманом. Трудно решить, в какой степени был виноват Миклашевский, но надобно принимать во внимание то, что малороссийских старшин соблазняла не совсем еще забытая, хотя и неудавшаяся попытка Выговского образовать из Украины автономное политическое тело под единою федеративною властью с Польшею. Гетман Мазепа в душе более чем все старшины сочувствовал этой мысли, но по обстоятельствам не находил еще современным и удобным для своих выгод показывать такое сочувствие, а потому и выдал Миклашевского.

Но с Миклашевским гетман мог помириться, а с Палеем ни за что, потому что Палей был в народе руководителем совершенно иного стремления, такого, при котором не было места какому бы то ни было соединению с Польшею. Мазепа в конце марта 1704 года писал Головину, что необходимо выманить Палея из Белой Церкви и, заковавши, отправить в Батурин, иначе малороссийскому краю угрожает большое зло и поляки чрез Палея найдут себе опору в малороссийском народе для исполнения своих злых замыслов.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Участие малороссиян в Северной войне в ее первые годы. — Дьяк Борис Михайлов у гетмана. — Советы Мазепы. — Первые посылки козаков в Ливонию и Ингрию. — Участие козаков в Эрестферской битве. — Успехи шведского короля в Польше. — Взятие Быхова козаками. — Милости царя к гетману. — Волнения в Запорожье. — Поход гетмана на правую сторону Днепра. — Мирович и Апостол с козаками в Польше. — Дело с Палеем. — Арестование Палея. — Возвращение Мазепы с войском назад. — Судьба отправленных в Польшу козацких отрядов. — Ссылка Палея в Сибирь.

11 ноября 1699 года в селе Преображенском под Москвою происходили чрез полномочных первые тайные переговоры между царем и королем польским против Швеции. Настроенный ливонским изменником шведского короля Паткулем, король Август затевал отнять у Швеции Ливонию, некогда принадлежавшую польской Речи Посполитой и уступленную Швеции по Оливскому договору. Август обязывался стараться склонить к этой войне чины Речи Посполитой, а сам Петр обещал давать ему вспоможение войском.

Военные действия открылись в 1700 году польским королем в Ливонии. Тогда от царя дан был указ малороссийскому гетману послать в Ливонию козаков в помощь польскому королю. Гетман собрал отряд из охотников и назначил над ним наказным гетманом полтавского полковника Искру. Едва только снаряжена была эта посылка, как является новый царский указ — идти гетману самому с 10 000 козаков. Не успел гетман выступить, как в августе пришел новый указ — не ходить вовсе. Когда по этому указу гетман распустил собиравшееся войско на домашние работы, вдруг приходит иной указ: отправить наскоро 12000 козаков. «Мне бы, — написал тогда гетман Головину, — хотелось самому лично служить великому государю и туда нести свою голову, где его величество обретается: тогда и войско при гетмане было бы стройнее и в случаях военных козаки показали бы более отваги; но пусть будет так, как творит премудрая и превысокорассмот-

рительная монаршая воля. Где его царскому величеству угодно будет меня держать, там нехай¹ и буду».

Над посланным отрядом наказным назначен был племянник Мазепы Обидовский (сын сестры его от первого ее брака): в отряде было по 4000 нежинцев и черниговцев, по 1000 киевцев и стародубчан и четыре охотных полка. Прибывши во Псков, Обидовский с частью своих козаков поспешил к Нарве, где должна была происходить битва. Но там дело было уже покончено: пораженное шведами русское войско разбежалось. Обидовский вернулся во Псков, не видевши неприятеля, и в феврале 1701 года скончался. Начальство над отрядом принял киевский полковник Мокиевский. Полковники, оставшись без Обидовского, ссорились и ругались между собою, доносили своему гетману на Мокиевского, Мокиевский доносил на прочих, пока, наконец, их отпустили, указавши заменить другим отрядом.

Первые высылки козаков на севере не обошлись без жалоб на тягости и всякого рода лишения; в особенности роптали те, которые были высланы в отряде Искры. От дурной осенней погоды и от недостатка продовольствия и конского корма многие убегали самовольно домой, направляясь через польские владения. Хотя за это гетман подвергал их тюремному заключению, однако должен был в письмах своих к Головину заметить, что невозможно так насиловать людей: одни вернулись без лошадей, у других лошади едва ползут и многие козаки остались без одежды и без обуви. Козаки, бывшие с Обидовским, по возвращении в Украину жаловались, как гетман выражался, «хоть не в очи, так за очи», что великороссияне во псковской земле их стесняли и обижали, когда они ездили по волостям за фуражом, били их и сорок человек пометали в воду. Эти козаки, возвращаясь домой, встретили на дороге посланный гетманом на смену им другой козацкий отряд в 7000, под наказным гетманством гадяцкого полковника Боруховича, и рассказали своим землякам, что с ними делалось в Московщине; те, испугавшись, задумали воротаться назад, но гетман послал к ним нарочного сказать, что если они самовольно воротятся, то он прикажет их вешать. Отряд Боруховича ничего не сделал замечательного.

В феврале 1701 года царь Петр виделся с королем Августом в Биржах², и после несколько дней, проведенных в пирушках, оба государя заключили формальный союз. Петр обещал Августу 15 000 войска в помощь, обязываясь устроить на свой счет магазины для его продовольствия и сверх того в придачу 100 000 рублей. Будущие завоевания были заранее поделены союзниками:

¹ Пусть.

² Ныне местечко Ковенской губернии Поневежского уезда при р. Опоче.

Петр себе брал Ингрию и Карелию, Августу и Речи Посполитой уступали Остзейский край. Польские паны, бывшие на этом совещании, требовали еще от России уступки права на Правобережную Украину. Петр по этому вопросу отправил дьяка Бориса Михайлова к Мазепе.

Когда, приехавши в апреле в Батурин, этот дьяк сообщил гетману условия, каких требовали поляки, гетман благодарил царя за доверие к себе, потом, прочитавши присланные польские условия, сказал:

«Поляки требуют отдачи им Трехтемирова, Стаек и Триполья, — это можно им уступить, лишь бы они, прежде отдачи им этих мест, подтвердили договор, а чтобы позволить им, как они хотят, населять Чигиринщину и другие места в Правобережной Украине, того никак нельзя, потому что тогда с левого берега будут люди переходить на житье на правый берег, и в единое лето заселится все днепровское побережье; поляки учнут его называть своим, и оттого, по такой близости, будут происходить ссоры. Запорожцы будут склонны к правой стороне, и мне, гетману, будут отдавать послушание разве только по крайней неволе. И так от правобережных жителей и от запорожцев будет нам происходить всегдашнее беспокойство. Просят поляки уступить им несколько сел Стародубском полку: и этого нельзя, оттого что Стародубский полк делится от польских владений рекою Сожью. Немалое число ратных людей и казны обещает государь полякам, но какое будет вспоможение с польской стороны? Не чаю я от поляков добра: и прежде брали они царскую казну, а по договору не поступали, да еще твердили, будто мир заключил без их воли сам король, а не Речь Посполитая. Противно договору они многие православные церкви обратили в унию и в прошлом году соборную львовскую церковь отдали унитам. Вызвал король в прошлом году нашего великого государя на войну под Ругодив (Нарву), а сам прочь отступил. С поляками дружить опасно. Наши кроникары¹ пишут: пока свет стоит светом, поляк русину не будет братом. И доньне так исполняется! Уж коли с ними договор чинить, так с их первейшими сенаторами, арцыбискупом гнезненским и великим коронным гетманом Любомирским, которые у них все дела ведают и за Днепром у них есть вотчины».

Дьяк Борис Михайлов сказал:

«Великий государь о всяких принадлежностях, что належат² к малороссийскому краю, без совета своего верного подданного гетмана и кавалера ничего чинить не изволит, и для того обнадежения я, Борис, сюда и прислан нарочно».

¹ Хронографы, летописцы.

² Здесь — относятся.

Вскоре после этого свидания гетман получил указ идти на войну самому. Он выступил и, добравшись до реки Сожи, там остановился, дожидаясь своих полковников к сбору. Но 26 июня он получил иной указ — воротиться и послать отряд козаков. Гетман выслал пять полков под наказным начальством миргородского полковника Апостола, приказавши раздать козакам «чехами»¹ на годовую службу и на месячные кормы. Эти малороссийские козаки участвовали в сражении при Эрестферской мызе, где был разбит шведский генерал Шлиппенбах. Донося своему гетману об этой победе, полковники жаловались, что великороссияне отнимали у малороссиян военную добычу и обращались с ними с пренебрежением. «Едва ли, — замечали полковники, — кто вперед из наших, услышавши от товарищей о таком добродетельстве, захочет идти в эту царскую службу, разве с понуждением и насилием». Вот уже вторая подобная жалоба, показывавшая, как неладно было малороссиянам с великороссийскими войсками. Козаки эти были отпущены в январе следующего 1702 года, но «козацкое посольство», т. е. рядовые козаки, уходило к шведам. По этому поводу царская грамота к козакам гласила так: «Нам, великому государю, слышать о том прискорбно, однако ж мы вас, атаманов и козаков, и все посольство увещиваем, дабы вы, припоминая Бога и крестное наше целование и службы ваших предков и отечество свое, возвратились в дома свои без всякого сомнения, а наша великого государя милость никогда от вас отъемлема не будет. Кто же сию милость презрит и по-прежнему в дом свой не возвратится, и те лишены будут нашей царской милости и восприимут смертную казнь, и отчество их и наследие в вечном проклятии да пребудут».

Видно, что недовольные дурным обращением великороссиян малороссияне, бывшие тогда в походе, не сознавали преступления в том, чтобы идти служить царским врагам. Вернувшись в Малороссию, козаки кричали: «Что наш гетман? Вон в Москву ездит да милости получает, кавалерию ему дали, а о нас не радит, что мы на царской службе разоряемся! Коли так и вперед будет, так мы лучше пойдем польскому королю служить».

Сам гетман Мазепа был тогда в большой милости у государя, съездил в Москву и там получил милости как себе, так и тем, за кого ходатайствовал.

В 1702 году в Польше совершились крупные события. Уничтоживши саксонское войско короля Августа под Ригою, Карл XII вступил в пределы Речи Посполитой. Вскоре Варшава была у него во власти. Польские паны один за другим стали переходить на его сторону. В июне, после Клишинской победы над саксонским вой-

¹ Старинное название монет. Здесь — деньгами русской чеканки.

ском, Карл овладел Краковом. Здесь дела несколько перевернулись. Карл, засевши в Кракове, расположил свое войско в Тарновских горах: шведы озлобили поляков поборами с жителей и неуважением к костелам. Сторона короля Августа стала подниматься. Преданные ему поляки составили в Сендомире конфедерацию и взаимно присягнули стоять за своего короля. Тем, которые пристанут к врагу, конфедерация угрожала смертною казнию. Польское кварцянское войско было также еще за короля Августа. 29 августа король Август был снова в Варшаве с 24 000 войска саксонского¹, а Карл¹ с 30 000 своего войска стоял в Кракове. В это время православные люди, бывшие в Польше, сообщали в Малороссию, что у польских панов сенаторов идет речь о том, как бы примирить короля польского со шведским и обратить их оружие на Москву с тем, чтобы возвратить Польше Украину.

Между тем царь 27 июля дал Мазепе указ отправить козаков к литовским городам Быхову и Могилеву, чтобы не допускать шведской партии полякам укрепиться в этих городах. Быхов уже осаждал верный королю Августу староста мозырский Халецкий, стараясь добыть засевших там поляков партии Сапег, так называемых сапежинцев, приставших к шведскому королю. По распоряжению гетмана Мазепы прибыл туда отряд козаков в 12 000 под наказным гетманством стародубского полковника Миклашевского.

Дело под Быховом пошло для русской стороны удачно. Осаждавших козаков и поляков партии Августа было 18000 с сотнею пушек; в Быхове — 4000 гарнизона из сапежинцев, 150 запорожцев-перебежчиков и до полуторы тысячи разного сброду. Осаждавшие стали палить в крепость. Комендант Биздюкевич был ранен кирпичом, раздробленным козацким ядром, и 12 октября послал объявить, что сдается, только не полякам, а русскому царю. Затем подписали договор о сдаче крепости: комендант, старобыховский губернатор, поставленный владельцем города Сапегою, некоторые лица из рыцарства и еврейский кагал. Тотчас Халецкий ввел туда королевских драгун, а быховский гарнизон должен был присягнуть королю Августу и идти в Могилев. Всем объявлялась амнистия и ненарушимость прав, дарованных городу его владельцами Сапегами.

По возвращении Миклашевского от Быхова гетман казался недоволен Миклашевским за то, что он допустил Халецкому взять Быхов на королевское имя, тогда как осажденные сдались на имя царское, а не на королевское. Мазепа хотел было казнить смертью запорожцев, служивших Сапегам, взятых в Быхове и теперь приведенных в Батурин; но бывшие при взятии Быхова полковники

¹ Саксонское войско было в Польше в то время потому, что король польский Август был наследственный владетель Саксонии.

упросили гетмана пощадить виновных, потому что сами они ранее поклялись душами своими, что преступникам окажется милость.

Зимой с 1702 на 1703 год гетман снова ездил в Москву и воротился с новыми пожалованиями; он получил Крупецкую волость со всеми принадлежащими к ней селами и деревнями, ему надарили соболей, бархатов, вина и прочего. Польский король во внимание к услугам, оказанным малороссийским войском, прислал Мазепе орден Белого Орла.

В следующий за тем 1703 год мы почти не видим участия козачков в войне на севере; известно только, что запорожцы находились на устье Невы и жаловались, что им не дают ни круп, ни сухарей, а заставляют жить на одном хлебе, да и того дают только половину против положенного. Вернувшись на Запорожье, эти сечевики своими рассказами настраивали товарищей против великорусской власти. Разгорелось волнение, возбуждаемое заклятым врагом москалей Костею Гордеенком, бывшим тогда в звании кошевого атамана. Возмутительный дух разносился по Украине отчасти запорожцами, которые каждый год от Сырной недели до Пасхи, по давнему обычаю, посещали своих свойственников в Украине, отчасти малороссийскими торговцами, проживавшими по временам в Сече по своим торговым делам. В Гетманщине народное негодование возбуждалось и подогревалось своевольствами, которые не переставали показывать ратные царские люди. «Купы» (шайки) удальцов стали бегать в запорожские степи, и гетман нашел необходимым, с целью не допускать народ до побегов, обставить, как он выражался, охотными полками весь рубеж гетманского регимента. В Запорожье, где увеличивалось число беглецов, загоралось желание идти в Украину и расправляться там с москалями, панами и арендаторами. В особенности бегство в Сечу происходило из Полтавского полка. Гетман по этому поводу отставил полтавского полковника Искру и счел нужным заметить в своем донесении в приказ, что вообще у всего малороссийского народа «зело отпадает сердце к великому государю». Это тревожное положение не разразилось, однако, никаким всеобщим волнением в народе и не прервало участия козачков в царской войне со Швециею.

С 1704 года царь Петр нашел удобнее посылать малороссию против шведов не на север, а в польские области в качестве вспомогательных военных сил своему союзнику королю Августу II, и с этою целью указано было гетману держать в Польше своего резидента, а с коронными гетманами вести «любительную корреспонденцию».

В апреле по царскому указу Мазепа должен был со всем своим войском, переправившись через Днепр у Киева, вступить за рубеж польских владений и чинить промысел над нерасположенными к королю Августу панами, нещадно опустошая огнем и мечом их

маетности. Мазепа шел уже со скрытым намерением схватить Палея и в своих донесениях в приказ постоянно сообщал, на основании показаний какого-то беглого канцеляриста из Белой Церкви, что Палей беспрестанно сносится с Любомирскими, которые решительно уже пристали к шведам. Между тем, отклоняя Палея от всякого против себя подозрения, он приглашал его к себе на соединение с своими полчанами и спрашивал, как знатока местных путей: куда идет лучше тракт в Польшу — через Подоль или через Вольты?

В самой Речи Посполитой дела для короля Августа пошли плохо. Паны уже перестали между собою толковать о примирении двух королей во вред России, но прямо один за другим отступали к шведской стороне и приходили к согласному отрешению короля Августа от престола и к выбору иного короля. Август, подозревая, что выбор их остановится на ком-нибудь из сыновей покойного короля Яна Собеского, приказал арестовать и отправить в Саксонию двух братьев Собеских, Якова и Константина. Это, как показали последствия, не спасло Августа от конкурентов.

Гетман Мазепа в мае стоял обозом близ могилы Перепетыхи¹, ожидая прибытия козацких полков, которым приказал спешить. Отсюда по желанию короля Августа, сообщенному царским резидентом в Варшаве, гетман отправил в Польшу 3000 козаков с миргородским полковником Данилом Апостолом, а четвертую тысячу поручил комиссариусу князю Дмитрию Михайловичу Голицыну², который шел с великорусскими военными силами туда же в помощь королю Августу.

15 июня Мазепа с войском стоял под Паволочью на шляху Гончарихе. Сюда прибыл к нему Палей со своими полчанами, не подозревая никаких козней, и расположился особым обозом рядом с обозом гетмана. Мазепа у себя в обозе принимал Палея очень радушно и угощал. По этому поводу гетман писал к Головину: «Вот уже наступила четвертая неделя, как Палей находится при мне (при боку моем гетманском). Он беспрестанно пьян, и день и ночь, не видал я его трезвым. Я стараюсь обратить его против Любомирских и предлагал ему дать своих козаков для усиления его полчан, но он, насыщенный духом Любомирских, все только отговаривается то болезнью, то другими предложениями». Между тем Любомирский, владелец Полонного, написал гетману Мазепе, что удивляется — зачем это гетман с козацкими силами вступил в черту владений Речи Посполитой. Сам он, Любомирский, стоит с войском не с дурным каким умыслом против короля Августа, а для того, чтобы оберегать край от мужицких бунтов,

¹ Языческое гробовище Сквирского уезда, раскопанное в 1846 году.

² Киевский губернатор.

и просил гетмана оказывать покровительство его маетностям. С тех пор все лето стоял Мазепа у Паволочи, переписывался с Головиным и сообщал ему разные доводы измены Палея и связи его с врагами. Гетман писал, что приезжал к нему Самусь, говорил, что Палей ничего доброго не желает ни царю Петру, ни королю Августу, что Палей собирал раду в Кошеватой¹ и произносил такие речи, которые показывали худой умысел против Мазепы и его войска. Гетман писал, что приезжал к нему из Дубна польский полковник Барановский и жаловался, что палеевские «гультаи» разоряют маетности панов, верных королю Августу, наконец, прислал Мазепе письмо Иосиф Потоцкий, киевский воевода. «За два года назад, — писал он, — с подущения Палея свирепствовало хлопство над своими панами по всему Поднестрью, а Палей оглашал, будто вероломные варварские поступки совершаются во имя царя и с согласия гетмана Войска Запорожского. Ныне, обращаясь как пес на свою блевотину, взялся Палей за то же: по его наущению своевольная шайка замучила моего сотника Алексея, мятежники овладели Немировом и разграбили». Приезжали к Мазепе губернаторы разных маетностей и коменданты городов, убежавшие от «гультаев»; они извещали о разных шайках, бродивших по краю. Единомышленник Палеев Шпак из Умани составил ватагу и делал разорения около Днестра, ссылаясь на то, будто это творится с согласия царя и гетмана войска запорожского. Другой предводитель ватаги в том же крае был сотник Палеева полка Назуленко; третий — запорожец из Сечи, Корсун; четвертый — в окрестностях Каменца — Ворона. Все они называли себя царскими полковниками. Приезжавшие к Мазепе губернаторы представляли ему, что все зло этих бунтов идет от Палея, наконец и сам король Август написал к Мазепе, жалуясь, что разбои чинятся над шляхетством около Буга и Днестра по наущению Палея.

Мазепа 10 июля пригласил Палея в свой обоз и сообщил ему о жалобах, возникших на него. Палей отвечал: «Я своим полчанам запретил обижать поляков; но не все меня слушают; иной самовольно своим путем идет. Что же мне делать! На то они люди войсковые. Они смотрят на то, как ведут себя ляхи с их королем. Вот как я услышу о добром поведении короля и ляхов, то и смирю гультаев: полны будут виселицы!» Гетман сказал Палею, чтобы он, по желанию царскому, ехал в Москву. «Незачем мне туда ездить!» — отвечал Палей. Тогда Мазепа не отпустил Палея в его обоз, а задержал в своем обозе, однако не открывал ему об умысле отправить его насильно в Москву. «Вот уже шестой день сидит Палей у меня в обозе, — писал Мазепа Головину, — он

¹ Ныне местечко Таращанского уезда на р. Роси.

беспросыпно пьян, кажется, уже пропил последний ум, какой у него оставался! Это человек без совести, и гультайство у себя держит такое же, каков сам: не знают они над собою ни царской, ни королевской власти и всегда только к грабёжам и разбоям рвутся. Сам Палей даже не помнит, что говорит: я предложил ему ехать в Москву, — он отказался; я через несколько дней стал упрекать его за это, а он мне сказал, что ничего не помнит, потому что был тогда пьян». Но, сидя в гетманском обозе, если только верить донесению Мазепы, Палей внушал мятежнические замыслы четырем сотникам Полтавского полка, говоря: «Добра не буде, поки вы не збудете ваших панив и орандарив». Сотники сами передали это гетману.

В конце июля Мазепа передвинул свой обоз к Бердичеву, а 1 августа приказал взять Палея под караул и тотчас отправил в Белую Церковь извещение, что, отдаливши по известным ему причинам (для певных причин) Палея от полковничества, вручает этот уряд Михайлу Омельченку, обязывая послушанием к нему всех подчиненных Палею полчан.

Большая часть полчан палеевых не находилась тогда с ним близ козацкого стана, следовательно, не могла противодействовать гетманским распоряжениям, а те, которые были с Палеем, не могли, по своему малолюдству в сравнении с козацким войском Мазепы, защищать своего полковника. В Белой Церкви находился палеев гарнизон в несколько сот человек. Эти «гультаи», получивши приказание гетмана сдать Белую Церковь, заупрямились и кричали: «Поки батька нашего Палия не уздрим, поты не пиддамося гетманови». Но белоцерковские мещане закричали на них: «Коли вы добром не уступите, то мы вас отсюда выбьем вон, никому иному кланяться не будем, только пану гетману». Это произошло оттого, что мещане боялись присылки военной силы, если добровольно не сдадут Белой Церкви.

Гетман послал в Белую Церковь 200 человек самусевцев (т. е. бывшего самусева полка) и прибавил к ним еще 100 человек Переяславского полка, которым также велел называться самусевцами. Он между козаками распустил такой слух, будто все это сделалось с Палеем по наущению Самуся, который, досадуя, что Палей брал с Любомирских деньги, а с ним, Самусем, не поделился, заявил гетману об измене Палея с тем, чтобы в Белой Церкви были поставлены в гарнизон козаки самусевой ватаги.

Чтобы показать Палея еще более виновным перед царским правительством, Мазепа послал Головину сказку, отобранную будто бы у еврея, хвастовского орандаря¹, через посредство которого Палей вел сношения с Любомирскими. В этой сказке сообщалось,

¹ Арендатор.

что коронный подкоморий Любомирский говорил еврею так: «Пусть Палей набирает побольше войска и переманивает к себе от гетмана Мазепы сердюков и компанейцев, а когда мне придет шведский король деньги, я Палею дам из них часть. Саксонский пес посадил Собеских в тюрьму. Будем ему мстить, пока сил наших станет. Белая Церковь будет Палею отдана в вечное владение. Только пусть Палей будет всегда желателен дому Любомирских».

24 августа того же года гетман писал Головину, что он «божевильного» (безумного) пьяницу Палея отослал за караулом в Батурин вместе с его пасынком Симашком и велел держать их обоих в батуринском замке до царского указа. «Если бы, — замечал гетман, — не предостерег меня уманский сотник, то Палей в ту ночь, которая последовала за вечером, когда он был взят под караул, убежал бы в Запорожье через Межигорский монастырь, где для него уже были приготовлены челны на Днепре».

Мазепа еще из Паволочи отправил к королю Августу канцеляриста Дмитрия Максимовича с вопросом, что ему дальше делать и куда идти. 10 августа под Бердичев Максимович прибыл с ответом. Король писал, чтобы гетман послал к нему 30 000 козаков, а сам бы с остальным войском расположился близ Полонного в маетностях Любомирских в наказание владельцам за недоброжелательство к королю Августу. Но Мазепа доносил в приказ, что исполнить в точности королевской воли он не может, потому что тогда бы сам остался без военной силы. Вместо требуемых 30 000 Мазепа отправил королю только 10 000 под наказным гетманством переяславского полковника Мировича. Тогда всего козацкого войска при короле Августе, вместе с усанными прежде с миргородским полковником, было 10 000. «Мне докучает, — писал Мазепа Головину, — король Август письмами, требуя, чтоб я ради его королевских прибылей укрощал своевольство, начавшееся от Палея и его гультайства, да и шляхта Брацлавского и Подольского воеводств то и дело что приезжает ко мне с докучливыми просьбами помочь им отобрать в свое владение маетности, из которых выгнал их Палей. А ко мне между тем приезжают панские подданные и просят дозволения прогнать лядских губернаторов».

Стоянка козаков под Бердичевом сопровождалась большими лишениями и неудобствами. Привезенные с собою запасы истощились. В покупке все было дорого, да и многим козакам не за что было купить: в то время всю Малороссию одолевало безденежье, так как вывозная торговля остановилась по случаю неустойчивости в Польше, и малороссияне перестали гонять волов на продажу в Гданск и Силезию. Скудость продовольствия была тем ощутительнее, что в обозе было многолюдство. С гетманом было тысяч двадцать козаков, а кроме них были еще и великороссий-

ские ратные люди под гетманским начальством: последние были плохо одеты, плохо вооружены и плохо содержимы. Многие побуждало гетмана желать скорейшего окончания этого похода и возвращения в Украину. Молдавский господарь писал Мазепе, что, пользуясь войною, возникшею между царем и шведским королем, турки думают вступить в союз с последними, и не сегодня-завтра татары ворвутся в Украину. Получались, кроме того, вести о новых замыслах запорожцев производить смуту в народе. Опять носились обычные воззвания против «орендарей» и панов, и по донесению гетмана дан был указ киевскому воеводе в случае надобности посылать ратных людей для усмирения запорожцев, если они явятся в Украину бить богатых людей и торговцев.

24 августа гетман получил известие, что король польский ушел из королевства, а малороссийскому гетману поручал опустошать нещадно маетности Любомирских на Волыни. Гетман не приступал к исполнению королевского желания до получения о том же указа от своего государя, а только подвинулся далее на Волынь и в сентябре стал табором за Любаром. Тогда между козаками началось волнение. Стали составлять купы (кружки) и порывались домой. В день Воздвижения произошел большой шум в козацком таборе. Его подняли самусевцы и палеевцы, а к ним приставали и городовые козаки разных полков. Подходили с палками к шатрам начальных людей. Требовали вести их домой. Носились слухи, что шведский король с приставшими к нему поляками замышляет переходить на левую сторону Днепра и занять там зимние становища. Между тем почти перед глазами гетмана Мазепы волынская шляхта после успехов Карла XII в Червонной Руси объявила себя на стороне шведского короля, а потом вскоре услышавши, что дело короля Августа начинает поправляться, опять заявила охоту стоять за Августа. То же произошло и с Любомирскими: Мазепа по приказанию короля расположил козаков в маетностях Любомирских в наказание за то, что они отпали от Августа, но потом скоро получил известие, что Любомирские опять поддались королю Августу, и приказал козакам выйти из их маетностей. Все это показывало, что польское шляхетство начало колебаться то в ту, то в противную сторону, и становилось невозможным уследить: кто друг, а кто враг царскому союзнику.

Наконец царский резидент в Варшаве прислал Мазепе от имени короля польского разрешение возвратиться домой, и гетман 12 октября поворотил назад свое войско. 18 октября Мазепа был в Хвастове, а 29 прибыл в Батулин, жалуясь в своем донесении в приказ, что польский король напрасно продержал козаков без действия и без всякой пользы для своего дела.

В то время, когда Мазепа с войском совершал свой поход на Волынь и обратно, посланные на помощь польскому королю пол-

ковники Минович и Апостол так исправляли возложенные на них поручения. Минович был свидетелем взятия Львова Карлом XII. По донесению козацкого полковника, это событие произошло 26 августа оттого, что львовский комендант Каминский тайно мирволил шведам и впустил их ночью в город через потайную калитку. По описанию шведского историка Нордберга, Каминский после взятия города скрывался и уже на другой день добровольно явился и сдался шведам. Прикомандированный к коронному референдарю¹ Ревускому Минович с козаками отступил перед напором шведов к Бродам и увидел, что поляки более неприязненно относятся к козакам, чем к самим шведам. Многие из поляков, видя торжество противной партии, стали разъезжаться по своим домам, «а нас, козаков, — писал Минович, — ведут в осеннее время по болотам и на стоянках за связку сена бьют». Миргородский полковник Апостол был прикомандирован к генералу Брандту, вместе с ним счастливо выдержал сражение против шведского отряда майора Лейонгельма: шведы в числе 760 человек были разбиты. «Большую часть их, — говорит Апостол, — мы перекололи», а 300 человек приведены были пленными к королю Августу. По известию Нордберга, эти шведы сдались военнопленными, Брандт принял их ласково, а козаки, которых с Брандтом было до трех тысяч, отобрали у шведов оружие и, сперва обещавши им жизнь, потом варварски их перекололи. Вслед за поражением Лейонгельма сдался в Варшаве шведский генерал Горн: козаки участвовали в этом важном деле.

Козаки, бывшие с миргородским полковником, были очень довольны обращением с ними генерала Брандта. Апостол в своем донесении гетману называл его «человеком правдивой совести: либо и жить и умирать с ним, можно с ним разговаривать без толмача, и если б не он, то мы бы не знали, как с этими немцами обходиться, не умея говорить с ними». Но не так отнеслись козаки к Паткулю, под команду которого потом поступили. Это был, по словам Апостола, человек «гордомысленный», не говорил иначе как по-немецки, и кругом него были все немцы, обращавшиеся с козаками презрительно. Паткуль даже не считал нужным показать им царский указ, по которому должен был ими командовать. Козаки износили свои одежды, терпели голод, им не давали провианта, а приказывали самим для себя молотить снопы, молоть зерно и печь хлеб. Паткуль этим не ограничился. Он вздумал обучать козаков немецкому строю с мушкетами, а тех, которые не могли скоро навькнуть, велел бить жестоко и грозил виселицею. Чуть какой козак выпатится из строя, его тотчас приказывают бить, не обращая внимания, хотя бы он был в числе полковых старшин.

¹ Должностному лицу.

В Познани, где стояли козаки и обучались немецкому строю, козацкий сотник Родзянка заметил: «Разве когда полгода поучатся, тогда обучатся!» Это сочтено было дерзостью: Паткуль хотел казнить Родзянку смертью и помиловал только после усиленных просьб за него всех козаков. В Познани, наконец, обступили козаков кругом 2000 саксонской конницы и 2000 пехоты, прежде всех старшин взяли под караул, потом из обоза приехали Паткуль с Брандтом и приказали немцам побрать у козаков для себя лучших лошадей, а прочих лошадей неизвестно куда дели, и козаки остались пешими. Это печальное событие сообщено было полковнику переяславскому, который вместе с референдарием Ревуским шел к Варшаве по пути от Львова. «Как скоро наше товариство, — сообщал Мирович гетману, — услышало о том, как обходятся немцы с их братисю козаками, так и в мысли ни у кого не стало, чтоб идти далее за Вислу». И от польских жолнеров, с которыми принуждены были совершать поход, козаки Мировича много терпелись. «Поляки бесчестят наших людей, — писал Мирович, — хлопами и свинопасами называют, плашмя саблями бьют, заспоровивши за какую-нибудь связку сена или за поросенка. Никто из наших доброго слова от ляхов не услышит, кричат на нас: в наших есте руках, нога ваша не уйдет отсюда, всех вас тут вырубим!» Под Тыкоцином 20 октября Мирович с козаками отстал от референдария, взял путь к Бугу, мимо Люблина, и отпустил козаков для лучшего прокормления на Полесье, тем более что носились слухи о моровом поветрии во Львове, в Белом Камени, в Бродах и Кременце. Козаки, бывшие у миргородского полковника, лишившись лошадей, отобранных у них немцами, шли пешком к Кракову, недалеко Велюна наткнулись на шведов и на поляков шведской стороны, принуждены были вступить с ними в бой, и были разбиты. Их погибло там 1700 человек, осталось всего 80, которые прибыли в Украину с двумя сотниками полков Нежинского и Прилуцкого.

Полковники Мирович и Апостол воротились в ноябре, отговариваясь и холодом и голодом. В царском указе о них 20 декабря сказано, что хотя оба они достойны казни за распускание козаков и за самовольный уход со службы, но царь, по ходатайству гетмана, простил их вины.

Палей сидел в батурином замке до первых месяцев 1705 года. Его имущество было описано, и опись послана в Москву. У него найдено до 2000 червонцев, кроме дукачей, бывших по украинскому обычаю на женских коралловых монистах; 5274 талера найдено сокрытыми в земле, так как в те времена земля была обычною сохранною казною, предохранявшею капиталы от неприятелей и разбойников. Кроме того, сумма 15 000 чехов числилась розданной в долг разным лицам. Серебряная посуда, со-

ставлявшая в то время обычную роскошь козацких старшин, не представляла у Палея большого изобилия, по крайней мере, если сравнивать с богатствами этого рода, найденными у Самойловича после его низложения: всего посудного серебра у Палея было весом 5 пудов 39 фунтов. Зато у Палея было немало дорогого, богато оправленного оружия и одежд мужских и женских, бархатных луданных¹, златоглавных² и проч. Его бывший фактор иудей и его родственник Омельченко (заявлявший полковническую должность) показывали, однако, что Палей зарыл еще в земле большой клад, но не знали где. Гетман без царского указа не смел по этому поводу подвергать Палея и жену его пыткам, хотя этого ему хотелось.

В начале 1705 года Мазепа, будучи в Москве, лично представлял царю, что Палея оставлять в Украине не годится, а следует отправить его в Великую Россию, но и в столице не держать долгое время и определить ему место ссылки где-нибудь подальше. Палей был доставлен вместе с своим пасынком Симашком в Москву в марте 1705 года. Сначала указом 30 мая велено было сослать Палея в Енисейск и держать там до кончины живота. Но по этому указу он почему-то отправлен не был, а 30 июля состоялся другой указ, которым приказывалось везти Палея до Верхотурья в три подводы в сопровождении десяти солдат, оттуда препроводить в Тобольск, а из Тобольска в Томск, где положено было содержать его постоянно.

Народная память создала о пребывании Палея в Сибири поэтический образ такого рода: Палей собирается идти молиться Богу; его верный «чура»³ натягивает на него серую свиту и дает в руки еловую ветвь. Он идет к часовне и не знает, молиться ли ему Богу или тосковать. Воротившись из часовни, он берет «бандуру» и поет песню, в которой выражает и свое горе, и современную народную философию: «Горе жить в свете: один, запродавши свою душу, вышивает себе золотом одежды; другой, как в диком лесу, слоняется в Сибири». Ясно, что здесь судьба Палея противопоставляется судьбе Мазепы, погубившего его и продолжавшего жить в роскоши и изобилии.

¹ Разновидность камки.

² Ткань златотканная.

³ Слуга, раб (*татар.*).

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Милость царя к гетману. — Поездка гетмана в Москву. — Недоверие к полякам. — Казнь сотника Мандрики. — Дело о размежевании границ Турции. — Запорожье в этом вопросе. — Новый поход Мазепы с войском в Польшу. — Новый король в Польше. — Неудовольствие польских панов. — Подчинение Замостья. — Возвращение козачков на Волынь. — Мазепа в Дубно. — Полковник Горленко. — Оскорбления, наносимые великороссиянами малороссиянам. — Крестины в Белой Кринице. — Княгиня Дольская. — Первое искушение.

Во все предшествовавшие годы ни на волос не нарушались самые лучшие отношения Мазепы к царю. Между гетманом и царем происходили частые обмены подарков как между близкими друзьями; один другому посылали на гостинец произведения, составлявшие для получающего редкость. Например, Мазепа отправлял Петру в Москву к царскому столу своей охоты дичь, лосей и серн, также из малороссийских садов дуль¹, яблок, вишен и щеп разных плодовых деревьев, а царь Мазепе, вместе с разными гостинцами, присылал произведения северной природы, например, живую рыбу из Невы и Ладожского озера. В начале 1705 года гетман снова был принят в Москве, по собственным его словам, «с великим уcontentованем», и описание приема, сделанного ему в этом году, показывает, как высоко ценили тогда гетмана. С самого Нового года начали по царскому указу готовить кормы для лошадей Мазепы, а для его свиты — вина и съестные припасы. Мазепа въехал в столицу 17 января, вместе с генеральным асаулом Скоропадским и с пятью знатными войсковыми товарищами; за ним прибыла многолюдная свита, состоявшая из слуг и челядников, на двухстах подводках; всем каждодневно отпускались в изобилии столовые запасы и напитки в размере, соответствующем достоинству гостей. Во время бытности царя в своей столице гетман был много раз приглашаем к государю на пиры

¹ Груш.

и вместе с тем на беседы о текущих делах. Тогда предположено было повторить на весну поход в Польшу на помощь партии короля Августа. Но Мазепа встретил тогда в Москве вообще недоверие к Польше, с которою Московское государство находилось в союзе против шведов. Мазепа не только не уничтожил такого недоверия, а еще поддерживал. «А что если бы поляки показали нам вражду, — не ссыкался ли бы у них новый Палей, который был бы нам тогда полезен?» — спрашивал Мазепу Головин, давая тем гетману понять, что на случай признают бесполезным и того Палея, которого гетман домогался заслать подальше и бесповоротнее. «Для поляков, — отвечал Мазепа, — всякий козак есть Палей, но правобережные козаки без левобережных ничего с ляхами не сделают! В городках они могут еще кое-как обороняться, а в поле отпора не дадут. Да их теперь там и немного: козачества всего 4700 человек при 8200 душах всего населения мужского пола. Нам и на нашей стороне надобно остерегаться лядского нападения. Ляхи нас не терпят, и войска польские, стоя на зимовых квартирах, где только встретят малороссиян из Гетманщины,бирают их, называют изменниками и бьют».

По возвращении гетмана в Украину царь оказал Мазепе новый знак своего доверия, приказавши казнить смертью Мандрику, сотника кобецкой сотни Киевского полка, за дерзкие слова о Мазепе.

К гетману начали присылать польские паны Любомирский и Шембек приглашения оказать помощь войсками своего регимента для приведения русских подданных в послушание панам. Гетман отговаривался неимением на то царского указа, а присланному по этому делу пану Радзиевскому говорил так: «Люди тамошние быть под властью вашей не хотят, говорят, что им лучше быть под бусурманами, чем под ляхами, да не только под бусурманами, а хоть бы и под самым Люцыпером... особенно после того, как два года тому назад польный коронный гетман истреблял их старых и малых около Буга и Днестра. Нам приневоливать их трудно, а вот когда король Август воротится в Польшу и вся Речь Посполитая будет с ним в единомыслии, тогда, быть может, его царское величество, ради любви и приязни к королю, и найдет какой-нибудь способ устроить так, чтобы Украина Правобережная стала спокойна под польскую властью».

Весною гетман получил указ идти с войском на Волынь, а в мае пришел другой указ, которым предписывалось ему идти налегке, без тяжелой артиллерии к Бресту; в июне же прислан третий указ идти самому к Сендомиру, а в Литву отправить козацкий отряд для соединения с великороссийскими военными силами. Тогда гетман отправил в Литву отряд сборного козацкого товариства, по одному известию в 3000, по другому же — 4500 человек, назначив над этим отрядом наказным гетманом прилуц-

кого полковника Дмитрия Горленка и давши ему запасов на полгода. Затем с Мазепою войска, готового к походу, было 40 000 городских козаков и охотных пеших и конных полков. С ним должны были разом идти три великороссийских полка севского разряда.

Отправляясь на войну, гетман принимал участие в комиссии о проведении рубежей между царскими и турецкими владениями. Ведение этого дела возложено было царем на дьяка Емельяна Украинцева, но в июне гетман писал к Меншикову, что запорожцы противодействуют порубежному делу, домогаясь, чтобы граница была на Буге и Днепр оставался бы в их власти. Такие требования выражались смелым и дерзким тоном в письмах кошевого атамана Гордеенка к дьяку Украинцеву и к гетману, и Мазепа, испытавши, как он выражался, что увещания гетманские пристают к запорожцам как горох к стене, отправил на границу к югу несколько сотен Нежинского полка, приказавши по требованию Украинцева укрощать оружием упрямство и своевольство «тых псов запорожцев». Московское правительство, однако, обошлось тогда ласково с запорожцами, послало им милостивую грамоту, в которой прощались им все вины, указывало им содействовать порубежной комиссии, жить в согласии с великороссийскими людьми и казнить промежду себя противников, дерзающих производить беспорядки. Эта порубежная комиссия, на которую с козацкой стороны гетманом был послан войсковой товарищ Максимович, не пришла к желанному концу. Турецкие комиссары выставляли с своей стороны разные претензии, а русские домогались, чтобы турки на кизикерменской и таванской земле не возобновляли крепостей, по крайней мере, до окончания войны царя со шведами.

Гетман выступил 18 июня. Дошедши до Паволочи, он отправил вперед Самуся и Искру, приказавши им опустошать по-козацки подольские маетности Потоцкого и винницкое староство, находившееся тогда во владении Лещинского, выбираемого шведской партией в короли. Впрочем, гетман велел только уничтожать панских губернаторов, а посольству не делать никакого разорения, чтобы можно было потешить войско добычею. В первой половине июля Мазепа с войском вступил на Волынь: тамошнее шляхетство прислало к нему депутацию и просило обойти мимо их воеводство, потому что все обыватели его верны королю Августу. Они указывали на воеводства Подольское и Русское, где находились маетности панов, приставших к шведской стороне. Сообщая об этом в приказ, Мазепа изъявлял мало доверия к искренности и постоянству поляков, хотя бы и таких, которые выдавали себя неизменными приверженцами короля Августа. Он опасался, чтобы даже самые гетманы польские не задумали, изменивши внезапно королю Августу, заступить путь козацкому войску. Мало надеялся

Мазепа и на самих своих козаков и вспоминал события давних времен, когда козаки выдавали голову ляхам своих предводителей.

Мазепа с своим войском с 13 июля по 4 августа стоял табором на берегу реки Случи близ Старого Константинова. Все панские губернаторы и евреи разбежались, остались на своих местах одни православные, народ бедный. Мазепа приказал своим козакам скопить весь хлеб на корню, а остальной вытоптать лошадьми в маетностях Потоцкого и других панов шведской партии и наложил на жителей контрибуцию в пользу своего войска.

Во время стоянки под Старым Константиновом посещал гетмана пан подкоморий Любомирский и уверял его в своей преданности к королю Августу, но губернатор этого пана, управлявший его маетностью в Полонном, подкупленный заранее Мазепою, сообщал секретно, что его пан обманывает гетмана: он дружит с новоизбранным королем Лещинским и теперь, побывавши у малороссийского гетмана в обозе, пошлет известить Лещинского о всех порядках, какие заметит в козацком таборе. Поэтому Мазепа, как доносил он Головину, держал себя так осторожно с Любомирским, чтобы тот не в силах был ничего от него выведать. «Я, — выражался Мазена, — сюда вошел как агнец среди волков: здесь нет ни одного человека, искренно преданного королю Августу; они кажутся ему верными не по нравственному долгу, а по принуждению, потому что видят вблизи царское войско. Все здешние православные обыватели, которые бывают у меня в обозе и хлеб-соль едят, предостерегают меня, что шляхта — исконные враги нам».

4 августа Мазепа с войском был уже в Зборове, с большим затруднением переправившись через реку Серет под Залозцами: везде плотины и мосты были умышленно снесены обывателями, чтобы задерживать поход козацкого войска, а табор, который шел с гетманом, был чрезмерно велик — в нем было 16 000 повозок, так как по царскому указу козаки взяли с собою запасов на целые полгода. По селениям все было пусто; обыватели недели за две до прихода русских войск ушли из своих дворов.

Зборов был маетностью королевича Александра Собеского. Гетман приказал здесь своему войску вести себя скромнее, чем в маетностях Потоцкого и других отъявленных врагов короля Августа, но сознавался, что невозможно было обойтись без нанесения вреда: табор, идя по дороге, должен был поневоле зацеплять нивы с посеянными на них хлебами и располагаться там на попас и на ночлег, потому что близко дороги не было трав.

12 августа коронный гетман Иероним Любомирский прислал к Мазепе своего ловчего Куницкого, которому приказал находиться постоянно при гетмане и помогать скорейшего соединения козацкого войска с польским. Но гетман подозревал, что этот рези-

дент прислан только с тем намерением, чтобы высматривать положение козацкого войска. Кроме того, гетман жаловался, что его беспокоят беспрестанные посещения шляхты с разными просьбами об охранении их шляхетских маетностей; гетман подозревал в гостях шпионов.

14 августа козаки подошли ко Львову. Мазепа должен был вести их к Сендомиру на соединение с саксонским войском, но не знал, куда это войско двинулось, потому что не получал о том известия от Паткуля. 23 августа козаки вошли в Бельзское воеводство. На всем пути своем, начиная от Збаража, они истребляли хлеба на корню и пасеки в волостях Потоцкого и других; обыватели отовсюду бежали со своими семьями и пожитками перед приближением козацкого войска, как будто перед приближением татарской орды. Доставалось маетностям не только панов, враждебных королю Августу, но и всем без различия, и шляхтичи кричали, что им остается сесть на коней и обороняться от козаков.

1 сентября козацкий табор был под Грубешовым. Агенты Мазепы, посланные в Варшаву, извещали, что король шведский посылает против козаков приставших на его сторону поляков, но полученный перед тем царский указ снова предписывал гетману, чтоб он, зашедши в средину Польского королевства, избегал битвы до соединения с саксонским войском. Царь Петр повторял ему приказание нещадно опустошать маетности панов, враждебных королю Августу, и налагать на них контрибуции, а подканцлер Шембек обращался к Мазепе с иною просьбою щадить маетности не только расположенных к Августу, но и врагов его, потому что они все-таки подданные Речи Посполитой. Изображая разоренное состояние края, сам Мазепа в донесениях к царю замечал, что если начать отягощать контрибуциями тех, которые хотя и не расположены к Августу, но прикидываются его сторонниками, то можно побудить их всех к войне против козаков.

Между тем в Варшаве 3 сентября совершилась коронация Станислава Лещинского, избранного в короли при живом короле Августе по воле Карла XII. Примас королевства архиепископ гнезненский хотя и был расположен к Станиславу, но уклонялся от исполнения обряда коронации. Он опасался гнева папы, благоволившего к королю Августу, и поручил исполнить обряд львовскому архиепископу. После этого события шведская сторона в Польше стала усиливаться, но паны, странным образом, как будто играли своею присягою: они то признавали новокоронованного короля Станислава, то опять возвращались на сторону Августа. Епископ вармийский Залуский добровольно отступил от Августа к Станиславу, потом уехал от Станислава к Августу в Саксонию, куда удалился король Август; там, живя вблизи Августа, Залуский начал снова тайные сношения со Станиславом. Брат коронного гетмана Любо-

мирского признал Станислава и обещал своим влиянием расположить на его сторону все войско, а потом опять объявил себя за Августа. Подскарбий Пребендовский недавно хлопотал в пользу Августа у прусского короля, а потом вдруг пристал к Станиславу, когда узнал, что тот был коронован. Поляки той и другой партии обещали своим соотечественникам золотые горы и чудеса всевозможнейших благ, желая приманить к себе свою братию, но приставшие легко отступали назад, как только замечали, что обещания могут остаться неисполненными. Приверженцы Августа распускали слух, что новоизбранный в короли Станислав, в благодарность за свое избрание, обещал шведскому королю Курляндию, а Сапегам часть Литовского княжества в качестве независимого наследственного владения. Они думали восстановить своих соотечественников против шведской стороны страхом, что при такой перемене власти не будет удержу мятежному хлопству против шляхетства, как уже то было во время нашествия на Польшу короля Густава, а духовенству внушали опасение, что у духовных особ отнимутся имения, как поступлено в Швеции.

Между тем Паткуль, один из первых заправщиков Северной войны, сошел с своего поприща. Король Август, недовольный им за растрату денег, полученных от царя Петра для уплаты войску, приказал арестовать его в то самое время, когда Паткуль собирался жениться на богатой вдове Румор с тем, чтобы потом уехать в Швейцарию и там жить себе частным человеком. Его засадили в крепость Зоненштейн в Саксонии. Это случилось тогда, когда малороссийский гетман дожидался от него руководства, куда ему идти с козацким войском.

23 сентября, остановившись обозом под Уханью, Мазепа получил царский указ послать требование к ординату¹ Замойскому, владельцу крепости Замостья, — пустить туда гарнизон русских войск, чтоб не дать шведам овладеть этой крепостью. Требование это, посланное гетманом, не имело успеха. Ординат отвечал, что ему не нужно иностранной помощи. Тогда Мазепа двинулся с войском по направлению к Замостью. На пути своем Мазепа замечал, что польская шляхта повсюду склоняется на сторону Станислава Лещинского. Враждебная Августу сторона тем более выигрывала, что козаки, а еще более великорусские ратные люди, шедшие с козаками под командой Неплюева, будучи голодны, так много себе позволяли, что не щадили и божиих храмов, хотя за это и постигало их строгое наказание.

Подходя к Замостью, гетман повторил ординату свое предложение и при этом даже пригрозил, что в случае упрямства он прибегнет к военным мерам. Замойский опять отказал, объясняя,

¹ Владельцу майората (неделимого имения).

впрочем, что для этого нужны были бы особые письма к нему от короля Августа и от царя. Приезжал потом в качестве комиссара какой-то Накваский, но так как он особого письма королевского не привез, то ординат и ему отказал. Тогда гетман расположился обозом под Замостьем. Польские гетманы, коронный и польный, несколько раз приглашали его к ним на свидание, но он не поехал и сообщил Головину, что не доверяет им.

Во время месячной стоянки под Замостьем была попытка новокоронованного короля склонить малороссийского гетмана к измене русскому царю. Прибыл какой-то поляк Вольский с тайным предложением пристать к Лещинскому и шведскому королю. Гетман подверг его пытке; показание, вынужденное этою пыткой, вместе с отобранною у него инструкцией отправил в Малороссийский приказ, а самого шляхтича Вольского не отправил, опасаясь, чтоб его не отгромили на дороге.

Мазепа в донесении своем уверял государя в своей подданнической верности, непоколебимой ни пред какими искушениями.

7 ноября Мазепа известил Головина, что, наконец, ординат Замойский допускает вступить в крепость гарнизону из 1000 великороссийских ратных людей и 200 малороссийских козаков, обязываясь в течение месяца содержать гарнизон этот на свой счет, но с тем, чтобы все его маетности были изъяты от контрибуций. 12 ноября, сообразно царской воле, Мазепа расставил половину своего войска в воеводстве Бельзском и в земле хелмской, в таком опустелом крае, где чувствовался недостаток запасов для людей и корма для лошадей, а с остальною половиною двинулся на Вольтынь.

Прибывши на Вольтынь, Мазепа заложил свою квартиру в Дубно. Тут прибыл к нему из Гродна полковник прилуцкий Горленко, назначенный наказным гетманом над отрядом, высланным в Литву. Когда этот отряд прибыл в Гродно, царь приказал Горленку послать 1000 козаков к Риге, отдавши их под команду генерала Рона. Горленко с остальными остался в Гродно. Еще в конце сентября он, Горленко, через курьера письменно сообщал своему гетману о бедственной судьбе козаков, посланных к Риге, и о всяких обидах, терпимых козаками в литовском крае от великороссийских начальных людей. По царскому указу устроены были там временные почты и на эти почты высланы были прилуцкие козаки: эти-то козаки особенно терпели от нахальства русских офицеров, ездивших на почтовых лошадях. Случалось, что у козаков забирали лошадей и уезжали на них, а козаки потом должны были отыскивать своих взятых лошадей и находили их измученными шибкою ездой и остающимися без корма; случалось и так, что офицер, взявший козака с лошадью, гнал без милости и бил разом и лошадь и козака. Горленко жаловался, что его самого, наказного гетмана, насильно столкнули с коня и забрали под под-

воды лошадей у него и у прочих козацких начальных людей, с ним ехавших. 9 ноября Горленко упросил Шафирова исходатайствовать ему отпуск со службы, ссылаясь на болезнь в ноге. Оставив над своими полчанами в Гродно своего сына Андрея, он явился к гетману в Дубно вместе с товарищем своим киевским полковником Мокиевским. Там на словах они сообщили гетману подробнее и точнее о всех оскорблениях, которые претерпели малороссийские козаки от великорусских офицеров. Горленко прибавил, что он нарочно притворился больным, потому что боялся, чтоб его с козаками не услали в Пруссию и не стали бы там учить козаков регулярному строю. Об этой посылке козаков для обучения регулярному строю писал еще прежде гетману Иван Черныш, находившийся при гетманском племяннике Войнаровском также в Гродно. Черныш писал, что он даже видел копию с царского указа об этом. Быть может, это было предположение Петра, тогда состоявшееся и тотчас отмененное, так как все царствование Петра изобилует распоряжениями, которые тотчас и отменялись.

Из других мест Гетманщины Мазепа получал жалобы на дурное обращение великорусов с малороссиянами. Черниговского полка городенский сотник доносил своему полковнику Полуботку, что ехавший с солдатами из Могилева в Киев Иван Павл. Зыков допускал своих солдат чинить над жителями бесчинства и поругания. В Чернигове проезжал из Москвы с аптекой некто Роптеев и требовал 44 подводы; хотя ему обещались их выставить, но он, не дождавшись, послал своих людей ловить лошадей в поле, а наловивши более ста, требовал, чтобы хозяева выкупали их от него. Мазепа, получая с разных сторон такие вести, до того раздражился, что в кругу близких к себе старшин высказал, что другой бы склонился к предложению, которое присылал к нему Станислав Лещинский с Вольским.

Находясь в Дубно, Мазепа ездил на короткое время в Белую Криницу и там был восприемником у князя Вишневецкого. Мать двух Вишневецких, урожденная Ходоровская, Анна, вдова Константина Вишневецкого, воеводы бельзского, по смерти мужа была за другим мужем, князем Дольским, любимцем покойного короля Яна Собеского, великим маршалом литовским, умершим в 1695 году. Вдова после двух мужьев, княгиня Дольская была еще не стара и обладала в высшей степени качествами прелестницы. Мазепа с нею крестил дочь, родившуюся у ее сына. По известию современника, близкого к Мазепе, он тогда вел с нею дневные и ночные беседы, и в это-то время брошено было первое искушение передаться на шведскую сторону.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Запорожское своевольство. — Козаки в Литве. — Новое искушение Мазепе через посредство княгини Дольской. — Нерасположение Мазепы к Меншикову. — Успехи шведского короля в Саксонии. — Альтранштадтский договор. — Отречение Августа от польской короны. — Своевольства великороссиян в Малороссии. — Строение Печерской крепости в Киеве. — Жалобы старшин и полковников. — Пребывание царя в Жолкве. — Неудачные попытки примирения с шведским королем. — Союз царя с поляками, не признавшими Станислава. — Мазепа в Жолкве. — Меншиков и Мазепа. — Иезуит Заленский. — Ксендз тринитарий. — Продолжение работ над Печерскою крепостью. — Польские попытки овладеть Правобережною Украиною. — Козаки в Польше. — Сношение Карла и Станислава с Турциею. — Третье искушение Мазепе от княгини Дольской и короля Станислава. — Мазепа открывается своему генеральному писарю. — Непосланные письма к царю и канцлеру. — Приезд к Мазепе иезуита Заленского. — Тайный посланец Мозепы у короля Станислава. — Беспорядки в царской державе. — Успокоительная царская грамота к малороссийскому народу.

Первое искушение не подействовало на Мазепу. Мало располагали его и проблески вражды к москалям в Малороссии. Правда, в Запорожской Сече эта вражда показалась до того острою, что когда великорусские ратные люди, плывя по Днепру, нуждались в судах и перевозчиках, чтобы безопасно пройти через пороги, то кошевой Гордеенко приказывал запорожскому полковнику, находившемуся в Кодаке, распорядиться так, чтобы на порогах пропали все суда с московскими ратными людьми. Сечь Запорожская не переставала быть притоном удалых беглецов из украинского посольства, которые пели там все одну и ту же старую песню — идти в Украину и бить панов и орандарей. Но такое брожение в народе не могло быть полезным гетману, потому что ненависть посольства к панам прежде всего обращалась против него, так как он был самый первый, главный пан. Народ не любил великорусской власти над со-

бою, но не терпел и своего гетмана, считая его разом и польским паном, и угодником московской власти. Раздражение малороссиян против великороссиян не могло подвинуть гетмана стать в недружелюбное отношение к Московской державе. Притом все эти зажигательные крики об избиении панов и арендарей оставались одними криками, а сечевое своеволие ограничивалось только несколькими разбойническими разорениями пасек в «товще» (дебри) Самарской, да угоном скота и лошадей запорожскими «харцызами» (разбойниками).

При тогдашнем положении дел ничто не располагало Мазепу поддаться внушениям в пользу шведов, притом такие внушения делала ему женщина, которая была матерью одного из предводителей Августовой партии в Польше, воевавшего против шведов, а потому чересчур доверяться ее искренности в то время еще было неблагоприятно. Вероятно, такого рода внушения делались ему вскользь, в качестве соображений, как поступить в случае, если дела поворотятся окончательно во вред Августу и Петру. Еще, однако, дело Петра не казалось тогда слабым, и Мазепа, имевши всегда в виду собственное благополучие, не видел нужды поворачивать круто в противную сторону.

С зимы 1705 на 1706 год дела становились все хуже для Петра и Августа и все лучше для Карла и Станислава. Шведы направлялись в Литву. Царский фельдмаршал Огильви занял Гродно и ожидал прибытия в помощь саксонского войска короля Августа. Но саксонской помощи не могло явиться, потому что саксонский главнокомандующий Шуленберг был разбит наголову при Фрауэнштадте шведским генералом Реншильдом, а Потоцкий, предводитель польского войска стороны Станислава, поразил польское войско Августовой стороны, бывшее под командою князя Вишневецкого. Карл двинулся в Литву. Он не успел взять Гродно, но расположил свое войско так, что оно не допускало продовольствия русским военным силам, находившимся в Гродно. Вступление Карла в Литву быстро расположило шляхетство этого края на сторону Станислава Лещинского. Воеводства Новгородское, Слонимское и Волковисское объявили себя за нового короля. Признал его в воеводстве Виленском повет Лидский. Князь Огинский, сильнейший из литовских магнатов, изъявил желание пристать к Станиславу, если за ним, Огинским, сохранят носимый им сан польного литовского гетмана.

В это время Петр потребовал Мазепу в Минск, куда и сам обещался быть. Гетман приехал в Минск в начале марта с компанейцами и с двумя городовыми полками — Миргородским и Переяславским; скоро потом подспели еще козаки. Войска у Мазепы было до 14 000. Мазепа расположил своих козаков «на пасах» от Гродна до Вильна, в городах Минске, Слуцке, Несвиже

и Ляховичах. Царь приказал им беспокоить шведов, пока не придут на помощь саксонские войска.

Тут постигали козаков несчастья одно за другим. В Несвиже поставлен был стародубский полковник с четырьмя сотнями своих полчан. Шведы напали на них сонных ночью и одну сотню истребили совершенно, погиб и стародубский полковник Миклашевский. Другая сотня, поверивши слову неприятеля, обещавшего отпустить козаков на свободу, если они не будут защищаться, положила оружие и была объявлена военнопленною. Третья сотня заперлась в бернардинском монастыре, не поддавалась никаким убеждениям сдаться, и когда шведы, не ставши их добывать оружием, ушли, соединилась с четвертою сотнею, и обе пришли к гетманскому обозу. Вслед за тем 18 марта шведы осадили переяславского полковника Мировича в Ляховичах, за четыре мили от Несвижа.

В Литве сторона Станислава все более и более брала верх. Именем двух соперничающих королей устанавливалось в Литве два высших судилища — два трибунала: один от короля Станислава в Вильне, другой от короля Августа в Минске. По замечанию Мазепы, на минский трибунал не находилось много охотников ехать, потому что шведский король угрожал разорять огнем и мечом маестности тех господ, которые туда поедут. Шляхетство повсюду торопилось признавать королем Станислава Лещинского. К этому возбуждало шляхетство, кроме страха шведов, ненависть к русскому войску, наводнившему край в видах поддержания стороны, враждебной Станиславу. В городе Орше был поветовый сеймик, где в приватном совещании замыслили истребить великороссийское войско хитрым способом, чтоб и духа его не оставалось в стране.

Находясь в Минске, Мазепа получил от княгини Дольской небольшое письмецо, писанное цифрами. В нем княгиня извещала гетмана о возвращении своего посланца от какого-то двора с письмом от какого-то короля, которого имя не называлось в письме. Мазепа приказал прочитав это письмо вслух своему писарю Орлику и произнес:

«Вот глупая баба, хочет через меня обмануть его царское величество, чтоб царь, оставивши короля Августа, принял под свою протекцию Станислава Лещинского и помог ему утвердиться на престоле, а он за то обещает царю подать такие способы, чтобы царь мог победить шведа. Я уже о таком ее дурачестве говорил государю. Его величество смеялся над этим».

Орлик в своем письме к Яворскому, сообщая об этом событии, говорит, что сам он, Орлик, тогда поверил Мазепе и не имел ни малейшего подозрения, чтобы гетман склонен был к измене царю. Вероятно, так и было на самом деле. Царская сторона в то время не проигрывала до такой степени, чтобы возбуждать опасения в тех, которые держались ее.

Мазепа должен был по царскому указу пребывать в Минске, пока русское войско под командой фельдмаршала Огильви не выйдет из Гродно. 24 марта Огильви вышел из Гродно и направился к Бресту, но Мазепа после того оставался в Минске еще до половины апреля, хотя его козацкое войско находилось в большой нужде по причине падежа лошадей и недостатка в продовольствии для самого войска. Гетман все-таки думал освободить Мировича, которого в Ляховичах держали в осаде шведы в числе 5800 человек войска. Гетман отправил к Мировичу на выручку великороссийский отряд в 5000 человек под командой Неплюева и прибавил к ним своих козаков, но последние, прошедши версты три от Минска, вернулись назад под тем предлогом, что измученные лошади не в силах были везти их. Тут пришло гетману известие, что сам шведский король спешит к Ляховичам с шестью тысячами своего войска. Тогда Мазепа, оставивши переяславского полковника «на волю Всемогущего Бога», двинулся из Минска на Быхов: царь приказывал в этом городе поместить гарнизон, хотя гетман заранее изъявлял сомнение, чтобы там добровольно приняли русский гарнизон, тем более что гетман шел туда с немногочисленным войском и без артиллерии.

Быховская крепость с городом могла быть сдана малороссийскому гетману только с разрешения гетмана литовского. Тогдашний литовский великий гетман князь Михаил Вишневецкий, достигший в очень молодых годах своего сана только благодаря своей громкой родовитости, держался до сих пор партии Августа и отличался даже жестокостью над его противниками, но вдруг стал склоняться на противную сторону, как только успехи Карла делались очевидными в Литве и большая часть шляхетства литовского отступила от Августа и признала Станислава. Гетман Мазепа, находясь еще в Минске, обращался к Вишневецкому с просьбою подать помощь Мировичу в Ляховичах. Вишневецкий отговорился тем, что его войско разослано в другие места. Через несколько дней Мазепа узнал положительно, что Вишневецкий хотя и не объявил себя решительно на стороне Станислава, но уже сносится с панями шведской партии и, стоя на Двине, сам не двигается против неприятеля и своим подначальным начальникам отрядов запрещает воевать против шведов и их польских союзников, а к быховскому коменданту Синицкому послал приказание не впускать козаков ни в Быхов, ни в Могилев.

Когда Мазепа приступил к Быхову, Синицкий, исполняя приказание великого литовского гетмана, наотрез отказал впускать козаков в крепость, согнал из быховской волости людей, расположил их по крепостному валу в видах обороны и оставил на башнях орудия. У гетмана Мазепы оставалось каких-нибудь тысячи две козаков и те терпели от недостатков всякого рода. Итак, гетман Мазепа отошел от Быхова, поручивши стоять под этим городом новому стародубскому полковнику Силенку.

На возвратном пути в Украину гетман о судьбе покинутых в Литве козаков узнал от переяславских полчан, приставших к его войску в Борисове в числе 150 человек: Ляховичи добыты неприятелем, разгромленные козаки ушли в свой край через Слуцк, а сам Мирович со старшинами и со многими товарищами взят в полон шведским генералом, который, забравши пленных, отправился в Полонное к подкоморию Любомирскому, ставшему открытым сторонником шведского короля. О дальнейшей судьбе Мировича известно, что шведский генерал, у которого он находился в плену, отправил его, вместе с другими военнопленными, в Штеттин. Жена Станислава Лещинского просила шведского короля отпустить Мировича домой, но Карл не согласился, полковника отправили в Стокгольм, и гетман посылал к нему через Малороссийский приказ 1170 ефимков на милостыню малороссийским пленным в Швецию. Мировичу не пришлось уже воротиться в отечество: он умер в плену.

Возвратившись в Батурин, гетман получил известие, что летом царь придет в Украину осматривать укрепления Киева, считавшегося тогда важнейшим оборонительным пунктом при военных обстоятельствах того времени. Мазепа делал распоряжения для встречи на границе Черниговского полка такого высокого, еще не виданного в Украине гостя, но вдруг царь известил его, что придет прямо в Киев водяным путем. Гетман приказал собираться туда козакам и сам отправился в Киев в конце июня, жалуясь в своих письмах к Головину на свои «подагричные и хирагричные» недуги.

В Киеве опять было искушение гетману. Все та же кума, княгиня Дольская, прислала к нему письмо, написанное цифрованной азбукой. Мазепа позвал к себе в спальню Орлика, сам лег на постель, а своему генеральному писарю приказал читать письмо. В этом письме княгиня Дольская именем короля Станислава просила Мазепу начинать «намеренный» путь, надеясь на скорое прибытие из Волыни целого шведского войска, и быть уверенным, что все желания, какие гетман заявит, будут исполнены. Княгиня обещала притом прислать «ассекюрацию» Станислава и «гваранцию» шведского короля. Мазепа, выслушавши чтение письма, вскочил с гневом с постели, начал бранить княгиню, себя называл «ношеною и искусною» птицей, которую не удастся провести какой-нибудь бабе, когда его не могли провести более знатные и искусные, потом сжег полученное письмо и велел написать ответ, в котором просил княгиню прекратить с ним такую корреспонденцию и не помышлять, чтоб он, служивши верно трем государям, при старости лет наложил на себя пятно измены. Запечатавши сам этот ответ, Мазепа не отдал его Орлику, а спрятал при себе, и Орлик наверно не знал, был ли он отослан княгине Дольской или, быть может, Мазепа написал ей иной ответ, которого содержание скрыл тогда от своего генерального писаря.

Соображая обстоятельства, можно допустить, что и в самом деле Мазепа в это время не решался еще на измену, потому что могущество Карла не достигло еще такой высоты, чтобы верность врагу шведского короля становилась до крайности опасною, а царское могущество не упало до того, чтобы не возбуждать к себе страха за будущее. Что княгиня Дольская, которой сын уже перешел на сторону Станислава и которая сама притом была в родстве с Станиславом, пыталась склонять малороссийского гетмана на сторону нового польского короля, — это было уже теперь естественно; но Мазепа, кажется, только высматривал и, так сказать, примеривался, как ему поступать, если обстоятельства действительно приведут к необходимости искать дружбы с Карлом и Станиславом.

Петр прибыл в Киев 4 июля. Во время пребывания государя в Киеве случились у Мазепы встречи, которые должны были расположить его слушать с большим вниманием внушения своей кумы. Долго Петр оказывал Мазепе дружеское расположение, и никто не становился между ним и монархом. Но усиливавшаяся в государе привязанность к Меншикову возбудила в Мазепе признаки ревности к последнему. Когда царь прибыл в Киев, вдруг разнеслась весть, что Карл XII направляется в Украину. Царь снаряжал Меншикова на Волынь с кавалериею, а Мазепе указывал в случае нужды содействовать Меншикову и исполнять то, что последний прикажет. Эта предполагавшаяся тогда экспедиция не состоялась, потому что Карл повернул из Польши не в Украину, а в Саксонию, но Мазепа принял царский указ себе в бесчестие. «Вот, — говорит он близким своим, — вот какое награждение мне при старости за многолетнюю верную службу! Велят быть под командою Меншикова! Не жалостно было бы, если б меня отдали под команду Шереметева или иного какого-нибудь великоименитого и от предков заслуженного человека!»

Шляхетская гордость человека, бывшего в юности «покоевым» польского короля, топорицилась при мысли находиться под командою того, кто в детстве в Москве торговал пирогами. Впрочем, была еще причина недовольства Мазепы против Меншикова. Мазепа сватал сестру Меншикова за племянника своего Войнаровского. Александр Данилович сначала обещал, а потом отрекся от своего обещания. Орлик сообщает, будто Меншиков отвечал Мазепе, что на его сестре сам царь думает жениться. Как бы то ни было, но по наружности Мазепа и Меншиков казались добрыми приятелями. Когда Петр находился в Киеве, Мазепа пригласил на обед к себе государя и некоторых вельмож. В числе почетных гостей был и Меншиков. Когда гости порядочно подпили, Александр Данилович, будучи «маленько шумен и силен», как выражается очевидец, взял Мазепу за руку, сел с ним поодаль от других и говорил, наклонясь к нему на ухо, но так, что стоявшие

здесь генеральные старшины и некоторые полковники могли кое-что расслышать.

«Гетман Иван Степанович, — сказал Меншиков, — пора приниматься за врагов». И он при этом подморгнул на старшин. Те, заметивши, что паны хотят говорить между собою втайне, стали отдаляться, но Мазепа кивнул им, показывая знак, чтоб они оставались, и отвечал Меншикову как будто на ухо, но так, чтобы другие слышали: «Не пора».

«Не может быть лучшей поры, как ныне, когда здесь сам есть царское величество с главной своею армией», — сказал Меншиков.

Мазепа возразил:

«Опасно будет не сконча одной войны с неприятелем, другую начинать внутреннюю».

«Их ли, врагов, опасаться и щадить! — сказал светлейший. — Какая с них польза его царскому величеству? Прямо ты верен царскому величеству; но надобно тебе знамение твоей верности явить и память по себе в вечные роды оставить, чтоб и впредь будущие государи ведали и имя твое блажили, что один такой был верный гетман Иван Степанович Мазепа, который такую пользу государству Российскому учинил».

В это время царь встал с своего места, с тем чтобы уехать, и разговор гетмана с Меншиковым прервался неоконченным.

Проводивши высоких гостей, Мазепа воротился к старшинам и спрашивал: «Слышали?»

Те отвечали, что слышали.

«Вот всегда, — сказал Мазепа, — мне ту песенку поют, и на Москве, и на всяком месте! Не допусти им токмо, Боже, исполнить то, что думают!»

Слова, произнесенные Меншиковым, если бы даже и могли быть слышаны старшинами, не были бы вполне понятны, а потому Мазепа мог объяснять их смысл, как хотел, и объяснения его поразили всех страхом. Дело шло о переменах в козацком строе управления Гетманщины; к этому действительно стремился Петр, хотевший переделать все свое государство на новый лад. Царь до сих пор не трогал малороссийских порядков только из уважения к советам Мазепы, который находил несвоевременным касаться в этом отношении Гетманщины, хотя в принципе всегда заявлял перед царем одобрение его преобразовательным планам, чем и поддерживал к себе расположение Петра. Меншиков, конечно, был и прежде свидетелем царских бесед с гетманом и теперь, находясь под шумком, делал на это намеки сообразно известной пословице: «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке». Старшины и полковники, услышавши от своего гетмана объяснение слов Меншикова, разразились жалобами. «Козаки, — вопияли они, — служат царю без всякой противности, верным и послушливым сердцем; козаки своими

оброками (на свой счет) совершают далекие походы в Инфлянтах (в Лифляндии) и в Польше, и в Литве, и в донских городах, и в Казанском государстве; козаки погибают и умалются, а за все их службы — и за прежние в турецкой войне, и за последние в теперешней войне — не только нет им милости, а еще ругают их и унижают, говорят, что от нас дела нет никакого, верная служба наша в полушку не ставится и, наконец, промышляют о нашей гибели».

В это время получено было новое цифрованное письмо от княгини Дольской. На этот раз она не писала уже о короле Станиславе, не делала намеков, которые можно было понимать как приглашения к измене. Она, как будто послушавшись Ивана Степановича, совершенно оставила прежнего рода корреспонденцию, — теперь она только по дружбе к нему предостерегла его насчет Меншикова. Она писала, что была где-то у кого-то восприемницей вместе с Борисом Петровичем Шереметевым, и на крестинах, сидя за столом между Шереметевым и генералом Реном, отозвалась с похвалой о гетмане Мазепе. Генерал Рен отозвался о нем также с похвалой и сказал: «Жаль этого доброго и умного Ивана! Он, бедный, не знает, что князь Александр Данилович яму под ним роет и хочет, его отставя, сам стать в Украине гетманом». Княгиня с удивлением обратилась к Борису Петровичу Шереметеву и спрашивала, правда ли это. Шереметев отвечал утвердительно. «Отчего же никто из добрых приятелей не предостережет его?» — сказала княгиня. «Невозможно, — отвечал Шереметев, — мы сами много терпим да молчать принуждены!» Вот какой разговор сообщался в цифрованном письме, и Орлик прочитал это письмо вслух, по приказанию гетмана.

Тогда Мазепа сказал: «Я сам хорошо знаю, что они замышляют надо мной и над всеми вами: хотят меня уконтентовать княжением Римского государства, всю старшину искоренить, города наши отобрать под свою область, поставив в них своих воевод или губернаторов, а когда бы наши воспротивились, то за Волгу всех их перегнать, а Украину своими людьми осадить (заселить). Не треба о том много говорить: сами вы слышали, как князь Александр Данилович в квартире моей в Киеве во время бытности царского величества говорил мне на ухо: пора ныне за тех врагов приниматься! И в другой раз князь Александр Данилович просил себе у царя княжения Черниговского: через него он стелет себе путь до гетманства».

При существовавшей досаде гетмана против Меншикова письмо княгини Дольской подливало, как говорится, масла в огонь. Гетман припомнил тут все, чем был недоволен на Меншикова, и сказал: «Господи! освободи мене от их панования!»

Он приказал Орлику написать княгине Дольской ответ с благодарностью за дружбу и предостережение.

Между тем в течение 1706 года на Западе совершались события, сделавшие крутой поворот Северной войны в пользу шведской сто-

роны. Чтобы смешать наблюдательность своих врагов, Карл XII распустил слух, будто намерен обратиться на Украину, и отправил как бы передовой отряд своего войска к Киеву под начальством капитана Бракенгейма, а сам со всюю силою пустился совсем в противоположную сторону — к границам Саксонии. Бракенгейм имел только незначительную битву с царскими ратными людьми, высланными киевским воеводою; но у Карла была цель отвести на время внимание царя, чтобы нанести решительный удар своему сопернику Августу в его наследственном владении. Карлу хотелось, вступивши в Саксонию, навести там такой переполох, чтобы даже германские владетели, из желания удалить войну от германской территории, увещевали Августа отречься от польской короны. Осторожный советник Карла, министр граф Пипер, представлял королю, что таким движением можно раздражить против себя не только всех германских владетелей, но и морские державы — Англию и Голландию, которые до сих пор не вмешивались в ход Северной войны. Но Карл не послушался своего министра, а приказал ему написать от королевского имени ноту к иностранным державам, в которой шведский король уверял всех, что, воюя с своим неприятелем Августом, он не думает наносить никакого вреда целой Германии. Затем Карл оставил в Польше небольшой корпус шведского войска под командой генерала Мардефельда, приказавши ему действовать совместно с польским войском Потоцкого, киевского воеводы. Сам Карл 26 августа вступил в Саксонию.

Это вступление чужих войск в край произвело страх: саксонские министры стали увозить государственные архивы и казну, частные владельцы — свои имущества. Сам Август находился тогда в Литве близ Новогрудка и для сохранения своего наследственного владения не видел иного средства, как скорее просить мира у шведского короля. С этою целью Август послал двух комиссаров — барона Имгофа и Пффингстена: он дал им полномочие заключить мирные условия, смотря по обстоятельствам, и дозволял им в крайнем случае сообщить его готовность отказаться от польской короны. Эти комиссары представились Карлу XII в Бишофсвердене 1 сентября. Начались конференции. Шведские уполномоченные, сообразно воле своего государя, стояли твердо на отрешении Августа от польской короны; саксонские комиссары, как ни увертывались, не в силах были победить их упорства. Конференции прервались; Карл пошел далее в глубь Саксонской страны победителем. Саксонские комиссары не смели возвращаться, не окончивши договора, и поехали вслед за Карлом. 10 сентября Карл дошел до Лейпцига; комиссары, следуя за ним, все домогались смягчить условия, но все было напрасно. 14 сентября комиссары Августа заключили мир в замке Альтранштадте, где была тогда главная квартира шведского короля. Август отрекся от польской короны, обязался в течение шести не-

дель выдать универсал, разрешающий всех его подданных от данной ему присяги на верность, признать польским королем Станислава Лещинского и разорвать союз с московским царем. Вместе с тем Август обязывался выдать Карлу XII Паткуля, изменившего шведскому королю, а сам, напротив, снимал приговор, произнесенный им прежде над полковником Герцом, который перешел из саксонского войска к шведскому королю. По Альтранштадтскому договору предоставлялось Карлу оставлять на предстоящую зиму шведское войско в Саксонии, а Августу саксонское войско в польских пределах. Карл тотчас издал распоряжение, чтобы шведские войска вели себя в Саксонии благочинно и не обращались с жителями по-неприятельски.

Между тем генерал Мардефельд, оставленный в Польше, не знал еще о заключенном мирном договоре и шел на содействие Потоцкому к Калишу. Август, получивши от Пфингстена заключенный с королем шведским договор, тотчас утвердил его. Саксонский генерал послал Мардефельду об этом известие. Но Мардефельд еще не имел в руках письменного указа своего государя, не поверил врагу и вступил под Калишем в бой против соединенного войска русского под командою князя Меншикова и саксонского под командою генерала Брандта. Мардефельд был разбит и взят в плен. Карл очень разгневался, когда узнал, что в этой битве участвовали саксонцы. Август писал Карлу, что это произошло от недоразумения: саксонцы не хотели вступать в битву, но их увлекли русские и поляки. Август наперед обещал разорвать всякие дружеские связи с московским царем и предлагал Карлу дать какое угодно удовлетворение. Карл принял извинения Августа, но не доверял ему. И точно, Август, уверяя шведского короля в своей искренности, старался некоторое время скрывать от русских и от поляков своей партии состоявшееся уже примирение с Карлом и уверял, что, отправивши к шведскому королю посольство, он только обольщает шведов. Готовясь ехать на свидание с шведским королем, Август говорил русскому резиденту, находившемуся при его особе: «Нет мне иного исхода, как постановить мир со шведами, но это делается только для вида. Мне лишь бы выпроводить шведов из Саксонии, а там, как они уберутся, я, собравшись с силами, опять начну против них войну в союзе с царским величеством».

Август поехал в Саксонию и виделся с Карлом. Оба короля обменялись между собою дружелюбными визитами, вместе ездили на охоту, но тогда же перехвачены были и доставлены Карлу письма, писанные Августом к своим сторонникам в Польше: из этих писем Карл XII ясно видел, что Август помирился с ним обманчиво. Август писал к своим польским благоприятелям, что если он уже по необходимости отрекся от короны, то советует им не признавать королем Станислава, а избрать себе в короли ко-

го-нибудь иного под покровительством царя Петра. Карл разгневался за такую двуличность Августа и за то увеличил военную контрибуцию, наложенную уже на Саксонию; он хотел истощить наследственное владение Августа и тем самым умалить его силы и средства.

Отказ Августа от короны сразу лишил его в Польше самых верных союзников. Был у него такой ярый и вместе неумолимо деятельный сторонник Шмигельский, что шведский король назначал награду за его голову. Шмигельский перешел к Станиславу Лещинскому. За ним последовал генерал Брандт, недавний победитель Мардефельда. Оба оправдывали свой переход тем, что Август сам отрекся от польской короны и развязал их от присяги на верность. За ними последовали многие поляки, которые до того времени колебались: теперь уже Станислав Лещинский имел законный вид истинного польского короля.

Такой блестящий успех Карла не мог не отозваться и в Украине впечатлением невыгодным для уверенности в силе русского государя, который вел борьбу с таким героем, каким казался шведский король. Теперь обстоятельства располагали Мазепу сделать при случае новый шаг к сближению с царскими врагами. Между тем ряд мелких событий, где великороссияне обращались с малороссиянами оскорбительно и презрительно, подавал каждому повод не предполагать в малороссиянах большой любви к русской власти. В 1706 году, и особенно за последние месяцы этого года, в современных делах встречается множество жалоб с разных краев Гетманщины. «Отовсюду, — писал Мазепа Головину, — ко мне доходят жалобы на своевольства великороссийских ратных людей». Гетман умолял найти средства к обузданию своевольства великорусских войск и препроводил замечательную по чертам того времени жалобу городенского сотника Стаховича на бесчинства великороссийских ратных людей, проходивших через его сотню.

Слишком тяжела казалась для малороссиян царская служба в то время, особенно при беспощадной дисциплине, которую вводил Петр. Запорожцы, бывшие на царской службе, за самовольный уход были обращены на галерные и другие работы, а некоторые из них, нашедши случай уйти, добрались до Сечи и произвели там волнение. Рада снарядила посольство к царю в Киев, но посланный атаман Игнат Галаган опоздал, не застал уже в Киеве государя и должен был воротиться в Сечу. Тогда запорожское товарищество так заволновалось, что собиралось заключать союз с крымским ханом и привлекать татарскую орду против Москвы. К этому побуждал их кошевой Гордеенко. Но против смелых и отчаянных затей восстали старые козаки и отвратили от злых намерений тех, которые задумывали уже выступить с оружием в Гетманщину.

В Киеве также был сильный ропот между козаками разных полков, согнанных на крепостные работы. В продолжение целых пяти летних месяцев они трудились над крепостью на собственном содержании. С 15 августа работы усилились. Государь нашел, что местоположение делаемой крепости неудобно, и положил возводить новые укрепления вокруг Печерского монастыря. В день Успения, по совершении церковного обряда сам Петр сделал закладку и поручил работы козакам под личным наблюдением гетмана, которого обязал не отлучаться до наступления зимних холодов, разве только на короткое время. Гетману в помощь придан был великорусской службы полковник Гейсен с царскими людьми. Великорусские офицеры обращались грубо с козаками, били их палками, обрубивали им уши и чинили над ними всяческое поругание. Бедные козаки переносили всевозможные тягости, терпели томительный зной при тяжелых земляных работах, терпели вечное беспокойство за свой дом, зная, что без них некому было убирать сена и хлебов в рабочую пору, и, кроме того, находились в постоянном страхе: великорусские люди в то время беспрестанно сновали через малороссийский край то с рекрутами, то с запасами, насиловали оставшихся дома козацких жен и дочерей, забирали и истребляли лошадей и домашний скот, и самих даже старшин наделяли побоями. Из полковников миргородский Апостол и прилуцкий Горленко выступили тогда перед гетманом, заступаясь за козаков. Горленко говорил ему: «Все мы за душу Хмельницкого Бога молим за то, что тот освободил Украину от лядского ига, а твою душу и кости станут дети наши проклинать, если ты после себя оставишь козаков в такой неволе».

Гетман сказал, что он уже много раз описывал царю о таких обидах, и предлагал ехать снова старшинам с просьбами о том же.

Через несколько дней гетман объявил полковникам, что советовался с киевским воеводою о предполагаемой посылке, но воевода князь Дмитрий Михайлович Голицын сказал, что это дело царю будет негодно, и гетман повредит себе и козакам.

В конце октября, согласно царскому дозволению, гетман распустил свое войско, которое, по его донесению, стало и босо, и голо, и голодно, будучи истомлено вконец пятимесячною тяжелою работою. Сам гетман уехал в Батурин. На весну предполагалось созвать снова козаков на фортификационную работу.

24 декабря царь опять проехал через Киев и отправился оттуда в польский город Жолкву. Мазепе дан был указ явиться туда же на совещания. К новому 1707 году царь прибыл в Жолкву вместе с близкими особами, в числе которых был новый канцлер, Гаврила Иванович Головкин, заступивший место управлявшего Посольским приказом Федора Головина, умершего недавно перед тем в Глухове на пути в Киев.

Во Львов тем временем съехались некоторые польские паны, которые после отречения от короны Августа не хотели признавать короля Станислава. Они оскорблялись тем, что, признавши его королем, признали бы главенство над Польшею шведского короля, который по своему произволу возвел Станислава в короли. На этом львовском съезде паны постановили не признавать в Польше иного короля, кроме избранного нацию свободно, без чуждого принуждения. С этого съезда отправились в Жолкву к находившемуся там царю знатные и влиятельные паны: краковский каштелян Януш Вишневецкий, мазовецкий воевода Хоментовский, Волович, Шембек и другие. Тогда обе стороны — и русская и польская — нуждались одна в другой. Русский царь оставался теперь в борьбе с Карлом без союзника; поляки поняли это и домогались отдачи и укрепления за польскою короной Правобережной Украины. Царь не только соглашался на это, но еще обязался дать полякам 20 000 рублей в качестве субсидии, — так хотелось ему отклонить панов от Станислава.

Между тем Петр искал дипломатическим путем устроить для себя выгодный исход из затруднительного положения. Он рассылал по европейским дворам посольства искать союза или посредничества к примирению со шведским королем, предлагал искать упраздненной польской короны и королевичу Собескому, и седмиградскому князю Ракочи, и сильному в Англии герцогу Марльборо, которому, как говорят, кроме того, обещал по выбору в России княжество киевское, владимирское или сибирское.

Петру намерения его не удавались. Более удачно везло его сопернику Карлу, продолжавшему сидеть в Саксонии. Август уверял его, что не думает о нарушении договора и что все писания от его имени, ходящие в Речи Посполитой, подложны. В Альтранштадт, где жил Карл, стекались знатные особы с поздравлениями из разных стран Европы; в числе их 16 апреля 1707 года посетил Карла герцог Марльборо, которого напрасно старался расположить к себе русский царь. Государства — Франция, Англия, Немецкая империя, Голландские штаты, Ганновер, Пруссия — все, безусловно, признали польским королем Станислава Лещинского. По настоянию царя, министры европейских дворов в смысле посредничества предлагали Карлу примирение с Петром. Но Петр, прибегая к посредничеству, заранее заявлял, что хочет во что бы то ни стало удержать за собою Петербург и Орешек, а Карл не соглашался уступить ни одной пяди земли из своих владений. «Если бы царь, — говорил Карл иностранным министрам, — искренно желал примириться с нами, то признал бы королем Станислава и не раздувал бы междоусобия в Польше. Зачем он сделал губернатором Ингрии Меншикова?» «За это царь должен уплатить Швеции», — предлагал французский министр. «Я не

продаю своих земель, — отвечал Карл. — А вот как я подойду поближе к рубежу государства Петрова, тогда услышим, что он заговорит!»

В то же время Петр, желая удержать в союзе с собою поляков, не признавших власти Станислава, уверял, что не иначе согласится толковать о мире, как вместе с Речью Посполитою, и что вести о том, будто он хочет вступать отдельно в переговоры, выдуманы министрами шведского короля. Примас, которого Петр уверял в этом своим письмом, относился, по-видимому, с доверием к царским словам и благодарил царя за его внимание к выгодам Польши. Но в Литве партия Станислава еще более усилилась, когда вступил туда с войском шведский генерал Левенгаупт, назначенный от Карла губернатором Ливонии. Братья Вишневецкие открыто стали на сторону Станислава: гетман Михаил, как мы уже видели, прежде к тому склонялся, но брат его Януш еще в начале 1707 года в Жолкве был в числе панов, заключивших с Петром союзный договор, а через несколько времени помирился с своим давним врагом Сапегою и объявил себя за Станислава. Гетман литовский Михаил Вишневецкий издал к обывателям Великого княжества Литовского универсал, в котором убеждал повиноваться Станиславу и изгонять русских, как врагов, из пределов Речи Посполитой. Пример Вишневецких был до того влиятелен, что Великое княжество Литовское почти все очутилось признающим короля Станислава.

Август, обещавший выдать шведскому королю Паткуля, все еще медлил, опасаясь этим поступком вооружить против себя царя Петра, который мог бы тогда по-неприятельски поступить с саксонскими войсками, остававшимися на зимних квартирах в Польше: Паткуль считался в русской службе. Но в марте русские сами настояли, чтобы саксонские войска вышли из Польши, уступивши место русским войскам. Тогда Август, не опасаясь более мщенья за Паткуля, приказал генералу Мейерфельду привезти несчастного Паткуля из Кенигштейна, где он сидел в тюрьме, и отдал шведам. Его казнили мучительною смертью. Вслед за тем Август, досадуя на Альтранштадтский мир, для него унижительный, приказал отправить на место Паткуля в Кенигштейн Фингстена и барона Имгофа, обвинив обоих в превышении данного им полномочия.

Между тем с весны по царскому указу со всех гетманских полков спешили козаки с запасом кирок и лопат оканчивать киевскую «фортецию», которую царю хотелось довершить скорее в видах препятствия к неприятельскому вторжению. Петр ожидал, что Карл, разделавшись с Августом, теперь обратится всеми силами на державу русского государя. Поэтому царь писал к Апраксину, чтобы дать указ, дабы все обыватели, ожидая неприятеля, держали хлеб не в житницах, а непременно в ямах, вырытых в лесных местах, для удобнейшего сбережения. «Вся тягость войны

теперь останется на одних нас», — писал царь Мазепе, приглашая его в Жолкву на совет.

По этому царскому приглашению Мазепа прибыл с некоторыми старшинами в Жолкву 11 апреля, в день великой пятницы. После 20 апреля был воинский совет. Что там произошло, мы не знаем, но по окончании этого совета Мазепа не пошел на обед к царю, а воротился в свое помещение расстроенный, целый день ничего не ел и был чрезвычайно раздражителен. Он не сообщал старшинам, что за неприятность с ним произошла, а только произнес для всех загадочные и зловещие слова: «Если б я Богу так верно и радетельно служил, то получил бы наибольшее мздовоздаяние, а здесь хоть бы я в ангела переменялся — и тогда не мог бы службою и верностью своею никакого получить благодарения!» Он отпустил старшин, и те ушли в совершенном неведении, что случилось с их гетманом.

На другой или на третий день после того войсковою товарищ Димитрашко доставил письмо светлейшего князя Меншикова к компанейскому полковнику Танскому. Меншиков приказывал Танскому, взявши на шесть месяцев деньги для уплаты жалованья своим полчанам и на покупку провианта, выступить с своим полком в поход. Это взорвало гетмана. Он почел для себя личным оскорблением обращение светлейшего князя к козацкому полковнику мимо козацкого гетмана. В ярости Мазепа закричал: «Может ли быть более поругания, посмеяния и унижения моей особе! Князь Александр Данилович всякий день со мною видится, всегда со мною конверсует¹ и не сказал мне о том ни единого слова, а без моего ведома и согласия рассылает ордонансы людям моего регимента! Кто ж это без моего указа выдаст Танскому месячные деньги и провиант? И как Танский может идти без моей воли с моим полком, которому я плачу? Да если б он пошел, я б его велел, как пса, расстрелять!»

Мазепе в это время, как видно, запахло чем-то очень плохим — возможностью потерять гетманство; и для старшин это запахло таким новым порядком, что вместо начальников, выбранных войском запорожским, станут управлять козаками царские бояре, а страх такой перемены, как известно, уже не малое время беспокоил малоруссов. Во всяком случае, страсть царя Петра к преобразованиям готова уже была коснуться Гетманщины, а желание как можно теснее слить этот край с остальными частями Русской державы унаследовалось им от прежней московской политики. Недаром Мазепа воротился с воинского совета расстроенным. Там, как оказывается, сообщено было Мазепе намерение царя произвести некоторое изменение в отправлении козацкой службы: чтоб из всех городских козаков выбиралось известное число и составлялись компании, которые бы получали жалованье, а прочие козаки оставались дома. Это

¹ Беседует (от польск. konwersacja — беседа, разговор).

мы узнаем из последующего письма Мазепы к Головкину, в котором говорится, что указ об устройении компаний, сообщенный царем в Жолкве, не может прийти в исполнение за смятением непостоянного народа. Орлик называет этот указ «указом об устройении козаков подобием слободским полков в пятаки» и говорит, что все полковые старшины считали тогда выбор «пятаков» (пятого человека из козаков) ступенью к преобразованию козаков в драгуны и солдаты. Старшины сильно волновались, сходились беспрестанно то у обозного Ломиковского, то у миргородского полковника Апостола, советовались между собою, кричали и даже обращались к чтению Гадяцкого договора. Гетман извещал Головкина, что указ о компаниях очень неприятен полковникам. Сам гетман не показывал ни малейшего знака неудовольствия к замыслу царя. Этот указ не состоялся.

В то самое время, когда поступок Меншикова с Танским в Жолкве раздражил Мазепу, ему доложили, что в приемной комнате стоит и дожидается львовский иезуит Заленский, ректор иезуитской школы в Виннице. Вдруг Мазепа как будто просветлел и радостно воскликнул: «А он откуда взялся?» Он велел обозному Ломиковскому и писарю Орлику провести иезуита к нему во внутреннюю комнату и потом отпустил всех старшин по их помещениям.

Мазепа беседовал с этим иезуитом наедине, никто не слышал их беседы, но и никто не подозревал ничего дурного. Впоследствии Орлик узнал от самого Мазепы, что гетман посылал этого иезуита в Саксонию к Станиславу Лещинскому, бывшему там с своим покровителем — шведским королем.

Скоро после того царь отпустил Мазепу и старшин из Жолквы разом со своим сыном Алексеем, царевичем. Отъехавши несколько миль от Жолквы, гетман уговорил царевича ехать вперед, обещаясь догнать его, а сам свернул с дороги, заехал в один из дворов, принадлежавших княгине Дольской, не застал там самой княгини, но нашел там какого-то монаха тринитарского ордена¹, о чем-то с ним наедине беседовал, а потом продолжал свой путь и нагнал царевича. «На этот раз, — говорит Орлик, — ни у кого из нас не было ни малейшего подозрения в неверности гетмана к царю; мы все думали, что княгиня Дольская домогалась у Мазепы получить взаймы некоторую сумму денег для выкупа из залога своих драгоценностей, о чем уже письменно перед тем к нему обращалась».

По возвращении из Жолквы гетман недолгое время оставался в Батурине и в июне отправился в Киев. Там работали над печерскою крепостью все козаки — и городовые и охотные, — все, кроме тех, которые находились в военных командировках. Работы вышли труднее, чем думалось. Прежде предполагали только поновить часть вала, который был уже выведен вокруг Печерского

¹ Орден приверженцев догмата Троицы.

монастыря, но оказалось, что этот вал весь осыпался, пришлось его делать весь снова. С подошвы до верха вал обкладывали дерном и приходилось за таким дерном посылать далеко. Инженер, заведывавший фортификационным делом, приказал начиная от горы печерского местечка вниз к Днепру насыпать не один, а два вала и таким образом задал козакам двойную работу. С малороссийскими козаками работали и великорусские стрелецкие полки. В сентябре Мазепа в письме к Головкину изображал в печальных чертах состояние, в какое пришли козаки от продолжительной утомительной работы. Гетман просил дозволения отпустить козаков, ссылаясь на то, что им надобно еще укреплять свои городки в полках. Но указ о распусчении козаков с крепостных работ получен был гетманом не ранее 7 ноября. Тогда гетман сдал крепость совершенно готовую киевскому губернатору князю Дмитрию Михайловичу Голицыну и назначил в число гарнизона 500 козаков своего регимента Стародубского полка. Мазепа оставался в Киеве, ожидая скорой кончины престарелой своей матери.

В Жолкве, как мы уже говорили, польские паны успели вынудить у царя Петра согласие на возвращение Польше Правобережной Украины. Гетману было это объявлено в Жолкве, но царь тогда же сказал Мазепе, что прежде чем прибудет комиссия, учрежденная по этому вопросу, малороссийский гетман будет о том предупрежден заранее, дабы мог дать время нежелающим поступать под польскую власть перебраться на левую сторону Днепра. В августе назначенный для отобрания Правобережной Украины каштелян волынский Виельгорский обратился к Мазепе с требованием приступить вместе с поляками к возвращению Белой Церкви и всей Правобережной Украины под власть Речи Посполитой, во исполнение договора царя с теми панями, которые вошли с царем в союз против шведов. 22 августа Мазепа получил от царя секретный указ не отдавать Украины полякам и отговариваться от них неполучением собственноручного царского указа. На этом основании Мазепа на приглашение Виельгорского приехать к нему для совещания о таком важном деле отвечал решительным отказом. Виельгорский приписывал медленность в исполнении царского обещания упрямству самого Мазепы и угрожал, что если так, то польские войска и без участия малороссийского гетмана займут силою Правобережную Украину. «Виджу, — писал по этому поводу гетман к Головкину, — без кровопролития не обойдется; а у меня войска мало, потому что все раскидано в разные стороны: одни в Польше, другие в Быхове, третьи на Волыни, четвертые в Казани, а со мною остались такие, что изнурены работою над постройкою крепости, лишились лошадей и сами нагие и голодные чуть не валятся от дуновения ветра».

При тогдашнем положении вещей, когда в Польше не было ни единого правления, ни порядка, а большинство поляков все-таки склонялось на сторону Станислава Лещинского, было естественно, что царь, при искренней готовности возратить Польше Правобережную Украину в возмездие за полезный с ним союз, должен был помедлить с этим делом. Поляки были недовольны, что не могли взять в свою власть края, отдаваемого им самим царем, делали угрозы, но эти угрозы были бессильны. Дело приостановилось, и нельзя было предвидеть, как оно поворотится. Малороссияне, во всяком случае, не могли спокойно смотреть на уступку половины своего отечества прежним своим врагам. Мазепа, как бы он втайне ни смотрел на этот вопрос, но, окруженный старшинами, должен был разделять общенациональное воззрение. «Конечно, — рассуждал он в письме к Головкину, — всякая вещь приватная должна уступать общей пользе. Нам трудно знать внутренние намерения великого государя, по которым он, ради союза с Польшею, готов ей делать такую уступку, но мы не ожидаем никакого добра от поляков в близком с ними соседстве. Если уж такова воля великого монарха, что отдавать в польскую область Белую Церковь и другие украинские места, то, по крайней мере, пусть бы министры царского величества с министрами польскими утвердили и постановили, чтобы поляки не интересовались городами и местами, находящимися близко Днепра — Каневом, Черкасами, Чигирином и прочими, которые были оставлены впусе генеральною комиссией во время установления вечного договора при короле Яне Собеском».

Военные события в Польше привлекали туда участие козаков. Из Жолквы отправлен был в распоряжение польского коронного гетмана Сенявского компанейский полковник Танский, потом в мае царь потребовал от Мазепы еще пять тысяч козаков, и Мазепа отправил их в качестве охотного полка под команду своего племянника Войнаровского, а в конце июня, по царскому указу, выслал еще сборный козацкий отряд на Волынь в Полонное на соединение с фельдмаршалом Шереметевым, для устрашения «непостоянных ляхов, абы они к стороне противной не приставали». В июне гетман отправил 1300 стародубцев в гарнизон в Быхов, который тогда сдался русскому генералу Бауэру.

Отправленное в Польшу в этот год козацкое войско поступило под команду князя Волконского, «человека молодого, глупого и нерассудительного», как аттестовал его польский историк. В самую пору жатвы прошли козаки через все Краковское воеводство. «Эти люди, — описывает польский историк козаков Танского, — не встречали неприятеля, а зато всякого мирного жителя обдирали, не разбирая звания и состояния, и мало в воеводстве осталось домов, где бы они ни грабили и ни били стекол в окнах. Они забирали пивные и горельчаные котлы, выдирали пчел в пасеках и обвари-

вали их кипятком, зажигали хаты без всякого повода, истребляли скот поголовно; бывало, загонят целое стадо в лес, вырежут из живого вола кусок мяса себе на жареное или полосу кожи со спины и кинут несчастное животное. Везде, где эти козаки стояли обозом, там невозможно было стоять от нестерпимого смрада. Они умышленно, без всякой нужды, истребляли копны хлеба в полях, сожигали скирды на гумнах, обдирали костелы, ругались над католическою святынею; невозможно было от них ни отпроситься, ни откупиться, и, многих поселян обобравши, они уродовали ударами плетей по голому телу, а тех, которые показывали намерение сопротивляться или убежать от них, забивали до смерти; если бы при этих козаках не находилось 600 великороссиян, то, кажется, в краковском воеводстве не осталось бы в живых ни человека, ни скотины». Козаки, совершая такие жестокости, исполняли волю своего государя, который нарочно послал их разорять маетности панов, приставших к союзу со шведами и признавших королем польским Станислава Лещинского. Такого рода войну еще прежде приказывал Петр Шереметеву в Ливонии; тот же способ наблюдался теперь и в Польше, и не одними малороссийскими козаками, но вообще всеми царскими ратными людьми. В Великой Польше с русскими и калмыками свирепствовал тогда полковник царской службы Шульц, сожигал дотла замки, усадьбы и целые города, а подчиненные ему калмыки в одном месте загнали кучу детей в дом и сожгли. Современные шведские известия сообщают возмутительные черты обращения русских с неприятелем во все течение Северной войны. Они варварски уродовали попавшихся в их руки шведов, не щадили ни безоружных женщин, ни стариков, ни даже невинных детей, а тех, которых почему-нибудь оставляли в живых, уводили с собою в рабство. Шведы жаловались, что их пленников содержали русские самым жестоким и унижительным образом, а в случае кончины их бросали их тела на съедение собакам и хищным животным. Не всегда разорение постигало только врагов царя: Денгоф, противник Станислава, заключавший с царем союз в Жолкве, жаловался, что козаки производили разорения и грабежи в его маетности. Так несчастный польский край терзали и русские, и козаки, и калмыки, и шведы, но более всех терзали его собственные соотечественники: некоторые, не желавшие повиноваться Станиславу, стояли за новую «элекцию»¹, сами еще не зная, кто будет выбран в короли, другие — таких становилось больше — признавали Станислава: но иные не приставали окончательно ни туда, ни сюда, переходили то к одной, то к другой партии, искали собственной выгоды и ловили в мутной воде рыбу. Эти-то господа совершали тогда чистые разбои и злодеяния под предлогом обратить других к своему долгу: те — на сто-

¹ Избрание (польск.).

рону Станислава Лещинского, те — на сторону новой элекции, заставляя других признать то или иное, но, в сущности, такое, чего они сами внутренне не признавали. Таков, по известию шведского историка, был некто Рыбицкий: прежде верный сторонник Августа, он, по отречении последнего от короны, остался все-таки ненавистником короля Станислава. Бывало так: люди его партии наткнутся на людей партии Любомирских и Потоцкого, притворяются, будто Рыбицкий передался уже Станиславу, будто приказывал и им служить вместе с сторонниками Станислава. Вкравшись в доверие, идут они вместе с последними, потом, улучив удобный случай, неожиданно нападают на товарищей пути своего и истребляют их. Сами знатные сторонники Станислава, Любомирские и Потоцкий, забравшись в Гданск, растрчивали там на свои удовольствия суммы, которые край доставлял им на содержание войска, а их солдаты, не получая средств, шатались, пробавляясь грабежом; русские и козаки нападали на них и истребляли их во множестве. Рассказывают, что один козацкий полковник, взявший в плен шляхетного предводителя такой шайки, обращался с ним презрительно и говорил: «Вы, ляхи, были когда-то нашими господами, а мы вашими хлопами. Но тогда вы были храбры, а теперь у вас храбрости стало столько, сколько у старой бабы, и вы достойны того, чтобы мы, бывшие ваши хлопы, ругались над вами, потому что вы не умеете защищать себя. Если вы не исправитесь, то мы вас всех за уши возьмем и кожу с вас сдерем». Но козаки, выказывая себя в Польше жестокими по царской воле, неохотно, однако, вели там войну и при первом удобном случае убегали оттуда. Так, козацкий отряд в 440 человек, оставленный князем Волконским между реками Саном и Вислою без хлебных запасов для себя и без корма для лошадей, весь разбежался, покинувши своего наказного полковника, и когда последний, оставшись без подчиненных, не придумал ничего лучшего, как воротиться в Украину, гетман приказал забить его в кандалы и посадить под караул.

Показываясь верным царским подданным, гетман известил, по вестям, полученным из Молдавии, что турки желают завести войну с русским царем и сносятся с его врагами. Посланцы Станислава были у Порты, и Порта тайно отправила дружелюбные грамоты к шведскому королю и к Станиславу Лещинскому, поручивши силестрийскому сераскиру¹ переслать эти грамоты с нарочным посланцем через венгерское государство. Сераскир избрал для этой цели одного агу² и приказал ему присмотреться к силам шведского короля, чтобы потом турки могли сообразить: в состоянии ли шведы удачно вести войну с московским царем. Ага должен был убеждать

¹ Здесь — командующему войсками.

² Господина. В Османской империи — офицерский титул.

шведов не мириться с царем без сношения с Османскою Портою для общей выгоды. По известию шведского историка, ага, о котором сообщал Мазепа, представлялся в Бресте 1707 года в ноябре шведскому королю, который еще в сентябре оставил Саксонию. Карл оглашал намерение идти на русского царя; его войско собиралось в Польше. Ага совещался с графом Пипером и вручил ему письмо от силестрийского паши, который извещал, что слова Карла дошли до падишаха и последний предлагает ему дружбу. В знак своего расположения падишах приказал выкупить из московской неволи 100 шведских пленных в благодарность за то, что Карл освободил турок, находившихся в плену в Польше и содержавшихся во Львове. Но когда речь коснулась возможности тесного политического союза со Станиславом, ага сказал, что султан готов оказывать помощь Станиславу, не разрывая, однако, мирного договора с московским государем. Карл отвечал, что сам он никогда не бросит короля Станислава и ему было бы приятно, если бы турецкий султан оказал последнему прямое содействие.

Важные по своему времени сведения передавал верховному правительству малороссийский гетман, и в его верности к царю со стороны Петра не возникало ни малейшего сомнения. Между тем тихо происходило много такого, о чем и в голову не могло приходиться ни Петру, ни его ближайшим советникам. Вот, например, что делалось 16 октября, когда Мазепа находился еще в Киеве. Была ночь. Его писарь Орлик, находившийся у него в помещении, занят был каким-то длинным писанием. Мазепа несколько раз обращался к нему из внутренних комнат: «Скоро ли ты кончишь? Есть еще иное дело!» Писание было, наконец, окончено, и писарь положил его на стол перед гетманом. Мазепа сидел за столом и держал в руке письмо в небольшом конверте. Он сказал:

«Княгиня Дольская через одного волоха прислала мне вот это письмо, зашивши посланцу в шапку. Я знаю наперед, что она все одно да то же пишет, а черт ее просит об этой корреспонденции: когда-нибудь эта безумная баба меня погубит! Недаром говорится: у женщины волос длинен, а ум короток. Возможное ли дело, чтоб одна баба глупым своим умом обманула меня! Распечатай это письмо и прочти».

Орлик приблизился к свечке, которая заслонена была зонтиком от глаз Мазепы, вскрыл конверт и достал оттуда цифирное письмо, писанное княгиней Дольскою, а в это письмо вложено было другое, маленькое, запечатанное письмо. Полагая, что и это последнее от той же княгини, и не присмотревшись хорошенько к печати, Орлик распечатал и другое — и уже после того заметил посредине при печати слова: Stanislaw Król. Писарь не сказал ничего гетману и сам прежде пробежал это письмо короля Станислава. Мазепа, видя, что писарь долго молчит и не читает вслух письмо, сказал:

«Зачем ты так долго медлишь и не читаешь? Ты ведь привык читать без перевода цифирные письма: ведь к ним у тебя есть ключи».

«Я, — отвечал Орлик, — и без ключа прочитаю княгинино цифирное письмо, но здесь есть письмецо от Станислава, для которого не нужно и ключа».

«От Станислава? Это невозможно!» — воскликнул Мазепа.

«Возможно! — отвечал Орлик. — Здесь и подпись имени его, и печать».

«Дай сюда!» — сказал Мазепа, взял и тихо прочитал. Тогда он показал такой признак ужаса, что упустил из рук на стол письмо и произнес такие слова: «О, проклятая баба, ты погубишь меня!»

Он потом долго сидел молча, задумавшись. Молчал и Орлик. Наконец, обратившись к своему писарю, гетман сказал: «Что мне делать с этим письмом? Посылать ли его к царскому величеству или удержать?»

Орлик сказал: «Ваша вельможность, сам изволишь рассудить высоким своим разумом, что надобно посылать: этим самым и верность свою непоколебимую явишь, и большую милость у царского величества поищешь».

Мазепа замолчал и опять долго сидел, погруженный в думу, потом приказал Орлику читать цифирное письмо от княгини Дольской.

В этом письме княгиня извещала Мазепу: посылала она в Саксонию ко двору Станислава ксендза-тринитара, и тот ксендз выехал оттуда в тот самый день, когда шведское войско выступило в Польшу. Ксендз привез с собою письмецо к Мазепе от короля Станислава, который, кроме того, приказал словесно передать Мазепе, чтоб он начинал замышленное дело прежде, чем шведы приблизятся к украинским границам. Ксендз привез еще проект трактата с Мазепою и с целым войском Запорожским. Княгиня просила Мазепу прислать за ним какого-нибудь своего доверенного.

«Тут, — говорит Орлик в своем письме к Яворскому, — я припомнил себе, что Мазепа видался с этим ксендзом-тринитаром во дворце княгини Дольской, куда заезжал с дороги, ворочаясь из Жолквы. Тут мне становилось ясно, что Мазепа замыслил что-то лукавое».

«Сожги передо мною это письмо», — сказал Мазепа.

Орлик исполнил приказание. Мазепа долго сидел и молчал.

«С умом борюсь, — сказал он наконец, — посылать это письмо к царскому величеству или не посылать? Посоветуемся еще утром, — прибавил он, — а теперь иди себе в свою квартиру и молись Богу, да, яко же хочет, устроит вещь. Может быть, твоя молитва приятнее, нежели моя. Ты по-христиански живешь. Бог то видает, что я не для себя чиню, а для вас всех, для жен и детей ваших».

«Пришедши в свою квартиру, — рассказывает в том же письме Орлик, — я взял денег два рубля, вышел и стал раздавать нищим и нищенкам, лежавшим в куцах (шалашах) на улице, и в богадельне Печерского монастыря. Я делал это с тем намерением, чтобы Всемогущий Бог освободил меня от обстоящих бед и отвратил Мазепино сердце от лукавого предприятия. Нищие, валявшиеся на улице, бранили меня, когда ночью я толкался в их кущи: они не милостыни от меня надеялись, а опасались воровства; однако же, услышавши от меня слова, поняли, что я не вор, отворяли дверцы шалашей и принимали милостыню».

Прошла ночь. Рано утром на другой день позвали Орлика к гетману. Когда писарь вошел, гетман сидел уже за своим столом, а перед ним лежал крест с частицею животворящего древа.

Мазепа произнес Орлику такую речь: «До сих пор я не смел тебе объявлять прежде времени моего намерения и открывать тайну, которая вчера тебе открылась случайно. Не то чтоб я в твоей верности сомневался, — я никогда о тебе не подумаю, чтоб ты заплатил мне неблагодарностью за толикую к тебе милость, за любовь и благодеяния и стал бы моим предателем, — но я рассуждал так: ты человек умный и добросовестный, однако еще молод и недостаточно опытен в таких оборотах. Я опасался, чтоб ты в беседах с великороссиянами да и с нашими всякого чина людьми или по доверчивости, или по неосторожности да как бы не проговорился об этом секрете и тем самым не погубил бы меня и себя. Но так как теперь это случайно не утаилось, то я призываю Всемогущего Бога во свидетели и присягаю тебе вот в чем: не для приватной моей пользы, не ради высших почестей, не ради большего обогащения, не для иных каких-нибудь прихотей, но ради всех вас, состоящих под властью моею и под моим regimentом, ради жен и детей ваших, ради общего добра матери нашей бедной Украины, для пользы всего Войска Запорожского и народа малороссийского, для возвышения и расширения войсковых прав и вольностей хочу я при помощи Божией так чинить, чтоб вы с женами и детьми вашими и отчизна с Войском Запорожским не погибли как от московской, так и от шведской стороны. Если ж бы я, ради каких-либо моих приватных прихотей, дерзал так поступать, то пусть побьет меня и на душе, и на теле Бог в Троице Святой Единый и невинные страсти Христовы!»

Он поцеловал крест с частицею животворящего древа и, обратившись к писарю, продолжал:

«Я в тебе уверен крепко и надеюсь, что ни совесть твоя, ни доблесть, ни честность, ни прирожденная шляхетная кровь не допустят тебя сделаться предателем своего господина и благодетеля; однако же, для большей верности, чтобы мне не оставалось ни малейшего сомнения, как я присягнул тебе, так и ты присягни

мне перед распятым на животворящем древе Христом, — присягни, что будешь мне верен и не откроешь никому секрета».

Орлик присягнул и поцеловал крест, который держал в руках Мазепа. До тех пор его все еще тревожило подозрение: не испытывает ли его гетман; но после произнесения присяги Орлик стал увереннее в том, что Мазепа говорит с ним искренно и поверяет ему важную тайну. Писарь стал смелее и сказал:

«Присяга вашей вельможности показывает усердную вашу ревность и отеческое помышление о своей отчизне и всех нас; но кто может исследовать судьбы Божии: какой предел положен настоящей войне и за кем будет виктория? Если за шведами, вельможность ваша и мы все будем счастливы; но если за царским величеством, тогда мы все пропадем и народ погубим».

Мазепа отвечал: «Яйца курицу учат! Дурак разве я, чтобы прежде времени отступить, пока не увижу крайней нужды, пока не увижу, что царское величество не в силах будет защищать не только Украины, но и всего своего государства от шведской потенции? Уж я, будучи в Жолкве, докладывал царскому величеству: если король шведский и Станислав разделятся, и первый пойдет на государство Московское, а второй на Украину, то мы не можем оборониться от шведских и польских войск с нашим бессильным войском, подорванным и умаленным от частых походов и битв. Того ради просил я царское величество там же, в Жолкве, чтоб изволил придать нам в помощь, по крайней мере, хоть тысячу десять из своих регулярных войск, а его величество мне отвечал: «Не только десяти тысяч и десяти человек не могу дать; сами обороняйтесь, как можете». И то еще меня понудило посылать этого ксендза-тринитара, капелляна княгини Дольской, в Саксонию (об иезуите Заленском Мазепа не вспомнул), чтобы там, видя какую-нибудь мою к себе инклинацию¹, не решались поступать с нами по-неприятельски и опустошать бедную Украину мечом и огнем. Тем не менее я буду сохранять верность царскому величеству до тех пор, пока не увижу, с какою потенцією король Станислав придет к украинским пределам и какой успех покажут шведские военные силы. Если мы увидим себя не в силах оборонять Украину и самих себя, то чего ради нам самим лезть в погибель и губить свою отчизну? Сам Бог и целый свет будет видеть, что мы по нужде решились это сделать, что, как вольный и незавоеванный народ, мы старались всеми способами о нашей целости. Без крайней, последней нужды я не перемену моей верности к царскому величеству. Для этого я заблагорассудил писать к царскому величеству и послать эту записочку Станислава, ко мне писанную, в доказательство моей верности. Ты, не уходя

¹ Склонность, влечение.

отсюда, напиши одно письмо к царскому величеству, а другое — к Гаврилу Ивановичу Головкину. Мы в письмо вложим записку Станиславу в донесение царскому величеству».

Гетман дал своему писарю наставление, как составить донесение царю и письмо канцлеру Головкину. Писарь, по гетманскому приказанию, написал то и другое и представил гетману. Мазепа, взявши в руки написанные письма, сказал:

«У моей матери, игуменьи печерской, есть верный слуга и отчасти нам сродственник; она обещала через него послать эти письма Войнаровскому, а Войнаровский представит их царскому величеству и графу Гаврилу Ивановичу Головкину».

Но Мазепа обманул своего писаря, которому все еще не вполне доверял, особенно после того, как тот осмелился сделать замечание, что отступление от царя может не принести хороших последствий. По собственной душе знал хорошо Мазепа, как человек легко может пожертвовать всякими чувствами дружбы, привязанности, благодарности, когда представится искушение. Мазепа впоследствии сам сознался Орлику, что мать его, игуменья Магдалина, не отдала этих писем для отсылки Войнаровскому, но удержала у себя и пред своею кончиною (которая постигла ее очень скоро) вручила их жившей с нею внучке своей, племяннице Мазепы, панне Марианне, рожденной от второго брака сестры Мазепы, приказывая отдать по смерти ее эту записку гетману. Мазепа тогда, сообщая о том Орлику, прибавил, что «госпожа matka его просила одну богоугодно живущую черницу молиться Богу, чтоб Он сам указал: надобно ли посылать или удержать эти письма, а этой чернице было такое откровение, что если эти письма пошлются, то гетман погибнет».

На другой день после откровенных объяснений с Орликом, 18 октября, Мазепа велел Орлику отписать Станиславу цифрами, что не может исполнить королевского указа по многим причинам, которые излагал в таком смысле: Киев и другие укрепленные пункты в Украине наполнены многочисленными московскими гарнизонами, «под которыми козаки; як перепелиця под ястребом, не могут головы поднести (поднять); кроме того, несколько тысяч великороссийского войска регулярного, хорошо обученного и снаряженного, находится при мне, гетмане; они наблюдают за всякими моими поступками и достаточно сильны, чтобы пресечь всякое противное начинание, а вся царская потенция находится в Польше недалеко от Украины. У нас в Украине и начальные и подначальные, и духовные и мирские особы, словно разные колеса, не в единомысленном согласии: те благоволят к протекции московской, другие — к турецкой, третьим по вкусу побратимство с татарами из врожденной антипатии к полякам. Самусь с прочими полковниками, старшинами и козаками Правобережной Украины, после недавних бунтов, не-

легко склонятся к Речи Посполитой. Того ради надобно первее постараться привести к единомыслию войско и весь народ в Украине на обеих сторонах Днепра. Притом сама Речь Посполитая теперь раздвоена и сама с собою не в согласии». Мазепа обещал только не вредить ни в чем интересам Станислава и шведских войск. Он просил, чтобы Станислав прежде постарался привести в единство польскую Речь Посполитую настолько, чтоб она единогласно признавала его своим государем и королем.

В следующую затем зиму, когда Мазепа жил в своем Батуристине, происходило такое событие. На второй день праздника Рождества Христова иезуит Заленский, приехавши в Украину, остановился в селе Оленовке¹, не доезжая двух миль от Батурина, послал гетману письмо, в котором давал знать о своем прибытии и просил указать, где ему приютиться. Мазепа смутился таким приездом. Он позвал Орлика, сообщил ему о прибытии иезуита и сказал:

«Признаюсь теперь тебе, я из Жолквы посылал ксендза Заленского в Саксонию проведовать, как скоро войска шведские оттуда двинутся. Теперь черт его принес сюда: ожидает в Оленовке от меня указа, где ему пристать. Если он сюда приедет, то подаст меня в явное подозрение. Поезжай сейчас в Оленовку и сделай выговор Заленскому: скажи, не нужно было ему сюда ехать, следовало из Винницы известить о своем возвращении из Саксонии и написать реляцию о поверенном ему деле, а самому не ездить для возбуждения в подозрительных умах нехорошего мнения о своем приезде. Прикажи Заленского привезти в Бахмач² ко мне во дворец»³.

Орлик отправился в Оленовку. Иезуит удивился, когда увидел, что Орлику известен секрет.

«Я думал, — сказал он, — что ни один дух, ниже сам Войнаровский о том не ведает. Так сказывал мне в Жолкве сам гетман. Я нарочно поспешал в Батуристин к празднику, оттого что в это время съезжаются к гетману все старшины и полковники с поздравлениями. Со мною универсал короля Станислава, обращенный к целой Украине: я бы мог его всем объявить и словесно ассекуровать (обеспечить) всякими вольностями и королевским особливым призрением и милостями».

Орлик привез иезуита Заленского в Бахмач и поместил во дворец Мазепы. Из Бахмача Орлик два раза привозил Заленского к Мазепе на Гончаровку⁴, первый раз для аудиенции, второй —

¹ Ныне село Борзенского уезда при р. Загоровке.

² Ныне местечко Конотопского уезда при р. Борзне на железной дороге.

³ Двор Мазепы, теперь уже не существующий, находился в хуторе Поросючке в версте от Бахмача, в лесу.

⁴ Урочище в полуверсте от Батурина, где был дворец Мазепы, обведенный валом.

для прощания с гетманом перед своим отъездом. Заленский вручил Мазепе универсал Станислава: король расхваливал мужество, храбрость и отвагу войска запорожского, обнадеживал расширением и умножением прав и вольностей, обещал свои отеческие попечения всему малороссийскому народу, возбуждал всех малороссиян прибегать к нему, как к своему наследственному государю, и вместе с предостойнейшим вождем своим стараться о низвержении с своих шей московского ига при скорой помощи непобедимых войск шведских и польских. Отдавши в руки гетмана такой универсал, Заленский рассказывал о состоянии шведских войск, как они многочисленны и хорошо снаряжены, сообщал, что, с одной стороны, король шведский намеревается идти из Литвы на Москву, а с другой — Станислав пойдет из Польши к Киеву и к нему присоединится в помощь татарская орда, как уже дал обещание турецкий посланник. Заленский не привез к Мазепе никакого частного письма от Станислава, и Мазепа ничего с ксендзом не писал, а только велел ему неисходно оставаться в Виннице до получения дальнейшей ведомости.

По известию шведского историка Нордберга, в октябре 1707 года у короля Станислава Лещинского был тайный посланец от Мазепы. Современник Адлерфельд, а за ним шведский историк Фриксель говорят, что это был какой-то болгарский или сербский низложенный архиерей, странствовавший в виде собирателя милостыни: настоящая цель его поездок известна была только четверем лицам: двум королям — шведскому и польскому, Мазепе и еще одному какому-то польскому пану. Этот посланец от имени Мазепы говорил так:

«Всем известно, что московские ратные люди большие трусы, и хотя хвастают, что с твердостью будут ожидать нападения от шведов, но всегда разбегаются. Мазепа предлагает королям шведскому и польскому свое содействие и заранее обещает устроить мосты для шведского войска, если короли станут покровительствовать его намерениям. Московское войско, которого будет в Украине тысяч шесть или семь, все будет истреблено».

В Польше были уверены, что козаки ничего так не желают, как освободиться от царской власти. Думали и говорили так: московская власть кажется козакам невыносимым бременем, хотя они сами наложили на себя это бремя. Но ведь то делалось давно: тогда они обольщались надеждами свободы и разных выгод, которыми, однако, не пришлось им пользоваться. Так соображал и Станислав и не усомнился в искренности малороссийского гетмана. Он через того же посланца благодарил Мазепу за сочувствие, уверял, что будет хранить в тайне его предложение, требовал того же со стороны Мазепы и обещал на будущее время вести с ним тайные сношения до тех пор, когда козакам можно будет

объявить открытый разрыв с Москвою. Шведский король, когда его известили об этом посольстве, на первый раз не слишком обрадовался новому союзничеству. Он сказал: «Я заметил по опыту, что козаки способны оказывать услуги, когда приходится преследовать бегущего неприятеля, но вообще во время войны на них нельзя полагаться».

Таким образом, из шведских источников открывается, что у Мазепы, кроме сношений с царскими неприятелями через католических духовных, велись еще сношения и другими путями, остававшиеся неизвестными гетманскому приближенному Орлику и, вероятно, другим лицам, знавшим о его сношениях, отправлявшихся путем, прежде нами указанным. Кажется, гетман и в это время не пришел еще к полному решению переходить на шведскую сторону, но постепенно приближался к нему по мере того, как успехи Карла и Станислава Лещинского внушали ему опасение, что царь не отстоит своего государства, когда победоносный соперник грянет на его державу с соединенными шведскими и польскими силами. Это тем казалось вероятнее, что внутри Русского государства происходили потрясающие волнения. Страшный гнет, тяготевший над великорусским народом по случаю напряженной войны, стал невыносим беспрестанными поборами и доставкой людей в войско и заставил народ массами бежать из своих жилищ. Приютом беглых стал Дон и прилегавшие к нему украинные страны Московского государства. На реках: Донце, Гайдаре, Хопре, Бузулуке, Калитве, Медведице и на их притоках основались городки, наполненные беглыми: жители этих городков признавали себя козаками, все тянули к донскому козачеству и стали враждебно относиться к русскому правительству. Явился смелый предводитель мятежа, донской атаман Кондратий Булавин. Уже летом 1707 года гетман Мазепа из-под Киева, по царскому указу, должен был посылать отряд в ту сторону для укрощения бунтов. Царь отправил с отрядом войска князя Юрия Долгорукого для отыскания в украинных городах беглых и для возвращения их на прежние места жительства. В октябре 1707 года Булавин разбил и истребил дотла весь посланный царем отряд, убил самого князя Долгорукого и потом отважно призывал целый Дон и всю украинную страну к восстанию против царской власти.

Это восстание находило себе готовый контингент в Запорожье и в самой Гетманщине. Там козаки и посполитые бегали из своих жилищ, заводили слободы на юге, на рубежах с запорожским краем и не хотели подчиняться гетманскому регименту. Так завелась Вольная Слобода на Самаре, населенная людьми из Полтавского полка; начальствовавший над ней сотник Лучинченко не хотел слушать полтавского полковника, отговариваясь, что он под-

чинен самарскому воеводе, не слушал, однако, и последнего, ссылаясь на то, что козак должен слушать только своего полковника. Ни полковник, ни сам гетман не находили легальных способов с ними справиться. В Полтавском полку разгуливала вольная разбойничья шайка, которой атаманом был Лебедин: 10 лет сряду он наводил страх, и только весной 1707 года компанейцы усмирили его и взяли в плен. Кошевой атаман доносил гетману, что в Запорожской земле повсюду распространяются своевольные разбойнические «купы» беглецов.

Сверх того, в разных местах, как и прежде, не переставали столкновения между великороссийскими ратными людьми и малороссийскими обывателями; взаимные ссоры кончались нередко кровавою расправою с обеих сторон. Жалобы на наглость великороссиян посылались по-прежнему гетманом к царю. Царь Петр сам сознавал, что малороссиянам, как и великороссиянам, становится невыносимо тяжело. Он прислал успокоительную грамоту, обращенную ко всему малороссийскому народу, и приказывал читать ее во всех полках. В этой грамоте царь сознавал, что народ терпит от великороссийских военных людей, проходящих по делам службы через малороссийский край, но указывал, «что по поводу военного с королем шведским случая без того обойтись невозможно, что надлежит ради общей государственной пользы сносить эти неудобства, так как и он сам персоны своей не щадит». Он обнадеживал народ явить ему царскую милость по окончании войны, а до того времени давал обещание приказать войску, проходящему через малороссийский край, и «всем посыльщикам» вести себя смирно и не чинить обид и разорений малороссийским жителям под страхом жестокого наказания.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Видимое дружелюбие гетмана к царю и его вельможам. — Донос на гетмана, поданный козаком Мирном. — Доверие к гетману. — Движение шведов в Литву. — Взятие Гродна шведами. — Карл в Сморгонах и Радосовицах. — Булавин и запорожцы. — Бунт Булавинский. — Участие козаков в его укрощении. — Письмо к Мазепе пана Тарла. — Мотря Кочубеевна. — Донос Кочубея и Искры на гетмана. — Розыск по этому доносу. — Боязнь Мазепы во время производства розыска. — Колебание Орлика. — Старшины пристают к замыслу Мазепы. — Выдача Кочубея и Искры Мазепе и казнь их.

Роковой в истории Малороссии 1708 год начался при обоюдных выражениях добрых отношений между гетманом и русским правительством. Царь прислал гетману врача, заботясь о здоровье Мазепы, беспрестанно жаловавшегося на «подагричные и хирагричные» недуги; гетман в своих письмах разливался благодарностью за внимание к нему¹.

Мазепа отправил Головкину «звериные» (дичины) своей охоты для царского стола, назначая часть из посланного для самого канцлера, и изъявлял ему желание кушать на здоровье. С своей стороны и верховной власти представился случай показать образчик прежнего неизменного доверия и расположения к гетману. Явился снова доносчик, обличавший Мазепу в намерении изменить царю: это был новокрещенец рейтар Мирон, освободившийся из турецкой неволи. Он, прибывши в Киев, сообщил, что в Яссах виделся он

¹ "...О здравии моем благосердствуя, благосердствуешь, неизреченную паче же реку равнобожескую монаршескую свою являя мне милость, когда для уврачевания моей немощи изволил в. ц. пресв. вел-ство милостивно указать лекаря мне прислать. И что воздам в. ц. в-ству за всех яже воздал ми еси? А понеже по достоинству возблагодарить не возмогу, убо до кончины жития и истощения сил моих за толь премилосердное монаршее призрение верными своими непремненными услугами подданически награждать долженствую, в чем да поможет мне Господь Бог проникающий сердца». (Архив иностранных дел 1708 г., январь. Подлинники.)

с проживающим там Василием Дрозденком, сыном брацлавского полковника Дрозда, который, некогда будучи соперником Дорошенка, был последним взят в плен и расстрелян. Этот Василий Дрозденко говорил Мирону: «Прошлого года находился я в Польше при короле Станиславе, именно тогда, когда прислан был туда бусурманский посланец. В это время явился к королю Станиславу какой-то чернец с письмом от гетмана Мазепы. Письмо это было читано при бусурманском посланце; говорили, что оно заключало такое обещание, что козацкие войска, вместе с польскими и крымскими, будут воевать против царских войск». Доносчика отправили из Киева в Посольский приказ. Там говорил Мирон, что Дрозденко велел ему довести это до сведения царя ради единой православной веры и памятуя, что отец его был под державою московского государя брацлавским полковником. В Москве не поверили доносу, и государь послал гетману утешительную грамоту¹. Так к этому доносу отнеслось правительство, наученное по опыту недоказанностью прежних многочисленных доносов на Мазепу: между тем для нас теперь видно, что сообщение Дрозда заключало в себе истину, относясь именно к посылке от Мазепы к Станиславу болгарского или сербского экс-архиерея.

Доверяя во всем гетману, царь поручил ему разослать по полкам своего регимента приказ ловить и пытаться тех, которые бы явились с «прелестными» письмами от шведского короля и Станислава, так как открывалось, что шведский король приказал в Гданске печатать русскими литерами воззвания и распространять в Украине через русских перебежчиков.

После того как посланники турецкий и гетманский предлагали шведской стороне надежду на содействие, Карл с большею отвагой замыслил перенести войну к рубежу Московского государства. Царь Петр находился в Гродне, в середине Великого княжества Литовского. Шведский король сам лично с небольшим отрядом ударил на двухтысячный отряд русских драгун, поставленный у моста на реке Немане, и прогнал его. Русские ушли в противоположные городские ворота из города. Шведы вошли в Гродно. Царь в следую-

¹ «...Верность твоя свидетельствуется тем, что ты, нимало ничего у себя не задерживая, нам о всем доносил. И так мы, вел. государь, рассуждаем, что тот Василий Дрозд, наслышавшись о чернце и составных его письмах, будучи при дворе королевском в то время, когда к тебе гетману была злохитрая подсылка по некоему злоумышленному ненавистных людей подущению, чтоб в Малой России замешание учинить, ведая и видя то, и завиствуя тому, что мы, вел. государь, изволяем иметь тебя гетманом с генеральною старшиною и с полковниками и со всем народом малороссийским без всякого подозрения, и ты нашего цар. в-ства подданный служишь нам верно и в Украине все с пожитком войску и народу малороссийскому исправляется». (Архив иностранных дел 1708 г., январь. Подлинники.)

щую ночь попытался было их выгнать, но это ему не удалось. Шведское войско овладело целым городом, а царь ограничился только тем, что приказал опустошить огнем и мечом весь окрестный край, чтобы не допустить вошедших в Гродно шведов получать из окрестностей средства к своему существованию в чужой стране.

Король шведский с войском двинулся далее. 11 февраля заложил он свою главную квартиру в Сморгонах, а 18 марта — в Радосовицах. Царь с войском стал в Вильне; его генералы с военными силами расположились в Полоцке, в Минске, в Могилеве.

Гетману указано было собрать полки и выступить за Киев, в Правобережную Украину, с целью содействовать по мере надобности полякам партии Сенявского, враждебной шведам, впустить в Белую Церковь польский гарнизон и держать при Сенявском мало-российского резидента. Февраля 6 Мазепа с половиною своего войска был уже в Хвастове. Сенявский писал ему, что идти самому далее незачем, а требовать присылки шести тысяч козаков в Польшу, о чем Мазепа доносил, представляя неудобство такой посылки¹.

Очевидно, Мазепа, замысливши изменить царю Петру и при возможности объявиться на стороне противной, чувствовал себя крайне в фальшивом положении, когда его принуждали посылать подчиненное ему войско против тех, которым он тайно обещал свое содействие, и оттого-то он изо всех сил старался под разными бла-

¹ «...По указу в. ц. в-ства рушивши я в поход военный з Батурина и переправивши Днепр, поспешил до Хвастова немедленным маршем, где и войска регименту моего, которые могли в нынешнее великое распутие последовательно мне надлежащего места достигнуть, около Хвастова разставленные пребывают, а половина войска по повелению в. ц. в-ства для лготы своей в домах осталася, где zde в Хвастове получил и от г-на Синявского гетмана великого коронного трикратное писание, в котором желает, дабы я далечейшим походом и сам не турбовался и войск не трудил, того ради что неприятельская потенция з Польши вышла и марш свой до Литвы определила, токмо в Великой Польще около Познаня малая некая партия оставлена, на которую просит у мене суккурсу шесть тысьч выборного войска туда ж до Великой Польши, а мне советует около Белой Церкви стоять, смотря неусыпно на поведения бусурманские, ибо получил он, гетман (яко до мене пишет), будто подлинную от зчливых корреспондентов ведомость, что посел турецкий, посыланнный до короля шведского и до Станислава, обещал им именем Порты в помощь по первой весне 4000 турок и 6000 орды и будто и письмом тую свою ассекурацию утвердил. Я убо без именного в. ц. в-ства указу не знаю яко тым суккурсам желание его г-на гетмана великого исполнить. Понеже от Днепра аж до Случи на сей пустыни не токмо сена, но и соломы невозможно достать, а от Случи до Львова мало не тое же чинится для консистенции войск обозовых коронных. И если в такую далекую сторону 600 выборного войска пошло то подлинно в нынешнее распутие и крайнюю безкормицу от коней отпадут и пеши поприходят". (Государственный архив. Письмо Мазепы 6 февраля.)

говидными предложениями удерживаться от посылки козаков на помощь полякам, враждебным королю Станиславу. Царский указ предписывал отправить стародубских полчан к Быхову на соединение с бывшими там польскими военными силами; Мазепа пытался уверить правительство, что это будет небезопасно, потому что на искренность поляков нельзя положиться¹. Он извещал, что по поводу сношений шведов с турками надобно остерегаться от внезапного вторжения бусурманских союзников шведского короля, и потому нельзя лишать Украину постоянного войска. Сенявский напрасно требовал и присылки козаков, и возвращения Украины, ссылаясь на объявленную волю царя. Мазепа все отговаривался неполучением окончательного царского указа, и Сенявский писал к царю, представлял доводы, что одна Белая Церковь без территории недостаточна, и, жалуясь на малороссийского гетмана, просил приказать ему исполнить царскую волю об отдаче Украины². Мазепа, напротив, писал, что опасно посылать козацкое войско под команду ляхам, потому что они коварны³. Спустя немного времени Сенявский требовал уже не шесть, а десять тысяч козаков ему «в сикурс» и сверх того желал, чтоб и сам гетман Мазепа с остальными козацкими силами шел к нему в Дубно, потому что против Сенявского шли военные силы Станислава. Царь приказал Мазепе исполнить требование Сенявского, потому что должен был содействовать польскому войску, которому давал субсидию. Мазепа должен был снарядить на помощь к Сенявскому отряд козаков под начальством киевского полковника Мокиевского, но вместе с тем Мазепа не переставал увертываться и выдумывать всякие способы, чтоб, исполняя царскую волю, не действовать наперекор своим тайным замыслам.

Мазепа писал Головкину, что получил «пересторогу» от некоторых поляков, преданных царю, что неприятели намерены вторгнуться в Украину, а Сенявский колеблется и подумывает пристать к шведской стороне. «Быть может, — писал Мазепа, — Сенявский

¹ «...Понеже там около Быхова многие корогвы войска литовского приближаются и волочатся, которые, яко непостоянные, Бог ведает что думают и каким намерением там собираются, и если б оные, изъявляя сокровенную свою внутреннюю вражду, похотели нечаянное на полки моего регимента учинить нападение, а наши бы их не одолели, то надежнее будет уступить и припертись для оборонительного отпору к своим городам, где я скорее бы войсками регименту моего подал помощь». (Государственный архив. Письмо марта 9-го 1708 года.)

² «...Господин гетман Мазепа указы в. в-ства паче рассказами нежели самым делом исполняет, отсрочивая сикурс, который ныне зело был бы потребен к разорванию сил неприятельских, в чем не жалуясь на персону его м-сти, дерзаю просить в. в-стно о действительном к нему указе и об отдании Украинь». (Архив иностранных дел 1708 г., март. Подлинники.)

³ «...Ляхи, по-видимому, еще теперь и являются быти верными, обаче внутрь сокрывают что невозможно того проникнути». (Там же.)

нарочно замыслил отвлечь от меня 10 000 козаков, чтобы разделить мои силы и открыть неприятелю нашему путь в Украину». Мазепа повторял опасения и со стороны сераскира, и со стороны Запорожья; там, под покровительством запорожцев, которых в своем донесении он честил «псами», стекается разный сброд из Гетманщины, Слободской Украины, Польши и Воложины, люди, готовые на всякое воровство и своеволие. Все это, по-видимо здравым соображениям гетмана, не допускало удалять его с войском из Украины. Сенявский ни за что не хотел брать Белой Церкви и вводить туда польского гарнизона, домогаясь непременно отдачи ее территории. Но Мазепа всеми силами старался убедить царя, что если отдать Белую Церковь с уездом и дозволить там стоянку польских военных сил, то между поляками, с одной стороны, и с другой — белоцерковскими козаками, а за ними и всеми обывателями Правобережной Украины начнется междоусобная драка. Это казалось чрезвычайно основательным, судя по недавним еще событиям, и притом все это сходилось с тогдашними намерениями, возникшими у Петра. У царя велись тогда тайные переговоры с королем Августом; царь пытался побудить Августа появиться в Польше и своим прибытием поддержать противников Станислава; поэтому Петр воспользовался предостережениями Мазепы, отложил до возвращения Августа отдачу Польше Правобережной Украины, задержал движение Мазепы с малороссийскими военными силами на Волынь к Сенявскому и, наконец, выдачу обещанной денежной субсидии на польское войско. Подозрение на Сенявского, которое набрасывал царю Мазепа, подтверждалось известиями и из другого пути. Царский резидент, состоявший тогда при Сенявском, доносил царю, что этот пан в минуты откровенности высказывался так: «Если придут такие обстоятельства, что мне невозможно будет держаться царской стороны, то я отступлю к противной стороне, только шельмой никогда не буду, а заранее объявляю об этом прямо». По известию шведского историка, Сенявский в это время сильно колебался и уже склонился было на сторону Станислава под влиянием убеждений французского посланника маркиза де Бонака, но потом опять отвернулся в противную сторону. Причиной такого колебания было то, что союз с Петром щекотал честолюбивые надежды Сенявского — сделаться самому королем, а его жена, через посредство других лиц, искала милости у Станислава «про запас», чтоб иметь возможность пристать к нему тогда только, когда уже станет ясно, что царские дела пойдут худо. Польские паны в то время так легко переходили с одной стороны на другую, что никаких соображений нельзя было составлять заранее ни о ком: малейшее что-нибудь, манившее выгодною или устрашавшее опасностью, располагало польского пана пристать к той стороне, которой он только что перед тем был противником, и изменить той, которой недавно клялся в

верности. Так в эту пору братья Любомирские — обозный и подкоморий, — открыто ставшие за Станислава, теперь обращались к царским министрам, изъявляли «униженность» и охоту служить общим интересам, прося возвратить свою маетность Лабунь, захваченную Меншиковым. С Сенявским могло быть что-нибудь подобное в обратном смысле.

Мазепа бросал подозрение на Сенявского, выставляя свою верность царю; но и Сенявский не оставался в долгу и бросал перед царем подозрения на Мазепу. В апреле, жалуясь, что, вопреки царскому обещанию, Мазепа не отдает Украины и сам не идет с войском к Дубно, он сказал русским резидентам Украинцеву и Дашкову: «Ох, смотрите, как бы гетман ваш не имел со шведским королем и с Лещинским тайного согласия!» Разом стольник Кантакузин сообщил Мазепе, что посланец турецкий, ездивший в Польшу к Станиславу и к шведскому королю, слышал, как Станислав хвалился, что у него есть друзья в Москве, гетман с Украиною с ним заодно и станет помогать ему против Москвы, когда Порта пошлет в помощь Станиславу орду. Сам Мазепа сообщил о таких слухах насчет себя Головкину и приписывал такую клевету против него сераскиру, который хочет затянуть Порту в войну против русского царя. В мае ездил к Сенявскому от Мазепы войсковой канцелярист Максимович, и с ним Сенявский прислал Мазепе какое-то письмо, «писанное неведомо от кого и до кого»: в этом письме желали склонить Сенявского к переходу на сторону Станислава и указывали, как на пример, что гетман войска запорожского уже к нему склонился. И об этом Мазепа тотчас сам известил Головкина, признавал такое письмо произведением «адгерентов» шведских, которые друг с другом ссорятся и его, невинного, в свои дразги мешают. Мазепа горько жаловался, что клеветники не дают ему покойно окончить в старости дней своих, и уверял, что гетманское звание доставляет ему только муку¹. Головкин, успокаивая «доброе» старика, писал к нему: «Много таких рассеянных безделиц бывает не на одного вас, но и на иных многих верных слуг царского величества; нечего тому верить, ибо неприятели всегда для своей пользы ложь на верных сплетают, дабы тем своих единомысленников увеселить».

¹ «...Благодарю Бога моего, что грех ради моих наказует мя отовсюду скорбями, напастями и клеветами, бедами и неудобноносимыми печальями, которые в крайней моей немочи и ослабелой старости превосходят мои силы и не дают мне спокойно сего уже короткого жития докончить, но прежде времени в гроб женут! Богдай бы того никогда уряду гетманского не знал, на котором от начала его не живу, а мучусь, стражду и непрестанные напасти и внутрь от своих знаемых и лжебратий и извне от чужестранных терплю. Прошу вашей вельм-сти, сотвори милость с ближним своим горее нежели в разбойники впавшим и милосердствуя о мне, подаждь в тяжких печалех желаемую отраду, да не скончаюся безвременно». (Архив иностранных дел 1708 г., май. Подлинники.)

Сенявский, долго домогавшийся всей Правобережной Украины, в мае отнесся к русскому правительству с готовностью взять одну Белую Церковь с ее уездом. Головкин по этому поводу писал к гетману Мазепе, что это дело оставляется на его собственное усмотрение: если гетман надеется, что отдача Белой Церкви не произведет волнения во всем малороссийском народе, то может исполнить требование Сенявского, а в противном случае может подождать. Таким образом, Мазепа успел-таки поставить дело с поляками так, как ему было нужно до поры до времени. Он держал царя в подозрении относительно поляков, не шел сам в Польшу на помощь противникам Станислава, не посылал уже туда более козаков, не отдавал и Белой Церкви Сенявскому, а стоял обозом у Белой Церкви, куда перенесся из Хвастова еще 27 марта по причине скудости в конских кормах. Стоя под Белою Церковью, как будто дожидаясь дальнейшего царского указа, Мазепа отправлял по царской воле козацкие отряды на другую сторону.

На Запорожье появился предводитель донцов и украинских удалцов Московского государства Кондратий Булавин. Сначала он заложил свой стан в урочище Кленкове, на реке Калмиусе; к нему набралось там до 9000 всякого рода «гультаев»; донцов было с ним до тысячи человек. Оттуда Булавин прибыл в Сечу, принес письмо от донского козацкого войска к низовому запорожскому и стал возбуждать запорожцев идти вместе с донцами на Русь — бить бояр, прибыльщиков, дворян и подьячих. Три раза собиралась в Запорожье рада. «Молодыта» (т. е. недолго еще жившие в Сече) вошли в задор и подняли обычный крик: идти бить арендарей и панов за то, что Украину завладели. Старики удерживали их и представляли, что в то время никак нельзя было начинать такого похода: первое, оттого, что зима была теплая и реки не совсем замерзли; второе, в Москву посланы были их товарищи и могли там пропасть, если Запорожье пристанет к мятежу. Дозволили Булавину жить в Кодаке, но не позволяли приглашать татарскую орду. Это происходило в середине зимы. Мазепа отправил в Сечь батурина сотника с приказанием выдать Булавина. Сначала рада решила исполнить требование гетмана, но на другой день пьяницы и «гультаи» взяли верх над стариками и закричали, что Булавина выдать невозможно, потому что издавна в Сечу волен всякому приход и Сечь никогда никого не выдавала. Булавину, однако, послали в Кодак приказание жить смиренно, распустить всякое «гультайство» и не затевать ничего противного государю. Но вслед за тем в Сече произошел переворот: сменили кошевого, избрали Костю Гордеенка, «древнего вора и бунтовщика», как его называл в своих донесениях Мазепа. Напрасно от гетмана приходили одно за другим требования выдать или, по крайней мере, прогнать Булавина. Он продолжал сидеть в Кодаке и оттуда разослал 260 агентов в украинные страны Московского

государства и на Д^он с возмутительными грамотами. Он возбуждал донцов тем, что «деды и отцы положили старое поле и то старое поле держалось крепко, а ныне злые бояре и немцы козаков ругают и оскорбляют, жгут и казнят жестоко и старое поле переводится ни во что». Он, Булавин, восстает за это старое поле и с ним заодно все запорожские козаки и белгородская орда. Он дает такой приказ Войску Донскому и всем городам украинным: со всех станиц половина жителей пусть идет к нему, а половина остается дома. Всех начальных и простых черных людей посадских и волостных, в селах и деревнях украинских городов возбуждал он истреблять дворян, прибыльщиков, немцев, но уговаривал между собой отнюдь не заводить вражды, никого безвинно не оскорблять под страхом смертной казни, всех заключенных в тюрьмах освободить и всем везде устроиться по козацкому обычаю в десятки, выбрав атаманов и асаулов. При новом кошевом уже не только не запрещали Булавину приглашать татар, но решали, что, когда Булавину пристанут белгородские татары, горские черкесы и калмыки, тогда и запорожцы не задумаются идти на великорусские города. Булавин переправился через Днепр, стал на урочище Вороное и оттуда кликнул клич: «Атаманы молодцы, дорожные охотники, вольные всяких чинов люди, воры и разбойники! Кто похочет с походным военным атаманом Кондратием Булавиным погулять, по чисту полю красно походить, сладко поесть да попить, на добрых конях поездить — приезжайте к нему в вершины самарские!»

Мазепа с своей стоянки под Белою Церковью отправил против Булавина полтавского полковника Левенца и охотного полковника Кожуховского; но в то же время писал Головкину, что не слишком-то доверяет искренности и верности посланных козаков¹. Без сомнения, посылая войско против Булавина, Мазепа и здесь принужден был поступать наперекор своим истинным тайным намерениям. Естественно, ставши сторонником Карла и Станислава и врагом Петра, он должен был для целей своих тайных союзников находить подходящими всякие смуты и беспорядки в царской державе.

Однако посылка козацких полковников сделала свое дело. Булавин ушел² и перебрался в украинные страны Московского государства. Он установился с своею вольницею в Пристанном городке на

¹ «...Если пристали к Булавину своевольные запорожцы, то как ворон ворону глаза не выклюнет, так и козак на козака силно наступать не будет, а чтоб к оным козакам приданы были великороссийские войска, понеже при них лучше будут козаки служить». (Государственный архив. Кабинетские дела. Отделение II. Кн. № 8. Донесение Мазепы 9 мая.)

² «...Для промыслу над ним ординовалем полк Полтавский и полк компанейский, о которых сближенюся к Самаре он бунтовщик уведав, снать перестороженный от пасечником увоишел, оставя курене токмо и неведомо куды з гультайством своим удалилися». (Там же.)

Хопре, взволновал городки по рекам: Хопру, Битюгу, Медведице, Гайдаре и Северному Донцу. Весь этот край, не с давнего времени населенный беглою вольницею, стал тянуть к Донскому Войску. Булавин из Пристанного грянул на Черкасск, убил атамана Лукьяна Максимова и был провозглашен атаманом всего козачества. Немалую надежду полагал он на Запорожье, а главное — на множество «гультаев», скопьявшихся там из Гетманщины и Слободской Украины, только того и алкавших, чтобы ворваться «в города» и расправляться там с зажиточными людьми, владельцами дворов и земельных угодий. В конце мая Булавин, овладевши Черкасском, с несколькими тысячами удальцов прибыл в Бахмут и оттуда послал в Сечь свой новый «прелестный» универсал. Он извещал, что князь Василий Долгорукий с московскими ратными людьми пришел истреблять все козачество, побить старых и малых и сжечь все козацьи городки. Он извещал, что в ожидании такой беды для всего козачества Войско Донское призывает всех обитателей берегов Дона, Медведицы, Хопра, Гайдара, Северного Донца, Днепра и всех его «запольных» (впадающих в Днепр) речек, где только обретается козацкий присуд, подниматься и идти противу грозящего всем врага, «чтобы все козацьи реки оставались по-прежнему, как было там козачество, и чтобы между всеми козаками было побратимство». Сборное место назначено под Ямполем. Воззвания Булавина наделали более крика и шума, чем оказали ему помощи на деле. В Сече, в Кодаке и разных степных притонах кричали, что надобно идти разорять и убивать всех значных и богатых людей. В самой Запорожской Сече 13 мая была шумная рада. Удалые и горячие головы сперва взяли верх. Но приехавшие из Киева монахи вынесли из сечевой церкви крест и евангелие и успели уговорить часть козаков. После того хотя запорожцы и приставали к Булавину, но отдельными ватагами, человек в несколько сот в каждой. Так, например, 30 мая пошло к нему 300 удальцов с красными кумачными знаменами, а 9 июня отправилась к нему другая партия — 500 пеших человек. Но сам Булавин повредил себе тем, что разделил свои силы. Он отправил один отряд своих козаков в 5000 человек к Азову, а другие два, под начальством единомышленных своих атаманов, Драного и Голого, на запад, для привлечения к себе жителей и умножения сил своих. Голый, в отряде которого было тысячи полторы запорожцев, удачно расправился с слободским Сумским полком. Булавиныцы напали на него врасплох на берегу реки Уразовой¹, убили всех старшин и самого полковника Андрея Герасименка, взяли весь обоз. Другие предводители — Семен Драный и Беспалый — двинулись к Ямполю, где назначено было сборное место, но их не допустили бригадир Шидловский и полковник Кропотов: с этими последними действовали

¹ Воронежской губернии Валуйского уезда

посланные гетманом полковники полтавский и компанейский, которых после ухода Булавина с урочища Вороное гетман прикомандировал к майору гвардии князю Долгорукому. Полтавский полковник приказал заранее вывести из городков Тора и Маяков все козацкие семьи в Изюм, чтобы не допустить торских и маяцких козаков пристать к мятежу. У Кривой Луки, недалеко от Тора, встретил он идущего Драного, с которым было до пяти тысяч донцов и 1500 запорожцев. Бой был жестокий, продолжался пять часов — три часа дня и два часа ночи — и кончился совершенным поражением мятежников. Драный пал в битве. Многие потонули в Северском Донце. Запорожцы ушли в Бахмут. Шидловский там их осадил. Запорожцы сдавались, прося пощады, но их не слушали и истребили; Бахмут был сожжен. Между тем прошел слух, что Булавин сам стоит при урочище Деркуле. Против него пошли полковники полтавский и компанейский и вступили в бой с «чатою» (высланным передовым отрядом) в 800 человек. Мятежники были разбиты. Булавин поспешно ушел к тому отряду козаков, который он еще прежде из Черкаска отправил к Азову, но там пришел ему конец. Он покусился ворваться в Матросскую и Плотничью слободы, прилегавшие к городу Азову; три часа была жестокая битва против четырех рот солдат; из крепостей Азовской и Петровской гремели пушечные выстрелы. Козаки держались упорно; наконец были прогнаны; 423 из них пало в битве, 400 утонуло во время бегства, 60 попало в плен. Солдаты овладели одним знаменем, побрали лошадей, достали много панцирей с убитых. Булавин со срамом привел в Черкасск остатки разбитых. Там поднял против него бурю атаман Зершиков, его единомышленник и вместе соперник. По наущению этого человека козаки стали кричать, что Булавина следует убить за то, что он погубил войско. Булавин, с небольшим кружком верных его советников, убежал в свой курень. Козаки принялись доставать его из куреня. Булавин, защищаясь, успел застрелить двоих из своих врагов, но увидел, что ему никак нельзя отбиться... Его воображению представали страшные муки казни, которая его ожидала, если бы козаки его взяли и выдали, и он пустил себе в левый висок пулю из пистолета. Козаки переловили его советников, в числе которых был брат Булавина и сын Драного. Их всех посадили на цепь, потом выдали азовскому губернатору Толстому. Тело Булавина отправлено было в Азов: голову отсекли и отдали врачам сохранить ее напоказ, а туловище, уже смердящее, было повешено за ноги на том месте, где происходило нападение на Азов.

Восстание в украинских городах продолжалось еще до конца 1708 года и было угашено князем Долгоруким посредством самых жестоких, бесчеловечных мер. Левенец, Кожуховский и сотники их полков, числом 21, получили в награждение по паре соболей и по объяринному кафтану за победу при Деркуле, подготовившую пол-

ное поражение мятежника. Но Мазепа не совсем одобрительно отзывался о полтавском полковнике¹.

В конце мая гетман получил от Ленчинского, польского коронного подскарбия, уведомление, что ему незачем будет идти внутрь Польши. Мазепа сообщал, что, по его соображениям, следует воротиться в Украину и беречься, с одной стороны, внутренних смятений в крае, а с другой — помощи врагам из Турции. Посол гетманский Згура ездил в Бендеры к сераскиру «с комплиментом» и там подлинно узнал, что сторонник Станислава Лещинского, пан Тарло, домогался в Бендерах через сераскира получить от Порты в помощь хотя немного орды. Этот Згура, родом грек, близкий советник Мазепы, впоследствии явился одним из участников измены гетмана, а потому, вероятно, доставляя пугливые реляции, на самом деле ездил к сераскиру вовсе не с такими полезными для царя видами, как о нем показывал гетман в своих донесениях Головкину. Пан Тарло от 9 июня писал гетману письмо, убеждал пристать на сторону шведского короля и Станислава и уверял именем обоих королей, что войско запорожское и весь украинский народ будут оставаться при своих старинных правах и вольностях с приумножением новых, лишь бы только гетман, освободившись от тиранской власти, возвратился к своему наследственному государю и к общей матери — Речи Посполитой.

Мазепа это письмо препроводил к Головкину и испрашивал приказания государя, как ему поступить. Царь приказал гетману дать ответ Тарлу по своему усмотрению. Тогда Мазепа от 23 июля отвечал Тарлу в таком смысле, что невозможно отклонить его, гетмана, от верности своему государю, и притом украинский народ никогда не захочет соединиться с поляками, испытавши от них много несчастий². Мазепа припоминал пану Тарлу, как еще в недавние времена киевский воевода Потоцкий расправлялся с восставшим

¹ «...А полковник полтавский издревле есть непостоянен и в ближайшем с запорожцами соседстве пребывая, всегда одним духом с запорожцами дышет». (Архив иностранных дел, май 30. Подлинники. Донесение Мазепы.)

² «...не могут мене никогда ни стрелы, ни огонь розлучить от любви пресветлейшего всемиловивейшего государя моего, которого святоблывым предкам пресветлейшим царем московским и его царскому величеству одиножды во все со всем Войском Запорожским и народом малороссийским веру присягнл и оную свято содержати должен есмь по праву совети... напрасный ваш труд, непотребные заводы, ненадежные надежды и ожидания суть; понеже в тих своих вертоглавных действиях напрасно чрез толь многие годы трудитесь, ибо первее на земле звезды будут, небо же сохоу орано, нежели Украина мела бы когда возвратитися к Короне Польской и народ козацкий, от веков к польскому имеющий ненависть, с Речю Посполитою соединен имел быть; покамест свет стоит светом, не будет козак поляку братом, ожегшись на воде побратимся лядского». (Архив иностранных дел, июль. Подлинники.)

народом: жолнеры отнимали от матерней груди невинных малюток и втыкали на копыя, бросали их в ямы и душили огнем, загоняли в избы женщин и сожигали¹. Мазепа вспомнил, как принуждали народ к унии, как отдавали жидам-арендаторам право распоряжаться христианскими таинствами². Мазепа говорил, что «золотая вольность», которою так хвастались поляки, превращается у них в «железное самовольство». Мазепа обличал суетность обещаний вольностей малороссийскому народу, когда Станислав, которого поляки называют своим королем, сам не более, как невольник шведского короля. Мазепа объявлял польскому пану, что Украине под царским скипетром вовсе не худо³, и потому никакие обещания благ, никакие ласкательства не в силах ни теперь, ни впредь отвести малороссийский народ от русского царя и его наследников⁴. В заключение на просьбу Тарла об отпуске Вольского, присланного к Мазепе от Станислава еще в 1705 г., Мазепа отвечал, что этого человека он не отпустит, потому что он достоин виселицы.

Поступок с письмом Тарла и ответ последнему, присланный копии Головкину, конечно, должны были показаться московскому правительству новым доказательством непоколебимой верности гетмана и лживости всяких на него доносов. Заметим, только что для нас нет доказательства, что именно такой ответ был на самом деле послан Мазепою, но, во всяком случае, правительство другого не знало. Между тем тогда уже возник и разбирался донос, самый крупный в ряду всех доносов, которые в продолжение гетманства Мазепы сыпались на него так обильно. То было дело Кочубея, окон-

¹ «...Без всякой пощады обоего пола и веку пролитая кровь чрез По-тоцкого воеводу киевского, который по Украине невинных детей от грудей отнимая жолнерам велел на копыя втыкать и в яму побросав огнем дуть, женщин в избы загнав жець». (Там же.)

² «...Вольный народ к проклятой унии принуждаете, которая не соединяет, а разлучает, вольное отправление веры запрещаете, святыми тайнами, крещением, супружеством жидам волно располагать допускаете и оные тому народу на аренду запродаете, и они, имея в своем управлении тайны, потамест крестить детей и венчать священникам не дозволяли, покамест арендари не удовольствовано, и часто прилучалось, что тот ехидник з прирождаемой ку христианам ненависти для вящих своих прихотей венчание и детей крещение продолжал, отчего многие дети умерли без крещения...» (Там же.)

³ «...Вольные есмь от всех податей, обогачены довольными маестностями, вера святая нас с храбрым народом московским соединяет и церкви Божии повсядневно прибавляются: какой еще вольному народу больше надобно вольности...» (Там же.)

⁴ «...Хотя бы оному землю плывущую млеком и медом давали, не прельстят его никакие ласкательства и не отведут не токмо ныне, но и впредь от неосиленного защищения пресветлейшего царского величества всемилостивейшего государя и непобедимых наследников его, в котором себе лучшую часть избра... Того ради не належит того желать, чего получить невозможно...» (Там же.)

чившееся в то самое время, когда Мазепа вел приведенную нами переписку с Тарлом.

Мазепа и Кочубей, как уже видели мы прежде, были издавна близкими приятелями. Некогда они служили вместе у Дорошенка, потом у Самойловича и вместе выкапывали яму, в которую удалось им свалить Самойловича. После того как Мазепа стал гетманом, несколько лет господствовало между ними согласие; по крайней мере, можно это заключить из того, что гетман сочетал своего племянника Обидовского с дочерью Кочубея Анною и самому Кочубею исходатайствовал у царя жалованные грамоты на маестности. Кочубей был долго в чине генерального писаря, потом сделан был генеральным судьбою, что составляло повышение в козацком уряде. Есть отрывочные известия, что между ними бывали временные неудовольствия; сам гетман, после того как уже рассорился с Кочубеем, вспоминал в письме к нему, что в течение 16 лет прощал ему какие-то проступки. Но событие, положившее между ними роковую вражду, наступило в 1704 году.

Мазепа от молодости до глубокой старости был большой женолюбец. Его супруга скончалась в 1702 году. У Кочубея была красивая дочь по имени «Мотря» (Матрена), крестница гетманская. Существуют свидетельства, что Мазепа делал ее родителям предложение, но получил отказ, так как брак между ним и Мотрею был невозможен по уставам церкви. Тот же Мазепа «подговаривал» Мотрю через своего служителя Демьяна, но нам неизвестно — прежде ли таких «подговоров» было сватовство его или же после, и сватать ее он начал только после того, как не успел соблазнить без брака. Как отец Мотри смотрел на сватовство гетмана, показывает то негодование, с каким он относился об этом в своем донесении государю¹.

Как бы то ни было, но, по известию Кочубея, 2 декабря 1704 года Мазепа, находясь в Бахмаче, послал своего служителя Демьяна в Батурын к Кочубею со свежеею рыбой на гостинец и дал Демьяну тайное поручение предложить Мотре сначала три, потом десять тысяч червонцев с тем, чтоб она пришла к гетману. Мотря не соглашалась. Тогда Демьян от имени своего пана просил у нее прядь ее волос. Через два дня, в день св. Николая, тот же Демьян явился снова и стал подговаривать Мотрю на свидание с гетманом. В огороде ее отцовского двора была дыра в частоколе: туда звали Мотрю

¹ «...Егда же предаст гробу жену свою, тогда новую изобретает на мя вражду, прельщая мя, устрашая, моля и смертию прещаше, дабы вторую дочь мою девицу ему же восприемлемую от св. крещения духовную дочь взяти могл в супружество. Какую диавольским действием возбудити мне печаль, дабы аз явлен бых всея вселенные законопреступный отец и малoverный христианин, како бы желание свое исполнити зело о том мне насилствуя и много шатаюся яве не возмогх». (Чтения... 1859 г. Т. I. С. 125.)

для разговора с гетманом... Несколько раз были к ней подобные подсылки. Старый греховодник просил ее прислать ему то рубашку с тела, то монието с шеи, посылал ей на гостинец какую-то книжечку и бриллиантовый перстень.

Между тем положение Мотри в родительском доме стало неносным: ее мать, как из многого видно, была женщина крутого и сурового нрава. Уклоняясь от родительских преследований, Мотря убежала к Мазепе. Родители стали бить тревогу. Мазепа не стерпел укоров Кочубея и отослал Мотрю к родителям с полковником великороссийского полка Анненковым, находившимся при гетманской особе. Впоследствии, в письме к Мотри, просил не гневаться на него за то, что так поступил с ней, иначе ее родители бесславили бы его; сверх того, и он и она не могли бы воздержаться и стали бы жить по-супружески, а за это постигло бы их неблагоприятие от церкви, и потом она сама бы на него попала¹. Мазепа сносился с Мотрею через какую-то девку Мелашку², писал к Мотре разные нежности, уверял, что никого так не любил, как ее, скорбел о злобе ее родителей и просил не изменяться к нему в любви, сообразно данному ею слову в то время, когда от него выходила, а он вручал ей такой дорогой перстень, которому подобного другого у него не было³. Старого гетмана беспокоило, что Мотря, как он узнал, терпела от своей матери, которую он по этому поводу называл мучительницею. В другом письме он, сожалея, что не может подробно поговорить с нею, дает ей совет идти в монастырь. Он порывался даже мстить своим врагам, ко-

¹ «...Мое серденько! Зажурился почувши от девки такое слово же в. м. за зле на мене маешь и же в. м. при себе не задержалем але одослал до дому. Уважь сама щоб з того выросло. Першая: щоб твои родичи по всем свете розголосили, же взяв у нас дочку у ночи квалтом и держит у себе место подложнице. Другая причина же державши в. м. у себе, я бым не мог жадною мерою витримати да и в. м. так же: муселибисьмо из собою жити як малженство кажет, а потом пришло бы неблагоприятие од церкви и клятва жебы нам с собою не жити. Где ж бы я на тот час подел. И мне б же чрез тое в. м. жаль, щоб есь на-потом на мене не плакала». (Чтения... 1858 г. Т. I. С. 127.)

² «...Посылаю теперь до в. м. Мелашку, щоб о всем розмовилася с в. м.; не стережыся ее не в чем, бо есть верная в. м. и мене во всем". (Там же.)

³ «...Сама знаешь як я сердечне шалене люблю в. м.; еще некого на свете не любил так. Мое б то счастье и радость, щоб нехай ехала да жила у мене, тилко ж я уважав який конец с того может бути, а звлаща при такой злости и заедлости твоих родичов. Прошу, моя любенко, не одменяйси не в чом, яко юж не поеднокрот слово свое и рученку дала есь, а я взаемне поки живу буду, тебе не забуду... Припомни тилко слова свои под клятвою мне дание, коли выходила з покою мурованого од мене, коли дадем тебе перстень диаментовий, над который наилучшого найдорогшого у себе не маю, же хочь, сяк хочь так будет, а любовь межи нами не одменится». (Там же.)

торые его с нею разлучали, и только связывает ему руки не кто иной, как она сама; впрочем, он не станет больше терпеть и учинит своим врагам такое мщение, какое она сама увидит¹. Но видно, что старик замечал уже в Мотре охлаждение к себе, как показывают его письма, в которых он делает ей укоры и припоминает обещания вечной любви.

Мотря, находясь под строгим надзором родителей, тайком переписывалась с гетманом и в это время доходила до безумия — металась, плевала на отца и мать, а родители приписывали такие выходы влиянию чар². Кочубей писал к гетману, не обличал его прямо, а только жаловался на судьбу свою. «Делалось ли подобное с кем-нибудь из тех, которые жилали при своих региментарях чиновно и не чиновно! — выражался он. — Горе мне мизерному и всеми заплеванному! Обратилась в грусть надежда моя найти себе в дочери будущую утеху! Омрачился свет очей моих; обошел меня кругом мерзостный студ³; не могу прямо смотреть людям в лицо; срам и поношение окрывают меня перед ближними и домашними! Всегда с бедною супругою своею плачу от сокрушения». Мазепа отвечал ему, что причиною его неприятностей — велеречивая жена его, на которую надобно бы наложить мундштук, как на лошадь⁴. Он припоминает Варвару великомученицу, убежавшую от злого отца⁵, советует Кочубею воздержаться от мятежнического духа, угрожает, что чрез его и жены его высокомерие он доживет до какой-нибудь беды⁶. Кочубей в своем письме к гетману намекнул о блуде;

¹ «...Бодай того Бог з душою розлучить, хто нас разлучает! Знав бы я як над ворогами помститися, тилко ти мине руки звязала.... Прошу и велце мое серденько, яким колвек способом обачься зо мною що маю з в. м. далей чинити, бо юж болш не буду ворогам своим терпети, конечно одомщение учиню, а якое: сама обачиш!..» (Там же.)

² «...Егда не возмог лестию преклонися к обаянию и чародеянию и сотвори действием и обаянием еже дщери моеи возбеситися и бегати, на отца и матерь плевати». (Там же. С. 126.)

³ Т. е. стыд.

⁴ «...Рачий бы належало скаржитися на свою гордую велеречивую жену, которую як вижу не вмеш, чи не можеш повстягнути и предложити тое, же ровний мунштук як на коне так и на кобылы кладут». (Чтения... 1859 г. Т. I. Дело Кочубея.)

⁵ «Утекала св. в-м-ца Варвара пред отцом своим Диоскором не в дом гетманский але в подлейшее местце межи овчари и розселины каменния страха ради смертного». (Там же.)

⁶ «И если же з Бозского презрения теды и всему дому твоему зготувалася якая пагуба, то не на кого иншого нарекати и плакати тилко на свою и женскую проклятую циху». (Чтения... 1859 г. Т. I. Дело Кочубея.)

гетман прикинулся, как будто не понимает этого, и отвечал, что блудит, вероятно, сам он, слушая жены своей, сообразно пословице «Где хвост всем заправляет, там голова блудит»¹.

Неизвестно, эта переписка между гетманом и Кочубеем, сохранившаяся в деле о Кочубее, происходила ли тогда, когда Мотря убежала к гетману и находилась в его доме, или уже после того, как гетман возвратил ее в родительский дом. История с Мотрею происходила в 1704-1705 годах. Дошедшие до нас черты достаточно показывают, с одной стороны, старого развратника, прибежавшего к самым пошлым мерам соблазна, с другой стороны — очень ограниченное женское существо. Впрочем, все семейство Кочубея не переставало пребывать как бы в дружелюбных отношениях к Мазепе и несколько времени после приключения с Мотрею. Кочубей, как генеральный судья, постоянно находился в приближении у гетмана, участвовал с ним в пирушках, происходивших в гетманских дворцах то в Бахмаче, то в Гончаровке. Сам гетман посещал по-приятельски Кочубея, пировал у него и вел с ним и с его женою интимные разговоры, которые потом послужили в числе материалов для доноса. Когда гетман выступал в поход, то оставлял Кочубея, как генерального судью, в Батурине вместо себя наказным гетманом, следовательно, временным хозяином и правителем всей Украины. Так было в 1706 и 1707 годах.

В одно из таких наказных гетманств Кочубея, в августе 1707 года, проходили через Батурин монахи Севского Спасского монастыря, возвращавшиеся из Киево-Печерской лавры, куда ходили на богомолье. Они сели отдыхать на скамье близ шинка, построенного на базаре, который располагался тогда за земляным валом батуринского замка. Какой-то козак сказал им, что наказной гетман Кочубей очень милостив к странникам и щедр на подавание. Монахи пошли в церковь к вечерне и встретили там жену Кочубея; они подошли, поклонились ей и получили любезное приглашение ночевать во дворе у Кочубея. Это было накануне воскресного дня. В этот день гостеприимный хозяин оставил их у себя обедать; после обеда, по стариковскому обычаю, Кочубей лег спать, а монахи часа два погуляли в роще, находившейся близ двора, потом пришли в дом. Кочубей и жена его обдарили их холстом, полотенцами, деньгами и дали пирог на дорогу. Но когда монахи, собираясь уже в путь, стали прощаться с хозяевами, Кочубей упросил их остаться еще одну ночь ночевать. Наутро, в понедельник, они вместе с Кочубеем и его семьею отстояли заутреню и обедню, потом один из монахов,

¹ «...А що взменкуешь в том своем пашквильном письме, того я не знаю и не розумею, хиба сам блудишь, коли жинки слухаешь, бо посполите мовят: «gdzie ogon rzadzi tam pewnie glowa bladzi». (Чтения... 1859 г. Т. I. С. 131.)

по имени Никанор, был приглашен в сад, где застал Кочубея с женою, но без детей. В саду был разбит шатер. Туда ввел хозяин монаха. Там находился в черных рамах образ Пресвятой Богородицы, писанный на полотне. «Можно ли тебе верить? — сказал Кочубей. — Хотим с тобой говорить тайное, — не разнесешь ли?» Монах, глядя на образ, перекрестился и уверял, что никому не объявит поверенной ему тайны. Тогда Кочубей и жена его стали бранить Мазепу, говорили, что он беззаконник, хотел жениться на их дочери — своей крестнице, но когда она на то не согласилась, то зазвал ее к себе и насильно осквернил блудом.

В это самое время позвали Кочубея слушать челобитчиков, приходивших к нему, как к исправляющему обязанность гетмана. Жена его, прогуливаясь с монахом по саду, рассказала ему еще кое-что про гетмана. Кочубей, кончив свои дела с челобитчиками, позвал в дом монаха, отдал ему дары и поручил просить приехать к нему самого севского архимандрита, обещая дать вклад на монастырь. Монахи уехали, а 26 августа того же года снова приехали в Батурин и привезли Кочубею и семье его просфоры от архимандрита, который извещал, что сам он не может приехать за делами по управлению монастырем. Монахам во дворе Кочубея отвели особые светлицы. Женщина из Кочубеевой прислуги позвала монаха Никанора к хозяину дома и предупредила его, что как будет он проходить через панские светлицы, то должен за собою затворять все двери. Следуя по указанному пути, монах прошел три покоя, запирая за собою двери закладками и крючьями, и остановился перед спальнею Кочубея, завешенною ковром. Вышел оттуда Кочубей, осмотрел все двери и, удостоверившись, что в комнатах нет никого, спрашивал монаха, можно ли ему верить. Монах, разумеется, дал утвердительный ответ. Тогда явилась Кочубеиха с изображением распятия на деревянной доске, подала его Никанору и сказала: как Бог за нас пострадал на кресте, так и нам надобно умереть за великого государя. Все трое поцеловали крест и обещали хранить в тайне то, что будет сказано. Тогда Кочубей произнес: «Гетман Иван Степанович Мазепа хочет изменить великому государю и отложиться к ляхам, чтоб Московскому государству учинить пакость и отдать в неволю Украину. С этим словом ты должен от меня немедленно ехать в Москву». Кочубей дал ему на наем подвод 7 червонцев и 12 ефимков.

Никанор поехал в Москву, явился сначала в Монастырский приказ, а оттуда был отправлен в страшный Преображенский приказ. Эта посылка так и застряла. Петр, занятый иными делами и ничего не доверяя никаким доносам на Мазепу, оставил это дело, хотя Никанор и был задержан в Преображенском приказе.

Не дождавшись никаких последствий, Кочубей в начале 1708 года нашел себе другого посыльного. Это был некто Петр Яценко,

перекрест из иудеев; он жил в Полтаве и занимался в Ахтырском полку арендовыми промыслами. Кочубей знал его давно и уговорил ехать в Москву, чтобы там сообщить царскому духовнику словесно, что гётман Мазепа сносится с Станиславом Лещинским чрез посредство ксендза Заленского с целью отдать Украину Польше, что он даже злоумышлял на особу самого государя: когда распространился слух, что царь сам хочет приехать в Батурин, гетман расставил 300 сердюков и приказывал им стрелять в приезжих по данному знаку из гетманского дворца; но потом гетман отменил свое распоряжение, узнавши, что царь не приедет.

Отправивши Яценка, Кочубей вместе со своим приятелем и свояком, бывшим полтавским полковником Искрою, зазвали в маестность Кочубея, Диканьку, священника полтавской Спасской церкви Ивана Святайла и поручили последнему сообщить по секрету ахтырскому полковнику Федору Осипову об изменнических замыслах Мазепы: ныне, собрав полки, он идет на правую сторону Днепра с тою целью, чтобы в соумышлении с Лещинским и с Вишневецким начать войну против царской державы. Чтобы вооружить козаков против царя, он обложил козаков поборами по талеру с каждого коня и по «копе» (полтине) с каждого вола, распространяя слух, будто это делается по воле царя, который намерен всех козаков обратить в солдаты. Кочубей и Искра, чрез посредство попа Святайла, поручили Федору Осипову сообщить об этом киевскому губернатору на тот конец, чтоб он впору мог взять в руки Мазепу, иначе можно опасаться, что, на правой стороне Днепра явятся к нему на помощь ляхи, а на левой — по его наущению поднимутся гультаи, «хибкий (непостоянный) народ», настроенный гетманом против царя. Ахтырский полковник должен был сообщить это князю Голицыну так, чтобы о том не знали другие ближние советники царя, особенно Меншиков, потому что как только доведаются, то сообщат о том гетману.

Ахтырский полковник исполнил поручение, и киевский губернатор отправил его донесение в Бешенковичи — тогдашнюю главную квартиру царя, где и получено было оно 27 февраля, но вслед за тем пришло туда и письмо Мазепы от 24 февраля. Гетман проведаль о посылке Кочубеем доносов и поспешил написать к царю об этом сам. Уверяя в своей догробной верности государю, Мазепа находил, что сочиненная на него клевета достойна более смеха, чем внимания, но умолял произвести над клеветниками розыск.

И на этот раз Мазепа так был счастлив, что царь, веривший преданности своего гетмана, прислал ему одно за другим два утешительных письма: 1 и 11 марта. Царь уверял гетмана, что «клеветникам, на него ложно наветующим, никакая вера не дастся, но и паче оные крупно с наусителями воспримут по делом своим достойную казнь». Царь поручал Мазепе самому каким-нибудь

удобным способом поймать их; но вместе с тем царь изъявлял подозрение в участии с Кочубеем миргородского полковника Апостола и приказывал гетману зазвать его к себе, как будто для команды над козацким отрядом, а взявши его таким образом в руки, отправить вместе с Кочубеем и Искрою в оковах к государю. Миргородский полковник был отец невестки Кочубеевой — жены его сына. Царь знал, что этот полковник прежде не ладил с гетманом, поэтому царь и подозревал его в участии с Кочубеем в доносе. Но царь Петр не знал того, что Апостол уже поладил с Мазепою и сделался его тайным соумышленником во вред Петру.

Вот таким-то образом отнесся Петр к этому делу. И неудивительно: в течение двадцати с лишком лет подавались на гетмана донос за доносом и ни один не оправдался, а гетман между тем продолжал служить государю верно, всегда исполнял царскую волю исправно, и притом был такой милый и любезный человек, что и царю, и всем близким вельможам чрезвычайно нравился своим обращением. Приманивать гетману Апостола ни в каком случае не было нужно: Апостол был тогда при гетмане в Хвастове, но гетману не приходилось также посылать в оковах одного из своих сообщников. Знал ли в марте Апостол о затеваемой измене или Мазепа тогда еще не открывал ему замысла, но уже видел в нем человека, готового пристать к делу, только гетман с этих пор постоянно выгораживал Апостола в своих письмах к Головкину и не помешал ему послать к Кочубею посланца — предупредить его о грозящей опасности.

Кочубей жил в своей маестности Диканьке и уже несколько месяцев не был в Батурине, устранившись нездоровьем. Мазепа, исполняя царскую волю столько же, сколько и выручая себя самого, отправил гадяцкого полковника Трощинского с 500 козаков и с сотнею волохов да охотного полковника Кожуховского с его конными полчанами поймать и доставить ему в обоз Кочубея и Искру. Но разом с ними ехал туда же и посланец миргородского полковника с запискою к Кочубею. В ночь с четверга на пятницу (18 марта) Трощинский и Кожуховский с своими отрядами ночевали в Великих Будищах, а посланец Апостола перегнал их, явился в Диканьке ранее и вручил Кочубею записку. Кочубей немедленно послал во всю ночь верхом своего слугу Завадовского в Полтаву сказать Искре, чтоб он тотчас поспешил в Диканьку. В ту же ночь перед рассветом приехал в Диканьку Искра, а с наступлением дня оба приятеля переехали через Ворсклу по мосту, устроенному против Диканьки, прибыли в село Гавронцы на другой стороне Ворсклы, потом отправились в Красный Кут¹ —

¹ Ныне Краснокутск, заштатный город Богодуховского уезда Харьковской губернии при р. Мерле.

город Ахтырского полка. Там нашли они полковника Федора Осипова и отдались под его покровительство.

Едва успели Кочубей с Искрою переправиться через Ворсклу, как нагрянули Трощинский и Кожуховский с козаками в диканьский двор Кочубея, с тем чтобы везти его в Хвастов в гетманский обоз. «Где хозяин?» — спрашивал Трощинский. Отвечали, что уехал, но куда — неизвестно. Трощинский не поверил и сделал в доме обыск. Не нашли Кочубея. Трощинский и Кожуховский отправились снова в Великие Будищи; в Диканьке не видели их после того три дня: пятницу, субботу и воскресенье. Кто-то известил полковников, что Кочубей с Искрою ушли в Коломак, где у Искры была пасека, но потом уведомили их, что Кочубей с Искрою, одумавшись, ушли к Самаре. Полковники послали было козаков зайти им дорогу, но тут пришло к ним новое известие, что беглецы в Красном Куте.

Тогда Трощинский и Кожуховский опять поехали в Диканьку и утром в понедельник остановились в Ковалювке¹, другой маестности Кочубея, в новом дворе владельца, и оттуда послали волохов звать к себе Кочубеиху. Была память священномученика Василия пресвитера 22 марта. Кочубеиха, вместе с невесткою, была в церкви (чуть ли это не был день именин ее мужа или сына, которого звали также Василием). Волохи стали около церкви, а их ротмистр Константин Великий с тремя подчиненными вошел в церковь и объявил Кочубеихе, что ее зовет Трощинский. Кочубеиха отвечала: «Не пойду з церкви, нехай постражду меж олтарем як Захария!» С трудом убедили ее выйти из церкви²; тотчас волохи подхватили обеих — ее и невестку — и посадили в коляску. Их повезли в Ковалювку. Там заставили хозяйку перед собственным двором стоять добрый час и ждать, пока доложат Трощинскому. Наскучивши долгим ожиданием, Кочубеиха встала из коляски и пошла к воротам двора узким путем, протесняясь между козацкими лошадьми, которых там столпилось немало.

Трощинский вышел на крыльцо дома одетый в белом кафтане, без пояса, в желтых туфлях. По тогдашним обычаям, это был признак невежливости. Трощинский был пьян. Кочубеиха с видом достоинства выступила вперед к нему и произнесла: «За тое-то Мазепа прислал вас з таким войском по мого пана, що зичливе и верне Войску Запорожскому писарством и судейством служив?» Трощинский с перепоя забылся, пришел в ярость и крикнул на волохов: «Стрелять!» Волохи уже было и курки пистолетов взвели, но Кожуховский, который был в памяти, крикнул на них: «Стоять смирно!» Что дальше там говорилось — не знаем. Но Кочубеиху

¹ Ныне местечко Зеньковского уезда Полтавской губернии при р. Ташанской Груме и Стехе.

² «...Через силу речей мусила з церкви выйти».

отправили назад в Диканьку в сопровождении козаков. Там, кругом ее двора и около самого дома во дворе, поставлены были караулы. Невестку Кочубея Трощинский, согласно гетманскому приказанию, отпустил в дом ее родителя, миргородского полковника, куда уже прежде уехал и муж ее Василий Вас. Кочубей. Ей дозволили забрать с собою свое приданое.

24 марта Трощинский прибыл в Диканьку с Кожуховским и с прибывшим вновь от Мазепы посланцем Валмусом, который привез приказание гетмана об имуществе Кочубея. Трощинский собрал всякое движимое имущество в доме, все «скрини» со всяким добром, упаковал все в «палубах» (большие воловьы повозки для тяжестей), а самую Кочубеиху с детьми и с одною служанкою посадил в карету и под караулом повез в Батурин. Все привезенное с нею имущество отвезено было на Гончаровку, в гетманский дворец. Кочубеиху поместили в собственном дворе, находившемся на подворке (посад) батуринском, где прежде Кочубеи обыкновенно проживали, когда пребывали в Батурине. Через неделю ее перевели в другой кочубеевский двор, старый, находившийся в середине города или замка: там назначили ей помещение — одну только тесную хату. Во дворе поставлено было два караула: один жолдатский¹, другой московский (великорусский); запрещалось кому бы то ни было посещать узницу; не дозволялось не только приходить во двор, но и приближаться к огороже двора.

Между тем в Красный Кут, где скрылись диканьские беглецы, прибыл великороссийский офицер с письмом к Осипову от Головкина. Канцлер поручал Осипову увидеться с Искрою, сказать, что царь желает лично от него слышать о таком важном деле, и он, Искра, должен вместе с Осиповым ехать чрез Смоленск в главную квартиру государя. Затем канцлер прибавлял, что Осипов и Искра должны быть благонадежны в царской к ним милости и оба они за свою верность получат себе от царя награду.

Осипов и Искра собрались ехать. Предполагалось Кочубею оставаться в Слободском крае, куда не простиралась власть гетмана и где поэтому не имел права самовольно добывать Кочубея Мазепа. Кочубей, однако, поехал проводить Осипова и Искру до Белгорода, но едва все доехали до Богодухова, как явился другой офицер с письмом Головкина уже к Кочубею. Канцлер сообщал, что государь указал и ему, Кочубею, как можно скорее приехать в ближние места к Смоленску для свидания, разговора и совета о том, «как бы злое начинание возможно было утаить и какую бы верную особу избрать на место того подозрительного, не умешкав». Доставил это письмо офицер гвардии Озеров, переодетый в польское платье для сохранения дела в секрете.

¹ Жолдат — пеший казак, охранявший гетманскую резиденцию.

Все поехали. По-видимому, счастье повезло доносителям. Письма Головкина показывали доверие к ним. Сами они заранее выбрали нужных свидетелей к своему делу и ехали в надежде свергнуть гетмана и вернуться с царскими наградами за верность законному государю.

Они прибыли в Смоленск. Головкин находился тогда с своею походною канцеляриею в Витебске и, узнавши о прибытии доносителей, послал в Смоленск подполковника привезти их в Поречье сухопутьем, а из Поречья в Витебск водяным путем. Уже заранее, соображаясь с образом воззрения самого государя, Головкин не ожидал по розыску найти Мазепу виновным, а считал своим делом только выведать, нет ли в этом доносе неприятельского влияния, и, в конце концов, предполагал отправить доносчиков в Киев, в удовольствие гетману¹.

18 апреля, в сопровождении подполковника Левашова, прибыли к Витебску Федор Осипов и двое главных доносителей: Кочубей и Искра, а с ними приехали еще лица, прикосновенные к делу: священник Иван Святайло, сотник Кованько, перекрест Петр Яценко, привезенный нарочно из Москвы, где содержался; кроме этих лиц, прибыли тогда двое писарей, племянник Искры и 8 служителей. Всех малороссиян поместили в пустом панском загородном дворе в разных светлицах.

На другой день 19 апреля Головкин и товарищ его Шафиров приехали в этот двор и обратились прежде к Федору Осипову. Тот мог сказать только, что, по приглашению священника Святайло, он виделся с Искрою в своей пасеке на реке Коломаке и от него услышал обвинение гетмана в изменнических замыслах, а потом к нему в Красный Кут приехали Кочубей и Искра. С Кочубеем он не был вовсе знаком, а Искру знал только по войсковым делам.

Министры, снявши такое показание с ахтырского полковника, приказали позвать из других покоев Кочубея и Искру. Они приняли их ласково и сказали: «Государь к вам милостив, надейтесь на царскую милость и подробно изложите все дело, ничего не опасаясь».

Головкин отпустил Искру, оставил при себе одного Кочубея, и тот, ободренный ласковым приветом, проговорил некороткую речь, вспомнил измену Бруховецкого, навлекшую на малороссийский край смятение и кровопролитие, вспомнил, как после усмирения края царь гневался на генеральных особ за то, что, находясь близко к гетману, не заметили его злокозненного намерения и заранее о нем не сообщили. Теперь, замечая в поступках своего региментаря

¹ «...А сыскав основание того дела по домогательству гетманскому и по вашему указу, пошлем их для публичного окончания того розыску к князю Дмитрию Михайловичу Голицыну в Киев, чтоб тем показать гетману довольство». (Государственный архив. Кабинетские дела. Отделение II. Кн. № 8. Донесение царю Головкина 18 апреля.)

злое намерение и услышавши собственными ушами такие слова от него: «Под ляхами, конечно, будем», — они решились объявить царскому величеству. Они поступают так не ради каких-нибудь выгод, а «единственно величая превысокое достоинство великого государя».

С этими словами Кочубей подал донос, написанный в 33-х пунктах, которые по содержанию сокращались в 27.

1. В Минске в 1706 году гетман говорил ему, Кочубею, наедине, что в Белой Кринице княгиня Дольская, мать князей Вишневецких, передавала ему, что король Станислав хочет учинить гетмана князем черниговским, а войску запорожскому даровать желанную вольность.

2. Гетман хулил князя Огинского, польного гетмана литовского, за то, что держится союза с великим государем, тогда как все уже паны от этого союза отступили.

3. Когда Мазепа услышал, что Август уехал из Польши в Саксонию, то произнес: «От! чего боялися, того не убоялися!»

4. В 1707 году мая 10-го, возвратившись из похода и приехавши в Бахмач, Мазепа тихим голосом спрашивал его, Кочубея: справедливы ли слухи, что царских ратных людей побили поляки у Пропойска, и сказал, что к нему не дошла почта, по которой это известие было ему сообщено в обоз от Кочубея.

5. 11 мая того же года в своем дворе в Гончаровке Мазепа беседовал с ним, Кочубеем, и со Скоропадским, сказавши, что получил ведомость об избиении царских ратных у Пропойска. смеялся и произнес: «Але судья плачет о том, але ж у него слезы текут!» Потом в тот же день приглашал гостей пить общее здоровье и, между прочим, здоровье княгини Дольской, говоря: «Выпиймо за здоровье ксенжны ей мосце, бо есть зацная и розумная пани, моя голубка!» Много тогда все пили, и он говорил шутливые речи.

6. В один из последовавших затем дней гетман говорил мне: «Дошли до меня достоверные слухи, что шведский король хочет идти на Москву и учинить там иного царя, а на Киев пойдет король Станислав с польским войском и со шведским корпусом генерала Реншильда. Я просил у государя войска оборонять Киев и Украину, а он отказался, и потому нам поневоле придется пристать к Станиславу».

7. Того же года 17 мая я просил дозволения отдать дочь свою за сына Чуйкевича и в следующее воскресенье устроить сватовство. Мазепа советовал повременить, пока малороссияне соединятся с ляхами¹. После того мы на другой же день решили с Чуйкевичем поскорей обвенчать наших детей.

¹ «...Так мовячи: як будем з ляхами в едности, тогда знайдеться твоей дочце жених з тоєи стороны лядское знатний який шлихтич, который твоей фортуне доброю будет подпорою, бо хочай бы мы ляхам по доброй воле не поддалися, то оны нас завоюют и конечно будемо под ними». (Чтения... 1859 г. Т. 1 Дело Кочубея.)

8. Того же года 28 мая сербский епископ Рувим говорил нам, что был он у гетмана на Гончаровке, и гетман при нем печаловался, что государь обременяет его требованием доставки лошадей.

9. Того же года 29 мая дочь моя призвана была им на Гончаровку крестить жидовку, и в этот день за обедом он сказал: «Москва возьмет в крепкую работу малороссийскую Украину».

10. Того же года 20 сентября один канцелярист писал записку: «Был у гетмана в Печерском ксендз Заленский, иезуит, ректор винницкий, и тот перед знатными особами отозвался такими словами: вы, панове козаки, не бойтесь взглядом (относительно) шведа, который не на вас готуется, але на Москву. Тот же ксендз говорил: никто не ведает, где огонь крыется и тлеет, але як разом выбухнет (вспыхнет), чего уже не забаром сподеватись (не долго ожидать), тогда хибá (разве) всяк познает; леч (но) тот пожар не латво (не легко) угаситися может».

11. Того же года 8 октября Мазепа в Киеве веселился с полковниками миргородским и прилуцким; у него играла музыка; он всех заохочивал к веселости, а на другой день после того послал козака ко ксендзу Заленскому. С какой стати было ему сноситься письменно с этим ксендзом, если б у него не было злого намерения.

12. Полковный писарь полтавский говорил своему племяннику, что того же года 10 октября в Печерском монастыре он приходил к гетману, а гетманский служитель сказал, что гетман, запершись с полковниками, читает Гадацкий договор Выговского с поляками.

13. Того же года в декабре приезжал в Батурин Александр Кикин, и Мазепа собрал около себя 300 человек вооруженных сердюков. Вероятно, это он сделал услышавши, что за Кикиным приедет в Батурин сам государь, чтобы взять Мазепу с собою в Москву, и Мазепа намеревался отстреливаться от государя.

14. Того же года на празднике Рождества Христова приезжал к гетману ксендз Заленский, и гетманский писарь Орлик проводил его тайно в гетманский хутор близ Бахмача, а ночью ксендз приезжал к Мазепе на Гончаровку.

15. Мазепа говорил, что если кто из старшин, полковников или из каких бы то ни было особ воспротивится ему, когда у него станет «совершенное подручным объявление и приговор на измену порядку», того он засадит в тюрьму на смерть без всякой пощады. Видно из этого, что Мазепа хочет отклониться к Станиславу.

16. Мазепа несколько раз посылал полтавского козака Кондаченка и другого человека, по прозванию Быевского, в Крым и в Белгородчину к татарским салтанам и к самому хану. Кажется, это он делал для того, чтобы расположить их к себе и в свое время употребить на свои услуги.

17. В конце июня 1706 года, по возвращении из Минска, Мазепа был в гостях у меня, Кочубея, и, немного подгулявши,

когда я, хозяин, провозгласил его здоровье, он, вздохнувши, сказал: «Какая мне утеха, когда я всегда жду опасности, как вол обуха». Потом, обратившись к жене моей, начал хвалить изменников Выговского и Бруховецкого, говорил, что и он сам промышлял бы о своей цельности и вольности, да никто не хочет помогать ему, а также и муж ее¹.

18. В Киеве в сентябре 1707 года гетман говорил полковникам: «Не думайте, чтоб я хотел после себя возложить гетманство на Войнаровского. И теперь готов уступить свой сан другому, лишь бы он мог оборонять отчизну. Если уж, по привычке, хотите на мне оставить эту тягость, то должны слушать меня. Я сношусь и с ханом, и с силистрийским пашою, только от них, кажется мало надежды и придется нам начинать свое дело с иной бочки и братья за сабли». Вероятно, под этою бочкой он разумел короля Станислава².

19. Мазепа держит около себя слуг лядской породы и употребляет для посылок без царского указа, а это не годится.

20. Государь запретил пропускать людей с левого берега на правый, а гетман этого указа не исполняет. Мать гетмана, умершая игуменья, перевела много людей с левого берега на правый в основанные ею слободы. Да и, кроме того, по всем опустевшим городам и селам правой стороны густо заселяются жители, уходя с левой стороны. Таким образом, правая сторона становится многолюдною, а на левой население умалилось и оставшимся жителям стало труднее содержать охотничьи полки, и все думают уходить за Днепр.

¹ «...И мы хотели бы о своей дальнейшей целостности и вольности войсковой помыслить, да не маємо теперь еще способу, а звлаци же не все наши в одномыслии найдуются. О то (мовит) к твоему мужу я килко раз накидав слова о таких мыслах, як бы нам безпечность в целостности нашей в потомнии часы учинити як для себе, так и тих, которые по нас будут, але он мовчит, жадним словом мне не поможет и ни з кого не маю помочи и не могу некому поуфати». (Там же.)

² «...Може (каже) ваш мосц розумеете же я гетман намераю гетманство взяти на Войнаровского, то не есть так, я того не желаю. Вольно ваш мосцем будет кого хотети з межи себе обрати на той уряд, а Войнаровский и без того на своем отчизном кутку и на моем собрании может виховатися, а того уряду я и теперь вам готов уступить. А коли отказали: Боже, не дай того абысмо оного мели пожадати, повторив тое: «коли хто есть межи вами жебы в сей час смог отчизну свою ратовати, то я тому уступлю, а естли на мене той тяжар еще звикли мне будучи полагаете, то изволите мене слухати и на мой повод смотрите». А за тим говорил: «Уже я (мовит) пробовал приязне ханской и был прихилен бывший хан Кизигирей, але того отставлено, а теперешний хан з початку приятно до мене на мои листы отписовал, а теперь (мовит) посилал я до Крыму своего носильщика, але далеко отменился. А до наши селистрийского сераскера як много посылаем, не получаю жадной иадеи. А так з пншое бочки треба нам дело свое зачати (мнится тут бочка иншая влада короля Станислава), а уговоривши (мовит) и постановивши намерение, свое треба зараз и за шабле взятися». (Там же.)

21. На Коломацкой раде постановлено стараться, чтобы малороссияне с великороссиянами вступали в родство и свойство, а гетман до того не допускает и даже недоволен, когда узнает, что малороссияне с великороссиянами водят хлеб-соль. От этого между теми и другими увеличивается удаление и незнакомство.

22. В прежние времена малороссийские города были хорошо укреплены, а теперь уже «не оправляются», и сам Батурич 20 лет стоит без починки. Но свой подворок Гончаровку, где гетман сам живет, он обнес значительным валом. Люди думают, что города нарочно не оправляются для того, чтобы не в силах были обороняться от тех, которых гетман призовет.

23. Гетман предостерегал запорожцев, что государь хочет их уничтожить; а когда разнеслась весть, что запорожцы хотят, согласясь с татарами, сделать набег на слободские полки, то сказал: «Чай нецнотливые сыны онии (пусть бы эти недобрые дети) все, коли що мают чинити, коли б уже чинили, а то тилько оголошаються (только разглашают), аки дражню!»

24. Одна близкая к Мазепе особа в разговоре выразилась о татарах: «Дайте вы той речи теперь покой (перестаньте говорить об этом!) Тии люде будут нам вскоре потребнии!»

25. Львовский мещанин Русинович привозил Мазепе письма от разных польских панов. Этот мещанин рассказывал, что гетман Сенявский поручал сказать Мазепе, чтобы козаки были с поляками, а Мазепа выразился, что он сам шляхтич, природный поляк, и жалеет, что царь утесняет Польшу¹. Этот Русинович говорил, что все ляхи любят Мазепу и надеются, что он поможет Речи Посполитой деньгами, и передавшийся к шведам пан Яблоновский говорил: «Маем добрую надею о Украине, же в ней найдутся шляхта, братья наши».

26. Гетман самовольно распоряжается войсковою казною, берет из нее сколько хочет и дарит сколько и кому хочет, из арендных и индуктных (со ввозных торговых пошлин) сборов берет

¹ «...Говорил тое он Русенович же и Сенявский гетман коронный мовил ему: виведайся, що на Украине деется а особливе чи склонию к нам полякам козаки чили ни, и предложи (мовит) самому его милости пану Мазепе гетману: нехай нам будут зычливию есть ли хотят жебы им же было добре, бо (мовит) мы певне ведаем же государь шведов не выдержит, то теж и козаки если при нем заставаимут погинуть: з нами бы зась будучи в целости и при своих вольностех найдовалися. Кгды теды я (мовит) доносил тое его милости пану гетману, ответствовал в тие слова: «Бог мве свилитель той нехай подаст мне силу и крепость в здровю моем, которое мею слабое, же естем паном поляком зычливый, не был бым шляхтичом, не был бым сыном коронным естли бым всего добра Короне Польской не зычил. Вижу я и сам, як государь оскорбил Полшу, але теж и Украину натто обтяжил. Я и сам не знаю, що з собою чинити, если до чого прийде; я не змогу удержати козаков як на которую сторону схотят удатись». (Чтения... 1859 г. Т. 1. Дело Кочубея.)

в свою пользу 50 000 злотых. Кочубей полагает, что индуктный сбор можно было бы обратить в царскую казну. С гетмана довольно было десяти городов Гадяцкого полка и нескольких волостей: Шестаковской, Ропской, Быховской и Самборской. Он же берет себе еще немало со всех полков из сумм порукавичных и арендовых¹, отчего шинкари, платя высокие арендные суммы, продают дороже горелку и чрез то происходит народу отягощение.

27. Прежде полковники выбирались вольными голосами, а теперь за полковничьи уряды берут взятки и получает уряд не заслуженный товарищ, достойный такой чести, а тот, кто в силах заплатить. Умер киевский полковник Солонина: он служил царям верно от самого поступления Малой России под царскую державу и был 20 лет на полковничьем уряде. Гетман отобрал его села и отдал своей матери, игуменье Магдалине, а оставшимся после Солонины внукам и племянникам ничего не дал. Умер обозный Борковский, оставил вдову и двух несовершеннолетних сыновей. Гетман отнял у них село, которым покойник владел 20 лет по жалованной грамоте, и, кроме того, взял на гетманский двор местечко, принадлежавшее уряду генерального обозного.

Наконец, Кочубей, в дополнение ко всему, представил песню, сложенную Мазепой, в которой, по толкованию Кочубея, «значное противу державы великого государя оказывается противление»².

¹ Виды денежных сборов.

² Все покою шире прагнуть, А не в еден гуж тягнуть; Той направо, той налево, А все браття: то-то диво! Не маш любви, не маш згоды; От Жовтви взявши Воды През незгоду все пропали. Сами себе звоевали! Ей, братища, пора знати, Що не всем нам пановати, Не всем дано всеє знати И речами керовати! На корабель поглядимо, Много людей полечимо, Однак стирник сам керуеть, Весь корабель управуеть. Пчулка бедна матку маеть И оноє послухаеть. Жалься, Боже, Украины, Що не вкупе маеть сыны! Едень живеть и с поганы, Кличеть: «Сюды, отаманы! Идем матки ратовати, Не даймо ей погибати». Другий ляхом за грош служить, По Вкраине и той тужить: “Мати моя старенькая! Чом ты вельми слабенькая? Розно тебе розшарпали. Кгды аж по Днепр туркам дали. Все то фортель, щоб слабела И аж в конец сил не мела». Третий Москве юж голдуеть И ей верне услугуеть. Той на матку нарекаеть И недолу проклинаеть. «Лепше було не родити. Нежли в таких бедах жити». От всех сторон ворогують, Огнем, мечем руинують, От всех не машь зычливости, А ни слушной учтивости, Мужиками называють, А подданством дорекають, Чом ты братов не учила, Чом от себе их пустила? Лепше було пробувати Вкупе лихо отбувати. Я сам бедный не здолаю Хиба тилко заволаю: Ей, панове енералы, Чому ж есте так оспали? И вы, панство полковники, Без жадной политики, Озметесе все за руки, Не допустеть горкой муки Матце своей болш терпети! Нуте врагов, нуте бити! Самопалы набувайте, Острых шабель добувайте, А за веру хочь умрете И вольностей боронете! Нехай вечна буде слава Же през шаблю маем права. Сию песню читаючи и уважаючи один всечестний и розумный отец архимандрит дал мне оную и радил в спряту добром держати. (Чтения... 1859 г. Т. 1. Дело Кочубея.)

Министры задумали сделать придирку, очевидно, с тем, чтобы иметь юридическое право, по обычаю тогдашнего судопроизводства, подвергнуть доносителей пытке. Они нашли, что донесение Федора Осипова, доставленное прежде киевскому губернатору, в одной черте не сходится с показанием Кочубея.

В донесении Федора Осипова, со слов Искры, говорилось, что Мазепа, после неудавшегося умысла на жизнь государя во время приезда в Батурин Кикина, «всячески тщился, чтоб его, государя, смерти предать или в руки взять и неприятелям отдать, а в мимошедший Филиппов пост, совокупившись с полками своими, хотел идти на великороссийские городь». В дополнительных же статьях Кочубея о намерениях гетмана отдать государя в руки неприятелей и о походе войною на великороссийские города не говорится. Спрошенный по этому поводу Искра показал, что все это слышал он от Кочубея при жене последнего, и тогда Искра советовал Кочубею подождать с доносом, пока не явятся очевидные признаки преступности Мазепы. Спросили об этом Кочубея. Он показал, что от Искры ничего подобного не слышал. Этого было довольно. Нашли разноречие между показаниями доносителей, развели их по разным покоям и приставили к ним караул, а пожитки и письма их описали.

Спрошенный потом поп Святайло показал, что о намерениях Мазепы слышал от одного Кочубея и по просьбе последнего приводил к нему свояка своего Петра Яценка. Когда гетман послал взять Кочубея в Диканьке, предуведомленный о том заранее Святайло поехал в Красный Кут и оттуда, по просьбе Кочубея и Искры, отправился с ними в Смоленск.

Сотник Кованько, на которого указал Кочубей как на свидетеля, слышавшего слова ксендза Заленского в Печерском монастыре, иоказал, что видел какого-то ксендза у своего полковника, а как зовут ксендза — не знает; козаки, бывшие там, спросили ксендза: «Где швед?» Этот ксендз отвечал при нем: «Швед теперь притаился, но может вдруг поднять такой огонь, что не скоро затушишь!» Козаки спросили ксендза: «На кого пойдет швед, не на нас ли?» А ксендз отвечал: «Не на вас». Кованько больше ничего не слышал, а Кочубей научил его говорить при царских министрах об этом «с иными околичностями». Таким образом, выходили не совсем те речи, какие приписывал этому ксендзу Кочубей в своем донесении. 24 апреля допрашивали Кованька вторично с пристрастием. Он объявил, что о неверности гетмана ничего не знает и ни от кого не слышал, кроме Кочубея.

Перекрест Петро Яценко объявил, что он был только передатчик, с Кочубеем прежде не был знаком, был у него один только раз при посредстве священника Святайла и получил от него извет с поручением передать его протопопу, духовнику государеву в Москве.

Писцы, бывшие с Кочубеем, сказали, что они не более как только переписывали то, что им давал Кочубей.

По поводу разноречия в показаниях первого привели к пытке Искру. «Никакой измены за гетманом не знаю, — показал он, — слышал о том только от Кочубея».

Его все-таки подвергли пытке и дали 10 ударов кнутом. Под пыткой Искра объявил: «Слышал я от Кочубея, что у него был совет с миргородским полковником Апостолом и с генеральным судьей Чуйкевичем против гетмана; думали они миргородского полковника избрать в гетманы. Чуйкевич к Кочубею присылал записку, где писал: «За Днепром огонь загорается, сохрани Бог, как бы и у нас не загорелся».

Тогда приведен был к пытке Кочубей. Не допуская себя до мучений, он объявил, что никакой измены за гетманом не знает¹, что все это выдумал он по домашней к гетману злобе, а Чуйкевич такой записки, как говорит Искра, ему не писал.

Искру вторично подвергли пытке на том основании, что Кочубей отрицал то, что показывал Искра. Дали Искре еще восемь ударов. Искра подтвердил, что за гетманом ничего не знает, кроме верности его государю. Весь донос выдумал Кочубей по злобе на гетмана, а его, Искру, убедил пристать по свойству и по дружбе.

Привели к пытке Кочубея. Еще раз, желая избегнуть мучений, он твердо уверял, что затеял на гетмана ложный донос по злобе, а от миргородского полковника ничего не слышал, кроме того только, что тот запискою предостерег его в то время, когда гетман посылал взять его в Диканьке. Но Кочубея все-таки подвергли пытке и дали ему пять ударов. Допытывались от него: «Не было ли ему подсылки от неприятелей, не затеял ли он доноса по неприятельским фракциям, чтобы низвергнуть гетмана и выбрать иного к тому их злому начинанию склонного и кто были еще его единомышленники?» Кочубей повторял все то же, что и прежде: не знает он никакой неверности за гетманом, не было никаких от неприятелей подсылок, не было у него единомышленников, кроме Искры, и весь донос затеял он на гетмана ложно².

¹ «...И спрашивали в застенке Кочубея против Искриных слов, и он сначала мялся, а Искра его в том уличал, а потом Кочубей принес повинную, что он все то, что написал на гетмана, затеял только с единой злобы своей домашней за дочь и все, что в том объявлении своем к улике гетмана писал, все то затеял, хотя тем свое воровство утвердить». (Государственный архив. Кабинетские дела. Отделение II. Кн. № 8. Письма Головкина.)

² «...Понеже Кочубей зело стар и дряхл безмерно, того ради мы еще более пытать его опасались, чтобы прежде времени не издох, о чем доносит вашему величеству Озеров, который при том сам был». (Там же.)

Головкин писал к гетману, что следует, заковавши в железах, прислать миргородского полковника к следствию о деле Кочубея и Искры. Несколько раз повторялось это требование. Мазепа всеми способами старался выгородить Апостола и отписывался тем, что посылать его скованным опасно, чтобы не произошло волнение между козаками¹.

¹ «...Миргородского полковника злесь в войску прежде времени без очевидного обличения взять, ковать и до Киева за караул посылать нельзя никакою мерою, покамест очною ставкою он полковник не уличится и не обличится, если он имел какое с Кочубеем в воровстве теперешнем согласие, а наипаче ныне когда и сам Кочубей зговорил и очистил его, полковника миргородского, от того согласия, и если под сее время, а еще и в войску возмется тот полковник, то может учиниться мятеж и бунт, чего сохрани Боже, понеже его, миргородского полковника, все в войске почитают и любят, а если его полковника та токмо вина изъясняется, что он перестерег Кочубея от посланных моих, и о том вашей вельможности объявляю, что он то учинил не нарочно, но сталося то з пригоды нечаянно таким образом: когда и, исполняя премощный его царского величества указ собственноручный, послал полковника гадяцкого и полковника компанейского в трисотном числе компанеи тайно по Кочубея и Искру в полк Полтавский и по отправке той присылки удерживал в себе тот секрет чрез две недели и никому о том указе не объявлял, тогда пришед ко мне господя сотники и полковники при боку моем обретаючиися, донесли мне, что козаки ходя собранием и пьяные и трезвые переговаривают и говорят о некаких противных чести моей плевелах от Кочубея разсеянных, а один из монастыря печерского схимонах муж словом и делом свят, у которого для пользы духовной всегда бывають полковники и старшины, прислал мне осторожность, что от Кочубея приносятся вредительные гонору моему разглашения в народе. Того ради видя я, что воровство Кочубеево и Искрино в явление приходит и предваряя дабы оттуды не учинился какой митеж, а надеясь, что посланные мои компанеею имели уже стать в полку Полтавском, понеже той их присылке уже две недели совершилося, призвал к себе генеральную старшину и полковников, где был и полковник миргородский, объявил им дело и сказал, что по именному его царского величества указу собственноручному послал компанею для взятя Кочубея и Искры. Тогда полковник миргородский пад мне в ноги со слезами учал просить указу листовного к посланным моим, чтобы они зята его, а сына Кочубеева не брали и не ковали, дабы дочь его не испужалася и от печали не умерла, да и просил дозволения дабы мочно было и ему, полковнику, написать до зятя своего, чтоб он, когда отца будут брать, в то не мешался, который как сам затеял, так чтобы сам и отбывал, а он зять чтоб ехал с своею женою до Сорочинен в дом его полковничий. И по тому его полковника слезному прошению далем ему до посланных моих лист, чтобы зята его не занимали и не возбраняли ехать в Сорочинцы, и ему полковнику позволилем до того своего зятя писать, с которым моим листом до зятя а не до Кочубея послал он полковник слугу своего прямо до маетности Кочубеевой, надеясь, что там уже посланных моих застанет, который слуга не знаючи дела и розминувши с посланными моими (которые за многими переправами а наипаче на реках Днепре, Псле, Ворскле и прочих и обходя прямой тракт для порванных гребель от роспаления водного на Лубны, умедлили в том пути) прибежал в маетность Кочубееву до Диканьки и явився во дворе отдал сыну Кочубееву при самом отце от полковника миргородского тестя

27 апреля взяты в бумагах Кочубея челобитная на имя государя, где изложена настоящая причина злобы к гетману, письма гетмана к Кочубеевой Мотре и письмо самого гетмана по этому поводу. Поп Иван Святайло сознался, что челобитную составлял он, со слов Кочубея, который просил его, как духовную особу, сочинить, «вынимая тексты из Священного Писания».

30 апреля Кочубей, Искра и все прикосновенные к делу, исключая ахтырского полковника, отправлены в оковах в Смоленск. Их везли под караулом до Поречья на судне, а потом на повозках в Смоленск. Там порассаживали их порознь, запретивши им видеться и сноситься между собою. При Кочубее и Искре постоянно находились два офицера, переменяясь так, чтобы преступники не могли быть ни минуты без надзора. Хотя поп Святайло, сотник Кованько, перекрест Яценко и писцы не обвинялись прямо в доносе на гетмана, но министры нашли, что их нельзя отпускать в Украину, потому что тогда гетману будет это «не без сомнения». Министры предоставляли окончательную судьбу всех преступников царской воле, но представляли на утверждение царю приговор: Кочубея и Искру казнить смертью, попа Святайла сослать в Соловки, а сотника Кованька в Архангельск для поверстания в службу: Яценка и чернеца Никанора, которые, собственно, были только передатчиками доноса, за то, что впутались в чужие дела, сочли неприличным оставлять в Украине и приговорили их сослать на жительство в какие-нибудь великороссийские города. Федора Осипова отпустили с похвалою, нашедши его «человеком добрым, умным и на нынешнее время потребным». О нем написана была похвальная грамота к киевскому губернатору, которому указывалось распространить ее по всей Малороссии.

Мазепе было не по вкусу, что дело о доносе на него разбиралось не в Украине, и он несколько раз письмами домогался

его лист, а Кочубей письмо то взявши и прочет того ж часу ятса бегству. И того ж дня которого он с Искрою ушел, нападши посланные мои нечаянно на двор, не застали уже Кочубея и Искры, а посланные за ними вслед гнали даже до Красного Кута, где уже не дерзая без ведома моего им чинить, возвратилися паки до Диканьки в маетность Кочубееву и там взяли было сына его зятя полковника миргородского и лист до него писанный вышеупомянутый, из кармана выняв, ко мне прислали, который у себе имею и ничего в нем противного не обретаю. Толко внутренкяя и тайная Бог весть, для сего надобно бы тут Кочубея на очную с ним ставку поставить, которою бы или осудился или оправдался, а покамест Кочубей пришется, приказал и сотникам и полковникам политично миргородского полковника назирать да и сам недримательное на оного имею око, хотя он еще ничего не знает, кроме того, что Кочубей на пытке был и повинился». (Государственный архив. Кабинетские дела. Отделение II. Кн. № 8. Письмо Мазепы к Головкину, доставленное царю с письмом Головкина от 9-го мая.)

от Головкина и Шафирова, чтобы враги его были присланы к нему на расправу. Узнавши, что после первых допросов обвиненных отправили в Смоленск до дальнейшего указа, Мазепа встревожился, так как это показывало, что дело еще не кончилось и может повернуться иначе. Тогда Мазепа еще сильнее домогался присылки Кочубея и Искры к нему на казнь и пугал царских министров, что в Малороссии происходят толки и расходятся слухи, будто Кочубей придет снова в царскую милость и станет гетманом¹.

Но царя Петра беспокоила в то время мысль: не совершили был этот донос по неприятельскому подущению. Время было военное, и мысль эта, естественно, приходила царю в голову. Ему казалось, что Кочубея и Искру допрашивали недостаточно строго. По отправлении их в Смоленск, когда министры прислали к царю проект решения дела, Петр приостановил утверждение и написал Головкину, чтобы преступников еще раз допросили с пыткой. Напрасно Головкин представлял государю

¹ 23 мая писал Головкин царю: «Кочубея и Искру отослали в Смоленск и велели держать их до указа вашего величества, только не было бы продолжением того дела сомнения гетману. Многократно просит он прислать оных в войско для обличения их воровства и потом карания, какое ваше величество над ними учинить повелите. А в народе малороссийском, от его Кочубеевых единомышленников разсеваются многие плевелы: будто Кочубея и Искру из Смоленска в Петербург препроводили и будто на него гетмана ваш великий гнев; и ныне-де обозного генерального челядника в Киев едучого в одном малом местечке Оленовце за то только, что просил подводы, старшина тамошняя била и из местечка, отнявши лошадь, выгнала с таковыми выговорами: полно уже вашего гетманского панства! Придет на вашу всех погибель Кочубей! Тоже всюды в простом народе безумные повести разглашаются, будто Кочубей в великой милости вашей здесь, а Искра будто послан гетманом города какого-то добывать, а когда добудет, отпущен будет на гетманство. Такое-де смущение и мятеж от плевосеятелей единомышленников Кочубеевых потамест не может искорениться, пока народ не увидит их привезенных туда к гетману в оковах и достойную казнь по делом своим восприемлющих ибо хотя де оных Кочубея и Искру и в уголь здесь сожгут, никто от тамошних не будет ведать и верить. Да и честь его гетманская в великом понижении и обругании обретается, ибо оные клеветники на него не только в Великой России письмами обругали и в Малой России много в уши клеветали неправду, изменническим пороком славу и честь его испраздня и возбуждая против него на бунт, но и по иным заграничным землям, по Польше, по Литве и по иным то разсеяли. Понеже гетман Сенявский резидента его о том вопрошал, и желательные его корреспонденты из Волох и Мульта до него гетмана писали, соболезуя о нем, о чем он, гетман, зело печалится и просит ваше величество о присылке их в войско, дабы всяк оных увидя, в том уверился и тем бы плевелы и возмущения пресекались. А хотя к нему граматы царского величества с объявлением воровства их посланы по оные ему в простом народе повсюду внушить невозможно». (Государственный архив. Кабинетские дела. Отделение II. Кн. № 8.)

письменно, что Кочубея по старости и дряхлости пытать невозможно¹, — Петр дал указ привезти их снова и сделать им последний допрос под пытку.

По такому царскому указу 28 мая всех их привезли из Смоленска в Витебск и подвергли допросу под пытку. Кочубею дали три удара, Искре — шесть, попу Святайлу — двадцать, сотнику Кованьке — четырнадцать. Все стояли на прежнем. Кочубей уверял, что он, не советуясь ни с кем, кроме Искры, затеял ложный донос на гетмана по злобе; прочие — что не знали ни о каких посторонних подущениях, и повторяли только то, что слышали от Кочубея. Министры добивались от Кочубея, не сказывал ли ему чего-нибудь миргородский полковник, не подавал ли ему по свойству какого-нибудь совета; Кочубей твердил, что ничего подобного не было, все он сам затеял на гетмана, единственно по старой к нему злобе, на том твердо стоит и с тем готов на смерть идти.

Во время производившихся пыток над доносчиками, по преданию, занесенному в печатный мир историком Малороссии Бантыш-Каменским, поп Святайло и сотник Кованько после пытки лежали на полу, прикрытые окровавленными рогожами. Кованько заметил, что московский кнут так приятен, что его годилось бы купить женам на гостинец. Он, как кажется, разумел жену Кочубея, которая настроила своего мужа, а через него и прочих завлекла в донос. «А чтоб тебя! — отвечал Кованьке Святайло. — Мало разве тебе спину исписали?»²

В заключение допросили Кочубея о его сокровищах. Он показал, что у него в доме осталось 4000 червонцев в одной «скриньке» да в другой 500 червонцев и 2000 талеров, затем по долгам до 18 000 золотых. Страдалец счел долгом присовокупить, что многие думают, будто у него великие богатства, но это несправедливо: все,

¹ «...А о чем ваше величество повелевать изволите Кочубея еще спрашивать нет ли от неприятеля или от поляков или от запорожцев подсылки в гетманском или ином деле, и о том подлинно при пытке их спрашивали, и они в том не признались и говорили, что такой подсылки не бывало, а затеяли все по злобе на гетмана. И при отпуске в Смоленск паки с пристрастием пытки накрепко их спрашивали, ино ничего не могли от них уведать, а более пытать Кочубея опаслись, чтоб прежде времени не издох, понеже зело дряхл и стар и после того был едва не при смерти, и писано нам уже из Поречья, что зело оный там болен был, и если б его паки пытать, то чаем, чтоб конечно издох и опасно чтоб от того не произошло какое сумнение в народе». (Государственный архив. Кабинетские дела. Отделение II. Кн. № 8.)

² Отче Иване! Якаж московска нужка солодка! купим ее жинкам на гостинец! — Богдай тебе, Петре, побила лиха година, хйба трохи тоби спину исписали! — отвечал Святайло». (*Бантыш-Каменский. История Малой России. Т. 3. Примечание 3. С. 37.*)

что им ни получалось, тратилось на домашние расходы¹. Свое показание Кочубей подписал очень оригинально: «Окаянный проступца и згубца дому и детей своих». После такого заявления никто из производивших следствие не сомневался в том, что этот новый донос на Мазепу был так же ложен, как и прежние.

Головкину очень хотелось достать миргородского полковника, и он роптал на гетмана, что тот, несмотря на неоднократные требования, не хочет прислать Апостола к делу. Мазепа, желая во что бы то ни стало спасти Апостола, доказывал, что наносить бесчестие такому лицу, как полковник Апостол, — нельзя, и обещал приняться за него только тогда, когда будут доставлены к нему главные доносчики².

Наконец Кочубея и Искру, измученных пытками, отправили в оковах в Смоленск, а 13 июня повезли их водным путем по Днепру в Киев для отдачи гетману на казнь. Несчастных провожал стольник Вельяминов-Зернов в сопровождении роты солдат и достиг Киева 29 числа того же месяца. Он поместил преступников в новой Печерской крепости, сдавши их по наказу князю Дмитрию Михайловичу Голицыну, а к Мазепе, находившемуся с обозом под Белою Церковью, отправил гонца с известием.

Донос Кочубея наделал Мазепе много страха; он чувствовал, что если Кочубей не в силах будет представить правительству явных доводов измены гетмана, то все-таки скажет кое-что такое, что будет

1 «...А що многие особы розумеют быти у мене великие скарбы, то тое кладут речь мне тесную, не розсуждаючи же мне не дали того способу, абым умел з скарбу богатитися, волов гона до Гданска не отправляем и горелок так достатне не робилем, абы разом тридцать або пятьдесят куф продати, и десятка никому не продаем к пяти гуртовою продаею; а що в селах бывало горелка вышинкуется, то все оборочалося в дворовые расходы; треба было опрочь харчей и напитков себе и на детки суконки и чоботки и иншие охендоженья купити и челядь одевати и плату давати а и духовным особам, як чужеземским так и тутешним по прошению и по зможности подлуг моей мелкой особы в милостыню давалося больше твердою нежели мелкою монетою. Бывало теж тое по многу, же когда бывало человек який знакомитый талерем и другим поклонитися, то и не принималем, назад отдавалем. А що убогим бедным чеховою давалося, нехай тое не будет в лицемерие, и на будованье килких церквей, деревяных що выложилося, того грех споминати але по приказу докладая...» (Чтения... 1859 г. Т. 1. С. 142.)

2 «...До обличения миргородского полковника очною ставкою тут при войске без явственных доводов жестоко и ревностно поступать, приниматься за него и обезчещивать его опасно, ибо он человек заслуженный и от всех полковников старейший, имеющий повагу и любовь у всего войска, до того с генеральными особами як и с полковниками сприятелился, понеже Ломиковский обозный и Чуйкевич судья и прилуцкий полковник близкие ему по сынах своих и по его миргородского полковника дочерях сваты, лубенский — дядя, нежинский — швакгер, и другие с ним близки. Надобно подождать, пока привезут Кочубея и Искру: тогда за него примемся». (Государственный архив. Письма Мазепы.)

на самом деле правдою и может подтвердиться показаниями других, если царь вздумает вести это дело пошире. Из окружавших гетмана старшин о его тайном замысле знал пока только один генеральный писарь Орлик. Мазепа, по собственному опыту с Самойловичем, знал, как удобно может старшина подкопаться под гетмана, и побавлялся предательства от Орлика. «Смотри, Орлик, — говорил он ему, — будь мне верен: сам ведаешь, в какой нахожусь я милости. Не променяют меня на тебя. Ты убог, я богат, а Москва гроши любит. Мне ничего не будет, а ты погибнешь!»

Опасения Мазепы не были напрасны. У Орлика, как он сам после сознавался, шевелилось искушение сделать донос на своего гетмана. Но он заглушил в себе это искушение: совесть воспрещала ему покушаться на своего господина и благодетеля, которому он присягнул в верности, тогда как для царя он был совсем чужой — иноземец, пришелец, и даже не произносил царю присяги на верность. Перед ним являлся жалкий образ Мокриевича, который предал Демка Многогрешного, а после, по воле Самойловича, вместо ожидаемой награды, лишился писарского уряда, подвергся изгнанию и во всю остальную жизнь терпел поношение от мирских и духовных особ. «Устрашала меня, — говорит он, — страшная, нигде в свете не бывавшая суровость великороссийских порядков, где многие невинные могут погибать и где доносчику дается первый кнут; у меня же в руках не было и письменных доводов».

В то время, как Мазепе не удалось поймать Кочубея и Искру, когда они успели ускользнуть и пробраться к верховному правительству, страх до того одолел Мазепу, что он раскаивался в своем замысле и говорил, что оставит его¹. Тогда Мазепа, как кажется, на некоторое время прервал свои тайные сношения с царскими неприятелями; по крайней мере, о них от первой половины 1708 года не сохранилось сведений. Немудрено, что гетман был недоволен и теми, с которыми вел эти сношения, так как ему стало известно, что между поляками распространялись уже слухи о его склонности передаться на шведскую сторону. Эти слухи исходили от самого Станислава, и был большой повод порицать последнего за недостаток скрытности. Но раскаяние Мазепы скоро прошло, когда он, с одной стороны, получал от Головкина и от самого царя милостивые обнадеживания, что клеветникам не будет дано веры, а с другой — между своими старшинами замечал такое настроение, которое могло ободрить его замыслы. Еще он не открывал тайны никому, кроме Орлика, а уже обозный Ломиковский и полковники: прилуцкий Горленко, миргородский Апостол и лубенский Зеленский в разговорах с ним стали скорбеть о нару-

¹ «...Виделем его Мазепу великою боязнию одержимого и в словах кающегося того своего начинания». (Письмо Орлика.)

шении москалями войсковых прав и заявлять желание воспользоваться текущими военными обстоятельствами, чтоб утвердить целостность козачества и полную независимость всей Украины; выходило, что они сами предлагали то, что уже давно обдумывал Мазепа. Но гетман не только с первого раза им не поддавался, а, испытывая искренность их, спорил с ними, доводил их до того, что они горячились и уверяли в своем доброжелательстве, в готовности не отступать от своего вождя и региментаря в случае самого наибольшего несчастья; и довел их Мазепа до того, что они стали принуждать его сойтись со шведами, твердя, что надобно ему промышлять о пользе всего края. Тогда Мазепа мало-помалу стал показывать вид, будто начинает колебаться и поддается их доводам и обещаниям, и они, обрадовавшись, просили дать им клятвенное обещание в верности, а они дадут ему подобное от себя. «Напишите сами, — сказал Мазепа, — как знаете, а я буду поступать, как вы велите». Обозный Ломиковский написал и подал Мазепе вместе с другими единомышленниками. Мазепа взял написанное, держал у себя, кое-что исправил, потом позвал всех к себе. Подали крест и Евангелие. Сначала они целовали то и другое и произнесли присягу, потом также присягнул и он перед всеми. В этой присяге положили, по соображению обстоятельств, передаться на сторону Карла и Станислава и помогать им против московского царя с тем, чтобы при заключении мира Украина была признана вполне независимую странюю. И так выходило, будто все это дело исходит от старшин, которые к нему понуждают гетмана, тогда как, собственно, старшины, сами того не зная, исполняли давнее предрешенное желание своего гетмана и были его слепыми орудиями. Вот в силу такого согласия со старшинами гетман так упорно отстаивал миргородского полковника, запутавшегося в кочубеевское дело.

После обоюдной присяги, данной гетманом четырем лицам и обратно последними гетману, мысль об отложении от царя стала распространяться между другими генеральными старшинами, полковниками и войсковыми товарищами. Таким образом, сам собою формировался заговор. Орлик говорит, что ему еще раз в эту пору приходила в голову мысль, чрез посредство подьячего, состоявшего при войсковой канцелярии для изучения малороссийского языка, сообщить тайно Меншикову, что по поводу доноса Кочубея гетман находится в боязни и опасении, а между генеральными старшинами и полковниками возникает ропот за обиды великороссиян и за нарушения войсковых прав; по этой причине нехудо было бы прислать от царя знатную особу, чтоб отобрать присягу в верности царю от гетмана, от всех старшин, полковников и сотников. «Этим способом, — говорит Орлик, — я намеревался прервать Мазепины замыслы, отвратить от них старшин

и между тем исполнить это без повреждения своей совести и присяги». Нам непонятно, что, собственно, могло произвести хорошего это намерение Орлика. Если Мазепа и его соумышленники уже твердо задумали сделать крутой поворот в таком политическом деле, то едва ли остановила бы их эта присяга, тем более, когда гетман, уже при самом своем избрании, был связан ею. Орлик далее говорит, что, когда пришло известие о том, что Кочубея и Искру пришлют к гетману для казни, он оставил свое намерение делать сообщение Меншикову, памятуя совет латинского поэта — научиться осторожности из чужой беды¹.

Тогда как Мазепа вел у себя дело так, будто не он малороссиян, а малороссияне его увлекают отступить от царя ради независимости Украины, — его тайный агент, старшинам, как видно, неизвестный, низложенный болгарский архиерей, переезжавший от Мазепы к царским неприятелям и обратно от них к Мазепе, заключил по воле Мазепы тайный договор с Карлом и Станиславом. С первым условия были временные и касались только военных действий. Мазепа просил Карла вступить в Украину с своим победоносным войском и освободить козаков от московской тирании. В этих видах он обязывался передать шведам для зимних квартир укрепленные места в Северщине: Стародуб, Мглин, Новгород-Северск и другие города, причислявшиеся прежде к Великому княжеству Литовскому. Гетман обязывался доставлять из Украины провиант для расставленных там шведских войск. Кроме того, он обещал склонить на сторону шведов донских козаков, которые так же, как и малороссийские, недовольны царем за стеснение их войсковых прав и вольностей. Наконец, Мазепа обещал употребить все старание, чтобы склонить к союзу со шведами против московского царя калмыцкого хана Аюку со всеми подчиненными ему калмыцкими полчищами. Карл, тем временем, с остальным шведским войском направится на Москву, а между тем из Финляндии пойдет с иными шведскими силами генерал Либекер, завоюет и разрушит Петербург и проникнет в земли новгородскую и псковскую. Таким образом, царь московский, стесненный с разных сторон, должен будет, покинувши свою столицу, удалиться к северной части Волги, где край не так плодороден, как лежащие на юг от Москвы области. Русские войска уже доказали на опыте, что не могут устоять в открытом поле против храброго шведского войска, и шведский король может надеяться предписать своему врагу законы, а московский царь должен будет или отдаться на волю победителя, после того как увидит свое войско разбежавшимся во все стороны, или же с остатками своих военных сил погибать от голода и лишений всякого рода.

¹ Felix quem faciunt aliena percula cautum (Письмо Орлика.)

Со Станиславом, находившимся вместе с Карлом, было заключено еще такое условие. Вся Украина с Северским княжеством, с Черниговом и Киевом, а также и Смоленск присоединялись к польской Речи Посполитой, а Мазепе, в вознаграждение за такую услугу, обещан был титул княжеский и предоставлялись ему во владение воеводства Полоцкое и Витебское на таких правах, на каких владел герцог курляндский подвластным ему краем. Заранее предполагался день, когда Мазепа созовет своих полковников, объявит им договор и постарается уговорить их добровольно принять его, так как этот договор дает им средства возвратить себе прежнюю вольность, от которой москали оставили им одну тень¹mer Severien, Kiow, Tchernikow und Smolensko wieder unter polnischer Herrschaft kommen und der Krone einverleibt werden, dahingegen verprach man dem Mazeppa zu seiner Vergeltung den Titel eines Frten beizulegen auch ihm die Woiewodschaften Witerisk und Polotzk auf die Art, wie der Herzog von Curland sein Land, besetef zu verlassen, endlich ward ein Tag anberaumet, an welchem Mazeppa seine Obristen zusammen ruffen ihnen diesen Vergleich vortrfgen und sie von freien Stcken darein zu willigen bereden sollte, welches letzere desto eher zu vermuthen stnde, wann er ihnen die umwidersprechlichen Vortheile vorstelle, so sie daraus zu gewarten hatten, in dem sie ihre vorige Freiheit wieder erlangten, wovon die Moscowiter ihnen nichts als deu Schatten brig gelassen» (*Адлерфельд* немецкий перевод, изд. 1742 г. Ч 3. С. 236.).

В истории Карла XII, составленной Фрикселем, который пользовался делами в шведском государственном архиве, говорится, что Мазепа был склонен на сторону Станислава преимущественно иезуитами, которым он поддался, потому что с юности был привязан к римской церкви, и хотя впоследствии из видов казался православным, но на самом деле он только притворялся и внутренне не терпел православного исповедания. Подобное качество в Мазепе признается в манифестах царя Петра и в универсалах гетмана Скоропадского, где обличают Мазепу в намерении отдать Польше Малую Россию с целью ввести римскую веру и унию. Такое же намерение приписывается Мазепе в истории Петра Великого до Полтавской битвы Феофана Прокоповича. В договорах, сообщенных Адлерфельдом, современником, близким к Карлу и много раз видевшим Мазепу, о вере нет ничего.

Само собою разумеется, что Мазепа такого договора, заключенного польским королем, не мог объявлять никому из старшин: он хорошо знал, что никто из малороссиян не захотел бы добровольно отдаваться Польше. Поэтому перед земляками он выставлял целью замысла независимость Украины. К этому уже давно стре-

¹ «Solte die ganze Ukraine imgleichen die Herzogth

мились малороссийские патриоты. Это, по-видимому, не было бы противно и посполитому народу, тем более что недовольство великороссиянами чересчур резко везде высказывалось и оно-то подавало Мазепе и его единомышленникам надежду, что их замысел найдет себе благоприятный отзыв в народной массе.

29 июня Мазепа с обозом стоял под Белою Церковью. В этот день получен был им царский указ воротиться к Киеву и расположиться поблизости его до дальнейшего царского указа. В этот же день было тезоименитство царя Петра, и Мазепа отправил к нему поздравительное письмо с пожеланиями побед над врагами, что изумительно становилось вразрез с действительными чувствами малороссийского гетмана¹.

Мазепа двинулся в путь, как вдруг прибежал к нему из Киева гонец от Вельяминова-Зернова с извещением, что он привез Кочубея и Искру для совершения над ними смертной казни. Гетман отправил туда своего генерального бунчужного Максимовича с сотней компанейцев. Несчастных осужденных привезли скованными 11 июля в гетманский обоз, находившийся в Борщаговке, в восьми милях от Белой Церкви. На другой день Вельяминов-Зернов подал гетману в присутствии всех старшин царскую грамоту, что Кочубей и Искра за ложный донос на гетмана осуждены на смертную казнь. Грамота была прочтена всенародно. Кочубея еще раз подвергли допросу об имуществе, и он, в дополнение к прежнему показанию, сообщил еще о 1500 червонцах и 200 ефимках, обещанных им в раздачу детям, о 1000 червонцах, принадлежащих его умершей дочери Забелиной по мужу, обещанных на строение церкви в Батурине, о нескольких штуках серебряной посуды и об украшениях, наконец, о некоторых суммах, состоявших на долгах.

14 июля утром рано преступники выведены были перед собрание всего войска запорожского и перед толпы стекшегося с разных мест малороссийского народа. Их конвоировали три ве-

¹ «...Благоприветствую убо вашему царскому пресветлому величеству покорным сердцем тезоименитого ангела св. апостола Петра камени именного, желаю усердием истинным подданским, дабы тот камень веры оружие на поражение полчищ неприятельских изострил и горделивого шведского Голиафа обезглавил, а православного вашего царского величества монархию непоколебимым основанием утвердил и во всех путях ваше царское величество сохраняя, да не когда преткнеши о камень ноги твоея. А яко теперь Божию милостию ордынованы от мене полки полтавский и компанейский против вора Булавина получили над партиєю его бунтовничюю одоление, тако и впред за молитвами тезоименитого вашего царского величества ангела, да покорит камень краеугольный сильный в бранех Господь всякого супостата под нозе вашего царского величества и всяк падый на сем камени да разбьется...» (Государственный архив. Письма Мазепы.)

ликороссийские роты с заряженными ружьями. Прочитаны были их вины. Затем их обоих подвели к плахе и отрубили головы. Тела их лежали в продолжение всей литургии выставленными на позор. По окончании литургии положили их в гробы и повезли в Киев. Там они были погребены в Киево-Печерской лавре близ трапезной церкви, где и теперь можно видеть над ними каменные плиты с истершеюся от времени надписью, сложенною, конечно, уже после измены Мазепы¹.

В наказе, данном Вельяминову-Зернову, привезшему преступников, велено было объявить волю государя, чтобы преступники были казнены; но если гетман станет просить, чтоб их оставить в живых, то Вельяминов-Зернов должен был ограничиться ответом, что в наказе у него нет о том ничего и он не смеет ничего чинить без царского указа. Такого великодушия со стороны гетмана не последовало. Мазепа в посланной тогда государю грамоте выразился, что христианское милосердие побуждало его просить освобождения от смертной казни «лжеклеветников и всенародных возмутителей», но так как они дерзнули «языком льстивым лживым бл... словить о превысочайшем вашего царского величества гоноре и здравии, за которое всем нам под высокою вашею державою и сладчайшим государствованием пребывающим должно и достойно до последней капли крови стоять и умирать, а не токмо противное что оному чинить и сочинять, но и помыслить страшно, ужасно и душегубно», — поэтому он не оказал милосердия клеветникам.

В письмах к Головкину гетман изъявлял желание оказать милость семействам казненных и отдать женам их и детям Кочубеевым имущества, «понеже, — выразился он, — многие наипаче духовные докучают мне многими прошениями, дабы и жена Кочубеева и дети их и жена Искрина могли без жадной беды и скорби в домах своих проживати спокойно и мирно и своих имений употреблять, понеже мужи их за свое преступление смертную уже казнь восприяли».

¹ Кто еси мимо грядый о нас неведущий Елицы zde естесмо положени сущи! Понеже нам страсть и смерть повеле молчати, Сей камень возопиет о нас ти вещати: За правду и верность ку Монарсе нашу Страдания смерти испилисмо чашу. За уданем Мазепы, о Всеведче правый, Посечени оставше топором во главы, Почиваем в сем месте Матери Владычны, Подаюшей всем своим рабом живот вечный. Року 1708 месяца июля 15 дня посечены средь обозу войскового за Белою Церковью на Борщаговске и Ковшевом благородный Василий Кочубей судья генеральный и Иоанн Искра полковник полтавский, привезены же тела их июля 17 в Киев и того ж дня в обители святой Печерской на сем месте погребены. *Прим. автора:* Сведения о совершении казни 14 июля взяты из донесения стольника Вельяминова-Зернова; а по записке диканьского священника и по надгробной надписи она совершилась 15 июля.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Возвращение гетмана Мазепы из похода. — Движение шведского короля к пределам Русской державы. — Незнание шведских намерений. — Изменчивые указы царя. — Карл направляется к Украине. — Генерал Лагеркрона в Стародубщине. — Царский генерал Инфлянт. — Вступление всего шведского войска в Украину. — Стан на берегу реки Ипути. — Неудовольствия малороссиян против царского войска. — Шляхтич Якуб Улашин. — Увертки Мазепы. — Хитрости со старшинами. — Соборование маслом. — Посольство к шведскому королю Быстрицкого. — Прибытие Меншикова в Горск. — Войнаровский. — Отъезд Мазепы из Борзны. — Последнее посещение Батурина. — Поход к Десне. — Переход через Десну. — Открытие замысла козакам. — Одиночные побег козаков. — Мазепа у шведского короля. — Поиски Меншикова за Мазепу. — Меншиков и Голицын под Батурином. — Манифесты царя. — Приглашительные письма царя. — Взятие и истребление Батурина. — Письмо Мазепы к Скоропадскому. — Переправа шведского войска через Десну.

После казни Кочубея и Искры гетман получил собственноручный царский указ отправить всю козацкую конницу и, если возможно, самому идти с нею. Мазепа отвечал, что он был бы рад вести свое войско на войну сам, но ему не дозволяют недуги и, кроме того, невозможно покинуть Украины, потому что неприятель тотчас воспользуется и произведет своими подсылками возмущение в непостоянном и малодушном народе. Таким образом гетман, старательно укрывая свой тайный замысел изменить царю, набрасывал тень подозрения в наклонности к измене на весь народ малороссийский. 19 июня гетман писал канцлеру, что намерен заложить стан в средине Левобережной Украины недалеко от Нежина.

Между тем Карл, оставивши Радосовицы еще 6 июня, 15 числа этого месяца перешел Березину, 3 июля произошла неудачная для русских битва при Головчине¹, а 16 июля Карл стал в Могилеве,

¹ Ныне местечко Могилевского уезда при р. Бабиче.

откуда только что ушли русские военные силы. В Могилеве шведский король стоял до 8 августа. В это время являлся к нему опять тайный агент Мазепы, отставленный от сана болгарский архиерей. Через него гетман торопил шведского короля спешить в Украину, иначе если шведы замедлят, то козаки станут приставать к царским войскам. Квартирмейстер Гилленкрок советовал королю не доверяться Мазепе, не идти к Украине, а направиться к Витебску, чтобы быть поближе к Лифляндии, откуда король дожидал вспомогательной силы корпуса генерала Левенгаупта. Того же мнения был граф Пипер и убеждал короля не двигаться к Украине, покуда не присоединится к нему Левенгаупт с своим корпусом, иначе на оставшегося позади нападет царь. Но другие шведские генералы, Реншильд и Мейерфельд, противники первых, настраивали короля к иному: они хвалили ловкость и силу козаков, с пренебрежением отзывались о московитских ратных силах, уверяли, что царь не посмеет напасть на Левенгаупта, а Карл, со вступлением своего войска в Украину, увидит на своей стороне весь украинский народ. Карл поддался тогда надеждам, оказавшимся скоро обманчивыми. Он надеялся на помощь Турции, но не знал, что падишах не одобрял политики великого визиря, подававшего шведам уверения в помощи; он надеялся на мятежи, возникшие в царской державе, но не знал, что эти мятежи были уже укрощены; он надеялся на восстание Украины, как обещал ему гетман Мазепа, но не знал духа малороссийского народа, как не знал его и сам Мазепа, управлявший более двадцати лет этим народом. Наконец, Карл надеялся, что генерал Либекер, посланный к Петербургу, возьмет этот город, но не знал и не мог знать, что Либекера постигнет неудача. Сверх всего, Карла ободряло суеверное пророчество какого-то Урбана Гиарна, который предсказывал, на основании Парацельса и других предсказателей, писавших за 170 лет, что Золотой Лев севера с малыми силами одолеет Орла, притупит его когти, распространит свою власть на Азию и Африку, искоренит папизм и водворит повсюду истинную (т. е. лютеранскую) веру. Карл, всегда по-лютерански набожный, склонялся к мистицизму и доверял предсказаниям. Эта вера до такой степени развила в нем высокомерие, что он вторично отверг предложение мира от Петра, который соглашался отдать шведскому королю даже Псков, но желал непременно удержать за собою Петербург, за который, впрочем, готов был заплатить деньгами. Карл отвечал, что заключит мир в Москве, когда победит окончательно царя.

Между тем Мазепа, торопя своего тайного союзника, прикидывался по-прежнему неизменно верным слугой царя Петра, делал исправные распоряжения в Украине к отражению шведских сил, когда они туда вторгнутся. Он приказал устроить в Чернигове хлебный магазин для русского войска и собрал туда 15 000 чет-

вертей хлеба, разложивши сбор на жителей Черниговского полка — по четверику¹ житной муки с дыма, рассылая по всем полкам универсалы, в которых убеждал народ пребывать в непоколебимой верности царю, везде по церквам приказывал публично молиться о даровании победы царю над еретиками шведами, а жителям приказывал прятать в землю свои запасы и самим уходить в города, спасаясь от неприятеля. Он делал распоряжения об укреплении городов: Стародуба, Чернигова, Ромнов, Гадяча, ввиду возможного нападения шведов. Ни царь, ни русские вельможи и военачальники не могли допустить и тени того, что открылось не далее как через каких-нибудь два месяца.'

1 августа гетман стоял в Киеве в ожидании указов — куда ему посылать конницу. 4 числа того же месяца Петр приказал ему, не отходя от Киева, послать три или четыре (по своему соображению) тысячи конницы в Польшу на подмогу отправленным туда еще ранее полковникам киевскому и белоцерковскому, «дабы поляков доброжелательных содержать и все, что неприятелю к пожитку может быть, разорить». Другую партию указано было послать в Литву, к Пропойску, для содействия великорусским войскам, которые должны были отражать идущую шведскую силу. Гетман исполнил волю государя и отправил в Литву к Пропойску 4500 человек городовых козаков разных полков и 1600 компанийцев, а в Польшу, на подмогу бывшим там полковникам, послал 2000 гадячан, находившихся прежде в киевской крепости, и к ним прибавил 1000 «молодиков» (козаков, начинавших воинскую службу). Кроме того, по царской воле отправлено было к Смоленску два полка — Нежинский и Переяславский — в числе двух тысяч пехоты и одной тысячи конницы. Затем гетман жаловался, что остается с небольшим числом людей, а 16 августа просил воротить ему посланных к Смоленску, чтобы поместить часть их в киевский гарнизон. Мазепе, конечно, было неподходящим делом разбрасывать козаков по разным сторонам, и он жаловался, что многие самовольно уходят.

В половине августа царь еще не знал наверное, куда обратится Карл с своими силами — на Украину или на Смоленск, и приказывал гетману стоять между Киевом и Черниговом до дальнейшего указа, чтобы в случае, если шведы пойдут на Смоленск, — идти к Белой Церкви для содействия полякам, доброжелательным царской стороне. 6 сентября царь положительно был уверен, что неприятель пойдет на Смоленск, и писал к гетману, чтоб он готовился в поход к Белой Церкви. Это приказание подтверждено было 14 сентября. Но через день, 16 числа, Головкин послал гетману указ остановиться, потому что по неприятельским оборотам видно было иное направление пути.

¹ Мера объема сыпучих тел, в XVII в. равнялась примерно 26 литрам.

Из шведских источников мы узнаем, что именно в это время Карл окончательно укрепился в намерении войти в Украину и 16 сентября отправил передовой отряд генерала Лагеркрона овладеть Стародубом. Этот Лагеркрона был человек чрезвычайно самонадеянный и заносчивый, хотя вовсе не даровитый; он подделался к королю и не хотел слушать никаких советов. В то время, когда он вступал в полк Стародубский, туда же вступал с царскими силами и русский генерал Инфлянт; два враждебных генерала на том могли выиграть один перед другим: кто прежде успеет занять Стародуб. Лагеркрона доверился крестьянину, взявшемуся провести шведское войско кратчайшим путем. Этот крестьянин, будучи подослан полковником Скоропадским, обманул шведского военачальника и повел его совсем не туда, куда нужно, так что в то время генерал Инфлянт успел войти в Стародуб.

Вслед за Лагеркроною двинулся скоро и король и 21 сентября с восемью тысячами вступил в пределы Гетманщины для занятия квартир войску. За ним последовало остальное войско. Оно расположилось на берегах реки Ипути. Главная квартира, которую Карл велел укрепить окопами, находилась в Дрокове¹. Край, в который вошли шведы, показался им обильным и населенным; войско, расположившись по селениям, могло отдохнуть от утомительных походов; хлеба и скота было так много, что шведы не испытывали бы недостатка, если б им пришлось оставаться там несколько месяцев. Шведы простояли там две недели. Между тем Левенгаупт, следовавший чрез Литву из Ливонии, 27 сентября был разбит русскими под Лесным близ Пропойска и с остатками своих сил прибыл к главному королевскому обозу. Король приказал разделить эти остатки по армии.

Орлик в своем письме сообщает, что когда Мазепа узнал о повороте короля шведского в Украину, то воскликнул перед старшинами: «Вот дьявол его сюда несет! Да он все мои соображения испортит и великороссийские войска за собою внутрь Украины впровадит на конечное разорение и на погибель нашу!» Мазепа хотя и завлекал на свою сторону старшин, но все еще только наполовину открывал им свои сношения и показывал вид, что решится пристать к шведам только в самом крайнем случае, когда уже война будет перенесена в Украину и весь малороссийский край очутится в опасности подвергаться опустошениям от обеих воюющих между собою сторон.

С отправкою генерала Инфлянта в Стародубщину царь Петр указал и гетману действовать с ним сообща. Мазепа, получивши такой указ, пригласил Ломиковского и полковников миргородского, прилуцкого и лубенского, показал им указ и говорил:

¹ Ныне деревня Старый Дроков Суражского уезда.

«Я опасаюсь, не приманивают ли меня к этому генералу, чтобы взять в руки. Идти ли нам по указу царскому в случение с этим генералом?»

«Нет, нет, не иди! — завопили все единогласно. — Не медли больше и посылай к шведскому королю просить протекции: как бы нам сойтись со шведами на границе и не впустить великороссийских войск в Украину!»

Но тут кто-то спрашивал его:

«Ты, гетман, объяви нам, чего имеем с целою Украиною и Войском Запорожским надеяться и на яком фундаменте ты твою махину заложил?»

Мазепа рассердился и произнес:

«Для чого вам о том прежде времени ведать? Спуститесь вы на мою совесть и на мое подлое розумишко, на котором вы не заведетесь болш. Я по милости Божой мею розум един неж вы все».

Обратившись к Ломиковскому, Мазепа сказал: «Ты уже свой розум выстарил», а указавши на Орлика, Мазепа прибавил: «У того еще розум молодой, дитинный¹. Сам я буду ведать, якого часу посылать до шведского короля».

Но потом, как бы удовлетворяя их недоверчивости к себе, гетман вынул из шкатулки универсал, присланный от Станислава с ксендзом Заленским, и велел Орлику прочитывать его во всеуслышание. Все казались им довольны («с которого были контенты»). Но едва ли там были тайные условия, заключенные со Станиславом через посредство болгарского экс-архиерея. Малороссияне не были бы ими довольны, да и Мазепа едва ли бы решился объявлять их до поры до времени старшинам. Мазепа был из таких личностей, которые, получив власть, стараются внушить подчиненным постоянную веру в свою мудрость и потому умышленно не открывают им сразу всего, что замышляют, дабы тем приучить их с благоговением полагаться во всем на свою главу или владыку. Мазепа за 20 лет своего гетманства уже приучил старшин к такому повиновению себе, и теперь он только понемногу приподнимал перед ним завесу, скрывавшую его тайный замысел. Он прельщал старшин призраком независимости Украины, указывал им, что теперь представился случай освободиться от всяких налогов и повинностей, вымышляемых московскою властью: сам Бог посылает короля шведского для их спасения. Сделавши их участниками замысла в его главной идее, он относительно подробностей не открывал им многого, но каждый раз спрашивал у них советов, как ему поступать, и показывал вид, будто предпринятый замысел начат и ведется не по его почину, а по их общему желанию, и он у них не более, как мудрый исполнитель общей воли. Чтoб укрыться от тех, кому он не хотел

¹ Детский.

открывать тайны, он напустил на себя старческую немочь, говорил, что с трудом может на коня сесть, даже ходить и стоять на ногах, ложился в постель, обвязывал себя повязками с пластырями; в таком виде, лежа на постели, он принимал царских посланцев, жаловался перед ними на свои страдания и говорил с ними чуть слышным голосом. Правда, Мазепа и в самом деле страдал старческими немощами, но также и преувеличивал их, потому что в то время для его тайных целей выгодно было перед царскими людьми показываться близким к могиле. И сам царь, и царские министры относились к гетману доверчиво, снисходительно и не принуждали его к отправлению своего долга выше сил. Сначала потребовали от него, чтоб он шел сам к Стародубу, но когда он известил, что по болезни не может, то ему дозволили послать козаков с наказным гетманом. Тогда гетман послал отряд козаков нежинских, лубенских и переяславских в Стародубский полк на содействие генералу Инфлянту.

Но прежде чем эти козаки пришли туда, в Стародубском полку произошел страшный переполох. Генерал Инфлянт, вступивши в край, приказывал жителям уходить с своими имуществами в укрепленные места, а села, хутора, пасеки, мельницы, гумна приказывал истреблять огнем, чтоб не давать неприятелю прибежища и средств к содержанию. Жители, и старые и малые, в ужасе стали бежать и увлекли за собою присланных козаков. Только часть последних примкнулась к четырем батальонам и четыремстам драгунам, составлявшим стародубский гарнизон. От них пошла по всей Украине весть, что вошедшие в Стародубский полк шведы не делают жителям ничего дурного, а, напротив, великороссийские войска, пришедшие будто защищать край, жгут селения, грабят, разоряют жителей, насильно загоняют их в укрепления, понуждают к непривычным работам, бесчестят и ругаются над ними, обзывая их изменниками. Беглецы распространили такой страх между козаками, что товарищи полков Миргородского, Лубенского и Прилуцкого в числе нескольких сот человек явились к гетману в обоз у местечка Салтыковой Девицы и подали просьбы, написанные от каждого полка особо, но по одному пошибу.

В связи с такими явлениями, возбуждавшими вражду к великороссийскому войску, стоит современная жалоба черниговского полковника на солдат майора Геннинга, которые делали обиды жителям, какого-то Шевлюгу до полусмерти избили, а майор, когда ходили к нему малороссияне жаловаться, выгонял их по шеям, и одного атамана так ударил ружейным дулом в бок, что тот, полетевши вниз головою по лестнице, сильно ушибся.

Неудовольствие против великороссиян в малороссийском народе все более и более разгоралось и было кстати для Мазепы, когда он намеревался ввести в Украину шведов как освободителей от московской власти. Но тут случилось событие, которое чуть было не

открыло замысла Мазепы. Когда генерал Лагеркрона вошел в Стародубский полк, тотчас стали разноситься воззвания, называемые у русских «прелестными» письмами. Шведский генерал убеждал малороссиян не бояться шведов, жить спокойно в своих домах, а из Стародуба пусть выходит к нему навстречу бурмистр со знатнейшими обывателями и пусть везут к ним на продажу хлеб и всякое съестное. Жители не поддавались на эти прельщения, а бежали без оглядки, спасаясь как от шведов, так и от великороссиян. Между разносителями таких «прелестных» писем попался польский шляхтич Якуб Улашин: он вез письмо от пана Понятовского, находившегося резидентом Станислава при шведском короле. Письмо было к Мазепе. Понятовский просил малороссийского гетмана отпустить на свободу его пленного брата, в воспоминание доброго приема, оказанного когда-то Мазепе в Луцке. Почему-то этот господин показался подозрителен, и генерал Инфлянт 1 октября отправил его в походную канцелярию, бывшую тогда в Почепе. Улашина подвергли пытке огнем, и тот, не стерпя мучений, объявил, что Мазепа поколебался в верности царю, и Понятовский послал к нему передать словесно, чтобы, как шведы войдут в Украину, он отписал бы к Понятовскому и при Божией помощи со всем войском запорожским приставал к шведам. Улашина еще раз поджарили, но он более не открыл. Показанию Улашина не придали веры, и копию с него отправили к гетману. Не только все происходившие перед тем явления в таком роде настроили царя и его министров считать всякие обвинения на Мазепу лживыми, но в это самое время Мазепа заявлял свою преданность, сообщая Головкину весть, что Станислав с шведскими и польскими войсками направляется на Волынь, чтоб оттуда ворваться в Украину, просил скорейшей присылки регулярных войск, потому что малороссияне могут изменить и пристать к неприятелю. Вместе с тем снова звали гетмана на соединение с царскими силами. Мазепа отвечал, что показания поляка Улашина не более, как коварные затеи неприятеля, который хочет привести верность гетмана в подозрение у государя и тем посеять в Украине смятение. «Никакого брата Понятовского у меня нет, я о нем не слыхал», — писал гетман. Что касается до требования ехать самому к великороссийскому войску, то Мазепа отговаривался тем, что в малороссийском крае возникли беспорядки от пьяных бродяг, безобразничающих толпами в полках Полтавском, Гадяцком, Прилуцком, Миргородском, Лубенском и Переяславском, и это зло переходит уже в полки: Черниговский, Нежинский и Стародубский, где прежде велось смиреннее. Гетман на основании присланных ему донесений сообщал, что появились две шайки разбойников: одна под начальством Перебийноса в числе 800 человек, другая — Молодца в числе 1000. Они своевольствовали, грабили и убивали людей в приднепровском крае и к ним притекали со всех сторон «ку-

пы» бродяг, словно вода. Если гетман с войском отдалится в Стародубский полк, то своевольники нападут на города и встретят себе единомышленников в поспольстве. Полковники и полковые старшины ропщут и говорят, что если их поведут в Стародубщину, то на крайнюю погибель их семейств и на разорение их имуществ, потому что тогда простонародье захочет грабить и убивать честных и богатых людей. Кроме этих причин, гетман указывал на опасность скорого вторжения Станислава в Украину.

Мазепе, естественно, хотелось во что бы то ни стало оставаться с козаками в Украине до того времени, как войдет шведская сила, и тогда внезапно и неожиданно объявить себя на стороне врагов царя Петра. Но прежде чем шведский король появился с своим войском, от гетмана требовали идти на соединение с великорусскими войсками, чтобы вместе с ними воевать против шведского короля. Там уже никак неудобно было ему сделать крутой поворот на противную сторону. 6 октября, когда Мазепа получил новое приказание идти с войском на соединение с великороссиянами и самому быть в главной царской квартире, он призвал на совет своих единомышленников и спрашивал, ехать ли ему к великому государю. Старшины закричали: «Нет. Если поедешь, то погубишь и себя, и всю Украину». Тогда Мазепа приказал написать и послал письмо, о котором сказано выше. Но, по замечанию Орлика, Мазепа спрашивал старшин только для вида и испытывал их: он даже наружно показывал перед ними вид готовности ехать по царскому указу, на самом же деле не помышлял о такой поездке: напротив, он опасался, как бы министры не заманили его с тем, чтобы взять его в свои руки, тем более что в Польше, как Мазепу извещали, повсюду носились слухи о его тайном соглашении со Станиславом и о сношениях со шведами.

На посланное 6 октября письмо Мазепа 10 числа того же месяца получил ответ. Царские министры сообщали, что, по совету с фельдмаршалом Шереметевым, они постановили послать царский указ киевскому воеводе князю Дм. Мих. Голицыну, чтоб он с царскими ратными людьми, находившимися в Киеве, и с пристойною артиллерией шел в средину Украины с целью не допускать в малороссийском народе «шатости». Гетман должен послать к нему для той же цели козацкий отряд из разных полков своего регимента, а сам со всем остальным войском немедленно должен идти к Новгород-Северску, расставить свое войско над Десною и сам лично приехать в главную армию для совета с фельдмаршалом. Выставлялась, между прочим, и такая необходимость его прибытия: в народе носились слухи, будто гетман покидает Украину во время неприятельского наступления и гетману следует своим появлением при царском войске рассеять такие слухи. Притом ему известны нравы и местные обычаи народа, и он может наставлять царских министров и вое-

начальников. Своевольства, начавшиеся в Украине, скорее усмирятся, когда народ увидит, что великорусские войска, вместе с козаками, могут их усмирить. Насчет опасности вторжения Станислава министры успокаивали гетмана: слухи, полученные им о Станиславе, неверны; министрам, напротив, подлинно известно, что Станислав находится еще в Мариенбурге и ранее конца октября не выступит из Пруссии.

Страшная тревога волновала душу Мазепы. Он должен был скрываться и каждую минуту находиться в страхе, что вот-вот откроется его коварство, вот-вот министры догадаются. И действительно, кажется, министры уже начинали догадываться, что в поведении гетмана есть что-то злое, но никто не смел заявить об этом царю, так как Петр не переставал доверять честности и прямоте своего гетмана. Петр настолько верил в него, что когда ему представили показание Улашина, то он заботился о том, что гетман может этим потревожиться, и писал к Меншикову, чтобы князь повидался с гетманом и утешил его, потому что «бездельники опять своим воровством стали оскорблять его». Чтобы лучше отклонить от государя всякое подозрение на себя, гетман в этом же месяце октябре отправил к Петру войскового асаула Максимовича — одного из своих соумышленников — с просьбою дать указ утвердить и отмежевать земли, скупленные им у помещиков Рыльского уезда, и дозволить населить их пришлыми вольными людьми. Кто бы мог после этого подумать, что этот человек намерен оторваться от царской державы, когда он в этой державе приобретает себе поземельную собственность! Максимович от имени гетмана поднес царю в дар 2000 червонцев, а царь, вероятно, тогда в них нуждался. В то же время Мазепа поздравлял царя с победою при Лесном в красноречиво составленном письме, в котором, по своему обычаю, желал царю «до конца» сокрушить своих врагов. Царь после победы при Лесном находился в Смоленске и по обычаю своему, наблюдаемому после каждой военной удачи, праздновал победу, въезжал в город триумфально, при пушечной пальбе; за ним везли отнятые от неприятеля знамена и пушки; он посылал разные распоряжения на Дон, где князь Долгорукий добивал булавинцев, и на север, где Апраксин расправлялся с шведским генералом Либекером, а 20 октября выехал из Смоленска к войску в Украину.

Надобно было предупредить приезд царя и провести как-нибудь царских министров до тех пор, пока Карл подойдет поближе. Царь требовал во что бы то ни стало, чтобы Мазепа ехал к русским военачальникам на совет: Мазепа отвечал, что исполнит царский указ, хотя бы его постигла в пути смерть; он поплывет на судне из Салтыковой Девицы вверх по Десне, а потом по Борзне до города Борзны; сухопутьем же, во время осенней колоты, ему

ехать невозможно по причине его хирагрических и подагрических припадков. В это время собрал он старшин и сказал:

«Меня зовут в царское войско. Но там у меня есть искренние приятели; они предостерегли моего канцеляриста Болбота, чтобы я не ездил к царскому двору, а паче старался бы охранять и себя, и весь малороссийский народ; пусть бы всяк зарывал в землю все, что есть дорогого, потому что царь, не надеясь от Украины постоянства в случае неприятельского вторжения, хочет устроить что-то недоброе над гетманом и над всем народом». Это сообщалось под большим секретом.

Все это, как впоследствии оказалось, был вымысел, противоположный тому, что происходило на самом деле, — канцеляристу Болботу, напротив, говорили, что царь милостивее к гетману, чем к Меншикову, и не станет слушать никого, кто бы о нем дурно ни говорил. Относительно же совета зарывать в землю все дорогое — совет этот, как мы уже видели, давался и прежде гетманом в предостережение от шведов.

Действительно, царь и его министры показывали заботливость о здоровье гетмана. К нему послали Семена Протасьева с указом, позволяющим ради болезни оставаться при обозе на левой стороне Десны, а за Десну послать по своему рассмотрению легкое войско компанейцев и сердюков. Протасьев увидел гетмана в Борзне, куда он прибыл водою из Салтыковой Девицы¹. Мазепа лежал в постели, едва говорил и казался уже при смерти, однако он изъявлял готовность идти далее, хотя бы пришлось гроб за собою везти, хвалил министров за то, что указали Голицыну оберегать Украину от народного возмущения. Протасьев, воротившись, говорил Головкину, что гетман, можно сказать, совсем при смерти.

В Борзну, по приглашению умирающего Мазепы, приехал киевский митрополит Иоасаф Кроковский, возвращавшийся из Москвы с своего посвящения, и совершил над ним обряд елеосвящения. Министры и после посещения Протасьева продолжали посылать к нему письма и торопить скорейшим выступлением, а Мазепа в своем письме к Головкину жаловался, что как будто не доверяют его недугу, тогда как на самом деле здоровье его и жизнь в безнадежном состоянии. Головкин в своем ответе уверял гетмана, что он ему вполне верит и сожалеет о его болезни; никакой клеветник не посмеет говорить о гетмане дурно, потому что ему не поверят.

Между тем из письма Орлика мы узнаем, что у гетмана в Борзне происходило вот что.

Уже несколько дней Ломиковский и полковники настаивали, чтобы Мазепа посылал к шведскому королю, Мазепа все откла-

¹ Ныне местечко Черниговского уезда при р. Десне и Девице.

дывал, представляя разные неудобства. Наконец в Борзне, вечером, зовет к себе гетман Орлика и говорит: «Иди к Ломиковскому и к полковникам, пусть решительно скажут, посылать ли к королю или оставить эту посылку». «Я думаю, — говорит в своем письме Орлик, — тогда Мазепа, говоря это, нас испытывал».

Ломиковский и полковники, выслушавши этот запрос, говорили с досадою: «Мы видим у Мазепы «оспалость» и умедление; сколько раз мы предлагали и просили его об этом; надобно было посылать к королю еще тогда, когда он только доходил до границы, а Мазепа все медлил и через то навел великороссийские войска в Украину на разорение и всенародное кровопролитие; и теперь, когда уже шведы у нас под носом, он неведомо зачем медлит».

Таким образом, гетман довел старшин до того, что они заговорили таким тоном, как будто гневаются на гетмана, зачем он, сообразно их общей воле, не пристаёт к шведскому королю. Услышавши такие речи от Орлика, он позвал к себе Ломиковского и других соумышленников. «Все это лысый черт Ломиковский мутит», — сказал он.

Когда явились соумышленники, Мазепа принял гневный вид и говорил: «Что это? Вы не советуется, а только меня судите! Ах, черт вас побери! Я вот возьму с собою Орлика и поеду ко двору царского величества, а вы себе тут хоть пропадайте!»

Но спустя немного времени он успокоился и уже без гнева спрашивал: «Ну, что же, посылать к королю?» Ему отвечали: «Как же не посылать! Давно бы это надлежало сделать и теперь не надобно откладывать».

Тогда Мазепа, как бы соображаясь с тем, что услышал от старшин, приказал позвать Быстрицкого. Это был поляк, управитель у Мазепы в его гетманской Шептаковской волости. Он, как говорят, состоял в каком-то родстве или свойстве с гетманом. Прежде всего Мазепа велел ему перед всеми присягнуть, что он будет хранить в секрете то, что ему поручится. Быстрицкий исполнил это. Тогда Мазепа велел Орлику составить инструкцию к графу Пиперу по-латыни, а своему аптекарю перевести ее на немецкий язык и вместе с латинским подлинником вручил Быстрицкому. Не было ни печати, ни подписи на этой инструкции. От себя лично Мазепа также не посылал никакого письма ни к королю, ни к графу Пиперу. Содержание этой инструкции было таково: гетман поручал Быстрицкому передать свою радость по поводу вступления шведского короля в Украину, просил Карла оказать протекцию гетману войска запорожского и всему народу малороссийскому в деле освобождения от тяжелого московского ига. Он предлагал шведским войскам безопасность и просил скорее прислать к нему наперед вспомогательный отряд

для обороны, которому обещал устроить паромы для переправы на Десне у Макошинской пристани¹.

Мазепа, отправляя Быстрицкого с неподписанною и неприпечатанною инструкцією, не присоединивши к ней собственноручного письма, подвергал Быстрицкого опасности: попавшись в руки русским, быть признанным за одно из тех орудий, какими, по уверению Мазепы, его тайные и явные недоброжелатели много раз старались набросить подозрение на верность гетмана своему государю. Конечно, на это рассчитывал Мазепа, отпуская Быстрицкого с таким недоделанным письменным видом. В истории, писанной Феофаном Прокоповичем, приводится письмо, посланное будто бы гетманом к шведскому королю; но свидетельство Орлика о том, что Мазепа отправил Быстрицкого с неподписанною инструкцією, вероятнее, как известие лица, ближе тогда стоявшего к этому делу. Быть может, однако, письмо, приводимое Феофаном в переводе, составляло смысл инструкции, данной Быстрицкому, т. е. сущность того, что он должен был сказать графу Пиперу от имени своего гетмана.

Отправивши, таким образом, Быстрицкого к шведам, Мазепа в тот же день послал Головкину письмо, в котором извещал, что он уже более десяти дней не ест и не спит и едва жив, только надеется чудотворного облегчения от елеосвящения.

Шведское войско шло по направлению к Стародубу. Главная квартира русской армии была в Погаре. Высланный против неприятеля генерал Инфлянт принужден был отступить. Русские думали, что неприятель попытается овладеть Стародубом, но шведы прошли Стародуб мимо и пошли вправо двумя колоннами, из которых одна была под личным предводительством короля. В ночь с 20 на 21 октября они были в Семеновке²; очевидно было, что они направлялись на Новгород-Северск. Русская главная квартира перешла в Гримяч³. Русские военачальники решили идти за неприятелем. Меншиков с кавалерией находился между тем на другой стороне — между Стародубом и Черниговом, следил за движением неприятеля и, узнавши, что неприятель поворотил от Стародуба, писал государю, что шведы, вероятно, намереваются удалиться на Волынь, потому что наступающая зима не дозволит им идти далее в Украину. Меншиков послал к Мазепе и просил приехать для совещания, а сам 20 октября остановился со своею кавалерией в Горске⁴. Но вместо Мазепы приехал к Меншикову племянник гетмана Войнаров-

¹ Макошин — село на р. Десне Сосницкого уезда Черниговской губернии.

² Ныне село Глуховского уезда при р. Есмани.

³ Село Стародубского уезда на р. Судости.

⁴ Ныне местечко Городненского уезда при р. Снове

ский и привез от дяди письмо. Мазепа извещал Меншикова, что он при последнем издыхании: от подагры и хирагры приключилась ему эпилепсия; извещая об этом государя, Меншиков изъявлял сожаление о болезни гетмана. Но вместе с тем Меншиков отзывался вообще неодобрительно о козаках, которых гетман по царскому приказанию отправил на службу против шведов.

Действительно, отправленные гетманом в поход полковники, бывшие в соумышлении с гетманом, докладывали ему рапортом, что козаки миргородские, прилуцкие и других полков заволновались и просят, чтоб их не посылали за Десну, потому что великороссияне причиняют их братии всякого рода обиды и утеснения. Подобное настроение козаков, показывавшее неприязненные отношения к великороссийскому войску, было тогда на руку Мазепе и могло подавать ему надежды, что Карл найдет себе на Украине союзников.

Быстрицкий, отправившись вместе с шведским пленником, представился шведскому королю в селении Паноровке¹ на пути от Стародуба к Десне. Отпущенный немедленно назад, он не привозил Мазепе ничего писанного, но устно сообщил, что король обещал быть к Десне 22 числа в пятницу, когда воротился и Быстрицкий. 23 числа приехал второпях в Борзну Войнаровский и объявил, что вслед за ним едет в Борзну сам Меншиков и прибудет к обеденному времени в воскресенье. Сам Войнаровский говорил, что убежал от Меншикова тайно, покинувши и свои возы и прислугу, потому что услышал, как один офицер немецкого происхождения говорил другому офицеру: «Помилуй, Господи, этих людей! Завтра они будут в кандалах». «Я не знаю до сих пор, — говорит передающий события тех дней Орлик, — точно ли слышал это Войнаровский или Мазепа научил его так говорить, чтоб нас всех обольщать». Но из писем Меншикова к царю видно, что Меншиков действительно имел тогда намерение посетить Мазепу.

Гетман, получивши известие, что приедет к нему Меншиков, тотчас «порвался как вихорь», по выражению современника, и поспешил в свой Батуриин. За ним поехали бывшие при нем старшины. В Батуриин прибыл он в субботу уже поздно. Последняя ночь, проведенная Мазепою в своей резиденции, прошла в распоряжениях. Нужно было спустить царского полковника Анненкова, и гетман отправил его к Меншикову с письмом, в котором просил прощения своему племяннику Войнаровскому, ускользнувшему тайно от Меншикова, и называл его поступок легкомысленным. Так-то благовидным образом гетман успел удалить из Ба-

¹ Ныне местечко Стародубского уезда при р. Ревке в 26 верстах от Стародуба.

турина царского наблюдателя за своими поступками, не смеяшего, разумеется, подозревать ничего дурного за Мазепой.

После того гетман поручил Батурин сердюцкому полковнику Чечелу, арматному¹ асаулу Кенигсену, немцу по происхождению, и батуринскому сотнику, по имени Димитрию. С ними военной силы оставлено было в Батурине четыре сердюцких полка (Чечелов, Покотилов, Денисов и Максимов) и часть городских полков Лубенского, Миргородского и Прилуцкого, которых другая часть уведена была гетманом с собою. Начальные лица, оставляемые в Батурине, уже настроены были к замыслу Мазепы. Гетман наказывал им не сдавать города, если придут русские, отбиваться от них и дожидаться шведской помощи; он обнадеживал, что возвратится к ним на выручку скоро и приведет с собою самого шведского короля с его храбрым войском. Утром в воскресенье гетман простился навеки с своим Батурином, переправился через Сейм и в тот же день к вечеру прибыл в Короп², переночевал там с 24 на 25 октября и в понедельник 25 числа переправился через Десну у Оболонья³. Козаки были уверены, что гетман по царскому указу ведет их против неприятеля. С Мазепой переправилось войско от четырех до пяти тысяч. Другая часть, от пяти до шести тысяч, оставлена была на левом берегу Десны. Так как иные козацкие полки заранее были разосланы на царскую службу в разные места, то вместо тысяч двадцати готовых и вооруженных, как надеялся Карл по обещаниям от Мазепы, его новый союзник едва мог привести и четверть обещанного числа. Но и с теми нужно было еще объясняться. Кроме немногих единомышленников, никто ни из старшин, ни из рядовиков не воображал узнать внезапно от своего предводителя, что он ведет их вовсе не на бой с царским неприятелем. После переправы через Десну, двинувшись немного вперед, гетман приказал козакам построиться и начал говорить речь. Тут только гетман объявил своему козачеству, что он ведет его не против короля, а против царя — утеснителя козацкой вольности. Гетман исчислял разные утеснения, которые творил царь на Украине, и как на главное указывал, что он хочет козаков повернуть в солдаты. Такие слухи давно уже ходили между козаками. Гетман уверял, что, часто беседуя с царем, он выведал все его тайные намерения: хочет он потоптать все вольности и права Украины и ввести московское правительство в крае. Метко было задумано Мазепой затронуть козацкое сердце:

¹ Т. е. пушечному, артиллерийскому.

² Ныне заштатный город Кролевецкого уезда при р. Коропе.

³ Ныне местечко Кролевецкого уезда на р. Десне в 38 верстах от Кролевца.

боязнь московского правительства и начальствующих лиц великороссийского происхождения вместо туземцев тревожила малороссиян при прежних гетманах и передавалась в поколения.

«Я, — говорил Мазепа, — много раз старался отвратить царя от намерений погибельных для всего народа малороссийского. Но из того не вышло ничего доброго: только я сам подпал его гневу и злобе и не нашел иного способа спасения себе, как обратиться к великодушию шведского короля. Он обязывается уважать наши права и вольности и защищать их против всех тех, которые на них посягают и вперед станут посягать. Братия! Пришла наша пора; воспользуемся представившимся случаем: отомстим москалям за их долгое и насильное над нами, за все совершенные ими жестокости и несправедливости, охраним на будущие времена нашу свободу и права козацкие от их посягательств! Вот когда пришло время свергнуть с себя ненавистное ярмо и сделать нашу Украину страной свободною и ни от кого независимою. Вот к какой будущности я вас всех призываю. Вы, братия, верно достигнете этой цели при вашем мужестве и при содействии шведского короля, который предлагает вам воевать против москалей вместе со шведами».

Речь гетмана прослушана была без ответа. Каждый из не посвященных заранее в замыслы гетмана не смел ему противоречить: каждый думал, что, вероятно, у гетмана есть уже много желающих поступать по его воле, следовательно, открытое противоречие не остановит предприятия, а только может повредить тому, кто станет говорить наперекор предводителю. Поэтому многие, сразу не пожелавшие идти по пути, указываемому гетманом, предпочли, не сопротивляясь ему, улизнуть от него, когда придет удобное время.

Гетман послал обозного Ломиковского и писаря Орлика к начальникам передового шведского поста, состоявшего из двух драгунских полков. Они квартировали в деревне за Орловкою. Командирами были Гьельм и Гилленстиерна. Они были изумлены таким неожиданным появлением. Полковник Гьельм решительно не поверил и подозревал неприятельскую уловку. У него в полку служил капитаном один итальянец, который был прежде в русской службе и знал Мазепу лично. Гьельм послал его к козакам узнать наверное, что это значит. Недолго исполнял свое поручение итальянец; он вернулся быстро и донес полковнику, что сам гетман прибыл с ним.

Гьельм принял Мазепу с честью, подобающе высокому званию главы народа и войска, и гетман оставался у шведских полковников до 28 октября. Между тем полковники немедленно дали знать о всем своему королю, которого главная квартира находилась в Горках¹, над самую Десною.

¹ Ныне местечко Новгородсеверского уезда в 10 верстах от Новгород-Северска по дороге в Сосницу.

Король должен был уже ожидать прихода козацкого гетмана, так как о том предупредил его Быстрицкий. Но король еще не доверял искренности человека, так долго и верно служившего своему государю, тем более что королю делались известными универсалы гетмана к малороссийскому народу, писанные напоказ русским и потому не выражавшие расположения к шведам. Это-то и было причиной, что король не торопился переходить Десну, тогда как у Мазепы было желание, чтобы король перешел эту реку прежде, чем гетман объявит себя во всеуслышание на его стороне. Вероятно, гетман рассчитывал, что край, лежащий по левую сторону Десны, ему будет более послушен: жители его в этнографическом смысле были коренные малороссияне, и притом этот край присоединен был с остальной Малороссией к московской державе только при Богдане Хмельницком, тогда как правая сторона Десны в давние времена, еще в XV и в XVI веках, составляла достояние Москвы, и жители ее образовывали переходную народность между великороссийскою и малороссийскою. Очень может быть, что такие соображения побуждали гетмана желать, чтобы шведский король скорее перешел Десну, и тогда уже гетман мог прямо открыться с своим замыслом. Карл, по замечанию современников, сомневался, и потому, достигши Десны, заложил свой стан на ее правом берегу.

Пока извещали шведского короля, Мазепа опять созвал своих козаков и велел им присягнуть, что вступают в союз со шведами для освобождения Украины от московского ига. Но тут только увидел Мазепа, как мало военной силы приходилось ему представить своему союзнику. Осталось у него, по одним известиям, полторы тысячи человек, по другим — несколько сот, — много до тысячи. Все остальные дали тягу, раскусивши в чем дело и что с ними замышляют творить, не спросивши у них предварительно о желании.

Вечером 28 октября Мазепа приехал к шведскому королю. Гетман представился ему на другой день, 29 октября. Около короля находились тогда знатнейшие вельможи и военачальники; между ними были: канцлер граф Пипер, генерал-квартирмейстер Гилленкрюк, верховный судья, два генерал-адъютанта и несколько полковников. С Мазепою внесли два знамени его гетманского достоинства — бунчук и булаву. Мазепа произнес перед королем короткую, но складно составленную речь на латинском языке. В этой речи он просил короля оказать козакам покровительство и благодарил Бога за то, что посылает им избавление от царского рабства. В уважение к летам и к подагрическим страданиям гетмана его пригласили сесть. Король беседовал с ним стоя.

Так велась беседа шведского короля с гетманом до полудня. Шведы с любопытством смотрели на Мазепу и слушали его речи. По известию секретаря Карла XII, перед ними был старик 66 лет от роду, среднего телосложения, худощавый, без бороды, но

с усами по польскому обычаю. Вообще, он имел вид важный, но временами проявлял проблески веселого и живого нрава, шутил с очень метким остроумием и развеселял слушателей; в речах его замечали большой такт и много ума. Видно было, что он был человек образованный и превосходно владел латинским языком. Карлу он сразу понравился и был приглашен к королевскому столу вместе с ближайшими к нему особами из генеральных старшин. Для прочих козаков накрыто было два больших стола и, кроме того, некоторых из них пригласили еще обедать к себе граф Пипер и генерал Реншильд.

После обеда король отошел в свои покои, а за ним Мазепа с бунчуком и булавою; в знак своей покорности королевской воле он положил эти знаки к ногам шведского короля. Наконец гетман простился с королем и сел на коня при звуке труб, на которых заиграли его люди.

Пришло известие, что партия царского войска была выслана схватить Мазепу, не допустив его до переправы через Десну, и овладела несколькими экипажами из его обоза, не успевшими переправиться. Король послал в тот же вечер полковника Дельдорфа с шведскою кавалерией и козаками вниз Десны к Оболонью следить за движениями неприятеля и прикрывать левое крыло войска. От 25 до 30 октября шведская главная квартира продолжала находиться в Горках.

29 числа совершился переход царского войска через Десну. Русские, следуя позади шведов, спешили предупредить переход через Десну своих неприятелей, приказавши задним частям войск жечь на покидаемом берегу жилые местности, в том числе Почеп¹ и Погар². Русский главнокомандующий Шереметев долго не подозревал Мазепы и в день своего перехода через Десну писал к нему, убеждая послать универсалы по всей Малороссии, чтобы народ не склонялся на «прелестные» шведские универсалы, распущенные по краю.

Между тем в воскресенье, 24 октября, Меншиков, как обещал посетить лично гетмана, отправился в путь; но доехавши до Мены³, встретил едущего к нему полковника Анненкова. Тот подал Меншикову письмо от Мазепы и известил, что Мазепа приехал в Батурин. Меншикову не приходилось уже ехать в Борзну, и он сказал Анненкову: «Пошли же скорей нарочного к гетману известить, что я к нему еду». Но вдруг приезжает киевский губернатор, князь Дм. Мих. Голицын, должно быть, он находился где-

¹ Ныне местечко Мглинского уезда при р. Судости.

² Ныне заштатный город Стародубского уезда при той же реке.

³ Ныне местечко Сосницкого уезда на р. Мене в 21 версте от Сосницы и в 65 — от Чернигова.

нибудь вблизи, так как на него возложена была обязанность наблюдать за спокойствием народа в Малороссии. Оба военачальника стали догадываться, что происходит что-то недоброе: последние поступки Мазепы заставляли всех, и даже самого царя, призадумываться и приглядываться, хотя ни царь, ни вельможи не решались оскорблять гетмана явными сомнениями.

Меншиков и Голицын переправились в ночь с 24 на 25 число через Десну и быстро покатали в Батурин. В селе Обмачеве, близ Батурина, явился к Меншикову некто Соболевский и объявил за собою *слово и дело государево*. Его позвали на свидание с Меншиковым в одну сельскую хату.

Он сказал: «Мазепа уехал к шведскому королю, а в Батурине дал приказание не впускать русских, пока он сам не придет со шведскими силами, если русские придут в большом числе, если же в небольшом, то впустить, но задержать военачальников».

Поразительна была такая весть. Меншиков обошелся ласково с Соболевским, но вполне ему еще не поверил. Оба военачальника поехали далее в Батурин и приехали туда к полудню.

В батуринском подворке оставались русские офицеры и солдаты полка Анненкова. Они объявили, что гетман вчера, в воскресенье, уехал в Короп. Сердюки и батуринские обыватели ушли в замок и заперлись в нем. На стенах стояли вооруженные люди, наведены были пушки. Меншиков отправил Анненкова объяснить с запершимися в осаду.

«Что это значит? — спрашивал Анненков, подъехавши к стенам. — Зачем вы укрепились, будто против неприятеля? Отворите ворота, впустите в город князей и с ними царских ратных людей».

Ему отвечали со стен: «Гетман не велел впускать никого из великороссийских людей, потому что от них делается великое разорение малороссийским людям, и уже немало городов и сел совсем от них пропали».

«Но где же гетман?» — спрашивает Анненков.

Ему отвечали: «Он уехал в Короп, оттуда отправится к царскому войску».

«Злой у них поступок!» — сказали военачальники и отправились в Короп, где надеялись, быть может, застать гетмана.

Доехали они до местечка Новые Млины¹. Там получили они известие, что Мазепа переправился через Десну под Оболонью.

«Теперь, — сказал Меншиков, — уже ясно, что он отъехал к неприятелю! Вот зачем Войнаровский в прошлую пятницу ночью, не простясь со мною, уехал от меня и с тех пор гетман ко мне не отзывался! Вот зачем, уезжая из Батурина, он никого из рус-

¹ Ныне местечко Сосницкого уезда при р. Сейме в 15 верстах от Сосницы.

ских с собою не взял, а заранее их по сторонам разослал. Иначе нельзя рассуждать о том, как только, что совершенно изменил».

Меншиков отправился в Макошин¹. Там к нему стали являться сотники и разные козаки из ближних мест, подтверждали известие об отъезде Мазепы к неприятелю, порицали его поступок и просили ходатайствовать за себя перед царем, так как они вовсе не причастны измене гетмана. Меншиков отправил к царю курьера, извещал о случившемся и подавал совет поскорее «утвердить» простой народ чрез публичное извещение, выставивши на вид все озлобления и тягости, какие чинились народу во время гетманского управления Мазепы, чтобы таким образом народ не склонялся к его «прелестям». Впрочем, ни между полковыми старшинами, ни в простонародьи Меншиков не замечал пока ничего дурного.

Понятно, как была должна поразить царя такая новость; ни для кого она не была так неожиданна, как для него, потому что никто, как он, не был так твердо убежден в прямоте и верности к себе Мазепы. Но никакая неожиданность не могла поразить и потрясти царя Петра; он всегда и везде умел найти и сообразить, что ему в данное время делать. Он получил письмо утром 27 числа в Погребках, а в следующую ночь послал Меншикову такой ответ:

«Мы получили письмо ваше о не чаянном никогда злом случае измены гетманской с великим удивлением. Надлежит трудиться, как бы тому злу забежать и не допустить войску козацкому переправляться через реку Десну по прелести гетманской: немедленно пошли к тем местам, где они, несколько полков драгун, которые бы им помешали. А полковников и старшину вели сколько возможно ласково призывать и говорить им, чтоб они тотчас ехали сюда для избрания нового гетмана. А буде полковник миргородский где поблизости обретається, то прикажи его, сыскав, к нам прислать, обнадежа его милостию нашею, потому что он великий был неприятель Мазепе. И вы немедленно приезжайте».

Ни царь, ни его близкие советники не знали еще, как отзовется отступление гетмана к шведам на малороссийский народ, и потому первое, за что тогда ухватились, было обращаться с малороссиянами ласково, чтобы расположить их к себе и отвратить от гетмана. Царю мало были известны внутренние отношения в Гетманщине и оттого в письме к Меншикову, писанном, так сказать, сгоряча, обращается внимание на миргородского полковника, считавшегося врагом гетмана. Никто не подозревал, что этот мнимый враг был одним из первейших участников замысла Мазепы.

В тот же день написан был манифест: царь извещал все войско козацкое, стоявшее у Десны и по иным местам, а равно и все духовные и мирские чины в Малой России, что гетман Мазепа

¹ Ныне село Сосницкого уезда при р. Десне в 13 верстах от Сосницы.

куда-то безвестно пропал и возникает сомнение, нет ли тут неприятельских «факций». Поэтому вменялось в обязанность всем генеральным старшинам и полковникам и прочим немедленно ехать в царский обоз для совета, а если бы оказалось, что гетман изменил, то и для выбора нового гетмана. Видно было, что царь до такой степени доверял гетману, что и теперь еще сомневался и не решался заявить, что гетман изменил. Этот манифест разослан был во многих списках по всем полкам с собственноручною царскою подписью, а на обертке было означено приказание рассылать его от сотни до сотни как можно скорее («пидно, пилно»).

На следующий день явился к царю убежавший из Батурина канцелярист Андрей Кандыба и принес царю несомненное известие: гетман с некоторыми генеральными старшинами и полковниками ушел к шведам, а для защиты в Батурине оставил сердюков и козаков.

Тогда издан был другой манифест, где уже прямо заявлялось, как вполне известное государю: гетман Мазепа, забыв страх Божий и свое крестное целование, отъехал к неприятелю, шведскому королю, по договору, заключенному прежде с ним и с Лещинским, дабы при их содействии поработить малороссийский край по-прежнему под польское владение и отдать в унию церкви Божия и славные монастыри. Приглашались все старшины генеральные и полковые съезжаться в город Глухов для выбора нового гетмана вольными голосами, сообразно старинным козацким правам.

29 числа октября царь разослал пригласительные письма к полковникам обеих сторон Днепра и к кошевому атаману в Сечу. Царь убеждал всех их отвращаться от «прелестей» изменника, который имеет замысел поработить малороссийский народ полякам и ввести унию, каждого приглашал в Глухов для выбора гетмана, а тех, которые за отступлением настоящих полковников были наказными, заранее давал обещание произвести в настоящие. Тогда же было послано письмо полковнику Чечелу, начальствовавшему в Батурине. Нимало не показывая тени сомнения в верности Чечела, царь указывал впустить в замок один полк великороссийской пехоты для безопасности от неприятеля и обещал скоро сам лично приехать в Батуриин.

— Тогда же царь написал об отступлении Мазепы к своим любимцам генералам, находившимся в разных сторонах: к Толстому, к Апраксиным, Шереметеву, Долгоруким и другим. В одном из таких писем, к графу Фед. Матв. Апраксину, царь выражался: «Нужда повелевает явити, что учинил новый Иуда Мазепа, ибо 21 год был в верности, ныне при гробе стал изменник и предатель своего народа. Однако ж Бог правосуден, который таким злым никогда исполнить не допускает своего намерения. Понеже как слышим, что житие его кроме Бога было, то надежда в Боге, что

себе вящее зло исходатайствует (чему пособит и кровь Самуйлова) нежели тому, кому зла хотел». Так в первый раз вспомнил русский царь о несчастном Самойловиче, тогда как последний уже успел умереть в ссылке и нищете, а его семейство и родные гибли в угоду ласкаемого царем Мазепы, который только теперь показал себя, чем он был на самом деле.

30 октября приехал в Погребки¹ Меншиков, и тогда состоялся военный совет, положивший взять Батуриин и, в случае сопротивления, истребить его как главный притон силы, неприязненной царю Малороссии. Ранее Меншикова приехал к Батуриину князь Дм. Мих. Голицын и послал в замок царский указ. Бывшие там старшины и товарищи дали такой ответ: «Без нового гетмана мы не пустим в замок москалей, а гетмана выбрать надлежит общими вольными голосами; теперь же, когда неприятель швед стоит в нашей земле, невозможно выбирать гетмана».

К полудню 31 октября прибыл к Батуриину Меншиков с великорусскими силами и послал в замок сотника Андрея Марковича. Замок был отовсюду заперт, ворота засыпаны землею, но сотнику дали возможность туда проникнуть, втащивши его по стене. Сперва Маркович подвергся трепке от мятежной толпы и не без труда добился, чтоб его провели к сердюцкому полковнику Чечелу. Кроме Чечела и Фридриха Кенигсена, арматного асаула, которым Мазепа поручил охрану Батурина, там были в те дни влиятельными лицами: Левон Герцик, бывший полтавский полковник, генеральный асаул Гамалея, реент (делопроизводитель) Мазепиной канцелярии, батуриинский сотник и батуриинский городничий. Маркович от княжеского имени убеждал отворить ворота и впустить царское войско в Батуриин. Ему отвечали: «Этого мы не смеем сделать, потому что гетман не приказал».

«Но гетман ваш изменил, переехал к неприятелю, — представлял им Маркович. — Вы же верные подданные люди государя, а князь Меншиков министр нашего государя, так как же можно вам перед ним затворяться?»

Ему отвечали:

«Мы не смеем без региментарского приказания, а чтоб наш гетман изменил и отъехал к неприятелю, тому поверить мы никак не можем».

Напрасно сотник уговаривал их не прикидываться незнайками, напрасно представлял им доводы, что в царском войске уже все довольно об этом знают, — все убеждения остались безуспешны.

После полудня царские полководцы стали готовить полки к переправе через реку Сейм: там уже прежде были мосты, но перед

¹ Ныне село Новгородсеверского уезда при р. Десне.

приходом царских сил осажденные их разметали. Надобно было наводить и исправлять их, как вдруг из замка выставлено было шесть пушек и направлено на царское войско.

Полки двинуты были по берегу ниже и поставлены в строй: неизвестно, находили ли там удобнее строить мосты или переходить реку вброд. Но, увидя движение русского войска, из замка выехали пять человек мазепинцев и кричали через реку: «Не ходите, а если пойдете силою, то станем вас бить».

Из царского войска им закричали: «Пусть придут к нам человека два-три на разговор». Но из Батурина отвечали ругательными криками.

Тогда в двух лодках предводители переправили 50 гренадеров на другой берег, и тотчас те батуринцы, которые были высланы из замка с пушками, «с великою тревогою» побежали в город, а русские свободно стали направлять мосты, с тем чтобы перебраться через реку ночью. «Ни малейшей склонности к добру у них не является, и все говорят, что хотят до последнего человека все держаться», — писал Меншиков в донесении своем царю вечером 31 октября.

Наступила ночь. Меншиков помещался в хате, в поселке, находившемся за рекою. Тут явились к нему депутаты из Батурина: они уверяли, что если бы в самом деле гетман изменил государю, то они остаются в прежней верности и готовы впустить царские военные силы в батуринский замок, только просили дать им на размышление три дня сроку. Меншиков понял, что это говорилось «с звычайною политикою» и батуринцы думают выиграть время, пока успеют шведы явиться к ним на выручку. «Довольно с вас времени намыслиться одной ночи до утра», — сказал им Меншиков. Депутаты ушли, дожидаясь, впрочем, письменного ответа.

Наступило утро. Не получивши письменного ответа, батуринцы стали палить из пушек, и в это время вспыхнул пожар на подворке, иначе на посаде. Это показывало, что, собираясь защищаться и согнавши жителей в замок, мазепинцы готовы стоять до последней капли крови и истребляют жилища около замка, чтобы не дать своим неприятелям там пристанища. Меншиков в виде ответа на их письмо, принесенное ночью, послал к ним письменное предложение. Письмо послано было с каким-то Захарским. Батуринцы впустили его в замок, собрали раду и хотели читать письмо Меншикова, но тут раздались резкие крики: «Некогда чинить нам отповеди». Против самого Захарского возбудилась такая злоба, что его чуть-чуть не растерзали в куски, однако удержались от убийства и только выгнали с таким единогласным решительным ответом: «Все здесь помер, а президиума не пустим».

В ночь на 2 ноября все изменилось. В батуринском замке между козаками была часть Прилуцкого полка; один из полковых стар-

шин, Иван Нос, явился к Меншикову и указал ему тайный способ добыть Батурин. По преданию, Нос указал в батуринской стене незаметную ни для кого калитку, через которую возможно было во время ночи гуськом царским людям проникнуть в замок. Меншиков отрядил туда солдат. Тайный вход был открыт; за первыми, туда вошедшими, последовали другие, а с другой стороны был начат приступ, и батуринцы, отбивавшись в продолжение двух часов, наконец сдались. Осталось еще предание, что когда в Батурине услышали, что тайный вход открыт, туда поспешила горсть осажденных, предводительствуемая диаконом, с которым неразлучно находилась его дочь-девица. И отец и дочь погибли в сече.

Петр получил известие о взятии Батурина, находясь уже в Воронеже¹. Он был чрезвычайно доволен, немедленно благодарил письменно Меншикова и отдавал судьбу взятого города на волю и благоусмотрение победителя: если найдет, что Батурин может отстояться от неприятеля, то оставить в нем гарнизон, в противном случае сжечь его и всю артиллерию постараться скорее увезти оттуда, а также взять с собою булаву, знамена и всю гетманскую канцелярию.

Тогда Батурин был сожжен. Жители от мала до велика подверглись поголовному истреблению, исключая начальных лиц, которых пощадили для казни. Впрочем, многие успели уйти заранее и остаться целыми. Это видно из того, что впоследствии возвращались в Батурин многие обыватели на свои места. Кенигсен, тяжело раненный, думал скрыться, но был схвачен. Чечел успел убежать, но в одном ближайшем селении его узнали козаки и выдали Меншикову. Общие свидетельства единогласно говорят, что над жителями Батурина совершено было самое варварское истребление. Сам Меншиков не писал о том к царю, предоставляя сообщить ему обо всем изустно.

Весть о судьбе гетманской столицы произвела страшный переполох в малороссийском крае. Жители окрестных городков и сел покидали свои жилища, бежали без цели, сами не зная куда, раздавались отчаянные крики: «Москва неистовствует, Москва весь Батурин разорила, всех тамошних людей перебила и малых деток не пожалела!», «Ой, не зарекайтесь, братце, в московской крови по колена бродить!» — восклицали в запальчивости слышавшие об этом козаки, а когда кто-нибудь, подслушавши подобные речи, и замечал, что так говорить непристойно, на того накидывались, как на изменника, били, трепали, даже связывали и запирали в погреба. Один из таких, ушедши из рук ревностных патриотов, доносил о том Меншикову, но тот, кого обвиняли, ука-

¹ Ныне большое местечко Глуховского уезда при р. Осаке, в 34 верстах от Глухова, на дороге в Новгород-Северск.

зывал на доносчика, что его сажали в тюрьму за пьянство и буйство, и он теперь в отместку вздумал доносить на других. Впрочем, такие порывы народного негодования скоро улеглись и не принесли большой пользы делу Мазепы.

Отправляясь после своего военного подвига к царю в Глухов, Меншиков, уничтоживши прежде несколько тяжелых пушек, вез с собою часть артиллерии, знаки гетманского достоинства и скованных старшин, из которых один Кенигсен не был доведен до Глухова и умер в Конотопе, где над его трупом совершена была казнь колесования, ожидавшая его живым в Глухове.

После присоединения Мазепы к шведам главная квартира шведская переведена была в Дехтеревку¹, за четыре версты ниже Горок, по течению Десны. Оттуда Мазепа отправил письмо к стародубскому полковнику Скоропадскому. Гетман выставлял причины, побудившие его сделать настоящий шаг: издавна враждебная власть московская в последнее время возымела намерение отобрать в свою область малороссийские города, ограбить и выгнать из них обывателей и наполнить их своими войсками. Так поступали москали не только в полках Стародубском, Черниговском и Нежинском, под живым предлогом будто делают так ради наступления шведов, но и в других, более отдаленных полках, где шведов никак не ожидали. «Нас предостерегли по секрету приятели, что москали хотят прибрать в свои руки гетмана, генеральных старшин, полковников и запровадить в тиранскую неволю, затем всех козаков обратить в драгуны, изгладить совершенно со света имя запорожское и поработить навеки весь малороссийский народ». С этой целью Меншиков и Голицын заманивали гетмана в московский обоз. Но гетман, с согласия генеральных особ, полковников и всех старшин войска запорожского, прибегнул к покровительству шведского короля в надежде, что он оборонит малороссийскую их отчизну от тиранского московского ига и не только возвратит козакам отнятые права и вольности, но еще умножит и расширит их, и в этом король дал свое слово и письменное удостоверение. Гетман убеждал Скоропадского в согласии с полковниками переяславским и нежинским искоренить московский гарнизон в Стародубе, а если у него к тому не хватит сил и способа, то убежать в Батурин, стараясь не попасться в московскую неволю. Шведские историки говорят, что стародубский полковник прежде был единомышленником Мазепы в замысле отступить к шведам, но потом отстал от замысла после неудач, понесенных генералом Либекером под Петербургом и стал соображать, что счастье может изменить шведам. В официальных источниках того времени нет черт, которые бы подтверждали швед-

¹ Ныне село Новгородсеверского уезда в 14 верстах от Новгород-Северска.

ское известие, но обращение Мазепы к Скоропадскому показывает возможную до некоторой степени справедливость такого известия. Какие побуждения ни руководили бы Скоропадским, но он не сделал никакого шага по желанию гетмана да едва ли бы и мог сделать, если бы на то покусился, будучи со всех сторон окружен великорусскими военными силами.

31 октября шведский король подвинулся еще ниже по Десне к селу Игнатовке¹ и в сопровождении генералов, принца Виртембергского, своего родственника, Аксель-Спарре и своей гвардии наметил место, удобное для переправы через Десну близ села Мезина². Переправа совершилась 4 и 5 ноября, и притом с большим трудом. Русское войско берегло противоположный берег и устроило батареи, с которых палили на готовившихся переходить реку. Это побудило шведов начать переправу там, где русские никак не могли ожидать ее, в месте неудобном. Берег был крут; солдаты и офицеры должны были сползать, а лошадей стаскивать веревками. У подошвы берега, близ реки, шведы наскоро нарубили деревьев, наделали колод, связывали их веревками и на таких плотках переправлялись на другой берег. Первым очутился там отряд генерал-майора Стакельберга, пробиваясь сквозь ряды русских и холодным, и огнестрельным оружием. Установленные на крутом берегу 12 шведских орудий между тем осыпали русских картечью. Это заставило русских отступить, и тогда шведы построили два моста, через которые уже свободно переправилось все их войско. Во время этой переправы Мазепа находился близ короля. 5 ноября день был холодный. Король Карл XII, по своему всегдашнему обычаю, был одет очень легко. Гетман заметил ему: «Вы, государь, надеетесь на свою молодость. Я понимаю, в молодости есть огонь, который греет, но он с годами проходит. И мне когда-то холод был нипочем, а теперь вот, как пришла старость, так нелишне оказывается и шуба. Ваше величество вынесли уже долговременную войну, от которой немало потерпело и ваше государство, и ваши подданные. Настоящая война может еще затянуться на многие годы. Вашему величеству необходимо сохранять свое здоровье, чтоб вы могли жить еще долгое время для счастья ваших подданных, тогда как Бог пошлет мир».

Карл отвечал: «Не привык я к мехам и никогда их не носил».

Однако Мазепа на другой день представил королю в дар несколько черных лисиц дорогой цены. Король, думая, что это подносится от искреннего сердца, принял дар и приказал подбить себе мехами сюртук. Но скоро до короля дошел слух, что в его войске какой-то весельчак сказал: «С чего это наш король так

¹ Ныне село Кролевецкого уезда при р. Десне.

² Ныне село Кролевецкого уезда при р. Десне.

потолстел?» Карл сбросил с себя обновку и уже никогда не надевал меховых одежд.

Главная квартира русского главнокомандующего находилась в Чартории¹. К Шереметеву приехал тогда князь Федор Юрьевич Ромодановский — страшный человек своего времени, начальствовавший Преображенским приказом, где, как известно, производились ужасающие пытки. Он был так поражен новостью об измене Мазепы, что впал в бесчувственное состояние и потом разразился ругательствами.

¹ Ныне село Глуховского уезда при р. Сливке в 15 верстах от Глухова.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Нерасположение малороссийского народа к замыслу Мазепы. — Избрание в гетманы Скоропадского. — Проклятие Мазепы. — Царский манифест к малороссийскому народу. — Царские милости. — Движения шведского войска после перехода через Десну. — Мазепа в Бахмаче. — Универсал Мазепы к народу. — Универсал Скоропадского к народу. — Стан шведского короля в Ромнах. — Поход Мазепы к Гадячу. — Универсалы Карла XII к малороссиянам. — Верность малороссиян к царю. — Миргородский полковник Апостол. — Кгалаган. — Ответ Мазепе от канцлера Головкина. — Коварство Мазепы. — Перехваченное письмо к Лещинскому. — Недоверие шведов к козакам. — Поход короля Карла и Мазепы к Веприку. — Жестокая стужа. — Взятие Ромен русскими. — Взятие Веприка шведами. — Занятие шведами Зенькова. — Поход Карла и Мазепы в Слободскую Украину. — Сражение под Красным Кутом. — Возвращение. — Внезапная распутица. — Успехи русских в Прилуках и в Рашевке. — Изгнание шведов из Лохвицы. — Главная квартира шведов в Великих Будицах. — Царские милости семейству Кочубея и другим.

Отступление Мазепы от царя ни в каком случае не могло увлечь по тому же пути малороссийского народа, в особенности когда великороссийское войско, с самим царем во главе, находилось в пределах Гетманщины. Правда, малороссияне показывали часто недовольство царскими служилыми людьми, тем более в военное тяжелое время, когда последние, иногда и сами того не хотя, обращались с туземцами сурово; по этому поводу во всем малороссийском крае раздавались резкие и враждебные крики против «московского панования». Но тот очень ошибся бы, кто по этим крикам заключал бы, что народ пристанет ко всякой иноземной силе, которая станет разжигать его против московской власти. Факты, возбуждавшие в народе нерасположение к москалям, не были еще ни столько многочисленны, ни столько сами по себе сильны, чтобы образовать в народе такую вражду, какая могла

бы сплотить его ко всеобщему восстанию, а руководители к такому восстанию не имели в народе столько любви, чтоб увлечь его. Гетман Мазепа до сих пор главным образом держался только могуществом московской власти; для малороссиян это был польский пан, передавшийся на московскую сторону, но оставшийся навсегда с польскими панскими приемами: всегда было огромное число таких, которые были бы рады, если бы только узнали, что царь его сменяет. Великорусские ратные люди с полковником Анненковым постоянно берегли его особу, и гости, посещавшие Гетманщину, замечали, что если бы не эти охранители, то малороссияне скоро бы избавились от своего гетмана. Если в народе малороссийском, как доносил постоянно Мазепа, и была склонность к мятежам и переворотам, то уж никак не в духе Мазепы. Народ при удобном случае мог до некоторой степени поддаться подущениям запорожцев и неразлучных с ними «гультаев», т. е. непосидячих бродяг, искавших сами не зная чего, — мог начать истреблять панов и орандарей с неясными и неосмысленными желаниями всеобщего оказачения; но это стремление, легко притом укротимое, как показало дело Петрика, никак не могло подготовить народ к тому, чтобы теперь идти за Мазепой. Против такого стремления до сих пор постоянно вооружался Мазепа и в этом случае действовал в согласии с московскою властью. Если бы теперь он и стал вторить народным инстинктам, то ему бы меньше, чем кому-нибудь иному, поверили. Но уж никак не должен был надеяться на народное сочувствие гетман, опиравшийся на вступившую в пределы Гетманщины иноземную шведскую силу, которой народ почти вовсе не знал, и на поляков, которых народ из поколения в поколение привык ненавидеть.

При таком настроении народных умов и чувствований неудивительно, что как только стало известным, что Мазепа отступил к шведской стороне, неприязненной царю, так тотчас же последовали челобитные, заявлявшие о преданности малороссиян московскому престолу, и притом не только из того края, где уже находились великороссийские ратные силы, но и из таких полков, где их еще не было, — следовательно, нельзя признавать их только действием страха. 5 ноября пришли к царю челобитные из Прилук, Лубен, городов — Лохвицы, Новгород-Северска, из сотен полков Прилуцкого (Варвинской, Сребненской, Иченской), Лубенского и Миргородского, — тех полков, откуда полковники ушли с Мазепой, — все в одном духе, с обещанием верной службы царю.

1 ноября в Богдановке¹ явились по призыву царской грамоты к государю полковники: стародубский — Скоропадский, черни-

¹ Ныне село Новгородсеверского уезда при р. Шостке в 15 верстах от Новгород-Северска и в 3 — от Десны.

говский — Полуботок и наказные: переяславский — Тамара и нежинский — Жураховский. Каждый приходил с кружком сотников и войсковых товарищей своего полка. Петр местом выбора назначил Глухов и поручил открыть избирательную раду ближнему царскому боярину, князю Григ. Фед. Долгорукому, при котором должен был находиться дьяк Посольского приказа Родостамов с двумя подьячими. Царь для безопасности в пути придал им белозерский драгунский полк. Все делалось по старым обычаям, с теми приемами, какие всегда соблюдались при выборе гетмана.

3 ноября все прибыли в Глухов. Сотник Туранский встречал их как хозяин места, куда они прибывали. Вечером в этот же день полковники и прочие начальные лица были у князя Долгорукого и обменялись с ним взаимными предположениями о выборе. На другой день, 4 ноября, прибыл туда и сам государь.

Князь Долгорукий, поговоривши таким образом с полковниками, сообщил царю, что достойнейшими получить гетманский сан козаки считают двух полковников: черниговского и стародубского. «Полуботок очень хитр, — сказал Петр, — с него может выйти другой Мазепа. Лучше пусть выберут Скоропадского». Обстоятельства были таковы, что при малочисленности участников выбор вольными голосами мог считаться только для вида, а на самом деле гетманом должен стать тот, на кого укажет государь.

5 ноября совершено было отрешение Мазепы от гетманства. Оно совершилось театральным способом. Устроен был эшафот, на нем воздвигнута виселица; внесли на эшафот куклу, изображавшую Мазепу в андреевской ленте. Затем взошли на возвышение Меншиков и Головкин и разодрали патент на звание кавалера. Потом прочитано было длинное писание, где излагались благодеяния Петра, долговременная доверенность государя к гетману и неблагодарность последнего. Вслед за тем сорвали с куклы андреевскую ленту, палач зацепил куклу веревкою и повесил на виселице. Такая казнь над отсутствующим врагом была в духе того времени. Почти около того же времени, по поводу политической вражды между Францией и Англией, во Франции подобным способом творили поругание над изображением английского короля Вильгельма III, а в Лондоне над изображением Людовика XIV.

Вечеру 5 числа полковники, призванные один по одному к Долгорукому, объявили, что во всем будут поступать по произволению царскому.

Рада совершилась 6 ноября. После литургии и молебна в церкви Св. Троицы все вышли на улицу, где уже стояла толпа козаков и посполитых. Князь Григорий Федорович проговорил к ним вступительную речь, а посольский дьяк Родостамов, взошедши на стол, прочитал с этого возвышения царскую грамоту.

«Теперь, — сказал князь Долгорукий, — по древнему вашему обыкновению пусть все войско малороссийское и народ, съехавшийся на избрание гетмана, подадут голоса, кому быть гетманом».

Он отошел. Должно было произойти совещание. Но все уже было решено заранее.

«Быть гетманом стародубскому полковнику Ивану Ильичу Скоропадскому! — провозгласили начальные люди. — Понеже он человек есть царскому величеству верный и в войске малороссийском заслуженный и в делах искусный».

«Я стар, — отвечал Скоропадский. — Я не могу снести такого тягостного уряда. Гетманом быть следует человеку молодому и заслуженному. Изберите черниговского полковника Полуботка».

Большинство козаков действительно расположено было тогда избрать Полуботка. Его все любили. Полуботок притом был всегда верен царю, не приставал к замыслу Мазепы, да и сам Мазепа не решился бы открывать ему своего замысла: прежние отношения гетмана к нему, а еще более к его родителю Леонтию, никак не могли подготовить в нем друга Мазепе. Но царь, заранее предуведомленный, что найдутся желающие избрать в гетманы Павла Полуботка, уже заявил, что его не желает. Старшины, зная это, предупредили дальнейшие толки, еще раз провозгласили имя Скоропадского, схватили его под руки и поставили на стол, с которого перед тем посольский дьяк читал царскую грамоту. Скоропадский еще раз кланялся, говорил, что недостойн такой чести. «Нет, нет, — кричали старшины, — ты достоин! Ты — старый и верный слуга царского пресветлого величества». Затем все ему кланялись и поздравляли с возведением в гетманское достоинство.

Тогда князь Долгорукий по принятому уже прежде обычаю вручил новоизбранному гетману один за другим клейноты: бунчук, знамя, булаву, царскую грамоту и печать малороссийского края, сделанную по образцу печати, употреблявшейся прежними гетманами. По окончании этого обряда все пошло в церковь. Там после эктении, в которой за именем царя помянули имя нового гетмана, Скоропадский присягал по присяжному листу, выданному из посольского приказа. В этой присяге, кроме обычного обещания верности, гетман обязывался не водить пересылки и сообщения с царскими неприятелями, особливо с бывшим гетманом Мазепою, и доносить царю о всякой шатости и склонности к сношениям с неприятелями в малороссийском народе. Произнесением присяги руководил глуховский протопоп Борзаковский. Полковники с своими полковыми старшинами стояли тут же, но сами присягнули уже после, 9 ноября, когда к ним присоединился приехавший на избирательную раду наказной лубенский полковник Василий Савич с своими полковыми старшинами.

Во время рады царь находился в помещении Меншикова. С царем были фельдмаршал Шереметев и канцлер Головкин. Новоизбранный гетман с полковниками и полковыми старшинами явился к царю на поклон. Царь поздравил его, а за царем поздравляли и вельможи. Гетман отправился от царя с почетом, в карете, запряженной шестью лошадьми, в сопровождении князя Долгорукого. В тот день был у гетмана обед и к столу его приглашены были полковники и полковые старшины. Целый день происходила стрельба, а народу разбрасывались от новоизбранного гетмана деньги в бумажных свертках от семи алтын до гривны в каждом свертке. Едва уехал от царя новоизбранный гетман, как явился приехавший на избрание черниговский архиепископ Иоанн Максимович, поднес государю образ Пресвятой Богородицы Черниговской и был со всеми своими духовными допущен к руке государевой, а потом отправился к себе на подворье.

Царь, ближние вельможи и походная канцелярия оставались в Глухове несколько дней. 11 ноября приехали туда с своим духовенством киевский митрополит Иоасаф Кроковский и переяславский епископ Захария Корнилович. 12 ноября в той же Троицкой церкви, где происходила присяга гетмана, после литургии в присутствии царя, вельмож и малороссийских чинов служился молебен, а после молебна духовными властями провозглашена была анафема и вечное проклятие вору и изменнику Мазепе. Новгородсеверский протопоп Афанасий Заруцкий говорил проповедь, в которой пространно вспоминал прежде бывших изменников и оправдывал проклятие, наложенное на Мазепу. Малороссийские архиереи, черниговский и переяславский, издали от себя пастырское послание к народу о предании Мазепы проклятию и увещевали повиноваться новоизбранному гетману Скоропадскому. В тот же самый день, по заранее сообщенному царскому распоряжению, в московском Успенском соборе после литургии в присутствии царевича Алексея Петровича и царских вельмож духовные власти произнесли анафему над Мазепой. Митрополит рязанский, блюститель патриаршего престола, Стефан Яворский произнес поучение, сообразное настоящему событию, помянул с похвалою прежние доблести и добродетели Мазепы, потом порицал его измену и, заканчивая свою речь, сказал: «Нам, собранным во имя Господа Бога Иисуса Христа и святых апостолов, дано от самого Бога вязати и решити, и аще что свяжем на земли, будет связано и на небеси! Изменник Иван Мазепа, за клятвопреступление и за измену великому государю, анафема!» Он провозгласил эти слова три раза. Все остальные архиереи за ним возгласили трижды: «Анафема, анафема, анафема, буди проклят».

Во время пребывания своего в Глухове царь издал два манифеста к малороссийскому народу. В одном, от 9 ноября, он увещевал всех малороссиян не верить «прелестным» универсалам врагов, ста-

рающихся уверить народ, будто московская власть нарушает права и вольности. «Можем непостыдно сказать, что нет ни одного народа под солнцем, который бы похвалился такою свободою и льготами, как малороссийский, так как во всем малороссийском крае мы не берем ни единого пенязя в казну». Объявлялась денежная награда за каждого пойманного и приведенного шведского пленника, сообразно чину его: за генерала — 2000 рублей, за полковника — тысячу, за прочих офицеров — менее, по их чинам, а за рядового — по пяти рублей; за убийство же каждого неприятельского воина — по три рубля. Под страхом смертной казни запрещалось привозить неприятелю на продажу всякие припасы. Царь убеждал народ из сел и деревень скрывать свои семьи и пожитки. Списки с этого манифеста приказано прибить по городским ратушам и по приходским церквям и, сверх того, прочитывать их народу. Другим манифестом, от 10 ноября, царь убеждал всех тех, которые «изменою вора Мазепы заведены были в неприятельские руки», отлучиться от него и вернуться к верной службе своего государя. Объявлялось прощение тем, которые знали о злом намерении Мазепы, «но не доносили, опасаясь его власти, и потому были с ним в согласии». Им давалось срока один месяц со дня 10 ноября. Если в течение этого срока они явятся, то им обещалось сохранение чинов и маетностей их без всякого умаления, в противном случае они будут объявлены царскими изменниками, лишатся чинов, урядов и маетностей, которые отдадутся другим лицам, верным государю, жены и дети изменников будут посланы в ссылку, а всякий из таких изменников, когда будет пойман, подвергнется смертной казни.

Пребывая в Глухове, царь оказал милости тем, которые показали свою верность во время измены Мазепы. 14 ноября наказные полковники получили звание настоящих полковников и жалованные грамоты на разные села и маетности; Ивану Носу, получившему прилуцкое полковничество, дана похвальная грамота за содействие при взятии Батурина. Щедрее всех был тогда наделен черниговский полковник Полуботок; ему пожалованы маетности шурина его, бывшего гадяцкого полковника Михайла Василевича, которого когда-то так настойчиво преследовал Мазепа, и, кроме того, богатые маетности в Черниговском полку, — все это за верность к царю, как выражено в жалованной грамоте.

Переправившись через Десну, шведы сразу увидели, что народ не расположен принимать их как своих избавителей; напротив, все сельские жители разбежались при появлении незваных гостей. Исключение было, неизвестно почему, в одной Атюше¹, где их встретили с хлебом-солью. 12 ноября переправились шведы через Сейм близ Батурина. Страшное зрелище представила им тогда гетман-

¹ Село Кролевецкого уезда в 30 верстах от Кролевца.

ская резиденция, где Мазепа еще недавно надеялся принимать своих союзников и благодетелей. Все превратилось в безобразную кучу угля и щебня; воздух был испорчен испарениями от гниющих и полуобгорелых человеческих и скотских трупов, так что от смрада дышать было невозможно. Король остановился на несколько дней в Городище¹. На Мазепу вид Батурина произвел потрясающее впечатление. Он стал жалеть, что ударился в такой замысел, который, как ему теперь стало казаться, не будет иметь успеха. «О, злые и несчастные наши початки, — говорил он своему писарю. — Вижу, что Бог не благословил мое намерение! Но Бог мне свидетель, не желал я христианского кровопролития, а замышлял так: прибуду в Батурин с королем шведским и оттуда напишу к царскому величеству благодарственное письмо за его протекцию, да в нем же пропишу все наши прежние и теперешние обиды, отнятие прав и вольностей, крайнее разорение и приготовленную пагубу всему нашему народу, а на конец приложу, что мы, как добровольно ради единого восточного православия отдались под царскую руку, так и теперь, будучи свободным народом, добровольно отходим, благодарствуем царскому величеству за протекцию, не хотим рук наших простирать на кровопролитие и будем ожидать под протекциею шведского короля совершенного нашего освобождения. Я надеялся получить свободу не войною, а миром, через трактат; я думал всякими способами склонить шведского короля к такому миру с царским величеством. Но теперь все пойдет иначе: Украина, уstraшенная судьбою Батурина, будет бояться держаться с нами заодно». Конечно, не одно разорение Батурина растревожило Мазепу: он слышал отовсюду, и ему самому в значительной степени стало ясно, что народ не туда обращается, куда он думал обратить его. Даже и между единомышленниками, приставшими разом с ним к шведам, он стал замечать колебание, особенно после манифеста Петра, где царь обещал прощение и сохранение чинов и маетностей всем тем, кто захочет обратиться от неприятеля к законному государю. Это побудило Мазепу пригласить всех их в свою Поросючку под Бахмачем, где уцелел его дворец от разорения, постигшего Гончаровку под Батурином. Там Мазепа устроил с ними совет и взаимную присягу на Евангелии. Мазепа клялся, что не ради своих «приватных выгод, а в виду добра отчизны — Украины и всего Войска Запорожского» он принял протекцию шведского короля. Бывшие тогда с ним старшины, полковники, сотники и знатные войсковые товарищи присягнули оставаться верными гетману и надеяться на протекцию шведского короля. С их совета Мазепа разослал по разным сторонам универсалы, где излагал причины, побудившие его отступить от царя и искать покровительства шведского короля. Причины к такому

¹ Село Конопотского уезда при р. Дочи в 28 верстах от Конотопа.

поступку нам известны по опровержениям, написанным против них в универсале Скоропадского от 8 декабря. Мазепа писал, что Москва, издавна ненавистная малороссийскому народу, постоянно замышляла приводить его к гибели, а в последнее время хотела, опустошивши города, села, выгонять малороссию на селитьбу в Московщину: благоприятели, бывшие при царском дворе, предостерегли гетмана о таких намерениях, иначе его взяли бы в неволю со всеми генеральными старшинами, козаков обратили бы в драгуны, все посольство перевели за Волгу, а малороссийский край заселили бы своими великороссийскими людьми. Мазепа выставял вступление в Украину Меншикова и Голицына дурным замыслом над малороссиянами, хотя всем генеральным старшинам и полковникам хорошо было известно, что такое вступление великороссийских войск совершилось по его же ходатайству, для предотвращения бунтов, о которых он доносил правительству ложно, как выражается в своем универсале Скоропадский. Вдобавок в числе причин приводил Мазепа и то, что шведы одерживали успехи над царскими войсками, а последние бежали. Собственно говоря, это последнее, т. е. вера в могущество шведского короля и в слабость московской державы пред победоносным северным героем и было настоящею и единственною причиною измены: Мазепа привык всю жизнь соразмерять свои поступки с тем, что казалось ему выгодно в данную минуту, и здесь остался верен самому себе. Нетрудно было Скоропадскому опровергнуть обвинения против царя и великороссиян вообще: самые близкие к Мазепе люди не верили в правдивость того, что он тогда выдумывал.

Не ограничиваясь общими универсалами, рассылаемыми через своих агентов повсюду, Мазепа посылал особые письма к начальствующим лицам. Полковник полтавский Левенец, которого долго подозревали в склонности к замыслам Мазепы, отвечая канцлеру Головкину на его приглашение прибыть в Глухов, препроводил к нему Мазепины письма, но не успел схватить того, кто их привозил. В письме, посланном к запорожцам, Мазепа уверял, что передался шведскому королю ради защиты Украины от Московской тирании, и убеждал запорожцев пристать к нему и постараться искоренить построенные близ Сечи Московские городки.

Нежин находился во власти великорусского войска; крепость нежинская была пунктом власти царской над окрестным краем, и Головкин туда велел отправить жену Мазепина управителя Быстрицкого, схваченную на дороге. Нежинский полковник Жураховский был на царской стороне. Желая удержать за собою Нежинский полк, Мазепа писал к веркеевскому¹ сотнику, побуждая

¹ Веркеевка — ныне большое местечко Нежинского уезда в 12 верстах от Нежина на почтовой дороге в Чернигов.

его и козаков не слушаться московских указов и обещая скорую помощь от шведов.

И полковники, шедшие со шведским войском, рассылали от себя универсалы, возбуждая к принятию Мазепина замысла. Так, миргородский полковник Апостол 16 ноября из Красного Колядина¹ писал к своего полка обозному Онисимовичу, извещал, что шведские войска расставляются от Борзны до Ромна, сам король будет иметь пребывание в Ромне, а обзный с полковым судьей и со всеми сотниками должен спешить на поклон к гетману; тех же, которые будут шататься с грамотами царя и нового гетмана Скоропадского, велено ловить и приводить в шведский стан.

16 ноября шведский король выступил из Городищ на Голенки, откуда послал генерала Лимрота к шедшим позади своим войскам, но козаки напали на него на дороге и убили, вдобавок поиздевавшись над ним и над сопровождавшими его шведами, так что один только шведский воин, сам раненный смертельно, был в состоянии сообщить королю об этом весте. Это было, так сказать, первое заявление тех чувствований, с какими готовились малороссияне принимать своих освободителей шведов.

17 ноября король был в Дмитровке², а 18 — в Ромне³.

На другой день, 19 ноября, Мазепа отправился к Гадячу с отрядом шведов под командой полковника Дальдорфа. Они овладели городом беспрепятственно. Мазепа оставил при Дальдорфе часть своих козаков, сделал некоторые необходимые распоряжения об укреплении городка и отправился снова в Ромен, чтобы находиться при короле.

Шведская армия расположилась от Ромна и Гадяча до Лохвицы и Прилук на расстоянии десяти и двенадцати миль вокруг. Край этот был довольно заселен, сел и хуторов было много, и вначале все обещало шведам большое изобилие; только малороссияне на первых же порах стали относиться к ним так, что шведы начали сомневаться, едва ли в этом крае будут они желанными гостями. Так, в городке Смелом⁴ жители ни за что не хотели впустить шведов, которым отводились там квартиры, и в виду их впустили отряд русского войска генерала Рена. После сражения, которое было довольно кровопролитно, и два шведских полка по-

¹ Ныне село Конотопского уезда в 29 верстах от Конотопа при р. Заукавной.

² Ныне село Конотопского уезда при р. Ромне, в 44 верстах от Конотопа, на Либаво-Роменской железной дороге.

³ Ромен, иначе Ромны, — город Полтавской губернии.

⁴ Ныне большое местечко Роменского уезда при р. Бышкине в 25 верстах от Ромна.

терпели поражение, Рен скоро удалился, а король послал жечь Смелое. Русские войска расположены были на рубеже Гетманщины и Слободской Украины. Царь был в Лебедине. Меншиков — в Хоружевке¹. В середине Гетманщины оставалось два отряда царских войск: один — в Миргороде, другой — в Нежине.

Король распускал по Украине свои универсалы, в которых уверял, что пришел избавить малороссиян от московского владычества, и убеждал народ повиноваться гетману Мазепе, так как он вступил в союз со шведами не по легкомыслию и не ради собственной корысти, а из желания освободить свое отечество, и притом по настоятельному прошению и желанию первенствующих в народе лиц. Такой универсал, составленный в подлиннике по-латыни Гермелином и переведенный по-малорусски каким-нибудь мазепинцем (вероятно, Орликом), повторялся дважды и возбудил с противной стороны царский манифест, в котором опровергались обвинения, взводимые царским соперником. Так между двумя воюющими сторонами возникла в некотором роде полемика манифестами, обращенными к малороссийскому народу. И та и другая сторона хотела оправдать себя перед этим народом и взвалить вины на противную сторону. Но, по признанию самих шведов, универсалы Карла и Мазепы со всеми уверениями в желании восстановить права и вольности народные, попранные московскою властью, действовали на малороссийский народ менее, чем царские манифесты и универсалы гетмана Скоропадского, потому что последние лучше сумели подействовать на дух народа, особенно уверивши народ, что в делах, найденных у Мазепы во дворце после взятия Батурина, оказался договор бывшего гетмана со Станиславом, по которому гетман отдавал Украину Польше. Только тотчас за прибытием Мазепы с королем в Ромен явились к бывшему гетману по его зову сотники: лохвицкий, лукомский, чигирин-дубровский, пирятинский, чернукский и сенецкий — и Мазепа приказал им собрать на шведов с Лубенского полка провианта 24 000 волов, 40 000 свиней, 60 000 «осмачек» ржаной и 40 000 «осмачек» пшеничной муки. Но собрать этого было невозможно, потому что народ бежал, а шведы, не дожидаясь, что им дадут, сами стали по-неприятельски брать себе все, в чем нуждались, и тем еще более озлобляли против себя малороссиян. Лохвицкий сотник Яков Еременко, по приказанию шведского генерала Мейерфельда, стоявшего в Лохвице с четырьмя тысячами шведов, поехал для сбора запасов в Сенчи², а тамошний атаман препроводил его в Сорочинцы³ к русскому генералу Волконскому, который

¹ Ныне село Роменского уезда при р. Гусе в 35 верстах от Ромна.

² Ныне Сенча, местечко Лохвицкого уезда при р. Сулице.

³ Большое местечко Миргородского уезда при р. Псле в 24 верстах от Миргорода.

отправил сотника в Лебедин в главную квартиру на расправу. Немногие, однако, сотники под гнетом шведских войск заявляли готовность повиноваться Мазепе; многие сотники с первого раза отвергли его требования, как, например, в Опошне, Груне, Котельве, и за то получили от Головкина похвалу за свою верность. Полтавский полковник остался верен царю, хотя на него, как уже было выше сказано, и бросалось подозрение. Сосед его по полку, ахтырский полковник Осипов, уже признанный верным человеком еще по кочубеевскому делу, писал Головкину, что полтавский полковник Левенец не хочет повиноваться царской воле, не едет в Глухов и даже приказывает молиться в церквях не за царя, а за шведского короля.

Однако, хотя Левенец и не поехал в Глухов по зову Головкина, но ему за то не было преследования, так как он отговорился необходимостью находиться в Полтаве, ввиду опасности от шведов, и охотно, по приказанию генерала Волконского, впустил военных великороссийских людей в Полтаву, а вслед за тем возбуждал универсалами свой полк служить верно царю и сам привез в Харьков заложниками своей верности семью свою, отдавши своих сыновей в тамошнее училище. Самые запорожцы, впоследствии горячо предавшиеся Мазепе, на первых порах не доверялись его подущениям и допрашивались от него, какую судьбу готовит им гетман, отводя их от русского царя. Правобережная Украина еще хуже отнеслась к гетману. Белоцерковский полковник Михайло Омельченко, несмотря на то, что Мазепа прежде ему покровительствовал, заявлял царю, что на правой стороне Днепра все козаки верны законным властям и ненавидят имя Мазепы, тем паче что Мазепа в этой стороне обращал козаков в мужиков и заставлял их исполнять разные панщины. В Чигирине, в Корсуне, в Богуславе жители похватили мазепиных агентов, приезжавших туда с возмутительными посланиями, и доставили их в Киев. Тогда в белоцерковской крепости была забрана казна, которую туда заранее отправил для хранения Мазепа; другую немалую казну, принадлежавшую Мазепе, взял князь Голицын в Киево-Печерском монастыре. Царь издал манифест, которым повелевал отыскивать повсюду пожитки Мазепы, и всем объявлял, где найдется что-либо принадлежавшее изменнику — половина указанного обещалась указателю, «понеже изменник раздает свои пожитки единомышленникам для возмущения народа».

Мужики, возбуждаемые универсалами гетмана Скоропадского, стали составлять шайки и нападать на шведов; и мы, замечает Адлерфельд, неожиданно очутились в необходимости постоянно драться как с неприятелями с жителями того края, куда мы вошли. Это сильно огорчало старика Мазепу, который пришел в неописанную скорбь, когда услышал, что русские овладели в Белой Церкви его сокровищами, а он на них возлагал надежды.

Из перешедших уже на сторону шведов и находившихся в стане шведского короля малороссиян стали являться охотники воспользоваться обещаниями прощения и милости со стороны царя. 21 ноября из шведского стана ушли миргородский полковник Апостол и генеральный хоружий Иван Сулима. За ними последовали некоторые другие лица, увлеченные прежде надеждою на шведского короля. Адлерфельд говорит, что Мазепа приказал привезти их семьи в Ромен, и это было поводом к побегу. Но по некоторым данным оказывается, что они ушли с тайного ведома самого Мазепы, который, уже разуверившись в силе своего союзника, подумывал, как бы улизнуть от него и найти средства примириться с царем. Он видел ясно, что обманулся в расчете и нет возможности привлечь к своему замыслу малороссийский народ. 21 ноября Апостол приехал в свою маетность Сорочинцы и тотчас написал к Скоропадскому: просил ходатайствовать перед царем о смягчении царского гнева, уверял, что был завлечен Мазепою по собственному незнанию и должен был поневоле повиноваться ему, пока не предстал случай освободиться.

Царь потребовал Апостола в Лебедин, допустил его лично к себе, принял чрезвычайно ласково, объявил ему, что за ним остаются его прежний чин и маетности, и обещал на будущее время царские милости. Тогда Апостол сообщил государю тайное предложение Мазепы. Государь принял эту весть с веселым тоном, но заметил, что это сомнительно, так как Мазепа не прислал с Апостолом ничего письменного; впрочем, царь предоставил Головкину рассмотреть это предложение Мазепы. Канцлер позвал к себе миргородского полковника и прежде всего приказал ему самому от себя присягнуть в верности, потом подверг секретному допросу к объяснению. Апостол сообщил, что, бывши с Мазепою, видел у него привилегию Станислава Лещинского, в которой обещались Украине по окончании войны все те вольности, какими славились польская корона и Великое княжество Литовское; Мазепа показывал ему и письма, полученные от великого канцлера коронного Яблоновского и Шуки, подканцлера литовского, уверяющие в том, что привилегия Станислава будет утверждена сеймом, но ни с привилегии, ни с писем Апостол не мог составить списков. Вместе с тем Апостол сообщил, что из Бахмача Мазепа посылал к королю Станиславу какого-то Нахимовича с письмами от себя и от шведского короля, просил поспешить в Украину и обещал для его польского войска помещение в трех полках: Киевском, Нежинском и Переяславском. Он, Апостол, слышал, что у неприятеля такой план: король шведский пойдет на Москву, но подлинно неизвестно, через какие города, а Станислав — на слободские полки. Наконец, что важнее всего, миргородский полковник сообщил, что Мазепа обещает предать в руки царя шведского короля с знатнейшими генералами, но просил

непрерывно, чтобы договор с ним о его безопасности гарантировали иностранные дворы, им указанные. Головкин несколько затруднился относительно вопроса о гарантии; но Апостол сразу сказал, со слов Мазепы, что без этого условия ничего быть не может. Тогда Головкин объявил, что согласны будут и на гарантию, но все еще не показывал к этому делу полного доверия и не позволял Апостолу давать письменный ответ Мазепе.

Через несколько дней явился к Апостолу с письмами от Мазепы цирюльник, служивший у Войнаровского, и тогда Апостол писал Мазепе — впрочем, в неопределенных выражениях — о принятии его предложения. Спустя мало времени явился новый перебежчик из шведского стана, охотный полковник Игнат Кгалаган, и принес от Мазепы повторение прежнего предложения. Тогда уже Головкин написал Мазепе, что государь изъявляет полное согласие на его предложение с тем, чтоб он постарался «добыть главнейшую особу», или, по крайней мере, других знатных особ.

Апостол был обдарен очень щедро. Ему, через гетманский универсал, не только возвратили все прежние маестности, но придали еще новые, во внимание к ущербу, понесенному от неприятельского вторжения. И Апостол, и его товарищи, возвратившиеся из шведского стана, подписались на «выборе» гетмана Скоропадского зауряд с участвовавшими при избрании.

В какой степени давалась вера не только предложению Мазепы, но даже искренности самых тех лиц, которые словесно передавали это предложение, — мы не знаем, но политика царя, сообразно тогдашним нравам, не пренебрегала никакими случайностями, когда они являлись и могли отнять у неприятеля надежду на дальнейший успех. Предположение о примирении с Мазепою не состоялось. Понятно, что со стороны Мазепы оно никак не могло быть искренним: оно делалось человеком, способным всех и каждого обманывать и обращаться на всякую сторону, когда того требуют обстоятельства. Затеявая сношения с царем и показывая готовность предать своего нового союзника, Мазепа, однако, не знал, как посмотрят русские на его предложение, и продолжал действовать в пользу Карла, так точно, как он прежде работал и действовал в пользу Петра, когда исподтишка вел во вред Петру сношения с Карлом. Еще не получая никакого известия от миргородского полковника, 5 декабря Мазепа отправил роменского жителя Феська Хлюса с письмом к Станиславу Лещинскому, в котором вторично убеждал его поспешить с войском для взаимного действия оружием против «Москвы», которая своими грамотами возбуждает простой народ в Украине. Но посланец Мазепы был задержан в Лисянке и препровожден в Киев; там у него вынули собственноручное письмо Мазепы с его печатью и отправили к Петру, а Петр приказал передать его Скоропадскому, для того чтоб обнародовать в переводе, в обличение

лживости Мазепы, который уверял соотечественников, будто отступил от царя затем; чтобы малороссийский край был независим и не находился ни под царскою, ни под польскою властью, на самом же деле в своем письме обличает себя, именуя себя подданным Лещинского, а Украину называет его наследием и тем показывает, что у него было намерение предать малороссийский народ под польское иго. Кроме того, был схвачен в селе Коренце, близ Глухова, посланный Мазепою козак Грицько Пархоменко. Он показал, что послан Мазепою с письмами к черниговскому архиепископу и к князю Четвертинскому и отдал им эти письма. Когда его подвергли пытке, то он сознался, что ходил волновать народ, а писем никаких с ним не было, только Мазепа приказал ему разглашать о таких письмах, чтобы лиц, не сочувствующих его замыслам, привести в подозрение и немилость у государя. И это событие, вместе с известием о перехваченном письме Мазепы к Станиславу, царь огласил в своем манифесте, чтобы внушить в народе омерзение к злобе и коварству бывшего гетмана.

Станислав Лещинский, конечно, не получил письма Мазепы, доставшегося Петру, но верил ему и заохочивал своих поляков, указывая на пример Мазепы, как на доблестный подвиг, достойный подражания.

Итак, затеяв устроить путь к примирению с царем, Мазепа сам себе испортил этот путь. Само собою разумеется, царь, получивши в руки доказательство, что Мазепа не оставляет своей измены, не хотел более вести с ним сношения. Но и шведы после побега миргородского полковника стали не доверять малороссиянам: так показывали лица, одно за другим появлявшиеся в русском стане и бывшие перед тем в Ромне. За Апостолом хотел было уйти лубенский полковник Зеленский, но шведы проведали о его замысле и поставили во дворе его караул в 50 человек: одни стояли у ворот, другие в сенях, а третьи в доме. В такой тесноте держали Зеленского, пока прибыла в Ромен его жена, и только тогда ему стало льготнее. Генеральный асаул Максимович также находился под стражей за то, что хотел, как говорили, писать письмо к царю. И за другими старшинами устроен был караул по два человека шведских солдат за каждым. Более доверия стали оказывать старшинам только тогда, когда их жены приехали к ним, но всетаки и после того шведы наблюдали над теми и другими и не позволяли разом выходить из дома мужьям с женами. У Мазепы стоял всегда неотступно почетный караул, как будто ради чести, а в сущности, за ним присматривали. Главную силу Мазепы составляли компанейцы, которых у полковника Кожуховского было 500, а у полковника Андриаша — 150 человек. Из старшин близки были тогда к Мазепе: Орлик, Чуйкевич, Ломиковский и Горленко; прочие держались с ним на благодарной дистанции. Сам Мазепа, воротившись из похода к Гадячу,

постоянно болел и лежал в постели, обложившись пластырями. Недоверие шведов к козацким старшинам прекратилось только тогда, когда окончился срок, положенный царем для амнистии, но и то несовершенно. Таким образом, если бы царь имел повод возобновить начавшиеся было переговоры с Мазепою, то уже сам Мазепа мало имел возможности не только оказать царю обещанную услугу, но даже и вести дальнейшие секретные переговоры с Головкиным.

С половины декабря открылись постоянно и надолго военные действия между русскими и шведами. В Лебедине, в главной царской квартире, собирался военный совет и составил план выгнать шведского короля из Ромна. Для этого прежде положили сделать нападение на Гадяч — передовой пункт шведов; надеялись выманить туда короля, рассчитывая, что с своим горячим характером он не утерпит, чтобы не пойти на выручку своим, а тем временем, как он выйдет из Ромна, отправить туда другой русский отряд и занять этот город. Уже вблизи от Гадяча и прежде стояло русское войско. В 12 верстах от Гадяча есть местечко Веприк; в оное время оно было укрепленным городом. После занятия Гадяча шведами и мазепинцами вооруженные малороссийские мужики, не желая повиноваться Мазепе и предпочитая служить царю, просили себе помощи от русских. К ним пришел туда русский гарнизон из 1500 солдат. По окрестным селам и хуторам расположился отряд генерала Рена. Этому генералу поручено было взять Гадяч, занятый неприятелем. Шведы, как только услышали, что русские собираются напасть на Гадяч, бросились туда из Ромна, и как только подошли к Гадячу, русские, стоявшие под ним, ушли, успевши однако, зажечь предместье, и это не осталось без большого вреда для шведов: они потеряли возможность иметь там помещение в домах, а в это время наступали жестокие морозы.

Между тем, пользуясь удалением шведов, русский генерал Аларт пошел на Ромен. План, составленный заранее в Лебедине, удался; шведского войска в Ромне не было, и ночью на 18 декабря русские беспрепятственно вошли в Ромен. Мазепа за два часа до прихода русских убежал из Ромна и едва было не попался в плен. Роменские жители, говорит современник, обрадовались, но их радость тотчас же обратилась в печаль: солдаты стали грабить и бесчинствовать, а их командиры недостаточно укрощали их и допустили без нужды сжечь местечко и пригородные села. Впоследствии Петр по поводу этого события посылал туда нарочно производить следствие и наказывать виновных.

Между тем, потерявши Ромен, Карл уже не воротился туда, но решился оставить часть войска в Гадяче, а с другою идти далее. Едва он дошел до селения Красная Лука¹, как настала

¹ Ныне село Гадячского уезда при р. Груни в 7 верстах от Гадяча.

такая ужасная стужа, что невозможно было следовать далее. Часть войска воротилась в Гадяч, но там недоставало помещения. Город был сам по себе невелик, а тут еще русские недавно сожгли целую треть его, и многие шведы принуждены были проводить ночи на снегу на открытом воздухе за недостатком хат.

По общему свидетельству современников, в эту зиму по всей Европе была ужасная стужа. В Швеции снежные сугробы до такой степени были высоки, что захватили в себя деревья до самых вершин: все Балтийское море стояло покрытое льдом; в озерах вода замерзла до самого дна. В средней Европе погибли все плодовые деревья; даже в Италии и Испании, где обыватели никогда не видывали льда на реках, теперь замерзли реки и болота, и земля очень глубоко промерзла. В открытых украинских равнинах морозы были тем нестерпимее, что там свирепствовали бури и вьюги. Птицы падали на лету; повсюду валялось множество замерзших диких животных. Снега напало так изобильно, что за непроездными сугробами прекращались сообщения между жилыми местностями. Тогда от трех до четырех тысяч шведских воинов погибло от невыносимой стужи. Конные окоченевали, сидя верхом на лошадях, пехотинцы примерзали к деревьям или повозкам, на которые облакачивались в последние минуты борьбы со смертью. Сам король приморозил себе нос и должен был долго тереть его, пока не возбудил правильного кровообращения. Иные шведские солдаты думали согреться водкою, которой было большое изобилие в малорусском крае, но водка им не помогала: при ее содействии они только скорее делались добычею смерти. Город Гадяч обратился в лазарет, так как туда при возможности тащили полуживых от холода; из домов слышались раздирающие крики больных, которым хирурги отпиливали отмороженные члены, а перед домами валялись куски отрубленных человеческих членов и между ними ползали еще живые, но обезумевшие от боли и отчаяния калеки. Но неутомимый шведский король не хотел терять времени: 27 декабря он двинулся к Веприку и хотел во что бы то ни стало взять его. Осажденные стали обороняться отчаянно. Комендант Веприка не хотел сдаваться, несмотря ни на какие убеждения и угрозы; между тем мороз не ослабевал, мерзли волы и лошади, погибали бедные солдаты, оставаясь на открытом воздухе, так как не всем удалось поделаться себе из соломы шалаши, где можно было спрятаться, хотя, собственно, и такая защита представляла мало надежды на спасение. Раздосадованные упорством коменданта, шведские генералы кричали, что, взявши городок, непременно следует коменданта повесить. Король принял сторону своего генерал-квартирмейстера Гилленкрока, который доказывал своим товарищам, что, напротив, этот комендант достоин уважения, потому что свято исполняет долг присяги своему государю. 30 декабря шведы отступили и пошли к Зенькову. Там засели вооружен-

ные мужики, не хотевшие впускать к себе ни шведов, ни русских: они были постоянно пьяны и горячились. Но городок Зеньков был укреплен худо: вал был невысок, ров неглубок. Вся городская стена состояла из деревянного частокола. Шведы зажгли село и бросились разбивать городские ворота. Тогда осажденные сдались на милость победителя.

В Зенькове Карл встретил новый 1709 год. Мороз по-прежнему был жесток, но Веприк не выходил из ума у короля. Когда, наконец, мороз стал ослабевать, 6 января король снова явился под Веприком и опять послал к коменданту убеждение сдаться, а в случае сопротивления грозил всех истребить без пощады. Комендант отвечал в почтительном тоне, что он, сообразно воле своего государя, будет защищаться до последних сил, но надеется, что король, уважающий мужество своих воинов, оценит это качество и у врагов, если возьмет крепость после упорного сопротивления. Пользуясь ослаблением мороза, комендант приказал полить городские валы водою, так что они покрылись ледяною корою; ворота были завалены.

7 января, в полдень, шведы начали приступ. Они приставляли лестницы, думая взобраться до гребня вала, окаймлявшего Веприк, но осажденные поражали их и выстрелами, и камнями, и лили на них кипяток; шведские ядра отскакивали от оледеневшего вала и наносили вред самим шведам. Вечером король приказал прекратить приступ, еще раз послал коменданту предложение сдаться, обещал оставить пленным все их имущество, но замечал, что крепость не может быть невзятою, когда придет более войска и тогда, во время нового приступа, никого не оставит в живых. Комендант согласился сдаться. Отворили ворота. Вошли шведы и взяли в плен 1400 русских и 400 малороссиян; у них были только четыре пушки. Коменданта, родом шотландца, Карл принял ласково и оставил ему шпагу. Пленный гарнизон был отправлен в Зеньков, много пленных погибло от мороза, а прибывшие в Зеньков получали хорошее содержание и ходили почти на свободе. Каждому из них король выдал по десять золотых польских. Веприк по королевскому приказанию был сожжен майором Вильдемеером. Все малороссияне обоего пола были пущены на свободу по настоянию Мазепы.

С этих пор король, лишившись Ромна, которым овладели русские, заложил свою главную квартиру в Зенькове. Войско разместилось по окрестностям; генерал Спарре с шестью пехотными полками стоял в Лютенке¹; весь обоз с канцеляриею находился в Гадяче. С ним вместе был и Мазепа. 13 января они перешли в Зеньков. Побывавшие в шведском стане говорили, что неизвестно почему Мазепу и в Зенькове постоянно сопровождал шведский

¹ Ныне большое местечко Гадячского уезда при р. Лютенке в 24 верстах от Гадяча.

караул, тогда как взятым в плен русским в Веприке дозволялось ходить всюду без караула. Была надежда прибытия короля Станислава с поляками своей партии; уже русское войско, под начальством генерала Гольца, выслано было препятствовать королю Станиславу соединиться со шведами. Но против Гольца стоял в Лохвице шведский генерал Крейц; Прилуки также были еще заняты шведами.

Карл, не дождавшись Станислава, считал важнейшим делом выгнать русские войска из Гетманщины и перенести войну за ее пределы. Граф Пипер, всегда рассудительный и осторожный, а потому часто расхोдившийся в планах с пылким и задорным королем, советовал, напротив, удалиться за Днепр и открыть сообщение с поляками Станиславовой партии. «Через это, — говорил он, — король умножил бы свои силы, тогда как теперь в чужой стране, отрезанные от Швеции, они беспрестанно умяляются и отнюдь не пополняются». «Нет, — отвечал Карл, — отступление за Днепр походило бы на бегство; неприятель станет упорнее и высокомернее. Мы прежде выгоним из козацкой земли русских, укрепим за собою Полтаву, а между тем наступит лето и тогда оно покажет нам, куда направляться». Мазепа со всех сил старался удерживать короля в Гетманщине и отклонить от совета переходить за Днепр. Это было естественно: переход на правую сторону Днепра показывал бы совершенное оставление той цели, с какой Мазепа затянул короля в Гетманщину, и его-то влиянию, главным образом, приписывали современники возникшее у короля желание во что бы то ни стало выгнать русских из Гетманщины и овладеть Полтавою.

В ночь с 27 на 28 января король с двумя тысячами конницы отправился лесом к Опошне¹, где стоял русский генерал Шаумбург с шестью драгунскими полками, с 600 гренадеров и с 2000 козаков. Шведы получили успех, овладели городком Опошнею, взяли у русских много багажа, захватили даже обед, приготовленный Шаумбургом для Меншикова, который прибыл туда, выехавши из Ахтырки для обозрения Полтавы; оба русские генерала едва успели уйти. Но из письма Меншикова к царю от 29 января видно, что успех шведов был непродолжителен, и русские тотчас же овладели Опошнею.

Карл из Опошни двинулся к Котельеве². Русские отступили в Ахтырку. Карл вступил в Слободскую Украину с своими драбантами, с семью или восемью кавалерийскими полками и с полевой артиллерией. Русские ждали, что король пойдет на

¹ Ныне местечко Зеньковского уезда при р. Ташани в 30 верстах от Зенькова.

² Ныне местечко Ахтырского уезда.

Ахтырку, укрепили ахтырский замок и сожгли предместья, чтобы не дать неприятелю в них установиться. Но король двинулся на Красный Кут 11 февраля. Там стоял генерал Шаумбург с семью драгунскими полками. После первого нападения русские отступили к Городне¹. Шведские историки говорят, что русские убежали тогда в галоп, а сподвижник Мазепы, Герцик, отличился перед всеми храбростью, убивши собственноручно до тридцати неприятельских воинов. Полковник Дукерт вогнал бегущих русских в город: сделалась давка, суматоха, резня; лошади, оставленные павшими воинами, метались и увеличивали беспорядок; русские падали на землю, притворяясь мертвыми, чтобы снова встать на ноги, когда минет опасность. Между тем, следуя за Дукертом, король, увлеченный погонею, сошел с высоты на плотину с тем, чтоб опять взойти на другую высоту, но тут появился русский генерал Рен с шестью драгунскими эскадронами и двумя батальонами царской гвардии, и так ударил на шведов, что они попятились назад на высоту, с которой сходили, и увлекли за собою короля. Русские заняли плотину; у русских силы было больше, чем у шведов, и воины короля были сильно истомлены. Оставалось отбиваться, дожидаясь подкрепления. По русскому известию, король ретировался тогда в мельницу, которая была окружена русскими драгунами, и только наступившая ночная темнота спасла короля от плена. По шведским известиям, полковник Дукерт, прогнавши русских в Городню, ворочался назад и наткнулся на русскую засаду, установившуюся возле болота, за плетнями и кустарниками. Шведы обратились в бегство: сначала бежала прислуга, а за нею драгуны. Шведский генерал Крузе встретил их, остановил, привел в порядок и повел туда, где находился король. Генерал Рен не стал более вести битвы и удалился к Богодухову. Шведы признавали эту стычку для себя победою; русские приписывали победу себе. Известия об этом деле неясны; достоверно только то, что это сражение, совершенно бесполезное для шведов, как и весь поход их в Слободской край, обессилило шведскую армию.

12 февраля Карл пошел на Мурахву² и оттуда дал приказание сжечь городки Красный Кут и Городню, а жителей вывести прочь. Генерал Гамильтон опустошил и сжег несколько городков и слобод, лежавших в стороне, и, между прочим, городок Олешну³:

¹ Ныне Городное, слобода Богодуховского уезда при р. Мерле и Мерчике.

² Ныне слобода Богодуховского уезда при р. Мерчике в 24 верстах от Богодухова.

³ Ныне слобода Лебединского уезда при р. Олешни в 35 верстах от Лебедина.

там шведы встретили сопротивление; несколько сот русских, составлявших гарнизон, были истреблены, воевода взят в плен.

У русских уже возникало опасение, как бы отважный король, для которого, как говорится, было и море по колена, не вздумал прорваться до Воронежа, чтоб истребить там царские корабли; у шведов же были до такой степени слабы географические сведения о южнорусском крае, что они, слыша, что царь строит суда в Воронеже, думали, что этот город лежит у Черного моря.

Но всякие отважные затеи разбивала природа. После ужаснейших морозов, каких не помнили старожилы в крае, наступила оттепель, а 13 февраля произошло странное явление: полился сильный дождь с громом и молнией. В это время король ехал рядом с Мазепою, который получил тогда облегчение от своей болезни и отважился пуститься в путь с королем. Приближались к Коломаку¹. Мазепа, по своему обычаю, любивший говорить любезности, сказал: «Война для вашего величества идет очень счастливо: мы уже дошли только за восемь миль от рубежей Азии!» Король отвечал: «*sed geographi non conveniunt* (с этим не согласятся географы)». «Это, — замечает современный историк, — заставило покраснеть доброго старика». Зная, что король часто толковал о подвигах Александра Македонского и во всем ставил себе за образец этого древнего героя, Мазепа, в угоду королю, сочинил тогда, будто в этих странах недавно отыскан «александрийский» камень, воздвигнутый Александром Македонским.

Когда войско остановилось на отдых, король сообщил своему генерал-квартирмейстеру Гилленкроку, что Мазепа сказал ему, будто отсюда недалеко до Азии. «Ваше величество шутите, — сказал Гилленкрок. — Не по этому направлению можно достигнуть пределов Азии». «Я никогда не шучу, — отвечал король. — Ступайте и узнайте от Мазепы путь в Азию точнее». Гилленкрок отправился к Мазепе. Тот встревожился, узнавши, какое действие произвела на короля его болтовня, и сознался, что говорил королю только из любезности. «С нашим королем опасно говорить пустяки о таких предметах, — сказал Гилленкрок. — Этот государь любит более всего славу и легко поддастся желанию двинуться туда, куда нет необходимости идти для его целей».

Началась полнейшая распутица; нельзя было идти в неведомый путь. Короля убедили отложить свое намерение и воротиться в Гетманщину. Но и обратный путь не обошелся без затруднений и потерь. Берега Коломака уже походили на большое озеро. Река Мерла в полсутки покрылась водою. Мелкие речонки разливались с неизменною быстротою. Снегу в предшествовавшую зиму было чрез-

¹ Ныне слобода Валковского уезда при р. Коломаке в 25 верстах от Валок.

вычайно изобилие, и теперь от быстрого таяния полились водные потоки. Пехота в продолжение целых дней шла в воде по косточки, и если не было возможности добраться к вечеру до сухого места, то приходилось всю ночь оставаться в воде. Воды везде было так много, что впереди невозможно было заметить, где находятся реки и протоки, а на речках, покрывшихся водою, лед стал так хрупок, что многие шведские солдаты потонули с лошадьми, наткнувшись нечаянно на реку, которой не могли заранее распознать в пространстве, обнятом водою. От Коломака до Будищ было на пути несколько плотин длинных и высоких; на таких-то плотинах приключалась беда с людьми и лошадьми, особенно в темные ночи; кто только на такой плотине споткнулся, тот и погибал. На реке Мерле прежде, когда шли шведы в Слободскую Украину, была большая плотина: теперь от нее ни малейшего следа не оставалось, кавалерия переходила реку вплавь; лошади плыли, положивши головы на задние части лошадей передних; много тогда пропало и лошадей, и повозок. Переправа на Мерле шла полтора дня. На Ворскле шведские полки переправлялись вплавь в течение четырех суток и еще с большими затруднениями. Ворскла была наполнена маленькими островками, которых вершины едва можно было заметить в воде, а между островками река была особенно глубока; многие, попавши в такие места, потонули. Король благополучно переехал Ворсклу на лошади вплавь в числе первых; его примеру следовали многие офицеры. По прибытии в Опошню король приказал строить на Ворскле мосты для переправы остального войска и всего обоза. Много погибло шведов в этом походе, но те, которые вернулись целыми, восхваляли своего короля за то, что он разделял все неудобства наравне с простыми солдатами.

В то время, когда король совершал свой бесполезный поход в Слободскую Украину, позади него, в Гетманщине, русская сторона брала верх. Еще в январе князь Григорий Долгорукий, находившийся в Нежине, послал генерал-майора Гинтера взять Прилуки. Шведы, занимавшие этот город с конца ноября, ушли оттуда, не дождавшись прихода русских, а с ними вместе уехали находившиеся там некоторые семейства лиц, перешедших к Мазепе. Гинтер занял Прилуки, поставил там коменданта и прислал к царю составленную им опись этого города. Из этой описи мы узнаем, что в Прилуках был тогда довольно обширный замок или город с высоким валом и рвом около него, но вал требовал в некоторых местах починки. Прилуки страдали недостатком воды, так что в замке не было ни одного колодца, и генерал Гинтер приказал туда навозить льду, «дабы в самой последней нужде можно оный вместо воды употреблять». Вслед за Гинтером явился новопоставленный царем прилуцкий полковник Нос, был встречен подначальными с покорностью, и тотчас распорядился о сборе и доставлении в Прилуки

провианта. 22 января князь Долгорукий из Нежина послал туда солдатский Ямбургский полк с пушками, приказавши командиру этого полка, Вестову, держаться в Прилуках до последнего. Ревностным деятелем в пользу царя явился тогда миргородский полковник, еще недавний соумышленник Мазепы. Он деятельно трудился против неприятеля, отбивал шведские и Мазепины возы, взял Гамалею и зятя своего с женами их; которых везли шведы, укрощал и искоренял своевольных разбойников, которые бесчинствовали, пользуясь военным временем и суматохою. Мазепа много полагал надежды на правобережных козаков, но обманулся в своих надеждах. Не говоря уже о том, что белоцерковский полковник в числе первых объявил себя на стороне царя, в других городах то и дело что ловили и доставляли русскому генералу Инфлянту Мазепиных комиссаров, то под видом чумаков, то под другими видами являвшихся для возмущения народа против царя.

В феврале фельдмаршал Шереметев отправил бригадира Бема с четырьмя драгунскими полками и с двумя батальонами лейб-гвардии, в числе которых были преображенцы, выгнать из Рашевки¹ там стоявших шведов. В Рашевке находился шведский полковник Албедиль с 325 драгунами, а к нему из Гадяча отправлены были еще 130 пехотинцев с артиллерийскими лошадьми и значительным количеством скота под прикрытием капитана Дидрона. Албедиль вышел к ним навстречу с своими драгунами и наткнулся на русских. Произошла схватка, Албедиль был взят в плен, Дидрон убит, а те, которые пустились в бегство, были переловлены и истреблены мужиками. Тогда Шереметев покусился взять Лохвицу, где стоял шведский генерал-поручик Крейц и куда для безопасности Мазепа отправил свою текущую гетманскую казну. В Лохвицу пришли тогда шведы, ушедшие из Прилук; там же были козацкие господа из семейств соучастников Мазепы, последовавшие за шведами из Прилук. Генерал Крейц понимал, как важно было охранить гетманские богатства и не выпускать из шведских рук малороссийских госпож, заложниц верности шведскому королю своих мужьев. Крейц снялся из Лохвицы, перешел Хорол, потом Псел в Савинцах². Русские пытались помешать их переправе и захватили несколько возов, где, между прочим, были и пожитки Мазепы. Здесь-то с русскими отличился и миргородский полковник, захвативши в плен, как уже было выше сказано, двух соумышленников Мазепы — генерального асаула Гамалея и своего зятя Андрея Горленка, сына прилуцкого полковника: оба уверяли, что следовали за шведами с намерением уйти от них и отдаться русским. Крейц стал в Решетилровке. За Крейцом оставили свои позиции шведы, стоявшие в Ка-

¹ Ныне местечко Гадячского уезда при р. Псле.

² Ныне село Миргородского уезда при р. Псле.

мышне, в Зуеве, в Лютенке, — и все пошли к главному войску, которое расположилось вдоль правого берега Ворсклы, а главная квартира перенесена была в Великие Будищи. Шереметев стоял в Голтве¹. Таково было расположение враждебных войск в марте 1709 года. Скорой тревоги не ожидалось до окончания половодья, которое в этом крае прекращается только в июне, и в это время не могло быть больших столкновений между войсками. Тогда обыкновенно низменные места заливались водою и даже прерывалось сообщение между жителями различных местностей.

Время это можно считать завершением первого периода военных действий Карла против русских в Малороссии. Начинается второй период, завершившийся Полтавским боем, эпоха самая значительная в нашей истории.

В предшествовавшую зиму последовало несколько царских милостей малороссиянам, оказавшим верность своему государю. Первое место между ними занимает семейство Кочубея. Вдова несчастного Василия Леонтьевича, как мы уже говорили, ограбленная, увезена была в Батурин и содержалась там под строгим караулом. В самое критическое время, когда Батурина угрожало разорение, въехала в Батурин какая-то черница в повозке, крытой будкою. Содержавшиеся в Батурине вдовы казненных Кочубея и Искры были кем-то предуведомлены об этом, вышли переодетые вместе с меньшим сыном Кочубея, Федором, сели в повозку под видом черниц и выехали из города, а дочь Кочубея Прасковия с прислугою, переодевшись в платье простолюдинки, вышла пешком и соединилась с остальными за городом. Так освободились они и уехали в село Шишаки², маетность пана Кулябки, женатого на одной из дочерей миргородского полковника Апостола. Оттуда пробрались они в Сорочинцы, маетность Апостола. Там уже находился старший сын Кочубея, Василий, с женою; туда съехались и другие родственники. Пробывши в родном кругу несколько дней, они разъехались: Василий Кочубей с женою, тещею и своею сестрою, Анною Обидовской, уехал в Крылов, а вдова Кочубея и сестра ее, Искрина, с давним приятелем дома Кочубеев, Захаржевским, поехали в Слободскую Украину и остановились в Ровненском хуторе³ на Коломаке, принадлежавшем Искре. Туда приехал родственник их, Жученко, и привез письмо от Меншикова, писанное из Конотопа к сыну казненного Кочубея, такого содержания: «Господин Кочубей! Кой час сие писмо получишь, той час поезжай до царского величества в Глухов и возьми матку

¹ Ныне местечко Кобылякского уезда при р. Псле у впадения Голтвы.

² Ныне село Хорольского уезда на р. Хоролы в 8 верстах от гор. Хорола.

³ Ныне хутор Полтавского уезда на р. Коломаке.

свою и жену Искрину и детей, понеже великая милость государева на вас обращается». Мать немедленно послала в Кременчуг звать сына, а сама, в ожидании, отправилась с Искриной к старому родителю их, войсковому товарищу пану Жученку, жившему в Жуках, в 10 верстах от Полтавы. Но на дороге ей случилось препятствие, как она потом жаловалась, будто от полковника полтавского Левенца, находившегося в неприязненных отношениях к Кочубеям. Вдова опасалась даже, что он отошлет их к Мазепе, и в таком опасении они снова ушли в Слободскую Украину, чуть было не попавшись в руки пьяных мужиков в селе Петровке¹, которые их сначала не узнали, но, узнавши, тотчас отпустили. Обе сестры из Жуков уехали в Харьков, а оттуда пробрались в Лебедин, в главную царскую квартиру, узнавши, что царь уже находится в этом городе. В своем письме к киевскому митрополиту Иоасафу Кроковскому они описывали свои приключения.

К сожалению, нам неизвестно свидание царя со вдовами несчастных верных слуг, осужденных им на смерть по ошибке, из доверия к Мазепе. Но по царскому повелению гетман Скоропадский дал универсал, которым возвращались вдове Кочубея с детьми и ее сестре, вдове Искры, оставшейся бездетною, все маетности покойных мужьев с некоторою прибавкою новых. Около того же времени, 16 декабря, пожалованы были маетности разным войсковым товарищам: Андрею Лизогубу, Ивану Бутовичу и другим. Затем царь издал грамоту об охранении малороссийских обывателей от бесчинств и самовольств великороссийских солдат, которые без офицеров, малыми партиями самовольно вторгались в местечки и селения, брали насильно у жителей хлеб, всякую живность, лошадей, резали скот, врывались даже в клетки и выбирали оттуда платье, принадлежавшее хозяевам. Чтобы сколько-нибудь изгладить впечатление, произведенное в малороссийском народе разрушением Батурина и истреблением его обывателей, Скоропадский по царской воле издал универсал, позволявший разогнанным остаткам батуринаского населения водворяться вновь на прежних местах.

Тогда вспомнили об одной из прежних жертв Мазепы — о Палее, томившемся в сибирских пустынях. Первый, подавший мысль об его освобождении, был князь Григорий Долгорукий, который, находясь в Нежине, имел возможность прислушаться к народному голосу и узнать, что память о Палее оставалась в уважении у всех его соотечественников, а это казалось особенно важным, когда Скоропадский и миргородский полковник старались склонить к верности царю запорожцев.

Царь дал указ о возвращении Палея.

¹ Ныне село Полтавского уезда в 14 верстах от Полтавы.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Запорожцы. — Попытки русских удержать их в покорности. — Кошевой Гордеенко у Мазепы. — Колебание запорожцев. — Малороссийское посольство и запорожцы. — Запорожцы присягают Карлу. — Взаимные посольства царя и Карла. — Деятельность полковника Яковлева. — Шведы приступают к Полтаве. — Разорение Сечи Яковлевым и Кгалаганом. — Русское войско под Полтавою. — Прибытие фельдмаршала Шереметева. — Прибытие царя Петра к армии. — Сношения между Полтавою и армиею. — Стеснительное положение шведов. — Взятие русскими Старого Санжарова. — Рана, полученная шведским королем.

В половине февраля царь уехал в Воронеж, где постоянно устраивался его флот. По отношению к войне с Карлом Петр намеревался пустить несколько кораблей в Азовское и Черное море, чтобы внушить туркам уважение к своим силам в случае, если бы с турецкой стороны оказалось поползновение к нарушению мира. В то же время царский посланник в Константинополе Толстой всеми средствами старался вооружить Диван против Карла XII и его союзников; он представлял, что предприимчивый Карл, если удастся ему победить Россию, оборотит свои завоевательные замыслы на Турцию.

В Украине военными делами распоряжался главным образом князь Меншиков, состоявший в постоянной переписке с царем. С 1 апреля его постоянное пребывание было в Харькове, откуда он делал недолговременные разъезды для осмотра войск и для наблюдения над театром военных действий. Важнейшею задачею было удержать запорожцев в покорности государю и отклонить от соединения с Мазепою. Для усвоения запорожцев был послан в Сечу архимандрит межигорский Иродион Жураховский. С ним царские стольники и гетманский посланец повезли царское денежное жалованье и, сверх того, особые денежные подарки кошевому, старшинам и всем товарищам. По известию малорусского летописца, задорная толпа «гультаев» оскорбляла присланного к

ним духовного сановника и гетманского посланца: их грозили сжечь или утопить. Но такого рода обращение с лицами, которых запорожцы должны были уважать, было не редкостью в грубом запорожском обществе и составляло обычную выходку, часто не имевшую последствий. И в эту пору на некоторое время в Сечу взяла было верх партия старых козаков, всегда стоявшая на стороне спокойствия и покорности царю. Расположение к законности до того проявилось у сечевиков, что они послали к Мазепе письмо, в котором, именуя себя царским войском, извещали, что вместе с царскими ратями будут стараться об освобождении Украины от вторжения иноплеменников. Петр писал, что надобно всеми силами утвердить в верности к царю кошевого атамана, как главного начальника и руководителя запорожцев. Но этим кошевым атаманом был тогда Костя Гордеенко — непримиримейший враг московской власти, и этот-то именно человек снова свел братию на противный путь. Мазепа послал к запорожцам воззвание, но Костя предупредил приезд мазепиных посланных в Сечу, собрал до тысячи единомышленников, взял с собою девять пушек и пошел к Переволочне, которую Запорожская Сечь считала своею собственностью и держала там начальника, называемого полковником. В это время запорожским полковником в Переволочне был Нестулей. По зову Гордеенка он выехал к нему с 500 запорожцев, находившихся в Переволочне при полковнике; туда уже прибыли ехавшие в Сечу мазепины посланцы — генеральный судья Чуйкевич, киевский полковник Мокиевский и бунчуковый товарищ Федор Минович, сын переяславского полковника.

12 марта в субботу собрали раду. Прочли длинное послание Мазепы. В нем излагались разные тягости, которые терпела Украина от московского ига, а для Запорожья эти тягости выставлялись еще чувствительнее. Мазепа уверял, что сам слышал, как царь говорил: «Надобно искоренить этих воров и злодеев запорожцев». У шведского короля, объяснял Мазепа, нет вовсе злых умыслов ни против Украины, ни против Запорожья. Король только преследует своих неприятелей — москалей, которые сами раздражили шведов, а теперь не в силах противостоять им и бросились на Украину, где поступают хуже, чем шведы, которых выставляют чужими неприятелями. Запорожцы вместе с малороссиянами должны радоваться прибытию шведского государя, потому что оно подает всем возможность свергнуть с себя московское ярмо и стать свободным, счастливым народом. Затем в послании Мазепы приводилась прежняя сказка о намерении царя перевести малороссиян за Волгу.

Мазепины посланцы привезли кошевому деньги. Костя Гордеенко тотчас же стал раздавать их товарищам, и те, выслушавши письмо Мазепы, кричали: «За Мазепую, за Мазепую!» «Правда, — рассуждали тогда на этой раде, — царь прислал в Сечу деньги,

но за это мы не должны служить царю против шведского короля и Мазепы: деньги, присланные к нам, были прежде отняты москалями у наших же братьев козаков». Вероятно, они разумели тут удержание назначаемого в Сечь жалованья по поводу бывшей жалобы турецкого паши за грабеж греческих купцов. Много подействовало на запорожцев и полученное письмо крымского хана: он подавал совет держаться гетмана Мазепы и обещал помогать запорожцам в нужде. Нестулей с своими товарищами, бывшими в Переволочне, несколько было поупрямился, но потом склонился на сторону Мазепы. Костя Гордеенко написал к шведскому королю, что все запорожцы на его стороне, испрашивают его покровительства, готовы на всякие усилия для восстановления своей свободы и молят Бога об успехах шведского короля. По настоянию кошевого, с письмом в таком смысле отправлена была депутация из запорожцев к шведскому королю. Депутаты прибыли в Будища¹ 19 марта и были допущены к королевской руке. Им устроили угощение, но фельдмаршал Реншильд заметил, что запорожцы безобразно пьянствуют, и постановил с ними условие, чтобы десять из них, которые представлятся королю при последней аудиенции, не напивались ранее обеда, потому что король пьяных не терпит. Запорожцы сдержали свое обещание, но с трудом.

В то время, когда эти запорожские депутаты находились в шведском стане, другие их братья, возбужденные Костею Гордеенком и Нестулеем, начали неприязненные действия против русских. Сперва в Кобыляках напали они врасплох на 60 человек сонных и 40 из них изрубили, а на другой день в Цариченке² напали на бригадира Кампеля, стоявшего там с тремя полками, и задали такой переполох, что Кампель едва убежал с 400 своих солдат; 115 человек было взято запорожцами в плен. Этот успех сразу ободрил низовскую удаль: набралось тысяч до пятнадцати сечевиков и гультаев; они овладевали городками по Орели и по Ворскле, прогоняли великороссийские гарнизоны, а жители того края, которые перед тем из боязни, не зная к кому приставать, скрывались в лесах, теперь возвращались в свои жилища, и, повинувшись запорожцам, доставляли запасы шведам.

26 марта прибыл к Будищам сам Костя Гордеенко с своими товарищами. Не допуская их за полмили до Будищ, Мазепа послал к ним навстречу каких-то двух полковников с отрядом в 2000 человек, чтобы их провести в Диканьку, куда приглашал Костю на свидание. Костя Гордеенко вступил в дом, где уже находился Мазепа (вероятно, то был дом Кочубея, которого хозяйка находилась тогда в Слободской Украине). Запорожских гостей

¹ Ныне большое местечко Зеньковского уезда.

² Ныне местечко Кобылякского уезда при р. Орели.

встретили мазепины старшины — и Костя Гордеенко, в знак уважения, склонил перед ними свой бунчук. В другой комнате стоял Мазепа перед столом, на котором лежали знаки его гетманского достоинства. Гордеенко поклонился ему, склонил перед ним свой бунчук и говорил: «Мы, Войско Запорожское низовое, благодарим вашу милость за то, что вы, как и подобало главному вождю украинскому, приняли близко к сердцу судьбу, постигшую наш край, и предприняли освободить его от московского рабства. Мы уверены, что с этой целью, а не для ваших собственных выгод, не из каких-нибудь частных видов решились вы прибегнуть к протекции шведского короля. Мы хотим верно вам содействовать, мы разом с вами будем жертвовать и кровию, и жизнью своею, будем во всем повиноваться вам, лишь бы достигнуть желанной цели. Умоляем вашу милость понести на себе эту тяготу, а мы, по возможности, станем помогать вам нести ее. Благодарим вас равно и за то, что известили нас о намерениях и о благосклонности к нам шведского короля. Мы за тем сюда прибыли, чтобы испросить у его величества протекцию себе и надеемся получить ее при содействии вашей вельможности. Готовы пред Богом принести присягу в верности и повиновении вашей милости, но желаем, чтоб и ваша вельможность обязали себя присягою действовать в согласии с нами и оказывать нам содействие в деле спасения отечества».

Мазепа отвечал: «Благодарю вас, запорожцы, за доверие ко мне. Славлю ваше ревностное желание добра отчизне. Бог мне свидетель, что, отдаваясь в руки шведского короля, я поступал не по легкомыслию и не из частных видов для себя, а из любви к отчизне. У меня нет ни жены, ни детей; я мог бы удалиться в Польшу или куда-нибудь и спокойно провести там остаток дней моей жизни; но, управлявши столько времени Украиною с заботливостью и верностью, насколько доставало у меня способностей, я по долгу чести и сердечной любви не могу сложа руки оставлять этот край на произвол несправедливого угнетателя. Мне слишком известно, что царь намеревался переселить нас всех в иной край, а вас, запорожцы, всех повернуть в драгуны и ваши жилища разорить дотла. Если вы, запорожцы, еще сохранили вашу свободу, то этим обязаны вы только мне, Мазепе. Если бы замысел царский осуществился, вы все были бы перевязаны, перекованы и отправлены в Сибирь. Уже Меншиков двигался с ужасающею силою войска, и нужно признать особое руководство Провидения над нами, что в эту самую пору шведский король вступил в наш край и подал всем доброжелательным людям надежду на освобождение от угнетателей. Я счел своим долгом обратиться к шведскому королю и надеюсь, что Бог, избавивший нас недавно от опасности, поможет нам свергнуть с себя постыдное иго. Бу-

демте заодно, запорожцы! Я обяжусь вам присягнуть, а вы с своей стороны присягните мне в неизменной верности и дружбе».

Все бывшие с Гордеенком слушали этот разговор. Запорожцы не позволили бы своему кошевому говорить с гетманом наедине без свидетелей. Ничто так не поддерживало независимости в запорожском товариществе, как обычай, всегда соблюдаемый, чтобы вождь не говорил ничего иначе, как от имени своих товарищей и в их присутствии. От этого — счастливый ли исход получали их предприятия или несчастливый — никто за то единично не отвечал, потому что все принимали участие на совещании и каждый мог там свободно высказать свое мнение.

Нелегко было воздержаться запорожцам от своих обычных приемов грубости и дикости. После представления гетману запорожцев пригласили к обеду; кошевой и старшины за одним столом с гетманом; всех равно угощали изобильно. В течение обеда они все хвалились своею привязанностью к гетману и готовностью во всем повиноваться ему; но когда опьянели и стали уходить из гетманского покоя в отведенное им помещение, то стали хватать и уносить с собою разную утварь. Дворецкий дома хотел не допустить такого бесчинства и обратился к запорожцам с жесткими замечаниями, хотя за обедом пил с ними вместе не меньше прочих. «Вы, — говорил он запорожцам, — рады были бы ограбить этот дом; такой у вас обычай — делать подобное, куда вы только заберетесь». Запорожцы не стерпели таких замечаний от человека, которого происхождение считали низким, и пожаловались своему кошевому. Гордеенко вообразил, что обида была сделана умышленно ему лично и что сам Мазепа напустил дворецкого. В досаде Гордеенко приказал всем запорожцам седлать лошадей и хотел с ними уезжать, не простившись с гетманом. Но Мазепа узнал об этом впору и послал к Гордеенку сказать, что сожалеет о случившемся беспорядке, а чтобы доказать свою невиновность в этом деле, готов им отдать дворецкого на расправу. Такая снисходительность утишила Гордеенка и его товарищей. Дворецкий был им выдан головою. Запорожцы повалили его на землю, топтали ногами, перебрасывали его между собою от одного к другому, наконец один из них ударил дворецкого ножом в живот, и дворецкий умер под этим ударом.

На другой день после того Гордеенко с 50 товарищами представлялся королю в Будишах. Все были допущены к королевской руке. Представили королю приведенных с собою 115 русских пленных, взятых в Цариченке. Гордеенко произнес речь, выражал благодарность королю за обещание покровительствовать им и всей Украине против общего врага. Государственный секретарь Гермелин от имени короля произнес им ответ на латинском языке, а комиссар Сольдан перевел его. В этом ответе уверяли запорожцев в неизменной благосклонности к ним короля и поставляли им на вид, как много

хорошего могут они получить, если воспользуются представившимися обстоятельствами, чтоб утвердить свою старинную вольность; воздали, наконец, запорожцам хвалу за их храбрость, оказанную в Цариченке. «Мы, — сказал Гордеенко, — уже послали с сотню москалей крымскому хану напоказ и надеемся, что когда их увидят татары, то станут с ними заодно».

В продолжение нескольких дней по королевскому приказанию угощали запорожцев; те, которые воевали в цариченской битве, получили 1000 золотых в разделе между собою. Гордеенко и старшины получили еще особо суммы от короля при открытом письме, которое надлежало прочитать в Сече на раде: иначе сечевики стали бы домогаться, что и эти суммы следует разделить между всеми поровну, как обыкновенно у них делилась добыча. Мазепа от себя подарил запорожцам 50 000 золотых в раздел, а сечевым старшинам особо каждому немалые суммы. Запорожцы и украинские козаки заключали между собою обязательство действовать взаимно, и Мазепа, как гетман козацкий, за все украинское козачество присягнул на Евангелии и на распятии, в котором вложены были частицы святых мощей. Мазепа сделался опять нездоров, не выходил из покоев и произнес присягу у себя. Запорожцы присягали в будищанской церкви.

Тогда составлен был проект договора со шведами в четырех пунктах, и Мазепа представил его на утверждение королю. Король шведский обещал не заключать с царем мира иначе, как с тем условием, чтоб Украина и Запорожье навсегда были изъяты от московского владычества со своими древними правами и привилегиями, какими пользовались с незапамятных времен. Король обещал во все время пребывания шведов в пределах Украины размещать свои военные силы так, чтоб они занятием квартир не причиняли обывателям вреда. Король обещал прощение сельским жителям, покидавшим свои жилища и показывавшим вражду к шведам, если они возвратятся в места своего жительства и станут доставлять шведам продовольствие. Король даст своим войскам приказание по отношению ко всем малороссиянам соблюдать строгую дисциплину. Все это подписал король шведский.

Тогда запорожцы заявили перед королем желание: как бы открыть поскорее генеральный бой с неприятелем. На это от короля дан был им в таком смысле ответ: военные операции зависят от времени и от намерений неприятеля, заранее невозможно определять времени и места для битвы; но король похвалит запорожцев за их воинственные побуждения и будет по возможности им содействовать. Запорожцы были довольны таким ответом и в знак удовольствия махали шапками и саблями. В последний день запорожцы были допущены к целованию королевской руки и приглашены к королевскому обеду на два стола. После того они уехали.

Гордеенко толковал с Мазепой и присягал в будищанской церкви с 50 человеками, как говорят шведские историки: то были, вероятно, куренные атаманы, но с ними приходил в королевскую квартиру немалый отряд сечевиков. По отходе от короля проезжали они мимо Полтавы. Русские, завидя их со стен, начали по ним палить. Тогда, по приказанию Гордеенка, сотня запорожцев подскочила к городским стенам, дала залп и повалила нескольких человек на стенах. Один запорожец ловко попал пулею в стоявшего на башне офицера царского войска в расшитом золотом мундире, и Гордеенко заметил провожавшим его шведам, что у них наберется 600 молодцов, умеющих так метко попадать из ружья. Запорожцы взялись провезти служившего в шведской армии волоха Сандула с письмами от Мазепы к сераскиру Мазепа извещал последнего, что теперь самая удобная пора атаковать москалей. Король шведский был тогда очень недоволен медлительностью турецкого двора и говорил: «Турки ослепли: не видят случая воротить себе отнятые у них московитами провинции».

То обстоятельство, что запорожцы объявили себя за Мазепу, отчасти могло поднять его дело хоть на короткое время. Малороссийское посольство не любило гетмана Мазепу, издавна привыкши считать его ляхом, перекинувшимся в козачество, но могло поддаться обаянию запорожцев, на которых издавна смотрело как на борцов за простой народ, и недаром князь Григорий Долгорукий писал царю от 3 апреля: «Вор кошевой яд свой злой продолжает и непрестанно за Днепр пишет, чтоб побивали свою старшину и к нему через Днепр переходили, и уже такая каналья за Днепром собирается и разбивает пасеки».

Наказным атаманом в Сече, за отсутствием Гордеенка, был Яков Симонченко. Неутомимый миргородский полковник прислал в Сечь козаков с письменным увещанием не слушать Гордеенка и пребывать в верности государю. Симонченко приказал прочитать письмо Апостола в «раде» и спрашивал совета — что делать. Запорожцы закричали: послать кошевому «лист» миргородского полковника, а тех, что привезли этот лист, приковать за ноги к пушке. Немногие стали говорить, что не нужно поступать таким образом, но голоса их оказались в меньшинстве. Перекричали сторонники Гордеенка, приковали к пушке козаков и послали письмо Апостола к Гордеенку, совершенно отдаваясь на волю последнего. Через пять дней воротился в Сечу асаул, ездивший к Гордеенку, и тогда козаков миргородских приковали к пушкам за шеи, а не за ноги, и сказали им, что наказной кошевой Симонченко хочет их расстрелять. Но ловкие козаки ночью разломали друг у друга оковы и ушли из Сечи к своему полковнику. Они сообщали, что в Сече осталось запорожцев не более тысячи; из них козаки старые не хотят изменять царю, но верный товарищ

Гордеенка, Симонченко, и с ним вся «сиром» склонны к бунту против царя и ненавидят москалей.

Вообще, однако, запорожское братство стояло на такой тряской нравственной почве, что нельзя было поручиться за долговременность ни такого, ни иного направления: сегодня в Сече возьмет верх одна партия, на другой день пересилит ее противная. Не могли слишком полагаться и шведы на обещанные Гордеенком единодушные и горячую готовность запорожцев идти в бой против москалей. Сам Гордеенко, ворочаясь от короля и Мазепы в Сечу, говорил на пути жителям: «Разглядел я этих шведов, — полно при них служить! Мне теперь кажется, лучше нам по-прежнему служить царскому величеству». У него то было обычное запорожское «вередование» (капризничанье): часто запорожец говорил вслух совсем противное тому, что думал. Но действительно в Сече не совсем еще бессильна была партия старых козаков, не расположенных вообще к крутым переменам. Еще не успел вернуться Гордеенко в Сечу, как к нему прибыло 17 человек с письмом, в котором запорожцы писали своему кошевому: «Как ты делал, так и отвечай; ты без нас вымышлял, а мы, верные слуги царского величества, выберем себе вместо тебя другого кошевого». Об этом известился 5 апреля Меншиков, находившийся в Харькове, а 12 апреля в Харьков пришло известие, что в Сече «рада» отрешила Гордеенку и выбрала в кошевые атаманы Петра Сорочинского. Этот человек правительственными лицами считался благонамеренным, и когда известили царя Петра о таком выборе, он отвечал Меншикову: «Сорочинский человек добрый, я его сам знаю». Сначала этот новый кошевой таким действительно и показал себя: он отправил универсал к запорожцам, находившимся при Гордеенке, и своею властью приказывал им покинуть отрешенного кошевого, воротиться в Сечу и оставаться в верности государю. Но в Сече затем собирались рады за радюю и на этих радах происходили междоусобные драки; подробностей мы не знаем, но изо всего вышло то, что хваленый Петро Сорочинский передался на сторону Мазепы и по его поручению отправился лично в Крым просить у хана помощи против москалей.

Еще в феврале царь послал к шведскому королю генерал-аудитора предлагать размен пленных. Русским особенно хотелось освободить из плена русского резидента в Швеции Хилкова, арестованного при самом начале войны в Стокгольме, тем более что царь уже отпустил на свободу шведского резидента в России Клипперкрона. Карл не согласился отпускать Хилкова, представляя, что Клипперкрон несколько лет сряду прежде был резидентом в Москве, а Хилков приехал и задержан тогда, когда уже царь начал войну. Царский посланник привез письмо от Головкина к Пиперу с предложением съезда уполномоченных для заключения мира с тем условием, чтобы России уступлена была часть Каре-

лии, издавна составлявшая часть Русской державы, и часть завоеванной в Ингрии полосы, где находился Петербург: за это, однако, изъявлялось желание дать Швеции вознаграждение деньгами. Сверх того, царь хотел, чтобы обе стороны обязались не вмешиваться в дела Польши, предоставив ей самой устроиться. Но такие предложения были не новы для короля, и Карл сказал: «Это предложение делается нам только для того, чтобы раздуть огонь войны. Пусть царь заплатит нам все убытки, нанесенные Швеции войною, которую он поднял». Такие убытки ценили тогда шведы до миллиона рублей. После того в марте приехал к царю в Воронеж, по делу о размене пленных, посланник от короля шведского и между прочим просил у царя от имени Карла позволение купить лекарств и вина для шведского войска. Петр не только дозволил, но велел отпустить то и другое безденежно.

Между тем шведы, занявши Украину, нашли там своих единоземцев, взятых в плен, между которыми были женщины и дети. Иные с радостью обращались к соотечественникам и просили их взять с собою, но были и такие, что, живучи долгое время в чужой земле, приняли православную веру, завели семейные связи, а некоторые, будучи невольниками, полюбили своих господ и не хотели с ними разлучаться. Не зная, что такое шведы, ненавидя Мазепу, приставшего к ним, и возбуждаемые царскою стороною, малороссияне с первого раза относились к ним враждебно: но когда с ними ознакомливались, то начинали относиться к ним иначе. И это было заметно по окраинам Полтавского полка в соседстве с запорожцами, которые всегда имели на жителей этого края нравственное влияние. С своей стороны, русские военачальники не слишком мягко относились к тем малороссиянам, которые приставали к шведам. Генерал Рен, русской службы немец и лютеранин, посылал народу универсал, угрожая бедою тем, которые будут оказывать расположение шведам, и честил последних неверными. Другой русский военачальник, также немец, Кампель, взял городки Маячку¹ и Нехворощу² и в обоих городках истребил всех жителей. За то запорожцы овладели Новым Санжаровым³ и другими городками вдоль Ворсклы до ее устья у Переволочны и просили шведов выгнать москалей из полтавской территории, чтобы открыть сообщение с Запорожьем. Король, в содействие запорожцам, послал туда с отрядом генерала Крузе. Шведы и козаки перешли Ворсклу у Соколки⁴ вплавь и 12 апреля нанесли поражение генералу Рену.

¹ Ныне местечко Кобылякского уезда при р. Орели.

² Ныне местечко Константиноградского уезда при р. Орели.

³ Большое местечко Кобылякского уезда при р. Ворскле.

⁴ Ныне местечко Кобылякского уезда при р. Ворскле.

Но этот успех был недолговременен. Шереметев отправил полковника Яковлева с двумя тысячами солдат на Келеберду¹. Приплывши к этому местечку 16 апреля, Яковлев послал требование, чтобы жители покорились царю. Келебердинцы, поджигаемые запорожцами, «учинились противны». Тогда Яковлев приказал идти на приступ. Келебердинский сотник предлагал покорность, но она показалась Яковлеву неискреннею, и он приказал солдатам продолжать приступ. Сотник и жители успели уйти; сотник убежал в Переволочну. Яковлев сжег Келеберду, пощадивши только церковь. Это сделано было в отместку за то, что прежде келебердинцы доставляли провиант Мазепе и запорожцам, а свои семьи отправили под защиту запорожцев. 18 апреля Яковлев прибыл к Переволочне. Там находился запорожский полковник Зинец с тысячею сечеви́ков. Ему повиновались тамошние обыватели и набежавшие в Переволочну люди из окрестных селений в числе двух тысяч. В местечке Переволочне был замок с гарнизоном из 600 запорожцев и достаточно запасов, так что можно было держаться несколько дней. Яковлев, по данному ему наказу, прежде всего послал предложение сдаться и признать власть царя; запорожцы отвечали выстрелами из пушек и ружьев. Запорожцы считали себя искуснее москалей в военном деле, но ошиблись. Русские военные люди были многочисленнее и искуснее защитников Переволочны: они ворвались в местечко, рассеяли защищавших его козаков и стали метать в замок ядра и бомбы; защитники отстреливались, но ничего не могли сделать. После двухчасового дела замок был взят, запорожцы в числе 1000 человек побиты, иные засели обороняться в избах и сараях и были там сожжены вместе с их убежищами; прочие все бросились спасаться бегством, но попали в Ворсклу и в Днепр и потонули. Взято было в плен только 12 человек; солдаты в погоне за беглецами без разбора всех убивали, не щадили ни женщин, ни детей. В Переволочне была самая удобная переправа через Днепр, и потому там находился большой запас судов, на которых сразу можно было переправить через реку до 3000 человек. Полковник Яковлев приказал все эти суда сжечь, также велел истребить огнем в местечке мельницы и все хоромное строение, которого там было немало, потому что Переволочна считалась в Украине городом богатым, торговым, где существовала и таможня, с которой доход шел в войсковый скарб Запорожской Сечи. Неудача в Переволочне до такой степени навела уныние на запорожцев, что они стали покидать городки на Ворскле, где уже разместили свои гарнизоны.

Исключительно только там, где находились запорожцы, проявлялось до некоторой степени в народе расположение к шведской стороне. Во всех других местах Украины народ продолжал высказы-

¹ Ныне местечко Кременчугского уезда при р. Днепре.

вать вражду к шведам. В апреле, как только началась теплая погода, мужики, составляя шайки, уходили в только что развившиеся леса и оттуда выскакивали на партии шведских солдат, ездивших за фуражом, а самые смелые даже беспокоили шведов в их квартирах; как только офицеры и солдаты выйдут за чем-нибудь из своих помещений, так внезапно и нападут на них мужики; не было возможности помешать таким набегам после того, как из Гадяча и Зенькова удалились шведские войска. Напрасно Мазепа рассылал свои универсалы и в них убеждал собиравшихся в леса мужиков возвратиться в свои дворы, уверял, что шведы люди добрые, за каждую малую услугу щедро вознаграждают, что, наконец, напрасно хозяева прячутся в лесных трущобах, потому что шведы там могут удобнее их истребить и овладеть всем, что они туда сносят, тогда как во дворах шведы с хозяевами ничего дурного не делают. Малороссийские мужики выходили из своих лесных берлог только за тем, чтобы красть шведских лошадей или убивать шведских солдат. Некоторые были пойманы шведами и казнены. В Решетилровке¹, где стоял генерал Крейц, схватили двух мужиков, которые подкладывали огонь под избу; им отрезали уши и носы и в таком виде отправили к Шереметеву. Но эти примеры не прекратили повсеместной партизанской войны малороссиян против шведов. В самой главной квартире короля и Мазепы, Будищах, делалось опасно, ожидали ночных нападений, а смелый король, презирая всякие опасности, не заботился учреждать караулы.

Шведское войско, не пополняемое свежими силами, умалялось и начинало деморализоваться. Хотя короля своего все уважали, но повиновение генералам ослаблялось. Возникали сомнения в счастливом исходе войны, а служившие в шведском войске чужеземцы стали мало-помалу переходить к русским. В военном совете генералов происходила рознь. Некоторые по-прежнему советовали отступить за Днепр, в польскую территорию. Пипер был того же мнения, представляя, что тогда король может соединиться с Станиславом и с корпусом генерала Крассова, стоявшим в Польше. Мазепа более всех противился этому и добивался прежде овладеть Полтавою, дабы иметь опору в Украине и находиться в постоянном сношении с Запорожьем. Карлу казалось, что Полтаву взять легко, потому что она укреплена не особенно искусно, а работы осадные предоставлялись запорожцам. Тогда генерал-квартирмейстер Гилленкрок, вообще не расположенный оставаться в Украине и постоянный противник Мазепы, иронически сказал своему королю: «Если с нами не станет какое-нибудь чудо, то ни один из нас не выйдет из Украины; потеряет король и свое войско и свое государство и будет несчастнейший из государей в истории».

¹ Ныне большое местечко Полтавского уезда при р. Голтве.

Еще 17 апреля Карл отправил часть своего войска держать в блокаде Полтаву. Копанье траншей возложено было на запорожцев и на малороссийских мужиков, которых согнали туда поневоле. 24 апреля по приказанию короля вышел из Решетилówki генерал Крейц, счастливо избегнул преследования от Шереметева и примкнул к королевскому войску. 1 мая Меншиков из Харькова прибыл с частью царского войска к Полтаве и установился по левому берегу Ворсклы, против Опошни, до Котельвы. Шереметев 19 апреля стал между Сорочинцами и Голтвою и находился в постоянной коммуникации с Меншиковым, для чего учреждена была почта: письма передавались через мужиков генералу Рену, стоявшему с кавалерией на берегу Ворсклы, ниже Полтавы. Несколько времени не было никаких действий между неприязненными военными силами, которых разделяла река Ворскла. Но у самой Полтавы происходила деятельная работа: копались траншеи, насыпались шанцы, в Полтаву бросались понемногу бомбы. По временам посылались партии для ловления языков.

Между тем из шведского стана и из мазепинского кружка приходили перебежчики. Так, к миргородскому полковнику пришли два ротмистра с двумя волоскими хоругвями и Мазепин конный, а потом от Мазепы ушел какой-то полковник с 80 козаками — человек, в котором Мазепа так был уверен, что сказал: теперь не знаю, кому верить.

1 мая шведский король переехал в Жуки поближе к Полтаве. Мазепа с обозом оставался в Будицах. Король наблюдал над ходом осады.

7 мая, когда шведская артиллерия действовала против Полтавы сильнее, чем прежде, Меншиков созвал генералов на военный совет. Порешили: для отвлечения неприятеля от Полтавы отправить вниз по течению Ворсклы сильный отряд под начальством генерала Беллинга, перейти Ворсклу, обойти Полтаву и направляться к Опошне, а другой отряд, под начальством генерал-квартирмейстера Гольца, послать вверх по течению Ворсклы, переправиться через мост против Опошни и из этого отряда послать к Будищу часть кавалерии под командою генерала Шаумбурга и полковника Кропотова. Переход через Ворсклу в обоих пунктах совершился ночью с большими трудностями: конница принуждена была переходить через безмерные болота и вплавь через глубокие воды. Посланные вверх по течению Ворсклы, по переходе ее, встречены были сперва огнем из ретраншаментов, устроенного на берегу, а потом натиском трех конных и двух пеших шведских полков, выдвинувшихся из Опошни на выручку сидевшим в ретраншаменте; но русские отбились, заставили неприятеля уйти в Опошню и зажгли предместье за ним. Неприятель заперся в замке. Если бы генерал Беллинг мог подоспеть, замечал в своем донесении Меншиков, то ни одного бы человека не

ушло тогда от русского оружия; но Беллинг не мог поспеть впору и действовать на неприятеля с тыла, потому что ему приходилось совершить большой обход ночью. Тем не менее русские успели взять в плен 750 шведов и освободить несколько сот малороссийских мужиков, согнанных шведами из разных селений на работы к Полтаве. Между тем из Будищ поднималось шведское войско; сам король шел на помощь к своим с графом Реншильдом. Русские благополучно отступили через мост, разрушивши его за собою. Цель была достигнута. Неприятель встревожился, стал отступать от Полтавы. Комендант Келин сделал вылазку; изрубили многих шведов, оторвали часть шведского обоза, а на другой день перекопали неприятельский подкоп, веденный под часть полтавских укреплений, называемых Мазуровским валом, и выбрали подложенный шведами порох.

После этого шведы оставили Будища и разрушенную Опошню, — и все шведское войско приблизилось к Полтаве. Главная квартира короля и Мазепы заложена была в Жуках.

Русское войско перешло реку Мерлу и стало прямо против Полтавы. Почва, где оно расположилось, была болотиста; русские устроили себе род мостовой из фашин и возвели несколько батарей; против них король приказал устроить два редута с четырьмя орудиями.

Полтавский гарнизон умаялся. Надобно было впустить в город свежие силы. Меншиков приказал в разных местах насыпать новые редуты и строить мосты, показывая вид, будто намерен переправлять войско. Но то были сложные атаки, предпринимаемые и вверх и вниз по течению Ворсклы, чтобы привлечь туда внимание шведов. Между тем при помощи малороссийских поселян, знавших хорошо местность, насыпана была в ином месте плотина, и ночью с 15 на 16 мая по этой плотине благополучно проведен был бригадир Головин с 1200 солдат (а по иным известиям с 900) и со всею потребною амунициею в Полтаву. Но за этим удачным событием, по оплошности того же Головина, произошло другое событие, неприятное для русских. 18 мая, когда между шведскими и русскими редутами шла горячая перестрелка, Головин из Полтавы сделал вылазку с 400 человек, но так неудачно, что шведы две роты положили на месте, а сам бригадир Головин был взят в плен с сорока солдатами; остальные, «приведенные в великую конфузию», ушли в Полтаву.

В то же время совершилась окончательная расправа с Запорожьем. Полковник Яковлев 28 апреля получил из Харькова от Меншикова царский указ и поплыл по Днепру в Старый Кодак. Запорожский полковник, начальствовавший в этом городке, не сопротивлялся с большинством товарищества и принес повинную, но некоторые удалые убежали на острова. Яковлев всех покорив-

шихся законной власти отправил в Новобогородск, а против убежавших на острова послал погоню. Спасаясь от погони, многие из бежавших ушли из островов в степь. Русские успели нескольких побить и взяли в плен 11 человек, из которых трое оказались великороссийскими беглыми солдатами из Киева; были там и бабы с детьми — остатки жителей, убежавших из Украины в Запорожский край.

30 апреля Яковлев переплыл через Кодацкий порог; разбило у него два судна, но людей на них не погибло никого. Причиной такой потери было то, что лоцманов, умевших проводить суда через пороги, не было: все кодацкие жители разбежались, а место их на судах занимали новобогородские стрельцы. Тут стали приходиться к Яковлеву запорожцы с повинною, но Яковлев заметил, что это делается неискренно: взятые в плен на островах показали, что приезжавшие к ним запорожцы уговаривали их, чтоб они не склонялись на царскую сторону, а шли бы в Сечу чинить отпор царскому войску. Полковник Яковлев приказал сжечь Старый и Новый Кодак с их предместьями с той целью, чтобы там уже не было более пристанища «ворам». Он отправил в обе стороны от Днепра в степи отряды, в одну сторону — царского войска подполковника Барина и козацкого полковника Кандыбу в другую — царского войска подполковника Башмакова, и приказал истреблять без остатка бежавших мятежников. Скоро затем подоспела конница, отправившаяся по берегу Днепра в то время как пехота села на суда. Тогда полковник Яковлев сообразил, что теперь плывущие по Днепру будут обезопасены от внезапного нападения противников с берега, и плыл далее.

7 мая приплыл Яковлев с своим отрядом к Каменному Затону, к городку, построенному близ самой Сечи. Вступать в городок было небезопасно: слышно было, что там есть люди, хворающие заразной болезнью. Яковлев расположился близко городка и послал в Сечу козака Сметану с увещательным письмом князя Меншикова к запорожцам. Сметана не возвратился. Пойманный запорожский козак сказал, что посланца, привезшего письмо, вместо ответа бросили в воду. Яковлев попытался послать в Сечу другое письмо, уже лично от себя, применяясь к прежде посланному письму князя Меншикова. Пришел от запорожцев ответ — неизвестно, словесный или письменный — в таком смысле, что запорожцы не бунтовщики, держатся стороны царского величества, но царских посланных близко не допускают. Между тем один запорожец, подвергнутый допросу, сообщил, что кошевой Петро Сорочинский и Кирик Менюко ездили в Крым, и потом хан прислал из Крыма в Сечу 15 татар, которых запорожцы отправили к Мазепе, а сами с часу на час ожидают вспомогательной татарской силы. Яковлев послал сделать осмотр, как бы ему проникнуть в Сечу. Оказалось, что по случаю

сильного половодья вся Сечь была окружена водою и многие курени затоплены. Невозможно было пристать к Сече судами, а по степи, где обыкновенно в другие времена года был сухой путь, глубокая вода захватила пространство сажен на тридцать. Яковлев послал офицеров, переодетых в козацкое платье, рассмотреть, откуда бы можно было приступить к Сече. Они сообщили, что вода нигде не допускает проходить. Посланная на лодках партия солдат напала на запорожский отъезжий караул; русские перебили и потопили многих запорожцев, привели живьем одного пленника, и тот показал, что все запорожцы, как один человек, не хотят склоняться к царскому величеству. «Замерзело воровство во всех», — выразался Яковлев в своем донесении Меншикову.

Яковлев приказал насыпать шанцы и поставить на них орудия, но стрелять приходилось трудно на далекое пространство через воду, а сухопутьем никак нельзя было приблизиться к Сечи. Приступ начали на лодках: он пошел неудачно для царских сил. У Яковлева было убито от 200 до 300 человек, а раненых было еще больше, и в том числе офицеров: те, которые попадались запорожцам в плен, были подвергаемы бесстыдным истязаниям и мучительной смерти.

Но вдруг поворотилось дело иначе. Явился присланный от генерал-майора Волконского компанейский полковник Игнат Кгалаган с своим полком и с драгунами, поверенными ему от генерала Волконского. Кгалаган не был незнаком с запорожцами. Он провел молодость в Сече, отличался много раз в удалых козацких подвигах; его избирали даже в кошевые. Воротившись от Мазепы, он получил царское прощение и милость, стал верно служить своему государю и теперь, исполняя царскую волю, шел громить Сечу, ему когда-то близкую и, так сказать, родную. Он знал все входы и исходы этой Сечи; все козацкие «звычай» сечевой братии ему были известны. Сначала запорожцы, увидя идущую к ним новую ратную силу, думали: не татары ли это, которых обещал хан прислать. Но потом, когда узнали, что за гости прибыли к ним, пришли в смятение. Русские ворвались в город и начали избиение. Кгалаган кричал: «Положите оружие и сдавайтесь, будет вам пощада!» Запорожцы впоследствии говорили, что Кгалаган дал тогда присягу, и только доверившись такой присяге, запорожцы покорились. 300 человек было взято в плен; в числе их были старшины запорожского коша. Яковлев приказал знатнейших из пленников заковать, а прочих казнить на месте «по достоинству». Запорожцы впоследствии говорили, что казни эти сопровождалась страшною свирепостью. Все пушки, военные принадлежности и войсковые клейноты были описаны и взяты. Яковлев, исполняя царский указ, сжег все курени и всякое строение в Сече, «чтоб оное изменниче гнездо весьма искоренить», а Кгалаган, в ревности к исполнению царской воли, не

остановился только на этом, но отправился в погоню за разбежавшимися запорожцами, ловил их и отдавал на расправу войсковому русскому начальству.

Петр, получивши известие о разорении Сечи, был чрезвычайно доволен, потому что считал Запорожье важнейшим корнем измены и всякой смуты в Украине. Он издал манифест ко всем малороссиянам, излагал в нем вины запорожцев, их коварство, с каким они в последнее время старались обмануть русское правительство, прикидываясь покорными, и в то же время вели вредные для России сношения с неприятелями. Царь оповещал, что запорожцы сами виновны в своей гибели, приказывал ловить убежавших из Сечи и доставлять полковникам и сотникам для отсылки на расправу. Но тем из них, которые сами явятся с повинною и принесут раскаяние, обещалась пощада.

27 мая к войску, стоявшему напротив Полтавы, прибыл Шереметев, а 1 июня приехал туда же давно ожидаемый царь и привел с собою свежие военные силы.

С этих пор сторона шведская заметно стала оказываться слабейшею в сравнении с русскою. У русских беспрестанно прибывали силы и скоро у них было, как говорили, до 80000; шведы между тем беспрестанно теряли свои силы от большого числа побитых в боях и умерших по причине болезней и всякого рода лишений. Все чаще и чаще становились случаи перебега к русским. Добывание Полтавы не удавалось так легко, как думал вначале король, поддаваясь советам Мазепы и своего фельдмаршала Реншильда, который надеялся, что русские, неучи и варвары, не сумеют вести правильной защиты и скоро сдадутся. Осада затянулась. Попытки небольших приступов были отражены. Шведам удавалось иногда взобраться на крепостной вал: тогда из Полтавы бежали отбивать их не только царские воины, но и жители со всяким оружием, даже старики, женщины и полувзрослые ребята. Шведы подводили под крепостной вал мины, но один унтер-офицер из шведского войска, похитивший ротные деньги и страшившийся за то кары, убежал к русским и открыл им, куда ведется мина, а русские, по его указанию, устроили контрмину и выбрали порох, подложенный к шведской мине. Король с своею обычною отвагою и стойкостью употреблял всякие усилия, чтобы воодушевить воинов собственным примером. Он приказал устроить помещение для себя близко полтавского вала, так что до стен домика, построенного для короля, долетали неприятельские пули. Все это поддерживало высокое уважение в шведах к своему государю, но делу не могло помочь настолько, чтобы дать шведам перевес в войне. У шведов уже чувствовался недостаток пороха и боевых запасов, и шведские солдаты подбирали на поле неприятельские пули, чтобы снова заряжать ими свои ружья. Почти все инженерные офицеры были у них побиты,

и их заменяли офицерами из строевых полков, мало сведущими в инженерном искусстве. Запорожцы, работавшие в траншеях, после нескольких поражений, нанесенных им вылазками осажденных, стали покидать свои земляные работы и кричали, что копать в земле — дело мужицкое, недостойное их рыцарского звания. Уже в шведском стане чувствовался и недостаток в съестных припасах; истощился небольшой округ окрестностей Полтавы, где размещалось шведское войско; солдаты питались кониной и плохим хлебом, а кружка водки у маркитантов продавалась от семи до десяти талеров. Бедные голодные солдаты вопили: или смерти, или хлеба!

Петр на другой стороне Ворсклы ошанцевал свой стан и устроил на берегу редуты, откуда беспрестанно палили на шведское войско, стоявшее вдоль другого берега Ворсклы, а между русским войском на левой стороне реки и осажденною на правом берегу Полтавою не прерывались сношения. Русские передавали между собою известия посредством писем, заложенных в пустых ядрах и картечах. Вскоре после своего прибытия к войску, 4 июня, Петр послал в пустой бомбе к полтавскому коменданту письмо, извещал о своем приезде, благодарил весь гарнизон за стойкость и утешал его скорым освобождением. Таким способом переброшено было в Полтаву несколько списков и к солдатам, и к горожанам. Это возбудило в Полтаве такую бодрость, что по прочтении царского письма дали в соборной церкви присягу защищаться до последней капли крови и заранее объявляли изменником всякого, кто захочет поступать противно этой присяге. Один благоразумный обыватель на сходке стал толковать, что, ввиду ослабления сил и недостатка средств для осажденных, не лучше ли будет сдать Полтаву, выговорив у неприятеля льготные условия. Полтавцы, услышавши такое слово от своего земляка, пришли в неистовство, тотчас позвали протопопа, приказали ему напутствовать оратора причащением Св. Тайн, а когда дело духовное было исполнено, вывели из храма и побили камнями и дубинами. В русскую армию слались из Полтавы таким же способом письма с извещениями о положении гарнизона. Кроме того, малороссияне с правой стороны Ворсклы бесстрашно переплывали реку и приносили русским известия о том, что делается у шведов, так что русским известны были все движения их неприятелей.

14 июня шведы потеряли городок Старый Санжаров, лежавший вниз по Ворскле, покоренный ими еще в апреле и с тех пор служивший пунктом опоры шведской линии и связи с запорожцами, которых притон с кошевым Гордеенком находился несколько ниже по течению Ворсклы в городке Новом Санжарове. В Старом Санжарове поставлен был немногочисленный шведский отряд, но туда отправлены были, в качестве военнопленных, русские, составлявшие веприкский гарнизон, сдавшийся шведам. В числе пленных

был там подполковник Юрлов. Он чрез шпиона дал знать в русский стан, что шведов, охраняющих Старый Санжаров, немного; стоит только послать поскорее войско — и можно будет овладеть им, потому что содержащиеся там пленные русские тотчас помогут соотечественникам. По этому сообщению Петр отрядил туда генерал-поручика Гейкинга с семью полками, который прежде прогнал шведского генерал-майора Крузе, потом 14 числа напал на Старый Санжаров. Русские пленные перебили своих караульных и способствовали Гейкингу овладеть городом. Шведы, однако, оборонялись упорно; 800 пало в битве, а остальные сдались в числе 300 человек. Освобождено было 1200 русских пленных. Эта победа стоила русским убитыми и ранеными до двухсот с лишком человек.

В половине июня, к довершению неудобств для шведов, стоявших под Полтавою, наступили чрезвычайные жары, которые усиливали болезненные страдания раненых. Король собрал военный совет затем, чтобы подумать, как далее вести дело. Шведские генералы находили, что всего лучше оставить осаду Полтавы и уйти за Днепр, в польские владения. Но теперь это не так-то легко было: позади стоял гетман Скоропадский с малороссийским войском в Сорочинцах, а к нему примкнул князь Григорий Долгорукий с шестью полками и с 4000 калмыков и волохов. Далее фельдмаршал-лейтенант Гольц вступил на правый берег Днепра, двинулся на Волынь и соединился с польским войском Огинского, противника Станислава. Они в половине мая одержали победу над сторонником Станислава, старостой бобруйским Сапегою, при реке Стыри, недалеко Берестечка. Поэтому возвращение Карла назад, ввиду большого русского войска, стоявшего за Ворсклой, было предприятием слишком отважным и небезопасным.

В таком положении Карл начал сходитья с генералом Левенгауптом, на которого косился за неудачную битву под Лесным. 16 июня вечером, когда Левенгаупт не раздеваясь лег на постель, неожиданно вошел к нему король, много дней уже не говоривший с ним, и стал спрашивать совета — что делать. Левенгаупт отвечал, что не может дать никакого ответа. Король стал ходить взад и вперед и потом снова стал его спрашивать с особенно ласковым видом. Левенгаупт сказал: «Остается оставить осаду Полтавы и ударить всеми силами на неприятельский стан». Но генерал тогда же заметил, что королю этот совет не понравился. Ударило 11 часов. «Я слышал, — сказал король, — что русские хотят переходить через реку; поедем вместе верхом к реке».

Поехали. Король стал ездить взад и вперед по берегу неизвестно зачем, и так прошла ночь. Стало рассветать. Наступил день 17 июня — день рождения короля. Тут король спустился еще ниже к реке; из-за реки засвистали пули русских, увидавших неприятелей, совершающих рекогносцировку. Карлу такая про-

гулка под неприятельскими пулями составляла приятнейшее удовольствие. Это у него носило название: *amusement á la moutarde*¹, и он нередко любил таким образом проезжаться с своими генералами, чтобы показать врагам удалство и отвагу шведов. «Ваше величество, — сказал ему Левенгаупт, — не оставайтесь здесь так долго. Безо всякой причины нельзя выставлять на убой простого солдата, не то что королевскую особу». Вдруг в это время неприятельская пуля убила под Левенгауптом лошадь. «Ваше величество! — закричал падающий Левенгаупт, — ради самого Бога оставьте это место!» «*Bagatelle!*»² — воскликнул Карл, — вы получите другую лошадь».

После этих слов Карл спустился еще ниже к реке и стал ездить взад и вперед, явно издеваясь над опасностью. Левенгаупту привели другую лошадь. Его беспокоила безрассудная дерзость короля, он подъехал к нему, пытался еще раз отвлечь его и сказал ему в дружеском тоне: «Ваше величество! Нельзя бесполезно губить и солдат, не то что генералов. Я поеду своей дорогой». И с этими словами он повернул свою лошадь. Королю стало неловко: выходило, что он подвергает опасности без всякой цели не только себя, но и своих верных генералов. Он поехал за Левенгауптом, но ехал медленно. Вдруг король завидел или услышал, что неприятель пытается переходить Ворсклу. Встретились ему свои воины, и он приказал им ехать с ним отгонять русских. Русских не было: быть может, королю неверно показалось, что они переходили, или, быть может, они уже отступили, сделавши ложное движение. Король снова стал ездить по берегу то взад, то вперед; наконец, когда он повертывал свою лошадь, чтоб удалиться от реки, вдруг неприятельская пуля задела ему пятку левой ноги, прошла вдоль подошвы и застряла между ножными пальцами. Карл держал себя так, как будто с ним ничего не произошло. Служитель, провожавший его верхом, заметил, что у него из сапога выступает кровь. Карл не тревожился, но стал ослабевать и бледнел. Подогнали его лошадь, чтобы скорее он мог достигнуть стана. На пути встречает его Левенгаупт. «Ах, ваше величество! — произнес он, — случилось-таки то, чего я так боялся и что предрекал». «Ничего, — отвечал король, — это только в ногу; пуля в ногу застряла, но я велю ее вырезать». Несмотря на свое ослабление, он поехал не к себе, а к траншеям, раздавал приказания своим генералам Спарре и Гилленкроку и не раньше как через час вернулся в свое помещение. Рана между тем произвела воспаление, так что нога разбухла и нельзя было снять сапога, пришлось его разрезать, — и это причинило королю жестокую боль. Много костей в ступне оказалось раздробленными. Хирург производил

¹ Забавляться пустяками (*франц.*).

² Пустяк (*франц.*).

глубокие взрезы и вынимал осколки костей. Карл не кричал от боли, но ободрял хирурга, говоря: «Режьте живее, — это ничего». Он даже не допустил никого из присутствующих помогать себе и собственными руками поддерживал изуродованную ногу. Когда после того явились к нему генералы Реншильд и граф Пипер, Карл увидел в их чертах соболезнование и стал их утешать. «Не беспокойтесь за меня, — говорил он, — рана вовсе не опасна; я через несколько дней опять буду ездить верхом».

Однако, как ни бодрился отважный король, а рана заставила, против его воли, пролежать несколько дней в постели. После первой операции появилось дикое мясо; хирург боялся употреблять в дело инструмент и хотел выжигать больное место ляписом. Король не допустил его, взял у него из рук ножницы и собственноручно, по указанию хирурга, обрезывал себе дикое мясо. Была сильная жара, все боялись, что образуется гангрена и придется королю отнимать ногу. Медики оставляли уже ему какие-нибудь сутки жизни. Это состояние постигло короля на пятый день после получения раны. Только тогда уговорили его принимать предписываемые врачами лекарства, так как он всегда не терпел лечиться. Когда его, наконец, принудили принять медикамент, он заснул, и после того ему становилось лучше. В продолжение того времени, когда раненый должен был оставаться в постели, его «тафельдекер» Гутман потешал больного короля рассказами о старых скандинавских битвах героических времен; особенно королю понравилась сага о Рольфе Гетрегсоне, который одолел русского волшебника на острове Ретузари, покориł своей власти русскую и датскую земли и через то приобрел себе славу на всем свете. Очевидно, Карлу хотелось тогда сделаться таким сказочным богатырем.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Переход русского войска на правый берег Ворсклы. — Приготовления шведов к сражению. — Ночь накануне битвы. — Утро. — Нападение шведов на русские редуты. — Неудача у русских. — Выступление Меншикова на поле битвы. — Плен шведских генералов Шлиппенбаха и Рооса. — Принятие Петром главной команды над армиею. — Носилки шведского короля. — Плен Реншильда. — Совет Левенгаупта. — Карл в своем обозе. — Совершенное поражение шведов. — Мужество Карла и Петра. — Плен Пипера и шведских генералов. — Пир царя Петра. — Тост за Карла и за учителей. — Погоня за разбитым неприятелем. — Погребение убитых. — Вступление Петра в Полтаву. — Мирные предложения Карла. — Ответ Петра. — Царские именины. — Вторичный пир на поле битвы. — Шведские пленники. — Мазепинцы.

Для обеих враждующих сторон стало одинаково несносно стоять долгое время на двух берегах реки и не предпринимать ничего решительного. Обе стороны желали скорее чем-нибудь кончить. Шведы в чужой земле оставались без свежих сил, им грозило оскудение средств к жизни, но и русских не могли не беспокоить известия из Полтавы, что жизненных средств могло там стать не более, как на две недели. Сначала Петр думал освободить Полтаву от осады, не вдаваясь в генеральное сражение, но 18 июня пришел к иному убеждению. На военном совете вечером этого дня решено перевести всю армию на правый берег Ворсклы. 19 июня русские начали переход под селом Петровкою¹ по устроенному там мосту, а 20 числа все войско уже было переправлено. 25 июня русские подвинулись к Полтаве и выстроились версты за полторы от шведского войска. С чрезвычайною быстротою русские вывели в одну ночь ретраншемент, по правую сторону от него расположили свою кавалерию между лесом, а впереди кавалерии устроили 10 редутов.

¹ Ныне село Полтавского уезда при р. Ворскле в 14 верстах от Полтавы.

Ни в русском военном совете, ни в шведском стратеги не пришли окончательно к решению — начинать ли атаку или ожидать ее от противников. Этот вопрос решил Карл с своей обычной отвагой и горячностью. В шведский стан явился из русского перебежчик немец и сообщил, что русские ожидают прибытия многих тысяч калмыков. Таким образом русские силы должны будут умножиться. Король решил, что надобно предупредить усиление неприятеля и вызвать русских на бой ранее, чем успеют присоединиться к ним калмыки. Русские силы в их настоящем размере несравненно превосходили количеством шведские, но король не верил ни в храбрость, ни в искусство русских и потому при малочисленности своих войск не устранился еще и разъединить их. Две тысячи человек послал он охранять траншеи, прорытые около полтавского вала, так как не оставлял желая во что бы то ни стало овладеть упрямою Полтавою. 2400 человек посланы были для охранения багажа, где находился Мазепа, который от старости и тревог видимо уже день ото дня угасал. 1200 человек посланы были караулить Ворсклу ниже Полтавы, чтобы не дать русским в этих местах переправиться и окружить шведов с тыла. Сверх того, шведы расставлены были в городках: Новом Санжарове, Беликах¹, Соколках и Кобыляках, что составляло вместе 1200 человек. У Карла оставалось в деле, по шведским источникам, в строю только 13 000, кроме запорожцев. По русским источникам, шведов было около сорока тысяч. Нет сомнения, что шведские сведения о такой малочисленности войска, бывшего в деле на полтавском поле, не выдерживают никакой критики, как показывает известное нам число убитых и взятых в плен.

В воскресенье, 26 июня, после вечерней молитвы, которую Карл XII, как благочестивый лютеранин, всегда слушал в походах, было объявлено в шведском стане, что завтра будет генеральное сражение. Карл объявил, что будет принимать участие в битве, но по причине раны не может командовать войском лично: он назначил вместо себя на время битвы главнокомандующего фельдмаршала графа Реншильда. Король был в самом бодром настроении духа и говорил своим генералам: «Завтра мы будем обедать в шатрах у московского царя. Нет нужды заботиться о продовольствии солдат, — в московском обозе всего много припасено для нас».

И в русском войске готовились к генеральному сражению. Пётр объезжал свои войска, и, остановившись перед дивизией Аларта, произнес такую ободрительную речь:

«Король шведский и самозванец Лещинский привели к своей воле изменника Мазепу и клятвенно утвердились отторгнуть Малую Россию, учинить из оной независимое княжество под властью

¹ Ныне местечко Кобылякского уезда при р. Ворскле.

того изменника, присоединив к оному Волынь и подчиняя ему же, Мазепе, козаков запорожских и донских. Такою надеждою льстяся, изменник уповал собрать войска козацкого до двухсот тысяч, подкупил Порту, крымского хана и орды на нас, и для исполнения сего злоумышления призвал в Малороссию короля шведского со всеми его силами и Лещинского, поспешавшего уже в соединении с ним с 25 000 польских войск. Но помощью Божию козацкие и малороссийские народы вразумлены, остались нам верными, шведского войска через разные победы и лютость прешедшей зимы истребилось до половины, войска Лещинского побиты и разогнаны, султан мир с нами подтвердил и от помощных войск им отказал, хану и ордам соединяться с ними строго воспретил; и ныне неприятельского войска против нас осталось только 34 полка и те неполные, изнуренные, оробевшие. Остается над сими оставшими довершить вам победу. Порадейте же, товарищи! Вера, церковь и отечество сего от вас требуют».

В сумерки вся шведская пехота была выведена в поле. Приказано было всем каждоминутно быть готовыми к бою. Кавалеристам дан был приказ, чтоб у всех лошади были оседланы. Наступила ночь темная; луна была в ущербе. Карл велел обвязать себе большую ногу свежую повязкою, другую ногу обул в сапог и сел в носилки, держа обнаженную шпагу в руке. Его главный министр Пипер, генералы Реншильд и Левенгаупт легли на земле около королевских носилок. Некоторые из шведов на короткое время уснули, другие не хотели заснуть и развлекали себя разговорами, толковали, как на этих самых полях, по их представлению, Тамерлан покорил себе западные народы. С полуночи, когда взошла луна и стало виднеться, шведы стали двигаться вперед различными колоннами. Занялась заря; шведы заметили, что и в русском стане уже копошатся. Стало всходить солнце, и шведам представилась русская кавалерия: она уже стояла в строю, прикрытая только что выведенными редутами, из которых три не были еще вполне оконченными.

Через два часа после солнечного восхода Реншильд приказал сделать атаку на русские редуты. Начальство над этою пехотою поручено было генералам — Акселю Спарре и Роосу; первый должен был овладеть тремя редутами влево, а Роос — другими четырьмя вправо. Первый удачно исполнил свое дело. Русская кавалерия была смята, пехота покинула редуты. Впоследствии Петр сознавался пленным шведским генералам, что в это мгновение в русском стане произошел большой переполох; русские собирались уже запрягать багажные телеги и отступать. Увидя замешательство русских, Пипер испросил у короля дозволение двинуть генерала Крейца, командовавшего левым крылом, в содействии со Спарре и вместе с ним преследовать русских, покинувших свои редуты, и не допустить их придти в себя после поражения; но Реншильд оскорбился: как сме-

ют другие без его ведома вмешиваться в распоряжения, когда король назначил его одного главнокомандующим. Прибежавши к Пиперу, Реншильд, в присутствии короля, стал выговаривать министру. Король остановил порыв своего фельдмаршала, но в угоду ему тотчас послал приказание Крейцу оставить преследование русских и занять лесное возвышение, находившееся на западной стороне, вне действия русских орудий.

Эта ошибка внезапно поправила дело русской армии, начавшей уже расстраиваться. Кавалерия, порученная генералу Боуэру, за раною командовавшего прежде генерала Рена, пришла в порядок, а тем временем царь приказал Меншикову, командовавшему левым крылом русской армии, ударить на неприятеля с десятью полками, составлявшими 10 000 воинов. Тут судьба всей битвы повернулась иначе. Меншиков ударил на часть корпуса Рооса, находившуюся под командою Шлиппенбаха, и нанес ему такое поражение, что сам Шлиппенбах со всем своим штабом был взят в плен. Генерал Роос обратился в бегство, но Меншиков отправил за ним в погоню генерала Ренцеля: тот загнал Рооса до шанцев, воздвигнутых шведами под самую Полтавою, и принудил его сдаться в плен со всем отрядом.

Был девятый час утра. Между шведскими военачальниками не было никакого ладу. Когда генералу Спарре был дан приказ спешить на выручку Рооса, он, воротившись без успеха, говорил, что у Рооса достаточно войска, и если Роос с ним не сможет оборониться, то пусть идет к черту. Левенгаупту король дал приказание соединиться с Крейцем, но Реншильд, уже прежде не ладивший с Левенгауптом, раздражился за то, что это делается без его ведома, и начал браниться с Левенгауптом, а король заперся в том, что сам дал Левенгаупту приказ. Отделы шведского войска двигались с места на место, не зная сами, что делают. Это заметил царь Петр, двинул на них все свое войско и принял над ним сам верховное начальство.

Тогда наступило полное замешательство. Короля повезли в носилках лошаадьми; 12 драбантов и 24 гвардейца окружали его. Карл велел вести себя в самый огонь битвы. Под его носилками убита была лошадь; гвардейцы выпрягли из-под носилок остальную лошадь и понесли носилки на руках. Но близ короля пало трое драбантов, побиты были носильщики, и наконец самые носилки раздроблены пулями. Тафельдекер Гутман кое-как связал их уздами с павших лошадей. Пользуясь минутным перерывом битвы, Карл выпил воды, приказал перевязать себе раненую ногу и нести себя далее в разгар битвы, чтобы собственным примером отваги возбуждать своих воинов. Генералы Левенгаупт, Спарре, Герд употребляли все усилия, чтобы привести в порядок войско, но все было напрасно. Вдруг под королем опять раздробило но-

силки, и он упал на землю. Солдаты, издали увидев эту сцену, думали, что король уже убит, и это увеличило смятение. Король, лежа на земле, думал еще как-нибудь остановить потерянных воинов и кричал: «Шведы! шведы!..», но его отчаянный крик терялся в суматохе. Подбежал к королю Реншильд и, обращаясь во все стороны, громко вопил: «Наша пехота пропала, — ребята, спасайте короля!» Затем сам Реншильд бросился в омут битвы и тотчас был взят в плен.

Подобно кораблю, разбитому бурей, метался остаток разбитой шведской армии, говорит шведский историк. Офицеры были побиты или взяты в плен; солдаты без команды метались то в ту, то в другую сторону, сами не зная, что им нужно делать. Левенгаупт, увидя, что делается с королем, кричал: «Ради самого Христа, не оставляйте короля в беде!» Кучка солдат подняла короля, к ним пристали конные. Драбант Бракке посадил короля на свою лошадь. Положивши большую ногу на шею лошади, Карл отдался другим спасать его от опасности быть убитым или плененным. «Что теперь делать?» — спрашивал он, встретивши Левенгаупта. «Отступить к багажу», — говорил Левенгаупт. Но отступление было уже немислимо. Происходило полное беспорядочное бегство разбитого в пух и прах войска. Командиры кричали на подчиненных: «Стой», подчиненные кричали один к другому: «Стой!» — и все бежали. Вдруг неприятельская пуля поразила лошадь, на которую посадили Карла, и в это время настигали его русские; шведский король неизбежно попал бы в плен, но капрал Гиерта поспешно дал ему свою лошадь. Не без труда Карл, при помощи других, сел на нее и ускакал во всю прыть, все-таки каждую минуту ожидая, что его или убьют выстрелом, или нагонят и возьмут в плен. Капрал Гиерта, отдавши королю свою лошадь и сам будучи ранен, дотащился под плетень, чтобы там умереть, но увидел его королевский конюх, который вел одну из королевских лошадей, посадил на лошадь, и таким образом капрал Гиерта догнал короля, скакавшего к тому месту, где находился обоз.

Если Карл в этот день показал редкий пример храбрости, отваги и неустрашимости, то не менее его доблестным оказался и соперник его Петр. На нем была прострелена пулею шляпа, другая пуля попала в пуговицу на седле, на котором он сидел, третья ударила его в грудь, но наткнулась на длинный крест (тельник), — и это спасло царя.

Граф Пипер, постоянно находившийся при своем государе, когда увидал, что все уже пропало, поворотил к обозу вслед за Карлом. Пипера сопровождало несколько особ, и в числе их был историк Карла XII, Нордберг, которого сочинение служило нам в числе источников. Он описывает, что когда они, следуя за бежавшим королем, переходили небольшую долину, заросшую ку-

старником, и уже выходили на ровное место, вдруг появились калмыки и татары. Идти далее казалось невозможным, чтобы не попасться в руки этим азиатским варварам, от которых европейцы шведы не ждали пощады. Они повернули к Полтаве и сами отдались в плен. Их привели в русский стан к Шереметеву. Фельдмаршал принял графа Пипера очень любезно и почетно. Ему приготовили богато убранный шатер. Шереметев беседовал с ним о тогдашнем положении дел, и шведам речь его показалась очень умною.

Много шведских генералов попало тогда в плен. Из них знатнейшие были: Реншильд, Стакельберг, Шлиппенбах, Гамильтон, Роос, принц Максимилиан Виртембергский. Когда их представили царю, Петр принял последнего за короля и, узнавши свою ошибку, воскликнул: «Неужели-таки я не увижу сегодня брата Карла?» Но тут царю принесли разбитые носилки короля, до сих пор показываемые в сокровищнице московской Оружейной палаты. Несколько времени Петр думал, что Карл убит; вскоре, однако, принесли ему известие, что король успел убежать к обозу, и Петр, узнавши, что Карл жив, был этим очень доволен. Он питал большое уважение к своему врагу.

После полудня всему русскому войску приказано было выстроиться. Царь выехал без шляпы, благодарил всех за храбрость, дал приказание перевязывать раны и лечить раненых, показывал к ним сострадание. Между тем на поле приготовлена была походная церковь. В час пополудни там отслужили благодарственный молебен, и во время пения «Тебе Бога хвалим» дано было три пушечных залпа. По окончании молебна царь позвал сподвижников на пир, устроенный в шатрах. Царь с генералитетом пировал в особом царском шатре, которого полы были подобраны, а перед шатром на карауле стояла гренадерская рота Преображенского полка. К этому пиру приглашены были знатные шведские пленники — генералы и полковники. Во время пира привели Пипера; и его усадили также за стол. Царь ласково обращался со всеми пленниками, собственноручно вручил фельдмаршалу Реншильду шпагу и похвалил его за храбрость и верное исполнение своего долга. У прочих пленников хотя шпаги были отобраны, но тут же милостиво возвращены царем. «Господа! — сказал, обратившись к пленникам, Петр, — брат мой Карл приглашал вас на сегодня к обеду в шатрах моих, но не сдержал королевского слова; мы за него исполним и приглашаем вас с нами откусать». Поднявши налитой вином задравный кубок, Петр воскликнул: «Пью за здоровье моего брата Карла!» Потом, при громе пушечных выстрелов, Петр провозгласил тост за здоровье своих учителей. «Кто эти учителя?» — осмелился спросить Реншильд. «Вы, шведы», — отвечал царь. «Хорошо же ваше величество отблагодарили своих учителей», — сказал Реншильд.

Если бы русские, говорит шведский историк, неустанно преследовали шведское войско, то, без сомнения, не выпустили бы с полтавского поля ни короля, ни всего остатка его армии, но Петр увлекся пиrom на радости о победе, одержанной в такой степени, в какой, быть может, он даже и не ожидал, и не прежде, как уже вечером спохватился отправить в погоню за отступившим с поля неприятелем генерал-поручиков: князя Мих. Голицына и Боуэра. Они не застали уже неприятеля, и действительно, это была большая ошибка со стороны Петра: вся цель Северной войны была бы уже достигнута в этот день, и Россия без дальнейших потерь приобрела бы все то, что получила по Ништадтскому миру.

На другой день утром по приказанию царя с 4 часов начали копать могилы для погребения убитых. Все войско было выстроено на этом месте. Две могилы были готовы, и в 6 часов прибыл туда государь. В одну могилу положили тела офицеров, в другую — унтер-офицеров и рядовых солдат; всех их клали в мундирах, в которых они пали на поле битвы. Отслужили над ними обычное последование погребения. Царь, обращаясь к убитым, произнес пред всеми такую речь: «Храбрые воины, за благочестие, отечество и род свой души свои положившие! Вем, яко страдальческими венцами вы увенчались и у праведного подвигоположника Господа дерзновение имати: споспешествуйте мне в праведном оружии моем против врагов отечества и благочестия, молитвами вашими да возможем в мире прославлять Бога и ваши подвиги». Затем царь положил перед убитыми три земных поклона и первый собственноручно стал засыпать могилы землею. Другие командиры последовали ему, и так совершилось погребение при громе пушек, беглой ружейной пальбе и звуках полковой музыки. Образовался высокий курган; на его вершине Петр собственноручно водрузил крест с надписью: «Воины благочестивии за благочестие кровию венчавшиеся, лета от воплощения Бога Слова 1709 июня 27 дня».

После отправления всего обряда над убитыми русскими Петр приказал похоронить неприятельские тела, поручивши совершать над ними погребальный обряд пленным протестантским священникам. Дано было приказание жителям везде отыскивать и хоронить человеческие и конские трупы.

Наконец, после всего этого, в тот же день, Петр, вообще любивший торжественные въезды и выходы, в сопровождении своих генералов въехал в Полтаву, принимал поздравления от освободившихся из осады солдат своих и всех полтавских жителей, хвалил их за храбрость и стойкость и при всех, в знак своей милости, поцеловал в голову коменданта Келина. В Полтаве царь слушал в церкви благодарственное молебствие при пушечных и ружейных выстрелах, посещал раненых, объявлял награды и в заключение стал обедать у коменданта «чем Бог послал». Во время

этого обеда явился к царю в Полтаву шведский генерал Мейерфельд. Карл послал его из-под Старого Санжарова без всякого письменного вида, но с словесным заявлением согласия заключить мир на таких условиях, на каких сам царь предлагал прежде. Петр сказал: «Поздно король принимается за мир; прежде предложенные нами кондиции уже не соответствуют настоящему положению дел. Впрочем, я не отрицаюсь от мира, но только на условиях приличных и сходных со справедливостью». Он послал такой ответ с трубачом, приехавшим с Мейерфельдом, а самого генерала Мейерфельда на время задержал под тем предлогом, что он явился без письменного вида. Вслед за тем царь отправил Меншикова с целым корпусом преследовать шведов, давши приказание, если поймут в плен Карла, то возвратить ему шпагу и провожать его не стесняя, с подобающим уважением, а изменника Мазепу везти заковавши, под строгим караулом и наблюдать, чтобы он над собою чего-нибудь не учинил. Вероятно, эта отправка происходила уже не рано, после всех описанных церемоний, и это было причиною, что Меншиков уже не мог поймать ни Карла, ни Мазепу, как этого желал государь.

29 июня был день царских именин. Устроен был в шатрах другой такой же пир, как и в день победы, и опять были приглашены к нему шведские пленные военачальники. На этом втором пире был между прочим и шведский историк Нордберг. По его известиям, шатры, в которых происходил этот пир, были каждый более чем в 50 аршин длиною. Шведских пленнх было там много. Когда уже вставали из-за стола, вошел царь, заговорил ласково с некоторыми из пленников и провозгласил тост за здоровье шведского короля. Нордберг при этом замечает, что хотя писали и разглашали, будто Петр ласково говорил с Пипером, но он, Нордберг, как очевидец, может удостоверить, что Петр не сказал ни единого слова шведскому министру. После пира в тот же день пленные шведские военачальники розданы были под наблюдение русским вельможам: Меншикову поручен был принц Виртембергский, Головкину — Пипер, Шереметеву — Реншильд, все другие были розданы русским офицерам, сообразно чинам, какие носили шведские пленники, до самых унтер-офицеров и рядовых. Всех отправили в Россию через несколько дней. Худшая участь постигла малороссиян-мазепинцев, которые взяты были в плен и большею частью сами сдались, увидя шведское дело проигранным. Нордберг, в качестве очевидца, говорит, что их подвергали ужаснейшим истязаниям, ломали им руки и ноги и выставляли на колесах изуродованные тела их; других вешали и на кол сажали. Шведский историк, сообщая эти известия, тут же счел уместным опровергать какого-то другого историка, которого имени он не называет и который утверждал, будто Петр оказал козакам милость.

Нордберг положительно заявляет, что такой милости не было. Мы не можем, безусловно, отвергать известия Нордберга, так как свирепые казни над мятежниками и царскими изменниками были в обычае у Петра; но есть несомненные официальные сведения, что некоторые, самые крупные из Мазепиных соумышленников еще до полтавского сражения добровольно явились с повинною в русский стан. То были бывшие генеральный судья Чуйкевич, генеральный асаул Максимович, лубенский полковник Зеленский, компанейский полковник Кожуховский, сердюцкий полковник Яков Покотило, Антон Гамалея, Семен Лизогуб, канцелярист Григорий Григорович и писарь Яков Гречаный. Им не было прощения, как они того просили, — напротив, их подвергли аресту как преступников и уже после 8 августа сняли с них допросы, которые сохранялись в делах архива Коллегии иностранных дел. Все они уверяли, что не были заранее в соумышлении с гетманом, прикидывались завлеченными посредством обмана. Но срок, объявленный для тех, которые отстанут от Мазепы, давно прошел, и ясно было, что эти малороссияне явились уже только тогда, когда увидели, что затеи освободиться от московской власти никак удасться не могут. Их увертки не были приняты во внимание. Царь указал, что хотя они за измену достойны смертной казни, но он их милует и дарует им жизнь, заменяя смертную казнь ссылкой — одних в отдаленные места Сибири, других — в город Архангельск. После этого приговора следовало их отправить в Москву, но они оставались на Украине за караулом до апреля 1711 года. Предлогом к такой отсрочке служило появившееся в крае моровое поветрие. Из этого видно, что все-таки смертная казнь не постигла их. Если известие Нордберга о жестоких казнях, совершенных над малороссийскими изменниками, не вовсе ложно, то оно может относиться к каким-нибудь запорожцам, взятым в плен в Полтавском сражении.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Карл после поражения. — Ужас Мазепы. — Отступление шведов. — Карл в Новом Санжарове. — Кобыляки. — Переволочна. — Толки о переправе. — Упорство Карла. — Король соглашается на переправу. — Переправа Мазепы. — Последние распоряжения Карла. — Помощь, оказанная запорожцами. — Переправа короля и шведов. — Прибытие Меншикова с войском. — Упадок духа в шведском войске. — Капитуляция шведского войска. — Отчаяние запорожцев. — Бегство шведов и мазепинцев за Днепром в степи. — Недостаток съестного. — Погоня за беглецами. — Прибытие к Бугу. — Толки с турецким пашою. — Переправа через Буг. — Русские берут в плен шведов, не успевших переправиться. — Прибытие в Бендеры. — Прием, оказанный сераскиром. — Смерть и погребение Мазепы. — Новый гетман. — Историческое значение личности Мазепы.

Карл XII, убегая от погони с поля битвы, достиг своего обоза в первом часу пополудни и увидел там раненых генерала Мейерфельда и полковника Гиерта. Верховая езда, и притом быстрая, разбередила рану короля и причинила ему страдание. Он кричал: «Снимите меня с лошади и посадите в коляску!» Карла сняли и внесли в шатер. Он съел холодного жаркого и спрашивал про своих генералов, которых не видал близ себя. «Где Реншильд?» «В плену», — отвечали ему. «Где тот, где другой генерал, где Пипер?» «В плену», — был один ответ. «В плену у русских! — воскликнул король. — Да это хуже, чем у турок... Вперед!» Он думал сначала, что с русскими придется еще схватиться. Но тут один за другим возвращались с поля битвы растрепанные отряды пораженного войска. Явился к королю и Мазепа, во все время битвы находившийся в своем шатре в обозе.

Нам теперь трудно вообразить себе те ужасные минуты, которые переживал тогда украинский гетман. Все надежды его разбились, все рушилось, все пропало. Жизнь его кончалась. Ни на что не пригодился ему весь ряд коварств и козней, которыми так богат был пройденный им путь. Уже скоро после своей измены

стал он предчувствовать неудачу. Уже не раз сожалел он, что ступил на скользкую дорогу, и пробовал сойти с нее, но ему не удалось. Тоска и раскаяние мучили его уже не один день. И вот ударил решительный, страшный час. Медлить было невозможно. Никто в побежденном стане не имел такого повода страшиться, как Мазепа. Русские с минуты на минуту могли появиться, взять его и повезти — куда? — к царю! Что там ожидало его — от одного воображения должна была останавливаться в жилах кровь у слабого старика. Он принялся просить, умолять Карла немедленно бежать с остатками сил своих в турецкие владения. Не было иного притона. В Польшу невозможно было обратиться. Одни русские силы преследовали бы бегущих сзади, а за Днепром стоял Голыц с другими. Бежать степью в Турцию казалось тогда самым подходящим делом. Запорожцы брались перевезти короля через Днепр.

«Позвать Левенгаупта!» — закричал король.

Прибыл Левенгаупт.

«Ну что теперь нам делать?» — спрашивал Карл.

Левенгаупт сходилась в мнении с Мазепой.

«Ваше величество! — отвечал он. — Остается поступить так, как сделано было под Лесным: бросить все тяжести, артиллерию, провиант, амуницию, лошадей распределить между воинами, сколько кто может взять, а остальное все сжечь и уходить как можно скорее. Русские скоро здесь будут».

Воспоминание о Лесном не понравилось Карлу. Он никак не мог забыть этой неудачи своего лучшего генерала. Карл услав Левенгаупта по какому-то незначительному поводу. Тогда Мазепа опять стал настаивать, чтоб уходить как можно скорее. К нему присоединили свой голос некоторые шведские военачальники: все хором умоляли Карла не терять времени и уходить. Карл все еще храбрился, кричал, что бегство постыдно, что лучше биться с врагом до последней капли крови, когда он наступит, но потом, наконец, склонился на усиленные моления Мазепы и своих генералов. Впрочем, он дал приказ отступления совершенно противный тому, что советовал Левенгаупт: он приказал забирать с собою весь багаж и артиллерию с 31 пушкой и двигаться вдоль Ворсклы по направлению к ее устью. В виду у него было присоединить к себе отряды шведского войска, расставленные в городах: Новом Санжарове, Беликах, Кобыляках, Соколках. Карл вместе с Мазепой сел в коляску генерала Мейерфельда. Вечером шведы двинулись с распущенными знаменами. Они надеялись переправиться через Днепр у Переволочны, как обещали им запорожцы. Но русские успели уже заранее истребить там суда и паромы.

Шведские войска шли довольно медленно и спокойно, так что отступление их на первых порах не походило на бегство. Кроме

военной силы, при шведском обозе было множество рабочих малороссиян; были там, сверх того, и поселяне, привозившие в шведский стан живность на продажу. Карл не хотел, чтоб эти люди попались в руки великороссиян, и приказал не спешить, чтобы дать им время уйти.

Перед светом на другой день Карл был в Новом Санжарове. Хирург перевязал ему раненую ногу; Карл уснул глубоким сном. Но едва стал заниматься день, как короля разбудили.

«Русские гонятся за нами, ваше величество, — сказали ему. — Прикажете следовать далее?»

«Делайте, что хотите!» — отвечал Карл.

Тогда генерал Крейц, взявши на себя ответственность, стал поступать так, как советовал прежде Левенгаупт. Зажгли тяжелый багажемент, а лошадей раздали пехоте. С этой поры поход стал совершаться так быстро, что русские не успевали гнаться за шведами. В погоню за ними шли еще только генералы Голицын и Боуэр; Меншиков с корпусом выступил только после полудня 28 числа. С Карлом в этот день случилось приключение: коляска его повредилась, и он принужден был приказать посадить себя снова на лошадь, а с наступлением ночи с 28 на 29 число король заблудил в лесу, и это, разумеется, замедлило еще более бегство шведов. К счастью шведов, Меншиков с своим корпусом был еще неблизко. На рассвете беглецы добрались до Кобыляк. К восьми часам утра прибыл туда Меншиков. Но шведов там уже не было; только при переходе через речку Кобылячку шведский арьергард задерживал переправу русских с целью дать время уйти далее своему войску с королем.

К вечеру 29 числа беглецы достигли Переволочны. Она была расположена в углу, образуемом Днепром и устьем впадающей в него Ворсклы. Пространство между этими реками было невелико, покрыто болотистыми топями и открыто для неприятельских выстрелов, если они начнутся с возвышенностей. Не было ни судов, ни паромов, не было и людей в Переволочне; торчали только груды развалин после посещения ее русскими. Шведы успели отыскать запас строевого дерева, годного для постройки паромов, но им недоставало ни цепей, ни веревок, а главное — недоставало времени: неприятеля могли ожидать каждую минуту. Нельзя было помышлять об отпоре: мало было у шведов пушек, ядер не было, порох был подмочен, и войско упало духом. Господствовал беспорядок; незаметно было ни заботливости о спасении армии, ни дисциплины. Король, всегда отважный и самонадеянный, все еще верил в стойкость своих шведов и в волшебную силу своих речей.

«Пусть только увидят меня солдаты верхом на лошади, — станут они сражаться так же храбро, как и прежде», — говорил он.

«Нет, ваше величество, — отвечал ему Гилленкрок, — если неприятель явится, то многие наши солдаты или положат оружие, или бросятся в воду, чтобы спасти свою честь».

Тотчас стало оказываться, что король заблуждался насчет воинственной стойкости своих воинов. Многие самовольно стали овладевать паромами, приготовленными их товарищами для себя, а не для них. Тогда Мазепа стал умолять короля переправиться как можно скорее через Днепр и уходить в турецкие владения. Стали рассуждать, каким путем уходить, потому что представлялось два пути: в Крым к хану — подручнику турецкого султана, или в Бендеры — к сераскиру-паше. Многие склонялись к тому, чтоб уходить в Крым, полагая, что там за них станет готовая воинственная сила орды. Случившийся здесь какой-то татарский мурза обещал Левенгаупту сам проводить войско через степь. На пути в Крым, представлял он, после Днепра не будет уже больших рек, через которые трудно было бы переправиться. Но Мазепа советовал избрать путь на Бендеры. «Следуя в Крым, — говорил он, — нам придется проходить слишком большое степное пространство и русские, погнавшись за нами с большою силой, могут нагнать нас, тогда как много-много на пятый день мы уже достигнем границы и будем безопасны». Король не решался ни на то, ни на другое; он никак не мог победить в себе чувство стыда при мысли, что он побежит от неприятеля.

Тогда Левенгаупт, уговаривая короля, стал перед ним на колени и говорил:

«Всемиловейший государь! дозвоьте спасти вашу особу, пока еще возможно. Если неприятель сюда явится, то всех нас истребит или в плен заберет».

«Нет, нет, ни за что, — говорил с жаром король, — не покину своих солдат. Вместе будем обороняться, вместе погибнем!»

«Невозможно, — говорил Левенгаупт, — солдаты, видимо, упали духом; местоположение здесь неудобно для обороны. Повторяю: нас непременно или истребят, или в плен заберут. Бог поставил ваше величество правителем народа, и вы должны будете отдать Богу отчет за него. Если спасете вашу особу, то найдете еще способ спасти отечество и всех нас, своих несчастных подданных. Если же попадете в неприятельские руки, тогда все пропало».

«Я, — сказал решительно король, — согласен скорее попасть в неприятельские руки, чем умышленно покинуть войско».

Пришел Гилленкрок и пристал к совету Левенгаупта.

«А что будет со мною, если русские возьмут меня в плен?» — спрашивал король.

Гилленкрок отвечал:

«Сохрани нас Бог от этого!.. Но если бы такая беда нас постигла, то русские влачили бы вашу особу с триумфом по своей земле и вынудили бы от вас унижительные для Швеции условия».

На это Карл сказал:

«Шведы не будут обязаны соблюдать условия, вынужденные от меня насилием».

«Вы сами, — сказал Гилленкрок, — не предадите себя такому бесчестию и не подумаете о своих верных подданных, чтоб они нарушили обещания, данные их королем хотя бы вследствие насилия».

Карл вдруг опомнился и сказал:

«Господа! Не верьте тому, что я сейчас говорил».

Но когда генералы принялись снова его уговаривать, Карл уже не возражал им, а порывисто произнес:

«Господа, оставьте меня в покое!»

Все в тихой скорби от него удалились. Но вошел к королю генерал Крейц, и неизвестно, одумался ли король, или речи Крейца подействовали на него более, чем речи Левенгаупта и Гилленкрока, только Крейц, вышедши от короля, сказал генералам:

«Король решается оставить свою армию и переправиться через Днепр».

Мазепа, видя упорство короля, которое могло довести до того, что появятся русские, стал заботиться о собственном спасении и, не дожидаясь более, чем кончатся толки у короля с его генералами, поспешил воспользоваться стоявшими судами и часов в шесть вечера переправился через Днепр с своими единомышленниками и с несколькими козацкими господами. Он успел захватить с собою два бочонка с золотыми монетами. Мазепа заторопился бежать именно тогда, когда у короля с генералами шла речь о том, что станет с королем, если его возьмут в плен; он знал, что как ни тяжел был бы такой плен для шведского короля и для шведского войска, но о том, что случилось бы с ним, приходилось уже думать только ему самому, а не его союзникам. Говорят, что в это время Карл выказал Мазепе свое неудовольствие и назвал его своим обольстителем, и хотя шведский историк, сообщая это сведение, отвергает его, но оно не лишено правдоподобия, тем более что сам этот историк не находился тогда уже при короле.

После отплытия Мазепы король назначил Левенгаупта главнокомандующим оставляемой на берегу Днепра армии, а с собою переправляться через Днепр определял генералам Акселю Спарре, Лагеркроне, генерал-квартирмейстеру Гилленкроку, полковникам Герду, Гиерте, Дальдорфу и Гротгузену, статс-секретарю Мюллерну, нескольким писцам и служителям. Для прикрытия взял он из войск, не участвовавших в полтавском сражении, 1100 человек и, сверх того, оставшихся целыми драбантов и так назы-

ваемых одноупряжных (einspanner). Некоторые офицеры и солдаты заранее успели уйти за Днепр и могли пристать к королю в степи, так что всей военной силы, сопровождавшей короля в Турцию, могло набраться от двух до трех тысяч.

Гилленкрок успел отыскать на берегу Ворсклы несколько паромов и пустить их до Переволочны. На эти паромы посадили избранное войско. Запорожцы проводили через Днепр шведских лошадей и приводили в изумление своих иноплеменных союзников ловкостью, с какою они переправлялись вплавь, держась за гривы лошадей. Когда королю приближалось время переправляться, то кроме тех, которых король назначил для переправы с собой, на берегу стали толпиться шведские солдаты, пытаясь и сами, вслед за прочими, каким-нибудь способом перебраться за реку.

Ломали багажные телеги, усаживались на них, и на таких, наскоро сработанных плотках пускались в волны, а вместо весел употребляли тележные колеса. Однако сравнительно немного нашлось тогда шведов, которые таким способом перебрались на противоположный берег. Некоторые тут же утонули. Запорожцы переправляли войско, отобранное королем и посаженное на паромах. Они приготовляли веревки, один конец вправляли в паром, а другой держали в руках, и даже брали в зубы, и таким образом, пlying верхом на своих лошадях, перетаскивали союзников на другой берег. Переправа окончилась в одиннадцать часов ночи. В это время понесли и короля на берег реки, чтобы посадить его для отплытия. Успели взять его серебряный сервиз и немалые денежные суммы, доставшиеся ему с контрибуции, наложенной на Саксонию. Короля посадили в коляску, самую же коляску поставили на двух суднах, так что передние колеса стояли на одном, а задние на другом.

У берега подошел к нему Левенгаупт и сказал: «Ваше величество, всемилостивейший государь! Я человек небогатый. Если со мною что-нибудь случится, не оставьте моей жены и детей, чтобы им не пришлось нищенствовать».

«Ваша просьба будет исполнена, — отвечал король, — только и вы исполните в точности мои приказания, — сохранить в целости войско и перейти в татарскую степь».

Левенгаупт поцеловал королю руку.

В полночь отчалили от берега. 12 драбантов служили королю гребцами.

Отправивши своего короля, утомленное до крайности войско легло спать, а для безопасности оставлены были караулы.

Утром Левенгаупт и Крейц стали приводить в известность и порядок свои военные силы. Тут Крейц первый провозгласил зловещую новость: «Мы опоздали, — Меншиков уже за высотами». Вслед за тем на возвышении появилось 9000 русской кавалерии

с прибавкою пехоты. Русские от одного пойманного шведского полкового квартирмейстера узнали уже о бегстве короля за Днепр.

Таким образом, главная цель — взятие в плен короля и Мазепы — достигнута быть не могла. Оставалось русским разделаться с оставшимся шведским войском.

Но русское войско было тогда чрезвычайно истомлено быстрым маршем. Меншиков приказал бить в барабаны, чтобы шведам показалось, что на них идет большая сила, а князь Михайло Голицын позади войска, вдали поставил несколько сот лошадей с солдатами при них, чтоб издали они могли показаться шведам еще одним наступающим корпусом русских войск. В шведском войске сразу наступило уныние, и Левенгаупт сообразил, что нечего и думать бороться с неприятелем. Он послал к Меншикову генерала Крейца, полковника Дукера, подполковника Траутфетера и капитана Дугласа узнать, не расположен ли русский военачальник, не вступая в бой, заключить какие-либо условия. Меншиков от имени царя объявил им, что они должны сдаться на капитуляцию как военнопленные и выдать победителям все запасы и оружие. Шведы, чтобы дать время своему королю уехать подальше, думали тянуть переговоры о сдаче и просили у Меншикова дозволения снестись о таком важном деле с Левенгауптом. Меншиков дозволил Дукеру ехать к Левенгаупту, а Крейца с другими его товарищами задержал. Тогда Крейц, находясь у русских в стане, видел неприятную для него сцену; козаки приводили пленными к Меншикову шведов, бежавших из шведского лагеря, а другие шведы кучками сами являлись в русский стан, заранее избегая возможности сражения, которого не надеялись выиграть. Левенгаупт, получив через полковника Дукера требование Меншикова, собрал военный совет. Шведов было от тринадцати до четырнадцати тысяч, но из них тысяч до пяти было нездоровых и раненых, так что годных к бою могло набраться не более как от восьми до девяти тысяч. Левенгаупт сказал полковникам: «Проезжайте по своим полкам и спросите солдат, будут ли они драться».

Когда сделаны были полковниками такие запросы, три полка объявили, что готовы биться на жизнь и на смерть. Мужественнее всех заявила себя рота Альбедиля, состоявшая из самых опытных солдат. Когда подошли к ним, они лежали на земле и читали молитвенники. Им сделали запрос. «Зачем это нас спрашивают? — сказали они, поднявши головы. — Нас прежде не спрашивали; скажут, бывало, только: вперед! — и мы идем». Но иные не с такою охотой отзывались, хотя и не противились из чувства стыда, чтобы не показаться трусами; некоторые же не дали никакого ответа. Обо всем этом принес Дукер известие Левенгаупту, заметивши тогда же, что те, которые больше обещают и храбрятся,

первые убегают. Дисциплины в войске совсем не стало. Солдаты самовольно расхищали багаж.

Между тем Меншиков, вслед за Дукером, прислал парламента к Левенгаупту и торопил шведского военачальника скорейшим ответом. Левенгаупт выпросил еще один час и поехал сам лично обозревать свое войско. Он узнал, что во многих полках недостает уже половины солдат, а многие сдались уже русским, не дождавшись команды. Ясно было, что Меншиков не станет уже ждать более, и надобно было на что-нибудь решаться. В полдень Левенгаупт, соображая, что король уже отъехал далеко, послал сказать Меншикову, что сдается на капитуляцию. Запорожцы умышленно были изъяты от капитуляции Меншиковым. Узнавши это, они бросались в реку, предпочитая добровольную смерть мукам, которые ожидали бы их, если бы они сдались русским. Их примеру последовали некоторые раненые шведы; они не хотели идти в плен к русским, которых считали лютыми варварами. Они срывали сами с себя повязки и бросались в Днепр. Два шведских офицера прокололи друг друга шпагами. Но большинство вообще было довольны. Сдались в качестве военнопленных: три генерала, 11 полковников, 14 подполковников, 20 майоров, 250 капитанов, 300 поручиков, 320 корнетов и фендрихов и от тринадцати до четырнадцати тысяч рядовых. По русским известиям, число пленных — по одному — простиралось до 16 275 человек, по другому — 15 753, по третьему всех взятых в Полтавском бою и в Переволочне — 16 947.

Все запорожцы лишены были всякой надежды на сколько-нибудь милостивое и человеколюбивое снисхождение к себе, но не у всех достало отчаянной решимости утопиться в Днепре. Со шведским войском взято было их в плен русскими 220 человек.

Вслед за Меншиковым приехал в Переволочну сам государь. Тогда бывшие с Мазепою малороссияне, не успевшие с ним переправиться, терпя голод, решились отдаться на милосердие государя. По известию Голикова, царь оказал всем им пощаду, ограничивши кару над ними только тем, что приказал их обратить из козаков в посольство, т. е. в мужиков, и запретил им носить оружие. Это, вероятно, были прежние мужики, только недавно поступившие в козаки по приглашению Мазепы, увлекшись давно уже господствовавшей в посольстве страстью окозачиться. Таких было тогда 2700 человек. Не так милостиво относился царь к запорожцам, которые с своею Сечею были уже обречены царем на истребление в видах государственной безопасности и спокойствия. Их заковали и более виновных отправили на казнь, а других — на вечные времена в Сибирь. Государь принял очень ласково пленного Левенгаупта и всех его офицеров. Узнавши от них, что шведский король побежал в Турцию, Петр отправил в

погоню за ним бригадира Кропотова и генерал-майора Волконского с четырьмя конными полками.

Шведский король с остатком своей армии и Мазепа с кучкою соумышленников бежали по дикой степи в совершенном бездорожьи. Сначала за Днепром почва была болотиста, покрыта кое-где камышом и осокою, но потом беглецы очутились в необозримой степной равнине, в которой однообразие нарушалось кое-где выдававшимися из степного уровня возвышениями. По всем сторонам не мог увидеть глаз ни человеческого жилья, ни людей, ни домашних животных; беглецы увидали только множество дичи в высокой траве, никогда не кошенной и не сожигаемой. Не было ни малейшего признака леса. Туда шел путь в Брацлавское воеводство, путь, по которому ходили чумаки: там была проложенная последними дорога; там были еще развалины прежнего жительства, уничтоженного эпохою «Руины». Беглецы не пошли по этому пути, потому что их там могли удобнее нагнать русские. Они свернули влево и пошли не по проложенной дороге, а по такой девственной степи, что, казалось, нога человеческая не ходила там с сотворения мира. Идучи по степи, шведы охотились за дичью и за одичалыми овцами, которых встречали там во множестве. У некоторых шведов сохранилась провизия, взятая с собою. По замечанию очевидцев, нужда заставила всех делаться бережливыми и скупыми; все припрятывали полученную добычу. Сам король ел овсянку. Все войско было разделено на две половины: одна шла за королем, другая за Мазепою и его козаками. Конные ехали верхом; у редких не было вначале лошадей; пастбища были превосходные; дикая степь для лошадей представляла более удобств, чем для людей. Сам Мазепа ехал в коляске с какою-то козакою госпожою, которая, как видно, ухаживала тогда за дряхлым стариком. Потрясенный последним поражением, он, видимо, приближался к своему концу: постоянно лежал в подушках, едва в состоянии был привстать на ноги, и притом находился в ужасающей душевной тревоге, ожидая с минуты на минуту русской погони, от которой отбиться было уже невозможно. Тем не менее злосчастный изменник приносил еще своим союзникам большую пользу. Ему были известны все пути по этой дикой степи; он ходил по ней много раз и в молодости, и во время своего гетманства, когда воевал турецкие городки. Впрочем, не один Мазепа, а и другие бывшие с ним козаки обладали также знанием примет в безграничной степи и тем приводили в изумление шведов. Первый день беглецы проколесили по степи под томительным зноем в беспрестанном страхе появления погони, а к вечеру, руководимые Мазепою, добрались до какого-то болота. Тогда они обрадовались, думали, что после знойного дня могли, наконец, прохладиться и напиться воды. Но вода оказалась дур-

ная, хотя солдаты все-таки набирали ее себе во фляги, так как вожди предупреждали их, что на другой день долго не увидят воды. Тут беглецы постояли не более двух часов, и притом не выпуская из рук лошадей в опасности заснуть и потерять их, а некоторые, не в силах будучи преодолеть усталости, задремали, и лошади ушли от них искать пастбища. Проснувшись, они должны были пешком ловить их, и было несколько таких несчастных, что не успели за отходившими товарищами и остались в степи на произвол диких зверей или русской погони. В два часа пополудни беглецы двинулись далее, не выспавшись и не поевши как бы следовало. На рассвете они стали жаловаться на холод, который, к их удивлению, казался для них почти так же несносным, как дневной зной. С восходом солнца продолжали беглецы спешить, а часам к восьми началась такая же томительная жара, как и прежде, и еще хуже, потому что не утолялась даже и маленьким ветерком. К полудню увидели беглецы воду и сделали привал. Вода здесь была чистая, гораздо лучше той, какую довольствовались на ночлеге, но голод беспокоил многих. Козаки, привыкшие к татарским обычаям, резали лошадей, оставших и неспособных к дальнейшему пути, сушили на солнце мясо или клали под седло, чтобы оно там помякло и согрелось; шведы отвращались от такой ествы. На беду здесь не видно было дичи. Простоявши три часа, беглецы отправились снова и продолжали свой путь до полуночи.

В следующий, в третий день своего пути (14 июля нов. ст.) голодные беглецы увидели по сторонам зайцев, диких овец, дроф и стрепетов. Они занялись охотой. Травы были так высоки, что овцы бродили в них как в лесу, а птицы не могли летать высоко, и козаки не только их стреляли, но даже ловили руками. Набрали они немало такой добычи, но у них недоставало дерева развести огонь. Тогда козаки показали шведам туземный, степной способ топлива: они набрали конского навоза, скоро высушили его благодаря необычному солнечному жару, и, смешавши с сухою травой и камышом, сделали кизяк, развели огонь и приготовили себе жареную баранину и дичь. Шведы научались от них такому неизвестному для них способу. Другие козаки в густой траве нашли кустарники диких вишен, на которых, сообразно времени года, поспевают ягоды. Хотя они были кислы, но зной и жажда мучили всех пуще голода, и эта находка показалась очень пригодною. Следуя далее в путь, шведы, по указанию козаков, беспрестанно бегали в сторону рвать ягоды на вишневых кустах.

На следующий затем день (15 июля нов. ст.) наткнулись беглецы на дорогу, которая вела из Брацлавского воеводства в Украину. По ней ехали чумаки с солью. Козаки отняли у них соль, чтобы не давать этого необходимого материала неприятелю, кото-

рому соль должна была достаться. Они отняли также и лошадей, которых также, по татарскому обычаю, употребили в пищу. Так повествует современник, хотя для нас странно, что чумаки везли соль на лошадях, а не на волах, как это обыкновенно водилось.

Вот уже проходил четвертый день, а погоня, которой все так боялись, не показывалась. Русский отряд Волконского и Кропотова, посланный царем за Днепр, пустился в степь, не зная хорошо ее примет, и напал на след, оставленный повозкою. Ехал какой-то больной шведский офицер; он отстал от своих и заблудился. Хотя Волконский, как говорили, над этим офицером выместил свой собственный промах, но уже не мог догнать короля; самый швед, которого русские принуждали быть их вождем, не мог указать им пути. Это-то неожиданное событие спасло беглецов в эти опасные дни.

Мазепа, следивший за движением этого похода, объявил, что уже пройдена большая половина расстояния между Днепром и Бугом; по его совету Карл отправил польского генерала Понятовского и своего секретаря Клинковстрема к турецкому коменданту очаковской крепости просить сообщить Дивану о прибытии шведов и распорядиться приготовлением судов для переправы через Буг. «Паша, — говорил Мазепа, — мой давний приятель и все для меня сделает». Понятовский отправился, взявши с собой козаков в проводители. Доехавши до Буга, он не увидел там никаких признаков переправы и нашел там только пять рыбаков, показавшихся ему по наружному их виду разбойниками. Они за деньги перевезли его на лодке на другой, противоположный берег: это были уже турецкие владения. Там он нашел турецких рабов, из которых один оказался понимавшим по-французски; с ним мог Понятовский объясниться, не зная турецкого языка. Турецкий раб дал ему лошадь, и Понятовский на ней доскакал до Очакова. Остановившись в городском предместье, Понятовский просил караульных доложить о нем паше, но паша заставил прождать его до 9 часов следующего утра. Когда, наконец, его допустили к паше и он изложил ему просьбу короля дать суда для перевозки, то паша оказался вовсе не таким любезным, каким описывал его Мазепа. Он не прежде согласился, как после предложения ему 2000 дукатов. Тогда паша сказал, что пришлет пять судов с запасами для продажи шведам, и на этих судах может переправиться король. Понятовский обратным путем принес известие королю. Между тем паша очаковский послал дать знать сераскиру в Бендеры.

Тем временем шведы, отправивши вперед Понятовского, шли за ним и вступили в край несколько отличный от той степи, которую проходили прежде. Они дошли до Великого Ингула — первой реки, встретившейся им после Днепра. Почва была песчаная и бестравна. Они перешли Ингул и достигали до Буга. Не

доходя за милю от этой реки, пришлось им спать на ночлеге. И людям, и лошадям стало тяжело. Вместо превосходной травы, на солонцеватой степи росло плохое зелье. И воды хорошей не было. К счастью, козаки отыскали маленький родник, и когда разнесся об этом слух, все шведы бросились туда, и в одну минуту родник мог быть исчерпан, так что к роднику приставили караул, чтобы сохранить свежей воды, по крайней мере, для короля. На этом ночлеге явилась близ шведского стана стая волков, и своим страшным воем произвела большой переполох. Шведы долго не могли сообразить, что это значит.

Утром 6 июля (17 нов. ст.) после двухчасового пути беглецы приблизились к Бугу, который в этом месте, уже за несколько миль от своего устья, был шириною около двух верст. У берега стояли турецкие суда с присланными турецкими запасами. Голодные шведы с жадностью бросались покупать их, но, не зная по-турецки, только пальцами указывали на то, что желали купить, а сами развязывали свои кошельки, и продавцы брали из них, что хотели: шведы заметили, что турки с особенною жадностью хватались за червонцы. Всего привезли в изобилии: баранины, говядины, кур, хлеба, сухарей, разных пряностей, крымского и греческого вина, преимущественно красного, смокв, которые, по турецкому обычаю, продавались нанизанными на нитках. Баранина оказалась превосходного достоинства, хлебы были свежи и вкусны, вино приятное и крепкое. Сам король накупал всего этого для своих солдат, а один турецкий купец представил ему в дар барана, несколько кур и хлеба, за что король отблагодарил его 12 червонцами. Увидя это, другие турки стали подносить Карлу дары, чтоб и себе получить что-нибудь от его щедрот.

Но королю сообщили, что присылают судно только одно, для переправы его лично с несколькими господами, а для переправы всего войска нужно подождать разрешения из Константинополя. Ждать было невозможно. Козаки, рыскавшие по сторонам, принесли известие, что уже русская погоня приближается. Волконский, проблудивши в степи, исправил свою ошибку: он потерял время, чтобы нагнать беглецов в степи между Днепром и Бугом, но потом напал на след бегущих и шел к Бугу. Король послал к паше снова, ссылаясь на то, что сераскир уже прежде обещал ему приют в Турции с его войском. Паша остался непреклонен. Он дозволял переправиться только королю с приближенными особами, а прочим шведам запретил давать суда. Некоторые тогда же толковали, что очаковский паша потому именно не пускает шведов, что с ними находится Мазепа и козаки: турки мстят теперь козакам за то, что они делали нападение на Очаков. Другие подозревали даже, что турки нарочно хотят задержать шведов и козаков, чтоб их выдать русским и за то получить от царя награду. Тогда шведы и козаки

обратились к купцам, приехавшим с товарами, и обещали им немало денег, лишь бы они дали суда переправиться на другую сторону. Купцы артачились, хотели сорвать с них побольше и отговаривались тем, что не смеют этого сделать без дозволения паши. Так прошел целый день, прошла за ним ночь. Утром 7 июля (18 нов. ст.) шведы самовольно начали хватать суда, бросая, однако, за них деньги хозяевам, и поплыли. В одном судне сел король с Мазепою, генералы и козацкие старшины: запорожцы были у них гребцами. Хозяин судна, увидя, что королевские офицеры и драбанты хотят взять другое судно, поднял крик и требовал, чтобы шведы вернулись назад. Шведы не слушали. Турок кричал: «Стрелять!» Шведы стали показывать ему карабины и сабли. Однако все ограничилось взаимною перебранкою. Турки успокоились и даже помогали шведам и козакам в переправе, потому что им заплатили по два червонца за каждого человека. Козаки переправлялись вплавь, держась за хвосты своих лошадей. За полмили вверх они увидели отмель, поплыли туда и оттуда тем же способом удобнее добрались до противоположного берега.

По вине упрямого очаковского паши, продержавшего беглецов понапрасну на левом берегу Буга, не все шведы и козаки успели благополучно перебраться на турецкий берег. Наскочила русская кавалерия с Волконским, когда еще от 800 до 900 человек шведов не успели отчалить от берега. Часть их была загнана в реку и утонула; другие, числом до пяти сот, были взяты в плен и принуждены были совершать обратно пройденный уже ими путь по дикой степи; некоторые из таких не вынесли утомления и умерли. Были такие, что, завидя русских, бросались в реку, но не утопились подобно своим отчаянным товарищам, а спрятавшись в тростниках, просидели там до тех пор, пока русские не отошли; потом благополучно перешли через реку вплавь и соединились со своими. Удачно избежали беды и козаки, которые не успели прежде переправиться: они, как только завидели русских, тотчас пустились бежать в широкую бесприметную степь; она многим из них была известна, а русские не осмеливались искать их там, как в море.

Переправившись через Буг, следовало идти в Бендеры. Путь лежал вблизи Черного моря вдоль Днестра. «Мы думали, — говорит шведский описатель этого последнего путешествия Карла с Мазепой, — что теперь наши неудобства кончились, мы будем проходить через жилые места, находить везде приют и средства содержания. Но еще не пришел конец всем нашим печалям. Опять пустыня, зной, томительная жажда, бессонница». Теперь, правда, беглецам было что есть, потому что за ними из Очакова ехали торгошники с съестными припасами; они хотя были невысокого достоинства и продавались по высоким ценам, но все-таки и то было хорошо, что шведы могли что-нибудь достать, а не терпеть

голод, как прежде. Некоторые закупили себе в Очакове крытые войлоком повозки в одну лошадь, и такие повозки служили им для спасения от зноя, а ночью для спанья. В них сберегали они себе и дорожные запасы.

Два дня простояли шведы близ Очакова. В это время Карл отправил в Константинополь немца Нейгебауэра, который служил некогда в Московском государстве, был в приближении у царя, учил его сына, а потом перешел к шведам. Король вручил ему письмо к падишаху. В этом письме король сообщал о своем несчастье, просил дать ему убежище в султанских владениях и оказать содействие к возвращению в отечество через Польшу. О полтавском поражении и о бегстве шведов падишах уже знал от аги, бывшего недавно у шведского короля и скоро побежавшего домой, чтоб известить своего государя о том, что случилось под Полтавою.

На другой день после отправки Нейгебауэра (23 июля нов. ст.) приехал к Карлу от сераскира посланец из Бендер. Сераскир писал королю разные мудрые утешения и приглашал в Бендеры. Он присылал королю в дар разные турецкие товары и между прочим превосходный шатер, в чем действительно король нуждался. Крымский хан прислал Карлу в подарок коляску, запряженную четырьмя лошадьми. Король подарил обоим посланцам — и ханскому и сераскирову — по тысяче червонцев.

После продолжительного и спокойного пути по знойной аккерманской степи полтавские недобитки достигли, наконец, Бендер 1 августа (12 нов. ст.). Там королю сообщили, что царь посылал просить падишаха не принимать под свое покровительство изменника Мазепу, а выдать его царю. Падишах отверг такое домогательство. У мугамедан считалось противным Корану выдавать тех, которые, будучи гонимы судьбою, прибегают под их покровительство. Царский посол Толстой напрасно предлагал великому муфтию 300 000 талеров за содействие к выдаче Мазепы. Два раза сряду была повторена царем такая просьба к падишаху (июля 10-го и 27-го стар. ст.). Подобное предложение царь сделал и своему сопернику. Пока была надежда поймать бежавшего из-под Полтавы шведского короля, Петр задержал присланного к нему генерала Мардефельда; но узнавши, что соперник перебрался в турецкие владения, царь отпустил Мардефельда и бывшего в плену королевского секретаря Цедергельма и поручил им словесно сообщить шведскому королю, что он, царь, готов заключить мир, если Карл уступит ему всю Ингрию, Карелию с городом Выборгом, Эстляндию с городом Ревелем и Лифляндию, признает Августа польским королем и выдаст царю изменника Мазепу. Такие условия были сообщены Карлу в Бендерах. Король отверг их, и особенно раздражился за требование выдать Мазепу. В таком смысле он послал протест свой графу

Пиперу, находившемуся в плену. Когда Петру сообщили этот протест, он заметил, что его требование относительно выдачи Мазепы таково, каково было требование Карла от Августа выдать ему Паткуля. Это настойчивое желание гневного царя во что бы то ни стало добыть в свои руки павшего изменника окончательно потрясло старика. Его жизненные силы и без того уже были так надорваны последовательными ударами судьбы, что нужна была необыкновенно твердая, закаленная в бедах козацкая натура, чтоб эти силы еще держались. Теперь они окончательно исчезли. Сераскир принял Мазепу ласково, сообщил ему, что падишах приказывал беречь его; но Мазепа хорошо знал нравы и обычаи мусульманского Востока. Он знал, что при оттоманском дворе червонцы пользуются громадным могуществом. Если Петр, которого Мазепа знал всегда бережливым, не щадил уже больших сумм единственно из-за того только, чтобы добыть хилого старика в свои руки, то Мазепа мог опасаться, что еще два-три таких настойчивых домогательства, сопровождаемых подарками, и Диван прикажет его выдать. Этот страх ускорил разрушение одряхлевшего организма. С прибытия своего в Бендеры Мазепа уже не покидал постели и с каждым днем угасал все более и более. Он умер 22 августа. Распространяли слух, будто он, от страха быть выданным Петру, отравил себя ядом, но это известие не имеет за собою никакой исторической достоверности. Тело его было, по распоряжению Войнаровского, отвезено Григорием Герциком в Галац и там опущено в землю, вероятно, в тамошнем монастыре. По шведским источникам, спустя немного времени перевезли гроб его в Яссы и там совершили торжественные похороны. Карл присутствовал при отдаче последнего долга своему союзнику. Впереди погребального поезда играли королевские трубачи; гроб, обитый красным бархатом с широкими золотыми позументами, везли на повозке, запряженной шестью белыми лошадьми. По обеим сторонам его шли рядами козаки с обнаженными саблями. Перед гробом гетманский бунчужный нес гетманскую булаву, блиставшую жемчугом и драгоценными камнями. За гробом шла толпа малороссиянок, следовавших за мужьями и родными, приставшими к гетману; по народному обычаю они голосили и кричали. Сзади за ними ехали верхом два тогдашние претендента на гетманство: неизменный товарищ и доверенный Мазепы Орлик и более всех родственно любимый покойником его племянник Войнаровский. За ними следовали все старшины. Козаки шли с опущенными вниз знаменами и оружием; гроб малороссийского гетмана опустили в могилу, приготовленную в церкви, находившейся за городом, и козаки, в знак почести, в эту минуту дали залп из своих мушкетов.

В Малороссии составилось предание, сохранившееся до сих пор, будто Мазепа не умер и не был погребен в Молдавии, а для вида устроили там фиктивные похороны сам же бывший гетман тайком пробрался в Киев, принял иночество, а потом и схиму в Печерской лавре под чужим именем и там окончил дни свои в покаянии. Эта легенда, переходившая из уст в уста, не подтверждается никакими фактами и соображениями, так же точно, как и анекдот, сообщенный фальшивою историей Кониского, будто Мазепа перед смертью приказал принести к себе свои бумаги и сжег их с тем, чтобы не открылось участие в его замысле таких лиц, о которых никому и в голову не приходило. «Пусть, — говорит он, — я один буду несчастен; я хотел счастья своему отечеству, но судьба решила иначе на непредвиденный конец».

О последних минутах гетмана не осталось нам достоверных известий. Мазепа оставил после себя 160 000 червонцев, из которых король взял себе 40 000 взаймы; по другим известиям, Карл еще прежде занял у Мазепы 240000 талеров, обещая в случае кончины Мазепы заплатить его племяннику Войнаровскому. Это подало повод к известию совершенно легендарного свойства, будто Мазепа, собираясь приставать к шведам, послал Карлу 30 возов, наполненных золотыми и серебряными монетами. Как бы то ни было, Мазепа успел увезти с собой в изгнание и оставить после своей смерти значительную по тому времени сумму. Все это были ничтожные обломки огромного богатства, которое он приобрел в Украине во время своего гетманства, благодаря щедротам искренно любившего его Петра. Все его имения — и жалованные, и купленные — были конфискованы. Множество движимого имущества и принадлежавших ему денежных сумм отнято русскими. Все нажитое им и правыми, и кривыми способами пошло прахом, как и все его планы, замыслы и затеи.

После смерти Мазепы, по воле короля, козаки должны были выбрать себе нового гетмана. Но голоса разделились. Два соперника стали один против другого: Орлик и Войнаровский. Спор между ними доходил до того, что Орлик подозревал у Войнаровского замыслы на свою жизнь. Тогда выдвинулся еще третий претендент — прилуцкий полковник Горленко, свойственник Мазепы по жене последнего. Однако избран был Филипп Орлик, так как ему покровительствовал король шведский, прежде расположенный к Войнаровскому, но потом увидавший, что Войнаровского за молодостью не хотят выбрать. Нового гетмана в его звании могли признавать только одни чужие люди — шведы да немногие козаки, которые находились с ним в изгнании, так как во владении у него не было ни одного сажня козацкой земли.

Гетман Мазепа как историческая личность не был представителем никакой национальной идеи. Это был эгоист в полном смысле этого слова. Поляк по воспитанию и приемам жизни, он перешел в Малороссию и там сделал себе карьеру, подделываясь, как мы видели, к московским властям и отнюдь не останавливаясь ни перед какими безнравственными путями. Самое верное определение этой личности будет сказать, что это была воплощенная ложь. Он лгал перед всеми, всех обманывал — и поляков, и малороссиян, и царя, и Карла, всем готов был делать зло, как только представлялась ему возможность получить себе выгоду или вывернуться из опасности. Он воспользовался существовавшим у малороссиян желанием сохранить автономию своей страны и свою национальность и обманывал старшин, будто у него план — приобрести для Украины самостоятельность. Но на самом деле, как показывает его тайный договор с Лещинским, он думал отдать Украину под власть Польши, иначе сказать, он в старости делал то, что делал в юности, когда король Ян Казимир посылал его агентом в Украину проводить план возвращения этого отпавшего от Польши края к прежнему господству. Он и не мог добиваться перед королями шведским и польским независимости Украины: Станислав, как польский король, не мог и не должен был отречься от наследственных прав Речи Посполитой на Украину: притом сам Мазепа знал хорошо, что народ, ненавидевший его, не будет повиноваться новой династии, которая должна была начаться с него, Мазепы. Он благоразумно выговаривал себе владение в белорусском крае, а Малороссию отдавал на жертву междоусобной войны, которая неминуемо вспыхнула бы с поляками, если бы Украина поступила под польскую власть, — это Мазепа знал по опыту, разыгравшемуся уже в Правобережной Украине. Но ему не жаль было того народа, у которого он за 20 лет своего правления не мог приобрести любви. Что он только обманывал своих малороссийских соумышленников призраком независимости, а на самом деле собирался ввергнуть их со всею страной в рабство, — в этом не может быть сомнения, и Петр, обличавший в том Мазепу перед всем малороссийским народом, был совершенно прав; шведский историк, королевский секретарь, близко стоявший к делу и лично видевший Мазепу, сообщает о его коварном замысле без всякой задней цели чернить нового шведского союзника. Не доверять этому источнику нет никакого основания. Ясно, что Мазепа не изменил бы царю Петру, если бы не показалось ему, что, так сказать, акции царя падают, а акции Карла поднимаются. Карл заставил Августа отречься от польской короны. Карл ограбил Саксонию контрибуциями; польские паны один за другим спешили признавать королем Ста-

нислава; государства европейские присылали Карлу поздравления и благожелания. Карл собирался идти расправляться с царем. Между тем в царской державе происходили внутренние смуты, а царские войска терпели от шведов и поляков поражения за поражениями. Уже царь трепетал даже за свою столицу и собирался увозить оттуда все драгоценности, чтоб они не попали в руки врагов. В таких-то обстоятельствах эгоист-гетман не задумался изменить своему благодетелю, и, конечно, думал, что он совершает акт мудрой и проницательной политики. Но не прошло и месяца, как Мазепа увидал, что ошибся. И большинство козаков, и весь малороссийский народ — все пошло не за него, а против него. Думая оказать важную услугу царскому неприятелю, он причинил ему только зло. И что же? Не задумался Мазепа изменить и своему свежему союзнику, замышлял он, как мы видели, купить его гибелью свое примирение с оскорбленным царем. Никогда во всю свою жизнь не проявил себя этот человек во всей полноте, как в этом новом замысле. Но коварство не удалось. Нить, которую он начал вести так осторожно, оборвалась прежде времени. Приходилось вместе с подведенным в беду героем отважиться на конечную гибель.

Во всей русской истории ни одно сражение не имело таких важных последствий, как Полтавское, и ни одно, исключая разве Куликовской битвы, не отпечатлелось до такой степени в народной памяти. Церковь русская освятила его навеки ежегодным воспоминанием. И в самом деле, счастье для Русского государства было неизмеримое. Честь Русской державы вырвана была из бездны почти неминуемой. Опасность была чрезмерно велика. Если бы, как того надеялся Карл, малороссийский народ прельстился обольщениями своего гетмана и славою северного победителя, Петру ни за что бы не сладить с своим соперником. И если кто был истинным виновником спасения Русской державы, то это — малороссийский народ, хотя эта сторона дела не выставлялась до сих пор историею в настоящем свете. В последнее время много было говорено о внутреннем смысле, какой проявляет масса народная в важные минуты своего исторического бытия. Нигде эта истина не явилась так наглядно, как в эпоху Мазепы. Нельзя сказать, чтобы в те времена народ малороссийский питал какую-то привязанность к Русской державе и к соединению с «москалями»; напротив, мы на каждом шагу натываемся, так сказать, на факты взаимного недружелюбия и даже вражды между двумя русскими народностями. Нельзя сказать также, чтобы народ малороссийский не сознавал своей народной личности и не желал национальной независимости. Много было условий, делавших возможным отпадение малороссиян от верности к русскому царю. И однако вышло не то. Народ ин-

стинктивно почуял ложь в тех призраках свободы, которые ему выставляли. Он уже и прежде лучше самого Петра и его министров раскусил своего гетмана, считал его ляхом, готовым изменить царю с тем, чтоб отдать Украину в рабство Польше. Никакие уверения изменника, никакие лживые обвинения, рассыпаемые им на московские власти, не переменяли к нему народной антипатии. Народ инстинктивно видел, что его тянут в гибель, и не пошел туда. Народ остался верен царю даже не из какой-либо привязанности, не из благоговейного чувства к монарху, а просто оттого, что из двух зол надобно было выбирать меньшее. Как бы ни тяжело было ему под гнетом московских властей, но он по опыту знал, что гнет польских панов стал бы для него тяжелее. Под русскою властью, по крайней мере, оставалось для него всегда духовное утешение — вера его отцов, которую никак уже не могли бы попирать «москали», как бы ни относились они ко всем остальным народным правам. Этого одного уже было достаточно.

Между тем последующая история показала, что русская власть еще менее, чем русские историки, оценила в этом деле здравый смысл малороссийского народа и заслугу, оказанную им Русскому государству. Измена Мазепы ни в каком случае не могла падать на малороссийский народ, который в продолжение двадцати лет так не любил этого гетмана, что последний должен был охранять свою особу великороссийскими стрельцами и солдатами, присылаемыми ему по царской милости. Малороссийскому народу следовало быть совершенно изъятым от пятна, павшего на Мазепу: народ за Мазепой не пошел. Память о Мазепе не испарилась совершенно в народе, но осталась никак не в привлекательном виде. В народных песнях и преданиях — это какое-то злое и враждебное существо, это даже не человек, а какая-то лихая, проклятая сила: «Проклята Мазепа!» Более всего сохранилась в народной памяти его борьба с Палеем: Мазепа хочет сам свергнуть царя с престола и клеветает на Палея. Палея ссылают или засаживают в тюрьму, но скоро открывается злоба «проклятой Мазепы». Палей, хотя уже дряхлый старик, получает свободу и побеждает Мазепу. Самая Полтавская победа, по народному мировоззрению, приписывается Палею. Однако измена Мазепы оставила надолго, если не навеки, подозрение русских властей на малороссийскую народность. Во все остальное царствование Петра в отношении к Малороссии замечалась осторожность, переходившая неоднократно в насилие. Преемник Мазепы, Скоропадский был до того стеснен недоверчивостью верховной власти, что должен был терпеть нарушение своих прав, предоставленных ему законом. После кончины его одно только вполне справедливое и законное ходатайство о вы-

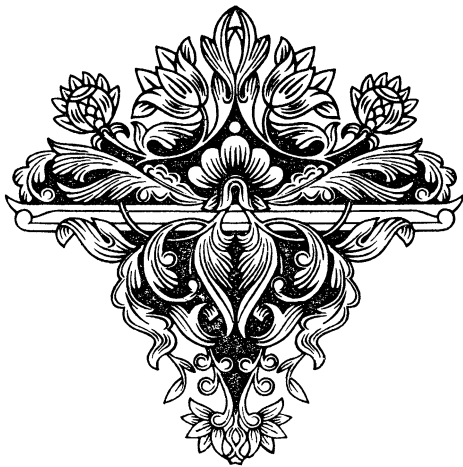
боре нового гетмана повергло Полуботка с его товарищами в заточение и повело к устройству фальшивого отзыва будто бы от всего народа о нежелании иметь гетмана. Потом в продолжение многих лет заставляли Малороссию управляться без выборных властей при посредстве особо учрежденной Малороссийской коллегии, состоявшей главным образом из великороссиян, мало знакомых с малороссийским бытом и языком. Появление избранного гетмана в особе Апостола было только коротким промежутком. Так было до избрания в гетманы Разумовского при императрице Елисавете, которая, однако, только по особому расположению к семейству Разумовских, по-видимому, оказала уважение к старинным формам. Со вступлением на престол Екатерины II русская государственная политика нашла окончательно несообразным с своими видами удерживать отдельное гетманское устройство. Оно действительно имело рядом с хорошими сторонами и некоторые отжившие, требовавшие коренных изменений. Но предприняты ли были такие изменения в пользу народа? Если и были, то мало, напротив, из видов политики принято было известное правило: *divide et impera*¹. Опасались, чтоб уничтожение порядка, к которому страна привыкла уже веками, не возбудило в ней смут, и вот создали небывалое в Малороссии дворянство, которое, как показывает история, всегда бывает язвою там, где не вырабатывается само собою из исторической жизни, а навязывается по теории. Поспльство закрепощается во власти этого новоизмышленного дворянства, и таким образом народ разбивается на два сословия, противоположные по своим интересам. Правда, зародыши такого строя существовали уже прежде в отношениях между богатыми землевладельцами и селившимися у них бедняками. Но то бывали злоупотребления, всегда сознаваемые как таковые, а с нового порядка вещей они узаконились, и Малороссия, наравне со всею остальною Россией, подверглась надолго всей мерзости крепостничества, от которого облегчилась только в недавнее время. Кроме того, в великорусском народе измена Мазепы, несмотря даже на царские указы, объяснявшие непричастность малороссийского народа к поступку бывшего когда-то гетмана, не забывалась, и память о ней набрасывала всячески тень на все грядущие поколения. Великороссиянин, рассердившись на малороссиянина, первым делом считает помянуть Мазепу, и выражение «хохол-Мазепа» остается во всей силе до нашего времени. Даже в последнее, близкое к нам время, чему, как не памяти о Мазепе и его измене, можно приписать гонение на «украинофилов» — подозрение, что в намерениях дать малороссийскому народу воспитание с сохране-

¹ Разделяй и властвуй (лат.).

нием своей речи и своей индивидуальности, в стремлении поднять путем литературной обработки родное наречие малороссийского края кроется какое-то тайное политическое измышление, вредное для государственной цельности Русской империи? Все это — прямое последствие не вполне понятого администрацией и литературой отношения малороссийского народа к самому себе и к своим соседям в эпоху Мазепы. Если в те времена, когда действительно поступки московских властей возбуждали в народе возможность стать враждебно к Русской державе, народ этот из инстинктивного чувства остался верен этой державе, то невозможно подозревать что-нибудь подобное теперь, когда эти два народа настолько сблизились и соединились, что их расторжение уже немисливо в силу освященного опытом сознания обоюдной пользы их соединения.

МАЗЕПИНЦЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Федеративность и московская политика. — Мазепа как поляк. — Народ малороссийский против Мазепы. — Малочисленность мазепиной партии. — Лебедин. — Суд и расправа над мазепинцами. — Опоченок. — Дубяга. — Лохвицкий сотник Яременко. — Гамалея и Мартосенко. — Данило Тарашенко и Яков Кудин. — Поп Мловский. — Сельский поп из Лубенского полка. — Люди Ломиковского. — Городецкий и Пекалицкий. — Миргородский полковник и другие переходят обратно от Мазепы к Петру. — Полтавский полковник Левенец. — Гамалея и Андрей Горленко.

В предшествовавшей исторической монографии «Мазепа» было указано, что замысел изменить царю Петру и перейти на сторону его неприятелей не выработывался и не созрел в течение многих предыдущих лет, а возник уже незадолго до события, так громко и вместе так позорно обесмертившего память Мазепы. Этот малороссийский гетман был по своей натуре эгоист; он был искренно верен царю Петру до тех пор, пока Петр был силен, пока Петру не угрожал могучий враг, в многолетней борьбе с ним достигший таких успехов, что уже можно было, казалось, смело пророчить ему скоро окончательное торжество. Он уже уничтожил в прах польского короля Августа, Петрова союзника, и готовился расправиться с последним своим врагом — с русским государем. Вся Европа посылала шведскому герою поздравления и пожелания дальнейших успехов. Сам Петр уже терял надежду на успех и просил мира; но гордый победитель не хотел мириться иначе, как на условиях, унижительных для России. Ничто не допускало опасаться, чтоб слава шведского короля скоро затмилась. Шведский король заранее объявлял поставленному от него польскому королю Станиславу, что намерен, победивши Петра, возвратить Польше отнятые от нее Россией области. В числе таких областей была и Малороссия, где управлял Мазепа в звании гетмана войска запорожского. Легко было рассудить, что вместо невольного присоединения к Польше, лучше было заранее изъявить желание соединиться с нею добровольно. У

тогдашних культурных малороссиян, получавших все задатки образованности не иначе, как из Польши или через Польшу, давно уже засели в голове принципы знаменитого гадяцкого договора с его неудавшимся русским княжеством, с его самостоятельностью Украины, федеративно связанной с Польшею. Народ украинский не принял этого договора, потому что от него отвращала каждого истого малороссиянина одна мысль о каком бы то ни было единении с поляками, заклятыми врагами; заключивший этот договор гетман Иван Выговский был изгнан, а его сотоварищ и, как нам кажется, истинный автор этого договора, Юрий Немирич, заплатил за него жизнью. С своей стороны и тогдашние поляки находили этот договор невыгодным для своей шляхетской Речи Посполитой и сами, при самом зачатке, содействовали его неосуществимости. Впоследствии, однако, поляки сознали свою ошибку и стали понимать, что этот договор представлял наилучший способ удержать в связи с Речью Посполитою отходившую от нее южную Русь и тем предохранить свое отечество от неминуемого и скорого разложения, так как уже тогда видно было, что если уже начали от Речи Посполитой отпадать одни области, то со временем станут отпадать и другие и, наконец, придет тот страшный час, когда вся Речь Посполитая разобьется вдребезги. В видах предотвращения от своего отечества грядущих бед, поляки стали мирволить козацкому желанию самостоятельности в федеративной связи с другою странюю, хотели только, чтоб эта страна была Польша и выставляли козакам гадяцкий договор желанным идеалом для Украины, а когда приходил случай снова близкого осуществления этого идеала, то старались оставить в этом договоре только то, что было удобно для них самих, и выкинуть из него то, что им было не по душе. Так сделалось при Дорошенке, когда, согласившись с последним на примирение на основании гадяцкого договора, они предпочли сойтись с соперником Дорошенка, Ханенком, который соглашался мириться, выбросивши из гадяцкого договора то, что поляки считали неудобным. Правду сказать, суть этого гадяцкого договора, т. е. федеративная самобытность Украины, по духу не была противна малороссиянам. Богдан Хмельницкий, освободивший козаков от шляхетского господства, не только не был противен федеративной идее, но полагал ее в основу будущим политическим стремлениям Украины. Если мы припомним, каковы были требования Богдана Хмельницкого, предъявленные послам Речи Посполитой, прибывшим к нему после первых успехов его над поляками, то найдем, что они были очень умеренны и представляли в очертании то, что оформилось более выпукло в гадяцком договоре. Последующие события научили Хмельницкого и всех вообще малороссиян не верить полякам и искать союза и опоры у других, но принцип в основе лежал все тот же. Малороссияне легко понимали, что ни их внутренние силы, ни географические

условия положения их края и их соседства не дадут им возможности образовать из себя самобытно отдельного, ни с кем не связанного государства, но их самобытность может держаться только в связи и в постоянном союзе с другою державою, так, чтоб этот союз поддерживался обоюдною выгодой для двух сторон находиться в таком союзе. Такой державы не находилось, и независимость Украины в федеративной связи с другим политическим телом осталась только идеалом и Хмельницкого и после него на долю всех его соотечественников, которым дозволял их умственный кругозор думать о политическом строе их отечества. Хмельницкий делал попытки устроить федеративную связь то с Турциею, то с Московским Государством, то даже с тою же Польшею, если б только эта Польша могла сколько-нибудь измениться. Невозможность уладить дела ни с турками, которых малороссияне боялись, ни с поляками, которым малороссияне не верили, заставляла их предпочитать связь с Московским Государством и с его народом, для украинцев единоплеменным и единоверным. Если бы Московское Государство сочувственно и притом искренно отнеслось к федеративному идеалу малороссиян, то, без сомнения, оно в понятии украинцев не нашло бы себе опасного соперничества ни в Польше, ни в Турции и, вероятно, ни в какой иной державе. Но московская политика не допускала такого идеала, и присоединение Украины к Московскому Государству понимала не иначе, как в смысле обращения вольных козаков в царских холопей, — так, чтобы народ южнорусский усвоил себе народность севернорусскую и слился с народом Московского Государства до потери собственного личного бытия, чтобы не представлялось разницы ни в администрации, ни в задачах внутренней общественной жизни, чтобы всякие этнографические особенности изгладились. Таков был идеал московской политики по отношению к Украине после присоединения последней к Московской державе, — идеал, часто по благоразумию скрываемый, но почти всегда прозрачно видимый и всегда противный малороссиянам всех званий и состояний. Против этого-то московского идеала стоял, так сказать, ребром другой своеобразный идеал, выработанный предшествовавшею историею Украины, — идеал федеративной связи. Но с кем возникнуть могла такая связь после того, как Московская держава, принявшая Украину в свое лоно, не хотела знать того, чего желала Украина? Конечно, с тем, кто бы согласился принять Украину с искренним намерением уважать ее политический федеративный идеал. Но такого союзника не было; приходилось терпеть московскую власть, особенно, когда она была сильна.

Успехи Карла XII заставляли думать, что сила московской власти скоро пошатнется и сама судьба стечением обстоятельств укажет Украине, что наступает час подумать самой о себе. Для Мазепы, как для бывшего покоёвого при дворе польского короля Яна

Казимира, который посылал этого покоёвого в Украину в качестве королевского агента, когда шел вопрос об удержании так или иначе Украины под властью Речи-Посполитой — какой идеал мог быть желаннее соединения Украины с Польшею на основаниях более или менее близких к гадяцкому договору! Но в своих тайных сношениях со Станиславом Лещинским и его покровителем, шведским королем, уступая Украину Польше, а себе выговаривая удельное княжение в Белоруссии, Мазепа должен был скрывать это от малороссиян, а между тем возбуждать их против Московской державы, чтобы, когда придет время, найти их готовыми пристать к его замыслу. Он манил их призраком независимости. Немало было способных увлечься таким призраком, по крайней мере, в кругу тогдашних генеральных и полковых старшин и войсковых товарищей, составлявших в крае интеллигентный класс, для которого был доступен политический кругозор. С самого вступления своего в гетманский сан Мазепа старался расположить к себе этот класс, — и за то во все продолжение двадцатидвухлетнего его гетманства не терпели этого гетмана простолюдины, бедняки, всегда ненавидевшие знатных и богатых по общей человеческому существу завистливости: Мазепу считали покровителем и потатчиком своевольтства значных и их гнета над людьми простыми и убогими. Никто из гетманов не надавал столько универсалов на маетности, подтвержденных потом царскими грамотами, никто, как Мазепа, через это не наплодил в Украине столько так называемых панов, отдавая им в распоряжение живущих на их землях посполитых. Во многих своих отписках в Приказ гетман Мазепа часто обвинял простой украинский народ (посполство) в склонности грабить панов и вообще зажиточных людей, и тут же отвергал справедливость слухов, будто паны, владельцы маетностей, делают живущим на их землях крестьянам какие-то насилия и угнетения. Как бы в отместку Мазепе, малороссийское посполство заявило себя против него в самые критические для него минуты. В 1708 г., как только разнесся в народе слух, что гетман изменяет царю и переходит к царским неприятелям, в разных местах начались бунты против старшин и посягательства грабить и бить значных и богатых людей. Между прочим, так произошло в Полтаве. Полтавский сотник Зеленейский привез в Полтаву известие о переходе Мазепы к шведам. Тотчас стали в городе скопляться мужики из окрестных сел и деревень и кричать, что вот, наконец пришла пора обдирать старшин и всех значных и богатых; от этого все, что было там значного и богатого, бежало искать себе спасения в иных местах. Так убежало тогда из Полтавы семейство Герциков. Люди значные, сыновья бывшего некогда полковником полтавским, владельцы маетностей в Полтавском полку, Герцики убежали от разъяренной толпы черного люда за Днепр, с намерением укрыться в Корсуне, где у них был собственный двор, но когда

доехали до Чигирина, оттуда по настоянию соумышленников Мазепы, Гамалеи, Кандыбы и Мокиевского, последовали они снова на левую сторону Днепра и очутились в Ромнах при Мазепе. Таких во всей Гетманщине явилось бы, может быть, гораздо более того, сколько их набралось тогда, если бы Мазепе не пришлось иметь дело с государем великого ума и непреклонной энергии, каким был Петр Первый. Но партия Мазепы не могла разрастись еще и оттого, что Мазепа не прилагал старания, чтоб дать возможность разрастись ей. Мазепа, как все эгоисты, был труслив за свою шкуру, крайне осторожен и не твердо уверен в осуществимости своей цели, в действительности избранных средств. Да и времени у него было мало, так как и замысел изменить Петру возник у него не раньше года до события. Мазепа в свои планы посвятил только немногих, почему-либо стоявших близко к нему, преимущественно своих родственников и свойственников. Многие старшины генеральные и полковые не знали о его замысле. От этого и число соучастников отпадения от царя оказалось невелико. Правда, мы почти не в состоянии произнести о таком числе хотя бы самый приблизительный приговор, тем более, что те, которые заявили себя его соучастниками, а потом попадались в руки царского правосудия, или сами заранее прибегали к царскому милосердию, обыкновенно выставляли себя не знавшими истинных замыслов Мазепы, а винули только в том, что повиновались гетману и должны были следовать туда, куда он вел их или посылал, не смея у него допрашиваться о дальнейших его намерениях. Были и такие, что с первого раза с сочувствием пристали к замыслам своего гетмана, но после, заметивши, что нельзя надеяться на удачу предприятия, впору припрятались и показывали вид, что не знали ни о чем и нимало не сочувствовали тому, что было противно царю-государю. Само собою разумеется, никто не в силах теперь открыть таких, а таких-то было, без сомнения, очень много. Можем, следовательно, говорить только о тех, которые, ставши соумышленниками и соучастниками гетмана Мазепы, бежали вместе с ним после полтавского боя, или же о тех, которые сами сознались в своем соучастии с Мазепой — добровольно или невольно. О таких только лицах мы и сообщим теперь сведения, почерпнутые из официальных и частных архивов.

Мы упомянем прежде всего об одном соумышленнике Мазепы и притом, как можно думать, немаловажном, умершем во время стоянки Мазепы с Карлом XII в Ромнах и этой смертью избежавшем вероятной возможности понести жестокую кару от московской власти. Это был Згура, родом грек, или молдаванин, вообще кто-то из христиан Балканского полуострова. Он уже давно поселился в Украине и был неоднократно посылаем гетманом в турецкие владения с разными поручениями. Мазепа выставлял его московской власти, как человека сметливого, ловкого и преданного царю.

Но втайне Згура пристал к замыслу Мазепы и тогда исполнял такие поручения, о которых сам не посмел бы нигде заикнуться. Незадолго до прибытия шведских войск в Украину Згура был посылаем к сераскиру-паше. Хотя в донесении Мазепы говорится о посольстве этого человека в видах пользы для московского правительства, но так как в это время Мазепа уже был окончательно готов встречать в Украине врагов Петра, то очень может быть, что Згура у сераскира исправлял от Мазепы поручения, полезные более для шведского короля, чем для русского царя. Подобные поручения возлагались и на какого-то болгарского экс-архиерея, передававшего известия от Мазепы шведскому королю и Станиславу Лещинскому и привозившего известия от них к Мазепе. Не знаем, что случилось с этим экс-архиереем.

Из открытых соумышленников гетмана Мазепы более известными нам стали те, над которыми производились следствие и суд. Это происходило в Лебедине, где была главная царская квартира в конце 1708 и в начале 1700 годов. В *Истории Русов*, приписываемой белорусскому архиепископу Георгию Конискому, рассказывается, будто в Лебедине происходили страшные казни и погибло множество малороссиян, не только действительно виновных, но и невинных, казненных по одному подозрению. Это известие принадлежит к разряду таких, о которых можно сказать, что хотя они вероятны, но неверны. Это известие вполне совпадает с суровостью Петра, без всякого сострадания казнившего государственных преступников и своих недругов; но это известие встречается только в одном источнике, не современном и чрезвычайно мутном, преисполненном невероятностями и позднейшими выдумками; оно не подтверждается никакими другими, более достоверными источниками.

Кроме того, в *Истории Русов* казненных хоронили на особом кладбище, которое в народной памяти осталось с названием Гетманцев. Если бы тут была какая-нибудь правда и если бы в народной памяти местность, где погребены были казненные, носила такое название, то оно бы удержалось у местных жителей в тридцатых годах текущего столетия, между тем в этих именно годах мы встречали старожилы лебединских и спрашивали о том, что читали в знакомой нам тогда еще по рукописи *Истории Русов*. Нам отвечали, что ничего подобного не знают и ни о каких гетманцах, погребенных где-то в Лебедине, не слыхали. Если старики тридцатых годов XIX столетия, прошедшие юность свою в конце XVIII, не слыхали о том, что выдается нам за народное предание о событиях, совершившихся не ранее начала XVIII века, то как не усомниться в существовании когда-либо такого воспоминания у народа?

К большому сожалению, мы не имели под руками всех дел, производившихся в Лебедине; быть может, они где-нибудь и сохранились, но ожидают счастливец, которому суждено будет от-

крыть их. Нам известны только отрывки из показаний некоторых из судимых там лиц и приговоры над этими лицами, сохранившиеся в делах Архива Юстиции и в делах Архива Иностраннных Дел.

В числе лиц, ранее других поступивших в Лебедин на расправу за участие в измене Мазепы, были: войт Шептаковской волости Опоченок и канцелярист Дубяга.

Шептаковская волость подарена была царем гетману Мазепе в потомственную собственность и находилась в его владении уже восемнадцать лет. Управителем или наместником владельца был там Быстрицкий, поляк по происхождению, родственник или свойственник гетмана. В октябре 1708 года носился в народе страх скорого вступления неприятельских войск. Заволновались обыватели Шептаков. Управитель Быстрицкий призывает к себе войта и говорит: «Войдут к нам шведы, они делать худого народу не будут; объяви же мужикам, чтоб не боялись шведов; пусть остаются у себя в домах и сидят спокойно; разорения никому не учинят». Сказавши это, Быстрицкий уехал в Стародуб по какому-то делу. Прошло после того дня два, — и вот, в среду, вступает в Шептаки шведский конный отряд. Опоченок ушел в Новгородок-Северский известить новгород-северского сотника о вступлении шведов. По его показанию, данному в Лебедине при допросе, сотник, выслушав донесение шептаковского войта, хотел отправить в Шептаки отряд козаков, но тут с войтом шептаковским встречается слугитель Быстрицкого, по прозвищу Усович, и говорит: «Вот приходят москали с Меншиковым, они будут поопаснее шведов». Далее Опоченок на суде показывал, что после того он воротился в Шептаки и застал там Быстрицкого, уже успевшего воротиться из Стародуба. У Быстрицкого увидал он шведского генерала и Быстрицкий сказал войту: «Проведи генерала на большую дорогу, а сам ступай в Новгородок-Северский и скажи сотнику: пусть не велит стрелять по шведам, а когда придет московская пехота, путь велит ее рубить». Войт, прибывший в Новгородок-Северский, передал приказание Быстрицкого тамошнему сотнику через городничего, сотник отправил войта к черниговскому полковнику, а тот отослал его к русскому фельдмаршалу.

Снявши с Опоченко такое показание, усомнились в его искренности и подвергли его два раза пытке. Под пытками он сознался, что, явившись в Новгородок-Северский, он кричал по улицам, чтоб люди не боялись шведов, а потом добавил, что и сотник новгород-северский в соумышлении с Мазепою. Опоченка казнили смертью.

В один и тот же день снимали показание с канцеляриста Дубяги. Он показал, что находился за три мили от Батурина в селе и там услышал, что гетман едет к царю в Новгородок-Северский и намерен переправиться через Десну у Оболони. О шведах носились слухи, что они пошли к Чернигову. «По всем этим вестям, говорил

Дубяга, я поехал в Батурин. Там начальствовали сердюцкий полковник Чечел и гарматный асаул Кенигсен. Они сказали, что гетман уехал к государю, а им двоим поручил надзирать над Батурином и не велел пускать в замок великороссийских ратных людей, потому что они чинят великое разорение малороссийскому народу. Я тогда же хотел уехать из Батурина, но меня они не пустили: сказали, что уже вечер и скоро настанет ночь, а гетман приказал никого не выпускать из города в ночное время. Так я пробыл в Батурине до утра; утром выпустили меня, я намеревался догнать гетмана и направился на Короп. Там сказали, что гетман уже переправился через Десну и поехал другим берегом в Новгородок-Северский к государю. По таким слухам я поехал к Оболонской переправе, а там схватили меня и доставили к генерал-майору Беку».

Неизвестно, как поступлено было с Дубягою.

В тот же день, когда происходил допрос двух вышепоказанных лиц (то было в одном из первых чисел декабря 1708 года), подвергнут был допросу запорожский атаман Тимофей Полугер, который со ста товарищами сечевиками перешел за Десну с Мазепою, а потом послан был гетманом с письмом к Скоропадскому, которого Мазепа хотел склонить на свою сторону. Полугер попался и был приведен в Лебедин на расправу. Он в сделанном ему допросе не показал ничего особенно важного, кроме того, что указал ничтожность сил козацких, перешедших с Мазепою за Десну к шведам: с гетманом было не более тысячи из трех охотничьих полков — Кожуховского, Андриаша, Кгалагана, да человек двести из трех городских полков: Прилуцкого, Лубенского и Миргородского с полковниками этих полков. Неизвестна судьба, постигшая Полугера.

Замечательно дело, производившееся 3 декабря 1703 года о лохвицком сотнике Яременке. Из этого дела мы узнаем, что некоторое время жители городков Лохвицы, Прилук, Варвы, Лубен находились во власти шведского войска, занявшего этот край. Старшины вообще склонялись на сторону Мазепы, а простой народ стоял за царскую власть. Сотника Яременка схватил и доставил в Лебедин атаман местечка Сенчи, в то время, когда этот сотник разъезжал по селам своей сотни и собирал провиант на шведов. Подвергнутый допросу, этот сотник сознался, что по зову гетмана Мазепы он вместе с другими сотниками и атаманами: лубенскими, лукомскими, чигрин-дубровскими, пирятинскими, чернухскими, сенченскими — был в Ромнах у Мазепы. Гетман приказал им всем собрать для шведских войск провиант: 24. 000 волов, 40. 000 свиней и сто тысяч осьмачек муки; но исполнить такого приказания было невозможно, потому что при вступлении шведов в малороссийский край народ разбежался, покидая жилые места. В Лохвицу вступил шведский генерал Мейерфельд с четырьмя тысячами шведского войска и послал сотника собирать для своего отряда запасы. Сотник при-

ехал в Сенчу, где не застал в домах почти никого из обывателей. Там его задержали и препроводили к царскому генералу князю Волконскому, стоявшему в местечке Сорочинцах, а князь Волконский отправил его в Лебедин за караулом.

Порешили этого сотника сослать в каторжную работу в Петербург. Неизвестно, привлечены ли были к ответу сотники и атаманы, ездившие с Яременком в Ромны к Мазепе. Вероятно, если и они бывали в Лебедине, то их постигла та же участь.

Разом с делом о сотнике лохвицком Яременке в Архиве Иностранных Дел сохранился другой документ, касающийся того же города Лохвицы. Это челобитная обывателей этого города к царю, в которой челобитчики заявляют свою верность во время бывшей смуты. Там рассказывается, что генеральный асаул Мазепы Гамалея прибыл в Лохвицу вместе с лохвицким сотником Павлом Мартосенком, и они уговаривали народ послать значных людей в Ромны поклониться пану гетману Мазепе; а когда в Лохвицу пришла царская увещательная грамота — они ругались над нею, приказали посадить в тюрьму тех, которые привезли эту грамоту, грозили даже отрубить им руки и ноги и повесить. «На завтрее день» — рассказывается в челобитной — обыватели «в церкви стояли и в службы (у обедни) были, и ведомо нам учинилося, что хотят нас бить смертным боем и повешать. Божию помощью з церкви под час таин христовых втеклисьмо и чрез килька дней крылись з домов наших, покамест после нас и жоны наши з детми з домов наших поутикали, оставя все пожитки свои. И они, асаул Гамалея да сотник Мартосенко, приказали разорить всю нашу худобу нажитков наших; и разорено все до конца, и мы, утекаяючи через степы и поля пахотные до войска его царского величества, на дороге встретили двох зменников Мазепы шпешников и един з межи их от нас утикал, а другого поймалисмо и отвели в Сорочинцы ко князю Григорию Семеновичу Волконскому».

Из двух документов, относящихся к одному и тому же городу Лохвице, видно, что там происходили быстрые смены начальства. В декабре являются два лохвицких сотника — Яременко и Мартосенко. Второй был, как видно, временно послан в Лохвицу, быть может, после выбытия Яременка, потому что этот самый Павло Мартосенко был полковым обозным лубенским и в сентябре того же 1709 года подписался на повинной челобитной к царю от всего Лубенского полка. В Гетманщине нередко назначались временно для управления полками лица из генеральных старшин, а для управления сотнями из полковых. Здесь, вероятно, был такой же случай.

Укажем еще на несколько дел, более или менее характеристических, из производившихся в Лебедине. Вот два человека из черкас, то-есть малороссиян: глуховской обыватель Данило Тарашенко и челядник писаря Черниговского полка Булавки — Яков Кудин

Последний давал в Лебедине такое показание: «Сошлись мы в Глухове с Данилом Тарашенком дней назад тому семь или восемь и стояли вместе. Приходит челядник Данилов и говорит: «жители бегут, Москва везде грабит и наших людей разоряет». Данило на такую речь сказал: «Москва Батуриной разорила и людей тамошних перебила, даже и малых детей не пощадила; за это и мы не зарекаемся в московской крови по колена бродить, потому что за разорение Батурина вся Украина встанет». Яков показывал, что он, Яков, заметил тогда ему, Данилу, что такие речи непристойны, а Данило стал его, Якова, бить по щекам, и Яков ушел от него, но потом, когда Яков снова воротился, Данило приказал его связать вожжами и связанного бросить в погреб и говорил ему при этом: «Если никому не скажешь, что я про Москву говорил — выпущу тебя, а станешь доносить — велю голову отсечь!» Яков будто бы не захотел дать обещания никому не рассказывать того, что сейчас слышал, и Данило приказал вытащить его из погреба, снова бить вожжами и запереть в пекарной избе. Яков ушел из своего нового заключения и явился с доносом к князю Меншикову. Призванный по этому поводу к ответу Данило Тарашенко заперся во всем, что на него показывал Яков Кудин и объяснял все дело, бывшее у него с этим человеком, в таком виде: «Я увидал, что Яков в нетрезвом виде бесчинствует и приказал запереть его, чтоб тогда, как он проспит, объявить о нем его господину Булавке».

Чем кончилось это дело, — нет известия, но оно достаточно показывает нам вообще, какого рода дела в то время производились в Лебедине.

Любопытно по чертам того времени показание прилуцкого попа Мловского от 6 декабря о том, как шведы вели себя, установившись на постое в городах Гадяче, Лохвице, Варве, Прилуках. «Я видел, — говорил этот поп, — как прилуцкий полковник привел в свой полк шведского генерала Крейца с его отрядом, и шведы наложили собрать с Прилуцкого полка 12.000 волов, 17.000 свиней, 20.000 баранов, 30.000 осмячек овса и ржаной муки, до 7.000 бочек соли, все это на один месяц, а на другой приказывали изготовить столько же всего этого». «Я видел, — говорил тот же поп, — как в доме мещанина Лихопеки на образ Пресвятыя Богородицы шведы своя ветхая испражняли и тот образ выкинули». Прилуцкие жители ходили жаловаться шведскому командиру, находившемуся в Прилуках, а тот им сказал, что поступать таким образом с деревом нет греха. Другой поп — из одного села в Лубенском полку, — в Лебедине, на сделанном ему допросе показал, что лубенский полковник Зеленский, у которого в полку жил священник, вызвал его к себе в Ромны, где сам тогда находился при гетмане Мазепе. Священник застал у него генерального асаула Максимовича. Зеленский спрашивал попа: «ну, что мои маестности, целы ли? Не разграбила ли их Москва?»

«Ах, коли б только Днепр скорее стал и поляки подоспели бы к нам. Тогда мы скоро бы разогнали московские войска!» — «Не хвались, — заметил сидевший с ним Максимович. — Бог один ведает, что вперед станется». — Поп присовокупил, что лубенский и прилуцкий полковники, живучи в Ромнах, оба как-то «зело смутны». На дворе, где жил полковник лубенский, стоит шведский караул. Челядники лубенского полковника говорили попу, что после ухода миргородского полковника их господин хотел было, по примеру миргородского полковника, и сам уйти, да шведы, подметивши, что у него есть такое намерение, поставили караул в сенях его помещения, никуда его не выпускали, а когда приехала к Зеленскому жена его вместе с женою Максимовича, то их обоих стали выпускать, только жен разом с мужьями не выпускали, когда же выходили со двора жены, то мужья должны были оставаться дома. И у прочих старшин стояло по два человека шведов на карауле. Мазепа «зело болен». Дальнейшая судьба этого попа, как и прилуцкого попа Мловского, неизвестна.

Был в том же Лебедине допрос людям Ломиковского, которые ушли от своего господина из Ромен. Их показания были во многом схожи с показанием попа из Лубенского полка. — Мазепа зело болен, — сообщали они, — лечит его шведский аптекарь. У Максимовича и Зеленского поставлены шведские караулы и за ними шведы политично присматривают, потому что вслед за миргородским полковником и они думали уйти. К Мазепе теперь близки: их господин Ломиковский, судья Чуйкевич, бунчужный Федор Мирович, Семен Лизогуб, Зеленский, Максимович, но более всех — Орлик, Горленко и их господин; прочие «гораздо не в такой конфиденции. Ломиковский говорил им, что король шведский думает идти с войском в Московскую землю, а Мазепу оставить в Украине.

Из дел, производившихся в Лебедине и нам отчасти известных, бросаются в глаза, по оригинальности и важности данных при допросе показаний, дела конюшего Мазепина, Фомы Городецкого, и писаря Шептаковской волости, Пекалицкого. Первый, по своей обязанности, ездил с возами и лошадьми в разных местах, а во время следования Мазепы со шведами из-за Десны к Ромнам явился к своему господину в его имении в Бахмаче, где Мазепа останавливался на день или на два. Там гетман отдал его в услужение шведскому генералу Крейцу и конюший Мазепы был у последнего до великого поста, а тогда ушел от него и был доставлен русскими в Лебедин. Другой шептаковский писарь Пекалицкий, Пархом, показывал, что Мазепин управитель в Шептаковской волости, Быстрицкий, уезжая по поручению Мазепы в шведский стан известить, что гетман сам намерен туда прибыть, приказал своим челядникам разглашать по Шептаковской волости, что он, Быстрицкий, попался в плен к шведам. Пархом, услышавши такую весть и считая ее за

правду, поспешил в Батуриин, где, как он слышал, находилась жена Быстрицкого. Она сказала ему, что действительно муж ее в плену у шведов, а Мазепа в Борзне, но что шведы уже вступили в Шептаки. По этой вести Пекалицкий поспешил назад в свои Шептаки, но на дороге встречает его Быстрицкий и приказывает ехать вместе с собою в Батуриин. В Батуриине Быстрицкий отдал его под караул, приказавши поместить в избе вместе с мазепиными певчими. На другой день явился в Батуриин сам гетман Мазепа. Он переночевал в Батуриине одну только ночь и на другой день утром уехал к шведам. Когда русские подступили к Батуриину, Пекалицкий нашел возможность ускользнуть из Батурина вместе с какими-то другими лицами в село Городище, за милю от Батурина, но потом в селе Обмочеве мужики схватили его и отвезли к Мазепе, а Мазепа передал его Быстрицкому. До праздника Рождества Христова Пекалицкий находился при Мазепиных возах, а потом, улучивши удобный случай, убежал и не без труда достиг царского войска.

Крупными событиями, в ряду отпадений от Мазепы приставших к нему козацких старшин, были побег из шведского стана миргородского полковника Апостола, компанейского Кгалагана и генерального хоружего Ивана Сулимы. Двое первых пришли в царский стан не по собственному побуждению, а были подосланы самим гетманом Мазепою, по крайней мере с большею вероятностью можно это сказать о первом. Мазепа соображал, что счастье уже не везет шведам, как прежде, а главное, видел ясно, что малороссияне не пристают к шведам, не верят, чтоб они являлись к ним в их край для освобождения от московского ига, и, напротив, повсюду встречают пришельцев как неприятелей: поэтому Мазепа пытался помириться с царем и обещать ему загладить свою измену важною услугою — передать шведского короля во власть русского царя. Такое поручение велел Мазепа передать царю. Отправляя тайно миргородского полковника, он сообщил ему о том только словесно: письменных сношений не решался начинать Мазепа в этом роде, не будучи уверен, что может вести их безопасно для своей особы. Есть известие, что и прибывший в царский стан другой полковник из мазепинцев, Игнат Кгалаган, имел такое же поручение от Мазепы. Коварная затея Мазепы не удалась, хотя царь Петр благосклонно, если и не совсем доверчиво, отнесся к этому. Сам Мазепа испортил себе дело. Не дождавшись за месяц ответа на свое секретное предложение и не зная, как примут его, он продолжал начатые сношения во вред царю Петру и в пользу его противников, они открылись — и были опубликованы русским государем. Царь Петр имел тогда более, чем прежде, поводов не доверять ни в чем тому, что исходило от Мазепы; узнал это Мазепа; да и со стороны шведской за ним такой быт надзор, что трудно было ему, и без того всегда крайне осторожному и трусливому, отважиться на слишком опасное дело,

притом же он решительно терял последнее здоровье и явно опускался к могиле. Так попытка примириться с Петром, ценою выдачи Петру нового своего союзника и протектора, не состоялась, а лица, принявшие на себя звание посредников в этом щекотливом деле, Апостол и Кгалаган, увидевши к себе чрезвычайную милость Петра, стали искренно и полезно служить ему против Карла и Мазепы, не заботясь более об устройстве примирения царя с отпавшим гетманом. О третьем лице из старшин, перешедшем тогда из мазепинского стана в царский, о генеральном хоружем Иване Федоровиче Сулиме, мы не знаем ничего, кроме того, что он был принят царем ласково, сообразно объявленной прежде амнистии всем, кто явится в определенный срок с повинною.

Шведский историк Нордберг, передавши известие об уходе миргородского полковника, говорит еще о каком-то полковнике, ушедшем от Мазепы, прибавляя, что гетман никак не ожидал этого, будучи особенно уверен в преданности к себе этого полковника. О ком здесь идет речь — неизвестно: разуместь ли нужно кого-нибудь из двух, о которых мы говорили, или тут говорится о ком-то ином, — мы того решить не можем по нашим источникам. Был, однако, в то время еще один полковник, но не из тех, которые перешли за Мазепю в шведский стан, а из тех, которые оставались на своих урядах, и о верности которого происходило долго сомнение, это — полковник полтавский Левенец. В ноябре 1708 года, когда измена старого гетмана стала совершенно ясно известна царю и его приближенным государственным сановникам, канцлер Головкин писал к Левенцу приглашение прибыть в Глухов для выбора нового гетмана, вместо изменившего Мазепы. Левенец от 10 ноября отвечал канцлеру, что он послал созывать всех сотников своего полка, и когда они съедутся, он вместе с ними немедленно отправится по назначению. При этом Левенец извещал, что к нему привозил запорожец письмо от Мазепы, которое он, не читая, тогда же препровождал к канцлеру. Но тут начались разные заявления о неискренности полтавского полковника. Вдова Кочубея, казненного при Мазепе за донос на последнего, которую канцлер Головкин звал с семейством в Глухов для получения царских милостей, отвечала, что на пути своем встретила препятствие от полковника полтавского и его полковых старшин, которых всех с своим полковником обвиняла в измене царю. Затем, 30 ноября 1703 г. ахтырский полковник Осипов, приобревший царскую милость во время процесса над Кочубеем и Искрою, извещал письмом Головкина, что в Полтаве заметны признаки шатости; полковник собирал полковых старшин и советовался с ними, следует ли ехать к царю в Глухов, и когда старшины сказали, что ехать следует, полковник, напротив, отнесся к этому неохотно и произнес: кто к нам скорее — тот нам и пан. В Полтаве, по словам Осипова, находились тогда Мазепины и Ор-

ликовы приятели; полтавским полковым писарем был родной брат судьи генерального Чуйкевича. и он всему был там голова, а зять Левенца, Иван Герцик, с двадцатью козаками зимою убежал из Полтавы в Ромны к Мазепе. В апреле 1700 года Меншиков, не уверенный в преданности престолу полтавского полковника, вытребовал его с женою и детьми в Харьков. Левенец отдал детей своих в харьковские словесные школы, и дети эти служили как бы залогом верности их родителя.

Миргородский полковник Апостол после своего возвращения в царский стан старался заглавить свое преступление против царя и ревностно действовал к ущербу шведов и мазепинцев, отличаясь во многих битвах против них. В одной из таких битв он взял в плен одного из своих зятьев, сына прилуцкого полковника Горленка, и вместе с ним генерального асаула гетмана Мазепы, Гамалею. Препроводив их обоих в русский стан, Апостол ходатайствовал за них и, по его ходатайству, они не были отправлены в Сибирь, а тотчас по их доставлении в главную царскую квартиру им объявили, что они присуждаются жить в Москве на свободе, наравне с отправленным уже туда Андреем Кандыбою, бывшим корсунским полковником, также соучастником Мазепы. Однако, Андрей Горленко не был долго отправляем в Москву по назначению и жил в Украине до января 1711 года, когда Головкин приказал доставить его в Москву, но и то произошло потому, что возникло подозрение существования сношений между ним и его родителем, прилуцким полковником, находившимся в Турции и действовавшим враждебно царю. И Гамалея оставался в Украине. В январе 1711 года его потребовали в Москву по делу о сосланном участнике измены Мазепы, Гречаном, который подавал челобитную, уверяя в ней, что если он был некоторое время с Мазепю, то оттого, что Мазепа держал его поневоле. В этом он слался на свидетельство Гамалеи.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Переход мазепинцев к царю в день полтавской битвы. — Судьба их. — Андрияш. — Невинчанный. — Запорожцы. — Беглецы малороссийские в турецких владениях. — Избрание Орлика в гетманы. — Его договор с запорожцами и украинскими беглецами. — Протекторат шведского короля. — Помощь от Турции. — Покушение Орлика. — Свирепства и вероломство татар. — Меры, предпринятые против Орлика. — Прутский мир. — Как понимали его смысл малороссийские эмигранты.

В роковой день полтавской битвы некоторые из мазепинцев уже заранее сообразили, что дело Карла будет проиграно, и явились в царский стан с повинною. В нашей исторической монографии «Мазепа» мы привели их показания. Припомним здесь, что все эти показания с первого вида отличаются неискренностью; господа, их писавшие, старались выставить себя жертвами обмана и насилия и извинить свой поступок незнанием тайных замыслов своего гетмана, которому повиноваться обязаны были они по царской воле. Увертки их не помогли им. Срок, назначенный царем в 1703 году для явки в царский стан с уверенностью получить прощение, давно истек. Слишком было видно, что только одна крайность побудила их теперь явиться с повинною. Царскою милостью должны были они считать для себя уже и то, что избегли смертной казни и она для них была заменена ссылкой.

Указом 8 августа 1709 года определено было: генерального судью Чуйкевича, генерального асаула Максимовича, полковников Зеленского, Кожуховского и Покотилу, Антона Гамалею, Семена Лизогуба, писаря Гречаного и канцеляриста Григоровича отправить в Москву, для водворения в ссылке в разных местах. Но они оставались в Украине в тюремном заключении до апреля 1711 года. Тогда Головкин написал к гетману Скоропадскому, чтоб их препроводили в Москву и вместе с ними выслали бы их семьи¹. Головкин

¹ Изменников его царского величества из генеральной старшины, Чуйкевича, Максимовича, полковников Зеленского и Покотила, Гамалею,

прибавлял, что, сколько помнится, был еще «седьмой» кто-то, которого также следовало отправить в Москву, по имени его в Москве не помнят, и этого седьмого требовалось также прислать с женою и детьми. Этим седьмым считали в Москве несколько времени Гречаного, но после довелись, что тот должен быть Кожуховский, уже отправленный в Сибирь; оставалось доставить ему жену его, но это было невозможно, потому что жена его еще прежде умерла.

Украинские города, приставшие к Мазепе поневоле тогда только, когда к ним приходили шведские войска, спешили при первой возможности посылать царю челобитные о прощении. Последним, запоздалым в таком заявлении повинной, городом были Лубны. Челобитная о прощении подана была гетману Скоропадскому только 27 августа 1709 года, за подписом полкового обозного Павла Мартошенка и нескольких сотников Лубенского полка¹.

Уже в сентябре 1700 года явилось с повинною еще двое из мазепинцев: компанейский полковник Андрияш и чигиринский сотник Невинчаний, состоявший временно в должности полковника. Андрияш показывал, что не знал ничего о замыслах Мазепы, да и не мог знать, потому что перед вступлением шведов он находился в посылке. Впоследствии хотя Мазепа отправлял его компанию в военные посылки, но его самого уже не посылал ни разу. На полтавской битве он не был, хотя Мазепа и понуждал его к тому: он убежал тогда в степь. Там поймали его татары и доставили к своему хану, а крымский хан, осведомившись, что он родом из волоской земли, отпустил его на родину. Теперь он заявлял, что снова желает служить русскому государю. Андрияш сообщил, что в Бендерах видел он Мазепу, который был так болен, что не мог уже и говорить. Вероятно, Андрияш видел старого гетмана незадолго до кончины. Показания Невинчаного мы не имели в руках. Оба получили прощение. О Невинчаном мы узнаем, что ему велено жить в Москве, но на следующую зиму его отпустили в Украину, откуда он послал в Москву донос, что, возвращаясь из Москвы, он встретился на до-

Гречаного, что писарем был при Мазепе, и Грицка, которые до полтавской баталии, усмотря тогда невозможность уйти от войск царского величества, пришли сами, и хотя довелись они за измену смертной казни, но царское величество пожаловал-велел их послать в ссылку, некоторых в Сибирь, а других к городу Архангельску. А понеже в 1710 году на Украине было моровое поветрие, того ради не мочно было их к Москве для ссылки взять. Ныне же тех изменников прислать за караулом и жен и детей их велеть Протасьеву за караулом в Москву отправить (Арх. Иностр. Дел. 1711 г., апрель).

¹ Иж якие наши есть преступления и вина благоволи ваша вельможность, подражая корене милости человеколюбивого Бога, простити нам тот грех и по своем панском милосердии приказать учинити нас от нынешнего задержания свободными, даби его милость пан полковник на нас яко на своих полчан был ласковым, а мы его милости будем по-прежнему покоряться (Арх. Иностр. Дел 1709 г., № 67).

роге с посланцем гетмана Скоропадского, Подольским, ехавшим в Москву, и этот Подольский говорил ему, Невинчаному: «В Украине носятся слухи, будто царское величество хочет переселить малороссийский народ за Москву, а в Украину перевести на поселение русских». Невинчанный думал, вероятно, своим доносом угодить правительству и жестоко обманулся. Поставили его на очную ставку с Подольским. Последний заперся и уверял, что подобных речей не говорил. Невинчаного, как уже бывшего виновным в измене, подвергли три раза пытке огнем; он и под пыткой показывал все то же на Подольского. Но государственным законам и уложениям, после того как доносчик под пыткой подтвердил свое обвинение, следовало подвергнуть пытке обвиняемого; но Петр оказал Подольскому особую милость и не велел его пытать; царю было донесено, что родственники Подольского издавна все служили верно, брат Подольского был убит под Полтавою, да и сам он участвовал в полтавской битве и получил там рану. Однако, Подольский все-таки не избег тогда царского гнева: представили царю, что Подольский, сидя в Петербурге под караулом, разглашал какие-то «бездельницы», и за это царь указал сослать его в Соловецкий монастырь, держать его там без ареста и давать пропитание. Судьба Невинчаного осталась нерешенною по причине скорого отъезда царского в поход: Головкин писал о нем гетману Скоропадскому, что, вероятно, ему будет учинена смертная казнь или, по последней мере, вечная каторжная работа.

Самые верные сторонники Мазепы и заклятые царские противники были запорожцы. Этот народ, как показывает вся его предшествовавшая история всегда отличался крайним непостоянством и так же легко мог возмущаться, как, возмутившись и забурливши, утишаться и смиряться. Когда Мазепа перешел на сторону Карла XII и его подручника Станислава Лещинского, он старался склонить на свою сторону запорожцев. Запорожцы колебались. Сперва немногочисленна была между ними партия, решавшаяся на явное отпадение от православного царя. Но решительные и суровые меры, предпринятые царским правительством против запорожцев, озлобили их до крайних пределов. Царь Петр как-то особенно невзлюбил их и относился к ним безжалостнее, чем к преступникам из Гетманщины. Недостаточно было страшного разорения Сечи и погони за разбежавшимися по днепровским плавням запорожцами, где отличался свирепостью Кгалаган, бывший сечевик, хотевший пролитием крови прежних товарищей загладить перед царем свое короткое увлечение призраками, выставленными Мазепою. Много удалых сечевиков, если верить запорожцам, погибло тогда в мучительных истязаниях. Но и этого всего было недостаточно. После поражения шведов под Переволочною происходила новая бойня над теми запорожцами, которые не успели впору переправиться через Днепр. Не

пощадили даже и тех, которые сами остались и явились с повинною; шведский историк с особенным ужасом отметил их казни в своем повествовании. В последующем году еще продолжали совершаться жестокие кары над запорожцами. Из тех, которые были пойманы Кгалаганом, после разорения Сечи, гетман Скоропадский, во исполнение царской воли, приказал десятого казнить смертью, а прочих сослать навек в каторжные работы; но и после, когда миргородский полковник поймал еще толпу запорожцев, покусившихся сделать набег на Кременчуг, верховная власть повелела гетману предать смертной казни двадцать четыре человека. Обыкновенный способ казни, совершаемый над запорожцами, было посажение на кол. Но все жестокие меры только ожесточали тех, которые оставались еще в живых. Тогда запорожцы составляли единственную военную силу из малороссиян, готовую бороться за дело, начатое Мазепою. Лишившись своего прежнего гнезда, запорожцы основали себе новую Сечь на устье реки Каменки, впадающей в Днепр ниже того места, где была прежняя Сечь. Там запорожцы жили до 1711 года, когда Петр, преследовавший существование запорожцев на свете, приказал гетману Скоропадскому и генералу Бутурлину разорить их новое пристанище. Тогда запорожцы вышли из пределов Русской державы и поселились на татарской земле, в Алешках на Днестре же, и пробыли там до 1734 года. Потерявши Мазепу, запорожцы служили Орлику, признанному гетманом после Мазепы всеми враждебными России малороссиянами, и признали шведского короля протектором над Україною.

Орлика, бывшего генеральным писарем при Мазепе, избрали гетманом в апреле 1710 года. Избиратели были запорожцы и кружок малороссийских беглецов, последовавших за Мазепою после полтавского погрома. Тогда новоизбранный гетман заключил с избирателями своими договор, или статьи наподобие того, как всегда и прежде при выборе гетмана постановлялись статьи, или правила, на которых обязывался управлять новый гетман. Конечно, мало знаменательны и неважны в истории могут казаться статьи, постановления при избрании в гетманы Орлика, так как новый гетман избирался в чужой стороне не всем козачеством и не с согласия всей Украины, избирался только кружком людей, преследуемых законною верховною властью. Тем не менее, эти статьи замечательны по своему содержанию, как выражение политических стремлений тогдашних старшин.

Эти статьи, собственно говоря, и заключались с запорожцами, потому что запорожцев при выборе Орлика в гетманы, вероятно, было более, чем украинских беглецов. Главными воротилами были тогда между последними, кроме Орлика, Войнаровский, племянник Мазепы, соперник Орлика, прилуцкий полковник Димитрий Горленко; два брата Ломиковские, Федор Минович, Клим Довгополен-

ко, трое братьев Герцики: Григорий, Иван и Афанасий, Нахимовский и Третьяк. Орлик в своем договоре говорил с земляками гораздо открытее и прямее, чем Мазепа, который, постоянно опасаясь, чтоб его тайные замыслы не стали преждевременно известны московскому правительству, то и дело что притворялся и таился от окружающей его среды. Последующие события открыли, что Мазепа не высказывал всей правды даже тому небольшому кружку малороссийских старшин, которым, казалось, особенно доверял перед прочими; Орлик же смело и прямо высказывал, чего он желал для Украины и какой, по его взгляду, порядок был для нее пригоден, когда удастся освободить ее от Московской державы. При Мазепе ничего подобного не только явно, но и тайно не делалось. Гетман Иван Степанович Мазепа требовал полнейшего доверия к своему уму и безусловной покорности своей воле. В договоре, состоявшемся при избрании Орлика, высказывалось, что прежние гетманы Войска Запорожского присваивали себе самодержавную власть и через то надвередили старинные порядки, права и вольности войсковые не без всенародной тягости. Теперь же генеральные старшины и кошевой низового запорожского войска, находясь под протекциею шведского короля, «для исправления и воздвигновения павших прав своих» постановляли правила, которыми должны руководствоваться и новоизбираемый гетман, и будущие по нем гетманы Войска Запорожского. По достижении Украиною освобождения от «невольнического ярма московского», гетман будет признавать православие господствующею религиєю и не допускать ни явного, ни тайного внедрения какого-либо иноверия в Украине, а наипаче зловерия жидовского, но будет стараться, чтобы «вечно процветала единая православная восточная церковь в зависимости от константинопольского патриарха при расширении научного просвещения между свободными сынами Малороссии». Украина в границах от Польши по реку Случь, проведенных еще при гетмане Богдане Хмельницком, должна быть признана навсегда самобытным государством под вечным протекторством шведского короля и его преемников, которые будут оборонять ее и не допускать никому нарушать как границ ее, так равно ее прав и вольностей; при заключении мира с Московским Государством шведский король потребует, чтобы Москва возвратила всех украинцев, доставшихся ей в плен в военное время и вознаградила все убытки и вред, причиненный в стране московскими войсками.

По отношению к внутренней политике в этом договоре проектированы такие соображения. Некоторые прежние гетманы, — замечалось в нем, — присвоили себе и узаконили право: так я хочу, так и повелеваю. Отсюда происходили всякие нарушения прав и вольностей и отягощение посполства. Чтoб этого не было вперед, устанавливается такой порядок главного управления: первенствующими

советниками при гетмане будут генеральные старшины и полковники, но, сверх того, из каждого полка будут избираться по одной особе советники старинные значные и благоразумные козаки; они будут заседать с генеральными старшинами, и без общей воли такого совета гетман не будет иметь права собственною волею ни начинать, ни решать, ни приводить в исполнение какого-либо мероприятия. Назначаются в год три собрания, народные или генеральные рады — первая о празднике Рождества Христова, вторая о празднике Светлого Воскресения Христова и третья о празднике Покрова Пресвятой Богородицы. На этих генеральных радах участвовать будут не только генеральные чины и все полковники с своими полковыми старшинами и с сотниками своих полков, но и все генеральные советники, выбранные от полков, а также послы от войска запорожского низового, которые будут присылаться по гетманскому ординансу в назначенный срок. Старшины и генеральные советники должны оказывать гетману почитание как своему начальнику, но имеют право делать гетману выговоры публично на раде, и гетман не должен тем оскорбляться. Чтоб преградить гетманам на будущее время возможность распоряжаться по своему произволу войсковым скарбом, восстанавливается существовавшая прежде, а впоследствии упавшая, должность генерального подскарбия, который будет избран из значных, зажиточных и заслуженных особ для заведования войсковым скарбом, мельницами и всякими статьями доходов, относящимися до войскового достояния. Под его ведением будут находиться полковые подскарбии: их будет в каждом полку по два; они будут избираться полковниками, полковыми старшинами и посполитым одобрением (посполитою ухвалкою) также из значных и зажиточных особ своего полка, для заведования полковым скарбом и всеми источниками его доходов. Все чины Войска Запорожского должны быть выборные и, в случае какого-нибудь совершенного ими проступка, подлежат расправе генерального суда, а без приговора этого суда гетман произвольно не может никого подвергать наказаниям. Ни гетман, ни подчиненные ему козацкие чины, как большие, так и малые, не имеют права распоряжаться работами козаков и посполитых людей, не подлежащих непосредственно их урядам. Аренды и станции для содержания охотных полков, компанейских сердюцких, как учреждения отяготительные для посполства, отменяются, а вместо них для пополнения скарба, который через такую отмену понесет ущерб, на генеральной раде будут учинены распоряжения.

Была при этом показана заботливость об удовлетворении старинных претензий Запорожья. По счастливом окончании войны гетман обязывался стараться, чтоб уничтожены были крепости, построенные московским правительством на грунтах, принадлежавших исстари низовому запорожскому войску, чтоб город Терехте-

миров с госпиталем для содержания престарелых и увечных козак запорожских и с перевозом на Днепре поступил в ведение Запорожской Сечи, чтоб города: Переволочна, Келеберда и мельницы на реке Ворскле, сообразно давним правам и привилегиям сечевого товарищества, пребывали при низовом запорожском войске, и наконец, чтобы Днепр, со всеми рыбными промыслами на всем течении его от Переволочны до Очакова, находился в исключительном владении низового запорожского войска. Это были статьи, которые уже прежде служили предметом споров между Сечью и гетманским правительством. Уступка их в пользу запорожцев была неизбежным плодом того положения, в каком находился Орлик, избранный в гетманы на чужой стороне изгнанниками и не имевший за собою никакой действующей силы, кроме сечевиков.

10 мая, того же 1710 года, этот договор был утвержден шведским королем Карлом XII, в качестве признанного малороссиянами протектора. Король шведский хотя своими посланиями и поддерживал у запорожцев надежду на помощь от Турции, хотя и направлял крымского хана содействовать козакам, враждебным России, но за переменами, происходившими тогда при константинопольском дворе, не мог долго получить оттуда обещанных денег для раздачи запорожцам. Они были доставлены шведскому королю только осенью, и Карл XII звал к себе в Бендеры запорожцев для получения присланного пособия. Тогда предположено было Орлику вместе с запорожцами, при содействии крымской орды, двинуться в поход с целью отобрать Украину от Московской державы. Составлены были договоры с крымским ханом от Карла XII и от Орлика и запорожцев. Хан со всем своим царством обязывался сохранять союз с Войском Запорожским по тому образу, как некогда состоялся союз Богдана Хмельницкого с крымским ханом Ислам-Гиреем, без всяких притязаний на господство над козаками и украинскими землями. Хан должен был только освободить козак от Московской державы и в продолжение военных походов строго запретить своим татарам брать пленников из малороссийского народа и разорять церкви в Украине. Предполагалось вместе с Гетманщиною освободить из-под Московской державы Слободскую Украину и присоединить ее к Гетманщине, а в случае невозможности, по крайней мере, способствовать выселению оттуда малороссиян в Гетманщину по их желанию. Предположено было действовать разом правобережной и левобережной Украине.

После таких договоров, в марте 1711 года Орлик двинулся на правобережную Украину с татарами белгородскими и буджацкими, бывшими под начальством салтана, сына крымского хана, при содействии хана, который тем временем должен был с ордою идти на Слободскую Украину. С Орликом шел также отряд поляков, признававших польским королем Станислава Лещинского и слу-

живших шведскому королю. Ими начальствовали киевский воевода Иосиф Потоцкий и пан Галецкий. Посланы были вперед агенты с возмутительными возваниями, в которых убеждали малороссиян ополчиться против московской власти. В таком же духе отправил Орлик письмо и к гетману Скоропадскому, убеждал стать заодно с ним против Москвы, в надежде устроить в Украине свободную, ни от кого не зависимую республику, сообразивши, что, в противном случае, отчина падет в такую «руину», что последующие поколения с ужасом будут вспоминать судьбу своих предков. «Если вас, — говорил в своем письме Орлик, — останавливает носимый мною в настоящее время сан, то будьте уверены, что для общего блага я уступлю его вам, как старейшему, надеясь, что и вы не захотите губить меня в вознаграждение собственных забот и трудов. Не верьте тем, которые станут говорить, будто Оттоманская Порта думает господствовать над Україною. Нет. Блистательная Порта, егѳ-величество король шведский и хан крымский уже поставили между собою такое условие, чтоб Украина не подлежала ни от кого вассальной зависимости, но пребывала бы навсегда независимой державою».

Ни письмо Орлика к Скоропадскому, ни его универсалы, разосланные по левобережной Украине, не имели никакого успеха. Скоропадский выслал на правую сторону Днепра против Орлика генерального асаула Бутовича, а сам выступал с генералом царским Бутурлиным против крымского хана. Дошедшие в Переяславский полк универсалы Орлика были сожигаемы палачом. Впрочем, для осторожности (так как государь вообще тогда все-таки мало доверял преданности малороссиян) приказано было собрать в Глухов жен всех полковников, дабы они служили залогом верности своих мужьев, а чтобы скрыть настоящую цель такого распоряжения, приказано было самому гетману и всем чинам генеральной старшины оставить жен своих в Глухове, как будто ради безопасности. Замечательно, что такая судьба постигла тогда Анну Обидовскую, вдову племянника Мазепы, умершего давно уже в походе против шведов в Лифляндии. Она была дочь Василия Леонтьевича Кочубея, которого семейство было так милостиво обласкано царем, как бы в вознаграждение за ошибку правительства, учиненную против Кочубея. Анна Обидовская не только не была участницею царского благоволения к роду Кочубея, но по какому-то неизвестному нам делу, касающемуся измены Мазепы, она содержалась в Полтаве под караулом, а в марте 1711 года была доставлена в Глухов, где определено было ей жить хотя без караула, но с обязательством никуда не отлучаться из Глухова. Киевский губернатор князь Димитрий Михайлович Голицын так же поступил с женами правобережных полковников — чигиринского Кгалагана, белоцерковского Танского, недавно заступившего место своего тестя, знаменитого Палия, уже

умершего, и брацлавского Григораша, вызвавши всех их в Киев во время вступления Орлика в правобережную Украину.

Если на левобережной Украине воззвания Орлика решительно не имели успеха между обывателями, то на правобережной не остались они без влияния. В Черкасах, в Каневе, в Мошнах и в некоторых местах Белоцерковского полка, а также полков Корсунского и Уманского, жители склонялись на сторону царских противников. Сын богуславского полковника Самусь прибыл в Киев и извещал, что жители рвутся к Орлику. Высланный против Орлика генеральный асаул Бутович потерпел под Лисянкою поражение и был взят в плен. Об этом человеке возникали тогда подозрения в его верности. Подан был на него донос от некоего Жадковича. Головкин в конце января 1711 года писал Скоропадскому, что лучше бы заменить Бутовича другим лицом, более надежным. После Прутского мира, в том же 1711 году, в сентябре, освобожденный Бутович из плена и сообщал о намерениях Орлика, вместе с крымским ханом, опять начать войну.

После победы, одержанной над высланным от Скоропадского Бутовичем, дело Орлика пошло еще успешнее: городки сдавались ему без боя один за другим. Оставалась в царской власти одна Белая Церковь да некоторые местечки Белоцерковского полка. Орлик осадил Белую Церковь. С ним, кроме татар, был там и кошевой с запорожцами. Уже сечевики успели овладеть нижним городом, вывели там шанцы и собирались громить верхний город или замок. Защищали его царские силы под начальством бригадира Анненкова и белгородские верные царю козаки. Ночью сделали осажденные вылазку, овладели запорожскими шанцами и прогнали запорожцев. Орлик отступил, не взявши Белой Церкви. Поляки, помогавшие Орлику, бывшие с ним под Белой Церковью под начальством Галецкого, отошли в Полесье, а татары, не слушаясь Орлика, рассыпались загонами и стали набирать ясыр по украинским селам. Сам Орлик скоро также удалился за Днестр, откуда явился в Украину. Тогда Орлик написал шведскому королю письмо, в котором изъяснял, что виною неудачи его предприятия были коварные союзники-татары; в противность договору Орлика с крымским ханом, они брали в плен жителей и варварски разоряли край, и это происходило тогда уже, когда этот край готов был добровольно подчиниться ему, Орлику. Салтан, бывший с Орликом под Белую Церковь, вдруг оттуда бежал с своею ордою к Бугу; Орлик погнался за ним, умолял остановиться, просил оставить ему хоть часть орды, хоть тысяч десять, салтан обещал, но не сдержал обещания. Не смотрели татарские мурзы на представления Орлика и его старшин, ссылавшихся на договор с ханом, распустили свои чамбулы во все стороны по украинской земле. «Каких неслыханных под луною свирепств ни учинили тогда дикие татары! — выражается в своем письме к

шведскому королю Орлик. — Они обдирали и опустошали церкви, — одни превращали в лошадиные стойла, другие сожигали в пепел, иные умышленно предавали всяческому осквернению: опрокидывали престолы церковные, топтали ногами св. дары, издевались над иконами, насильовали недорослых девочек, замучивали людей обоего пола, уже ранее лишенных мечом, огнем и грабежом всего своего достояния. На всем пространстве от Днестра до Роси нахватали они в ясыр несколько тысяч духовных и мирских людей, козаков, посольства, женщин и детей, и погнали в свои белгородския, буджацкие и ногайские жилища, опустошили огнем и мечом весь край от Роси до Тетерева и до Днепра, в полках Белоцерковском и Каневском истребили города и местечки, а малых детей, неспособных быть взятыми в ясыр, кидали в воду или рассекали пополам. Пером трудно описать бесчеловечия, какие совершал с своими своевольными татарами сын Дзяун-бея в Германовке, несмотря на оберегательные универсалы, выданные от меня, от киевского воеводы и даже от самого салтана. Его впустили в город по его просьбе под предлогом дружбы, а он предал весь город с святынями церквами расхищению и пожару, более пяти тысяч туземцев и обывателей соседних сел, искавших в городе безопасности, татары погнали в ясыр, малолетних девочек насильовали и потом бросали в огонь, охвативший весь город; до пятидесяти младенцев было оторвано от матерних грудей и брошено в огонь, других раздирали пополам или, бравши за ножки, разбивали головками об стены. Несмотря на мои представления, за такие варварства виновные не подвергались наказаниям; напротив, когда я требовал обуздания татарской наглости, салтанов визирь Муртаза-ага отвечал, что татарам дано дозволение обращаться в пепел города, местечки и села и брать ясыр на пространстве от Роси до Тетерева и Днепра, так как этот край соседствует с Киевом и Белою Церковью и нам враждебен, заодно с этими городами. Это неправда. Все жители этого края оказались мне верны и послушны и за свое послушание приняли от татар такое опустошение, что едва ли один человек на месте своего жительства цел и невредим. Во время своего бегства назад татары, рассыпавшись по трем полкам: Кальницкому, Уманскому и Тарговицкому, а отчасти по Брацлавскому и Корсунскому, причинили такое же разорение невинному народу; все разорено, разграблено, выжжено, народ загнан в неволю, только город Умань с своими предместьями один остался оплакивать бедствие, постигшее Украину. Довольно того сказать, что у меня было более шестнадцати тысяч козаков Войска Запорожского, кроме мещан в полках Чигиринском, Уманском, Тарговицком, Кальницком, Корсунском, Богуславском, Каневском, и несколько сотен в полку Белоцерковском, теперь же едва три тысячи осталось: не только мещане, но и козаки, имевшие в этих полках свои дома и семьи, узнавши о неприятель-

ских поступках татар, разошлись от меня в разные стороны, думая спасти своих жен и детей, а те, что еще при мне остаются, оплакивают потерю своих семейств, братьев и друзей!» Посылая такое письмо, Орлик просил шведского короля принять к сердцу вопль несчастной Украины и ходатайствовать пред падишахом как о возмездии татарам за бедствия, нанесенные краю, так и об освобождении угнанного из Украины ясыра. Действительно, Карл исполнил желание Орлика, так как 31 июля 1711 года (по мухамеданскому летосчислению в последние дни месяца Ремазиеле увеле 1123 года) последовал указ падишаха сераскиру паше бендерскому отыскать, собрать и передать Орлику, вождю козацкому, пленных, какие найдутся в крае, управляемом этим пашою, из взятых татарами в прошлый их поход в Украине.

Таким образом, неудача предприятия на правобережной Украине постигла Орлика и его соумышленников от союзников, которых они пригласили.

Так же мало помог мазепинскому делу и хан крымский, покинувшийся на Слободскую Украину в то время, когда Орлик подвизался в правобережных полках Гетманщины. Сперва хану повезло, казалось, счастье. Он удачно расправился с русским городом Сергиевским. Великороссийские ратные люди не в силах были оборонять город. Малороссийские жители сдали город татарам и выдали им царских солдат в неволю. После этой победы хан ордою вступил в Слободскую Украину. Он дошел до местечка Водолаг Харьковского полка. Обыватели этого местечка и других слобод встречали крымского хана с хлебом-солью. Хан, однако, не решался следовать далее в глубь Гетманщины и повернул с ордою назад. Передававшиеся ему слобожане отправлены были к Вольному, вероятно, с целью расселить их на пустопоросших степях, составлявших владение крымского хана. Но за ними отправился в погоню с козаками полтавский полковой судья Петр Кованько, завернул их назад и пригнал к Полтаве. Так как они хотели отбиваться оружием в то время, когда их догнал Кованько, то за измену царю и за поднятие оружия против государевых воинов приговорили десятого из них по жеребью казнить смертью, а остальных, с женами и детьми, собравши всех, отправить в Москву, дабы оттуда по назначению Приказа разослать в ссылку. То же постигло и тех, что сдали Сергиевский татарам.

В июле того же 1711 года произошло знаменитое в истории прусское дело. Царь российский Петр Первый с своим войском был окружен многочисленными турецкими силами и принужден был заключить с визирем унижительный для себя мир. Московский государь очутился в таком же положении, в каком был когда-то польский король Ян Казимир под Зборовом, когда его с польским войском окружили Хмельницкий с козаками и союзник Хмельницкого,

крымский хан с своими ордами. И теперь против московского государя стояли такие же козаки, только уже составлявшие малый обломок той воинственной силы, которая так недавно наводила страх своею многочисленностью и отвагою. Зато этот обломок козачества находил себе опору в такой мусульманской силе, которая была в большем размере, чем завлеченная Богданом Хмельницким против поляков. Один летописец, передающий деяния Хмельницкого, по поводу союза его с татарами заметил, что дружба христианина с мусульманином так же несостоятельна, как дружба между бараном и волком. То же можно было произнести и теперь. Политика мусульманского двора, вмешиваясь в дела христианских обществ, всегда имеет в виду только свои корыстные цели. И на этот раз то же оказалось. Козаки были близки к достижению своих целей: Петр был уже в руках их союзников турок; ради спасения жизни и своей державы он должен был на все согласиться, что бы ему ни предложили, если б он только стал пленником турок. Но визирь не довел войны до того, чтобы взять русского царя в плен. Визирь заранее согласился на мир, предложенный побежденным царем. Все обделали деньги и обещания денег, которые всегда были всеильны у всех турецких визирей, даром что едва ли не каждый из визирей платился за свое корыстолюбие свержением с своего достоинства, а нередко и жизнью. Многочисленные примеры, следовавшие один за другим непрерывно, не могли изменить порока, укоренившегося из поколения в поколение. Впрочем, хотя по великодушию визиря царь российский с своим воинством мог безопасно воротиться в отечество, но договор, состоявшийся на берегах Прута, все-таки оставлял козакам-мазепинцам некоторую надежду в будущем. В числе условий, какие у царя вынудили турки, было такое: царь обязывался не вмешиваться как в дела Польши, так и в дела козаков и не беспокоить последних. Эти неясные выражения Орлик и его товарищи толковали так, что царь совершенно отрекся от Украины, и она теперь может считать себя самобытным, ни от кого не зависимым государством. Недоразумения, возникшие в дипломатических сношениях, препятствовали утверждению мира Турции с Россией, заключенного на берегах Прута. Царь медлил уничтожением таганрогской крепости и возвращением Азова, требуя прежде удаления шведского короля из турецких пределов, а турки были с своей стороны недовольны неисполнением договора по вопросу о невмешательстве царя в дела Польши и козаков. Зимой война готова была вспыхнуть снова. По отношению к козакам спорный вопрос состоял в том: обязывает ли Прусский договор российского царя считать себя отрекшимся от Украины, потому что статья, относящаяся непосредственно к этому вопросу, в мирном договоре выражена была не ясно, и подавала повод к толкованиям на всякие лады. Бывший тогда в Константинополе царский вице-канцлер Шафиров, поддер-

живаемый послами английским и голландским, указывал, что если бы при заключении мирного договора шло дело об уступке всей Украины, то зачем же было говорить об уничтожении крепостей Каменного Затона и Новобогородска: если признавать этот край уступленным Россиею Турции, то само собою во владение последней переходили и эти крепости. На это козаки с своей стороны указывали на прежде состоявшееся условие между королем шведским, протектором козаков, и крымским ханом, верным вассалом Турции; там об этих именно крепостях, построенных Москвою, было сказано, что они должны принадлежать Войску Запорожскому, которое должно быть объявлено ни от кого не зависимою державою, следовательно, если бы даже московская держава действительно в договоре с Турциею отрекалась от владения краем, в котором построила эти крепости, то это не уничтожало бы права козаков считать эти крепости принадлежащими Украине уже потому, что Москва уступила их Турции, а Турция заранее отдавала их козакам.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Козацкое посольство в Константинополь. — Данная этому посольству инструкция. — Влияние козаков на вопрос о примирении Турции с Россиею. — Колебание турецкой политики. — Царь приказывает собрать и прислать в Москву родню малороссийских эмигрантов, скрывавшихся в Турции. — Их имущества. — Архимандрит Одорский и другие малороссийские духовные. — Племянница Мазепы. — Челядники Мазепы. — Компанейский полковник Новицкий. — Доносничество в Украине. — Данило Забела. — Гадацкий протопоп Лисовский. — Лубенский монах Дамаскин. — Письмо Шафирова из Константинополя.

Козаки старались во что бы то ни стало не допустить мира России с Турциею на таких условиях, которые бы оставляли царю возможность предъявить права на власть над малороссийским народом. В декабре 1711 года из Бендер, от имени Орлика, носившего титул гетмана, и от имени козачества, отправилось в султанскую столицу посольство, состоявшее из следующих лиц: прилуцкого полковника Дмитрия Горленка, Клима Довгополенка, носившего звание генерального судьи, Ивана Максимовича, генерального писаря, и Григория Герцика, только что перед тем пожалованного Орликом в чин генерального асаула. С ними поехал Костя Гордиенко, как представитель Запорожской Сечи и низового козацкого войска.

В инструкции, полученной для руководства этим посольством от Орлика в городе Бабе 3 декабря 1711 года, было сказано, что послы козацкие прежде всего должны от имени Войска Запорожского и всей Украины изъявить благодарность Блистательной Порте за благодеяние, оказанное соседствующему малороссийскому народу освобождением его от бесчеловечного московского ига; малороссияне, как будто бы, показывали себя уверенными, что их судьба на будущее время была решена по милости Турции: она своим победоносным оружием принудила москаля к миру на подходящих для нее условиях, и, между прочим, обязала москаля признать Малую Россию или Украину обеих сторон Днепра страной, навсегда

свободно и никогда силою оружия не бывшею присоединенною к Московской державе. Затем это посольство должно было просить Блистательную Порту привести окончательно в исполнение этот мирный договор и понудить москаля, отказавшись навсегда от Украины обеих сторон Днепра, передать ее в управление избранного гетмана и его преемников, каких Войско Запорожское после его смерти будет избирать вольными голосами; далее посольство должно было домогаться, чтобы Блистательная Порта приняла на себя посредничество в том, чтобы москали на будущее время ни явно, ни тайно не отваживались заявлять притязание на господство над Украиною после того, как она освободится от рабства навеки. «Москаль, — говорилось в инструкции, — принужденный отречься от Украины навсегда, пусть обязан будет вывести из наших пределов свои военные силы и выпустить на свободу задержанных в прошлую войну и сосланных в Сибирь или другие отдаленные места наших военачальников, чиновных лиц и всякого звания людей украинского происхождения, в числе их и посланцев из Запорожской Сечи, задержанных в Лебедине, и тех запорожских товарищей, которые, бывши приглашены на работы в Петербург за деньги, впоследствии были задержаны, — одни в Севске, другие в Вильне, — а потом отправлены в каторжные работы. Пусть также москаль отпустит на свободу жен и детей генеральных старшин, полковников, сотников и других чиновных людей, которых прошлую зимою москаль, услышавши о намерении Блистательной Порты объявить войну, приказал свезти в Глухов, чтоб утратить украинцев и тем утвердить свою власть в Украине. Уходя из малороссийского края, войско московское должно передать все крепости во власть гетмана и само, отступая, отнюдь не должно причинять ни явных, ни тайных оскорблений украинским жителям, не уводить с собой пленных и никому не наносить никакого ущерба. Сверх того, все орудия, взятые в Сечи и свезенные в Белую Церковь, москаль должен возвратить или, в случае, если это им окажется затруднительным, заменить их другими из украинских крепостей, которые там должны будут остаться по выступлении московских гарнизонов. Вообще же следует домогаться, чтоб вознаграждены были все убытки и потери, понесенные украинскими жителями от московских войск в предшествовавшую войну. Прошлою зимою москаль публиковал в своих и чужих краях манифест, в котором уверял, будто шведский король, побуждая Блистательную Порту к войне против Московского Государства, объявил ей, что польская Речь Посполитая и Украина будут подвластны Турции и станут платить харач. Чтоб удерживать малороссийский народ под своей властью, москаль распространил весть, будто наша греческая церковь будет унижена, церкви наши обратятся в мечети, а народ подвергнется взиманию тяжелых налогов от Оттоманской империи. Для опровержения та-

кой клеветы посольство козацкое будет просить Блистательную Порту утвердить договор, заключенный между гетманом Войска Запорожского и крымским ханом, и издать от себя удостоверительный документ в таком смысле, в каком нам был дан подобный от шведского короля. В этом удостоверительном документе (*assecuratorium*) пусть означится, что Украина обеих сторон Днепра, со всем войском запорожским и со всем малороссийским народом, признается на вечные времена независимую от всякого внешнего господства. Хотя козаки желают пребывать в братстве и в дружественном союзе с Крымскою державою, но никто не имеет права под каким бы то ни было предлогом домогаться вассального господства над Украиною, а тем менее брать с малороссийского народа дань. Никто не может занять оставляемых московским войском крепостей, ни воздвигать других на украинской земле. Гетман Войска Запорожского будет всегда избираться вольными голосами: Блистательная Порта не может его низложить, ни вместо него назначить иного. Гетман по своем избрании будет оказывать Блистательной Порте честь не личным явлением, а письменным извещением о своем избрании. Козаки, живущие в низовьях Днепра, имеют право, по-прежнему обычаю, заниматься рыбными и звериными промыслами по всем рекам, речкам и урочищам вплоть до Очакова, без всяких препятствий со стороны Блистательной Порты, а украинским купцам должно быть предоставлено право торговать во всей Турецкой империи наравне с природными турками без платежа пошлин. Войско Запорожское признало над собою протекторство шведского короля и не желает отступать от этого: но это не будет препятствовать вечной дружественной вязи с Крымским ханством и не послужит к нарушению добрых отношений между Портою и Украиною; напротив, дружественный союз между Портою и Шведским королевством чрез то прочнее может утвердиться, для взаимной обороны от москалей — ближайших соседей с Шведским королевством». Вот что должно было представить Порте козацкое посольство.

Посольство это на некоторое время произвело в Константинополе влияние, нежелательное для интересов российского царя. При содействии крымского хана и французского посла, действовавшего, сообразно политике своего двора, в пользу Карла XII и против царя Петра, турецкий двор осенью 1711 года стал уже склоняться к враждебному отношению к России, а козацкие послы, явившись в Константинополе, подзадоривали турок надеждами на успех в войне с Петром и уверяли их всеми святыми, что вся Украина готова подняться против царской власти.

Вице-канцлер Шафиров, видевший близко ход тогдашних дел, писал из Константинополя, что турок более всего восстанавливают против царя козаки и что нужно беречь Украину, чтоб там не произошло смятения. Собственно сам тогдашний визирь, управляв-

ший политическими делами, обдаренный русским золотом, был на стороне мира с Россией и, при посредстве английского и голландского послов, постановлено было с Россией перемирие, по которому Петр отрекался от правобережной Украины, оставляя за собою только город Киев на правой стороне Днепра. Много, а быть может и более всего, пособило российскому государю то, что он приказал в 1711 г. очистить и сдать туркам Азов и срыть укрепления Таганрога, чего добивались от него турки. Козаки были сильно встревожены этим перемирием, и Орлик в письме к великому визирю представлял, что Киев не может существовать без Украины, а Украина без Киева, что Киев для всего малороссийского народа имеет священное значение, как город, где была впервые принята и утвердилась христианская вера греческого обряда, где основался центр просвещения для малороссийского юношества, — что Киев необходимо оставить при гетмане Войска Запорожского со всею Украиною, иначе москаль, владея Киевом, будет повелевать и Украиною; а из того особенно произойдет вред тогда, когда Московская держава вздумает объявить войну Турции. Орлик представлял, что если отдавать козакам правобережную Украину, освобождая ее от московской власти, то нет основания оставлять в руках москаля левобережную. «От правобережной Украины москаль давно уже отказался, осуждая ее оставаться пустыней, — говорил Орлик в своем письме, — и если нам теперь отдают только эту пустыню, а левобережную, заселенную, оставляют в московской власти, то что же это за освобождение? Не только все мои предшественники со всем Войском Запорожским добивались освободить от московского ига левобережную Украину, более близкую к Московщине, чем правобережная, но и сам гетман Мазепа не в иных видах соединил оружие войска запорожского с оружием войск его величества шведского короля, и вместе с его величеством прибегнул к покровительству Блистательной Порты, как в тех именно, чтоб увидеть независимую всю Украину и преимущественно левобережную, более многолюдную. Что могло этого вождя, уже престарелого, беспотомного, богатствами преисполненного, любовью, милостями и доверием царя московского почтенного, что могло побудить его всем этим пожертвовать, как не желание даровать свободу своему отечеству? Он пренебрег всем, что могло быть ему дорогим на свете, пренебрег и самою жизнью, лишь бы поднять свое отечество и освободить его от московского ярма». Орлик умолял визиря приложить все старание, чтобы Турецкая империя, ради вечной славы своего имени и в видах обеспечения собственной безопасности, содействовала освобождению от московской власти всей Украины обеих сторон Днепра с главным ее городом Киевом.

При турецком дворе опять настало колебание. Визирь, и прежний Болтаджи, и заступивший его место в конце 1711 г. Юсуф-па-

ша, одинаково были против войны с Россиею; был против нее и великий муфтий, истолкователь божественного закона. Но сам тогдашний падишах, султан Ахмет III, напротив, расположен был воевать с царем Петром и в особенности принимал к сердцу козацкое дело.

Толстой извещал царя Петра, что 16 сентября султан в разговоре с своею матерью сказал: «Московский царь не исполняет договора и не выводит войск своих из Польши: видно хочет он войны с нами снова. Надеюсь на Бога, что царь московский нас теперь не проведет! Я с ним не помирюсь, пока не отниму от него всей козацкой земли».

В Москве узнали, что препятствием к прочному утверждению мира с Турциею служат паче всего козацкие интриги, и весною прибегнули к такой мере — вывести из Украины родню тех мазепинцев, которые, живя в турецких владениях, искали опоры у турецкого правительства. Возникло подозрение, что их родственники и свойственники, оставаясь в Украине, ведут с ними тайные сношения. 3 апреля 1712 года, чрез канцлера Головкина последовал царский указ гетману Скоропадскому и находившемуся при нем постоянно царскому резиденту Протасьеву, выслать в Москву на жительство близких родственников важнейших мазепинцев, пребывающих в Турции: сына Ломиковского, брата Максимовичева, мать, жену и братьев Мировича, жену Дмитрия Горленка, жену Бутовича, жен двух братьев Герциков, шурьев Орлика и Семена Забелу, которого жена тогда находилась при Орлике. По сенатскому указу определено жить им безвыездно в Москве, на Посольском дворе, отпускать их дозволено в церковь и в город за покупками; они могли держать при себе собственных челядников и посылать их по своим делам в Украину, но письма, которые будут посылаться с этими челядниками, а равно и письма, которые будут доставляться из Украины к ним в Москву, должны просматриваться, и вообще запрещалось вовсе писать к тем своим родственникам, которые находились в Турции, а в тех письмах, которые писались к лицам, живущим в Украине, дозволялось писать только то, что касалось домашних дел. Надзирать над помещенными в Москве на Посольском дворе малороссиянами поручалось подьячему Федору Рогову: его обязанность состояла в том, что он каждый день должен был посещать их, но денег им ни на корм, ни на подводы отправляемым в Украину челядникам их отнюдь не давать, потому что по великой царской милости им оставлены маестности (которых список был доставлен) и имущества, и они с них могут себя содержать.

Присылка в Москву требуемых туда лиц состоялась 6 сентября того же года. Отправленные туда особы были: старуха Мировичева, мать генерального бунчужного Федора Мировича, который находился при Орлике в звании генерального асаула, а ее дочь была за

Семеном Забелою и с мужем находилась при Орлике; с старухою Мировичевою доставлены были в Москву двое женатых сыновей ее с женами и детьми: первый, Семен, был женат на дочери Ломиковского, второй, Василий, — на дочери киевского полковника Мокиевского; оба тестя Мировичей находились при Орлике. С женатыми братьями Мировичами привезены были их холостые братья: Яков, Дмитрий и Иван Мировичи. Затем были тогда же присланы: брат уже прежде осужденного Максимовича (которого дети жили в то время на Двине), Дмитрия, именем Степан, у которого еще один брат находился при Орлике, Иван Бутович, у которого родной брат находился при Орлике, две Герциковы, жены Григория и Ивана, шурьев Орликовых, Анастасия, урожденная Громыковна, и Агриппина, урожденная Левенцовна.

Из свойственников тех, которые были с Орликом в турецких владениях, не присланы в Москву и оставлены в Украине по особым благоволениям следующие лица: сын Ломиковского, зять миргородского полковника, за которого просил тесть, жена Федора Мировича, сестра черниговского полковника, за которую просил ее брат, и по заступничеству фельдмаршала Шереметева, один из Забел, брат находившегося при Орлике. Оставалась в Украине непосланной в Москву жена лубенского полковника Зеленского, уже прежде присланного и осужденного на ссылку. По донесению, отправленному от гетмана в Приказ, «она была баба старая, больная и зело убога: ни лошадей, ни людей, ни пожитков у ней нет ничего, живет по свойственникам своим».

Присланных в Москву родственников мазепинцев поместили на Посольском дворе, где уже жили прежде лица, доставленные туда из Гетманщины. Из прежних оставались там еще: жена полковника Покотилы и жена канцеляриста Григория; недавно перед тем жила там жена генерального судьи Чуйкевича, но она перешла в какой-то монастырь и подала на царское имя челобитную, извещавшую, что муж ее, сосланный в Сибирь, там постригся, и она «для старости и скорби своей обещалась еще прежде царского о них указу постричься, и ныне живет в монастыре».

Кроме этих лиц, содержащихся по своему прибытии в Москву в здании Посольского двора, жили в Москве в дворах частных лиц, но особому изъятию, малороссияне; такими были: Андрей Горленко, сын Дмитрия — зять миргородского полковника, Михайло Гамалея хорунжий, полковник Кандыба, сотник Жданович и, конечно, еще некоторые другие, о которых нет точных и подробных сведений. Жена Михайла Гамалеи по царской милости, вследствие своей челобитной, получила дозволение жить у своей матери в Сумах.

В начале 1712 года доставлены были в Москву два запорожских атамана, игравшие немаловажную роль в числе мазепинцев: Куценко и Нестулей последний был в Переволочне атаманом в то время,

когда кошевой Гордеенко ездил для свидания с Мазепой и отдания поклона шведскому королю. В сентябре того же 1712 года киевский губернатор, князь Дмитрий Михайлович Голицын, прислал в Москву, в качестве мазепинцев, архимандрита батурина Николаевского монастыря, Гедона Одорского, с ним двух монахов и двух челядников, лохвицкого протопопа Иоанна Рогачевского, чернеца Иоанна Витковского, Мазепину племянницу черницу Марфу, ее служитель ниц: келейницу Магдалину и девку Екатерину. Архимандрит Одорский обвинялся в том, что принимал на хранение в монастыре какие-то вещи от Орлика и, кроме того, составил какую-то духовную, которой содержание не одобрялось правительством.

В чем обвинялись прочие лица — не знаем. Государь указал сослать Одорского и других духовных особ в Соловецкий монастырь, а черниц — в Горицкий женский монастырь на р. Шексне. Тогда же, или вслед за прежними, присланы были челядники Мазепы — Ян Перевеский и Степан Рузанович, челядник Быстрицкого Терновский, краснянский сотник и козак Прилуцкого полка Иван Борисенко. Нам неизветно, за что их привозили в Москву, но известно, что всех их отправили в Сибирь. Тогда же был доставлен в Москву, а оттуда отправлен в Сибирь Григорий Новицкий, бывший при Мазепе компанейским полковником; он с пятнадцатью козаками был сослан в Тобольск и там поверстан в службу. Живучи в Сибири, он оставил после себя замечательное сочинение о Сибири, отличающееся богатством сообщаемых сведений и наблюдательностью автора.

Возникшая у правительства подозрительность относительно верности царю малороссийского края породила доносничество, на которое всегда падки были малороссияне. Самым типичным лицом в этой области деятельности был тогда Данило Забела. Он сделался известен доносничеством еще при Мазепе. В 1600 году он подавал донос на гетмана, но не имел успеха. Царь Петр слишком любил Мазепу и был уверен в его преданности престолу. Данило был предан в распоряжение гетмана, подвергся войсковому суду, приговорен был к смерти, но, по милости гетмана, смертная казнь заменена была для него пожизненным тюремным заключением; когда же Мазепа изменил и царь, милостями, оказанными семейству Кочубея, перед целым светом заявил, что ошибался, считая Мазепу себе верным, и напрасно не доверял тем, которые своими доносами на гетмана предостерегали своего монарха, — Данило вообразил, что теперь пришла пора, когда его доносы будут приниматься с полным доверием, начал писать доносы на самого гетмана Скоропадского, извещая, что он приблизил к себе людей, оказавшихся прежде сторонниками Мазепы. Не видно, чтоб этот донос возымел действие, но замечательно, что резидент царский, живший при гетмане Скоропадском, Федор Протасьев,

также сообщал, что гетман наделил маетностями подозрительных лиц.

Мы не находили решения, чем кончилось дело по этому сообщению Протасьева, подтверждавшему доносы Данилы Забелы.

Характеристичны того же времени доносы гадяцкого протопопа Федора Лисовского и чернеца Мгарского лубенского монастыря Дамаскина. Федор Лисовский, впоследствии по воле царя ставший из священника сотником козацким, доносил на гадяцкого полковника Чарныша, что тот во время царского молебна не велел палить из пушек и назначил у себя в полку полковым асаулом запорожца, бывшего в измене, а городничим какого-то казака, во время шведского нашествия подводившего неприятеля к городу Веприку.

Донос Дамаскина еще характеристичнее: здесь извет на всех вообще малороссийских жителей, преимущественно же Лубенского полка.

Донос мгарского монаха остался без последствий, хотя доносчик не подвергся наказанию за донос, как делалось в прежнее время с доносчиками на Мазепу, когда Мазепа пользовался царским доверием. Действительнее оказались тогда доносы на обозного Лубенского полка и на роменского сотника: их обвиняли в произнесении дерзких ругательных слов о государе. Князь Дмитрий Михайлович Голицын, киевский воевода, приняв во внимание слухи о прежнем послушании этих лиц Мазепе уже после отпадения гетмана от царя, приказал арестовать их и не хотел выпустить их, как ни просил за них гетман Скоропадский.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Письмо вице-канцлера Шафирова из Константинополя. — Попытка Дмитрия Горленка примириться с царем. — Его письма к Скоропадскому. — Письмо Горленка к Орлику, доставшееся в руки Скоропадскому. — Родственники мазепинцев пишут, под угрозами себе смерти, письма к ним в Турцию. — Новое колебание турецкой политики. — Окончательное примирение Турции с Россией. — Переписка Дмитрия Горленка с кн. Голицыным и с гетманом Скоропадским. — Прибытие Дмитрия Горленка и его товарищей в Украину. — Отъезд в Москву. — Челобитная царю от возвратившихся малороссийских эмигрантов. — Их положение в Москве.

Сильнее всех доносов подействовало на правительство письмо вице-канцлера Шафирова, посланное из Константинополя в августе 1712 года. Шафиров извещал, что малороссийские изменники возбуждают турецкий двор против России и они-то есть главная причина, мешающая установлению мира; они живут в турецких владениях оттого, что получают пособия из Украины. Шафиров подавал совет заставить их родственников написать к ним и послать через нарочного письма, в которых побуждать, чтоб они или возвратились на родину, или поселились бы где-нибудь вдали от русских границ и не производили бы смут, угрожая им, что если они так не поступят, то родню их казнят смертью.

Еще прежде чем успели по письму Шафирова сделать распоряжение о высылке в Москву малороссийских семейств с целью принудить их писать письма к своим родным, пребывавшим в турецких владениях, гетман Скоропадский стал получать письма от одного из коноводов кружка мазепинцев, прилуцкого полковника Дмитрия Горленка, который решился на этот шаг после того, как, пробывши всю зиму в Константинополе, ничего не успел, и видел, что мир с Россией заключается и малороссийским изгнанникам мало остается надежды на помощь от Турции. Он воротился в Молдавию и оттуда написал Скоропадскому первое письмо, с просьбою о ходатайстве за него пред

государем. В письме своем Горленко старается выставить себя жертвою обмана и насилия и свое преступление называет невольным прегрешением. Во втором своем письме к Скоропадскому Горленко извещал, что хан крымский хочет послать его в правобережную Украину в полки Чигиринский, Черкасский и Каневский, в край, который турки отдавали для водворения козаков, уступая царю левобережную Украину с Киевом. Горленко указывал, что для него это будет желанным предложением перейти на царскую сторону и обещал при оставлении турецких владений издать универсал к народу, предостерегающий от признания над собою басурманской власти. В случае, если бы не состоялось предположение о посылке его в Украину, он постарается пробраться через Польшу в Украину, заручившись ассекурациею, со стороны царской в своей безопасности. Наконец, если даже царь не дарует ему прощения, он все-таки не будет до конца своей жизни царским врагом, хотя при этом и оговаривался, что, находясь в руках врагов, он против собственного своего желания должен будет исполнять их приказания, как прежде делалось, потому что он не в силах будет избавиться от крайности.

Письма эти писаны были действительно в крайности. Надежда на Турцию все более и более испарялась. В апреле 1712 года заключен был турецким правительством с Россией мир, который отнимал у малороссиян возможность увидеть всю свою Украину освобожденною от московской власти и предоставлял им в будущем приют только в трех правобережных полках, о которых писал Горленко Скоропадскому.

Но апрельский мирный договор не завершил дела. Оно затянулось еще на год и малороссияне опять стали гоняться за призраком освобождения Украины с помощью турок. Опять начали они обивать пороги Дивана и пытаться возбуждать турок против москалей. По этому-то поводу написал Шафиров выше-сказанное письмо, советуя употребить в дело родню эмигрантов. Еще прежде получения в России донесения Шафирова, но, как предполагать можно, уже по получении Горленковых писем, гетману попался в руки документ, из которого Скоропадский мог ясно заключить, что уверения Горленка в преданности царю и готовности служить ему с верностью не заслуживают доверия. Попалось гетману письмо Горленка к Орлику, доставленное неким переволочанским козаком Ковальчуком, которому передал его по секрету Костя Гордеенко, приезжавший из Бендер в Сечу. Скоропадскому это письмо досталось в мае, а было оно писано Горленком Орлику немного ранее письма, посланного Горленком Скоропадскому, которое мы привели выше. Из письма Горленка к Орлику видно, что тогдашний визирь турецкий, склонный к

примирению с Россией, еще манил малороссийских эмигрантов пустыми надеждами, а Горленко, все еще принимая за чистую монету визирские уверения, убеждал Орлика ходатайствовать у крымского хана о содействии к удержанию Киева за козаками. Это делалось за какой-нибудь месяц с небольшим до обращения того же Горленка к Скоропадскому. Понятно, что письма Горленка, посылаемые в Россию, не удостоивались ответа.

Семейства, на которых указывал Шафиров в своих донесениях, уже ранее были привезены в Москву и после сообщения, доставленного Шафировым, подвергнуты были стеснениям и угрозам. Их принудили писать к своим родственникам, находившимся в турецких владениях, что если они не перестанут возбуждать турок против российского царя, то за это их родственников, остающихся под царскою державою, казнят смертью. Бутович и Максимович написали к своим братьям, две женщины, жены братьев Герциков, — к своим мужьям; мать Федора Мировича с оставшимися при ней сыновьями в своем письме к сыну-эмигранту вспоминает о верной службе его родителя, скончавшего жизнь свою в плену у тех врагов, к которым он, сын его, теперь пристал, извещает, что ее взяли под караул и держат с детьми в неволе, после того, как узнали, что он, ее сын, появлялся в польских владениях с Быстрицким и поляком Грудзинским. Мать умоляла его не губить родной матери и своих братьев, но возвратиться к прежней покорности своему государю или, по крайней мере, отдалиться и не вмешиваться в политические дела, наносящие ущерб царю.

О том, что высочайший указ был объявлен всем привезенным в Москву родственникам мазепинцев, скрывавшихся в Турции, сообщено было русскому посольству в Константинополь 20 октября 1712 года, а письма их к родным в Турции подписаны вторым числом декабря того же года. Они были отправлены с курьером по назначению, но не достигли своей цели. С Турцией у России опять возникал разрыв; царское посольство заключено было в Едикул. Опять турки заговорили об оторвании Украины от Московской державы. Опять, казалось, оживали надежды мазепинцев. Но на этот раз обольщение было недолговременно. Колебание турецкой политики под враждебными друг другу влияниями, с одной стороны, послов английского, голландского и русского, с другой — шведского и французского, улеглось не далее как летом 1713 года. Подтверждено было прежде постановленное перемирие с российским царем на двадцать пять лет. Тут малороссияне увидели, что нет им более надежды, — и оставаться в Турции бесполезно. Уже признанный ими протектор Карл XII собирался уходить из султанских владений: турки прогоняли его из своего края. Немногие из мазепинцев готовы были следовать за ним, но другие хватились за попытки примириться с царем и испросить себе от государя прощение. Они

обратились к иерусалимскому патриарху и упрашивали его ходатайствовать за них перед царским посольством. 14 августа 1713 года Шафиров известил царя, что иерусалимский патриарх ходатайствовал за малороссиян, по просьбе бывшего прилуцкого полковника Горленка, писаря Максимовича и булавничего (вероятно, так переделали чин генерального бунчужного) Мировича чтобы подканцлер дал царским именем удостоверение, что они будут приняты в отечестве и оставлены целыми и невредимыми в здоровье и имуществе. Подканцлер, уже имевший от государя наставление, как ему поступать в подобном случае, отвечал патриарху, что если эти виновные царские подданные возвратятся, то не будет никакой напасти их здоровью и жизни, и получат они прощение за все свои прежние вины, но возвращения их прежних маетностей он не может обещать, потому что после их измены большая часть этих маетностей была роздана другим лицам, остававшимся всегда верными царю. Со временем, однако, могут быть пожалованы им кое-какие из отобранных маетностей, если в течение известного времени они покажут свою верность. После того Шафиров, по условию, постановленному с киевским губернатором, послал патриарху тридцать каких-то знаков с цифрами и с словами: «сему изволь верить!». Эти знаки могли малороссияне, возвращаясь в отечество, представить киевскому губернатору и фельдмаршалу Шереметеву — и известил о том царя, которого просил от себя послать приказание этим сановникам принимать малороссиян, являющихся со знаками. Посылая знаки патриарху, подканцлер извещал, что кто явится с этими условными знаками, тот может быть уверен в милостивом приеме, «дабы то ведая все возвратились без сомнения и без опасения кары за свои преступления». Патриарх, получивши знаки, отвечал, что, когда время позовет, он раздаст их знатным особам, «а подлые и так идут».

Царь отвечал на извещение Шафирова, что уже посланы указы кн. Голицыну и фельдмаршалу Шереметеву принимать знатных особ из изменников козаков со знаками от посольства, а простых, когда придут из чужой земли в Украину, принимать и без всяких знаков.

С тех пор до апреля 1714 года мы не встретили сношений с эмигрантами. Весною 1714 года киевский губернатор получил из Ясс письмо от Дмитрия Горленка и Максимовича с приложением секретной информации, где были изложены желания, с которыми эмигранты возвращались. В письме была просьба к киевскому губернатору о ходатайстве перед царем за раскаявшихся и возвращавшихся преступников. Информации мы не нашли при письме Горленка. Шафиров и Толстой, заведовавшие русским посольством в Константинополе, дали всем вообще малороссиянам, остававшимся в турецких владениях, удостоверение (ассекура-

цию) от имени государя, что всем им без изъятия, в каком бы тяжком преступлении кто-нибудь из них ни обвинялся, даруется полная амнистия и обещается не только безопасность жизни, но и свобода от всякой укоризны.

В марте 1714 года толпами приходили в Украину городовые козаки и запорожцы, возвращающиеся из Турции. Одних запорожцев пришло 555. Главные изменники — Горленко с товарищами старшинами — все еще добивались особой царской ассекурации: выданная Шафировым с его подписью казалась им недостаточною.

Прибывавших в отечество изгнанников водворяли в северных пределах Гетманщины, по рубежу с Московским Государством, вблизи Конотопа и Глухова, вероятно, в тех видах, что оттуда труднее будет уйти снова, если бы кому захотелось. Только в конце лета прибыли в Гетманщину Дмитрий Горленко, Максимович, зять Горленка, двое Ломиковских: Илья и Михаил, Максим Самойлович, Антон Антонович. Они явились в Киеве к губернатору, и князь Голицын сообщил им, что по царской воле они должны будут пребывать в Москве; впрочем, дозволялось им остаться некоторое время в Украине для устройства своих домашних дел. Горленко захватил с собою из Турции гетманские клейноты, переданные ему Орликом, и отдал их Скоропадскому. Максимович, состоявший в звании писаря, отдал свою печать. О Горленке мы имеем сведения, что он, по возвращении своем из турецких владений, пробыл в Гетманщине до лета 1715 года, посетил Киево-Печерскую Лавру, где был иеромонахом сын его Пахомий, пожертвовал в пользу обители тысячу золотых на помин души своей после своей смерти и уселся было в Прилуках, всячески оттягивая время своей поездки в Москву, тогда как гетман Скоропадский, по приказанию верховного правительства, торопил его ехать в столицу. В отсутствие Горленка Скоропадский, по царскому соизволению, раздавал бывшие Горленковы маетности разным лицам, не оставляя при этом и себе получить малую толику; поэтому Скоропадскому не мило было встречаться с бывшим изгнанником, и он искренно желал, чтоб и Горленко, и все ему подобные скорее убралась из Гетманщины. Горленко уклонялся от поездки то под предлогом разных домашних дел, то, наконец, по болезни. Он потребовал следовавших ему прежде, по званию прилуцкого полковника, арендных денег с шинков. Скоропадский по этому поводу писал к нему, что сделать этого скоро нельзя, но обещал произвести розыск. Горленко в это время был также занят двумя родственными спорами об имуществе. Первый спор был с сестрою, дочерью матери Горленка, Евфросинии, бывшей прежде первый раз замужем за Раковичем и имевшей дочь от этого брака. Дочь эта по смерти матери

хотела захватить в свои руки все оставшееся после нее имение, устранив от наследства детей своей матери от второго брака с Лазарем Горленком. Другой спор был с племянником Якимом Горленком. Последний претендовал, что по смерти деда, Лазаря Горленка, родитель его не получил следуемой ему наследственной части. Дмитрий Горленко оба эти спора кончил взаимным соглашением. Уже наступила весна 1715 года. Дмитрий Горленко продолжал сидеть в Прилуках, отговариваясь болезнью. Скоропадский посылал к нему гонцов за гонцами, письма за письмами, убеждал ехать скорее в Москву, чтоб иначе не навлечь на себя царского гнева, тем более, что уже прочие товарищи его изгнания, воротившиеся под царскую державу, уже уехали в Москву. Наконец, уже не ранее июня, Горленко двинулся в невольную дорогу вслед за своими товарищами. В Москве объявили от имени государя возвратившимся из изгнания малороссиянам, что все их преступления прощаются, но они должны жить безвыездно в Москве и не ездить более в Украину. Таким образом желанное и так щедро обещанное им царское прощение оказалось на деле призрачным благополучием, особенно, когда у них отобраны были маестности и на возвращение каких-нибудь частиц от них, в виде милости, оставлялась слабая надежда. Воротившись из чужой земли, им пришлось все-таки жить не в своей земле, не посреди своего народа, не на местах, знакомых из детства, а в Московщине, которую в те времена не любили малороссияне, даже такие, которых верность к престолу всегда была безукоризненна. Тем не менее, в сентябре того же 1715 года, Горленко от имени своего и других товарищей подал благодарственную челобитную, составленную в самом униженном тоне и подписанную шестью лицами. Челобитчики называют себя извергами, поношением человеков, прахом и пеплом. Они просили постоянной выдачи определенных им кормовых суточных денег.

Трудно было отказывать им после того, как у них отобрали их маестности. Прежде сосланным в Москву из Украины малороссиянам выдавались суточные в различном размере. В 1712 году присланные в Москву «колодники» Кандыба с товарищами в числе восьми человек подавали челобитную о прокормлении своем «для своей всеконечной нищеты», жаловались, что «они конечно тают от голода и могут с голода помереть вскоре, если не получают что-либо на пропитание». По этой челобитной указано было давать Кандыбе по десяти денег в день, сотникам короновскому Логиненку и корсунскому Ждановичу — по шести денег, а прочим по четыре деньги. Привезенным теперь малороссиянам назначен был различный размер суточных: Горленку и Максимовичу по 10 копеек, прочим по пяти. Впоследствии им прибавляли, так что Горленку в 1729 году

давали по 50 копеек, Максимовичу по 10, прочие оставались при пяти. Горленку счастливилось паче других и просьбы его о прибавке суточных ради «скудости и старости» имели успех. Сын его Андрей прислал ему пособие из Украины, куда был отпущен из Москвы с Кандыбою, Ждановичем, Гамалеею и Степаном Бутовичем тотчас по прибытии из Турции малороссиян и в их числе брата Бутовичева Ивана. Положение других было горькое. Сохранилась слезная челобитная к царю двух жен Герциковых, писанная на третий год после прибытия в Москву. Что положение их всех не поправилось с годами заточения, показывает челобитная от имени всех содержащихся в Москве малороссиян, составленная Горленком по их общему желанию в 1729 году. В ней жаловались они, что живут в крайней нищете и «многими долгами одолжали и никакого ни откуда не имеют вспомогательства на пропитание и одеяние».

Так колония малороссийских эмигрантов, проживавшая в Турции и несколько лет сряду возбуждавшая эту державу к вражде с Россиею, с постоянно проводимую задачею освобождения Украины, рассыпалась совершенно. Горленко с товарищами воротился в Россию. Немногие не пошли за этими господами, но уже не оставались в Турции, убеждаясь, что уже там им нечего делать. Орлик ранее всех пытался сблизиться с Россиею и примириться с царем. С этою целью он посылал к миргородскому полковнику Апостолу письмо вскоре после полтавского сражения и в этом письме проклинал Мазепу. То была, кажется, только проба. Орлик остался главным двигателем замысла восстановить против России Турцию. Но когда Турция заключила с Россиею мир, а шведский король должен был оставить Турцию, Орлик не пристал к тем, которые обратились к царю с просьбою о прощении: Орлик пошел вслед за Карлом XII искать приюта и опоры в Шведском государстве. Вместе с Орликом ушли из Турции за Карлом: Войнаровский, племянник Мазепы, братья Герцики, Нахимовский, Федор Мирович, Клим Довгополенко, бывший дозорца переволоченский Федор Третьяк и, вероятно, еще другие, которых имена не сделались известными. Орлик сам уселся в Христианштадте с женою и детьми. У него их было — один сын Григорий, взрослый, другой, неизвестный нам по имени, моложе Григория, третий Яков, малолетний, родившийся во время пребывания родителя в Бендерах, крестник Карла XII; было у него две дочери: одна уже взрослая, лет за двадцать, другая, рожденная в Бендерах. Пока жив был Карл XII, Орлик на себя и на своих товарищей получал королевскую субсидию в 13.000 шведских талеров в год. Но по кончине Карла XII малороссийские изгнанники перестали получать это пособие, хотя им подтверждали прежние уверения в покровительстве. Орлик из своего убежища заправлял поступками своих товарищей.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Войнаровский. — Его показание и ссылка. — Григорий Герцик. — Его показание и судьба. — Участь прочих малороссиян, содержимых под караулом. — Ссылка в Сибирь семейства Мировичей. — Их освобождение.

Число эмигрантов, упорно не хотевших мириться с царем, редело. Некоторые попались мимо собственной воли в руки царского правосудия.

Такая судьба неожиданно постигла Андрея Войнаровского, племянника по сестре гетмана Мазепы и любимца последнего. Он был арестован в Гамбурге по требованию русского резидента, получившего о том приказ от своего государя. Войнаровский был отправлен в Россию. Его подвергли допросу, но он не объявил ничего важного, тогда как особенно от него надеялись узнать многое: никто не был так близок к Мазепе, как он. По показанию Войнаровского, умысел дяди его возник в 1705 году, когда он был с козацким войском близ Дубна и виделся с княгиней Дольскою, матерью по первому браку князей Вишневецких, сродницею Станислава Лещинского. Она-то уговорила его дядю поступить снова в подданство польского короля, прельщала его милостями от Станислава, обещала ему сама выйти за него замуж. С того времени стал Мазепа вести с нею корреспонденцию, и Станислав к нему писал: одно письмо Станиславово нашел Войнаровский по смерти дяди в шкатулке, показывал его Орлику и другим, но не знает, куда оно делось. Войнаровский отозвался незнанием — кто из генеральных особ знал в самом начале о замыслах его дяди, но сообщал, что за несколько дней до того, как государь проезжал через Киев, следуя в Жолкву, у Мазепы в собрании были полковники, и он, Войнаровский, слышал, как дядя его говорил: «когда б я за вас не стоял, то вас бы уже солдатами сделали!» На то миргородский полковник отвечал: «мы покойного Богдана Хмельницкого благодарим за то, что нас освободил от ляхского ига, а вас будем проклипать, ежели вы за нас стоять не будете и нас погубите!» Более ничего не слышал он ни от дяди,

ни от кого другого, — не был он, Войнаровский, допущен в совет их никогда, и не чаёт, чтоб кроме Орлика, его креатуры, кто о том знал до самого последнего времени, как уже он пересезжал из Коропа за Десну в шведскую армию. Войнаровский уверял, что ему, Войнаровскому, неизвестно: объявлял ли его дядя о своем замысле перейти на шведскую сторону заранее тем полковникам, которые с ним перешли за Десну. Это произошло оттого, что Войнаровский был тогда в отсутствии: дядя из Салтыковой Девицы посылал его с «комплиментами» к князю Меншикову, когда Меншиков, после победы, одержанной над Левенгауптом, маршировал с драгунскими полками в Украину. Дядя поручил ему, Войнаровскому, сообщить князю Меншикову, что видеться с ним не может, потому что сам «гораздо болен». Приехавши к князю Меншикову в Горск, Войнаровский послал к дяде известие, что князь желает с гетманом видеться вскоре. Мазепа того же посланного к нему от Войнаровского опять отправил с письмом к Меншикову и приказывал вручить Войнаровскому для передачи князю письма, а изустно приказал, чтоб Войнаровский поскорее уезжал к шведу, так как он получил верное сведение, что Меншиков едет к гетману с тем намерением, чтоб гетмана взять. Войнаровский, услышавши об этом, был в недоумении, на что решаться: отдавать ли князю письма, или немедленно уходить: он сообразил, что дядя его и прежде, бывало, тревожился, как только услышит, что к нему едет кто-нибудь от царского величества, опасаясь, что его возьмут: и на этот раз Войнаровский, как изыяснял в своем показании, подумал, что дядя его напрасно тревожится, а потому отдал письма Меншикову и, по отдаче писем, послал к дяде человека известить, что Меншиков хочет с ним видеться в воскресенье. Потом, сам не зная что делать, вздумал Войнаровский ехать вслед за тем же посланным к дяде человеком, не простясь с князем. Войнаровский тогда опасался, чтоб кто-нибудь из людей, бывших с ним, узнавши, что он хочет отъезжать, не довел об этом до сведения князя, и князь бы не задержал его безвинно. Войнаровский догнал своего посланного за три мили и вместе с ним доехал до Борзны, а дядя его переехал тогда в этот город. Войнаровский остановился в предместье и послал к дяде о себе известие. У Мазепы готов был обед, но Мазепа, получивши от племянника известие, что Меншиков скоро приедет, не стал обедать и наскоро уехал в Батурин, а Войнаровскому приказал ехать туда же, но стороною, так, чтоб никто его не видал и не заметил: к Меншикову же гетман отправил полковника Анненкова с «экскузациею» за своего племянника, чтоб князь не изволил сомневаться по поводу внезапного его отъезда: племянник испугался чего-то, сам не зная чего, и ушел. Прибывши в Батурин, дядя его пробыл там только одну ночь и на другой день утром, забравши свои пожитки, уехал в Копы, приказавши ехать вслед за собою всем старшинам и ему, Войнаровскому,

но чтоб идти к шведу, тогда не сказывал, да и всю дорогу до Коропа Войнаровский, едучи с дядею, не слышал от него об этом ни слова, а говорил ли дядя о том со старшинами и полковниками — ему, Войнаровскому, неизвестно. На следующий день переправились через Десну. Тут прибыл к гетману Быстрицкий, которого Мазепа посылал к шведскому королю, придавши ему капитана из иноземцев в качестве толмача. Быстрицкий проводил гетмана до шведских аванпостов. Там его приняли с почетом. Оттуда гетман поехал в карете; перед каретою, по бокам ее и позади, следовало четыреста человек шведской кавалерии, а в стороне стояло шведское войско, выстроенное в параде. Таким образом, переночевавши одну ночь на шведских аванпостах, приехал гетман к шведскому королю и король шведский принял «приятно дядю и всех бывших с дядею».

Войнаровский отозвался незнанием: вел ли его дядя с кем корреспонденцию в то время, как находился у шведского короля, с лицами, оставшимися верными царскому величеству, потому что он, Войнаровский, к делам их не был допущен, но знает, что по приходе своем к шведам дядя его неоднократно посылал к Оттоманской Порте и к хану, возбуждая их против царского величества. После Полтавской битвы, когда уже дядя был в Очакове и в Бендерах, имел ли он корреспонденцию с кем-нибудь в Украине, того он не знает, «но чаёт, что не имел, потому что был тогда гораздо болен», да и те, которые при нем тогда находились, отъезжали от него в Яссы. Также Орлик и прочие имели ли с кем в Украине корреспонденцию — того он, Войнаровский, не знает, а слышал только от Орлика, что все они считали опасным писать к своим свойственникам в Украину, чтоб их тем не погубить. По смерти дяди, он, Войнаровский, никакими делами не интересовался и, когда его хотели избрать гетманом, он того чина принять не захотел, от чего откупаясь, дал Орлику триста, а кошевому двести червонных. Был он, Войнаровский, при шведском короле затем, что король шведский по смерти дяди забрал остававшиеся после дяди 240.000 талеров. Войнаровский хотел их от короля получить и отдать их для хранения куда-нибудь в банк, а сам думал просить милости царского величества, и в этих видах не принимал у шведского короля службы. Других денег у него нет. Будучи в Бендерах, он женился на вдове Забелиной, которая теперь живет в Бреславле: при ней нет никакого пожитка. С королем шведским пошли Орлик, Довгополенко, двое Герциков, Мирович и Третьяк. Орлику и иным даны, как он слышал, маестности в Швеции. Сам он, Войнаровский, в Швеции не бывал и, по выезде из Турции, проживал в Вене и Бреславле.

Вместе с допросом Войнаровского, в делах Архива Министерства Иностранных Дел сохранилась на немецком языке челобитная царю Войнаровского в таком смысле: «Я боялся обратиться к царю, страшась его гнева, но когда получил ордер, то добровольно явился

к царскому резиденту Беттигеру и отдался ему. Я никогда не был допущен в совет с гетманом; дядя всегда удалял меня из той комнаты, где сходились с ним его адгеренты; быть может, имея в виду мою юность, он подозревал, что, памятуя царские милости, к ним я не пристану. После кончины дяди я не принял гетманского чина и тем навлек на себя нерасположение шведского короля, после того как гетманское достоинство дано было Орлику. Я не чинил ничего противного царскому величеству и оттого в службу шведскую не вступал. При жизни дяди и после его смерти не мог я добиться от шведского короля возвращения моих 240.000 талеров: от меня отделялись только добрыми словами, а, между тем, это меня удерживало от исполнения моего постоянного желания просить царского милосердия. Много раз имел я мысль повергнуться к стопам царевича, сына царского, но не представлялось удобного случая. Надеюсь, что царь великий государь не станет наказывать меня неповинного за грех моего дяди». Царь указал сослать Войнаровского в отдаленные места Сибири. Он был отправлен в Якутск, где и прожил до старости, одичалый и забытый всеми.

В 1720 году достался в руки российского правительства другой из эмигрантов, ушедших из Турции за шведским королем. То был Григорий Герцик. Один из ревностнейших сторонников Станислава Лещинского, Понятовский, неразлучный сопутник Карла XII в его изгнании, вместе с ним прибывший в Швецию, по смерти Карла XII перебрался в свое польское отечество и взял с собою туда малороссийских эмигрантов Нахимовского и Мировича. За ними вслед поехал туда же Григорий Герцик с поручениями от Орлика, остававшегося тогда еще в Швеции. Царский резидент в Варшаве, князь Григорий Федорович Долгорукий, приказал арестовать Герцика и отправил его в Петербург. Его посадили в Петропавловскую крепость, а 15-го марта 1721 года повезли в коллегия иностранных дел и там, в «публичном апартаменте», перед полковником Вельяминовым-Зерновым и пред ассессорами, Герцик был подвергнут допросу. О начале измены Мазепы этот соумышленник не мог сообщить почти ничего, так как он пристал к Мазепе уже тогда, когда Мазепа находился с шведским королем в Ромнах; о самом себе по отношению к этому времени Герцик сказал только то, что, пребывая с Мазепой и другими соумышленниками в Ромнах, он ради насущных нужд занимался шинковым промыслом, несмотря на то, что свойство его с Орликом (женатым на сестре Герцика) давало право на лучшее место в обществе мазепинцев. После Полтавской битвы Григорий Герцик, вместе с другими своими братьями, Иваном и Афанасием, последовал за Карлом XII и Мазепой в турецкие владения. Там, по поручению Войнаровского, Григорий Герцик отвозил тело умершего гетмана Мазепы в Галац для погребения, потом Орлик посылал его к запорожцам с девятью кесами (кошельками), из

которых в каждом было по 500 левков, всего 4.500 левков; потом Герцик был отправлен вместе с Горленком в числе других в посольство, снаряженное в Константинополь. Вспоминая об этом времени, Герцик в своем показании сообщает интересное известие, показывающее, что между мазепинцами, пребывавшими тогда в турецких владениях, не было взаимного доверия. Отправляя посольство в Константинополь, Орлик составил три инструкции: одну представил он шведскому королю, и в ней старался сколько возможно подделаться к нему; другая составлена была для Турции: там просили Порту оказать протекцию, дать денег и провианта и, сколько помнилось Герцику, посылалось обещание верности Порте. Третья инструкция была секретная; известная только Орлику да Максимовичу, бывшему тогда в звании генерального писаря. Ни Горленко, бывший во главе этого посольства, ни Герцик, пожалованный перед тем от Орлика чином генерального асаула, никак не могли узнать, что заключалось в этой третьей инструкции, а только догадывались, что в ней было что-то такое, что укрывалось и от шведского короля. Но потом Горленко, вместе с Максимовичем, тайлись от Герцика и показывали к нему недоверие: турецкий визирь выдал на содержание козацкого войска восемь «кес» денег, но не вручил их посольству, а отправлял с агою при письме к Орлику. Горленко и Максимович достали себе латинский перевод этого турецкого письма, но не показали его Герцику. Когда шведский король уезжал из Турции, Герцик, вслед за Орликом и другими, перебрался в Швецию. Оттуда-то, уже по кончине Карла XII, Орлик, не без ведома тогдашнего шведского короля, преемника Карлова, послал Герцика в Польшу с намерением, при посредстве благосклонных польских панов, заручиться ходатайством польского короля Августа перед царем о прощении изгнанным малороссиянам или же высмотреть возможность приютиться в Польше. Герцик по этому поводу рассказал в своем показании о такой проделке Орлика: он составил письмо будто бы от запорожцев к нему, призывающее его, Орлика, к себе в войско, поручил Герцику найти в Бреславле какого-то малороссиянина, по имени Костю, служившего когда-то у Войнаровского, дать ему переписать это письмо, запечатать посланною Орликом печатью и препроводить к нему, Орлику, через почту. Орлик надеялся, показавши это письмо в шведской королевской канцелярии, получить из королевской казны денежное пособие и найти лучший способ к своему отправлению из Швеции. Герцик получил от Орлика письма к запорожцам и хану крымскому, но сам не поехал с этими письмами, а с согласия пана Понятовского и с ведома королевского министра Флемминга отправил туда Нахимовского с Орликовыми грамотами. Польский король, как сообщали Герцику паны, был склонен ходатайствовать у царя о прощении Орлику и его товарищам, советовал, однако, самому Орлику прекратить коррес-

понденции с турками, татарами и запорожцами, а написать о ходатайстве перед царем к английскому королю.

Герцик содержался в Петропавловской крепости под строгим караулом до 1724 года, а с этого времени в адмиралтействе под таким же строгим караулом, получая посуточно сперва только по три копейки, а потом по шести копеек на свое прокормление. По кончине царя Петра Первого, уже в 1727 г., Герцик бил челом, чтоб его перевели в Москву и отдали в ведомство коллегии иностранных дел, дабы можно ему было жить в Москве, где находились его жена и дети. Прощение его было исполнено в декабре 1727 же года. В мае 1728 года он жил в Москве с семьею и был отдан под строгий надзор капралу Быкову и солдату Лободину, которые должны были находиться в его помещении неотступно и смотреть, чтоб ни он, ни семья его не съехали из Москвы. Жена его Анастасия Громыковна (т. е. урожденная Громыка), привезенная в Москву с тремя сыновьями, в 1722 году подавала на царское имя челобитную, жалуясь, что князь Алексей Васильевич Долгорукий, приехавши из Петербурга в Москву, нашел в своем доме поступившего туда на службу ее сына Петра, запер его в бане, держал его таким образом шесть недель, подвергая истязаниям, наконец, отправил в Преображенский Приказ к розыску. Молодой Герцик сидел «в бедности» и был помечен в ссылку в Сибирь. О его освобождении и о доставке из Преображенского Приказа в Посольский, ведавший всех малороссиян, била челом его мать. Неизвестно, что после того с ним стало; как равно неизвестно, в чем был он обвинен и за что послан был в Преображенский Приказ. Но в 1728 году, когда Григорий Герцик был водворен в Москве и жил вместе с семьею, в числе лиц, составлявших его семейство, мы встречаем жену его Анастасию Васильевну, четырех детей: Василия, Семена, Павла и Параскевию, но о сыне Петре нет помина. При Григории Герцике значатся двое лиц прислуги.

Еще до перевода своего мужа на жительство в Москву, в 1724 году била челом Анастасия Герцикова о дозволении воротиться на родину, но не получила такой милости.

Вступление на престол государыни Анны Ивановны не означалось никаким знаком милосердия к Герцику. В 1732 г. умерла жена его, а сам он тогда находился в такой нищете, что не мог ее похоронить на свой счет. Оставаясь в Москве вдовцом, Григорий Герцик в 1735 году был освобожден из-под постоянного караула и стал получать по 25 копеек в сутки. Ему предоставили жить на свободе, но в Москве, с обязательством не съезжать в Малороссию.

О другой Герциковой, жене Ивана, не возвратившегося в Россию, в сенатских делах сохранилось сведение, что родитель ее, Левенец, бывший в 1727 году правителем генеральной канцелярии, бил челом о возвращении к нему дочери и не получил желаемого.

Из всех сосланных малороссиян счастливее всех обошлось сравнительно Дмитрию Горленку. Ему легче было переносить лишения, как мы уже указывали, а в 1731 году он получил свободу, «ради своей старости и дряхлости». Ему позволили жить на родине, но запрещено было выбирать его в какую то ни было должность. Ограничение в сущности неважное, так как престарелый и истомленный невзгодами Горленко едва ли уже и был способен к исправлению какой-либо должности. Он окончил дни свои при нежно любимой жене Марье Голубовне и при сыне Андрее и был погребен в Густынском монастыре.

Из фамилии Максимовичей, обвиненных за участие в измене Мазепы, мы знаем, что Дмитрий Петрович Максимович, бывший при Мазепе генеральным асаулом и отдавшийся на волю царя в день Полтавской битвы, был сослан в Архангельск, где находился у дел до 1726 года и умер в 1732 году. Брат его, Иван, воротившийся из Турции разом с Горленком в 1722 г., был сделан справщиком синодальной типографии; по приговору протектора Троицко-Сергиевской лавры, архимандрита Гавриила (впоследствии рязанского архиерея), поручено было ему наблюдать за библиотекою и составлять каталог; Максимович исполнял это поручение удовлетворительно, но в 1726 году, по доносу какого-то лица, был удален от этих занятий в виду того, что был прежде прикосновен к измене Мазепы. По освобождении его товарища Горленка Максимович не был, подобно последнему, отпущен на родину, но оставался в Москве, получая на свое содержание по 25 копеек в сутки. О сыновьях умершего в Архангельске Дмитрия Максимовича, Федоре и Иване, известно, что они оба, находясь на царской службе, хлопотали о возвращении себе отцовских маетностей, розданных разным лицам и доставшихся, между прочим, частью и самому Скоропадскому. Хлопоты их были безуспешны; они не могли обелить память своего родителя, уверяя, что, будучи увлечен обманом в шведский стан, он принимал всякие меры, чтоб уйти оттуда и писал к разным государственным сановникам, сообщая в своих письмах из неприятельского стана известия, полезные для русского войска. На такое заявление Федору и Ивану Максимовичам дан был такой официальный ответ. В коллегии иностранных дел не сохранилось сведений о том, чтоб отец их Дмитрий Максимович из шведского войска к государственному канцлеру и к князю Меншикову и к прочим бывшим тогда министрам писал о благопотребных тогда ведомостях к российской стороне, а может быть что и писал, но во время турецкого похода при реке Пруте бывшие при походной посольской канцелярии все такие письма утрачены.

Более всех из опальных малороссийских семейств того времени представляет интереса богатством и оригинальностью домашней жизни событий семейство Мировичей. Старуха Пелагея

Захарьевна, вдова переяславского полковника Ивана Ивановича, доставлена была, как выше сказано, с детьми и внуками на житье в Москву и принуждена была посылать к сыну Федору, находившемуся за рубежом, увещательное письмо, которое не произвело влияния. Федор Минович хотя вначале и обращался вместе с Горленком к патриарху с просьбою о ходатайстве перед царем, но потом не прибыл в Россию по ассекурации, выданной Горленку с товарищами, а последовал за Карлом XII. Это воспрепятствовало освобождению его матери и братьев из Москвы. Миновичи, удержанные в столице, были размещены по разным дворам под надзор учрежденного над ними караула. Но вот 4 июля 1715 г. в Посольском приказе одна женщина, иноземка, жена занимавшегося парикмахерским ремеслом мастера, заявила, что ее знакомая, жена сосланного малороссиянина Василия Миновича, хочет объявить о каком-то противогосударственном умысле своего мужа.

Доставили указанную особу в Посольский Приказ. Это была дочь бывшего киевского полковника Мокиевского, Анна Константиновна, жившая с мужем дурно. Она доносила, что муж ее, Василий Иванович Минович, собирается убежать за границу и посылал служившего у него шведа Ирика к своему брату Федору сказать ему, чтоб он не ездил в Россию, и что сам Василий с братьями будет искать способов убежать к нему.

Позвали к допросу Василия Миновича. Он отрицал все, что показывала на него жена его, объяснял, что швед Ирик Витман служил у него с год и по его желанию отпущен, потом он приходил в гости к другим иноземцам, состоящим в прислуге у него и у брата его Якова. Швед этот, вероятно, в Москве, так как он его недавно встретил у Чистых прудов. Он, Василий, желал бы, чтоб этого шведа поставили с ним на очную ставку. После этого показания Василий Минович заявил секретарю Павлу Шафирову и Михайлу Ларионову, что он научал этого шведа нарочно сказать жене его и кухарке-иноземке, будто он отправляет его, Ирика, в шведскую землю отдать поклон брату Федору, а это сделал он только затем, чтоб испытать жену — станет ли она объявлять о том или нет. Этим не кончились допрашивания Василия Миновича. Возникли подозрения по поводу сношений его с пленными шведами. Отыскана была, при обыске, произведенном у него, переписка с каким-то лейтенантом, заметили в письме Василия Миновича неясные выражения, возбуждавшие двусмысленные толкования; при письме, кроме того, приложены были записочки на шведском языке, которые для перевода их на русский язык нарочно посылались в Петербург. Тем временем отыскивали шведа Ирика Витмана. По распоряжению адмирала Апраксина, он был взят в городе Або в Финляндии, где определился служить у шведского офицера, надеясь с ним воротиться в отечество. По требованию государственной посольской канцелярии его доставили в Сан-

ктпетербург. Там сняли с него показание: выяснилось, что он служил в шведской армии рейтаром, был взят в плен под Полтавою и отправлен на работы. Прапорщик Миронов отпустил его на свободу, заменив в списке другим пленным шведом. Он находился в услужении сперва у одного шведского офицера, а потом пробыл целый год у Василия Миновича. Живучи у последнего, узнал он, что у него есть брат за границую, и сам Василий Минович говорил, что если б ему не жаль было матери и жены, то ушел бы за границу к брату. Когда же Ирик отходил от Миновича, то последний поручил ему, если увидит брата, передать от него, Василия, чтоб он не возвращался в Россию, а оставался бы в чужом крае, потому что те, которые от шведа воротились, содержатся под караулом.

29 января 1716 года Ирик Витман из государственной посольской канцелярии прислан был в Москву в Посольский Приказ; а 21 февраля того же года поставлен на очную ставку с Василием Миновичем.

Швед уличал Василия Миновича в произнесении желания уйти к брату за границу. Василий Минович запирался. Василия Миновича подвергли пытке, и не один раз, а два раза сряду. Он во всем повинился, но утверждал, что его мать и братья ничего про то не знали. О двусмысленных выражениях, которые находили в его письме к пленному шведскому офицеру, он отзывался, что то писано было только для забавы.

После всех вопросов и пыток Василий Минович был закован в кандалы и отослан в Сибирский Приказ для отправки в дальние сибирские города на работу, а мать его Пелагея Захарьевна с дочерью Мариною, с женатым сыном Семеном и его женою Еленою, с их детьми Григорием и Ульяною, и, кроме того, с холостыми сыновьями Яковом, и Дмитрием, и Иваном последовала в Тобольск и там была водворена на вечное житье. Доносчица, жена Василия, получила свободу и отпущена в Украину, с письмом к гетману Скоропадскому, которому поручено было пристроить ее у ее родственников.

Василий Минович, сосланный неизвестно в какой дальний сибирский город, вступил вторично в брак с сибирячкой дворянкой Марьей Федоровной Фефиловой и умер в 1732 году, оставивши после себя сына от второго брака, Степана, который не ранее как уже в 1747 году получил дозволение жительствоваь во всех местах Российской империи с обязательством не выезжать за границу.

Пелагея Захарьевна Минович пробыла в ссылке в Тобольске двадцать восемь лет. Воцарялись одни за другими на русском престоле: Екатерина I, Петр II, Анна Иоанновна, оказывались разные милости, и никто не вспомнил об этих отверженных малороссиянах; облегчал их судьбу только зять Пелагеи Захарь-

евны, Лизогуб, владевший маестностями Миновичей, порученными ему в досмотр с обязательством содержать тещу и ее семейство в ссылке. Не ранее как по воцарении Елисаветы, да и то не тотчас, блеснула заря освобождения для этого опального семейства. 21 января 1744 года состоялся сенатский указ об освобождении, по силе всемилостивейшего манифеста 15 декабря 1741 года, Пелагеи Захарьевой Миновичевой с сыном Димитрием. Прочих сыновей уже не было на свете. 21 мая 1745 года Пелагея Захарьевна, находясь уже в Москве, подала челобитную, чтоб ее за старостью и дряхлостью отпустить в Малую Россию к свойственникам для пропитания и дать ей из правительствующего сената паспорт. На эту челобитную последовало разрешение. Опальные возвратились на родину, но с принятием мер, чтоб они не сносились с Федором Миновичем и ни с кем из пребывающих за границу, под опасением лишения живота¹.

От старшего сына Миновичевой, Семена, умершего в 1726 году, остался сын Григорий, который воспитывался у бабки; с 1743 года был на службе в Сибири, а в 1743 году отпущен с правом жительствоваь и служить, где пожелает.

Кроме Пелагеи Захарьевны и ее детей и внуков, бывших в ссылке в Сибири, находились в России сыновья пребывавшего за границей мазепинца Федора, Петр и Яков. О них остались нам такие сведения: в 1724 году они, по доносу Данила Забелы (прославившего свое имя целым рядом доносов), были привлечены к полити-

¹ Арх. Юст., сенатск. кн. по Малоросс. экспед., кн. М 137 — 1864, стр. 675 — 676 и № 150 — 1877, стр. 624. — По челобитью малороссийской бывшей полковницы переяславской Пелагеи Миновичевой с сыном ее Дмитрием, которою объявляет, что блаженные и вечно достойные памяти вседражайшего родителя ее императорского величества Петра Первого указом в 1712 году взята она со всем ее домом в Москву, а в 1716 году сослана в ссылку в Сибирь, где через двадцать восемь лет обреталась, и при счастливейшем восшествии на наследный престол ее императорского величества по всемилостивейшим имянным ее императорского величества указам с прочими она из той ссылки освобождена, и просит, чтоб с сыном ее Дмитрием за старостью и дряхлостью ее отпустить в Малую Россию к свойственникам ее для пропитания и для того бы дать ей из правительствующего сената пашпорт. И по справке в Сенате она полковница Миновичева с детми сослана в Сибирь за измену сына, ее Федора Миновича, который ныне в Россию не возвратился. Приказали: вышеписанной бывшей полковнице Миновичевой и сыну ее Дмитрию для проезду их в Глухов дать пашпорт, с которым явиться им в Малой России в министерской канцелярии, а той канцелярии велеть оную вдову Миновичеву и сына ее обязать крепко с подпискою с знатными поруками, чтоб они за границу никуда не отъезжали и никакой бы с вышеупомянутым сыном ее Федором Миновичем или с кем заграничными жители корреспонденции не имели под лишением живота; буде же в том по них знатных порук не будет, то выслать их для житья в Москву немедленно, и что учинено будет, в Правительствующий Сенат репортовать. И о том в генеральную войсковую канцелярию послать указ.

ческому делу черниговского полковника и наказного гетмана Павла Полуботка, их родного дяди по матери. На допросе, которому они были подвергнуты, они показывали, что не знают за их дядею Полуботком злого умысла и противности его императорскому величеству. Указом 4 февраля 1725 года императрица Екатерина I повелела: «Полуботковых племянников, братьев Мировичей, которых отец находится в измене, определить в школы или в академию, в какое дело будут достойны по рассмотрению директоров, а в Малую Россию не отпускать никогда». Далее мы узнаем, что Петр Мирович стал секретарем царевны Елисаветы Петровны, в 1720 году отправился по паспорту в Малороссию и, не явившись обратно в срок, вел тяжбу с своими двоюродными братьями Полуботками об имени, а Яков находился при подстолии Великого Княжества Литовского, Антонии Потоцком, его секретарем. В 1732 году оба брата, Петр и Яков, неизвестно за что и откуда, были отправлены в Сибирь и определены там в службу в звании детей боярских. В 1735 году Петр Федорович был воеводою в Енисейске; находясь в этом звании, он сообщил Миллеру рукописный экземпляр Сибирской летописи, которая в настоящее время издается археографическою комиссией. В 1743 г. оба брата были освобождены с правом поступить в службу, куда пожелают.

Яков Мирович был, по его желанию, назначен воеводою в гор. Кузнецк, Сибирской губернии, а Петр был сперва определен экзекутором при св. синоде, а потом, согласно своему желанию, воеводою в гор. Енисейск. Известие, приведенное нами выше о Сибирской летописи, показывает, что он уже там был прежде и отпросился на знакомое место. Видно, он сжился с сибирским краем, когда сам добровольно пожелал туда воротиться, а не просил о водворении на родине. Сын кузнецкого воеводы, подпоручик Василий Яковлевич, был казнен смертью 15 сентября 1764 года на Петербургской стороне в С. — Петербурге за попытку освободить заточенного в Шлиссельбурге императора Иоанна Антоновича.

Когда уже семейство Мировичей томилось в ссылке, виновник всех его злоключений Федор Мирович не хотел искать царского прощения, и с другими, уже немногочисленными мазепинцами продолжал бесплодные усилия освободить Украину от Российской державы. Мы выше упомянули, что он из Швеции перебрался вместе с Нахимовским в Польшу, вслед за возвратившимся туда сторонником Карла XII, Понятовским. Это произошло в 1710 году. С той поры Федор Мирович нашел себе приют у князей Вишневецких. Он был помещен гостеприимными владельцами в особом, уступленном ему дворе и имел собственную козацкую команду, предоставленную ему в распоряжение. Сыновья его, как уже было показано, пребывали в России. В 1732 году Федор Мирович писал к гетману Данилу Апостолу, что сын его Яков был у отца во время прошед-

шего Гродненского сейма, и сообщал родителю, что гетман вообще милостив к нему и к его брату. Мирович благодарил гетмана за внимание к его детям. Письмо свое он отправил с козаком своей команды и с ним же послал письмо к своему зятю, генеральному обозному Лизогубу, касавшееся его семейного дела. Гетман, получивши эти письма, задержал привезшего их козака и сообщил в коллегия иностранных дел. О том же доносил в коллегия живший при гетмане царский резидент Тургенев. Коллегия, не видя ничего политического в письмах изгнанника, порешила отправить козака назад и приказать ему словесно сказать Мировичу, что с ним, как с изменником, не дозволяется никому из российских подданных вести сношений, а потому пусть он вперед не отправляет в Россию никаких посылок.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Деятельность Орлика за границею. — Его письма к европейским дворам. — Попытки образовать и утвердить военный союз против России. — Орлик в Бреславле. — Посылка в Турцию, к хану крымскому и к запорожцам. — Послание Орлика, возбуждающее запорожцев против России. — Попытка Орлика примириться с царем. — Письмо Орлика к митрополиту Стефану Яворскому. — Орлик в Салониках. — Безкорольеве в Польше по кончине короля Августа II. — Попытки возвести на польский престол Станислава Лещинского. — Орлик у крымского хана. — Неудачные старания выдвинуть украинский вопрос в ряд политических вопросов европейской политики. — Новое послание Орлика к запорожцам. — Ответ запорожцев. — Последки эмиграционных интриг. — Орлик во Франции. — Мирович и Нахимовский в Крыму. — Предположение гетмана Разумовского о мерах против эмигрантов. — Эмиграционное движение испаряется.

Орлик, оставаясь некоторое время в Швеции, продолжал трудиться над своею идеею и успел было убедить шведское правительство приложить старание об образовании военного союза европейских государств вместе с Швециею против России. На самую Швецию, однако, плоха была надежда малороссиянам, так как предварительные условия мира с Россиею беспрестанно составлялись и переделывались, и, между прочим, царь соглашался, чтоб с обеих сторон последовала амнистия, но требовал изъятия из нее малороссийских изменников, ушедших из Турции за шведским войском, и шведы на то уже соглашались. Дела клонились к более или менее близкому заключению мира между воюющими сторонами. Орлик, пытаясь во что бы то ни стало не допустить этого, осенью 1720 года отправился из Швеции в Германию и сначала поместился в Ганновере. Оттуда, от имени шведского правительства и от своего имени, он отправил письма к английскому королю, с предложением военного союза против России. Англия, недавняя еще союзница русского царя, теперь становилась враждебною пол-

итическому могуществу России: успех морского дела в этой державе беспокоил ее. Из Ганновера Орлик в ноябре того же года прибыл в Бреславль и оттуда отправил Федора Нахимовского с письмами к хану крымскому, к силистрийскому сераскиру и к запорожцам; последних утешал он известиями о военном союзе европейских держав против России, с целью доставления независимости Украине.

Но бедный Орлик не понимал еще, как видно, что его дурачили, что во всех дипломатических предположениях, которыми его тешили, не было правды. Не прошло и года, как Орлик на опыте узнал это. Швеция помирилась с Россией окончательно. Тогда Орлик прибегнул к иному рода попытке: он испробовал, нельзя ли помириться с царем, и обратился с письмом к архиепископу рязанскому Стефану Яворскому, хотя всегда верному царю, но истому малороссиянину, страстно любившему свою родину с ее народом.

Письмо это доставлено было чрез посредство голштинского посольства и оставлено без последствий для Орлика, но оно сохранилось в делах Государственного Архива, как драгоценнейший источник для истории мазепинской эпохи. В нем Орлик излагает довольно подробно, как зародилась и как развивалась у гетмана Мазепы мысль изменить царю Петру и перейти на сторону врагов его. Во многих чертах это письмо представляет сходство с показанием Войнаровского, и это придает им обоим достоинство достоверности. Орлик и Войнаровский были люди близко стоявшие к Мазепе и к делам, совершавшимся в Украине в оное время. Но письмо Орлика драгоценнее показания Войнаровского, как по сравнительно большей подробности излагаемых событий, так и потому, что Орлик находился в более независимом положении, когда писал свое письмо, чем Войнаровский, дававший свое показание, находясь под стражею.

Когда по заключении Россией вечного мира со Швецией и Турцией не представлялось долго возможности устраивать против России козни, Орлик ушел во Францию, потом очутился в Турции и поселился в Салониках. Он выжидал времени, когда можно будет снова явиться в политический мир с украинским вопросом. Он таки дождался, что в европейской политике настали осложнения, среди которых возможно было в мутной воде ловить рыбу. Франция, вместе с Испаниею, тесно привязанною к Франции династическими интересами, находилась в открытой войне с Германскою империею. Омрачался политический горизонт и на севере. Умер польский король Август II. Явилась в Польше немалочисленная партия, желавшая возвратить корону Станиславу Лещинскому. Она себе находила опору во Франции.

Французский король был в супружестве с дочерью Станислава Лещинского и стал поддерживать оружием своего тестя. Это поста-

вило Францию во враждебное положение с Россией, которая в Польше поддерживала другого кандидата на польский престол — саксонского князя-избирателя.

Европа разделялась на два враждебные стана: в одном была Франция с Испанией, а к ним по старинным симпатиям примкнуть готовы были Швеция и Турция, в другом — Россия Германская империя, Дания, Голландия, Англия. Польша наполовину была на той, наполовину на другой стороне. Среди таких сложных вопросов удобно казалось воскресить вопрос об отторжении Украины от Московской державы и об образовании из нее отдельного самобытного государства. И вот Орлик, проживавший в Салониках, едет к крымскому хану в его летнюю резиденцию в Каушаны (в Бессарабии) и оттуда посылает в Сечь воззвание, гласившее, что пришло время не пожалеть жизни для освобождения Украины и всего малороссийского народа из-под московского ярма. Он сообщал, что теперь настало самое благоприятное к тому время, какого не скоро придется дожидаться. Французский король, могущественный из всех христианских государей, в соединении с испанским королем и с сардинским, одерживает победы над цесарскими войсками в Италии и на Рейне, и уже цесарское величество не в силах обороняться, а тем более не может подавать помощь союзной с ним Москве, находящейся под угрозой враждебных действий и со стороны Турции. У них есть еще надежда на помощь Англии, Голландии, королей датского и прусского, богопротивные поступки цесаря и Москвы, не расположены помогать им в войне, чтоб не навлечь на себя гнева Божия за пролитие неповинной крови. Орлик извещал запорожцев, что в Польше и в Литве уже все воеводства, земли и поветы поднялись за Станислава, своего избранного короля, и войско польское и литовское поражает повсюду Москву. Уже и Швеция с своей стороны готовится к военным действиям против Московской державы, вступивши в союз с французским и польским королями; Оттоманская Порта держит наготове свои неисчислимыя войска, а хан крымский уже двинул свои орды к польским пределам.

В такое-то удобное время, — укорял запорожцев Орлик, — войско запорожское допустило увлечься коварными обещаниями своих давних заклятых неприятелей.

Далее в своем послании Орлик припоминал запорожцам всякие неприязненные поступки московского правительства против них, достаточно показывающие, что не следует ни в чем доверять такой власти, вспомнил и разорение Сечи в 1709 году, и казни запорожских старшин и товарищей, попавшихся в беду чрез то, что поверили обещаниям царской милости; не забыл помянуть построения крепости в Каменном Затони и самарских городков с лживыми уверениями, будто эти городки строятся только на время войны против татар и турок, с целью хранения боевых и продовольственных за-

пасов для войска, а по окончании войны будут скрыты; вспомнил и о том, как во время шведской войны зазывали на службу не мало низового товарищества, потащили их в Петербург и развели на каторжные работы, от которых они все погибли. Указывал, наконец, Орлик на примере Украины: не послушалась она доброжелательных и правдивых предостережений покойного своего гетмана Мазепы, а поверила более московским уверениям в грамотах, подписанных царскою рукою и читанных по церквам, где, призывая во свидетельство Бога, уверяли Войско Запорожское и весь народ малороссийский, что все люди войсковые и посполитые будут пользоваться такою свободою, в какой пребывали их предки во времена славной памяти гетмана Богдана Хмельницкого. Но по окончании шведской войны московское правительство так сдержало свои клятвы и обещания: упразднило в Украине гетманскую власть и вместо нее учредило коллегию, набравши из своего народа двенадцать мучителей, которые совершали над украинским народом неслыханные мучительства, а когда генеральные особы обратились к царю с жалобою через своих послов, то их всех потащили в Петербург, одних в ссылку заслали, других в тюрьму засадили. Здесь, конечно, в послании Орлика идет речь о наказном гетмане Павле Полуботке и о его товарищах, но Орлик, живучи вдали, не мог знать в точности, как происходили события, — и делал ошибки. Так, в числе пострадавших с Полуботком он считает миргородского полковника Апостола, хотя тут же помянул его недобрим словом, назвавши клятвопреступником за переход от мазепиной стороны на царскую сторону, Орлик не знал того, что этот человек после возвращения от Мазепы к царю находился постоянно в чести и доверии у верховного правительства, а потому и достиг гетманского звания. Далее Орлик в своем послании припомнил и то, как московское правительство посылало десятками тысяч малороссиян на земляные работы и множество их поморило непомерным трудом и дурною пищею, желая, по толкованию Орлика, не только обессилить, но и выгубить все Войско Запорожское. Уверяя в справедливости своих слов, Орлик ссылался на тех из запорожцев, которые были самовидцами всего этого и могут подтвердить все сказанное им. Возможность примирения и дружбы с Московскою державою признавалась Орликом только тогда, когда бы эта держава оставила неприкосновенным гетманский сан в Украине, предоставляя вольному избранию как этот сан, так и прочие чины, не навязывала бы Войску Запорожскому в начальство каких-то москалей, волохов, сербов и перекрестов, не отзывала бы козаков от их служебных обязанностей посылкою их на тяжелые работы, возвратила бы под гетманскую власть города и села, розданные чужеземцам, изъяла бы от постоя своих войск малороссийские города, кроме Киева, Чернигова и Переяслава, не вмешивалась бы отнюдь в права малороссийские, не

учреждала бы своих судов, карающих малороссиян смертною казнию; отнятием имуществ тяжелыми поборами. Запорожцы, вступая под власть Московской державы, всего этого не вытребовали от нее в условиях, следовательно, и не могут ожидать себе ничего хорошего под московскою властью. Притом, в московских владениях и Сечи основать уже негде: край на левой стороне Днепра, в тех местах, где прежде были старые запорожские угодья, Москва уступила в область турецкую и татарскую по реку Орел, а на правой стороне Днепра Москве не принадлежит уже ни одной пяди земли, кроме Киева, Триполья и Василькова; даже и то место, где находилась старая Сечь, отошло от ней навеки. Негде Московской державе приютить запорожцев и уж она наверное не станет заводить войны с турками и татарами, чтобы завоевать земли, лежащие по Днепру, для поселения там запорожцев; напротив, еще будет довольна, когда имя Войска Запорожского исчезнет с берегов Днепра, чего давно уже хотел царь Петр Алексеевич. За невозможностью поселить запорожцев в приднепровских странах, Московская держава переведет их куда-нибудь за Волгу, и тогда уже ни турки, ни татары, ни ляхи не захотят подавать им помощи к освобождению.

Оканчивая свое послание, Орлик счел нужным сообщить запорожцам, что, проживая двенадцать лет в Салониках, он не сидел сиднем без дела, а вел письменные сношения и заручился обещаниями королей: французского, шведского, польского, Оттоманской Порты и крымского хана помогать в деле освобождения Украины.

Красноречие Орлика не подействовало. Запорожцы в письменном ответе ему выставили на вид разные недавние выходки татар: как они угоняли у запорожцев стада овец, табуны лошадей и невозможно было добиться уплаты в татарских судах, вспоминали, как ногаи присвоивали себе степное пространство, которым с незапамятных времен пользовались одни запорожцы для пастбищ; но более всего упрекали татар за ловлю людей русских в ясыр, что препятствовало запорожцам быть заодно с татарами. Они с своей стороны советовали Орлику, по примеру других, просить милости и прощения у государыни, в надежде, что она оставит его при давних угодьях и маетностях.

В таком смысле ответ отправлен был и к крымскому хану Каплан-Гирею с изложением разных несправедливостей от татар.

Хотя возбуждения Орлика не подействовали тогда на запорожцев, мы не имеем данных указать, насколько в Украине в то время была живучею идея независимой Гетманщины, но есть доказательства, что в верхних слоях, как российского правительства, так и дворянского сословия, существовало опасение, что при первой возможности козацкая Украина заявит поползновение освободиться от московского господства. Представители иноземных дворов, бывшие свидетелями эпохи восшествия на престол Анны

Ивановны, в своих депешах сообщали, что такое опасение было одною из главных причин, почему шляхетство не захотело ограничения самодержавия в Российском государстве.

Эти сношения между Орликом и запорожцами происходили в то самое время, когда запорожцы покидали свой приют в Алешках на земле Крымского ханства, где поселились они после разорения их последнего гнезда в русских пределах близ устья Каменки. Теперь они вели переговоры с генералом Вейсбахом о переселении в державу Российского государства. Орлик пытался всеми мерами удержать запорожцев в ханских владениях, надеясь иметь в них постоянное орудие вражды против России.

Надежды Орлика и его партии опять ни в чем не осуществлялись. Запорожцы перешли весною 1734 года в пределы российские, заложили Сечь на реке Подпольной, вблизи прежнего своего пепелища, и послали Орлику письмо, в котором объявляли себя верными подданными русской государыни, и просили уже более не писать к ним.

Не вспыхнуло европейской войны в том виде, в каком желательно было мазепинцам для их видов; не утвердился Станислав Лещинский на польском престоле, не помог ему зять его, французский король, которого малороссияне считали могущественнейшим государем между всеми христианскими государями; не удалось поссорить Швецию с Россиюю. Более надежды, казалось, было на Турцию; и действительно, вскоре началась война, прославившая имя Миниха. Орлик на этот раз хотел сюда связать украинский вопрос и опять попытался в 1730 г. послать в Запорожье послание, в котором представлял, что он принес присягу избавить Украину от мучительства московского; упрекал запорожцев за то, что они отступили от него, избранного вольными голосами гетмана, и отдались под протекцию неприязненной Москвы; выражался, что они тем змею у себя на груди пригрили и отчизну свою и самих себя погубили, что они не жалеют несчастной своей матери Украины, не трогаются воплем матерей, отцов, сестер и братьев своих; извещал, что на немировском конгрессе, куда съезжались уполномоченные воюющих держав рассуждать о мире, русские послы называли запорожцев плутами и ворами, которые, верно не служа ни русским, ни полякам, ни туркам, только производят нарушение мира между соседними державами. Орлик уверял, что у российского правительства есть намерение взять за караул кошевого атамана и с ним всех старшин сечевых, всех же остальных запорожцев оставить на произвол турок и татар: хотят — всех истребят; хотят — всех в неволю заберут. Таким образом окончательная гибель угрожает козачеству.

Эта грамота послана была генерал-фельдмаршалу Миниху, не только не бывши прочитанною, но даже распечатанною.

Воротившись в прежнее отечество, запорожцы на первых порах вели себя самым одобрительным образом. Они деятельно участвовали в войне против турок и помогали Миниху в его славных подвигах.

Орлик с своим малочисленным кружком эмигрантов не мог помешать заключению белградского мира, прекратившего войну России и Австрии с Турцией. Вопрос украинский не выступал тогда на сцену. Тогда уже можно было видеть, что он был вычеркнут из ряда вопросов европейской политики.

Только, так сказать, последушки прежнего проскальзывали еще некоторое время, но то были искорки, не дававшие ни света, ни огня настолько, чтобы для всех быть заметными и жгучими. В 1757 году резидент русской государыни при варшавском дворе проведаль, что в Крыму близко ханской особы проявились два малороссийские эмигранта — Федор Мирович и Нахимовский. Они сообщали бригадире французской службы Орлику, что из Запорожской Сечи приезжало к хану посольство под видом торговых дел с целью изъяснить хану о желании запорожцев перебраться в ханские владения, потому что запорожцы были недовольны постройкою московской крепости на урочище Микитином Роге, поставленной на земле, которую запорожцы издавна уже привыкли считать своею неприкосновенною собственностью. Нахимовский и Мирович говорили с запорожскими посланцами и старались усилить неприязненные чувствования к России. Москаль, — говорили они, — вас, запорожцев, совсем окружил своими крепостями и словно вас под караулом всех держит, а земля, на которой он строит свои крепости, не его земля, а ваша, запорожская, дарованная вам когда-то польскими королями; границы же московской земли доходят только до Севска, а никак не до Ингула и Ингульца.

Тогдашний малороссийский гетман Разумовский получил об этом известие из Петербурга разом с высочайшим рескриптом, повелевавшим иметь осторожность на счет лиц малороссийского происхождения, проживавших в Крыму, в Молдавии и в Польше. По этому поводу Разумовский писал графу Воронцову, что в Малороссии все спокойно, и только каких-то двое или трое бездельников, живущих в Крыму, по давней связи своей с этим краем, «будучи заражены старинными мыслями, по старинному пишут и рассуждают, забыв то, что Украина после того времени, можно сказать, что совсем переродилась, и совсем не то правление, не такие правители, не те, почитай, люди и, следовательно, не те уж и мысли в них пребывают».

В заключение всего гетман находил, что «можно сих плутов оттуда украсть или каким способом истребить», но не ручался за успех, а только изъяснял, что с его стороны в этом деле «старание удобовозможное употреблено будет».

Та́ким образом орган верховной власти в Малороссии готовился прибегнуть к таким мерам против преступников, которые были нравственно преступнее того, что признавалось государственным преступлением. Впрочем, гетман Разумовский не брал на себя совершения такого дела иначе, как только тогда, когда получит разрешение и повеление свыше. «Сие дело, — выражался Разумовский, — как весьма деликатное и требует политического размышления, то я собою отнюдь действовать не дерзаю, ежели мне не повелено будет свыше, а вам, яко другу моему, мое мнение открываю для единственного вашего знания. Я хотел было о сей материи письмо писать к персоне ее императорского величества с представлением моего мнения, только поудержался с тем. Ежели вы рассудите, что сие будет не лишнее, то и тогда можно будет сие сделать. И так, вас прошу при первой оказии дать мне знать, что́ вы о сем думаете; а здесь все жестоко злятся на сих пребывающих в Крыму бездельников, яко рушителей здешнего покоя наведением на сей край подозрения и сумнения о верности той, которую все единодушно к ее императорскому величеству имеют».

На это письмо Воронцов отвечал так:

«...На своеручной вашего сиятельства Рс. чрез сие имею честь донести, что хотя весьма желательно б было, дабы известные два злодея, находящиеся в Крыму, могли каким случаем истреблены или украдены быть, но как сей способ есть весьма ненадежный, к тому ж и может за собою неприятные следствия нанести, я думаю, что лучше б было совсем в презрении оставить, толь более, что никакого опасения от их каверз иметь не можно и они уже престарелые люди и скоро в гроб пойдут».

Впрочем, канцлер Воронцов советовал сделать об этом донесение императрице, но «единственно для показания тем вашего усердия и ревности к службе», уверяя гетмана, что «оное предложение не инако, как весьма приятно здесь принято быть может».

Кроме этого, нам не встречалось более находить признаки деятельности мазепинцев. Не знаем, где и когда окончили дни свои последние поборники идеи независимой Гетманщины. По всему видно, что эта идея, высиженная всею предшествующей историей Гетманщины и в последнее время брошенная в омут политических вопросов, испарилась от собственного бессилия и беспочвенности поприща, на котором ей суждено было развиваться.

СОДЕРЖАНИЕ

Руина	7
Мазепа	409
Мазепинцы	737

Н.И.Костомаров

Руина. *Исторические монографии и исследования*
(Серия «Актуальная история России»).

Редактор П.Ульяшов

Художник В.Бобров

Подписано к печати 6.02.95. Формат 84 x 108 1/32.
Бумага тип. № 2. Гарнитура «Таймс». Печать высокая.
Уч.-изд. л. 54,3. Тираж 15 000. Заказ 785.
Цена договорная.

Фирма «Чарли».
Москва, ул. Пятницкого, дом 20.

Оригинал-макет (диапозитивы)
подготовлен ТОО «Макет».
141700, МО, г. Долгопрудный-1, а/я 31.
Телефон 408-71-63

Отпечатано с готовых диапозитивов.
АООТ «Рыбинский Дом печати».
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Читайте в 1994 - 95 годах
выпущенные издательством "Чарли"
в серии "Актуальная история России" (АИР)
следующие книги сочинений Н. И. Костомарова:

"Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. 1604-1613"

"Богдан Хмельницкий"

"Кудеяр" (том исторической прозы)

"Бунт Стеньки Разина"

"Русские нравы" (в том входит одна из наиболее интересных работ историка "Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа" и другие сочинения)

"Раскол" (в том входят "История раскола у раскольников", а также "Личность царя Ивана Грозного", "Екатерина I", "Самодержавный отрок" и другие сочинения)

"Руина. Мазепа и мазепинцы"

"Казаки" (в том входят работы о казаках, "Повесть об освобождении Москвы от поляков в 1612 году и избрание царя Михаила" и другие сочинения)

"Русская республика" (История Новгорода, Пскова и Вятки)

"Старый спор" ("Последние годы Речи Посполитой")

"Русь крещеная" ("Господство дома Св. Владимира")

"Государи и бунтари" ("Господство дома Романовых от Михаила Федоровича до Петра I")

"Окно в Европу" ("Господство дома Романовых от Петра Великого до Екатерины Великой")

"Черниговка. Роман. Рассказы И. Богучарова. Автобиография."

**По вопросам приобретения и реализации книг и подписки
на собрание сочинений Н.И.Костомарова
обращаться по адресу:**

*113035, Москва, ул.Пятницкая, д.20, стр.3.
Фирма и издательство "Чарли".*

Контактный телефон: 233-08-07.

